Исторія человѣчества.

Томъ первый.

Исторія человѣчества.

Всемірная исторія.

Составители профессора:

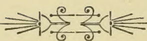
Г. Адлеръ, К. Арендтъ, Т. Ахелисъ, К. Г. Брандисъ, Б. Бретгольцъ, В. Вальтеръ, К. Вейле, † Э. гр. Вильчекъ, Г. Винклеръ, Г. ф. Влислоцкій, Э. Гейкъ, К. Гэблеръ, А. Клейншмидтъ, К. Клейнъ, І. Колеръ, Ф. ф. Лушанъ, Р. Майръ, Р. Маренгольцъ, В. Милковичъ, К. Паули, І. Ранке, Ф. Ратцель, К. Сете, Р. ф. Скала, Ал. Тилле, Ар. Тилле, Г. ф. Цвидинекъ-Зюденхорстъ, Э. Шмидтъ, Г. Шіётъ, Г. Шуртцъ, Ю. Юнгъ и др.

подъ общей редакціей д-ра **Г. Гельмольта.**

Полный переводъ съ значительными дополненіями для Россіи избранныхъ русскихъ ученыхъ.

Дополненія перевода, сдѣланнаго гг. **А. И. Браудо, А. А. Вейнбергомъ, М. Е. Ліономъ, М. В. Чепинскою, П. Е. Щеголевымъ,** взяли на себя прив.-доц. **В. В. Бартольдъ, И. М. Гревсъ,** проф. **Н. И. Карѣевъ, Д. А. Коропчевскій,** академикъ **В. И. Ламанскій, В. К. Мякотинъ,** академикъ **В. В. Радловъ** и др.

Съ 220 отдѣльными приложеніями; изъ нихъ 50 хромолитографій, 40 картъ въ краскахъ и 130 черныхъ картинъ.



С.-Петербургъ.

Книгоиздательское Товарищество „Просвѣщеніе“, 7 рота, 20.

1903.

Исторія человѣчества.

Всемірная исторія.

Первый томъ.

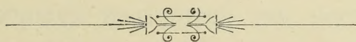
Общее введеніе. — Доисторическій періодъ. — Америка. — Тихій океанъ.

Профессоровъ **К. Вейле, † Э. графа Вильчека, Г. Ф. Гельмольта, К. Гэблера, І. Колера, І. Ранке,** и **Ф. Ратцеля.**

Переводъ д-ра **М. Е. Ліона** подъ редакціей **Д. А. Коропчевскаго.**

Второе изданіе со стереотипа.

Съ 3 картами, 4 цвѣтными и 16 черными таблицами, исполненными **М. Кюнертомъ, Г. Мессершмидтомъ, О. Шульцомъ, К. Энике** и **Ф. Этцольдомъ.**



С.-Петербургъ.

Типографія Товарищества „Просвѣщеніе“, 7 рота, 20.

1903.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 августа 1902 г.

Предисловіе.

Получивъ порученіе составить планъ „всемірной исторіи“, нижеподписавшійся не долго колебался относительно того, въ какомъ духѣ должна быть разрѣшена эта задача, въ виду намѣченныхъ энциклопедическихъ рамокъ новаго труда. Передъ нимъ лежала готовая канва: антропо-географическія воззрѣнія, изложенныя Фридрихомъ Ратцелемъ въ введеніи къ его „Народовѣдѣнію“. Въ отличіе отъ всѣхъ прежнихъ сочиненій этого рода, новой „Всемірной исторіи“ надлежало дать фундаментъ, который не только допускалъ бы, но прямо способствовалъ построенію исторіи всего человѣчества на землѣ. Отсюда и вытекала необходимость воспользоваться точными итогами палеонтологическихъ изслѣдованій, а также развитія т. н. дикарей до степени полукультурныхъ народовъ. Самое тщательное обсужденіе и добросовѣстная провѣрка всѣхъ прочихъ пріемовъ изложенія привели къ группировкѣ на основаніи этно-географическихъ точекъ зрѣнія, какъ возбуждающей наименѣе возраженій.

Какъ скоро расчлененіе по кругамъ народовъ было признано наиболѣе цѣлесообразнымъ, оставалось лишь найти точку отправленія. Исходя изъ практическихъ основаній, мы остановились на Америкѣ, и научныя соображенія подтвердили правильность нашего выбора. Въ своемъ вступленіи къ отдѣлу океанійцевъ, Ратцель говоритъ (русскій переводъ „Народовѣдѣнія“, т. I, стр. 145): „Какіе бы отдѣльные признаки мы ни приводили здѣсь, изъ всѣхъ народовъ одинаковой культурной ступени американцы стоятъ всего ближе къ тѣмъ, которые живутъ къ западу отъ нихъ. Если мы посмотримъ на карту земли съ ея народами въ меркаторской проэкціи, мы увидимъ, что американцы занимаютъ мѣсто на восточномъ крылѣ, въ противоположеніи и наибольшемъ отдаленіи отъ тѣхъ, мѣстообитаніе которыхъ находится на восточномъ краѣ раздѣляющаго пространства Атлантическаго океана. Америка, какъ восточная часть тихоокеанско-американской области странъ съ каменными орудіями, составляетъ въ то же время востокъ обитаемой земли“. Такимъ образомъ, старинное изреченіе „Ex oriente lux“ получаетъ новое содержаніе. Однако, во избѣжаніе неправильнаго толкованія нашихъ словъ, мы считаемъ нужнымъ категорически пояснить, что отнюдь не раздѣляемъ воззрѣнія, будто, на основаніи палеонтологическихъ находокъ, Новый Свѣтъ слѣдуетъ признать

Списокъ приложеній.

Хромолитографіи.

Черныя картины.

Карты въ краскахъ.

Оглавленіе.

I. Понятіе всемірной исторіи.

II. Основныя понятія исторіи развитія человѣчества.

III. Человѣчество, какъ явленіе жизни земли.

IV. Доисторическая жизнь человѣчества.

V. Америка.

VI. Историческое значеніе Тихаго океана.

I. Понятіе всемірной исторіи.

Д-ра **Ганса Ф. Гельмольта.**

1. Предметъ и цѣль всемірной исторіи.

Если я буду говорить о многомъ иначе, чѣмъ мои предшественники, то этимъ я обязанъ только имъ, такъ какъ они открыли доступъ къ изслѣдованію фактовъ.
Николай Коперникъ.

Весьма распространено ошибочное мнѣніе, будто уголокъ міра, который мы способны обнять нашимъ умственнымъ горизонтомъ, составляетъ весь міръ. Для стараго Катона римское владычество было вѣнцомъ всякой исторіи, и китаецъ называетъ свое отечество срединнымъ царствомъ. Нѣмецкій лѣтописецъ XIII вѣка ни словомъ не упоминаетъ о туркахъ, и не далѣе, какъ въ XVII вѣкѣ, едва ли кто изъ образованныхъ западно-европейцевъ признавалъ Россію за равноправнаго члена европейскихъ державъ. Къ счастью, масштабъ міровыхъ отношеній сталъ нынѣ инымъ, несравненно болѣе широкимъ, чѣмъ это считалось возможнымъ еще очень недавно. Настало время подумать о всеобщей міровой исторіи. Всемірная исторія должна быть исторіей развитія всего человѣчества. Сочиненія, которыя до сихъ поръ носили это или аналогичное названіе, не соотвѣтствуютъ указанной цѣли: они относятся къ дѣйствительной всемірной исторіи, какъ жизнеописаніе одного человѣка къ исторіи его времени.

Намъ возразятъ, что фундаментъ еще недостаточно проченъ, что предварительныя работы еще не закончены. Подобное сомнѣніе не должно останавливать насъ. Написать полную, всеисчерпывающую міровую исторію — возвышенный идеалъ, который никогда не будетъ осуществленъ. По мѣрѣ того, какъ изслѣдованія подвигаются впередъ, все чаще открываются неожиданныя перспективы, а за ними загадочный, невѣдомый мракъ. Но для работы, которая претендуетъ лишь на названіе подготовки къ всемірной исторіи, имѣется достаточно матеріала. Творческому уму должна доставлять величайшую радость мысль о томъ, что̀ сдѣлаютъ другіе, идя по его стопамъ. Отдѣльныхъ изслѣдованій накопилось чрезмѣрное множество, но при этомъ настоящая исторія часто страдала. Аттестатъ, который былъ выданъ нѣмецкому пріему исторіографіи ровно 100 лѣтъ тому назадъ Христіаномъ Гарве, заставляетъ задуматься. Онъ отмѣчаетъ въ немъ два главныхъ недостатка ея. „Первый недостатокъ тотъ, что у насъ мало обширныхъ историческихъ сочиненій, обнимающихъ значительный періодъ времени, которыя были бы написаны умными людьми и крупными учеными. Иные, отчаявшись заранѣе въ томъ, что у нихъ достанетъ времени и силъ обработать исторію цѣлаго народа или большихъ періодовъ съ той тщательностью, которая составляетъ первую обязанность историческаго изслѣдователя, умышленно избираютъ себѣ маленькій заброшенный уголокъ исторической литературы и стараются внести въ него свѣтъ и достовѣрность. Другіе, намѣтивъ первоначально планъ законченной обработки цѣлаго отдѣла исторической науки, изнемогаютъ затѣмъ подъ тяжестью все растущаго бремени и останавливаются на половинѣ или, быть можетъ, даже на десятой части своего пути, напоминая горшечника Горація, у котораго предполагавшійся горшокъ на гончарномъ кругѣ выросталъ въ ведро.“ Обоихъ этихъ недостатковъ вы-

текающихъ изъ присущей нѣмцамъ основательности, слѣдуетъ остерегаться. Сознательно привитое самоудовлетвореніе, ограничивая кругозоръ и приковывая къ педантической отдѣлкѣ мелочей, ограничиваетъ желаніе справиться съ угрожающимъ обиліемъ матеріала. И если является смѣльчакъ, который мужественно врывается въ нагроможденную массу матеріала, то его ждетъ высокомѣрный отзывъ критиковъ и приговоръ: это — не историческая работа; въ ученомъ мірѣ исторія человѣчества давно-де осуждена. Современная спеціализація усматриваетъ въ универсальности нѣчто недозволенное.

Не слѣдуетъ, однако, бояться подобныхъ возраженій. Мало по малу прокладываетъ себѣ путь убѣжденіе, что всеобщность — истинная сфера образованнаго труженика, и недалеко то время, когда значеніе всѣхъ наукъ и всѣхъ книгъ будетъ измѣряться болѣе высокимъ масштабомъ. Въ 1893 г. Робертъ Пёльманъ выпустилъ въ свѣтъ исторію древняго коммунизма и соціализма, въ которой онъ порываетъ всякую связь съ устарѣлыми взглядами филологически-антикварнаго направленія. И каждый новый трудъ его свидѣтельствуетъ о побѣдѣ его свободныхъ воззрѣній, его многосторонности. Въ 1895 г. въ Ежегодникахъ (XVI) исторической науки впервые появляется отдѣлъ „Китай“, и учрежденіе нѣмецкой каѳедры синологіи есть лишь вопросъ времени. Съ этой точки зрѣнія, всемірный почтовый союзъ, Бернская конференція для огражденія литературной собственности, Женевская конвенція и международное измѣреніе земли заслуживаютъ особаго вниманія. Міръ не великъ. Уже 100 лѣтъ тому назадъ прозорливый Христіанъ Мейнерсъ, послѣ вступительныхъ соображеній о состояніи земли, сдѣлалъ попытку описать и сравнить между собою распространеніе людей на землѣ, антропологическія различія народовъ, уровень ихъ культуры, воззрѣнія на семью и государство, нравы и духовныя завоеванія, въ особенности у первобытныхъ и полукультурныхъ племенъ. Карлъ Эрнстъ ф. Бэръ точно также убѣжденъ, что изслѣдованіе соціальныхъ и духовныхъ условій нетронутыхъ еще первобытныхъ народовъ откроетъ непредвидѣнныя сокровища. Все это можетъ и должно составлять задачу лишь единой науки, исторіи культуры въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Френсисъ Бэконъ предъявлялъ тѣ же требованія даже въ отношеніи прагматической исторіи литературы.

Всякое болѣе глубокое историческое изслѣдованіе жизни крупныхъ человѣческихъ сообществъ предполагаетъ знакомство съ методами изслѣдованія этнологіи, психологіи и физіологіи. Историкъ съ хорошей философской подготовкой избавленъ отъ скучной необходимости предварительныхъ изслѣдованій того, что̀ заслуживаетъ предпочтенія въ отдѣльномъ случаѣ: экономическая сторона или религія, мораль или разумъ. Если мы желаемъ писать всемірную исторію, мы не должны игнорировать этнологію. Кто суживаетъ понятіе объ исторіи извѣстными народностями, будто бы имѣющими исключительное право на историческую жизнь, тотъ обнаруживаетъ узость взгляда, такъ остроумно характеризуемую Гансомъ Гельдомъ въ слѣдующихъ стихахъ:

„У океана временъ
Сидитъ крошка-человѣкъ
И капли изъ вѣчностей черпаетъ
Своею маленькой рукой.

Сидитъ крошка-человѣкъ
И ловитъ шопотъ молвы.
Онъ заноситъ все въ свою книжечку
И ставитъ на ней надпись: ‚Исторія
міра‘.“

Отдѣлять рѣзко этнологію отъ исторической науки, выключать ее изъ исторіи — напрасный трудъ. Появленіе исторической традиціи отнюдь не есть вѣрный признакъ момента, съ котораго народъ дѣлается „историческимъ“; съ этой точки зрѣнія намъ пришлось бы причислить индусовъ къ членамъ человѣчества, не имѣющимъ исторіи. Таковыхъ вообще не существуетъ. „Въ исторіи“, справедливо говоритъ Эрнестъ Ренанъ, „бываютъ смутные дни, но нѣтъ безплодныхъ.“ Хотя и утверждаютъ, что изъ Африки не вышло въ другія страны ни одного великаго открытія, что она не дала

ни одной высшей формы религіи, но это еще требуетъ доказательствъ. Никто иной, какъ Александръ Гумбольдтъ не могъ примириться съ мыслью, что нѣкоторыя человѣческія племена будто бы менѣе способны къ совершенному развитію, чѣмъ другія.

Культурный европеецъ самодовольно относится къ неграмъ, какъ къ пасынкамъ человѣчества. Правда, есть нѣчто, достойное изумленія въ томъ фактѣ, что въ настоящее время самая маленькая часть свѣта властвуетъ почти надъ цѣлымъ земнымъ шаромъ, и что крошечный островъ въ этой части отвоевалъ себѣ самую обширную долю власти. Карлъ Фридрихъ Бурдахъ имѣлъ поэтому поводъ сказать (Кантъ и Лотце думали точно также): основное ядро человѣческаго рода, изъ корней и вѣтвей котораго развилась культура, достигло вершинъ развитія въ Европѣ, на долю которой выпало вызрѣваніе плода гуманности и распространеніе его сѣмянъ по земному шару. Еще дальше идетъ Карлъ Эрнстъ Бэръ въ своей извѣстной рѣчи 1834 года. Онъ считаетъ вѣнцомъ европейской культуры, затмившей всѣ прочія германцевъ, и въ германскомъ племени отводитъ высшее мѣсто прусской вѣтви. Отсюда должна исходить грядущая всеобщая культура. Не мѣшаетъ, однако, напомнить тевтономанамъ, что значительное число проницательныхъ людей вполнѣ раздѣляетъ надежду поляка Адама Мицкевича на будущность славянства. Мы понимаемъ, но все же считаемъ высокомѣрнымъ восторженное восклицаніе Генриха Трейчке: „Мы можемъ нынѣ съ полною увѣренностью сказать, что массовая аристократія европейскихъ народовъ и ихъ потомковъ со временемъ будетъ управлять почти всѣмъ земнымъ шаромъ.“ За исключеніемъ Китая и Японіи, передней Индіи и мусульманской передней Азіи, нѣтъ будто бы ни одного народа въ цѣломъ мірѣ, который могъ бы устоять долго противъ громаднаго превосходства европейскаго оружія и торговли.

Всѣ эти пророки совершаютъ одну ошибку: они принимаютъ преходящее за вѣчное, частное за общее. Въ сочиненіи о географическомъ распространеніи культурныхъ формъ Альфредъ Фиркандтъ предостерегаетъ отъ переоцѣнки вполнѣ развитой культуры. Правда, эта послѣдняя обладаетъ преимуществомъ высшаго расцвѣта духовныхъ благъ, но исторія учитъ, съ другой стороны, что въ водоворотѣ земныхъ столкновеній духовныя силы тогда лишь способствуютъ побѣдѣ, когда онѣ покоятся на достаточно широкой и прочной экономической основѣ и опираются на достаточно большія массы людей. Поэтому предостереженіе: „Народы Европы, берегите ваши священнѣйшія блага!“ имѣетъ полное основаніе. Безразлично — грозитъ ли опасность съ востока или, согласно „закону“ движенія культуры съ востока на западъ, съ запада, — Европѣ, этой высокой школѣ исторіи человѣчества, грозитъ въ будущемъ судьба запустѣнія, постигшая Азію. При этомъ не слѣдуетъ, конечно, судить европейскую цивилизацію съ точки зрѣнія закоренѣлаго турка, который категорически отвергаетъ ея блага.

Съ другой стороны, есть мыслители, которые видятъ въ стремленіи народовъ создавать и отстаивать національныя государства, овладѣвшемъ Европою съ нѣкотораго времени, шагъ назадъ или переходный моментъ, за которымъ послѣдуетъ сглаживаніе и исчезновеніе различій (тамъ и сямъ оно уже начинается). Гельдъ утверждаетъ, что конецъ увѣнчается установленіемъ гармоніи и уравненіемъ различныхъ видовъ прогресса. Шеффле считаетъ согласованіе и приспособленіе высшею ступенью, признакомъ дѣйствительной цивилизаціи, въ сравненіи съ варварствомъ войны, цѣлью соціальнаго подбора. Національность должна преобразоваться въ международность. Оставалось бы только рѣшить, какой языкъ, русскій или англійскій, имѣетъ больше шансовъ въ будущемъ сдѣлаться міровымъ. Проповѣди о возвратѣ къ первоначальному единству (и безсодержательному однообразію) едва ли обязательны для всѣхъ. Иначе были бы неправы тѣ, для которыхъ содержаніе жизни цивилизованнаго человѣчества заключается именно въ трудѣ и въ борьбѣ, и уничтоженіе всякихъ различій по-

вело бы ко всеобщему вырожденію. До сихъ поръ, впрочемъ, дѣйствительность издѣвается надъ попытками осчастливить всѣ народы и сравнять ихъ другъ съ другомъ. Для набожнаго католика Эрнеста Лазо всякій великій всемірно-историческій прогрессъ связанъ съ борьбою между европейскими народами и идейнымъ міромъ ихъ, съ одной стороны, и азіатскими или африканскими противниками, съ другой. Какъ истый нѣмецъ, онъ вѣритъ въ правоту изреченія мудраго Гераклита, что все исходитъ отъ войны. Какъ ни заманчивы всѣ эти воззрѣнія въ отдѣльности, но они рѣзко противорѣчатъ другъ другу. И которое изъ нихъ вѣрно, пусть каждый судитъ, какъ хочетъ. Историку предстоитъ лишь дать прочныя основы, на которыхъ другіе изслѣдователи могли бы строить дальнѣйшія изысканія.

Мыслители, какъ Полибій и Маккіавелли, показали намъ, что народъ или правящій домъ раньше или позже сходятъ со сцены, какъ скоро имъ заполнена во всѣхъ направленіяхъ отведенная ему рамка. Въ тотъ самый моментъ, когда государство достигло наивысшаго расцвѣта, оно уже близко къ своему истощенію: оно свершило свое назначеніе. Это — круговое движеніе Платона, призракъ котораго заставляетъ трепетать всѣ человѣческія общества (за единственнымъ исключеніемъ католической церкви, если соглашаться съ Маколеемъ и Лазо).

„Народовъ расцвѣтъ, паденье и гибель
Какъ цѣпь яркихъ сновидѣній передъ нами проходитъ“,

можетъ сказать поэтъ поэту. Однако, наука не вправѣ отдаваться фантастическимъ толкованіямъ. Вѣрующій христіанинъ видитъ въ исторіи совсѣмъ иныя вещи, чѣмъ отчаявшійся пессимистъ. Въ 47 г. до Р. Хр. Цезарь произнесъ: „Я пришелъ, увидѣлъ и побѣдилъ“; въ 1547 г. послѣ Р. Хр. Карлъ V сказалъ: „Я пришелъ, я увидѣлъ, Богъ побѣдилъ“. Въ то время, какъ одинъ скорбитъ о томъ, что онъ только потомокъ своихъ предковъ, другой, убѣжденный въ разумности бытія, съ которымъ онъ находится въ нераздѣльномъ взаимнодѣйствіи, подчиняетъ свои мысли этому разуму и сливаетъ рѣшеніе „своей свободной“ воли съ гармоніей цѣлаго. Тѣмъ не менѣе, и тотъ, и другой, исходя изъ односторонняго освѣщенія, считаютъ свою личную мудрость за единственно вѣрную.

Чтобы избѣжать подобной ошибки, нужно отнестись безъ предубѣжденія къ каждой вѣтви человѣчества и не исключать ни одной изъ нихъ на томъ основаній, что она „не имѣетъ исторіи“. Не всегда народъ обязанъ играть блестящую роль на міровомъ театрѣ для того, чтобы возбудить интересъ всеобщаго историка. Если, съ одной стороны, въ жизни человѣчества часто оправдывается поговорка: „много шуму изъ пустяковъ“, то не менѣе часто великія дѣйствія вытекаютъ изъ маленькихъ причинъ. Уже Квинтиліанъ разыскиваніе въ старыхъ книгахъ изреченій любого человѣка считалъ безполезнымъ дѣломъ и Вивесъ, первый историкъ культуры, не желаетъ слышать о войнахъ и битвахъ, которыя, большею частью, сводятся къ грабежамъ, и совершенно разумно требуетъ, чтобы повѣствованіе историка сосредоточивалось на событіяхъ мирнаго времени: на завоеваніяхъ духа, мудрости и жизненнаго опыта, на фактахъ, добытыхъ путемъ анализа, размышленія и изслѣдованія и имѣющихъ всеобщее, не преходящее значеніе. Но эти важные факты не могли произойти изъ ничего; они имѣютъ свои корни. Поэтому въ рамки изложенія должно быть включено все свершившееся, по скольку оно необходимо для пониманія послѣдующаго и составляетъ необходимое звено въ цѣпи событій и состояній. Тамъ, гдѣ поверхностное разсмотрѣніе не улавливаетъ послѣдовательности, связь, тѣмъ не менѣе, существуетъ; нужно лишь угадать и прослѣдить ее. Нѣтъ ни одного народа на землѣ, который не заключалъ бы въ себѣ примѣси, состоялъ только изъ одной расы.

Правда, законъ сохраненія энергіи не удается примѣнить къ этнологическимъ вопросамъ. Уже Вико говоритъ о томъ, что, вопреки ходя-

чему мнѣнію, наша культура въ своей основѣ — не вавилонскаго происхожденія. Культура не передается отъ народа къ народу, какъ неприкосновенный капиталъ, и все то, что нація создала цѣннаго, рѣдко достается безпечному наслѣднику въ нетронутомъ видѣ. „Шакалъ воетъ въ Эфесѣ, гдѣ нѣкогда проповѣдывали Гераклитъ и Павелъ; въ мраморныхъ портикахъ сотенъ азіатскихъ городовъ разросся терновникъ и сидятъ на корточкахъ немногіе жалкіе варвары; пески пустыни кружатся надъ божественнымъ садомъ Кирены.“ Въ этихъ поэтическихъ выраженіяхъ рисуетъ гибель высокой культуры Ульрихъ фонъ Виламовицъ-Меллендорфъ въ своей рѣчи о „мировыхъ періодахъ“. Въ дѣйствительности, однако, можетъ погибать только матеріальное. Духовныя же богатства дряхлѣющихъ народовъ воспринимаютъ въ себя болѣе юныя націи, которыя передаютъ ихъ (въ очищенномъ или измѣненномъ видѣ) позднѣйшимъ народамъ. То, что ты унаслѣдовалъ отъ своихъ отцовъ, усвоивай и владѣй имъ: на этомъ покоится преемственная связь въ міровой исторіи. Добывать старое и усвоивать, — такова прежде всего задача культурной работы массы, такова цѣль жизни существующаго. Рядомъ съ новымъ остается кое-что старое. Человѣчество растетъ численно и, быть можетъ, также въ отношеніи содержанія своихъ учрежденій и формъ. Такимъ образомъ, все существующее обогащается изъ себя и чрезъ себя. Въ этомъ смыслѣ Вильгельмъ Гумбольдтъ говоритъ о творчествѣ духовной силы человѣка все въ новыхъ и часто болѣе высокихъ формахъ о различныхъ видахъ и степеняхъ проявленія этой силы, о причинѣ связи явленій въ человѣческомъ родѣ, о работѣ, по истинѣ созидательной въ невидимомъ ходѣ развитія человѣчества.

Такимъ образомъ, связь въ явленіяхъ всемірной исторіи можетъ быть постигнута лишь путемъ изученія развитія всѣхъ народовъ. Какъ бы ни было богато содержаніемъ историческое прошлое какого-либо племени, развитіе его не служитъ еще прототипомъ для совокупности народовъ. Только тотъ оцѣниваетъ ходъ вещей надлежащимъ масштабомъ, „кто представляетъ себѣ возвышенный образъ нашей матери-природы во всемъ ея величіи“ (Монтень). Этимъ онъ пріобщается также къ цѣли, составляющей, по мнѣнію Макса Мюллера, высшее благо человѣка на землѣ: „изучать человѣка, познавать его и научаться любить со всѣми его слабостями и глупостями“.

Съ его слабостями и глупостями... Этимъ заранѣе исключается всякое телеологическое толкованіе. Неразумно втискивать міровую исторію въ одну какую нибудь философскую систему. Между тѣмъ такимъ неразумнымъ насиліемъ слѣдуетъ признать стремленіе выводить изъ хода исторіи общіе законы и затѣмъ обратно прилагать ихъ къ ней. Философія исторіи и отысканіе законовъ развитія — два различныхъ пути умственной работы. Но въ концѣ концовъ всякая философія исторіи, безъ сомнѣнія, сводится къ открытію закономѣрности въ обильномъ историческомъ матеріалѣ. Не дѣло историка писать философію исторіи (по опредѣленію Пауля Барта — соціологію), такъ какъ философія, построенная на логическихъ выводахъ, что̀ признавалъ еще Томасъ Гоббсъ, не имѣетъ ничего общаго съ исторіей, построенной на опытѣ. 23-лѣтній Георгъ Вайцъ ставитъ въ своей докторской диссертаціи, какъ девятое и послѣднее положеніе: „Такъ называемая философія исторіи есть не что иное, какъ сама исторія.“ Допуская, что философія исторіи составляетъ необходимое условіе и вѣнецъ всякаго высшаго образованія, мы все же должны согласиться, что раскрытіе плана природы не входитъ въ задачу историка.

Всякая философія исторіи является продуктомъ прошлаго, и при томъ, обыкновенно, ближайшаго прошлаго. Вотъ почему всякая новѣйшая философія исторіи нѣсколько отличается отъ своей предшественницы, хотя почти каждая изъ нихъ выступаетъ со своими притязательными догматами. Если бы философія исторіи, дѣйствительно, обладала тѣми полномочіями,

которыя она себѣ присваиваетъ, то необходимо должна была бы образоваться общеобязательная система для объясненія міра, какъ цѣлаго. Въ ней воплощалась бы истина, такъ какъ истина можетъ быть только одна. Гумбольдтъ ясно и красиво формулировалъ, какъ цѣль исторіи, осуществленіе идеи, которую должно выражать человѣчество; но что это за идея и какъ она осуществляется, объ этомъ онъ умалчиваетъ. А между тѣмъ здѣсь то и кроется главная трудность, такъ какъ каждый отвѣчаетъ на эти вопросы съ личной точки зрѣнія. Философія исторіи своимъ субъективизмомъ нарушаетъ и затемняетъ объективное воззрѣніе, истинную науку о ходѣ всего совершающагося. Нужно удовлетвориться познаніемъ того, что называется причинною связью исторіи; все, что лежитъ за предѣлами этого, покоится на шаткомъ основаніи.

Вскорѣ послѣ взятія Экбатаны Александромъ Великимъ, аѳинскій философъ Деметрій Фалерискій писалъ: „Если бы 50 лѣтъ назадъ богъ предсказалъ персамъ и персидскому царю или македонянамъ и македонскому царю будущее, то едва ли они повѣрили бы, что отъ персовъ, которымъ была подвластна почти вся земля, сохранится одно лишь названіе, и что македоняне, раньше едва извѣстные по имени, пріобрѣтутъ господство надъ міромъ. Поистинѣ, судьба не постоянна; она направляетъ все вопреки нашимъ ожиданіямъ и обнаруживаетъ свою власть въ самыхъ удивительныхъ стеченіяхъ обстоятельствъ. Теперь она ставитъ македонянъ въ высокое положеніе персовъ, какъ будто желаетъ показать, что предоставила первымъ пользованіе всѣми благами лишь до тѣхъ поръ, пока это ей заблагоразсудится.“ (Нѣмецкій переводъ Юлія Белоха.) И когда Цезарь увидѣлъ на Рейнѣ нашихъ предковъ, то едва ли онъ считалъ возможнымъ, что черезъ нѣсколько вѣковъ потомки ихъ положатъ конецъ римскому владычеству или (возможно и такое воззрѣніе) вдохнутъ въ него новое содержаніе. Тацитъ былъ болѣе способенъ къ предчувствію въ этомъ направленіи. Гастонъ Буассье говоритъ: „чтобы знать, что станется съ народомъ, нужно прежде всего изучить его прошлое; этому научаетъ насъ исторія“. Развитіе не представляетъ собою непрерывнаго движенія впередъ, и къ нему отнюдь не примѣнимо выраженіе „прогрессъ“, которое заключаетъ въ себѣ нѣсколько телеологическую закваску.

Историкъ не можетъ удовлетвориться, какъ конечною цѣлью всего совершающагося, ни „Provvedenza“ Вико, ни „идеей Бога“ Лиліенфельда, ни „нравственнымъ совершенствованіемъ“ Бэра, „гуманитарной идеей“ Гердера, Кольба или Н. Сыркина, ни „міровымъ государствомъ“ Блюнчли, обнимающимъ видимое человѣчество, или „миромъ народовъ“ Людвига Штейна, ни „соціальнымъ культурнымъ государствомъ“ или „нравственнымъ міровымъ порядкомъ“ Іог. Унольда, достижимымъ при помощи наибольшаго напряженія энергіи наибольшаго числа людей. И это — не взирая на благородную мысль, заключенную въ каждомъ изъ перечисленныхъ историческихъ воззрѣній на проявленіе Божества. Леопольдъ ф. Ранке расчленяетъ прогрессъ на идеальный и матеріальный; первый, кристаллизуясь въ опредѣленныя великія духовныя стремленія, идетъ своими собственными путями, порою исключаетъ даже ростъ матеріальнаго прогресса, выражаемаго техникою, и, во всякомъ случаѣ, остановился въ нравственномъ отношеніи со времени зарожденія христіанства. Съ другой стороны, Карлъ Эрнстъ ф. Бэръ твердо держится того мнѣнія, что прогрессъ, составляющій цѣль исторіи, въ свою очередь, имѣетъ лишь цѣлью до безконечности усовершенствовать совокупный человѣческій родъ во всѣхъ областяхъ, какъ въ умственномъ, такъ еще болѣе въ нравственномъ отношеніи, что можетъ продолжаться до безконечности. Все это, однако, не болѣе какъ личныя убѣжденія, символъ вѣры болѣе или менѣе ограниченнаго кружка. Отъ догматовъ нельзя, конечно, отрѣшиться, но нѣтъ необходимости къ десяти символамъ вѣры прибавлять одиннадцатый.

Познаніе, основанное на опытѣ, болѣе цѣнно, чѣмъ всякое умозрѣніе. Правда, Пауль Лиліенфельдъ думаетъ, что нашелъ въ своихъ „Мысляхъ о соціальной наукѣ будущаго" путь къ историческому закону развитія человѣчества; тѣмъ не менѣе, онъ самъ вынужденъ признаться, что міровая исторія лишена послѣдовательности. Ульрихъ ф. Виламовицъ усматриваетъ въ исторіи Греціи круговое движеніе и думаетъ, что этотъ замкнутый кругъ является какъ бы прототипомъ для всемірной исторіи, которая слагается изъ ограниченнаго числа подобныхъ кругооборотовъ. Платонъ и Вико, который пускаетъ часы до конца и снова заводитъ ихъ, держались нѣкогда того же взгляда; но слѣдуетъ ли отсюда, что онъ заслуживаетъ предпочтенія предъ другими? Наоборотъ, если признавать вмѣстѣ съ Карломъ Фридрихомъ Бурдахомъ всѣ колебанія и уклоненія въ развитіи несущественными, если вмѣстѣ съ Карломъ Эрнестомъ Бэромъ или Гердеромъ (въ послѣдней части его „Идей") даже въ религіозной нетерпимости и преслѣдованіяхъ, въ рабствѣ и всякихъ иныхъ ужасахъ видѣть лишь благой конецъ или, подобно Эрнесту Лазо, признавать въ войнѣ нѣчто божественное, то, конечно, мы придемъ къ убѣжденію въ несомнѣнности постояннаго прогресса. Въ этомъ отношеніи и Жанъ Боденъ живо напоминаетъ улыбающійся оптимизмъ Лейбница. Духовными противниками этого жизнерадостнаго философа являются пессимисты, Бэйли и Шопенгауэры. Находились серьезные люди, которые называли поверхностнымъ мнѣніе другихъ, будто новѣйшая цивилизація, благодаря открытію книгопечатанія и паровой машины, сблизила людей между собою и одержала побѣду надъ цивилизацiей древняго міра. Здѣсь, впрочемъ, слышится уже нѣчто, чему не должно быть мѣста въ историческихъ изслѣдованіяхъ: вопросъ о томъ, насколько увеличивается счастье въ связи съ движеніемъ прогресса. Понятіе о счастьѣ не имѣетъ ничего общаго съ историческими изысканіями.

Ранке, въ своемъ вступленіи къ исторіи Валленштейна, намекаетъ на то, что каждый человѣкъ является какъ бы выраженіемъ общей тенденціи, существующей и внѣ его. Эта мысль, которая повторяется почти во всѣхъ позднѣйшихъ произведеніяхъ великаго нѣмецкаго историка и извѣстна вообще подъ именемъ ученія Ранке объ идеяхъ, чувствуется также въ „Духѣ времени" Лазо, — непроизвольной, объективной духовной силѣ, властвующей надъ всѣми современниками. Вильгельмъ Вундтъ воспользовался имъ съ философскою цѣлью. Согласно его ученію, единственная научная задача всемірной исторіи заключается въ раскрытіи духовныхъ силъ, управляющихъ историческими событіями. Частная исторія должна давать данныя для исторической критики и для выводовъ, тогда какъ на долю всемірной исторіи выпадаетъ исключительно философская обработка цѣлаго. Примѣромъ подобнаго рода обработки можетъ служить попытка Ранке привести въ тѣсную связь исторію культурныхъ народовъ древняго востока съ точки зрѣнія управлявшихъ ими религіозныхъ идей. Къ сожалѣнію, самъ Вундтъ сознается, что трудности при изложеніи всемірной исторіи должны возрастать съ каждымъ послѣдующимъ вѣкомъ. Этого, однако, мало. Задача, какъ представляетъ ее себѣ философъ, прямо невыполнима. Генри Томасъ Бокль испыталъ на самомъ себѣ трагическую несостоятельность подобнаго плана работы и говоритъ объ этомъ въ слѣдующихъ прочувствованныхъ выраженіяхъ: „И сколько бы онъ ни трудился, пройдутъ утро и полдень его жизни, дни его склонятся къ закату, и самъ онъ долженъ будетъ покинуть сцену, не окончивъ работы." Никто не въ состояніи одолѣть исторію во всей ея цѣлости; она не поддается мощи одного завоевателя. Карлъ Лампрехтъ справедливо говоритъ въ своей полемической брошюрѣ о старыхъ и новыхъ направленіяхъ въ исторической наукѣ: „Не должно упускать изъ виду, что эти воззрѣнія (ученіе Ранке объ идеяхъ) прежде всего исходятъ изъ точки зрѣнія личнаго вѣрованія, и что научное изслѣдованіе отходитъ въ нихъ на второй планъ."

Всемірная исторія, чтобы быть научною, должна оставаться нейтральною.

Въ ней читателю предоставляется сырой матеріалъ, обнимающій всю землю, и онъ уже самъ долженъ, путемъ умственной работы, создать себѣ отсюда личныя вѣрованія. Не каждый приходитъ къ такому непоколебимому убѣжденію, какъ Карлъ Эрнстъ Бэръ, который видѣлъ идею творенія въ совершенствованіи человѣческаго рода. Дѣло не въ талантливости очерка, въ видѣ писемъ виконта Болингброка, а въ созданіи прочной основы. Тонкія разсужденія о цѣляхъ всего совершающагося не могутъ быть названы исторической работой. Ни изслѣдованіе, ни знаніе, хотя бы имъ была посвящена цѣлая человѣческая жизнь, никогда не приблизятъ насъ къ конечнымъ причинамъ. Поэтому Карлъ Эрнстъ Бэръ, котораго мы уже столько разъ упоминали, справедливо говоритъ о своемъ антропологическомъ символѣ вѣры. Въ своемъ пантеистическомъ рокѣ, опредѣляющемъ ходъ исторіи, онъ усматриваетъ какъ бы подобіе идеи Ранке. Въ его глазахъ нѣтъ „ничего интереснѣе, въ качествѣ матеріала для изслѣдованія, тѣхъ возвышенныхъ силъ, которыя увлекаютъ человѣческій родъ на путь развитія“. И кто призналъ необходимость прогресса отъ низшихъ проявленій культуры къ высшимъ, кто убѣдился, что культура развертывается тѣмъ шире, чѣмъ больше изрѣзанъ материкъ и чѣмъ онъ, слѣдовательно, доступнѣе вліяніямъ моря, чѣмъ умѣреннѣе климатъ и чѣмъ тѣснѣе объединены народы общими культурными формами, тотъ, безъ сомнѣнія, охватилъ своею мыслью ходъ исторіи. Но все-таки въ заключительномъ выводѣ принимаетъ не малую долю участія субъективное воззрѣніе.

Вильгельмъ Рошеръ, сходясь въ этомъ съ Боклемъ, выводитъ изъ естественныхъ основъ разнообразно мѣняющейся исторіи прогрессъ умственнаго развитія. Точно также Отто Гильдемейстеръ находитъ, что уровень общественнаго мнѣнія въ нравственныхъ вопросахъ повысился. Пауль Лиліенфельдъ признаетъ въ ходѣ человѣческой исторіи „потенцированіе силъ, высшее дифференцированіе и интегрированіе соціальной нервной системы и соціальнаго межклѣточнаго вещества“. Съ другой стороны, въ національно-экономической программѣ Фердинанда Лассаля, заключающей въ себѣ его взгляды на философію исторіи, мы встрѣчаемъ мысль, что прогрессъ означаетъ фактическое развитіе и расширеніе понятія о человѣческой свободѣ. Онъ видитъ красную нить всемірной исторіи въ томъ явленіи, что сфера частной собственности все болѣе ограничивается, между тѣмъ, какъ область внѣ частной собственности становится все обширнѣе. Безъ сомнѣнія, мысль эта остроумна и, быть можетъ, даже вѣрна съ точки зрѣнія историка права, но все же она одностороння. Согласиться съ этимъ способомъ разсужденія столь же невозможно, какъ, напр., съ сравненіемъ Зомбарта, который видитъ во всемірной исторіи лишь борьбу за участіе въ пищѣ и за мѣсто у корма. Конечно, споры и войны играютъ видную роль въ міровой исторіи, но отнюдь не исключительную. Отрицать это было бы насиліемъ надъ дѣйствительностью.

Попытка познать явленія, исходя изъ опредѣленной точки, напоминаетъ удачныя строфы гегеліанца Фридриха Теодора Фишера:

„Провидѣніе, по дѣламъ Твоимъ
Мы знаемъ, что Ты существуешь.
Часто, правда, Твое существованіе неясно,
Но въ этомъ случаѣ оно очевидно.“

Въ большинствѣ случаевъ дальнѣйшее изслѣдованіе приноситъ съ собою непріятное разочарованіе, что исходная точка совсѣмъ не имѣла приписаннаго ей значенія. 24 марта 1877 г. Дюбуа-Реймонъ произнесъ въ Кёльнѣ рѣчь на тему исторіи культуры и естествознанія и отстаивалъ въ ней положеніе, что исторія человѣчества въ сущности заключается въ исторіи естественныхъ наукъ. Истинной исторіей человѣческаго рода, по его мнѣнію, будетъ та, которая „на ряду со всевозможными случайностями, бѣдствіями и заблужденіями, рисуетъ намъ постепенное поднятіе его изъ

полудикаго состоянія, его успѣхи въ искусствахъ и наукахъ, возрастающее господство его надъ природою, съ каждымъ днемъ увеличивающееся благосостояніе, освобожденіе изъ оковъ суевѣрія, словомъ, постоянное приближеніе его къ цѣлямъ, которыя дѣлаютъ человѣка человѣкомъ". Это очень напоминаетъ приведенныя нами выше (стр. 6) требованія Вивеса. Нѣчто аналогичное мы читаемъ въ „Основахъ философіи техники" Каппа: вся исторія человѣчества, при точномъ анализѣ, сводится, въ концѣ концовъ, къ исторіи открытія болѣе усовершенствованныхъ орудій производства. Къ сожалѣнію, еще болѣе точный анализъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что такое соблазнительно простое рѣшеніе вопроса не выдерживаетъ критики, такъ какъ въ основѣ его лежитъ одностороннее изученіе уголка современной жизни: оно принимаетъ въ соображеніе лишь гигантскіе успѣхи техники въ XIX вѣкѣ. Каппъ раздѣляетъ, повидимому, мысль Паскаля, Шопенгауэра, Ранке и нѣкоторыхъ другихъ, что, въ смыслѣ внутренней красоты, нельзя идти дальше Софоклова творчества, и что одна лишь матеріальная культура, т. е. міръ въ его внѣшнемъ проявленіи, въ его формахъ существованія и приспособленіяхъ, вспомогательныхъ средствахъ и орудіяхъ, становится богаче и разнообразнѣе. Въ отношеніи же мудрости, доброты или внутренняго счастья человѣчество будто бы не дѣлаетъ успѣховъ. Подобнымъ, чисто личнымъ ощущеніямъ, выраженіямъ чувствъ не должно быть мѣста во „всемірной исторіи".

Не существуетъ, конечно, совершенно объективнаго изложенія исторіи. Объективность въ дѣйствительности сводится лишь къ стремленію подавить субъективныя предубѣжденія во имя безпристрастія, мелькающаго впереди, какъ идеалъ. Безъ сомнѣнія, не приведетъ къ цѣли тотъ путь, гдѣ на каждомъ шагу и намѣренно выдвигается личное воззрѣніе, и нельзя согласиться съ требованіемъ Вундта, хотя оно и соотвѣтствуетъ стремленіямъ нашего чувства. Этимъ заранѣе устраняются опасности, которыми чревата философія исторіи какого-нибудь Шеллинга или Бунзена. И Гердеръ, какъ ни открещивался онъ отъ „сокровенныхъ замысловъ высшей Силы" и „тайнаго плана Провидѣнія" въ исторіи, не могъ ускользнуть отъ ловушки философски-неисторическаго воззрѣнія. Искушеніе распутать нити слишкомъ заманчиво. Для кого, какъ для Эдуарда Мейера, исторія („въ тѣсномъ смыслѣ") означаетъ борьбу личности за свободу противъ традиціи и объединенія, кто, подобно Канту или лорду Актону, понимаетъ подъ всемірной исторіей развитіе понятія о свободѣ, или вмѣстѣ съ Александромъ фонъ-Гумбольдтомъ ставитъ цѣлью человѣчества свободное развитіе внутренней силы, тотъ вноситъ въ исторію философскія мысли, имѣетъ предвзятыя мнѣнія о ней, подпадаетъ подъ власть телеологіи. Братъ Александра Гумбольдта Вильгельмъ еще 80 лѣтъ тому назадъ сказалъ, что телеологическое воззрѣніе въ исторіи никогда не достигаетъ живой правдивости міровыхъ событій. „Цѣлей, какъ ихъ называютъ, не существуетъ. Судьбы человѣческаго рода катятся впередъ подобно тому, какъ рѣки стремятся съ горъ къ морю, какъ поле роститъ травы, какъ насѣкомыя окукляются и превращаются въ бабочекъ, какъ народы тѣснятъ и вытѣсняются, уничтожаются, стираются... Въ міровой исторіи должно познавать не планы Существа, чуждаго, мало доступнаго чувствамъ и еще менѣе постигнутаго разумомъ, планы, обнимающіе лишь нѣсколько тысячелѣтій, но силу природы и человѣчества." Природа и человѣкъ — вотъ факторы, творящіе исторію. Дружной работой и взаимнодѣйствіемъ ихъ дѣлается то, что сдѣлано.

Какъ сдѣлалось все? На эту удочку попадаются пишущіе исторію. Отвѣчать на заманчивый вопросъ, къ чему все это произошло, задача не историка-лѣтописца, а философа исторіи, эссеиста, художника. Правда, боязнь телеологіи, какъ признакъ слабости, похвалы не заслуживаетъ. Несомнѣнно, однако, есть свои красоты въ телеологическомъ освѣщеніи историческаго матеріала:

„Царей совѣты и дѣла,
Паденье царствъ и ихъ судьбы, —
Игра арабесокъ, и только;
Черезъ развалины съ силой,
Строго и неудержимо
Близится духъ міра къ своей цѣли.
На встрѣчу другъ къ другу спѣшатъ
Несчетныя поколѣнья;
Безостановочно тѣснясь,
Они торжественно стремятся,
Каждое по пути къ совершенству,
Каждое — къ своему назначенью“.
(Густавъ Пфицеръ.)

Однако, не менѣе ясно и то, что телеологическое воззрѣніе должно связывать всякаго, кто, въ угоду ему, превращаетъ исторію въ искусство. Это накладываетъ на нее печать личнаго, одностороння̀го. Подтвержденіемъ служитъ принципъ „полезности“, выдвигаемый Діодоромъ, первымъ, извѣстнымъ намъ телеологомъ. Требованіе, чтобы историкъ, въ своемъ изложеніи, повѣдалъ свое міровоззрѣніе, добытое съ бо̀льшими или меньшими усиліями, неосновательно. Напротивъ, онъ долженъ, по возможности, отрѣшиться отъ взгляда, который вѣренъ лишь для даннаго момента, но съ теченіемъ времени измѣнится. Пишущему исторію слѣдуетъ быть независимымъ во всѣхъ отношеніяхъ, слѣдовательно, и по отношенію къ самому себѣ. Правда, какъ замѣтилъ лордъ Актонъ въ своей вступительной кэмбриджской лекціи 1895 г., очень сильныя и дѣятельныя личности (Маколей, Тьеръ, Моммсенъ, Трейчке) отбрасываютъ собственную широкую тѣнь на свои произведенія. Но это — удѣлъ великихъ людей, а одинъ великій человѣкъ, пожалуй, сто̀итъ нѣсколькихъ безупречныхъ историковъ. Въ общемъ, однако, сохраняетъ силу положеніе, что историкъ тѣмъ ближе къ истинѣ, чѣмъ больше его собственная личность остается въ тѣни. И чѣмъ исключительнѣе историческій трудъ опирается на источники, тѣмъ прочнѣе будетъ его результатъ.

Морицъ Карьеръ, въ своихъ „Религіозныхъ рѣчахъ и размышленіяхъ“, сообщаетъ мысли, которыя записалъ въ тюрьмѣ и довѣрилъ ему одинъ нѣмецкій республиканецъ весною 1836 г. Въ нихъ встрѣчается слѣдующее прекрасное мѣсто: „Міръ знаетъ, что имъ руководитъ божественная мудрость и что цѣль ея — человѣчество, или всеобъединяющая общность, которая совпадаетъ съ волей Божьей, признаетъ и выполняетъ данный Богомъ законъ и въ которой каждый въ отдѣльности чувствуетъ себя членомъ цѣлаго и простираетъ на всѣхъ своихъ братьевъ активную любовь.“ Это — прекрасная вѣра. Но, къ сожалѣнію, нельзя смотрѣть на нее, какъ на общеобязательную. Воззрѣнію-же, которое имѣетъ силу лишь до извѣстной степени, никакимъ образомъ нельзя отводить рѣшающаго вліянія на формы, принимаемыя всемірно-историческими событіями. Въ пользу этого говорятъ также мысли, изложенныя въ сочиненіи Карла Лампрехта: „Старыя и новыя направленія въ исторической наукѣ“. Онъ представляетъ себѣ одну часть міра, которую мы постигаемъ разумомъ, а другая-же часть лежитъ за предѣлами послѣдняго, при чемъ предполагается, что человѣческая мысль неудержимо стремится уничтожить эту непослѣдовательность, хотя, быть можетъ, лишь въ отдаленномъ или безконечномъ будущемъ. Но въ такомъ случаѣ излишне отстаивать или даже создавать сверхъестественную систему для объясненія связи историческихъ явленій: такая система будетъ безспорно шагомъ назадъ. Заключеніе было-бы вѣрно, если бы основныя посылки были больше, чѣмъ простыя предположенія. Однако, отсюда еще далеко до софизмовъ новѣйшихъ матеріалистовъ, которые хотѣли бы писать всемірную исторію, не называя ни одного имени. Мощнымъ противовѣсомъ такого крайняго направленія является взглядъ Карлейля, для котораго исторія міра сводится къ жизнеописанію великихъ людей. Едва-ли возможно понять Семилѣтнюю войну или Сто Дней безъ героевъ.

Можно смѣло сказать, что монистическое міровоззрѣніе, какимъ-бы совершеннымъ ни казалось оно въ теоріи, не сходится съ практикой. Никогда не удастся установить послѣдовательную причинную связь безъ

единаго пропуска. Вопреки Гоббсу, все еще останется довольно мѣста для человѣческой „свободы“ и самоопредѣленія. Съ другой стороны, чисто нѣмецкой правдивостью дышатъ слова Вильгельма Гумбольдта: „Всемірная исторія не понятна безъ управленія міромъ.“ Откуда почерпнетъ историкъ силу изображать идеи, которыя, по существу своему, лежатъ за предѣлами конечности? Изслѣдованіе, какъ-бы ни были плодотворны его усилія, сведется, въ концѣ концовъ, къ минимальному числу возможностей, къ предѣлу, дальше котораго нѣтъ точки опоры для объективнаго историка. Но столько-то и столько-то возможностей еще не составляютъ дѣйствительности. Познать-же отношеніе дѣйствительности къ возможностямъ не дано никому изъ смертныхъ, даже естествоиспытателю.

Вильгельмъ Оствальдъ, въ своей любекской рѣчи отъ 20 сентября 1895 г., открыто призналъ, что теорія движенія сама по себѣ недостаточна. Механическое міровоззрѣніе, которое считалось до того времени за догматъ, сводило, въ концѣ концовъ, всѣ явленія къ движенію атомовъ, совершающемуся по законамъ небесныхъ тѣлъ. Въ дѣйствительности, однако, между безконечностью явленія и ограниченностью нашего кругозора вкрадывается неизбѣжное несоотвѣтствіе, ибо всякое научное обобщеніе оставляетъ пробѣлъ. Дѣйствительность противорѣчитъ картинѣ, выведенной изъ законовъ, не покрывается ею. Къ постоянной величинѣ присоединяется перемѣнная, и только взаимодѣйствіе ихъ даетъ дѣйствительность. Правда, удалось соединить въ одной функціи возможности уклоненія физическихъ опытовъ отъ математическаго вычисленія, и наука вправѣ надѣяться, что предѣлъ этотъ будетъ все болѣе суживаться; но точное опредѣленіе самой перемѣнной величины и впредь останется недостижимымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ типическіе процессы въ естественныхъ наукахъ гораздо убѣдительнѣе тѣхъ, которые находятся въ связи съ человѣческой душою, такъ какъ послѣдняя даетъ крайне широкій просторъ индивидуальнымъ колебаніямъ и сочетаніямъ ихъ. Это отношеніе можно выразить еще такимъ образомъ: прежде, чѣмъ мы въ состояніи будемъ признать извѣстные повторяющіеся процессы въ жизни народовъ типичными „законами“, обязательными для всѣхъ случаевъ, намъ долженъ быть извѣстенъ, на ряду съ постояннымъ факторомъ, не только одинъ, но цѣлый рядъ перемѣнныхъ факторовъ. До сихъ поръ исторія едва-ли открыла хоть одинъ убѣдительный и безспорный законъ человѣческаго развитія. То, что обыкновенно считается закономъ, большею частью, не болѣе, какъ голые факты, въ которыхъ еще предстоитъ разобраться и уловить законъ. Удастся-ли когда-нибудь достигнуть этого при помощи точнаго массоваго наблюденія и планомѣрнаго примѣненія статистики къ исторіи, еще неизвѣстно. Не научно, поэтому, утверждать на основаніи тѣхъ или иныхъ посылокъ, что то-то и то-то должно случиться. Ученіе о необходимости — отжившая точка зрѣнія.

Мы знаемъ теперь — и должны этимъ удовольствоваться, — что Колумбъ и Линней въ значительной мѣрѣ обязаны своими открытіями окружающему міру и что эти открытія проложили себѣ путь даже вопреки имъ и послѣ нихъ: „Горсть снѣга, оторвавшаяся отъ вершины, тогда лишь превращается въ лавину, когда вся снѣговая масса, по которой она катится, склонна къ паденію“. (Карлъ Фридрихъ Бурдахъ.) Но утверждать (или даже стремиться доказать, какъ это сдѣлалъ Карлъ Эрнстъ Бэръ), что окружающія обстоятельства сдѣлали все, а тѣ дали только свои имена, значитъ насиловать исторію. Стремленіе познать причинную связь исторіи научно; все, что идетъ дальше этого, не есть уже историческая наука, а философское изслѣдованіе. Задача историка — намѣтить границы, въ которыхъ можетъ вращаться личная свобода индивидуума. Эти границы лежатъ въ такъ называемыхъ условіяхъ среды. Густавъ Рюмелинъ справедливо сомнѣвается въ томъ, чтобы среди тысячъ людей, боровшихся нѣкогда на жизнь и смерть за то, было ли въ Христѣ одно или

два естества и былъ ли онъ по существу равенъ Отцу или только сходенъ съ нимъ, нашлись многіе, которые сколько-нибудь ясно представляли бы себѣ спорный предметъ и понимали-бы интересъ, связанный съ тѣмъ или инымъ рѣшеніемъ вопроса.

„Отъ рожденья указанъ тебѣ опредѣленный кругъ
И жизнь намѣчаетъ твой образъ дѣйствій.
Воспитаніе, образованіе, положеніе, талантъ
И предки толкаютъ каждаго на отмѣренный путь.
Не атомы мы, что вихремъ по землѣ кружатся,
Никто самовольно не можетъ появиться на свѣтъ и расти.
Какъ маятникъ движется дѣйствіемъ тяжести,
Такъ и насъ направляютъ общество и исторія.“
(Эрнстъ Цительманъ.)

Эти узы, сковывающія каждаго, чувствовалъ еще полвѣка тому назадъ Гансъ Христіанъ Эрстедъ. Онъ училъ, что духовное развитіе, достигнутое отдѣльнымъ обитателемъ земли, обусловливается взаимодѣйствіемъ его личной дѣятельности и всего окружающаго міра, подъ которымъ нужно, главнымъ образомъ, разумѣть совокупность окружавшихъ его современниковъ. (По поводу выраженія „Umwelt“ — по русски: „окружающій міръ“ — слѣдуетъ замѣтить, что оно впервые было введено въ нѣмецкую литературу переводчиками Эрстеда и соотвѣтствуетъ выраженію „omverdenen“, бывшему въ большомъ употребленіи въ Даніи вначалѣ пятидесятыхъ годовъ. Послѣ этого оно долго не встрѣчается. И теперь еще, даже въ нѣмецкихъ книгахъ, слово „Umwelt“ не могло вполнѣ вытѣснить французскаго „milieu“, среда. Ипполитъ Тэнъ, Рюмелинъ и новѣйшіе нѣмецкіе соціологи употребляютъ выраженіе „группа“ для обозначенія части человѣческаго общества, къ которой принадлежитъ отдѣльный индивидуумъ и которая опредѣляетъ его дѣйствія). Окружающія условія составляютъ цѣпь неумолимыхъ необходимостей для каждаго современника, не исключая и Лютеровъ или Бисмарковъ.

Поэтому коллективистическое историческое воззрѣніе, представителемъ котораго является Карлъ Лампрехтъ, требуетъ прежде всего установленія послѣдовательности соціально-психическихъ теченій, „культурныхъ эпохъ“. Когда это будетъ сдѣлано для многихъ націй, настанетъ очередь выяснить путемъ сравненія, что индивидуально и что повторяется въ жизни народовъ. Отсюда можно будетъ вывести извѣстныя правила, опредѣляющія связь причины съ дѣйствіемъ. Продолжая строить на почвѣ подобныхъ сравненій, мы въ состояніи будемъ, наконецъ, написать всемірную исторію будущаго. Задачей ея будетъ установить, „на какихъ моментахъ зиждется всеобщее развитіе, которое вытекаетъ изъ послѣдовательности во времени и пространственной совмѣстимости націй, а также изъ временнаго и пространственнаго взаимнаго оплодотворенія народовъ, основаннаго на этихъ двухъ фактахъ“. Къ сожалѣнію, осуществленіе этой высокой цѣли всемірно-историческаго воззрѣнія въ дѣйствительности недостижимо. Одному человѣку оно не по силамъ, а задачею академіи или союза академій оно быть не можетъ. Къ тому же сравненіе культурныхъ эпохъ различныхъ народовъ едва-ли дастъ параллели, требуемыя для установленія „законовъ“. Столь большія ожиданія тормозитъ нашъ измѣнчивый факторъ. Упускать его изъ виду и устанавливать типическія эпохи, чередующіеся двойные періоды (по примѣру Сенъ-Симона) и т. п., значитъ насиловать факты. Укажемъ на „Histoire générale“ Лависса и Рамбо, гдѣ историческая жизнь на землѣ съ конца IV вѣка послѣ Р. Х. разсматривается сквозь призму эволюціи французскаго народа.

Въ цѣпи взаимныхъ воздѣйствій не должно быть перерывовъ. Поэтому, вводя въ кругъ изслѣдованія дикія или застывшія племена, повидимому, не проявлявшія жизни, не имѣющія исторіи и не оставившія слѣдовъ, мы менѣе руководимся общечеловѣческими интересами.

чѣмъ духомъ сантиментальной мечтательности XVIII вѣка или опасеніемъ, что какія-либо цѣнныя преданія раньше или позже затеряются, если не собирать и записывать ихъ теперь-же, или, наконецъ, ребяческою страстью накоплять всякаго рода замѣтки. Дѣло въ томъ, что народы бросали на своихъ сосѣдей лучи воздѣйствія, о чемъ поверхностное разсмотрѣніе не имѣетъ даже представленія. Не всегда, правда, мы можемъ уловить степень этихъ отраженій съ такою ясностью, какъ они выступаютъ въ изложеніи, напр., Томаса Карлейля или Мэтью Арнольда. Въ этомъ случаѣ, мы удовлетворимся скромнымъ сознаніемъ, что подготовляли почву будущему, болѣе точному познанію.

Если до сихъ поръ не хотѣли знать много объ океанійцахъ и неграхъ, то это понятно: роли, которыя они играли въ драмѣ человѣчества, были не изъ блестящихъ. Но, съ другой стороны, непростительно исключать изъ плана дѣйствительной всемірной исторіи Индію и даже всѣхъ вообще народовъ восточной Азіи и разсматривать развитіе Америки лишь въ той или иной случайной рубрикѣ, вродѣ: „исторія открытія Америки“, „война за независимость“. Это — способъ обойти затрудненія, свидѣтельствующій о неполнотѣ знаній или узости кругозора. Все это, во всякомъ случаѣ, удивительно, если принять во вниманіе, что болѣе ста лѣтъ тому назадъ Гердеръ изложилъ свои „идеи“ въ 20 книгахъ. Въ этомъ смыслѣ даже „Всемірная исторія“ Ранке, не говоря уже о томъ, что она осталась неоконченною, является шагомъ назадъ. Въ приведенной выше рѣчи на день рожденія императора Вилламовицъ говоритъ: „Въ высшей степени замѣчательно, въ какой мѣрѣ этотъ широкій умъ сумѣлъ охватить совокупное развитіе христіанскаго періода, и едва-ли кто совершитъ подобное тому. Съ субъективной точки зрѣнія, онъ былъ совершенно правъ, когда, въ преклонные годы, предпослалъ общему изложенію этой, начатой имъ исторіи очеркъ древнѣйшихъ временъ. По своимъ взглядамъ, установившимся двумя поколѣніями раньше, онъ могъ, пожалуй, назвать этотъ трудъ всемірной исторіей. Но мы сдѣлали-бы тяжкую ошибку и сыграли-бы въ руку косности и національнаго филистерства, если-бы, изъ чувства благоговѣнія къ великому имени, признали храмомъ исторіи появленіе романскихъ и германскихъ народовъ, а прежнюю эпоху — только преддверіемъ храма. Это означало-бы подрѣзать въ самомъ корнѣ пониманіе нашей культуры въ ея совокупности.“

Единственный правильный выводъ изъ сказаннаго заключается въ томъ, что въ области совершившагося все имѣетъ интересъ. Прошлое имѣетъ свои корни въ передпрошломъ, и наука о доисторическомъ періодѣ заслуживаетъ быть выслушанной. Болингброкъ говоритъ, впрочемъ: „Какъ ни тѣсна связь событій въ ходѣ жизни государствъ, какъ ни велика зависимость послѣдующихъ явленій отъ предшествовавшихъ, но въ цѣломъ связь слабѣетъ по мѣрѣ удлиненія цѣпи и, наконецъ, какъ-будто прерывается.“ Однако, британскій историкъ не требуетъ, чтобы цѣпь была прежде времени произвольно порвана. Его оговорка касается собственно лишь выполненія. Безумно доискиваться исходной точки всей исторіи, и шаткимъ предположеніямъ о самыхъ первичныхъ состояніяхъ въ ней не должно быть мѣста. Нелѣпо было-бы по сходству остатковъ каменнаго періода заключать каждый разъ объ общности происхожденія, заимствованіи или передачѣ. Часто рѣчь идетъ лишь о равенствѣ въ степени образованія ихъ носителей или тождествѣ среды, вліявшей на нихъ. Но важно изслѣдовать, въ какой мѣрѣ сходство почвы для развитія дѣлаетъ сходными неодинаковыя основныя идеи, и, съ другой стороны, насколько равныя сами по себѣ основныя идеи измѣнялись въ зависимости отъ различія почвы. Изученіе одной и той же дѣйствительности въ различной группировкѣ способствуетъ лишь изощренію духовнаго ока и расширенію кругозора. При этомъ могутъ обнаружиться связующія нити между народами, которыя раньше казались

невозможными. И въ этомъ отношеніи мы уже теперь не такъ робки, какъ лѣтъ десять назадъ. Только такимъ образомъ создастся та статистика, которая, по мнѣнію Адольфа Бастіана, воплотитъ въ цифрахъ сокровищницу народной мысли.

2. Распредѣленіе матеріала.

Воззрѣніе этнолога на исторію.
Даніэль Г. Бринтонъ.

Разсмотрѣніе задачи и содержанія всемірной исторіи уже само по себѣ указываетъ единственно вѣрное распредѣленіе ея. Начинать съ египтянъ или вавилонянъ, какъ принято вообще, не позволяетъ простое соображеніе, что египетская культура никакимъ образомъ не можетъ быть признана „утренней зарей человѣчества". Планы, построенные на одной хронологіи, не проникаютъ въ глубь вещей.

Жанъ Боденъ нанесъ первый ударъ и прервалъ заколдованный кругъ Даніиловыхъ четырехъ вѣковъ, который признавали даже такіе мыслители, какъ Меланхтонъ, Слейданъ и Лейбницъ. Но въ сущности и раздѣленіе всемірной исторіи на три періода, впервые принятое Целларіусомъ въ 1685 г., не представляетъ шага впередъ. Дѣленіе на древнюю эпоху, средніе вѣка и новое время нѣсколько одухотворяется точкою зрѣнія Леопольда Ранке, какъ она передана Теодоромъ Видеманомъ въ извлеченіи изъ твореній его учителя. Но и въ этой красивой оболочкѣ система носитъ печать искусственности. Въ нее послѣдовательно вкладываются и подтасовываются мысли, которыя первоначально были безусловно чужды ей. Чисто внѣшнее обозначеніе, вызванное необходимостью и оправдываемое въ извѣстныхъ рамкахъ практическими соображеніями, не выдерживаетъ, однако, научной критики. Вотъ почему мы совершенно равнодушны къ вопросу — начинаются-ли средніе вѣка съ Августина или Константина, съ гунновъ или германцевъ, и заканчиваетъ-ли ихъ Лютеръ или Гутенбергъ, Коперникъ или Колумбъ. Въ концѣ концовъ всемірная исторія недѣлима. Подобно тому, какъ градусы долготы, экваторъ, тропики и другіе круги широты служатъ лишь вспомогательными средствами для географа, необычайно помогая оріентированію на картѣ, но въ дѣйствительности не существуютъ, точно также всякія попытки дробленія исторіи имѣютъ лишь цѣлью облегчить группировку. Генрихъ Зибель начинаетъ новую эпоху съ Фридриха Великаго, а Генрихъ Трейчке оканчиваетъ имъ. И оба они правы: каждый цвѣтокъ заключаетъ въ себѣ зародышъ новаго. Человѣчество едино, и „есть лишь одно теченіе великихъ событій, которое соединяетъ всѣ народы и правитъ ими".

По другимъ соображеніямъ, вытекающимъ изъ отклоненія идеи прогресса и возраженій противъ существованія опредѣленныхъ „законовъ", мы отвергаемъ второй путь изложенія всемірно-историческаго развитія — прохожденіе человѣчествомъ различныхъ обязательныхъ ступеней, согласно мнѣнію Вико и Канта. Это явно противорѣчитъ живой, не терпящей никакого насилія дѣйствительности въ ея безчисленныхъ проявленіяхъ и стремленіяхъ, съ ея капризами и неровностями. Жизнь на землѣ, человѣческая исторія, безконечныя формы которой и тысячи цѣлей тѣсно переплетаются между собою, терпитъ, конечно, всякую схему. И кто умѣло освѣтитъ какой-нибудь уголокъ ея и создастъ двѣ — три группы, воображаетъ, что онъ все доказалъ. Такъ, Нильсонъ принимаетъ четыре ступени развитія, которыя должна пройти, раньше или позже, всякая частица человѣчества: отъ дикаго состоянія она переходитъ къ кочевому, потомъ къ земледѣлію и, наконецъ, съ появленіемъ письменнаго языка, чеканенной монеты и раздѣленія труда, достигаетъ высшей ступени. Градаціи Эрнеста Лазо многочисленнѣе. Личность, въ смыслѣ положенія и профессіи, про-

водится имъ черезъ стадіи крестьянина, горожанина, воина, жреца, дворянина и князя. Горное дѣло, скотоводство и земледѣліе, судоходство, торговля и промыслы, буржуазное благосостояніе, искусства и науки, — таковы формы существованія, въ которыхъ, по его мнѣнію, воплощается достигнутый прогрессъ. Оба эти направленія можно соединить, признавъ, вмѣстѣ съ Бэкономъ, эпоху войнъ юностью человѣческаго рода, между тѣмъ какъ искусства и науки соотвѣтствуютъ его зрѣлымъ годамъ, а торговля и промышленность, роскошь и мода — старости. Замѣчательно, что всякій философъ, который проводилъ параллель между ходомъ развитія человѣчества и послѣдовательностью индивидуальныхъ возрастовъ, былъ-ли то Юлій Флоръ, Жанъ Боденъ или Эрнестъ Лазо, непремѣнно помѣщаетъ себя и свое время въ эпоху старости. Это вполнѣ понятно: длинное прошлое, которое разстилается передъ наблюдателемъ, наводитъ на мрачныя мысли. И однако, человѣчество продолжаетъ цвѣсти, не взирая на всѣ эти причитанія объ умираніи. „Народъ не старится, не умнѣетъ, народъ всегда остается ребенкомъ“, говоритъ Гёте устами Альбы.

Тонко продуманы подраздѣленія Густава Клемма и другихъ социологовъ. Такъ, ступени, устанавливаемыя Альбертомъ Германомъ Постомъ — родовая община, территоріальная община, королевская власть, демократія — принадлежатъ къ остроумнѣйшимъ созданіямъ нѣмецкой мысли. Но все это — не болѣе, какъ схемы, хотя и не столь несостоятельныя, какъ семь ступеней прогресса Льюиса Моргана. Трудно даже понять тотъ необычайный успѣхъ устарѣлой теоріи, то сочувствіе, которое выпало на долю творенія американскаго соціолога. Еще въ 1820 г. Вильгельмъ Гумбольдтъ вполнѣ призналъ, что узкое преслѣдованіе подобныхъ путей мѣшаетъ разобраться въ дѣйствительныхъ творческихъ силахъ и что въ каждомъ актѣ, гдѣ только участвуетъ жизнь, именно сущность ускользаетъ отъ регламентаціи. То, что кажется намъ лишь механическимъ дѣйствіемъ, повинуется первоначально свободно творящимъ импульсамъ. Если оставить въ сторонѣ мистическій элементъ, часто оказывающійся въ Гумбольдтовой философіи тождества съ сильною примѣсью христіанскихъ идей нарождающагося просвѣщенія, то мы и здѣсь наталкиваемся на предѣльность нашего познанія (ср. выше, стр. 13). Точно также нельзя согласиться съ мнимою обязательностью опредѣленнаго круговорота формъ правленія, какъ нормальныхъ, такъ и вырождающихся, — съ тѣмъ, что государственная жизнь будто-бы неизбѣжно идетъ отъ монархіи чрезъ тиранію къ аристократіи и отъ послѣдней чрезъ олигократію къ демократіи, а затѣмъ отъ демократіи чрезъ охлократію и анархію снова къ деспотіи. Нѣтъ сомнѣнія, что такъ можетъ быть и во многихъ случаяхъ такъ дѣйствительно происходило, но возможное отнюдь не обязательно.

Причина этихъ ошибочныхъ умозаключеній кроется, главнымъ образомъ, въ томъ, что слишкомъ мало принимали въ разсчетъ одинъ моментъ: территорію. Выше (ср. стр. 12) по другому поводу, мы пришли къ заключенію, что природа и человѣкъ въ своемъ взаимнодѣйствіи создаютъ исторію. Обыкновенно, однако, второстепенныя вещи отодвигаютъ на задній планъ изученіе внѣшнихъ условій, вліяющихъ на человѣка; положеніе различныхъ частей земли и неодинаковость обстановки ихъ обращаютъ на себя слишкомъ мало вниманія. „Можно представить себѣ всемірную исторію безъ Линнея или Кювье, но никакъ не безъ Колумба, Кука или Барта.“ Правда, со времени Монтескьё (или, если угодно, со времени Жана Бодена), въ особенности же Карла Риттера, признается воздѣйствіе мѣстности на образованіе народнаго характера. Рудольфъ Игерингъ въ оставленной имъ „Доисторической жизни индоевропейцевъ“ противуставляетъ климатъ, свойство почвы, близость или отдаленность моря, пространственныя отношенія, міръ растеній и животныхъ, враждебныя и благопріятныя вліянія сосѣдей, какъ единственно постоянные факторы, измѣнчивости человѣческой

души. Изъ свойствъ территоріи вытекаютъ „законы“, которые болѣе или менѣе вліяютъ на ходъ развитія человѣчества и опредѣляютъ его. Однако, какъ мы тотчасъ увидимъ, и здѣсь не слѣдуетъ пренебрегать мѣстными перемѣнами, совершающимися подъ вліяніемъ физическихъ и иныхъ естественныхъ условій.

Но исторія не создается единственно или преимущественно природою, но и при содѣйствіи человѣческихъ способностей. Одна и та же почва дѣйствуетъ различно, смотря по способностямъ тѣхъ, кто ее обрабатываетъ; она дѣйствуетъ различно на одного и того же земледѣльца въ зависимости отъ достигнутой имъ высоты культуры. Не для всѣхъ народовъ и не во всѣ времена пустыня была элементомъ, способствующимъ дальнимъ сношеніямъ. Нѣтъ народа, который оставался бы на своей почвѣ неизмѣннымъ. Старый Гееренъ, въ своихъ „Мысляхъ о политикѣ, сношеніяхъ и торговлѣ“, справедливо указываетъ на подвижность, на измѣнчивость. У одного народа перемѣны совершаются быстро, у другого (напр., у самоѣдовъ и финновъ Финмаркена, у арабовъ внутренней Аравіи и у различныхъ степныхъ народовъ) медленно. А вмѣстѣ съ народомъ мѣняется и мѣстность. Все движется: исторія есть движеніе. Нѣтъ такой страны на землѣ, гдѣ жили бы такіе же обитатели, какъ жившіе въ ней въ самомъ началѣ: ея растенія, животныя и люди постоянно мѣнялись, смѣшивались между собою, выселялись, отыскивали новыя мѣста и новыя условія для жизни. „Такъ, исторія человѣчества въ концѣ концовъ является ареною превращеній“. Но сама сцена отнюдь не безразлична; она играетъ далеко не второстепенную роль во всѣхъ этихъ превращеніяхъ и должна быть принимаема во вниманіе, какъ равная величина. Недаромъ Іог. Кохлеусъ говоритъ въ посвященіи къ своему изданію Помпонія Мелы: „Для историка географія — то же, что солнце для міра.“ И справедливость этихъ словъ классически подтверждаютъ Аристотель и Птоломей, Плиній, Страбонъ и Солинъ. Если территорія не можетъ считаться заранѣе опредѣленнымъ факторомъ, такъ какъ направленіе ея вліянія обнаруживается лишь въ зависимости отъ прирожденныхъ человѣческихъ способностей, то, съ другой стороны, она отнюдь не представляетъ мертвой массы: мы должны разсматривать ее, какъ расчлененный организмъ. Съ самыхъ первыхъ временъ между жизнью народовъ и землею, какъ естественной почвой ихъ, существовала такая же глубокая связь, какъ между душою и тѣломъ отдѣльнаго человѣка. Природа не отдѣлима отъ исторіи, физика отъ этики.

Географія есть необходимый фундаментъ для всеобъемлющаго пониманія всемірной исторіи. Главная цѣль ея — понять, почему нельзя коснуться историческаго развитія любой частицы человѣчества, не затронувъ при этомъ сосѣднихъ частицъ. Отсюда вытекаетъ нецѣлесообразность двухъ дальнѣйшихъ принциповъ подраздѣленія. Относительно одного изъ нихъ, расоваго, не стоитъ терять много словъ: не существуетъ разграниченія расъ, обязательнаго для всѣхъ, и недостойно поощрять произвольно одну расу на счетъ другихъ. Понятіе о расѣ слишкомъ туманно и чѣмъ дальше, тѣмъ больше становится такимъ. Дѣленіе, на основаніи культурныхъ формъ, защищаемое Альфредомъ Фиркандтомъ съ географической точки зрѣнія, непригодно потому, что оно разрываетъ глубокія историческія связи или сопряжено съ безчисленными повтореніями. Намъ пришлось бы переноситься изъ Австраліи, главнаго очага неустойчивыхъ народностей, съ Филиппинскихъ острововъ, Суматры, Цейлона и Андамановъ въ южную Африку и южную Америку. Вторая группа, собственно дикихъ народовъ, охватила бы крайній сѣверъ, Кавказъ, горную Индію и Полинезію. Затѣмъ, чтобы отнестись справедливо къ кочевымъ полукультурнымъ народамъ, мы должны были бы обнять обширный поясъ степей и пустынь, какъ исторически однородный. Наконецъ, осѣдлые полукультурные народы вводятъ насъ

во всевозможныя страны и времена. И то же самое придется сказать относительно послѣднихъ двухъ культурныхъ формъ: высшихъ и смѣшанныхъ культуръ. Кромѣ того, остается сомнѣніе — къ какому изъ шести подраздѣленій должны быть отнесены нѣкоторые осколки человѣчества. Едва ли было бы научно ограничиваться въ подобныхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ схемою Бэра (негры Тихаго океана, африканскіе негры, американцы, монголы, океанійцы, кавказцы).

Такимъ образомъ, намъ не остается ничего другого, какъ классификація съ чисто географической точки зрѣнія. Если при этомъ основою послужитъ рядъ націй, то пробѣлы неизбѣжны, такъ какъ мы должны будемъ исключить изъ числа историческихъ всѣ обитаемыя области, гдѣ еще не могло образоваться націи, „этого совершеннѣйшаго вида всякихъ естественныхъ сообществъ“. Еще ошибочнѣе исходить изъ понятія о государственности, которое уже само по себѣ означаетъ высшую ступень культуры и, слѣдовательно, заранѣе исключаетъ многихъ членовъ человѣчества. Но если принять въ основаніе чисто географическое подраздѣленіе, не предъявляющее никакихъ требованій въ смыслѣ высшей естественной или культурной связи, то передъ нами будетъ готовое зданіе, въ которомъ найдется мѣсто для всѣхъ членовъ человѣческаго общества, для малыхъ и большихъ, для скоропреходящихъ и обладающихъ большимъ вліяніемъ: это то, что̀ называютъ эйкуменою.

Такое зданіе не должно быть лабиринтомъ. Чтобы избѣжать слишкомъ внѣшней, безсодержательной группировки народонаселеній по ихъ мѣсту жительства, можно руководиться географическими провинціями Бастіана, построенными на психологическихъ соображеніяхъ. Но самую лучшую группировку даютъ чисто географическіе круги народовъ Фридриха Ратцеля. Разсматривая послѣдовательно, при помощи ихъ, совокупную обитаемую часть земли, мы получимъ извѣстное число полуготовыхъ зданій, одно возлѣ другого, что̀ въ сущности совпадаетъ съ планомъ Гумбольдта старшаго, извлеченнымъ изъ забвенія Лейтцманомъ въ 1896 г. Начиная при этомъ съ Америки и кончая Европою, мы отнюдь не имѣемъ въ виду утверждать, что въ Америкѣ слѣдуетъ искать корень всякаго историческаго развитія и что отсюда можно прослѣдить его дальше на западъ (до сихъ поръ называвшійся „востокомъ“). Пишущій исторію не уполномоченъ рѣшать подобнаго рода вопросы о правѣ первородства. Открывая наше изученіе Америкою, мы нисколько не желаемъ этимъ поддержать мнѣніе нѣкоторыхъ о глубокой древности американской культуры или отвѣчать на вопросъ — будутъ ли Соединенные Штаты когда либо призваны къ роли, которую нѣкогда игралъ Римъ: все это мы можемъ спокойно предоставить будущему; нами руководятъ одни только практическія соображенія. Исторія есть и останется путемъ отъ неизвѣстнаго начала къ неизвѣстному концу. Такой выводъ отнюдь не вытекаетъ изъ подавляющаго вліянія неясныхъ мистическихъ воззрѣній; онъ означаетъ лишь скромное самоограниченіе въ духѣ Сократа.

Вторая часть задачи будетъ затѣмъ состоять въ психологической обработкѣ матеріала, т. е. въ томъ, чтобы создать мосты отъ одного зданія къ другому. Дѣло въ томъ, что исторія жизни человѣчества есть нѣчто большее, чѣмъ сумма монографій объ отдѣльныхъ народахъ. Такъ какъ ни одинъ народъ не развивался самъ отъ себя, то должно раскрыться множество явленій, которыя можно сгруппировать подъ общимъ названіемъ „вмѣшательствъ извнѣ“, разумѣя, конечно, подъ вмѣшательствомъ не всегда что либо враждебное, внезапное. Раскрытіемъ подобныхъ соединительныхъ звеньевъ мы обовьемъ земной шаръ цѣпью безъ начала и безъ конца. Еще въ 1531 г. Хуанъ Луисъ Вивесъ въ своемъ сочиненіи „De disciplinis“ ставилъ слѣдующія положенія: слѣдуетъ ознакомиться съ ходомъ всемірной

исторіи отъ начала міра или одного народа въ извѣстной связи. Только такимъ образомъ мы можемъ все правильно понять и обнять. лучше, чѣмъ разсматривая каждую часть отдѣльно, независимо. Здѣсь происходитъ то же, что и при описаніи земли, гдѣ легче составить себѣ представленіе о мірѣ, о группировкѣ и расположеніи отдѣльныхъ частей его, если охватить однимъ взоромъ всѣ моря и страны. Поэтому отдѣльныя звенья исторіи слѣдуетъ соединять такимъ образомъ, чтобы получилось одно цѣлое, единое зданіе.

Эти звенья исторіи, которыя мы называемъ народными кругами, расположены настолько широко, что допускаютъ ясное и полное выраженіе склонностей одной группы, культуры одной эпохи. Въ предѣлахъ ихъ, эпохи очерчиваются сами собою; потокъ причинныхъ сцѣпленій, стремясь неудержимо впередъ, все-таки имѣетъ свои остановки, водовороты и насильственные прорывы. Въ духовныхъ сферахъ мы имѣемъ дѣло почти исключительно съ явленіями, болѣе или менѣе узко ограниченными въ пространственномъ отношеніи. Религіозная борьба, стимулъ XVI вѣка, стремленіе къ политическому единству, лозунгъ XIX вѣка, все это — понятія весьма ограниченнаго свойства. До высоты идей, которыя охватывали бы въ данное время совокупную эйкумену, не поднялись ни эллинизмъ, ни христіанство, ни исламъ или иное историческое явленіе, обладавшее задатками къ широкому распространенію. Но поскольку два или нѣсколько народныхъ круговъ имѣютъ общія мысли или общія чувства, мы вправѣ устанавливать между ними соединительные мостики, о которыхъ была рѣчь выше.

Сочетаніе сравнительной народной психологіи съ простымъ историческимъ изложеніемъ создаетъ въ концѣ концовъ исторію, въ которой народъ понимаетъ себя такимъ, каковъ онъ есть. Осуществить эту задачу необычайно трудно. Мы предлагаемъ лишь первую попытку всемірной исторіи. Написать полную исторію человѣчества никогда не удастся, но стремиться къ этому идеалу — высокая и достойная задача.

II. Основныя понятія исторіи развитія человѣчества.

Профессора д-ра **І. Колера.**

Нѣкогда Богъ сотворилъ міръ въ семь дней,
И съ быстротою молніи понеслись мысли;
Осьмой день творенья оставленъ намъ.

* * *

Давно доказана несостоятельность мнѣнія, будто условія нашего времени являются единственнымъ мѣриломъ историческаго изученія человѣчества. Наша современность съ ея взглядами, вѣрованіями, стремленіями и надеждами составляетъ лишь маленькій отрывокъ совершившагося. Тысячи лѣтъ жили народы, которые вращались въ иныхъ духовныхъ сферахъ и преслѣдовали другіе идеалы.

Изученіе исторіи нельзя свести къ разсмотрѣнію прошлаго въ томъ видѣ, какъ оно отражается въ настоящемъ: прошлое должно разсматриваться, какъ часть созиданія и разрушенія человѣчества. Пишущій исторію долженъ подняться до точки зрѣнія, откуда исторія съ ея великими событіями будетъ проходить передъ нимъ, такъ сказать, внѣ времени. Онъ долженъ походить на человѣка, который поднялся бы на такую высоту вселенной, съ которой сразу можно обнять весь земной шаръ, какъ одно цѣлое. Подобная точка зрѣнія достигается путемъ абстракціи, вытекающей изъ изученія самой исторіи. Она даетъ намъ возможность, съ одной стороны, переживать чуждыя эпохи, ощущать чуждый духъ, а съ другой, относиться объективно къ этимъ эпохамъ, составлявшимъ все для ихъ современниковъ, и видѣть въ нихъ лишь моментъ въ развитіи человѣчества. Мы должны научиться отвлекаться отъ современности, отвлекаться отъ того, что̀ можно назвать тираніей времени. Всякая эпоха безгранично господствуетъ надъ своими современниками, поглощая все ихъ бытіе, всѣ помыслы ихъ, какъ единственная властительница. По отношенію къ практической жизни это справедливо, но въ историческомъ изученіи слѣдуетъ помнить, что данная эпоха есть только періодъ развитія (какъ мелькающая мимо нашихъ глазъ картина безконечной панорамы).

I. Развитіе.

Первое основное понятіе исторіи есть понятіе о развитіи, которымъ мы обязаны во всемъ его величіи уму Гегеля. Правда, мы нѣсколько иначе представляемъ себѣ развитіе, нежели Гегель. Для насъ міръ не есть болѣе идея, но дѣйствіе: для насъ развитіе — не схематическое движеніе идеи, совершающееся въ точныхъ формахъ. Мы понимаемъ теперь развитіе какъ нѣчто, безконечно богатое и разнообразное, какъ нѣчто, совершающееся въ разнообразнѣйшей индивидуальной формѣ, какъ нѣчто, не всегда идущее прямымъ путемъ, но стремящееся къ цѣли то такъ, то иначе, окольными и обходными путями.

Наше воззрѣніе на исторію отличается, слѣдовательно, отъ взглядовъ Гегелевской школы, главнымъ образомъ, тѣмъ, что мы никогда не позволяемъ себѣ апріорныхъ выводовъ, что мы стараемся вникнуть во всѣ подробности, которыми изобилуетъ жизнь, и только изъ многочисленныхъ наблюденій заключаемъ о ходѣ развитія.

Мы не предсказываемъ, не подгоняемъ къ шаблону; мы остерегаемся строить исторію одного народа прямо на основаніи исторіи другого. Мы не заставляемъ развитіе идти въ опредѣленномъ ритмѣ, совершаться въ два или три такта, и признаемъ, что въ развитіи человѣчества проявляется органическая, безконечно разнообразная дѣятельность.

Хотя и съ такой оговоркой, мы попытаемся, однако, установить понятіе о развитіи, потому что какъ оно ни разнообразно и ни широко, все же существуютъ извѣстные признаки, выдѣляющіе его изъ всего, что совершается помимо его.

Развитіе не есть простое измѣненіе, движеніе впередъ, превращеніе внѣшнихъ или внутреннихъ условій. Подъ развитіемъ нужно понимать развертываніе зародыша, ростъ чего-то, что̀ раньше существовало въ зачаткѣ, подъ большимъ или меньшимъ вліяніемъ внѣшнихъ условій (болѣе подробное изложеніе см. въ моей статьѣ въ „Juristisches Litteraturblatt“ VII, S. 199).

Итакъ, это понятіе предполагаютъ двѣ вещи: во первыхъ, должно уже существовать нѣчто, опредѣляющее весь будущій результатъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ будущій результатъ еще не долженъ существовать. Есть лишь возможность, потенція того, что въ будущемъ станетъ дѣйствительностью.

Понятіе о развитіи предполагаетъ возможность будущаго результата, но не предполагаетъ его необходимости. Разовьется ли зародышъ, — это будетъ зависѣть отъ тысячей факторовъ, которые могутъ вліять на развитіе, отклонять его и даже убивать (среда, milieu, surroundings).

2. Развитіе человѣчества.

Всемірная исторія рисуетъ намъ картину развитія человѣчества, т. е. развитія зародышей, которые скрыты въ человѣчествѣ. Мы разумѣемъ зародыши, скрытые въ немъ, но отнюдь не въ отдѣльныхъ людяхъ и не въ отдѣльномъ народѣ.

Каково же отношеніе человѣчества къ заложеннымъ въ немъ культурнымъ зародышамъ? Что заложено въ человѣкѣ съ самаго начала и въ какомъ отношеніи находится оно къ его далнѣйшему росту? Какъ объяснить себѣ стремленіе жизненнаго зародыша къ развитію?

Этотъ вопросъ выходитъ изъ предѣловъ исторіи и даже изъ предѣловъ опытной науки въ тѣсномъ смыслѣ; онъ относится къ метафизикѣ и развѣ еще къ психологіи народовъ. Здѣсь требуется изъ безчисленныхъ человѣческихъ индивидуумовъ создать отвлеченную психическую единицу, изъ безчисленныхъ проявленій народнаго духа въ исторіи вывести проявленія стремленія къ развитію и уловить невидимыя и неосязаемыя нити, связующія это стремленіе къ развитію съ побуждающимъ къ нему импульсомъ. Въ существованіи подобныхъ связей не можетъ быть никакого сомнѣнія. Ближайшее изслѣдованіе, поскольку оно доступно силѣ нашего ума, касается, главнымъ образомъ, великой проблемы времени и причинности, отношенія міра къ нашему познаванію въ смыслѣ этихъ категорій, отношенія міра явленій къ тому, что лежитъ въ основаніи явленій, и отношенія, въ предѣлахъ человѣчества, индивидуума къ цѣлому, индивидуальной души къ народной душѣ и душѣ человѣчества.

На одно обстоятельство должны мы обратить особенное вниманіе: съ точки нашего современнаго міровоззрѣнія мы разсматриваемъ человѣчество, прежде всего, какъ отдѣльныя существа и затѣмъ уже какъ сочетаніе отдѣльныхъ существъ: мы исходимъ отъ индивидуальности и изъ множества индивидуальностей, при посредствѣ духовной цѣпи, образуемъ совокупность. Такая точка зрѣнія не первоначальная. Первобытный человѣкъ не зналъ грани, отдѣляющей индивидуума отъ индивидуума: она создается

лишь съ теченіемъ времени путемъ постоянной абстракціи отъ цѣлаго къ индивидуальному, причемъ этому послѣднему, изъятому изъ цѣлаго, присвоиваются особыя права, особая активность и особые моменты отвѣтственности. Въ первобытномъ міровоззрѣніи индивидуумъ еще вполнѣ поглощается семьею, родомъ; имъ принадлежатъ права, они же несутъ отвѣтственность. Формы дѣятельности индивидуума не выдѣляются изъ формъ общей дѣятельности: считается немыслимымъ, чтобы индивидуумъ переступалъ границы семейной обстановки и избиралъ новые пути. Подобные индивидуумы, отрекающіеся отъ общины, признаются ненормальными, „сверхчеловѣками" и община ихъ игнорируетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ еще сильна мысль о переселеніи душъ, объ обмѣнѣ индивидуумовъ душами, о сочетаніи душъ, о переходѣ души отъ отца къ сыну, отъ дѣда къ внуку: отдѣльный индивидуумъ составляетъ лишь звено въ цѣпи душъ, является только частнымъ воплощеніемъ общей души народа, и притомъ лишь относительно.

Такой взглядъ на совокупную душу, на единство рода и племени сопровождалъ народы въ ихъ странствованіяхъ, скрѣплялъ ихъ и закалялъ силу ихъ сопротивленія. Только позднѣйшія поколѣнія, достаточно окрѣпшія при помощи завоеваній культуры, въ состояніи были развить индивидуализмъ и выдвинуть на ряду съ дѣятельностью общества, какъ совокупнаго существа, дѣятельность существа индивидуальнаго. Такое одновременное освобожденіе индивидуализма должно было способствовать развертыванію всѣхъ народныхъ силъ. Индивидуализмъ не долженъ, однако, вытѣснять умственную дѣятельность естественной совокупной единицы, и мнѣніе, что на ряду съ индивидуальной единицей существуетъ совокупная единица, нисколько не искусственно: напротивъ, не естественно и противорѣчитъ духу исторіи стремленіе признавать одинъ лишь индивидуализмъ, участіе же совокупности считать фиктивнымъ или искусственнымъ.

3. Развитіе культуры.

A. Матеріальная культура.

Результатъ развитія мы обыкновенно называемъ культурою. Культура есть достигнутое путемъ развитія состояніе народа въ области его духовной жизни и во внѣшнемъ образѣ жизни. Въ этомъ смыслѣ мы можемъ различать внутреннюю и внѣшнюю культуру, хотя обѣ онѣ переходятъ одна въ другую: человѣкъ, какъ тѣлесное существо, стремится къ удовлетворенію своихъ потребностей и къ внѣшнему положенію, которое соотвѣтствовало бы этимъ потребностямъ. Какъ чувствующее и мыслящее существо, человѣкъ будетъ неуклонно стремиться переработать всю массу впечатлѣній въ нѣчто единое и создать себѣ воззрѣніе на міръ и на жизнь.

Матеріальная культура есть способъ существованія съ преодолѣніемъ препятствій, стоящихъ на пути человѣчества. Подъ этимъ подразумѣвается борьба съ встрѣчающимися врагами, особенно съ враждебными животными, затѣмъ добываніе средствъ къ поддержанію человѣческаго существованія и пользованіе ими съ цѣлью поднятія физическаго благосостоянія. Въ этомъ смыслѣ человѣчество проходитъ различныя стадіи въ зависимости отъ способа пріобрѣтенія жизненныхъ потребностей и способа защиты отъ враговъ для огражденія жизни, здоровья и имущества. Смотря по тому, добываетъ ли человѣкъ средства къ пропитанію однимъ завладѣніемъ природою или же путемъ обработки ея, увеличивающей сумму естественныхъ продуктовъ, мы говоримъ объ охотничьихъ, рыболовныхъ, скотоводныхъ и земледѣльческихъ народахъ. Рѣзкой грани между ними провести нельзя. Такъ, невозможно строго говорить объ охотничьихъ и рыболовныхъ народахъ, ибо тѣ же на-

роды употребляютъ въ то-же время въ пищу продукты почвы, которые они находятъ и признаютъ годными для питанія. Питаясь дичью и рыбою, они ѣдятъ также коренья и дикіе древесные плоды. Сущность описываемой культурной ступени заключается въ томъ, что человѣкъ пользуется in thesi лишь предлагаемымъ самою природою, что онъ не управляетъ и не умѣетъ управлять природою по своему желанію и сообразно своимъ потребностямъ и вкусамъ. Пользованіе природою не идетъ дальше ознакомленія съ мѣстонахожденіями, умѣнья уловить время и случай и преодолѣть препятствія къ оккупаціи: онъ открываетъ мѣста дичи, знаетъ, какъ ловить рыбу, находитъ мѣста, гдѣ есть дикій медъ или съѣдобные корни, привыкаетъ взбираться на самыя высокія деревья, опускаться въ глубины. Но ему недостаетъ умѣнья обрабатывать природу, вызывать производительность ея. Мало-по-малу, однако, онъ и этому научается. Нерѣдко охотничьи народы имѣютъ маленькіе участки земли, гдѣ они сѣютъ и доводятъ до созрѣванія пищевыя растенія. Наблюденіе надъ проростаніемъ сѣмени, выпавшаго изъ созрѣвшаго растенія, само собою научаетъ ихъ не оставлять сѣмена на произволъ судьбы, но предоставлять имъ окружающую землю. Какъ скоро дошли до этого, слѣдующій шагъ будетъ заключаться въ томъ, чтобы вообще не предоставлять сѣмена случаю: ихъ собственноручно передаютъ землѣ, и этимъ кладутъ начало естественному производству, земледѣлію. Часто мы встрѣчаемъ при этомъ такое явленіе: мужчины охотятся, а женщины, кромѣ собственно домашнихъ работъ, занимаются еще немного земледѣліемъ: мужчины — охотники и рыболовы, женщины — земледѣльцы. Домашняя работа сама наталкиваетъ ихъ на это, такъ же, какъ и на различныя ручныя работы, и лишь изготовленіе оружія и принадлежностей охоты остается обыкновенно на обязанности мужчины.

Громадное значеніе для всего будущаго имѣло открытіе добыванія огня, которое сдѣлано было независимо въ различныхъ мѣстахъ земли, такъ же, какъ и открытіе судовъ для рѣчного и морского плаванія. Первоначально огонь доставлялся случаемъ. Имъ пользовались, когда молнія зажигала часть лѣса и сама поджаривала массу животныхъ или плодовъ. Узнавъ выгоды огня, стали искать способы сохранять его. Сохраненіе огня, сошедшаго съ неба, составляло одну изъ самыхъ важныхъ и насущныхъ задачъ. Научились улавливать огонь при помощи древеснаго волокна; научились по желанію раздувать тлѣющую искру и убѣдились въ возможности переносить съ собою во время странствованій самый огонь или потенцію его. Но все это было весьма ненадежно, пока счастливый случай не натолкнулъ на способъ добыванія огня по желанію — при помощи тренія или верченія двухъ кусочковъ дерева. Сначала это треніе или верченіе производилось съ другою цѣлью: имѣлось въ виду просверлить дерево или измельчить древесныя волокна; это дѣлалось съ такой силой, что древесное волокно загорѣлось, — и открытіе было сдѣлано. Важность такого открытія сознавалась въ теченіе многихъ столѣтій, и миѳъ увѣковѣчилъ, на Тихомъ океанѣ, какъ и у грековъ, человѣка, принесшаго людямъ огонь, который былъ до тѣхъ поръ доступенъ однимъ богамъ. На другой способъ добыванія огня натолкнула искра, даваемая кремнемъ; при этомъ важно было то, что уже раньше ознакомились со способомъ улавливать искру при помощи нѣжнаго, мягкаго дерева и, такимъ образомъ, утилизировать для человѣческихъ цѣлей появленіе самаго ничтожнаго огня. Полученіе огня открыло возможность согрѣваться, жарить мясо, варить размягченные корни или травы, обдавать ихъ кипяткомъ и этимъ путемъ приспособлять пищевыя средства къ человѣческому тѣлу, къ его пищеваренію и вкусу.

Необходимость самозащиты привела къ изобрѣтенію оружія, которое было затѣмъ усовершенствовано согласно требованіямъ охоты и рыбной ловли.

Подъ оружіемъ мы разумѣемъ неодушевленные предметы окружающей природы, которыми мы пользуемся для нанесенія вреда другимъ живымъ существамъ или для защиты нашего тѣла отъ нападеній ихъ и отраженія ударовъ. Для изготовленія оружія примѣнялось то, что давала окружающая природа: дерево, камни, кости мертвыхъ животныхъ, кости большихъ рыбъ. Научились пользоваться тяжестью предмета, его рѣжущими краями и остріемъ. При содѣйствіи безмолвнаго умозаключенія, которое обыкновенно называютъ опытомъ, научились цѣнить извѣстныя качества, которыми обладали въ особенности зубы животной челюсти, острые концы рыбьихъ костей и роговъ, рѣжущіе края раковинъ. Такъ дошли до изготовленія топоровъ, мечей, ножей; такъ выучились заострять дерево, шлифовать камни, соединять острый предметъ съ кускомъ дерева, дѣлать копья и стрѣлы и оперять ихъ для увеличенія метательной силы. Существеннымъ открытіемъ слѣдуетъ считать ознакомленіе съ упругостью, благодаря которой съ быстротой движенія возрастаетъ стремительность: отсюда исходитъ изобрѣтеніе, съ одной стороны, тупой пращи, съ другой, лука и его различныхъ варіантовъ. Человѣкъ стоитъ еще на низкой ступени культуры, когда онъ не знаетъ ни лука, ни стрѣлъ и ограничивается лишь палицей и бумерангомъ, т. е. пользуется тяжестью предмета или стремительностью, присущею бумерангу.

Знакомству съ металлами и обработкою ихъ предшествовалъ каменный вѣкъ. Это — естественная предварительная стадія, прежде чѣмъ человѣкъ научится употреблять сперва метеорное желѣзо, потомъ скрытый въ землѣ металлическій матеріалъ, научится нагрѣвать металлы, доводить ихъ до каленія, плавить и этимъ дѣлать ихъ способными принимать формы, желательныя для человѣка, чего нельзя достигнуть ни съ камнемъ, ни съ костью. Нѣкоторые народы не могли этому научиться и получали металлическіе продукты отъ другихъ. Важность обработки металловъ сказывается въ особомъ положеніи, какое въ теченіе долгаго времени занимали кузнецы. Каменная и металлическая культуры принадлежатъ къ важнѣйшимъ культурнымъ фазамъ человѣчества.

Владѣя упомянутымъ оружіемъ, человѣкъ сталъ пользоваться имъ не только для нападенія или защиты въ борьбѣ съ животными, но и въ борьбѣ съ равными себѣ. Вмѣстѣ съ этимъ явилась потребность прикрывать тѣло, нейтрализовать удары оружія: такъ изобрѣтены были щитъ, какъ подвижная защита тѣла, панцырь, шлемъ и вообще различные охраняющіе приборы, приспособленные къ той или другой части тѣла.

На ряду съ оружіемъ матеріальная культура характеризуется изобрѣтеніемъ утвари. Подъ утварью мы понимаемъ предметъ, служащій для мирнаго употребленія и имѣющій назначеніемъ расширять наше обладаніе природою. Утварь отчасти переживала тѣ же превращенія какъ и оружіе, частью же она имѣетъ свою самостоятельную исторію. Подобно тому, какъ рѣжущій край раковины былъ прообразомъ ножа, такъ и полые камни, скорлупы раковинъ или щиты черепахъ послужили прототипомъ тарелокъ и чашекъ. Открытіе непроницаемости высушенной земли было началомъ гончарнаго искусства: оно дало возможность сообщать матеріалу въ влажномъ состояніи требуемую форму и пользоваться имъ въ высушенномъ состояніи для храненія жидкостей. Вообще главную роль въ изготовленіи утвари играло всегда пользованіе двумя противоположными свойствами, которыя обнаруживаетъ матеріалъ въ различныхъ фазахъ своей обработки: разминаемость и способность формированія въ одной, прочность и устойчивость въ другой фазѣ. Дальнѣйшее завоеваніе составляетъ связываніе и плетеніе, соединеніе гибкихъ веществъ такъ, чтобы они сплетались, что̀ увеличиваетъ крѣпость уже въ силу большого сопротивленія, оказываемаго тренію. Это дало возможность прочно связывать матеріалъ и изъ небольшихъ предметовъ комбинировать большіе, причемъ послѣдніе получали жела-

тельную форму, приспособленную къ опредѣленнымъ цѣлямъ. Въ плетеніи выражена, главнымъ образомъ, эта приспособленность и въ меньшей степени — непроницаемость. Поэтому плетеніе особенно пригодно для помѣщенія и храненія твердыхъ предметовъ (корзина), для изготовленія покрывающихъ и прикрывающихъ средствъ, для задерживанія воздуха (паруса) и вообще для всякаго рода связующихъ средствъ. Изъ плетенія возникло въ дальнѣйшемъ развитіи ткачество и при этомъ выдѣлка нитокъ, пряденіе. Такъ, дошли до изготовленія изъ безформеннаго растительнаго матеріала безчисленныхъ предметовъ потребленія. Волокна скрѣпляли путемъ соединенія, изъ нитокъ дѣлали ткани и ткани приспособляли къ различнѣйшимъ жизненнымъ цѣлямъ. Это оказало также вліяніе на усовершенствованіе оружія: изготовленіе тетивы, пращи, аркана (лассо) отчасти предполагаетъ существованіе этихъ искусствъ и отчасти значительно подвигается съ помощью ихъ.

Къ средствамъ пользованія принадлежатъ также **способы перемѣщенія**, назначеніе которыхъ — преодолѣвать затрудненія, создаваемыя разстояніемъ. Сперва перемѣщаютъ предметы природы на спинѣ, головѣ или плечахъ, передвигаютъ ихъ въ рукѣ, удерживая въ утвари (корзинахъ, тканяхъ), которые, въ свою очередь, приспособляются къ человѣческой рукѣ (рукоятка). Ихъ тянутъ по землѣ, но для того, чтобы ихъ не повредить, кладутъ при этомъ на полозья; ихъ катятъ, особенно если этому способствуютъ округленныя формы ихъ. Это обстоятельство само по себѣ приводитъ къ изобрѣтенію валька и колеса, причемъ вещества различнаго очертанія приводятся въ соединеніе съ подобными элементами кругового движенія. Такимъ образомъ, горизонтальное движеніе преобразуется въ круговое, утилизируется притяженіе земли, обезпечивается постоянство движенія и, по возможности, ослабляется сопротивленіе отъ тренія.

Какъ скоро найдены способы перемѣщенія неодушевленныхъ предметовъ, ихъ примѣняютъ и къ передвиженію людей; создаются средства для перевозки лицъ и вещей.

Въ первобытныя времена водныя сообщенія играютъ болѣе важную роль, чѣмъ сухопутныя. Человѣкъ, подобно животному, научается плаванію самъ собою, приспособляясь, при помощи опредѣленныхъ движеній, къ сопротивленію влажной стихіи и къ укрощенію ея. Плавающіе предметы, въ силу непроизвольной абстракціи, именуемой опытомъ, навели на мысль объ устройствѣ легкихъ, непроницаемыхъ приспособленій для передвиженія грузовъ и, самаго человѣка, при чемъ толкающій шестъ превратился въ весло. Такъ изобрѣтены были каяки, челноки изъ дерева, луба, кожъ. Къ этому присоединилось открытіе, составляющее эпоху: открытіе полотна. улавливающаго вѣтеръ, паруса. И въ этомъ случаѣ толчокъ дали наблюденіе и невольная абстракція: человѣкъ долгое время испытывалъ во вредъ себѣ дѣйствіе силы вѣтра на развѣвающуюся ткань прежде, чѣмъ научился употреблять ее въ свою пользу и поворачиваніемъ паруса утилизировать вѣтеръ во всѣхъ направленіяхъ.

Жилища суть приспособленія на сушѣ, которыя облегчаютъ и обезпечиваютъ пребываніе самаго человѣка и храненіе имущества. Въ большинствѣ случаевъ пещера впервые наводила человѣка на мысль о значеніи прикрытія и крова, какъ защищающей силы; это понудило его создавать искусственныя пещеры. Пещера съ нависшей надъ ней землею родила мысль объ устройствѣ дома съ покрывающей его крышею и защищающими со всѣхъ сторонъ стѣнами. Въ первобытномъ лѣсу эту роль играла, быть можетъ, защита деревьевъ, крова изъ листьевъ, древесные стволы. Такъ возникли постройки въ формѣ круглыхъ или длинныхъ домовъ, дома съ ихъ кладовыми и очагами, причемъ или просто мирились съ присутствіемъ дыма, или давали ему выходъ въ той или другой

формѣ. Домъ предполагалъ, конечно, извѣстное постоянство въ образѣ жизни, извѣстную привязанность къ мѣсту, осѣдлость. Кочующіе народы довольствовались временными способами защиты, импровизованнымъ кровомъ, повозкою, палаткою, юртою.

Домъ осѣдлаго человѣка совершенствуется въ смыслѣ прочности. Сперва его строятъ при помощи земли и плетенія; потомъ употребляютъ балки, камни, кирпичи (какъ у вавилонянъ). Дальше начинаютъ подводить фундаментъ подъ зданія; строятъ по прямымъ линіямъ, строятъ какъ этруски, римляне и современные народы, примѣняя арки и своды. Постройки украшаются; онѣ становятся произведеніями искусства.

На водѣ человѣкъ также устраивается удобно, на плавучихъ плотахъ или возводя постройки надъ водою. Онъ ограждаетъ себя этимъ образомъ отъ сухопутныхъ враговъ и живетъ здѣсь большими или малыми общинами. Такъ возникаютъ и по нынѣ еще встрѣчающіяся у первобытныхъ народовъ водяныя или свайныя постройки, которыя были нѣкогда распространены въ южной Германіи и Швейцаріи и восходятъ до каменнаго вѣка.

Одежда являлась необходимостью для тѣхъ, кто желалъ оставаться зимою въ болѣе холодныхъ мѣстахъ. Въ теплыхъ климатахъ человѣкъ первоначально не ощущаетъ потребности въ одеждѣ: одежда имѣетъ для него значеніе маски, прикрытія; она свойственна чародѣю или употребляется тѣми, кто посредствомъ плясокъ призываетъ высшія силы. Чувство непристойности болѣе сложно и предполагаетъ уже сильную индивидуализацію, стремленіе мужчины обладать исключительно данной женщиной и охранить ее отъ другихъ. Это ведетъ къ стремленію совершать половые акты въ отдѣльности и втайнѣ, а затѣмъ къ постепенному прикрытію половыхъ частей.

Рука объ руку съ этимъ развивается чувство украшенія, стремленіе помогать природѣ въ достиженіи опредѣленныхъ эстетическихъ эффектовъ. Является желаніе нѣсколько разнообразить поверхность человѣческаго тѣла и отсюда — стремленіе къ татуированію, къ украшенію головы, ушей, носа, тыла, бедръ. Еще позднѣе, всѣ эти цѣли сливаются: одежда становится и защитою, и прикрытіемъ, и украшеніемъ и одновременно выполняетъ эти различныя функціи.

Открытіе, составляющее эпоху и часто совпадающее еще съ періодомъ охотничьей жизни, заключается въ прирученіи животныхъ, пользованіи услугами животныхъ для человѣческихъ цѣлей. Первоначально дѣло ограничивалось, вѣроятно, тѣмъ, что возбуждали одно животное противъ другого, чтобы затѣмъ одолѣть обоихъ. Затѣмъ подъ вліяніемъ идеи тотемизма, т. е. идеи, что самъ человѣкъ представляетъ душу животнаго, человѣкъ сталъ видѣть въ животномъ своего спутника; онъ его приблизилъ къ себѣ духовно, сдѣлалъ своимъ товарищемъ. Изъ этихъ двухъ элементовъ, человѣческаго эгоизма и присущей всѣмъ первобытнымъ народамъ любви къ природѣ и отождествленіи съ природою, выросло прирученіе — подчиненіе животнаго, съ одной стороны, и приближеніе его къ себѣ, съ другой. Съ прирученіемъ и подчиненіемъ нисколько не стоитъ въ противорѣчіи поклоненіе животнымъ и почитаніе въ нихъ духа предковъ.

Эти завоеванія внѣшней культуры сопровождаютъ человѣка при переходѣ отъ стадіи простого обладанія природою къ стадіи ухода за нею, къ стадіи скотоводства и земледѣлія. Всѣ эти занятія первоначально связаны съ большою суетою и передвиженіями. Завладѣніе природою побуждаетъ къ постояннымъ перемѣщеніямъ съ цѣлью отысканія новыхъ, удобныхъ для занятія мѣстъ: за корнями такъ же приходится гоняться, какъ за дичью. И уходъ за прирученными животными побуждаетъ кочевать для отысканія пастбищъ. То же относится и къ земледѣлію въ его первоначальной формѣ. Но земледѣліе уже носитъ въ себѣ зародышъ осѣдлой жизни, что́ дѣлаетъ его важнымъ элементомъ въ прогрессѣ человѣчества. Одни лишь осѣдлые на-

роды въ состояніи были создать великія, прочныя учрежденія, накопить результаты культуры для отдаленныхъ поколѣній, устроить развитую и тонко организованную государственную жизнь и сношенія. Вотъ почему переходъ отъ кочевого образа жизни къ осѣдлому составляетъ одинъ изъ величайшихъ успѣховъ человѣчества. Впрочемъ, на зарѣ земледѣлія человѣкъ является отъ времени до времени еще періодическимъ кочевникомъ. При системѣ травосѣянія посѣвъ производится въ поспѣшно распаханную почву. Спустя около двухъ лѣтъ почва истощена, ее оставляютъ и распахиваютъ новый участокъ. Въ концѣ концовъ останавливаются на томъ, что почву одного и того же участка раздѣляютъ на пашню и паръ. Передвиженіе, такимъ образомъ, прекращается, такъ какъ одну и ту же землю оставляютъ въ теченіе нѣкотораго времени подъ паромъ и даютъ почвѣ отдохнуть. По всей вѣроятности, къ такому измѣненію и къ переходу къ такъ назыв. плодосмѣнному хозяйству побуждали различныя обстоятельства: внѣшніе враги, трудности странствованія и проч. Передвиженія ограничивались все меньшею областью, такъ какъ черезъ нѣсколько лѣтъ возвращались къ однимъ и тѣмъ же полямъ, пока, наконецъ, чередованіе обработки и пара возведено было въ систему, и странствованія вообще прекратились.

Съ установленіемъ осѣдлости измѣняется и форма человѣческаго общежитія. Община утверждается въ опредѣленной области, отдѣльные члены общины разселяются по сосѣдству, родовая система переходитъ въ систему деревень: отнынѣ связующимъ элементомъ общины является деревня съ ея замкнутыми границами. При этомъ нерѣдко нѣсколько деревень имѣютъ общіе лѣса и пастбища, общіе плотины и каналы. Природа заботится о томъ, чтобы онѣ не разобщались, а напротивъ, тѣснѣе сплочивались: природа, да еще внѣшніе враги, отъ которыхъ приходится обороняться сообща.

Съ земледѣліемъ связана обработка продуктовъ ради полученія средствъ для поддержанія жизни и вкусовыхъ веществъ: строятъ жилища, изготовляютъ одежду, инструменты и утварь, дѣлаютъ оружіе. Хотя земледѣліе и требуетъ мира, но человѣкъ рѣдко живетъ въ мирѣ съ равными себѣ, и земледѣльческіе народы также вынуждены бываютъ готовиться къ войнѣ. Сперва обработка продуктовъ тѣсно связана съ самимъ земледѣліемъ: земледѣлецъ обрабатываетъ свои естественные продукты самъ совмѣстно съ членами своей семьи въ тѣсномъ и болѣе широкомъ смыслѣ (подворная система). Позднѣе становится очевиднымъ, что отдѣльныя личности оказываются болѣе или менѣе способными и что каждая отрасль требуетъ изученія. Поэтому изъ среды общины выдѣляются лица, посвящающія себя, главнымъ образомъ, опредѣленной обработкѣ матеріала, которымъ и снабжаютъ общину по мѣрѣ ея потребностей (ремесло). Ремесленникъ первоначально принадлежитъ общинѣ: каждая община имѣетъ своего общиннаго портного, сапожника, кузнеца, цирульника, а также общиннаго учителя. Ремесленникъ получаетъ за это опредѣленное содержаніе, свой пай общинной жатвы. И всякій, кто даетъ ему заказы, вознаграждаетъ его хотя немного или кормитъ, пока онъ работаетъ у него въ домѣ. Въ концѣ концовъ устанавливается правильный обмѣнъ, и этимъ создается нѣчто новое, составляющее эпоху для культуры: раздѣленіе труда. Находятъ болѣе выгоднымъ, чтобы ремесленникъ работалъ не только на заказъ, но и въ запасъ, такъ какъ время удобное для работы не всегда совпадаетъ съ временами спроса. Въ первомъ періодѣ еще заботятся болѣе или менѣе о согласованіи спроса съ предложеніемъ, но потомъ ихъ раздѣляютъ. Всегда, конечно, часть работы остается для удовлетворенія потребности данной минуты, чего нельзя избѣжать и въ позднѣйшихъ культурныхъ стадіяхъ. Но тамъ, гдѣ есть возможность отдѣлить работу отъ момента спроса, сила производительности значительно возрастаетъ: производятъ въ наиболѣе

благопріятныя для этого времена и хранить продукты до появленія спроса: создается независимость отъ минуты. Здѣсь, какъ и въ другихъ культурныхъ вопросахъ, мы стремимся устранить элементъ случайности съ его непослѣдовательностью и подчинить себѣ обстоятельства.

Обмѣнъ и раздѣленіе труда — великіе элементы культурнаго прогресса, который совершается на этой основѣ. Ремесло развивается и совершенствуется. Оно требуетъ все большаго искусства, все большей подготовки. Ремесленникъ ограничивается опредѣленной областью производства, но въ ней достигаетъ извѣстной законченности. Его издѣлія пользуются предпочтеніемъ, и къ нимъ предъявляется болѣе оживленный спросъ: они лучше и вмѣстѣ съ тѣмъ дешевле, потому что работа въ его рукахъ идетъ спорѣе. Взамѣнъ этого земледѣльцы, а равно другіе ремесленники, должны удѣлять ему нѣчто отъ своего труда: чѣмъ больше индивидуумъ спеціализируется въ своей дѣятельности, тѣмъ болѣе онъ зависимъ отъ всѣхъ остальныхъ въ виду удовлетворенія совокупныхъ человѣческихъ потребностей. Итакъ, вначалѣ существуетъ естественный обмѣнъ: каждый получаетъ взамѣнъ своей работы то, что̀ ему нужно, а производство въ цѣломъ становится гораздо богаче, гораздо совершеннѣе, такъ какъ организованное цѣлое работаетъ продуктивнѣе, чѣмъ совокупность разъединенныхъ индивидуумовъ.

Но и здѣсь сказывается стремленіе человѣчества освободиться отъ момента, подняться выше существующаго въ данный моментъ несоотвѣтствія между потребностью и производствомъ. Чѣмъ разностороннѣе производство, тѣмъ труднѣе въ каждую минуту найти лицъ, которыя дали бы взамѣнъ нашихъ произведеній именно то, что̀ намъ нужно. Устранить это несоотвѣтствіе составляетъ назначеніе денегъ, общаго мѣрила цѣнности и мѣнового фактора. Деньги — средство урегулированія, которое дѣлаетъ человѣческія сношенія независимыми отъ индивидуальной потребности.

Уже весьма рано, даже во взаимныхъ сношеніяхъ общинъ, выяснилась необходимость установить средства для обмѣна, извѣстные предметы, всѣми цѣнимые, имѣющіеся въ большомъ числѣ и удободѣлимые. Сначала это дѣлалось болѣе или менѣе эмпирически, случайно, пока мало-по-малу, нѣкоторыя изъ этихъ орудій обмѣна получили всеобщее признаніе, пріобрѣли значеніе денегъ. Одна и та же потребность устраненія индивидуальныхъ несоотвѣтствій привела различнѣйшихъ народовъ земли къ изобрѣтенію денежнаго института. Смотря по мѣсту, степени культуры и особенностямъ народа, въ качествѣ денежныхъ знаковъ дѣйствовали самые различные продукты. Такъ скотоводные народы употребляли для этой цѣли сперва штуки скота, потомъ табакъ, каури, раковины и нитки жемчуга (вампуны), кольца, кожи. Наконецъ, напали на металлъ, который имѣлъ преимущество большой прочности, устойчивости, дѣлимости и общаго признанія въ смыслѣ цѣнности, и въ концѣ концовъ, отдано было предпочтеніе благороднымъ металламъ. Сперва ихъ взвѣшивали: вѣсовыя деньги встрѣчаются еще у весьма развитыхъ культурныхъ народовъ; у другихъ мы открываемъ ясные слѣды ихъ въ обрядовыхъ и правовыхъ обычаяхъ. Наконецъ, приходятъ къ тому, что пускаютъ въ обращеніе благородный металлъ въ формѣ маленькихъ удобныхъ кусковъ съ оффиціальнымъ обозначеніемъ, чеканкой. Чеканка устраняетъ необходимость взвѣшиванія денегъ, дѣлаетъ возможнымъ разсчетъ въ дѣлахъ всюду и при всѣхъ обстоятельствахъ, избавляетъ отъ множества пререканій и поэтому въ концѣ концовъ принята всѣми культурными народами. Большія, еще не устраненныя затрудненія создаетъ совмѣстное обращеніе двухъ благородныхъ металловъ: постоянныя относительныя колебанія ихъ цѣнности грозятъ серьезно подорвать правильныя сношенія. Устранить это неудобство стараются отчасти путемъ обязательнаго регу-

лированія взаимной цѣнности обоихъ металловъ въ ихъ денежной функціи, для чего требуется, однако, международное соглашеніе (биметаллизмъ). Другіе предлагаютъ считать одно золото цѣнностью, серебромъ же, какъ неблагороднымъ металломъ, пользоваться только въ качествѣ вспомогательнаго средства.

Но этимъ еще не достигнута конечная цѣль человѣчества. На ряду съ реальными деньгами появляются условные денежные знаки или суррогаты денегъ. Первоначально, во времена опасностей и бѣдствій выдаются ассигновки на государственную казну, по которымъ впослѣдствіи должна быть произведена уплата. Изобрѣтаются билеты, обязательства, которымъ придается цѣнность денегъ, причемъ государственная или народная власть принуждаетъ принимать ихъ какъ деньги. Государство, убѣдившись на чеканкѣ монеты, что оно властно предписывать сношеніямъ законы обмѣна, пользуется этимъ и деликатно принуждаетъ принимать монету выше ея настоящей цѣнности. Таково происхожденіе суррогата денегъ, кожаныхъ, бумажныхъ денегъ, размѣнной монеты. Однако, послѣ многихъ колебаній и нѣкоторыхъ кризисовъ, опытъ показываетъ, что въ этомъ случаѣ государственная власть не всесильна, и что ей положены довольно узкіе предѣлы, какъ скоро она не рискуетъ расшатывать всю экономическую жизнь.

Если государственная власть, съ одной стороны, изыскиваетъ средства къ облегченію уплаты, то, съ другой, сношенія сами находятъ себѣ выходъ. Вмѣсто уплаты выступаетъ на сцену дебитованіе, кредитованіе, компенсація. Для облегченія вводится переводъ требованій, вексельный институтъ, затѣмъ личныя свиданія торговцевъ, при которыхъ регулируются взаимные торговые счеты: сконтрація, clearinghouse. И въ этомъ случаѣ возникаетъ стремленіе освободиться отъ индивидуальныхъ несоотвѣтствій, другими словами, управлять обстоятельствами, вмѣсто того, чтобы служить имъ, — въ чемъ и заключается особенность культурнаго прогресса.

Итакъ, раздѣленіе труда имѣетъ свою исходную точку въ развитіи ремеслъ, въ отдѣленіи обработки матеріала отъ первоначальнаго производства. При помощи денегъ оно ведетъ къ полному преобразованію экономическихъ отношеній и вмѣстѣ съ тѣмъ къ полному перевороту въ соціальномъ положеніи человѣка.

Деревня преобразуется въ городъ. Возникаютъ центры населенія, въ которыхъ главное вниманіе сосредоточивается на ремеслахъ и промышленности, причемъ часто на этотъ путь толкаютъ неблагопріятныя почвенныя условія и состояніе земледѣлія. Подобные центры нуждаются въ рынкѣ и мѣстѣ для рынка, нуждаются въ общеніи почвенныхъ производителей, которые обмѣниваютъ здѣсь свои товары, и въ общеніи городскихъ производителей, которые предлагаютъ свои произведенія. Городъ вмѣстѣ съ рынкомъ оказывается исходною точкою дальнѣйшей культуры, причемъ и здѣсь замѣчается стремленіе уравновѣсить индивидуальныя несоотвѣтствія: продуктъ появляется на рынкѣ, оказывается возможность выбора, устанавливается цѣна вещи при помощи сравненія и отвлеченія отъ свойства индивидуальныхъ покупокъ, которыя не даютъ возможности раціональной оцѣнки и поэтому предоставляютъ покупателя и продавца въ руки случая. Развивается рыночная цѣна. Городъ служитъ живымъ стимуломъ для промышленности и торговли; но въ то же время, благодаря рынку, онъ удерживаетъ въ соприкосновеніи городское и сельское населенія, противодѣйствуетъ распаденію народныхъ элементовъ на обособленныя, чуждыя или даже враждебныя группы.

Здѣсь развиваются промыслы до степени промышленности, мелкой и крупной. Послѣдняя оперируетъ при помощи раздѣленія труда, доведеннаго до мельчайшихъ деталей. Дальнѣйшимъ толчкомъ къ ея расширенію является введеніе машинъ въ фабричномъ производствѣ. Ма-

шины, въ противуположность домашнимъ орудіямъ, изображаютъ хотя и мертвые, но организованные рабочіе факторы, которые требуютъ сравнительно второстепеннаго участія человѣка (ухода) для того, чтобы развить дѣятельность въ желательномъ для насъ направленіи. Первоначально система этихъ машинъ проста; она примыкаетъ къ водѣ и къ вѣтру: мельницы и водопроводы,—вотъ ея первоначальныя формы. Однако, изобрѣтательный умъ человѣка, правда, лишь на высшихъ ступеняхъ экономическаго развитія, увеличиваетъ эти рабочія силы до необычайныхъ размѣровъ. Сочетаніе воды и огня создаетъ экспансивный паръ съ его чудовищнымъ развитіемъ силы: электричество заключаетъ чрезвычайно богатый фондъ рабочихъ силъ. Наконецъ, открытіе единства энергіи заставляетъ разсматривать совокупную природу какъ резервуаръ силъ и изыскивать средства для того, чтобы управлять этой несмѣтной суммою природной энергіи, переводить одну форму въ другую, переносить съ одного мѣста на другое и, если не создавать, то, во всякомъ случаѣ, почти всевластно управлять тѣмъ, что̀ создано природою. Изобрѣтательность даетъ намъ, слѣдовательно, власть надъ землею и возможность проводить принципъ освобожденія отъ индивидуальныхъ несоотвѣтствій.

Какъ уже было сказано, раздѣленіе труда ведетъ къ обмѣну, а обмѣнъ къ т о р г о в л ѣ. Торговля есть упорядоченный обмѣнъ, организованное соединеніе обмѣновъ по опредѣленной системѣ, съ усиленнымъ проведеніемъ упомянутаго выше принципа запаснаго производства. Это производство требуетъ уже извѣстнаго искусства въ торговлѣ: нужно отыскивать мѣста сбыта и удобнымъ путемъ доставлять продукты въ эти мѣста. Такимъ образомъ, создается плодотворное взаимодѣйствіе: производство запасовъ поощряетъ торговлю, которая, въ свою очередь, вліяетъ на производство, направляя послѣднее туда, гдѣ можно въ будущемъ ожидать сбыта произведеній. Торговля предполагаетъ, слѣдовательно, особыя знанія, особенное умѣніе. Развивается спеціальная техника, которая даетъ возможность идти на встрѣчу самымъ сложнымъ задачамъ. Совершается отдѣленіе торговцевъ отъ промышленнаго класса, возникаетъ торговое сословіе, т. е. сословіе, которое ставитъ себѣ задачею производить упорядоченный обмѣнъ какъ естественныхъ продуктовъ, такъ и продуктовъ промышленнаго производства. И въ торговлѣ, какъ и во всякой формѣ дѣятельности въ области матеріальнаго производства, играетъ громадную роль эгоизмъ. Торговля стремится доставить возможно большій барышъ путемъ отысканія благопріятныхъ источниковъ товаровъ и мѣстъ сбыта, она стремится уловить наиболѣе благопріятные моменты для запаснаго производства и спроса (спекуляція). Но и здѣсь эгоизмъ является во всемірной исторіи великимъ стимуломъ человѣческой культуры.

Торговля побуждаетъ перешагнуть границы отдѣльныхъ народныхъ областей: она не желаетъ оставаться внутреннею и сама по себѣ переходитъ во в н ѣ ш н ю ю т о р г о в л ю. Дѣло въ томъ, что другія страны, другіе климаты производятъ продукты, которые мы особенно цѣнимъ и которые недоступны нашимъ поясамъ и нашему производству. Такъ создается вывозная и ввозная торговля. Начинается съ того, что торговецъ или представитель его разъѣзжаетъ съ товарами (при этомъ разъѣздной агентъ можетъ получать отъ хозяина деньги или товаръ и дѣлить съ нимъ прибыль). Въ дальнѣйшей стадіи товаръ пересылается посреднику, который въ другомъ мѣстѣ пускаетъ его въ обращеніе (экспедиціонная, комиссіонная торговля). Далѣе, основываютъ въ чужой странѣ собственное филіальное отдѣленіе, колонію, факторію, которая, находясь въ связи съ главною фирмою, переноситъ торговлю въ эти мѣстности. Наконецъ, возможно непосредственное сношеніе съ чужими торговыми домами и обмѣнъ между ними товаромъ (непосредственная иностранная торговля), что̀ предполагаетъ, конечно, основательное знакомство съ мѣстными условіями и боль-

шое довѣріе къ прочности тамошняго положенія, а это возможно лишь въ странахъ съ развитою культурою. Иностранная торговля того или другого вида совершается сухимъ путемъ (караваны, позднѣе желѣзныя дороги) и моремъ (парусныя судна и пароходы). Обширность оборота, особыя опасности, разносторонность отношеній — все это вызываетъ къ жизни замѣчательныя новыя явленія. Морская торговля создаетъ страхованіе, ведетъ къ новымъ формамъ ассоціацій; караванныя сношенія связаны съ возникновеніемъ стоянокъ, продовольственныхъ пунктовъ, постоялыхъ дворовъ. То, что здѣсь создается случайно, въ силу необходимости, эксплуатируется впослѣдствіи для другихъ цѣлей: страхованіе составляетъ одну изъ плодотворнѣйшихъ мыслей нашего времени, устройство гостинницъ сдѣлалось необходимымъ условіемъ для путешествія, для пребыванія въ чужихъ странахъ, которыя стали главнымъ центромъ образованія и поправленія здоровья.

Сношенія ведутъ и къ другимъ учрежденіямъ, имѣющимъ цѣлью, путемъ комбинацій, устранить несоотвѣтствія индивидуальныхъ отношеній. Торговля не всегда возможна непосредственно между мѣстомъ производства и мѣстомъ сбыта: въ одномъ пунктѣ требуется больше, въ другомъ меньше; трудно изъ одной точки правильно оцѣнить всѣ мѣстности. Вслѣдствіе этого, развивается посредническая торговля: товаръ странствуетъ, проходя черезъ рядъ самостоятельныхъ коммерческихъ стоянокъ въ различныхъ странахъ, пока не достигнетъ цѣли. Сначала между производителемъ и потребителемъ является въ качествѣ посредника одинъ торговецъ, потомъ множество, и товары отъ этого, повидимому, дорожаютъ. На самомъ дѣлѣ, однако, если движеніе товара идетъ правильнымъ путемъ, онъ становится дешевле, такъ какъ организованная посредническая дѣятельность облегчаетъ борьбу съ трудностями и повышаетъ вѣроятность сбыта. Этими выгодами въ излишкѣ вознаграждаются расходы на посредниковъ.

Такимъ образомъ возникаетъ національная и міровая торговля. То, что въ малыхъ размѣрахъ дѣлаетъ рынокъ, достигается въ большихъ и самыхъ широкихъ масштабахъ биржевой концентраціей. Подобно тому, какъ на рынкѣ нивеллируются отношенія и устанавливается рыночная цѣна, по возможности независимая отъ индивидуальныхъ условій, точно также міровая торговля и возможность получать товары съ различныхъ сторонъ, производитъ нивеллированіе и ведетъ къ установкѣ міровыхъ цѣнъ. Эта установка лежитъ на обязанности биржъ. Биржа есть учрежденіе, гдѣ сходятся торговцы безъ товаровъ для взаимныхъ торговыхъ операцій. Она существуетъ съ XVI столѣтія въ Голландіи, Англіи, Германіи и во всѣхъ прочихъ культурныхъ государствахъ. Она въ еще большей мѣрѣ пріобрѣла характеръ міpoвого института съ тѣхъ поръ, какъ съ усовершенствованіемъ способовъ передачи извѣстій и особенно съ введеніемъ телеграфа и телефона явилась возможность переговоровъ между биржами различныхъ странъ въ любой моментъ, такъ что стояніе цѣнъ на значительной части земли и даже на большей части ея, имѣющей значеніе для рынка, становится тотчасъ же извѣстнымъ.

Правда, всемірная торговля скрываетъ въ себѣ серьезную опасность. Она оживляетъ спросъ на продукты и повышаетъ его до безконечности; но, благодаря ей, можетъ случиться, что страна, находящаяся въ неблагопріятныхъ условіяхъ производства, сильно пострадаетъ отъ міровыхъ сношеній, что производство въ ней будетъ убито и значительная часть населенія обезсилена. Всякій культурный прогрессъ связанъ съ единичными пертурбаціями и задержками, но въ данномъ случаѣ остановка можетъ разрастись въ общій кризисъ и пертурбація повести къ полному разоренію массъ и притомъ быстрѣе, чѣмъ мы въ состояніи будемъ направить производство въ другую сторону. Кромѣ того, въ виду разобщенности народовъ и возможности войнъ между ними, нежелательно, чтобы одинъ на-

родъ всецѣло зависѣлъ отъ другого въ отношеніи необходимыхъ предметовъ потребленія. Этимъ объясняются попытки уничтожить или ослабить извѣстныя послѣдствія міровой торговли: охранительная таможенная политика, дифференціальный тарифъ, вывозныя преміи и проч. Всѣ эти мѣры, будучи примѣняемы въ надлежащихъ рамкахъ, весьма цѣлесообразны, но при нераціональномъ пользованіи ими, онѣ, подобно всякому лѣкарству, могутъ принести вредъ.

Громадный переворотъ произойдетъ въ томъ случаѣ, если техникѣ удастся восторжествовать и получить, при помощи химическихъ операцій, не только отдѣльные естественные продукты, какъ напр., индиго, но и самыя важныя вещества, средства для поддержанія жизни. Искусственное полученіе бѣлковыхъ веществъ вызоветъ не только величайшіе перевороты въ условіяхъ производства и во взаимномъ экономическомъ отношеніи государствъ, но и въ соціальномъ положеніи круговъ населенія. Я только намѣчаю эту перспективу, такъ какъ пока мы не находимся даже наканунѣ такого великаго завоеванія.

До сихъ поръ неоднократно указывалось, что освобожденіе отъ давленія индивидуальныхъ отношеній и открытіе средствъ для борьбы съ ними принадлежали къ главнымъ факторамъ культуры. Съ теченіемъ времени эти вспомогательныя средства играютъ все бо̀льшую роль. Однимъ изъ такихъ средствъ, которое извлекаетъ изъ конкретныхъ вещей абстрактную цѣнность, которое превращаетъ присущую неподвижнымъ тѣламъ цѣнность въ денежную силу, дѣлаетъ подвижнымъ недвижимое имущество, влагая въ него функцію денежной суммы, скрытой въ немъ, какъ кладъ, является залоговой, ипотечный институтъ, поземельный кредитъ со всѣми его видоизмѣненіями. Онъ основанъ на возможности выдѣлить, въ качествѣ самостоятельнаго фактора, полезную силу, присущую вещи, и сдѣлать ее предметомъ оборота. Это — одно изъ геніальнѣйшихъ изобрѣтеній человѣчества. Подобно большей части открытій, оно выросло изъ маленькихъ началъ, изъ стремленій человѣка найти выходъ изъ нужды, удовлетворить насущнымъ потребностямъ, и затѣмъ было разработано при помощи чрезвычайно остроумной и глубоко продуманной правовой конструкціи.

На этомъ, однако, человѣчество не останавливается; оно изыскиваетъ еще дальнѣйшія средства мобилизированія. Право цѣнностей принимаетъ форму права ассоціацій: общество выдѣляется изъ суммы членовъ общества въ самостоятельную единицу или личность. Такъ возникаютъ акціонерныя общества, пароходныя, горнопромышленныя ассоціаціи, сущность которыхъ заключается въ томъ, что право пользованія принимаетъ форму свободно передаваемыхъ правъ цѣнностей, слѣдовательно, проходитъ всѣ пути движимаго имущества, а стало быть, и всѣ пути спекуляціи движимостей. Этимъ дана возможность образованія капитала и вмѣстѣ съ тѣмъ существенно облегчается накопленіе его. Правда, рядомъ съ этимъ открывается возможность необузданной спекуляціи, ажіотажа, чисто внѣшняго участія безъ интереса въ дѣлѣ, возможность злоупотребленій, которыя порою наносили чувствительные удары современному обществу.

Уже выше (см. стр. 34) мы замѣтили, что торговля ведетъ къ выселенію за границу, къ заселенію чужихъ странъ, къ колонизаціи. Большею частью, рѣчь идетъ о странахъ съ болѣе низкою культурою, гдѣ приходится создавать настоящія поселенія, такъ какъ мы не находимъ тамъ почти ничего и должны на мѣстѣ создавать средства, необходимыя для поддержанія жизни. Колонизація почти неизбѣжно ведетъ къ столкновеніямъ съ туземцами, къ войнамъ и завоеваніямъ. Отдѣльныя колоніи превращаются, такимъ образомъ, въ колоніальное государство, которое болѣе или менѣе сохраняетъ связь съ метрополіей, служитъ мѣстомъ широкаго

сбыта для многихъ произведеній ея и вмѣстѣ съ тѣмъ, въ случаѣ надобности, даетъ пріютъ избытку народонаселенія, не нарушая связи его съ родиною. Область экономическаго и національнаго вліянія государства возрастаетъ, хотя въ то же время увеличивается число слабыхъ пунктовъ его, доступныхъ нападенію. При этомъ часто возникаютъ центробѣжныя стремленія, попытки отдѣленія отъ метрополіи. Такъ или иначе, но мы должны признать, что торговля, auri sacra fames, была главнымъ носителемъ культуры въ этихъ странахъ.

Само собою разумѣется, что такое усложненіе жизни связано съ переворотомъ во взаимномъ соціальномъ положеніи индивидуумовъ. Распредѣленіе жизненныхъ благъ между индивидуумами все болѣе усложняется. Обладаніе рабочими силами, пріобрѣтенными собственной энергіей, спекуляціей, наслѣдственнымъ или инымъ путемъ, даетъ часто отдѣльнымъ личностямъ громадный перевѣсъ. Это ведетъ къ установленію различій между господиномъ труда, предпринимателемъ, и помощникомъ труда, рабочимъ.

Въ прежніе вѣка цѣль достигалась посредствомъ правоваго подчиненія цѣлыхъ классовъ людей, которое дошло до полнаго безправія и поработило классъ работниковъ въ пользу собственника и работодателя (рабовладѣльческое хозяйство). Порядокъ этотъ усиливался, благодаря наслѣдственности рабства. Начало рабства кроется въ войнахъ и охотѣ за людьми. Въ тѣ времена, когда еще не было или было мало прирученныхъ домашнихъ животныхъ, когда не было машинъ, и орудія производства отличались крайнимъ несовершенствомъ, веденіе широкаго хозяйства возможно было лишь при помощи человѣческихъ силъ. Организація свободнаго труда, рабочіе договоры и связанное съ ними взаимное довѣріе были неизвѣстны. И что можно предложить рабочему, какъ эквивалентъ, тамъ, гдѣ земля имѣется еще въ избыткѣ, гдѣ подвижнаго капитала мало и кругъ средствъ пользованія ограниченъ? Что можно ему дать, чего онъ не въ состояніи гораздо вѣрнѣе добыть собственнымъ трудомъ? Поэтому прибѣгали къ принужденію: устраивали охоты за рабами, брали военноплѣнныхъ, создавали порабощенное рабочее населеніе, которое распредѣлялось по хозяйствамъ или жило въ особыхъ домахъ и деревняхъ для рабовъ. Рабы пополнялись изъ ихъ собственнаго потомства, затѣмъ изъ извѣстной категоріи преступниковъ, а также несостоятельныхъ должниковъ.

Не у всѣхъ народовъ образовалось рабовладѣніе, такъ какъ оно предполагаетъ уже извѣстную интенсивность хозяйства, необходимость раздѣленія труда и нѣкоторую организацію его. Охотничьимъ народамъ, напр., краснокожимъ, нечего дѣлать съ рабами, иначе, какъ приносить ихъ въ жертву умершимъ. Но и не у всѣхъ земледѣльческихъ и промышленныхъ народовъ мы встрѣчаемъ рабство, или оно имѣетъ у нихъ лишь слабое развитіе. Такъ незначительные слѣды его встрѣчаются въ правѣ ацтековъ или въ древнемъ правѣ Китая. У другихъ націй рабство, наоборотъ, имѣло форму крайняго угнетенія. Кромѣ того, есть множество промежуточныхъ ступеней и промежуточныхъ формъ его. Часто рабу для поощренія обезпечивается извѣстное т. наз. рабское имущество (peculium). Во многихъ случаяхъ ему разрѣшается, кромѣ того, имѣть семью и домашнее хозяйство. Рабъ становится, такимъ образомъ, крѣпостнымъ, который, будучи прикрѣпленъ къ землѣ и обложенъ податями, въ остальномъ представляетъ субъекта съ извѣстными правами и обязанностями. Эти крѣпостные мало по малу эмансипируются и становятся свободными. Случаи отпущенія на волю встрѣчаются, впрочемъ, и во времена рабства, и тогда рабъ имѣетъ возможность стать господиномъ. Такое внезапное дарованіе свободы не всегда безопасно. У нѣкоторыхъ народовъ, напр., въ эпоху римскихъ императоровъ, безчисленныя массы освобожденныхъ рабовъ съ ихъ чужеземною

кровью и экзотическими воззрѣніями, являлись серьезною опасностью для народной жизни. Въ другихъ странахъ вѣковое закрѣпленіе большихъ общественныхъ слоевъ тормозило населеніе и мѣшало его нравственному и умственному подъему. Не разъ насильственное подавленіе влекло за собою кровавыя бойни и гибельные перевороты.

Развитіе свободнаго рабочаго класса вмѣстѣ съ **рабочимъ договоромъ** составляетъ одну изъ важнѣйшихъ главъ въ исторіи современной культуры. Ремесла и промышленность служили главной ареною этого развитія. Ремеслу нужно учиться годами, нужно выдержать и продолжительную пробу на ступени подмастерья; при этомъ подмастерье, который желаетъ стать со временемъ мастеромъ, живетъ долгое время на продовольствіи и жалованьи у мастера, состоитъ въ извѣстномъ рабочемъ договорѣ съ нимъ. Союзъ мастеровъ, образованіе цеха съ его цеховыми статутами выдвигаетъ эти служебныя отношенія за предѣлы частнаго договора. Подмастерье не только живетъ на хлѣбахъ у мастера: онъ вмѣстѣ съ тѣмъ членъ цеха, находится подъ его контролемъ и охраною.

Фабричное производство измѣняетъ положеніе рабочаго. Онъ болѣе не производитъ самъ, и роль его сводится къ управленію машиною, къ уходу за нею, при чемъ онъ лишь немного способствуетъ совершенству продукта. Рабочій не трудится уже совмѣстно съ хозяиномъ, такъ какъ умственная работа послѣдняго принципіально отдѣляется отъ ручного труда перваго. Среди населенія создается какъ бы глубокая противуположность между руководящей головою и дѣйствующей рукою. И такъ какъ очень часто въ лицѣ руководителя является капиталистъ, то получается антагонизмъ между капиталомъ и ручнымъ трудомъ. Этотъ антагонизмъ, по мѣрѣ подавленія ремесленнаго труда возрастающею мощью фабричнаго производства, обостряется, и условія, при которыхъ умственный и физическій трудъ соединяются въ одномъ лицѣ, все болѣе исчезаютъ.

Что касается работодателей, то, какъ мы уже замѣтили, они либо занимаютъ индивидуалистическое положеніе, либо образуютъ товарищества, **цеховой союзъ**. Послѣдній долгое время преобладаетъ; зародышъ его лежитъ въ самомъ происхожденіи свободнаго ремесла отъ общиннаго. Это — союзъ, противъ котораго отдѣльная личность безсильна, союзъ оборонительный и наступательный, съ установленіемъ опредѣленныхъ нормъ, главнымъ образомъ, нормъ для борьбы съ препятствіями.

У нѣкоторыхъ народовъ цехъ сливается съ семьею: члены цеха пополняются изъ ихъ собственнаго потомства. Стремленіе къ подобнаго рода наслѣдованію можно отмѣтить еще въ очень раннія времена: уже у первобытныхъ народовъ нѣкоторые классы, напр., классъ колдуновъ, наслѣдственны. Самымъ совершеннымъ воплощеніемъ подобной застывшей наслѣдственной системы являются **касты** въ Индіи; большею частью, онѣ выливаются въ форму профессіональныхъ, ремесленныхъ кастъ, которыя повелительно втягиваютъ потомство въ свой кругъ. У другихъ народовъ выработалась преимущественно система зятьевъ или же отвергается всякая система, и отдѣльной личности предоставляется свобода выбора среди цеховъ и избранія по желанію того или другого ремесла. Благодаря этому, поддерживалась жизненность ремеслъ и устранялась неподвижная замкнутость ихъ. Правда, настаивали на томъ, чтобы будущій мастеръ былъ порядочнаго происхожденія, но совсѣмъ не требовалось, чтобы сынъ непремѣнно шелъ по стопамъ отца.

Цехи пріобрѣтали нерѣдко такую силу, что привлекали на свою сторону правовой порядокъ и добивались монополіи: только принадлежавшій къ цеху имѣлъ право вступать въ кругъ даннаго рода сношеній. Или же цеховая замкнутость разрывалась, и на мѣсто права совокупности становилось право индивидуальнаго самоопредѣленія: такимъ образомъ, создавалась борьба взаимнаго соперничества. Съ того времени **свободная**

конкурренція становится лозунгомъ. Она расшатываетъ застывшія цеховыя формы, ведетъ къ интенсивному развитію индивидуума, является источникомъ ряда движеній впередъ. Она предаетъ гласности тайну цеха, освобождаетъ отъ укоренившихся предразсудковъ ремесла, поощряетъ духъ изобрѣтательности, создаетъ новыя формы производства и новые союзы и группировки. Правда, она поощряетъ и дурныя стороны человѣка и выдвигаетъ въ некрасивой формѣ стремленіе подавить другихъ не преимуществами, но обманомъ и спекуляціей на человѣческія слабости. Исчезаетъ порядокъ и духъ дисциплины, присущій цеху. Жадное стремленіе къ быстрой наживѣ и недостаточная подготовка работниковъ ведетъ къ серьезнымъ недочетамъ: страдаетъ солидность работы, исчезаетъ гарантія въ прочности ея и критической оцѣнкѣ. Съ этимъ можно бороться при помощи правовыхъ и соціальныхъ средствъ: принимаются мѣры противъ обмана и нечестности, придумываются новыя группировки работниковъ, цеховые союзы иного рода, вводятся въ той или иной формѣ провѣрка и испытанія рабочаго до вступленія его въ самостоятельную дѣятельность.

Совершенно иной характеръ имѣютъ централистическія тенденціи большихъ промышленныхъ круговъ, которые не ограничиваются, подобно упомянутымъ цехамъ, небольшими районами, но стремятся подчинить своему господству области цѣлыхъ народовъ и даже весь міръ. Крупные дома, господствующіе надъ цѣлыми отраслями промышленности, отдѣльныя фирмы и акціонерныя общества образуютъ ассоціаціи съ цѣлью регулированія обмѣна. Они устанавливаютъ извѣстныя нормы для сбыта, обязательныя для каждаго члена ассоціаціи, какъ скоро онъ желаетъ оставаться членомъ и впередъ и не обрекать себя на гибельное изолированіе. Такъ возникаютъ трёсты съ ихъ стремленіями предупредить гибель отдѣльныхъ членовъ отъ конкурренціи; но въ нихъ кроется вмѣстѣ съ тѣмъ опасность подорвать всѣ благодѣянія свободной конкурренціи, благодаря устанавливаемымъ ими нормамъ. Каково должно быть отношеніе къ нимъ правового порядка — трудный вопросъ, вызывающій много споровъ, составляющій одну изъ животрепещущихъ современныхъ темъ.

Съ другой стороны, рабочія массы, получившія законную свободу, стремятся образовать ассоціаціи въ томъ сознаніи, что экономически слабые, соединяясь въ большіе союзы, становятся сильными. Образуются ассоціаціи для облегченія экономическаго положенія отдѣльныхъ лицъ. Въ то же время возникаютъ союзы для экономической борьбы съ капиталомъ. Это — борьба живой работы, воплощенной въ рабочемъ, борьба скрытаго капитала съ работою, накопленною у капиталиста, съ активнымъ капиталомъ.

Таково знаменіе современной экономической жизни. Всемірная исторія видѣла уже аналогичныя группировки, хотя далеко не съ такимъ могучимъ развитіемъ организованныхъ силъ капитала и труда, какъ въ наше время. Вавилоняне имѣли торговлю съ денежнымъ хозяйствомъ, представляющимъ много аналогій съ нашимъ временемъ. Весь промышленный строй китайцевъ проникнутъ цеховыхъ духомъ. Въ эпоху калифата процвѣтали обширныя торговыя сношенія съ системою разъѣздныхъ агентовъ, хотя стремленіе къ образованію ассоціацій существовало лишь въ зародышѣ. Наконецъ, морскія сношенія малайцевъ носили уже характерныя черты нашей морской торговли.

Главныя экономическія проблемы нашего времени вытекаютъ изъ антагонизма между свободной конкурренціей и товарищескими трёстами, между свободнымъ рабочимъ договоромъ и нуждою, созданною условіями времени; изъ противуположности между зависимымъ положеніемъ рабочихъ и необычайною властью рабочихъ союзовъ; изъ противоположности между свободною міровою торговлею и необходимостью поддерживать земледѣліе, между

колоссальными размѣрами фабричнаго производства и необходимостью предохранить отъ гибели ремесло, поддерживающее индивидуальное производство. Многое уже сдѣлано, чтобы смягчить эти контрасты съ тѣхъ поръ, какъ убѣдились, что невмѣшательство не есть правильный путь. И для интеллигенціи открыта возможность, безъ переоцѣнки своихъ силъ, освѣщать соціальныя положенія и самостоятельно дѣйствовать въ нихъ. Улучшаютъ положеніе рабочихъ частнымъ путемъ и при содѣйствіи государства, пользуясь идеей страхованія, обезпечиваютъ рабочихъ на случай несчастій, болѣзни, старости и даже лишенія работы. Стремятся совершенствовать ремесла до степени художественныхъ промысловъ, обезпечиваютъ земледѣліе отъ наплывовъ извнѣ охранительными тарифами, и возникали даже предложенія взять въ руки государства совокупную торговлю хлѣбомъ. Всюду создается возможность помогать отдѣльнымъ индивидуумамъ въ борьбѣ съ судьбою. Задача очень трудная. Важно, чтобы разростающійся коллективизмъ не обезсилилъ индивудуальной энергіи, чтобы чрезмѣрное расширеніе огосударствленія не заглушило мощнаго стимула къ торговлѣ, скрытаго въ частной предпріимчивости индивидуумовъ; чтобы излишняя готовность помощи не подавила личности съ ея самосознаніемъ и чувствомъ долга; чтобы національныя мѣропріятія не затормозили пріобщенія къ міровой культурѣ и міровому движенію. Но въ особенности нужно стараться сохранить не только сферу пользованія для индивидуума, но также продуктивныя способности его, чтобы не затормозить мощнаго культурнаго прогресса, который лежитъ въ развитіи индивидуальности. Во всякомъ случаѣ, какъ ни затруднительно данное положеніе, но можно сказать слѣдующее: тогда какъ въ концѣ прошлаго столѣтія міръ отчаявался въ разрѣшеніи своей задачи и изнемогалъ въ сильнѣйшихъ судорогахъ, нынѣ мы проникнуты твердой надеждой, что справимся съ трудностями въ спокойномъ ходѣ развитія.

B. Духовная культура.

Духовное образованіе народа можетъ совершаться то болѣе въ направленіи знанія, то чувства. Оба проявленія духа первоначально нераздѣльны; но въ дальнѣйшемъ теченіи становится замѣтнымъ преобладаніе той или другой стороны. Первымъ выраженіемъ духовной культуры является языкъ, т. е. передача мыслей при помощи словъ (звуковыхъ знаковъ для понятій). Языкъ создается требованіемъ самой жизни, необходимостью общенія между членами общины, живущими совмѣстно. Они выработали корни, изъ которыхъ подъ давленіемъ психологическихъ категорій, при помощи сочетаній, сліяній, метафорической передачи выросъ механизмъ, способный, по крайней мѣрѣ, въ общемъ, выражать наши мысли, а также чувства, поскольку эти послѣднія могутъ быть передаваемы черезъ посредство мыслей.

Способы передачи въ языкѣ чрезвычайно разнообразны и показываютъ, что языкъ есть нѣчто большее, чѣмъ запасъ словъ, въ немъ заключающійся. Важно въ особенности — въ какой мѣрѣ языкъ способенъ выражать многостороннія отношенія основныхъ словъ при помощи сочетанія корней или тѣснаго сліянія и, наконецъ, при содѣйствіи системы суффиксовъ, префиксовъ и аффиксовъ (т. наз. флексіи). Сообразно съ этимъ различаютъ односложные, агглютинирующіе и флектирующіе языки. Кромѣ того, въ предѣлахъ этого круга возможны весьма различныя системы обозначенія мѣстныхъ, временныхъ, причинныхъ категорій (дѣйствительный, страдательный) и психологическихъ функцій (утвержденіе, желаніе, субъективное сомнѣніе: изъявительное, желательное, сослагательное наклоненія и т. д.).

Языкъ составляетъ противоположность весьма распространеннаго въ первобытныя времена мимическаго общенія, при которомъ съ помощью

жестовъ и въ особенности движеній пальцевъ, передается другимъ не отдѣльное понятіе, но сочетаніе понятій.

Рядомъ съ рѣчью появляется счетъ, т. е. сопоставленіе индивидумовъ съ устраненіемъ ихъ индивидуальныхъ свойствъ, по системѣ двойной, пятерной, десятичной, двунадесятой. Первоначально для этого пользуются руками, пальцами рукъ, ногами, пальцами ногъ. Счетъ самъ по себѣ ведетъ къ познаванію общихъ законовъ явленій природы, состоящихъ изъ однородныхъ элементовъ и совершающихся въ пространствѣ, во времени и причинности (интенсивности), т. е. къ математикѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ развивается знакомство съ геометрическими фигурами: нѣкоторыя части одежды имѣютъ трех- или четырехугольную форму; постройки вызываютъ сознаніе опредѣленныхъ формъ и законовъ ихъ; орнаментика обнаруживаетъ предпочтеніе къ опредѣленнымъ геометрическимъ категоріямъ.

Въ связи съ языкомъ находится гораздо позднѣйшее пріобрѣтеніе, письмо, т. е. фиксированіе рѣчи, которое можетъ происходить по двоякой системѣ: по системѣ образнаго или символическаго выраженія мысли (образное письмо, письмо знаковъ), или же по системѣ фонетическаго расчлененія звуковъ рѣчи на слога или буквы (письмо слоговъ, буквенное письмо). Первая система письма есть непосредственное выраженіе идей, вторая прибѣгаетъ къ посредству звуковъ рѣчи, причемъ мы выражаемъ символически не самыя мысли, а только звуки и уже черезъ ихъ посредство — мысли. Переходъ отъ образнаго письма къ слоговому совершался такимъ образомъ: когда въ языкѣ, при развитіи его, образовались одни и тѣ же словесные звуки для различныхъ понятій, то повторяющійся звукъ стали передавать однимъ знакомъ. И если въ письмѣ воспроизводились иностранныя слова, то выраженія иностраннаго языка разлагали на его собственные слога, и слога эти изображали тѣми знаками, которые соотвѣтствовали равнозвучнымъ слогамъ собственнаго языка. Такъ, само собою сдѣлалось то, что письменные знаки пріобрѣтали все больше фонетическое значеніе и все меньше значеніе понятій. Процессъ этотъ долженъ былъ подвигаться все дальше, какъ скоро языкъ съ теченіемъ времени измѣнялся. Сохраняли старое письмо съ его способностью обозначать понятія, но вмѣстѣ съ тѣмъ явилась возможность измѣнить письмо съ измѣненіемъ звуковъ рѣчи, такъ что письменные знаки означали слога, а сочетанія слоговъ выражались въ измѣненной рѣчи письменными знаками, соотвѣтствующими звукамъ слоговъ. Такъ постепенно выработалось фонетическое письмо слоговъ. Иногда рядомъ со слоговыми знаками сохранялись еще идеограммы, какъ, напр., въ вавилонскомъ языкѣ. Особенно интересно и характерно для единства человѣческаго духа то, что переходъ къ слоговому письму совершался независимо у различныхъ народовъ, между прочимъ у ацтековъ, которые выказываютъ совершенно самостоятельное развитіе.

Дальнѣйшій шагъ впередъ составляетъ переходъ отъ слогового письма къ буквенному; послѣднее облегчается, если языкъ удерживаетъ въ своихъ діалектахъ согласныя и мѣняетъ гласныя (если, напр., *а* основного языка въ одномъ діалектѣ переходитъ въ *о*, въ другомъ въ *е*, *и* переходитъ въ *е*, *е* въ *и* и проч.). Для того, чтобы сообразоваться съ различіями выговора, выбираютъ какой нибудь общій слоговой знакъ, который означаетъ согласную съ различными гласными (*ба*, *бе*, *бо*), такъ что знакъ выражаетъ собственно только согласную; гласная въ различныхъ діалектахъ дополняется различно. Письмо слоговъ преобразуется, такимъ образомъ, въ письмо согласныхъ, чѣмъ достигается большое упрощеніе, и значительное число знаковъ сводится къ немногимъ. Въ дальнѣйшемъ развитіи ставятъ точки надъ гласными или выражаютъ ихъ самостоятельными знаками. Такъ возникаетъ буквенное письмо.

Письменное общеніе можетъ имѣть индивидуальный или общественный характеръ; въ этомъ послѣднемъ случаѣ содержаніе его передается массѣ людей при помощи публичныхъ объявленій, наклеекъ, многочисленныхъ копій или инымъ путемъ. Первоначально это достигалось обычными способами письма. Въ рабскихъ государствахъ, напр., въ Римѣ, пользовались толпою рабовъ-копировщиковъ, которымъ диктовали рукопись. Эпоху въ этомъ отношеніи составляетъ изобрѣтеніе механическихъ средствъ, при помощи которыхъ разъ написанное могло быть умножаемо по желанію. Съ этой точки зрѣнія искусство книгопечатанія сдѣлало больше, чѣмъ большинство изобрѣтеній, когда либо бывшихъ на землѣ. Возможность распространять въ тысячахъ экземпляровъ одно и то же сообщеніе превращаетъ мысль въ силу, навязываетъ ее безчисленнымъ лицамъ, убѣждая или подчиняя ихъ; мысль дѣйствуетъ массовымъ внушеніемъ. Это можетъ вести къ одностороннему направленію общественнаго мнѣнія, но среди здороваго народа найдутся представители различныхъ направленій, которые будутъ взаимно пополнять, оспаривать и побѣждать другъ друга. Мысль проявляется такимъ способомъ въ массовыхъ дѣйствіяхъ, возбуждаетъ націю неслыханнымъ раньше образомъ, заставляетъ думать, принимать участіе въ партіяхъ. Печать становится образовательной силой перваго разряда. Потребность въ періодическихъ сообщеніяхъ вмѣстѣ съ любопытствомъ, которое не можетъ долго ждать извѣстій, создаетъ правильно появляющіяся формы прессы: рядомъ съ книгами возникаетъ періодическая печать, которая изо дня въ день вліяетъ на громадные слои населенія и обнаруживаетъ неслыханную власть надъ ними. Конечно, этотъ способъ проявленія культуры, какъ и всѣ прочіе, имѣетъ свои вредныя стороны: взгляды на вещи становятся болѣе шаблонными, отдѣльные индивидуумы утрачиваютъ свою своеобразность, и происходитъ не только извѣстное нивеллированіе образованія, но и нивеллированіе воззрѣній и образа мыслей. Въ цѣломъ, однако, знаніе распространяется въ такихъ размѣрахъ, какъ это раньше было немыслимо.

Мыслящій человѣкъ ощущаетъ потребность въ извѣстномъ міровоззрѣніи, и отношенія между человѣчествомъ и природою стремятся въ человѣческомъ сердцѣ къ извѣстному разрѣшенію и уравновѣшенію. Человѣкъ находитъ ихъ въ вѣрѣ.

Подъ вѣрою мы разумѣемъ вѣру въ Бога, т. е. въ тѣ духовныя силы, которыя мощно управляютъ міромъ, все проникаютъ, все раздѣляютъ и все удерживаютъ и каждому даютъ его индивидуальность. Самая природа человѣка побуждаетъ его считать міръ исходящимъ отъ Бога. У первобытныхъ народовъ эта вѣра проявляется вообще въ анимистической формѣ, т. е. такимъ образомъ, что вся внѣшняя и внутренняя природа оживляется, наполняется духами, которые первоначально не выливаются въ ясно очерченную существенность, но всплываютъ въ различныхъ формахъ и индивидуальностяхъ, исчезаютъ и снова образуются, какъ облака въ области атмосферныхъ паровъ. Эти духи отнюдь не чужды человѣку. Онъ самъ живетъ въ мірѣ духовъ, въ особенности когда освобождается отъ земной оболочки, во снѣ и послѣ смерти. Какъ семейства, такъ и отдѣльные индивидуумы, находятся въ большемъ или меньшемъ общеніи съ подобными духами. Въ концѣ концовъ, каждый человѣкъ имѣетъ своего духа-хранителя (маниту), который открывается ему черезъ посредство знаковъ и фантазій. Особыя воплощенія этихъ духовъ, т. е. предметы, въ которыхъ они временно или постоянно поселяются, носятъ названіе фетишей. Такъ возникаетъ поклоненіе фетишамъ, о которыхъ прежніе вѣка, не знавшіе науки о человѣкѣ, имѣли самыя странныя представленія. Деревья, камни, рѣки, куски дерева, самодѣльныя изображенія—все это можетъ быть носителемъ божественнаго духа. Конечно, поклонялись не куску дерева или камню, какъ думали раньше, но духу, воплощенному и про-

являющемуся въ этомъ предметѣ. Во многихъ случаяхъ, особенно у земледѣльческихъ народовъ, вѣра принимаетъ болѣе натуралистическій характеръ. Божество почитается въ образѣ факторовъ, существенныхъ для земледѣлія — солнца, неба, молніи и грома — благодѣтельныхъ небесныхъ боговъ, которымъ противополагаютъ земныхъ боговъ, приносящихъ намъ болѣзни, землетрясенія и другія бѣдствія. Такъ, культъ одухотворяется; его не связываютъ болѣе съ опредѣленными формами фетишей: боготворятъ небо и поклоняются землѣ.

Эта религія сопровождаетъ человѣка отъ рожденія до смерти. Уже при самомъ рожденіи вокругъ него витаютъ добрые и злые духи. Пуповина считается источникомъ силъ; черезъ нее въ ребенка входитъ душа какого либо существа, душа животнаго или одного изъ предковъ, и отъ него ребенокъ получаетъ свое имя. Съ наступленіемъ юности совершаются большія перемѣны, приближается періодъ посвященія юноши. Онъ вступаетъ въ волшебный лѣсъ, новый духъ овладѣваетъ имъ; послѣ постовъ и самоистязаній юноша получаетъ въ магическомъ снѣ свою новую сущность, свою судьбу. Онъ возвращается другимъ и съ новымъ именемъ.

Бракъ означаетъ часто новое посвященіе, такъ же, какъ и моментъ вступленія въ новое положеніе въ качествѣ главы правительства. Со смертью человѣкъ вступаетъ въ царство тѣней. Тамъ онъ проносится сперва надъ рѣкой или моремъ смерти. И часто послѣ долгихъ испытаній онъ достигаетъ новаго царства, гдѣ или продолжаетъ вести прежнюю жизнь, или, смотря по заслугамъ, попадаетъ въ высшія или низшія сферы. Умершему отдаютъ его вещи и даже его лошадей, рабовъ, женъ, чтобы онъ пользовался ими въ другомъ мірѣ и охотятся за головами, чтобы препроводить къ нему новыхъ помощниковъ. Однако, заботясь о благополучіи умершаго въ лучшемъ мірѣ, прилагаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ большія старанія, чтобы онъ не вернулся обратно въ этотъ міръ: приносятъ ему жертвы, опасаются произносить его имя, чтобы не привлечь его вниманіе; въ первое времи стараются сдѣлаться неузнаваемыми, носятъ другія платья, мѣняютъ мѣстопребываніе, и свѣточъ, освѣщающій мертвому дорогу, относятъ все дальше и дальше, чтобы онъ не могъ найти обратнаго пути.

Порою культъ умершихъ вырождается въ настоящій каннибализмъ. Впрочемъ, этотъ послѣдній имѣетъ, безъ сомнѣнія, болѣе древнее и менѣе одухотворенное происхожденіе. Такъ или иначе, но люди доходятъ до того, что поѣдаютъ умершихъ съ цѣлью воспринять въ себя духъ ихъ или уничтожить его. Поэтому съѣдаютъ преимущественно тѣ части тѣла, которыя считаются главнымъ мѣстопребываніемъ души. Этимъ объясняется процвѣтаніе каннибализма даже у развитыхъ народовъ. У нѣкоторыхъ племенъ право съѣданія мертвыхъ принадлежитъ прежде всего родственникамъ.

Такъ вѣра въ духовъ окружаетъ первобытнаго человѣка и слѣдуетъ за нимъ шагъ за шагомъ.

Повседневныя явленія жизни также представляются ему въ свѣтѣ религіи. Когда человѣкъ пашетъ землю или срубаетъ дерево, ему кажется, что въ это время онъ вступаетъ въ дружеское или враждебное общеніе съ духами. Строитъ ли онъ хижину, онъ проситъ благословенія духовъ; идетъ ли на охоту, его сопровождаютъ духи. И даже когда онъ убиваетъ животное, онъ страшится души послѣдняго и старается умилостивить ее или отвлечь гнѣвъ ея въ другую сторону. Мы часто поэтому встрѣчаемъ обычай, что тотъ, кто поймалъ животное, самъ не ѣстъ его или извѣстныхъ частей его.

Изъ этого анимизма развивается культъ героевъ и политеистическій культъ боговъ съ его миѳологическими разсказами. Идея единства міра духовъ разрушается, и неопредѣленныя безформенныя вѣянія принимаютъ очертанія обособленныхъ, самостоятельныхъ существъ, которыя затѣмъ облекаются въ форму, приближающуюся то къ животной, то

къ человѣческой душѣ. Противъ такого дробленія божественнаго существа, подрывающаго характеръ религіи, стремленіе къ единому, впослѣдствіи наступаетъ реакція: частью въ видѣ созданія отца боговъ, частью гипотезы историческаго происхожденія міра боговъ отъ одного корня (теогоническое сказаніе), частью, наконецъ, многобожіе прямо изгоняется, и слагается новая вѣра въ единое существо въ теистической или пантеистической формѣ. При этомъ теистическіе импульсы сами собою приводятъ ко всѣмъ тѣмъ сказаніямъ о твореніи, ко всѣмъ тѣмъ космогоническимъ разсказамъ, въ которыхъ особенно важную роль играетъ сотвореніе человѣка, полученіе огня и человѣческаго оружія и орудій. Пантеистическое ученіе о мірѣ приводитъ къ вѣрѣ въ воплощеніе, къ представленію о періодическомъ чудодѣйственномъ появленіи божества въ исторіи: единство божьяго міра и возможность появленія божества въ единоличной формѣ вытекаетъ изъ идеи воплощенія. Подобно тому, какъ представленіе о присутствіи духа божества во всемъ и наполненіи имъ вселенной уживается на ряду съ мыслью, что извѣстныя мѣста и лица сильнѣе проникнуты божествомъ, точно также не считается противорѣчіемъ, что отъ времени до времени появляется какой нибудь будда, который (не въ примѣръ остальнымъ существамъ) непосредственно и всецѣло воплощаетъ въ себѣ божество, является носителемъ и выразителемъ его.

Вѣра есть дѣло чувства, но не въ томъ смыслѣ, будто религія вытекаетъ изъ страха или изъ воспоминанія повторяющихся сновидѣній. Она дѣло чувства постольку, поскольку она удовлетворяетъ потребности человѣчества въ единомъ міровоззрѣніи не въ области мысли, а больше въ сферѣ жизни чувства. Въ религіи выражается не трезвое, спокойное стремленіе къ знанію: это — вопль сердца къ всевышней силѣ, жалоба на наше ничтожество и безсиліе, это — мольба о помощи и жажда высшаго внутренняго блаженства. Мысль наша пока еще не въ состояніи отвлечься отъ другихъ психическихъ факторовъ, и область чувства имѣетъ существенный перевѣсъ надъ нею.

Какъ скоро существуетъ вѣра въ божество, въ политеистической, монотеистической или пантеистической формѣ — пантеизмъ также имѣетъ свои ступени и оттѣнки — и вѣра эта энергически проявляется въ чувствѣ, у отдѣльнаго индивидуума возникаетъ потребность стать въ близкія отношенія къ божеству. Это достигается при помощи извѣстныхъ дѣйствій или приведенія себя въ состояніе, въ которомъ мы ощущаемъ особую святость и отсюда возможность близкаго соприкосновенія съ божествомъ. Эти дѣйствія, какъ бы приближающія насъ къ божеству, мы называемъ общимъ именемъ культа, а поскольку культъ выражается въ строго выработанныхъ функціяхъ — обрядомъ. Среди обрядностей занимаетъ важное мѣсто жертвоприношеніе. Оно вытекаетъ первоначально изъ нашего представленія о потребностяхъ высшихъ существъ и затѣмъ уже спиритуалистически преобразуется въ болѣе тонкое представленіе о выраженіи этическихъ чувствъ человѣка — безкорыстія и признательности, которыя угодны божеству и, слѣдовательно, способствуютъ его блаженству. Однако, жертвоприношенія эти меньше всего заслуживаютъ названія безкорыстныхъ. Человѣкъ прежде всего думаетъ о себѣ; онъ приноситъ жертвы добрымъ, но, главнымъ образомъ, злымъ духамъ, желая укротить ихъ ярость, смягчить ихъ дурныя намѣренія. Кромѣ того, приносятъ жертвы въ память умершихъ, и въ этомъ сказывается семейный духъ, который переживаетъ отдѣльнаго индивидуума.

Обычныя обрядовыя дѣйствія также первоначально совершаются въ семьѣ главою семейства; но затѣмъ они становятся достояніемъ особыхъ личностей или особаго сословія (жрецовъ). Сословіе жрецовъ развивается изъ класса колдуновъ, экстатическихъ натуръ, которымъ приписывается особенно тѣсное общеніе съ міромъ духовъ. Такая способность бываетъ инди-

видуальной или наслѣдственной, и, сообразно съ этимъ, классъ колдуновъ пополняется по выбору или по наслѣдству. Таковы шаманизмъ, сословіе оганговъ, ясновидящихъ, прорицателей, которые вмѣстѣ съ тѣмъ предсказываютъ будущее, играютъ роль авгуровъ. Впослѣдствіи они приглашаются для улаживанія людскихъ споровъ или, какъ представители народнаго божества, бросаютъ копье на непріятельскую землю въ знакъ объявленія войны (феціалы) или, наконецъ, избираются въ качествѣ пословъ и для переговоровъ въ международныхъ сношеніяхъ (посланники).

Мало по малу описанная дѣятельность выходитъ за предѣлы чувства, и мысль вторгается въ область вѣрованія. Традиціонные догматы слагаются въ науку, и эта наука культивируется преимущественно жрецами. Часто они держатъ ее втайнѣ, окутываютъ туманомъ, что̀ поддерживаетъ исключительность и усиливаетъ власть жреческаго сословія. Наука эта имѣетъ частью миѳологически-историческій характеръ, частью догматическое, частью обрядовое направленіе.

Тайна раньше или позже разсѣивается, возникаютъ сомнѣнія и вопросы, въ системахъ происходитъ расколъ, ведущій къ спорамъ на почвѣ законовъ человѣческаго мышленія. Стараются сгладить многочисленныя противорѣчія, вычеркнуть обветшалое, но прежде всего отдѣлить идейный элементъ вѣры отъ области чувства. Вѣра становится наукою и, поскольку наука освобождается отъ области чувства и власти традиціи, которою проникнутъ міръ чувствъ, — философіей. Какъ скоро однажды проснулась жизнь мысли и найдена точка зрѣнія, выдѣляющая міръ представленій изъ сферы чувствъ, какъ самостоятельное поле для изслѣдованія, рядомъ съ философіей или общей наукою возникаютъ отдѣльныя науки, которыя все больше и больше спеціализируются. Духовная жизнь человѣка, съ одной стороны, силы природы, съ другой, втягиваются въ область наблюденія и изученія, сперва на почвѣ традиціоннаго запаса идей, а затѣмъ уже при содѣйствіи все разростающихся и расширяющихся наблюденій (умозрительныя науки, естествознаніе). Отношеніе ихъ мѣняется. Долгое время господствуетъ дедуктивный методъ, который подвергаетъ критикѣ представленія сообразно развитію законовъ мышленія и на основаніи этой критики пытается создать нашу идею о мірѣ (философія Веданты, Сократова философія, схоластика). Вскорѣ, однако, развивается методъ наблюденія (индуктивный методъ), который восходитъ отъ отдѣльнаго наблюденія къ образованію понятій и оказываетъ особенно плодотворное дѣйствіе въ естественныхъ наукахъ, хотя онъ проникъ также въ умозрительныя науки и здѣсь повелъ къ новымъ результатамъ. Оба метода имѣютъ свои заслуги. Все дѣло въ томъ, чтобы правильно пользоваться каждымъ изъ нихъ: съ одной стороны, ради отдѣльныхъ наблюденій и изслѣдованій не должно упускать изъ виду связи съ цѣлымъ и критически относиться къ возможнымъ соотношеніямъ; но съ другой стороны, критикѣ цѣлаго не должно приносить въ жертву частное, абстракціи — индивидуальнаго, которое дало поводъ къ абстракціи.

Художественное стремленіе человѣка проявляется первоначально частью въ культѣ, частью въ образѣ жизни, безъ строгаго, впрочемъ, разграниченія; здѣсь лежитъ уже зачатокъ различія между искусствомъ и художественной промышленностью.

Культъ стремится къ воплощенію въ образахъ и прежде всего въ осязательной формѣ: образъ есть не только символъ духа, но вмѣстѣ съ тѣмъ оболочка, въ которой воплощается духъ. Духъ, которому поклоняются, можетъ, согласно народной вѣрѣ, какъ мы видѣли выше (стр. 42), поселяться вездѣ: въ растеніи, животномъ, камнѣ (фетишъ), въ изображеніи, которое символически передаетъ особенность духа. Поэтому духи предковъ и связываются съ ихъ изображеніями. Почитаніе череповъ смѣняется почитаніемъ изображеній умершихъ (корваръ). Это — древнѣй-

шій видъ портретнаго искусства. Точно также самую древнюю форму куколъ представляютъ куклы, которыя у нѣкоторыхъ народовъ (напр. у племенъ краснокожихъ) вдова носила при себѣ какъ символъ или оболочку духа своего мужа. Такимъ же образомъ вѣра въ животныхъ духовъ ведетъ къ изображенію животныхъ, къ гербамъ съ рисунками ихъ, къ фиксированію животныхъ изображеній на кожѣ (татуированіе), къ пластическимъ фигурамъ; въ послѣднихъ сверхсущество, которому поклоняются, представлено въ видѣ сочетанія животнаго тѣла съ человѣческимъ.

Точно также молитва приводитъ къ пѣнію, обрядъ къ стихамъ, культъ къ танцамъ. Ритмъ вызываетъ въ человѣкѣ представленіе о вѣчномъ: правильно потворяющееся движеніе само собою вызываетъ чувство всегда повторяющагося.

Сама вѣра становится поэзіей. Вѣра въ животныхъ и миѳъ о превращеніи животныхъ слагается въ сказку, космогоническое и теогоническое представленіе вырастаетъ въ миѳологію; изъ сказаній о герояхъ возникаетъ эпосъ, изъ миѳическаго пониманія природы прославленіе ея, выраженіе единенія съ природою, лирическое опоэтизированіе природы.

Сама жизнь наталкиваетъ на художественное творчество. Стремленіе, въ началѣ еще ребяческое, къ разнообразію картинъ, удовлетворяющему нашей фантазіи, соединяется съ честолюбивымъ желаніемъ нравиться. Отсюда — украшеніе, орнаментъ, наблюдаемое во всѣхъ поясахъ земли. Татуированіе преслѣдуетъ не однѣ религіозныя цѣли, но, какъ мы замѣтили выше (стр. 29), и цѣли украшенія. Раскрашиваніе, уродованія, часто довольно грубыя, какъ, напр., уродованіе черепа, выдергиваніе зубовъ, черненіе зубовъ, привѣшиваніе украшеній къ ушамъ и обезображеніе ушей, втыканіе палочекъ въ губы, всякаго рода прически, быть можетъ, отчасти связаны съ религіозными представленіями, гдѣ вообще сливаются самые различные мотивы; но съ другой стороны, они имѣютъ несомнѣнно орнаментальный характеръ и удовлетворяютъ потребности человѣка въ формѣ и краскѣ. Такимъ же образомъ танецъ есть не только выраженіе культа, но вмѣстѣ съ тѣмъ средство дать выраженіе скрытымъ духамъ жизни. Часто въ танцахъ изливаются чувственные инстинкты, бурлящіе въ народѣ.

Танецъ принимаетъ особое направленіе въ дѣйствіяхъ, символизирующихъ жизненные нравы: въ играхъ, изображающихъ войну, охоту, и особенно въ животныхъ пляскахъ, въ которыхъ танцующіе считаютъ себя проникнутыми душою опредѣленнаго животнаго и мимически представляютъ животное. Такъ возникаетъ драматическая игра, въ основаніи которой лежитъ идея олицетворенія, т. е. идея, что индивидуумъ воплощаетъ въ себѣ въ данный моментъ извѣстное другое существо, которое въ немъ говоритъ и дѣйствуетъ. Таково же происхожденіе первобытной формы маски, т. е. образной формы, оболочки извѣстнаго существа, въ которую наряжаются. Въ древнія времена была въ особенномъ употребленіи животная маска. По представленію древнихъ, въ оболочкѣ заключается духъ и, надѣвая на себя оболочку, мы отождествляемся съ духомъ, который она представляетъ. У многихъ народовъ надѣваютъ не только маску головы, но вмѣстѣ съ нею шкуру, волоса и перья животнаго, которое желаютъ представить. Особенную форму драматической игры, встрѣчающуюся преимуществено у краснокожихъ, представляютъ игры, въ которыхъ передается содержаніе сновидѣній. Подобно тому, какъ въ снахъ ищутъ смысла божественнаго и человѣческаго, сны даютъ канву и для драматической игры, которая должна выразить въ народномъ празднествѣ жизненныя стремленія.

Разновидность танцевъ представляютъ игры, которыя вытекаютъ не столько изъ стремленія къ красотѣ, сколько изъ желанія воспользоваться

случаемъ къ развлеченію. Изъ другого стремленія вытекаютъ сатирическія пѣсни, въ чередующемся пѣніи, какъ, напр., у сѣверныхъ народовъ; въ нихъ въ то же время сказывается народное сужденіе и голосъ народа, такъ что онѣ пріобрѣтаютъ важное воспитательное значеніе. Это — преддверіе свободной сатиры и юмора, появляющихся въ жизни культурныхъ народовъ то какъ блуждающій огонекъ, то какъ очищающая молнія, и освобождающихъ насъ отъ духоты бытія, свѣтящихъ намъ во мракѣ не распутанныхъ загадочныхъ вопросовъ окружающаго міра.

Организованная игра составляетъ особую черту человѣка, возвышающую его надъ жизнью животныхъ. Въ игрѣ, какъ и въ искусствѣ, характерно чужды опредѣленной цѣли проявленіе собственной индивидуальности, поднятіе личности надъ заботами жизни, свободное, не связанное оковами бытія развертываніе ея. Такимъ образомъ, игра, подобно искусству, какъ бы возвращаетъ человѣка самому себѣ и хотя на минуту освобождаетъ его отъ насилія окружающей природы. Именно своей безцѣльностью она доказываетъ, что человѣкъ можетъ быть дѣятелемъ и внѣ условій внѣшняго міра, выразителемъ которыхъ являются конкретныя цѣли жизни: цѣли эти и заключаются въ томъ, что человѣкъ изнываетъ въ борьбѣ съ бѣдствіями бытія и старается побѣдить ихъ. Поглощенный этими цѣлями, человѣкъ еще глубоко привязанъ къ окружающему міру, подчиненъ ему. Наоборотъ, въ игрѣ и въ искусствѣ человѣкъ развертываетъ свою личность, отрѣшившись отъ давленія внѣшняго міра, дающаго ему направленіе и цѣль.

C. Побѣда свободы надъ инстинктомъ.

Всѣ описанныя формы развитія совершаются въ разумныхъ обществахъ, т. е. такихъ, которыя стремятся къ извѣстной дѣятельности не только инстинктивно, но, приспособляясь къ обстоятельствамъ, переходятъ отъ одного состоянія къ другому либо въ силу сознанія необходимости перемѣны, либо по инстинктивному предчувствію ея возможности и необходимости. Духовная сила, которая дѣлаетъ насъ способными выходить изъ извѣстнаго круга и сживаться съ новыми системами, есть человѣческій разумъ. Въ незначительной мѣрѣ эта разумность присуща и нѣкоторымъ животнымъ, но она никогда не достигаетъ у нихъ той степени, чтобы могла быть рѣчь объ исторіи и тѣмъ болѣе объ исторіи, развивающейся собственными силами.

Инстинктивное выливается у человѣка въ обычай. Это — сплетеніе ряда привычныхъ дѣйствій, которыя подразумѣваются сами собою и которыя мы инстинктивно стремимся отстаивать даже тогда, когда въ этомъ не представляется болѣе необходимости и даже когда мы сознаемъ противное. Обычай подчиняетъ отдѣльную личность духу цѣлаго безъ внѣшняго насилія и въ этомъ смыслѣ есть важный соціальный моментъ. И у животныхъ соціальное стремленіе къ единству выражается въ рядѣ заученныхъ инстинктивныхъ дѣйствій.

Но существенное преимущество человѣка заключается въ томъ, что онъ властенъ преодолѣвать инстинктъ обычая, что онъ носитъ въ себѣ зародышъ дальнѣйшаго развитія, что онъ имѣетъ исторію. Причина этого кроется въ разносторонности соціальной натуры человѣка, въ томъ, что въ человѣческомъ обществѣ наряду съ общимъ проявляется частное, рядомъ съ общественной жизнью живетъ индивидуальная дѣятельность. Это ведетъ къ столкновенію, а столкновеніе къ прогрессу. Въ натурѣ человѣка лежитъ, такимъ образомъ, зародышъ прогресса и исторія является исторіей развитія.

Шагъ, которымъ побѣждается обычай, составляетъ выдѣленіе права. Право есть то, чего строго требуетъ общество отъ каждаго, кто желаетъ участвовать въ общественной жизни. Однако, не все то, что есть обычай,

подчиняется такому стѣсненію. Нарушеніе многихъ требованій обычая вызываетъ лишь недовольство со стороны отдѣльныхъ лицъ; общество-же, какъ цѣлое, относится къ нарушителю безразлично. Другими словами, въ процессѣ обособленія обычая и права происходитъ болѣе рѣзкое разграниченіе существующаго отъ долженствующаго быть. Существующее первоначально болѣе или менѣе совпадаетъ съ тѣмъ, что должно быть. Мало по малу, однако, пробуждается оппозиція; встрѣчаются случаи, гдѣ обычаемъ возмущаются, гдѣ освященныя привычки вызываютъ протестъ. Человѣкъ, и хорошій, и дурной, чувствуетъ возможность стать выше инстинкта, и это ему нравится. Даже тотъ человѣкъ, который изъ одного эгоизма ломаетъ устои обычая, является двигателемъ человѣчества. Безъ грѣха міръ никогда не дошелъ бы до культуры, и въ этомъ смыслѣ грѣхопаденіе было первымъ шагомъ къ историческому развитію человѣчества.

Это ведетъ, въ свою очередь, къ необходимости выдѣлить изъ области обычая вещи, соблюденіе которыхъ человѣкъ долженъ отстаивать: это-то долженствующее быть и есть право.

Описанный процессъ выдѣленія права явился однимъ изъ важнѣйшихъ шаговъ. Однимъ ударомъ изобличается относительность обычая; многіе изъ общества, и притомъ не самые худшіе, начинаютъ эмансипироваться отъ него. Это — ворота, черезъ которыя идетъ прогрессъ человѣчества. Но и правовыя нормы не застываютъ и въ концѣ концовъ оказываются уступчивыми. Позднѣйшія перемѣны въ обычаяхъ влекутъ за собою измѣненія права: вслѣдствіе обветшанія обычая, нѣкоторые законы мало по малу на столько разобщаются съ жизнью, что утрачиваютъ свою жизненную силу и умираютъ; съ новымъ обычаемъ создаются новыя правовыя отношенія. Такимъ образомъ, одно является постояннымъ ферментомъ для другого, въ связи, конечно, со степенью культуры, съ особенностями существующихъ соціальныхъ отношеній. Право и обычай взаимно двигаютъ другъ друга впередъ и даютъ возможность человѣчеству приспособляться къ каждому новому завоеванію культуры.

На ряду съ правомъ и обычаемъ выступаетъ позднѣе еще третій факторъ: мораль или нравственность. Это — сравнительно позднее созданіе культуры. Мораль также заключаетъ въ себѣ нѣчто долженствующее быть, но не въ силу соціальнаго, а въ силу божественнаго порядка, отличнаго отъ перваго, или въ силу человѣческаго порядка, построеннаго на почвѣ философіи. Поэтому мораль, какъ и право, неодинакова у различныхъ народовъ и въ различныя времена. Ея особенность состоитъ въ томъ, что выше соціальнаго порядка ставится иной порядокъ съ гораздо болѣе развитою системою обязанностей. Онъ вытекаетъ изъ сознанія, что соціальный порядокъ — не единственный, что онъ имѣетъ точно также лишь относительное значеніе, что онъ не въ состояніи обнять совокупность человѣческихъ обязанностей и что внѣ сферы вліянія этого порядка существуетъ долгъ.

Между моралью и правомъ возможны столкновенія, которыя, въ свою очередь, ведутъ къ дальнѣйшему развитію.

Выдѣленіе морали изъ области права есть дѣло европейской культуры. Оно произошло такимъ образомъ, что требованія соціальныхъ обязанностей стали отдѣлять отъ прочихъ заповѣдей и предоставили ихъ охранѣ божественной справедливости. Это разграниченіе сохранилось и тогда, когда сдѣлана была попытка свести мораль къ человѣческимъ гуманитарнымъ основамъ.

Позднее происхожденіе понятія о нравственности объясняетъ намъ, почему оно не входило первоначально въ понятіе о Богѣ. Духи, фетиши, а также творцы міра въ народныхъ вѣрованіяхъ вначалѣ были нейтральными въ вопросахъ нравственности. Сказанія и разсказы о нихъ носятъ частью космогоническій, частью историческій характеръ или же составля-

ютъ продуктъ фантазіи. Первоначально мы не видимъ слѣдовъ стремленія изображать боговъ какъ представителей добра въ высшемъ или хотя бы низшемъ смыслѣ. И мы поступили бы совершенно неправильно съ точки зрѣнія этнологіи, если бы вздумали цѣнить и судить вѣру народовъ съ этой стороны. Распространенное нѣкогда мнѣніе, будто боги приспособлялись къ людямъ и ихъ характеру, также вѣрно лишь отчасти. Антропоморфизмъ наблюдается лишь постольку, поскольку міръ духовъ являетъ намъ очевидныя аналогіи съ человѣческимъ познаніемъ, волею и дѣйствіями. Въ остальномъ и дикарь легко усмотритъ, что ни обычаи, которые онъ признаетъ на землѣ, ни право, которое сдерживаетъ или побѣждаетъ его страсти, не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ царству духовъ. Что касается морали, то равенство между человѣкомъ и созданными имъ богами имѣетъ мѣсто лишь въ томъ смыслѣ, что первоначально и люди, и боги нравственно безразличны, и моральныя идеи не волнуютъ человѣка, не проявляются въ сказаніяхъ о богахъ его. Только тогда, когда стало яснымъ значеніе нравственности въ жизни человѣка, и онъ познала все глубокое содержаніе жизни, протекающей въ нравственной чистотѣ, вѣра его должна была признать въ высшихъ духахъ высоконравственныя существа, въ богахъ — нравственное совершенство. Совершенно неправильно, поэтому, поступаютъ тѣ, кто предъявляетъ къ небесамъ первобытныхъ народовъ нравственныя требованія или кто возмущается насиліемъ и хитростью, господствующими въ миѳахъ прежнихъ эпохъ. Позднѣе пытались исправить эти черты тѣмъ, что стали различать добрыхъ и злыхъ духовъ и наряду съ божествомъ посадили дьявола, на котораго свалили все злое, что̀ раньше приписывалось богамъ, — и даже еще больше.

Въ заключеніе, позволимъ себѣ еще одно общее замѣчаніе. Различныя составныя части культуры развиваются въ отдѣльныхъ культурныхъ кругахъ весьма различно. Одни народы стремятся больше къ духовной, другіе къ матеріальной культурѣ. Ни одинъ народъ не сравнится съ индусами въ области философскаго умозрѣнія, но въ то же время въ сферѣ естествознанія и примѣненія его къ жизни они остались дѣтьми. Одинъ народъ можетъ развивать въ совершенствѣ торговлю, другой поэзію и музыку, третій частное право. Языкъ краснокожихъ въ нѣкоторомъ отношеніи богаче и утонченнѣе англійскаго. Совершенно неправильно, поэтому, утверждать, что если одно культурное учрежденіе встрѣчается у охотничьяго народа, а другое у земледѣльческаго, или одно у народа, стоящаго вообще выше, а другое у народа, стоящаго вообще ниже, то непремѣнно и въ такой же мѣрѣ такой то институтъ будетъ позднѣйшимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе совершеннымъ. Въ такомъ случаѣ моногамическіе первобытные народы стояли бы выше полигамическихъ индійскихъ арійцевъ и народовъ ислама, а полинезійцы, съ ихъ вкусомъ къ художественному ремеслу и драматическими танцами, должны быть поставлены на высшую культурную ступень, чѣмъ европейцы.

D. Соціальныя формы общественности.

Развитіе человѣчества совершается въ обществѣ. Только въ обществѣ оно и можетъ совершаться, такъ какъ лишь въ общежитіи кроются зародыши развитія, которые выступаютъ подъ вліяніемъ совокупной дѣятельности многихъ.

Для человѣчества имѣло, поэтому, громадное значеніе то обстоятельство, что оно съ самаго начала сомкнулось въ соціальное цѣлое, частью въ силу внутренняго побужденія, частью изъ необходимости самозащиты. Такъ сложилась жизнь толпами, ордами. Это общежитіе было очень тѣсное, такъ какъ оно представляло общество самыхъ близкихъ, общество кровосмѣшенія. Человѣчество жило не только группами, но эти группы скрѣплялись

тѣмъ, что мужчины и женщины одной и той же группы состояли въ связи: насколько мы можемъ судить, человѣчество жило первоначально въ групповомъ бракѣ. Мы не хотимъ сказать этимъ, что люди сперва вступали въ парные браки и рядомъ съ тѣмъ образовали еще группы. — тогда эти послѣднія очень скоро распадались бы. Нѣтъ, групповый бракъ самъ по себѣ являлся сильнымъ звеномъ, могучею цѣпью, которая связывала общину. Самые сильные инстинкты человѣчества удерживали въ связи не только пары, но цѣлыя человѣческія группы. (Болѣе подробное изложеніе происхожденія и самыхъ раннихъ формъ брака читатель найдетъ въ моемъ сочиненіи: „Къ первобытной исторіи брака“, 1897.)

Подъ групповымъ бракомъ мы понимаемъ такую форму соединенія двухъ ордъ между собою, гдѣ мужчины одной орды вступаютъ въ бракъ съ женщинами другой орды, не по одному, а въ массѣ, въ повальномъ смѣшеніи; женится не отдѣльная личность, а орда. Раньше или позже, правда, при такомъ бракѣ орды можетъ происходить упорядоченіе въ предѣлахъ союза, такъ что половыя сношенія отдѣльной личности ограничиваются опредѣленными рамками. Но основная мысль здѣсь — общая собственность, общій бракъ. Конечно, это влечетъ за собою совершенно иныя родственныя отношенія, чѣмъ тѣ, которыя мы знаемъ. Здѣсь говорятъ о такъ наз. классификаторныхъ родственныхъ названіяхъ. Такъ, все старое поколѣніе называютъ отцами и дѣдами, матерями и бабками, все молодое поколѣніе сыновьями и дочерьми, внуками и внучками; люди одного и того же поколѣнія носятъ названіе братьевъ и сестеръ. Затѣмъ, смотря по большей или меньшей дальности поколѣній, здѣсь возможны многіе варіанты.

Фактъ существованія подобнаго групповаго брака былъ, правда, сильно оспариваемъ. Тѣмъ не менѣе, онъ доказанъ именно у тѣхъ народовъ, учрежденія которыхъ носятъ отпечатокъ особенной древности, какъ, напр., у австралійцевъ и краснокожихъ — доказанъ съ такою положительностью, какую вообще допускаютъ явленія въ древней исторіи.

Групповый бракъ стоялъ въ то же время въ связи съ религіозными идеями: отдѣльные союзы чувствовали себя носителями одного особаго духа. И такъ какъ духи того времени считались существами природы, то эти союзы признавали себя за одно существо природы; они чувствовали себя опредѣленнымъ животнымъ или опредѣленнымъ растеніемъ. И соединеніе орды съ ордою уподоблялось соединенію одного животнаго съ другимъ. Каждый союзъ чувствовалъ въ себѣ духъ опредѣленнаго животнаго, носилъ его имя; въ опредѣленномъ животномъ признавали покровительствующій духъ данной орды. Въ животномъ почитали духъ предковъ. Умерщвленіе или раненіе животнаго разсматривалось, какъ тяжелое святотатство.

Это явленіе носитъ названіе тотемизма. Тотемъ (слово, заимствованное изъ языка краснокожихъ) означаетъ покровительствующее животное рода и вмѣстѣ съ тѣмъ самый союзъ, охраняемый этимъ животнымъ, стоящій въ знакѣ его.

Здѣсь вѣра привела къ тѣсному сближенію членовъ тотема. Она опредѣляла строгимъ образомъ — какой именно союзъ долженъ соединяться съ другимъ. Подобно тому, какъ племя въ своихъ танцахъ подражало животному въ томъ предположеніи, что въ немъ сидитъ духъ послѣдняго, точно также изъ этого представленія вытекали правила ѣды и брака. Тотемъ считается экзогамическимъ въ томъ смыслѣ, что бракъ возможенъ только внѣ тотема. Это само собою разумѣется, такъ какъ въ первоначальномъ представленіи въ бракъ вступалъ не отдѣльный индивидуумъ, но совокупный тотемъ; бракъ самъ по себѣ показался бы немыслимымъ. (См. стр. 27 и слѣд. упомянутый работы „Къ первобытной исторіи брака“.)

Какому тотему принадлежатъ дѣти — составляетъ вопросъ, который много занималъ народы: тотему ли матери или отца, или какому нибудь третьему

тотему? Всѣ три возможности существуютъ въ дѣйствительности; послѣдняя, впрочемъ, съ той оговоркою, что ребенокъ принадлежитъ другому подтотему, такъ что его дѣти снова возвращаются въ первоначальный тотемъ.

Однако, принадлежность къ тотему матери или отца обусловливаетъ въ человѣчествѣ значительную разницу между націями: если ребенокъ примыкаетъ къ тотему матери, то говорятъ о материнскомъ, въ противномъ случаѣ объ отцовскомъ правѣ. Какое изъ нихъ было первоначальное? Быть можетъ, ни то, ни другое, и народы съ самаго начала распадались на матріархатъ и патріархатъ. Это составляетъ весьма спорный вопросъ. Значительная вѣроятность говоритъ за то, что материнское право существовало раньше и что народы переходили съ большей или меньшей энергіей и быстротою къ отцовскому праву или же оставались на ступени матріархата. Есть цѣлый рядъ народовъ, представляющихъ обѣ формы, и у этихъ народовъ форма материнскаго права была несомнѣнно болѣе раннею. Это обстоятельство служитъ вѣроятностью въ пользу развитія, тѣмъ болѣе, что народы съ отцовскимъ правомъ часто выказываютъ слѣды материнскаго права. (Ср. „Къ первобытной исторіи брака“, стр. 53 и слѣд.)

Съ теченіемъ времени изъ группового брака произошелъ парный бракъ. Онъ принималъ форму полигиніи (называемой также полигаміей) или поліандріи, смотря по тому, имѣетъ ли одинъ мужъ нѣсколько женъ или одна жена нѣсколько мужей. Въ человѣчествѣ встрѣчаются обѣ формы и, за исключеніемъ западныхъ культурныхъ народовъ, полигинія является даже преобладающею. Форма, къ которой стремится культура, есть, конечно, моногамія, такъ какъ она представляетъ полное индивидуальное сочетаніе мужчины съ женщиною и, съ одной стороны, даетъ просторъ индивидуализму, а съ другой, примиряетъ индивидуализмъ съ высшимъ общеніемъ двухъ индивидуальностей.

Затѣмъ бракъ можетъ быть временнымъ или постояннымъ. Первый съ самаго начала разсчитанъ на короткое время, второй либо безусловно заключается на всю жизнь, или же постояненъ только въ принципѣ, но допускаетъ разводъ въ любой моментъ. Развитіе толкаетъ къ прочному браку, и этотъ бракъ является могучимъ двигателемъ міровой культуры не только потому, что онъ благопріятствуетъ семейной жизни и воспитанію дѣтей, но и въ силу того, что онъ даетъ полное успокоеніе и массу силъ, растрачиваемыхъ при другихъ условіяхъ, сберегаетъ для культурной работы. У нѣкоторыхъ народовъ на религіозной почвѣ возникаетъ склонность моногаміи къ продолженію узъ и послѣ смерти; у другихъ соблюдается, по меньшей мѣрѣ, годичный трауръ то съ одной стороны, то съ обѣихъ.

Парный бракъ развивался изъ группового различными путями. Въ одномъ случаѣ сожительству многихъ людей въ тѣсной близости препятствовалъ недостатокъ пищевыхъ средствъ; въ другихъ случаяхъ существовали иные мотивы. Одинъ изъ факторовъ составляло похищеніе женщинъ: кто похищалъ жену, этимъ какъ бы освобождалъ ее отъ правъ общины и основывалъ самостоятельный бракъ. Обычай похищенія перешелъ затѣмъ въ куплю, при чемъ пострадавшей семьѣ давался эквивалентъ. Иногда заранѣе условливались относительно такого эквивалента. Покупка жены совершалась въ различной формѣ, чаще всего въ видѣ обмѣна и отслуживанія за жену въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Мало по малу покупка приняла, такъ сказать, символическій характеръ, исчезли всякіе слѣды товара и мѣны, и возникъ настоящій, парный бракъ, церковный или гражданскій, съ соблюденіемъ формы или безъ нея.

При этомъ уже съ давнихъ поръ бракъ часто облекается въ религіозную оболочку. Очень распространено мнѣніе, будто общая ѣда, кровное соединеніе или аналогичныя процедуры ведутъ къ мистическому общенію душъ. И при церковномъ бракѣ священникъ даетъ благословеніе неба.

Этимъ бракъ какъ бы возвышается надъ обыденными сдѣлками, пріобрѣтаетъ извѣстную гарантію прочности; многіе считаютъ его даже нерасторжимымъ, исходя изъ мистическаго соединенія душъ.

Противуположность браку представляютъ состоянія безпорядочнаго полового общенія, именуемыя гетеризмомъ. Они встрѣчаются во всѣхъ странахъ земли. Въ одномъ мѣстѣ, какъ, напр., въ Индіи, въ силу особыхъ религіозныхъ представленій, они дѣлаются достояніемъ опредѣленной касты и прикрываются мнимымъ бракомъ (напр., бракомъ съ растеніемъ). Въ другихъ мѣстахъ, какъ у австралійскихъ народовъ и у краснокожихъ, допускаются отъ времени до времени дикія оргіи; иногда право лишенія невинности принадлежитъ опредѣленнымъ лицамъ. Но и у народовъ съ вполнѣ развитымъ институтомъ брака часто допускается половая свобода между несостоящими въ бракѣ. Только бракъ, отдавая женщину мужчинѣ, разлучаетъ ее съ прочими мужчинами, поскольку мужъ самъ не пожелаетъ дѣлить ее съ другими. Важнымъ шагомъ впередъ послужило введеніе обрученія дѣтей; здѣсь невѣста съ дѣтства отдавалась мужчинѣ, что̀ обязывало ее къ цѣломудрію. Въ этомъ — нравственно возвышающее, всемірно историческое значеніе акта обрученія.

Съ другой стороны, издревле не было недостатка въ аскетическихъ представленіяхъ и запретахъ, которыя предписывали опредѣленнымъ классамъ или возрастамъ людей воздержаніе или, по крайней мѣрѣ, воздержаніе въ извѣстное время и при извѣстныхъ случаяхъ.

Собственность также была первоначально коммунистическою и лишь постепенно преобразовалась въ индивидуальную. Въ особенности это можно сказать о земельной собственности, которая (у земледѣльческихъ народовъ) во время своего развитія носитъ общинный характеръ, затѣмъ постепенно превращается въ семейную и, наконецъ, въ индивидуальную собственность. Такой переходъ совершается также различнымъ образомъ: чаще всего вслѣдствіе выдѣленія земли отдѣльнымъ семьямъ, сперва только на время, до послѣдующаго перераспредѣленія, безъ срока. Нерѣдко дѣлается и такъ: кто желаетъ обрабатывать землю, тому она дается; но земля принадлежитъ ему, пока онъ ее обрабатываетъ, а затѣмъ переходитъ обратно къ общинѣ. Мало по малу, по мѣрѣ того, какъ культура дѣлается интенсивнѣе и въ землю вкладываются существенныя улучшенія, допускается болѣе стойкое соотношеніе между землею и пріобрѣтателемъ. Земля отводится отдѣльной личности въ вѣчное владѣніе; она становится и предметомъ отчужденія.

Даже движимая собственность носитъ первоначально коммунистическій характеръ. Правда, нѣкоторые предметы уже рано признаются индивидуальнымъ достояніемъ, каковы одежда, оружіе, лѣчебныя средства, амулеты. Но добыча, въ особенности охотничья и рыболовная, первоначально принадлежала общинѣ. Впослѣдствіи она также передавалась отдѣльнымъ семьямъ, но съ условіемъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ дѣлиться съ остальными членами общины. Въ концѣ концовъ за индивидуумомъ признается право владѣть добычей и плодами своихъ трудовъ или обмѣнивать ихъ. Какъ мы видѣли выше (стр. 31), обмѣнъ, всего болѣе индивидуальный обмѣнъ пріобрѣтаетъ особенное значеніе, благодаря раздѣленію труда.

Индивидуализированію движимой собственности благопріятствуетъ, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что отдѣльная личность, помимо общей работы въ семьѣ, трудится еще на сторону. И подобно тому, какъ работа въ семьѣ принадлежитъ этой послѣдней, такъ результатъ внѣшней работы дѣлается достояніемъ отдѣльной личности. Послѣдовательное проведеніе идеи труда ведетъ къ одному изъ величайшихъ тріумфовъ права: къ признанію права за идеей какъ таковой, за комбинаціей идей, права на нематеріальныя блага (авторское право, право изобрѣ-

тенія). Этимъ создается весьма существенный двигатель современной культуры.

Съ другой стороны, на почвѣ личнаго права возникаютъ отношенія обязательственнаго права. Мѣна и кредитъ создаютъ обязанности и обязательства, за которыя первоначально каждый отвѣчалъ головой и жизнью. Но затѣмъ эта физическая отвѣтственность (которая распространялась также на трупъ) была смягчена до степени публичнаго заключенія за долги. Въ концѣ концовъ отмѣнено и заключеніе, и сохранилось лишь наложеніе ареста на имущество. Этотъ ходъ развитія наблюдался у самыхъ различныхъ народовъ.

Личный характеръ собственности создалъ первоначально обычай хоронить вмѣстѣ съ человѣкомъ его вещи для того, чтобы онѣ служили ему на томъ свѣтѣ, какъ служили на этомъ. Отсюда распространенный обычай сожигать вмѣстѣ съ умершимъ его вещи и оружіе, а также животныхъ, рабовъ и вдовъ (стр. 42). Позднѣе довольствуются уже символическимъ приношеніемъ ихъ въ жертву или же освобождаютъ ихъ отъ гнета смерти и пользуются ими по прежнему. Личная собственность возвращается, такимъ образомъ, семьѣ, возникаетъ наслѣдственное право. Во времена общины не было наслѣдственнаго права, но выбытіе члена влекло за собою лишь консолидацію семейной собственности. Вмѣстѣ съ личной собственностью появляется наслѣдственное право въ формѣ возвращенія имущества семьѣ, изъ которой оно было на время выдѣлено. При этомъ имущество переходитъ къ семьѣ, какъ къ таковой, или же къ отдѣльнымъ членамъ семьи. Здѣсь также наблюдается большое разнообразіе. Такъ, вплоть до новѣйшаго времени сохранился антагонизмъ между множественнымъ и единоличнымъ наслѣдованіемъ. Въ первомъ случаѣ собственность переходитъ къ нѣсколькимъ дѣтямъ или другимъ наслѣдникамъ, во второмъ, къ одному единственному наслѣднику; это различіе встрѣчается какъ въ восточной Азіи, такъ и у насъ (маіоратъ, миноратъ и т. д.). Середину между обѣими крайностями занимаетъ система многихъ наслѣдниковъ съ преимущественнымъ правомъ одного (преимущественный наслѣдникъ).

Уголовная отвѣтственность семьи также бываетъ первоначально коллективной: вся семья, связанная съ индивидуумомъ, отвѣчаетъ за его дѣянія, пока она не отказалась отъ него, не изгнала его изъ своей среды. Подобная огульная отвѣтственность встрѣчается еще у очень развитыхъ народовъ; но мало по малу она слабѣетъ, замѣняется поручительствомъ и, наконецъ, падаетъ исключительно на виновнаго.

E. Государственныя формы общественности.

Государственная форма общественности произошла изъ соціальной. Соціальную же форму общественности составляла родовая община, причемъ отдѣльные роды (тотемы) вступали въ браки между собою. Отсюда произошло правило, что участвовалъ въ общежитіи лишь тотъ, кто принадлежалъ къ одному изъ этихъ родовъ (тотемовъ). И когда многіе тотемы слились въ союзъ и образовали государство, то это было родовое государство, т. е. оно исключительно состояло изъ лицъ, родственныхъ и породнившихся между собою. Эта система уже въ очень раннюю эпоху была дополнена возможностью усыновлять чужихъ и принимать ихъ въ кругъ родовъ, амальгамировать ихъ съ собою. Тѣмъ не менѣе, основою общественности первобытныхъ народовъ повсемѣстно оставалась идея родового союза. Мало по малу, однако, родовое государство преобразуется въ территоріальное. Связь государства съ опредѣленной территоріей становится прочнѣе. На этой территоріи селятся чуждыя орды: ихъ терпятъ потому, что онѣ платятъ подать родамъ и оказываютъ имъ услуги. Постепенно онѣ включаются въ государство, пришельцы сливаются съ туземцами,

плебеи съ родами въ одно цѣлое. Такъ возникаетъ идея государства, членомъ котораго можетъ быть всякій, хотя бы онъ не принадлежалъ къ господствующимъ семействамъ.

Такимъ образомъ, понятіе о государствѣ отдѣляется отъ понятія о народѣ въ смыслѣ общины, связанной происхожденіемъ и, въ силу этого, извѣстнымъ единствомъ внѣшнихъ признаковъ, нравовъ, характера и образа мыслей. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ, что амальгамированіе различныхъ народныхъ элементовъ государства, ассимиляція ихъ въ сферѣ мысли и чувствъ нежелательны, что не должно стремиться къ созданію единенія, аналогичнаго общему происхожденію. Скорѣе всего это возможно въ томъ случаѣ, когда существуетъ коренной родъ, который является главнымъ носителемъ культуры и вокругъ котораго группируются прочіе народные элементы.

Форма правленія въ родовомъ государствѣ была твердо установлена: главы родовъ сосредоточивали въ себѣ и власть. Званіе это переходило по наслѣдству или давалось по выбору. Большею частью существовало и то, и другое: наслѣдникъ по крови получалъ власть въ томъ случаѣ, если его признавали достойнымъ ея. Рядомъ съ этимъ существовалъ общинный совѣтъ. Позднѣе сюда вносятся разныя новшества. Страсть властолюбія въ связи съ вліяніемъ личности часто создавала званіе начальника. Начальникомъ считается тотъ, кто своею властью поглощаетъ права остальныхъ. Онъ является какъ бы кореннымъ носителемъ этихъ правъ; права остальныхъ вторичны, исходятъ отъ него и болѣе или менѣе предоставлены его произволу. Здѣсь, главнымъ образомъ, отражались религіозныя идеи. Нигдѣ это не сказывается съ такой ясностью, какъ въ институтѣ текнономіи, который раньше господствовалъ на Тихомъ океанѣ: идея его заключается въ томъ, что душа отца съ рожденіемъ перваго сына переходитъ въ него, откуда слѣдуетъ, что сынъ становится съ момента рожденія властителемъ, и отецъ является отнынѣ лишь представителемъ власти сына. Другіе народы обошли такой выводъ предположеніемъ, что ребенокъ воспринимаетъ душу не отца, а дѣда, и что слѣдовательно сыновья должны получать свое имя по дѣду, а не по отцу. Другое выраженіе идеи начальника представляетъ существующій у нѣкоторыхъ народовъ періодъ беззаконія, который водворяется со смертью начальника и продолжается до вступленія на тронъ новаго вождя. Позднѣе этотъ періодъ беззаконія смѣняется регентствомъ.

Во многихъ случаяхъ власть начальника ограничивается сословнымъ правомъ, т. е. правомъ подначальниковъ, правомъ семействъ, отличаемыхъ особенными прерогативами, наконецъ, правомъ народнаго собранія. При этомъ взаимныя отношенія властей и упорядоченіе ихъ компетенціи бываютъ чрезвычайно различны. Эти примитивныя формы являются грубыми прототипами будущихъ формъ правленія: королевской власти, аристократическихъ и республиканскихъ учрежденій. При этомъ идея начальника, какъ лица, совмѣщающаго въ себѣ всѣ частныя права, замѣняется принципіально отличнымъ отъ нея правомъ публичной власти (связаннымъ съ обязанностями властителя).

Права и преимущества сословій въ лицѣ сословія воиновъ достигаютъ высокаго развитія у воинственныхъ народовъ или у народовъ, которымъ постоянно грозили враги. Военное сословіе стало между правящею властью и сословіемъ жрецовъ (ученыхъ), съ одной стороны, и кормящимъ классомъ (сословіемъ земледѣльцевъ, промышленниковъ и торговцевъ), съ другой. Занятіе войною, необходимая при этомъ дисциплина, близкая связь съ верховною властью, владѣніе ленными помѣстьями, какъ матеріальною основою существованія, давали ему особое положеніе. Такъ, развилась каста воиновъ въ Индіи, ленное и военное дворянство въ Японіи, ленное дворянство въ германскомъ правѣ, связанное со службою государю и принадлежностью къ придвор-

ному штату. Это продолжается долгое время, и только постепенно ленное устройство вымираетъ и замѣняется всеобщею воинскою повинностью. Правда, пока грозитъ возможность внутреннихъ или внѣшнихъ войнъ, во главѣ военнаго управленія все еще находится извѣстное профессіональное военное сословіе, которое руководитъ военными операціями; но оно здѣсь сливается съ общимъ сословіемъ чиновниковъ. Чиновники стоятъ въ отношеніи къ государству не на общемъ положеніи гражданъ и подданныхъ, но предназначены для выполненія жизненныхъ функцій государства въ качествѣ органовъ его, именно тѣхъ функцій, которыя лежатъ на обществѣ въ его совокупности въ противоположность единичнымъ членамъ общества. Чиновничество вмѣщаетъ особенныя профессіональныя обязанности, но вмѣстѣ съ тѣмъ пользуется въ предѣлахъ своего круга особымъ профессіональнымъ правомъ.

Съ другой стороны, въ государствѣ съ властью начальника, какъ и въ монархическомъ государствѣ, существуетъ народное собраніе. Оно представляетъ неорганизованное собраніе отдѣльныхъ лицъ или организованное сословное собраніе съ сословнымъ правомъ на заднемъ планѣ, на которое чаще или рѣже опираются. Къ современной фазѣ развитія, имѣющей, впрочемъ, свою аналогію уже въ родовомъ государствѣ, относится замѣна народнаго собранія народнымъ представительствомъ, причемъ представители избираются. Какъ извѣстно, въ этомъ отношеніи англійскія учрежденія послужили первообразомъ для современныхъ культурныхъ государствъ.

Одну изъ главныхъ задачъ государства съ начальникомъ во главѣ, такъ же, какъ и позднѣйшихъ государственныхъ формъ, королевской власти или аристократическаго правленія, составляетъ отношеніе свѣтской власти къ духовной. Въ одномъ случаѣ глава государства самъ является представителемъ религіи (перуанскій инка, калифъ), въ другомъ — духовный глава отдѣленъ отъ свѣтскаго. Иногда между ними слагается такого рода связь, что членъ королевскаго дома вмѣстѣсъ тѣмъ облекается въ высшій духовный санъ, какъ у ацтековъ. Часто, впрочемъ, духовный глава вполнѣ самостоятеленъ; такъ, у нѣкоторыхъ африканскихъ народовъ колдунъ занимаетъ совершенно независимое отъ правителя авторитетное положеніе. Такое раздѣленіе можетъ вести, конечно, къ серьезнымъ столкновеніямъ и борьбѣ; но съ другой стороны, оно можетъ стать элементомъ культурнаго движенія, пролагать путь новымъ идеямъ, облегчать сближенія народовъ, ограничивать произволъ (папство и средневѣковая императорская власть).

Форма правленія съ начальникомъ во главѣ въ связи съ сословнымъ правомъ существенно способствовала огосударствленію права. Право всегда имѣло соціальный характеръ; но осуществленіе его возлагалось на болѣе тѣсныя общественныя группы (семья, друзья). Соединеніе осуществленія права съ государствомъ есть одно изъ величайшихъ дѣлъ всемірной исторіи. Этому много способствовала идея, что все право сосредоточено въ начальникѣ государства (и въ сословіяхъ): какъ скоро эта идея вѣрна, глава, а слѣдовательно, и государство, заинтересованы въ томъ, чтобы право, хотя бы въ формѣ частнаго права подданныхъ, оберегалось и не нарушалось. Съ другой стороны, какъ глава государства, такъ и интересы земледѣлія и сношеній стремятся къ внутреннему миру, а внутренній миръ взываетъ къ осуществленію права при содѣйствіи государства.

Правда, здѣсь присоединяется еще новый факторъ — религіозный элементъ: неправое дѣло разсматривается, какъ оскорбленіе Бога, которое навлекаетъ гнѣвъ Божій на всю страну. Такое представленіе восходитъ еще вглубь германскихъ среднихъ вѣковъ, когда Содомъ и Гоморра считались типическими примѣрами Божескаго проклятія. Уже въ раннія эпохи это ведетъ къ особаго рода правосудію: освященные божествомъ тайные союзы (Дукъ-дукъ, Эгбо) ставили себѣ цѣлью осуществлять

право такимъ образомъ, что терроризировали окружающее общество и держали его въ уздѣ страха. Они получали полномочіе отъ самаго божества, которымъ были исполнены. Позднѣе, въ силу тѣхъ же соображеній, общество въ своей совокупности принимаетъ на себя осуществленіе права: оно является носителемъ правового порядка, распредѣлителемъ избавительнаго искупленія, служителемъ божества, охранителемъ общаго мира; оно вмѣщаетъ въ себѣ всѣ элементы идеи правосудія, которые раньше были распредѣлены между отдѣльными семьями, родами, группами и союзами.

Общество создаетъ, поэтому, опредѣленныя формы для того, чтобы судить злодѣянія и налагать на нихъ искупленіе. Такъ возникаютъ процессуальныя формы, которыя долгое время носятъ религіозный характеръ. Призывается божество для рѣшенія вопроса о виновности или невиновности, божество въ образѣ силъ природы. Отсюда такъ называемый судъ Божій водою, огнемъ, ядомъ, змѣями, вѣсами, или (въ средневѣковой Германіи) въ видѣ судебнаго поединка, гаданія, жребія. Особый видъ ордаліи (суда Божія) представляетъ проба съ носилками, причемъ вступаютъ въ общеніе съ душою убитаго, чтобы она указала убійцу. Ордаліи бываютъ частью одностороннія, частью двустороннія, смотря потому — подвергается-ли имъ одна сторона или обѣ стороны. Шагъ впередъ составляетъ замѣна ордалій клятвою: призываютъ проклятіе Божіе на себя и свою семью въ случаѣ неправоты или ложнаго показанія. Индивидуумъ можетъ произносить эту клятву самъ или при содѣйствіи членовъ семьи. Такъ возникаетъ ордалія клятвы и присяга съ присяжными поручителями. Первоначально ждали извѣстный промежутокъ времени (напр., мѣсяцъ) — не осуществится-ли проклятіе. Но впослѣдствіи признали, что уже самая присяга очищаетъ клянущагося (присяга невинности). Вмѣсто присяжныхъ поручителей позднѣе выступаютъ свидѣтели и свидѣтельскія показанія; такъ, мистическій способъ доказательства преобразуется съ теченіемъ времени въ раціональный. Правда, дѣло не обходится здѣсь безъ грустныхъ отклоненій. У нѣкоторыхъ народовъ, у восточныхъ азіатцевъ, краснокожихъ племенъ и средневѣковыхъ германцевъ, съ уничтоженіемъ суда Божія появляется пытка. У нѣкоторыхъ народностей пытка находится въ связи съ Божьимъ судомъ, у другихъ она прямо или косвенно вытекаетъ изъ рабства. Пытка заключается въ томъ, что посредствомъ мукъ обвиняемаго вынуждаютъ оговорить себя и своихъ соучастниковъ или сознаться въ винѣ, если онъ считается преступникомъ. Грубость и нераціональность пытки не препятствовала тому, что она сохранилась въ романскихъ и германскихъ странахъ (кромѣ Англіи) вплоть до XVIII в., мѣстами даже до XIX.

Судъ производится первоначально отъ имени Божьяго, позднѣе отъ имени народа или короля, являющагося представителемъ Бога. Правовыя положенія, которыя до тѣхъ поръ считались обычными, возвѣщаются и фиксируются черезъ посредство слова Божія. Возникаетъ утвержденное право, сперва въ видѣ священнаго права, Божьей заповѣди, потомъ въ формѣ закона. Законъ есть право, облеченное въ извѣстныя правила и нормы. Вначалѣ не было законовъ: правовыя нормы подразумѣвались, записывались только подробности. Позднѣе, однако, когда надъ средою народа поднялись выдающіеся люди, которые стремились развивать право, когда правящіе классы обособились отъ управляемыхъ и явилась необходимость искоренить нѣкоторые народные обычаи, тогда на ряду съ первоначальнымъ кодексомъ мудрости возникъ законъ, который стоитъ выше мудрости, измѣняетъ обычай, прокладываетъ праву новые пути. Каждая большая книга законовъ не есть только компиляція права, но вмѣстѣ съ тѣмъ указывала праву новые пути. Первоначально законъ, какъ исходящій отъ Бога, признается незыблемымъ, неизмѣннымъ и вѣчнымъ; только толкованіе его бываетъ временнымъ и преходящимъ. Позднѣе убѣждаются въ

непрочности самаго закона, и признается истиною, что позднѣйшіе законы могутъ измѣнять предшествующіе. Но какъ относится этотъ позднѣйшій законъ къ существующему уже правовому состоянію и каково взаимнодѣйствіе законовъ различныхъ государствъ, это составляетъ предметъ многихъ споровъ. Развивается особая наука, цѣль которой преодолѣвать эти трудности, (транзиторное, международное право).

Приговоръ и законъ имѣютъ дѣло съ правомъ. Право, какъ мы замѣтили выше (стр. 47), развилось изъ совокупнаго комплекса жизни и обычая. Въ связи съ этимъ развитіемъ само собою возникаетъ стремленіе государства содѣйствовать преуспѣянію за предѣлами права, объять не только область права, но всѣ вообще интересы культуры. Первоначально эта цѣль достигается не выходя изъ сферы права: дѣянія, враждебныя культурѣ, отвергаются правомъ и признаются наказуемыми. Въ средневѣковомъ государственномъ строѣ, особенно въ маленькихъ государственныхъ областяхъ, полицейскія мѣропріятія играютъ большую роль. Въ дальнѣйшемъ теченіи не ограничиваются уже охраною общества, но заботятся также о процвѣтаніи и преуспѣяніи его. Такъ развивается современное государство съ его политикою благосостоянія. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникаетъ потребность въ болѣе строгомъ отдѣленіи юстиціи отъ административной дѣятельности. Этимъ путемъ современное право приходитъ къ основанной на идеѣ Монтескьё системѣ раздѣленія властей и независимости юстиціи.

Такимъ образомъ, ходъ развитія совершается въ контрастахъ: съ одной стороны изъ соціальнаго правового строя вытекаетъ право индивидуума, а съ другой стороны, осуществленіе права постепенно переходитъ въ руки самой большой и могущественной общины, становится дѣломъ государства. Съ одной стороны, право стремится къ индивидуализированію, а съ другой — къ огосударствленію, къ государственному надзору и къ защитѣ государства. Эти противоположности объясняются единствомъ историческаго источника, изъ котораго онѣ произошли: въ основѣ ихъ лежитъ одинъ и тотъ же жизненный зачатокъ, идея соціальнаго права, такъ какъ существенную черту соціальнаго порядка составляетъ именно сочетаніе индивидуальнаго съ общимъ. Прежнія времена, которыя не могли объяснить этихъ противорѣчій, мечтали о государственномъ договорѣ, о такомъ соглашеніи, при которомъ отдѣльные индивидуумы соединялись бы для образованія государства, отказавшись взаимно отъ индивидуальнаго активнаго участія. Это ученіе о государственномъ договорѣ, защищаемое т. наз. школою естественнаго права, исторически невѣрно, какъ показываетъ вышеизложенное. Это не болѣе какъ юридическая фантазія, которая нынѣ справедливо считается похороненною.

4. Временный и національный характеръ культуры. Міровая культура.

Мы только что говорили о заблужденіяхъ естественнаго права. Къ такимъ заблужденіямъ относится также положеніе, что право собственно одно, но что различные народы неодинаково смотрятъ на него и различно понимаютъ его. Съ этой точки зрѣнія мы должны были бы стремиться, такъ сказать, добыть съ неба идеальное право, чѣмъ положительное право (большею частью) устраняется само собою или, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ дѣлается излишнимъ. Точно также представляли себѣ идеальное государство и идеальныя культурныя состоянія, съ достиженіемъ которыхъ движеніе было бы завершено на всѣ времена. Въ этомъ и заключается ошибка. Всякое право различно въ зависимости отъ развитія культуры и отъ функціи, выпадающей на долю этого права въ ходѣ развитія. Въ

такомъ же смыслѣ каждая эпоха создаетъ свою собственную матеріальную и духовную культуру, и всякій поэтъ есть поэтъ своего времени.

Тѣмъ не менѣе, представленіе естественнаго права было важнымъ переходнымъ моментомъ, такъ какъ идея идеала всегда заключаетъ въ себѣ идею возможности иного и лучшаго. Точно также представленіе объ идеальномъ правѣ вызвало критику положительнаго права и послужило толчкомъ къ совершенствованію его. Оно противодѣйствовало стремленію къ косности и проложило пути къ прогрессу. Правда, иногда оно слишкомъ революціоннымъ образомъ вызывало къ жизни искусственныя, несвоевременныя, незрѣлыя, уродливыя формы, вслѣдствіе чего плодотворные зародыши погибали.

Точка зрѣнія естественнаго права была переходнымъ моментомъ въ томъ смыслѣ, что, являясь сама по себѣ неисторическою, она въ то же время подготовила историческое воззрѣніе. Противупоставляя дѣйствительному праву идеальное, она давала возможность изслѣдователю отрѣшаться отъ оковъ воззрѣній даннаго времени и занимать самостоятельное объективное положеніе по отношенію къ этой эпохѣ. Съ другой стороны, было безъ сомнѣнія ошибкою признавать идеальный образъ, построенный, главнымъ образомъ, на современности и ея взглядахъ, мѣриломъ для оцѣнки историческихъ событій всѣхъ временъ и съ апломбомъ моралиста привлекать къ суду героевъ стараго времени. Обязанности историка судить мертвыхъ нужно понимать въ иномъ смыслѣ (мы напоминаемъ здѣсь сказанное въ нашемъ предисловіи). Каждая эпоха должна быть разсматриваема съ точки зрѣнія ея отношенія къ общему развитію, и всякій представитель исторіи является носителемъ историческаго духа своего времени, служителемъ идей своихъ дней. Несправедливо поэтому облекать историковъ въ званіе нравственныхъ цензоровъ, такъ же, какъ не справедливо судить о данной эпохѣ на основаніи ея хорошихъ и дурныхъ характеровъ. Данная эпоха должна быть оцѣниваема на основаніи того, что̀ она прямо или косвенно сдѣлала для человѣчества.

Одна эпоха сбрасываетъ иго чужеземнаго владычества при помощи могучаго національнаго подъема, другая создаетъ великихъ мыслителей и поэтовъ. Одно время зарождаетъ рядъ великихъ созданій культуры, другое собираетъ плоды, но вмѣстѣ съ тѣмъ ускоряетъ паденіе. Но и то, и другое важно для насъ, представляетъ большое значеніе для изслѣдователя. Поэтому съ точки зрѣнія исторіи совершенно неправильно безусловно осуждать эпохи, которыя исходили изъ идеаловъ, несоотвѣтствующихъ нашимъ, напр., времена, когда стремленіе къ единству вѣры влекло за собою подавленіе индивидуальной духовной дѣятельности (инквизиція), или періоды, когда бурныя настроенія стихаютъ и смѣняются покойнымъ исканіемъ новыхъ точекъ опоры. Даже тѣ періоды, въ которые культура вымираетъ, показываютъ историку человѣчество въ важной стадіи уже потому, что на этихъ развалинахъ начинаетъ проростать новая жизнь.

Естественное право было ошибкою и въ другомъ отношеніи. Въ исканіи отвлеченнаго идеальнаго образа упустили изъ виду, что въ каждую эпоху право и культура бываютъ національно различны. Всякая культура національно относительна; она должна имѣть особенности, которыя коренятся въ народномъ складѣ. Она заимствуетъ отъ особенностей народнаго духа извѣстныя черты, которыя не подходятъ къ другимъ народамъ и вытекаютъ изъ индивидуальныхъ условій. И дѣйствительно, все великое находится въ то же время въ связи со свойствомъ индивидуальнаго народнаго духа, такъ что мы вправѣ сказать: только тотъ народъ способенъ создать прочное и великое, который умѣетъ осуществлять свои культурные идеалы. Поэтому нѣтъ ничего ошибочнѣе, какъ игнорировать при изученіи народной культуры подобныя своеобразныя черты на томъ основаніи, что онѣ не пригодны для нашего народа, не подходятъ къ нашему національному образу мыслей.

Однако, и здѣсь должно избѣгать натяжекъ: все-таки точка зрѣнія естественнаго права заключала въ себѣ зерно истины. Такъ, съ одной стороны, какъ мы увидимъ ниже, національныя особенности не исключаютъ заимствованія чуждой культуры, поскольку народъ сумѣетъ ассимилировать эту культуру, слить ее съ своей собственной сущностью. Съ другой стороны, оживленный обмѣнъ въ предѣлахъ собственной страны необходимо смягчаетъ рядъ мѣстныхъ противоположностей и разрушаетъ массу моментовъ, разъединявшихъ до тѣхъ поръ отдѣльныя части народа. Такъ письменность вноситъ единство тамъ, гдѣ боролись между собою многочисленные діалекты; общее законодательство, одинаковый судъ сглаживаютъ многія противорѣчія въ правовой жизни. Точно также въ культурѣ различныхъ народностей оказываются общіе факторы, благодаря которымъ исчезаютъ многія несоотвѣтствія. Религіозная культура христіанства съ одной стороны, ислама съ другой, въ третьихъ культура брамано-буддистской и конфуціанской религіозной жизни охватили каждая мысль и чувство необычайно обширныхъ районовъ народонаселенія и дали направленіе ихъ дѣятельности. Отсюда понятно также, почему правовая жизнь націй стремится къ сильному сближенію, понятны уравнительныя стремленія. Такъ, въ совокупной культурѣ ислама достигнуто правовое единство (не взирая на безчисленныя детальныя различія). Правда, стремленіе достигнуть и въ области христіанства единства римско-каноническаго права потерпѣло въ свое время крушеніе. То была широкая идея всемірной имперіи, которая опиралась на римское право императоровъ и переносила всемірныя права populi Romani на германскаго императора. Эта идея владѣла умами среднихъ вѣковъ вплоть до XIV и даже до XV вѣка. Согласно ей, императоръ является верховнымъ главою христіанства, а прочіе правители низводятся до роли ленныхъ владѣтелей или подчиненныхъ ему территоріальныхъ князей. Эта идея, которую лелѣяли нѣкогда такіе великіе умы, какъ Данте, исчезла, подобно многимъ другимъ, и мѣсто ея заняло ученіе о самостоятельномъ территоріальномъ государственномъ правѣ; тѣмъ не менѣе, она оставила глубокіе слѣды. Она послужила къ болѣе тѣсному сплоченію христіанскихъ народовъ, популяризировала римское право, которое было признано всеобщимъ, универсальнымъ правомъ, тогда какъ совершенно независимо англійское право пріобрѣло безпримѣрное значеніе міроваго права исключительно въ силу необычайныхъ колонизаторскихъ успѣховъ англійскаго народа. Точно также взаимность сношеній сама собою приводитъ къ объединенію торговаго, морского права, права первенства и патентовъ.

На этой же почвѣ должна была развиться идея международнаго правового союза, которая питалась великой идеей единства христіанскихъ народовъ. Мы далеки отъ того времени, которое видитъ въ каждомъ чужеземцѣ врага (hostis), которое признаетъ всѣ иноземныя явленія чуждыми и антипатичными. Возникаютъ правила международнаго сношенія, возникаютъ союзы государствъ на почвѣ взаимныхъ интересовъ и для поддержки мира. Многія задачи, которыя нѣкогда возлагались на императорскую власть, перешли къ международнымъ союзамъ. Институтъ международныхъ третейскихъ судовъ для улаживанія споровъ все болѣе крѣпнетъ.

Съ другой стороны, встрѣчается также, что государства соединяются въ правовые союзы, отказываясь отчасти или всецѣло отъ народно-правовой обособленности. Такъ, отдѣльныя государства преобразуются въ союзное государство, и многія идеи единенія, которыя при другихъ условіяхъ трудно выполнимы, теперь легко осуществляются. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что форма союзнаго государства возникла еще въ эпоху родового государства. Она особенно ясно выражена въ замѣчательномъ государственномъ устройствѣ ирокезовъ.

5. Взглядъ на будущее.

Никому изъ живущихъ въ настоящее время не суждено проникнуть въ конечныя цѣли историческаго процесса. Было бы безплодно пускаться въ гипотезы по этому поводу, столь же безплодно, какъ если бы мы потребовали отъ Платона, чтобы онъ предвидѣлъ христіанскую культурную жизнь или средневѣковую имперскую власть, или отъ Данта, чтобы онъ ясно представилъ себѣ современное промышленное право и строй жизни промышленныхъ народовъ. Теперь мы болѣе, чѣмъ когда либо, знаемъ, что какъ развитіе ни просто, оно не идетъ шаблоннымъ путемъ, но всегда имѣетъ индивидуальный отпечатокъ мѣста и времени. Такимъ образомъ, разсужденія на счетъ будущаго, которыя свелись бы къ шаблонной схематизаціи вещей, падаютъ сами собой. Это все равно, что искать отвѣта на вопросъ — будемъ ли мы черезъ тысячи лѣтъ все еще дѣйствовать на землѣ или намъ удастся перешагнуть предѣлы нашей планеты. На все это есть лишь одинъ отвѣтъ: кто это знаетъ? хотя чувство нашей мощи побуждаетъ насъ отвѣчать утвердительно. Съ другой стороны напрашивается еще иная точка зрѣнія.

Развитіе готовитъ какъ прогрессъ, такъ и паденіе и народовъ, и индивидуумовъ. Ни одинъ народъ не можетъ льстить себя надеждой на вѣчную жизнь, и мы не можемъ предвидѣть, что̀ мы изъ пріобрѣтеннаго потеряемъ въ будущемъ. Если народъ гибнетъ, то онъ можетъ прямо исчезнуть съ лица земли, или же онъ поглощается другимъ народомъ, смѣшивается съ послѣднимъ и болѣе или менѣе теряется въ немъ; вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ исчезать и культура его. Это — серьезная возможность, это — голова Горгоны всемірной исторіи, которой мы должны прямо смотрѣть въ лицо.

Есть, однако, одинъ фактъ, который въ этомъ отношеніи наполняетъ насъ нѣкоторой радостной надеждою: это — фактъ частаго воспринятія, переливанія итоговъ развитія отъ одного народа къ другому, такъ что не приходится начинать развитіе сначала. Это — фактъ воспріятія, усвоенія культуръ (подробное изложеніе этого см. въ моей ст. въ „Aula“ I, 1 и 2). Такое усвоеніе не слѣдуетъ понимать въ общемъ смыслѣ; оно не мѣшаетъ умиранію культуры, и ни одна культура не можетъ уйти отъ напоминанія о смерти, отъ рокового напутствія: миръ праху твоему! Тѣмъ не менѣе, фактъ воспринятія все же наблюдается часто. Оно можетъ совершаться различнымъ образомъ: завоеватель приноситъ покоренному свою культуру, даже навязываетъ ему ее, или завоеватель заимствуетъ культуру у покореннаго, или же воспринятіе происходитъ безъ подчиненія одной стороны, путемъ безсознательнаго заимствованія внѣшнихъ нравовъ и внутренняго образа мыслей. Или, наконецъ, воспринятіе совершается, правда, безъ подчиненія, но сознательно, съ полнымъ пониманіемъ внѣшнихъ преимуществъ или внутренняго значенія этой чуждой культуры. Такимъ образомъ, проблема развитія значительно усложняется: многія культурныя завоеванія умирающаго народа продолжаютъ жить. Иногда, конечно, воспринимающій народъ настолько преображается въ своихъ мысляхъ и стремленіяхъ, что утрачиваетъ нервъ своего существа, теряетъ почву подъ собою и, опьяненный радостями новаго бытія, падаетъ и исчезаетъ. Есть еще другія причины, почему иногда плодотворные зародыши жизнеспособнаго народа гибнутъ подъ вліяніемъ воспринятой культуры. Но, съ другой стороны, народъ, который сумѣетъ ассимилировать чуждую культуру, можетъ проявить такую плодотворную дѣятельность, къ какой онъ при другихъ условіяхъ былъ неспособенъ, такъ какъ сила его прилагается къ достигнутой уже ступени, и онъ избавленъ отъ цѣлаго множества подготовительныхъ попытокъ.

Взаимное воспринятіе основано на **взаимодѣйствіи**, въ которомъ каждый народъ даетъ и получаетъ. Это само собою происходитъ въ томъ случаѣ, когда народы вступаютъ во взаимныя сношенія, изучаютъ учрежденія, знакомятся съ существенными преимуществами чуждаго строя и недостатками своего собственнаго. Всемірная торговля, въ которой каждая нація старается сохранить способность къ конкурренціи, даетъ особый толчокъ къ обоюдному заимствованію нравовъ и права. Ни одинъ народъ не желаетъ отставать, и каждый понимаетъ, что онъ отстанетъ, какъ скоро не позаимствуетъ извѣстныхъ вещей отъ другого. Такое взаимнодѣйствіе окажется тѣмъ болѣе здоровымъ, чѣмъ однороднѣе народы, чѣмъ лучше они понимаютъ другъ друга, чѣмъ болѣе удастся перенять отдѣльныя учрежденія не только съ внѣшней стороны, но вмѣстѣ съ ихъ корнями, и приспособить ихъ къ собственному существу, ассимилировать.

Это даетъ намъ утѣшеніе, что если даже отдѣльные народы, которые намъ извѣстны, умрутъ и исчезнутъ, все-таки наша культурная работа не пропадетъ для міра. Будутъ возникать все новыя общества, которыя благословятъ то, къ чему мы стремились, на что затрачивали наши силы и чего достигли.

Стойкостью и вѣрностью,
И творчествомъ неутомимымъ
Человѣкъ покоряетъ міры.

III. Человѣчество какъ явленіе жизни земли.

Проф. д-ра **Фридриха Ратцеля.**

Несомнѣнно одно: мѣсто исторіи не рядомъ съ природой, но въ ней самой.

Карлъ Риттеръ.

1. Земля и человѣкъ.

Гердеръ разсказываетъ въ предисловіи къ своимъ „Идеямъ о философіи исторіи человѣчества“, какъ онъ искалъ философію исторіи и какъ нашелъ ее въ „движеніи Бога въ природѣ, въ мысляхъ, которыя Предвѣчный изложилъ намъ на дѣлѣ въ цѣломъ рядѣ Своихъ твореній“. Судьбу человѣка онъ видѣлъ написанною въ Книгѣ Творенія, и поэтому для него, толкователя и изъяснителя этой судьбы, путь намѣченъ отъ звѣзднаго міра къ землѣ и отъ земли къ формамъ жизни, которыя вмѣстѣ съ нами пользуются солнечнымъ свѣтомъ. Когда, слѣдовательно, онъ разсматриваетъ землю какъ звѣзду среди звѣздъ, изслѣдуетъ ея положеніе и развитіе въ планетной системѣ, затѣмъ измѣненія горъ и морей, которыя повели къ образованію частей свѣта и странъ, то для него это уже не является естественнонаучнымъ вступленіемъ къ трактату по философіи исторіи. Онъ смотритъ на землю, какъ на великую мастерскую для организаціи разнородныхъ существъ, среди которыхъ человѣкъ занимаетъ свое заранѣе опредѣленное мѣсто. Это мѣсто возможно только на этой почвѣ и только при существующихъ въ природѣ условіяхъ. Такимъ образомъ, земля имѣетъ несравненно болѣе глубокій смыслъ для исторіи человѣчества: это — не просто почва, по которой люди ходятъ, которую они обрабатываютъ и въ которой находятъ могилу. Человѣчество принадлежитъ землѣ, какъ часть земли. Въ исторіи земли былъ моментъ, когда все, что было раньше сдѣлано и создано, являлось лишь подготовленіемъ къ выступленію существа, въ которомъ органическая жизнь планеты должна была достигнуть своего высшаго расцвѣта.

Въ нашихъ глазахъ нѣтъ болѣе великой эпохи въ исторіи земли, нѣтъ такого раздѣленія, которое имѣло бы больше смысла, чѣмъ раздѣленіе исторіи земли на до-человѣческій и человѣческій періоды. Но человѣкъ появился на землѣ не совсѣмъ готовымъ. Человѣкъ есть дитя земли не потому только, что онъ рожденъ изъ земли и, слѣдовательно, построенъ изъ земного матеріала, и не потому, что земля носила въ себѣ человѣка съ появленія перваго зародыша органической жизни, такъ что все раньше созданное предсказывало человѣка. Онъ явился на землю съ потребностью въ воспитаніи и способный къ воспитанію. Земля воспитала его въ борьбѣ со всѣми ея силами и существами, и его частная исторія тѣсно переплетается съ исторіей земли вообще. Періоды тепла и ледниковые періоды то расширяли, то суживали жизненное поприще человѣчества. Человѣкъ видѣлъ, какъ вымирали и вновь появлялись поколѣнія животныхъ и растеній. Немыслимо,чтобы онъ при этомъ оставался все однимъ и тѣмъ же. Слѣдовательно, человѣчество, какъ мы теперь его видимъ, есть продуктъ его собственной исторіи и вмѣстѣ съ тѣмъ исторіи земли. Связь между ними неразрывна и останется такою. Такъ какъ человѣкъ появился въ то время, когда земля имѣла уже за собою длинную исторію, то онъ, этотъ высшій цвѣтокъ на деревѣ творенія, могъ бы и увянуть раньше,

чѣмъ настанетъ вечеръ для земли. И тогда дальнѣйшая исторія земли послѣ человѣка означала бы для совокупной планеты обѣдненіе, для жизни на землѣ — начало обратнаго развитія.

Изъ нашего взгляда на положеніе человѣка въ природѣ замѣтна недостаточность внѣшняго изученія того, что называютъ почвою въ исторіи. Въ ближайшемъ и практическомъ смыслѣ это значитъ, что мы не можемъ удовлетвориться однимъ описаніемъ мѣстностей, какъ введеніемъ въ исторію страны. Будь оно такъ же ярко, какъ вступленіе Іоганна Мюллера къ исторіи Швейцарскаго Союза или введеніе Эрнста Курціуса къ исторіи Греціи, оно никогда не достигнетъ ближайшей цѣли, если не приметъ во вниманіе, напр., отношеніе пространства этой страны ко всему земному пространству, положенія этой страны ко всей землѣ.

2. Главныя положенія антропогеографіи.

А. Взаимная связь странъ.

Для пониманія воздѣйствія природы на исторію требуется нѣчто большее, чѣмъ простое знакомство съ поверхностью, на которой разыгрывается исторія, и притомъ съ состояніемъ ея лишь въ тотъ моментъ, въ который застаетъ ее исторія. Напротивъ, тѣсная связь человѣка съ землею приводитъ насъ къ заключенію, что необходимо заглянуть за предѣлы этой поверхности вглубь и вширь. Такая то форма поверхности, такая то степень возвышенія, словомъ, то или другое географическое явленіе прежде всего существуетъ не само по себѣ, но составляетъ продуктъ болѣе крупной, широко объемлющей силы. Поэтому мы встрѣчаемъ ихъ группами или распредѣленными на большомъ пространствѣ; или они повторяются въ отдаленнѣйшихъ областяхъ. Особенности греческихъ морскихъ береговъ, съ ихъ широкими заливами, крупными мысами и скалистыми островами, встрѣчаются также въ Истріи, Италіи и Испаніи, въ Малой Азіи и даже на Понтѣ. Вездѣ, куда ни заносили грека его суда, отъ Колхиды до Бетиса, онъ приставалъ къ берегамъ съ знакомыми очертаніями. Уже Гердеръ предостерегалъ отъ склонности связывать германскую исторію съ почвою одной только Германіи, такъ какъ и Германія составляетъ, по его мнѣнію, лишь продолженіе Азіи. Кто станетъ отрицать, что отпрыски эврафриканской расы, которая въ до-арійскую эпоху населяла страны Средиземнаго моря и проникала глубоко въ Африку, могли распространиться вплоть до среднеевропейскихъ странъ. Надъ неподвижной землею протекаютъ подвижныя массы воды и еще болѣе подвижный воздухъ. Слѣдовательно, связь странъ заходитъ за предѣлы сосѣдства, которое обусловливаютъ сходство и непрерывность земныхъ слоевъ. Дунай несетъ пески изъ Шварцвальдскаго гранита въ Черное море, и наша погода находится въ зависимости отъ воздушныхъ теченій, которыя идутъ къ намъ чрезъ Атлантическій океанъ, миновавъ берега Виргиніи, Лабрадора или Исландіи. Подъ вліяніемъ тѣхъ же воздушныхъ теченій теплыя атлантическія воды устремляются къ западнымъ побережьямъ Европы, и климатъ ихъ ощущаетъ это тепло далеко вглубь материка. Если на срединѣ Атлантическаго океана хрупкія суда Колумба попали въ другую межконтинентальную систему вѣтровъ и понеслись къ Вестъ-Индіи, то развѣ это не является осязательнымъ примѣромъ историческаго дѣйствія неорганическаго движенія? По вопросу о Дунаѣ величайшій государственный человѣкъ Германіи отрицалъ политическую связь нѣмецкихъ интересовъ съ затрудненіями на Черномъ морѣ. И, однако, есть доля правды въ томъ смутномъ предчувствіи, что рѣка, по природѣ своей составляющая нераздѣльное цѣлое, должна служить связующимъ факторомъ и въ политическомъ смыслѣ Эта связь умалилась до неуловимости, когда Бисмаркъ не признавалъ за

нею политическаго значенія. Но кто станетъ защищать эту точку зрѣнія теперь, въ виду возрастающаго значенія связи между всѣми юго-восточными землями, лежащими по теченію Дуная? Дороги на Востокъ не только не отодвинутъ Дунай на задній планъ, но, наоборотъ, роль его выступитъ яснѣе.

Такимъ образомъ, каждая страна, хотя и существуетъ сама по себѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ является звеномъ въ цѣпи вліяній. Она сама по себѣ организмъ и въ то же время органъ въ ряду другихъ, въ группѣ, въ цѣломъ. Она то больше приближается къ тому, то къ другому, и между организмомъ и органомъ идетъ вѣчная борьба. Назовемъ ли мы этотъ органъ покоренной провинціей, вассальнымъ, дочернимъ государствомъ, колоніей, членомъ союзнаго государства, — стремленіе его къ самостоятельности всегда сводится къ стремленію жить собственной жизнью. Борьба за эту жизнь не всегда имѣетъ характеръ войны. Подъ гнетомъ внѣшняго мирнаго развитія мірового хозяйства организмы также низводятся на степень органовъ. Когда европейская промышленность подрываетъ въ Полинезіи или внутренней Азіи самостоятельное процвѣтаніе искусства и промысловъ массовымъ ввозомъ плохихъ, но дешевыхъ произведеній, тогда вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ самостоятельная жизнь цѣлаго народа. Онъ отнынѣ становится въ ряды тѣхъ, которые вынуждены собирать каучукъ, выжимать пальмовое масло или охотиться за слонами для удовлетворенія потребности европейцевъ и взамѣнъ этого должны покупать плохого качества ткани, водку съ примѣсью сѣрной кислоты, подержанныя ружья и старыя платья, однимъ словомъ, культурное старье. Экономическій организмъ его хирѣетъ, и во многихъ случаяхъ это является началомъ вымиранія. Болѣе сильный организмъ подчинилъ себѣ слабѣйшій. Не то ли самое было, когда Аѳины не могли существовать безъ хлѣба, дерева и конопли странъ, расположенныхъ по сѣверному побережью Средиземнаго моря? Не въ такомъ ли положеніи Англія, которая обречена была бы на голодную смерть безъ подвоза хлѣба и мяса изъ Сѣверной Америки, восточной Европы и Австраліи?

Напрасно искали въ горныхъ породахъ почвы или въ составѣ воздуха отличительные признаки той или другой страны. Представленіе о большихъ, стойкихъ, существенныхъ качественныхъ различіяхъ на землѣ чисто миѳическое. Ни рая, ни страны Дорадо на самомъ дѣлѣ не существуетъ. Мы не знаемъ страны, почва которой давала бы ея мужчинамъ мощную силу, а женщинамъ необычайную плодовитость. Въ Индіи не растутъ на скалахъ благородные камни, а въ трещинахъ земли золото и серебро. Напрасно также философы-историки прошлаго вѣка полагали, что легко установить разницу между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ. Даже Александръ Гумбольдтъ не безусловно отвергалъ мнѣніе, что Новый Свѣтъ производитъ болѣе слабыя и менѣе питательныя растенія, болѣе мелкихъ и слабыхъ животныхъ и, наконецъ, болѣе хилую человѣческую породу. Правда, вымираніе краснокожихъ не являлось бы такой укоризной, если бы мы могли свалить его на великій законъ природы вмѣсто того, чтобы объяснять несправедливостью, корыстью и порочностью бѣлыхъ! Именно ходъ исторіи отпрысковъ европейскихъ народовъ въ Америкѣ не открываетъ ничего похожаго на такое существенное и общее различіе. Наоборотъ, подобно исторіи тѣхъ же народовъ въ сѣверной Азіи, Африкѣ и Австраліи, онъ все болѣе укрѣпляетъ насъ въ мнѣніи, что самыя отдаленныя страны, по скольку климатъ ихъ одинаковъ, призваны служить почвою аналогичной исторической жизни. До сихъ поръ однимъ изъ величайшихъ результатовъ человѣческаго труда является безспорно устраненіе естественныхъ различій. Посредствомъ орошенія и удобренія степи превращаются въ плодородныя страны, различіе между открытою и лѣсною мѣстностью все болѣе и даже слишкомъ быстро и далеко сглаживается,

акклиматизація людей, животныхъ и растеній производитъ нивеллированіе все въ большемъ масштабѣ. Мы предвидимъ время, когда уцѣлѣютъ лишь крайности, каковы пустыня и высокія горы, а въ остальныхъ мѣстахъ вліянія почвы сдѣлаются одинаковыми. Сущность этого процесса можетъ быть выражена короче всего такъ: при всѣхъ расовыхъ и племенныхъ различіяхъ человѣчество въ своей основѣ образуетъ такое же единое цѣлое, какъ и почва его. Своей работой оно все болѣе передаетъ это свойство почвѣ, которая въ силу того съ своей стороны становится все болѣе единообразною.

Такимъ образомъ, зависимость исторіи отъ природы носитъ всегда въ высокой степени теллурическій характеръ. На первый взглядъ историческое развитіе находится въ связи только съ почвою, на которой оно совершается. Но, проникая глубже, мы находимъ корни, которые прикрѣплены къ основнымъ свойствамъ планеты. Этимъ мы отнюдь не хотимъ сказать, что всякая исторія должна быть построена на космологическомъ фундаментѣ и, чтобы считаться полною, должна начинаться, какъ въ прежнее время, съ сотворенія міра или, по меньшей мѣрѣ, съ разрушенія Трои. Тѣмъ не менѣе, и для нашего времени сохраняетъ силу требованіе Гердера: философія исторіи человѣческаго рода, чтобы оставаться сколько нибудь достойною своего имени, должна начаться съ неба и спускаться къ землѣ съ полнымъ убѣжденіемъ, что все существующее въ основѣ одинаково, составляетъ недѣлимое понятіе и въ великомъ и маломъ подчинено одному закону.

B. **Человѣкъ и совокупная жизнь на землѣ.**

Для того, чтобы космическое пониманіе жизни человѣчества не оставалось мертвой, изолированной идеей, мы должны установить отношеніе этой жизни къ совокупной жизни на землѣ. Существованіе человѣка покоится на всеобщемъ развитіи жизни, которое мы раздѣляемъ на растительное и животное царство; или, какъ осторожно выражается Александръ Гумбольдтъ, человѣческій родъ принимаетъ существенное участіе въ совокупной жизни на землѣ. Подобно тому, какъ въ пространственномъ отношеніи растенія и животныя, растительные и животные остатки и продукты становятся между человѣкомъ и неодушевленнымъ ядромъ земли, точно также жизнь человѣка во многомъ зависитъ не непосредственно отъ земли, но отъ растеній и животныхъ, которыя уже, въ свою очередь, условіями жизни прикрѣплены прямо къ землѣ. Это—зависимость позднѣйшаго и высшаго развитія отъ болѣе ранняго и низшаго. Робертъ Майеръ, въ своемъ составившемъ эпоху сочиненіи (1845 г.) „Объ органическихъ движеніяхъ въ ихъ связи съ обмѣномъ веществъ“ называетъ растительный міръ резервуаромъ, въ которомъ летучіе солнечные лучи фиксируются и искусно отлагаются для будущаго пользованія. По его мнѣнію, съ этимъ „экономическимъ запасомъ“ неразрывно связано физическое существованіе человѣческаго рода; онъ объясняетъ этимъ инстинктивное удовольствіе, испытываемое взоромъ человѣка при видѣ богатой растительности,

Исторія человѣчества показываетъ, какъ различно свойство и дѣйствіе элементовъ, которые заключаетъ въ себѣ этотъ резервуаръ. Прежде всего растенія и животныя раздѣляютъ съ человѣкомъ почву, и за эту почву онъ вынужденъ бороться съ ними. Степь благопріятствуетъ историческому движенію, лѣсъ тормозитъ его. Обитатель тропиковъ едва можетъ совладать съ сорными травами, забивающими его поле, тогда какъ полярный житель видитъ растительный міръ лишь два мѣсяца въ году и то въ мелкихъ и жалкихъ формахъ. Неодинаковое распредѣленіе полезныхъ растеній на землѣ въ значительной мѣрѣ обусловило различія въ ходѣ развитія этническихъ группъ. Австралія и арктическія страны почти

ничего не получили, тогда какъ Старый Свѣтъ былъ въ изобиліи снабженъ цѣнными дарами, и Азія больше, чѣмъ Африка и Европа: самыя полезныя изъ домашнихъ животныхъ — азіатскаго происхожденія. Доевропейская исторія Америки, по своему умѣренному обладанію полезными растеніями и почти полному отсутствію домашнихъ животныхъ, несравненно однообразнѣе, чѣмъ исторія Стараго Свѣта. Къ величайшимъ переворотамъ совокупной жизни на землѣ относятся пересадки растеній изъ одной страны въ другую, сдѣланныя рукою человѣка. Размѣры ихъ трудно опредѣлить, такъ какъ распространеніе отдѣльныхъ культурныхъ растеній, напр., банановъ, во многихъ частяхъ свѣта, отстоящихъ далеко другъ отъ друга, представляется еще загадкою. И этотъ процессъ никогда, вѣроятно, не будетъ законченъ, пока разселеніе и скученіе людей заставляетъ ихъ все шире пользоваться этой сокровищницей жизни на землѣ.

С. **Народъ и государство, какъ организмъ.**

Отношенія человѣка къ почвѣ прежде всего такія же, какъ и всѣхъ остальныхъ живыхъ существъ. Общіе законы распространенія жизни обнимаютъ также законы распространенія человѣческой жизни. Вслѣдствіе того, антропогеографія составляетъ лишь вѣтвь біогеографіи, и цѣлый рядъ біогеографическихъ понятій можетъ быть непосредственно примѣненъ къ распространенію человѣка. Сюда относятся область распространенія или эйкумена, положеніе на землѣ во всѣхъ его категоріяхъ, какъ-то по отношенію къ поясамъ, къ частямъ свѣта или другимъ большимъ отдѣламъ земной поверхности, въ особенности же къ морямъ, окраинное, внутреннее, внѣшнее положеніе, расположеніе рядами или цѣпью, разсѣянное положеніе. Сюда же принадлежатъ пространственныя отношенія, борьба за пространство, развитіе жизни на малыхъ и большихъ пространствахъ, на островахъ и материкахъ, ступени высоты; далѣе, благопріятное или тормозящее вліяніе формы поверхности, ускоренное развитіе въ ограниченныхъ, съуженныхъ областяхъ, защита, доставляемая изолированнымъ положеніемъ. Наконецъ, всѣ свойства границъ должны быть разсматриваемы какъ явленія на периферіи живыхъ тѣлъ.

Если же разсматривать народы, какъ формы органической жизни, то, съ другой стороны, и государственный организмъ есть нѣчто большее, чѣмъ „относительно наилучшее изъ всѣхъ образныхъ опредѣленій государства“ (Шеффле). Государство нельзя и понимать иначе, какъ органическое существо; и если подобный взглядъ встрѣчалъ возраженія, то лишь вслѣдствіе односторонняго толкованія слова организмъ. Каждый народъ, каждое отдѣльное государство представляетъ нѣчто органическое, какъ соединеніе органическихъ существъ. Кромѣ того, органическій характеръ заключается въ тѣсной связи группъ и отдѣльныхъ индивидуумовъ, составляющихъ народъ, государство. Въ народѣ, однако, и въ государствѣ такая связь не можетъ быть разсматриваема какъ вещественная и структурная. Лишь у растеній и животныхъ тотъ организмъ считается наиболѣе совершеннымъ, члены котораго наиболѣе жертвуютъ самостоятельностью въ интересахъ цѣлаго. У народовъ же и государствъ члены сохраняютъ самостоятельность, которая еще болѣе возрастаетъ по мѣрѣ развитія. Такимъ образомъ, по сравненію съ растеніями и животными, народы и государства являются какъ бы весьма несовершенными организмами.

Но превосходство ихъ, исключающее всякое сравненіе, заключается совсѣмъ въ другомъ. Это — духовные и нравственные организмы. Пробѣлы животной организаціи замѣняетъ духовная связь. И эта связь представляетъ, пожалуй, нѣкоторыя аналогіи между жизненными процессами народа и государства, съ одной стороны, и организма, съ другой, такъ что мы вправѣ говорить о процессахъ ассимиляціи, обмѣна и т. п. у народовъ и государствъ. Это, однако, не болѣе, какъ сравненія, ко-

торыя можно назвать образными. Въ томъ же смыслѣ говорятъ и объ органахъ. Здѣсь имѣется въ виду лишь раздѣленіе труда между членами государства, которые, благодаря такой локализаціи, уподобляются органамъ. Въ этомъ смыслѣ пограничныя провинціи государства могутъ быть названы периферическими органами, которые предназначены для охраны и обмѣна. Однако, употребленіе выраженія „органъ" требуетъ величайшей осторожности. Въ растительномъ и животномъ организмѣ многіе члены, преобразуясь въ органы, дѣлаются подчиненными, жертвуя своей самостоятельностью организму. Человѣкъ, какъ членъ народнаго и государственнаго организма, представляетъ, наоборотъ, наиболѣе индивидуализированный продуктъ творенія. Онъ не жертвуетъ ни единымъ волокномъ, ни одной клѣткою цѣлому; онъ поступается лишь своей волею, склоняя ее передъ цѣлымъ или отдавая ее въ распоряженіе цѣлаго. Такимъ образомъ, народъ и государство покоятся, какъ живыя существа, на тѣхъ же основахъ, что и растенія, и животныя; но поскольку вообще здѣсь допускается сравненіе, это не организмы въ настоящемъ смыслѣ слова, а агрегатные организмы, которые лишь подъ вліяніемъ духовныхъ и нравственныхъ силъ не только уподобляются высшимъ организмамъ сложностью жизни и дѣятельности, но далеко опережаютъ ихъ.

Помимо духовной связи члены народа и государства соединены и матеріальною связью, на которую въ спорахъ объ организмѣ государства, къ удивленію, мало обращалось вниманія. Мы говоримъ о связи съ почвою. Почва — вообще единственное въ государствѣ, что̀ находится въ вещественной связи. Поэтому то по всей исторіи проходитъ сильное и возрастающее стремленіе соединять государство съ почвою, какъ бы прикрѣплять его корнями. Для организма государства почва есть не только связующая основа, но и единственное осязательное ненарушимое доказательство его единства. Въ ходѣ исторіи эта связь не только не ослабляется, какъ можно было бы думать въ виду прогрессивнаго освобожденія духовныхъ силъ, но становится, наоборотъ, все тѣснѣе, переходя отъ соединенія немногихъ людей со сравнительно обширнымъ пространствомъ въ первобытномъ мелкомъ государствѣ къ крупному, высоко культурному государству, гдѣ густое населеніе связано съ относительно малымъ пространствомъ. Во всѣхъ превращеніяхъ экономическихъ и политическихъ формъ проходитъ красною нитью стремленіе связывать данное пространство съ бо̀льшимъ и бо̀льшимъ количествомъ людей. При этомъ господствуетъ законъ, что всякое отношеніе народа или народца къ почвѣ стремится принять политическую форму и что всякая политическая организація ищетъ союза съ землею. Дѣленіе Моргана исторіи человѣчества на нетерриторіальную и территоріальную эпохи не вѣрно. Территорія необходима во всякой формѣ государства, даже въ зачаточномъ государствѣ, образуемомъ нѣсколькими негрскими хижинами или фермою на дальнемъ Западѣ. Развитіе заключается лишь въ томъ, что заселяется и эксплуатируется земли все больше и больше и что съ возрастаніемъ народонаселенія каждый народъ какъ бы пускаетъ все большее число корней въ свою землю.

Вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ, конечно, измѣняться характеръ народныхъ движеній. Вытѣсненіе переходитъ въ болѣе тѣсное смѣшеніе, и вмѣстѣ съ быстрымъ уменьшеніемъ свободной земли неизбѣжно рѣшается судьба запаздыванія на историческомъ горизонтѣ. Такъ какъ государство есть организмъ, состоящій изъ самостоятельныхъ отдѣльныхъ людей и семейныхъ группъ, то распаденіе его нельзя сравнивать съ разложеніемъ растенія или животнаго, обреченнаго на смерть и гніеніе. Вмѣстѣ съ растеніемъ распадаются также клѣтки, изъ которыхъ оно построено, а въ распадающемся государствѣ освободившіеся индивидуумы продолжаютъ благополучно жить и соединяются въ новое государство; они размножаются и среди распаденія въ нихъ живетъ прежняя необходимость роста. Распаденіе государствъ означаетъ не гибель, а преобразованіе. Крупная государственная

форма умираетъ, болѣе мелкія формы занимаютъ ея мѣсто. Распаденіе есть жизненная необходимость. Нѣтъ ничего ошибочнѣе мнѣнія, будто ростъ государствъ достигнетъ своего предѣла, когда одно государство охватитъ всю землю. Если бы это и случилось когда-нибудь, то задолго до этого великаго момента были бы уже въ ходу многочисленные процессы роста, которые обезпечили бы распаденіе и новообразованіе. До сихъ поръ политическое распространеніе бѣлыхъ на землѣ имѣло своимъ послѣдствіемъ не однообразіе, а, наоборотъ, разнообразіе.

D. **Историческое движеніе.**

Всѣ состоянія народовъ и государствъ, которыя мы можемъ географически опредѣлять, описывать, чертить и, большею частью, даже измѣрять, сводятся къ движеніямъ. Это — движенія, присущія всякой жизни. Конечная причина ихъ — ростъ и размноженіе. Какъ бы ни были они различны сами по себѣ, но общая всѣмъ имъ черта заключается въ томъ, что они связаны съ почвою и, стало быть, всецѣло зависятъ отъ величины, положенія и очертанія своей почвы. Такимъ образомъ, въ каждомъ органическомъ движеніи дѣйствуютъ внутреннія побудительныя силы, свойственныя жизни, и вліянія почвы, съ которою связана жизнь. Въ народныхъ движеніяхъ внутренними побудительными силами являются, съ одной стороны, общія органическія двигательныя силы и затѣмъ импульсы духа и воли человѣка. Нѣкоторые историки принимаютъ во вниманіе только эти факторы, забывая, что они зависимы еще отъ двухъ условій: они не могутъ дѣйствовать дальше предѣловъ, которые вообще поставлены жизни, и не могутъ отдѣлиться отъ почвы, съ какою связана жизнь. Поэтому для пониманія историческихъ движеній нужно прежде всего взвѣсить чисто механическій элементъ, который довольно ясно выражается въ почвѣ. Упущеніе этого обстоятельства было причиною того, что сущность упомянутыхъ движеній раскрылась такъ поздно. Говорили о географіи, но исторію изучали такъ, какъ будто она происходитъ въ воздухѣ. Благодаря тому, пріобщеніе географіи къ исторіи, которое предложилъ Карлъ Риттеръ, не оказалось плодотворнымъ, осталось чисто внѣшнимъ.

Народы суть подвижныя тѣла, удерживаемыя въ связи общностью происхожденія, языка, нравовъ, положенія и часто, главнымъ образомъ, потребностью защиты. Народъ въ одномъ мѣстѣ выдвигается, въ другомъ отступаетъ. Тамъ, гдѣ два народа граничатъ другъ съ другомъ, движеніе одного означаетъ также движеніе другого. За активнымъ движеніемъ слѣдуетъ пассивное, и наоборотъ. Всякое движеніе въ пространствѣ, занятомъ жизнью, равносильно вытѣсненію. Въ жизни народовъ также встрѣчаются теченія и противутеченія. Когда въ южныхъ штатахъ американскаго Союза уничтожено было рабство, бѣлые господа выселились, а бывшіе черные рабы иммигрировали, и „черная полоса“ негровъ отъ южной Каролины до Техаса стала темнѣе.

Эти внѣшнія движенія народовъ принимаютъ самыя различныя формы. Исторія слишкомъ односторонне интересуется лишь такъ называемыми переселеніями народовъ, которыя разсматриваются какъ великія, рѣдкія явленія, какъ историческія бури, которыя, въ видѣ исключеній, нарушаютъ глубокій покой повседневной народной жизни. Подобное воззрѣніе на историческія движенія напоминаетъ отжившее ученіе о катастрофахъ въ геологіи. Въ исторіи народовъ, какъ и въ исторіи земли, великія послѣдствія не всегда являются непосредственнымъ результатомъ могущественныхъ причинъ. Здѣсь, какъ и тамъ, нужно принимать во вниманіе дѣйствія маленькихъ силъ, которыя, часто повторяясь, вырастаютъ въ итогѣ въ большую сумму. Каждому внѣшнему движенію предшествуютъ внутреннія. Народъ сперва растетъ внутри, пока, наконецъ, избытокъ не

выльется наружу. Приростъ арабовъ въ Оманѣ вызвалъ переселеніе въ восточную Африку по давно извѣстнымъ торговымъ путямъ. Переселялись купцы, ремесленники, искатели приключеній, рабы. Отдѣльныя личности встрѣчались другъ съ другомъ въ Занзибарѣ, Пембѣ и на материкѣ. Съ побережья процессъ шелъ дальше, и изъ суммы функцій отдѣльныхъ индивидуумовъ, купцовъ, колонизаторовъ и миссіонеровъ, выросли затѣмъ арабскія государства внутренней Африки. Въ исторіи, намъ извѣстной, крайне рѣдки случаи заселенія пустой страны. Самый крупный примѣръ этого рода представляетъ заселеніе Исландіи норманнами. Обыкновенно пришлый народъ внѣдряется между туземцами и, въ виду сопротивленія послѣднихъ, часто дробится на маленькія группы, которыя сперва мирно просачиваются въ массу туземнаго населенія.

Эти народныя движенія имѣютъ сходство съ движеніями жидкостей по землѣ. Они предпочитаютъ низины высокимъ мѣстамъ, обходятъ препятствія, текутъ назадъ или дѣлятся. Если теченія идутъ первоначально рядомъ, то у цѣли они сливаются. Примѣромъ могутъ служить потоки переселенцевъ, направляющіеся къ общей колонизаціонной области. Скучиваясь, гдѣ требуется преодолѣть препятствія, они затѣмъ разливаются на болѣе надежной почвѣ. Народъ въ движеніи увлекаетъ за собою другіе народы, и толпа переселенцевъ на длинномъ пути своемъ успѣваетъ обыкновенно воспринять въ себя чуждые элементы. Было бы, однако, ошибочно разсматривать народныя движенія, какъ пассивное теченіе и возводить въ законъ природы движенія народовъ съ горъ въ рѣчныя долины, къ морю, какъ это нѣкогда допускали въ отношеніи египетской культуры, приписывая ей эѳіопское происхожденіе. Воля отдѣльныхъ лицъ суммируется въ общую волю, или отдѣльная воля руководитъ совокупностью. Эта воля не знаетъ абсолютныхъ препятствій на землѣ въ предѣлахъ эйкумены. Съ теченіемъ времени всѣ моря и рѣки пройдены судами, всѣ горы изслѣдованы по обѣ стороны, всѣ пустыни измѣрены. Но всѣ они въ свое время служили тормазами; движущіяся народныя волны останавливались передъ ними или обходили ихъ, пока, наконецъ, препятствіе не было побѣждено. Со времени перваго выхода финикійскаго судна въ Атлантическій океанъ прошло, по крайней мѣрѣ, 2000 лѣтъ, пока отсюда же у Геркулесовыхъ столбовъ сдѣлана была первая попытка прорѣзать Атлантическій океанъ поперекъ. Римляне, начиная съ VII вѣка своего города, обходили Альпы справа и слѣва, но сколько уголковъ въ глубинѣ горъ оставались имъ еще неизвѣстными въ теченіе нѣсколькихъ позднѣйшихъ столѣтій! До сихъ поръ Европа находится подъ вліяніемъ того факта, что Римъ проникъ въ сердце средней Европы не прямо чрезъ среднія Альпы, но въ обходъ черезъ Галлію. Такимъ образомъ, средиземная культура и христіанство пришли въ среднюю Европу не съ юга, а съ запада. Отсюда исходитъ культурная зависимость Германіи отъ Франціи.

Именно римляне при сравненіи съ варварами показываютъ намъ, что эта воля въ народныхъ движеніяхъ не всегда растетъ вмѣстѣ съ культурою, хотя культура предоставляетъ въ ея распоряженіе больше средствъ, увеличиваетъ сношенія, облегчаетъ пути. Конныя толпы кельтовъ и германцевъ также легко переходили Альпы, какъ и римскіе легіоны, а въ умѣніи пробираться черезъ всякіе уголки этихъ горъ и Пиренеевъ варвары всегда имѣли перевѣсъ надъ римлянами. Толпы варварскихъ переселенцевъ не такъ многочисленны, не такъ требовательны, меньше нагружены. Во всякой горной войнѣ необученные партизаны, благодаря своей большей подвижности, оказывались въ выгодѣ передъ регулярными арміями и очень часто одерживали побѣды. Народы на низшей ступени культуры вообще въ цѣломъ подвижнѣе стоящихъ выше. Этимъ уравновѣшиваются для нихъ болѣе усовершенствованныя средства передвиженія, создаваемыя культурою. Правда, это различіе не всегда оказывается въ ихъ пользу. Подвижность

этихъ народовъ означаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе слабое прикрѣпленіе къ землѣ, и по этой причинѣ они легче вытѣсняются, нежели народы, которые сумѣли пустить болѣе крѣпкіе корни. Въ номадизмѣ эта подвижность, сопряженная съ занятіемъ обширныхъ пространствъ, принимаетъ прочную форму, такъ сказать, организуется, и, благодаря постоянной готовности къ переходамъ, является одной изъ величайшихъ силъ исторіи Стараго Свѣта.

Часто народныя движенія понимаются въ томъ смыслѣ, что какая то таинственная сила навязываетъ имъ опредѣленныя направленія. Этотъ взглядъ не только облекается въ пророческую мантію, когда онъ возвѣщаетъ, что исторія движется по солнцу: онъ прямо указываетъ необходимость западнаго направленія историческихъ движеній и старается подтвердить это отъ Цезаря до искателей золота въ Калифорніи. Однако, такая необходимость все еще не выяснена. Ей противорѣчатъ обратныя переселенія, нерѣдко констатированныя исторіей, и еще въ большей мѣрѣ великія движенія, происходившія въ противуположномъ направленіи на одномъ и томъ же материкѣ. Такъ, въ Азіи китайцы пробивались черезъ широкія внутреннія степи и пустыни на западъ къ горнымъ узламъ Памировъ, раздѣляющимъ народы и государства, и въ томъ же направленіи народы Азіи устремлялись въ Европу. Наоборотъ, русскіе, начиная съ XVI вѣка, прошли материкъ въ восточномъ направленіи и отчасти завоевали его. Даже море не остановило ихъ: они проникли съ запада въ сѣверо-западную Америку и завладѣли ею. Поэтому мы не будемъ придавать слишкомъ общаго значенія употребляемымъ въ историческихъ сочиненіяхъ выраженіямъ, какъ-то: политическое или историческое притяженіе, сродство, тяготѣніе и проч.; тѣмъ менѣе станемъ мы искать здѣсь таинственныхъ пружинъ. Понятно, что сильный народъ распространяется въ томъ направленіи, въ которомъ онъ встрѣчаетъ наименьшее сопротивленіе, и тамъ, гдѣ сильный постоянно находится лицомъ къ лицу съ слабымъ, неизбѣжно возникаетъ движеніе въ направленіи къ слабому. Такъ, Египетъ стремится на югъ съ древнѣйшихъ временъ и до сихъ поръ. Въ Суданѣ мы повсюду встрѣчаемъ слѣды такихъ же теченій къ югу вплоть до Адамауи, гдѣ они теперь еще энергически продолжаютъ стремиться дальше. Исторія колонизаціи Америки показываетъ и на югѣ, и на сѣверѣ отклоненіе переселенческихъ теченій въ сторону менѣе населенныхъ областей, въ обходъ гуще населенныхъ мѣстъ. Въ историческія эпохи, имѣвшія въ распоряженіи избытокъ свободныхъ земель, народныя движенія опредѣлялись болѣе естественными мотивами. Чѣмъ многочисленнѣе становились народы на землѣ, тѣмъ сильнѣе были препятствія, возникавшія въ нихъ самихъ.

Народъ растетъ, увеличиваясь въ числѣ, страна — путемъ прироста земли. Пока въ странѣ еще довольно мѣста, ростъ народа возможенъ безъ увеличенія территоріи; народъ заполняетъ промежутки, оставшіеся свободными внутри. Это — внутренняя колонизація. Но какъ скоро онъ вынужденъ стремиться наружу, онъ можетъ также выполнять промежутки, остающіеся свободными въ мѣстообитаніи другого народа. Такъ поступалъ, напр., въ теченіе многихъ столѣтій нѣмецкій народъ въ Австріи, Венгріи, Польшѣ и Америкѣ. Естественно, что съ теченіемъ времени онъ увеличивается вмѣстѣ съ народомъ, почву котораго онъ обрабатываетъ. Это — простая эмиграція, которая совпадаетъ, слѣдовательно, съ внутренней колонизаціей чужой страны. Внѣшняя колонизація имѣетъ мѣсто лишь въ томъ случаѣ, когда государство занимаетъ страну, подчиняетъ ее и съ теченіемъ времени, когда страна окажется пригодною, выселяетъ туда часть своего народа. Вначалѣ эта колонизація можетъ совершаться помимо государства. Если народъ живетъ такъ разбросанно, какъ въ XVI вѣкѣ индѣйцы Сѣверной Америки, то чужой народъ, обладающій стремленіемъ распространяться, можетъ съ успѣхомъ заполнять его промежутки, и первоначальная внутренняя колонизація переходитъ затѣмъ въ политиче-

ское завоеваніе страны. Тутъ вмѣшивается уже государство и объявляетъ своею страну, которую члены его народа раньше завоевали экономически. Переселенцы образовали въ новой странѣ общество, изъ котораго теперь возникаетъ государство или ядро государства. Такой экономически-общественный ростъ, предшествующій политическому покоренію, создаетъ особенно крѣпкія и здоровыя формы. Обратный ходъ вещей бываетъ въ томъ случаѣ, когда государство сперва пріобрѣтаетъ страну, потомъ уже заселяетъ ее членами своего народа. Это есть завоеваніе, которое способствуетъ росту только тамъ, гдѣ слѣдующее затѣмъ переселеніе подготовляетъ почву для народа. Завоеваніе, которое не желаетъ или не можетъ прочно овладѣть почвою, свойственно низшимъ ступенямъ культуры. Таковы, напр., государства зулусовъ въ Африкѣ, окруженныя обширными завоеванными или похищенными территоріями, а также древнія „міровыя государства" передней Азіи, тщетно стремившіяся прочно утвердиться во вновь присоединенныхъ земляхъ. Если владѣнія Рима были прочнѣе, чѣмъ всѣ предыдущія „міровыя царства", то лишь благодаря земледѣльческой колонизаціи, которая всегда слѣдовала по пятамъ за политическими завоеваніями.

Для пространственнаго роста страны требуются земля и народъ. Если земля увеличивается гораздо быстрѣе, чѣмъ народъ, напр., путемъ завоеваній, то это будетъ неорганическое, не прочное расширеніе территоріи, которое обыкновенно очень скоро утрачивается. Если, наоборотъ, народъ увеличивается гораздо быстрѣе земли, то должно наступить скученіе, стѣсненіе внутренняго движенія, чрезмѣрное увеличеніе населенія. Отсюда являются самыя разнообразныя послѣдствія, вытекающія изъ большихъ различій въ ростѣ земли и народа. Мы видимъ, какъ завоевательное государство оставляетъ большія территоріи, для которыхъ ему недостаетъ населенія. Съ другой стороны, пассивные народы въ Индіи и Китаѣ скучиваются до невозможности питаться отъ собственной почвы. Отсюда продолжительный застой и повторныя голодовки, въ связи съ которыми могутъ происходить сравнительно слабыя, безпорядочныя выселенія. Наконецъ, есть народы, у которыхъ завоеваніе и колонизація цѣлесообразно чередуются; таковы, по примѣру римской имперіи, всѣ основатели колоній новѣйшей исторіи. Между ними, однако, въ свою очередь, существуютъ большія различія. Германія, Австрія и Россія въ непосредственной связи съ ихъ завоеваніями колонизировались и росли въ сторону востока. Германія, несмотря на сильный приростъ населенія, отстала въ заморской колонизаціи, тогда какъ Франція съ небольшимъ приростомъ населенія колонизировала энергичнѣе. Но при этомъ она занимала больше земли, чѣмъ требовалось для колонизаціи, почему въ ея исторіи колонизація приняла болѣе завоевательный характеръ. Примѣромъ самой здоровой и прочной колонизаціи съ древнихъ временъ является Англія, благодаря сильной эмиграціи и широкому всестороннему движенію.

Подобно тому, какъ черезъ всю исторію можно прослѣдить возрастающее значеніе территоріи, точно также мы видимъ, что при разселеніи народовъ простое завоеваніе странъ отступаетъ все болѣе на задній планъ и выдвигается экономическое пріобрѣтеніе земли шагъ за шагомъ. Это пріобрѣтеніе все болѣе принимаетъ характеръ мирнаго вторженія. Присоединенія обширныхъ странъ безъ вниманія къ владѣльцамъ ихъ, которые изгонялись или уничтожались то быстро, свинцовыми пулями, то медленно, при помощи водки, либо вслѣдствіе эпидемій и отнятія хорошей земли,—такія присоединенія нынѣ уже невозможны. Колонизація превращается въ правильное управленіе, при которомъ туземцы получаютъ возможность съ пользою примѣнять свои силы. Прежняя колонизація не оставила въ Соединенныхъ Штатахъ Америки ни одного индѣйца къ востоку отъ Миссисипи и не пощадила ни одного тасманійца въ Тасманіи. Новая

колонизація должна умѣть раздѣлять страну въ Трансваалѣ съ 87, въ Наталѣ съ 84% цвѣтныхъ. Это находится въ связи и съ климатическими условіями, которыя въ умѣренномъ поясѣ даютъ бѣлому возможность развернуть всѣ свои силы, тогда какъ въ жаркомъ климатѣ онъ вынужденъ въ значительной мѣрѣ опираться на содѣйствіе туземцевъ.

Въ теченіе вѣковъ возникла, такимъ образомъ, пестрая масса странъ, которыя всѣ носятъ названіе колоній, хотя чрезвычайно разнятся между собою. Нѣкоторыя изъ нихъ, это — формирующіяся государства: для самостоятельности имъ недостаетъ только формы; другія нѣкогда были самостоятельны; многія, наконецъ, производятъ такое впечатлѣніе, что онѣ никогда не могутъ сдѣлаться самостоятельными. Въ однѣхъ колоніяхъ, какъ въ Тасманіи, Кубѣ, Санъ-Доминго, туземное населеніе совершенно исчезло; въ другихъ, какъ въ Индіи или на Явѣ, сохранилась старая народность и въ старыхъ формахъ управляется и эксплуатируется немногочисленными бѣлыми; въ третьихъ, наконецъ, какъ въ Сибири, завоеватели смѣшались съ туземцами. Во многихъ колоніяхъ были нѣкогда широко распространены тѣ признаки юношескаго періода народовъ, которые создаетъ во всѣ времена грубая, но прибыльная работа на безграничныхъ пространствахъ земли. Колоніи, однако, видимо заселяются, и даже въ нихъ мы можемъ замѣтить, что человѣчество въ цѣломъ тѣмъ быстрѣе старится, чѣмъ ускореннѣе темпъ такъ называемаго прогресса культуры. Тѣмъ не менѣе, при сужденіи о современныхъ народахъ, различіе возраста между материнскими странами и колоніями еще долго сохранится. Оно также ясно замѣтно между западными и восточными нѣмцами, какъ между новоангличанами и калифорнцами и даже въ Австраліи между жителями Новаго Южнаго Уэльса и Куинслэнда. Оно выступаетъ не только въ людяхъ, но и въ распредѣленіи земли и труда.

Обособленіе и дифференцированіе составляютъ великіе факторы органическаго роста. Они управляютъ и ростомъ народовъ и государствъ какъ вначалѣ, такъ и въ дальнѣйшемъ ходѣ. Но такъ какъ эти организмы состоятъ изъ самостоятельныхъ членовъ, то дифференцированіе заключается здѣсь не въ сліяніи и преобразованіи этихъ членовъ, а въ распространеніи и группированіи ихъ. Такимъ образомъ, дифференцированіе народовъ становится выдающимся географическимъ процессомъ. Еще не было примѣра, чтобы дочерній народъ отдѣлился отъ материнскаго въ самостоятельный отпрыскъ безъ предшествовавшаго обособленія. Всякій ростъ связанъ съ пространственной перемѣной и вмѣстѣ съ тѣмъ съ измѣненіемъ положенія. Чѣмъ дальше при этомъ ростъ удаляется отъ первоначальнаго положенія, тѣмъ быстрѣе совершается обособленіе. Въ Австраліи Новый Южный Уэльсъ растетъ къ сѣверу, и вокругъ новаго центра Брисбэна возникаетъ новая колонія Куинслэндъ. Куинслэндъ уже значительно разнится отъ Новаго Южнаго Уэльса. Онъ продолжаетъ расти къ сѣверу, подвигается по ту сторону тропика, захватываетъ тропическій климатъ, — и развивается болѣе молодой, тропическій сѣверный Куинслэндъ.

Могучей руководящей силою въ историческихъ движеніяхъ является то обстоятельство, что народы крѣпко держатся своихъ естественныхъ условій существованія даже тогда, когда ростъ толкаетъ ихъ въ другихъ направленіяхъ. Россія растетъ въ своемъ сѣверномъ поясѣ до Тихаго океана. Англія по ту сторону Атлантическаго океана продолжаетъ расти на американской почвѣ приблизительно въ томъ же поясѣ. Финикіяне остаются береговымъ народомъ на побережьяхъ и островахъ, колонизирующіе греки отыскиваютъ мѣстоположенія, сходныя съ ихъ родиною, а нидерландцы проходятъ всю сѣверную Германію въ качествѣ колонизаторовъ болотъ и топей. Всѣ германскія государственныя поселенія по ту сторону Альпъ и Вогезовъ исчезли, и сами германцы за ничтожными исключеніями романизировались. Народы, которые приспособились

къ небольшимъ территоріямъ, какъ греки, всегда отыскивали таковыя же; римляне, наоборотъ, въ обширныхъ основываемыхъ ими земледѣльческихъ колоніяхъ развертывали всю силу своей государственности. Русскіе искали и находили въ Сибири безконечные лѣса, степи и гигантскія рѣки своей родины. Каждый народъ въ своемъ ростѣ стремился обнять то, чѣмъ онъ наиболѣе дорожилъ. Побѣдитель занимаетъ хорошія мѣста и вытѣсняетъ побѣжденнаго въ плохія. Это настолько затрудняетъ въ настоящее время конкурренцію колонизирующихъ государствъ, что они примѣняютъ приблизительно тотъ же масштабъ къ свойствамъ страны. Тамъ, гдѣ Англія основала колоніи, всѣмъ средне- и сѣверно-европейскимъ государствамъ предоставляется лишь подбирать остатки.

Дифференцированіе исходитъ изъ опредѣленія цѣнности земли, и вмѣстѣ съ тѣмъ оно создаетъ все новыя политическія цѣнности, отрѣшаясь отъ старыхъ. Каждое мѣсто на землѣ имѣетъ свою политическую цѣнность, которая можетъ, однако, лежать втунѣ и должна быть со временемъ открыта или вызвана къ жизни. Такимъ открытіемъ былъ выборъ Пирея изъ цѣлаго ряда заливовъ въ качествѣ гавани Аѳинъ. Кто придавалъ цѣнность до эпохи восточно-германской колонизаціи обширнымъ болотистымъ поперечнымъ долинамъ между Гавелемъ и Бугомъ? Въ сущности всякая колонизація и всякое основаніе городовъ есть пробужденіе покоющихся политическихъ цѣнностей. Распознать эти послѣднія составляетъ удѣлъ даровитаго государственнаго человѣка. Дальновидная политика отчасти въ томъ и заключается, что она различаетъ покоющіяся цѣнности еще на дальнемъ горизонтѣ. Конечно, политическія цѣнности будутъ различны, смотря по тому, съ какой стороны онѣ разсматриваются. Французская и нѣмецкая оцѣнка рейнской границы весьма неодинакова. Каждое государство стремится овладѣть политическими цѣнностями, которыя оно распознаетъ, и политическому росту ставятся цѣли въ зависимости отъ тѣхъ мѣстъ земли, къ которымъ онъ направляется. Изъ особенностей въ очертаніи государствъ вытекаютъ стремленія къ морскимъ побережьямъ, къ проходамъ, къ устьямъ рѣкъ и т. п. Съ распространеніемъ народовъ и густотою населенія необычайно возросло число мѣстъ на землѣ, важныхъ въ политическомъ отношеніи, и увеличилась цѣнность ихъ. Но вмѣстѣ съ этимъ сталъ необходимъ выборъ. Такъ, въ періодъ желѣзнодорожнаго строительства выступаютъ на первый планъ немногіе альпійскіе проходы; съ увеличеніемъ осадки кораблей, вниманіе сосредоточилось на немногихъ морскихъ гаваняхъ, которыя сдѣлались центромъ оживленнѣйшихъ сношеній, тогда какъ прочія оттѣсняются на задній планъ. Европа имѣетъ сотни потерявшихъ цѣнность гаваней, проходовъ, укрѣпленій, которые нѣкогда стояли на главныхъ путяхъ историческихъ движеній, а нынѣ оставлены, обойдены теченіемъ.

E. Естественныя области.

Земля съ ея разнообразными очертаніями и свойствами почвы даетъ тысячи точекъ опоръ для жизни и ставитъ ей такое же множество границъ. Изъ почвы выростаютъ силы, которыя сдерживаютъ и вмѣстѣ съ тѣмъ связываютъ безформенную и безграничную расплывчатость жизни. Въ этомъ заключается прежде всего смыслъ естественныхъ областей и естественныхъ границъ. Замкнутая страна идетъ на встрѣчу политической самостоятельности, которая также составляетъ нѣчто замкнутое. Исторія народа на опредѣленной территоріи есть борьба за преимущество этой территоріи. Существенная выгода области, надѣленной естественными границами, заключается въ томъ, что самая замкнутость доставляетъ ей величайшія выгоды. Этимъ объясняется болѣе быстрое экономическое и политическое развитіе народовъ на островахъ и полуостровахъ, въ горныхъ долинахъ и

въ мѣстностяхъ устьевъ рѣкъ, сходныхъ съ островами. Нерѣдко при такихъ благопріятныхъ условіяхъ является слишкомъ ранняя, гибельная зрѣлость. Юное государство думаетъ, что въ своей замкнутости, дающей ему самостоятельность, оно обрѣло все необходимое; слишкомъ поздно оно замѣчаетъ, что это досталось ему цѣною недостатка въ пространствѣ, отъ котораго оно задыхается и умираетъ, какъ мелкое государство отъ гипертрофическаго развитія. Въ этомъ ядро исторіи процвѣтанія и упадка Аѳинъ и Венеціи и всѣхъ вообще государствъ, которыя слишкомъ рано замыкались на островахъ или береговыхъ полосахъ.

Чѣмъ естественнѣе границы области, тѣмъ опредѣленнѣе политическія задачи, предъявляемыя ей ея ростомъ. Какъ проста и сама собою понятна была задача сліянія Англіи, Уэльса и Шотландіи въ Великобританію, какъ ясно намѣчены были линіи роста Франціи между Альпами и Пиренеями, Средиземнымъ моремъ и океаномъ! И какъ туманно, наоборотъ, стремленіе къ развитію Германіи, не имѣющей границъ на востокѣ! Такимъ образомъ, въ общихъ географическихъ признакахъ странъ заранѣе намѣчены движенія, наиболѣе необходимыя. Для Франціи граница Пиренеевъ была нужнѣе рейнской границы, для Россіи поступательное движеніе къ Индійскому океану болѣе важно, чѣмъ стремленіе въ южную Европу. Это — самый здоровый ростъ, когда государство округляется въ своихъ естественныхъ границахъ. Такъ, Соединенные Штаты Америки систематически выполняли южную половину своего материка, Швейцарія росла въ направленіи Рейна и Боденскаго озера. Нерѣдко границы государства съ теченіемъ времени исправляются въ смыслѣ возвращенія къ естественнымъ границамъ. Чили, напр., отказалось отъ владѣній по ту сторону Андъ, несмотря на то, что они принадлежали ему съ самаго открытія, вытекали изъ подраздѣленія испанскихъ провинцій и достались въ борьбѣ за независимость. Весьма часто благопріятнымъ внѣшнимъ границамъ соотвѣтствуетъ внутреннее расчлененіе, которое въ такой же мѣрѣ укрѣпляетъ внутреннюю связь, какъ внѣшняя обособленность обезпечиваетъ и охраняетъ развитіе. Римское государство являлось извнѣ союзомъ странъ Средиземнаго моря, и въ то же время Средиземное море, расположенное по срединѣ его, замѣчательно способствовало прочному сохраненію связи съ отдаленными областями. Факторы, облегчающіе сношенія, скрѣпляютъ въ то же время и связь. Отсюда исходитъ значеніе рѣчныхъ путей для древнихъ, сѣтей каналовъ и желѣзныхъ дорогъ для новѣйшихъ государствъ. Египетъ былъ царствомъ Нила, а Рейнъ игралъ роль главной жизненной артеріи царства Карла Великаго.

Государство не всегда остается въ одной и той же естественной области. Какъ ни выгодна она, но въ силу роста приходится разставаться съ лучшими границами. При этомъ обмѣнѣ одного протяженія на другое играетъ роль прежде всего законъ растущихъ пространствъ. Каждая страна, каждое море, рѣчная область, долина есть вмѣстѣ съ тѣмъ территорія, которая должна быть изучена, заселена и политически заполнена, прежде, чѣмъ она въ состояніи будетъ проявить свое дѣйствіе извнѣ. Такъ, средиземно-морская область должна была пройти свое внутреннее развитіе прежде, чѣмъ проявить внѣшнія дѣйствія. И это внутреннее развитіе захватывало сперва маленькія пространства и отсюда уже переходило на большіе районы. Такъ, мы видимъ, что исторія шла отъ лѣсныхъ прогалинъ, отъ политическихъ оазисовъ, острововъ, мелкихъ полуострововъ (Греція), береговыхъ полосъ къ большимъ полуостровамъ (Италія), промежуточнымъ территоріямъ съ континентальными размѣрами (Галлія), и уже подъ конецъ остановилась на пространствахъ, занимающихъ половину материка (Соединенные Штаты Америки, Канадскія владѣнія) и на цѣлыхъ частяхъ свѣта. Европа, вторая по наименьшей величинѣ часть свѣта, служила до сихъ поръ главнымъ средоточіемъ исторіи, но при этомъ замѣчается вели-

чайшее раздробленіе ея пространствъ. Австралія, наименьшій изъ материковъ, повидимому, раньше другихъ сомкнулась въ континентальное государство. Исторія прилагаетъ всѣ старанія, чтобы вывести на сцену три большихъ части свѣта и противупоставить 108 милліонамъ квадратныхъ километровъ, занимаемыхъ ими, 17 милліоновъ кв. кил., принадлежащихъ малымъ материкамъ. Экономическіе результаты этого сказываются уже весьма чувствительно. Происходитъ взаимнодѣйствіе между обособленіемъ и расширеніемъ, которое нагляднѣйшимъ образомъ видно на той же исторіи Рима: первоначальное государство въ бассейнѣ нижняго Тибра, состоящее изъ одного города, охватываетъ постепенно апеннинскую Италію, весь полуостровъ, острова и полуострова Средиземнаго моря и, наконецъ, цѣлыхъ три, соприкасающихся между собою материка.

Границы естественной области всегда вмѣстѣ съ тѣмъ и естественныя границы. Пусть это будетъ предметомъ политической географіи, но и поклонникъ исторіи не долженъ упускать изъ виду, что вопросы о границахъ служатъ самымъ частымъ поводомъ къ военнымъ столкновеніямъ. Кромѣ того, границы составляютъ необходимый результатъ историческихъ движеній. Какъ скоро два государства въ своемъ расширеніи сталкиваются, является препятствіе къ дальнѣйшему движенію, и тамъ, гдѣ движеніе прекращается, является граница. Въ самой природѣ нашей земли кроется то обстоятельство, что растущія государства весьма часто соприкасаются не съ другими государствами, а съ неудобными для обитанія областями. Такое соприкосновеніе устанавливаетъ всегда естественныя границы. Самую натуральную границу представляетъ область, недоступная обитанію: прежде всего анэйкумена, затѣмъ море. Граница на краю эйкумены — самая вѣрная, потому что за нею нѣтъ уже ничего. Великую силу Россіи составляютъ широкія пограничныя съ нею области полярной анэйкумены. Другую необитаемую полосу анэйкумены, раздѣляющую обитаемыя области, которыя въ то же время государственныя области, представляютъ высокія горы. Наконецъ, даже озеро, болото, рѣка можетъ изображать полосу анэйкумены. Но здѣсь вторгается факторъ сношеній, и Рейнъ, который былъ для римлянъ лишь наполненнымъ водою рвомъ, пригоднымъ преимущественно для защиты, является нынѣ, съ его 30 желѣзнодорожными мостами и тысячами судовъ, гораздо болѣе связующимъ путемъ, чѣмъ разъединяющей границей.

F. Положеніе на земномъ шарѣ и климатъ.

Отъ положенія, фигуры и движенія земли лежитъ, повидимому, длинный путь до дѣлъ и судебъ народовъ. И все-таки, изучая послѣдніе, мы каждый разъ невольно будемъ возвращаться къ наклоненію земной оси, къ приблизительно шарообразной формѣ земли и къ тѣмъ движеніямъ, которыя обусловливаютъ непоколебимую правильность въ чередованіи дня и ночи, лѣта и зимы. Дѣйствіе этихъ великихъ теллурическихъ фактовъ бываетъ различно въ зависимости отъ положенія страны на земномъ шарѣ. Практическимъ выраженіемъ положенія страны въ извѣстномъ поясѣ является климатъ ея. Продолжительность дня и ночи на экваторѣ равномѣрнѣе, чѣмъ у насъ; по ту сторону полярнаго круга дни и ночи длятся непрерывно цѣлые мѣсяцы. Обитатели Явы почти не знаютъ колебаній температуры, тогда какъ въ восточной Сибири январь показываетъ 50^0 холода, а іюль 20^0 тепла, и замерзанію ртути противуполагается гнетущій зной. У насъ бываютъ дожди во всякое время года, тогда какъ уже въ Италіи и Греціи въ теченіе года сухіе періоды чередуются съ дождливыми. Изъ этихъ климатическихъ различій вытекаютъ могучія послѣдствія для всей земли и для всего живущаго. И поэтому они должны быть поставлены во главѣ всякаго историческаго изслѣдованія. Наклоненіе земной оси въ $23^1/_2{}^0$ вызываетъ прежде всего измѣненіе въ рас-

предѣленіи тепла. Отсюда возникаетъ вопросъ о зависимости вѣтровъ и осадковъ отъ тепла. А далѣе обнаруживаютъ тысячи соединительныхъ нитей, которыя тѣсно связываютъ экономическую дѣятельность человѣка, его здоровье, распространеніе на землѣ, даже духовную и политическую жизнь его съ климатомъ. Поэтому первое, что я желаю знать о странѣ, это: каково ея положеніе на земномъ шарѣ? Для географа положеніе можетъ быть интересно по многимъ другимъ причинамъ, но для историка главный интересъ заключается въ его многостороннихъ и широко захватывающихъ климатическихъ дѣйствіяхъ.

Антропогеографія открываетъ намъ два пути дѣйствія климата на человѣка. Во-первыхъ, онъ дѣйствуетъ непосредственно на отдѣльнаго человѣка, на цѣлые народы, на обитателей цѣлыхъ поясовъ, вліяетъ на физическое состояніе ихъ, на ихъ настроеніе и духъ; во-вторыхъ, онъ дѣйствуетъ посредственно, оказывая вліяніе на условія жизни народовъ. Главнымъ образомъ, это происходитъ вслѣдствіе того, что отъ климата зависятъ растенія и животныя, съ которыми человѣкъ находится въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. Они даютъ ему пищу, одежду, жилище, они служатъ ему, какъ домашнія животныя и культурныя растенія, и становятся въ высшей степени вліятельными помощниками и орудіями его культурнаго развитія. Кромѣ того, важныя качества почвы также зависятъ отъ климата, который создаетъ здѣсь степь, тамъ пустыню, въ третьемъ мѣстѣ лѣсъ. Оба вида дѣйствій климата сливаются затѣмъ въ политико-географическихъ результатахъ, которые особенно ясно обнаруживаются въ ростѣ государствъ, ихъ прочности и мощи.

Нѣтъ климата на землѣ, котораго человѣкъ не могъ бы выносить: онъ принадлежитъ къ органическимъ существамъ, обладающимъ наивысшею приспособляемостью. Въ самыхъ холодныхъ странахъ земли живутъ люди. Мѣсто съ самыми низкими температурами, Верхоянскъ (средняя температура въ январѣ — 53^0), есть уѣздный городъ Сибири, а мѣсто, принадлежащее къ самымъ жаркимъ, Массова, есть столица итальянской колоніи Эритреи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, съ увеличеніемъ холода и жара, уменьшается число людей, размѣръ поселеній, экономическая дѣятельность. Великія событія міровой исторіи совершались между тропиками и полярнымъ кругомъ. Вопросъ о томъ, сдѣлаться ли сѣверной половинѣ Сѣверной Америки англійскою или французскою, рѣшился между 44^0 и 48^0 с. ш. Точно также споръ о преобладаніи въ сѣверной Европѣ Швеціи или Россіи рѣшился еще южнѣе 60^0 с. ш. Не подъ экваторомъ потеряла Голландія свои индійскія владѣнія и вновь пріобрѣла ихъ, а въ Европѣ. Испанія пала съ высоты властительницы южной и средней Америки потому, что она потеряла силу въ Европѣ. Самыя холодныя страны земли или совсѣмъ необитаемы, какъ Шпицбергенъ и Земля Франца Іосифа, или же по преимуществу необитаемы. Нѣкоторыя, какъ двѣ, только что названныя страны, политически свободны; тѣ же, которыя политически заняты, какъ Гренландія, представляютъ весьма ничтожную цѣнность. Исторія показываетъ, что подобныя колоніи могутъ совершенно прекращать сношеніе съ метрополіей безъ ущерба для послѣдней. Самыя жаркія страны на землѣ составляютъ нынѣ, большею частью, колоніи европейскихъ государствъ или находятся въ зависимости отъ послѣднихъ. Таковы вся тропическая Африка, Азія, Австралія и Океанія и отчасти тропическая Америка. Прекращеніе европейскихъ захватовъ въ Америкѣ произошло не въ болѣе опасной тропической Америкѣ, но въ Сѣверной Америкѣ на 39^0 с. ш. Какое различіе историческаго призванія между вѣтвью тунгусовъ, подчиненною въ холодномъ поясѣ Россіи, и тою, которая въ умѣренномъ поясѣ завоевала Китай и владѣетъ имъ, или между турками, которые въ видѣ якутовъ кочуютъ по Ленѣ, и турками, которые господствуютъ въ западной Азіи? Латамъ называетъ „Zone of Conquest“ („поясъ завоеванія“) тотъ поясъ земли,

въ предѣлахъ котораго отъ Эльбы до Амура живутъ германцы, сарматы, угры, турки, монголы и манчжуры, — народы, разящіе своимъ мечомъ въ двухъ направленіяхъ: къ полюсу бѣдныхъ и слабыхъ, къ экватору богатыхъ и обезсиленныхъ. Обитатели этой полосы одолѣли своихъ сосѣдей къ сѣверу и къ югу, но ни сѣверные, ни южные обитатели не сумѣли гдѣ либо прочно вытѣснить жителей средняго пояса. Германцы выдвинулись отъ Ледовитаго моря до Средиземнаго, славяне растянулись отъ Ледовитаго до Адріатическаго моря, турки и монголы проникли до Индіи, и были времена, когда монголы господствовали отъ Ледовитаго моря до южной Индіи. Наконецъ, манчжуры распространили свое владычество изъ сѣверной Азіи по ту сторону тропика.

Эти различія выступаютъ и въ болѣе тѣсныхъ кругахъ и даже въ предѣлахъ одного умѣреннаго пояса. Такъ обитатели болѣе холодной половины одной и той же страны очень часто выказывали преобладаніе надъ обитателями болѣе теплой части. Причины контраста между сѣверомъ и югомъ, управляющаго развитіемъ Соединенныхъ Штатовъ Америки, довольно очевидны: югъ былъ истощенъ хозяйствомъ плантацій и рабствомъ; бѣлое населеніе тамъ прибывало медленнѣе, и онъ въ меньшей мѣрѣ пользовался закаляющимъ и развивающимъ вліяніемъ земледѣлія и промышленности. Поэтому сѣверъ сдѣлался руководителемъ сперва въ мирной борьбѣ, а подъ конецъ и въ войнѣ. Въ Италіи и Франціи также отчасти понятенъ перевѣсъ сѣвера; въ Германіи намъ ясно, по крайней мѣрѣ, пространственное преобладаніе и выгода близости моря. Въ исторіи Англіи, наконецъ, точно также сѣверъ преобладаетъ надъ югомъ. Тѣмъ не менѣе, здѣсь должны были играть роль еще другіе моменты помимо климатическихъ. Есть невѣсомые факторы, которые проникаютъ глубже, чѣмъ солнечные лучи и дождь. Такъ, нужно вспомнить о поясномъ расположеніи народовъ, изъ которыхъ произошли нынѣшніе народы. Граница, правда, стушевалась, но сѣверные народы остались на сѣверѣ, а южные на югѣ. Аристотель, какъ извѣстно, предсказывалъ эллинамъ политическое преобладаніе и призваніе къ всемірному господству на томъ основаніи, что они выдавались надъ мужественными народами сѣвера своей прозорливостью и художественными стремленіями, а надъ народами Азіи — столь-же прозорливыми и склонными къ художеству, своимъ мужествомъ. „Эллины, занимая въ смыслѣ пространства, среднее положеніе между ними, стоятъ также по срединѣ и въ духовномъ отношеніи". Что сочетаніе крайностей духовной мощи и силы оружія на эллинской почвѣ могло быть слѣдствіемъ этническаго смѣшенія, эта плодотворная мысль, повидимому, не приходила ему на умъ. Основная идея Аристотеля объ аристократическомъ государствѣ, въ которомъ единственно одаренный эллинъ господствуетъ надъ рабами другого происхожденія и прежде всего заставляетъ работать на себя, была неосуществима и по другимъ причинамъ. Тѣмъ не менѣе, онъ понялъ, что обѣ эти стороны дарованія были неодинаково распредѣлены между эллинскими племенами, и что они измѣняются съ теченіемъ времени.

При такомъ вліяніи болѣе легкихъ климатическихъ различій расположеніе тепловыхъ областей и тепловое различіе между ними также не могло оставаться безразличнымъ. Карта линій средней годовой теплоты или изотермъ въ высокой степени поучительна для исторіи. Тамъ, гдѣ эти линіи расходятся, мы имѣемъ широкія области съ равномѣрной температурой; гдѣ онѣ сближаются, различныя температуры идутъ рука объ руку. Сближеніе климатическихъ различій оживляетъ и ускоряетъ ходъ исторіи въ данномъ мѣстѣ земли. Наоборотъ, при расхожденіи линій уже не сталкиваются противуположности, которыя возбуждаютъ на подобіе ферментовъ, и эффекты блѣднѣютъ, теряются. Греція, Альпы: какое сочетаніе величественныхъ контрастовъ! Какъ благотворно было сочетаніе плодороднаго, богатаго Цюриха съ бѣдными лѣсными пастухами

въ дѣлѣ развитія швейцарскаго союза! Здѣсь соединились также области съ нѣжнымъ и съ суровымъ климатомъ. Франція выигрываетъ оттого, что въ ней климаты средней Европы и Средиземнаго моря сливаются безъ рѣзкой грани. Тамъ, гдѣ климатическія противуположности сталкиваются слишкомъ рѣзко, легко возникаютъ историческія трещины, какъ между сѣверомъ и югомъ Соединенныхъ Штатовъ Америки или между сѣвернымъ и южнымъ Куинслэндомъ. Если удастся залечить эти раны, то возстановляется оживляющая связь, какъ показываетъ исторія Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ съ 1865 года.

Регулярно дующіе вѣтры облегчали плаваніе въ опредѣленныхъ направленіяхъ въ періодъ парусныхъ судовъ, которыя и теперь еще не совсѣмъ вытѣснены пароходнымъ сообщеніемъ. До появленія пароходовъ всѣ морскія сообщенія въ Индійскомъ океанѣ были связаны съ перемѣною муссоновъ. Важныя политическія теченія слѣдовали направленію муссоновъ, какъ, напр., движеніе арабовъ къ восточному побережью Африки и на Мадагаскаръ. Вліяніе пассатныхъ вѣтровъ на открытія испанцевъ и португальцевъ вдоль Атлантическаго побережья Америки хорошо извѣстно Юго-восточный пассатъ оказалъ вліяніе на добровольныя и невольныя переселенія полинезійцевъ. Въ исторіи Греціи ясно выступаетъ болѣе выгодное положеніе того, кто вмѣстѣ съ Ѳракійскимъ побережьемъ пріобрѣталъ въ союзники вѣтеръ, дующій здѣсь весьма регулярно къ югу въ теченіе всего хорошаго времени года, часто 8 мѣсяцевъ сряду. Тамъ, гдѣ бурные вѣтры погребаютъ подъ волнами цѣлыя страны, а съ ними и тысячи людей, они вынуждаютъ оставшихся въ живыхъ дѣлать чрезвычайныя напряженія, закалять свое тѣло и душу, что̀ отражается на общемъ благосостояніи. Въ то самое время, когда Нидерланды ограждали себя плотинами отъ наводненій, утверждалась и политическая свобода ихъ. Въ другомъ уголкѣ Нѣмецкаго моря фризы все болѣе отступали, стѣсненные натискомъ моря, съ одной стороны, и гольштинскими натисками, съ другой. Буря, которая разсѣяла Армаду Филиппа II, составляетъ одно изъ важнѣйшихъ историческихъ событій его времени, и нельзя отрицать, что снѣжные вихри въ прусскомъ Эйлау способствовали исходу этого перваго сраженія, потеряннаго Наполеономъ.

Акклиматизація составляетъ одну изъ важнѣйшихъ проблемъ исторіи человѣчества. Какъ скоро народъ, разростаясь, переходитъ изъ одного пояса въ другой, онъ долженъ приспособляться къ климату послѣдняго. Человѣчество, какъ цѣлое, безспорно принадлежитъ къ наиболѣе приспособляющимся группамъ организмовъ, какія мы знаемъ, такъ какъ оно разселено во всѣхъ поясахъ отъ уровня моря до 4000 футовъ надъ нимъ и даже выше. Но отдѣльные народы привыкли къ опредѣленнымъ поясамъ и частямъ поясовъ и платятся за продолжительное пребываніе въ другихъ поясахъ болѣзнями и даже жизнью. Одни изъ нихъ обладаютъ менѣе подвижной организаціей, чѣмъ другіе, приспособляются труднѣе. Китайцы и евреи легче приспособляются къ различнымъ климатамъ, чѣмъ германцы, на которыхъ даже климатъ южной Испаніи, а тѣмъ болѣе сѣверной Африки дѣйствуетъ ослабляющимъ образомъ. Въ числѣ препятствій, стоявшихъ на пути присоединенія Италіи къ германскому государству, всегда находились опустошительныя болѣзни, отъ которыхъ таяли нѣмецкія дружины. Открытія и завоеванія испанцевъ въ Америкѣ въ XVI вѣкѣ уничтожали почти безъ остатка цѣлыя арміи. Дѣло колонизаціи нѣмцевъ въ Венесуэлѣ больше всего тормозилось климатическими болѣзнями. Правда, медицинская наука выдѣлила болѣзнетворныя вліянія климата, которыя зависятъ отъ несоотвѣтственности жилища, питанія, одежды и проч., благодаря чему цифры потерь среди европейской арміи и чиновниковъ на тропикахъ значительно понизились. Тѣмъ не менѣе, смертные случаи, болѣзни и отпуски все еще составляютъ главную статью въ бюджетѣ каждой колоніи подъ тропиками.

Управленіе англійской Индіей возможно только изъ горныхъ станцій, въ которыхъ высшіе чиновники живутъ бо̀льшую часть года.

Вліяніе климата не исчерпывается физическими заболѣваніями. Поговорка „здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ“ распространяется также на послѣдствія климатическихъ вліяній. Духовныя вліянія идутъ даже дальше физическихъ. Заболѣваніе есть кризисъ, которому обыкновенно предшествуетъ и за которымъ слѣдуетъ продолжительное ослабленіе и недомоганіе. У людей, родившихся въ прохладномъ климатѣ, ослабленіе силы воли является однимъ изъ первыхъ послѣдствій жизни въ болѣе тепломъ климатѣ. Даже пьемонтскій солдатъ утрачиваетъ свою выдержку въ неаполитанскомъ или сицилійскомъ гарнизонѣ. И здоровый англичанинъ разсчитываетъ въ Индіи только на половину работоспособности, которую онъ обнаруживалъ на родинѣ. Многіе сѣверяне ускользаютъ отъ физическихъ заболѣваній тропиковъ; но отъ этихъ болѣе тонкихъ измѣненій души едва ли уйдетъ хотя одинъ изъ цѣлаго народа: тѣмъ глубже историческое значеніе ихъ. Завоевательные народы, которые подвигались съ сѣвера на югъ, всегда утрачивали въ болѣе теплой странѣ рѣшимость и энергію. Характеръ, съ которымъ арійцы спустились въ индійскую низменность, утратился. Въ пѣсняхъ Ведъ звучитъ чуждый духъ. Вестготы и вандалы въ сѣверной Африкѣ и Испаніи растворились въ туземномъ поселеніи, такъ же, какъ и лонгобарды въ верхней Италіи. Никакія передвиженія не могутъ сгладить различій между народами холодныхъ и теплыхъ странъ, и болѣе уступчивая натура народа подчиняется природѣ страны. Сохраняется даже разница между сѣверными и южными племенами одного и того же народа. Такъ, дѣйствуетъ климатъ то въ грубыхъ чертахъ, то въ тонкихъ линіяхъ на народы и судьбы ихъ.

Такъ какъ климатическія дѣйствія по самой сущности своей являются однородными на большомъ протяженіи, то они служатъ объединяющимъ моментомъ для политическихъ областей того же климатическаго пояса, каковы бы ни были прочія разъединяющія стремленія ихъ. Прежде всего создаются въ общемъ одинаковыя или сходныя условія жизни, и на каждомъ полушаріи возникаетъ контрастъ между сѣверными и южными народами. Затѣмъ они вызываютъ одинаковыя условія производства для обширныхъ областей. Леруа-Больё справедливо считаетъ климатъ русскаго государства вмѣстѣ съ очертаніемъ его территоріи связующей, объединяющей силой. Въ особенности это относится къ зимѣ, которая каждый годъ покрываетъ сѣверъ и югъ общей бѣлой пеленой. Нерѣдко бываютъ зимы, когда можно въ январѣ проѣхать на саняхъ отъ Астрахани до Архангельска. Азовское море и сѣверный конецъ Каспійскаго моря замерзаютъ такъ же, какъ Финскій заливъ, и Днѣпръ — наравнѣ съ С. Двиною.

G. **Географическое положеніе.**

Положеніе рѣшаетъ вопросъ о принадлежности и отношеніи. Вслѣдствіе того оно представляетъ важнѣйшее изъ всѣхъ географическихъ свойствъ. На положеніе слѣдуетъ обращать вниманіе прежде всего; это — рамка, которая охватываетъ всѣ прочія свойства. Что значатъ всѣ описанія почвенныхъ условій греческой исторіи въ сравненіи съ рѣшающимъ фактомъ, что Греція занимаетъ положеніе между Европой и Азіей, съ одной стороны, и Европой и Африкой, съ другой? Все остальное блѣднѣетъ передъ фактомъ, что Греція лежитъ на порогѣ Востока. Какъ бы ни было богато и велико ея собственное развитіе, но оно всегда должно было опредѣляться состояніями странъ западной Азіи и сѣверной Африки. Даже протяженіе, значеніе котораго часто переоцѣнивалось, отступаетъ на второй планъ передъ положеніемъ. Положеніе можетъ ограничиваться одной точкой, но эта точка распространяетъ могущественныя дѣйствія. Кто

спрашиваетъ о пространствѣ, когда называютъ Іерусалимъ, Аѳины, Гуанахани, Гибралтаръ? Если для плановъ Англіи имперскаго объединенія всѣхъ колоній независимыми линіями сообщенія оказывается безусловно необходимымъ какой-нибудь островъ Фаннингъ или Пальмира на Тихомъ океанѣ только потому, что они удобны для укрѣпленія кабеля Ванкуверъ-Куинслэндъ, то развѣ здѣсь не все заключается въ положеніи независимо отъ протяженія, почвы, климата и проч.?

Положеніе есть принадлежность. Каждая часть свѣта надѣляетъ свои страны и народы своими свойствами такъ же, какъ и каждую часть этой части свѣта. Германія, особенно какъ великая держава, мыслима только въ Европѣ, Италія только въ южной Европѣ. Ни Нью-Іорка, ни Петербурга нельзя представить себѣ во всей Африкѣ и во всей Азіи. Наше органическое воззрѣніе на народы и государства не допускаетъ, чтобы мы представляли себѣ ихъ, въ смыслѣ положенія, какъ мертвые, лишь сопредѣльные предметы. Наоборотъ, они связаны живыми взаимными соотношеніями, даютъ другимъ и получаютъ отъ нихъ. Два сопредѣльныхъ государства не просто соприкасаются, но оказываютъ дѣйствіе другъ на друга. Сосѣдство ведетъ къ столь тѣснымъ соотношеніямъ, что мы должны разсматривать Китай, Корею и Японію, какъ части одного культурнаго круга, исторія котораго заключалась во взаимной передачѣ, насажденіи и обратномъ дѣйствіи съ крайне важными послѣдствіями. Правда, и здѣсь есть болѣе самостоятельныя и болѣе зависимыя положенія, и этому существенно способствуетъ сама природа. Возьмемъ въ Европѣ Англію, имѣющую наиболѣе самостоятельное положеніе: возможно ли понять ея исторію безъ отношеній къ Франціи, Германіи, Нидерландамъ, сѣверу? Никакимъ образомъ.

Чѣмъ самостоятельнѣе положеніе, тѣмъ болѣе оно сводится къ естественному положенію; чѣмъ самостоятельность меньше, тѣмъ больше положеніе обусловливается сосѣдствомъ. Принадлежность къ извѣстному полушарію, части свѣта, полуострову, архипелагу, положеніе относительно морей, озеръ, рѣкъ, пустынь, горъ рѣшаетъ ходъ исторіи страны. Именно естественное положеніе ставитъ въ зависимость отъ природы, создаетъ самыя крѣпкія оковы. Одно центральное положеніе Италіи въ Средиземномъ морѣ, независимо отъ всѣхъ прочихъ свойствъ, опредѣляетъ ея роль средиземноморскаго государства. Какъ бы высоко мы ни ставили нѣмецкій народъ, но лучшія качества его никогда не разовьются въ Германіи, стиснутой на континентѣ, такъ, какъ они развернулись бы на островѣ. Положеніе Германіи есть скорѣе положеніе сосѣдства, чѣмъ естественное, и уже по этому одному она находится въ болѣе неблагопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ Франція.

Въ очертаніи и положеніи частей свѣта даны самыя обширныя и важныя естественныя положенія. Выступы материковъ, какъ, напр., мысъ Доброй Надежды, мысъ Горнъ, Сингапуръ, Цейлонъ, Тасманія, Кей-Іестъ, представляютъ выдвинутые въ море пункты для обладанія имъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ каждый изъ нихъ изображаетъ вершину угла, стороны котораго могутъ быть управляемы отсюда. Гадесъ, Сицилія, Киѳера, Критъ были такими же пунктами на Средиземномъ морѣ. Нарушеніе непрерывной связи между сѣверными и южными материками въ трехъ срединныхъ моряхъ земли, имѣющее глубокія геологическія причины, выдвинуло Суэцкій каналъ, будущій междуокеаническій каналъ и архипелагъ между Азіей и Австраліей: всѣмъ имъ въ равной мѣрѣ предстоитъ функція междуокеанической связи. Если мы пойдемъ дальше, то и суженія частей свѣта окажутся столь же важными. Франція лежитъ, какъ перешеекъ, между океаномъ и Средиземнымъ моремъ, Германія съ Австріей — между Нѣмецкимъ и Балтійскимъ моремъ и Адріатикой. Нѣкоторыя страны занимаютъ на своихъ материкахъ окраинное, другія — срединное положеніе. Окраинныя положенія также различаются кореннымъ образомъ, смотря по тому, имѣютъ ли они форму острововъ и полуострововъ или слиты съ массою материка.

Еще большее различіе обусловливаетъ положеніе относительно морей. Сколь неодинаково атлантическое положеніе въ Европѣ въ сравненіи съ положеніемъ на Средиземномъ, Балтійскомъ или Черномъ морѣ! Лишь на долю немногихъ государствъ, какъ, напр., Россія и обѣ страны сѣверной Америки, выпало преимущество имѣть въ сосѣдствѣ два большихъ океана. Идеаломъ естественнаго положенія государства можно считать занятіе имъ цѣлаго мірового острова съ одной общей политической системой. Быть можетъ, австралійскія колоніи въ скоромъ времени достигнутъ этого идеала, благодаря предположенной федераціи. Впрочемъ, тотъ же идеалъ лежитъ въ основаніи принципа Монроэ.

Сходныя положенія вызываютъ одинаковыя политическія явленія. И такъ какъ нѣкоторые типы положеній возвращаются, то исторія въ этихъ положеніяхъ также принимаетъ типическій характеръ. Противуположность между Римомъ и Карѳагеномъ, какъ результатъ взаимнодѣйствія между сѣвернымъ и южнымъ побережьемъ Средиземнаго моря, повторяется и въ другихъ мѣстахъ, находящихся въ одинаковыхъ условіяхъ. Она повторяется въ отношеніяхъ Испаніи и Марокко, Ѳракіи и Малой Азіи, въ нѣсколько иномъ направленіи — въ отношеніи Греціи и Малой Азіи и въ меньшихъ размѣрахъ въ итальянскихъ приморскихъ городахъ и берберскихъ государствахъ. Во всѣхъ этихъ мѣстахъ совершались процессы римско-пуническаго характера. Японія и Англія во многихъ отношеніяхъ не сходны съ собою; тѣмъ не менѣе, и народъ, и политика въ этихъ двухъ величайшихъ островныхъ государствахъ носятъ общіе островные признаки. Германія и Борну столь же различны, какъ средняя Европа и средняя Африка, но центральное положеніе отразилось одинаково на обоихъ: оно является источникомъ могущества для сильнаго государства и гибелью для слабаго.

Изъ массы отношеній сосѣдства, извѣстныхъ въ исторіи, мы отмѣтимъ лишь важнѣйшія. Самый чистый примѣръ сосѣдства представляютъ тѣ страны, которыя, будучи отрѣзаны отъ окраины своихъ материковъ, со всѣхъ сторонъ окружены другими странами. Если принять во вниманіе все болѣе обнаруживающееся стремленіе образовать большія государства, обнимающія возможно больше естественныхъ преимуществъ, то въ Европѣ и сходныхъ странахъ такое положеніе безусловно равносильно утратѣ самостоятельности. Только связь съ большою рѣкою, какою обладаютъ Сербія и Парагвай, можетъ спасти въ этомъ положеніи отъ гибели. Свободное Оранжевое государство и южно-африканская республика напрасно будутъ стремиться сохранить полную независимость. Инстинктивное стремленіе странъ къ морю вытекаетъ изъ потребности ускользнуть отъ континентальныхъ объятій. Это вдвойнѣ понятно тамъ, гдѣ не только государство, но и самый народъ окруженъ точно на островѣ, какъ, напр., мадьяры въ Венгріи. Лишь очень мелкія государства, какъ Андора, Лихтенштейнъ, которыя и безъ того не претендуютъ на полную самостоятельность, могли сохраниться цѣлые вѣка въ подобныхъ тискахъ. Съ этимъ положеніемъ нѣсколько сходно, въ смыслѣ опасности, положеніе страны между двумя сосѣдями. Въ такомъ положеніи была Франція, когда Германія и Испанія находились подъ общимъ скипетромъ. Союзъ двухъ сосѣдей можетъ поставить въ такое же положеніе третьяго, находящагося между ними. Такъ, Франція искала союза съ Турціей и позднѣе съ Россіей противъ Австріи и Германіи.

Каково-бы ни было въ отдѣльности положеніе сосѣдей, большое значеніе всегда имѣетъ число ихъ. Много слабыхъ сосѣдей выгоднѣе, чѣмъ немного сильныхъ. Положеніе Франціи ухудшилось вслѣдствіе союза Германіи съ Италіей, но ей въ то же время выгоденъ такой слабый сосѣдъ, какъ Испанія. Развитіе Соединенныхъ Штатовъ Америки, которые мало по малу вытѣснили Испанію на югѣ и западѣ, Францію на югѣ и Мексику на западѣ и взамѣнъ этого съ трехъ сторонъ пришли въ соприкосновеніе съ моремъ, завидно упростило политическія задачи ихъ, благодаря огра-

ниченію сосѣдства. Разсѣянное положеніе встрѣчается нынѣ почти только въ различныхъ областяхъ распространенія народовъ и въ предѣлахъ союзныхъ государствъ. Сильныя государства сосредоточиваются въ одномъ пространствѣ. Мы видимъ всюду, что тамъ, гдѣ область распространенія какой-либо формы жизни уменьшается, она не просто атрофируется, но превращается въ рядъ островов или оазисовъ, которые легко могутъ вызвать представленіе, какъ будто эта форма пріобрѣла изъ своей родной области новыя точки опоры. Гдѣ же различіе между островами прогресса и островами обратнаго развитія? У народовъ и государствъ прогрессъ связанъ съ занятіемъ лучшихъ мѣстъ, а утрата ихъ означаетъ регрессъ. Индѣйцы, которые оттѣсняются отъ моря, отъ рѣкъ, отъ плодородныхъ земель, образуютъ острова обратнаго развитія. Европейцы, отнимая у нихъ эти мѣста, овладѣвая постепенно островами, мысами, гаванями, устьями рѣкъ, горными проходами и проч., образовали острова прогресса.

H. **Пространство.**

Мы не даромъ придаемъ въ географіи столь большое значеніе площади, занимаемой государствами. Число квадратныхъ километровъ и число людей составляютъ для насъ два главныхъ свойства государства. Обозначеніе ихъ есть простѣйшее, часто слишкомъ простое средство, чтобы дать представленіе о величинѣ и силѣ его. Мы вообще не можемъ представить себѣ человѣка, а тѣмъ болѣе человѣческое общество безъ пространства, безъ территоріи. Какъ бы остроумно ни доказывала государственная наука, что территорія есть лишь собственность государства, но всѣ мы знаемъ, что территорія слишкомъ тѣсно связана съ государствомъ, чтобы удовлетвориться этой второстепенною ролью. Народъ и земля въ государствѣ органически соединены въ одно цѣлое, и мѣриломъ этого соединенія служатъ площадь и численность населенія. Государство не можетъ перемѣнить или измѣнить занимаемую имъ площадь, безъ того, чтобы самому не сдѣлаться совершенно инымъ. Не удивительно, поэтому, что войны государствъ сводятся къ борьбѣ за пространство? Самая война стремится уменьшить область противника; но въ еще большей мѣрѣ вся исторія государствъ есть не что иное, какъ пріобрѣтеніе и утрата пространства. Поляки продолжаютъ существовать, но пространство, на которомъ они живутъ, въ политическомъ смыслѣ перестало быть ихъ пространствомъ, и вмѣстѣ съ этимъ государство ихъ исчезло.

Въ историческую эпоху въ этой борьбѣ за пространство всегда выдвигаются отдѣльныя крупныя политическія территоріи. Восходя отъ древнихъ временъ къ нашимъ, мы видимъ, что государства пространственно растутъ. Персидское и римское царства малы въ сравненіи съ русской, британской, китайской имперіей. Точно также государства ниже стоящихъ народовъ малы въ сравненіи съ государствами стоящихъ выше. Наиболѣе обширныя государства нашего времени — вмѣстѣ съ тѣмъ самыя молодыя. Наоборотъ, крошечныя владѣнія Андорры, Лихтенштейна, Санъ-Марино, Монако глядятъ на насъ, точно почтенныя, но рѣдкія окаменѣлости изъ туманной дали прошлаго.

Связь этой градаціи съ ростомъ пространствъ и средствъ сообщенія очевидна. Сообщеніе есть борьба съ пространствомъ, и наградою побѣдившему въ этой борьбѣ служитъ подчиненіе пространства. Процессъ затемняется тѣмъ, что вмѣстѣ съ пространствомъ пріобрѣтается также содержимое его: выгоды положенія, очертанія, плодородія, и, наконецъ, не послѣднее мѣсто занимаютъ самые обитатели страны. Однако, уменьшеніе цѣнности этихъ вещей вслѣдствіе разсѣянія ихъ на обширномъ пространствѣ можетъ быть парализовано лишь завладѣніемъ пространствомъ, на которомъ они разсѣяны.

Исторія сообщеній есть исторія періода, предшествующаго политическому росту. Это справедливо отъ финикіянъ до новѣйшихъ сѣверо-американцевъ, у которыхъ стоянка American Fur Company (Американской пушной компаніи) послужила ядромъ для развитія Небраски. Всякая колонія есть продуктъ сношеній. Даже въ Сибири купцы, переселявшіеся изъ Великороссіи на Обь, предупредили завоеванія на три столѣтія. Справедливо говорятъ о завоеваніяхъ всемірной торговли. Устройство дорогъ служитъ къ чести основателей и охранителей государствъ. Въ наше время ту же роль играютъ таможенные союзы и желѣзнодорожная политика; но во всѣ времена интересы государства совпадали съ путями сообщенія. Сношенія прокладываютъ путь, государство проводитъ ихъ. Несомнѣнно, повидимому, что въ древнемъ Перу прочно организованное государство построило пути, которые затѣмъ принесли пользу сношеніямъ. На низшей ступени торговля прямо создаетъ государство; на высшей торговые и желѣзнодорожные договоры достаются какъ призъ въ успѣшной войнѣ. Можно ли допустить, чтобы Франція въ состояніи была построить дорогу черезъ Сахару, не подчинивъ туареговъ и не овладѣвъ навсегда ихъ землями? Пути сообщенія, какъ оружіе борющихся государствъ, громадная роль народовъ, какъ посредниковъ торговли и возникновеніе настоящихъ торговыхъ народовъ, стремленіе сношеній подчинить себѣ политику, наконецъ, сильныя обратныя воздѣйствія перемѣнъ въ путяхъ сообщенія на государство, народы и цѣлые культурные круги, — все это мы можемъ здѣсь лишь намѣтить.

Всякому политическому движенію, имѣетъ ли оно завоевательный характеръ или представляетъ мирное переселеніе, предшествуютъ неполитическія движенія. Собираются свѣдѣнія, завязываются отношенія, намѣчается цѣль, изслѣдуются пути. И по мѣрѣ того, какъ увеличивается знакомство съ міромъ, лежащимъ по ту сторону границы, незамѣтно расширяется и географическій горизонтъ. Онъ не только расширяется, но вмѣстѣ съ тѣмъ просвѣтляется. Разсѣеваются сказочныя представленія объ ужасахъ чужихъ странъ, слабѣетъ страхъ, и вмѣстѣ съ ясностью представленія растетъ и политическая предпріимчивость. Можно сказать, что каждый членъ государства, который переступаетъ границу, въ своемъ багажѣ переноситъ заграницу и самое государство. Правда, въ этомъ процессѣ есть длинныя подготовки и скачки. Римскіе купцы подготовили изученіе и колонизацію Галліи. И, однако, какая разница въ отношеніи римлянъ къ Галліи до и послѣ Цезаря! Какъ измѣнились взгляды испанцевъ на цѣнность американскихъ государствъ до и послѣ Кортеса и Пизарро! Чѣмъ шире и яснѣе становится географическій горизонтъ, тѣмъ грандіознѣе дѣлаются политическіе планы и масштабы. И вмѣстѣ съ ними растутъ государства и народы. Народъ, обработывающій обширное пространство, выигрываетъ въ силѣ, кругозорѣ и свободѣ. И въ этомъ награда за трудъ, полный жертвъ.

Расширеніе и проясненіе географическаго горизонта постоянно приводятъ насъ къ переселенію отдѣльныхъ лицъ или группъ для мирныхъ цѣлей. Первая изъ этихъ цѣлей есть торговля; затѣмъ слѣдуютъ охота и рыбная ловля. Можно, пожалуй, причислить сюда и непроизвольныя переселенія заблудившихся и выброшенныхъ бурей. Европа дала Питеаса и Колумба для открытія новыхъ міровъ; но каждое первобытное маленькое государство должно было имѣть своихъ піонеровъ, которымъ приходилось прокладывать пути отъ одной просѣки къ другой. Возвращаясь домой, эти піонеры увеличиваютъ знакомство съ внѣшнимъ міромъ, и по ихъ стопамъ могутъ отнынѣ слѣдовать другіе. Подъ конецъ, цѣлыя арміи или флоты проникаютъ по тѣмъ же слѣдамъ съ завоевательными цѣлями. Тамъ, гдѣ сношеніе приводитъ въ движеніе массы людей и пользуется крупными средствами, оправдывается въ самомъ широкомъ смыслѣ положеніе: флагъ слѣдуетъ за торговлей.

Въ этой борьбѣ, въ этой работѣ значеніе пространства для государства не исчерпывается опредѣленнымъ числомъ квадратныхъ километровъ.

Пожалуй, можно было бы такъ думать, читая изложеніе государственныхъ измѣненій въ таблицахъ и картахъ. Но, подобно тому, какъ отдѣльные индивидуумы давали государству новыя знанія и указывали пути, такъ и пространство сливается съ душою народовъ. Грекъ вмѣстѣ съ Аристотелемъ признавалъ наилучшимъ то государство, граждане котораго могли ежедневно сходиться на базарѣ для обсужденія текущихъ общественныхъ дѣлъ. Наоборотъ, отъ гражданина Американскихъ Соединенныхъ штатовъ Р. Вальдо Эмерсонъ требуетъ, чтобы въ его политическихъ взглядахъ отражалась ширь отъ океана до океана и отъ полюса до тропика. Какая разница въ политическомъ *чувствѣ пространства!* Воззрѣніе, обнимающее обширное пространство, выросло изъ узкаго взгляда на пространство въ теченіе тысячелѣтій, какъ одинъ изъ осязательнѣйшихъ результатовъ исторіи. Нѣкоторые передовые народы были носителемъ перваго, другіе, сильно отстававшіе — носителемъ второго. Когда мы говоримъ, что пространство растетъ, то хорошо помнимъ, что̀ подъ этимъ подразумѣвается: растетъ духъ, который окидываетъ его взоромъ, воля, которая его удерживаетъ, и, конечно, также средства, необходимыя для того, чтобы поднять духъ и волю на должную высоту. Въ этомъ кроется одно изъ величайшихъ различій между народами и одна изъ существеннѣйшихъ причинъ успѣховъ и неудачъ въ исторіи. Оба воззрѣнія борются въ одномъ и томъ же народѣ. Стремленіе къ большимъ пространствамъ одержало верхъ въ Римѣ, который колебался переступить границы Италіи, и въ итогѣ явилось основаніе всемірнаго государства. Предпочтеніе маленькаго пространства одерживаетъ верхъ въ Греціи, и Греція распадается. Римское государство въ періодъ зрѣлости и перезрѣлости благопріятствовало сверхнаціональному, всечеловѣческому направленію, которое было свойственно первому христіанству. Стремленіе къ расширенію, раздвигающее границы до предѣловъ возможности, есть признакъ высшей культуры. Оно опирается на численность народа и духовный прогрессъ. Въ Германіи изучаютъ географію теоретически и забываютъ главу о пространствѣ: Германія игнорируетъ цѣнность своего собственнаго пространства, которое дробится. Англичане, плохіе географы въ отдѣльности, оказываются, однако, главными властителями пространства и величайшими практическими географами. Они съ замѣчательнымъ по прозорливости инстинктомъ ведутъ свою политику спекуляціи на крупныя владѣнія и стремятся захватывать все большія и большія территоріи, предвосхищая выгоды въ отдаленномъ будущемъ.

Есть, конечно, своего рода красота въ этихъ *маленькихъ* политическихъ образованіяхъ древности, въ этихъ государствахъ-городахъ, исторія которыхъ своей опредѣленностью напоминаетъ ясность и рельефность художественнаго произведенія. Точно также Любекъ и Венеція болѣе привлекательны, чѣмъ Россія. Благодаря сосредоточенію силъ маленькаго народа на узкомъ, превосходно расположенномъ и защищенномъ пространствѣ, какъ мы видимъ это въ древнихъ государствахъ-городахъ, они могли глубже захватывать и свободнѣе развивать всѣ свои силы, основательнѣе исчерпывать ихъ, что̀ дало имъ возможность раньше и совершеннѣе создать законченную историческую индивидуальность. По этой причинѣ въ историческомъ развитіи большихъ пространствъ маленькія области являются руководящими. И это руководительство медленно переходитъ отъ небольшихъ территорій на обширныя пространства, гдѣ прогрессъ хотя и не такъ быстръ, но болѣе проченъ. Такъ за Греціей слѣдуетъ Италія, за Португаліей Испанія, за Нидерландами Англія. Оборотная сторона заключается въ преждевременной зрѣлости, которая наступаетъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ меньше государство сдѣлало въ надлежащее время для своего расширенія. Венеція и Нидерланды не двигаются въ пространственномъ развитіи въ то время, какъ вокругъ нихъ пространства растутъ. Они слабѣютъ, если размноженіе народа на маленькомъ пространствѣ не вызываетъ гражданскихъ

смутъ, которыя такъ характерны для маленькихъ государствъ и ведутъ къ эмиграціи или изгнанію. Горизонтъ ихъ становится слишкомъ узкимъ для даннаго времени, патріотизмъ вырождается въ мѣстное честолюбіе и самыя выдающіяся силы остаются безъ примѣненія. Такъ возникаетъ система мелкихъ государствъ, которая вслѣдствіе раздробленія народа ослабляетъ великія національныя экономическія и религіозныя связующія силы и даже территорія утрачиваетъ свои политическія преимущества, благодаря дробленію. Вспомнимъ непроизводительность нѣмецкихъ рѣкъ въ „расчлененномъ“ государствѣ. „Въ большихъ государствахъ есть особыя страсти, которыя непосредственно питаютъ и занимаютъ наши чувства, въ мелкихъ страсть направляется на мелкіе интересы“. (Нибуръ).

При такихъ условіяхъ стремленіе къ новому росту должно быть внесено извнѣ. Туземца, знающаго только свою родину, всегда превосходитъ чужеземецъ или побывавшій въ чужихъ странахъ, такъ какъ онъ знаетъ по меньшей мѣрѣ двѣ страны. Замѣчательно, какъ часто чужеземцы даютъ толчокъ къ основанію государствъ. То это — смѣлые охотники, какъ въ Африкѣ, то носители высшей культуры, какъ въ Перу, но особенно часто они спускаются съ неба на землю. Исторія, описывая манчжурскую династію въ Китаѣ или тюркскую въ Персіи, повѣствуя объ основаніи русскаго государства сѣверо-германскими пришельцами или великихъ государствъ западнаго Судана пастушескимъ народомъ фулаховъ, вѣроятно, въ общемъ правдива, хотя, можетъ быть, въ отдѣльности нѣкоторые миѳическіе разсказы и не достовѣрны. Основаніе царства Саравакъ на Борнео англичаниномъ Бруксомъ есть фактъ, и, тѣмъ не менѣе, оно сильно напоминаетъ миѳическія повѣствованія объ основаніи государствъ.

Если мы теперь спросимъ себя, откуда происходитъ болѣе широкое воззрѣніе на государство, которое, какъ ферментъ, вносится здѣсь въ расчлененную массу, то отчасти это будутъ внѣшнія области, нуждающіяся въ географическихъ границахъ; тамъ, гдѣ эти области соприкасаются, государство сильнѣйшей области растетъ въ направленіи болѣе слабаго. Народъ болѣе подвижный оказываетъ свое вліяніе на менѣе подвижный и, по возможности, увлекаетъ его за собою. Народъ, тѣснѣе сплоченный, лучше организованный и вооруженный, проникаетъ въ менѣе сильные народы и навязываетъ имъ свою организацію. Народъ, предоставленный самому себѣ, обнаруживаетъ склонность распадаться на мелкія группы, изъ которыхъ каждая живетъ своею жизнью на своемъ узкомъ клочкѣ, не интересуясь другими. И по мѣрѣ того, какъ эти группы растутъ, онѣ создаютъ все одно и то же: семейство, — новое семейство, племя, — новыя племена. У многихъ народовъ мы находимъ всевозможныя приспособленія, чтобы остановить ростъ, не дать ему перешагнуть старыя границы — и этимъ привести народъ къ новымъ условіямъ. Это проливаетъ свѣтъ на нѣкоторые, иначе не объяснимые способы уничтоженія человѣческой жизни, которые иногда вырождаются даже въ людоѣдство. Подобное стремленіе къ самоограниченію сдѣлало бы немыслимымъ ростъ народовъ и государствъ, если бы оно не парализовалось противоположнымъ стремленіемъ къ сближенію, къ росту, къ сліянію. Такимъ образомъ, стремленіе выйти изъ замкнутости и войти въ сношенія, за которыми долженъ послѣдовать отливъ и сліяніе, безспорно составляетъ одинъ изъ великихъ поворотныхъ пунктовъ въ исторіи человѣчества.

По мѣрѣ того, какъ присоединеніе земель становилось все болѣе и болѣе главнымъ предметомъ въ борьбѣ между народами, уравненіе земельнаго владѣнія сдѣлалось главною цѣлью политики. Знаменитое „европейское равновѣсіе“, о которомъ такъ часто говорятъ и къ которому возвращаются, начиная съ XVI вѣка, не есть измышленіе дипломатовъ, но составляетъ необходимое слѣдствіе борьбы за пространство. Поэтому оно выдвигается во всѣхъ отношеніяхъ между государствами, какъ принципъ пространственнаго

уравненія. Въ простыхъ мелкихъ государствахъ первобытныхъ народовъ оно еще не функціонируетъ. Они сходны между собою и всѣ одинаково слабы въ смыслѣ обладанія пространствомъ; кромѣ того, здѣсь принципъ пространственной обособленности парализуетъ свободное дѣйствіе политическаго соревнованія. Но отношеніе измѣняется, какъ скоро потребность въ пространствѣ приводитъ государства въ непосредственное соприкосновеніе. Государство съ меньшимъ пространствомъ начинаетъ стремиться сдѣлаться похожимъ на своего крупнаго сосѣда. Оно пріобрѣтаетъ столько пространства, сколько нужно, чтобы установить равновѣсіе, или же оно вынуждаетъ сосѣда уменьшить свою территорію. И то, и другое случается необыкновенно часто. Пруссія увеличивается на счетъ Силезіи и Польши, чтобы сравниться въ пространствѣ съ великими державами. Вся Европа борется съ Наполеономъ до тѣхъ поръ, пока не оттѣсняетъ Францію въ предѣлы равновѣсія. Австрія теряетъ провинціи въ Италіи и вознаграждаетъ себя провинціями на Балканскомъ полуостровѣ. Исторія Франціи, благодаря такимъ утратамъ и вознагражденіямъ, проходитъ передъ нами, какъ рядъ волненій, которыя смѣняются состояніями покоя въ моменты достигнутаго равновѣсія. Это, слѣдовательно, не случайность, если мы въ состояніи выразить въ Европѣ пространства Австро-Венгріи, Германіи, Франціи и Испаніи числами 100, 86, 84, 80, Нидерландовъ и Бельгіи 100 и 90, С. Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и Канадскихъ владѣній 100 и 96. Для того, чтобы такое уравновѣшеніе могло произойти, предполагаются, конечно, сходныя культурныя условія, которымъ соотвѣтствуютъ равныя силы. Римъ настолько превосходилъ въ культурномъ отношеніи своихъ сосѣдей, что онъ не могъ допустить равновѣсія. Установленіе границы между Мидіей и Лидіей есть, быть можетъ, первая попытка основать систему государствъ на принципѣ равновѣсія вмѣсто системы покоренія.

Всѣ эти измѣненія пространства возможны лишь въ предѣлахъ данныхъ пространствъ нашей планеты: 506 милліоновъ квадратныхъ километровъ земной поверхности — первая пространственная величина, съ какою имѣетъ дѣло исторія. Она вмѣщаетъ въ себѣ всѣ прочія величины, служитъ для нихъ мѣриломъ, въ ней даны абсолютныя границы всякой физической жизни. Эта величина для исторіи человѣчества остается неизмѣнною, хотя она не можетъ считаться таковою въ отношеніи исторіи земли ни въ прошломъ, ни въ будущемъ. Она слагается изъ трехъ, весьма неодинаковыхъ составныхъ частей: изъ 135 милліоновъ квадратныхъ километровъ суши, изъ 352 милліоновъ квадратныхъ километровъ моря и 22 милліоновъ квадратныхъ километровъ земли и моря въ сѣверныхъ и южныхъ полярныхъ областяхъ, большею частью, неизслѣдованныхъ. Суша есть данное самой природою мѣсто обитанія человѣка, который во всѣхъ своихъ историческихъ движеніяхъ исходитъ отъ суши и къ ней возвращается. Величина государствъ измѣряется протяженіемъ суши, которое они обнимаютъ. Ростъ ихъ питался этими 135 милліонами квадратныхъ километровъ суши, какъ широко распространенными элементами. Однако, и море нельзя разсматривать, какъ пустое пространство, которое только раздѣляетъ ихъ. 352 милліона кв. кил. моря точно также составляютъ историческую величину. И площадь каждаго моря, и части моря имѣютъ свое историческое значеніе. Исторія двигалась черезъ моря, отъ побережья къ побережью и отъ острова къ острову, сперва черезъ узкія, потомъ широкія; возникавшія этимъ путемъ государства сохраняли связь черезъ посредство моря. Средиземное море удерживало въ связи части Римской имперіи, какъ нынѣ океанъ соединяетъ колоніи Британской всемірной имперіи.

По мѣрѣ роста историческихъ пространствъ наши мѣрила пространства также возрастали. Греческая исторія представляется въ нашихъ глазахъ миніатюрною, и проходитъ много времени, пока устанавливается средній масштабъ въ видѣ германскаго, австрійскаго и французскаго

государствъ. Наконецъ, въ настоящее время Англія, Россія, Китай и Соединенные Штаты Америки занимаютъ лучшую половину странъ на землѣ, а въ другой половинѣ британское всемірное владычество было бы нынѣ уже немыслимымъ. Исторія захватывала все бо̀льшія пространства и сплочивала все бо̀льшія области. При этомъ она всегда оставалась органическимъ движеніемъ. Государство-деревня повторялось въ государствѣ-городѣ, и семейное государство въ племенномъ, словомъ, всегда меньшее въ большемъ. Самыя малыя, какъ и самыя великія государства, сохраняютъ тѣ же свойства организмовъ, болѣе или менѣе тѣсно связанныхъ съ данной территоріей. Только тамъ, гдѣ пространство само по себѣ является существенной чертою государства, какъ въ государствѣ-городѣ, не превращаясь въ то же время въ другой родъ государства, именно территоріальное, различіе въ величинѣ заранѣе опредѣляетъ разницу во всемъ строѣ, во всей политической жизни. Въ прочихъ случаяхъ ростъ служитъ лишь толчкомъ къ возникновенію второстепенныхъ различій; значеніе ихъ прежде всего зависитъ отъ пространственнаго разстоянія и затѣмъ опредѣляется новыми условіями, въ которыхъ ростъ ставитъ развивающіяся части народа или государства.

Масштабы для политическихъ пространствъ непрерывно измѣняются и отъ времени до времени должны приспособляться къ болѣе широкимъ условіямъ. Политическая географія должна естественно сообразоваться съ этой задачей, такъ какъ вѣдѣнію ея подлежитъ политическое распредѣленіе пространствъ въ каждомъ періодѣ исторіи и особенно въ данное время. Исторія обращаетъ свой взоръ назадъ и поэтому легче теряетъ изъ виду пространственный масштабъ для настоящаго времени и для ближайшаго будущаго. Современнымъ нѣмцамъ изображаютъ распространеніе ихъ предковъ по ту сторону Эльбы всегда какъ величайшій пространственный фактъ въ исторіи германцевъ (которую не слѣдуетъ смѣшивать съ исторіей германскаго государства). Но въ такомъ случаѣ занятіе англо-саксами Сѣверной Америки и Австраліи должно казаться имъ какимъ-то необычайнымъ по грандіозности подвигомъ. Намъ думается, что гораздо полезнѣе объяснять это утратою нѣмцами широкаго пространственнаго масштаба, благодаря тому, что они не принимали участія въ великихъ атлантическихъ и тихоокеанскихъ открытіяхъ и въ предпріятіяхъ эпохи открытій вообще. Германія потеряла отъ такого суженія своего горизонта несравненно больше, чѣмъ она пріобрѣла отъ расширенія къ востоку, всетаки имѣющаго отчасти лишь преходящее значеніе.

I. Густота населенія.

Площадью государства измѣряется, во-первыхъ, доля его въ поверхности земли и затѣмъ опредѣляется почва, на которой народъ этого государства пустилъ корни, живетъ, работаетъ. Слѣдовательно, относительно 540,500 кв. кил. нѣмецкаго государства мы можемъ сказать во-первыхъ, что они обнимаютъ около $^1/_{40}$ поверхности земли и затѣмъ образуютъ почву для 52 милл. людей, что̀ составитъ лишь немногимъ больше одного гектара. (1,03) на каждаго жителя Германской имперіи. Если и вѣрно, что совершенно пустыя или очень рѣдко населенныя части земли, высокія горы, лѣса, пустыни, могутъ получить политическое значеніе, то вмѣстѣ съ тѣмъ вся всемірная исторія учитъ, что въ общемъ историческая цѣнность земли возрастаетъ съ числомъ людей, которые на ней обитаютъ. Такъ, мы видимъ въ настоящее время, что Швеція и Норвегія, которыя занимаютъ 772,878 кв. кил., т. е. превосходятъ пространство Германской имперіи на $^2/_5$, но имѣютъ только 6,8 милл. жителей, не считаются великой державой, тогда какъ Германія принадлежитъ къ таковымъ наравнѣ съ Россійской имперіей, въ 43 раза большей и съ вдвое бо̀льшимъ населеніемъ. Пространство никогда не служило единственнымъ мѣриломъ политическаго могущества.

Въ этомъ заключается важный источникъ самыхъ тяжелыхъ ошибокъ

со стороны воинственныхъ завоевателей и государственныхъ людей. Могущественное вліяніе всемірноисторическихъ маленькихъ государствъ (Аѳины, Палестина, Венеція) доказываютъ, что большая площадь земли не составляетъ необходимаго условія для великихъ историческихъ функцій. Съ другой стороны, мы видимъ здѣсь источникъ политическихъ и экономическихъ успѣховъ въ неравномѣрномъ распредѣленіи людей на опредѣленномъ пространствѣ. Въ эпоху Аѳинъ въ широкихъ предѣлахъ Средиземнаго моря населеніе сплачивалось всего болѣе въ нѣсколькихъ пунктахъ, на территоріи немногихъ городовъ и плодородныхъ мѣстностей въ родѣ Египта. Это — очаги исторіи. Въ каждой странѣ, въ свою очередь, замѣчаются области съ плотнымъ и рѣдкимъ населеніемъ и между ними всюду и всегда историческія трещины: области осѣдлыхъ и кочевниковъ, обитателей равнинъ и горъ, сѣлъ и городовъ. До сихъ поръ культурное и политическое превосходство всегда было на сторонѣ плотныхъ населеній. Въ этомъ смыслѣ вся исторія есть движеніе отъ рѣдкой къ густой населенности. Прогрессъ начинается съ того момента, когда въ скученныя такимъ образомъ суммы человѣческихъ силъ проникаетъ принципъ раздѣленія труда, который создаетъ жизнеспособные и творческіе контрасты. Простое суммированіе тѣлъ и душъ можетъ лишь усиливать существующее, увеличивать, такъ сказать, вѣсъ его массы. Въ Китаѣ, Индіи, Египтѣ плотность населенія возрастала уже съ давнихъ поръ, но она отнюдь не шла рука объ руку съ культурнымъ подъемомъ и развитіемъ политическаго могущества.

K. **Вода.**

Люди — обитатели суши, и поэтому распространенію ихъ на землѣ вода должна была ставить нѣкогда сильнѣйшія преграды. Первобытное человѣчество, ограничиваемое непреодолимыми водными границами, могло, слѣдовательно, населять лишь часть земли. И такъ какъ мы знаемъ, что въ прежнія геологическія эпохи дѣленіе земной поверхности на сушу и море повиновалось тѣмъ же законамъ, что и нынѣ, то рѣчь можетъ идти лишь объ извѣстной части нынѣ существующей суши, о болѣе или менѣе значительномъ материкѣ или міровомъ островѣ. Первый шагъ за предѣлы этого острова означалъ вмѣстѣ съ тѣмъ первый шагъ къ покоренію всей земли для человѣчества. Поэтому первый плотъ былъ важнѣйшимъ изобрѣтеніемъ, какое могъ сдѣлать когда либо человѣкъ въ области внѣшнихъ вспомогательныхъ средствъ. Этотъ плотъ означалъ не только начало завоеванія всѣхъ пространствъ земли до крайнихъ предѣловъ ихъ, но еще нѣчто большее: предоставленіе человѣку всѣхъ возможныхъ на нашей планетѣ способовъ къ разселенію и временному обособленію. Въ этомъ заключалось также освобожденіе отъ необходимости развиваться въ тѣсномъ пространствѣ, что всегда тормозитъ движеніе впередъ, возникновеніе плодотворныхъ контрастовъ и спасительныхъ столкновеній, однимъ словомъ, начало развитія расъ и народовъ. Съ этой точки зрѣнія Прометей является не такимъ великимъ двигателемъ человѣчества, какъ тотъ храбрецъ, который связалъ первые древесные стволы въ плотъ и на этомъ плоту „открылъ“ ближайшій подводный камень.

Съ этого перваго шага исторія человѣчества уже такъ тѣсно связывается съ необитаемой водою, что борьба съ моремъ является однимъ изъ могущественнѣйшихъ двигателей ея. И мы еще такъ мало ушли отъ этого, что самый могущественный современный народъ изъ маленькаго острова владѣетъ морями. Величіе Англіи доказываетъ громадное значеніе моря, какъ элемента политическаго и культурнаго могущества. Для того, однако, чтобы не слишкомъ преувеличивать это значеніе, мы должны сейчасъ же оговориться, что оно заключается въ предоставленіи свободныхъ

путей изъ одной страны въ другую. Владычество на водѣ дѣлаетъ народы сильными потому, что помогаетъ имъ покорять сушу.

Въ силу своихъ всюду одинаковыхъ свойствъ вода является могучимъ носителемъ уравнивающихъ дѣйствій. Такова она въ природѣ, такова и въ исторіи. Народъ, который освоился съ моремъ въ одномъ мѣстѣ, знаетъ его и во всѣхъ другихъ мѣстахъ. Норманнъ находилъ въ Винландѣ, испанецъ у антиподовъ въ Тихомъ океанѣ такое же зеленое, бурлящее у береговъ море, съ тѣмъ же приливомъ и отливомъ, которые слѣдуютъ тѣмъ же законамъ. Даже на береговыя мѣстности море дѣйствуетъ уравнивающимъ образомъ, и дюны близъ Агадира или передъ гаванью Веракруса одинаково рисуютъ воображенію моряка Гелы его родину. Къ тому же море широко разлилось, захватывая три четверти земли. Вслѣдствіе того, оно сродняетъ съ міромъ въ такой степени, въ какой земля никогда не въ состояніи сдѣлать. Отъ моря всегда исходила объединяющая уравнивающая сила въ противовѣсъ разъединяющимъ вліяніямъ суши. Всѣ попытки продолжить границы съ земли въ море не имѣли прочнаго результата. Они его не могли имѣть и никогда не будутъ имѣть. Карѳагенъ и Тарентъ могли, правда, запрещать путемъ договора итальянскимъ мореходцамъ плаваніе дальше Лачиніева мыса, венеціанцы могли добиться отъ папы владычества на Адріатикѣ, Данія и Швеція поочередно добивались преобладанія на Балтійскомъ морѣ, но все это противорѣчитъ природѣ моря, которое едино и недѣлимо. Только тамъ, гдѣ море очень близко къ землѣ — въ трехмильной полосѣ международнаго права — въ заливахъ съ узкимъ входомъ можно управлять имъ какъ сушей. Однако, Америка никогда не могла добиться признанія своихъ притязаній на господство надъ Беринговымъ моремъ; Англія въ состояніи была водвориться на Ирландскомъ морѣ только силою своего флота. Море распространяетъ свое объединяющее вліяніе даже на сушу тѣмъ, что оно ставитъ одинаковыя цѣли далеко отстоящимъ континентальнымъ державамъ. Въ эпоху наибольшаго раздробленія балтійскіе интересы соединяли отдаленные города Германіи. Соединенію разрозненныхъ сухопутныхъ государствъ предшествовало раскрытіе широкихъ горизонтовъ какъ въ Англіи XVI, такъ и въ Италіи и Германіи XII столѣтія.

Морская держава еще тѣснѣе зависитъ отъ сношеній, чѣмъ континентальная; она даже преимущественно зиждется на торговлѣ и сношеніяхъ. Но все-таки она есть нѣчто большее, чѣмъ торговое государство и монополія сношеній. Несмотря на весь эгоизмъ, на всю жадность къ деньгамъ и насилія, всѣмъ морскимъ державамъ присуща одна великая черта, которая скрашиваетъ пуническое вѣроломство и венеціанское корыстолюбіе. Близость моря придаетъ природѣ на большомъ протяженіи величественныя черты: рѣки расширяются, позади берега появляются большія озера и тамъ, гдѣ берегъ плоскій, уходятъ вдаль горизонтальныя линіи его очертаній и рядовъ дюнъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ расширяется и горизонтъ приморскаго населенія. Если стимуломъ къ судоходству служила прибыльность торговли и морского грабежа, то все же иной корабль приносилъ неоцѣнимыя выгоды человѣчеству, такъ какъ большія морскія открытія никогда не ограничивались открытіями новыхъ морей, но всегда вели и къ открытію новыхъ странъ и народовъ. Они больше всего способствовали расширенію историческаго горизонта. Политическія задачи также расширяются, принимаютъ болѣе величественный характеръ, какъ скоро онѣ освобождаются отъ континентальныхъ оковъ, очутившись на свободѣ морского побережья. Это можно примѣнить даже къ восточному вопросу, для разрѣшенія котораго сдѣланы были рѣшительные шаги на Средиземномъ морѣ, когда онъ, казалось, затормозился на Балканскомъ полуостровѣ.

Море не является пассивнымъ для народовъ, которые ему довѣряются. Почерпая силу изъ моря, они подчиняются морю. И чѣмъ больше мо

гущества они черпаютъ въ морѣ, тѣмъ болѣе они теряютъ почву на сушѣ. Въ концѣ концовъ могущество такого народа совершенно отдѣляется отъ почвы, и онъ уподобляется качающемуся на волнахъ флоту, который съ незначительными средствами производитъ необычайно обширный кругъ сильныхъ дѣйствій, но вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ быть уничтоженъ всякой бурей. Всѣ морскія державы были до сихъ поръ не долговѣчны. Подъемъ ихъ совершался всегда ослѣпительно быстро, но на этой высотѣ онѣ никогда долго не оставались. Обыкновенно паденіе было столь же быстрое, какъ и подъемъ. Всѣ морскія державы погибали вслѣдствіе узости ихъ фундамента, слишкомъ большого разсѣянія внѣшнихъ владѣній и трудности защиты ихъ, а также вслѣдствіе зависимости отъ внѣшнихъ сношеній. У многихъ присоединялись къ тому: перевѣсъ экономическихъ интересовъ надъ политическими, пренебреженіе оборонительными средствами, изнѣженность вслѣдствіе роскоши, доставляемой торговлею.

Рядомъ съ величіемъ, которое даетъ связь черезъ океаны, замѣчаются особыя черты, которыя вытекаютъ изъ положенія моря въ видѣ зоны земли и изъ положенія частей свѣта и острововъ въ морѣ. Съ моря эти черты обратно отражаются на сушу и обусловливаютъ тамъ историческія группировки. Историческія дѣйствія этихъ группировокъ выражаются уже въ самыхъ названіяхъ, каковы міръ Средиземнаго моря, балтійскія страны, атлантическія державы, тихоокеанскій культурный кругъ. Рѣчь идетъ здѣсь прежде всего о вліяніи сообщеній, обмѣна, объ оживляющихъ взаимныхъ сношеніяхъ, свойственныхъ всѣмъ береговымъ странамъ и островамъ. Къ нимъ можно примѣнить въ болѣе широкомъ смыслѣ слова, сказанныя Эрнстомъ Курціусомъ объ Эгейскомъ морѣ: „подобно тому, какъ удары волнъ передаются отъ іонійскаго берега до Саламина, всякое народное движеніе на одномъ берегу всегда распространялось на другой.“ Когда римляне соединили всѣ полуострова, острова и окраины Средиземнаго моря въ одно государство, они лишь увѣнчали политически культурное единство, которымъ уже раньше была проникнута вся область Средиземнаго моря. И если бы мы попытались опредѣлить значеніе римскаго расширенія съ среднеевропейской точки зрѣнія, то короче всего это выразилось бы слѣдующими словами: передача средиземноморской культуры средней Европѣ черезъ посредство западной. Это было вмѣстѣ съ тѣмъ передвиженіе историческаго круга отъ замкнутаго моря къ открытому океану. За Средиземнымъ моремъ послѣдовалъ Атлантическій океанъ. Американцы и русскіе, а за ними и японцы утверждаютъ, что нынѣ Атлантическій океанъ долженъ уступить мѣсто Великому. Они совершенно забываютъ при этомъ особенности Средиземнаго моря и въ частности его пространственныя условія. Столь обособленное развитіе также мало повторяется, какъ исторія Аѳинъ едва ли повторится на полуостровахъ Кореѣ или Шантунгѣ. Чѣмъ обширнѣе моря, тѣмъ болѣе отдѣльное море теряется передъ океаномъ. Не въ томъ дѣло, что Атлантическій океанъ сталъ на мѣсто Средиземнаго моря: здѣсь обширный океанъ вытѣснилъ небольшой замкнутый бассейнъ, именуемый Средиземнымъ моремъ.

Тѣмъ не менѣе, между частями всемірнаго моря всегда существовали различія, и они всегда будутъ имѣть значеніе, хотя и въ болѣе слабой степени. Тихій океанъ останется навсегда неизмѣримо наибольшимъ, такъ какъ онъ обнимаетъ 45% поверхности всемірнаго моря. Далеко раздвинутые контуры его вмѣщаютъ между побережьями Азіи и Америки пути, которые въ три и четыре раза длиннѣе атлантическихъ. Къ югу онъ широко раскрывается, чтобы принять въ свои объятія Австралію и Океанію, и здѣсь Тихій океанъ пріобрѣтаетъ самую своеобразную черту: третье побережье, и притомъ въ южномъ полушаріи, съ такимъ богатымъ развитіемъ острововъ, какого мы не знаемъ нигдѣ болѣе на землѣ. Тѣ особыя черты, которыя Тихій океанъ можетъ внести въ исторію, нужно искать въ предѣ-

лахъ южнаго полушарія. И если когда нибудь осуществится великая самостоятельная исторія антиподовъ, то мѣстомъ ея будетъ южный Тихій океанъ, окруженный странами съ богатѣйшею будущностью въ Австраліи, Южной Америкѣ, Новой Зеландіи и Океаніи. Атлантическій океанъ занимаетъ лишь немногимъ болѣе половины Тихаго океана. Но онъ не по одной этой причинѣ, въ сравненіи съ Тихимъ океаномъ, играетъ скорѣе роль внутренняго моря, чѣмъ всемірнаго океана. Незначительная ширина его между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ, рукава, которые онъ вдвигаетъ между частями свѣта, полуострова и острова, имъ омываемые, укорачиваютъ еще болѣе пути между обоими атлантическими побережьями. Онъ въ большей мѣрѣ соединяетъ сушу и море, чѣмъ разъединяетъ; до сихъ поръ онъ былъ, главнымъ образомъ, европейско-американскимъ моремъ. Индійскій океанъ и въ физическомъ, и въ историческомъ отношеніи является моремъ лишь наполовину. Хотя важные отдѣлы его лежатъ къ сѣверу отъ экватора, но онъ закрытъ съ сѣвера; къ югу онъ широко открывается и, такимъ образомъ, прежде всего принадлежитъ южному полушарію.

Если эти великія моря открываютъ широкій просторъ историческимъ движеніямъ и даютъ народамъ возможность разсѣеваться отъ берега къ берегу во всѣхъ направленіяхъ, то, съ другой стороны, закрытыя моря вдвигаютъ политическія стремленія граничащихъ съ ними государствъ въ узкія пространственныя рамки. Въ теченіе всего историческаго періода Средиземное море образуетъ какъ бы фокусъ, въ которомъ сосредоточиваются интересы почти всѣхъ европейскихъ державъ. Кромѣ того, со времени прорытія Суэцкаго перешейка, оно заняло положеніе проходнаго моря. Балтійское море имѣетъ съ нимъ нѣкоторое сходство, но было бы слишкомъ много утверждать, что оно занимаетъ такое же положеніе, какъ и Средиземное море. Оно въ семь разъ меньше Средиземнаго и не обладаетъ его совершенно исключительнымъ положеніемъ между материками. Балтійское море скорѣе напоминаетъ Черное, особенно если принять во вниманіе его отношеніе къ востоку.

Берегъ былъ первоначально порогомъ моря, но когда народы привыкли къ морю, онъ сталъ порогомъ земли. Кромѣ того, онъ имѣетъ еще третье самостоятельное значеніе: это — полоса, въ которой совмѣщаются свойства моря и земли. Благодаря этому послѣднему обстоятельству, историческое значеніе ея значительно превышаетъ ея размѣры, не говоря уже о томъ, что это — лучшая граница для расположенныхъ за нею государствъ. Здѣсь находятся гавани, укрѣпленія, многочисленные города, всегда самые большіе въ странѣ, густыя населенія. Отъ соприкосновенія съ моремъ прибрежные обитатели получаютъ своеобразныя черты. Если они не различаются въ національномъ отношеніи, какъ, напр., греки во Ѳракіи и Малой Азіи, или малайцы на многихъ островахъ Индонезіи, то уже внѣшнія сношенія даютъ имъ особый отпечатокъ, который въ Нидерландахъ повелъ даже къ политическому обособленію. Во всѣхъ вопросахъ сношеній береговая страна стоитъ въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ внутренняя, но обѣ онѣ не могутъ въ теченіе продолжительнаго времени существовать одна безъ другой, и французскіе департаменты Везера и Эльбы принадлежали къ самымъ кратковременнымъ созданіямъ недолговѣчной Наполеоновской эры. Имѣя море за спиною, береговой народъ легче отказывается отъ связи съ своей страною, такъ какъ онъ распространяется по другимъ побережьямъ. Послѣ финикіянъ существовало много другихъ колонизаторовъ побережій и основателей береговыхъ государствъ. Норманны служатъ величайшимъ примѣромъ этого рода въ европейской исторіи. Новѣйшая исторія Африки сводится, главнымъ образомъ, къ расширенію береговыхъ колоній въ сторону лежащихъ позади странъ. При этомъ береговая полоса выказываетъ всегда внутреннюю и внѣшнюю сторону. Какъ далеко простирается дѣйствіе побережья внутрь? У нѣ-

которыхъ дикихъ народовъ, какъ, напр., у готтентотовъ и австралійцевъ, побережье было мертвымъ для страны. Для Германіи оно также представляло въ теченіе столѣтій мертвую политическую величину. Устье рѣки есть наилучшій путь для воздѣйствія побережья на внутренность страны.

Со времени Карла Риттера, географія придаетъ большое значеніе культурному дѣйствію берегового расчлененія. Всѣ историки древности признаютъ, что Средиземное море, благодаря обилію въ немъ заливовъ, полуострововъ и острововъ, сдѣлало финикіянъ и грековъ мореплавателями. Однако, провѣрка этого положенія на наиболѣе очевидныхъ фактахъ новѣйшей исторіи не подтверждаетъ его. Искусство мореходства передается отъ одного народа къ другому. Ни одинъ мореходный народъ не обязанъ всѣмъ исключительно своему берегу. Не богатый заливами берегъ Мэна далъ сѣверной Америкѣ лучшихъ моряковъ, а, наоборотъ, неудобный, по большей части, берегъ Массачусетса, такъ какъ за нимъ лежала страна, которая побуждала къ торговлѣ и сношеніямъ. Сама природа только тамъ толкала береговыхъ обитателей въ море, гдѣ за узкой береговой полосою скрывается бѣдная внутренняя страна, какъ въ Норвегіи. Въ этомъ была и есть могущественная причина оживленнаго мореходства въ Греціи. Для политическаго вліянія достаточно стать ногою у моря. Эгъ-Мортъ съ его болотистою окрестностью былъ достаточенъ для Людовика Святого, чтобы открыть Франціи Средиземное море; для Венгріи достаточенъ Фіуме. Пустынные берега оказывали своеобразныя задерживающія вліянія на историческое развитіе. Берега Австраліи пришлось вторично открывать черезъ 130 лѣтъ послѣ Тасмана и въ болѣе благопріятномъ мѣстѣ. Поэтому исторія европеизированія Австраліи начинается не съ великаго Тасмана, а съ Кука.

Рѣки, какъ часть общей водной поверхности, представляютъ какъ бы рукава моря въ глубинѣ странъ, артеріи, которыя носятъ пищу морю изъ болѣе высокихъ частей земли. Поэтому онѣ служатъ естественными путями для историческаго движенія отъ моря къ странамъ суши, и наоборотъ. Представленія миѳической географіи о рѣкахъ, соединяющихъ моря, заключаетъ въ себѣ глубокую истину. Соединеніе между Чернымъ и Балтійскимъ морями черезъ Кіевъ не существовало въ то время, когда Адамъ Бременскій принималъ его за фактъ. И, однако, сѣть русскихъ каналовъ осуществила это соединеніе, предначертанное въ природѣ, такъ же, какъ и варяги достигли его въ болѣе грубой формѣ, перетащивъ свои лодки изъ С. Двины въ Днѣпръ. Когда французы соединили цѣпь большихъ озеръ при посредствѣ рѣки Иллинойса съ Миссисипи, они получили въ свое распоряженіе водный путь изъ сѣвернаго Атлантическаго океана въ Мексиканскій заливъ, составлявшій могущественную линію сообщеній въ тылу атлантическихъ колоній; эти послѣднія примыкали къ соленой, а первыя къ прѣсной водѣ. Нилъ, который бѣжитъ изъ озера Таны на плоскогорьи Абиссиніи къ Красному морю, дѣлитъ вмѣстѣ съ нимъ, правда, теперь еще не вполнѣ равномѣрно, сообщенія между сѣверо-восточной Африкой и восточной внутренней Африкой. Желѣзная дорога Момбасъ — Уганда заканчиваетъ западную средиземно-индійскую соединительную линію, такъ же, какъ дорога Евфрата завершитъ восточную линію къ Персидскому заливу: это — двѣ рѣчныя линіи рядомъ съ линіями Краснаго моря. Съ наглядною ясностью мы видимъ переходъ морскихъ функцій къ прѣсной водѣ въ лагунахъ, гдѣ морскія сношенія ищутъ болѣе покойныхъ водъ, подъ защитою косы, Лидо.

Правда, рѣки образуютъ лишь обрывки путей міровыхъ сношеній, такъ какъ онѣ спускаются съ болѣе высокихъ частей странъ, и водораздѣлъ то тамъ, то сямъ прерываетъ теченіе. Кромѣ того, въ сравненіи съ необъятными водами морей, рѣки представляютъ лишь неглубокіе желобки, непрерывность которыхъ нарушается всякимъ скалистымъ утесомъ. Вслѣдствіе того, на протяженіи одной и той же рѣки возникаютъ различныя области сношеній. Только ниже перваго порога Египетъ становится настоящимъ

Египтомъ; то, что лежитъ выше рифа, было отвоевано у Нубіи. Вверхъ вода въ рѣкахъ убываетъ, тогда какъ наклонъ увеличивается, отчего кверху сношенія уменьшаются. Уже по этому передвиженіе народовъ и основаніе государствъ по теченію рѣкъ, такъ часто допускаемое по аналогіи съ теченіемъ воды внизъ, невѣроятно. Гораздо чаще мы видимъ въ исторіи движеніе и ростъ народовъ вверхъ по рѣкѣ. Во всѣхъ частяхъ свѣта исторія даетъ намъ примѣры колоній, насаждаемыхъ съ моря, и это направленіе глубоко коренится въ преобладаніи морскихъ сношеній и общей исторической роли моря. Правда, французы колонизировали средній Миссисипи сверху, но они пришли туда съ нижняго теченія рѣки св. Лаврентія. Кочующіе континентальные народы даютъ намъ рѣдкіе примѣры великихъ движеній, слѣдовавшихъ по теченію рѣкъ. Арійцы въ Индіи спустились по Инду, готы по Дунаю до Чернаго моря.

Тамъ, гдѣ рѣка въ своемъ устьѣ соединяется съ моремъ, она вмѣщаетъ въ себѣ преимущества морскихъ сношеній съ сухопутными. Къ этому присоединяются еще, какъ особые моменты, сѣть каналовъ, соединяющихъ рукава дельты и способствующихъ сношеніямъ, и затѣмъ плодородіе заливаемой страны. Для перваго населенія играла, вѣроятно, большую роль безлѣсность вслѣдствіе частыхъ наводненій и защищенность островов дельты. Во всякомъ случаѣ, устья большихъ и малыхъ рѣкъ принадлежатъ къ древнѣйшимъ культурнымъ и политическимъ центрамъ. Египетъ и Вавилонъ столь же извѣстны, какъ и предпочтеніе, которое отдавали греческіе колонизаторы устьямъ рѣкъ. Подобно Милету, Эфесу, Риму, возникали въ устьяхъ рѣкъ поселенія на Родану сѣ, Бетисѣ, Борисѳенѣ, Индѣ. Было-бы, однако, ошибочно видѣть въ этомъ прямое доказательство потамической (рѣчной) ступени культуры и образованія государствъ, которая будто бы предшествовала талассической, т. е. средиземноморской. Скорѣе эти государства въ устьяхъ рѣкъ являются слѣдствіемъ талассической культуры, которая укрѣпляется въ благопріятныхъ береговыхъ точкахъ, ограничивается ими и вытѣсняется террестрическимъ направленіемъ въ періодъ роста Рима къ сѣверу и востоку.

Другая, болѣе прочная послѣдовательность въ системѣ развитія наблюдается тамъ, гдѣ рѣки расположены у начала сообщеній на обширномъ пространствѣ. Онѣ представляютъ естественные пути въ изобилующихъ водою странахъ, тѣмъ болѣе важные, чѣмъ меньше имѣется другихъ путей. При этомъ рѣки одной системы образуютъ въ своей естественной связи натуральную сѣть сообщеній. Въ Америкѣ первыхъ временъ изслѣдованія и завоеванія, въ Сибири, въ Африкѣ нашихъ дней онѣ являются главнѣйшими артеріями торговыхъ и политическихъ путей. Чѣмъ доступнѣе рѣка для сношеній, тѣмъ быстрѣе распространяется въ ея бассейнѣ политическое покореніе, какъ показали это варяги въ Россіи и португальцы въ Бразиліи. Величайшій примѣръ возникновенія государствъ въ связи съ естественной системою представляетъ государство Конго, границы котораго отчасти прямо соотвѣтствуютъ линіи водораздѣла. Въ борьбѣ за рѣки рѣшается преобладаніе въ колонизированной области. Это доказали рѣки Св. Лаврентія и Миссисипи въ Сѣверной Америкѣ столь же ясно, какъ Нигеръ и Бенуэ въ Африкѣ. Насколько эти рѣчные пути облегчаютъ и прокладываютъ пути къ политическому развитію, лучше всего доказываютъ противоположная судьба Южной Америки и Африки. Африка пріобщилась къ колонизаціонному движенію слишкомъ на три столѣтія позже, чѣмъ Южная Америка.

Каждая рѣка есть вмѣстѣ съ тѣмъ политическій путь и, какъ таковой, она служитъ въ то же время притягивающимъ центромъ и направляющей линіей. Вдоль Эльбы нѣмцы подвигались между датчанами и славянами, вдоль Вислы между пруссами и славянами. Рѣка, на которую опирается возникающее государство, поддерживаетъ цѣлость готоваго государства. Миссисипи воспрепятствовала отпаденію юга Сѣверо-аме-

риканскихъ Соединенныхъ Штатовъ отъ сѣвера во время междуусобной войны. Нилъ, подобно нити жемчуга, соединяетъ провинціи древняго и новаго Египта. Австро-Венгрія сдѣлалась дунайскимъ государствомъ не потому только, что Дунай былъ жизненнымъ нервомъ ея развитія, но и потому еще, что въ бассейнѣ Дуная лежатъ 82% австро-венгерской территоріи. Съ нарушеніемъ естественной связи рѣкъ прекращается и ихъ связующая сила. Политическое и экономическое раздѣленіе Рейна, Майна и др. предшествовало раздробленію нѣмецкаго государства.

Тамъ, гдѣ встрѣчаются двѣ рѣки, сталкиваются также двѣ политическія линіи направленія, и въ точкѣ сліянія ихъ находится пунктъ, изъ котораго возможно поддерживать ихъ связь. Въ этомъ заключается значеніе положеній Майнца, Ліона, Бѣлграда, Сенъ-Луи, Хартума. Теченію воды не свойственна прямолинейность, съ какою историческія теченія направляются къ своимъ цѣлямъ. Эти послѣднія отрѣзываютъ поэтому излучины или слѣдуютъ притоку, который принимаетъ направленіе главной рѣки, какъ мы видимъ это на старомъ пути по Одеру и Нейсѣ въ Богемію. Острые углы по теченію рѣки ведутъ вдоль сторонъ къ выдающимся пунктамъ, каковы Регенсбургъ или Орлеанъ. Притокъ, впадающій въ такомъ мѣстѣ, есть лучшій путь къ сосѣдней рѣкѣ, какъ, напр., Альтмюль — отъ Дуная къ Майну. Или же рѣчной уголъ превращается въ полуостровъ, который съ третьей стороны ограничивается притокомъ почти въ видѣ острова, какъ, напр., островъ аллоброговъ между дугою Роны и Изерой.

Не столько вода сама по себѣ, сколько русло рѣки служитъ причиною нарушенія непрерывности суши рѣчными теченіями. Поэтому и пересыхающія рѣки въ значительной мѣрѣ способствуютъ такому разъединенію и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ труднѣе можно разсчитать наполненіе ихъ водою. Существующія неровности почвы увеличиваются и приподнимаются теченіемъ воды. Такимъ образомъ рѣчная система разбиваетъ страну на естественные отдѣлы. Къ этимъ гранямъ, узкимъ почти, какъ линіи, всегда охотно прибѣгали при проведеніи границъ, въ особенности тамъ, гдѣ требовалось обвести общими границами обширную область. Такъ, Карлъ Великій ограничилъ свою имперію Эйдеромъ, Эльбою, Раабомъ и Эбро. Повтореніе граней, создаваемое сліяніемъ рѣчныхъ рукавовъ, образуетъ столько же слѣдующихъ другъ за другомъ отдѣловъ, которые пріобрѣтаютъ особенное значеніе въ исторіи войнъ. Таковы Рейнъ, Везеръ, Эльба, Одеръ или, въ меньшихъ размѣрахъ, Мозель, Сааръ. Броды, гдѣ легче всего переправляться черезъ рѣки, составляли всегда важные пункты, а въ Африкѣ они служили даже исходными точками образованія мелкихъ государствъ. Въ качествѣ путей сообщенія, рѣки не имѣютъ уже для исторіи войнъ такого значенія, какое придалъ имъ Фридрихъ Великій въ словахъ: „Одеръ — кормилица арміи“. Но въ глубинѣ сѣверной Америки, лишенной дорогъ, рѣки имѣли рѣшающее значеніе не далѣе, какъ въ гражданскую войну 1862 и 1863, такъ что стояніе воды оповѣщалось въ важнѣйшихъ военныхъ бюллетеняхъ. Кромѣ того, въ смыслѣ военныхъ путей сообщенія, рѣки всегда сохраняютъ то преимущество передъ желѣзными дорогами, что ихъ нельзя разрушить.

L. **Формы поверхности земли.**

Отклоненія отъ идеальной формы эллипсоида такъ ничтожны на земномъ шарѣ, что исторія можетъ пренебречь ими и принять одинаковую выпуклость для всѣхъ мѣстъ земли. Грушевидное утолщеніе, которымъ, по мнѣнію Колумба, отличается Новый Свѣтъ въ тропическомъ поясѣ, составляло лишь иллюзію, лишенную историческаго значенія. Такимъ образомъ, форма всѣхъ частей земли существенно одинакова. Однообразіе господствуетъ на всемъ земномъ шарѣ, и можетъ быть рѣчь лишь о второстепенныхъ

различіяхъ формы. Къ таковымъ принадлежатъ возвышенія материковъ и углубленія морей, возвышенности и низменности, горы и долины. Всѣ эти различія ничтожны по сравненію съ массою земли. Высочайшія горы Гималая удлинняютъ радіусъ земли только на 1/800; столь же незначительны самыя глубокія впадины. Это — не болѣе какъ шереховатости, которыхъ нельзя даже нанести на обыкновенный глобусъ. Великое историческое значеніе ихъ объясняется лишь тѣмъ, что большія массы морскихъ водъ наполняютъ углубленія, изъ которыхъ выдаются затѣмъ величайшія возвышенія въ формѣ міровыхъ острововъ. Прочія неровности на поверхности земли недостаточны для того, чтобы вызвать стойкія различія въ распространеніи народовъ и государствъ; они могутъ только задерживать и отклонять. Даже Гималайскія горы не послужили преградою для арійцевъ на западѣ и тибетцевъ на востокѣ, а британская Индія растянула свою границу далеко за предѣлами ихъ къ Памиру.

Формы поверхности представляютъ для историка лишь различія въ высотѣ и формѣ. Разнообразіе въ строеніи ея, въ развитіи, въ матеріалѣ, всѣ процессы преобразованія и распаденія поверхности, создающіе тысячи задачъ для географа, почти не существуютъ для историка. Столь же мало интересуютъ его тѣ величайшія неровности земной поверхности, въ которыя стекаются морскія воды. Возвышается ли надъ ними море на 8000 или, какъ мы теперь знаемъ, на 9000 метровъ, для исторіи человѣчества безразлично, такъ же, какъ для исторіи Греціи не имѣетъ значенія то обстоятельство, что въ восточной части Іоническаго моря лежитъ наибольшая глубина Средиземнаго моря въ 4400 метровъ. Правда, есть извѣстное общее соотношеніе между глубинами Средиземнаго моря, запертыми за Гибралтарскимъ порогомъ, и климатомъ этой области, который, въ свою очередь, оказываетъ вліяніе на человѣка. Но это отношеніе — отдаленное, и если мы касаемся его здѣсь, то лишь для того, чтобы напомнить, что нѣтъ такого факта въ природѣ земли, который въ концѣ концовъ не имѣлъ бы отношенія къ человѣку. Обыкновенно глубина моря пріобрѣтаетъ историческое значеніе только тамъ, гдѣ въ нее опускается телеграфный кабель, а это можетъ относиться лишь къ самому новѣйшему времени. Пожалуй, скажутъ, что и происхожденіе формъ поверхности относится къ временамъ, слишкомъ отдаленнымъ, чтобы вліять на исторію человѣчества, и что его вообще лучше предоставить исторіи земли. Съ первымъ можно согласиться, но второе отсюда не вытекаетъ. Если, напр., вся область Средиземнаго моря отъ Кавказа до Атласа и отъ Оронта до Дуная имѣетъ сходное строеніе поверхности, то причина этого кроется именно въ сходствѣ развитія. Такая же обширная область съ одинаковымъ строеніемъ тянется къ сѣверу отсюда, между Атлантическимъ океаномъ и Судетами.

Есть широкія черты въ формахъ поверхности, которыя намѣчаютъ одинаковыя формы для цѣлыхъ группъ государствъ. Россія и Сибирь занимаютъ одну и ту же низменность, къ которой принадлежитъ также бо́льшая часть Германіи, затѣмъ Бельгія и Нидерланды. Германіи и Франціи принадлежитъ общая цѣпь горъ средней высоты, которыя образуютъ одну систему отъ Севеннъ до Судетъ. Уже сопредѣльность съ одними и тѣми же формами поверхности создаетъ сродство, которое мы можемъ видѣть въ Альпійскихъ государствахъ, Швеціи и Норвегіи, въ государствахъ Андовъ. Это напоминаетъ группировки вокругъ моря. Но то, что раздѣляетъ государства Балтійскаго моря, соединяетъ ихъ, а то, что соединяетъ альпійскія государства, разъединяетъ ихъ. Болѣе мелкія черты въ формѣ поверхности раздѣляютъ отдѣльныя страны и нерѣдко создаютъ историческіе пробѣлы и скачки тѣмъ, что выдѣляютъ изъ политическаго цѣлаго естественныя области. Сѣверо-германская низменность имѣетъ другую исторію, чѣмъ гористая часть Германіи; низменность По представляетъ собою другую Италію, чѣмъ область Апеннинъ. Въ исторіи Англіи мы точно также

можемъ замѣтить контрастъ между гористымъ промышленнымъ западомъ и земледѣльческой восточной равниной. Въ предѣлахъ Шотландіи возвышенности и равнины также противуположны другъ другу.

Тамъ, гдѣ въ предѣлахъ одной и той же страны соединяются столь различные орографическіе элементы, необходимо выяснить — образуютъ ли они при всемъ своемъ различіи одно цѣлое или же, находясь рядомъ, не связаны между собою. Для исторіи элементы строенія поверхности важны не только сами по себѣ, но и потому еще, какъ они связаны между собой. Греція представляетъ намъ примѣръ въ высшей степени запутаннаго гористаго строенія, причемъ обнаженныя карстовыя плато располагаются рядомъ съ цвѣтущими долинами и заливами. Благодаря морю, такіе заливы, какъ Аттика, Аргосъ, Ламія, пріобрѣтаютъ высокую степень самостоятельности. Они представляютъ собою маленькіе міры и превратились, конечно, въ самостоятельныя государства, которыя слились только подъ вліяніемъ внѣшняго насилія. Противуположность такому дробленію, гдѣ множество весьма различныхъ формъ нагромождаются одна подлѣ другой, представляетъ дѣленіе всей Сѣверной Америки на обширныя, переходящія одна въ другую области Аллеганъ, бассейна Миссисипи и западной возвышенности, изъ которыхъ средняя связываетъ всѣ части въ одно цѣлое. Австро-Венгрія совмѣщаетъ въ себѣ пять главныхъ орографическихъ элементовъ: Альпы, Карпаты, Судеты, Адріатическія страны и Паннонскую низменность. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ встрѣчаются Дунай, Морава и пути къ Адріатическому морю, лежитъ главный городъ Вѣна, который является для цѣлаго связующимъ началомъ. Если единство высшаго порядка соединяется съ пестрымъ строеніемъ поверхности, какъ въ Ирландіи островная, въ Италіи полуостровная природа, то оно связываетъ орографическія звенья въ одно цѣлое. Выступавшее во всѣ періоды исторіи различіе между апеннинской Италіей, низменностью По и альпійской Италіей отражаетъ, какъ въ своемъ происхожденіи, такъ и объединеніи, орографическіе контрасты въ предѣлахъ полуостровнаго единства. Другой источникъ, изъ котораго исходитъ преодолѣніе подобнаго рода орографическихъ дисгармоній, заключается въ большихъ континентальныхъ покатостяхъ, въ которыхъ преобладаютъ опредѣленныя направленія. Въ Германіи къ сѣверу отъ Дуная преобладаетъ вообще наклонъ къ сѣверу, который пересѣкаетъ цѣлый рядъ особыхъ орографическихъ элементовъ. Нельзя отрицать, что взаимное скрещиваніе возвышенности нѣмецкой земли способствовало политическому раздробленію Германіи; но еще больше послѣдствій имѣло, безъ сомнѣнія, постепенное пониженіе германской почвы съ юга къ морю и соотвѣтственное расчлененіе страны на западно-восточные отдѣлы, разграниченные рѣками. Преобладаніе одного опредѣленнаго орографическаго элемента даетъ, въ свою очередь, иную группировку всѣхъ прочихъ элементовъ въ одно цѣлое. Такъ, въ Сѣверной Америкѣ широкимъ контурамъ поверхности соотвѣтствовалъ широкій, однообразный ходъ исторіи.

Въ каждой возвышенности, такъ же, какъ и въ каждой низменности, есть внутреннія различія строенія, которыя оказываютъ неодинаковое историческое дѣйствіе. Крутой склонъ Альпъ внутрь, т. е. въ сторону Италіи, дѣлалъ спускъ въ долину По болѣе легкимъ, нежели перемѣщеніе въ противуположномъ направленіи, гдѣ Альпы окаймляются гористыми мѣстностями, высокими равнинами и глубокими рѣчными долинами. Переходъ на внутреннюю сторону, въ свою очередь, легче въ западныхъ Альпахъ, чѣмъ въ восточныхъ, гдѣ онъ задерживается южной альпійской цѣпью. На западѣ всѣ препятствія болѣе или менѣе сосредоточены въ тѣсномъ пространствѣ, гдѣ при извѣстномъ усиліи они преодолѣваются въ болѣе короткое время. На востокѣ расширяющаяся гористая страна разбрасываетъ многочисленныя меньшія препятствія на большемъ протяженіи (путь изъ Вѣны въ Тріестъ вдвое длиннѣе пути изъ Констанца въ Комо).

Въ проходахъ, открывающихъ путь черезъ горы, упомянутыя различія сосредоточиваются на весьма ограниченныхъ мѣстахъ, которыя именно въ силу этого пріобрѣтаютъ историческую важность. Такіе прорѣзы тѣмъ важнѣе, чѣмъ они рѣже. Есть горы, богатыя и бѣдныя проходами. Пиндъ прорѣзывается лишь Касторейскимъ проходомъ; изъ сѣверной Греціи въ среднюю лежитъ только одинъ удобный переходъ въ Өермопилахъ, и одинъ лишь Хайберскій проходъ открываетъ кратчайшій путь изъ Ирана въ Индію. Въ Альпахъ ретійскій отдѣлъ богатъ проходами, Тауэрнъ, наоборотъ, бѣденъ ими, и въ общемъ высота проходовъ уменьшается къ востоку. Въ Индіи возможность перейти Гималаи возрастаетъ къ западу. Семилѣтняя война обнаружила большую разницу между удобопроходимыми, широкохребетными Рудными горами и крутыми Эльбскими песчаниковыми горами, испещренными многочисленными ущельями. Проходы всегда находятся въ связи съ долинами и рѣками, которыя образуютъ пути къ проходамъ и отъ нихъ. Долина Рейса и долина Тичино суть естественные пути къ Сенъ-Готардскому проходу. Проходъ Бреннеръ не имѣлъ бы присущаго ему выдающагося значенія, если бы Иннъ и Эчъ не прокладывали бреши въ сѣверныхъ и южныхъ Альпахъ. Тамъ, гдѣ сходятся подобныя пути къ проходамъ, возникаютъ важные сборные пункты для мирныхъ сношеній и воинственныхъ предпріятій; таковы Валлисъ, Фельтлинъ, долина верхняго Мура. Въ Хурѣ сходятся не менѣе пяти дорогъ къ проходамъ: черезъ Юлійскій проходъ, Септимеръ, Сплюгенъ, Бернардинъ и Лукманиръ. Далѣе значеніе проходовъ различно, смотря потому — прорѣзываютъ ли они цѣлый хребетъ или только часть его. Когда аугсбургцы миновали на своемъ пути въ Венецію дальній или Зеефельдскій проходъ, то впереди оставался еще Бреннеръ; но когда римляне переходили Монъ-Женевръ, то впереди не было больше альпійскихъ гребней, и они находились уже въ Галліи.

Есть также проходы черезъ поперечные гребни горъ, какъ, напр., Арльбергскій проходъ, который пересѣкаетъ гребень между сѣверными и центральными Альпами. Подобные проходы важны для внутреннихъ сношеній въ горахъ тѣмъ болѣе, что они, обыкновенно, соединяютъ большія продольныя долины между складками горъ, — долины, составляющія въ горахъ средоточіе плодородія и самой кипучей жизни, являясь вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе защищенными. Такъ проходъ Фурка соединяетъ Валлисъ, представлявшій въ эпоху римлянъ самую цвѣтущую страну въ Альпахъ, съ долиною верхняго Рейна, Арльбергскій проходъ — Форарльбергъ съ долиною верхняго Инна. Именно эти проходы убѣждаютъ насъ, въ какой степени всякіе прорѣзы и переходы являются не только путями сношеній, но вмѣстѣ съ тѣмъ жизненными артеріями для самихъ горъ. Вдоль путей къ проходамъ возникаютъ поселенія на такихъ высотахъ, гдѣ при другихъ условіяхъ они едва ли могли бы развиться. И самыя высокія постоянныя жилища въ горахъ примыкаютъ къ проходамъ или располагаются внутри нихъ. Римляне устраивали здѣсь свои военныя колоніи; точно также германскіе императоры обезпечили Ретійскіе проходы поселеніями. Есть политическія области, ядро которыхъ образуетъ проходъ. Подвластное римлянамъ царство Коттія было проходнымъ въ Коттійскихъ Альпахъ; Ури можетъ считаться государствомъ сѣвернаго Готарда. Проходъ Бреннеръ въ Тиролѣ является мѣстомъ, гдѣ сходятся главные жизненные центры страны.

Переходъ отъ одной формы поверхности къ другой вмѣстѣ съ тѣмъ всегда означаетъ границу между двумя областями съ различнымъ ходомъ исторіи. Движенія въ одной области отражаются на движеніяхъ другой. Этимъ объясняются замѣчательныя явленія на окраинѣ горъ. Здѣсь вступаютъ въ конфликтъ съ историческими дѣйствіями горъ силы, которыя проникаютъ въ нихъ извнѣ, какъ бы стремятся бросить здѣсь якорь, ищутъ въ горахъ защиты и предѣла. Римъ, выдвигая впередъ свои провинціи, все болѣе и болѣе стѣснялъ политически Альпы, сперва съ юга, по-

томъ съ запада и сѣвера. Австрія, Италія, Германія, Франція съ различныхъ сторонъ вдвигались въ Альпы; но онѣ только опираются на Альпы, тогда какъ центръ тяжести ихъ остается внѣ ихъ. То же явленіе представляютъ этническія области. Ретійцы, кельты, романцы, германцы, славяне захватывали Альпы, но главныя массы ихъ никогда не принадлежали Альпамъ. Степень участія въ горной жизни и проложеніе путей черезъ горы рѣшается всегда на окраинѣ горъ. Здѣсь лежатъ поля битвъ, здѣсь находятся и главные перекрестные пункты сообщеній, отношеніе которыхъ къ горной окраинѣ напоминаетъ отношеніе гаваней къ побережью, гдѣ также соприкасаются два рода путей. Подобно морю, эта окраина имѣетъ свои заливы и свои мысы.

Возвышенія поверхности задерживаютъ историческія движенія и замедляютъ ходъ ихъ. Римляне стояли два столѣтія у подошвы Альпъ прежде, чѣмъ пробились черезъ горы, понуждаемые къ тому непрерывными хищническими набѣгами альпійскихъ обитателей, для которыхъ горы служили надежными крѣпостями. Но задолго до этого они обошли Альпы съ западной стороны и начали обходъ ихъ съ восточной стороны. Атлантическія колоніи, предшественники Соединенныхъ Штатовъ Америки, просуществовали почти 200 лѣтъ прежде, чѣмъ колонисты въ состояніи были перейти Аллеганскія горы. И не подлежитъ сомнѣнію, что эта остановка столь могучаго впослѣдствіи движенія на западъ способствовала экономическому и политическому созрѣванію юныхъ Соединенныхъ Штатовъ. При этой задержкѣ играетъ роль не столько абсолютная высота возвышенности, сколько высота прорѣзовъ, свойство долинъ, общая ширина горъ, лѣсистость, орошеніе, образованіе глетчеровъ и пустынь. Альпы въ общемъ доступнѣе Пиренеевъ, такъ какъ пиренейскіе проходы захватываютъ двѣ трети, альпійскіе же отъ половины до трети высоты вершинъ. Плато въ Колорадо въ юго-западной части Сѣверной Америки съ глубокими крутыми долинами представляетъ болѣе значительное препятствіе, чѣмъ болѣе высокая Сіерра-Невада въ Калифорніи съ ея широкими долинами и отлогими склонами. Лѣсистый характеръ германскихъ горъ служилъ препятствіемъ къ заселенію ихъ вплоть до XII и XIII вѣка въ большей мѣрѣ, чѣмъ умѣренная высота ихъ. Широкая пустынная высокая равнина Большой котловины въ большей степени изолировала западъ отъ внутренней части Соединенныхъ Штатовъ, чѣмъ Скалистыя горы, вершины которыхъ поднимаются выше, чѣмъ на 4000 м. Обширное обледенѣніе и безплодіе Скандинавскихъ горъ рѣзко разъединяли Швецію и Норвегію и вмѣстѣ съ тѣмъ дали возможность лопарямъ съ ихъ стадами сѣверныхъ оленей врѣзаться между ними клиномъ. Точно также высоко поднимающіяся степи на высокихъ равнинахъ широкаго центральнаго Тянь-Шаня дали возможность киргизамъ перешагнуть горы и кочевать по нимъ со своими стадами.

Въ этихъ случаяхъ человѣческое населеніе, связанное съ опредѣленной высотою и создающее здѣсь свой особый міръ, еще болѣе затрудняетъ переходъ. Величайшій примѣръ того показываетъ намъ центральная Азія съ ея кочевниками, которые болѣе, чѣмъ самая страна, разъединяли азіатскія окраинныя страны на востокѣ, западѣ и югѣ. Эти кочевники являются, конечно, косвенно продуктомъ климата и почвы своей обширнѣйшей на землѣ плоской возвышенности. Такое же вліяніе оказываютъ возвышенія поверхности въ древней Америкѣ, гдѣ сухія возвышенности запада отъ Сіерра-Мадре въ Мексикѣ до Атакамы на югѣ были покрыты сходными государствами и населены похожими другъ на друга народами. Кавказъ, который сыгралъ роль исторической преграды противъ персовъ и римлянъ и только гораздо позднѣе былъ перейденъ русскими, показываетъ, что горы могутъ служить также разъединяющимъ моментомъ въ томъ случаѣ, когда онѣ вдвигаются между степью и моремъ.

Нѣчто похожее на центральную Азію и американскія плоскогорья, но въ меньшемъ масштабѣ, можно встрѣтить въ каждомъ горномъ государ-

ствѣ: обширныя, не населенныя площади, въ которыхъ люди соприкасаются съ свободной природой. Этимъ создается независимость характера горцевъ, а въ отношеніи ихъ государствъ — перевѣсъ пространства надъ численностью населенія. Тироль занимаетъ шестое мѣсто въ ряду коронныхъ земель Австріи по численности населенія и третье по пространству. Политическая сила Швейцаріи опирается не на три милліона швейцарцевъ, а на то обстоятельство, что въ составъ страны входитъ четвертая часть Альпъ. Сочетанію этого элемента силы, въ который входитъ положеніе въ одномъ изъ важнѣйшихъ проходныхъ мѣстъ Европы, съ горнымъ духомъ независимости, которымъ проникнуты обитатели его, Швейцарія обязана тѣмъ, что въ XV и XVI вѣкахъ занимала положеніе почти великой державы. Горныя государства вообще имѣютъ значительный перевѣсъ надъ другими. Такъ, Тироль въ 1809 г. стоялъ выше всѣхъ прочихъ областей Австріи, а кавказскіе горцы были единственными азіатцами, которые оказывали упорное сопротивленіе поступательному движенію русскихъ. Этому всегда способствуетъ обширность и грубая природа возвышенностей; она же въ войнахъ съ горцами вынуждаетъ арміи разбрасываться вширь и растягивать свои колонны въ длину. Войны горцевъ вообще замѣчательны во всѣхъ поясахъ, были-ли онѣ хищническими набѣгами на окружающія низменности, или упорными, полными самопожертвованія оборонительными войнами.

Соприкасаясь съ обширной безлюдной природой, горы и въ этомъ отношеніи давали защиту слабымъ государствамъ, какую въ другихъ случаяхъ обезпечиваетъ одно только море, и ограждали ихъ независимость. Швейцарію часто сравнивали съ Нидерландами; еще больше сходства представляютъ города - кантоны, какъ Базель или Женева съ Гамбургомъ или Любекомъ. Аналогичныя причины побудили французскій протестантизмъ въ XVI столѣтіи искать надежный оплотъ въ Севеннахъ, Беарнѣ и Ларошели. Не слѣдуетъ, однако, представлять себѣ защиту, которую даютъ горы, чисто пассивною, какъ она является въ сохраненіи остатковъ народовъ (осетины, рето - романцы, кельты въ Шотландіи и Уэльсѣ) и старыхъ нравовъ въ горахъ или въ сохраненіи независимаго государства, обособленнаго на подобіе крѣпости, какъ Черногорія. Для этого требуется еще закаленная, какъ сталь, натура горныхъ обитателей и скученіе ихъ на небольшихъ пространствахъ, гдѣ дана возможность сознательнаго воспитанія въ духѣ самостоятельности.

Въ низменности различія въ высотѣ не превышаютъ 300 м. и соотвѣтственно тому уменьшаются различія формы. Поэтому низменность оказываетъ препятствіе историческимъ движеніямъ не какъ таковая, но лишь благодаря обилію въ ней рѣкъ, озеръ и болотъ. Отсюда быстрое распространеніе народовъ по обширнымъ областямъ, граница которыхъ опредѣляется скорѣе пространствомъ, чѣмъ формою поверхности. Низменность встрѣчается въ видѣ связныхъ обширныхъ массъ, которыя обязаны своимъ существованіемъ крупнымъ теллурическимъ процессамъ. Соотвѣтственно широкіе размѣры представляетъ здѣсь распространеніе народовъ, соотвѣтственно велика территорія ихъ государствъ, соотвѣтственно тѣсна общность исторіи низменныхъ государствъ. Германія и Нидерланды такъ же связаны между собою общностью низменности, какъ Россія и Сибирь. И подобно тому, какъ поверхность сѣверно-европейской низменности безъ рѣзкихъ границъ переходитъ въ сѣверно-азіатскую, такъ и сѣверные славяне первой образуютъ весьма постепенные переходы къ урало-алтайцамъ послѣдней. Низменность ускоряетъ историческое движеніе. О замедляющихъ и ограждающихъ моментахъ горъ не можетъ быть рѣчи тамъ, гдѣ, какъ говоритъ Дальманъ о саксонцахъ, народъ живетъ въ одной безконечной равнинѣ со своими врагами. Кочевничество составляетъ характерную культурную форму для широкихъ и высокихъ равнинъ. Съ другой стороны, и у германцевъ историческаго періода, часть которыхъ давно уже перестала быть

кочевниками, движеніе на западъ шло скорѣе въ низменности, гдѣ они раньше появились на нижнемъ Рейнѣ, чѣмъ могли достигнуть верхняго Рейна горными путями. Въ низменности кельты давнымъ давно исчезли (за исключеніемъ горныхъ и рѣчныхъ названій), когда остатки ихъ сохранялись еще подъ защитою Богемскихъ горъ. Позднѣе въ той же естественной крѣпости продолжали держаться славяне, исчезнувшіе въ сѣверогерманской низменности. Стоитъ сравнить покореніе Сибири русскими въ теченіе одного столѣтія съ безконечными битвами на Кавказѣ. И какая низменность можетъ представить что-либо похожее на остатки народовъ на Кавказѣ? Въ низменностяхъ происходятъ также смѣшенія народовъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. Доказательствомъ служитъ Сибирь или Суданъ.

Въ развитіи государствъ равнины идутъ впереди горъ. Подобно тому, какъ Римъ распространялся отъ морского берега къ Апеннинамъ и отъ низменности По къ Альпамъ, такъ завоеваніе имъ Иберіи началось съ единственныхъ большихъ равнинъ полуострова, Андалузіи и области Эбро, и остановилось въ Британіи въ виду горъ Уэльса и Шотландіи. Въ сѣверной Америкѣ колонизація шла длинной полосою впереди Аллеганскихъ горъ прежде, чѣмъ она проникла въ самыя горы. Въ южномъ Китаѣ горы, населенныя непокоренными горными племенами, расположены точно политическіе острова среди окитаенныхъ равнинъ и возвышенностей.

Чѣмъ меньше градаціи высотъ и формъ поверхности въ низменности, тѣмъ важнѣе становятся различія въ предѣлахъ отъ 0 м. до 300 м. На поляхъ сраженія Лейпцига. Ватерлоо и Метца возвышенія въ нѣсколько десятковъ метровъ образовали важныя позиціи. Значеніе небольшого порога отъ Гавра до Гента видѣли въ томъ, что онъ допускалъ переходъ даже при наводненіи. Самое незначительное возвышеніе въ равнинныхъ городахъ Германіи и Россіи производитъ такую разницу въ высотѣ, даетъ столько пространства, что на немъ воздвигается замокъ, укрѣпленіе, кремль. Въ сѣверогерманской низменности оба хребта возвышенностей, которые пересѣкаютъ ее, играютъ выдающуюся роль какъ въ смыслѣ ландшафта, такъ и исторіи. Густые лѣса, покрывающіе ихъ, озера и болота, рѣдкое населеніе даютъ этимъ ландшафтамъ совершенно своеобразный отпечатокъ, отдѣляютъ ихъ отъ всего прочаго, и проникновеніе въ эти области пріобрѣтаетъ одинаково важное географическое значеніе какъ для войнъ, такъ и для сношеній. Войны съ Швеціей и Польшей за территоріи Одера и Вислы имѣли рѣшающее значеніе въ исторіи Пруссіи. Тамъ, гдѣ нѣтъ различій высоты и формы, выдвигается значеніе воды. Широкія рѣки, многочисленныя озера, болота образуютъ здѣсь сильнѣйшія преграды, границы, крѣпкія позиціи. Наконецъ, низменность спускается къ морю; въ немъ расположенныя здѣсь государства встрѣчаютъ оплотъ, который надежнѣе горъ и обѣщаетъ несравненно болѣе богатыя выгоды. Сѣверная Германія примыкаетъ къ морю, южная Германія — къ горамъ. Какая же изъ этихъ границъ болѣе прочная, болѣе способная къ политическому и экономическому развитію? Близость моря всегда даетъ политическій перевѣсъ.

Растительный покровъ сообщаетъ почвѣ качества которыя часто несравненно важнѣе для историческихъ движеній, чѣмъ формы самой поверхности. Тамъ, гдѣ травы застилаютъ почву широкимъ однообразнымъ ковромъ, мы всегда находимъ пастушескіе народы, которые своими большими стадами, своею подвижностью и воинственной организаціей вносятъ постоянную „тревогу“ въ исторію сосѣднихъ странъ. Такъ какъ этотъ видъ растительности, травяныя степи, зависитъ отъ климата, то кочевничество обнимаетъ весь сѣверный поясъ пассатовъ отъ западнаго края Сахары до Гоби. Даже въ болѣе юныхъ странахъ Новаго Свѣта номадизмъ пріобрѣлъ историческое значеніе, благодаря гаучосамъ пампасовъ и льянеросамъ Венесуэлы. Въ противуположность степи, лѣсъ является преградою движенія. Лѣсистыя полосы разъединяютъ народы; у окраины

первобытнаго лѣса восточныхъ Андъ остановились государство и культура инковъ. Густые лѣса, соединяясь съ горами средней высоты, создаютъ самое рѣшительное препятствіе (ср. стр. 66). Если представить себѣ трудности вырубки лѣса въ эпоху, предшествовавшую желѣзному вѣку, когда приходилось работать одними каменными топорами и огнемъ, то намъ покажется совершенно естественнымъ возникновеніе древнѣйшихъ большихъ государствъ и культурныхъ центровъ на окраинѣ степей, въ безлѣсныхъ отъ природы областяхъ рѣчныхъ устьевъ и на лёссовой почвѣ. Трудности 157-дневнаго путешествія Стэнли черезъ большой первобытный лѣсъ центральной Африки даетъ самое лучшее представленіе о томъ, что значитъ „задержка" историческаго движенія. Древнѣйшая исторія Швеціи характеризуется какъ борьба съ лѣсомъ. Это обозначеніе можно примѣнить ко всякой лѣсистой мѣстности. Возникновеніе большихъ государствъ медленно проникало изъ бѣдныхъ лѣсами странъ въ лѣсистыя полосы въ направленіи къ полюсамъ и къ экватору. Мы можемъ и теперь наблюдать этотъ процессъ на югѣ, гдѣ фулахи, канурія, арабы, рожденные въ степяхъ и пустыняхъ, подвигаютъ свои государства въ направленіи къ лѣсу. Лѣсъ дробитъ образованіе государствъ; онъ допускаетъ лишь соединеніе небольшихъ племенъ и поэтому создаетъ только мелкія государства и непрочные союзы. Но тамъ, гдѣ обширная рѣчная система образуетъ естественные пути, напр., въ области Амазонской рѣки и Конго, быстро достигается сліяніе большихъ лѣсныхъ областей въ одно государство. Въ другихъ случаяхъ политическому завоеванію должны были предшествовать вырубка лѣсовъ и устройство дорогъ. Китайцы завоевали, такимъ образомъ, въ 200 лѣтъ западную половину Формозы; въ восточной половинѣ земля сохранила свой лѣсъ, и бурый туземецъ удержалъ свою независимость. Въ однихъ только обширныхъ лѣсныхъ странахъ уцѣлѣла форма мелкихъ государствъ со всѣми ихъ тормозами для политическаго и культурнаго роста; блуждающія здѣсь охотничьи орды представляютъ одну изъ простѣйшихъ формъ человѣческаго общества.

3. Заключеніе.

Бросая взглядъ назадъ, мы видимъ, что *исторія человѣчества*, *какъ жизненный фактъ нашей планеты*, этимъ самымъ опредѣляется и ограничивается. Мы не можемъ, слѣдовательно, представить себѣ безконечнаго прогресса, такъ какъ всякое теллурическое развитіе жизни сохраняетъ зависимость отъ земли и должно вновь и вновь возвращаться къ ней. Новая жизнь должна идти старыми путями. Космическія вліянія могутъ расширять или суживать жизненное пространство человѣчества. Это испытали люди дилювіальной эпохи, когда ледъ ограничилъ въ сторону экватора ихъ жизненное пространство; отступая впослѣдствіи назадъ, онъ снова расширилъ это пространство въ сторону полюса. Но космическія вліянія могли бы вообще положить конецъ жизни на землѣ. Такимъ образомъ, и для человѣка движеніе впередъ ограничено и въ пространствѣ, и во времени.

Для выясненія *вопроса о прогрессѣ*, быть можетъ, будетъ не безполезно, если географія отмѣтитъ тѣ движенія впередъ, несомнѣнность которыхъ можетъ быть подтверждена точными данными. Мы познакомились, во первыхъ, съ *пространственнымъ прогрессомъ*, который подвигается въ двухъ направленіяхъ. Человѣчество разрослось въ предѣлахъ своей земли: оно не только раздвинуло свои границы вглубь необитаемыхъ полярныхъ областей, но охватило умомъ всю землю. Съ этимъ прогрессомъ связаны безчисленныя расширенія экономическихъ и политическихъ горизонтовъ, путей сообщенія, народныхъ и государственныхъ областей, и этотъ необычайно разнообразный ростъ все еще продолжается. Рука объ руку съ нимъ идетъ *прогрессъ въ численности и сближеніи людей*. Че-

ловѣчество, распространяя свои внѣшнія границы, въ то же время осваивалось все больше и больше съ пріобрѣтенными пространствами. Открывались свойства ихъ, сокровища, которыя обогащали человѣчество. Духъ и воля оплодотворяли эти дары, и это создавало все больше и больше возможностей къ совмѣстному сожительству людей: населеніе земли росло въ числѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалось плотнѣе сперва на маленькихъ, потомъ на большихъ пространствахъ. Въ этомъ численномъ ростѣ пробуждались дремавшія способности, народы сближались, вступали въ соревнованіе, взаимно проникались и смѣшивались. Нѣкоторые изъ нихъ отъ такого соприкосновенія совершенствовались, другіе отодвигались на задній планъ и погибали, если не находили возможности обособиться въ какомъ либо защищенномъ уголкѣ земли. Въ этой борьбѣ проглядываетъ уже основной мотивъ борьбы за пространство, который вмѣстѣ съ тѣмъ указываетъ и границы: возрастаніе числа на опредѣленномъ пространствѣ, благопріятное для прогресса культуры, становится вреднымъ, какъ скоро оно заходитъ слишкомъ далеко по отношенію къ этому пространству. Земля и теперь переполнена въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и число людей будетъ всегда ограничиваться предѣлами ея жизненнаго пространства.

Если уже въ различіяхъ плотности населенія кроются мотивы внутренняго прогресса человѣчества, то сама земля, въ силу разнообразія въ строеніи поверхности ея, еще болѣе способствуетъ развитію внутреннихъ различій среди человѣчества. Вслѣдствіе того совокупная всемірная исторія принимаетъ характеръ непрерывнаго процесса дифференцированія. Сперва возникаетъ различіе между областями эйкумены и анэйкумены; затѣмъ въ предѣлахъ эйкумены дѣйствуютъ различія поясовъ, частей свѣта, морей, горъ, равнинъ, степей, пустынь, лѣсовъ и тысячи отдѣльныхъ формъ и сочетаній этихъ элементовъ. Благодаря тому, сдѣлались возможными тѣ различія, которыя сперва должны были развиваться въ отдѣльности, прежде, чѣмъ они могли оказать взаимное вліяніе и преобразовать первоначальныя качества людей въ благопріятномъ или неблагопріятномъ смыслѣ. Расовыя и культурныя различія, которыя выказываютъ народы земли, различія въ могуществѣ государствъ сводятся въ концѣ концовъ къ процессамъ дифференцированія подъ вліяніемъ положенія, климата и почвы. Этому способствовали смѣшенія народовъ, которыя становятся все чаще, по мѣрѣ роста человѣчества на землѣ. Происхожденіе романскихъ дочернихъ народовъ отъ римлянъ и затѣмъ испано-американцевъ и лузитано-американцевъ отъ нѣкоторыхъ изъ этихъ дочернихъ народовъ показываетъ намъ примѣръ пространственнаго развитія одного отъ другого, которое можно сравнить лишь со стволомъ, съ его вѣтвями и вѣтками. Но стволъ, который далъ столько вѣтвей и вѣтокъ, былъ въ свое время также вѣткой; такимъ образомъ, процессъ дифференцированія постоянно возобновляется. Увеличеніе пространства и численности не подлежитъ сомнѣнію; но можно ли сравнивать эти дочерніе народы съ древними римлянами въ остальныхъ качествахъ? Они выказали большую стойкость и способность ассимиляціи тѣмъ, что отстояли себя, но главная заслуга ихъ въ томъ, что они удержали за собою почву, т. е. остались на ней. Это во всякомъ случаѣ далеко превосходитъ внутренній прогрессъ вѣтвей, въ сравненіи съ старымъ стволомъ.

Они даютъ намъ важное поученіе: такъ какъ всякая жизнь связана и должна быть связана съ почвой, то никакое превосходство не можетъ считаться прочнымъ, если оно не въ состояніи пріобрѣсти и отстоять пространство, т. е. почву. Такимъ образомъ, дальнѣйшая судьба всякой исторической силы рѣшается отношеніемъ ея къ почвѣ. И вотъ почему большія силы изнемогаютъ въ долгой борьбѣ со слабѣйшими, которыя успѣли пустить болѣе глубокіе корни. Воинственные, стремившіеся впередъ монголы и манчжуры завоевали Китай, но растворились въ плотномъ насе-

леніи его и приняли его нравы. Ту же картину представляютъ всѣ государства, основываемыя блуждающими народами, не исключая и южно-европейскихъ германскихъ государствъ временъ переселенія. Отсюда контрастъ между полными свѣжести и блестящихъ надеждъ государствами, созданными англичанами въ Австраліи и Новой Зеландіи и мрачной картиной Индіи, смыслъ которой заключается лишь въ эксплуатаціи 300 мил. людей. Управленіе этой страной и удерживаніе ея подъ своей властью требуетъ величайшихъ усилій. Въ первомъ случаѣ завоевана была территорія, во второмъ народъ. Наступитъ ли когда нибудь время, когда всѣ удобныя страны земли будутъ также плотно населены людьми, какъ Индія и Китай? Тогда самый лучшій народъ не найдетъ болѣе мѣста на землѣ, гдѣ онъ могъ бы развернуть свои лучшія самобытныя силы и пустить корни. Побѣда останется тогда не за дѣятельными силами, но за преимуществами растительной сферы: отсутствіемъ потребностей, долговѣчностью и плодовитостью.

Такъ или иначе, но если бы и произошло соединеніе всѣхъ народовъ земного шара въ одно большое сообщество, о которомъ говоритъ еще евангеліе отъ Іоанна, то ростъ былъ бы возможенъ лишь при условіи дифференцированія. Поэтому намъ нечего опасаться вмѣстѣ съ Феликсомъ Даномъ, что всемірное государство уничтожитъ всѣ національныя и расовыя отличія и сгладитъ всѣ ступени культуры. Точно также мы не раздѣляемъ взгляда Игеринга, будто всемірное государство завершаетъ собою развитіе общества, которое продолжается лишь до тѣхъ поръ, пока государство и человѣческое общество не сольются воедино. Мы возвращаемся къ нашей гологеической обнимающей всю землю исходной точкѣ и напоминаемъ о томъ, что стремленіе жизни къ міровому распространенію всегда существовало. Но теллурическая ограниченность побуждала человѣчество возвращаться въ себя въ моменты самаго широкаго распространенія и въ новыхъ формахъ вступать на старые пути. Ростъ государствъ столь же мало оканчивается образованіемъ всемірнаго государства, сколь мало мы вправѣ считать развитіе человѣчества закончившимся съ распространеніемъ его по всей землѣ, такъ же, какъ и общее развитіе жизни не было закончено, когда простѣйшія жизненныя формы распространились по всей землѣ. Это было скорѣе началомъ обратнаго движенія; съ этого момента установилось взаимное воздѣйствіе, дифференцированіе и наступило совершенствованіе внутренняго развитія, которое продолжается до сихъ поръ. Это совершенствованіе составляетъ фактъ физической и духовной жизни человѣка, который не имѣетъ непосредственнаго отношенія къ почвѣ. До какого предѣла? и куда? На эти вопросы наука вообще не даетъ отвѣта.

Такимъ образомъ, для географа изъ того факта, что исторія есть движеніе, вытекаетъ необходимость пространственныхъ передвиженій въ смыслѣ расширенія исторической почвы и прогрессивнаго роста населенности этой почвы. Рядомъ съ этимъ идетъ непрерывная борьба за пространство между старыми и новыми формами жизни, влекущая за собою совершенствованіе формъ. Но, съ другой стороны, пространственная ограниченность нашей планеты опредѣляетъ границы арены жизни, и, въ концѣ концовъ, всякое развитіе на планетѣ землѣ зависитъ отъ состоянія вселенной, среди которой земля есть не болѣе, какъ песчинка, а то, что мы называемъ всемірной исторіей, одинъ моментъ. Должны существовать и другія зависимости, опредѣленные пути и отдаленныя цѣли за предѣлами ея. Мы угадываемъ существованіе вѣчной законности; но чтобы познать ее, мы должны были бы, по выраженію Лотце, сами быть Богомъ. Намъ дана въ удѣлъ одна лишь вѣра.

IV. Доисторическая жизнь человѣчества.

Проф. д-ра **Іоганна Ранке.**

1. Древнѣйшая или палеолитическая культурная исторія человѣчества.

А. Дилювій и животный міръ его.

Всемірная исторія есть исторія человѣческаго духа.

Древнѣйшіе документы, которые знакомятъ насъ съ нею, лежатъ зарытыми въ самомъ мощномъ и обширномъ историческомъ архивѣ — въ геологическихъ слояхъ нашей планеты. Изслѣдованіе природы научило насъ читать въ этихъ пожелтѣвшихъ, помятыхъ, часто разорванныхъ листахъ, которые разсказываютъ о живыхъ существахъ, населявшихъ землю. Какъ ни обиленъ, однако, и величественъ историческій матеріалъ, добытый благодаря палеонтологіи, но въ дѣйствительности мы пока перелистали только часть этой міровой книги. И въ сравненіи съ предстоящей задачей, во всей совокупности ея, тѣ отдѣлы, которые точно изслѣдованы, представляютъ лишь отрывки; мѣста, имѣющія отношенія къ человѣческому роду, незначительны по числу, часто допускаютъ различныя толкованія, и вообще только послѣдніе листы сообщаютъ данныя о немъ.

Древнѣйшіе слѣды присутствія человѣка на землѣ, констатированные до сихъ поръ съ положительностью, мы встрѣчаемъ въ слояхъ дилювіальной эпохи, и только послѣднему поколѣнію удалось неопровержимо доказать палеонтологически существованіе „дилювіальнаго человѣка".

До средины недавно закончившагося вѣка въ наукѣ считалось несомнѣннымъ фактомъ, что существованіе человѣка нельзя прослѣдить въ древнѣйшихъ геологическихъ слояхъ. Остатки человѣка будто бы находятся только въ новѣйшемъ геологическомъ слоѣ, въ наносной землѣ или аллювіи. Кости человѣка считались, поэтому, такими же вѣрными путеводными ископаемыми для геологическихъ формацій нашего времени, какъ кости мамонта и пещернаго медвѣдя для слоевъ дилювія. Нахожденіе слѣдовъ человѣка само по себѣ уже считалось естественно-научнымъ доказательствомъ того, что слой земли, въ которомъ они найдены, принадлежитъ новѣйшей формаціи, образующейся и измѣняющейся теперь на нашихъ глазахъ.

Относя человѣка къ аллювію, вмѣстѣ съ тѣмъ признавали, согласно ученію Кювье, считавшемуся догматомъ, что человѣкъ не могъ принадлежать никакой другой, болѣе древней геологической эпохѣ или слою, что, слѣдовательно, его не было и въ дилювіи, который непосредственно предшествуетъ новѣйшей эпохѣ. Начало и конецъ геологическихъ эпохъ характеризуются могущественными переворотами, которые производили мѣстные перерывы въ образованіи пластовъ земной поверхности. Причиною того служили часто вулканическія изверженія, но, главнымъ образомъ, перемѣны въ распредѣленіи воды и суши. Кювье видѣлъ въ этихъ переворотахъ могущественныя земныя революціи, среди которыхъ погибало все существовавшее раньше и вмѣстѣ съ тѣмъ должны были погибать всѣ живыя существа, принадлежавшія данной эпохѣ. Казалось невозможнымъ, чтобы живое существо могло спастись въ этой гипотетической борьбѣ элементовъ и

перейти изъ болѣе древней въ ближайшую новую эпоху. Каждая новая эпоха должна была создавать заново свой животный и растительный міръ. Для человѣка не было сдѣлано исключенія, и онъ, согласно гипотезѣ, впервые появился въ періодъ аллювія. Эпоху плейстоцена, предшествовавшую современной, назвали эпохою потопа, дилювіемъ, въ связи съ моисеевымъ сказаніемъ о твореніи, которое повѣствуетъ о сильномъ наводненіи вначалѣ нынѣшней эпохи, что сходится со сказаніями многочисленныхъ разсѣянныхъ по землѣ народовъ всѣхъ частей свѣта. Въ пластахъ дилювія часто усматривали слѣды дѣйствія большихъ наводненій; но человѣческій глазъ не могъ быть свидѣтелемъ ихъ, такъ какъ теорія катастрофъ не до пускала человѣка, какъ „свидѣтеля потопа (homo diluvii testis)“.

Съ этого времени зарождается современное изслѣдованіе первобытной исторіи или палеонтологіи человѣчества. Она является результатомъ трудовъ Ляйеля и его школы, совершенно преобразовавшихъ ученіе о геологическихъ эпохахъ.

Безъ сомнѣнія, попадаются, какъ мѣстныя явленія, какъ границы между эпохами, доказательства земныхъ переворотовъ, и величественность ихъ объясняетъ намъ воззрѣнія старой школы. Но въ общемъ такого полнаго прекращенія непрерывности между двумя періодами никогда не происходило. Все говоритъ за то, что и въ древнѣйшія эпохи преобразованіе поверхности земли происходило, въ сущности, такимъ же образомъ, какъ оно совершается и теперь на нашихъ глазахъ, только, повидимому, менѣе замѣтно. Вулканическія дѣйствія опусканія и поднятія материковъ и острововъ, влекущія за собою измѣненія въ распредѣленіи моря и суши, вторженія моря и производимыя имъ разрушенія береговъ, образованія дельтъ и наводненія рѣкъ, дѣйствія глетчеровъ и водопадовъ въ горахъ и проч. не прекращаютъ своей работы и нынѣ, и то быстрѣе, то медленнѣе видоизмѣняютъ поверхность земли. Такъ же, какъ образуются на нашихъ глазахъ новѣйшія аллювіальныя отложенія, возникали въ принципѣ и слои древнѣйшихъ эпохъ; толщина ихъ, равная многимъ милямъ, отнюдь не свидѣтельствуетъ о вмѣшательствѣ необыкновенныхъ силъ или о внезапныхъ катастрофахъ, а говоритъ только о томъ, что требовалось много времени, чтобы въ одномъ мѣстѣ снести, въ другомъ наслоить такія гигантскія массы. Не внезапные общіе перевороты съ ихъ громадной силою, но малыя, медленно работающія, всюду замѣчаемыя нами въ окружающей средѣ причины дѣйствовали во всѣ времена. Онѣ разрушали въ одномъ мѣстѣ, а въ другомъ наслаивали матеріалъ, образовавшійся послѣ разрушенія и, такимъ образомъ, способствовали постепенному преобразованію земли въ предшествовавшія намъ геологическія эпохи. Согласно этому новѣйшему взгляду на геологическіе процессы, наука не требовала уже гибели всѣхъ животныхъ и растеній въ концѣ каждой эпохи и сотворенія новыхъ вначалѣ послѣдующей. Живыя существа предшествующихъ эпохъ являлись предками нынѣ живущихъ, и цѣпь нигдѣ не порывалась окончательно. Такимъ образомъ, и предковъ человѣческаго рода приходилось искать въ слояхъ болѣе древнихъ геологическихъ періодовъ.

Изъ моментовъ, которые повлекли за собою преобразованія фауны и флоры геологическихъ эпохъ, наиболѣе понятны и положительно доказаны дѣйствія климатическихъ измѣненій. Въ тотъ отдаленный періодъ, въ которомъ образовалась каменноугольная формація, климатъ былъ въ самыхъ различныхъ частяхъ земли относительно равномѣрнымъ, влажно-теплымъ, мало разнился по поясамъ. Это доказываютъ гигантскія массы растеній, какія заставляютъ предполагать образованіе многочисленныхъ угольныхъ слоевъ, всюду заключающихъ въ себѣ роскошную тайнобрачную флору. Въ Гренландіи мы находимъ, въ слояхъ, принадлежащихъ мѣловому періоду, а также въ отложеніяхъ третичнаго періода, непосредственно предшествующихъ дилю-

віальной эпохѣ, остатки высшихъ двусѣмянодольныхъ растеній тропическаго характера. Нахожденіе палеозойскихъ коралловыхъ рифовъ въ высокихъ широтахъ также говоритъ за болѣе высокую температуру тогдашней морской воды, за тропическій климатъ на крайнемъ сѣверѣ, который представляетъ столь рѣзкій контрастъ съ нынѣшнимъ сплошнымъ ледянымъ покровомъ на сушѣ и ледяными горами на морѣ. Въ средней Европѣ климатическія условія были почти такими же. Въ среднюю третичную эпоху въ Швейцаріи росли пальмы, и еще въ концѣ третичнаго періода, во время медленнаго перехода его въ дилювіальную эпоху, климатъ средней Европы былъ теплѣе, чѣмъ теперь. Онъ соотвѣтствовалъ приблизительно климату сѣверной Италіи и защищеннаго западнаго берега ея, Ривьеры, и обладалъ богатой, отчасти вѣчно зеленой флорой, а также животными, подходящими къ такой мягкой средѣ. Точно также въ древнѣйшихъ (доледниковыхъ) и затѣмъ въ среднихъ (междледниковыхъ) слояхъ среднеевропейскаго дилювія находилась обильная растительность, которая нуждается въ умѣренномъ климатѣ, -- во всякомъ случаѣ не болѣе суровомъ, чѣмъ тотъ, которымъ средняя Европа обладаетъ нынѣ. Уже тогда произростали наши главныя лѣсныя деревья: сосны, ели, лиственницы, тисовое дерево, а также дубъ, кленъ, береза, лѣсной орѣхъ и другія, и съ другой стороны отсутствовали, собственно, сѣверныя формы растеній и формы, свойственныя высокимъ горамъ. То же самое относится къ животному міру, который, правда, гораздо болѣе удаляется, чѣмъ растительный міръ, отъ современныхъ условій. Особенно поражаютъ насъ гигантскія формы — слоны, носороги, бегемоты, а также крупныя хищныя животныя — гіены, львы и др. Но рядомъ съ этими животными, рядомъ съ гигантскимъ оленемъ съ его громадными рогами и двумя видами рогатаго скота, — зубромъ и первичнымъ быкомъ, мы встрѣчаемъ также большинство дикихъ животныхъ, и понынѣ свойственныхъ средней и сѣверной Европѣ — лошадь, оленя, косулю, дикую свинью, бобра и мелкихъ грызуновъ и насѣкомоядныхъ, затѣмъ волка, лисицу, рысь, медвѣдя, причемъ пещерный медвѣдь по размѣрамъ значительно превосходилъ нынѣшняго бураго и даже полярнаго и сѣраго медвѣдя.

Мы имѣемъ несомнѣнныя доказательства того, что, вслѣдствіе пониженія годовой температуры, Европу, сѣверную Азію и сѣверную Америку охватилъ ледниковый періодъ, который похоронилъ подъ ледяной оболочкою обширныя пространства земли. О размѣрахъ и свойствахъ обледенѣнія можетъ дать представленіе сѣверная Гренландія, гдѣ рельефъ почвы скрывается подъ внутриматериковыми льдинами.

Ближайшимъ послѣдствіемъ этого климатическаго переворота было существенное измѣненіе фауны. Формы животныхъ, которыя не могли выдержать ухудшенія климата или приспособиться къ нему, были сперва вытѣснены и затѣмъ уничтожены. Эта судьба постигла бегемотовъ и одинъ изъ видовъ слона, Elephas antiquus, вмѣстѣ съ его карликовыми породами въ Сициліи и на Мальтѣ, которыя, быть можетъ, образовались лишь при обратномъ движеніи его; затѣмъ сходный съ носорогомъ Elasmotherium, видъ бобра, Trogontherium, и гигантскую кошку, Machairodus или Trucifelis, которая жила еще во времена дилювія въ Англіи, Франціи и Лигуріи. Другія животныя, какъ левъ и гіена, переселились въ болѣе южныя страны, непостигнутыя обледенѣніемъ и болѣе отдаленныя отъ его вліяній. Взамѣнъ этого (согласно описанію Циттеля въ четвертомъ томѣ его „Палеозоологіи“, и въ его „Основахъ палеонтологіи“) послѣдовала иммиграція наземныхъ животныхъ, привычныхъ къ холоду, которыя обитаютъ нынѣ частью на дальнемъ сѣверѣ, частью въ суровыхъ азіатскихъ степяхъ или на высокихъ горахъ; эти новые переселенцы смѣшались съ уцѣлѣвшими въ живыхъ формами прежней дилювіальной фауны. Послѣдняя, какъ мы видѣли, жила въ болѣе теплые періоды эпохи не въ тепломъ, а въ умѣрен-

номъ „сѣверномъ“ климатѣ. Отсюда понятно, что нѣкоторые изъ этихъ представителей болѣе древней фауны были уже подготовлены въ смыслѣ приспособленія къ болѣе холоднымъ климатическимъ условіямъ, въ томъ числѣ и два изъ большихъ дилювіальныхъ толстокожихъ — слонъ и носорогъ, родичей которыхъ мы встрѣчаемъ нынѣ только въ самыхъ теплыхъ полосахъ земли. Толстый шерстистый мѣхъ давалъ этимъ дилювіальнымъ животнымъ возможность выдерживать суровый климатъ. То были одинъ изъ дилювіальныхъ видовъ европейскаго слона, шерстистоволосый мамонтъ, Elephas primigenius, и шерстистоволосый носорогъ, Rhinoceros antiquitatis = Rh. tichorhinus. Сохранился еще одинъ видъ носорога, Rhinoceros Merckii, который удержалъ за собою свою область распространенія. Область распространенія лошади въ эту эпоху расширяется, и стада ея населяютъ равнины. Вмѣстѣ съ другими животными высокаго сѣвера и арктическаго пояса переселяется также сѣверный олень, который пасется большими стадами на границахъ глетчеровъ. Вмѣстѣ съ сѣвернымъ оленемъ, хотя и рѣже, встрѣчается мускусный быкъ высокаго сѣвера и, кромѣ того, много другихъ видовъ животныхъ, любящихъ холодъ, какъ-то полярная пеструшка, снѣговая мышь (Arvicola nivalis и A. ratticeps), россомаха, горностай, полярная лисица. Многія изъ животныхъ формъ, весьма распространенныхъ въ то время въ дилювіѣ, встрѣчаются нынѣ въ центральной Европѣ, только какъ обитатели высокихъ горъ, гдѣ они живутъ на границѣ вѣчнаго снѣга,— каменный козелъ, серна, сурокъ, альпійскій заяцъ.

Для нашего главнаго вопроса особенно важно усиленное движеніе въ Европу животныхъ центральной Азіи: „такъ же, какъ при переселеніи народовъ“, устремились изъ азіатскихъ степей на западъ дикій оселъ, сайга-антилопа, байбакъ, азіатскій дикобразъ, сусликъ, пищуха, мускусная землеройка и др.

Въ зависимости отъ наростанія или обратнаго движенія глетчеровъ и внутриматериковаго льда, животныя ледниковаго періода проникаютъ болѣе или менѣе далеко къ сѣверу или передвигаются къ югу. Область распространенія ихъ, такимъ образомъ, то расширяется, то суживается. Ледниковый періодъ не представляетъ собою однообразнаго климатическаго явленія. Съ положительностью установлено, что за первымъ ледниковымъ періодомъ съ болѣе низкой годовой температурой, подъ вліяніемъ котораго ледниковыя массы съ ихъ моренами выдвигались далеко съ сѣвера и съ высокихъ горъ (такъ что, напр., въ Германіи между обоими противуположными ледниковыми теченіями оставалась лишь сравнительно узкая свободная полоса, допускавшая жизнь высшихъ организмовъ), слѣдовалъ, по крайней мѣрѣ, одинъ періодъ болѣе теплаго климата, безъ сомнѣнія, некратковременный. Средняя температура года увеличилась настолько, что ледниковыя массы должны были таять на значительномъ протяженіи и отодвигаться далеко къ сѣверу и въ высокія долины Альпъ. Въ этотъ болѣе теплый, такъ наз. межледниковый періодъ дилювіальныя животныя проникаютъ далеко на сѣверъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ мамонтъ, который, за исключеніемъ большей части Скандинавіи и Финляндіи (эти области оставались покрытыми льдомъ въ теченіе межледниковаго періода), былъ распространенъ въ дилювіальныхъ слояхъ всей Европы, сѣверной Африки и въ сѣверной Азіи до Байкальскаго озера и Каспійскаго моря. Древнѣйшая дилювіальная фауна, по скольку она еще не вымерла и не была вытѣснена, возвратилась на свои старыя мѣста, такъ что межледниковая фауна средней Европы снова походитъ на доледниковую фауну. Затѣмъ послѣдовало вторичное, очень продолжительное пониженіе температуры, которое повело къ новому наростанію льда. Это наростаніе въ теченіе второго ледниковаго періода достигло приблизительно границъ перваго періода.

Ввиду колебаній климатическихъ условій въ дилювіальную эпоху,

взятую въ совокупности, мы должны отличать доледниковый и междедниковый періоды дилювія, какъ болѣе теплые, отъ собственно-ледниковыхъ періодовъ. Послѣдніе слагаются изъ перваго, болѣе древняго, и второго, новѣйшаго обледенѣнія; остатками ихъ являются поясъ древнѣйшихъ и поясъ новѣйшихъ моренъ, которые точно обозначаютъ границу бывшей области обледенѣнія.

Это повторное ухудшеніе климата, сопровождавшееся новымъ вторженіемъ глетчеровъ и внутриматериковыхъ ледяныхъ массъ, окончательно вытѣснило дилювіальную фауну, неприноровленную къ климатическому перевороту. Даже шерстистый носорогъ и Rhinoceros Merckii, а также пещерный медвѣдь не пережили кульминаціоннаго пункта новаго вторженія льдовъ. Погибъ и шерстистый мамонтъ. Вмѣстѣ съ шерстистымъ носорогомъ, мускуснымъ быкомъ и зубромъ онъ проникъ до дальняго сѣвера Азіи. Но въ то время, какъ послѣднія двѣ формы животныхъ вынесли невзгоды климата, носороги и слоны встрѣтили здѣсь предѣлъ своему существованію. Однако, они долго держались на границѣ вѣчнаго льда. Во льду и въ мерзлой почвѣ между Енисеемъ и Леною, а также на Новосибирскихъ островахъ, въ области устьевъ Лены, находили цѣлые трупы Мерковскаго носорога, а также шерстистоволосаго мамонта, зубра и мускуснаго быка вмѣстѣ съ кожею и волосами и хорошо сохранившимися мягкими частями. Погруженные въ ледъ трупы мамонта и носорога были покрыты густою шерстью и краснобурыми щетинистыми волосами, длиною въ 10 дюймовъ. Съ одного такого мамонта (см. табл., „Палеолитическія древности“, рис. 1) было отправлено около 30 фунтовъ волосъ въ петербургскій Естественно-историческій музей. Грива спускалась отъ тыла животнаго почти до колѣнъ; на головѣ находились мягкіе волосы въ метръ длиною. Животныя эти, слѣдовательно, были достаточно приспособлены къ перенесенію холоднаго климата. Такое приспособленіе относилось и къ питанію: въ углубленіяхъ коренныхъ зубовъ носороговъ и мамонтовъ находили пищевые остатки въ видѣ хвойныхъ и ивъ, слѣдовательно, „сѣверныхъ растеній“. Носорогъ оказывается болѣе выносливымъ, чѣмъ мамонтъ, и болѣе приспособленнымъ къ переселеніямъ. Область распространенія носорога обнимала почти всю сѣверную и умѣренную Европу, Китай и центральную Азію, сѣверную Азію и Сибирь. Съ другой стороны, какъ мы знаемъ, мамонтъ проникъ не только въ сѣверную Африку, но и въ сѣверную Америку; это послѣднее обстоятельство имѣетъ громадное значеніе для уразумѣнія заселенія Новаго Свѣта.

Связь, соединявшая въ древнѣйшія геологическія эпохи Европу, Азію, Африку и сѣверную Америку въ одно огромное зоо-географическое царство, Arctogaea, порывается уже въ третичную и дилювіальную эпохи, и возникаетъ нѣсколько зоо-географическихъ областей. Нарушеніе связи послѣдовало раньше всего въ отношеніи сѣверной Америки. Уже въ послѣдніе два отдѣла третичнаго періода, въ эпоху міоцена и пліоцена, Новый и Старый Свѣтъ противустоятъ другъ другу, какъ самостоятельныя зоо-географическія области. Здѣсь возникаетъ новое, весьма важное обстоятельство: во время дилювіальной эпохи Америка вновь пріобрѣтаетъ сѣверныхъ переселенцевъ изъ Стараго Свѣта, по мнѣнію Циттеля, „вѣроятно, черезъ восточную Азію“. Такимъ образомъ, во время дилювіальной эпохи существовало, по крайней мѣрѣ, временное соединеніе между Азіей и сѣверной Америкой въ области Берингова пролива, достаточно удобное для того, чтобы мамонтъ и нѣкоторые его товарищи могли переселиться съ одного материка на другой. Въ проливѣ Коцебу, въ „формаціи почвеннаго льда“, встрѣчаются остатки мамонта вмѣстѣ съ лошадью, лосемъ, сѣвернымъ оленемъ, мускуснымъ быкомъ и бизономъ. Извѣстны также остатки мамонта съ Беринговыхъ острововъ, съ о. св. Георгія въ Прибыловской группѣ и съ Уналашки, одного изъ Алеутскихъ острововъ. Мамонтъ является въ этомъ періодѣ колонистомъ, занесеннымъ изъ Стараго

Свѣта въ Новый. Онъ особенно распространился въ Британской Америкѣ, Аляскѣ, Канадѣ: его находили и въ Кентукки. Существованіе сравнительно новаго соединенія околополярной области сѣвернаго полушарія, Европы, Азіи и сѣверной Америки, подтверждается еще нахожденіемъ и теперь во всей этой области животныхъ, извѣстныхъ какъ спутниковъ мамонта, — сѣвернаго оленя, лося (Alces) и бизона; они пережили, такимъ образомъ, ледниковый періодъ. Отсутствіе въ Азіи нѣкоторыхъ, особенно важныхъ для дилювія Европы животныхъ (бегемотъ, каменный козелъ, серна, лань, дикая кошка и пещерный медвѣдь) объясняетъ также отсутствіе ихъ въ сѣверо-американской дилювіальной фаунѣ. Особенно замѣчательно, что пещерный медвѣдь не достигъ сѣверной Азіи. Въ другихъ мѣстахъ это — самый распространенный хищникъ дилювіальнаго періода; въ пещерахъ и трещинахъ скалъ, гдѣ онъ нѣкогда обиталъ, часто находятъ погребенными сотни индивидуумовъ. Въ южной Россіи попадаются многочисленные остатки его, между тѣмъ, какъ въ англійскихъ пещерахъ онъ встрѣчается рѣже; тамъ преобладаетъ пещерная гіена. За исключеніемъ только что названныхъ животныхъ, I. Ф. Брандтъ считаетъ сѣверную Азію и высокія широты сѣвера областью, гдѣ въ третичный и дилювіальный періоды сосредоточивалась европейская, сѣверно-азіатская и сѣверно-американская наземная фауна, и откуда, по мѣрѣ наступавшаго охлажденія, слѣдовали переселенія и вторженія. Распространяясь въ дилювіальномъ періодѣ въ болѣе южныя широты, сѣверная фауна занимала тамъ мѣста, принадлежащія мѣстнымъ формамъ третичнаго періода, вытѣсняла эти формы въ субтропическія и тропическія области и образовала главное ядро дилювіальной фауны, какъ описываетъ Циттель въ IV томѣ своей „Палеозоологіи“. Несомнѣнно, что сѣверная окраина Сибири не была настоящей родиною мамонта и его спутниковъ. Первичное мѣстопребываніе этихъ животныхъ указываетъ на далекую глубь внутренней Азіи, именно на суровыя высокія равнины, гдѣ эти животныя настолько закалились въ отношеніи климата, что въ послѣдующемъ ледниковомъ періодѣ половина міра оказалась доступною для нихъ. Насколько теперь извѣстно, мамонтъ раньше появился въ Европѣ, чѣмъ на сѣверной окраинѣ Азіи, гдѣ, подъ защитою климатическихъ условій, остатки его сохранились лучше и въ большемъ числѣ. Судя по обилію найденныхъ тамъ костей, нужно думать, что число этихъ гигантскихъ животныхъ въ этой области распространенія дальняго сѣвера бывало по временамъ весьма значительно. Въ центральной Европѣ извѣстны лишь немногія мѣста находокъ, какъ Канштаттъ, Предмостъ въ Моравіи и др., гдѣ мамонтъ встрѣчается столь же часто.

Главное распространеніе мамонта принадлежитъ межледниковому періоду. Въ эту эпоху онъ перешелъ Альпы и съ другой стороны достигъ въ сѣверной Азіи края уцѣлѣвшихъ еще отъ перваго ледниковаго періода „каменныхъ ледяныхъ массъ“ внутриматериковаго льда, которыя отчасти сохранились тамъ и до сихъ поръ. Растительность была въ то время богаче, чѣмъ теперь, когда мы встрѣчаемъ тамъ лишь растительность тундры. Животныя находили хвойныя растенія, ивы и ольхи (Alnus fructicosa) въ достаточномъ количествѣ, чтобы держаться стадами. Тѣмъ не менѣе, мы не должны представлять себѣ климатъ на границѣ льда „привѣтливымъ“, такъ какъ этому періоду принадлежатъ трупы мамонтовъ, которые находили, вмѣстѣ съ кожею и волосами, замороженными въ трещинахъ ледяныхъ пространствъ. Когда начался новый холодный періодъ второй ледниковой эпохи, страны высокаго сѣвера должны были сдѣлаться непригодными для мамонта вслѣдствіе недостатка пищи. Толль, который изслѣдовалъ пласты ископаемаго льда и отношеніе ихъ къ мамонтовымъ трупамъ, главнымъ образомъ, на Ново-Сибирскихъ островахъ, говоритъ слѣдующее: „мамонты и современники ихъ жили тамъ, гдѣ находятся остатки ихъ. Они постепенно вымерли вслѣдствіе физико-географическихъ измѣ-

ненiй обитаемой ими области. Трупы этихъ животныхъ, погибшихъ безъ катастрофы, были выброшены частью на рѣчные уступы, частью на берега озеръ или на глетчеры (внутриматериковый ледъ) при низкихъ температурахъ, и затянулись иломъ. Муміи ихъ могли сохраниться до нынѣшняго времени, подобно ледянымъ массамъ, образовавшимъ фундаментъ ихъ могилъ, благодаря постоянному или возраставшему холоду.“ Второго ледниковаго періода шерстистый мамонтъ нигдѣ не пережилъ; слѣды его исчезаютъ въ послѣледниковую эпоху.

Картина послѣдовательнаго расположенія дилювіальныхъ слоевъ нигдѣ не выступаетъ такъ ясно, какъ на Новосибирскихъ островахъ, гдѣ дилювіальный окаменѣлый ледъ образуетъ до сихъ поръ обширныя, высокія „ледяныя скалы“, всегда покрытыя глиною, пескомъ и торфомъ и часто громадной высоты: такъ, въ одномъ мѣстѣ скала достигала 72 футовъ. Въ толщѣ этихъ ледяныхъ скалъ находили трупы мамонтовъ, которые нѣкогда погрузились въ трещины льда. Эти трещины частью заполнены снѣгомъ, который превратился въ фирнъ и, наконецъ, въ ледъ, отчасти же глиною или пескомъ; кверху онѣ переходятъ безъ ясной границы въ слои, покрывающіе каменный ледъ. Въ 1860 году „охотникъ за мамонтами“, промышленникъ Боявскій открылъ мамонта, сохранившагося со всѣми мягкими частями и находившагося въ ледяной трещинѣ, выполненной глиною; въ 1863 году этотъ мамонтъ, вмѣстѣ съ скрывавшей его береговой стѣною, скатился и былъ унесенъ моремъ. Счастливѣе былъ тунгусъ Шумаховъ: въ 1799 году, во время своихъ поѣздокъ на лодкѣ вдоль берега, въ поискахъ за мамонтовыми клыками, онъ замѣтилъ однажды между глыбами льда одну глыбу неправильной формы, совсѣмъ не похожую на массы плавучаго лѣса, которыя тамъ, обыкновенно, попадаются. На слѣдующій годъ глыба лишь немного обтаяла, и только къ концу третьяго лѣта изъ глубины льда ясно выступила цѣлая сторона мамонта и одинъ изъ клыковъ, но животное все еще оставалось погруженнымъ въ ледяныя массы. Наконецъ, къ концу пятаго года, ледъ, находившійся между почвою и мамонтомъ, растаялъ быстрѣе, чѣмъ остальной; вслѣдствіе того, получился наклонъ, и огромная масса, толкаемая собственною тяжестью, скатилась на песокъ побережья. Здѣсь Адамсъ въ 1806 году и нашелъ трупъ, поскольку онъ уцѣлѣлъ отъ собакъ и дикихъ звѣрей. Съ того времени весь скелетъ и отчасти кожа, волосы и мягкія части составляютъ одно изъ главныхъ украшеній музея С.-Петербургской Академіи. Толль, лично осмотрѣвшій мѣсто, гдѣ Боявскимъ усмотрѣнъ былъ мамонтъ, нашелъ слѣдующій профиль: сперва слой тундры, затѣмъ въ перемежку слои тонкой глины и льда; подъ ними торфообразный слой изъ наносныхъ травъ, листьевъ и т. под.; далѣе, тонкій слой песку съ остатками ивы и проч. и, наконецъ, каменный ледъ. Въ другомъ мѣстѣ, у Анабарскаго залива, на 73° с. ш., Толль констатировалъ также, подъ пластомъ ископаемаго льда, основную морену. Этимъ, повидимому, подтверждается его гипотеза о существованіи области дилювіальнаго внутриматериковаго льда, остатки котораго и представляютъ пласты каменнаго льда въ Новой Сибири и бухтѣ Эшшольца.

Изъ этихъ слоевъ, отложенія замерзшей глины надъ каменнымъ льдомъ, въ которыхъ заключены ива и ольха, несомнѣнно межледниковаго происхожденія. Остатки ольхи, Alnus fructicosa, мѣстами такъ удивительно сохранились, что на вѣткахъ еще сидятъ листья и цѣлыя кисти цвѣточныхъ шишекъ.

Материкъ, къ которому принадлежатъ нынѣшніе Новосибирскіе острова, раздробился лишь къ концу межледниковаго періода. Сюда пробились болѣе холодныя морскія теченія, холодъ возрасталъ и въ то же время съ пониженіемъ суши уменьшалось накопленіе снѣговыхъ массъ. По словамъ Толля, флора погибла, и животный міръ лишился возможности свободно бродить по обширнымъ областямъ. И только на болѣе крупныхъ разва-

линахъ его прежней обширной родины, въ Гренландіи и землѣ Гриннеля, сохранился еще до сихъ поръ въ живыхъ одинъ представитель крупной дилювіальной фауны, мускусный быкъ.

Какъ уже сказано, геологическія и климатическія условія во всѣхъ странахъ земли, затронутыхъ ледниковымъ періодомъ, были въ высокой степени сходны съ только что описанными. Въ другихъ мѣстахъ давно исчезъ дилювіальный каменный ледъ; но основныя морены бывшихъ массъ внутриматериковаго льда, наружныя морены (конечныя и боковыя морены) бывшихъ гигантскихъ глетчеровъ, образуютъ неизгладимые слѣды его. На моренахъ древнѣйшаго ледниковаго періода мы находимъ отложенія пластовъ межледниковаго періода; на новѣйшихъ моренахъ второго (послѣдняго) ледниковаго періода лежатъ остатки послѣледниковой эпохи. Въ теченіе этой послѣдней прогрессивное повышеніе годовой температуры, быть можетъ, только на нѣсколько градусовъ термометра, повело къ таянію глетчеровъ и обратному движенію ихъ. Это обстоятельство открыло пути для возвращенія животныхъ и растеній на бывшія снѣговыя и ледяныя пустыни. Мѣсто, нѣкогда занятое межледниковою и ледниковою фауною, населяетъ теперь послѣледниковая фауна, которая представляется, по сравненію съ первою, существенно измѣненной.

Цѣлый рядъ самыхъ характеристическихъ формъ раннихъ періодовъ дилювія отсутствуетъ уже въ этихъ древнѣйшихъ послѣледниковыхъ отложеніяхъ; фауна въ своемъ составѣ все болѣе и болѣе приближается къ настоящему времени. Массы внутриматериковаго льда и гигантскіе глетчеры начинаютъ обтаивать и постепенно стягиваются къ нынѣшнимъ границамъ ледяного пространства, которое является остаткомъ дилювіальнаго ледниковаго періода. На границахъ льда и нынѣ еще обитаютъ животныя формы начала послѣледниковаго періода, и теперь еще произрастаютъ растенія, характеризующія эту конечную стадію дилювія. Въ послѣледниковомъ періодѣ отдѣльныя сѣверныя формы отстаивали еще извѣстное время свои мѣстообитанія въ средней Европѣ. Таковы сѣверный олень, полярная пеструшка, россомаха, сусликъ, пищуха, тушканчикъ. Часть дилювіальной фауны снова сосредоточилась въ азіатскихъ степяхъ, откуда она нѣкогда завоевала свою дилювіальную область распространенія: лошадь, дикій оселъ, сайга-антилопа, азіатскій дикобразъ и мн. др. Специфическія ледниковыя формы, сѣверный олень и вышепоименованные спутники его, потянулись за отступавшими массами льда къ высокому сѣверу и вплоть до полярныхъ странъ. Другая часть, собственно альпійскія формы, каменный козелъ, серна, сурокъ, альпійскій заяцъ и др. перекочевали вмѣстѣ съ альпійскими глетчерами въ высокія долины альпійскихъ горъ, на границахъ которыхъ они могутъ продолжать жизнь, которую вели въ ледниковую эпоху въ плоскомъ предгорьи.

Мамонтъ, шерстистый носорогъ, пещерный медвѣдь вымерли.

Такимъ образомъ, современная фауна млекопитающихъ Европы и сѣверной Азіи носитъ сравнительно юный характеръ. Она претерпѣла самыя существенныя измѣненія во время дилювія и особенно въ ледниковую эпоху.

И вотъ среди этого величественнаго зрѣлища борьбы за существованіе гигантскаго животнаго міра съ превозмогающими его могущественными силами природы, въ Европѣ, въ межледниковомъ періодѣ дилювія, непосредственно и неожиданно, точно deus ex machina, появляется на сценѣ человѣкъ.

Откуда онъ пришелъ? Мы этого не знаемъ.

Переселился ли онъ въ Европу вмѣстѣ съ дилювіальной фауной, перекочевавшей изъ центральной Азіи? Или, быть можетъ, первобытную родину его слѣдуетъ искать въ Новомъ Свѣтѣ?

B. Мѣстонахожденія дилювіальнаго человѣка.

Остатки дилювіальной фауны находятъ обыкновенно въ видѣ перемѣшанныхъ и снесенныхъ теченіемъ кучъ, въ пещерахъ и трещинахъ скалъ. Первое знакомство съ дилювіальной фауной средней Европы дало, главнымъ образомъ, изслѣдованіе пещеръ въ Тюрингіи и Франконіи. Здѣсь же, среди костей доисторическихъ животныхъ, были найдены кости и черепа человѣка. Пласты, содержавшіе эти находки, казались нетронутыми, и поэтому не допускали мысли, чтобы человѣческія кости могли попасть въ древнія залежи дилювіальной фауны впослѣдствіи, напр., благодаря умышленному погребенію въ сравнительно новѣйшую эпоху. Наиболѣе прославилась находка Эспера въ одной изъ богатѣйшихъ пещеръ „Франконской Швейцаріи", въ Гайленрейтской пещерѣ. Въ 1774 году Эсперъ нашелъ тамъ, въ совершенно нетронутомъ мѣстѣ, защищенномъ каменнымъ выступомъ пещерной стѣны, въ одной и той же глинѣ рядомъ съ костями пещернаго медвѣдя и другихъ дилювіальныхъ животныхъ, нижнюю челюсть и лопатку человѣка. Позднѣе, въ другомъ мѣстѣ былъ еще открытъ человѣческій черепъ вмѣстѣ съ нѣсколькими обломками грубой посуды изъ глины. Эсперъ разсуждалъ такъ: „Такъ какъ человѣческія кости (нижняя челюсть и лопатка) лежали подъ остовами животныхъ, которыми полны пещеры Гайленрейта, такъ какъ онѣ найдены въ слоѣ, по всей вѣроятности, первоначальномъ, то я считаю себя вправѣ заключить, что эти человѣческіе члены — одного времени съ прочими животными окаменѣлостями."

Теорія катастрофъ Кювье не могла допустить такого вывода. Согласно этой теоріи, человѣкъ долженъ былъ появиться на землѣ только въ аллювіи, слѣдовательно, послѣ того, какъ дилювіальная фауна вымерла. Поэтому человѣческія кости вопреки тому, что̀ казалось, должны были быть признаны болѣе поздняго происхожденія. И дѣйствительно, удалось съ положительностью доказать, что черепъ, найденный Эсперомъ въ пещерѣ вмѣстѣ съ глиняными черепками, происходилъ отъ погребенія въ пещерной почвѣ. Такъ какъ могила была выкопана въ почвѣ пещеры, усѣянной остатками дилювіальныхъ животныхъ, то могло, конечно, казаться, что трупъ, покрытый землею, взятою на мѣстѣ, и, слѣдовательно, окруженный этими остатками, составлялъ одно цѣлое съ ними. Было установлено, однако, что въ очень раннюю эпоху, но все же долго спустя послѣ дилювія, обитатели пещеръ охотно пользовались ими, какъ мѣстами для погребенія. Отсюда легко и безъ натяжки объясняется нахожденіе въ одной и той же пещерной почвѣ человѣческихъ костей рядомъ съ костями дилювіальныхъ животныхъ. Кромѣ того, было дознано, что съ древнѣйшихъ временъ и до новѣйшихъ этими пещерами пользовались охотники, пастухи и др., какъ убѣжищемъ въ дурную погоду или какъ мѣстомъ для варки пищи, иногда же, особенно въ очень раннюю эпоху, даже какъ постояннымъ жилищемъ. Такимъ образомъ, почва пещеры должна была заключать въ себѣ всякаго рода отбросы всѣхъ временъ и культурныхъ формъ, свидѣтелемъ которыхъ была страна отъ дилювія вплоть до новѣйшей эпохи. Если почва была влажная и мягкая, то остатки всѣхъ вѣковъ утаптывались въ ней и погружались все глубже и глубже. Такъ, напр., въ одной верхне-франконской пещерѣ, среди костей настоящихъ дилювіальныхъ животныхъ оказались обломки чугуннаго горшка для варки.

Въ виду этого обстоятельства, находки человѣческихъ остатковъ въ пещерахъ были дискредитированы и потеряли значеніе, какъ доказательства современности человѣка съ дилювіальной фауной. Собственно говоря, эта точка зрѣнія остается вѣрною и до сихъ поръ: ко всякимъ пещернымъ находкамъ должно относиться съ величайшей осторожностью. Сами по себѣ эти находки никогда не могутъ служить достаточнымъ доводомъ

въ пользу существованія дилювіальнаго человѣка, хотя общая перемѣна въ научномъ міровоззрѣніи, которая повлекла за собою крушеніе теоріи Кювье, заставляетъ признавать дилювіальнаго человѣка такимъ же умозаключеніемъ науки, какимъ являлось раньше отрицаніе его.

Первыя положительныя доказательства были найдены въ концѣ третьяго десятилѣтія XIX вѣка во Франціи Буше-де-Пертомъ въ дилювіальныхъ слояхъ долины Соммы близъ Аббевиля. Сознавая вполнѣ недостаточность доказательной силы пещерныхъ находокъ, онъ сталъ искать, и съ успѣхомъ, остатки человѣка въ нетронутыхъ дилювіальныхъ пластахъ хряща и крупнаго песку, которые содержали кости дилювіальныхъ животныхъ, и глубина которыхъ вмѣстѣ съ покрывавшими ихъ слоями исключала всякую возможность послѣдующаго внесенія. Онъ разсуждалъ совершенно такъ же, какъ нѣкогда Эсперъ, но съ бо́льшимъ правомъ. Въ слоистыхъ дилювіальныхъ формаціяхъ границы каждаго періода ясно обозначаются горизонтально лежащими одинъ надъ другимъ пластами, которые различно окрашены и состоятъ изъ различныхъ веществъ. Здѣсь начинаются доказательства. Они становятся неопровержимыми, какъ скоро оказывается, что человѣческіе остатки находятся тамъ съ самаго отложенія. Появившись вмѣстѣ съ пластомъ, въ которомъ они заложены, они вмѣстѣ съ нимъ и сохранились. Они существовали до образованія этого пласта, такъ какъ способствовали самому образованію его. Такъ разсуждалъ Буше-де-Пертъ, показывая въ 1839 году компетентнымъ изслѣдователямъ въ Парижѣ, и во главѣ ихъ самому Кювье, находки, говорящія въ пользу существованія дилювіальнаго человѣка. Но его доводы оказались недостаточными, чтобы пробить брешь въ заколдованномъ кругѣ предразсудковъ, которые покоились какъ-будто на прочномъ научномъ фундаментѣ. Его доказательства присутствія человѣка въ долинѣ Соммы въ эпоху дилювія были осмѣяны. Потребовалось 20 лѣтъ, пока эти открытія въ долинѣ Соммы, касающіяся доисторической жизни человѣка, были, наконецъ, признаны ученымъ міромъ. Это случилось потому, что Ляйель, авторитетъ котораго въ геологіи сталъ выше вліянія Кювье, всецѣло присоединился къ Буше послѣ того, какъ онъ въ 1859 году три раза лично проѣхалъ долину Соммы и самъ изслѣдовалъ всѣ главныя мѣстонахожденія остатковъ дилювіальнаго человѣка.

Долина Соммы лежитъ, по описанію Ляйеля, въ области бѣлаго мѣла, образующаго холмы въ нѣсколько сотъ футовъ высоты. Если мы поднимемся до этой высоты, то будемъ находиться на обширной возвышенности, которая представляетъ лишь умѣренныя поднятія пониженія и сплошь на протяженіи многихъ миль покрыта слоемъ грубой и кирпичной глины, приблизительно около пяти футовъ толщины и совершенно свободнымъ отъ окаменѣлостей. Мѣстами на поверхности мѣла замѣчаются отдѣльныя пятна третичнаго песку и глины, остатки нѣкогда обширной формаціи, размываніе которой дало, главнымъ образомъ, дилювіальный крупный песокъ, въ которомъ погребены остатки человѣка и кости вымершихъ животныхъ. Дилювіальный наносъ долины Соммы не представляетъ ничего особеннаго ни по своему расположенію или наружному виду, ни по своему составу или заключеннымъ въ немъ органическимъ остаткамъ. Слой, въ которомъ лежатъ кости дилювіальной фауны, смѣшанныя съ остатками человѣка, представляетъ частью морское, частью рѣчное отложеніе. Именно человѣческіе остатки лежатъ, большею частью, глубоко въ хрящѣ. Почти всюду приходится проникать сквозь массу лежащей сверху глины съ наземными раковинами или сквозь мелкій песокъ съ прѣсноводными моллюсками прежде, чѣмъ мы доберемся до слоевъ хряща, въ которыхъ находятся остатки дилювіальнаго человѣка.

Изъ всего этого вытекаетъ, что остатки человѣка находятся здѣсь во вторичныхъ мѣстахъ отложенія, что они занесены вмѣстѣ съ костями вы-

мершихъ животныхъ и со всѣмъ геологическимъ матеріаломъ, въ которомъ они зарыты. По этой причинѣ не удается въ точности установить давность этихъ находокъ. Безъ сомнѣнія, онѣ принадлежатъ дилювію вообще, но нельзя рѣшить, относятся ли онѣ къ послѣледниковой эпохѣ или къ болѣе теплому межледниковому періоду. Фауна не даетъ абсолютнаго разграниченія, такъ какъ она носитъ смѣшанный характеръ обоихъ періодовъ. Чаще всего встрѣчаются въ этихъ слояхъ слѣдующія млекопитающія: мамонтъ, сибирскій носорогъ, лошадь, сѣверный олень, первичный быкъ, гигантская лань, пещерный левъ, пещерная гіена. Близъ Амьена находили, въ совершенно аналогичныхъ дилювіальныхъ отложеніяхъ Соммы, слѣды человѣка на ряду съ костями бегемота и слона (Elephas antiquus). Эти животныя были распространены въ доледниковый и межледниковый дилювій, главнымъ образомъ, въ Германіи и во Франціи. Часть животныхъ остатковъ, найденныхъ близъ Аббевиля, особенно пещерный левъ и пещерная гіена, также указываютъ на болѣе теплый межледниковый періодъ; наоборотъ, мамонтъ, сибирскій носорогъ и особенно сѣверный олень говорятъ съ положительностью въ пользу (второго) ледниковаго и послѣледниковаго періода. Кости болѣе древнихъ дилювіальныхъ животныхъ могли быть занесены изъ другихъ, первичныхъ мѣстъ отложенія. Въ то время, когда образовались отложенія человѣческихъ остатковъ, сѣверный олень, безъ сомнѣнія, уже распространился въ названныхъ областяхъ Франціи.

Несмотря на самые тщательные поиски, до сихъ поръ открыто очень немного мѣстъ съ остатками дилювіальнаго человѣка, которыя обладали бы такою же убѣдительностью, какъ названныя мѣстонахожденія въ долинѣ Соммы. Два изъ нихъ находятся въ Германіи, и значеніе ихъ усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что они допускаютъ болѣе точное установленіе времени въ предѣлахъ дилювія: мѣстонахожденія близъ Таубаха (Веймаръ) и у Шуссенскаго источника. Таубахъ принадлежитъ межледниковому періоду, мѣстонахожденіе Шуссенскаго источника — дилювіальному послѣледниковому періоду. Первое мѣстонахожденіе лежитъ на моренахъ перваго ледниковаго періода, за которымъ послѣдовалъ межледниковый періодъ, второе — на моренахъ второго ледниковаго періода, который медленно переходилъ въ дилювіальный послѣледниковый періодъ.

Дилювіальный слой находокъ въ известковомъ туфѣ близъ Таубаха (Веймаръ) залегаетъ, какъ мы сказали, надъ остатками перваго ледниковаго періода и, по опредѣленіямъ Пенка, одного изъ лучшихъ знатоковъ дилювія, принадлежитъ болѣе теплой промежуточной эпохѣ между обоими большими періодами обледенѣнія. Доказательства, вытекающія изъ условій отложенія, вполнѣ согласуются съ тѣми, которыя даютъ найденные тамъ остатки животныхъ и растеній. Среди богатой фауны, обнаруженной въ этихъ пластахъ, нѣтъ ни одного животнаго, указывающаго на холодный климатъ. Сопоставляя всѣ находки, мы убѣждаемся, что въ ту эпоху, когда тамъ жилъ человѣкъ, нигдѣ не господствовали арктическія условія. Мы не находимъ ни одного сѣвернаго оленя, ни одной пеструшки. Обитателями этихъ странъ были въ то время косуля, олень, волкъ, бурый медвѣдь, бобръ, дикая свинья, первичный быкъ; всѣ они говорятъ намъ объ умѣренномъ климатѣ. Къ такому же выводу приводитъ фауна моллюсковъ, среди которой отсутствуютъ всѣ ледниковыя формы. Все, что найдено, встрѣчается и нынѣ въ той же мѣстности. Мы могли бы признать эту фауну вполнѣ современной, если бы рядомъ съ нею не попадались многіе вымершіе типы, которые придаютъ ей весьма устарѣлый отпечатокъ. Къ перечисленнымъ современнымъ животнымъ присоединяются пещерный левъ, пещерная гіена, первичный слонъ и Мерковскій носорогъ, которые характеризуютъ весь этотъ пластъ, какъ несомнѣнно дилювіальный, что подтверждается также стратиграфически покрывающимъ его слоемъ лёсса. Мѣсто-

нахожденіе въ Таубахѣ даетъ намъ типическую картину климатическихъ и біологическихъ условій болѣе теплаго межледниковаго періода. Области средней Европы, покрытыя массами льда въ первомъ ледниковомъ періодѣ, послѣ растаянія льда снова сдѣлались доступны для вытѣсненныхъ обратно животныхъ и растеній доледниковаго періода. Но затѣмъ во второй ледниковый періодъ они были частью уничтожены, частью, по крайней мѣрѣ, окончательно изгнаны изъ своихъ прежнихъ мѣстообитаній.

Знаменитое мѣстонахожденіе у Шуссенскаго источника близъ Шуссенрида, на большомъ протяженіи въ окрестности Ульма, вводитъ насъ въ совершенно ледниковую обстановку, представляя такимъ образомъ полный контрастъ съ Таубахомъ. Оно находилось на глетчерныхъ моренахъ послѣдняго большого обледенѣнія и, слѣдовательно, принадлежитъ послѣледниковому періоду, который еще относился къ дилювію и мало по малу перешелъ въ болѣе теплую настоящую эпоху. Подъ туфомъ и торфомъ Шуссенскаго источника мы встрѣчаемъ типъ чисто сѣвернаго климата съ исключительно сѣверной флорой и фауною. Все здѣсь соотвѣтствуетъ климатическимъ условіямъ, которыя нынѣ господствуютъ на границѣ вѣчнаго снѣга и льда или начинаются подъ 70^0 с. ш. Шимперъ, одинъ изъ лучшихъ знатоковъ мховъ нашего времени, нашелъ въ остаткахъ растеній подъ туфомъ Шуссенскаго источника исключительно сѣверныя или верхнеальпійскія формы мховъ: Hypnum sarmentosum, которая была привезена Валенбергомъ изъ Лапландіи и встрѣчается, по Шимперу, въ Норвегіи на Довре-фіельдскихъ горахъ, на границѣ вѣчнаго снѣга и, кромѣ того, въ Гренландіи, Лабрадорѣ и Канадѣ и на крайнихъ вершинахъ Тирольскихъ Альпъ и Судетъ; эта форма особенно любитъ лужицы, въ которыхъ протекаетъ снѣговая и ледниковая вода съ ея мелкимъ пескомъ. Кромѣ того, были найдены Hypnum aduncum var. groenlandicum и Hypnum fluitans var. tenuissimum; оба эти мха переселились нынѣ въ холодныя страны, въ Гренландію и на Альпы. Изъ животныхъ были особенно многочисленны сѣверный олень, желтая и полярная лисица, какъ типическія арктическія формы, и, кромѣ того, бурый медвѣдь и волкъ, небольшой быкъ, заяцъ и большеголовая дикая лошадь, которая повсюду въ дилювіи сопровождаетъ сѣвернаго оленя; наконецъ, лебедь-кликунъ, который выводится теперь на Шпицбергенѣ или въ Лапландіи. Всѣ нынѣшнія формы животныхъ Верхней Швабіи отсутствуютъ такъ же, какъ и вымершія дилювіальныя животныя, которыя указывали бы на болѣе теплый климатъ.

Болѣе рѣзкій климатическій и біологическій контрастъ, чѣмъ между Таубахомъ и мѣстонахожденіемъ у Шуссенскаго источника, трудно представить себѣ. Здѣсь мы несомнѣнно имѣемъ передъ собою два совершенно различныхъ періода, хотя и тотъ, и другой принадлежатъ дилювію.

Есть еще другія мѣстонахожденія дилювіальнаго человѣка, и почти каждое изъ нихъ имѣетъ свои особенности; но все-таки Таубахъ и Шуссенскій источникъ являются лучшими представителями обоихъ главныхъ типовъ въ Европѣ. Болѣе доказательныхъ мѣстъ до сихъ поръ не найдено нигдѣ во всемъ Старомъ Свѣтѣ.

Палеонтологическіе слои Южной Америки, въ которыхъ Амегино открылъ человѣка, на первый взглядъ даютъ, повидимому, совершенно иную картину. Формы животныхъ, которыя появляются здѣсь одновременно съ человѣкомъ, на столько различаются отъ извѣстныхъ намъ изъ дилювія Стараго Свѣта, что только опытный глазъ Циттеля и всестороннее знакомство его съ совокупнымъ палеонтологическимъ матеріаломъ дали ему возможность уловить здѣсь и установить истинную связь; самъ же Амегино, открывшій человѣческія находки, относилъ ихъ къ третичному періоду.

Пласты Южной Америки, въ которыхъ открыты до сихъ поръ самые ранніе слѣды человѣка, далеко распространенныя въ Аргентинѣ и Уругваѣ и сходныя съ лёссомъ глинистыя отложенія такъ наз. пампасовой фор-

маціи. Они заключаютъ въ себѣ почти безпримѣрно богатую фауну. Особенно поражаютъ гигантскіе представители неполнозубыхъ, отъ которыхъ нынѣ въ Южной Америкѣ сохранились лишь мелкіе виды: Glyptodontia (съ гигантскимъ Glyptodon reticulatum) и Dasypoda, затѣмъ изъ Gravigrada гигантскій лѣнивецъ, Megatherium americanum; Toxodontia также принадлежали къ большимъ, нынѣ вымершимъ животнымъ (копытнымъ). На ряду со специфическими, южно-американскими формами животныхъ, въ пампасовой формаціи встрѣчаются также многочисленные „сѣверо-американскіе переселенцы“. Только въ концѣ третичнаго періода южная и сѣверная половина Америки слились въ одну часть свѣта, и фауны сѣверной и южной Америки, столь характерно отличавшіяся другъ отъ друга, начали взаимно перемѣщаться. Южно-американскія формы, въ томъ числѣ, напр., Glyptodon, переселяются къ сѣверу; съ другой стороны, сѣверо-американскіе типы, каковы лошадь, олень, тапиръ, мастодонтъ, Felis, Canis и др. пользуются новооткрытымъ путемъ, чтобы расширить область своего распространенія. Сѣверныя формы животныхъ рѣзко выдѣляются среди животнаго міра Южной Америки, который былъ до тѣхъ поръ совершенно обособленъ отъ сѣверо-американской фауны и вплоть до новѣйшаго третичнаго періода отличался вышеупомянутыми удивительными, отчасти гигантскими неполнозубыми, сумчатыми, плосконосыми обезьянами и др. Изъ большихъ слоновыхъ животныхъ Сѣверной Америки перешелъ въ Южную Америку одинъ только мастодонтъ. Въ среднюю и позднѣйшую третичную эпоху родъ мастодонта былъ широко распространенъ въ Европѣ, сѣверной Африкѣ и южной Азіи. Въ Сѣверной Америкѣ древнѣйшіе виды мастодонта появляются въ средней третичной формаціи (верхній міоценъ); большинство видовъ встрѣчается лишь въ новѣйшей третичной формаціи (пліоценъ) и въ дилювіи (плейстоценъ). Въ Южной Америкѣ мастодонтъ (M. americanus) ограничивается эпохою пампасовой формаціи; клыки его длинные и прямые, или слабо изогнутые кверху. У нѣкоторыхъ видовъ нижняя челюсть имѣетъ постоянно, у Mastodon americanus только въ молодости, два клыка, которые выдаются въ прямомъ направленіи, но, по величинѣ, значительно уступаютъ верхнимъ клыкамъ. Согласно изслѣдованіямъ Амегино (по Циттелю), вмѣстѣ съ этими сѣверными переселенцами, въ частности вмѣстѣ съ мастодонтомъ, проникъ въ Южную Америку и человѣкъ. Въ Амегиновыхъ спискахъ животныхъ пампасовыхъ формацій Циттель называетъ человѣка, какъ и перечисленныя только что формы животныхъ, прямо переселенцами изъ сѣверной Америки, характеризуетъ ихъ какъ сѣверный типъ.

По описаніямъ Циттеля не подлежитъ болѣе сомнѣнію, что пампасовая формація и вмѣстѣ съ нею первобытный человѣкъ Южной Америки относятся къ дилювіальной эпохѣ. Циттель такъ характеризуетъ положеніе вещей: „въ южной Азіи и Южной Америкѣ за третичнымъ періодомъ слѣдуютъ дилювіальныя фауны, которыя, главнымъ образомъ, слагаются изъ видовъ еще понынѣ существующихъ, но нѣсколько тѣснѣе примыкаютъ къ своимъ третичнымъ предшественникамъ“.

C. **Человѣческіе остатки въ дилювіи.**

a) Находки въ слоистомъ дилювіи.

Древнѣйшими остатками, которые свидѣтельствуютъ о человѣкѣ, являются не части его тѣла, не костный остовъ, по которымъ мы привыкли воспроизводить форму допотопныхъ животныхъ, но доказательства человѣческаго ума.

До знаменитыхъ открытій Буше де-Перта напрасно отыскивали среди костей ископаемой фауны несомнѣнные, одновременные съ ними остатки скелета ископаемаго человѣка. Не кости, но орудія были тѣми доказа-

тельствами, при помощи которыхъ Аббевильскій изслѣдователь установилъ, что человѣкъ былъ уже „свидѣтелемъ дилювія“ въ Европѣ. Эти орудія или инструменты неопровержимо свидѣтельствуютъ, что духовная сила „ископаемаго человѣка“ дилювія вполнѣ соотвѣтствовала уму современнаго человѣчества. Дилювіальныя орудія доказываютъ, что уже въ ту отдаленную эпоху, въ которую переноситъ насъ Буше, человѣкъ былъ вполнѣ человѣкомъ. Всѣ находки, сдѣланныя съ тѣхъ поръ въ цѣломъ мірѣ, въ томъ числѣ и находки въ Южной Америкѣ, гдѣ человѣкъ является намъ въ совершенно своеобразной средѣ животныхъ, подтверждаютъ лишь это положеніе.

Буше-де-Пертъ былъ знатокомъ древностей по профессіи; ему было извѣстно, что въ очень древнемъ культурномъ періодѣ люди Европы, какъ и теперь нѣкоторые отставшіе въ культурѣ племена и народы, напримѣръ, въ Южной Америкѣ, на островахъ Тихаго океана и мн. др. изготовляли свои орудія и оружіе изъ камня. Подобнаго рода каменная утварь почти неразрушима, и съ давнихъ поръ крестьянинъ, открывая при вспахиваніи земли удивительные экземпляры этого рода, связывалъ съ ними разнообразныя повѣрья. Подобно современнымъ крестьянамъ, еще римляне называли это каменное оружіе громовыми камнями. Изслѣдователи въ области археологіи также рано обратили на нихъ вниманіе. Бюффонъ объявилъ въ 1778 году такъ наз. громовые камни древнѣйшими произведеніями искусства первобытнаго человѣка, но уже въ 1734 году Магюдель и Меркати высказали мнѣніе, что громовые камни не что иное, какъ оружіе допотопнаго человѣка. Подобныя воззрѣнія послужили руководящею нитью при дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ Буше. Онъ съ самаго начала сталъ искать въ нетронутыхъ дилювіальныхъ пластахъ своей родины не столько кости, сколько орудія дилювіальнаго человѣка. Онъ представлялъ ихъ себѣ въ формѣ громовыхъ камней, хотя зналъ, что эти послѣдніе, по скольку они были извѣстны въ то время, принадлежали гораздо позднѣйшей эпохѣ, въ частности аллювію.

Ожиданія его увѣнчались успѣхомъ: глубоко подъ массою глины и песку, среди слоевъ хряща и крупнаго песку, онъ открылъ каменныя орудія. Они были безспорно сдѣланы человѣческой рукою для опредѣленной, очевидной цѣли, именно, чтобы служить въ качествѣ утвари и оружія. Въ сущности, это были тѣ же формы, хотя порою, быть можетъ, нѣсколько болѣе грубыя, которыя и теперь еще употребляются такъ наз. „дикарями“, какъ оружіе, инструменты и различная утварь изъ камня.

Орудіе, изготовленное искусственно и съ опредѣленнымъ назначеніемъ, есть именно то, что̀ возвышаетъ человѣка надъ животнымъ міромъ теперь, какъ и въ эпоху дилювія.

Ляйель, при своемъ первомъ посѣщеніи мѣстъ находокъ близъ Аббевиля, весною 1859 г., добылъ въ главныхъ пунктахъ 70 штукъ этихъ каменныхъ орудій. Вся каменная утварь сдѣлана изъ кремня, который въ изобиліи встрѣчается въ мѣлу этой мѣстности и до сихъ поръ еще добывается и обрабатывается для разныхъ техническихъ цѣлей. Обработанные камни, найденные Буше, ввиду матеріала, изъ котораго они сдѣланы, названы кремневыми орудіями. По замѣчанію Ляйеля, они попадались въ соотвѣтственныхъ мѣстахъ отложенія въ удивительныхъ количествахъ. Знаменитый геологъ установилъ три различныхъ главныхъ формы. Первая есть форма наконечника копья и измѣняется въ своей длинѣ отъ 6 до 8 дюймовъ = 18—24 сантиметровъ; вторая, овальная форма (см. рис. 2 и 3 таблиц. „Палеолитическія древности“) не лишена сходства съ нѣкоторыми предметами каменной утвари и оружіемъ, которыя еще и теперь употребляются въ видѣ топоровъ и томагауковъ, напримѣръ, туземцами Австраліи. Разница лишь въ томъ, что лезвее австралійскихъ каменныхъ топоровъ, такъ же, какъ и европейскихъ каменныхъ орудій позднѣй-

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Палеолитическія древности.

Объясненіе таблицы на оборотѣ.

1. Мамонтъ.
2. Каменное орудіе въ формѣ наконечника копья, изъ дилювія въ Сентъ-Ашёлѣ близъ Амьена; видъ съ плоской стороны. 1/3 ест. вел.
3. Овальное каменное орудіе изъ дилювія въ Аббевилѣ; видъ съ плоской стороны. 1/3 ест. вел.

4, 5. Два каменныхъ ножа изъ Таубаха близъ Веймара.

- 4. Наружная поверхность.
- 5. Внутренняя поверхность.

6. Отбитая кость бизона изъ дилювіальнаго мусора изъ Таубаха близъ Веймара. По срединѣ внизу ударный знакъ.

7, 8. Рѣзныя издѣлія изъ рога сѣвернаго оленя, на Шуссенскомъ источникѣ.

- 7. Кинжалъ. 1/4 ест. вел.
- 8. Болтъ. 1/4 ест. вел.

9. Вдвойнѣ просверленная часть рога молодого сѣвернаго оленя. на Шуссенскомъ источникѣ. 1/6 ест. вел.

10. Правая вѣнечная лопасть стараго сѣвернаго оленя, съ отпиленнымъ боковымъ отросткомъ, на Шуссенскомъ источникѣ. 1/12 ест. вел.

11. Правый роговой стволъ сѣвернаго оленя съ нарѣзными знаками, на Шуссенскомъ источникѣ. 1/6 ест. велич.

12. Черепъ сѣвернаго оленя, передѣланный въ сосудъ для питья, изъ пещеры Голефельсъ. 1/3 ест. вел.

13, 14. Костяныя находки изъ пещеры Голефельсъ.

- 13. Челюсть дикой кошки, просверленная для подвѣшиванія. 1/3 ест. велич.
- 14. Лошадиный зубъ, просверленный для подвѣшиванія. 1/3 ест. велич.

15. Топоръ изъ Сентъ-Ашёля близъ Амьена. Древнѣйшій типъ дилювіальныхъ каменныхъ орудій по Брока. Видъ спереди.

16. Обтесанный съ обѣихъ сторонъ наконечникъ копья изъ Солютре. Новѣйшій типъ дилювіальныхъ каменныхъ орудій по Брока.

17, 18. Гарпуны изъ рога сѣвернаго оленя, изъ Мадлены. 1/4 ест. велич.

19. Наконечникъ стрѣлы изъ Горжъ-д'Анферъ. 1/4 ест. вел.

20—22. Рѣзьба на кости сѣвернаго оленя, изъ пещеръ Дордоньи.

- 20. Рыба.
- 21. Человѣкъ съ лошадьми.
- 22. Дикія лошади.

23. 24. Кремневыя орудія тасманійцевъ.

25—27. Костяныя и каменныя орудія эскимосовъ Аляски.

- 25. Скребокъ съ рукояткою.
- 26. Снарядъ для натягиванія стрѣлы.
- 27. Костяная игла для вязанья сѣтей.

(1 изъ „Элементовъ геологіи“ Креднера, 2—22, 25—27 изъ „Человѣка“ Ранке, 23, 24 по „Journal of the Anthropological Institute“ XXXIII, 1893.)

шихъ культурныхъ эпохъ, извѣстныхъ подъ названіемъ громовыхъ камней, большею частью, получается путемъ шлифованія, а въ каменныхъ орудіяхъ изъ дилювія долины Соммы — посредствомъ простого оббиванія камня и часто повторяемыхъ и ловко направленныхъ ударовъ. По Тэйлору, каменная утварь древнихъ тасманійцевъ по формѣ и изготовленію совершенно напоминаетъ дилювіальную (= палеолитическую): ни здѣсь, ни тамъ не замѣтно ни малѣйшихъ слѣдовъ шлифовки: это — простые камни съ острыми гранями, край которыхъ заостряется посредствомъ оббиванія другимъ камнемъ. Часть этихъ каменныхъ орудій дилювіальнаго человѣка имѣетъ настолько удобный естественный конецъ, что можетъ быть употребляема въ дѣло свободной рукой, но большинство такъ или иначе укрѣплялось въ рукояткѣ для того, чтобы служить въ качествѣ оружія, наконечника копья или кинжала, на войнѣ и на охотѣ. Вторая главная форма Ляйеля употреблялась, вѣроятно, въ качествѣ топора, напр., для выкапыванія корней, рубки деревьевъ или выдалбливанія лодокъ, или, быть можетъ, чтобы продѣлывать отверстія во льду для рыбной ловли и для добыванія питьевой воды зимою. Въ рукахъ охотника и воина каменный топоръ превращался въ боевую сѣкиру.

Какъ третью форму каменной утвари, Ляйель описываетъ осколки, похожіе на ножи, частью болѣе заостренной, частью болѣе овальной или усѣченной на одномъ концѣ формы, очевидно, предназначенные для ножей и наконечниковъ стрѣлъ или для скребковъ съ техническою цѣлью. Хотя между обѣими главными формами есть различныя промежуточныя ступени, но хорошо сдѣланные экземпляры всегда сохраняютъ типическія различія, указывающія на различное назначеніе. Кромѣ того, находили очень много весьма грубыхъ кусковъ, изъ которыхъ одни представляютъ, быть можетъ, неудавшіеся экземпляры, другіе — только отбросы при обработкѣ. Эвансъ доказалъ практически, что мы можемъ, не прибѣгая къ металлическому молоту, получать подобныя каменныя орудія въ замѣчательно сходной формѣ. Изъ кремня, укрѣпленнаго въ деревянной ручкѣ, онъ сдѣлалъ каменный молотокъ и при помощи его обработывалъ кусокъ кремня до тѣхъ поръ, пока онъ въ точности получилъ форму дилювіальнаго каменнаго топора (вторая, овальная главная форма).

Ляйель обращаетъ вниманіе на то, что хотя каменныя орудія попадаются сравнительно часто, тѣмъ не менѣе, мы весьма ошибемся, предположивъ, что непремѣнно найдемъ хотя бы одинъ экземпляръ, если будемъ копаться даже нѣсколько недѣль въ долинѣ Соммы. Лишь немногіе куски лежали на поверхности; для открытія остальныхъ потребовалось удаленіе колоссальныхъ массъ песку, глины и хряща. Такъ какъ мы должны предположить вмѣстѣ съ Ляйелемъ, что огромное большинство дилювіальныхъ каменныхъ орудій Аббевиля и Амьена занесены въ теперешнее мѣстонахожденіе дѣятельностью рѣки, то этимъ вполнѣ объясняется, почему такая значительная часть ихъ найдена на большихъ глубинахъ подъ поверхностью земли. Очевидно, они должны были находиться въ хрящѣ вмѣстѣ съ прочими камнями въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ потокъ обладалъ еще достаточной силой или скоростью, чтобы уносить съ собою камни. Поэтому ихъ не можетъ быть въ отложеніяхъ спокойной воды, въ тонкомъ осадкѣ и наносномъ илѣ.

Кости дилювіальнаго человѣка отсутствуютъ въ отложеніяхъ долины Соммы, не взирая на поразительное обиліе каменной утвари: нѣкогда знаменитая „нижняя челюсть изъ Муленъ-Киньона близъ Аббевиля“ была подброшена рабочими съ цѣлью обмана. И, однако, несмотря на это отсутствіе, существованіе человѣка, настоящаго человѣка, неопровержимо доказывается этими, повидимому, ничтожными находками, которыя составляютъ дѣло его рукъ, его произведенія.

Послѣ того, какъ послѣдовало признаніе дилювіальнаго человѣка на

основаніи авторитета Ляйеля, въ Англіи и во Франціи стали отыскивать съ величайшимъ усердіемъ дальнѣйшія мѣста находокъ, и эти поиски увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Тѣмъ не менѣе, ни одна изъ вновь открытыхъ станцій не можетъ сравниться съ долиною Соммы по чистотѣ отложеній и находокъ. Въ особенности находки изъ „древнѣйшаго каменнаго вѣка“ или изъ „палеолитическаго періода“, какъ называли періодъ дилювіальнаго человѣка, часто принадлежали пещерамъ и гротамъ, въ доказательности которыхъ справедливо сомнѣвался еще Буше.

При такихъ условіяхъ было чрезвычайно важно открытіе дилювіальнаго человѣка въ двухъ мѣстахъ Германіи, гдѣ не только самое геологическое расположеніе представлялось столь же яснымъ и не допускающимъ двухъ толкованій, какъ въ Аббевилѣ и Амьенѣ, но гдѣ, какъ и тамъ, остатки дилювіальнаго человѣка покоились въ первичныхъ, а не во вторичныхъ мѣстахъ отложенія. Кромѣ того, оба нѣмецкихъ мѣстонахожденія съ положительностью могли быть отнесены къ двумъ большимъ послѣднимъ отдѣламъ дилювіальнаго періода, къ болѣе теплому межледниковому періоду и къ холодному, собственно ледниковому, или послѣледниковому періоду. Мы разумѣемъ упомянутыя уже выше мѣстонахожденія: одно близъ Таубаха, другое у Шуссенскаго источника. Остатки найденныхъ тамъ животныхъ и растеній съ полною ясностью возстановляютъ передъ нами климатическія условія. Нахожденіе сѣвернаго оленя въ отложеніяхъ Соммы, которыя заключаютъ каменныя орудія дилювіальнаго человѣка, какъ мы видѣли, не даетъ возможности съ точностью установить, въ какой именно части дилювіальной эпохи жилъ тамъ человѣкъ: въ межледниковомъ ли періодѣ, которому безспорно принадлежатъ многочисленные найденные тамъ остатки животныхъ, или только въ „періодѣ сѣвернаго оленя“, какъ назвали послѣдній ледниковый и первый послѣледниковый періодъ, когда сѣверный олень былъ распространенъ, главнымъ образомъ, во Франціи и въ средней Европѣ. Склоняются, очевидно, къ тому мнѣнію, что пребываніе человѣка въ долинѣ Соммы восходитъ къ межледниковому періоду. Несомнѣнно, однако, по крайней мѣрѣ, на мой взглядъ, что до сихъ поръ одно лишь мѣстонахожденіе близъ Таубаха является положительнымъ доказательствомъ существованія межледниковаго человѣка въ Европѣ. Тамъ были найдены древнѣйшіе несомнѣнные слѣды европейскаго человѣка. Дальше межледниковаго періода пока не удалось прослѣдить человѣка въ Европѣ. Въ древнѣйшемъ дилювіи, такъ же, какъ и въ третичной формаціи, не встрѣчается никакихъ слѣдовъ его.

Мѣстонахожденіе въ Таубахѣ не дало никакихъ остатковъ костей дилювіальнаго человѣка на ряду со всѣми частями скелета дилювіальныхъ животныхъ, съ которыми мы познакомились выше. И здѣсь доказательство присутствія человѣка опирается на оставленныя имъ „произведенія его рукъ“ и его духа. На первомъ планѣ стоятъ и здѣсь каменныя орудія и каменное оружіе (см. рис. 4 и 5 на табл. „Палеолит. древн.“). Но между тѣмъ, какъ въ мѣловой области Франціи мы находимъ громадное число кремней всякой величины для изготовленія оружія и инструментовъ, эти камни, хотя и встрѣчаются въ обоихъ главныхъ германскихъ мѣстонахожденіяхъ, но они здѣсь меньше и по числу, и по величинѣ. Поэтому болѣе крупныя формы кремневыхъ орудій, которыя больше всего бросаются въ глаза въ долинѣ Соммы, отсутствуютъ въ Таубахѣ. Наоборотъ, маленькіе „ножи и осколки“, третья главная форма кремневыхъ орудій по Ляйелю, попадаются здѣсь сравнительно чаще, и формы ихъ болѣе разнообразны. Кромѣ обыкновеннаго ланцетовиднаго ножа, въ Таубахѣ встрѣчаются въ особенно большомъ числѣ обдѣланные кремневые осколки трехугольно-призматической формы, съ острыми углами; затѣмъ можно различить скребки, долота, бурава и камни для обтесыванія. Мате-

ріалъ для каменныхъ орудій давалъ древнѣйшій дилювіальный наносный слой долины: кремень, кремневый сланецъ и кварцовый порфиръ.

Помимо каменныхъ орудій, которыя одни только и были найдены въ долинѣ Соммы, здѣсь открыты еще на первичномъ мѣстѣ отложенія другіе важные остатки. Такъ, масса найденнаго угля и обугленныхъ костей доказываетъ, что дилювіальные обитатели Таубаха не только умѣли разводить огонь, но любили жарить на немъ мясо животныхъ, убитыхъ на охотѣ. Попадаются также камни, куски раковистаго известняка, которые подъ вліяніемъ жара краснѣли и твердѣли. Нужно полагать, что ими выкладывались боковыя стѣнки и дно очаговъ, на которыхъ тутъ же на мѣстѣ готовилась пища. Кости животныхъ, особенно тѣ, которыя были взяты по близости очаговъ, представляютъ, большею частью, пищевые отбросы. Уже отсюда понятно, почему кости молодыхъ индивидуумовъ крупныхъ животныхъ, напр., носорога (Rhinoceros Merckii), слона (Elephas antiquus), медвѣдя и др., попадаются гораздо чаще и, наоборотъ, кости взрослыхъ животныхъ составляютъ рѣдкое явленіе. Молодыя животныя, повидимому, легче ловились и убивались на охотѣ и, поэтому, главнымъ образомъ, употреблялись въ пищу. Если случалось иной разъ убить крупное животное, то счастливые охотники тотчасъ разрѣзывали его на мѣстѣ. Туловище оставалось на мѣстѣ охоты, гдѣ охотники, быть можетъ, тотчасъ съѣдали часть его мяса, тогда какъ голова и шея, а также переднія и заднія ноги, на которыхъ находится большая часть мышечнаго мяса и которую удобнѣе всего было переносить, доставлялись домой. Этимъ объясняется также, почему среди такого множества найденныхъ до сихъ поръ большихъ костей носорога не оказалось ни одного ребра, ни одного спинного или поясничнаго позвонка. Часть костей убитыхъ животныхъ носитъ несомнѣнные слѣды человѣка. Онѣ характеристическимъ образомъ разбиты, какъ это дѣлаютъ обыкновенно „дикари“ всѣхъ временъ и поясовъ, для полученія костнаго мозга, который есть одно изъ лучшихъ лакомствъ для человѣка, живущаго преимущественно животной пищей. На оббитыхъ суставныхъ концахъ плюсневыхъ костей зубра (Bison priscus) можно и теперь еще ясно различить самый методъ разламыванія: онѣ обломаны поперекъ именно тамъ, гдѣ оканчивается мозговой каналъ. На всѣхъ этихъ костяхъ замѣчается на одномъ и томъ же мѣстѣ кругловатое углубленіе, дыра, на половинѣ ширины задней или передней поверхности ихъ, и притомъ именно тамъ, гдѣ кончается мозговой каналъ, приблизительно въ центрѣ поверхности излома отбитаго костнаго куска. Эта дыра, знакъ отъ удара, имѣетъ 25 мм. въ діаметрѣ и, очевидно, продѣлана при помощи силы, дѣйствовавшей снаружи внутрь, такъ какъ нѣкоторые хорошо сохранившіеся экземпляры показываютъ еще вдавленные внутрь костные края и костные осколки (см. рис. 6 табл. „Палеол. древн.“) Какъ эти осколки, такъ и всѣ поверхности излома стары и, какъ самыя кости, покрыты на поверхности жирнымъ налетомъ съ пескомъ, въ которомъ они лежали. Инструментомъ, которымъ пользовались для подобной обработки костей, могла прекрасно служить нижняя челюсть медвѣдя съ ея огромнымъ клыкомъ; О. Фраасъ установилъ это съ точностью для другихъ мѣстонахожденій дилювіальнаго человѣка. Подобныя нижнія челюсти найдены были въ Таубахѣ, и свойство, и величина упомянутаго отверстія и краевъ его согласуются съ такимъ предположеніемъ. Длинныя кости слоновъ и носороговъ находили цѣлыми; дилювіальный человѣкъ, очевидно, не въ силахъ былъ разбивать эти громадные куски. Если и попадаются обломки подобныхъ костей, то, по всей вѣроятности, это — случайные переломы. Наоборотъ, почти всѣ кости медвѣдя и бизона разломаны на куски поперекъ, рѣдко по длинѣ.

Между тѣмъ, какъ въ долинѣ Соммы одни только кремневыя орудія, хотя и грубыя, но носящія весьма правильные и однообразные слѣды обра-

ботки для опредѣленной цѣли, свидѣтельствуютъ о жизни дилювіальнаго человѣка, находки въ Таубахѣ даютъ нѣсколько болѣе точную картину его жизненныхъ и культурныхъ условій. То, что предполагалось послѣ первыхъ находокъ, подтвердилось здѣсь. Въ межледниковомъ періодѣ мы застаемъ въ Таубахѣ по старому руслу Ильма, который, вслѣдствіе застоя воды, образовалъ здѣсь родъ пруда, человѣческое поселеніе. Огромное число костей, представляющихъ отбросы послѣ ѣды, и масса угля доказываютъ, что здѣсь жили въ теченіе долгаго времени. На самомъ берегу устроены были очаги — грубыя постройки изъ камней, которые безъ труда доставляла окрестность. Здѣсь поджаривали въ горячей золѣ мясо убитыхъ животныхъ, зубра, медвѣдя, а также слона и носорога. Такъ дѣлаютъ и теперь еще дикари, стоящіе на ступени огнеземельцевъ и первобытныхъ народовъ центральной Бразиліи. Для этого не требуется никакой посуды: заостренный прутъ, тонкая палка съ острымъ концомъ достаточны для поворачиванія и выниманія кусковъ мяса. При этомъ зола, пропитанная мяснымъ сокомъ, замѣняетъ соль и другія приправы. Мясо рѣзалось каменными ножами, и на костяхъ встрѣчаются еще порою слѣды надрѣзовъ, которые можно приписать этимъ инструментамъ. Для разсѣченія большихъ кусковъ мяса служилъ крѣпкій и весьма удобный инструментъ, медвѣжья нижняя челюсть съ ея сильнымъ клыкомъ; ею же пользовались для разбиванія костей съ цѣлью извлеченія костнаго мозга. Какъ ни жалко, повидимому, оружіе, остатки котораго найдены нами, но кухонные отбросы показываютъ, что дилювіальный человѣкъ Таубаха все-таки былъ въ состояніи убивать не только бизона и медвѣдя, но даже гигантскихъ животныхъ, слона и носорога, молодыхъ и взрослыхъ. Слѣдовательно, и въ то время, какъ нынѣ, человѣкъ былъ господиномъ даже гигантскихъ животныхъ формъ, которыя далеко превосходятъ его механическою силою тѣла. Съ первой минуты, какъ человѣкъ предсталъ предъ нами, мы видимъ вмѣстѣ съ тѣмъ проявленія духа его, дающія ему перевѣсъ надъ силою самыхъ мощныхъ животныхъ. Изъ находокъ въ долинѣ Соммы видно, что дилювіальный человѣкъ обладалъ уже въ качествѣ оружія, кромѣ ножа, копьемъ, кинжаломъ и топоромъ. Клинки дѣлались изъ камня. Сравнительно малые клинки Таубахскихъ каменныхъ орудій носятъ, правда, тотъ же характеръ, что и каменныя орудія Аббевиля и Амьена, но, какъ мы уже замѣтили, они пригодны, главнымъ образомъ, для ножей, скребковъ, наконечниковъ стрѣлъ и кинжаловъ, но слишкомъ слабы, какъ оружіе для охоты за столь крупными животными. Поэтому нужно думать, что охота носила скорѣе характеръ ловли съ помощью западней, какъ это и теперь еще практикуется въ мѣстахъ, гдѣ охотничьи племена, обладающія плохимъ оружіемъ, охотятся за крупными животными. Кухонные отбросы доказываютъ также, что поселеніе у Ильмскаго пруда близъ Таубаха было постоянное, что охотники возвращались къ нему послѣ своихъ охотничьихъ экскурсій и приносили сюда добычу и трофеи, поскольку они оказывались удобопереносимыми. Однако, всякіе слѣды домашнихъ животныхъ отсутствуютъ. Они не могли бы совершенно исчезнуть, такъ же, какъ и слѣды глиняной посуды, которая еще труднѣе разрушается, чѣмъ кости, и въ этомъ отношеніи можетъ быть поставлена на ряду съ каменною утварью. Не найдено также слѣдовъ горшечныхъ черепковъ.

Находки въ долинѣ Соммы и близъ Таубаха имѣютъ неоцѣненное значеніе, какъ вѣрныя, неоспоримыя доказательства въ пользу европейскаго дилювіальнаго человѣка. Но въ отношеніи богатства матеріала для психической характеристики человѣка, въ первомъ доказанномъ періодѣ его существованія, онѣ во многомъ и значительно уступаютъ находкамъ у Шуссенскаго источника. Эти находки были лично сдѣланы и описаны знаменитымъ геологомъ Оскаромъ Фраасомъ, который признаетъ описаніе этого важнѣйшаго и наилучше изслѣдованнаго мѣстона-

хожденія ледниковаго человѣка существеннымъ вкладомъ въ культурную исторію человѣка ледниковой эпохи.

Геогностическое расположеніе мѣста находокъ на одной изъ наиболѣе выдвинувшихся моренъ верхне-швабской плоской возвышенности доказываетъ, что оно принадлежитъ тому періоду ледниковой эпохи, когда морены глетчеровъ продвинулись до крайняго возможнаго предѣла. На этомъ основаніи мы можемъ помѣстить названныя находки на границѣ между ледниковымъ и послѣледниковымъ періодомъ. Все свидѣтельствуетъ еще объ условіяхъ жизни высокаго сѣвера. Такимъ образомъ, находки у Шуссенскаго источника геологически гораздо новѣе, чѣмъ находки близъ Таубаха. Онѣ представляютъ типическій примѣръ такъ наз. періода сѣвернаго оленя конца дилювія.

По описанію Оскара Фрааса, слой съ культурными остатками представляется безспорно нетронутымъ, и заключенные въ немъ палеонтологическіе предметы ясно свидѣтельствуютъ о глубокой геологической древности ихъ. Онъ былъ прекрасно защищенъ природою. На самомъ верху лежитъ торфъ, который во всей области, на протяженіи многихъ миль, покрываетъ низменности и образуетъ широкія болота Верхней Швабіи, изъ которыхъ не выдаются никакія другія формаціи, кромѣ наносныхъ хрящевыхъ валовъ дилювіальныхъ ледниковъ. Подъ торфомъ лежитъ пластъ известковаго туфа въ 4—5 фут. толщины; это — прѣсноводное образованіе, отложившееся изъ водяныхъ источниковъ, которые сливаются здѣсь въ источникъ Шуссенъ. Подъ этимъ защитительнымъ покровомъ изъ туфа найдены были остатки ледниковаго періода и ледниковаго человѣка. Туфъ покрывалъ темно-бурый слой мха съ зеленоватымъ оттѣнкомъ; подъ этимъ мхомъ, который превосходно сохранился, лежалъ ледниковый наносъ. Мохъ былъ сильно пропитанъ водою и влажнымъ пескомъ. Въ немъ заключалось наслѣдіе ледниковаго человѣка,—все лежало здѣсь въ кучѣ, свѣжимъ и сохранившимся, какъ будто кто-то очень недавно сложилъ здѣсь эти вещи. Вязкій чернобурый илъ наполнялъ мохъ и песокъ, а также мельчайшіе промежутки въ оленьихъ рогахъ и костяхъ, распространяя плѣсневый запахъ. Для ледниковаго человѣка это мѣсто служило ямою для отбросовъ. Рядомъ съ костями и костными осколками убитыхъ и съѣденныхъ человѣкомъ животныхъ, рядомъ съ остатками угля и золою, закопченными отъ дыма очагами и слѣдами огня, здѣсь лежали въ безпорядкѣ многочисленные ножи, наконечники стрѣлъ и копій изъ кремня и разнообразнѣйшія ручныя работы изъ роговъ сѣвернаго оленя (см. рис. 7—9 табл. „Палеол. древн.“). Все это находилось въ плоской ямѣ, имѣвшей только 4—5 фут. глубины и протяженіе въ 40 кв. саж., въ чистѣйшемъ ледниковомъ наносѣ, при чемъ было очевидно, что костяныя орудія и кости были обязаны своимъ превосходнымъ сбереженіемъ одной только водѣ, которая могла держаться во мху и въ пескѣ. Мохъ представлялъ собою какъ бы пропитанную водою губку, которая герметически закрывала свое содержимое отъ всякаго доступа воздуха, и сохранилъ въ своихъ вѣчно влажныхъ нѣдрахъ то, что ему было ввѣрено тысячи лѣтъ тому назадъ.

Подъ торфомъ и туфомъ Шуссенскаго источника мы находимъ только типъ чисто сѣвернаго климата съ исключительно сѣверной флорой и сѣверной фауной. Всѣ домашнія животныя отсутствуютъ, даже собака; точно также мы не встрѣчаемъ здѣсь костей оленя, косули, серны, каменнаго козла. Все соотвѣтствуетъ сѣверному климату, какъ онъ теперь начинается въ горизонтали подъ 70° с. ш. Мы видимъ Верхнюю Швабію, покрытую моренами и тающими ледниками, воды которыхъ промываютъ глетчерный песокъ въ поросшихъ мхомъ лужицахъ. Передъ нами тянутся громадные ковры гренландскаго мха, покрывающіе влажный песокъ. Между наносными валами глетчеровъ мы должны представить себѣ обширныя зеленыя пастбища, которыя достаточно велики, чтобы прокормить кочующія

тамъ стада сѣвернаго оленя, какъ мы это видимъ и въ настоящее время въ Гренландіи или на границѣ лѣсовъ Сибири и Норвегіи. Здѣсь же находятся границы опасныхъ для сѣвернаго оленя хищниковъ, россомахи и волка и, въ меньшей степени, медвѣдя и полярной лисицы.

На этой то сценѣ появляется, согласно Фраасу, человѣкъ ледниковаго періода. По всей вѣроятности, онъ занимался охотой и проводилъ на охотѣ за сѣвернымъ оленемъ извѣстное время (и, вѣроятно, только лучшее время года) на границѣ льда и снѣга. Правда, мѣстонахожденіе, которое разсказываетъ намъ о его жизни и дѣятельности, есть не болѣе, какъ яма для отбросовъ. Поэтому здѣсь изъ человѣческихъ издѣлій не попадалось ничего цѣннаго, а только обломки и отбросы промышленности и кухни. Кухонные отбросы преобладали: сюда относятся, кромѣ золы и угля, главнымъ образомъ, вскрытые костно-мозговые каналы и разбитые черепа дичи. Ни одна изъ найденныхъ здѣсь костей не представляетъ слѣдовъ иного инструмента, кромѣ камня. На камень клали кость и камнемъ разбивали ее. Такого рода камни для разбиванія попадаются въ огромномъ числѣ. Это были исключительно подобранные на мѣстѣ полевые камни, изъ которыхъ отдавалось предпочтеніе красиво окатаннымъ кварцевымъ желвакамъ, величиною въ мужской кулакъ. Другіе были нѣсколько грубо обработаны, имѣли форму палицы и родъ рукоятки, которая получается при разламываніи большихъ кусковъ на половину случайно, на половину умышленно. Попадались и болѣе крупные камни, пластинки гнейса въ 1—2 кв. фута, сланцевые альпійскіе известняки, грубыя глыбы изъ той или другой горной породы, которыя служили, быть можетъ, орудіями убоя или очагами, такъ какъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ замѣчались слѣды огня. Всѣ эти камни болѣе или менѣе почернѣли отъ угля. Среди всѣхъ почернѣвшихъ камней и слоевъ угля и золы не встрѣчалось ни одного осколка глиняной посуды. Для нѣкоторыхъ потребностей ее, вѣроятно, замѣняли небольшіе куски сланца и пластинки песчаника, найденныя обожженными въ огнѣ.

Кремневыя орудія, какъ и въ Таубахѣ и долинѣ Соммы, попадаются исключительно только оббитыя, безъ шлифовки. У Шуссенскаго источника для изготовленія каменныхъ орудій точно также употреблялись лишь сравнительно небольшіе куски цѣннаго сырого матеріала. Поэтому здѣсь, какъ и въ Таубахѣ, встрѣчается, главнымъ образомъ, третья главная форма каменныхъ орудій, по Ляйелю, форма ножей или осколковъ. Ихъ можно раздѣлить на двѣ группы: на заостренные ланцетовидные ножи и на притупленные камни, имѣющіе форму пластинки пилы; первые служили, какъ клинки ножей и кинжаловъ и какъ наконечники стрѣлъ и копій; послѣдніе представляли клинки ручныхъ инструментовъ, которые были необходимы для обработки рога сѣвернаго оленя. Болѣе крупныя орудія имѣли 3—4 сант. ширины и 8—9 сант. длины; большинство ихъ было гораздо меньше: въ среднемъ, преобладали куски въ 4 сант. длины и только въ 1 сант. ширины. Различные кремневые клинки для употребленія, повидимому, вправлялись въ рукоятки и ручки изъ рога сѣвернаго оленя; попадаются многочисленные куски, которые можно принять только за подобныя ручки, готовыя или въ началѣ обработки. Кромѣ того, за недостаткомъ крупныхъ кремней, изъ рога сѣвернаго оленя вырѣзывались многочисленные предметы утвари, оружіе и инструменты для цѣлей охоты и обихода повседневной жизни. Фраасъ самымъ точнымъ образомъ выяснилъ техническіе пріемы, которые примѣнялись при изготовленіи предметовъ изъ рога сѣвернаго оленя. Мы съ изумленіемъ видимъ, что ледниковый человѣкъ Швабіи управлялъ своими несовершенными ножами и пилами вполнѣ въ духѣ современной техники. Взглядъ на рис. 10 табл. „Палеол. древн.“ даетъ намъ представленіе о способѣ обработки и о различныхъ формахъ изготовляемыхъ предметовъ. Первое мѣсто занимаетъ оружіе,—напр., длинные за-

остренные костяные кинжалы; затѣмъ встрѣчаются шила, деревянныя спицы для вязанія, наконечники стрѣлъ съ зазубренными желобками, которые могли быть предназначены для яда. Встрѣчаются еще поперечные желобки, служившіе, вѣроятно, для прикрѣпленія нитеобразнаго связующаго матеріала; они показываютъ, что шуссенридцы умѣли, подобно нынѣшнимъ лопарямъ, скручивать нитки изъ сухожилій убитыхъ оленей. Нѣкоторые надрѣзы имѣютъ, вѣроятно, значеніе орнаментовъ. Формы костяной утвари свидѣтельствуютъ о несомнѣнномъ пониманіи симметріи и вообще объ извѣстномъ вкусѣ: таковы, напр., кинжалъ съ просверленнымъ утолщеніемъ, быть можетъ, для того, чтобы можно было вѣшать его, и тщательно вырѣзанная большая удочка. Куски изъ рога, выдолбленные на подобіе желоба или въ формѣ ложки, О. Фраасъ принимаетъ за кухонную утварь и посуду для ѣды; быть можетъ, они служили также, подобно каменнымъ скребкамъ, найденнымъ въ долинѣ Соммы, для извѣстныхъ техническихъ цѣлей, напр., для обработки шкуръ съ цѣлью изготовленія платья и палатокъ. Просверленный въ двухъ мѣстахъ кусокъ рога молодого сѣвернаго оленя изображаетъ аппаратъ для натягиванія луковъ; современные эскимосы пользуются для натягиванія своихъ луковъ аналогичными снарядами, большею частью, снабжая ихъ украшеніями. Роговой стволъ сѣвернаго оленя съ глубоко начертанными надрѣзами Фраасъ называетъ **бирками** (см. рис. 11 табл. „Палеол. древн.“). Надрѣзы эти представляютъ частью простые штрихи, врѣзанные на 2 мм. глубины, частью главныя черты, соединенныя по двѣ болѣе тонкими штрихами. „Штрихи эти“, говоритъ О. Фраасъ, „очевидно, числовые знаки, родъ замѣтокъ, напр., относительно убитыхъ сѣверныхъ оленей и медвѣдей, или вообще какая-нибудь запись“. Въ числѣ найденныхъ предметовъ были также кусочки красной краски величиною съ орѣхъ. Краска эта получалась разламываніемъ и промываніемъ глинистаго желѣзняка, быть можетъ, смѣшиваемаго еще съ жиромъ сѣвернаго оленя до образованія густого тѣста. Краска эта растиралась, какъ масло, между пальцами, была жирна на ощупь и окрашивала кожу въ интенсивный красный цвѣтъ. Вѣроятно, она прежде всего служила для разрисовыванія тѣла.

Шуссенридцы ледниковаго періода, на основаніи этихъ находокъ, были рыболовы и охотники, не знавшіе ни собаки, ни домашнихъ животныхъ, ни земледѣлія, ни горшечнаго производства. Но они умѣли разводить огонь и пользоваться имъ для варки пищи, могли убить дикаго сѣвернаго оленя и медвѣдя, а также другихъ животныхъ, встрѣчавшихся въ районѣ ихъ охоты. Стрѣла ихъ настигала лебедя, удочка доставала рыбу изъ глубины водъ. Далѣе, они умѣли выбивать изъ кремня оружіе и орудія, съ помощью которыхъ весьма искусно обрабатывали рогъ сѣвернаго оленя. Слѣды связующаго матеріала указываютъ на пользованіе нитками, которыя, вѣроятно, изготовлялись изъ сухожилій сѣвернаго оленя. При помощи иголъ плелись лесы для удочекъ. Нитки и тонко заостренныя колющія орудія указываютъ на искусство шитья. Одежда, вѣроятно, состояла изъ шкуръ убитыхъ животныхъ. Къ этому достовѣрному научному матеріалу, исходящему изъ безспорно нетронутыхъ дилювіальныхъ пластовъ, **другія страны** не прибавили до сихъ поръ ничего, что̀ могло бы существенно расширить наши знанія о дилювіальномъ человѣкѣ. Тѣмъ не менѣе, нельзя не упомянуть здѣсь о многочисленныхъ другихъ мѣстонахожденіяхъ палеолитическихъ, т. е. грубо оббитыхъ кремневыхъ орудій, которыми несомнѣнно пользовался дилювіальный человѣкъ. Они извѣстны въ сѣверной, средней и южной Франціи, южной Англіи, въ лёссѣ Тиде близъ Брауншвейга, въ нижней Австріи, Моравіи, Венгріи, Италіи, Греціи, Испаніи, Португаліи, сѣверной Африкѣ и Россіи.

Особенно важно, что аналогичныя кремневыя орудія были найдены вмѣстѣ съ вымершими наземными млекопитающими въ слоистомъ дилювіи

долины Нербудды въ южной Индiи, такъ какъ болѣе чѣмъ вѣроятно, что дилювiальный человѣкъ проникъ на нашъ материкъ вмѣстѣ съ дилювiальными животными, переселившимися изъ Азiи въ Европу. На основанiи результатовъ палеонтологическаго изслѣдованiя нельзя также отвергать возможности, что во время дилювiя человѣкъ проникъ вмѣстѣ съ мамонтомъ изъ сѣверной Азiи въ Сѣверную Америку. Это объясняетъ безъ всякой натяжки тѣсное физическое соотношенiе между американской и великой азiатской (монголоидной) человѣческой расой.

Въ Сѣверной Америкѣ каменныя орудiя палеолитической формы были найдены въ дилювiальныхъ слояхъ, и то же самое относится, какъ мы видѣли, къ Южной Америкѣ. Лучшими находками признаются тамъ тѣ, которыя сдѣлалъ Амегино въ пампасовой формацiи Аргентины. Здѣсь были найдены во множествѣ вскрытыя, обработанныя и обожженныя трубчатыя кости и челюсти оленя, глиптодонта, мастодонта и токсодонта вмѣстѣ съ кремневыми орудiями палеолитическаго характера. Сантъ-Яго Ротъ, который участвовалъ вь этихъ изслѣдованiяхъ, предполагаетъ, что ископаемый человѣкъ въ Южной Америкѣ при случаѣ пользовался панцыремъ гигантскихъ броненосцевъ, какъ жилищемъ. Несомнѣнно, однако, что въ отношенiи культурнаго достоянiя южно-американецъ не уступаетъ европейскому ископаемому человѣку: онъ употребляетъ типы каменнаго оружiя и орудiй, извѣстные въ Европѣ, обрабатываетъ кости, пользуется огнемъ для варки пищи, питается животной пищей и особенно любитъ жиръ и костный мозгъ.

b) Пещерныя находки.

Къ той картинѣ человѣческой дѣятельности, которую возстановляютъ находки въ однородныхъ отложенiяхъ слоистаго дилювiя строго опредѣленной давности, едва ли прибавятъ что-либо совершенно новое результаты находокъ въ костеносныхъ пещерахъ. Правда, онѣ несравненно болѣе обильны, но и гораздо менѣе достовѣрны въ смыслѣ опредѣленiя давности. По мнѣнiю Циттеля, „доказательность пещеръ, къ сожалѣнiю, умаляется тѣмъ, что мы, обыкновенно, не можемъ въ точности опредѣлить, во-первыхъ, какъ очутились въ нихъ найденные предметы, и, во-вторыхъ, начало и давность нахожденiя ихъ тамъ; кромѣ того, позднѣйшiе обитатели часто смѣшивали свои остатки съ наслѣдiемъ предшественниковъ“. Это сомнѣнiе выступаетъ особенно сильно по отношенiю къ вопросу о современности человѣка съ вымершими животными древнѣйшихъ дилювiальныхъ перiодовъ, доледниковаго и межледниковаго. Наоборотъ, мы можемъ считать во многихъ случаяхъ вполнѣ точно установленнымъ пребыванiе человѣка въ пещерахъ въ перiодѣ сѣвернаго оленя. Согласно Циттелю, древнѣйшiя человѣческiя жилища въ пещерахъ, скалистыхъ углубленiяхъ и рѣчныхъ низменностяхъ Европы принадлежатъ, большею частью, перiоду сѣвернаго оленя, второму ледниковому и особенно послѣледниковому перiоду. Въ нѣкоторыхъ пещерахъ, особенно хорошо изученныхъ, напр., въ пещерахъ и скалистыхъ углубленiяхъ въ Перигорѣ, а равно въ палеолитическихъ слояхъ пещеръ близъ Шафгаузена, находки изъ перiода сѣвернаго оленя выступаютъ въ замѣчательной чистотѣ, безъ всякихъ примѣсей.

Въ пещерахъ, въ ясно ограниченныхъ слояхъ съ находками дилювiальнаго человѣка, мы точно также не встрѣчаемъ ни одного домашняго животнаго, никакой глиняной посуды, никакихъ слѣдовъ горшечныхъ черепковъ. Въ пещерѣ Голефельса, въ долинѣ швабскаго Аха, Оскаръ Фраасъ открылъ множество экземпляровъ нижней челюсти пещернаго медвѣдя и доказалъ съ положительностью, что послѣдняя употреблялась какъ оружiе и для рубки мяса вмѣсто топора; многiя кости, найденныя тутъ-же, какъ остатки прежнихъ обѣдовъ, носятъ несомнѣнные слѣды ея въ видѣ пробитыхъ круглыхъ дыръ съ загнутымъ внутрь краемъ (см. рис. 12 табл. „Палеол. древн.“).

Какъ новый видъ утвари, мы встрѣчаемъ здѣсь сосудъ для питья или черпанья, сдѣланный изъ задней части черепа сѣвернаго оленя. Новымъ инструментомъ является тонкая швейная игла съ ушкомъ изъ трубчатой кости лебедя; такія же иглы были найдены во множествѣ въ пещерахъ Перигора. Точно такъ же найденные въ пещерахъ, просверленные для подвѣшиванія зубы дикой лошади и нижняя челюсть дикой кошки, служившіе украшеніемъ или амулетомъ, неизвѣстны, повидимому, до сихъ поръ въ слоистомъ дилювіи. Такъ какъ обоихъ этихъ животныхъ позднѣйшая германская эпоха связываетъ съ миѳами и волшебствомъ, то мы вправѣ предполагать аналогичныя первоначальныя религіозныя представленія у древнихъ пещерныхъ обитателей. Въ слоѣ періода сѣвернаго оленя близъ Шафгаузена Нюешъ нашелъ музыкальный инструментъ, „оленью дудку“, и просверленныя раковины, служившія предметами украшенія. Находки во французскихъ пещерныхъ мѣстностяхъ показываютъ, что въ этихъ главныхъ мѣсторожденіяхъ кремня — гдѣ кремень легко добывался, гдѣ имѣлся весьма подходящій матеріалъ, изъ котораго легко было выдѣлывать болѣе совершенное оружіе и орудія — человѣкъ уже во время дилювія имѣлъ возможность окружить свою жизнь большими удобствами, о которыхъ не могло быть рѣчи въ грубомъ, бѣдномъ кремнемъ, первобытномъ германскомъ лѣсу съ его болотами и трясинами. И если сравнить маленькіе, подчасъ крошечные ножики и кремневые осколки изъ германскихъ мѣстонахожденій съ огромными топорами и наконечниками копій французскихъ мѣстностей, то само собою дѣлается ясно, насколько въ первыхъ труднѣе давалась жизнь человѣку. Сколько силъ онъ долженъ былъ затрачивать, чтобы вырѣзать изъ кости и рога оружіе и утварь, тогда какъ въ упомянутыхъ мѣстностяхъ, богатыхъ кремнемъ, это достигалось съ меньшей затратою труда и времени, причемъ вещи получались гораздо болѣе изящныя и прочныя! При такомъ освѣщеніи изобиліе кремня является немаловажнымъ культурнымъ элементомъ описываемаго періода. Въ мѣсторожденіяхъ кремня не только каменныя орудія лучше обработаны, и оружіе и инструменты въ большей степени соотвѣтствуютъ своему назначенію, но вмѣстѣ съ тѣмъ развивается вкусъ и наклонность къ украшеніямъ и орнаментамъ и начинаетъ даже проявляться художественный талантъ.

Изъ предметовъ украшенія (см. рис. 13—19 табл. „Палеол. древн.“) находятъ просверленные лошадиные и медвѣжьи зубы, а также просверленные зубы дикаго рогатаго скота, каменнаго козла и сѣвернаго оленя. Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть въ числѣ пещерныхъ находокъ плавиковые шпаты, которые отличаются красивымъ цвѣтомъ. Костяныя орудія отличаются во многихъ случаяхъ художественной отдѣлкой. Даже въ правильномъ способѣ откалыванія каменныхъ клинковъ — какъ въ знаменитыхъ экземплярахъ типа Солютре и одномъ экземплярѣ, открытомъ среди дилювіальныхъ находокъ въ Офнетской пещерѣ близъ Нёрдлингена — мы можемъ уловить стремленіе украшать плоскія поверхности раковистыми изломами. Въ позднѣйшемъ каменномъ вѣкѣ изъ этого выработался красивый орнаментъ въ видѣ рыбьяго скелета, который украшаетъ наиболѣе изящные экземпляры кремневыхъ кинжаловъ и наконечниковъ копій. Орнаментальныя бороздки на снабженныхъ многочисленными зазубринами наконечникахъ гарпунъ произошли, быть можетъ, изъ желобковъ для яда. Въ другихъ случаяхъ ленточные орнаменты, крестообразно расположенные на срединномъ стержнѣ наконечника гарпуны, воспроизводятъ перекрещивающіяся нити, при помощи которыхъ укрѣплялись на стержнѣ кремневые осколки въ качествѣ наконечниковъ и крючковъ. Мы знаемъ подобнаго рода экземпляры изъ позднѣйшихъ культурныхъ періодовъ. Гарпуны дилювіальныхъ людей чрезвычайно сходны съ гарпунами эскимосовъ и огнеземельцевъ.

Жизнь въ пещерахъ, гротахъ и подъ скалистыми навѣсами вблизи рѣки отнюдь не можетъ быть названа жалкою. Лёббокъ и Бойдъ Доукинсъ

съ изумленіемъ разсказываютъ о дилювіальныхъ культурныхъ остаткахъ, въ изобиліи накопившихся въ пещерахъ на берегахъ Везеры. Предметы, оставленные бывшими обитателями пещеръ, столь же наглядно изображаютъ жизнь человѣка въ ту отдаленную эпоху, какъ засыпанные города Геркуланумъ и Помпея — нравы и обычаи обитателей Италіи въ I вѣкѣ по Р. Х. Почва, на которой здѣсь нѣкогда обитали люди, состоитъ, повидимому, вся изъ обломковъ костей животныхъ, убитыхъ на охотѣ, смѣшанныхъ съ грубою утварью, съ оружіемъ изъ кости и неполированнаго камня, съ углемъ и большими обгорѣлыми камнями, обозначающими мѣсто бывшихъ очаговъ. Кремни, осколки безъ числа, грубыя каменныя массы, шила, наконечники копій, молоты, пилы изъ кремня или роговика пестро перемѣшаны съ костяными иглами, рѣзными издѣліями изъ рога сѣвернаго оленя, наконечниками стрѣлъ, гарпунами, заостренными кусками роговъ и костями. А рядомъ съ ними обломки костей животныхъ, служившихъ пищей — сѣвернаго оленя, зубра, лошади, каменнаго козла, сайги-антилопы, мускуснаго быка и др. Мѣстами все это склеено при помощи известковаго натека въ одну твердую массу. Сѣверный олень служилъ главной пищей. По всей вѣроятности, онъ жилъ тогда большими стадами въ средней Франціи и притомъ въ дикомъ состояніи: здѣсь, какъ и у Шуссенскаго источника, мы не встрѣчаемъ никакихъ слѣдовъ собаки.

Среди этого множества культурныхъ остатковъ изслѣдователи были поражены и настоящими произведеніями искусства, сдѣланными рукою дилювіальнаго человѣка и доказывающими, что мысль его возвысилась до способности объективнаго воспроизведенія природы въ рисункахъ и пластическихъ изображеніяхъ. Первыя находки такихъ произведеній искусства открыты въ пещерахъ Перигора (см. рис. 23—27 табл. „Палеол. древн.“). Это, во-первыхъ, изображенія, вырѣзанныя на камнѣ, оленьей кости или кускахъ оленьяго рога. Въ большинствѣ очень наивные, они иногда весьма жизненны, реальны. Большею частью, они представляютъ животныхъ, а иногда и людей. Во-вторыхъ, находили пластическія изображенія, вырѣзанныя изъ оленьяго рога, костей или зубовъ. Попадается также рѣзьба и пластическія вещи изъ слоновой кости. Такъ, въ числѣ пещерныхъ раскопокъ Дордоньи находится изображеніе рыбы, вырѣзанное на цилиндрическомъ кускѣ оленьяго рога. Далѣе, на выдолбленномъ кускѣ оленьяго рога вырѣзаны голова и грудь животнаго, похожаго на каменнаго козла. Изображенія лошадей вѣрно воспроизводятъ взъерошенную гриву, растрепавшійся хвостъ и несоразмѣрно большую голову дикой дилювіальной лошади. Среди пластическихъ рѣзныхъ издѣлій первое мѣсто по красотѣ занимаетъ рукоятка длиннаго хорошо сохранившагося кинжала, вырѣзаннаго изъ оленьяго рога; на ней изображенъ только что убитый молодой олень въ тотъ самый моментъ, когда онъ опускается, и положеніе животнаго искусно приспособлено къ ограниченному пространству рукоятки. На другой рукояткѣ представлена голова мускуснаго быка. На одномъ, двойномъ изображеніи мы видимъ на одной сторонѣ головку косули, а на другой головку зайца, съ отвернутыми въ сторону ушами. Рѣзьба на камнѣ, кости сѣвернаго оленя и кускахъ оленьяго рога, отчасти несомнѣнно подлинная, найдена также въ Кесслеровой ямѣ и въ слоѣ сѣвернаго оленя близъ Шафгаузена.

Въ числѣ подобныхъ экземпляровъ наиболѣе заслуживаютъ вниманія изображенія, на которыхъ воспроизводится какое-нибудь историческое событіе. Особенно интересна, напр., группа, состоящая изъ двухъ лошадиныхъ головъ и одной, повидимому, обнаженной человѣческой фигуры, въ правой рукѣ которой находится нѣчто вродѣ длинной палки или копья, а рядомъ дерево, изогнутое почти змѣеобразно, — очевидно, за недостаткомъ мѣста; судя по направленію параллельныхъ штриховъ, соотвѣтствующихъ вѣтвямъ, нужно полагать, что это — сосна или ель. Къ этому дереву при-

мыкаетъ рядъ горизонтальныхъ и вертикальныхъ штриховъ, которые изображаютъ, повидимому, родъ плетня или изгороди. На другой сторонѣ того же цилиндра изображены двѣ головы зубра. Это изображеніе передаетъ, безъ сомнѣнія, цѣлую исторію: мы имѣемъ передъ собою образное письмо совершенно въ томъ же духѣ, какъ у сѣверо-американскихъ индѣйцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ уже въ этомъ изображеніи переходъ къ сокращенному образному письму: вмѣсто цѣлыхъ животныхъ, лошадей, быковъ, изображаются однѣ головы. Палочки австралійцевъ имѣютъ извѣстное сходство съ ними, и Бастіанъ справедливо считаетъ это началомъ письма.

Всѣ эти находки, если мы правильно поняли ихъ, доказываютъ, подобно „биркамъ" Шуссенскаго источника и „вѣстовымъ палочкамъ" изъ пещеръ Дордоньи, что искусство счисленія, начало письменъ и первыя проявленія искусства вообще вмѣстѣ съ другими элементами первобытной культуры восходятъ вплоть до дилювіальнаго періода.

„Ни одно изъ тѣхъ животныхъ, остатки скелетовъ которыхъ мы находимъ въ дилювіальныхъ слояхъ нашихъ пещеръ", говоритъ Оскаръ Фраасъ, „не было приручено на пользу человѣка." Онъ былъ совершенно одинокъ въ ихъ враждебной сферѣ и умѣлъ только убивать ихъ и поддерживать свою жизнь, питаясь ихъ мясомъ, кровью и костнымъ мозгомъ. Физическая сила мало помогала человѣку въ борьбѣ за существованіе, такъ какъ, за немногими исключеніями, убитыя животныя были несравненно сильнѣе его. Даже съ помощью пороха и свинца не легко убить слона, носорога, сѣраго медвѣдя и зубра или поймать быстроногаго сѣвернаго оленя и лошадь. Здѣсь нужно было дѣйствовать умственнымъ превосходствомъ, ловить минуту, когда животное не на сторожѣ, настигать его внезапно или ловить въ силки и ямы. Тѣмъ большее изумленіе вызываетъ въ насъ дикарь европейскаго дилювіальнаго періода. Онъ былъ въ числѣ первыхъ, которые въ суровой борьбѣ съ жизнью закалили человѣческій умъ и этимъ положили начало всякому дальнѣйшему развитію въ смыслѣ культурнаго прогресса." И среди этой-то бѣдной жизни все-таки могъ развиться вкусъ къ маленькимъ радостямъ и украшеніямъ жизни, какъ доказываетъ красивая рѣзьба и украшенія на оружіи и утвари. Развился даже вкусъ къ красотамъ природы, а съ нимъ и способность воспроизводить ихъ.

Костяныя иглы съ ушкомъ и тонкія шила свидѣтельствуютъ объ искусствѣ шитья. Многочисленные скребки изъ кремня или кости доказываютъ, что дилювіальный человѣкъ умѣлъ обрабатывать шкуры для изготовленія одежды и употреблялъ при этомъ способъ, и нынѣ еще употребительный у эскимосовъ и индѣйцевъ дальняго сѣвера. Прядильное искусство, повидимому, еще не существовало. Но плетеніе и скручиваніе бичевокъ были, очевидно, извѣстны и тогда. Конечно, ни плетенія, ни бичевки не могли сохраниться, но они оставили вдавленія и борозды на костяной и роговой утвари и ясно изображены въ видѣ первобытныхъ орнаментальныхъ украшеній на оружіи и утвари дилювіальной эпохи. Гончарное искусство не было извѣстно дилювіальному человѣку. Даже въ наше время, какъ извѣстно, выдѣлываніе глиняной посуды не составляетъ общей потребности человѣчества. Мѣхъ, изготовленный изъ шкуры мелкаго животнаго, снятой, по возможности, въ цѣлости, замѣняетъ, обыкновенно, большіе сосуды; жидкости могутъ держаться нѣкоторое время въ плотно сплетенныхъ корзинахъ. Техника плетенія была извѣстна дилювіальному человѣку. Въ пользу этого говорятъ упомянутые орнаменты на оружіи и утвари, иглы для плетенія, найденныя у Шуссенскаго источника, и, наконецъ, упомянутая выше „вѣстовая палочка", на которой, повидимому, изображена изгородь, сплетенная изъ вѣтвей и вѣтокъ или лѣтнее жилище первобытнаго человѣка. Къ этому культурному достоянію, которое, главнымъ образомъ, основано на знакомствѣ съ цѣлесообразнымъ оружіемъ и утварью, присоединяется еще искусство рѣзьбы и вырѣзыванія различныхъ воспро-

изведеній природы. Отсюда вытекаетъ стремленіе фиксировать историческіе моменты въ формѣ сокращенныхъ образныхъ воспроизведеній съ цѣлью передачи другимъ: это — начало образнаго письма. Бирки знакомятъ съ методомъ изображенія чиселъ: большею частью, онѣ состоятъ изъ одного штриха; два штриха, соединенные при помощи черты, изображаютъ высшій числовой знакъ. Слѣды строительнаго искусства не встрѣчаются, если не считать за таковые очаги, сложенные изъ грубыхъ камней. Не найдены также могильныя постройки, которыя можно было бы отнести къ той первобытной эпохѣ.

c) Палеолитическіе люди нашего времени.

Культурное достояніе дилювіальнаго человѣка и весь образъ жизни его не представляетъ что-либо чуждое современному человѣчеству и не выходитъ изъ тѣхъ предѣловъ, въ которыхъ вращается нынѣшній человѣкъ. Европейскій путешественникъ, который натолкнулся бы нынѣ гдѣ нибудь на границѣ вѣчнаго льда, близъ сѣвернаго или южнаго полюса земного шара, на группу дилювіальныхъ людей, не встрѣтилъ бы ничего необычайнаго, не имѣющаго аналогіи. Онъ могъ бы даже объясняться съ ними при помощи образнаго письма и вступить въ торговыя сношенія при посредствѣ бирокъ.

За предѣлами высокой культуры и особенно въ крайнихъ климатическихъ условіяхъ образъ жизни человѣка обусловливается почти исключительно окружающею обстановкою и возможностью добыванія пищи. Эскимосы, которые живутъ, какъ нѣкогда жилъ дилювіальный человѣкъ средней Европы, на границѣ вѣчнаго льда вмѣстѣ съ переселившимися туда дилювіальными животными, сѣвернымъ оленемъ, мускуснымъ быкомъ, медвѣдемъ, полярной лисицей и проч. обречены, подобно ему, на охоту и рыбную ловлю и почти исключительное питаніе мясомъ и жиромъ, такъ какъ о земледѣліи и содержаніи стадъ домашнихъ животныхъ тамъ не можетъ быть и рѣчи. Кухонные отбросы ихъ совершенно сходны съ дилювіальными. До знакомства съ успѣхами культуры современной Европы они пользовались — нѣкоторые дѣлаютъ это и теперь вслѣдствіе пристрастія или суевѣрныхъ представленій — камнями и костями, а также плавучимъ лѣсомъ для изготовленія оружія и утвари. Для связыванія они употребляли нитки, скрученныя изъ сухожилій животныхъ, и при помощи ихъ сшивали свою одежду и укрѣпляли гарпуны и стрѣлы, которыя по формѣ такія же, какъ у дилювіальнаго человѣка. Съ прядильнымъ и ткацкимъ искусствомъ они столь же мало были знакомы, какъ и человѣкъ дилювія: одежда ихъ была сшита изъ шкуръ убитыхъ на охотѣ животныхъ; горшки были имъ неизвѣстны и не нужны. Знаменитый путешественникъ къ сѣверному полюсу, Кэнъ представляетъ слѣдующій инвентарь осмотрѣннаго имъ эскимосскаго жилья: „чаша изъ тюленьей шкуры для собиранія и храненія воды; лопатка моржа, служащая лампою, съ плоскимъ камнемъ, поддерживающимъ ее; другой большой тонкій гладкій камень, на который кладется тающій снѣгъ, предназначенный для питьевой воды; остріе копья съ длинной тесьмою изъ моржевой бичевы, и, наконецъ, вѣшалка для платья и самое платье этихъ людей, сшитое изъ шкуръ, — вотъ и всѣ земныя блага этой семьи.“ И все-таки, несмотря на эту бѣдность, эскимосы въ общемъ не чужды эстетическаго чувства: моржовая бичева ихъ представляетъ изящный плетеный орнаментъ, одежда красиво вышита и, съ точки зрѣнія моды полярнаго человѣка, изящна и цѣлесообразна. Шкуры выдѣланы при помощи каменнаго скребка, какой мы можемъ встрѣтить во множествѣ экземпляровъ при всякой раскопкѣ слоевъ, заключающихъ остатки дилювіальнаго человѣка; иглы точно также изъ костей. При этомъ мы замѣчаемъ у эскимосовъ также любовь къ изображенію фигуръ, рисованію,

рѣзьбѣ и вырѣзыванію. Рѣзьба ихъ на всякаго рода пластинкахъ, напр., на дощечкахъ изъ плавучаго лѣса или на костяхъ, изображаетъ, подобно дилювіальнымъ сюжетамъ, не только животныхъ, за которыми охотятся чаще всего, но иногда историческія сцены изъ жизни людей, напоминающія образное письмо.

Огнеземельцы въ области ледниковъ южнаго полушарія представляютъ почти такую же картину, съ той лишь разницею, что, съ одной стороны, они еще бѣднѣе, и художественный вкусъ ихъ, повидимому, еще менѣе развитъ, но съ другой стороны, у нихъ есть собака, какъ домашнее животное. Горшковъ они также не знаютъ. Оружіе и утварь ихъ нѣсколько напоминаютъ находки въ дилювіальныхъ слояхъ французскихъ пещеръ.

Совершенно аналогичныя культуры могутъ развиться и при иныхъ климатическихъ условіяхъ. Эдуардъ Бёрнетъ Тэйлоръ задался цѣлью доказать, что культурное состояніе многихъ изъ нынѣ живущихъ первобытныхъ народовъ въ точности воспроизводитъ обстановку человѣка каменнаго, въ частности палеолитическаго (дилювіальнаго) періода. Онъ установилъ, что каменныя орудія тасманійцевъ, изъ которыхъ онъ составилъ для сравненія коллекцію, обнимающую около 150 экземпляровъ, имѣютъ вполнѣ палеолитическій характеръ (см. рис. 23 и 24 табл. „Палеол. древн.“). Это — крѣпкіе кремневые осколки, на одной сторонѣ плоскіе съ ударнымъ знакомъ, а на другой съ возвышеннымъ срединнымъ ребромъ, грубо обдѣланные въ формѣ острой пики (типъ Мустье по Брока̀). Матеріалъ, изъ котораго сдѣланы тасманійскія каменныя орудія, состоитъ частью изъ относительно нетвердаго глинистаго камня, частью изъ кремня или кварцита. Ни на одномъ изъ этихъ орудій не замѣчается слѣдовъ шлифовки; всѣ они, подобно дилювіальнымъ экземплярамъ, представляютъ простые камни съ острыми ребрами, край которыхъ остро обтесанъ при помощи другого камня. Они могутъ быть вставляемы въ рукоятку и тогда употребляются въ качествѣ каменныхъ топоровъ. Доказано, впрочемъ, что ихъ употребляли и безъ рукоятки, захватывая прямо въ руку, напр., между большимъ и указательнымъ пальцами, при сдираніи шкуры съ кенгуру. Еще въ первой половинѣ нашего столѣтія тасманійцы представляли народъ, который въ культурномъ отношеніи не перешагнулъ палеолитической ступени. Первыми своими культурными успѣхами они обязаны австралійскимъ переселенцамъ, которые являются здѣсь носителями культуры.

Часто высказывалась надежда, что, быть можетъ, найдутъ когда нибудь замерзшимъ въ каменномъ льду сѣверной Сибири трупъ человѣка изъ временъ дилювія, современника мамонта съ шерстистымъ мѣхомъ и шерстистаго носорога. Мы ставимъ, однако, вопросъ: признали ли бы мы съ положительностью такой трупъ за человѣка ледниковаго періода? Нахожденіе даже въ ископаемомъ льду, рядомъ съ трупами вымершихъ дилювіальныхъ животныхъ, само по себѣ ничего не доказываетъ. Мы знакомы съ образованіемъ трещинъ какъ во внутриматериковомъ льду, такъ и въ альпійскихъ глетчерахъ. Новыя трещины возникаютъ чуть-ли не на нашихъ глазахъ. И сколько путешественниковъ по льдинамъ исчезаютъ навсегда въ этихъ провалахъ и сохраняются здѣсь, какъ и трупы упомянутыхъ животныхъ! Изъ попадающихъ въ трещины альпійскихъ ледниковъ далеко не всѣ извлекаются обратно живыми или мертвыми. Въ трупѣ замерзшаго во льду полярнаго изслѣдователя, попавшаго изъ культурныхъ странъ въ область вѣчнаго льда, мы узнали бы культурнаго человѣка, если не по мѣховой одеждѣ, приспособленной къ арктическому климату, то по многимъ другимъ мелкимъ принадлежностямъ культуры: часамъ, перочинному ножику, пряжкамъ, пуговицамъ и т. п. Но трупъ эскимоса, который замерзъ бы тамъ до знакомства съ современной культурой, не представилъ бы ровно ничего, что̀ отличало бы его отъ ледниковаго человѣка, — во вся-

комъ случаѣ не каменныя же орудія, которыя, какъ мы показали въ отношеніи скребковъ для обработки шкуръ, — совершенно тождественны у эскимосовъ и первобытныхъ людей.

Многіе полагали, что рѣшающій критерій для опредѣленія времени былъ бы найденъ, если бы удалось доказать, что въ данную эпоху употреблялась свѣжая мамонтовая кость для производства утвари и оружія или предметовъ украшенія и искусства, рѣзьбы и вырѣзыванія. Не подлежитъ сомнѣнію, что дилювіальный человѣкъ, если ему удавалось убить мамонта, употреблялъ его клыки для своихъ цѣлей. На границѣ вѣчнаго льда, однако, гдѣ только и возможно было бы теперь натолкнуться на замерзшаго дилювіальнаго человѣка, нахожденіе при трупѣ предметовъ изъ мамонтовой кости не дало бы намъ никакого представленія о древности его. Многочисленные мамонтовые клыки, которые были находимы и употребляемы съ незапамятныхъ временъ въ сѣверной Сибири на Новосибирскихъ островахъ и другихъ мѣстахъ, безусловно свѣжи и примѣняются даже въ техникѣ культурныхъ странъ, совершенно какъ свѣжая слоновая кость. Ископаемые бивни, добываемые искателями слоновой кости (они же — охотники за мамонтомъ), поступаютъ въ оборотъ подъ названіемъ „мамонтовой кости“ и составляютъ важную статью торговли. Согласно Миддендорфу, въ послѣдніе двѣсти лѣтъ ежегодно поступаетъ на рынокъ болѣе ста паръ бивней изъ Сибири. Почва Медвѣжьихъ и Ляховскихъ острововъ буквально наполнена мамонтовыми костями; какъ только ледъ растаетъ отъ солнца, на берегахъ находятъ массу мамонтовыхъ костей. Значительное число нашихъ новѣйшихъ издѣлій изъ слоновой кости сдѣланы изъ этой ископаемой мамонтовой кости. И глазъ изслѣдователя никогда не въ состояніи открыть, былъ ли данный предметъ вырѣзанъ изъ кости вскорѣ послѣ смерти животнаго или послѣ того, какъ клыки многія тысячелѣтія сохранялись во льду. Обитатели сѣверной Азіи и теперь еще охотно дѣлаютъ изъ мамонтовой кости ручки для своей каменной утвари и проч., въ особенности мелкія произведенія искусства, напр., рѣзныя, чрезвычайно сходныя съ тѣми, которыя были находимы въ дилювіальныхъ пещерахъ. Якобсонъ привезъ отъ эскимосовъ Аляски множество подобнаго рода вещей изъ камня, мамонтовой кости и оленьяго рога (см. рис. 25—27 табл. „Палеол. древн.“). Самоѣды съ древнѣйшихъ временъ имѣли обыкновеніе вырѣзывать изъ мамонтовой кости ложки и всякаго рода утварь. Они дѣлаютъ также изъ кожи мамонтовыхъ труповъ, сохранившихся въ мерзлой почвѣ, упряжь для своихъ собакъ и оленей, жиръ употребляютъ для смазыванія, а мясомъ кормятъ своихъ собакъ.

Тѣ-же условія, которыя мы находимъ нынѣ въ нѣкоторыхъ странахъ сѣверной Сибири, были распространены въ концѣ ледниковаго и въ началѣ послѣледниковаго періода во всей средней Европѣ. Находки у Шуссенскаго источника даютъ намъ полное представленіе о характерѣ тогдашняго климата средней Европы. Человѣкъ жилъ здѣсь на замерзшей почвѣ, на границѣ ледяныхъ скалъ, вмѣстѣ съ сѣвернымъ оленемъ и его товарищами, какъ теперь въ сѣверной Азіи; здѣсь, какъ и тамъ, онъ долженъ былъ находить во льду и мерзлой почвѣ сохранившагося, благодаря холоду, шерстистаго мамонта. Какъ мы только что говорили, мамонтъ былъ въ средней Европѣ едва ли менѣе распространенъ, чѣмъ въ знаменитыхъ сибирскихъ мѣстонахожденіяхъ: число мамонтовыхъ клыковъ и цѣлыхъ мамонтовыхъ труповъ, найденныхъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ средней Европы, какъ, напр., въ Канштаттѣ близъ Штутгарта, и въ лёссѣ близъ Предмоста въ Моравіи, можетъ соперничать съ самыми богатыми мѣстонахожденіями мамонта на Ново-сибирскихъ островахъ. Такимъ образомъ, рѣзныя издѣлья и утварь изъ мамонтовой кости, которыя были находимы въ Предмостѣ и въ пещерахъ Дордоньи, Бельгіи и Польши и въ другихъ мѣстахъ, доказываютъ лишь, что человѣкъ, который сдѣлалъ эти предметы, употреблялъ для этой цѣли

еще свѣжую слоновую кость, — но принадлежала ли она только что убитому животному или вполнѣ сохранившемуся трупу во льду дилювіальной эпохи, этого никто не можетъ рѣшить.

Никому не придетъ въ голову утверждать, что современный штуцеръ, стволъ котораго украшенъ рѣзной работою изъ слоновой кости, изображающей обнаженную женщину, принадлежитъ самъ или, по крайней мѣрѣ, въ своей художественной части, эпохѣ мамонта. Точно также упомянутые древніе предметы и изображенія изъ мамонтовой кости доказываютъ лишь, что она была еще свѣжа во время обработки. Во Франціи и во всей остальной средней Европѣ это должно было имѣть мѣсто, кромѣ періода, въ который жилъ мамонтъ, еще въ раннюю послѣледниковую эпоху, съ которою мы познакомились подъ названіемъ періода сѣвернаго оленя. Стенструпъ, при помощи тонкаго критическаго анализа, доказалъ, что пластъ лёсса въ Предмостѣ, съ его обильными мамонтовыми остатками, рядомъ съ которыми, кромѣ человѣка, находится еще волкъ, медвѣдь, сѣверный олень, мускусный быкъ и лошадь, т. е. фауна періода сѣвернаго оленя принадлежитъ не мамонтовой эпохѣ, но послѣледниковому періоду сѣвернаго оленя. Дилювіальные обитатели средней Европы періода сѣвернаго оленя, вѣроятно, также охотились за мамонтовыми клыками, какъ нынѣшніе современники сѣвернаго оленя въ сѣверной Азіи. И мамонтовое кладбище въ Предмостѣ привлекало къ себѣ не только хищныхъ животныхъ, особенно волковъ, но и людей. Въ пользу этого говорятъ найденныя костяныя и каменныя орудія, многочисленные оббитые кремни, большія количества древеснаго угля и золы, множество обугленныхъ обломковъ костей и кучи костей, вскрытыхъ для употребленія въ пищу.

Во Франціи особенно часто находили во множествѣ произведенія первобытнаго искусства изъ „эпохи слоновой кости", въ томъ числѣ и голую фигуру женщины, но рѣшительно ничѣмъ не доказано, что всѣ эти предметы были вырѣзаны въ эпоху, когда еще жилъ мамонтъ. Много шуму надѣлала рѣзьба на пластинкѣ изъ мамонтовой кости, на которой представленъ шерстистый мамонтъ съ гривою и сильно изогнутыми бивнями. Это изображеніе приняли за полное доказательство того, что дилювіальный художникъ, изготовившій его, самъ видѣлъ живого мамонта и изобразилъ его. Но развѣ „охотникъ за мамонтами" Шумаховъ, тотъ самый тунгусъ, который открылъ въ 1799 году во льду Тумысъ-Быковскаго полуострова въ тундрахъ рѣки Лены мамонта, поставленнаго нынѣ въ музеѣ С.-Петербургской Академіи, могъ бы изобразить его иначе, послѣ того, какъ увидѣлъ его совершенно свѣжимъ среди таявшаго льда? Точно также пещера Мадленъ въ Перигорѣ, въ которой найденъ былъ кусокъ слоновой кости съ изображеніемъ мамонта, несомнѣнно принадлежитъ періоду сѣвернаго оленя, какъ подтверждаетъ фонъ-Циттель въ 4 томѣ своей „Палеозоологіи".

Если бы у насъ не было совершенно независимыхъ доказательствъ того, что дилювіальный человѣкъ, въ средней Европѣ, напр., въ Таубахѣ жилъ одновременно съ большими вымершими толстокожими, то ни находка въ лёссѣ близъ Предмоста, ни произведенія ремесла и искусства изъ мамонтовой кости, ни даже изображеніе самаго мамонта не могли бы удостовѣрить этой одновременности. Ихъ доказательность въ пользу существованія дилювіальнаго человѣка не простирается назадъ дальше эпохи сѣвернаго оленя.

d) Остатки человѣческихъ костей въ дилювіи.

Для рѣшенія вопроса — принадлежалъ ли замерзшій въ окаменѣломъ льду трупъ дилювіальному человѣку, изслѣдованіе самаго трупа, его черепа, костей и мягкихъ частей столь же недостаточно, какъ изученіе

одежды, утвари и украшеній. По крайней мѣрѣ, достовѣрно одно, что всѣ до сихъ поръ открытые черепа и кости, которые приписывались дилювіальному человѣку самыми знаменитыми палеонтологами, геологами и антропологами, ничѣмъ не отличаются отъ костей современнаго человѣка. Мы не знаемъ ни одного признака, который характеризовалъ бы съ положительностью остатки человѣка временъ дилювія.

Ф. Циттель въ 4 томѣ своей „Палеозоологіи“ говоритъ: „въ сравненіи съ огромнымъ множествомъ орудій, остатки самого дилювіальнаго человѣка принадлежатъ къ величайшимъ рѣдкостямъ. Древность многократно цитированныхъ череповъ изъ пещеръ Павиленда въ Глеморгеншейрѣ, Энгиса. Анжигу и Спи близъ Люттиха, Жандрона на Лессѣ, Гайленрейта, Ориньяка, Кро-Маньона, Брюникеля, Ломбрива, Кавильона близъ Ментоны и Grotta dei Colombi на Пальмаріи остается сомнительной. Канштаттскій черепъ, такъ же, какъ и скелеты Греннелля и Клиши близъ Парижа, безспорно принадлежатъ позднѣйшему времени. Кости конечностей изъ Ларскаго лёса потеряны; скелеты изъ вулканическаго туфа въ Денизѣ близъ Лепюи сомнительной давности, также, какъ и черепа изъ Брюкса въ Богеміи“. Дилювіальная древность знаменитаго обломка черепа изъ Неандерталя, съ его сильно развитыми лобными пазухами, „ничѣмъ не доказана. Нижняя челюсть изъ Муленъ-Киньона близъ Аббевиля была умышленно подложена рабочими съ цѣлью обмана. Изъ дилювіальныхъ человѣческихъ остатковъ опредѣленной давности можно назвать лишь черепъ изъ Ольмо близъ Кіаны въ Тосканѣ, черепъ изъ Эгисгейма въ Эльзасѣ, нижнюю челюсть изъ пещеры Нолеттъ близъ Фюрфооза въ Бельгіи и обломокъ челюсти изъ Шипкинской пещеры въ Моравіи. Этихъ находокъ недостаточно для опредѣленія расы; но всѣ человѣческіе остатки въ Европѣ, дилювіальная давность которыхъ установлена, какъ и всѣ вообще черепа, найденные въ пещерахъ, совпадаютъ по величинѣ, формѣ и емкости съ Homo sapiens и вполнѣ сформированы. Они никакимъ образомъ не восполняютъ собою недостающаго звена между человѣкомъ и обезьяною.

„Въ Сѣверной Америкѣ одно время обращалъ на себя большое вниманіе описанный Уитнеемъ черепъ изъ „auriferous gravel“ верхняго пліоцена изъ Калавераса въ Калифорніи. По мнѣнію Мортилье, это — черепъ современнаго индѣйца, зарытый въ землю рабочими.

„Бо́льшаго довѣрія заслуживаютъ находки въ Южной Америкѣ. Еще Люнель открылъ въ бразильскихъ костеносныхъ пещерахъ человѣческіе черепа, смѣшанные съ вымершими и новѣйшими млекопитающими. Затѣмъ въ самыхъ верхнихъ дилювіальныхъ пластахъ Аргентины встрѣчаются кремневыя орудія и человѣческіе черепа долихоцефалической формы. Наконецъ, и въ пампасовой формаціи Аргентины многократно были находимы вскрытыя, обработанныя и обожженныя трубчатыя кости и челюсти оленя, глиптодонта, мастодонта и токсодонта вмѣстѣ съ кремневыми орудіями палеолитическаго характера и человѣческими черепами и цѣлыми скелетами. Близъ Арресифеса открытъ человѣческій скелетъ, лежавшій подъ бронею глиптодонта. Ископаемые человѣческіе черепа изъ Южной Америки не всѣ одного типа; одни — долихоцефалическіе и напоминаютъ черепа современныхъ индѣйцевъ Южной Америки, другіе имѣютъ брахицефалическую форму. Одинъ скелетъ имѣлъ 18 (вмѣсто 17) позвонковъ туловища и просверленную грудину.“ Такъ говоритъ Ф. Циттель, самый компетентный изслѣдователь въ области палеонтологіи въ Германіи. Результаты моихъ научныхъ работъ вполнѣ согласуются съ его изслѣдованіями. Я позволилъ бы себѣ только усомниться въ дилювіальной древности еще нѣкоторыхъ находокъ съ человѣческими костями, принимаемыхъ за достовѣрныя.

2. Палеонтологія неолитическаго человѣка въ Европѣ.

A. Аллювіальный каменный вѣкъ.

Въ смыслѣ палеонтологическаго образованія слоевъ, дилювій есть самый нижній, самый древній пластъ, въ которомъ впервые появляется человѣкъ, что доказывается, главнымъ образомъ, остатками его первобытной культуры. Этотъ древнѣйшій извѣстный до сихъ поръ культурный слой тянется болѣе или менѣе однородно на большомъ протяженіи суши. Азія, Европа, сѣверная Африка и Сѣверная Америка, поскольку ледяной покровъ допускалъ обитаемость ихъ, безспорно образуютъ одну сплошную область распространенія палеолитическаго человѣка съ однородными результатами находокъ. Въ этихъ широкихъ предѣлахъ находится однородный палеолитическій слой, составляющій самый нижній, древнѣйшій доисторическій фундаментъ исторической культуры. Отсюда палеолитическій человѣкъ, вмѣстѣ съ сѣверными дилювіальными животными, проникъ, въ дилювіальную эпоху, въ Южную Америку, какъ въ новую область; но до сихъ поръ онъ, повидимому, еще не былъ констатированъ ни въ средней и южной Африкѣ, ни въ Австраліи. Въ виду того пріобрѣтаетъ особенную важность то обстоятельство, что въ Тасманіи условія палеолитической культуры сохранились почти до средины нашего столѣтія.

Палеонтологія человѣка получила лишь въ немногихъ мѣстахъ земли удовлетворительныя геологическія разъясненія касательно древнѣйшаго, палеолитическаго слоя человѣческой культуры, принадлежащаго дилювію. Въ одной лишь Тасманіи этотъ древнѣйшій слой представляется, повидимому, вплоть до нашихъ дней обнаженнымъ, не покрытымъ другими культурными слоями. Въ прочихъ мѣстахъ его всюду покрываетъ второй, гораздо болѣе важный, молодой культурный слой. Хотя онъ раскрытъ почти въ безчисленныхъ мѣстонахожденіяхъ, но онъ повсюду представляется едва ли менѣе однороднымъ, чѣмъ палеолитическій слой, и распространенъ по всей землѣ. Въ противуположность древнѣйшему, дилювіальному, каменному вѣку, который мы знаемъ теперь подъ именемъ палеолитическаго періода, его назвали аллювіальнымъ, новымъ каменнымъ вѣкомъ или неолитическимъ періодомъ.

Неолитическій періодъ также не знаетъ обработки металловъ. Камень является исключительнымъ твердымъ матеріаломъ для оружія и утвари; изъ него изготовляются клинки. Но въ геологическомъ и палеонтологическомъ отношеніи оба культурныхъ слоя рѣзко и далеко разграничены. Остатки неолитической культуры залегаютъ не въ дилювіальныхъ, но въ аллювіальныхъ слояхъ. Исчезли также животныя, послѣдовавшія за дилювіальной фауною и сопутствовавшія среднеевропейскому человѣку вмѣстѣ съ сѣвернымъ оленемъ въ послѣледниковомъ періодѣ; остатки ихъ отсутствуютъ въ слояхъ, которые доставляютъ намъ во множествѣ остатки культуры и скелетовъ неолитическаго человѣка. Фауна и въ другихъ отношеніяхъ существенно измѣнилась. Рядомъ съ нынѣшними лѣсными животными и дичью, распространенными уже въ дилювіи, среди которыхъ еще часто встрѣчаются крупныя формы, каковы зубръ, лось, медвѣдь и волкъ, здѣсь появляются въ большомъ числѣ наши прирученныя и домашнія животныя: собака, рогатый скотъ, лошадь, коза, овца, свинья. Люди неолитическаго періода жили въ сущности при тѣхъ же климатическихъ условіяхъ, какъ и нынѣшнее человѣчество, въ той же животной и растительной средѣ. Они приручали домашнихъ животныхъ, воздѣлывали землю и изготовляли свое оружіе и утварь изъ камня и костей, рога и зубовъ дикихъ и прирученныхъ животныхъ.

Для Европы и большей части остальныхъ материковъ этотъ второй

культурный слой человѣческаго рода все еще лежитъ ниже историческаго уровня. Но въ другихъ обширныхъ частяхъ земли пластъ неолитической культуры, не покрытый еще другими культурными слоями, захватываетъ значительный періодъ писанной исторіи. Точно также обширная часть Европы была еще населена „лишенными исторіи“ народами новаго каменнаго вѣка въ то время, когда культурныя страны Азіи, Африки и побережья Средиземнаго моря уже пережили аналогичный періодъ неолитической культуры и, по мѣрѣ распространявшагося пользованія металлами, поднялись до той высшей культурной ступени, которая вмѣстѣ съ историческими письменными памятниками Вавилона и Египта составляетъ основу нашей современной хронологіи.

Когда названные культурные народы пришли въ непосредственное соприкосновеніе съ отдаленными народами Стараго Свѣта, послѣдніе, какъ сказано, находились еще отчасти на ступени неолитической культуры. Точно также, при заселеніи Америки европейцами, огромное большинство туземцевъ не поднялось еще выше неолитической ступени, на которой и по нынѣ стоятъ бѣднѣйшіе первобытные народы центральной Бразиліи. Австралія и большая часть совокупнаго островного міра Тихаго океана, при открытіи ихъ, не поднялись еще выше названной ступени (Тасманія не ушла, быть можетъ, даже дальше палеолитической ступени). Тамъ каменный вѣкъ захватываетъ отчасти новѣйшую эпоху, такъ же, какъ и на дальнемъ сѣверѣ Азіи, въ Гренландіи, самыхъ сѣверныхъ частяхъ Америки и, наконецъ, на южной оконечности Новаго материка, у огнеземельцевъ.

Въ тѣхъ мѣстахъ земли, гдѣ, какъ въ древнѣйшихъ культурныхъ центрахъ, культура развилась самостоятельно до высшихъ ступеней, надъ неолитическимъ слоемъ располагаются въ правильной послѣдовательности культурные слои, по которымъ мы можемъ отмѣтить медленное, но непрерывное развитіе человѣческаго ума въ теченіе длиннаго промежутка времени. Но тамъ, гдѣ, подъ вліяніемъ внѣшнихъ воздѣйствій, открытія новыхъ торговыхъ и культурныхъ сношеній, войнъ и переселеній народовъ и т. под., туземное населеніе, находящееся на ступени неолитической культуры, внезапно получаетъ произведенія высшей цивилизаціи (такъ было, напр., съ индѣйцами при открытіи Америки или со многими островитянами Тихаго океана въ эпоху великихъ кругосвѣтныхъ путешествій) — тамъ связь съ прошлымъ обрывается точно вслѣдствіе катастрофы, какъ въ нѣкоторыхъ геологическихъ пластахъ. Прогрессъ идетъ здѣсь скачками, вмѣсто медленнаго естественнаго движенія отъ одного этапа къ другому. Благодаря именно этому, мы въ состояніи по молодымъ наслоеніямъ, покрывающимъ неолитическій культурный слой, опредѣлить въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вполнѣ точно время, когда неолитическая культура столкнулась тамъ съ древнею. Этимъ путемъ мы получаемъ хронологическую точку опоры, устанавливаемъ к о н е ц ъ д о - и с т о р и ч е с к о й э п о х и и, слѣдовательно, самую эту эпоху, н а ч а л о п и с а н н о й и с т о р і и.

Культурные слои человѣчества отъ неолитической эпохи до настоящаго времени образуютъ одну непрерывную цѣпь и находятся на всемъ пространствѣ земли въ идеальной связи. Однако, нигдѣ на землѣ нѣтъ полной непрерываемости слоевъ, ни въ одной точкѣ земной поверхности мы не встрѣтимъ всѣхъ отдѣльныхъ, слѣдующихъ другъ за другомъ пластовъ культурнаго развитія. Въ странахъ съ древнѣйшей культурой за непрерывнымъ рядомъ послѣдовательныхъ слоевъ наступаетъ моментъ, съ котораго культурное движеніе перемѣщается въ другіе пункты.

Люди новаго каменнаго вѣка — предки нынѣшнихъ культурныхъ людей. Классическая древность у римлянъ и грековъ сохранила еще, по крайней мѣрѣ, отчасти, сознаніе этого. Не совсѣмъ было забыто, что древнѣйшее оружіе людей состояло не изъ металла, но изъ камня и еще худшаго матеріала. Въ обдѣланныхъ камняхъ, которые народъ тогда, какъ и

теперь признавали за оружіе божества, за громовыя стрѣлы, болѣе проницательные умы узнавали оружіе первобытныхъ обитателей страны.

B. Древнѣйшій неолитическій слой. Датскія раковинныя кучи.

Въ палеонтологическомъ отношеніи неолитическій культурный слой новаго или аллювіальнаго каменнаго вѣка характеризуется всюду на землѣ залегающими въ аллювіальныхъ пластахъ остатками человѣческихъ костей, остатками каменной утвари и оружія вмѣстѣ съ костями домашнихъ животныхъ и остатками культурныхъ растеній.

Форма и техника производства каменныхъ орудій сами по себѣ недостаточны для разграниченія палеолитическихъ слоевъ отъ неолитическихъ. Очень часто камни, обработанные людьми неолитическаго періода, почти также грубы, какъ и камни палеолитическаго періода. Нѣкоторыя формы кремневыхъ орудій, ножи, скребки, осколки, грубѣйшія формы топора, грузила неводовъ и проч. по формѣ и техникѣ тожественны въ обоихъ періодахъ, и употребленіе ихъ отчасти оставалось неизмѣннымъ чрезъ всѣ доисторическія и историческія эпохи вплоть до нашихъ дней. Кремневые осколки, которыми сельское населеніе верхней Италіи и южнаго Тироля до сихъ поръ выбиваетъ огонь, ничѣмъ не отличаются отъ палеолитическихъ. Для опредѣленія давности находокъ имѣетъ рѣшающее значеніе, на ряду съ отсутствіемъ собственно дилювіальныхъ животныхъ формъ, несвойственныхъ аллювіальной фаунѣ, нахожденіе костей домашнихъ животныхъ. Второе мѣсто занимаютъ всякіе шлифованные и просверленные каменные предметы новаго, аллювіальнаго каменнаго вѣка: палеолитики не знали искусства шлифованія и сверленія каменныхъ орудій. Слѣдовательно, тамъ, гдѣ мы находимъ подобную, болѣе тонкую отдѣлку каменныхъ вещей, мы несомнѣнно имѣемъ передъ собой мѣстонахожденіе новаго каменнаго вѣка. Но если этихъ характерныхъ вещей нѣтъ, то положительное рѣшеніе вопроса становится невозможнымъ. Въ пещерахъ и особенно въ могилахъ, вырытыхъ въ почвѣ дилювіальныхъ пещеръ, оба слоя бываютъ довольно часто нераздѣльно перемѣшаны. Мы уже указывали, что весьма часто трупы, вмѣстѣ съ характерными для нихъ приложеніями, хоронились въ болѣе древнихъ геологическихъ слояхъ. Вслѣдствіе того кости дилювіальныхъ животныхъ и проч. лежатъ рядомъ съ костями и другими остатками людей позднѣйшихъ культурныхъ періодовъ. При такихъ условіяхъ опредѣленіе геологическаго слоя, содержащаго находки, теряло бы всякую цѣну въ смыслѣ указанія давности, если бы параллельно съ этимъ не отмѣчалась съ величайшею точностью вся обстановка мѣстонахожденія. При этомъ обращалось особенное вниманіе на то, составляютъ ли данные остатки первичное отложеніе или видимо попали сюда позже.

Не взирая на всѣ трудности, связанныя съ самою сущностью вопроса, доисторическая эпоха располагаетъ геологическими и палеонтологическими данными, которыя устанавливаютъ давность неолитическихъ находокъ съ не меньшею достовѣрностью, чѣмъ факты, доказавшіе существованіе палеолитическаго человѣка. Первое мѣсто въ этомъ отношеніи принадлежитъ знаменитымъ кучамъ кухонныхъ отбросовъ на побережьяхъ Даніи. Благодаря тщательнымъ изслѣдованіямъ Стенструпа, въ точности изучившаго всю обстановку этихъ мѣстонахожденій, они пріобрѣли такое же значеніе, какъ и открытія, сдѣланныя Оскаромъ Фраасомъ относительно ледниковаго человѣка, и положили одинъ изъ краеугольныхъ камней въ основу древнѣйшей исторіи человѣчества.

Датскія кучи кухонныхъ отбросовъ принадлежатъ древнѣйшему періоду неолитическаго культурнаго слоя, и геологически-палеонтологическое изслѣдованіе имѣло здѣсь возможность провести рѣзкія границы между неолитическою и палеолитическою ступенями. Еще въ 1840 году Стенструпъ отмѣтилъ

ясную слоистость болотъ и доказалъ, что, со времени таянія глетчеровъ, растительность и фауна Даніи и южной Швеціи существенно и во многомъ измѣнились. Болота располагаются на прорѣзываемыхъ эрратическими глыбами ледниковыхъ пластахъ глины и песку, въ которыхъ иногда находили остатки мамонтовъ. Въ этой глинѣ встрѣчаются остатки арктическихъ растеній не только подъ луговыми болотами, но и на днѣ зеландскихъ лѣсныхъ болотъ. Здѣсь замѣчаются вѣтви, листья и цвѣты растеній дальняго сѣвера, въ особенности арктическіе виды ивы (Salix herbacea, S. polaris, S. reticulata) и карликовой березы (Betula nana), затѣмъ дріады и камнеломки (Saxifraga oppositifolia). Этотъ слой соотвѣтствуетъ періоду таянія глетчеровъ въ послѣледниковую эпоху, которая относится еще къ дилювію и къ которой принадлежатъ также упомянутыя находки палеолитическихъ охотниковъ за сѣвернымъ оленемъ на Шуссенскомъ источникѣ. Въ Скандинавіи этотъ пластъ не содержитъ человѣческихъ остатковъ. Болота, расположенныя на этой подпочвѣ, представляютъ въ своемъ напластованіи упомянутую повторную смѣну растительности, которая свидѣтельствуетъ о постепенномъ смягченіи климата Даніи. Внизу мы находимъ остатки осины; нѣсколько выше — остатки сосны, образующіе самый мощный пластъ. Гораздо выше попадаются слои съ дубомъ, потомъ съ ольхою, и, наконецъ, на самомъ верху появляется букъ, изъ котораго нынѣ состоятъ роскошные лѣса Даніи. Въ самыхъ нижнихъ слояхъ этихъ лѣсныхъ болотъ были находимы остатки сѣвернаго оленя и, кромѣ того, былъ вырытъ скелетъ первичнаго быка (Bos primigenius). Но первые слѣды человѣка въ Даніи появляются лишь въ сосновомъ слоѣ, безспорно принадлежащемъ аллювіальному періоду.

Вмѣстѣ съ растительностью измѣняется и характеръ животнаго міра. Гренландскій тюлень, который раньше жилъ гораздо южнѣе, оттѣсненъ къ сѣверной Норвегіи. Еще раньше удалился изъ поросшихъ лѣсомъ областей сѣверный олень. Большой безкрылый чистикъ (Alca impennis) высокаго сѣвера вымеръ теперь даже въ Исландіи, своемъ послѣднемъ пристанищѣ; и глухарь, раньше очень распространенный въ Даніи, нынѣ болѣе не встрѣчается въ этой странѣ. Исчезновеніе глухаря объясняется тѣмъ, что онъ находится въ зависимости отъ сосны, такъ какъ весною, главнымъ образомъ, питается молодыми сосновыми побѣгами. Поэтому распространеніе глухаря въ Даніи совпадаетъ съ періодомъ сосновыхъ лѣсовъ, съ исчезновеніемъ которыхъ пребываніе его въ этихъ мѣстностяхъ сдѣлалось невозможнымъ.

Слои болотъ разсказываютъ намъ, точно хроника, исторію страны съ конца дилювіальнаго періода и образуютъ въ геологическомъ смыслѣ хронологію, которая даетъ намъ указаніе относительно времени перваго появленія человѣка въ Даніи.

Какъ сказано выше, мы встрѣчаемъ первые слѣды человѣка въ „эпоху сосенъ“, и при томъ слѣды неолитическаго человѣка. Находили сосновые стволы, обработанные при помощи огня и каменныхъ инструментовъ. Еще важнѣе, однако, то обстоятельство, что упомянутыя кучи кухонныхъ отбросовъ, благодаря произведенному Стенструпомъ тщательному изслѣдованію встрѣчаемыхъ въ нихъ костей животныхъ, подтвердили, что люди каменнаго вѣка, накопившіе эти кучи, впервые появились въ Даніи въ эпоху сосенъ. Этимъ точно установленъ, съ геологической точки зрѣнія, моментъ появленія ихъ: съ одной стороны, въ отношеніи дилювія, послѣдніе слѣды котораго давно исчезли, а съ другой — въ отношеніи новыхъ и новѣйшихъ аллювіальныхъ слоевъ, въ которыхъ открыты доказательства высшихъ культуръ, основанныхъ на знакомствѣ съ обработкою металловъ.

Кучи кухонныхъ отбросовъ на датскихъ побережьяхъ обозначаютъ мѣста, которыя были заселены въ теченіе продолжительнаго времени и со-

стояли изъ болѣе или менѣе многочисленныхъ отдѣльныхъ жилищъ. Онѣ даютъ намъ чрезвычайно богатый инвентарь предметовъ, бывшихъ въ то время въ употребленіи, и раскрываютъ жизнь и дѣятельность человѣка почти во всей ея совокупности. Эти кучи состоятъ, главнымъ образомъ, изъ безчисленныхъ вскрытыхъ раковинъ устрицъ, сердцевидокъ и другихъ моллюсковъ, и теперь еще употребляемыхъ въ пищу, перемѣшанныхъ съ костями косулей, оленей, первичныхъ быковъ, кабановъ, бобровъ, тюленей и другихъ животныхъ. Открыты также кости рыбъ и птицъ, напр., дикаго лебедя и нынѣ вымершаго безкрылаго чистика, и, что̀ особенно важно для опредѣленія геологической давности этихъ культурныхъ остатковъ, множество костей глухаря. Домашнія животныя отсутствуютъ, за исключеніемъ собаки, кости которой, однако, подобно костямъ другихъ млекопитающихъ, вскрыты, обуглены и обгрызены. Все это доказываетъ, что на мѣстахъ отбросныхъ кучъ жило нѣкогда племя рыболововъ и охотниковъ, питавшихся, главнымъ образомъ, моллюсками, раковины которыхъ образовали цѣлые холмы вокругъ ихъ жилищъ. Слѣдовъ земледѣлія и скотоводства не найдено. Встрѣчается исключительно собака, не только бывшая спутникомъ на охотѣ, но служившая вмѣстѣ съ тѣмъ убойнымъ животнымъ. Найденныя во множествѣ кости глухаря доказываютъ, что кучи отбросовъ были накоплены въ „эпоху сосенъ“.

Кремневые предметы, найденные въ датскихъ кухонныхъ остаткахъ, носятъ грубый древній характеръ, имѣютъ болѣе простыя формы, чѣмъ предметы эпохи полнаго развитія неолитической культуры и почти всѣ не отшлифованы (см. рис. 1 табл. „Неолитич. древн.“), хотя иногда тщательно отколотыя поверхности и лезвея свидѣтельствуютъ о болѣе тонкой обработкѣ.

Культурное достояніе древнихъ датскихъ потребителей моллюсковъ каменнаго вѣка не можетъ считаться особенно низкимъ, несмотря на его первобытную окраску; въ главныхъ чертахъ оно все-таки поднимается надъ уровнемъ культуры палеолитиковъ. Они не только приручили настоящее домашнее животное, собаку, но выдѣлывали глиняную посуду для варенія и храненія запасовъ. Варили на очагахъ. Знали тщательную обработку оленьяго рога и костей. Попадаются молоты-топоры изъ оленьяго рога съ круглыми отверстіями. Изъ костей животныхъ дѣлали наконечники стрѣлъ, шила и иглы съ тщательно отточенными концами. Маленькіе костяные гребни служили, повидимому, не столько для туалета, сколько для раздѣленія животныхъ сухожилій при выдѣлываніи нитокъ или для выпрямленія нитокъ для тканья. Изъ настоящихъ предметовъ украшенія встрѣчаются просверленныя зубы животныхъ. Остатки рыбъ, найденные въ отбросныхъ кучахъ, принадлежатъ камбалѣ, навагѣ, сельди и угрю. Для того, чтобы ловить рыбу открытаго моря, рыбаки должны были выѣзжать въ море, что̀ предполагаетъ обладаніе какими либо лодками. Охотились не только за мелкими, но и за крупными животными. Встрѣчаемыя среди кухонныхъ остатковъ кости животныхъ часто на 90% принадлежатъ крупной дичи, преимущественно оленю, косулѣ, дикой свиньѣ. Умѣли убивать даже такихъ опасныхъ хищниковъ, какъ первичный быкъ, медвѣдь, волкъ и рысь, затѣмъ бобръ, дикая кошка и тюлень, рѣчная выдра, куница и лисица. Найденные во множествѣ глиняные черепки принадлежатъ частью большимъ горшкамъ безъ ручекъ, съ заостреннымъ (см. рис. 2 табл. „Неолитич. древн.“) или плоскимъ дномъ; частью небольшимъ, овальнымъ, внизу округленнымъ чашкамъ. Всѣ сосуды сдѣланы отъ руки, изъ грубой глины, смѣшанной съ мелкими гранитными осколками съ цѣлью уменьшенія ломкости сосудовъ. Орнаментомъ служили въ нѣкоторыхъ случаяхъ насѣчки на верхнемъ краю или углубленія, вдавленныя, большей частью, пальцемъ.

Громадное значеніе датскихъ отбросныхъ кучъ для общей исторіи че-

ловѣчества заключается въ томъ, что давность ихъ геологически установлена, вслѣдствіе чего онѣ могутъ служить исходной точкою хронологіи. Этимъ хронологическимъ установленіемъ начала первобытной исторіи нашего рода мы обязаны Япету Стенструпу. Благодаря его изслѣдованіямъ о видахъ животныхъ, встрѣчающихся въ раковинныхъ кучахъ, параллельно съ его же изслѣдованіями о слояхъ болотъ и совокупнаго аллювія, удалось доказать, что раковинныя кучи древнѣе вполнѣ развитаго сѣвернаго каменнаго вѣка. Вопросъ этотъ разрѣшается чисто палеонтологическимъ путемъ: въ раковинныхъ кучахъ находятъ остатки глухаря, который встрѣчался въ Даніи только въ эпоху сосенъ и послѣ того исчезъ оттуда. Слѣдовательно, кучи раковинъ, которыя содержатъ кости глухаря, принадлежатъ тому раннему періоду аллювія, когда въ упомянутыхъ болотныхъ пластахъ образовался мощный сосновый слой. Отсюда слѣдуетъ, что мѣстонахожденія каменнаго вѣка, въ которыхъ отсутствуютъ кости глухаря, новѣе тѣхъ, гдѣ эти кости встрѣчаются.

Всѣ другія попытки опредѣленія настоящей давности оказывались до сихъ поръ безуспѣшными. Быть можетъ, когда нибудь откроютъ мѣстность, гдѣ въ правильномъ ряду нетронутыхъ послѣдовательныхъ слоевъ земли болѣе глубокіе слои будутъ соотвѣтствовать древнѣйшимъ, болѣе высокіе — новѣйшимъ включеніямъ. Какъ уже было замѣчено, различія въ формѣ и обработкѣ каменныхъ предметовъ недостаточны для опредѣленія давности неолитическихъ мѣстонахожденій. Можно доказать, что такія же формы, какія попадаются въ древнихъ кучахъ кухонныхъ отбросовъ, были употребляемы и позднѣе, одновременно съ весьма хорошо и тщательно обтесанными и отшлифованными каменными издѣліями. Если въ данномъ мѣстѣ встрѣчаются лишь болѣе грубыя формы, то это — не болѣе какъ игра случая и само по себѣ не говоритъ еще за болѣе глубокую древность.

Послѣ исчезновенія глухаря, на датскихъ побережьяхъ продолжали жить потребители моллюсковъ и накопляли вокругъ своихъ жилищъ совершенно такія же кучи отбросовъ, какъ древнѣйшіе обитатели сѣверныхъ странъ. Но здѣсь все уже указываетъ на болѣе богатое культурное достояніе. Среди костей убитыхъ на охотѣ животныхъ попадаются кости многочисленныхъ домашнихъ животныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ появляются ясныя доказательства усовершенствованной техники въ обработкѣ камня. Въ нѣкоторыхъ кучахъ раковинъ встрѣчаются отдѣльные экземпляры каменной утвари болѣе тонкой формы, которые мы должны поэтому признать за болѣе молодыя формы. На островѣ Фюненѣ, близъ Свендборга, въ одной раковинной кучѣ найдены только новѣйшія формы древностей, хотя во всѣхъ другихъ отношеніяхъ она совершенно походила на болѣе старыя кучи. Точно также у Колинзунда въ Ютландіи были найдены отшлифованные каменные топоры, глиняные черепки съ характерными орнаментами вполнѣ развитаго сѣвернаго каменнаго вѣка и кости домашнихъ животныхъ — свиней, овецъ или козъ.

Было бы поэтому совершенно ошибочно, если бы мы признали одинъ сплошной геологическій слой кучъ кухонныхъ отбросовъ, какъ древнѣйшую стадію сѣвернаго неолитическаго періода. Въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ давность отбросныхъ кучъ должна быть подтверждена еще дальнѣйшими критеріями. И если мы въ состояніи это сдѣлать, то лишь благодаря Стенструпу. На его открытіяхъ основана возможность хронологическаго расчлененія датскаго неолитическаго періода на древнѣйшую эпоху, соотвѣтствующую древнѣйшимъ раковиннымъ кучамъ сосноваго періода, и на новѣйшую эпоху вполнѣ развитаго каменнаго вѣка. Домашнія животныя принадлежатъ, за исключеніемъ собаки, послѣдней эпохѣ вмѣстѣ съ шлифовкой и тонкой обработкой каменной утвари и съ характеристическими формами глиняной посуды, отличающейся изящными

орнаментами. Къ этому присоединяется еще рядъ другихъ доказательствъ дальнѣйшихъ успѣховъ культуры. Кучи отбросовъ даютъ намъ возможность прослѣдить это культурное развитіе и вслѣдствіе того пріобрѣтаютъ значеніе важнаго матеріала для сравненія съ другими, подчасъ гораздо болѣе богатыми мѣстонахожденіями каменнаго вѣка.

Кучи раковинъ и другихъ отбросовъ пищи, сходныя съ только что описанными датскими, были находимы въ Англіи, на побережьяхъ Франціи и Португаліи, въ Россіи, Японіи, на восточномъ и западномъ берегу Америки. На южной оконечности Америки огнеземельцы, какъ современные потребители моллюсковъ, и теперь еще нагромождаютъ подобнаго рода кучи раковинъ. Отбросныя кучи различныхъ странъ принадлежатъ различнымъ эпохамъ. Такъ, въ мѣстности Сенъ-Валери, близъ устья Соммы, открыта куча отбросовъ, состоявшая, главнымъ образомъ, изъ раковинъ моллюсковъ, съ примѣсью осколковъ посуды и кремневыхъ орудій. Подъ ними лежали кости домашнихъ животныхъ, козы, лошади, овцы и мелкой породы рогатаго скота. Въ одной англійской „сорной кучѣ“ У. Бойдъ-Доукинсъ нашелъ лишь остатки костей собаки, лисицы, барсука, свиньи, косули, благороднаго оленя, козы, короткорогаго быка, лошади и другихъ четвероногихъ и орла. Въ Испаніи точно также встрѣчаются кости многочисленныхъ млекопитающихъ, по крайней мѣрѣ, въ верхнихъ слояхъ отбросныхъ кучъ; нижніе слои состоятъ, какъ и датскіе, изъ раковинъ.

Какъ мы видѣли, первобытная исторія обязана изслѣдованію сѣверныхъ древностей главными подготовительными работами для геологическаго опредѣленія новѣйшихъ аллювіальныхъ эпохъ, характеризуемыхъ появленіемъ прирученныхъ животныхъ. Дальній сѣверъ Европы представляетъ самыя благопріятныя условія для этого расчлененія. Въ ледниковую эпоху онъ лежалъ глубоко подъ льдомъ и былъ необитаемъ для ледниковаго человѣка. Здѣсь отсутствуетъ, такимъ образомъ, ледниковый палеолитическій слой, и заселеніе страны послѣдовало спустя значительный промежутокъ времени, послѣ оттаянія глетчеровъ, въ аллювіальномъ періодѣ. Этимъ исключается смѣшеніе палеолитическихъ и неолитическихъ культурныхъ остатковъ, которое въ другихъ мѣстахъ часто ставитъ непреодолимыя преграды для разграниченія. Изслѣдователи сѣвера выяснили это отношеніе и воспользовались имъ для развитія науки.

C. **Вполнѣ развитая неолитическая эпоха.**

Древнѣйшіе обитатели европейскаго сѣвера каменнаго вѣка, о которыхъ даютъ намъ представленіе кучи кухонныхъ отбросовъ датской эпохи сосенъ, для поверхностнаго взгляда, по своему культурному достоянію едва ли стояли выше палеолитическихъ людей. Однако, болѣе тщательное изученіе убѣдило, что, не взирая на скудость ихъ остатковъ, нельзя отрицать у нихъ высшаго культурнаго развитія. Это превосходство неолитической эпохи надъ палеолитическою выступаетъ еще яснѣе, если мѣриломъ для сравненія мы возьмемъ не жалкое рыбачье населеніе, которое, быть можетъ, въ качествѣ піонеровъ впервые добралось до датскаго побережья, но вполнѣ развитую неолитическую культуру болѣе теплыхъ странъ, слѣдовавшую по пятамъ за этими піонерами.

Кромѣ охоты и рыбной ловли, можно отмѣтить, въ числѣ первыхъ элементовъ неолитической культуры, скотоводство и земледѣліе, къ которымъ примыкаютъ приготовленіе муки и варка пищи. Изъ техническихъ искусствъ стоятъ на первомъ планѣ рѣзьба и тонкая обработка камня, изъ котораго умѣли изготовлять оружіе и различныя орудія для обработки дерева, кости, оленьяго рога и проч. Клинки изготовляются въ различныхъ технически совершенныхъ формахъ не только путемъ оббиванія и откалыванія, но также посредствомъ шлифовки. Особенное значеніе при-

давали снабженію оружія и каменныхъ орудій цѣлесообразными рукоятками, которыя для прикрѣпленія искусственно просверливались, т. е. въ стержнѣ дѣлались отверстія или, какъ въ Америкѣ, надрѣзы, желобки. Къ этому нужно еще прибавить первыя искусства человѣчества: прядильное, ткацкое и гончарное; послѣднее является преимущественнымъ выразителемъ вкуса къ художественнымъ формамъ и орнаментальнымъ украшеніямъ. Орнаментъ развивается до степени символической письменной рѣчи, которую удастся, быть можетъ, разобрать когда - нибудь, благодаря новѣйшимъ открытіямъ въ области орнаментальной символики современныхъ первобытныхъ народовъ. Найденныя жилища свидѣтельствуютъ объ успѣхахъ первобытнаго строительнаго искусства. Окопы и могильные холмы знакомятъ насъ съ принципами ихъ земляныхъ сооруженій, а ложа исполиновъ, состоящія изъ нагроможденныхъ колоссальныхъ каменныхъ глыбъ, доказываютъ, что архитекторы того времени едва ли чѣмъ уступали изумлявшимъ міръ египетскимъ мастерамъ въ дѣлѣ передвиженія и правильнаго наслоенія каменныхъ массъ. Погребеніе труповъ, съ церемоніями которыхъ знакомятъ вскрытыя гробницы, вводятъ насъ въ духовную жизнь того періода. По черепамъ и скелетамъ, извлеченнымъ изъ неолитическихъ могилъ, наука сумѣла возстановить картину физическаго развитія неолитиковъ, которые могутъ смѣло выдержать сравненіе съ современнымъ человѣкомъ.

а) Неолитическія каменныя орудія.

Въ тотъ юный періодъ, какъ нѣкогда въ мѣловыхъ областяхъ Франціи дилювія, кремень является на скандинавскомъ и германскомъ сѣверѣ тѣмъ матеріаломъ, на изготовленіи изъ котораго орудій и оружія основаны были, главнымъ образомъ, успѣхи культуры. Изслѣдованія открыли здѣсь значительное число различныхъ формъ кремневыхъ орудій, которыя были частью не менѣе грубы, чѣмъ палеолитическіе каменные предметы, частью-же довольно тонко обработаны и превосходно оббиты и отшлифованы, или приспособлены къ совершенно опредѣленнымъ техническимъ цѣлямъ, въ видѣ топора, долота, струга, пилы, бурава, ножа и скребка, наконечника копья и стрѣлы, кинжала и мн. др. Нѣкоторыя грубыя, а также многія тонкія части орудій и оружія, приготовленныхъ изъ кремня сѣвернаго каменнаго періода, сдѣланы исключительно путемъ оббиванія и раскалыванія кремневыхъ желваковъ большой величины, которые въ изобиліи разбросаны въ почвѣ мѣловыхъ областей сѣверной Европы. Въ этомъ смыслѣ они сходны съ кремневыми вещами палеолитическаго періода, найденными въ долинѣ Соммы и другихъ мѣстахъ. Находки въ мастерскихъ новаго каменнаго вѣка, заключающія полные ряды отъ первыхъ пріемовъ обработки черезъ всѣ стадіи до полученія готоваго, тонко отшлифованнаго инструмента, убѣждаютъ насъ въ томъ, что сперва сырому матеріалу придавалась путемъ откалыванія и оббиванія основная грубая форма и затѣмъ уже достигалась окончательная форма при помощи шлифовки.

Кремневыя орудія — наименѣе подверженный порчѣ и потому важнѣйшій свидѣтель древнѣйшаго присутствія человѣка на какомъ либо мѣстѣ. Тысячи этихъ предметовъ были находимы въ сѣверныхъ кремневыхъ областяхъ. Чаще всего встрѣчаются совершенно грубые типы, которые, однако, не смотря на свою первобытную простоту и легкость ихъ изготовленія, не только носятъ несомнѣнные слѣды человѣческой руки, но, несмотря на всѣ успѣхи культуры со времени дилювія, дольше всего сохранились въ употребленіи даже у культурныхъ народовъ Европы. Это — такъ называемые кремневые ножи и осколки. При помощи давленія, толчка или удара, откалывается ребро приблизительно призматическаго кремневаго куска. Отломанный такимъ образомъ кусокъ, смотря по формѣ

Объясненіе двойной таблицы на оборотѣ.

1. Нешлифованный кремневый топоръ древняго каменнаго вѣка, изъ кухонныхъ кучъ Даніи.
2. Глиняный сосудъ древняго каменнаго вѣка. 1/8 ест. вел.
3. Каменное ядрище или nucleus; справа и слѣва отъ средины находится по вогнутому углубленію, которое соотвѣтствуетъ ударному знаку отколотаго ножа.

4 и 5. Два кремневыхъ ножа сѣвернаго каменнаго вѣка.

6. Каменный топоръ сѣвернаго новаго каменнаго вѣка.
7. Топоръ изъ зеленаго камня, изъ могильной находки у Роздигра въ Англіи.
8. Каменный кинжалъ сѣвернаго каменнаго вѣка.
9. Глиняный сосудъ, съ нарѣзными украшеніями, изъ Тюрингена.
10. Кубокъ съ наколами, изъ Тюрингена.
11. Кубокъ безъ ручки, изъ Брауншвейга.
12. Кувшинъ съ ручкой, съ ленточнымъ украшеніемъ, изъ Тюрингена.
13. Глиняный сосудъ изъ могильнаго поля каменнаго вѣка у Гинкельштейна близъ Монсгейма.
14. Вдавленный орнаментъ изъ Тюрингена.
15. Остатки свайной хижины каменнаго вѣка въ Шуссенридѣ.

    15a. Поперечный разрѣзъ ея.

16. Каменная мотыка въ оправѣ изъ оленьяго рога и дерева
17 и 18. Топорные молоты
19. Наконечникъ гарпуны
20. Шило съ рукояткой
21—23. Предметы украшенія
24. Веретено съ кольцомъ
25. Пряжа
26. Циновка
27. Корзиночное плетеніе

} изъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ.

28. Ручная мельница изъ песчаника: большой, немного вогнутый камень и меньшаго размѣра, овальный жерновъ. Изъ могильнаго поля каменнаго вѣка у Гинкельштейна близъ Монсгейма.
29. Игла съ ушкомъ
30. Вилка
31. Костяное долото
32. Костяная тамбурная игла для вязанья сѣтей
33. Костяной ткацкій челнокъ

} изъ новаго каменнаго вѣка Франконской Швейцаріи.

34. Рѣзьба изъ янтаря, изъ Куришъ-Гафа близъ Шварцорта.
35. Рѣзьба изъ сталактита, изъ юрскихъ пещеръ между Краковомъ и Ченстоховомъ.
36. Кремнев. топоръ изъ Нов. Зеландіи.
37. Дольменъ въ южной Швеціи.
38. Внутренность комнаты гиганта близъ Роскильда.
39. Каменный кругъ новаго каменнаго вѣка въ Англіи.

(1, 3—37, 39 по Ранке: „Человѣкъ“, 2 и 38 по кн. Софуса Мюллера: „Сѣверныя древности“.)

Неолитиче

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

я древности.

и величинѣ каменнаго ядрища (nucleus) (см. рис. 3 табл. „Неолитическія древности“) образуетъ болѣе или менѣе длинный каменный клинокъ, заостренный на обоихъ концахъ на подобіе ножа съ двумя лезвеями: это и есть каменный ножъ (см. рис. 4 и 5 той же табл.). Нижняя или внутренняя поверхность клинка, отколотая отъ каменнаго ядрища, представляется ровною и гладкою, тогда какъ на противуположной, верхней или наружной поверхности находится прежнее ребро каменнаго ядра, которое идетъ въ видѣ простого или двуграннаго возвышенія отъ одного конца до другого. Кремень настолько эластиченъ, что въ томъ мѣстѣ, на которое дѣйствовала механическая сила, съ цѣлью отбить осколокъ, получается раковистый изломъ съ болѣе или менѣе выпуклой поверхностью. На ножѣ образуется вслѣдствіе того такъ называемый ударный знакъ — выпуклое возвышеніе на внутренней гладкой поверхности его, которое почти съ абсолютной вѣрностью свидѣтельствуетъ объ участіи руки человѣка. Лезвея подобныхъ кремневыхъ ножей остры и тонки, подобно бритвѣ. Если одно изъ этихъ лезвей сдѣлать зазубреннымъ на подобіе пилы, то получается пластинка пилы, пила каменнаго вѣка. У австралійцевъ, огнеземельцевъ, эскимосовъ и другихъ племенъ находили такіе-же ножи, сдѣланные изъ камня, кремня или аналогичнаго матеріала, дающаго раковистый изломъ, напр., изъ обсидіана, безъ металлическихъ инструментовъ, при помощи такихъ-же способовъ, какіе были въ употребленіи у доисторическаго европейца каменнаго вѣка.

Второй весьма важный инструментъ древнихъ европейцевъ сѣвернаго каменнаго вѣка есть скребокъ, который въ совершенно такой же формѣ извѣстенъ, какъ инструментъ эскимосовъ и самыхъ сѣверныхъ американскихъ индѣйскихъ племенъ и др. (ср. выше, стр. 131). Принципъ изготовленія скребка совершенно такой же, какъ и ножей; это — каменные осколки, отдѣленные отъ каменнаго ядра, но обыкновенно болѣе толстые. Они имѣютъ, такимъ образомъ, подобно ножамъ, плоскую нижнюю, внутреннюю поверхность и болѣе или менѣе угловатую или шероховато-выпуклую верхнюю наружную поверхность; послѣдняя, по большей части, соотвѣтствуетъ неправильному ребру каменнаго ядра. Однако, между тѣмъ какъ ножи употреблялись въ своей первоначальной формѣ, въ какой они были отколоты отъ каменнаго ядра, скребки подвергались еще дальнѣйшей обработкѣ. При помощи ряда ударовъ и давленій, одному концу придавалась форма, большею частью, закругленнаго, изогнутаго, тупого лезвея, которое, въ сочетаніи съ гладкой нижней поверхностью, весьма пригодно не для рѣзанья, а для скобленія. Боковыя ребра, при помощи обтесыванія, нѣсколько притуплены, такъ же, какъ и конецъ, противуположный лезвею. Иногда верхній конецъ скребковъ суживается въ видѣ ножки, которая служила для того, чтобы вставлять скребокъ въ крѣпкую рукоятку. Нынѣшніе эскимосы и индѣйцы употребляютъ такіе-же или весьма сходные скребки — на Аляскѣ они извѣстны подъ названіемъ улу или женскаго ножа — для обработки шкуръ, въ которыя они одѣваются и изъ которыхъ дѣлаютъ также шалаши и кожаныя лодки. Скребки употребляются также для полировки стержней стрѣлъ и для нѣкоторыхъ другихъ цѣлей.

Съ описанными скребками весьма сходны маленькіе кремневые топоры треугольной или неправильно четыреугольной формы, сдѣланные также исключительно путемъ обтесыванія; но они нѣсколько толще и крѣпче и употребляются не только для рубки, но и для многихъ другихъ цѣлей, напр., для груженія неводовъ. Эти три главныя формы встрѣчаются также въ древнѣйшихъ раковинныхъ кучахъ.

Искуснѣе обработанные кремневые топоры сѣвернаго каменнаго вѣка представляютъ уже не осколки, похожіе на ножи, а куски камня, тонко обтесанные со всѣхъ сторонъ, со всестороннимъ раковистымъ изломомъ поверхности. Лезвее ихъ, большею частью, сперва тонко отламывалось

съ обѣихъ плоскихъ сторонъ и затѣмъ самымъ тщательнымъ образомъ шлифовалось (см. рис. 6 табл. „Неолит. древн.“). Въ грубомъ, неготовомъ состояніи они до извѣстной степени приближаются, по формѣ и техникѣ, къ только что описаннымъ маленькимъ топорамъ или грузиламъ неводовъ. Большинство шлифованныхъ кремневыхъ топоровъ, такъ называемыхъ каменныхъ цельтовъ, съ обѣихъ сторонъ выпукло заостряются въ лезвее (см. рис. 7 той же табл.), что̀ дѣлаетъ ихъ замѣчательно пригодными для грубой обработки дерева. Съ развитіемъ каменнаго вѣка, каменные топоры получаютъ весьма различныя формы, вполнѣ приспособленныя къ опредѣленнымъ техническимъ цѣлямъ. Встрѣчаются длинныя и узкія орудія съ односторонне плоскимъ лезвеемъ; другая сторона выпукла: это — долото и стругъ. Находили также полое долото съ вогнутой шлифовкой. Кремневые топоры употреблялись либо отъ руки, либо вставлялись въ деревянную рукоятку. Сохранилось множество подобнаго рода орудій съ рукояткою, принадлежащихъ сѣверному каменному вѣку. Въ альпійскихъ свайныхъ постройкахъ и другихъ мѣстахъ попадаются также топоры меньшей величины, которые вставлялись въ скобу изъ оленьяго рога, вдѣланную, въ свою очередь, въ настоящую рукоятку. Такъ какъ тѣ же орудія употреблялись для разрѣзыванія кожъ и для другихъ цѣлей, то многія изъ найденныхъ оправъ изъ оленьяго рога представляютъ длинныя или короткія рукоятки, удобныя для употребленія инструмента рукою.

Однако, самыя тонкія произведенія древней кремневой техники не отшлифованы, но вся поверхность ихъ представляетъ тонкіе раковистые изломы, мѣстами даже съ различными украшеніями, напр., въ видѣ тонкихъ рыбьихъ косточекъ. Для этой цѣли камни точно также подвергались предварительно болѣе грубой обработкѣ. Подобные экземпляры попадаются въ особенности въ такъ наз. кухонныхъ отбросахъ датскаго человѣка каменнаго вѣка, и, повидимому, употреблялись въ этомъ грубомъ состояніи въ видѣ наконечника копья, кинжала, скребка и проч. При болѣе тонкой обработкѣ, лезвея и поверхности откалывались самымъ тщательнымъ образомъ не съ помощью ударовъ, но посредствомъ надавливанія. Вѣроятно, для этого употреблялся костяной инструментъ, какъ это и теперь еще дѣлаютъ огнеземельцы, эскимосы и другія племена при изготовленіи своихъ кремневыхъ наконечниковъ стрѣлъ и копій. Первое мѣсто среди этихъ кремневыхъ издѣлій неолитическаго періода съ тончайшими раковистыми изломами занимаютъ наконечники стрѣлъ самой разнообразной формы; затѣмъ кинжалы (см. рис. 8 табл. „Неолит. древн.“), наконечники копій, а также полулунные ножи и серпы.

Отъ этихъ формъ существенно отличаются просверленные молоты и молоты-топоры, которые въ извѣстномъ смыслѣ являются предшественниками металлическихъ издѣлій позднѣйшихъ культурныхъ періодовъ.

Описанные кремневые предметы являются важнѣйшими доказательствами въ пользу неолитическаго каменнаго вѣка сѣверно-европейскихъ кремневыхъ областей. Въ числѣ орудій и оружія изъ кремня мы и тамъ встрѣчаемъ не мало издѣлій изъ другихъ каменныхъ породъ. Въ мѣстностяхъ, бѣдныхъ кремнемъ, болѣе крупныя орудія, цельты, топоры, мотыки, просверленные молоты и молоты-топоры, почти исключительно изготовлялись изъ другихъ породъ. Скребки и ножи для разрѣзыванія кожъ также изготовлялись, большею частью, изъ менѣе твердаго и эластичнаго и поэтому мало цѣннаго матеріала. Въ общемъ пользовались, впрочемъ, по возможности, твердыми и въ то же время эластичными породами, главнымъ образомъ, окатанными камнями, которые всюду имѣлись подъ рукою. Предпочтеніе отдавалось чернымъ породамъ, напр., кремнистому сланцу (лидиту), а также базальту и грюнштейну; изъ послѣднихъ очень часто встрѣчаются плотныя или сланцевыя роговыя обманки, амфиболитъ, сер-

пентинъ, габбро, эклогитъ. Кромѣ того, для обработки употреблялись плотныя діоритовыя породы и собственно діоритъ и діабазъ. Въ мѣстахъ, гдѣ подобные подходящіе окатанные камни рѣдки или совсѣмъ отсутствуютъ, пользовались гнейсомъ, гранитомъ, порфиромъ и еще менѣе цѣнными породами, каковы: трахитъ, фонолитъ, кремнистая глина, глинистый сланецъ (черный или болѣе свѣтлыхъ оттѣнковъ), песчаникъ и куски юрской извести.

Особенное вниманіе обращали на себя малые и большіе топоры, большею частью, весьма красиваго зеленаго цвѣта изъ н е ф р и т а, я д е и т а и х л о р о м е л а н и т а; первый изъ нихъ и теперь еще, наравнѣ съ благородными камнями, въ большомъ почетѣ въ Китаѣ, Персіи и Новой Зеландіи, какъ весьма цѣнное украшеніе. Онъ высоко цѣнился также древними культурными народами Южной Америки и отчасти ихъ нынѣшними потомками. Въ средней Европѣ извѣстны лишь немногія мѣсторожденія нефрита, напр., въ Цобтенѣ вѣ Силезіи. Залежи ядеита и хлоромеланита въ Европѣ до сихъ поръ не найдены, и нужно думать, что эти цѣнные минералы сдѣлались достояніемъ людей каменнаго вѣка, только благодаря обширнымъ торговымъ сношеніямъ съ Азіей. Главное мѣсторожденіе нефрита есть Куэнлунь въ восточномъ Туркестанѣ; въ Сибири также находили очень большія глыбы въ окатанномъ видѣ. Главнымъ мѣстонахожденіемъ ядеита считается Бирма въ Индо-Китаѣ, откуда онъ въ большомъ количествѣ ввозится въ Китай. Хлоромеланитъ — темнозеленаго цвѣта и вообще очень сходенъ съ ядеитомъ, отъ котораго отличается, главнымъ образомъ, высокимъ содержаніемъ желѣза; мѣстонахожденіе его, повидимому, еще неизвѣстно. Нефритъ, въ качествѣ сырого матеріала, безъ сомнѣнія, употреблялся для обработки на Боденскомъ озерѣ, какъ это доказываютъ многочисленные осколки и отбросы, отчасти въ формѣ ножей; предполагаютъ по близости мѣстонахожденіе его, которое, однако, до сихъ поръ еще не было открыто. Твердость и эластичность этихъ породъ весьма значительны, и этимъ объясняется, почему человѣкъ каменнаго вѣка прилагалъ столько усилій, чтобы добыть ихъ.

На ряду, однако, съ крупными каменными орудіями изъ различныхъ другихъ породъ мы всегда и всюду находимъ характерные ножи, осколки, скребки, наконечники стрѣлъ и копій, сдѣланные изъ кремня и роговика. Иногда кремень замѣняется кварцемъ, кварцитомъ, яшмой, обсидіаномъ и другими породами. Въ общемъ, однако, к р е м е н ь былъ безусловно н е о б х о д и м ъ для всѣхъ работъ, гдѣ требовалось рѣзать, пилить и вырѣзывать и не имѣлось подъ рукою нефрита и сходныхъ съ нимъ твердоэластичныхъ породъ. Часто находимые куски кремня, напр., въ неолитическихъ пещерныхъ мѣстностяхъ сѣверной Баваріи, поразительно малы, даже ничтожны; и тѣмъ не менѣе, тщательная обработка ихъ показываетъ, какъ цѣнны они были для самаго разнообразнаго употребленія.

При помощи ихъ и при содѣйствіи песку и воды распиливались большіе окатанные камни, предназначенные для болѣе тонкой обработки. Съ помощью кремневыхъ клинковъ и кремневыхъ буравовъ просверливались камни, янтарь и т. под., и просверленныя такимъ способомъ дыры весьма характерны. Но по преимуществу маленькіе кремневые инструменты употреблялись для обработки оленьяго рога, кости и дерева, изъ которыхъ въ неолитическую эпоху вырѣзывались многочисленные предметы утвари и оружія, особенно тамъ, гдѣ человѣкъ каменнаго вѣка вблизи своего жилья съ трудомъ находилъ кремень и другія подходящія породы.

Въ упомянутыхъ уже пещерныхъ мѣстностяхъ Баваріи, такъ наз. Франконской Швейцаріи, издѣлія изъ оленьяго рога и кости въ такой мѣрѣ преобладаютъ надъ каменными вещами какъ по числу и технической законченности, такъ и по разнообразію формъ и цѣлей употребленія, что мы вправѣ назвать н е о л и т и ч е с к і й періодъ этихъ странъ п е р і о д о м ъ

кости и оленьяго рога. Большая часть важнѣйшаго оружія изготовлялась изъ этихъ двухъ видовъ матеріала и, кромѣ того, безчисленные предметы утвари, которые свидѣтельствуютъ о сравнительно высокомъ развитіи техническихъ потребностей — прядильнаго и ткацкаго искусства, плетенія, вязанія сѣтей, обработки кожъ, гончарнаго искусства и т. под. Весьма аналогичныя условія мы встрѣчаемъ въ пещерныхъ мѣстностяхъ Польши.

b) Неолитическія украшенія.

Въ числѣ предметовъ украшенія каменнаго вѣка особенно важны и характерны просверленные зубы животныхъ, собакъ, волковъ, лошадей, быковъ, медвѣдей, кабановъ, а также болѣе мелкихъ хищниковъ. Насколько великъ былъ спросъ на подобныя украшенія, доказываетъ существованіе подражаній и поддѣлокъ. Повсемѣстно встрѣчаются многочисленные предметы украшенія, вырѣзанныя изъ кости и рога — блестящія пластинки, шаровидныя или четыреугольныя бусы, похожія на корзинки, ткацкіе челноки и долота и нанизанныя въ видѣ ожерелья. Другіе предметы, сходные съ бусами, служили, быть можетъ, для иныхъ цѣлей, напр., употреблялись, какъ пуговицы, въ видѣ украшенія, или для техническихъ цѣлей, особенно въ ткацкой и прядильной техникѣ. Найдены также большія черныя бусы изъ слабо обожженной глины; нѣкоторыя изъ нихъ имѣли типическую форму веретенныхъ колецъ. Рядомъ съ пластинками для украшенія изъ кости и оленьяго рога, попадались другія, изъ камня, напр., изъ сланца и алебастра. Эти пластинки представляютъ разнообразныя, подчасъ довольно изящныя формы; поверхность нѣкоторыхъ изъ нихъ украшена красивой орнаментаціей, то въ видѣ линейнаго орнамента, то рѣзьбы, изображающей животныхъ, напр., оленьи головы. На круглыхъ плоскихъ пуговкахъ встрѣчается концентрическое кольцеобразное углубленіе вокругъ средняго отверстія. Весьма изящны маленькія кольца и бусы, похожія на брелоки, съ перламутровымъ блескомъ, вырѣзанныя, большею частью, изъ дилювіальныхъ раковинъ, которыя нѣкогда были нанизаны въ видѣ ожерелья. Попадаются цѣлые браслеты, состоявшіе изъ такихъ связанныхъ перламутровыхъ бусъ или же изъ камня, изящно отшлифованнаго. Нѣкоторыя бусы состоятъ изъ гематита, агата и, особенно на сѣверѣ, изъ янтаря, Иные изъ описанныхъ предметовъ украшенія, напр., ожерелья изъ зубовъ напоминаютъ украшенія палеолитическаго періода. Красный желѣзнякъ, глинистый гематитъ также употреблялся неолитиками, вѣроятно, главнымъ образомъ, для расписыванія кожи, но, быть можетъ и для другихъ видовъ окраски.

Въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ каменнаго вѣка встрѣчаются искусно вырѣзанныя ушныя подвѣски, иглы съ ушками, маленькіе изящные буксовые гребни, головныя булавки съ пуговками или съ боковыми просверленными возвышеніями. Раскопки свайныхъ построекъ этого періода обнаружили также остатки пряжи и кожи, такъ что мы должны представлять себѣ обитателей ихъ украшенными различнаго рода одеждой.

c) Скотоводство неолитическаго періода.

Людей новаго каменнаго вѣка ставитъ неизмѣримо выше палеолитиковъ пользованіе домашними животными и знакомство съ земледѣліемъ. Инвентарь домашнихъ животныхъ составляли собака, рогатый скотъ, лошадь, овца, коза и свинья.

Среди животныхъ, примкнувшихъ къ человѣку въ качествѣ домашнихъ животныхъ, первымъ и древнѣйшимъ является, безъ сомнѣнія, собака.

Она была распространена по всей землѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мелкихъ острововъ. У многихъ народовъ собака была и до сихъ поръ осталась единственнымъ домашнимъ животнымъ въ истинномъ смыслѣ слова. Это распространяется на всѣ эскимосскія народности, на большинство индѣйцевъ Сѣверной и Южной Америки и на материкъ Австраліи. Мы не располагаемъ вѣрными находками, которыя доказывали-бы, что собака была приручена уже палеолитическимъ человѣкомъ: кости собаки не найдены ни въ долинѣ Соммы, ни въ Таубахѣ, ни у Шуссенскаго источника. Но въ пещерахъ, среди дилювіальныхъ животныхъ формъ, неоднократно находили остатки собакъ, которые признавались за прямыхъ предковъ домашней собаки. По всей вѣроятности, въ различныхъ странахъ собака примыкала къ человѣку въ различныя времена. Въ Южной Америкѣ человѣкъ и собака появляются въ геологическомъ смыслѣ одновременно съ пришлыми сѣверными формами животныхъ, во времена дилювія. Въ Австраліи человѣкъ и собака (динго), какъ наиболѣе близкія между собою существа, стоятъ особнякомъ отъ всего остального животнаго міра, совершенно особаго и устарѣлаго для Стараго Свѣта; возможно, что собака и человѣкъ пришли въ Австралію вмѣстѣ. Извѣстны изъ дилювія ископаемые остатки динго, но вѣрныхъ доказательствъ присутствія тамъ человѣка во время дилювія мы не знаемъ.

Въ новомъ каменномъ вѣкѣ мы уже встрѣчаемъ собаку какъ товарища и спутника человѣка повсюду, гдѣ застаетъ ее историческая эпоха. Въ Европѣ находили остатки ея въ датскихъ кухонныхъ отбросахъ, въ сѣверныхъ неолитическихъ мѣстахъ находокъ, въ свайныхъ постройкахъ предальпійскихъ странъ, въ безчисленныхъ пещерахъ неолитическаго періода, въ террамарахъ верхней Италіи и въ другихъ мѣстахъ. Мѣстами это была сравнительно мелкая порода, по величинѣ и строенію скелета стоящая, по Рютимейеру, близко къ лягавой собакѣ. Рютимейеръ называетъ эту породу Canis familiaris palustris, что̀ означаетъ въ переводѣ: собака свайныхъ построекъ, такъ какъ свайныя постройки составляютъ одно изъ главныхъ мѣстонахожденій ея. Подобно всѣмъ расамъ домашнихъ животныхъ первичнаго прирученія, согласно Нерингу, и эта собака представляется въ этомъ періодѣ малою, какъ бы недоразвитою. Съ прогрессомъ культуры размѣры собаки увеличиваются. Въ позднѣйшія доисторическія эпохи и прежде всего въ такъ называемый бронзовый вѣкъ почти во всей Европѣ распространена нѣсколько болѣе крупная и сильная порода съ болѣе заостренной мордою: это — бронзовая собака, ближайшимъ родичемъ которой является, повидимому, овчарка; она близка и къ нашимъ пуделямъ и гончимъ собакамъ. Въ настоящее время домашняя собака употребляется, большею частью, для охраны поселеній и стадъ и для охоты. Въ арктическихъ странахъ эскимосы также пользуются своей собакою, близкой къ овчаркѣ, для личной охраны и для охоты; она особенно полезна для преслѣдованія мускуснаго быка, тогда какъ дикій сѣверный олень слишкомъ быстръ для нея. Но, кромѣ того, эскимосская собака запрягается въ сани или, гдѣ сани непригодны, служитъ вьючнымъ животнымъ, на которое накладываются довольно большія тяжести. Въ Китаѣ и въ другихъ мѣстахъ собака еще до сихъ поръ о̀ткармливается и убивается ради мяса, какъ нѣкогда въ древнихъ культурныхъ странахъ южной Америки. Такимъ образомъ, домашняя собака служитъ всѣмъ цѣлямъ, для которыхъ вообще примѣняются домашнія животныя, кромѣ развѣ полученія молока, хотя мы отнюдь не можемъ съ положительностью исключить и доеніе. Въ новѣйшій каменный вѣкъ человѣкъ также питался мясомъ собаки, какъ доказываютъ находки въ кухонныхъ отбросахъ.

Сѣверный олень ограничивается теперь полярными областями сѣвернаго полушарія, Скандинавіей, Сѣверной Азіей и Сѣверной Америкой, тогда какъ въ палеолитическомъ періодѣ онъ былъ распространенъ во

множ ствѣ по Россіи, Сибири и умѣренной Европѣ, вплоть до Пиренеевъ и Альпъ. Въ неолитическомъ періодѣ средней и сѣверной Европы существованіе сѣвернаго оленя никогда не могло быть доказано съ положительностью, хотя Циттель принимаетъ (въ 5 томѣ его руководства палеонтологіи), что онъ жилъ въ Шотландіи до XI вѣка, а въ Герцинскомъ лѣсу до временъ Цезаря. Древнѣйшее положительное историческое извѣстіе относительно прирученнаго сѣвернаго оленя встрѣчается у Эліана, который говоритъ о прирученныхъ оленяхъ у скифовъ; нынѣ мы находимъ его въ Европѣ у лопарей, въ Азіи у самоѣдовъ и тунгусовъ, гдѣ олень живетъ стадами.

Рогатый скотъ рода Bos, быки, нынѣ нигдѣ не существуетъ въ дикомъ состояніи, между тѣмъ какъ домашній быкъ, Bos taurus, распространенъ, какъ домашнее животное, по всей землѣ и путемъ подбора является въ многочисленныхъ расахъ. Въ дилювіи Европы былъ очень распространенъ дикій быкъ, отличавшійся своей величиною и размѣрами своихъ роговъ — первичный быкъ, Bos primigenius; онъ жилъ еще въ новомъ каменномъ вѣкѣ, рядомъ съ домашнимъ быкомъ. Первичный быкъ, какъ обитатель лѣсовъ, встрѣчается и въ позднѣйшія доисторическія эпохи и даже въ историческое время: такъ, въ пѣснѣ о Нибелунгахъ онъ упоминается въ числѣ добычи Зигфрида. Цезарь описываетъ свою ловлю у германцевъ, какъ „трудную охоту, которая закаляетъ и упражняетъ молодыхъ людей"; сильно развитые рога первичнаго быка „у германцевъ въ большомъ почетѣ; ихъ обиваютъ по краю серебромъ и на большихъ пиршествахъ употребляютъ какъ сосуды для питья". Цезарь сообщаетъ, что германцы дѣлали попытки приручать первичныхъ быковъ, пойманныхъ въ очень молодомъ возрастѣ, но, насколько ему извѣстно, безуспѣшно. Однако, возможность прирученія подтверждается одною изъ породъ домашняго быка каменнаго вѣка, которая уже тогда имѣла большое распространеніе: это — порода primigenius или trochoceros, которая представляетъ большое сходство съ ископаемымъ первичнымъ быкомъ и, очевидно, происходитъ отъ него.

Въ позднѣйшія доисторическія эпохи (бронзовый вѣкъ) изъ расы primigenius развилась новѣйшая раса, frontosus. Но и въ новомъ каменномъ вѣкѣ открыта еще другая раса быка: brachyceros, съ короткими, сильно изогнутыми рогами, узкимъ длиннымъ черепомъ, тонкой короткой мордой и сильно выдающимися краями глазницъ. Эта мелкая порода встрѣчается особенно часто въ свайныхъ постройкахъ и, по Циттелю, вѣроятно, происходитъ изъ Азіи. Согласно изслѣдованіямъ Неринга о первичномъ одомашненіи, мелкія домашнія животныя новаго каменнаго вѣка со слабыми костями представляютъ какъ бы недоразвитыя формы въ зависимости отъ плохого содержанія. Отчасти это примѣнимо и къ мелкимъ породамъ быка, которыя въ этомъ отношеніи сходны съ такъ называемыми моховыми коровами — породою, содержавшеюся до послѣдняго времени въ обширныхъ безплодныхъ болотистыхъ мѣстностяхъ южной Германіи при жалкихъ условіяхъ питанія.

Лошадь новаго каменнаго вѣка не составляетъ уже только предметъ охоты, но встрѣчается и въ прирученномъ состояніи. Во время дилювія лошадь, Equus caballus fossilis *Cuv.*, жила стадами во всей Европѣ, сѣверной Азіи и сѣверной Африкѣ. Отъ этой дилювіальной лошади происходитъ домашняя лошадь, распространенная нынѣ по всей землѣ. Уже между дилювіальными дикими лошадьми замѣчаются столь существенныя различія, что, по изслѣдованіямъ Неринга, мы можемъ признать ихъ за начало образованія мѣстныхъ расъ. Прирученіе и одомашненіе дилювіальной дикой лошади, начавшееся въ каменномъ вѣкѣ, повлекло за собою дробленіе домашней лошади на многочисленныя породы. Древняя дикая лошадь была относительно мала, съ большой головою. Сходная форма попадается еще

мѣстами въ упомянутыхъ болотистыхъ мѣстностяхъ южной Германіи, какъ лошадь мховъ или, по народной кличкѣ, кошка мховъ. Нынѣ родъ домашней лошади распадается, какъ и быка, на двѣ главныя расы: на мелкую, болѣе изящную восточную, и сильную, отчасти болѣе крупную западную расу съ болѣе развитыми лицевыми костями. Лошадь новаго каменнаго вѣка Европы сравнительно мало отличается отъ дикой лошади: большею частью, это — мелкая порода, на половину сходная съ пони, съ большой головою, — очевидно, захудалый продуктъ первобытнаго прирученія при сравнительно неблагопріятныхъ условіяхъ содержанія. Въ степяхъ центральной Азіи и теперь еще скрываются дико живущіе виды лошади: Equus hemionus *Pallas* и E. onager *Pallas*. Первая встрѣчается также, хотя и рѣдко, въ ископаемомъ видѣ въ европейскомъ дилювіи. Существованіе осла, E. asinus *L.*, въ дилювіи Европы хотя и вѣроятно, но съ положительностью не установлено. Оселъ до сихъ поръ не найденъ въ неолитическомъ періодѣ Европы.

Настоящія козы (Capra *L.*) обитаютъ въ дикомъ состояніи въ горныхъ частяхъ Азіи и отсюда были завезены, какъ домашнія животныя, въ Европу, гдѣ онѣ нерѣдко встрѣчаются въ поселеніяхъ новаго каменнаго вѣка. Въ дилювіи Европы Capra hircus *L.* еще не установлена съ положительностью. Древнѣйшія ископаемыя настоящія козы (Capra sivalensis *Lyd.* и др.) появляются въ молодыхъ третичныхъ слояхъ, въ пліоценѣ Остъ Индіи, и стоятъ близко къ нынѣ живущимъ азіатскимъ видамъ козъ.

Въ европейскомъ дилювіи встрѣчается одинъ или нѣсколько видовъ овецъ: въ Англіи и Моравіи найдены остатки крупныхъ породъ, стоящихъ близко къ аргали. Нынѣ дикія овцы живутъ въ горахъ Азіи, южной Европы, Сѣверной Африки и Сѣверной Америки. Кости овцы встрѣчаются въ многочисленныхъ неолитическихъ мѣстахъ находокъ; но трудно, подчасъ невозможно различить другъ отъ друга части скелета овцы и козы. О происхожденіи домашней овцы мы не знаемъ ничего вѣрнаго. Исторія образованія породъ ея сравнительно очень нова; не культивированныя породы овецъ отличаются слабой курчавостью мѣха, который часто бываетъ такой же гладкій, какъ у козы.

Нѣсколько обстоятельнѣе наше знакомство съ домашней свиньей. Раньше считали европейскую дикую свинью, Sus scrofa ferus *L.*, которая была, повидимому, очень распространена въ Европѣ и Азіи уже во времена дилювія, единственнымъ родоначальнымъ видомъ европейской домашней свиньи. Сравнительно мелкая форма, но съ высокими ногами, свинья, свайныхъ построекъ или торфяная свинья, Sus palustris *Rutim.* была разводима въ неолитическомъ періодѣ повсюду, напр., обитателями свайныхъ построекъ Швейцаріи. Но, согласно Натузіусу и Рютимейеру, торфяная свинья происходитъ не отъ европейской дикой свиньи, но, вѣроятно, подобно нынѣшнимъ молодымъ породамъ нашей домашней свиньи, отъ индійской (индо-китайской) родоначальной формы, которая стояла близко къ Sus vittatus *Müll.*, живущей нынѣ на Явѣ и Суматрѣ. Нерингъ показываетъ, что южно-азіатскія и сѣверно-азіатскія дикія свиньи, изъ которыхъ послѣдняя, какъ сказано, тождественна съ нашей дикой свиньей, различаются, вѣроятно, между собою лишь какъ расы одной родоначальной формы. Мелкую расу торфяной свиньи Нерингъ считаетъ такимъ же захудалымъ продуктомъ одомашненія, какъ древняго домашняго быка и домашнюю лошадь.

Прирученная, домашняя птица еще не встрѣчается въ каменномъ вѣкѣ Европы. Отсутствуетъ также домашняя кошка. Общій взглядъ на палеонтологію домашнихъ животныхъ убѣждаетъ, что они происходятъ отъ дикихъ дилювіальныхъ формъ, которыя (это справедливо для быка, лошади и собаки) нынѣ исчезли, такъ что эти важнѣйшія домашнія животныя существуютъ теперь только еще въ прирученномъ или одичаломъ состояніи.

Нѣкоторыя домашнія животныя происходятъ изъ Азіи и оттуда, согласно Циттелю, были завезены въ Европу; это относится къ торфяному быку, къ домашней козѣ, домашней свиньѣ. Для домашней лошади и домашней овцы азіатское происхожденіе, правда, возможно, но не доказано: овца въ дикомъ состояніи встрѣчается, кромѣ Азіи, также въ южной Европѣ. Въ степяхъ центральной Азіи жила стадами, независимо отъ человѣка, порода лошади, весьма сходная съ дикою лошадью, тарпанъ: ее разсматривали, какъ родоначальную расу домашней лошади и, такимъ образомъ, родиною послѣдней точно также признается Азія.

Не подлежитъ сомнѣнію, что огромное число животныхъ формъ, которыя живутъ нынѣ вмѣстѣ съ человѣкомъ въ Европѣ, какъ, напр., почти всѣ формы нашей домашней птицы, тонкія породы свиньи и овцы, происходятъ изъ Азіи, которая является первоначальною родиною ихъ. Аналогичныя условія вытекаютъ изъ нашего сопоставленія уже для неолитическаго культурнаго періода.

d) Земледѣліе у людей каменнаго вѣка.

На сѣверѣ Европы, которому принадлежатъ главныя находки неолитическаго культурнаго слоя, открыты, кромѣ остатковъ растеній, еще ручныя мельницы и орудія прядильнаго и ткацкаго искусства, несомнѣнные свидѣтели воздѣлыванія хлѣбныхъ растеній и льна. Это — пока единственныя вѣрныя доказательства того, что уже въ то время занимались земледѣліемъ и воздѣлываніемъ полезныхъ растеній, которымъ культура человѣчества обязана не меньше, чѣмъ разведенію прирученныхъ полезныхъ животныхъ.

Самыя важныя свѣдѣнія относительно неолитическаго земледѣлія и воздѣлыванія растеній даютъ свайныя постройки, особенно швейцарскія, которыя сохранили до мельчайшихъ подробностей картину неолитической культуры средней Европы, какъ бы только намѣченную на сѣверѣ. Для новаго каменнаго вѣка средней Европы указываютъ до сихъ поръ слѣдующія воздѣланныя полезныя растенія, остатки которыхъ, какъ мы сказали, лучше всего сохранились въ швейцарскихъ свайныхъ постройкахъ каменнаго вѣка, классически описанныхъ Освальдомъ Гееромъ. Изъ хлѣбныхъ растеній Гееръ опредѣлилъ въ богатыхъ свайныхъ постройкахъ Вангена на Боденскомъ озерѣ и Робенгаузена на Пфеффиконскомъ озерѣ три сорта пшеницы и двѣ разновидности ячменя, шестистрочную и двустрочную. Кромѣ того, неолитики воздѣлывали ленъ; послѣдній, повидимому, нѣсколько отличался отъ нашего нынѣшняго льна, а именно представлялъ разновидность съ узкими листьями, какая теперь встрѣчается еще въ Македоніи и Ѳракіи въ дикомъ или, быть можетъ, только одичаломъ состояніи. Дико растущій ленъ находили также въ сѣверной Индіи, на Алтаѣ и у подошвы Кавказа. Обыкновенная пшеница, найденная въ свайныхъ постройкахъ каменнаго вѣка, представляетъ мелкозернистую, но мучнистую разновидность, которой Гееръ далъ названіе Triticum vulgare antiquorum, чтобы отличить ее отъ нынѣ воздѣлываемой культурной формы съ лучшимъ развитіемъ. Попадается, впрочемъ, и т. н. египетская пшеница съ крупными зернами. Хлѣбныя растенія свайныхъ построекъ соотвѣтствуютъ открытіямъ, сдѣланнымъ въ другихъ доисторическихъ мѣстахъ находокъ. Растительные остатки, которые были добыты Радимскимъ изъ знаменитаго мѣстанаходокъ Бутмиръ въ Босніи, опредѣлены К. Шрётеромъ въ Цюрихѣ. Онъ нашелъ изъ сортовъ пшеницы: однозернянку, Triticum monococcum, ту же разновидность, которая и нынѣ воздѣлывается во многихъ мѣстахъ Европы. До сихъ поръ однозернянка открыта въ слѣдующихъ неолитическихъ доисторическихъ мѣстахъ: въ свайной постройкѣ Вангенъ на Боденскомъ озерѣ, венгерской сталактитовой пещерѣ Ба-

радла близъ Агтелека въ Гёмёрскомъ комитатѣ, близъ Тоссега и Фельзё Добсса и въ доисторическомъ Ленгіельскомъ окопѣ. Особенно важно открытіе однозернянки на холмѣ Гиссарлика, сдѣланное Генрихомъ Шлиманомъ. Дикая родоначальная форма однозернянки произрастаетъ на Востокѣ въ Малой Азіи и Мессопотаміи; она встрѣчается еще, какъ говорятъ, въ дикомъ или одичаломъ состояніи въ Крыму, Греціи и Сербіи. Кромѣ того, изъ видовъ пшеницы найдена Triticum vulgare variet. compositum, карликовая пшеница, которая тождественна съ современными мелкозернистыми формами пшеницы и, вѣроятно, также съ мелкозернистой пшеницей свайныхъ построекъ О. Геера и пшеницею Ленгіельскаго окопа. Изъ сортовъ ячменя найденъ Hordeum vulgare. Изъ сортовъ чечевицы найдена въ Бутмирѣ мелкозернистая форма Ervum Lens var. microspermum; та же разновидность открыта въ мѣстонахожденіи Агтелекъ въ Венгріи. Ленгіельская чечевица была крупнѣе, такъ же, какъ и чечевица съ острова Св. Петра на Бильскомъ озерѣ (бронзовый вѣкъ). Рожь и овесъ не встрѣчаются ни въ свайныхъ постройкахъ, ни въ другихъ мѣстонахожденіяхъ каменнаго вѣка; они появляются только въ новѣйшихъ свайныхъ постройкахъ бронзоваго вѣка. Конопля совершенно отсутствуетъ. Изъ прочихъ полевыхъ плодовъ въ свайныхъ постройкахъ каменнаго вѣка найдены еще горохъ и просо. Бобы, чечевица и садовый макъ появляются лишь въ бронзовомъ вѣкѣ, рѣпа до сихъ поръ не найдена. Вообще отсутствуютъ слѣды воздѣлыванія собственно садовыхъ и огородныхъ растеній. Нѣкоторыя находки, впрочемъ, указываютъ на первобытную культуру деревьевъ. Такъ, въ свайныхъ постройкахъ каменнаго вѣка найдены яблоки и дикія груши, разрѣзанныя и высушеныя; изъ яблочныхъ сортовъ встрѣчается, повидимому, кромѣ дико растущихъ, еще одинъ культурный видъ. Хотя находки ограничиваются, главнымъ образомъ, дико растущими плодами, но нужно думать, что вблизи поселеній производилась посадка плодовыхъ деревьевъ, громадное значеніе которыхъ, на ряду съ мясомъ, для питанія и поддержанія здоровья выступало еще яснѣе, за недостаткомъ зеленыхъ овощей. Въ числѣ дикихъ питательныхъ растеній мы встрѣчаемъ различные виды вишни, сливы, терна, затѣмъ малину, ежевику, землянику, буковый желудь и лѣсной орѣхъ. Ленъ воздѣлывался не только для пряжи, но отчасти и въ виду питательнаго достоинства его маслянистыхъ сѣмянныхъ капсулъ — ради льняного сѣмени. И теперь еще въ Индіи ленъ служитъ исключительно для добыванія масла, самое же растеніе не обрабатывается. Точно также въ Абиссиніи его употребляютъ только для ѣды. Въ Греціи и Италіи толченое льняное сѣмя варятъ съ медомъ и въ такомъ видѣ ѣдятъ. Викторъ Генъ указываетъ одно мѣсто у Плинія, гдѣ упоминается объ этомъ сладкомъ блюдѣ, употребляемомъ крестьянами въ мѣстности по ту сторону По. По всей вѣроятности, это — древне-кельтскій или древне-лигурскій обычай, который, нужно думать, распространяется и на эпоху свайныхъ построекъ.

Первоначальная родина важнѣйшихъ видовъ хлѣбныхъ растеній, пшеницы, полбы, ячменя, съ положительностью неизвѣстна; вѣроятно, однако, что они происходятъ изъ средней Азіи, гдѣ пшеница, полба и ячмень дико произрастаютъ въ области Евфрата. Настоящее просо, Panicum miliaceum, происходитъ изъ Остъ-Индіи. Горохъ, какъ и прочія первобытныя стручковыя растенія Европы, чечевица, бобы, также происходитъ съ Востока, отчасти изъ Остъ-Индіи. Такимъ образомъ, если не считать льна, родина котораго, быть можетъ, нѣсколько сѣвернѣе, то настоящія воздѣланныя культурныя растенія средней Европы каменнаго вѣка, хлѣбныя растенія, просо и чечевица указываютъ на Азію, какъ на первоначальную родину свою. Въ этомъ отношеніи, слѣдовательно, они сходны съ домашними животными.

е) Гончарное искусство.

Гончарное искусство было, по всей вѣроятности, совершенно неизвѣстно палеолитикамъ, такъ какъ ни въ одномъ изъ чисто дилювіальныхъ мѣстъ находокъ не найдено было обломковъ глиняныхъ сосудовъ. Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ открываются глиняные сосуды и обломки сосудовъ, они служатъ доказательствомъ послѣдилювіальнаго періода.

Наоборотъ, въ неолитическую эпоху Европы гончарное искусство повсемѣстно распространено, хотя и въ наши дни потребность въ глиняныхъ сосудахъ ощущается далеко не всѣми народами земли и до самаго новѣйшаго времени и теперь еще есть народы и племена, которые не знаютъ горшковъ. Знакомство съ ними убѣждаетъ насъ въ томъ, что европейскій каменный человѣкъ дилювіальной эпохи точно также могъ приготовлять свои кушанья, особенно мясо, при помощи огня безъ всякой посуды для варки. Огнеземельцы кладутъ кусокъ мяса, который хотятъ зажарить, на тлѣющую золу догорающаго древеснаго огня и поворачиваютъ его, чтобы оно не сгорѣло, посредствомъ вилообразно расщепленной вѣтки. Приготовленное такимъ способомъ мясо очень вкусно, такъ какъ оно удерживаетъ весь сокъ и только съ поверхности затягивается коркой; приставшая зола, за отсутствіемъ соли, замѣняетъ приправу. На угольяхъ можно жарить не только рыбу, надѣтую на деревянные прутья, но даже цѣлую овцу: изжареная такимъ образомъ баранина составляетъ, какъ извѣстно, лакомство на Востокѣ. Этнографія и археологія открываютъ намъ еще цѣлый рядъ другихъ способовъ варенія и жаренія безъ глиняной или металлической посуды; нѣкоторые изъ нихъ, напримѣръ, „вареніе съ помощью камней“ практикуются до сихъ поръ.

Если, такимъ образомъ, глиняная посуда и не составляетъ безусловной необходимости для человѣка, то все же доказано, что даже тѣ піонеры съ жалкимъ культурнымъ достояніемъ, которые впервые заселили Данію сосновой эпохи, несмотря на то, что они почти или исключительно употребляли мясную пищу, пользовались вообще глиняной посудой для приготовленія ея и, быть можетъ, также для храненія запасовъ. Какъ уже было замѣчено, остатки, сохранившіеся въ кучахъ кухонныхъ отбросовъ,—по времени древнѣйшіе изъ найденныхъ въ Даніи. Какъ ни просты и грубы черепки, встрѣчаемые во множествѣ, но значеніе ихъ громадно, такъ какъ они являются свидѣтелями глубокой древности.

Къ сожалѣнію, какъ уже было упомянуто, не добыто ни одного совершенно цѣлаго сосуда. Черепки имѣютъ очень толстыя стѣнки изъ грубой глины, смѣшанной съ мелкими кусочками камня; всѣ они сдѣланы отъ руки, безъ помощи гончарнаго круга. Нѣкоторые обломки принадлежатъ, очевидно, большимъ сосудамъ, частью съ плоскимъ, частью же, что особенно характерно, съ заостреннымъ дномъ, такъ что сосудъ не могъ быть прямо поставленъ на землѣ. Попадаются и мелкіе сосуды, нерѣдко въ формѣ овальныхъ чашекъ съ закругленнымъ дномъ, которые также не могли стоять безъ поддержки. Весьма важно, что на этихъ обломкахъ сосудовъ находятся лишь чрезвычайно скудныя и въ высшей степени простыя орнаментальныя украшенія — надрѣзы или сдѣланныя пальцами вдавленія на верхнемъ краѣ.

Мы увидимъ далѣе, насколько эти древнѣйшія гончарныя произведенія каменнаго вѣка разнятся въ смыслѣ недостатка орнаментики отъ вполнѣ развитого каменнаго вѣка. Весьма важно, однако, отмѣтить, что такой, крайне грубый способъ изготовленія глиняной посуды, отъ котораго можно затѣмъ прослѣдить рядъ постепенныхъ переходныхъ ступеней къ формамъ съ наивысшей художественной законченностью, удержался не только въ теченіе всего каменнаго вѣка, но и въ гораздо позднѣйшія эпохи. Эти толстые, грубые черепки большихъ горшковъ, съ мелкими каменными

включеніями, украшенные надрѣзами или вдавленіями концовъ пальцевъ, или ногтей, эти грубыя произведенія первобытнаго гончарнаго искусства, сдѣланныя отъ руки, были чрезвычайно распространены, какъ въ смыслѣ времени, такъ и пространства. Въ этомъ отношеніи они раздѣляютъ участь простѣйшихъ формъ каменныхъ орудій, ножей, осколковъ и имъ подобныхъ остатковъ, которые также удержались въ своей первобытной формѣ во всѣ доисторическія и историческія эпохи. И подобно тому, какъ эти простѣйшія формы каменныхъ орудій остаются неизмѣненными и за предѣлами Европы, такъ и грубѣйшіе обломки, напримѣръ, американской посуды, отличаются отъ вышеописанныхъ часто только тѣмъ, что вмѣсто кусочковъ каменныхъ породъ, глина смѣшивается съ обломками раковинъ. Это сходство не простирается, однако, на форму сосудовъ, по крайней мѣрѣ, относительно заостреннаго или закругленнаго дна.

Въ эпоху вполнѣ развитаго неолитическаго каменнаго вѣка Европы глиняные сосуды также всѣ дѣлались отъ руки, безъ помощи гончарнаго круга, и мы встрѣчаемъ еще всюду описанныя выше древнѣйшія и наиболѣе грубыя формы. Но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается большое разнообразіе въ величинѣ, формѣ и способѣ изготовленія сосудовъ. Во многихъ случаяхъ примѣняется уже болѣе тонкая и даже очень тонко обожженная и гладкая глина. Стѣнки сосудовъ тонки и тщательно обожжены. Въ упомянутыхъ черепкахъ съ толстыми стѣнками, большею частью, только наружный слой, иногда лишь съ одной стороны, такъ сильно обожженъ, что глина приняла ярко-красный цвѣтъ; внутренній слой хотя и твердъ, но остался еще сѣровато-чернымъ. Изъ позднѣйшей неолитической эпохи мы имѣемъ многочисленные, совершенно сохранившіеся сосуды. Они отличаются часто художественно законченной красивой формой; на поверхности ихъ находятся орнаменты въ видѣ надрѣзовъ или вдавленій, рѣдко пластическихъ возвышеній, у которыхъ нельзя отнять извѣстной красоты и чувства симметріи, хотя стиль ихъ только геометрическій. Глиняные сосуды показываютъ также начало цвѣтныхъ украшеній. Надрѣзы, наколы и прочіе орнаменты бываютъ нерѣдко заполнены бѣлой массою (мѣлъ или гипсъ), такъ что рисунокъ ярко выдѣляется, въ видѣ орнамента, на черномъ или красномъ фонѣ поверхности. Неудивительно, поэтому, что въ неолитическомъ періодѣ гончарное искусство, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ возвысилось до степени настоящаго цвѣтнаго раскрашиванія посуды.

Вмѣстѣ съ тѣмъ на этихъ сосудахъ появляется ручка. Въ своей простѣйшей формѣ, она представляетъ бородавчатое или болѣе плоское возвышеніе на стѣнкѣ сосуда, просверленное вертикально сверху внизъ или горизонтально съ узкимъ отверстіемъ, черезъ которое можно продѣть только шнурокъ. Другія ручки, на подобіе нынѣшнихъ, широки, высоки и сильно выгнуты, для захватыванія рукою. Онѣ, большею частью, начинаются на самомъ верхнемъ краю сосуда и доходятъ до брюшка его, тогда какъ ручки первой категоріи, обыкновенно, помѣщаются ниже, часто на уровнѣ наибольшаго изгиба сосуда.

По Клопфлейшу и Гётце, различаютъ, особенно въ новѣйшемъ каменномъ вѣкѣ Тюрингіи, двѣ главныя формы глиняныхъ сосудовъ: форму амфоръ и форму кубковъ. Амфоры — большіе сосуды съ широкимъ брюшкомъ посрединѣ, съ узкой шейкой, съ широкимъ и плоскимъ дномъ и, большею частью, съ двумя или четырьмя узкими ручками, сидящими на уровнѣ наибольшаго расширенія брюшка. Форму ихъ можно приблизительно представить себѣ въ видѣ двухъ, болѣе или менѣе одинаковыхъ, усѣченныхъ двойныхъ конусовъ, которые соприкасаются въ плоскости наибольшаго расширенія сосуда (см. рис. 9 табл. „Неолет. древн.“). Форма кубка имѣетъ болѣе или менѣе шарообразное, снизу, большею частью, сплющенное брюшко и высокую, но относительно широкую шейку

(см. рис. 10 той же табл.). Большею частью, кубки не имѣютъ ручекъ, но иногда на шейкѣ бываетъ короткая ручка, снабженная круглой дырой для вдѣванія шнурка. Нѣкоторые кубки были снабжены выпуклой крышкой (см. рис. 11). Средину между кубкомъ и амфорой занимаетъ форма кувшина (см. рис. 12). Кромѣ того, описаны еще другія формы сосудовъ: кружка и горшокъ, затѣмъ ведра, миски, чашки, банки, бутылкообразныя формы и четыреугольные глиняные сосуды, похожіе на купели. Наконецъ, особенно характерны еще довольно высокія чашки въ формѣ полушарій, съ широкимъ отверстіемъ и круглымъ выпуклымъ дномъ, которыя, слѣдовательно, не могли стоять, какъ и описанные сосуды изъ кучъ кухонныхъ отбросовъ (см. рис. 19 названной табл.).

Въ числѣ орнаментовъ на сосудахъ вполнѣ развитаго неолитическаго періода мы встрѣчаемъ также тѣ простыя украшенія въ видѣ орнамента изъ ямокъ и нарѣзного орнамента, которыя примѣняли датчане сосновой эпохи къ своимъ первобытнымъ гончарнымъ издѣліямъ. Орнаментъ изъ ямокъ заключается въ томъ, что концами пальцевъ дѣлаютъ на извѣстныхъ разстояніяхъ углубленія, ямки, на мягкой еще поверхности сосуда (см. рис. 14 табл. „Неол. древн.“). При этомъ часто умышленно отпечатывается ноготь. Ямки дѣлаются или на ровныхъ мѣстахъ самыхъ стѣнокъ сосудовъ, или на пластически выступающихъ поясовидныхъ полоскахъ глины. Иногда, вмѣсто концовъ пальцевъ, употреблялись для производства ямкообразныхъ вдавленій (напоминающихъ ожерелье изъ бусъ) плоскія, снизу выпуклыя палочки дерева или кости. Нерѣдко мы встрѣчаемъ также продолговатыя выемки или отпечатки формы полумѣсяца.

Нарѣзныя украшенія представляютъ болѣе или менѣе глубокіе линейные надрѣзы или насѣчки, сдѣланные при помощи лезвея кремневыхъ ножей, острія костяныхъ шилъ, кусочковъ дерева съ заостренными ребрами и т. п. Черезъ сочетаніе подобныхъ надрѣзовъ получаются узоры, напоминающіе рыбьи кости, перья, еловыя вѣтви и пальмовые листья. При этомъ косые штрихи часто мѣняютъ свое направленіе: сперва они идутъ вправо, потомъ влѣво или кверху, потомъ внизъ и образуютъ непрерывные ряды или вѣнки, которые въ своихъ повтореніяхъ часто соблюдаютъ извѣстный параллелизмъ. Отъ вдавливанія продольныхъ полосъ получаются ленты, обручи, треугольники, квадраты и проч. Треугольники, большею частью, заштрихованы болѣе или менѣе правильными насѣчками, такъ же, какъ и четыреугольники; въ послѣднихъ чаще всего свѣтлыя полосы чередуются съ заштрихованными и получается рисунокъ шахматной доски. Рѣже эти ленты располагаются концентрическими кругами, или же рисунокъ изображаетъ фестоны, либо спираль. Къ этой формѣ примыкаетъ фигура, состоящая изъ ряда треугольниковъ, наружныя стороны которыхъ слегка выпуклы. Въ лентовидномъ мотивѣ орнамента различаютъ угольныя, дугообразныя и круглыя ленты.

Помимо лентовидныхъ украшеній, встрѣчается, особенно въ могильныхъ сосудахъ, шнуровый орнаментъ. Онъ могъ производиться такимъ способомъ, что на мягкую еще глиняную поверхность надавливали, напримѣръ, бичевкою изъ лыка. Этимъ путемъ получались кольца или системы колецъ, въ которыхъ чередовались между собою косвенно расположенныя возвышенія и углубленія. Въ другихъ сосудахъ эти отпечатки располагаются въ видѣ зигзагообразныхъ линій или иныхъ сочетаній, вслѣдствіе чего шнуровый орнаментъ отличается уже достаточнымъ разнообразіемъ мотивовъ. Къ шнуровому украшенію непосредственно примыкаетъ орнаментъ изъ наколовъ: при помощи тонко заостренной палочки дѣлаютъ наколы въ мягкой еще глиняной массѣ. Получаются иногда полосы, весьма похожія на шнуровыя украшенія; поэтому колотыя украшенія называютъ также ненастоящимъ шнуровымъ орнаментомъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что эти глиняные сосуды изготовлялись на томъ мѣстѣ, гдѣ мы находимъ остатки ихъ. Этимъ объясняются безъ натяжки мѣстныя различія, наблюдаемыя въ различныхъ мѣстахъ находокъ и дающія возможность составить извѣстныя болѣе или менѣе родственныя группы. Такъ, различныя колотыя формы представляютъ ясныя мѣстныя и групповыя различія. Тѣмъ не менѣе, неолитическая керамика всюду, гдѣ бы мы ее ни встрѣчали, носитъ несомнѣнныя общія черты. Несмотря на всѣ особенности, мы находимъ въ цѣлой Европѣ одинъ и тотъ же общій стиль керамики каменнаго вѣка, который не трудно уловить и различить во всѣхъ его варіантахъ. Въ мѣстахъ находокъ, которыя лежатъ ближе къ древнимъ азіатскимъ культурнымъ центрамъ и побережьямъ Средиземнаго моря, какъ, напримѣръ, въ Бутмирѣ, встрѣчаются сосуды болѣе тонкой работы, орнаментація ихъ изящнѣе и богаче, спирали сдѣланы чаще и правильнѣе, мѣстами въ видѣ пластическихъ накладокъ, или даже раскрашены красками и проч. Но общій характеръ остается все-таки, несомнѣнно, неолитическимъ и повторяется не только на европейскихъ побережьяхъ Средиземнаго моря и островахъ Греческаго архипелага, но даже, въ извѣстныхъ отношеніяхъ, въ Мессопотаміи и Египтѣ. Несомнѣнныя сходства съ этой керамикой представляетъ древнѣйшая троянская гончарная утварь. Сходство это заключается въ вертикальномъ просверливаніи, въ своеобразной формѣ и способѣ прикрѣпленія ручекъ и въ рисункѣ орнаментовъ. Точно также крышки урнъ, желобообразно просверленныя ручки, особенно вдавленные орнаменты съ бѣлыми инкрустаціями, даютъ весьма опредѣленныя точки для сравненія. Это сходство керамики каменнаго вѣка можно прослѣдить еще гораздо дальше. Въ Азіи оно простирается вплоть до Японіи, гдѣ кучи раковинъ чрезвычайно напоминаютъ датскія, и даже въ обломкахъ горшковъ можно уловить сходныя черты, несмотря на мѣстныя особенности. О томъ, что древнѣйшія гончарныя издѣлія Америки представляютъ тѣ же черты, мы уже говорили выше.

И такъ, не только оружіе и утварь изъ камня, но, поскольку мы въ состояніи охватить нашимъ взоромъ, и остатки древнѣйшей керамики обнаруживаютъ ту однородность культурнаго развитія неолитическаго періода, которая свидѣтельствуетъ объ одинаковомъ ходѣ умственнаго развитія человѣчества.

D. Жилища и домашняя жизнь.

a) Обзоръ культурнаго достоянія свайныхъ построекъ каменнаго вѣка.

Знаменитыя изслѣдованія Фердинанда Келлера и его школы швейцарскихъ археологовъ надъ свайными постройками предальпійскихъ странъ возстановляютъ передъ нами съ поразительною ясностью общую картину жизни и культурныхъ условій средне-европейскаго человѣчества во время неолитическаго періода.

Между тѣмъ, какъ въ пещерныхъ мѣстностяхъ пещеры и гроты часто давали человѣку новѣйшаго каменнаго вѣка временный или постоянный зимній пріютъ, въ изобилующихъ водою низменностяхъ Швейцаріи неолитическое населеніе строило свои хижины на озерахъ и болотахъ, на сваяхъ, вбитыхъ въ водѣ. Въ тѣ времена предальпійскія страны, нужно думать, были сплошь покрыты лѣсами, въ которыхъ во множествѣ водились дикіе звѣри, и хижины, стоявшія на сваяхъ въ водѣ, давали своимъ обитателямъ болѣе вѣрную охрану, чѣмъ всякое другое мѣсто. Первые основатели и обитатели свайныхъ поселеній въ Швейцаріи принадлежали чистому каменному періоду. Не взирая на свои водяныя жилища, древніе неолитики Швейцаріи обладали почти всѣми важнѣйшими домашними живот-

ными; они были знакомы также съ земледѣліемъ и занимались имъ. Они прокармливались скотоводствомъ, земледѣліемъ, охотой и рыболовствомъ, дикими плодами и пользовались вообще всѣмъ съѣдобнымъ, что давало имъ растительное царство. Одежда ихъ состояла частью изъ шкуръ, частью же, повидимому, изъ тканей, приготовленныхъ, главнымъ образомъ, изъ льна.

Стремленіе поселенцевъ жить большими обществами въ постоянныхъ жилищахъ, безопасныхъ отъ нападеній, безспорно доказываетъ, что имъ были извѣстны преимущества осѣдлаго образа жизни, и что мы отнюдь не должны представлять себѣ обитателей свайныхъ построекъ кочующими пастухами и тѣмъ менѣе охотничьимъ или рыболовнымъ народомъ. Осѣдлое соединеніе большого количества людей въ одномъ и томъ же пунктѣ и сотенъ семействъ въ сосѣднихъ заливахъ не могло бы, конечно, произойти безъ правильнаго обезпеченія пищевыми средствами во всѣ времена года, тѣсно связаннаго съ земледѣліемъ и скотоводствомъ, безъ существованія основъ общественнаго строя. Самое основаніе поселка на озерѣ невозможно для отдѣльнаго лица: здѣсь предполагается совмѣстная работа болѣе или менѣе значительной общины по одному плану и для одной цѣли. Геродотъ описываетъ свайную деревню, въ которой жили пеоны на озерѣ Прозіасъ во Ѳракіи, и съ успѣхомъ защищались противъ персидскаго полководца Мегабаза. Посрединѣ озера стоялъ на высокихъ сваяхъ скрѣпленный помостъ, на которомъ были построены хижины; съ берегомъ онъ сообщался лишь при помощи одного легко удаляемаго моста. Геродотъ разсказываетъ: „сваи, на которыхъ покоится помостъ, были воздвигнуты въ древнія времена совмѣстными усиліями гражданъ; впослѣдствіи поселокъ разростался по мѣрѣ надобности, съ возникновеніемъ новыхъ семействъ.“

Судя по огромному числу свайныхъ построекъ въ предальпійскихъ странахъ каменнаго періода и по количеству найденныхъ тамъ произведеній первобытной промышленности, нужно полагать, что съ момента, когда первые поселенцы вбили свои сваи, чтобы построить на нихъ жилища, и до конца каменнаго періода, прошли вѣка.

Хижины поселеній каменнаго вѣка имѣли частью круглую, частью четыреугольную форму и, подобно свайной хижинѣ, открытой Франкомъ близъ Шуссенрида (см. рис. 15 табл. „Неолит. древн.“), раздѣлялись на два отдѣленія; одно было предназначено для скота, другое, съ каменнымъ очагомъ, для человѣческаго жилья. Полъ хижины состоялъ изъ круглыхъ кусковъ дерева, покоившихся на толстомъ пласту глины, слои котораго также были раздѣлены между собою слоями кругляковъ. Стѣны хижины Франка были укрѣплены между угловыми столбами и состояли изъ древесныхъ стволовъ, разрѣзанныхъ пополамъ, поставленныхъ вертикально и поверхностью разрѣза обращенныхъ внутрь. Круглыя хижины имѣли стѣны изъ грубо переплетенныхъ вѣтвей, смазанныхъ снаружи и снутри глиною. Сохранилось много кусковъ этого глинянаго слоя, твердо обожженныхъ огнемъ и съ отпечатками вѣтвей. Озерныя свайныя хижины соединялись съ водою посредствомъ лѣстницъ. В. Гроссъ нашелъ образчикъ подобной лѣстницы въ одной изъ древнѣйшихъ стоянокъ: она состояла изъ длинной дубовой сваи, имѣвшей на довольно правильныхъ разстояніяхъ отверстія, въ которыя были вставлены перекладины лѣстницы.

Важнѣйшія находки древнѣйшей культуры свайныхъ построекъ составляютъ каменныя орудія и оружіе; формы ихъ, способъ приготовленія и примѣненіе были тѣ же, съ какими мы познакомились выше. Матеріаломъ для топоровъ и долотъ служили, главнымъ образомъ, окатанные камни, которые обитатели швейцарскихъ свайныхъ построекъ имѣли всюду подъ рукою: серпентинъ, діоритъ, габбро, при чемъ грюнштейну, очевидно, отдавалось предпочтеніе. Кромѣ того, были въ употребленіи рѣдкіе цѣнные камни, нефритъ, ядеитъ и хлоромеланитъ. Каменные топоры и долота.

большею частью, прикрѣплены къ рукояткѣ, часто такимъ образомъ, что сперва къ нимъ придѣлывалась скоба изъ оленьяго рога, которая, въ свою очередь, вставлялась въ деревянную ручку. Рѣже попадаются топоры, вставленные въ деревянную палку, похожую на палицу, или въ рукоятку, сдѣланную изъ одного оленьяго рога (см. рис. 16 табл. „Неолит. древн.“). Лишь къ концу каменнаго вѣка, повидимому, въ Швейцаріи пришли къ мысли просверливать самый топоръ для укрѣпленія рукоятки и получилась типическая форма молота-топора (см. рис. 17 и 18 той же табл.). Келлеръ, Фордъ и др. доказали, что, при содѣйствіи воды и песку, всякая полая кость въ состояніи просверлить самый твердый камень. На многихъ неоконченныхъ кускахъ можно еще видѣть на срединѣ просверливаемой дыры образующійся при этомъ выступъ. Находили также готовые высверленные куски, въ видѣ небольшихъ, правильно отшлифованныхъ каменныхъ цилиндровъ. Иногда, впрочемъ, камень съ обѣихъ сторонъ просто просверливался кремневымъ буравомъ, и форма просверленнаго отверстія получалась неправильная. И въ этомъ случаѣ ясно видно, какое важное значеніе имѣли кремневыя орудія, несмотря на малые размѣры ихъ. По словамъ Р. Келлера, „кремень есть то вещество, чрезъ посредство котораго прямо или косвенно всякое орудіе получаетъ свою форму.“

Камень имѣлъ, кромѣ того, еще множество другихъ примѣненій. Изъ него изготовляли молоты всевозможныхъ формъ, пестики и ступки, жернова, шлифовальные и гладильные камни для выдѣлки посуды, веретена и различныя украшенія для привѣшиванія. Изъ кремневаго оружія особенно замѣчательны кинжалы, которые состоятъ изъ остроконечнаго кремневаго клинка, вставленнаго въ рукоятку. Рукоятка на одномъ концѣ выдолблена для помѣщенія конца клинка, на другомъ представляетъ пуговицеобразное утолщеніе. Кремневый клинокъ укрѣплялся сначала при помощи смолы и затѣмъ вся рукоятка обматывалась чесаннымъ льномъ или же жгутами, скрученными изъ ситника. Или кинжальный клинокъ вставлялся въ глазной отростокъ оленьяго рога. Въ такія же рукоятки вставлялись часто маленькіе топорики, служившіе, напр., для рѣзьбы изъ нефрита. Кремневые наконечники стрѣлъ и копій изготовлялись вообще съ большой тщательностью. Но самую обыкновенную форму кремневыхъ предметовъ представляютъ грубые ножи и скребки, извѣстные уже изъ дилювіальной эпохи. Безчисленные отбросы, найденные въ стоянкахъ, доказываютъ, что кремень обрабатывался на мѣстѣ. Въ свайныхъ постройкахъ Швейцаріи попадаются также немногіе болѣе крупные серповидные клинки, сходные съ сѣверными кремневыми клинками. Для полученія большихъ пилообразныхъ клинковъ, маленькіе острые осколки кремня укрѣплялись при помощи смолы въ желобкѣ куска дерева или оленьяго рога.

Утверждали, что кремень уже въ то время попадалъ въ Швейцарію, напр., изъ сѣверныхъ кремневыхъ мѣсторожденій, путемъ торговыхъ сношеній. Болѣе вѣрно то, что къ концу каменнаго вѣка мы встрѣчаемъ янтарь, привозившійся отдѣльными кусками съ сѣвера.

Издѣлія изъ оленьяго рога и кости отличаются большимъ разнообразіемъ. Большія количества оленьяго рога, находимаго въ свайныхъ постройкахъ, доказываютъ, что въ каменномъ періодѣ лѣса были полны оленей, и что охота за этимъ животнымъ не представляла большихъ трудностей даже при тѣхъ несовершенныхъ средствахъ, которыми располагали обитатели свайныхъ деревень. Подобно палеолитикамъ Шуссенскаго источника, употреблявшимъ рогъ сѣвернаго оленя, неолитики швейцарскихъ озерныхъ деревень вырѣзывали всевозможные предметы изъ оленьяго рога. Изъ самыхъ толстыхъ частей роговъ (см. рис. 16 табл. „Неол. др.“) изготовлялся родъ ноженъ въ видѣ клещей, для топоровъ и молотовъ, которые вгоняются въ рукоятку. Изъ конца роговъ, на которомъ сохранился еще глазной отростокъ, сдѣланъ въ одномъ случаѣ родъ мотыки, а самый конецъ съ много-

численными остріями, поперечно просверленный, представлялъ довольно опасное оружіе и въ то же время грабли. Другія орудія напоминаютъ лопаты и мотыки и служили для цѣлей земледѣлія. Изъ рыболовныхъ орудій были найдены удочки изъ оленьяго рога и превосходно сдѣланныя гарпуны съ зазубринами (см. рис. 19 той же табл.). Находили также хорошо сохранившіеся остатки сѣтей и при нихъ множество еще обернутыхъ бичевками каменныхъ грузилъ, которыя были, безъ сомнѣнія, прикрѣплены къ петлямъ сѣти, чтобы погружать ее на дно. Изъ оленьяго рога изготовлялись, далѣе, маленькіе кубки съ дырами для подвѣшиванія, затѣмъ ожерелья и искусно вырѣзанныя сережки, большія пуговицы иногда съ украшеніями, иглы съ ушками, маленькіе гребни, стрѣлы, шила и большой выборъ головныхъ булавокъ, однѣхъ съ шариками, другихъ съ боковыми просверленными возвышеніями, очевидно, для продѣванія нитокъ. Такъ какъ кость, особенно оленей и быковъ, состоитъ изъ болѣе твердаго вещества, чѣмъ олепій рогъ, то ее употребляли во многихъ случаяхъ для изготовленія оружія и инструментовъ. Изъ коровьихъ или оленьяхъ реберъ, просверленныхъ на одномъ концѣ и связанныхъ по три въ пучки, дѣлались гребни для чесанія льна. Кинжалы, большею частью, также изготовлялись изъ кости, при чемъ рукояткою служила естественная суставная поверхность, или же костяной клинокъ укрѣплялся въ особой рукояткѣ изъ оленьяго рога. Костяные наконечники стрѣлъ и копій встрѣчаются гораздо чаще кремневыхъ. Чтобы укрѣпить наконечникъ стрѣлы на стержнѣ, его обертывали бичевкой и сверху покрывали еще слоемъ березовой смолы. Мы встрѣчаемъ, далѣе, множество шилъ и долотъ всевозможныхъ размѣровъ изъ кости; одинъ конецъ ихъ острый или заостренный, другой укрѣпленъ въ рукояткѣ изъ оленьяго рога (см. рис. 20 табл. „Неол. др.“). Изъ просверленныхъ зубовъ животныхъ, главнымъ образомъ, волка, собаки, медвѣдя и свиньи, дѣлались амулеты или ожерелья (см. рис. 21—23 той же табл.).

Въ свайныхъ постройкахъ каменнаго вѣка найдено также довольно много деревянныхъ предметовъ. Ярмо совершенно сходно съ тѣмъ, какое въ наше время употребляется для запряжки быковъ. Изъ буксоваго дерева изготовлялись изящные гребни. Сохранились также лодки того времени, выдолбленныя изъ одного цѣльнаго древеснаго ствола; одинъ экземпляръ имѣлъ 9,5 м. длины и 0,7—0,9 м. ширины. Какъ дополненіе къ многочисленнымъ стрѣламъ, найдено было нѣсколько экземпляровъ лука; одинъ экземпляръ изъ буксоваго дерева имѣлъ 1,6 м. длины. Далѣе, найденъ былъ маленькій лукъ изъ того же матеріала, который, очевидно, принадлежалъ бураву, служившему для просверливанія каменныхъ топоровъ, или, еще вѣроятнѣе, для вращенія деревяннаго огнива. Изъ дерева изготовлялись также молотильные цѣпа, древки копій, чашки и блюда, иногда снабженныя ручками, ложки, мутовки, молотки, кораблики, служившіе дѣтской игрушкой и т. п. Въ Бернскомъ музеѣ хранятся даже обломки столовъ, скамей и дверей изъ свайныхъ построекъ каменнаго вѣка.

Для оцѣнки уровня культуры обитателей свайныхъ построекъ каменнаго вѣка имѣютъ особенное значеніе остатки прядильныхъ и ткацкихъ инструментовъ, пряжи (см. рис. 25 табл. „Неол. др.“) и тканей, плетеныхъ работъ и проч. На упомянутыхъ выше гребняхъ изъ реберъ находили ленъ намотаннымъ. Точно также мы уже говорили о прикрѣпленіи клинковъ при помощи льна или скрученныхъ изъ него нитокъ и о широкихъ и узкихъ сѣтяхъ, вязанныхъ изъ нитокъ и встрѣчающихся во множествѣ. Для пряденія нитокъ служили веретена, совершенно сходныя съ нынѣшними: деревянная палочка укрѣплялась въ веретенномъ кольцѣ, сдѣланномъ изъ камня, оленьяго рога или глины (см. рис. 24 той же табл.). Прялка, повидимому, еще не была извѣстна, не сохранился также ткацкій станокъ, но во множествѣ найдены ткацкія гири, которыя служили

для пряденія нитокъ. Изготовлялись превосходныя ткани, въ томъ числѣ и киперныя, и сохранились многочисленные остатки ихъ. Затѣмъ, какъ показываютъ остатки, тогда умѣли дѣлать циновки и корзины изъ матеріала и нынѣ употребляемаго для этой цѣли (см. рис. 26 и 27 той же табл.).

Родъ хлѣба, выпекавшійся изъ хлѣбныхъ растеній, состоялъ изъ хлѣбныхъ зеренъ, грубо смолотыхъ. Мельничные камни для измельченія зерна встрѣчаются во множествѣ. Это — каменныя плиты, нѣсколько выдолбленныя и вытертыя, на которыхъ хлѣбныя зерна раздавливались при помощи болѣе мелкихъ, плоскихъ, сверху закругленныхъ камней (см. рис. 28 той же табл.). Посуда для варки имѣетъ подчасъ весьма усовершенствованный видъ. Сохранились большие и малые горшки для храненія запасовъ, глиняные горшки для варки и миски, затѣмъ большія деревянныя ложки и мутовки, послѣднія, вѣроятно, для сбиванія масла. Сосуды въ родѣ рѣшета служили для приготовленія сыра; это — горшки, въ стѣнкѣ и на днѣ которыхъ имѣется рядъ узкихъ отверстій для сливанія сыворотки съ полученнаго сыра.

И такъ, древніе обитатели нашихъ странъ представляютъ, во время вполнѣ развитаго неолитическаго періода, осѣдлое населеніе, занимающееся земледѣліемъ и скотоводствомъ. Хотя охота и рыболовство все еще доставляли важный элементъ питанія, такъ что мѣстами въ числѣ кухонныхъ остатковъ находили даже больше оленьихъ костей, чѣмъ костей рогатаго скота, тѣмъ не менѣе, основу питанія составляли молоко, сыръ и масло рогатаго скота, овецъ и козъ, затѣмъ мясо этихъ животныхъ и особенно свиней, хлѣбъ и плоды.

b) Неолитическія пещерныя жилища и другія поселенія на сушѣ.

Пещерныя находки въ неолитическомъ слоѣ отличаются едва ли меньшимъ богатствомъ и разнообразіемъ, чѣмъ результаты изслѣдованія свайныхъ построекъ. Какъ мы уже замѣтили (см. стр. 139), тамъ, гдѣ въ почвѣ пещеры лежитъ дилювіальный слой, едва ли возможно избѣжать смѣшенія палеолитическихъ предметовъ съ неолитическими. Есть, однако, безчисленные гроты и маленькія пещеры, въ которыхъ неолитическій пластъ самый древній, такъ что ошибки исключаются. Во многихъ подобнаго рода мѣстахъ, въ пещерной мѣстности Франконско-баварской Юры, обстановка находокъ въ неолитическомъ слою оказалась такою же чистою и безъ примѣсей, какъ въ свайныхъ постройкахъ.

Пещерные обитатели новѣйшаго каменнаго вѣка во Франконской Юрѣ представляли, въ сущности, пастушескій народъ, подобно обитателямъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ каменнаго вѣка. Какъ и тѣ, они обладали всѣми важными домашними животными — собакою, рогатымъ скотомъ, лошадью, овцою, козою, свиньей, и занимались уже земледѣліемъ; вѣрно, по крайней мѣрѣ, что они воздѣлывали ленъ. Рядомъ съ этимъ они добывали существенную часть пропитанія при помощи охоты и рыбной ловли. И такъ, не только на берегахъ озеръ, на искусственно вбитыхъ свайныхъ постройкахъ, но также по берегамъ южно-германскихъ рѣкъ жилъ нѣкогда народъ, который еще по преимуществу занимался охотой и рыбной ловлей, пользовался исключительно каменными и костяными орудіями безъ металла, но вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ уже скотоводство и былъ посвященъ въ начала земледѣлія. Помимо средствъ къ существованію, дарованныхъ ему самою природою, онъ былъ знакомъ съ основами техническихъ искусствъ, обтесываніемъ и шлифовкою каменныхъ орудій, рѣзьбою по кости, въ особенности же съ гончарнымъ искусствомъ, съ дубленіемъ, швейнымъ искусствомъ, ткацкимъ дѣломъ и плетеніемъ. Настоящія археологическія сокровища были открыты подъ нависшими скалистыми сводами, защищающими

отъ непогодъ. Большинство найденныхъ здѣсь предметовъ представляютъ рѣзьбу изъ кости, зубовъ и оленьяго рога, оружіе, утварь и украшенія различнаго рода. Крѣпкіе отростки роговъ благороднаго оленя служили для изготовленія шилъ, иголъ, наконечниковъ стрѣлъ и болѣе грубыхъ инструментовъ; нѣкоторые изъ этихъ послѣднихъ вырѣзывались также изъ оленьей кости, которая оказывалась особенно пригодною для этой цѣли, благодаря своему прочному строенію и высокой способности къ полировкѣ. Главный матеріалъ для изготовленія костяныхъ орудій давали, послѣ оленя, трубчатыя кости и ребра быковъ. Судя по костямъ, нужно думать, что, помимо прирученнаго быка, рѣчь идетъ здѣсь еще о дикомъ быкѣ, быть можетъ, зубрѣ (Bison europaeus). Среди находокъ встрѣчаются просверленные зубы одного вида лошади средняго роста, а также инструменты и оружіе, изготовленные изъ костей ея. Изъ ложныхъ реберъ этой лошади, въ разрѣзѣ приблизительно четырехугольныхъ, изготовлялись удобные, нѣсколько изогнутые остроконечные костяные кинжалы и большія иглы (см. рис. 29 табл. „Неолит. древн.“). Отполированныя лошадиныя ребра служили, какъ въ другихъ мѣстахъ плюсневыя кости лошади, полозьями для лыжъ. Изъ клыковъ кабана шлифовались ножи съ острымъ лезвеемъ. Просверленные клыки одной крупной породы собакъ, похожихъ на охотничьихъ, вѣроятно, употреблялись какъ бусы и амулеты.

Изъ каменныхъ орудій мы встрѣчаемъ въ очень большомъ числѣ ножи, скребки, наконечники стрѣлъ и осколки изъ кремня и роговаго камня, малаго и даже весьма малаго размѣра. Болѣе крупныя каменныя орудія, топоры, цельты, молоты соотвѣтствуютъ швейцарскимъ; но матеріалъ ихъ, сообразно съ мѣстными условіями, отчасти гораздо хуже: это — юрскій известнякъ и сланецъ. Изъ послѣдняго сдѣланы найденные каменные „ножи для разрѣзыванія кожи“, чрезвычайно похожіе на сланцевые ножи, которые относятъ въ Швеціи къ лапландскому каменному вѣку. Находили еще длинные узкіе, похожіе на мечъ каменные клинки изъ сланца. Въ числѣ просверленныхъ каменныхъ предметовъ поражаютъ также плоскія мотыки, снабженныя снизу рѣжущимъ краемъ; онѣ, вѣроятно, употреблялись для обработки почвы. Очень длинныя узкія каменныя орудія изъ зеленаго камня принимаютъ за родъ сошника.

Къ характернымъ формамъ инструментовъ изъ оленьяго рога и кости принадлежатъ шила, кинжалы, рукоятки, костяные ножи, ложки и вилки изъ кости (см. рис. 30 табл. „Неолит. древн.“), костяныя долота (см. рис. 31 той же табл.), костяные молоты. Самые частые виды костяного оружія представляютъ наконечники стрѣлъ и копій и гарпуны. Формы наконечниковъ стрѣлъ въ различныхъ пещерахъ поразительно разнообразны. Различія въ формѣ и способахъ прикрѣпленія наконечниковъ стрѣлъ, быть можетъ, соотвѣтствовали извѣстнымъ знакамъ собственности, при помощи которыхъ и современные охотничьи народы имѣютъ обыкновеніе различать и узнавать свое оружіе. Благодаря этому, охотникъ вправѣ признать дичь своей, какъ скоро онъ узналъ свою стрѣлу. Костяныя гарпуны съ однимъ или нѣсколькими остріями были пригодны для закалыванія подъ водою большихъ лососей, рѣчныхъ выдръ и бобровъ, которые водились тогда въ долинѣ Визента. Рядомъ съ этимъ употреблялись большія костяныя удочки для рыбной ловли.

Но наиболѣе важное значеніе для оцѣнки культурнаго состоянія неолитическихъ обитателей скалъ имѣютъ многочисленные предметы, вырѣзанные изъ кости, которые слѣдуетъ признать за инструменты для тканья и для вязанья сѣтей. Для этой послѣдней цѣли служили найденные большіе тонко отполированные костяные вязальные крючки, отчасти вырѣзанные изъ ребра большого жвачнаго животнаго (см. рис. 32 той же табл.). Конецъ рукоятки отъ употребленія сглаженъ; наконечникъ съ зазубриной по той же причинѣ закругленъ; во многихъ инструментахъ конецъ про-

сверленъ для подвѣшиванія. Еще въ большемъ количествѣ были находимы ткацкіе челноки различной формы. Очень часто они похожи на челноки, и теперь еще употребляемые въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (см. рис. 33 той же табл.). Нѣкоторые изъ нихъ не просверлены; но большинство имѣетъ въ центрѣ плоскихъ сторонъ одно или два круглыхъ или овальныхъ отверстія для привязыванія намотанной нитки, вмѣстѣ съ надрѣзами, которые сдѣланы поперекъ въ видѣ желоба. Кромѣ того, очень часто, вмѣсто челнока съ двумя остріями, встрѣчается спица для плетенія или тканья, плоская или круглая, довольно длинная, на одномъ концѣ тупо заостренная, на противуположномъ закругленная и вблизи круглаго конца просверленная. Были также находимы плоскіе челноки, похожіе на наконечники стрѣлъ, при чемъ плоскій, суживающійся, какъ бы для прикрѣпленія стержня, конецъ ихъ былъ просверленъ. Найденъ еще пилообразный, зазубренный костяной инструментъ, который, вѣроятно, употреблялся для выравниванія нитокъ, затѣмъ длинный плоскій костяной клинокъ, похожій на мечъ,—для укрѣпленія нитки въ ткацкомъ станкѣ. Въ большомъ количествѣ были находимы просверленныя глиняныя ткацкія гири, которыя заставляютъ думать, что ткацкій станокъ, какъ и у обитателей свайныхъ построекъ, походилъ на старинный станокъ, бывшій, по Монтеліусу, сравнительно еще недавно въ употребленіи на Фарерскихъ островахъ. Очень многочисленны веретенныя кольца, то въ видѣ плоскихъ круглыхъ костяныхъ дисковъ, просверленныхъ въ центрѣ, то въ видѣ толстыхъ костяныхъ колецъ или большихъ костяныхъ и роговыхъ бусъ; наконецъ, встрѣчаются рога благороднаго оленя, просверленные въ центрѣ и, такимъ образомъ, изображающіе веретенное кольцо. Характерныя формы веретенныхъ колецъ изъ обожженной глины, извѣстныя только по свайнымъ постройкамъ, встрѣчаются въ большемъ числѣ въ скалистыхъ жилищахъ долины Визента. Часто попадаются швейныя иглы изъ кости. Онѣ гораздо меньше и ўже иголъ для плетенія; нѣкоторыя изъ нихъ цилиндрическія, весьма тщательно заострены и снабжены ушкомъ. Но для сшиванія шкуръ приходилось, вѣроятно, предварительно прокалывать отверстія маленькими, часто попадающимися острыми кремневыми шилами.

Во множествѣ встрѣчаются п р е д м е т ы у к р а ш е н і я изъ кости и оленьяго рога: шаровидныя или четырехугольныя бусы, а также похожія на челнокъ или долото, затѣмъ просверленные зубы животныхъ, преимущественно собакъ и лошадей, медвѣдей и кабановъ. Въ одномъ мѣстѣ найдены большія черныя бусы изъ слабо обожженной глины; нѣкоторыя изъ нихъ имѣютъ типическую форму веретенныхъ колецъ. Иногда попадались пластинки для украшенія и другія украшенія изъ кости, оленьяго рога и похожаго на сланецъ камня, подчасъ изящно разукрашенныя. Орнаментація заключалась въ правильно размѣщенныхъ точкахъ и линіяхъ; на другихъ предметахъ были вырѣзаны оленьи головы, и почти всѣ они просверлены для пришиванія. Нѣкоторыя украшенія имѣютъ форму пуговокъ.

Раньше существовало мнѣніе, будто неолитическіе европейцы не знали искусства р ѣ з ь б ы и в ы р ѣ з ы в а н і я животныхъ и человѣческихъ фигуръ, которымъ столь замѣчательно владѣли палеолитики. Однако, дальнѣйшія изслѣдованія приносили все новыя доказательства того, что и въ новомъ каменномъ вѣкѣ пластика и рѣзьба не вымерли. Особенное вниманіе обратила на себя рѣзьба на янтарѣ изъ Куришъ-Гафа близъ Шварцорта, которою, быть можетъ, отчасти пользовались для религіозной цѣли (см. рис. 34 табл. „Неол. древн.“), затѣмъ фигуры изъ простой или слоновой кости и изъ известковыхъ натёковъ въ пещерахъ Франціи и польской Юры (см. рис. 35 той же табл.) и фигуры изъ Бутмира и др.

Подобно тому, какъ во всей предальпійской области, сѣверной и южной, едва-ли найдется озеро, въ которомъ не были бы открыты свайныя постройки, до мельчайшихъ подробностей соотвѣтствующія швейцарскимъ

и, безъ сомнѣнія, современныя съ ними, точно также и во всѣхъ пещерныхъ мѣстностяхъ Европы есть множество пещеръ и гротовъ, безспорно заключающихъ неолитическій и культурный слой совершенно такого же типа, какъ и вышеописанный. Особенно тщательныя изслѣдованія были произведены въ неолитическихъ пещерахъ Австро-Венгріи, Англіи, Франціи, сѣверной Италіи, Польши, европейской Россіи и проч.

Въ Италіи была открыта, въ Ломбардіи и Эмиліи, другая группа поселеній каменнаго вѣка, которая представляетъ еще всѣ признаки и культурное достояніе новаго каменнаго вѣка и въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ стоитъ ближе къ свайнымъ постройкамъ, чѣмъ пещерныя жилища. Это — террамары, обитатели которыхъ, впрочемъ, возвысились уже отчасти до пользованія бронзою. Однако, до сихъ поръ не удалось строго разграничить по слоямъ жилища каменнаго и металлическаго вѣка. Террамары стояли на свайномъ помостѣ, на сухой землѣ, на сваяхъ въ 2—3 метра высотою. Все поселеніе было защищено рвомъ и валомъ, большею частью окружено также палисадами и имѣло продолговато-четырехугольное или овальное очертаніе. Въ каменномъ вѣкѣ мы встрѣчаемъ въ Италіи, помимо многочисленныхъ естественныхъ и искусственныхъ пещеръ, еще жилыя ямы, fondidi campanne, надъ которыми нѣкогда, вѣроятно, была надстройка.

Подобнаго рода жилыя ямы каменнаго вѣка, повидимому, были распространены по всей Европѣ. Нерѣдко находили внутри ямъ или по близости ихъ остатки обожженой глины, покрывавшей стѣны, съ отпечатками плетня, что несомнѣнно указываетъ на бывшія хижины. Въ Мекленбургѣ, гдѣ жилыя ямы впервые были болѣе тщательно изслѣдованы Лишемъ, онѣ имѣютъ круглое очертаніе въ 10—15 метр. и отъ $1^1/_2$—2 метр. глубины. На днѣ ямъ лежатъ обожженые и почернѣвшіе камни, камни отъ очаговъ, уголья, обломки горшковъ, разбитыя кости животныхъ и отдѣльныя каменныя орудія, но всѣ эти предметы разбросаны въ болѣе или менѣе значительномъ количествѣ только вблизи жилищъ. Во Франціи встрѣчаются такія же круглыя жилыя ямы каменнаго вѣка. Въ баварскомъ Спессартѣ найдены въ новѣйшее время весьма многочисленныя ямы очаговъ меньшихъ размѣровъ, и сотни каменныхъ топоровъ, а также просверленныхъ топоровъ-молотовъ; нѣкоторые топоры сдѣланы очень красиво изъ ядеита.

Во время неолитическаго періода жилища часто строились на возвышенностяхъ, на холмахъ и горахъ, и, повидимому, уже въ то время ихъ иногда укрѣпляли и окружали валомъ. Подобныя поселенія весьма многочисленны во всей южной и средней Германіи, въ Австро-Венгріи, особенно на морскомъ побережьи, въ Италіи и Франціи. Нѣкоторыя всецѣло принадлежатъ каменному вѣку; большинство ихъ, хотя и было уже обитаемо въ каменномъ вѣкѣ и заключаетъ типичныя для неолитическаго періода находки, извѣстныя изъ предъидущаго, сохранилось и въ позднѣйшія, металлическія эпохи; иныя оставались обитаемыми до самаго новѣйшаго времени и даже въ наши дни. На скалѣ близъ Клаузена, въ Эйзакской долинѣ, въ Тиролѣ, на которой теперь расположенъ большой монастырь Зебенъ, находился въ средніе вѣка замокъ, а во время господства римлянъ находилось укрѣпленное поселеніе Собона. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ (въ 1895 г.), при производствѣ земляныхъ работъ для новыхъ монастырскихъ построекъ, здѣсь былъ найденъ хорошо отшлифованный каменный топоръ неолитическаго вѣка. На многихъ горахъ средней Германіи находятся слѣды древняго пребыванія людей, которые здѣсь жили или собирались для жертвоприношеній. Земля почернѣла тамъ отъ органическихъ остатковъ и угля, и эта „черная земля на высотахъ и горахъ“, какъ сказано, часто содержитъ слѣды неолитиковъ. Въ Италіи нѣкоторыя находки на подобныхъ высотахъ, напр., на небольшомъ укрѣпленномъ холмѣ близь Имолы, повидимому, представляютъ отсутствующую въ террама-

рахъ ступень каменнаго вѣка, которая предшествуетъ началу металлическаго вѣка террамаръ и во всемъ существенномъ ему соотвѣтствуетъ, за исключеніемъ знакомства съ металлами.

Точно также въ сѣверной Африкѣ, Греціи, на побережьяхъ Чернаго моря, въ Малой Азіи, въ древнемъ культурномъ центрѣ Востока, въ странахъ Евфрата, въ Китаѣ и Японіи, во всемъ старомъ культурномъ свѣтѣ находятся доказательства бывшаго неолитическаго вѣка. И тамъ на этомъ древнемъ слоѣ залегаютъ пласты высшей культуры. Культурное достояніе человѣка было на всемъ этомъ обширномъ пространствѣ въ существенныхъ чертахъ одинаково въ теченіе развитого новаго каменнаго вѣка: этотъ вѣкъ является общей основой для культуры Стараго Свѣта.

Общіе контуры культурной картины всюду одинаковы. Но это не исключаетъ многочисленныхъ мѣстныхъ оттѣнковъ. И мы едва ли ошибемся, предположивъ, что въ нѣкогда столь благословенныхъ культурныхъ странахъ Востока и на побережьяхъ Средиземнаго моря, гдѣ скотоводство и воздѣлываніе растеній въ изобиліи вознаграждали трудъ, жизнь быстрѣе поднялась на высшую ступень, чѣмъ въ лѣсахъ и болотахъ средней Европы, гдѣ охота, рыбная ловля и борьба съ негостепріимной природой должны были въ гораздо большей мѣрѣ поглощать силы человѣка.

Передъ нами открывается, однако, еще болѣе широкій кругозоръ. Доисторическая жизнь Новаго Свѣта обнаруживаетъ неолитическую ступень, соотвѣтствующую европейской, и послужившую основою для дальнѣйшаго развитія первобытныхъ американскихъ культурныхъ странъ. Тамъ, гдѣ въ Америкѣ не могла развиться самостоятельно высшая культура, европейскіе піонеры застали, какъ и во всемъ австралійскомъ мірѣ (см. рис. 36 табл. „Неол. древн.“), неолитическую каменную культуру во всей ея активности. Такимъ образомъ, на обширныхъ пространствахъ странъ, которыя никогда не поднимались собственными силами надъ уровнемъ каменнаго вѣка, мы встрѣчаемъ, среди полнаго свѣта исторической эпохи, ту же культурную ступень, которая въ древнихъ культурныхъ странахъ принадлежитъ незапамятной, доисторической сѣдой старинѣ. Изученіе современныхъ народовъ каменнаго вѣка проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на условія доисторическаго каменнаго вѣка, а послѣднія, въ свою очередь, убѣждаютъ насъ въ томъ, что первобытная культура названныхъ народовъ составляетъ переходную ступень развитія всего человѣчества.

c) Каменныя постройки и гробницы.

Стоянки свайныхъ построекъ и аналогичныя съ ними поселенія на сушѣ прямо доказываютъ, какъ высоко стояла уже культура древнихъ обитателей Европы въ тотъ отдаленный періодъ, который мы прежде представляли себѣ едва поднявшимся надъ полуживотнымъ состояніемъ. Подобнаго рода постройки не могли быть возведены безъ сліянія людей въ крупныя соціальныя группы. Это подтверждается также многочисленностью жилищъ, сосредоточенныхъ на сравнительно тѣсномъ пространствѣ. Чтобы вбить первые свайные столбы, безусловно необходимо было большое количество товарищей, совмѣстно работавшихъ по общему плану. То-же самое относится къ устройству тѣхъ искусственныхъ острововъ, защищенныхъ свайными сооруженіями, отчасти построенныхъ на сваяхъ, которые ирландскіе археологи называютъ „кранногами“, или къ итальянскимъ деревнямъ, также нѣкогда стоявшимъ на сваяхъ, окруженнымъ рвами и получившимъ названіе террамаръ. По площади свайныхъ сооруженій мы можемъ опредѣлить число жителей въ бывшихъ здѣсь поселеніяхъ. Не менѣе наглядное представленіе о численности бывшаго населенія даютъ укрѣпленія на вершинахъ холмовъ и выступахъ горъ, которыя также были построены и обитаемы уже въ каменномъ вѣкѣ.

Въ пользу совмѣстной работы большого числа людей ради общей цѣли говорятъ еще и тѣ величественныя каменныя постройки, которыя, въ виду размѣровъ камней, употребленныхъ для сооруженія ихъ, названы мегалитическими, т. е. исполинскими каменными постройками. Въ сѣверной Европѣ онѣ также ведутъ начало отъ чистаго каменнаго вѣка. Большинство этихъ исполинскихъ построекъ служило первоначально гробницами, и принципъ устройства ихъ повторяется нерѣдко въ могилахъ, гораздо менѣе грандіозныхъ.

Въ сѣверной Германіи мегалитическія постройки часто извѣстны подъ названіемъ ложъ гигантовъ; на скандинавскомъ сѣверѣ онѣ называются „комнатами исполиновъ", такъ какъ въ своемъ первоначальномъ видѣ онѣ дѣйствительно походятъ на жилыя помѣщенія.

Во многихъ мѣстахъ каменныя глыбы, изъ которыхъ сооружены эти исполинскія постройки, лежатъ одна на другой, но безъ всякой связи и камни часто обнажены. На большихъ, поперечно поставленныхъ камняхъ, изображающихъ какъ бы боковыя стѣны камеры, покоится въ видѣ крыши одинъ или нѣсколько, иногда прямо колоссальныхъ „кровельныхъ камней" (см. рис. 37 табл. „Неолит. древн."). Трудно представить себѣ, чтобы при помощи одной человѣческой силы, безъ содѣйствія техническихъ вспомогательныхъ средствъ, которыми располагаетъ современное строительное искусство, возможно было установить эти массы на нынѣшнемъ мѣстѣ ихъ. Поэтому въ народѣ сложилось мнѣніе, что подобныя постройки могли быть воздвигнуты только гигантами. И дѣйствительно нѣкоторые камни и особенно крыши такъ велики, что эти сооруженія въ силу собственной тяжести могли держаться и не поддаваться разрушенію въ теченіе тысячелѣтій.

Въ эпоху ихъ сооруженія, эти ложа гигантовъ были, большею частью, скрыты подъ курганами. Это были постройки, сдѣланныя внутри большихъ могильныхъ холмовъ, въ которыхъ движимые благочестіемъ люди каменнаго вѣка погребали нѣкогда останки своихъ героевъ. Одна изъ самыхъ красивыхъ комнатъ исполиновъ находится у Эма близъ Роскильда въ Даніи (см. рис. 38 табл. „Неолит. древн."). Строительный матеріалъ составляютъ здѣсь исключительно эрратическіе валуны огромныхъ размѣровъ. Грубыя каменныя глыбы, большею частью, безъ всякой дальнѣйшей обработки, располагались рядомъ такъ, чтобы онѣ, по возможности, поддерживали другъ друга. При этомъ, какъ замѣчаетъ Софусъ Мюллеръ, всѣ онѣ слегка наклонены внутрь, такъ что собственной тяжестью удерживаются въ своемъ положеніи. Вертикально поставленные камни образуютъ двѣ параллельныхъ боковыхъ стѣны всей постройки, отстоящія на такомъ разстояніи другъ отъ друга, что на нихъ могъ быть положенъ, въ видѣ поперечной крыши, огромный эрратическій валунъ. Разстояніе между боковыми стѣнами комнатъ исполиновъ не превышаетъ 8—9 футовъ; положенные на нихъ верхніе камни имѣютъ около 10—11 футовъ длины. Давленіе этихъ камней сверху существенно способствуетъ прочности всей постройки. Для того, чтобы это давленіе распредѣлялось равномѣрно, подъ стѣнные камни, въ томъ мѣстѣ, гдѣ они должны были стоять на землѣ, тщательно вставлялись камни меньшихъ размѣровъ. Съ какимъ искусствомъ умѣли тогда взвѣшивать условія тяжести и распредѣлять давленіе доказываетъ то, что эти постройки, сдѣланныя изъ тяжелыхъ и неправильныхъ камней, покоящихся на своихъ естественныхъ поверхностяхъ и ребрахъ самаго разнообразнаго очертанія, уцѣлѣли до нашихъ дней. Внутреннія стѣны комнатъ возводились наивозможно тщательно. Между тѣмъ, какъ съ наружной стороны каменная глыба выдавалась своимъ грубымъ и неправильнымъ очертаніемъ, къ внутренней сторонѣ обращена была поверхность, отъ природы гладкая, или же искусственно сглаженная путемъ откалыванія.

Это уже зачатки настоящаго строительнаго искусства. Оно выражается также въ томъ, что промежутки между стѣнными и кроющими

камнями и между самыми стѣнными камнями правильно выполнялись клиньями изъ мелкихъ камней. Во многихъ случаяхъ эти послѣдніе возводились правильными рядами, въ видѣ стѣны. Для этой цѣли часто употребляли песчаникъ, который легче раскалывается на правильные куски, отчего стѣны получали еще болѣе привлекательный видъ. Количество каменныхъ глыбъ, употребленныхъ для возведенія боковыхъ стѣнъ и крышъ, колеблется, смотря по величинѣ исполинскихъ комнатъ. Для небольшихъ комнатъ требовалось 6—9 стѣнныхъ камней и 2—3 верхнихъ камня. Встрѣчаются, однако, каменныя камеры несравненно бо̀льшихъ размѣровъ: въ нѣкоторыхъ стѣнахъ насчитываютъ до 17 глыбъ. Для такихъ большихъ камеръ необходимъ уже цѣлый рядъ кроющихъ камней, расположенныхъ рядомъ. Часто вниманіе строителей обращалось особенно на дверное отверстіе. Оба камня дверныхъ косяковъ нѣсколько ниже прочихъ стѣнныхъ камней; на нихъ клали горизонтальный камень, который разъединялъ ихъ и равномѣрно распредѣлялъ давленіе верхняго камня между обоими подпорками. Неоднократно находили камень, служившій порогомъ. Къ двери ведетъ низкій ходъ, построенный такъ же, какъ и камера, но изъ гораздо болѣе мелкихъ камней. Вышина хода разсчитана такъ, что въ немъ можно пройти не иначе, какъ ползкомъ, тогда какъ самая камера приблизительно въ ростъ мужчины и въ ней можно было, большею частью, стоять прямо. Въ большихъ каменныхъ комнатахъ такой ходъ рѣдко отсутствуетъ и, въ виду его, подобнымъ могильнымъ постройкамъ дали названіе „могилъ съ ходами“. Отверстія, остающіяся между камнями, помимо заполненія ихъ мелкими каменьями, задѣлывались еще глиною для того, чтобы не проникала дождевая вода. Глиной пользовались нерѣдко для того, чтобы сдѣлать полъ камеры ровнымъ, если не удавалось достаточно сгладить естественную почву. Часто находятъ на полу плотный слой измельченныхъ кремней или настоящую мостовую изъ плоскихъ, иногда обтесанныхъ или кругловатыхъ, по возможности, тщательно прилаженныхъ другъ къ другу камней, которые еще покрывались сверху толстымъ слоемъ глины.

Такимъ образомъ, исполинскія комнаты свидѣтельствуютъ о высокомъ техническомъ уровнѣ строительнаго искусства и возстановляютъ передъ нами обычныя формы жилыхъ домовъ того времени. Но остается еще не вполнѣ выясненнымъ, какимъ образомъ колоссальные верхніе камни доставлялись и нагромождались на боковыя стѣны исполинскихъ комнатъ. Нѣтъ сомнѣнія, что много рукъ участвовало при подобныхъ сооруженіяхъ. Исторія строительнаго искусства учитъ, что правильное примѣненіе человѣческой силы, какъ, напр., въ древнемъ Египтѣ, дѣлаетъ возможнымъ поднятіе и устанавливаніе громадныхъ тяжестей съ помощью самыхъ простыхъ орудій: круглыхъ катковъ, канатовъ и подъемныхъ рычаговъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ исполинскихъ комнатъ, первоначально заключенныхъ внутри курганов ъ, сохранились до сихъ поръ въ превосходномъ видѣ. Часто камера бывала снаружи совершенно покрыта землею и образовала въ этомъ случаѣ центръ, большей частью, круглаго холма. Нерѣдко это—настоящія маленькія горы въ 10—15 футовъ вышины и болѣе 90 футовъ въ окружности. Въ другихъ исполинскихъ комнатахъ верхніе камни лежали совершенно непокрытыми или, по крайней мѣрѣ, верхняя поверхность ихъ оставалась неприкрытою слоемъ земли. Иногда исполинскія комнаты располагаются въ продолговатомъ холмѣ, основаніе котораго окружено прямоугольнымъ вѣнцомъ изъ большихъ камней; въ круглыхъ курганахъ подобнаго каменнаго вѣнца иногда не бываетъ, или онъ состоитъ изъ довольно незамѣтныхъ камней.

На ряду съ описанными исполинскими постройками, мы встрѣчаемъ на сѣверѣ каменнаго вѣка каменныя могилы меньшаго размѣра, но такого же устройства. Иногда онѣ имѣютъ форму „круглыхъ могилъ“ и часто бываютъ окружены вѣнцомъ изъ большихъ камней. Обыкно-

венно малая каменная могила или нѣсколько такихъ могилъ помѣщаются въ длинной каменной оградѣ съ прямоугольнымъ очертаніемъ. Къ новѣйшимъ формамъ причисляютъ могилы, представляющія четырехугольный „каменный ящикъ“ то болѣе квадратный, то болѣе продолговатый. Еще проще одиночныя могилы, окруженныя камнями или совершенно свободно вырытыя въ землѣ, либо въ почвѣ пещеры.

Трупы хоронились, но не сжигались. Часто они имѣли сидячее положеніе или лежали на боку, въ позѣ спящаго, съ притянутыми къ животу ногами. Малыя могилы чаще являются одиночными, большія же или самыя большія носятъ, большею частью, семейный характеръ, и туда въ разное время опускалось послѣдовательно нѣсколько труповъ. Впрочемъ, и малыя могилы и даже каменные ящики носятъ нерѣдко такой семейный характеръ. Въ этомъ случаѣ только послѣдній трупъ находится въ нормальномъ положеніи; скелеты, принадлежащіе ранѣе погребеннымъ трупамъ, вслѣдствіе неоднократнаго открыванія могилы и позднѣйшихъ погребеній, измѣнили болѣе или менѣе свое положеніе или умышленно отодвинуты въ сторону.

Черепа труповъ, погребенныхъ въ неолитическихъ могилахъ, хорошо сформированы: величина ихъ указываетъ на особенно значительное развитіе мозга. Похороненные были ростомъ не больше нынѣшнихъ обитателей тѣхъ же мѣстностей; форма головы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., во Франконіи и Тюрингіи такая же, какъ у современныхъ обитателей этихъ странъ. И въ остальныхъ отношеніяхъ скелеты не отличаются отъ скелетовъ современныхъ людей.

На скандинавскомъ и германскомъ сѣверѣ мегалитическія могильныя постройки принадлежатъ всецѣло каменному вѣку. Распространеніе этихъ построекъ захватываетъ обширный районъ Европы, такъ что и онѣ свидѣтельствуютъ объ однородности первобытнаго культурнаго достоянія и движенія мысли. Каменныя могилы встрѣчаются во всѣхъ трехъ скандинавскихъ государствахъ, рѣже всего въ Норвегіи. Въ Германіи мегалитическія каменныя гробницы различныхъ формъ, сходныхъ съ сѣверными или близкихъ къ нимъ, встрѣчаются къ западу, на протяженіи всей сѣверогерманской низменности. Къ востоку онѣ доходятъ до Вислы; но ихъ нѣтъ ни въ Россіи, ни во внутренней Европѣ; въ Германіи развѣтвленія ихъ достигаютъ Тюрингіи. Къ западной сѣверо-германской группѣ каменныхъ могилъ примыкаютъ очень большія и многочисленныя сооруженія этого рода въ Голландіи. Мегалитическія постройки въ Англіи отчасти совершенно сходны съ сѣверными (см. рис. 39 табл. „Неолит. древн.“), отчасти же существенно отличаются отъ нихъ. Часто онѣ состоятъ изъ многихъ камеръ, расположенныхъ одна за другой и соединенныхъ короткимъ ходомъ. Большіе верхніе камни, большею частью, отсутствуютъ; ихъ замѣняетъ сводчатая надстройка, состоящая изъ горизонтально расположенныхъ камней, которые покрываютъ другъ друга въ видѣ ступенекъ. Курганъ, скрывающій эти постройки, имѣетъ форму продолговатаго овала. Ирландскія исполинскія комнаты имѣютъ подобные же своды; нѣкоторыя отличаются болѣе сложной формой и особенно большими размѣрами. Большія камеры, встрѣчаемыя во множествѣ въ Бретани, сходны съ англійскими. Кромѣ того, во Франціи находятся величественныя камеры, большею частью, также со сводчатою крышею, которыя прорѣзываютъ могильный холмъ въ видѣ длинныхъ и высокихъ равномѣрныхъ ходовъ. Въ Португаліи встрѣчаются могилы съ ходами, которыя весьма напоминаютъ сѣверныя. Исполинскія комнаты Испаніи, которыя особенно распространены въ Андалузіи и Гренадѣ, представляютъ подчасъ гигантскія искусственныя сооруженія. Одна изъ знаменитѣйшихъ могилъ этого рода лежитъ близъ деревни Антекера, къ сѣверу отъ Малаги. Внутреннее пространство ея имѣетъ 80 футовъ длины, почти 20 ф. ширины и $9^1/_2$ ф. вышины; рядъ столбовъ поддерживаетъ верхніе камни.

Справедливо указывали на то, что величественныя могильныя сооруженія странъ и острововъ Средиземнаго моря, несмотря на гораздо болѣе совершенную технику ихъ и на то, что онѣ выведены изъ обтесанныхъ камней, проникнуты тѣмъ же духомъ, что и мегалитическія гробницы изъ необтесанныхъ камней, и могутъ быть поставлены въ параллель съ ними. Таковы продолговатыя могильныя постройки на Балеарскихъ островахъ, камерныя сооруженія на Мальтійской группѣ острововъ, башенные нураги въ Сардиніи. Сходныя черты можно найти и въ большихъ формахъ могилъ древнихъ культурныхъ странъ Востока, въ искусственныхъ скалистыхъ могилахъ, каменныхъ камерахъ, могилахъ со сводами и даже въ египетскихъ пирамидахъ. Всюду мы встрѣчаемъ ту-же руководящую идею при сооруженіи колоссальныхъ построекъ для умершихъ. Всюду замѣчается желаніе, по возможности, тщательно оградить усопшихъ и охранить тѣло ихъ отъ поруганія. Это привело къ погребенію въ естественныхъ или искусственныхъ скалистыхъ пещерахъ и, по возможности, прочныхъ каменныхъ сооруженіяхъ, которыя должны были въ то же время носить монументальный характеръ въ память умершихъ. Каменныя сооруженія, сходныя съ мегалитическими гробницами, были открыты также въ Алжирѣ, Палестинѣ и Индіи.

На ряду съ многочисленными крытыми каменными постройками, есть и другія, въ которыхъ верхніе и боковые камни совершенно обнажены. Нѣкоторыя изъ нихъ, повидимому, никогда не были покрыты курганами, а другія, безъ сомнѣнія, разрыты. Легенды о сокровищахъ, будто бы зарытыхъ въ старыхъ могилахъ, издавна дразнили воображеніе искателей кладовъ. Подобныя свободно стоящія могильныя постройки, которыя обыкновенно состоятъ изъ одного или нѣсколькихъ необтесанныхъ каменныхъ колоссовъ, положенныхъ горизонтально и болѣе или менѣе неправильно на нѣсколькихъ каменныхъ глыбахъ, поставленныхъ ребромъ, принимали въ прежнее время за языческіе алтари; въ Бретани народъ называетъ ихъ **дольменами** (см. рис. 37 табл. „Неолит. древн.“), каменными столами. Это слово получило право гражданства въ археологіи, подобно названіямъ **кромлехъ** (каменный кругъ) и **менгиръ** (длинный или высокій камень). Менгиры представляютъ отдѣльныя громадныя каменныя глыбы, поставленныя ребромъ, въ видѣ грубо обтесанныхъ обелисковъ; нѣкоторые изъ нихъ достигаютъ, по истинѣ, колоссальныхъ размѣровъ. Они особенно многочисленны въ департаментѣ Морбиганъ; такъ, одинъ менгиръ имѣетъ здѣсь 19 метровъ вышины и посрединѣ 5 метровъ ширины. На знаменитомъ Карнакскомъ полѣ стоятъ 11,000 менгировъ, расположенныхъ въ 11 рядовъ.

Не только на сѣверѣ Европы, но и въ Германіи мегалитическія постройки принадлежатъ еще всецѣло каменному вѣку, тогда какъ на Западѣ и Югѣ въ каменныхъ камерахъ часто находятъ единичные металлическіе предметы и проч. изъ позднѣйшихъ культурныхъ періодовъ.

Первобытные обитатели **Америки**, жившіе въ каменномъ вѣкѣ, также возводили исполинскія постройки въ память и для охраны своихъ усопшихъ. Это были огромные холмы, возведенные изъ камней и земли, часто настоящія маленькія горы (**mounds**) (см. табл. „С.-Американскіе курганы“), или каменныя сооруженія, напоминающія комнаты исполиновъ. Въ Перу и Боливіи встрѣчаются такіе-же первобытные могильные своды, **чульпы**, воздвигнутые изъ огромныхъ камней и покрытые громадными каменными плитами. Рядомъ съ этими, весьма грубыми каменными камерами, встрѣчаются постройки со сводами изъ обтесанныхъ камней, напоминающія въ извѣстномъ смыслѣ сардинскія нураги. Большинство кургановъ, безъ сомнѣнія, представляло по существу могильные холмы; другіе, быть можетъ, служили для иныхъ религіозныхъ или свѣтскихъ цѣлей—возвышеніями для храмовъ, священными мѣстами для жертвоприношеній, оборонительными укрѣпленіями или сторожевыми пунктами. Особенно многочисленны

подобные холмы въ долинѣ Миссисипи, затѣмъ въ долинахъ Огайо и Сціото, въ Висконсинѣ и Иллинойсѣ. Формы ихъ частью геометрическія, усѣченныя пирамиды или террасы, круги, эллипсисы, полумѣсяцы или кресты, частью же контуры холмовъ, очевидно, подражаютъ фигурамъ животныхъ, людей и т. п. Полагаютъ, что эти „животные холмы" служили, главнымъ образомъ, для религіозныхъ цѣлей. Внутри собственно могильныхъ холмовъ построены могильныя камеры и могильные ящики изъ необтесаннаго дикаго камня или изъ деревянныхъ балокъ. Могильныя вложенія принадлежатъ, большею частью, неолитическому періоду; они состоятъ, главнымъ образомъ, изъ каменнаго оружія и орудій, то грубо обработанныхъ, то болѣе тонкой работы и отшлифованныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ состоятъ изъ чистой естественной мѣди, которая отбивалась въ холодномъ состояніи каменными молотами. Кромѣ того, на ряду съ предметами украшенія и глиняной посудой, найдены, какъ американская особенность, вырѣзанныя изъ камня табачныя трубки, на которыхъ иногда сдѣланы интересныя изображенія людей и животныхъ; онѣ, повидимому, доказываютъ, что уже въ то время въ Америкѣ табакъ игралъ извѣстную роль въ погребальныхъ обрядахъ. По этому и связаннымъ съ нимъ вопросамъ ср. ниже стр. 212 въ соотвѣтственномъ отдѣлѣ исторіи древней Америки.

Могилы неолитическаго періода не только свидѣтельствуютъ объ одинаковыхъ способностяхъ человѣчества въ отношеніи первыхъ основъ строительнаго искусства: онѣ проливаютъ также свѣтъ на духовную жизнь того культурнаго періода, который въ болѣе или менѣе отдаленную эпоху охватывалъ всю землю. Характеристическую черту этого періода составляетъ проникнутая любовью заботливость объ умершемъ, для охраны котораго никакой трудъ и никакія усилія не казались чрезмѣрными. Мы не можемъ сомнѣваться, что въ основаніи этого благоговѣйнаго чувства лежала вѣра въ безсмертіе души, вѣра, которую мы и теперь еще встрѣчаемъ у самыхъ отсталыхъ и жалкихъ „дикарей". Эту вѣру въ безсмертіе, присущую доисторическимъ людямъ каменнаго вѣка, доказываютъ украшенія, оружіе, утварь и яства, которыя опускались въ могилу вмѣстѣ съ умершимъ, чтобы служить ему въ загробной жизни. Въ погребальныхъ обычаяхъ, очевидно, выражается родъ культа душъ усопшихъ предковъ, который игралъ столь существенную роль въ религіозныхъ представленіяхъ всѣхъ первобытныхъ народовъ, играетъ ее и теперь и, слѣдовательно, составляетъ одно изъ древнѣйшихъ основныхъ воззрѣній всего человѣчества.

3. Періоды разсвѣта исторіи.

Открытіемъ дилювіальнаго человѣка, установленіемъ различій между нимъ и человѣкомъ новаго каменнаго вѣка, изслѣдованіемъ палеолитическаго и неолитическаго культурнаго слоя Европы и всей земли, наконецъ, научнымъ возстановленіемъ на этой почвѣ древнѣйшихъ культурныхъ формъ человѣчества мы всецѣло обязаны естественнонаучному методу изслѣдованія. Изученіе доисторическаго человѣка дало прочные результаты лишь съ того момента, когда за него принялись ученые съ естественнонаучною подготовкою и когда къ нему были примѣнены во всей строгости точные методы палеонтологіи и геологіи. На этомъ обезпеченномъ фундаментѣ историческая наука продолжаетъ нынѣ строить дальше. Она пользуется и для позднѣйшихъ эпохъ, по скольку она не располагаетъ письменными памятниками или для дополненія ихъ, тѣми же палеонтологическими естественнонаучными методами, которые были такъ успѣшно примѣняемы при изученіи древнѣйшихъ стадій развитія человѣчества.

Прежде всего предстоитъ сгруппировать остатки слѣдующихъ за новымъ каменнымъ вѣкомъ эпохъ развитія культуры и расположить ихъ сообразно геологической послѣдовательности слоевъ, въ которыхъ они

заключены, оставляя въ сторонѣ старые псевдо-историческіе вымыслы, такъ долго стоявшіе на пути болѣе глубокаго изученія исторической науки. Путемъ точнаго разграниченія и прослѣживанія слоевъ земли вплоть до тѣхъ, которые содержатъ остатки достовѣрной исторической эпохи, удалось установить прежде всего относительную хронологію такъ наз. новѣйшихъ доисторическихъ періодовъ для средней Европы, развѣтвленія которыхъ непосредственно переходятъ въ достовѣрную исторію. Послѣдовательныя палеонтологическія раскопки, слой за слоемъ, были произведены въ древнѣйшихъ культурныхъ центрахъ, начиная съ странъ Средиземнаго моря, и по одному и тому же методу. При этомъ, не увлекаясь историческими гипотезами, разграничили ихъ послойно при помощи однообразнаго естественно-научнаго метода изслѣдованія, который далъ въ средней Европѣ столь знаменательные результаты. Въ итогѣ получилось поразительное сходство въ развитіи культуры отдаленныхъ другъ отъ друга областей. Оказалось, что въ странахъ Средиземнаго моря, а также въ Египтѣ и Вавилоніи періодъ настоящей исторіи захватываетъ культурныя формы, которыя были открыты въ средней Европѣ, какъ доисторическія ступени историческихъ слоевъ. Этимъ удалось установить и для нихъ вмѣсто относительной доисторической абсолютную, историческую хронологію.

Благодаря этому, получили историческое освѣщеніе періоды, которые раньше были для средней Европы окутаны доисторическимъ мракомъ. Правда, мы не можемъ назвать тѣхъ народовъ центральной и средней Европы, которые были носителями упомянутыхъ культурныхъ формъ, и считаемъ преждевременнымъ выдумывать для нихъ гипотетическія имена. Тѣмъ не менѣе, условія культуры и жизни отдаленныхъ тысячелѣтій выступили передъ нами изъ прежняго мрака, выяснились, рядомъ съ прогрессивнымъ развитіемъ ихъ, разнообразныя точки соприкосновенія и обмѣна какъ съ сосѣдними, такъ съ отдаленными историческими народами и періодами, установлена хронологическая связь съ послѣдними.

Такимъ образомъ, доисторическая жизнь сама становится исторіей. Отнынѣ историческое описаніе каждой отдѣльной страны должно начинаться съ описанія древностей, находимыхъ въ ея почвѣ, свидѣтельствующихъ о пребываніи человѣка, такъ какъ этимъ устанавливается хронологическая преемственность и связь съ общимъ развитіемъ исторіи человѣчества. Въ этомъ заключается палеонтологическій методъ историческаго изслѣдованія.

Палеонтологія человѣка устанавливаетъ каменный вѣкъ, какъ первую общую ступень культуры для всего человѣческаго рода. Всѣ дальнѣйшіе шаги общей культуры находятся въ связи съ открытіемъ искусства обработки металловъ: литья, ковки и плавленія металловъ изъ рудъ. Въ сравненіи съ эпохами каменнаго вѣка металлическій вѣкъ представляетъ собою новыя и новѣйшія культурныя эпохи. Шагъ впередъ за предѣлы каменнаго вѣка составляетъ не пользованіе металлами, какъ таковое, но обладаніе только что упомянутыми металлургическими искусствами. Тамъ, гдѣ имѣлась въ изобиліи ковкая мѣдь, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Америки, можно было пользоваться этимъ краснымъ минераломъ, легко поддающимся молоту, также, какъ и камнемъ, но это не служило еще стимуломъ къ дальнѣйшему прогрессу. То же самое можно сказать относительно пользованія метеорнымъ желѣзомъ, которое, какъ говорятъ, употреблялось, наравнѣ съ каменными наконечниками, для вооруженія стрѣлъ, у американскихъ племенъ каменнаго вѣка съ бѣдной вообще культурою.

Изготовленіе лучшаго оружія, усовершенствованныхъ инструментовъ и болѣе цѣнныхъ предметовъ украшенія въ культурныхъ странахъ сдѣлалось возможнымъ прежде всего, благодаря литью и ковкѣ нагрѣтаго металла. Первою въ числѣ подвергнутыхъ обработкѣ металловъ слѣдуетъ назвать

мѣдь; за нею идетъ сплавъ мѣди и олова, носящій названіе классической бронзы; къ нимъ вскорѣ присоединяются золото и серебро, особенно въ мѣстностяхъ, богатыхъ серебромъ, напр., въ Испаніи; еще позднѣе открыты были способы плавленія желѣза изъ содержащихъ его рудъ и ковка желѣза.

Сообразно такому ходу развитія металлургіи, первымъ металлическимъ періодомъ считается бронзовый періодъ, начало котораго составляетъ мѣдный вѣкъ, болѣе или менѣе продолжительный, смотря по мѣстности. Второй, новѣйшій металлическій періодъ есть желѣзный періодъ, въ которомъ мы живемъ и теперь. Этотъ періодъ, путемъ постепеннаго вытѣсненія бронзы и мѣди, какъ матеріала для изготовленія оружія и инструментовъ, развился до своей настоящей ступени.

Въ средней Европѣ свайныя постройки на озерахъ западной Швейцаріи воспроизводятъ передъ нами, въ особенно яркихъ и послѣдовательныхъ картинахъ, эволюцію культуръ отъ каменнаго до желѣзнаго вѣка. Концомъ каменнаго вѣка мы признаемъ переходный періодъ, въ теченіе котораго, на ряду съ продолжающимся употребленіемъ камня, появляются украшенія. оружіе и инструменты, сдѣланные изъ металла. Первоначально употребляютъ почти исключительно мѣдь и очень немного бронзу; желѣзо совсѣмъ отсутствуетъ. В. Гроссъ открылъ въ западной Швейцаріи предметы изъ мѣди и больше всего нашелъ ихъ въ свайной стоянкѣ Фенель, въ остальномъ еще представляющей обстановку каменнаго вѣка. Преобладали маленькіе кинжалы, сдѣланные по образцу кремневыхъ кинжаловъ. Нѣкоторые изъ нихъ обладаютъ уже заклепками для прикрѣпленія мѣднаго клинка къ деревянной рукояткѣ. Найдены также долота и небольшія шила съ костяной рукояткою, бусы, пластинки для украшенія, а также топоры, похожіе по формѣ на простѣйшіе каменные топоры съ отбитымъ при помощи молота расширеннымъ рѣжущимъ краемъ. Мухъ констатировалъ въ мондзейской свайной постройкѣ въ Австріи мѣдный періодъ, соотвѣтствующій только что приведенному описанію; въ Венгріи остатки его особенно часты. Аналогичныя находки встрѣчаются во многихъ другихъ мѣстахъ Европы, особенно, по изслѣдованіямъ Вирхова, на Пиренейскомъ полуостровѣ и въ могилахъ каменнаго вѣка Куявіи въ прусской Польшѣ. Эти находки пріобрѣтаютъ особую важность въ виду того, что аналогичныя культурныя отношенія были открыты въ древнихъ пластахъ Гиссарлика—Трои. Далѣе, обнаруживаются несомнѣнныя аналогіи съ весьма древними кипрскими находками и, вѣроятно, также съ древнѣйшими до сихъ поръ извѣстными культурными остатками Вавилона. Сюда же мы должны причислить упомянутыя мѣдныя находки въ каменномъ вѣкѣ Америки.

На основаніи изложеннаго мы должны признать переходнымъ звеномъ между каменнымъ и металлическимъ вѣкомъ, при нормальномъ полномъ развитіи послѣдовательныхъ культуръ, пластъ мѣди, отсутствующій въ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя перешли отъ каменной культуры къ металлической сравнительно поздно, подъ вліяніемъ внѣшнихъ воздѣйствій. Это относится, во-первыхъ, ко всѣмъ современнымъ народамъ каменнаго вѣка, которые только въ новѣйшее время познакомились съ металломъ, благодаря соприкосновенію съ народами Европы, живущими уже тысячелѣтія въ желѣзномъ періодѣ; во-вторыхъ, страннымъ образомъ, и къ большей части Африки, гдѣ желѣзо было распространено уже въ доисторическомъ періодѣ. Подобно тому, какъ эти современныя народности каменнаго вѣка прямо перешли отъ каменной культуры къ наиболѣе высокой культурѣ желѣзнаго вѣка или теперь только вступаютъ въ нее, и въ средней и южной Африкѣ непосредственно надъ пластомъ каменнаго вѣка лежитъ пластъ желѣзной культуры, перенесенной туда въ древнюю эпоху, вѣроятно, прямо изъ Египта. И такъ какъ въ Египтѣ и во всей сѣверной Африкѣ можно отмѣтить правильную эволюцію отъ мѣдно-бронзоваго

періода до начинающейся и затѣмъ вполнѣ развитой желѣзной культуры, соотвѣтствующую ходу европейско-азіатскихъ металлическихъ культуръ, то этимъ хронологически опредѣляется для средней и южной Африки моментъ, съ котораго этотъ важный культурный элементъ перешелъ къ чернокожимъ народамъ.

Къ переходному періоду мѣднаго вѣка примыкаетъ въ западной Швейцаріи, безъ промежуточной ступени развитія, собственно бронзовый періодъ. Съ введеніемъ бронзы всѣ условія жизни поднялись въ смыслѣ усиленной культуры. Благодаря улучшенію вспомогательныхъ средствъ, явилась возможность устраивать стоянки бронзоваго вѣка на большемъ разстояніи отъ берега, часто на 200—300 метровъ; пространство, занимаемое ими, гораздо обширнѣе. Сваи не только лучше сохранились, такъ какъ онѣ ближе къ намъ по времени, но и лучшаго качества: часто имѣютъ четырехгранную форму, расколоты и тщательнѣе обтесаны на концахъ, вбитыхъ въ дно озера. Поселенія бронзоваго вѣка занимаютъ иногда площадь въ нѣсколько сотъ кв. метровъ; они не походятъ уже на сравнительно бѣдныя деревушки каменнаго вѣка, а представляютъ хорошо организованныя торговыя мѣстечки и даже небольшіе цвѣтущіе города, въ которыхъ господствуетъ извѣстная роскошь. Произведенія промышленности здѣсь отличаются красотою и изяществомъ формъ, которыя можетъ создать лишь подвинувшаяся цивилизація.

Камень, оленій рогъ, кость, какъ матеріалъ для издѣлій, уступили мѣсто бронзѣ и отнынѣ примѣняются лишь очень рѣдко. Наоборотъ, янтарь, лишь изрѣдка попадающійся въ свайныхъ постройкахъ каменнаго вѣка, встрѣчается здѣсь во множествѣ. Въ композицію предметовъ украшенія, отличающихся художественною законченностью, входятъ также стекло и золото. Начинаетъ появляться и желѣзо, но не какъ рабочій металлъ, а пока лишь какъ цѣнный матеріалъ для украшенія предметовъ роскоши и оружія. Произведенія гончарнаго искусства представляютъ значительный шагъ впередъ въ сравненіи съ грубыми и тяжелыми сосудами каменнаго вѣка. Правда, эти туземные фабрикаты не могутъ еще соперничать съ керамикою классическаго періода Греціи и Италіи; тѣмъ не менѣе, вазы и сосуды бронзоваго періода швейцарскихъ свайныхъ построекъ, несмотря на то, что сдѣланы еще отъ руки, и формы ихъ сравнительно просты, отличаются изяществомъ и красотою. И жилища представляютъ уже не скромныя глиняныя хижины каменнаго вѣка, а большія и прочныя деревянныя постройки. Существованіе ихъ несомнѣнно доказывается множествомъ обломковъ дерева и балокъ, лежащихъ другъ надъ другомъ между сваями; нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ 10 метровъ длины. Просторныя жилища были необходимы, чтобы давать кровъ и человѣку, и домашнимъ животнымъ. Доказательствомъ послѣдняго служатъ многочисленные остатки быковъ, свиней, козъ, лошадей, собакъ, собранные въ пластѣ находокъ. Вокругъ жилищъ находилось на свайномъ помостѣ большое свободное пространство, которое служило общественнымъ мѣстомъ и предназначалось для нѣкоторыхъ работъ, которыя неудобно было производить внутри жилья въ виду возможности пожара, напр., для отливки металловъ. Обработка металловъ, какъ-то литье, закаливаніе, ковка и др. также несомнѣнно производилась въ самихъ свайныхъ постройкахъ, гдѣ собраны многочисленныя формы для отливки, плавильные тигли, остатки расплавленной бронзы и обломки предметовъ, назначенныхъ для плавки. Заслуженный изслѣдователь свайныхъ построекъ, Викторъ Гроссъ находилъ мѣста для литья во многихъ стоянкахъ бронзоваго періода; здѣсь на пространствѣ нѣсколькихъ квадратныхъ метровъ собраны всѣ инструменты, необходимые для литейнаго дѣла.

Въ общемъ различныя свайныя стоянки бронзоваго вѣка западной Швейцаріи представляютъ мало характерныхъ особенностей. Общіе типы,

большею частью, одни и тѣ же и стиль мало измѣненъ. Только двѣ стоянки, Мёригенъ и Корселеттъ, въ которыхъ найдены были желѣзные предметы, выдѣляются изъ этой группы своимъ болѣе позднимъ происхожденіемъ.

Въ отношеніи свайныхъ построекъ пытались установить періодъ литья металловъ и періодъ ковки металловъ. Но Гроссъ не признаетъ такого разграниченія, такъ какъ въ изслѣдованныхъ имъ озерныхъ поселкахъ бронзоваго вѣка онъ безразлично находилъ и кованные, и литые предметы. По его мнѣнію, ни тотъ, ни другой способъ обработки металловъ не имѣютъ преимуществъ передъ другими съ технической стороны. Извѣстныя украшенія и вообще всѣ легкіе и ломкіе предметы удобнѣе было изготовлять путемъ ковки; наоборотъ, тяжелую и массивную утварь легче было сдѣлать посредствомъ отливки. Часто соединяли оба способа: сперва отливали предметъ, потомъ ковали его, чтобы сдѣлать лезвее или вообще достигнуть тонкости отдѣлки, невозможной при отливкѣ.

Самый важный рабочій инструментъ бронзоваго вѣка средней и сѣверной Европы есть, какъ и въ каменномъ вѣкѣ, родъ топора, цельтъ, которымъ пользовались такъ же, какъ оружіемъ. Первоначальныя формы цельта, подобно вышеупомянутымъ мѣднымъ топорамъ, составляютъ лишь подражаніе простымъ каменнымъ топорамъ: какъ и послѣдніе, они не имѣютъ особаго приспособленія для прикрѣпленія рукоятки. Въ болѣе развитыхъ формахъ топора мы уже встрѣчаемъ эти приспособленія, вначалѣ въ видѣ низкихъ валиковъ, которые все болѣе и болѣе возвышаются и, наконецъ, принимаютъ форму настоящихъ боковыхъ крыльевъ на верхней сторонѣ цельта. Въ полыхъ цельтахъ при самой отливкѣ ихъ оставлялось отверстіе; для прикрѣпленія рукоятки служило ушко, которое встрѣчается, впрочемъ, и въ цельтахъ съ крыльями. Кромѣ цельта, были находимы широкія и узкія долота изъ бронзы, предназначенныя для плотничныхъ работъ; они имѣли различныя формы.

Второй главный типъ инструментовъ представляютъ бронзовые ножи съ однимъ лезвеемъ, изящной выпуклой спинкой и отлитымъ шпенькомъ для рукоятки. Изъ другихъ рѣжущихъ инструментовъ найдены бронзовые серпы, изъ колющихъ — булавки съ ушкомъ, швейныя иглы, острія для прокалыванія и шила, затѣмъ пунсоны для выбиванія украшеній на металлическихъ поверхностяхъ. Изъ оружія въ собственномъ смыслѣ встрѣчаются бронзовые мечи, кинжалы, наконечники копій и стрѣлъ. Клинки бронзовыхъ мечей обоюдоостры и своей формою напоминаютъ увеличенный ивовый листъ. Украшеніями ихъ служили возвышенныя линіи, которыя шли по направленію лезвея. Клинки отливались, большею частью, отдѣльно, со шпенькомъ, или безъ него, и прикрѣплялись къ рукояткѣ заклепками. Рукоятка представляетъ разнообразныя формы, по которымъ установлены различные типы мечей. На рукояткѣ одного меча, найденнаго въ свайныхъ постройкахъ западной Швейцаріи, сдѣланъ рядъ круглыхъ желобковъ, въ которые искусно вставлены маленькія желѣзныя пластинки; здѣсь, слѣдовательно, желѣзо еще употребляется, какъ металлъ для украшенія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мечъ — первое оружіе свайныхъ построекъ, въ которомъ желѣзо было употреблено для этихъ цѣлей. Одинъ изъ мечей, найденныхъ Гроссомъ, имѣлъ желѣзный клинокъ и бронзовую рукоятку со вдѣланными въ нее тонкими желѣзными пластинками. Этотъ мечъ имѣлъ такую-же форму, какъ и бронзовые мечи: тѣ же выпуклыя линіи украшаютъ клинокъ, похожій на ивовый листъ. Матеріаломъ служила сталь, которая могла дать хорошее лезвее. Линіи, украшающія рукоятку, сдѣланы по окончаніи кузнечной работы при помощи грабштихеля. Въ числѣ предметовъ украшенія изъ бронзы особенно выдаются большія булавки и тяжелые ручные и ножные браслеты. Фибулы отсутствуютъ.

Указанный характеръ появленія желѣза въ свайныхъ постройкахъ свидѣтельствуетъ о постепенно развивавшемся переходномъ періодѣ

между бронзовымъ и желѣзнымъ вѣками. Хотя въ переходныя эпохи обитатели свайныхъ построекъ пользовались разнымъ матеріаломъ для изготовленія оружія и орудій, но въ своихъ работахъ изъ новаго матеріала они подражали старымъ формамъ, заимствованнымъ у предковъ. И подобно тому, какъ первые металлическіе топоры изъ мѣди являются копіями каменныхъ топоровъ, такъ и первое желѣзное оружіе воспроизводитъ въ своихъ формахъ предшествовавшее ему бронзовое оружіе.

Свайныя постройки западной Швейцаріи возстановляютъ передъ нами, въ предѣлахъ небольшой географической территоріи, картину прогрессивнаго роста культуры отъ самыхъ первыхъ началъ каменнаго вѣка и до такъ называемаго Латенскаго періода (въ эпоху завоеванія Галліи Цезаремъ), который характеризуется знаменитымъ, похожимъ на свайныя постройки мѣстонахожденіемъ Ла-Тенъ, принадлежащимъ развитому желѣзному вѣку. Переходной періодъ швейцарскихъ свайныхъ построекъ отъ бронзы къ желѣзу, превосходнымъ типомъ котораго служитъ желѣзный мечъ, имѣющій форму бронзоваго меча, принадлежитъ къ широко распространенной культурной группѣ. Для средней Европы эта группа носитъ названіе Гальштаттскаго періода, по одному изъ самыхъ раннихъ и наиболѣе изслѣдованныхъ мѣстонахожденій у Гальштаттскаго озера.

Бронзовый періодъ былъ впервые указанъ, въ видѣ замкнутой культурной группы, на сѣверѣ Европы, въ сѣверной Германіи и въ Скандинавіи. Но затѣмъ удалось установить его во всѣхъ древнихъ культурныхъ центрахъ, правда, съ мѣстными видоизмѣненіями, какъ ступень, предшествующую желѣзному вѣку. Весьма замѣчательно, что даже культурныя государства Новаго Свѣта употребляли, какъ рабочій металлъ, исключительно мѣдь и бронзу. Такъ, перуанцы столь же мало знали желѣзо, какъ и прочіе американскіе народы до соприкосновенія съ европейской цивилизаціей. Кромѣ мѣди и бронзы, пользовались оловомъ и свинцомъ, золотомъ и серебромъ. Перуанская бронза содержитъ около 5—10% серебра. Мы встрѣчаемъ бронзовые цельты, которые, подобно первымъ грубымъ металлическимъ издѣліямъ въ Европѣ, соотвѣтствуютъ по формѣ простымъ каменнымъ топорамъ. Точно также въ Америкѣ изготовлялись изъ бронзы или мѣди многія другія формы орудій и оружія, встрѣчаемыя въ бронзовомъ вѣкѣ Стараго Свѣта: серповидные ножи съ рукояткою посрединѣ, наконечники копій и стрѣлъ, мечи, звѣздчатыя боевыя палицы и проч. Но рядомъ съ этимъ употребляются еще каменныя орудія и каменное оружіе.

Прогрессъ въ Старомъ Свѣтѣ всюду обусловливается переходомъ отъ бронзы къ желѣзу.

Почти весь инвентарь орудій и оружія и пр., принадлежащій первому или древнѣйшему желѣзному вѣку, т. е. переходной эпохѣ отъ исключительнаго пользованія бронзою къ употребленію желѣза, какъ рабочаго металла, былъ найденъ на знаменитомъ могильномъ полѣ Гальштатта, у Гальштаттскаго озера, въ Зальцкаммергутѣ, въ открытыхъ тамъ 1000 могилахъ. Это мѣстонахожденіе, какъ уже было упомянуто, обнимаетъ въ средней Европѣ цѣлую культурную группу такъ назыв. Гальштаттскаго періода. Предметы, найденные здѣсь, чрезвычайно характерны.

Каменныя орудія въ числѣ ихъ попадаются очень рѣдко. Оружіе сдѣлано частью изъ бронзы, частью изъ желѣза, при чемъ желѣзное оружіе преобладаетъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ, что̀ въ высшей степени характерно, оно, въ особенности, мечи, имѣетъ часто тѣ формы, которыя считаются типичными для бронзоваго оружія болѣе древнихъ періодовъ. Гальштаттскіе мечи отличаются тяжелыми широкими клинками съ косо срѣзанной верхушкою. Рукоятки переходятъ въ большіе набалдашники, а на клинкѣ, подъ прикрѣпленіемъ рукоятки, замѣчаются боковыя вырѣзки. Кинжалы также часто встрѣчаются: клинки почти всегда сдѣланы изъ желѣза, рукоятки изъ бронзы. Нѣкоторые мечи вложены въ ножны изъ дутой листовой

бронзы. Характерны крылообразные концы ноженъ. Встрѣчаются и кинжалы съ однимъ лезвеемъ или имѣющіе форму небольшихъ мечей. Далѣе попадаются маленькіе бронзовые топоры, которые едва ли могли служить оружіемъ или играть роль инструмента; вѣроятно, это — лишь символы ихъ. Особенно многочисленны цельты, преимущественно плоскіе, изъ желѣза безъ крыльевъ, но съ двумя боковыми выступами въ томъ мѣстѣ, гдѣ стержень переходитъ въ пластину. Долота, большею частью, сдѣланы изъ желѣза. Точно также наконечники копій, за немногими исключеніями, желѣзные. Весьма многочисленны ножи, главнымъ образомъ, желѣзные, но еще съ изогнутой пластиною, какъ въ бронзовыхъ ножахъ. Особенно характерны для Гальштаттской культуры большіе желѣзные ножи для рубки, съ широкой и толстой, нѣсколько изогнутою пластиною объ одномъ лезвеѣ и, большею частью, съ желѣзной рукояткою. Они довольно большихъ размѣровъ и напоминаютъ маленькіе мечи.

Изъ предметовъ украшенія особенно выдаются роскошныя поясныя бляхи изъ бронзы, обильно украшенныя дутыми орнаментами. Онѣ были, повидимому, укрѣплены на кожѣ или матеріи. Застежку образовалъ крючекъ; ременныя пряжки были неизвѣстны. Бронзовыя бляхи съ дутыми орнаментами играли вообще большую роль въ числѣ предметовъ украшенія этого періода, такъ же, какъ и висячія цѣпи и другія украшенія съ погремушками. Въ большомъ числѣ попадаются браслеты, частью полые, сдѣланные изъ гнутой листовой бронзы, частью массивнаго литья. Основнымъ мотивомъ является въ этихъ послѣднихъ во многихъ случаяхъ шнуръ съ нанизанными бусами или шариками. Изъ шариковъ часто составляются полушарія, нерѣдко большія; но иногда они такъ малы и лежатъ такъ густо, что переходятъ въ поперечныя ребра. Вмѣсто прямыхъ булавокъ различной формы, употребительныхъ въ бронзовомъ періодѣ въ качествѣ застежекъ, выступаютъ теперь, для той же цѣли и какъ украшенія, фибулы. Различаютъ двѣ главныхъ формы ихъ: спиральныя и дугообразныя фибулы; послѣднія встрѣчаются въ разнообразныхъ видахъ. Въ большомъ числѣ найдены большіе и малые бронзовые сосуды то въ формѣ ведра (situlae) съ одною или нѣсколькими ручками, то въ видѣ цилиндрическихъ ящиковъ съ поперечными ребрами; затѣмъ вазы и фляжки, чашеобразные сосуды, чашки, плоскія блюда и проч. Всѣ эти сосуды сдѣланы изъ кованной листовой бронзы и между ними нѣтъ ни одного литого, какіе часто попадаются среди красивыхъ бронзовыхъ сосудовъ сѣвернаго бронзоваго періода. Гальштаттскіе бронзовые сосуды состоятъ изъ нѣсколькихъ пластинъ, согнутыхъ и склепанныхъ съ большимъ искусствомъ. Глиняные сосуды, урны, вазы, миски, чаши часто имѣютъ весьма изящную форму и всегда сдѣланы отъ руки изъ тонкой глины. Нѣкоторые покрыты графитомъ, иные раскрашены. Орнаменты, линіи, круги и фигурныя изображенія вдавлены или нанесены краской.

Общая картина, вытекающая изъ находокъ Гальштаттскаго періода средней Европы, свидѣтельствуетъ о высоко развитой культурѣ съ рѣзко выраженною склонностью къ роскоши и внѣшнему блеску, на ряду съ усовершенствованной техникой и сильно развитой промышленностью. Точно также сразу можно замѣтить вліяніе разнородныхъ культуръ. Такъ, на самомъ Гальштаттскомъ могильномъ полѣ слоновая кость, украшающая рукоятки мечей, затѣмъ стеклянные сосуды и раковины изъ Средиземнаго моря указываютъ на югъ, тогда какъ изрядное количество янтаря выдаетъ сѣверъ. Нѣкоторыя фигурныя изображенія на дутой листовой бронзѣ исходятъ съ Востока, какъ, напр., красиво нарисованныя крылатыя животныя на крышкѣ одного изъ ведеръ. На другомъ ведрѣ, найденномъ близъ Ватча въ Австріи, между Гальштаттскими предметами, изображены шествія человѣческихъ фигуръ въ духѣ италійскаго и греческаго стиля. Къ той же категоріи относятся фигуры животныхъ изъ бронзы или глины, быки

Объясненіе таблицы на оборотѣ.

1—5. Застежки.
- 1. Фибула. 1/2 ест. вел.
- 2. Брошка. 1/2 ест. вел.
- 3. Брошка. 1/3 ест. вел.
- 4. Фибула. 2/5 ест. вел.
- 5. Змѣевидная фибула. 1/3 ест. вел.

6. Кусокъ украшенной поясной бляхи. 1/2 ест. вел.

7. Обоюдоострая кремневая пила. 1/2 ест. вел.

8. Мѣдная пряжка. 1/6 ест. вел.

9. Сосудъ съ нарѣзнымъ украшеніемъ. 1/6 ест. вел.

10 и 11. Иглы.
- 10. Игла изъ слоновой кости. 1/3 ест. велич.
- 11. Костяная игла съ просверленнымъ ушкомъ. 3/8 ест. вел.

12. Мѣдное дѣтское запястье. 1/2 ест. велич.

13. Просверленный полированный топоръ. 1/6 ест. вел.

14. Ваза ручной работы. 1/9 ест. вел.

15—17. Глиняные черепки.
- 15. Блестящекрасный глиняный черепокъ съ вдавленнымъ орнаментомъ. 2/3 ест. вел.
- 16 и 17. Обломки глиняныхъ сосудовъ. 1/3 ест. вел.

Украшенія выполнены бѣлымъ мѣломъ.

18—20. Наконечники стрѣлъ изъ Олимпіи. 1/2 ест. вел.

21—22. Наконечники копій изъ Олимпіи.
- 21. Наконечникъ копья. 2/5 ест. вел.
- 22. Наконечникъ копья. 1/6 ест. вел.

23. Клинокъ меча изъ Олимпіи. 1/6 ест. велич.

24. Мѣдный ножъ. 1/5 ест. вел.

Оба отверстія на нижнемъ концѣ были предназначены для гвоздей, при помощи которыхъ ножъ укрѣплялся въ рукояткѣ.

25. Тылъ древне-греческаго панцыря, частная собственность на о-вѣ Занте. 1/4 ест. вел.

(1—6, 18—23, 25 изъ „Бронзъ Олимпіи“ Фуртвенглера; 7—17, 24 изъ „Иліоса“ Шлимана.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб

Греческія орудія, оружіе и утварь ранней исторической эпохи.

и коровы съ завивающимися рогами, лошади и всадники и въ особенности птицы, изображающія, вѣроятно, голубей, и птицы съ широкимъ клювомъ — утки или лебеди.

Изслѣдованія Фуртвенглера надъ мелкими бронзовыми вещами, найденными при раскопкахъ въ Олимпіи, показываютъ, что самыя раннія жертвенныя приношенія, открытыя въ Олимпіи, принадлежатъ культурному кругу древнѣйшаго желѣзнаго вѣка, т. е. Гальштаттскаго періода, впервые точно установленнаго въ средней Европѣ. Если есть различія, то они сводятся къ мѣстнымъ варіантамъ одного общаго типа. Къ находкамъ изъ древнѣйшаго періода Олимпіи принадлежитъ слѣдующее оружіе: бронзовые мечи съ широкимъ шпенькомъ для рукоятки (см. рис. 23 таблицы „Греческія орудія, оружіе и утварь ранняго историческаго періода“), наконечники копій и стрѣлъ (см. рис. 18, 21 и 22), послѣдніе иногда съ крючками (см. рис. 19 и 20), боевые молоты, двойные топоры, поясныя бляхи и панцыри, а также наколѣнники, съ линейнымъ и фигурнымъ орнаментами. И тотъ, и другой орнаменты соотвѣтствуютъ Гальштаттскимъ формамъ центральной Европы. Бляхи съ украшеніями употреблялись какъ діадемы, а также для украшенія другихъ частей тѣла. Далѣе попадаются разнообразные предметы для привѣшиванія — погремушки и колесовидные привѣски, булавки, щипчики, гребни и другія принадлежности туалета. Въ большомъ числѣ попадаются фигуры животныхъ (жертвенныя фигурки) изъ бронзы, частью литыя, частью вырѣзанныя изъ листовой бронзы или сдѣланныя изъ глины, соотвѣтствующія обычному Гальштаттскому типу. То же слѣдуетъ сказать о браслетахъ, шейныхъ кольцахъ и другихъ аналогичныхъ предметахъ. Но особенно типичны фибулы (см. рис. 1—3 той же табл.), находки и формы которыхъ вообще наиболѣе характерны для Гальштаттскаго культурнаго круга. Особенно часто встрѣчаются въ Олимпіи змѣевидныя фибулы въ различныхъ видоизмѣненіяхъ (рис. 5), дугообразныя, полукружныя и ладьеобразныя фибулы, формы, похожія на піявокъ, и, наконецъ, спиральныя, похожія на очки (рис. 4) фибулы, столь типичныя для собственно Гальштаттскаго могильнаго поля. Бронзовые сосуды соотвѣтствуютъ Гальштаттскимъ не столько по формѣ, въ которой отражаются мѣстныя вліянія, сколько по техникѣ и способу украшенія.

Главное различіе между Олимпіей и Гальштаттскими мѣстами находокъ средней Европы заключается въ томъ, что тамъ, какъ и можно было ожидать, несравненно рѣзче выражено, чѣмъ, напр. въ самомъ Гальштаттѣ, вліяніе Востока. Правда, оно замѣтно и въ средней Европѣ, но въ Олимпіи восточныя вліянія выступаютъ въ массѣ и создаютъ, на ряду съ предметами европейско-греческаго стиля, какъ назвалъ Фуртвенглеръ Гальштаттскій стиль Олимпіи, вторую большую группу восточно-греческаго характера. Восточный характеръ стиля обнаруживается преимущественно въ орнаментикѣ — крылатые грифы и другія крылатыя существа, то болѣе похожія на людей, то на животныхъ, иногда двойныя существа, похожія на двойныхъ животныхъ геральдики, затѣмъ львы, сфинксы, быки. Въ числѣ фигурныхъ орнаментовъ въ Олимпіи открыты, какъ въ Гальштаттскихъ мѣстахъ находокъ средней Европы и сѣверной Италіи, сцены изъ повседневной жизни, изображенія охотниковъ и воиновъ, борьбы между животными и людьми. На одномъ бронзовомъ панцырѣ представлены, въ видѣ фигурнаго украшенія, Аполлонъ и музы и навстрѣчу имъ выступаютъ трое поклоняющихся мужей (см. рис. 25 табл. „Греч. орудія“ и проч.). Весь характеръ этихъ изображеній въ высокой степени соотвѣтствуетъ группамъ фигуръ на бронзовыхъ бляхахъ и ситулахъ Гальштаттскаго періода.

Благодаря этимъ открытіямъ, Гальштаттскій періодъ выходитъ уже изъ предѣловъ доисторической эпохи и примыкаетъ къ исторической эрѣ. Мы встрѣчаемъ одновременно и въ странахъ Средиземнаго

побережья и въ средней Европѣ на обширномъ протяженіи тѣ же культурныя условія, которыми характеризуется древнѣйшій историческій періодъ Греціи. Оказывается, что культурная жизнь варваровъ построена на тѣхъ же элементахъ, какъ и жизнь эллиновъ.

Кромѣ того, открыто уже одно мѣсто, гдѣ въ геологическихъ пластахъ располагаются другъ надъ другомъ доказательства прогрессивнаго развитія культуры отъ конца каменнаго вѣка до эпохи расцвѣта греко-римской исторіи. Оно было изслѣдовано самымъ точнымъ образомъ на основаніи методовъ палеонтологіи и при содѣйствіи всѣхъ вспомогательныхъ средствъ археологической и исторической наукъ. Здѣсь была установлена хронологическая преемственность не для однихъ металлическихъ періодовъ, но и для конца неолитическаго вѣка. Это въ высшей степени важное мѣсто есть Гиссарликскій холмъ (бывшая Троя), раскопками котораго обезсмертилъ себя Генрихъ Шлиманъ. Раскопки Шлимана, разработанныя и существенно дополненныя Дерпфельдомъ, составляютъ самый крупный шагъ для исторіи человѣчества, сдѣланный въ нашемъ столѣтіи. Имя Вирхова неразрывно связано съ именемъ Шлимана. Высокая заслуга Фуртвенглера заключается въ томъ, что въ своемъ личномъ анализѣ результатовъ раскопокъ въ Троѣ онъ точно устанавливаетъ хронологическую преемственную связь доисторическихъ эпохъ съ историческими и, такимъ образомъ, вводитъ первыя въ сферу исторіи. „На томъ мѣстѣ, гдѣ по преданію находилась Гомерова Троя“, говоритъ Фуртвенглеръ, „дѣйствительно стояла, во время расцвѣта Микенъ и въ эпоху Агамемнона, значительная крѣпость, поддерживавшая тѣсную связь съ культурою Микенъ. Эта крѣпость самымъ точнымъ образомъ соотвѣтствуетъ представленію о Троѣ, положенному въ основаніе древняго эпоса.“

Крѣпостной холмъ Трои (Гиссарликъ) завершаетъ собою цѣпь холмовъ, которая тянется въ западномъ направленіи отъ Иды, болѣе или менѣе параллельно Геллеспонту, и круто ниспадаетъ въ Троянскую равнину, къ долинѣ Скамандра. Первоначальный естественный холмъ самъ по себѣ не великъ, но его покрываютъ громадныя наслоенія, образовавшіяся изъ обломковъ разрушенныхъ зданій и стѣнъ, отчего онъ значительно выросъ не только въ вышину, но и въ ширину. Слои лежатъ здѣсь одинъ на другомъ, какъ листья въ почкѣ,—и въ этихъ слояхъ, разгаданныхъ Шлиманомъ и Дерпфельдомъ, мы, точно перелистывая книгу, читаемъ исторію знаменитаго мѣста, начиная съ древнѣйшихъ временъ. Первоначальное основаніе холма возвышается теперь футовъ на 60 надъ равниной, которая, вѣроятно, благодаря намывнымъ слоямъ, поднялась, со времени „Троянской войны“, еще на 16—20 футовъ. Пластъ наслоеній, образовавшійся на первоначальномъ холмѣ и разрытый Шлиманомъ, имѣетъ въ совокупности около $52^1/_2$ футовъ = 16 м. толщины. Шлиманъ различаетъ въ немъ 7—8 слоевъ, strata, соотвѣтствующихъ столькимъ же городамъ, которые были послѣдовательно построены на этомъ холмѣ, одинъ на развалинахъ другого.

Такимъ образомъ, самый нижній слой, непосредственно лежащій на первоначальномъ грунтѣ, принадлежитъ древнѣйшему, первому городу на крѣпостномъ холмѣ Трои. „По умѣренному вычисленію“, говоритъ Фуртвенглеръ, „это поселеніе должно быть отнесено къ первой половинѣ третьяго тысячелѣтія до Р. Х.; но оно могло принадлежать и четвертому тысячелѣтію. Обитатели его пользовались уже, на ряду съ каменными орудіями, мѣдною утварью (см. рис. 8, 12 и 24 табл. „Греч. орудія“ и пр.). Вся культура его находится въ самой тѣсной связи съ культурою, характеризующею „мѣдный вѣкъ“ въ средней Европѣ. Глиняные сосуды „мѣднаго вѣка“ изъ Мондзее въ Австріи вполнѣ соотвѣтствуютъ сосудамъ перваго троянскаго города. Троя представляетъ лишь отпрыскъ средне-европейской культуры, и обитатели ея были, по всей вѣроятности, европейскаго происхожденія.“

„Мѣдный вѣкъ“, какъ мы видѣли, обозначаетъ конецъ неолитическаго періода и начало металлическаго вѣка. Въ первомъ троянскомъ городѣ металлическія вещи попадаются въ очень незначительномъ числѣ: все еще преобладаютъ каменные топоры, цельты, ножи, пилы изъ того же матеріала и того же типа, какъ извѣстные средне-европейскіе образцы. Особенно часто употребляется, какъ матеріалъ, нефритъ, затѣмъ серпентинъ, діоритъ, порфиръ, гематитъ, кремень (рис. 7 той же табл.). Формы совершенно такія же, какъ въ новѣйшемъ европейскомъ каменномъ вѣкѣ (см. рис. 13 той же таблицы). Точно также характеръ керамики (см. рис. 9 и 14), по Вирхову, во многихъ отношеніяхъ еще напоминаетъ европейскій каменный вѣкъ. Особенно тѣсныя аналогіи доставляютъ мѣста находокъ каменнаго вѣка Бутмира въ Босніи и затѣмъ въ Семиградіи. Историческая связь съ неолитическимъ періодомъ выяснилась бы еще рельефнѣе при болѣе подробномъ изслѣдованіи перваго города: быть можетъ, удалось бы тогда провести болѣе рѣзкую грань между нимъ и вторымъ слоемъ, который расположенъ между первымъ городомъ и слоемъ, названнымъ Шлиманомъ вторымъ „сгорѣвшимъ городомъ“. Впослѣдствіи Шлиманъ раздѣлилъ его на два слоя, соотвѣтствующихъ двумъ городамъ. Возможно, что металлъ происходитъ изъ второго верхняго слоя подъ сгорѣвшимъ городомъ. Въ этомъ случаѣ первый слой принадлежалъ бы еще всецѣло каменному вѣку. Керамика не противорѣчила бы такому выводу.

„Высоко надъ первымъ городомъ, на толстомъ наносномъ пласту“, продолжаетъ Фуртвенглеръ, „находится ровная площадь второго города, который слѣдуетъ отнести, по меньшей мѣрѣ, ко второй половинѣ третьяго тысячелѣтія до Р. Х. То былъ первый періодъ расцвѣта Трои. Крѣпкія стѣны, защищавшія городъ, представляютъ ясные слѣды трехъ строительныхъ періодовъ: сперва онѣ были далеко раздвинуты, затѣмъ укрѣплены и, наконецъ, въ нихъ пробиты новыя, величественныя ворота. Въ теченіе третьяго періода этого второго города, одинъ изъ правителей, поклонникъ роскоши, повелѣлъ устроить, вмѣсто прежней узкой дороги къ воротамъ, красивые пропилеи и обширное зданіе съ портиками. Сильный пожаръ уничтожилъ и этотъ городъ. Въ верхней части городской стѣны, построенной изъ глиняныхъ кирпичей, Шлиманъ нашелъ кладъ: онъ назвалъ его сокровищемъ Пріама. Орудія второго города сдѣланы частью изъ камня, частью изъ бронзы: они принадлежатъ, слѣдовательно, уже бронзовому вѣку.

Общій характеръ культуры, по Фуртвенглеру, все еще остается средне-европейскимъ. Тѣмъ не менѣе, выработываются нѣкоторыя индивидуальныя черты, и всюду отражается вліяніе великой азіатской (вавилонской) культуры, хотя очень глубоко она не проникаетъ. Первымъ признакомъ подобнаго вліянія Фуртвенглеръ считаетъ единичные экземпляры глиняной посуды, сдѣланной съ помощью гончарнаго круга, въ особенности, плоскія блюда: дѣло въ томъ, что въ то время гончарный кругъ былъ совершенно неизвѣстенъ въ цѣлой Европѣ, даже на такомъ близкомъ къ Востоку пунктѣ, какъ Кипръ; въ Египтѣ же и Вавилонѣ онъ употреблялся съ древнѣйшихъ временъ. Такимъ образомъ, и въ этотъ періодъ Троя продолжаетъ тяготѣть больше къ средней Европѣ, но отстаетъ отъ послѣдней въ отношеніи своеобразности бронзовой культуры: металлическія издѣлія застываютъ здѣсь въ формахъ мѣднаго вѣка. Тѣснаго родства съ Кипромъ не существуетъ: только основа культуры общая. Но эта культура имѣла широкую область распространенія: нерѣдко находки изъ германскихъ странъ стоятъ ближе къ троянскимъ, чѣмъ кипрскія.

„За блестящимъ періодомъ второго города для Трои наступаетъ длинный промежутокъ упадка. Насыпь громоздится на насыпи, стѣны поднимаются надъ стѣнами, но одна ничтожнѣе другой. Нѣтъ ни новыхъ укрѣпленій, ни воротъ, ни дворцовъ въ эту эпоху, къ которой относятъ три

слоя: третій, четвертый и пятый города. Эти отложенія нужно отнести, по меньшей мѣрѣ, къ первой половинѣ второго тысячелѣтія до Р. Х. Обитатели были, очевидно, прежніе и культура ихъ все та же, что и во второмъ городѣ, но движенія впередъ не замѣчается. То было время застоя и отсталости. Всюду мы встрѣчаемъ прежнія формы сосудовъ, тѣ же украшенія. Въ этомъ періодѣ не могло быть, безъ сомнѣнія, оживленныхъ сношеній съ другими странами. И это было въ то время, когда на островахъ Эгейскаго моря и на восточномъ побережьи Греціи начинаетъ развертываться интенсивная культурная жизнь, достигающая въ послѣдующемъ періодѣ роскошнаго расцвѣта. Къ этому времени относятся находки на Терѣ: сосуды, сдѣланные всѣ съ помощью гончарнаго круга и разрисованные, хотя и слабо, краской съ металлическимъ блескомъ, такъ называемой лаковой краской; на нихъ изображены растенія, цвѣты и животныя въ совершенно новомъ, натуралистическомъ стилѣ, съ богатыми задатками, который былъ до тѣхъ поръ неизвѣстенъ въ Европѣ. Въ этотъ періодъ бронзоваго вѣка и на Кипрѣ появляются чрезвычайно разнообразныя и богатыя украшенія на сосудахъ. Троя, въ сравненіи съ этимъ, кажется бѣдною и жалкою.

„Однако, и для Трои насталъ новый періодъ блеска. Это — шестой городъ. Въ этомъ городѣ снова правятъ богатые и могущественные цари. Они расширяютъ его далеко за предѣлы старой ограды. Они воздвигаютъ новыя крѣпкія стѣны — старыя давно погрузились въ наносный слой, — но не изъ мелкихъ камней и глиняныхъ кирпичей, какъ прежде, а изъ большихъ обтесанныхъ каменныхъ глыбъ, и украшаютъ эти стѣны башнями и воротами. Они не позволяютъ разравнивать наростающій отъ наносовъ холмъ, какъ это дѣлали правители второго города, но воздвигаютъ новыя постройки террасами на развалинахъ старыхъ. Красивые дома съ просторными и высокими залами покрываютъ городъ. Существуютъ оживленныя сношенія съ правителями, которые въ то время — то была вторая половина второго тысячелѣтія до Р. Х. — строили въ Греціи свои города съ циклопическими стѣнами. Въ Троѣ дѣлали въ стѣнѣ тѣ же своеобразные, небольшіе, постоянно повторяющіеся выступы, которые мы находимъ въ одномъ „Микенскомъ“ городѣ, у Копаскаго озера въ Беотіи. Но особенно интересно проникновеніе въ Трою, въ описываемую эпоху, красивыхъ сосудовъ, разрисованныхъ блестящей краскою, которые характеризуютъ „микенскую культуру“ въ Греціи и живой стиль которыхъ достигъ тамъ столь удивительнаго развитія на почвѣ попытокъ, извѣстныхъ намъ въ Терѣ. Въ Троѣ эти вещи вызвали подражаніе (см. рис. 15—17 табл. „Греч. орудія“ и пр.), которое, однако, осталось далеко позади оригиналовъ. Троянецъ не обладалъ живою, полною фантазіи способностью схватывать природу и остался при своихъ мѣстныхъ нерасписанныхъ сосудахъ, хотя почти всѣ они дѣлались уже съ помощью гончарнаго круга.

„Насъ интересуетъ, однако, прежде всего историческая сторона. Наступилъ конецъ и шестого города: онъ былъ разрушенъ и сожженъ. Его снова замѣнили жалкія поселенія. Разрушеніе послѣдовало, вѣроятно, къ концу микенской культурной эпохи. Седьмой городъ, построенный непосредственно на развалинахъ шестого, представляетъ уже иную, болѣе новую культуру. Давно уже можно было предполагать, что въ сказаніи о Троѣ кроется историческое зерно; нынѣ это подтверждается памятниками. Дѣйствительно, существовала Троя, которая была сильна и велика въ то самое время, когда въ Греціи властвовали микенскіе властители, богатые золотомъ и сокровищами. И эта Троя была разрушена — на основаніи совпаденія находокъ и легенды, мы можемъ это смѣло утверждать — греческими царями микенской эпохи: сказаніе говоритъ объ Агамемнонѣ и его союзникахъ.

Седьмой и восьмой города, построенные вскорѣ по разрушеніи

шестого, порываютъ сношенія съ Греціей. Въ послѣдней микенскій періодъ былъ прерванъ передвиженіемъ народовъ, извѣстнымъ подъ названіемъ дорійскаго переселенія. За богатой культурной жизнью послѣдовалъ возвратъ къ полуварварскому состоянію сѣвера. И въ Троѣ мы узнаемъ періодъ упадка, „возвратъ къ давно оставленнымъ чернымъ сосудамъ, сдѣланнымъ отъ руки и поразительно сходнымъ по формѣ и украшеніямъ съ глиняными сосудами, бывшими въ употребленіи въ Италіи, особенно въ Этруріи и Лаціумѣ, въ первую треть перваго тысячелѣтія до Р. Х.“ Наконецъ, седьмой городъ даетъ малоцѣнныя привозныя расписанныя греческія вазы; но онѣ происходятъ не изъ самой Греціи, а съ мало-азіатскаго побережья, занятаго греками послѣ дорійскаго переселенія. „Эолійское заселеніе Троады не способствовало новому расцвѣту Иліона. Возвышались другія мѣста, а Троя оставалась въ жалкомъ состояніи.“ „Въ эпоху эллинизма небо проясняется надъ Троей. То, что задумалъ Александръ, выполнилъ Лизимахъ. Онъ снова поднялъ Иліонъ до степени настоящаго города, съ новыми стѣнами, и на вершинѣ холма воздвигнулъ красивый храмъ Аѳинѣ.“ „Но искусственное созданіе не могло распуститься надлежащимъ образомъ. И только, когда великіе римляне, вспомнивъ своихъ троянскихъ предковъ, заинтересовались этимъ мѣстомъ, на развалинахъ Трои расцвѣла новая жизнь.“

Такъ разсказываетъ исторію геолого-археологическій методъ, опираясь исключительно на памятники въ почвѣ и не нуждаясь въ письменныхъ свидѣтельствахъ. Доисторическая наука достигла здѣсь своей цѣли: доисторическая эпоха стала достояніемъ исторіи.

V. Америка.

Проф. д-ра **Конрада Геблера.**

1. Американскіе первобытные народы.

А. Общій очеркъ.

Вопросъ о томъ, какъ пришли первые люди въ Америку, издавна занималъ ученыхъ и неученыхъ, давая имъ обильный матеріалъ для размышленія. Иные не могли себѣ представить, чтобы могъ существовать материкъ съ безчисленными разнообразными народностями, для которыхъ не находилось мѣста въ таблицѣ народовъ книги Бытія. И такъ какъ они не могли придумать ничего лучшаго, то остановились на предположеніи, что рѣчь идетъ здѣсь объ исчезнувшихъ десяти колѣнахъ Израиля. Это наивное воззрѣніе косвеннымъ образомъ оказало услуги самой наукѣ, такъ какъ побудило нѣкоторыхъ интеллигентныхъ наблюдателей заняться обстоятельно изученіемъ нравовъ и обычаевъ американскихъ индѣйцевъ въ надеждѣ открыть при этомъ аналогіи, которыми можно было бы воспользоваться, какъ доказательствами.

Несравненно большій отпечатокъ научности носитъ другая гипотеза о происхожденіи американцевъ. Сказочный міръ острововъ на западномъ океанѣ, древнѣйшимъ свидѣтельствомъ котораго является легендарная Атлантида Платонова Тимея, оказалъ непосредственное вліяніе на открытіе Новаго Свѣта, такъ какъ самъ Колумбъ былъ проникнутъ этой легендой. До сихъ поръ трудно рѣшить, лежитъ ли въ основаніи ея какой либо историческій или доисторическій фактъ. Но есть люди науки, которые отвѣчаютъ утвердительно на этотъ вопросъ и допускаютъ, что первые люди проникли на американскій материкъ, какъ по мосту, черезъ цѣпь острововъ Атлантическаго океана. Правда, новѣйшая наука не относится къ этому вопросу съ такой наивностью, какъ старый испанецъ, который на этомъ основаніи признаетъ кельто-иберійское происхожденіе индѣйцевъ. Погруженіе материка между Европою и Америкою въ такое время, когда наша часть свѣта была обитаема народами, слѣды которыхъ еще не исчезли, во всякомъ случаѣ оставило бы на побережьи обоихъ пограничныхъ материковъ извѣстные признаки, и эти признаки едва ли могли бы ускользнуть отъ усовершенствованныхъ методовъ изслѣдованія земной поверхности. Попытка возстановить контуры гипотетическаго материка по подводнымъ утесамъ и мелямъ Атлантическаго океана есть также безплодная забава. Съ другой стороны, авторитетные геологи считаютъ доказаннымъ, что сѣверная часть Атлантическаго океана не всегда была подъ водою, и что въ тѣ времена, когда климатическія условія нашей части свѣта представляли существенно иную картину, чѣмъ въ историчесскую эпоху, человѣкъ проникъ этимъ путемъ изъ Стараго Свѣта въ Новый.

Наконецъ, существуетъ еще третья гипотеза относительно заселенія Америки. Она, пожалуй, была бы самою простою, если бы та же наука, которая допускаетъ возможность сухопутнаго моста на сѣверѣ Атлантическаго океана, не исключала ея. Нигдѣ материки Стараго и Новаго Свѣта не сходятся такъ близко, какъ на сѣверо-западѣ Америки, гдѣ массы суши раздѣляетъ лишь узкое водяное пространство Берингова пролива и гдѣ Алеутскіе

острова даютъ возможность переправиться съ одного материка на другой даже лодочнику, обладающему самыми первобытными приспособленіями. Во всѣ времена случалось, что вѣтеръ относилъ суда обитателей азіатскаго побережья до самыхъ береговъ Аляски, и переселеніе въ этомъ направленіи, еще въ предѣлахъ исторической эпохи, составляетъ почти историческій фактъ. Сходство первобытныхъ обитателей Америки съ монгольскими народностями, нѣкоторыя этнологическія черты народовъ тихоокеанскихъ штатовъ Америки, напоминающія такія же черты у азіатскихъ культурныхъ народовъ, долгое время давали этой гипотезѣ много приверженцевъ. Въ разсказахъ о странѣ Фу-шанъ видѣли прямое доказательство въ пользу сношеній китайцевъ съ Америкой и на этомъ смѣло строили гипотезу, будто ацтекская культура есть лишь отпрыскъ китайской. Однако, подобные выводы не могли выдержать строгой критики. Во всякомъ случаѣ, этотъ путь заселенія Америки не распространяется на все то время, съ какого мы сами находимся въ общеніи съ древнѣйшими китайцами. И если правы геологи, утверждающіе, что дальній сѣверо-западъ выступилъ надъ водою лишь послѣ ледниковой эпохи и что раньше волны Тихаго океана достигали сѣвернаго полюса, то первые обитатели Америки проникли туда, безъ сомнѣнія, не этимъ путемъ, такъ какъ въ ту пору въ землѣ „Новаго Свѣта“ покоились уже кости многихъ поколѣній.

Съ тѣхъ поръ, какъ удалось доказать, что человѣческій родъ на американской землѣ можетъ быть прослѣженъ до тѣхъ же геологическихъ эпохъ, какъ и въ Старомъ Свѣтѣ, вопросъ о томъ, откуда пришли туда первые люди, въ значительной мѣрѣ утратилъ прежнее значеніе. Безъ сомнѣнія, Америка не можетъ считаться колыбелью человѣчества. Однимъ изъ доводовъ противъ этого служитъ то, что человѣкообразныя обезьяны, которыхъ ученіе о постепенномъ развитіи не можетъ не признать связующимъ звеномъ между животнымъ міромъ и человѣкомъ, никогда, какъ и нынѣ, не были тамъ туземными; это подтверждается ископаемыми находками всѣхъ американскихъ раскопокъ. Но какъ скоро первые люди перебрались въ Америку въ такіе періоды, когда распредѣленіе суши и воды на поверхности земли было совершенно инымъ, чѣмъ въ предѣлахъ историческихъ эпохъ, то отвѣта на поставленный нами вопросъ можно ожидать развѣ когда нибудь отъ геологіи. Такой скорѣе отрицательный результатъ имѣетъ, тѣмъ не менѣе, безусловно научное значеніе. Онъ доказываетъ, что неправы тѣ, которые усматриваютъ въ нравахъ дикихъ и цивилизованныхъ народовъ Америки вліянія опредѣленныхъ этнографическихъ единицъ, соотвѣтствующихъ нашимъ понятіямъ. Какъ скоро первый человѣкъ въ Америкѣ былъ уже обитателемъ ея въ то время, когда товарищъ его въ Старомъ Свѣтѣ, наравнѣ съ животными, обгрызалъ кости убитой дичи и когда единственный кровъ его составляли естественныя пещеры въ горахъ, то не можетъ быть уже рѣчи объ арійскомъ или семитическомъ происхожденіи американскихъ культуръ. Наоборотъ, палеонтологія и исторія Новаго Свѣта неопровержимо доказываютъ, что развитіе этихъ послѣднихъ отъ временъ мамонта и вплоть до открытія Христофоромъ Колумбомъ шло непрерывно и независимо отъ вліянія внѣшнихъ воздѣйствій.

Для изслѣдователя въ области первобытной исторіи человѣческаго рода Америка представляетъ столь же высокій интересъ, какъ и для геолога: памятники прошлаго, оставившіе въ Старомъ Свѣтѣ лишь жалкіе, часто стертые слѣды, здѣсь сохранились до послѣдующей эпохи, которая, хотя и не обладала усовершенствованными методами изслѣдованія нашего времени, тѣмъ не менѣе, оставила потомству, въ своихъ описаніяхъ и памятникахъ, несравненно болѣе богатый матеріалъ, чѣмъ Старый Свѣтъ. Мы находимъ тамъ разъясненія относительно явленій и состояній первобытной человѣческой исторіи, которыхъ напрасно будемъ искать у насъ. Даже

наиболѣе развитые культурные народы Америки находились въ эпоху открытія только въ началѣ мѣднаго вѣка; большинство же обитателей Новаг Свѣта еще всецѣло жило въ каменномъ вѣкѣ.

Одно время американцы утверждали, будто они нашли въ раскопкахъ человѣческія кости изъ слоевъ третичной эпохи; однако они также мало представили научныхъ доказательствъ въ пользу этого, какъ и тѣ, которые говорятъ объ аналогичныхъ находкахъ въ Старомъ Свѣтѣ. Но тамъ, какъ и здѣсь, были открыты человѣческіе остатки, принадлежащіе межледниковому періоду. Эти находки, хотя и немногочисленныя, не ограничиваются узкимъ пространствомъ, но встрѣчаются и въ горныхъ мѣстностяхъ Калифорніи, и въ обширныхъ равнинахъ Аргентинскихъ пампасовъ. И въ Америкѣ человѣкъ былъ современникомъ мамонта и другихъ доисторическихъ, исполинскихъ видовъ животныхъ, а позднѣе, но все еще въ предѣлахъ доисторическаго періода, Новый Свѣтъ обладалъ населеніемъ, которое мѣстами было даже довольно значительно. Въ пользу этого говоритъ большое количество и необычайное протяженіе кучъ отбросовъ доисторическаго человѣка, извѣстныхъ подъ названіемъ кухонныхъ кучъ (Kjökkenmöddinger). Эти холмы изъ отбросовъ попадаются въ Сѣверной и Южной Америкѣ, какъ на морскихъ побережьяхъ, такъ и у внутреннихъ озеръ и по берегамъ большихъ рѣкъ; помимо своего научнаго названія, они слывутъ на сѣверѣ подъ именемъ shell-mounds, на югѣ — sambaquis. Они состоятъ изъ скопленій несъѣдобныхъ частей рыбъ и другихъ водяныхъ животныхъ, особенно моллюсковъ, и, само собою разумѣется, содержатъ, кромѣ этихъ отбросовъ, еще обломки предметовъ, которыми пользовались люди, жившіе въ этихъ стоянкахъ. Несомнѣнно, что они принадлежали преимущественно древнѣйшей, палеолитической человѣческой культурѣ; но съ другой стороны, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что попадаются отбросные холмы, которые принадлежатъ не только неолитическому періоду — дикій индѣецъ на востокѣ Южной Америки до сихъ поръ не переступилъ предѣловъ его — но, безъ сомнѣнія, даже исторической эпохѣ.

Сколько требовалось людей и времени для того, чтобы нагромоздить эти холмы, имѣющіе часто сотни футовъ въ длину и значительную вышину, — для опредѣленія этого мы пока не располагаемъ надежнымъ мѣриломъ. Едва ли, однако, можно допустить очень медленное образованіе ихъ, такъ какъ въ этомъ случаѣ, вѣроятно, дѣло не дошло бы до образованія скопленій, противустоявшихъ стихіямъ цѣлыя тысячелѣтія, особенно на морскихъ берегахъ. Это даетъ намъ право съ несомнѣнностью заключить, что большое протяженіе и далекое распространеніе описываемыхъ холмовъ свидѣтельствуютъ о существованіи на американскомъ материкѣ, уже въ доисторическую эпоху, густого народонаселенія на обширномъ пространствѣ. Этотъ фактъ особенно важенъ при оцѣнкѣ истиннаго значенія гипотезъ относительно культурныхъ вліяній народовъ Стараго Свѣта на обитателей Новаго Свѣта. Если Америка, въ то время, когда Азія и Европа обладали еще исключительно некультурнымъ населеніемъ, была уже совершенно одинаковымъ образомъ обитаема людьми, то, въ виду географическихъ условій материка, мы лишь въ томъ случаѣ имѣли бы право прибѣгнуть къ внѣшнимъ вліяніямъ для объясненія культурныхъ явленій, когда допущеніе независимаго развитія оказалось бы недостаточнымъ для этого.

Если бросить взглядъ на американскій материкъ, во всей его совокупности, при вступленіи его въ историческую жизнь, то онъ представляетъ поразительное доказательство въ пользу чрезвычайно сильнаго вліянія географическаго положенія на развитіе человѣческой культуры. Сравнительно узкая береговая полоса, которая тянется вдоль западной подошвы Кордильеръ, этого позвоночнаго столба Америки, какъ ихъ мѣтко назвали, вмѣстѣ съ террасами, по которымъ хребетъ быстро дости-

гаетъ значительной высоты, была почти на всемъ своемъ протяженіи, начиная отъ Аляски и внизъ до Чили, мѣстопребываніемъ культурныхъ и полукультурныхъ народностей. По крайней мѣрѣ, эти народы, по уровню своей цивилизаціи, значительно превосходили средній культурный уровень населенія широкихъ равнинъ и обширныхъ низменностей, по которымъ, на восточной сторонѣ Кордильеръ, величайшія рѣки земли несутъ къ морю свои воды. Здѣсь находились оба великихъ культурныхъ центра, Перу и Мексика, изъ которыхъ послѣдній пересѣкалъ американскій континентъ, близъ самаго узкаго мѣста его, отъ одного океана до другого. Въ обширнѣйшихъ территоріяхъ къ востоку отъ Кордильеръ, составляющихъ цѣлыхъ три четверти всей площади материка, человѣкъ еще въ началѣ XVI столѣтія стоялъ на ступени культуры, близкой въ Сѣверной Америкѣ къ первобытному состоянію, а на южномъ материкѣ не замѣчалось слѣдовъ и такой культуры. Остроумный парадоксъ, будто голодъ есть отецъ всякаго прогресса, такъ какъ онъ вынуждаетъ человѣка къ борьбѣ съ окружающею средою, едва ли гдѣ находитъ болѣе поразительное подтвержденіе, чѣмъ въ Южной Америкѣ: здѣсь перуанецъ, отыскивающій средства къ жизни въ своей горной странѣ лишь при помощи упорнаго труда, создаетъ одно изъ величайшихъ государствъ всемірной исторіи; а восточный сосѣдъ его, утопающій въ роскоши и богатствѣ тропической природы, бродитъ въ такомъ состояніи, въ какомъ онъ не сознаетъ даже принципіальнаго различія между человѣкомъ и животнымъ. Правда, не однѣ только щедроты природы удерживали индѣйца на низшей культурной ступени, но и другія, менѣе благопріятныя вліянія. Въ обширныхъ равнинахъ, сопровождающихъ могущественныя рѣки до отдаленныхъ верховьевъ, сама природа препятствовала осѣдлости человѣка, которая составляетъ одно изъ необходимѣйшихъ условій для развитія культурнаго прогресса. Наводненія, повторявшіяся съ періодическою правильностью и затоплявшія на недѣли и мѣсяцы страны на протяженіи многихъ квадратныхъ миль, побуждали индѣйца съ такою же правильностью покидать и отдавать на разрушеніе свой шалашъ, разбитый не очень далеко отъ рѣчного берега, въ виду необходимости питаться рыбою. Правда, онъ былъ неутомимый пловецъ, энергичный гребецъ, искусный рыболовъ; но, тѣмъ не менѣе, тѣло его, какъ и духъ, не могло тѣсно сростись съ землею, на которой онъ жилъ, и вода, сносившая его непрочную хижину, сглаживала вмѣстѣ съ тѣмъ въ умѣ его воспоминанія о томъ, что́ было раньше.

Историческое изслѣдованіе долгое время стояло безпомощно передъ проблемою этихъ первобытныхъ народовъ. Прежде всего оно стремилось выдѣлить изъ безконечной массы народовъ и народцевъ группы, находившіяся въ болѣе тѣсномъ родствѣ между собою. Однако, и здѣсь встрѣчались на пути величайшія затрудненія. Пробовали воспользоваться, какъ отличительнымъ признакомъ, внѣшними чертами туземцевъ, цвѣтомъ кожи, формами черепа и тѣла. Оказалось, однако, что народы различнаго цвѣта кожи представляли несомнѣнные признаки родства, и въ то же время одинъ и тотъ же цвѣтъ и форма повторялись у совершенно различныхъ народовъ. Измѣренія черепа обнаруживали часто среди индивидуумовъ одного какого нибудь мелкаго племени всѣ градаціи отъ долихо-до брахицефаліи. Не болѣе пригодными, чѣмъ антропологическіе признаки, найдены были этнологическія особенности. Дикій индѣецъ оказался въ гораздо большей степени продуктомъ окружающей среды, чѣмъ сыномъ своей расы. То же племя, которое въ гористой странѣ особеннымъ образомъ одѣвалось, строило свои дома и хоронило мертвыхъ, въ другомъ мѣстѣ и при иныхъ условіяхъ заимствовало у своихъ новыхъ сосѣдей болѣе приспособленные къ нимъ нравы и обычаи. Такимъ образомъ, и эти признаки, не лишенные значенія въ единичныхъ случаяхъ, оказались недостаточными для установленія научнаго подраздѣленія въ хаосѣ народныхъ племенъ.

Единственнымъ, сколько-нибудь надежнымъ руководителемъ является до сихъ поръ одна лишь лингвистика. На данныхъ, добытыхъ при помощи ея, зиждется, для южной Америки почти исключительно, то немногое, что̀ намъ извѣстно объ историческихъ явленіяхъ (лучше сказать, фактахъ) у этихъ народовъ. Нецивилизованный индѣецъ ничего не знаетъ объ исторіи своего племени. Ему рѣдко знакомы болѣе, чѣмъ имена и, быть можетъ, жилища его отца и дѣда въ мѣстахъ, не подверженныхъ наводненіямъ. Уже черезъ нѣсколько поколѣній воспоминаніе о дальнихъ странствованіяхъ превращается въ неясное преданіе, и точные историческіе факты подавляются въ этихъ сказаніяхъ чрезмѣрнымъ вымысломъ миѳологическаго характера. По этому индѣецъ такъ легко мѣнялъ свои жизненныя привычки подъ вліяніемъ новой среды. Одинъ лишь языкъ сравнительно медленно поддавался этому процессу преобразованія и заключалъ въ себѣ элементы стойкости, прочно сохранявшіеся при всѣхъ измѣненіяхъ. Однако, и языкъ остался не совсѣмъ неприкосновеннымъ. Иначе едва ли возможно было бы понять, какимъ образомъ Новый Свѣтъ самъ по себѣ выработалъ почти столько же нарѣчій, какъ всѣ прочія части Свѣта, вмѣстѣ взятыя. Два момента имѣли особенно видоизмѣняющее вліяніе на языкъ: обособленность и смѣшеніе. Индѣецъ обладаетъ въ замѣчательно рѣзкой степени духомъ независимости. Даже семейныя узы у большинства индѣйскихъ племенъ слабѣе, чѣмъ гдѣ либо. Нецивилизованные индѣйцы, за немногими исключеніями, никогда не шли дальше рода и вообще самаго тѣснаго племеннаго родства, не создавали болѣе крупной общественной единицы. Отчасти это зависитъ отъ образа жизни ихъ: бродячая жизнь, питаніе тѣмъ, что добровольно даетъ природа, не благопріятствуетъ единенію большого числа людей и требуетъ, наоборотъ, отыскиванія все новыхъ мѣстъ, которыхъ еще не посѣщали другіе люди. Народы, говорящіе однимъ языкомъ, дробятся вслѣдствіе того на мелкія группы, которыя въ теченіе многихъ поколѣній живутъ замкнуто или имѣютъ сношенія только съ племенами, говорящими на чужомъ языкѣ. Отсюда все большее и большее отчужденіе между отдѣльными нарѣчіями.

Гораздо болѣе существенное вліяніе оказало смѣшеніе на языки индѣйцевъ. Оно рѣдко являлось слѣдствіемъ мирнаго общенія. Первобытный индѣецъ, смотрѣвшій на лѣсныхъ животныхъ почти какъ на равныхъ себѣ, въ то же время видѣлъ въ чужомъ человѣкѣ лишь дикаго звѣря; чужимъ былъ для него всякій, кто не принадлежалъ къ его ближайшимъ родственникамъ по племени. Этимъ объясняется война всѣхъ противъ всѣхъ, господствовавшая среди большинства индѣйскихъ племенъ. Служило ли подобное воззрѣніе основаніемъ для антропофагіи, которая по временамъ охватывала, съ одного конца до другого, весь американскій материкъ, въ этомъ можно, пожалуй, усомниться. Во всякомъ случаѣ, индѣецъ преслѣдовалъ враждебныхъ ему людей съ такою же жестокостью, съ какою относился къ своимъ злѣйшимъ врагамъ изъ міра животныхъ. Войны, по скольку идетъ рѣчь о мужской части враждебнаго племени, сводились къ истребленію. Отношеніе къ женщинамъ было иное. Среди тревожной жизни индѣйскаго бродячаго охотника значительная часть повседневнаго труда и заботъ выпадала на долю женскаго пола, и эту помощь и вѣрность своихъ женъ индѣецъ умѣлъ цѣнить. Если ему удавалось, въ борьбѣ съ враждебнымъ племенемъ, захватить женщинъ, то лишь въ исключительныхъ случаяхъ онъ вымещалъ и на нихъ свою ярость. Гораздо чаще онъ смотрѣлъ на нихъ какъ на увеличеніе рабочихъ силъ, которыя предназначены заботиться о физическомъ благосостояніи его. Ясно, что эти чужія женщины, принятыя племенемъ, должны были, при извѣстныхъ условіяхъ, оказывать измѣняющее вліяніе, особенно, если это случалось часто и въ большихъ размѣрахъ. Нерѣдко племя, при благопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ жизни, увеличивалось въ численности съ такою быстротою, что не оставалось болѣе мѣста для всѣхъ чле-

новъ его. Тогда должны были выселяться самые молодые мужчины въ первомъ періодѣ возмужалости; за ними рѣдко или совсѣмъ не шли женщины на неизвѣстное; рабочія руки были скорѣе нужны въ домѣ, чѣмъ лишніе воины. Чтобы основать новый очагъ, имъ оставалось только похищать женщинъ. Производилось нападеніе на ближайшую деревню, гдѣ можно было разсчитывать на успѣхъ. Мужчины, которымъ не удавалось убѣжать, избивались; съ женщинами же воины соединялись для образованія новаго племени, въ которомъ смѣшеніе разнородныхъ элементовъ должно было отражаться во всѣхъ отношеніяхъ. Такое образованіе новыхъ народовъ не только является логическимъ требованіемъ: оно подтверждается и отдѣльными историческими примѣрами изъ жизни народовъ Южной Америки.

B. Первобытные народы Южной Америки.

Скудная историческая картина, которую мы въ состояніи возстановить при помощи лингвистики, этнологіи и антропологіи, даетъ пока возможность нарисовать лишь въ общихъ чертахъ прошлое главнѣйшихъ племенъ Южной Америки. Самое древнее племя изъ извѣстныхъ намъ представляютъ тапуйи или тапуйясы. Это не собственное имя, но на языкѣ туписовъ означаетъ вообще чужого, врага. Карлъ фонъ денъ-Штейненъ называетъ эту группу народами Жесъ; другіе употребляютъ для нея названіе креновъ, что означаетъ „древніе“. Наиболѣе популярно названіе ботокудовъ отъ слова botoque (палочка въ нижней губѣ), хотя это украшеніе носятъ не одни ботокуды, но и большинство другихъ народовъ Южной Америки: даже воины чибчасовъ, которые уже безусловно должны быть причислены къ культурнымъ народамъ, обыкновенно продѣвали столько палочекъ сквозь нижнюю губу, сколько враговъ они убили въ сраженіи. Названіе тапуйевъ наиболѣе цѣлесообразно, такъ какъ въ исторіи оно преимущественно примѣнялось къ племенамъ Жесъ, а не къ отдѣльной небольшой части племенъ, какъ прочія названія. За древность этихъ народовъ говоритъ то, что сосѣди, постепенно вытѣснявшіе ихъ изъ прежнихъ владѣній, называли ихъ старыми. Самое вѣское доказательство въ пользу пребыванія ихъ въ предѣлахъ Бразиліи съ древнѣйшихъ, отдаленныхъ доисторическихъ временъ заключается въ томъ, что палеозойскіе черепа, открытые Лундомъ въ пещерахъ Лагоа Санта, имѣютъ всѣ характеристическіе признаки, свойственные формѣ головы тапуйясовъ. Сомнительно, наоборотъ, чтобы имъ принадлежали отбросныя кучи Бразиліи (sambaquis), такъ какъ тапуйясы были во всѣ времена, какъ и теперь, бродячимъ охотничьимъ народомъ, но не рыболовнымъ; а между тѣмъ, только лодочники и рыбаки, и притомъ осѣдлые, могли потребить такую массу моллюсковъ, которые дали бы холмы, подобные самбакисамъ.

Историческая роль тапуйясовъ чисто пассивная. Нѣкогда они одни занимали всю Бразилію отъ водораздѣла до Амазонской рѣки внизъ къ Паранѣ. Но, быть можетъ, еще въ доисторическую эпоху они были стѣснены со всѣхъ сторонъ, такъ что ко времени испанскаго завоеванія въ ихъ рукахъ осталась почти одна возвышенная часть внутренней Бразиліи. Нѣкоторыя племена ихъ были увлечены великимъ переселеніемъ народовъ, которое, за нѣсколько вѣковъ до открытія, устремилось противъ болѣе культурныхъ народовъ, занимавшихъ горныя страны Андъ. Но семигаесы, которые добрались при этомъ движеніи до области верхнихъ притоковъ Амазонской рѣки, утратили особенности своего племени и настолько слились съ окружавшими ихъ племенами туписовъ и караибовъ, что только имя и языкъ ихъ указываютъ еще на старую связь.

На сѣверной сторонѣ Амазонской рѣки раньше, вѣроятно, никогда не жили народы изъ племени тапуйевъ. Здѣсь, за нѣсколько вѣковъ до Колумба, неограниченно господствовалъ одинъ изъ самыхъ распространенныхъ

народовъ Новаго Свѣта, ароваки. Они точно также безспорно принадлежатъ къ древнѣйшимъ націямъ Америки. Первоначальное мѣстообитаніе ихъ можно указать лишь приблизительно. Ароваки также представляютъ типъ континентальнаго народа. Хотя въ послѣднія эпохи многія племена ихъ освоились съ водяной стихіей, какъ мореходы и рыбаки, но первобытная культура ихъ безусловно доказываетъ, что родина ихъ находилась внутри материка. Впослѣдствіи они господствовали на необъятныхъ пространствахъ къ сѣверу отъ Амазонки, отъ Андъ до морского побережья; но первоначальное мѣстопребываніе ихъ не могло находиться въ богатыхъ тропическихъ низменностяхъ системы большихъ рѣкъ Южной Америки. Общіе элементы первоначальной культуры, встрѣчаемые во всѣхъ многочисленныхъ развѣтвленіяхъ этого народа, свидѣтельствуютъ о родинѣ, находившейся внѣ области періодическихъ наводненій, но все еще въ тропическихъ поясахъ. И такъ какъ мы встрѣчаемъ ихъ теперь на пространствѣ отъ полуострова Гоахира на сѣверѣ до границъ Чили на восточныхъ предгорьяхъ Кордильеръ и въ видѣ особенно густого населенія въ восточной Боливіи, то должны искать именно здѣсь первоначальную родину всѣхъ этихъ народовъ.

Народы группы ароваковъ, къ которымъ слѣдуетъ также отнести племена Ну, по Карлу фонъ-денъ Штейнену, занимали несравненно высшее культурное положеніе, чѣмъ тапуйясы. Если впослѣдствіи туписы и караибы вполнѣ сравнялись съ ними, то все-таки культура ароваковъ возникла гораздо раньше, чѣмъ культура названныхъ народныхъ группъ. Многое доказываетъ, что ароваки были учителями своихъ позднѣйшихъ побѣдителей. Съ какого времени группа ароваковъ начала распространяться съ холмовъ восточной Боливіи къ сѣверо-востоку, востоку и юго-востоку, и застала ли она въ своемъ поступательномъ движеніи рѣчныя области Ориноко и Амазонки съ ихъ притоками, не заселенными или занятыми другими расами, этого мы не можемъ установить даже приблизительно. Первое не невѣроятно, такъ какъ ароваксія народности образовали сплошное коренное населеніе на обширныхъ пространствахъ сѣвера Южной Америки, которое выступаетъ всюду, гдѣ только оставалось пространство, не заполненное позднѣйшими завоевателями. Судя по значительному распространенію этой группы и по рѣзкимъ уклоненіямъ въ языкѣ различныхъ главныхъ и побочныхъ вѣтвей ея, нужно думать, что странствованія ея измѣряются не столѣтіями, а цѣлыми тысячелѣтіями.

И однако, ароваки не могутъ быть названы грубымъ первобытнымъ народомъ въ ту эпоху, къ которой относится начало этого процесса: уже тогда способы обработки земли были у нихъ далеко не примитивные. Земледѣльческіе индѣйцы южной Америки питаются на обширныхъ пространствахъ, еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ кукурузой, распространенной по всей Америкѣ, клубневиднымъ корнемъ одного вида молочайныхъ, мандіокомъ (Manihot *Plum.*), маніокомъ или кассавой. Въ сыромъ видѣ эти корни безусловно ядовиты, такъ какъ содержатъ синильную кислоту, но вообще они очень богаты питательными веществами. Въ древнія времена какое-то неизвѣстное индѣйское племя сдѣлало открытіе, что маніокъ утрачиваетъ свои ядовитыя свойства, если выжать сокъ изъ корня и обработать послѣдній надлежащимъ образомъ. Значеніе этого открытія громадно, если взвѣсить, что впослѣдствіи маніокомъ почти исключительно питались сотни тысячъ индѣйцевъ. Такъ какъ кустъ маніока не произрастаетъ въ тропическихъ низменностяхъ, подверженныхъ наводненіямъ, то изобрѣтателями этого способа не могли быть ни туписы, ни караибы, питавшіеся, вѣроятно, въ началѣ исключительно рыбою, и еще менѣе тапуйясы, которые вообще не знали земледѣлія. Отсюда, конечно, еще не слѣдуетъ, что эта заслуга принадлежитъ ароваками, хотя вѣроятное мѣстообитаніе ихъ и соотвѣтствуетъ особымъ климатическимъ условіямъ, необходимымъ для

маніока. Возможно, что и они научились искусству приготовленія маніока у еще болѣе культурнаго народа. Несомнѣнно, однако, что это произошло на первоначальной родинѣ ихъ и что при своемъ постепенномъ разселеніи они распространяли все дальше воздѣлываніе маніока, такъ что, наконецъ, и другіе индѣйцы переняли у нихъ это искусство.

Другая отличительная особенность аровакскихъ народовъ заключается въ ихъ искусствѣ изготовленія глиняныхъ сосудовъ. Эта черта до сихъ поръ настолько характерна, что Карлъ фонъ-денъ Штейненъ выдѣляетъ изъ народовъ центральной Бразиліи группу аруаканскаго происхожденія подъ общимъ названіемъ племенъ горшечниковъ. Безъ сомнѣнія, это не случайность, что по мѣрѣ удаленія отъ восточнаго берега материка въ направленіи къ горнымъ странамъ, гончарныя издѣлія становятся все совершеннѣе и тоньше. Всѣ народы, живущіе на восточныхъ склонахъ Кордильеръ, сравнительно далеко подвинулись въ обработкѣ глины. Произведенія ихъ промышленности отличаются разнообразіемъ формъ и цѣлей, а также изяществомъ отдѣлки, отъ простого линейнаго орнамента до пластическаго изображенія живыхъ существъ. Это различіе не ограничивается, впрочемъ, одними аровакскими народностями. То же явленіе замѣчается и къ югу отъ нихъ, среди народовъ Гранъ Чако, которые до сихъ поръ еще причисляются къ другимъ первичнымъ племенамъ; гончарныя издѣлія, добытыя изъ развалинъ древне индѣйскихъ поселеній въ Катамаркѣ, соперничаютъ съ произведеніями нѣкоторыхъ культурныхъ народовъ. Едва ли можно сомнѣваться, что въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло у ароваковъ не съ самостоятельнымъ развитіемъ, но съ вліяніемъ, которое оказали древнѣйшіе культурные народы Перуанской возвышенности на своихъ восточныхъ сосѣдей. Но и здѣсь рѣчь идетъ, во всякомъ случаѣ, объ эпохѣ, необычайно отдаленной, такъ какъ даже аровакскіе народы являются поставщиками и учителями своихъ сосѣдей въ области гончарнаго дѣла, хотя они никогда не поднимались до болѣе высокой степени культуры, и теперь еще, оттѣсненные на сотни миль отъ старой родины, продолжаютъ жить въ состояніи почти нетронутыхъ первобытныхъ народовъ.

Аровакскіе народы имѣютъ право считаться сравнительно культурными, главнымъ образомъ, потому, что среди нихъ антропофагія давно исчезла, между тѣмъ какъ вокругъ она продолжала существовать, по крайней мѣрѣ, какъ религіозный обычай, даже у народовъ съ несомнѣнно высшей образованностью (см. ниже стр. 194 и слѣд.). Замѣчательно, что обширная группа аровакскихъ народовъ, племена которыхъ жили въ теченіе многихъ поколѣній въ самомъ тѣсномъ соприкосновеніи съ племенами другого происхожденія, гдѣ убитые враги или военноплѣнные обязательно съѣдались, никогда не усвоивали себѣ этого варварскаго обычая.

Однако, и этотъ культурный прогрессъ долженъ быть отнесенъ къ періоду, предшествовавшему переселеніямъ аровакскихъ народовъ, такъ какъ онъ распространяется на всѣ племена. Если взвѣсить, что этотъ древній коренной народъ былъ знакомъ съ земледѣліемъ, умѣлъ дѣлать глиняную посуду и питалъ отвращеніе къ антропофагіи, то невольно возникаетъ мысль — не находятся ли предки ароваковъ среди культурныхъ націй, населявшихъ горныя долины Кордильеръ уже за много вѣковъ до основанія царства инковъ. Этому противорѣчитъ, однако, одно важное обстоятельство. Въ историческую эпохуароваки нигдѣ не шли далѣе той культуры, которой, какъ мы видѣли, вѣроятно, достигли ихъ древнѣйшіе предки. Отсюда слѣдуетъ, что это племя достигло уже высшей точки своего развитія раньше, чѣмъ началось разселеніе націи по всему сѣверу южно-американскаго материка. Здѣсь кроется противорѣчіе. Нація, которая перешла кульминаціонную точку своего развитія, уже не въ состояніи создать изъ себя силу расширенія, которая проявилась въ распро-

страненіи племени ароваковъ. Все, что мы знаемъ объ исторіи индѣйскихъ переселеній, показываетъ, что рѣчь идетъ лишь о сравнительно молодыхъ, развивающихся народахъ. Поэтому мы должны представить себѣ въ данномъ случаѣ историческій процессъ въ такомъ видѣ: въ эпоху, когда коренное племя ароваковъ, жившее въ горныхъ равнинахъ Боливіи, вступало въ періодъ наивысшаго расцвѣта, эти народы, подъ вліяніемъ высшей культуры болѣе цивилизованныхъ западныхъ націй, поднялись изъ грубаго первобытнаго состоянія,—и это способствовало еще большему развитію распускавшейся народной мощи. На старой родинѣ не находилось достаточнаго простора для такого избытка силъ, и поэтому началось выселеніе. Совершалось ли оно одновременно и въ южномъ, и въ сѣверномъ направленіи — трудно сказать. Вѣтви этого семейства одинаково разбросаны и на югѣ и далеко на востокѣ отъ прежней родины, но онѣ не даютъ намъ никакой точки опоры для опредѣленія времени и направленія ихъ переселеній. Такъ какъ ароваки начали обработывать землю, находясь еще на родинѣ, то переселенія ихъ подвигались гораздо медленнѣе, чѣмъ у другихъ народовъ, еще совсѣмъ незнакомыхъ съ искусственнымъ добываніемъ пищевыхъ средствъ. Съ другой стороны, нужно думать, что они шли прежде всего въ томъ направленіи, которое не вынуждало ихъ приспособляться къ инымъ жизненнымъ условіямъ. Это могло быть только въ томъ случаѣ, если они двигались отъ предгорій Кордильеръ къ сѣверу. Мы находимъ ихъ въ XVI столѣтіи въ горахъ между Санта-Мартой и Венесуэлой, а теперь еще на полуостровѣ Гоахира, самомъ сѣверномъ продолженіи ихъ. Точно также каріосы въ окружности Коро, когда они были открыты на территоріи Венесуэлы, жили осѣдло и немного занимались земледѣліемъ. У Кабо де ла Вела природа поставила преграду дальнѣйшему движенію ихъ на сѣверъ; но переселеніе продолжалось въ восточномъ направленіи и достигло, еще за нѣсколько вѣковъ до открытія Америки, устьевъ Ориноко.

Между тѣмъ, въ одной части племени совершилось превращеніе. Народности ароваковъ освоились съ водяной стихіей и сдѣлались лодочниками и рыбаками. Началось ли это превращеніе съ побережныхъ племенъ или съ тѣхъ, которыя проникли изъ старой родины въ затопляемыя области верхнихъ притоковъ Ориноко,—трудно сказать; послѣднее болѣе вѣроятно, такъ какъ море ставитъ слишкомъ большія преграды зарождающемуся судоходству. Къ тому же разсѣянныя группы ароваковъ часто попадаются въ бассейнѣ Ориноко. Во всякомъ случаѣ, нужно думать, что народъ этотъ все еще таилъ въ себѣ значительную силу расширенія, такъ какъ онъ не остановился даже тогда, когда дошелъ до океана на восточномъ берегу. Аровакскіе лодочники смѣло пускались изъ устьевъ Ориноко въ открытое море и мало по малу образовали такимъ путемъ первое населеніе всѣхъ острововъ Антильскаго моря. Немногаго недоставало, чтобы они добрались съ острововъ на сѣверо-американскій материкъ и установили сообщеніе между сѣверной и южной половинами этой части свѣта, повидимому, никогда не происходившее. Въ то же время другая вѣтвь ихъ двигалась вдоль морского побережья въ иномъ направленіи. Пройдя Гвайяну, они снова повернули на югъ, и даже Амазонская рѣка не составила для нихъ непреодолимой преграды. Существуютъ несомнѣнные признаки движенія ароваковъ съ сѣвера до водораздѣла между притоками Амазонки и Парагвая.

Переселенія ароваковъ были остановлены лишь встрѣчнымъ теченіемъ другихъ народовъ, обладавшимъ такой же энергіей. Быть можетъ, это произошло въ сравнительно раннюю эпоху, когда племена ароваковъ, подвигаясь къ юго-востоку, встрѣтились съ народами туписовъ. Въ болѣе поздній періодъ произошла встрѣча ихъ съ караибами. Въ битвахъ, длившихся столѣтіями, караибы уничтожили, въ концѣ концовъ, бо̀льшую часть сѣверныхъ ароваковъ

Несмотря на то, что тупись, со времени перваго открытія Бразиліи и до нашихъ дней, находились въ непрерывномъ общеніи съ бѣлыми, методическое изученіе этой группы значительно слабѣе въ сравненіи съ другими. Въ этомъ виновны судьбы этого народа послѣ завоеванія страны европейцами. Уже очень рано миссіонеры выработали изъ одного нарѣчія языка туписовъ такъ называемый lingua geral, на которомъ составленъ рядъ грамматикъ, переводовъ и проч. Но именно благодаря этому, изслѣдованіе дикихъ нарѣчій туписовъ — если можно такъ назвать ихъ въ противуположность lingua geral, созданному подъ европейскимъ вліяніемъ — оставалось въ полномъ пренебреженіи, и это лишило насъ одного изъ лучшихъ вспомогательныхъ средствъ для изученія древней исторіи племени туписовъ. То же обстоятельство, т. е. давнее близкое знакомство съ туписами, отдаляло путешественниковъ отъ болѣе тщательнаго этнологическаго изученія ихъ, а между тѣмъ особенности этого племени все болѣе и болѣе стушевывались подъ вліяніемъ культуры. Благодаря всему этому, мы располагаемъ въ отношеніи наиболѣе извѣстнаго племени южно-американскихъ индѣйцевъ недостаточнымъ этнографическимъ и историческимъ матеріаломъ.

Первичной родиной туписовъ также признавали плоскія возвышенности внутри страны; но такое мнѣніе опирается на весьма шаткія данныя и противорѣчитъ тому, что мы знаемъ объ особенностяхъ этого племени въ историческія времена. По всей вѣроятности, первоначальная родина туписовъ находится недалеко отъ того мѣста, гдѣ впервые встрѣтились съ ними европейцы, хотя въ то время они уже много столѣтій назадъ распространялись и странствовали въ различныхъ направленіяхъ. Во всякомъ случаѣ, первичная родина ихъ лежала въ области сѣверныхъ притоковъ рѣки Ла Платы, но едва ли по ту сторону водораздѣла, отъ котораго рѣки направляются къ сѣверу, къ Амазонкѣ. Въ противуположность аровакамъ, туписы представляютъ настоящій водяной народъ. Правда, большинство племенъ ихъ, хотя и не всѣ, занималось въ скромныхъ размѣрахъ обработкою земли; тѣмъ не менѣе, главный источникъ ихъ пропитанія еще въ XVI столѣтіи составляли рыболовство и охота. Лодки ихъ смѣло шныряли и въ мирное, и въ военное время по Парагваю и его притокамъ и по рѣкамъ тѣхъ областей, которыя были впослѣдствіи заняты бродячими ордами туписовъ. Они рано заселили немногіе острова, лежащіе на близкомъ разстояніи отъ береговъ; и на морѣ они, очевидно, были какъ у себя дома, поскольку это допускали ихъ маленькія суда. Даже тѣ племена туписовъ, которыя въ своихъ переселеніяхъ далеко зашли вглубь страны, все еще остались лодочниками и рыбаками.

Карта народовъ Южной Америки наглядно изображаетъ направленіе, въ которомъ совершалось распространеніе туписовъ (см. „Карту народовъ Америки“). Оно слѣдовало притокамъ Ла Платы въ южномъ направленіи до океана и въ началѣ, пока потребность въ разселеніи была сравнительно не велика, имѣло ограниченные размѣры. Наоборотъ, вдоль побережья Атлантическаго океана, въ сѣверномъ направленіи, движеніе туписовъ, повидимому, шло гораздо быстрѣе. Вплоть до устьевъ Амазонки они никогда не занимали широкаго пространства земли, но всегда довольствовались тѣмъ, что вытѣсняли жившихъ тамъ тапуйясовъ съ узкой полосы побережья, гдѣ и селились, обращая свой взоръ всегда къ водѣ. Во время завоеванія они занимали область, весьма узкую по отношенію къ длинѣ, но нигдѣ не прерывавшуюся обратнымъ движеніемъ вытѣсненныхъ враждебныхъ націй. Это доказываетъ, что вторженіе туписовъ шло быстро и имѣло мѣсто не въ очень отдаленномъ прошломъ.

Переселенія туписовъ должны были имѣть совершенно иной характеръ, чѣмъ переселенія ароваковъ. Между тѣмъ, какъ послѣдніе, очевидно,

Атлантическ
Великій
Гренландія
Баффиновъ заливъ
Баффинова зем.
Пр. Гудзоновъ
Гудзоновъ
заливъ
Эскимосы
Эскимосы
Берингов пролив
Тинне)
Сѣверо-западн.
(Тлинкиты)
(Гайдахи)
(Нутка)
(Шошоны)
(Навахосы
(Апачи)
Колумб
Колорадо
Пуэблосы
Хила
Рio Гранде
Р. Пекос
(Техасъ)
инд.
(Чиппевеи)
Дакоты (Сіуксы)
Алгонкины
Ирокезы
(Гуроны)
Ирокезы
(Черокесы)
(Тускароры)
(Сіуаны)
Миссури
Миссисипи
Огайо
Теннесси
Арканзасъ
Оз. Верхнее
Оз. Мичиганъ
Оз. Эри
Св. Лаврентія
Саванна
Мускогисы
Миссисипи
Мексиканскій
заливъ
Бермудскіе о-ва
Аровакі
Караибы
Культурные народы
(Нагуасы)
(Майасы)
О-ва Ревилья Хихедо

КАРТА НАРОДОВЪ АМЕРИКИ.

Масштабъ 1:50000000

0 500 1000 1500 2000

Километры.

Объяснение:

Области древнихъ народностей обозначены различными красками и названія ихъ нанесены на карту. Мѣстообитанія и передвиженія новѣйшихъ народностей отмѣчены черными знаками, названія ихъ-краснымъ цвѣтомъ. Стрѣлки указываютъ направленіе передвиженія.

Туписы Карайбы Ирокезы Сіуcы

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб

подвигались медленно и не встрѣчая серьезнаго сопротивленія (въ области ароваковъ мы почти не встрѣчаемъ ясныхъ слѣдовъ чуждаго, нерастворившагося путемъ ассимиляціи населенія), переселенія туписовъ носятъ, наоборотъ, отпечатокъ насильственнаго процесса. Самое названіе тапуйясовъ, т. е. чужихъ, враговъ, которое они давали всѣмъ народамъ, соприкасавшимся съ ними, является историческимъ свидѣтельствомъ въ этомъ смыслѣ. Въ сношеніяхъ съ европейцами туписы отнюдь не выказали себя особенно дикой и жестокой націей. Они благосклонно отнеслись къ первымъ переселенцамъ и впослѣдствіи были довольно уступчивымъ матеріаломъ въ рукахъ іезуитскихъ миссіонеровъ. Но въ отношеніи своихъ сосѣдей индѣйцевъ они, большею частью, играли роль нападающихъ, враждебныхъ, и южные туписы съ гордымъ самосознаніемъ именовали себя гуаранисами, т. е. „воинами“.

Не слѣдуетъ также забывать, что племена туписовъ, за немногими исключеніями, которыя объясняются особыми условіями, предавались людоѣдству. Правда, не одно грубое удовлетвореніе голода дѣлало ихъ людоѣдами, но, съ другой стороны, людоѣдство не было и священной церемоніей, вытекающей изъ религіозныхъ воззрѣній, какъ мы видимъ это у нѣкоторыхъ культурныхъ народовъ древней Америки. Гуаранисы пожирали доставшихся въ битвѣ плѣнныхъ въ знакъ побѣды надъ врагами. Обычай, который при этомъ соблюдался, составляетъ почти характерный признакъ, по которому можно узнать туписовъ. Плѣнные не убивались тотчасъ по возвращеніи съ войны, но сперва ихъ долгое время держали въ плѣну, и плѣнъ былъ вовсе не суровый. И чѣмъ дальше дѣло подвигалось къ концу, тѣмъ больше давалось имъ свободы и льготъ. Подъ конецъ, заключенныхъ не только обильно кормили изысканными блюдами и напитками, но они даже вступали въ бракъ съ дочерьми туписовъ. А между тѣмъ тайкомъ отъ плѣннаго дѣлались приготовленія къ празднеству, которое должно было увѣнчаться его смертью. Среди церемоніальныхъ танцевъ его враговъ, онъ падалъ сраженный внезапнымъ смертельнымъ ударомъ. И тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ трупъ разсѣкался согласно установленнымъ предписаніямъ, и отдѣльные члены его дѣлились между участвующими. Женщины и даже больные, которые не могли участвовать на самомъ празднествѣ, получали свою долю. Въ этой формѣ людоѣдства, очевидно, сталкиваются моменты различныхъ ступеней культуры. Съ одной стороны, мы видимъ отголоски того времени, когда мясо убитаго врага служило для утоленія голода наравнѣ съ убитою дичью. Но еще въ большей мѣрѣ здѣсь отражается гордое торжество надъ побѣжденнымъ врагомъ, такъ какъ весь характеръ празднества — веселый, побѣдный. Наконецъ, церемоніальная сторона принимаетъ такіе размѣры, что переходъ отъ людоѣдства туписовъ къ человѣческимъ жертвамъ ацтековъ представляется не совсѣмъ далекимъ.

Въ той или иной формѣ антропофагія составляетъ общую черту почти всѣхъ племенъ туписовъ, и поэтому происхожденіе ея должно быть отнесено къ первоначальной родинѣ племени. Это — лишній аргументъ противъ происхожденія туписовъ изъ горныхъ странъ Боливіи. Именно тѣ племена туписовъ, которыя живутъ ближе всего къ этимъ мѣстамъ и, слѣдовательно, должны были бы сохранить наиболѣе архаическія формы, — единственныя, которыя совершенно отказались отъ людоѣдства и вообще изъ всѣхъ членовъ племени достигли наивысшей степени культуры: это — омагуасы между Путумайо и Какета и кокамасы при сліяніи Мараньона и Укайяли. Не трудно объяснить, какимъ образомъ эти народы племени туписовъ могли быть отброшены такъ далеко отъ своихъ родичей. На большомъ водномъ пути Амазонки ароваки, идя съ сѣвера, остановились приблизительно въ то же время, когда туписы достигли противоположнаго берега съ юга. Такимъ образомъ, кромѣ природныхъ препятствій, даль-

нѣйшее движенiе было остановлено враждебнымъ столкновенiемъ съ новыми, полными силъ племенами. Рѣка съ ея безчисленными, вяло текущими рукавами не могла служить для народа, привычнаго къ судоходству, такой серьезной преградою, какъ встрѣча съ врагомъ. Поэтому главная масса ароваковъ остановилась на сѣверномъ берегу, а туписы не двинулись съ южнаго. Впрочемъ, попытки въ этомъ направленiи бывали, что доказываютъ мелкiя группы обѣихъ народностей, разсѣянныя на враждебномъ берегу. Но въ общемъ, разграниченiе происходитъ внезапно и рѣзко. Для ароваковъ это было предѣломъ ихъ движенiя впередъ. Они имѣли достаточно силъ, чтобы оказать непреодолимое сопротивленiе туписамъ, но этихъ силъ не достало, чтобы идти впередъ въ иномъ направленiи.

Не то было съ туписами. Преданiя ихъ указываютъ, что они двинулись вверхъ по теченiю Амазонки и ея притоковъ. Для индѣйцевъ путешествiе вверхъ по Амазонкѣ не представляло ничего невозможнаго; это они доказали не далѣе, какъ въ 1641 году, когда явились проводниками португальцевъ въ ихъ первомъ предпрiятiи въ этомъ направленiи. Обширное протяженiе бассейна Амазонки не даетъ возможности прослѣдить движенiе туписовъ въ этой рѣчной области кверху. Но, по всей вѣроятности, и племена на Хингу и Тапахосѣ не спустились отъ водораздѣла къ Парагваю, но поднялись отъ Амазонки вверхъ по побочнымъ притокамъ. Дѣло въ томъ, что, въ противоположность ароваками и тапуйясамъ, слѣды племенъ туписовъ встрѣчаются только тамъ, гдѣ есть достаточно воды для того, чтобы они могли остаться вѣрными своимъ основнымъ привычкамъ. Возможно, что многочисленныя орды туписовъ раздробились и были затерты въ рѣчной сѣти Амазонки, и мы теперь не въ состоянiи выяснить, въ силу какого обстоятельства родоначальники омагуасовъ и кокамасовъ въ состоянiи были пробиться сквозь центральную массу ну-ароваковъ и почти достигнуть подошвы Кордильеръ. Быть можетъ, слухъ о богатой воздѣланной странѣ увлекалъ ихъ вверхъ по теченiю Амазонки и ея притоковъ, подобно тому, какъ позднѣе легенда объ омагуасахъ и вѣчно ускользающемъ Дорадо (см. ниже стр. 291) увлекла испанцевъ внизъ по тому же пути. Согласно преданiямъ испанскимъ хроникеровъ, воспоминанiе о нашествiи враждебнаго населенiя низменностей не совсѣмъ изгладилось даже у индѣйцевъ культурныхъ государствъ. Между занятiемъ омагуасами ихъ позднѣйшихъ мѣстообитанiй и открытiемъ Америки лежитъ, во всякомъ случаѣ, значительный перiодъ времени. Подъ влiянiемъ народовъ съ высшею культурою омагуасы не только значительно поднялись надъ среднимъ культурнымъ уровнемъ туписовъ, отрѣшились отъ людоѣдства, воздѣлывали землю, перешли къ прочной осѣдлости и даже основали обширныя поселенiя, но вѣсти обо всѣхъ этихъ успѣхахъ имѣли достаточно времени, чтобы распространиться среди менѣе цивилизованныхъ сосѣдей ихъ; эти послѣднiе и представили испанцамъ омагуасовъ какъ народъ, баснословно богатый и чрезвычайно могущественный.

Самую молодую изъ этническихъ группъ Южной Америки составляетъ племя караибовъ. Это обстоятельство, на ряду съ счастливыми случайностями въ области этнографическаго изслѣдованiя, было причиною того, что мы нѣсколько лучше знаемъ ихъ исторiю, чѣмъ исторiю другихъ народныхъ группъ. Первоначальныя мѣста жительства племени караибовъ находились, вѣроятно, по близости первичной родины туписовъ. Въ то время, какъ туписы населяли верхнiе притоки Парагвая, караибы занимали верхнiй бассейнъ Тапахоса и рѣкъ, которыя въ одномъ направленiи съ нимъ вливались въ нижнее теченiе Амазонки. Степень культуры, до которой достигли здѣсь караибы, должна быть названа чрезвычайно низкою: языкъ ихъ не зналъ счета дальше трехъ, собственно даже только до двухъ, и прочiя условiя жизни соотвѣтствовали этой бѣдности представленiй. Нужно думать, что уже здѣсь происходили взаимодѣйствiя между ними и

туписами, которыя должны были оказать продолжительное вліяніе на оба племени. Развитіе ихъ было въ такой степени сходно, что одинъ изъ первыхъ изслѣдователей въ этой области Карлъ-Фридрихъ-Филиппъ фонъ Марціусъ считалъ туписовъ и караибовъ братскими племенами, происшедшими отъ одного общаго первичнаго народа. Въ настоящее время склоняются больше къ тому воззрѣнію, что туписы и караибы произошли отъ разныхъ первичныхъ племенъ, но уже рано вступили въ тѣсныя взаимныя соотношенія.

Караибы были также преимущественно рыболовнымъ народомъ, и связь ихъ въ водою и съ водяными животными раньше всего достигла высокой степени развитія. Подобно туписамъ, они спускались внизъ по теченію рѣкъ своей родины, по мѣрѣ того, какъ старая родина становилась тѣсною для нихъ. Мало по малу они дошли такимъ образомъ до самой Амазонки и, наконецъ, проникли въ открытое море. Слѣды движенія ихъ въ этомъ направленіи сильно изглажены. Возможно, что они добрались до устьевъ Амазонки раньше появленія туписовъ. Но въ такомъ случаѣ, первыми, кто остановилъ движеніе ароваковъ, были караибы, а не туписы. И дѣйствительно, вражда между караибами и ароваками оставила слѣды на большомъ протяженіи, тогда какъ соприкосновенія между ароваками и туписами имѣли мѣсто лишь въ немногихъ пунктахъ.

Что̀ собственно послужило толчкомъ къ переселеніямъ караибовъ,— для насъ столь же неясно, какъ и причины всѣхъ прочихъ великихъ народныхъ движеній на американскомъ материкѣ. Но характеръ ихъ переселеній извѣстенъ намъ болѣе точно, благодаря тому, что воспоминаніе о нихъ еще живо сохранялось у поколѣнія туземцевъ, которое застали испанцы при открытіи Америки. Караибы болѣе всѣхъ другихъ индѣйскихъ племенъ внушали страхъ. Даже европейцамъ эти неустрашимые сыны дебрей оказали упорное сопротивленіе. Въ кровавыхъ стычкахъ съ первыми толпами завоевателей они нерѣдко выходили побѣдителями; но, конечно, съ теченіемъ времени европейцы при помощи сильнѣйшихъ средствъ и настойчивости побѣждали ихъ. Способъ веденія войны караибами не только съ европейцами, но, еще до появленія ихъ, съ индѣйскимъ населеніемъ отличался чрезвычайной жестокостью. Невозможно, конечно, выяснить, когда именно совершилось превращеніе сравнительно безобиднаго рыбачьяго народа, съ которымъ Карлъ фонъ денъ Штейненъ еще недавно встрѣтился на первоначальной родинѣ этого племени на верхнемъ Хингу, въ націю смѣлыхъ и дикихъ пиратовъ, внушавшихъ страхъ далеко вокругъ, какими мы видимъ караибовъ въ XV столѣтіи. Но тотъ фактъ, что караибы сдѣлали свой языкъ господствующимъ почти во всей области къ сѣверу отъ Амазонки, включая и значительную часть Антильскихъ острововъ, и при томъ, насколько гласитъ преданіе, исключительно насильственнымъ путемъ, говоритъ въ пользу необычайнаго могущества этого племени.

Когда караибы начали свои переселенія, они стояли еще на такой ступени, что мясо убитыхъ враговъ было для нихъ желаннымъ кушаньемъ. Выше этой довольно грубой ступени антропофагіи они, повидимому, никогда не поднимались. Пожираніе враговъ составляло настолько характерную черту караибовъ, что названіе этого народа было у испанцевъ тождественно съ названіемъ людоѣдовъ и въ нѣсколько искаженномъ словѣ „каннибалы" до сихъ поръ сохранило это значеніе у всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Это обстоятельство оказало пагубное вліяніе на историческое изслѣдованіе, такъ какъ обычай антропофагіи существовалъ и у народовъ другого происхожденія. Открывателямъ XVI столѣтія, большею частью, достаточно было узнать, что данное племя предается людоѣдству, чтобы безъ дальнѣйшаго разслѣдованія причислить его къ караибамъ. Только позднѣе, частью лишь въ самое послѣднее время, снова удалось внести свѣтъ въ эту путаницу. Антропофагія караибовъ не представляетъ

даже начала того болѣе утонченнаго воззрѣнія, какое мы видѣли у туписовъ. Правда, они въ рѣдкихъ случаяхъ руководились исключительно голодомъ: какъ рыболовы и охотники, они могли найти достаточно средствъ къ поддержанію жизни среди богатой природы. Кромѣ того, жены ихъ, когда онѣ начали заселять область ароваковъ, продолжали, хотя и въ ограниченныхъ размѣрахъ, земледѣліе, существовавшее у этихъ племенъ. Но во всякомъ случаѣ, людоѣдство ихъ, главнымъ образомъ, служило выраженіемъ военнаго тріумфа. Войны ихъ противъ всѣхъ враждебныхъ племенъ имѣли истребительный характеръ, при чемъ всѣ захваченные взрослые мужчины убивались. Мирные, робкіе ароваки едва ли признавались ими за опасныхъ противниковъ. Даже европейцевъ они встрѣтили, при первомъ появленіи послѣднихъ, лишь съ почтительною робостью, которая только тогда перешла въ страхъ и обратила караибовъ въ бѣгство, когда они, годами горькаго опыта, убѣдились, чего стоятъ имъ сношенія съ бѣлыми людьми. Раньше этого небольшимъ отрядамъ караибскихъ воиновъ нерѣдко удавалось побѣждать гораздо болѣе значительныя силы враговъ.

Если караибъ жестоко обращался въ своихъ военныхъ походахъ съ мужскою частью враждебныхъ племенъ, то женщинъ и онъ щадилъ. Женщины не могли сопровождать воиновъ въ этихъ военныхъ тревогахъ, въ тѣсномъ челнокѣ, часто на далекія разстоянія; здѣсь онѣ еще гораздо больше стѣсняли бы ихъ, чѣмъ въ сухопутныхъ походахъ. Но такъ какъ, по крайней мѣрѣ, дальніе переходы не всегда предпринимались исключительно съ цѣлью грабежа и хищенія (во многихъ случаяхъ мы можемъ ясно отличить военные походы отъ переселеній), но имѣли также въ виду основаніе новыхъ поселеній, то смѣшеніе караибовъ съ этническими элементами другого происхожденія, вѣроятно, происходило въ широкихъ размѣрахъ. Если смѣшеніе не приняло еще болѣе разнообразнаго характера, то это объясняется тѣмъ, что завоевательные походы караибовъ почти исключительно ограничивались областью, обитаемою ароваксками народами.

Хронологическія границы караибскихъ переселеній могутъ быть точнѣе установлены, чѣмъ границы всякаго другого однороднаго процесса. Было уже указано на то, что движеніе караибовъ къ устью Амазонки по времени, повидимому, предшествовало достиженію этой рѣки туписами (ср. выше стр. 197). Однако, въ то время и туписы были довольно близки къ той же цѣли. Иначе почти невозможно объяснить, почему караибы расширяли свои завоеванія исключительно въ одномъ направленіи, въ которомъ они все дальше уходили отъ оставшихся на мѣстѣ племенъ, такъ что, въ концѣ концовъ, утратилась всякая связь между ними. Въ дѣйствительности мы обязаны только счастливому случаю открытіемъ этихъ сдѣлавшихся почти рѣдкостью остатковъ населенія на Хингу, стоявшаго на самой первобытной ступени развитія. Дальше до самой Амазонки тянется сплошной массою совершенно замкнутое населеніе туписовъ, среди которыхъ уже нигдѣ нельзя открыть разсѣянныхъ группъ караибскаго происхожденія. Нужно полагать, слѣдовательно, что сѣверное направленіе, принятое караибскимъ движеніемъ, зависѣло отъ поступательнаго движенія туписовъ. Слабое сопротивленіе со стороны ароваковъ манило все дальше и дальше, и въ силу того караибы распространялись на сѣверѣ Южной Америки съ большей быстротою сравнительно съ переселеніемъ ароваковъ и даже туписовъ. Тѣмъ не менѣе, потребовались, конечно, вѣка, для того, чтобы племя караибовъ сдѣлалось господствующимъ отъ устьевъ Амазонки до Маракаибской лагуны. Крайніе форпосты ихъ прорвали поясъ Кордильеръ, вѣроятно, не очень далеко отъ сѣвернаго морского побережья: даже въ бассейнѣ рѣки Магдалены живетъ еще племя несомнѣнно караибскаго происхожденія, хотя это — не болѣе, какъ орда, разсѣянная среди націй иного происхожденія. Въ общемъ, однако, движенію ихъ впередъ оказали непреодолимое противодѣйствіе народности съ высшею культурою въ гор-

ныхъ странахъ Андъ. Въ бассейнѣ Ориноко, притоки котораго они объѣздили на своихъ лодкахъ до отдаленныхъ верховьевъ у подошвы горъ, нагоняя страхъ и ужасъ на обитателей рѣчныхъ береговъ, караибскія племена, повидимому, мало селились; но устья заселены ими почти исключительно и въ большомъ числѣ. Несомнѣнно, что и здѣсь они основали свое господство на слоѣ аровакскихъ народностей хотя мы не можемъ этого доказать съ такою ясностью, какъ для другихъ областей.

Послѣднее завоеваніе караибовъ, которое еще не было закончено ко времени открытія Америки, составляютъ Антильскіе острова. Въ теченіе вѣковъ стремленіе все въ новыя и новыя страны стало насущною потребностью для караиба, и, когда Кордильеры заградили отъ него западъ, онъ началъ искать новые объекты. Одни направили свои хищническіе набѣги вверхъ по теченію Ориноко, тогда какъ другіе избрали цѣлью мелкіе острова, часто видимые съ берега Венесуэлы: по всей вѣроятности, племена, жившія на побережьѣ материка, доставляли имъ свѣдѣнія объ аровакскомъ населеніи этихъ островокъ. Нужно думать, что здѣсь они и сдѣлали шагъ впередъ въ искусствѣ плаванія, имѣвшій значеніе для судебъ Америки: они научились пользоваться парусомъ, чего, кромѣ нихъ, не зналъ никто изъ туземцевъ Новаго Свѣта, за исключеніемъ майясовъ, которые владѣли имъ еще въ болѣе совершенной степени. То обстоятельство, что завоеваніе островокъ произошло въ столь раннюю эпоху, имѣетъ особенное значеніе для сужденія о характерѣ переселеній индѣйцевъ. Первые испанскіе переселенцы застали на Большихъ Антильскихъ островахъ еще почти чистое племя ароваковъ—мирный, привѣтливый и добродушный народецъ, жившій въ довольствѣ отъ своего земледѣлія и только побочно занимавшійся охотой и рыбной ловлей. Но и эти ароваки находились уже въ постоянномъ страхѣ передъ караибами, которые появлялись у берега то тамъ, то сямъ на своихъ быстрыхъ парусныхъ лодкахъ, грабили и превращали въ пепелъ одно поселеніе ароваковъ за другимъ, убивая мужчинъ и уводя съ собою женщинъ. Примѣръ маленькихъ островокъ научилъ ароваковъ — какой будетъ конечный исходъ этой неравной борьбы. Когда послѣ непрерывныхъ хищническихъ набѣговъ мужское населеніе острова оказывалось достаточно ослабленнымъ, караибы появлялись уже не въ качествѣ случайныхъ хищниковъ, а большими толпами, чтобы сломить послѣднее сопротивленіе островныхъ обитателей. Тогда изъ какого нибудь укрѣпленнаго мѣста на островѣ начиналась истребительная война, пока послѣдній противникъ не былъ уничтоженъ или обращенъ въ бѣгство. Островъ превращался въ новый центръ распространенія.

Испанцы застали еще на Малыхъ Антильскихъ островахъ почти всюду замѣчательное явленіе, что женщины говорили на другомъ языкѣ, чѣмъ мужчины. Въ прежнія времена дѣлались на этотъ счетъ всевозможныя необоснованныя предположенія, пока, наконецъ, болѣе точныя лингвистическія изслѣдованія не показали, что женщины говорили на діалектѣ ароваковъ, а мужчины на караибскомъ языкѣ. Это открытіе, въ связи съ разсказами островитянъ о нашествіи караибовъ, ясно показало, что Антильскіе острова были завоеваны еще на глазахъ живущаго поколѣнія и что жены караибовъ, говорящія на иномъ языкѣ, представляли не что иное, какъ женскій элементъ покоренныхъ ароваковъ, доставшійся побѣдителямъ въ качествѣ женъ и служанокъ. Для исторической оцѣнки индѣйскихъ переселеній этотъ фактъ имѣлъ чрезвычайную важность. Онъ доказываетъ, во первыхъ, медленность процесса распространенія одного народнаго племени въ области другого. Нуженъ былъ рядъ поколѣній, чтобы заселить небольшіе Антильскіе острова. Съ другой стороны, этотъ процессъ даетъ намъ ключъ къ пониманію чрезвычайнаго разнообразія американскихъ языковъ и почти до неузнаваемости изглаженныхъ границъ между народами одного племени съ самостоятельнымъ языкомъ и народами другого пле-

мени. Понятно, что если не въ поколѣніи завоевателей, то, во всякомъ случаѣ, въ потомствѣ, происшедшемъ отъ помѣси съ чужими женщинами, должно было произойти полное смѣшеніе не только антрополого-физическихъ, но также этническихъ и лингвистическихъ элементовъ, и въ результатѣ получилась новая единица, новая племенная разновидность.

Часто возникалъ вопросъ—не достигали ли вылазки караибовъ до материка Сѣверной Америки, не особенно далекаго отъ Антильскихъ острововъ, и не соприкасались ли такимъ образомъ туземныя населенія сѣвернаго и южнаго материка. На самомъ перешейкѣ, соединяющемъ оба материка, нѣтъ никакихъ слѣдовъ такого соприкосновенія. Однако, то, что̀ приписывалось караибскимъ вліяніямъ въ произведеніяхъ искусства сѣверныхъ индѣйцевъ, не выдержало научной критики. Правда, замѣчательно, что обѣ половины американскаго материка, на которыхъ человѣкъ тысячелѣтіями медленно прогрессировалъ въ развитіи своихъ способностей, не только остались невѣдомыми для человѣчества прочихъ частей свѣта и внѣ вліянія его, но были неизвѣстны даже другъ другу, несмотря на связь черезъ посредство перешейка и острововъ. Тѣмъ не менѣе, такъ, повидимому, было. Впрочемъ, на мостикѣ суши центральной Америки граница между народами сѣвернаго и южнаго происхожденія лежитъ не на самомъ узкомъ мѣстѣ, и народы южнаго происхожденія доходятъ до своеобразной культурной области центральной Америки. Но граница между ними все-таки рѣзкая, и мы не встрѣчаемъ здѣсь наслоенія племенъ различнаго происхожденія, какъ это часто наблюдается внутри каждаго материка. Нельзя также уловить сколько нибудь существеннаго вліянія обитателей одной половины на туземцевъ другой (ср. ниже, стр. 226 и слѣд.).

С. **Сѣверо-американскіе первобытные народы.**

Какъ и южная половина, Сѣверная Америка была и въ доисторическую эпоху и отчасти еще въ историческое время свидѣтелемъ обширныхъ народныхъ передвиженій. Однако, изслѣдователь, который пожелалъ бы идти по ихъ слѣдамъ, находится на почвѣ Сѣверной Америки въ гораздо менѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ на югѣ. Почти на всемъ пространствѣ Соединенныхъ Штатовъ культура, перенесенная въ Новый Свѣтъ изъ Европы, успѣла наложить печать своего побѣдоноснаго шествія. Этотъ тріумфъ вызвалъ на старой родинѣ удивленіе, а дочернюю культуру исполнилъ дѣтски-хвастливою гордостью. Но результатомъ его было необычайно безжалостное и недружелюбное уничтоженіе слѣдовъ старой культуры туземныхъ населеній. На югѣ мы еще встрѣчаемъ на обширныхъ пространствахъ индѣйца, живущаго въ жизненныхъ условіяхъ, достаточно сходныхъ съ той своеобразной культурой, которую застали первые европейцы. Въ Сѣверной Америкѣ индѣецъ былъ въ теченіе столѣтій систематически и насильственно вытѣсняемъ бѣлымъ человѣкомъ изъ области своихъ поселеній. Лишь въ единичныхъ случаяхъ мы видимъ и на сѣверѣ людей, которые уже въ эту раннюю эпоху относились къ индѣйцу съ интересомъ и доброжелательностью, которые старались примирить его съ новою культурою и пріучить къ новымъ условіямъ. Эти попытки были гораздо менѣе плодотворны, чѣмъ на югѣ, гдѣ и теперь еще существуетъ довольно многочисленное населеніе подвинувшихся въ образованіи туземцевъ.

Только въ самыя послѣднія десятилѣтія сѣверо-американцы поняли, что ими едва не упущенъ былъ единственный и послѣдній случай къ изученію древнѣйшей исторіи своей родины. Тогда съ нѣсколько тщеславной щедростью, которая такъ часто встрѣчается въ Америкѣ, предприняты были въ широкомъ масштабѣ работы, отчасти уже приведенныя къ благополучному концу, цѣль которыхъ состояла въ изслѣдованіи историческаго значенія этнографическихъ остатковъ въ области Соединенныхъ

Штатовъ. Для обширныхъ пространствъ этой территоріи сами индѣйцы, конечно, не играютъ уже никакой роли. Они или вообще искоренены, или поглощены культурою, или же сохранили мало цѣнныя преданія, хотя и не такія скудныя, какъ у индѣйцевъ юга. На ряду съ воспоминаніемъ о схваткахъ многихъ поколѣній съ бѣлыми и о притѣсненіяхъ послѣднихъ, почти совершенно изгладились смутные отголоски того времени, когда индѣецъ былъ еще единственнымъ властелиномъ надъ лѣсомъ и преріей. Самую цѣнную часть источниковъ представляетъ и здѣсь, съ одной стороны, языкъ, а съ другой, то, что̀ первые собиратели свѣдѣній могли узнать при разспросахъ индѣйцевъ. Къ этому присоединяются результаты раскопокъ, производившихся, впрочемъ, въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ въ Южной Америкѣ. Странно, однако, что сѣверо-американецъ, вплоть до нашихъ дней, имѣлъ самыя фантастическія и ошибочныя представленія о наиболѣе важныхъ памятникахъ древнѣйшей исторіи своей страны, — объ искусственныхъ холмахъ до-Колумбовой эпохи, получившихъ всемірную извѣстность подъ названіемъ курганы (mounds). На сѣверѣ несравненно бо̀льшая пропасть, чѣмъ на югѣ, отдѣляетъ исторію новаго времени отъ древней.

Сѣверо-американскій материкъ распадается, въ отношеніи географическаго и историческаго изслѣдованія, на три группы, не всегда строго разграниченныя, но довольно ясно очерченныя.

Первую группу составляютъ обширныя пространства суши на крайнемъ сѣверѣ материка, отъ Аляски до Гренландіи, прорѣзанныя многочисленными рѣками и озерами, которыя, однако, въ теченіе значительной части года скованы крѣпкимъ льдомъ. Существуетъ мнѣніе, что эти мѣста не во всѣ времена отличались негостепріимнымъ характеромъ, который накладываетъ на нихъ, въ нашу эпоху, продолжительный холодъ и мрачная полярная зима. Но если это предположеніе въ общемъ и вѣрно, то, быть можетъ, для временъ, которыя отдѣлены отъ насъ не историческими, а геологическими промежутками. Если первый человѣкъ и проникъ нѣкогда въ Америку черезъ эти сѣверныя окраины, то, во всякомъ случаѣ, за этимъ событіемъ послѣдовали тысячелѣтія, въ теченіе которыхъ этотъ путь былъ окончательно забытъ. Только въ періодъ, который былъ скорѣе послѣ, чѣмъ до паденія Римской Имперіи, здѣсь происходитъ новое переселеніе народовъ, не имѣющее почти никакого значенія для всемірной исторіи человѣчества, но все-таки оставившее слабые слѣды.

Эскимосы или, какъ они сами себя называютъ, иннуиты, часто признавались за американское племя, за потомковъ индѣйцевъ, развитіе которыхъ шло другимъ путемъ подъ вліяніемъ полярной природы. Если мы не будемъ объяснять извѣстныя сходныя черты въ наружной формѣ и образѣ жизни между ними и самыми сѣверными индѣйскими племенами тихо-океанскаго побережья, гайдахами и тлинкитами, взаимнымъ вліяніемъ, то, конечно, приходится остановиться на такомъ выводѣ. Принимая, однако, во вниманіе рѣзко монголоидный характеръ иннуитовъ и еще болѣе тѣсное родство, соединяющее ихъ съ племенами сѣверной Азіи, слѣдуетъ признать болѣе вѣроятнымъ, что родина ихъ находится въ Азіи. Индѣйцы всегда относились къ нимъ враждебно и преслѣдовали ихъ, какъ пришельцевъ. Вслѣдствіе индѣйскаго обычая, далеко не ограничивавшагося однимъ югомъ, истреблять въ войнахъ только мужчинъ, а женщинъ присоединять къ своему племени, должны были образоваться смѣшанные народы тамъ, гдѣ различныя расы тѣсно соприкасались между собой въ теченіе продолжительныхъ періодовъ времени. Въ такомъ именно положеніи находился сѣверо-западный берегъ Аляски, расположенный противъ азіатскаго материка, но въ болѣе благопріятномъ климатѣ. Онъ служилъ первымъ мѣстопребываніемъ для большого числа постепенно переселявшихся племенъ иннуитовъ. Помимо того, имѣли мѣсто взаимныя вліянія, которыя объясняютъ сходство въ нравахъ и обычаяхъ у иннуитовъ и индѣйцевъ сѣверо-западной Америки.

Во всякомъ случаѣ, иннуиты застали уже американскій материкъ заселеннымъ индѣйцами вверхъ до широты Берингова пролива; иначе они едва ли направили бы свои передвиженія къ негостепріимному сѣверу, на далекихъ протяженіяхъ котораго тянутся слѣды ихъ въ видѣ скудныхъ остатковъ жилищъ и утвари. Эти находки не даютъ возможности опредѣлить—не дѣлали ли иннуиты въ другихъ мѣстахъ попытокъ пробиться къ югу. Безъ сомнѣнія, они и тамъ встрѣтили бы такой же враждебный пріемъ со стороны народовъ индѣйскаго происхожденія, какъ на сѣверо-западѣ. Долгое время это соприкосновеніе не могло продолжаться, такъ какъ иначе обнаружились бы этнографическія доказательства и на крайнемъ западѣ, и дальше. Тотъ, кто принимаетъ иннуитовъ за племя индѣйцевъ, постепенно оттѣсненное къ полюсу, можетъ увидѣть подтвержденіе своего взгляда въ томъ, что сѣверныя саги, которыя разсказываютъ о путешествіяхъ Эрика Рауда въ Винландъ, приписываютъ истребленіе тамошнихъ поселеній „скрелингамъ": такъ называютъ сѣверные пришельцы эскимосовъ Гренландіи. Дѣйствительно, путешествія викинговъ къ сѣверо-восточному побережью Америки, предпринятыя около 1000 года, составляютъ несомнѣнный историческій фактъ. Но легендарный характеръ, въ который облечены немногія дошедшія до насъ свѣдѣнія объ этомъ, не даетъ возможности точно опредѣлить ни мѣста этихъ поселеній, ни характера найденнаго тамъ населенія. Для викинга, который привыкъ къ одеждѣ и нравамъ сѣверно-европейской культуры, легко могли остаться незамѣтными различія между скрелингомъ, его врагомъ въ Гренландіи, и одѣтымъ въ шкуры сѣвернымъ индѣйцемъ, съ которымъ онъ сражался въ Винландіи при аналогичныхъ условіяхъ. И тотъ, и другой сливались въ одинъ образъ въ пѣсняхъ саги, въ которыхъ бардъ воспѣвалъ подвиги викинга.

Тѣмъ не менѣе, саги даютъ намъ точку опоры для опредѣленія эпохи переселеній иннуитовъ. Въ Гренландію они, безъ сомнѣнія, проникли съ американскаго побережья или съ острововъ, окружающихъ его съ сѣверной стороны. Такъ какъ иннуиты воевали съ сѣверянами въ Гренландіи около 1200 года и въ теченіе двухвѣковой, все болѣе возраставшей вражды, наконецъ, вытѣснили ихъ съ острова, то мы вправѣ съ извѣстною положительностью утверждать, что приблизительно къ этому времени окончилось разселеніе иннуитовъ на сѣверо-американскомъ материкѣ.

Переселенія эскимосовъ не находятся ни въ какой связи съ исторіей остальной Америки, но въ общемъ индѣйскіе народы сѣвера имѣютъ много точекъ соприкосновенія между собою, такъ же, какъ и индѣйцы юга. И на сѣверной половинѣ материка горная цѣпь Кордильеръ образуетъ своимъ восточнымъ склономъ несомнѣнную культурную границу. Здѣсь, какъ и тамъ, на тихоокеанской сторонѣ хребта лежитъ область сравнительно высшей культуры, чѣмъ на атлантической. Но мы не имѣемъ основанія идти дальше и допускать связь между сѣверной и южной культурой, такъ же, какъ и между сѣверными и южными первобытными народами. Если индѣецъ обширнаго бассейна Миссисипи находится въ болѣе близкомъ этнографическомъ родствѣ съ индѣйцами бассейна Амазонки или Ориноко, чѣмъ съ своими западными сосѣдями по ту сторону Кордильеръ, то это находитъ себѣ достаточное объясненіе въ одинаковыхъ условіяхъ жизни. Вездѣ въ Старомъ, какъ и въ Новомъ Свѣтѣ, человѣкъ на низшей ступени культуры въ высокой степени зависитъ отъ окружающей его природы: при одинаковыхъ условіяхъ аналогичны и пути развитія человѣка.

Индѣйское населеніе Сѣверной Америки къ востоку отъ Кордильеръ, взятое въ совокупности, представляетъ несомнѣнно большее единство расы, чѣмъ на югѣ. Хотя съ помощью лингвистики и удается различить рядъ коренныхъ племенъ, развивавшихся отдѣльно въ теченіе сто-

лѣтій, если не тысячелѣтій, но все-таки дробленіе народовъ Сѣверной Америки — болѣе поздняго происхожденія, чѣмъ на югѣ. Это вытекаетъ уже изъ того, что изъ 1000 приблизительно различныхъ языковъ и нарѣчій Новаго Свѣта, которые Бринтонъ перечисляетъ въ своей „Исторіи американской расы“, около 750 принадлежатъ области къ югу отъ Панамскаго перешейка и только 250 Центральной и Сѣверной Америкѣ. Тѣмъ не менѣе, и здѣсь разнообразіе все еще такъ велико, что для происхожденія его должны были потребоваться необычайно продолжительные періоды.

Самая важная задача въ изученіи исторіи Сѣверной Америки до Колумба заключается въ вопросѣ о строителяхъ такъ называемыхъ кургановъ (mounds) (см. выше стр. 169). Эти земляные (рѣже каменные) холмы, воздвигнутые рукою человѣка, часто съ значительной затратой рабочей силы, разсѣяны въ болѣе или менѣе большомъ числѣ на большей части территоріи Соединенныхъ Штатовъ. Мы встрѣчаемъ ихъ на сѣверѣ, въ области Великихъ озеръ, и далеко вглубь территоріи Канады. Къ югу отъ сліянія Миссисипи и Арканзаса они начинаютъ, правда, попадаться рѣже, но все-таки остатки ихъ можно прослѣдить не только до устьевъ матери рѣкъ, но даже вплоть до самыхъ южныхъ частей полуострова Флориды. Съ западной стороны южная граница области кургановъ (mounds) еще съ положительностью не установлена. Но и здѣсь она простирается до Техаса и Мексики, соприкасаясь съ культурнымъ поясомъ индѣйцевъ пуэблосовъ и культурныхъ народовъ центральной Америки. Не менѣе обширны границы въ восточно-западномъ направленіи: тогда какъ на востокѣ, въ штатѣ Мэнъ, эти курганы достигаютъ почти 70° д., западные форпосты ихъ на сѣверѣ находятся еще по ту сторону 101°. На этомъ обширномъ протяженіи курганы не вездѣ многочисленны и распредѣляются неравномѣрно. Главное мѣстообитаніе строителей кургановъ находилось, повидимому, въ бассейнѣ средняго и верхняго Миссисипи и восточныхъ притоковъ его, и особенно въ Огайо, тогда какъ группы этихъ сооруженій, лежащія внѣ указанной области, характеризуются болѣе или менѣе лишь какъ развѣтвленія, идущія отъ этого центральнаго пункта.

Когда въ первую треть настоящаго столѣтія начали обращать болѣе тщательное вниманіе на земляныя сооруженія въ штатахъ Огайо, Иллинойсѣ и Висконсинѣ, то были очень поражены значительнымъ числомъ этихъ сооруженій, огромными размѣрами, которыхъ достигали нѣкоторыя изъ нихъ, и оригинальными формами иныхъ кургановъ, напоминавшими подчасъ правильныя математическія фигуры. Удивленіе росло по мѣрѣ того, какъ, по мѣрѣ возбужденія интереса, открывали все въ новыхъ и новыхъ мѣстахъ земляныя сооруженія такого же или сходнаго характера. Раскопки, предпринятыя сперва лишь въ немногихъ пунктахъ, дали необъяснимые результаты. Но мало по малу у изслѣдователей, ученыхъ и неученыхъ, сложилось убѣжденіе, что эти курганы — остатки давно исчезнувшей націи. Нѣкоторые, при содѣйствіи значительной доли фантазіи, не колеблясь, признали прямую связь народа Mound-builders, строителей кургановъ, съ толтеками, которые долгое время считались носителями всякой культуры, открываемой на почвѣ Средней и Сѣверной Америки. Но и болѣе осторожные изслѣдователи держались убѣжденія, что эти постройки свидѣтельствовали о существованіи высоко развитой культуры въ эпоху, отдѣленную отъ насъ тысячелѣтіями. Не подлежитъ сомнѣнію, что искусственные холмы были дѣломъ осѣдлаго народа. Индѣецъ, бродящій въ состояніи кочевника, не могъ имѣть ни времени, ни силы, ни повода, чтобы воздвигать даже самыя малыя изъ этихъ сооруженій, не говоря уже о такихъ, правда, немногочисленныхъ, но поражающихъ своими размѣрами сооруженіяхъ, какъ въ Этовахѣ, Кахокіи и мн. др.; самыя большія изъ нихъ обладаютъ объемомъ въ 3—4 милліона кубическихъ футовъ. Чтобы возвести подобныя постройки не только требовалось населеніе, несравненно болѣе

густое, чѣмъ какое когда либо встрѣчалось на всемъ протяженіи сѣверо-американскаго материка, но это населеніе должно было вмѣстѣ съ тѣмъ представлять выдающуюся организацію, необходимую для того, чтобы подчинить огромныя рабочія силы, возводившія эти гигантскія сооруженія, единой волѣ. Что же это былъ за народъ или государство, которое не только ограничилось одною или нѣсколькими постройками этого рода, но усѣяло берега главныхъ рѣкъ на протяженіи многихъ миль обширными укрѣпленіями; послѣднія въ прежнее время составляли, повидимому, почти непрерывную цѣпь вдоль Миссисипи отъ устьевъ Арканзаса вверхъ до Иллинойса. Если мы примемъ во вниманіе не только область, болѣе густо покрытую ими, но вообще все протяженіе, на которомъ попадаются эти земляныя постройки, то должны будемъ представить себѣ государство почти съ необъятными границами.

Очевидно, осѣдлое населеніе такой плотности должно было искать искусственныхъ средствъ къ пропитанію. И дѣйствительно, результаты раскопокъ въ области кургановъ показываютъ, что строители кургановъ были земледѣльцы. Найдены не только колосья и зерна маиса вмѣстѣ съ сосудами и орудіями, необходимыми для обработки его, но доказано также, частью непосредственными находками, частью путемъ умозаключеній, что въ распоряженіи строителей земляныхъ сооруженій имѣлись и другія сѣмена и плоды. Земледѣліе ихъ должно было стоять уже на высокой ступени развитія: тщательными разслѣдованіями установлено существованіе способовъ орошенія и водопроводовъ, которые имѣли мѣстами значительные размѣры. Мало того, въ низменностяхъ большихъ рѣкъ открыты были обработанныя площади, на которыхъ искусственнымъ поднятіемъ воздѣлываемой въ видѣ грядъ почвы противодѣйствовали чрезмѣрной влажности. Въ ремеслахъ строители кургановъ также должны были обладать большимъ опытомъ. Гончарныя издѣлія ихъ не только отличались весьма разнообразной формой, приспособленной къ самымъ различнымъ цѣлямъ, но представляли вмѣстѣ съ тѣмъ, въ лучшихъ своихъ экземплярахъ, высокую техническую законченность. Правда, употребленіе гончарнаго круга здѣсь не могло быть доказано, но нѣкоторые сосуды были, повидимому, покрыты довольно толстою глазурью. Относительно успѣховъ, достигнутыхъ въ ткачествѣ, раскопки не могли дать, конечно, такихъ же вѣрныхъ точекъ опоры въ виду большей разрушаемости подобнаго рода произведеній. Тамъ и сямъ, однако, попадаются то грубые, то болѣе тонкіе образцы этого искусства. Особенно важнымъ доказательствомъ высшей культуры считались пробы мѣдныхъ предметовъ украшенія, открытыхъ въ земляныхъ сооруженіяхъ. Вся Америка, когда Колумбъ открылъ ее, пребывала еще въ каменномъ вѣкѣ. И если здѣсь найдена была обработанная мѣдь, хотя бы и не въ значительныхъ количествахъ, то это безусловно говоритъ о народѣ съ высшей культурой. Долженъ былъ пройти большой періодъ времени послѣ исчезновенія этого народа для того, чтобы такая культура снова окончательно утратилась для потомства.

Этотъ народъ обладалъ также особенной архитектоникою, что подтверждается почти невѣроятнымъ количествомъ возведенныхъ имъ земляныхъ сооруженій, поразительнымъ обиліемъ большихъ кургановъ, а главное, разнообразіемъ формъ, которыя они сумѣли придать этимъ постройкамъ. Часто, правда, мы видимъ лишь земляныя насыпи въ формѣ усѣченныхъ конусовъ, продолговато-овальные или прямоугольные земляные курганы или террасы, но въ другихъ мѣстахъ являются поразительныя формы. Такъ, нѣкоторыя постройки въ своихъ основныхъ контурахъ ясно напоминаютъ фигуры живыхъ существъ. Очертанія этихъ кургановъ воспроизводятъ не только змѣй, рыбъ, птицъ и млекопитающихъ, но даже человѣческія формы. Если это свидѣтельствуетъ о художественномъ вкусѣ древняго народа, то другой родъ земляныхъ сооруженій еще въ большей

мѣрѣ способенъ внушить уваженіе къ культурнымъ успѣхамъ его. Были открыты земляныя сооруженія, которыя съ такою точностью воспроизводили математическія фигуры круга, прямоугольника, квадрата, многоугольника, что, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, выполненіе ихъ прямо немыслимо безъ примѣненія инструментовъ.

Подобный народъ долженъ былъ и по своимъ религіознымъ представленіямъ высоко подниматься надъ натурализмомъ и анимизмомъ нецивилизованныхъ народовъ. И въ пользу этого мы находимъ доказательства въ сохранившихся остаткахъ. Кромѣ множества земляныхъ сооруженій, которыя служили укрѣпленіями, жилищами, или для цѣлей земледѣлія, встрѣчаются безчисленныя другія, непригодныя для этого ни по своему положенію, ни по формѣ. Многія изъ нихъ оказались могилами частью для отдѣльныхъ лицъ, частью для цѣлыхъ семействъ; есть, наконецъ, и массовыя могилы и цѣлыя могильныя поля вродѣ кладбищъ. Мертвые почти всегда хоронились вмѣстѣ съ вещами, напоминавшими о дѣятельности ихъ на этомъ свѣтѣ. Не подлежитъ, слѣдовательно, сомнѣнію, что народъ строителей кургановъ вѣрилъ въ загробную жизнь. Нужно думать даже, что религія играла у нихъ чрезвычайно важную роль, охватывала всѣ стороны жизни. Почти вездѣ, гдѣ только находились въ большомъ числѣ земляныя сооруженія, попадаются также курганы опредѣленнаго характера, значеніе которыхъ непонятно съ перваго взгляда. На основаніи этихъ кургановъ, представлявшихъ, большею частью, коническую форму, или же въ болѣе высокихъ слояхъ ихъ, находился горизонтальный пластъ плотно утоптанной глины или глинистаго грунта. По снятіи массъ земли, покрывающихъ этотъ пластъ, намъ представляется тщательно выравненная поверхность, напоминающая токъ съ небольшимъ наклономъ къ railединѣ, въ центрѣ которой можно часто замѣтить слѣды огня. Открывшіе эту форму кургановъ считали себя вправѣ заключить, что здѣсь находились жертвенныя мѣста и что остатки огня суть слѣды жертвоприношеній. И такъ какъ въ золѣ были неоднократно находимы человѣческія кости, то, по всей вѣроятности, и у строителей кургановъ, какъ и на всемъ обширномъ протяженіи Новаго Свѣта вообще, человѣческія жертвы являются существеннымъ элементомъ религіозныхъ обрядовъ. На этомъ основаніи такія земляныя сооруженія названы „алтарными курганами“; многочисленность ихъ заставляетъ думать, что это древнее культурное государство имѣло большую и вліятельную касту жрецовъ, которой, вѣроятно, обязаны также своимъ происхожденіемъ самыя величественныя изъ крупныхъ земляныхъ сооруженій — ступенеобразныя пирамиды, посвященныя наиболѣе чтимымъ святынямъ.

Народъ, строившій курганы, является передъ нами отнынѣ далеко не въ туманномъ свѣтѣ. На основаніи находокъ и по аналогіи съ культурами, которыя были открыты первыми европейцами на американской почвѣ, сложилась довольно опредѣленная картина. Думали, однако, что этотъ народъ долженъ быть необычайно древнимъ: во-первыхъ, потому, что ко времени открытія Америки исчезло всякое воспоминаніе о немъ; такъ какъ онъ стоялъ на высокой ступени культуры, то, казалось, требовались значительные періоды времени для постепеннаго упадка и исчезновенія всякихъ преданій о немъ. Во-вторыхъ, въ силу одного, особенно замѣчательнаго открытія: вблизи Блумингтона (Висконсинъ) былъ открытъ курганъ, изображавшій животное. Первымъ изслѣдователямъ показалось, что формы его напоминаютъ слона или другое какое-нибудь животное съ хоботомъ. Съ другой стороны, при раскопкахъ въ области строителей кургановъ, среди найденныхъ въ большомъ числѣ трубокъ съ изображеніями животныхъ попадаются фигуры съ настоящимъ хоботомъ (въ отличіе отъ тапира съ хоботообразной мордой, почитаемаго въ Чіапасѣ какъ священное животное). На этомъ основаніи были убѣждены, что строители упомянутаго кургана

имѣли представленіе о слонѣ или мастодонтѣ, по крайней мѣрѣ, въ формѣ традиціоннаго воспоминанія. А такъ какъ хоботныя животныя вымерли на американской землѣ задолго до исторической эпохи, то культурная традиція строителей кургановъ должна быть отнесена къ временамъ, которымъ принадлежатъ скелеты мастодонта въ долинѣ Миссури. Судя по найденнымъ наконечникамъ стрѣлъ, полагали, что эти животныя были убиты человѣкомъ.

Хотя только-что изложенное мнѣніе о строителяхъ кургановъ было прежде преобладающимъ, но, съ другой стороны, уже съ давнихъ поръ многіе ученые сомнѣвались въ существованіи доисторическаго культурнаго народа на землѣ Сѣверной Америки. Они держались того взгляда, что предки тѣхъ же индѣйцевъ, которые и теперь еще живутъ въ Соединенныхъ Штатахъ, соорудили описанные курганы въ сравнительно новѣйшія времена. И чѣмъ болѣе древняя исторія Новаго Свѣта подвергалась методической разработкѣ, тѣмъ больше росло число приверженцевъ этого мнѣнія. Въ послѣдніе годы сѣверо-американскимъ этнологическимъ Бюро въ Вашингтонѣ были предприняты въ самыхъ широкихъ размѣрахъ систематическія изслѣдованія кургановъ въ самыхъ различныхъ частяхъ Союза. Они доказали неопровержимо, что курганы совсѣмъ не такъ древни, какъ полагали раньше, и отнюдь не обладаютъ всѣми приписанными имъ особенностями, что они составляютъ остатки не одного, а различныхъ индѣйскихъ племенъ, которыя обитали на территоріи Соединенныхъ Штатовъ до и послѣ открытія Америки Христофоромъ Колумбомъ.

Заключенія о древности кургановъ по кургану-слону не были признаны даже многими изъ тѣхъ, которые вообще не сомнѣвались, что строители этого кургана имѣли въ виду изобразить животное, обладающее хоботомъ. Однако, послѣ новѣйшихъ изслѣдованій возникло сомнѣніе и въ этомъ отношеніи. Хотя почва этого кургана уже въ теченіе многихъ лѣтъ подвергалась обработкѣ, тѣмъ не менѣе, форма его, если и не такъ отчетливо, то все-таки сохранилась. Оказывается, что почва эта состоитъ изъ очень легкаго песку, — и, слѣдовательно, возможно, что хоботъ образовался только подъ вліяніемъ продолжительнаго воздѣйствія стихій, особенно вѣтровъ, на головномъ концѣ. По всей вѣроятности, курганъ первоначально долженъ былъ изображать медвѣдя — животное, во многихъ случаяхъ играющее роль тотема. Новѣйшія изслѣдованія разсѣяли и другія старыя воззрѣнія, какъ ошибочныя. Такъ, нельзя, напр., отрицать, что многіе курганы въ долинѣ Огайо, особенно изъ такъ наз. группы Ньюарка, отличаются почти математическою правильностью формъ. Однако, то обстоятельство, что изъ всѣхъ кругообразныхъ кургановъ только одинъ или два почти безошибочно круглы, а огромное большинство ихъ только приближается къ кругу, говоритъ скорѣе за эмпирическіе пріемы, нежели за употребленіе, при постройкахъ, точныхъ инструментовъ. Точно также оказалось большой ошибкою мнѣніе, будто курганы на протяженіи всей занимаемой ими области однородны и тождественны и, на этомъ основаніи, представляютъ остатки только одного народа. Напротивъ, болѣе точныя изслѣдованія формы и содержимаго построекъ даютъ возможность установить рядъ различныхъ группъ кургановъ съ такою ясностью, что въ нѣкоторыхъ районахъ мы въ состояніи даже доказать пребываніе на одномъ и томъ же мѣстѣ двухъ различныхъ населеній, строившихъ курганы. Если, такимъ образомъ, гипотеза о существованіи особаго древняго культурнаго народа строителей кургановъ и падаетъ, тѣмъ не менѣе, курганы остаются чрезвычайно важной группою памятниковъ, которые ярче всякаго другого источника освѣщаютъ древнѣйшую исторію сѣверо-американскихъ индѣйцевъ.

Исходя изъ того положенія, что культурный уровень индѣйцевъ со времени открытія Америки оставался, въ сущности, тѣмъ же или

даже нѣсколько повысился подъ вліяніемъ сношеній съ бѣлыми, всѣ они, почти безъ исключенія, считались бродячими охотничьими народами, которые обладали неудержимымъ стремленіемъ къ необузданной свободѣ и потому нигдѣ и никогда не могли соединиться въ большія общественныя группы и создать осѣдлыя стоянки. Такой выводъ неправиленъ съ точки зрѣнія исторіи. Безъ сомнѣнія, и въ XVI столѣтіи на обширныхъ пространствахъ Сѣверной Америки бродили безпокойныя орды индѣцевъ, жившихъ почти исключительно плодами охоты, которой они отдавались съ увлеченіемъ. Но рядомъ и въ перемежку съ ними и, вѣроятно, на большей части нынѣшней территоріи Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки жили индѣйскія племена, которыя въ сравненіи съ первыми сдѣлали весьма большіе успѣхи по пути культурнаго развитія. Правда, индѣйская политика англо-американскихъ переселенцевъ, руководимая исключительно точкою зрѣнія своихъ интересовъ, тѣснила уцѣлѣвшее потомство этихъ народностей и стремилась низвести ихъ до культурной ступени, мало чѣмъ отличающейся отъ уровня ихъ соплеменниковъ, пребывающихъ въ неприкосновенной дикости. Но они оставили намъ въ своихъ курганахъ и могилахъ свидѣтельства культуры, говорящія неопровержимымъ языкомъ. Безпристрастная провѣрка древнѣйшихъ разсказовъ о первой встрѣчѣ бѣлаго и краснаго человѣка на сѣверо-американской почвѣ подтверждаетъ въ безчисленныхъ подробностяхъ предположенія, къ которымъ приводятъ находки въ курганахъ. Правда, единичныя изслѣдованія въ этомъ направленіи не настолько еще созрѣли, чтобы возможно было утилизировать цѣнный матеріалъ источниковъ во всей его полнотѣ. Мы слишкомъ мало знаемъ о переселеніяхъ древнихъ индѣйцевъ до Колумба для того, чтобы намъ возможно было всюду съ положительностью установить связь между границами археологическихъ областей и опредѣленными племенными границами. Но тамъ, гдѣ это теперь уже возможно, памятники древности существенно способствуютъ разъясненію историческихъ гипотезъ. При совмѣстномъ усиліи различныхъ методовъ изслѣдованія область невыясненнаго будетъ суживаться изъ года въ годъ.

Вся область бассейна Миссисипи, представляющая широкую полосу земли, которая начинается въ странѣ Великихъ озеръ на сѣверѣ и доходитъ до низменностей нижняго Миссисипи, была заселена въ древнѣйшую эпоху племенами, которыя соединяются въ общую группу подъ именемъ алгонкиновъ. Изъ болѣе извѣстныхъ индѣйскихъ племенъ сюда принадлежатъ чиппевеи на сѣверѣ, делавары, могикане и оттавы на сѣверо-востокѣ и шаунисы на юго-востокѣ. На основаніи ихъ преданій, принимаютъ, что первоначальная родина ихъ находится на сѣверо-востокѣ и притомъ по ту сторону Великихъ озеръ, хотя еще до эпохи Колумба они были совершенно вытѣснены оттуда націями племени ирокезовъ. Переселенія съ сѣвера шли, повидимому, двумя отдѣльными вѣтвями. Одна вѣтвь двинулась въ юго-восточномъ направленіи, главнымъ образомъ, вдоль побережья океана; но она не ограничивалась, подобно туписамъ на югѣ, занятіемъ лишь узкой полосы на морскомъ берегу, но растянулась широко и слѣдовала навстрѣчу рѣкамъ, направлявшимся къ морю, до самыхъ Аллеганскихъ горъ. Несмотря на близость воды, алгонкины едва ли когда были исключительно рыболовнымъ народомъ. Сомнительно, чтобы они занимались земледѣліемъ еще во время своихъ восточныхъ передвиженій. Въ болѣе поздніе періоды, во всякомъ случаѣ, и восточные алгонкины обработывали землю. Съ другой стороны, не подлежитъ сомнѣнію, что соплеменники ихъ, которые направились къ западу вдоль Великихъ озеръ и въ отдаленную эпоху заселили берега ихъ, уже тогда были земледѣльцами. Какъ и всегда, племена эти, раздѣлившись, съ теченіемъ вѣковъ становились все болѣе чуждыми другъ другу и по нравамъ, и по образу жизни. И если бы не родство языковъ, представляющихъ несомнѣнные общіе корни, то едва ли возможно было бы признать

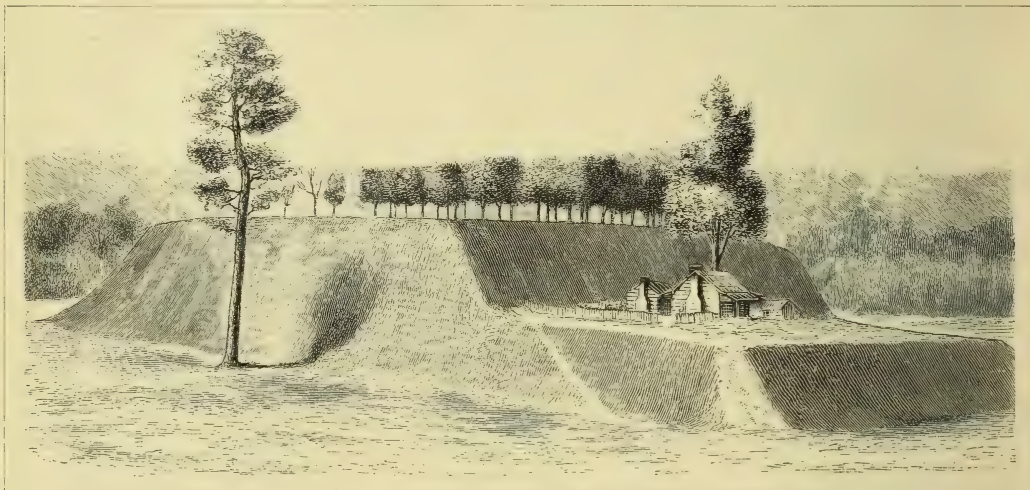
въ чиппевеяхъ сѣверо-запада и шаунисахъ юга братьевъ одного и того же племени.

Обширная группа народовъ племени алгонкиновъ отличается отъ всѣхъ прочихъ индѣйцевъ Сѣверной Америки сравнительно высокимъ развитіемъ цивилизаціи. Несомнѣнно, что уже въ ранніе періоды они усвоили осѣдлый образъ жизни и посвятили себя земледѣлію. Едва ли также можно считать случайностью, что религіозныя представленія ихъ сходятся во многихъ пунктахъ съ воззрѣніями ихъ сосѣдей на крайнемъ сѣверо-западѣ. По нѣкоторымъ особенностямъ въ этой области можно было бы даже заключить, что родина ихъ скорѣе находится на сѣверо-западѣ, чѣмъ на востокѣ, такъ какъ нѣкоторые изъ нихъ напоминаютъ, съ одной стороны, тинне, а съ другой племена пуэблосовъ. Чиппевеи и ленапы обладаютъ уже въ своихъ разрисованныхъ деревянныхъ дощечкахъ или палкахъ системою обмѣна мыслей, которая поднимается за предѣлы чисто образнаго характера до высоты гіероглифической символики, служившей, главнымъ образомъ, для запоминанія священныхъ обычаевъ. Съ религіозной системой ихъ, съ поклоненіемъ солнцу и четыремъ странамъ свѣта, какъ родинѣ боговъ вѣтровъ, мы познакомимся ниже, въ болѣе развитой формѣ, у индѣйцевъ пуэблосовъ (см. ниже стр. 225).

Дальнѣйшее сходство съ послѣдними заключается въ системѣ тотемовъ—знаковъ отличія родовъ, которые, кромѣ пуэблосовъ, встрѣчаются еще у многихъ индѣйскихъ племенъ тихо-океанскаго побережья вплоть до тлинкитовъ (на границахъ Аляски). По этой причинѣ мы имѣемъ, во всякомъ случаѣ, право считать народы этого племени строителями тѣхъ своеобразныхъ земляныхъ сооруженій, которыя извѣстны подъ названіемъ образныхъ кургановъ (effigie-mounds). Интересно, что эти курганы изображаютъ всѣхъ животныхъ (медвѣдь, змѣя, различныя птицы, рыбы и проч.), отъ которыхъ происходитъ большая часть племенныхъ названій и святынь (тотемовъ, см. выше, стр. 49). Такъ какъ эти земляныя постройки не служили могилами и мало пригодны были какъ укрѣпленія, то нужно думать, что онѣ играли роль сборнаго пункта для совершенія обрядовъ, подобно сборнымъ помѣщеніямъ у ирокезовъ или кивамъ индѣйцевъ пуэблосовъ. Трудно допустить, чтобы индѣйцы алгонкинскаго племени были также строителями кургановъ на среднемъ Миссисипи и на Иллинойсѣ, тѣмъ болѣе, что въ этой области встрѣчаются курганы различныхъ типовъ, которые всѣ отличаются отъ кургановъ Висконсина. Если довѣрять мало надежному преданію ленаповъ или делаваровъ, то придется даже отвѣтить совершенно отрицательно.

Не взирая на разнообразные успѣхи на пути цивилизаціи алгонкины не возвысились до постройки постоянныхъ жилищъ. Это тѣмъ болѣе странно, что они могли видѣть таковыя у сосѣднихъ индѣйцевъ пуэблосовъ, съ которыми находились, повидимому, въ торговыхъ сношеніяхъ. Это не даетъ еще, впрочемъ, права ставить ихъ ниже на лѣстницѣ культуры. Постройка каменныхъ сооруженій, которыя лучше деревянныхъ хижинъ, обмазанныхъ лишь известью, и вѣрнѣе защищаютъ отъ разрушительнаго вліянія времени, чѣмъ курганы, сдѣланные изъ одной земли, весьма легко можетъ дать ошибочное представленіе о степени культуры народа. На низшихъ ступеняхъ культуры человѣкъ прежде всего зависитъ отъ окружающей природы. Богатыя известнякомъ и песчаникомъ плоскогорья запада дали возможность индѣйцамъ пуэблосовъ безъ особаго труда сдѣлаться довольно искусными строителями; алгонкины, населявшіе лѣсистыя и холмистыя страны области озеръ, лишены были возможности представить потомству одинаково внушительныя доказательства своей культуры. Но взамѣнъ этого алгонкины могутъ похвалиться однимъ, чего не достигло никакое другое племя индѣйцевъ Атлантическаго сѣвера: они были знакомы съ мѣдью и обрабатывали ее. Конечно, холмы между озеромъ Верхнимъ и Мичигэномъ давали ее въ такомъ чистомъ видѣ, что лучшимъ кускамъ удавалось придавать

1

 2

3

Исторія человѣчества. I. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Сѣвероамериканскіе курганы (Mounds).

1) Авондэльскіе курганы въ графствѣ Вашингтонъ, Миссисипи. 2) Курганъ де-Сото, въ графствѣ Джефферсонъ, Арканзасъ. 3) Малый курганъ изъ „Brevis Narratio“ Ле-Муана. *(XII. Annual Report of the Bur. of Ethnol. 1890/91, Wash. 1894.)*

форму при помощи одного молота въ холодномъ состояніи; но, вѣроятно, они знали также первобытный методъ плавленія и ковки, при помощи которыхъ они формировали бусы и небольшія металлическія пластинки; затѣмъ, посредствомъ дутья, они выдавливали на этихъ послѣднихъ пластическія изображенія фигуръ.

Когда толпы алгонкиновъ, двигавшіяся къ юго-востоку, перешли рѣку Саванну, они натолкнулись на сплоченныя массы чуждыхъ имъ по племени индѣйцевъ, которые задержали движеніе ихъ въ прежнемъ направленіи. Въ первое время это повело къ остановкѣ. Но численность алгонкиновъ все болѣе росла, пространство становилось слишкомъ тѣснымъ для нихъ, и переселенія возобновились, на этотъ разъ въ западномъ направленіи. Индѣйцамъ, которые, двигаясь на встрѣчу верхнему теченію Саванны, перешли Аллеганы и начали разселяться въ долинахъ рѣки Зеленой и Теннесси, сосѣди, послѣ долгаго пребыванія ихъ у Саванны, дали имъ названіе этой рѣки; подъ именемъ саваннисовъ, которое съ теченіемъ времени преобразовалось въ шаунисовъ, они сохранили воспоминаніе объ этой стоянкѣ во время своихъ переселеній и перенесли его въ историческую эпоху.

Шаунисы и родственныя делаварскія племена индѣйцевъ, очевидно, принимали существенное участіе въ постройкѣ кургановъ, которые встрѣчаются на нижнихъ притокахъ Огайо, на протяженіи Теннесси и сосѣднихъ провинцій. Многіе подобные курганы этой области были воздвигнуты частью въ отдѣльности, частью группами и нерѣдко въ связи съ большими земляными сооруженіями и окопами для цѣлей погребенія. При этомъ самый способъ погребенія былъ настолько характеренъ, что несомнѣнно можетъ служить отличительнымъ признакомъ племени. Между тѣмъ, какъ въ другихъ областяхъ кургановъ мертвые часто хоронились въ сидячемъ положеніи, подобно муміямъ Южной Америки, или же, послѣ очищенія костей отъ мяса, предавались погребенію лишь кучи костей, здѣсь мы находимъ способъ погребенія, весьма сходный съ европейскимъ: дно и четыре боковыхъ стѣнки ямы выкладывались плоскими каменными плитами и въ нее клали умершаго въ лежачемъ положеніи на спинѣ. Плоскіе камни служили крышкою этого каменнаго гроба. Если между плитами существовали промежутки, черезъ которые могла проникнуть земля, то ихъ закрывали вторымъ слоемъ плитъ меньшаго размѣра. Такого рода могилы часто попадаются и безъ устроенныхъ надъ ними кургановъ; но онѣ особенно многочисленны внутри небольшихъ конусообразныхъ кургановъ (см. рис. 1 на таблицѣ „Сѣвероамериканскіе курганы“) вдоль южныхъ притоковъ нижняго Огайо, въ которыхъ шаунисы и соплеменные индѣйскіе народы обитали вплоть до историческихъ временъ. Уже отсюда можно заключить, что именно они были строителями могилъ и связанныхъ съ ними земляныхъ сооруженій; но мы имѣемъ и прямыя доказательства того. Такимъ образомъ, въ нашихъ рукахъ есть важный аргументъ для опредѣленія древности нѣкоторыхъ группъ земляныхъ сооруженій, опровергающій фантастическое предположеніе, будто прошлое ихъ измѣряется тысячелѣтіями. Обычай хоронить умершихъ въ каменныхъ гробахъ, какъ описано выше, практиковался шаунисами не только въ историческія времена, но вплоть до нашего столѣтія, — тамъ, гдѣ имѣлись подходящіе для этого камни; онъ былъ наблюдаемъ многими изслѣдователями въ различныхъ мѣстахъ независимо другъ отъ друга. Въ болѣе древнихъ извѣстіяхъ неоднократно упоминается о сооруженіи кургана въ нѣсколько футовъ высоты и конической формы. Кромѣ того, раскопки обнаружили, что въ могилахъ этого рода вмѣстѣ съ покойниками часто находились вещи несомнѣнно европейскаго происхожденія. Слѣдовательно, могильные холмы этого типа несомнѣнно доказываютъ, что временами здѣсь жили представители группы шаунисовъ алгонкинскаго племени, переселенія котораго въ этой области продолжались еще въ историческія эпохи и даже послѣ Колумба.

Индѣйцы, остановившіе движеніе алгонкиновъ въ южномъ направленіи, вѣроятно, принадлежали къ группѣ **мускогисовъ**, наиболѣе извѣстными представителями которыхъ были крики и чиказавы. Хотя это были первыя индѣйскія племена, которыя во времена открытія пришли въ соприкосновеніе съ европейцами — главная часть авантюристскаго похода де-Сотоса отъ Флориды до Миссисипи происходила на территоріи, обитаемой индѣйцами племени мускогисовъ, — тѣмъ не менѣе, изслѣдованіе пока относилось къ нимъ болѣе пренебрежительно, чѣмъ къ сѣвернымъ племенамъ. Такъ какъ потомки этого народа оказались только по берегамъ рѣкъ, текущихъ параллельно Миссисипи къ Караибскому морю, но на этомъ пространствѣ образовали плотную массу, до открытія Америки нигдѣ не прерывавшуюся чужими племенами, то нужно думать, что они были менѣе охвачены стремленіемъ къ странствованіямъ, чѣмъ большинство другихъ индѣйцевъ. Страна, въ которой они жили въ XVI вѣкѣ, была, вѣроятно, древней родиною племени. Быть можетъ, это — потомки древнѣйшихъ обитателей востока сѣверной Америки. Къ сѣверу, по близости Миссисипи, а можетъ быть, и далѣе къ востоку, мѣста обитанія ихъ занимали въ древнее время гораздо большее пространство. Въ этомъ смыслѣ, быть можетъ, и вѣрно преданіе ленаповъ относительно того, что они вытѣснили мускогисовъ изъ болѣе сѣверныхъ поселеній ихъ на Миссисипи.

Мускогисы также не стояли на той низкой **культурной ступени**, которая обыкновенно приписывается, на основаніи новѣйшихъ воззрѣній, древнему индѣйскому населенію материка. Они обрабатывали землю въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и продукты ихъ земледѣлія вызывали удивленіе испанцевъ де-Сотоса. Поселенія ихъ испанцы называли городами, и нѣкоторыя изъ нихъ имѣли большое число жителей. Мускогисы принимали также дѣятельное участіе въ устройствѣ искусственныхъ холмовъ, и характерные признаки возведенныхъ ими земляныхъ сооруженій свидѣтельствуютъ о достигнутыхъ ими успѣхахъ. Въ странѣ мускогисовъ находится нѣсколько изъ величайшихъ кургановъ, какіе вообще встрѣчаются на всемъ пространствѣ строителей кургановъ. Эти земляныя сооруженія, которыя служили въ то же время жилищами для выдающихся членовъ племени и убѣжищемъ всему племени при нападеніяхъ враговъ, не походятъ на круглыя и коническія формы, свойственныя малымъ курганамъ, а скорѣе напоминаютъ постройки въ видѣ террасъ, на которыхъ возвышались храмы и дворцы культурныхъ народовъ средней Америки. Курганъ де-Сотоса, относительно котораго, впрочемъ, нельзя безусловно утверждать, что онъ воздвигнутъ мускогисами, даетъ приблизительно картину этого типа. (См. рис. 2 картины „С. Американскіе курганы“). Самое величественное сооруженіе этого рода представляетъ курганъ Этоваха въ южной Георгіи. Можно съ положительностью доказать, что онъ былъ обитаемъ племенами мускогисовъ еще въ началѣ XVI столѣтія и служилъ дворцомъ и укрѣпленіемъ ихъ начальниковъ. Онъ былъ окруженъ рядомъ менѣе значительныхъ холмовъ, окруженныхъ, въ свою очередь, укрѣпленіями, частью въ видѣ валовъ, частью наполненныхъ водою рвовъ. Это можетъ дать намъ представленіе о характерѣ древне-индѣйскихъ городовъ и вполнѣ согласуетвя съ изображеніемъ Лемуана (см. рис. 3 той же картины).

Мускогисамъ принадлежитъ еще одно культурное завоеваніе, заставляющее думать, что они уже въ очень древнія времена перешли къ осѣдлости. Несмотря на то, что земля обитаемой ими области не давала матеріала для массивныхъ построекъ, они, единственные изъ индѣйцевъ востока, все-таки перешли къ устройству жилищъ болѣе прочныхъ, чѣмъ жилища изъ однихъ растительныхъ веществъ. Новѣйшія изслѣдованія и раскопки доказали, что часть кургановъ, которые принимались первыми изслѣдователями за алтарные холмы, на основаніи слоевъ глины, похожихъ на токъ, и найденныхъ подъ ними остатковъ золы и костей, въ дѣйствительности, несли на

себѣ дома индѣйцевъ-мускогисовъ, построенные на умѣренныхъ возвышеніяхъ. Остатки домовъ, по которымъ еще мѣстами можно узнать круглую, по большею частью четырехугольную форму, показываютъ, что эти индѣйцы строили свои жилища изъ деревянныхъ свай, расположенныхъ рамою, между которыми поперечные брусья, переплетенные прутьями и вѣтвями, служили остовомъ для обшивки стѣнъ. Снаружи эта обшивка оставалась въ грубомъ видѣ, а съ внутренней стороны она тщательно сглаживалась и, вѣроятно, покрывалась штукатуркою такимъ же образомъ, какъ въ архаическихъ постройкахъ индѣйцевъ пуэбло (см. ниже, стр. 218). Слой извести покрывалъ только боковыя стѣны въ ростъ мужчины; сверху поднималась сводчатая крыша, поддерживаемая свободными концами столбовъ и гибкими жердями, крытая растительнымъ матеріаломъ — воспоминаніе о шалашѣ, который былъ въ употребленіи у большинства индѣйскихъ племенъ и въ болѣе древнее время, безъ сомнѣнія, и у мускогисовъ. Присутствіе костей и кучъ золы въ курганахъ объясняется обычаемъ послѣ смерти соплеменника предавать домъ его пламени, какъ это видно и на рисункѣ (см. рис. 3 картины „С. Америк. курганы“). Правда, въ изображеніи Лемуана погребеніе происходитъ, повидимому, внѣ черты деревни подъ курганомъ, который такъ малъ, что его слѣдуетъ считать лишь ядромъ и первымъ началомъ будущаго могильнаго холма. Вообще мускогисы хоронили своихъ усопшихъ въ самомъ домѣ и мѣсто сожиганія засыпали землею, какъ скоро огонь настолько уничтожалъ стѣны, что зданіе обрушивалось. Этотъ своеобразный способъ погребенія, оставившій слѣды и въ историческую эпоху, характеризуетъ, въ свою очередь, подобно каменнымъ могиламъ шаунисовъ, извѣстный этнографическій районъ и проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на древнѣйшую исторію индѣйскихъ народовъ, окруженную почти полнымъ мракомъ.

На сѣверѣ, какъ и на югѣ, область алгонкиновъ граничила съ чуждыми имъ по племени индѣйскими народами. Въ окружности Великихъ сѣверо-американскихъ озеръ и по берегамъ рѣки св. Лаврентія обитало племя ирокезовъ. Народы этого племени выдѣлялись среди остальныхъ индѣйцевъ своимъ сильнымъ физическимъ развитіемъ и, вѣроятно, какъ слѣдствіемъ его, — храбростью, задорностью и военными доблестями, отчего они считались долгое время самыми страшными врагами. Ирокезы въ тѣсномъ смыслѣ только въ послѣднія столѣтія передъ колонизаціей Сѣверной Америки сдѣлались важнымъ факторомъ въ исторіи этихъ странъ. Но еще въ очень отдаленное время отъ нихъ отдѣлилась вѣтвь, чирокисы, которая играла въ древнѣйшей исторіи Америки не менѣе значительную роль, чѣмъ впослѣдствіи, въ эпоху владычества колоній. Предполагаютъ, что первоначальная родина общей коренной народности ирокезовъ и чирокисовъ находилась въ самой сѣверо-восточной части области, занятой ими впослѣдствіи. Въ историческое время, правда, вся область озеръ, со включеніемъ пространствъ, граничащихъ съ юга и запада, была занята ирокезами и родственными имъ по племени гуронами. Но это перемѣщеніе не могло совершиться въ очень отдаленное время, такъ какъ эти племена, повидимому, принимали мало участія въ сооруженіи искусственныхъ холмовъ. Мы должны заключить, поэтому, что земляныя сооруженія Мичигэна и Висконсина сдѣланы алгонкинами, которые раньше жили въ этой мѣстности. И такъ какъ эти сѣверныя постройки рѣдко носятъ оборонительный характеръ, то, по всей вѣроятности, онѣ были воздвигнуты до періода войнъ, которыми должно было сопровождаться распространеніе ирокезовъ. Такимъ образомъ, племена, воздвигнувшія эти курганы, пережили эпоху своего расцвѣта и, быть можетъ, даже переселились въ другія области въ то время, когда народы семьи ирокезовъ стояли всего выше и завоевали бо́льшую часть сѣверной окраины Америки.

Отдѣленіе чирокисовъ отъ главнаго ствола принадлежитъ, наоборотъ,

гораздо болѣе ранней эпохѣ. Направленіе ихъ переселеній вполнѣ удовлетворительно объясняется, если допустить, что первоначальная родина племени находилась на крайнемъ сѣверо-востокѣ. Чирокисы являются тогда первой народной волною, двинувшейся въ южномъ направленіи съ теченіемъ времени они достигли бассейна Огайо, гдѣ, какъ это доказано, жили очень долго. Безъ сомнѣнія, они застали эти области уже заселенными: здѣсь, какъ и далѣе, къ югу и западу, еще до нихъ алгонкинскія племена находились не только временно, но основали прочныя поселенія и обрабатывали землю. Этому обязана своимъ происхожденіемъ, по крайней мѣрѣ, часть кургановъ на дальнѣйшемъ теченіи Огайо. Частью подъ вліяніемъ сосѣдей, частью же будучи вынуждены постоянными войнами, чирокисы также начали воздвигать искусственные холмы, которые выдѣляются, однако, по своимъ этнографическимъ особенностямъ и образуютъ какъ бы особую провинцію среди обширной области кургановъ. Двѣ черты отличаютъ ихъ: во-первыхъ, мертвые похоронены въ лежачемъ положеніи, хотя въ болѣе или менѣе непрочной оболочкѣ (древесная кора, ткани), и, большею частью, въ могильныхъ холмахъ, заключавшихъ одновременно много погребенныхъ. Во-вторыхъ, въ этихъ могилахъ встрѣчаются трубки отъ самыхъ архаическихъ и почти до современныхъ формъ, какія только употребляются индѣйцами.

Куреніе трубки встрѣчается въ области кургановъ далеко за предѣлами распространенія чирокисовъ. Нужно думать, что воздѣлываніе табаку составляло во всей этой области существенный элементъ земледѣлія (см. стр. 170). Долина верхняго Огайо даетъ не только самые многочисленные, но, судя по формамъ, и самые древніе типы индѣйской трубки. Мы можемъ прослѣдить послѣдовательно всѣ дальнѣйшія ступени развитія трубки съ такою ясностью, что должны предположить здѣсь мѣстообитаніе народа, особенно тѣсно связаннаго съ исторіей курительной трубки. Этимъ народомъ и были чирокисы. Курганы этой области окружены валами, которые поражаютъ иногда своей почти математическою правильностью. Но такъ какъ они не ограничиваются верхнимъ теченіемъ Огайо, то возможно, что бо̀льшая часть ихъ была воздвигнута прежними обитателями долины, для защиты отъ наступавшихъ чирокисовъ, и что эти послѣдніе, послѣ завоеванія, возстановили ихъ для той же цѣли. Могилы чирокисовъ несомнѣнно имѣютъ связь съ нѣкоторыми изъ этихъ группъ кургановъ. Очевидно, завоеватели усвоили себѣ нравы и обычаи вытѣсненныхъ племенъ, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи земляныхъ сооруженій. Насколько они сами способствовали дальнѣйшему развитію этой первобытной архитектуры, трудно, конечно, выяснить. Въ общемъ, движеніе чирокисовъ по долинѣ Огайо происходило въ эпоху до Колумба; но оно еще не было закончено въ то время, когда бѣлые проникли въ эту область. И только немного южнѣе, въ долинѣ небольшой рѣки Теннесси, сходство между сохранившимися еще группами кургановъ съ положеніемъ такъ наз. (Overhill-towns) надгорныхъ городовъ чирокисовъ, какъ они срисованы древнѣйшими очевидцами, доказываетъ, что эти индѣйцы и въ дальнѣйшемъ странствованіи остались вѣрны принятому способу сооруженія кургановъ.

Еще разъ, повидимому, отъ главнаго ствола ирокезовъ отдѣлилась большая вѣтвь, когда гуроны двинулись въ западномъ направленіи къ озерамъ по южному берегу рѣки св. Лаврентія. Весьма вѣроятно, что это случилось въ эпоху, предшествовавшую переселенію ирокезскихъ племенъ къ атлантическому югу, хотя доказать это трудно. Въ то время, какъ сознаніе связи между „пятью націями“ ирокезовъ и наиболѣе отодвинутыми къ югу тускарорами было настолько живо, что послѣдніе могли еще въ началѣ XVIII столѣтія вернуться на сѣверъ и были приняты въ союзъ, какъ шестая нація, — между ирокезами и гуронами происходили съ незапамятныхъ временъ столкновенія, свидѣтелями которыхъ были уже первые переселенцы

и которыя оказали извѣстное воздѣйствіе на самый характеръ колонизаціи страны европейцами.

Въ культурномъ отношеніи эти ирокезскіе народы, большею частью, безъ сомнѣнія, уступали чирокисамъ. Они вели осѣдлый образъ жизни и въ скромныхъ размѣрахъ занимались земледѣліемъ. Когда первые колонисты поднялись вверхъ по рѣкѣ св. Лаврентія, Гохелага представлялъ настоящій городъ съ прочной осѣдлостью. Встрѣчаются въ этой области и земляныя сооруженія, обозначающія мѣста поселеній древнихъ индѣйцевъ. Но въ нихъ не видно признаковъ высшей культуры, соотвѣтствующей болѣе южнымъ областямъ. Они носятъ явный характеръ оборонительныхъ сооруженій и, вѣроятно, возникли лишь въ то время, когда ирокезы въ тѣсномъ смыслѣ начали насильственно захватывать и заселять территоріи своихъ сосѣдей. Это не могло быть задолго до открытія Америки, такъ какъ войны еще продолжались въ то время, когда первые бѣлые начали проникать съ побережья вглубь страны.

Ирокезами въ тѣсномъ смыслѣ называютъ только тѣ племена, которыя жили въ самыхъ сѣверныхъ Штатахъ Союза и пограничныхъ областяхъ Канады до эпохи первой колонизаціи. Отъ времени до времени и они воздвигали земляныя сооруженія, что доказываетъ стремленіе къ осѣдлости, хотя постоянныя жилища и земледѣліе, эти основы культурнаго развитія, не играли у нихъ такой роли, какъ у большинства другихъ націй. Изъ всѣхъ племенъ, которыхъ застали первые европейскіе колонисты на американской землѣ, ирокезы наиболѣе приближаются къ типу, ошибочно принимаемому за характерный для совокупнаго индѣйскаго населенія Сѣверной Америки.

По существу ирокезы представляли еще охотничій народъ и притомъ такой, который съ одинаковой безпощадностью и жестокостью преслѣдовалъ добычу въ видѣ дикихъ животныхъ и людей. Такъ какъ они жили внутри страны, то судоходство и рыбная ловля не играли въ хозяйствѣ ихъ той роли, какъ у туписовъ и караибовъ, хотя они строили превосходные челноки изъ древесной коры и умѣли запруживать изобиловавшіе рыбою рукава рѣкъ для вылавливанія рыбы съ такимъ искусствомъ, которое свидѣтельствуетъ о долгомъ опытѣ. Главной стихіей ихъ жизни была, однако, охота и война. Своимъ физическимъ развитіемъ ирокезы превосходили большинство сосѣднихъ народовъ. Благодаря сравнительно дикому образу жизни, они могли развить свои физическія силы въ такой степени, которая немыслима даже въ самыхъ первыхъ стадіяхъ культурной жизни. Эта сила ирокезовъ и еще болѣе ихъ кровожадность и дикая жестокость внушали страхъ близкимъ и болѣе дальнимъ сосѣдямъ. Даже племенное родство не заглушало въ нихъ воинственныхъ стремленій, что доказываютъ войны между ними и гуронами; послѣдніе, не уступая своимъ врагамъ по численности, должны были все болѣе и болѣе отступать въ виду своего мирнаго характера. Набѣги ирокезовъ не ограничивались западомъ, который едва ли можно считать даже главнымъ путемъ ихъ. Тяжело приходилось и южнымъ сосѣдямъ отъ этихъ вражескихъ вторженій. Нужно думать, что эти нападенія явились причиною послѣдняго переселенія американскихъ народовъ, о которомъ еще слѣдуетъ упомянуть, переселенія сіусовъ-дакотовъ, имѣвшаго мѣсто не далѣе, какъ въ послѣднія столѣтія передъ Колумбомъ. Характернымъ признакомъ военнаго превосходства ирокезовъ служитъ то, что единственныя проникшія на югъ шайки были, повидимому, немногочисленны, по крайней мѣрѣ, основанныя ими въ завоеванныхъ областяхъ племена не представляли значительнаго населенія; сюда относятся конестоги и сускеганноки по берегамъ рѣки того же имени.

Особенно прославилъ ирокезовъ союзъ, въ силу котораго пять племенъ, оставшихся на прежней родинѣ, соединились для совмѣстнаго нападенія и обороны. Въ этомъ хотѣли видѣть доказательство способности

къ образованію государства и, слѣдовательно, болѣе высокой степени интеллектуальнаго развитія сравнительно съ прочими индѣйцами. Однако, противъ такого взгляда можно привести весьма вѣскія возраженія. Прежде всего не доказано, что этотъ союзъ есть продуктъ самостоятельнаго духовнаго развитія индѣйцевъ, безъ примѣси посторонняго вліянія. До сихъ поръ всѣми принималось, что лига ирокезовъ образовалась уже въ XV столѣтіи, около 1430 года. Но по мѣрѣ болѣе тщательной провѣрки фактовъ, лежащихъ въ основѣ индѣйскаго преданія, все болѣе приходили къ убѣжденію, что все, приписывавшееся дикарю безконечно дальняго прошлаго, не знавшему письменъ и не имѣвшему исторіи, въ дѣйствительности, восходитъ не далѣе нѣсколькихъ поколѣній. Согласно новѣйшему вычисленію, лига была, вѣроятно, основана только около 1560 года. Это предположеніе подкрѣпляется разсказами о междуусобіяхъ между различными ирокезскими націями, которыя едва ли можно отнести къ столь далекому прошлому, какъ 1430 годъ. Если же союзъ возникъ такъ поздно, то ему должны были предшествовать первыя встрѣчи съ бѣлыми. Были ли это — столкновенія мирнаго или воинственнаго характера, во всякомъ случаѣ, они должны были оказать существенное вліяніе на самое возникновеніе мысли о союзѣ, и эта мысль, безъ сомнѣнія, выразилась бы иначе при чисто индѣйскихъ условіяхъ.

Точно также воззрѣніе, которое распространяли относительно цѣлей союза, дѣлаетъ слишкомъ много чести начальникамъ, вступившимъ между собою въ соглашеніе. Мысль, будто лига стремилась вообще уничтожить войны и водворить вѣчный миръ между всѣми индѣйцами, такъ рѣзко противорѣчитъ всей исторіи ирокезскаго племени и до, и послѣ заключенія союза, что здѣсь, очевидно, кроется недоразумѣніе. Въ преувеличенномъ способѣ выраженія индѣйцевъ, употребленномъ при формулировкѣ акта союза, можно усмотрѣть лишь желаніе уладить слишкомъ частыя столкновенія, которыя раньше всегда бывали между мелкими племенами ирокезовъ. Но даже съ такимъ ограниченіемъ союзъ „пяти націй“ все еще сохраняетъ громадное значеніе и обезпечиваетъ Гайяватѣ, начальнику онондаговъ, который считается душою объединенія, такое-же выдающееся мѣсто въ исторіи, какое создано ему въ литературѣ безсмертной поэмой Лонгфелло. Во всей исторіи американскихъ народовъ, не исключая и культурныхъ, нѣтъ другого примѣра, чтобы у туземцевъ возникала мысль прочно подчинить высшимъ соображеніямъ чувство независимости, преувеличенное у нихъ до необузданности (ср. стр. 220 и 233). Союзы между родственными по племени народами мы встрѣчаемъ и среди мексиканцевъ; но основаніе ихъ не такъ понятно, какъ лига ирокезовъ и, кромѣ того, они не отличались тою же прочностью и даже приблизительно не оказали такого вліянія на судьбы націи. Для ирокезовъ дѣяніе начальниковъ племени, полное самоотверженія, имѣло то послѣдствіе, что они сохранили преобладаніе надъ сосѣдними націями до самаго паденія ихъ подъ напоромъ бѣлаго человѣка. И если въ настоящее время націи ирокезовъ, вошедшія въ составъ союза, представляютъ наивысшій процентъ среди туземцевъ, которые не только не стерты европейской культурою, а, наоборотъ, сумѣли примириться съ нею и даже стать, благодаря этой культурѣ, достойными гражданами современнаго государства, то, въ концѣ концовъ, они обязаны этимъ прозорливости своихъ предковъ: основаніемъ союза послѣдніе положили фундаментъ политическаго строя, который далъ имъ превосходство надъ туземцами и вызвалъ уваженіе и вниманіе со стороны новыхъ переселенцевъ.

Когда народы ирокезскаго происхожденія начали распространяться къ югу, что̀ случилось, какъ мы упоминали, лишь въ послѣдніе вѣка до открытія Америки, они пришли въ столкновеніе и вмѣшались въ войны не съ одними только алгонкинами. Еще другое племя было вытѣснено иро-

козами изъ своего прежняго мѣстообитанія и вынуждено искать новыя земли. То были народности изъ племени сіусовъ или дакотовъ, которыя, правда, въ то время для правительства Соединенныхъ Штатовъ не имѣли еще, повидимому, такого значенія, какъ впослѣдствіи. Благодаря лингвистикѣ, историческое изслѣдованіе сдѣлало открытіе, что и эти индѣйцы, знаменитые сопротивленіемъ, которое они оказывали на дальнемъ западѣ переселенцамъ въ теченіе XIX вѣка, жили первоначально на востокъ отъ Аллеганскихъ горъ, въ Виргиніи и Сѣверной Каролинѣ. Лингвистика открыла въ языкѣ индѣйцевъ среднихъ штатовъ, долгое время остававшихся въ тѣни, болѣе архаическія формы того же коренного языка, на новѣйшихъ діалектахъ котораго говорятъ къ западу отъ Миссисипи, въ обширныхъ владѣніяхъ сіусовъ и дакотовъ. Уже на востокѣ націи этой группы были обречены почти исключительно на занятіе охотой и нужно думать, что онѣ никогда серьезно не занимались земледѣліемъ и не имѣли постояннаго мѣстожительства. Въ виду того, мы не можемъ установить связи ихъ съ той или иной областью индѣйцевъ, строившихъ курганы. Въ то же время въ предѣлахъ ихъ позднѣйшихъ мѣстообитаній на западѣ земляныя сооруженія попадаются въ очень скудномъ числѣ и притомъ на границахъ другихъ племенъ; возможно, слѣдовательно, что они не участвовали въ сооруженіи этихъ древнихъ культурныхъ памятниковъ. Народъ подвижныхъ и безпокойныхъ охотниковъ, слабо прикрѣпленный къ землѣ, естественно скорѣе долженъ былъ отступать передъ напоромъ энергическаго врага, чѣмъ земледѣльческіе алгонкины и чирокисы. Были ли у нихъ стычки съ послѣдними въ долинѣ Огайо, этого не видно изъ темнаго преданія, которое сохранилось у племенъ сіусовъ о переселеніи съ востока. Во всякомъ случаѣ, это переселеніе произошло позже отдѣленія чирокисовъ отъ главнаго ствола ирокезовъ. По всей вѣроятности, однако, пути обоихъ народовъ мало соприкасались: племена сіусовъ, спустившись до Бигъ-Сэнди, достигли Огайо лишь въ одномъ мѣстѣ, которое лежало на юго-западной границѣ области распространенія чирокисовъ. Движеніе сіусовъ приняло болѣе медленный темпъ, какъ скоро они очутились внѣ враждебнаго вліянія ирокезовъ. Названія мѣстъ и рѣкъ подтверждаютъ преданіе, что эти племена дѣлали продолжительныя остановки въ различныхъ мѣстахъ долины Огайо, хотя, по всей вѣроятности, это не были окончательныя мѣста осѣдлости; европейцы, слѣдуя внизъ по теченію Огайо, не встрѣчали болѣе по берегамъ его націй этого племени. Въ названіяхъ, которыя были даны соплеменниками различнымъ группамъ, отражается древнее обособленіе выше и ниже рѣки. Однако, де-Сото, пересѣкая поперекъ американскій материкъ, встрѣтилъ лишь по ту сторону Миссисипи націи племени сіусовъ. Это доказываетъ, что все переселеніе народовъ изъ восточныхъ штатовъ до границы области, которую они занимали еще въ XIX столѣтіи, совершилось въ эпоху до Колумба.

Когда первые бѣлые вступили на американскую землю, эта обширная область была еще заселена нѣкоторыми племенами, но о нихъ мы знаемъ безконечно мало. Даже тѣ, добытыя съ величайшими усиліями свѣдѣнія, какія мы имѣемъ о великихъ племенахъ алгонкиновъ, мускогисовъ, ирокезовъ и сіусовъ, такъ скудны, что едва ли мы можемъ назвать ихъ исторіей этихъ племенъ. Ревностныя изслѣдованія, предпринятыя только въ самое послѣднее время на американской почвѣ, откроютъ еще многіе памятники, важные для исторіи, но едва ли когда нибудь наука сумѣетъ возстановить картину доисторической жизни американскихъ индѣйцевъ болѣе, чѣмъ въ отдѣльныхъ крупныхъ чертахъ.

D. Индѣйцы сѣверо-запада.

Если подвигаться съ востока, то, перейдя Скалистыя горы, мы вступаемъ въ область культурнаго развитія, безспорно имѣющаго иной складъ.

Это особенно бросается въ глаза, когда мы переходимъ чрезъ верхнее теченіе Ріо-Гранде и притоки Колорадо изъ территорій охотниковъ за бизонами въ область индѣйцевъ пуэбло. Но при болѣе точномъ изслѣдованіи оказывается, что всѣ народы Тихо-океанскаго побережья до границы области эскимосовъ въ Аляскѣ представляютъ глубокое сходство въ развитіи своихъ нравовъ и что это сходство, не взирая на лингвистическія различія, ставитъ ихъ въ болѣе близкія отношенія между собою, чѣмъ съ восточными сосѣдями ихъ.

Обитатели крайняго сѣверо-запада, тлинкиты, гайдахи и нутки представляютъ почти исключительно рыболовные народы — явленіе далеко не частое на почвѣ Сѣверной Америки. И притомъ, очевидно, они сдѣлались таковыми не подъ давленіемъ окружающей природы, но съ самаго начала развивались въ этомъ направленіи. Въ пользу такого вывода говоритъ то обстоятельство, что, несмотря на сравнительно высокое развитіе племенныхъ особенностей, въ преданіяхъ нѣтъ указаній на какое-либо иное предшествовавшее состояніе. Когда они впервые пришли въ соприкосновеніе съ европейцами, то, независимо отъ постороннихъ вліяній, у нихъ найдено было множество признаковъ культуры, развивавшейся постепенно въ теченіе очень долгаго періода. Они были искусными рыболовами и судостроителями, что̀ не удивительно въ виду господствовавшихъ жизненныхъ условій. Но для древности ихъ культуры и достигнутыхъ ею успѣховъ характерны двѣ вещи: ихъ соціальное расчлененіе и художественныя наклонности.

Подобно нѣкоторымъ восточнымъ индѣйцамъ, сѣверо-западные туземцы придавали главное значеніе не семьѣ, а роду (gens). Поэтому они не жили въ отдѣльныхъ домахъ, а строили для всѣхъ семействъ, принадлежащихъ къ роду, одинъ домъ, но съ подраздѣленіями. Та же общность господствовала и внѣ дома: общая работа и результаты этой работы также общіе. Особенно была развита у нихъ система тотемовъ (ср. выше, стр. 50 и 208), — племенныхъ символовъ, заимствованныхъ изъ міра живыхъ существъ. Члены племени и только они одни поклонялись этимъ символамъ, какъ фетишамъ. Тотемы, безъ сомнѣнія, имѣли извѣстное вліяніе на развитіе художественныхъ стремленій; изображенія родовыхъ фетишей являются одними изъ самыхъ частыхъ выраженій художественнаго вкуса. Иногда они имѣли гигантскіе размѣры, какъ, напримѣръ, деревянныя изображенія предковъ, въ видѣ столбовъ, которые воздвигали гайдахи и беллакулы. При этомъ они пользовались самымъ разнообразнымъ матеріаломъ — деревомъ, камнемъ, костью, но не глиной. Расчлененія племени вели, съ теченіемъ времени, къ образованію болѣе сложныхъ общественныхъ группъ. Почти у всѣхъ индѣйцевъ сѣверо-запада существовало рабство, и при томъ въ наиболѣе рѣзкой формѣ: рабъ признавался вещью господина, и послѣдній былъ властенъ продавать его. Это предполагаетъ уже болѣе высокое развитіе понятій о родѣ, семьѣ и собственности по сравненію съ тѣмъ, какое мы встрѣчаемъ у многихъ другихъ индѣйскихъ народовъ: у этихъ послѣднихъ рабы вербовались почти исключительно изъ военно-плѣнныхъ, которые претерпѣвали мученическую смерть или сливались съ племенами побѣдителей. Въ пользу такого развитія говоритъ болѣе или менѣе обширная торговля, которую вели почти всѣ эти народы (сагаптины странствовали отъ верхней Колумбіи до Миссури); при этомъ они даже пользовались деньгами въ видѣ раковинъ, какъ опредѣленной мѣновой цѣнностью, что̀, повидимому, практиковалось на протяженіи большей части тихоокеанскаго побережья вплоть до границы мексиканскихъ культурныхъ государствъ. Наконецъ, всѣ тихоокеанскія племена были осѣдлы, хотя въ силу климатическихъ условій они или совершенно не знали земледѣлія, или отводили ему лишь второстепенную роль. Способъ ихъ осѣдлости былъ довольно оригиналенъ; они обладали прочными зимними жилищами, построенными изъ камня и земли, въ которыя они постоянно возвращались, а во время

рыбной ловли воздвигали въ различныхъ мѣстахъ временныя лѣтнія жилья. Во всѣхъ этихъ особенностяхъ замѣчается глубокое сходство между индѣйцами сѣверо-американскаго запада (если не считать многочисленныхъ разсѣянныхъ между ними въ средней Калифорніи племенъ съ поразительно низкимъ развитіемъ). Это сходство отнюдь не ограничивается береговыми племенами, живущими рыбною ловлею; безчисленныя точки соприкосновенія связываютъ ихъ и съ земледѣльческими племенами, обитавшими дальше къ югу и востоку. Надо думать, что здѣсь существовали связи, помимо вліянія жизни по сосѣдству при сходныхъ условіяхъ.

E. **Народы пуэбло.**

Къ югу и юго-востоку отъ территоріи сѣверо-западныхъ индѣйцевъ, минуя рядъ мелкихъ племенъ, изъ которыхъ нѣкоторыя стоятъ еще на весьма низкой ступени развитія, мы снова встрѣчаемъ обширную область съ однороднымъ культурнымъ складомъ, которая съ древнѣйшихъ временъ необычайно интересовала изслѣдователей. Это—область индѣйцевъ пуэбло. Остатки этихъ народовъ уцѣлѣли до нашихъ дней при всѣхъ превратностямъ колоніальныхъ войнъ и при такихъ условіяхъ, которыя и теперь еще даютъ возможность изучать сохранившіеся у нихъ слѣды древней культуры. Самыя смѣлыя историческія гипотезы возникали въ связи съ этими народностями. И онѣ, подобно строителямъ кургановъ, образовали въ доисторическое время могущественное и обширное царство съ высокой цивилизаціей. Еще тѣснѣе, чѣмъ въ долинахъ Огайо и Миссисипи, была предполагаемая связь ихъ съ толтеками и ацтеками, представителями культурныхъ государствъ Центральной Америки. Это подтверждало замѣчательнымъ образомъ оригинальное преданіе послѣднихъ.

Когда испанцы, послѣ завоеванія Мексики, стали разспрашивать ацтекскихъ жрецовъ и знатоковъ письменности о доисторической жизни ихъ народа, тѣ могли разсказать имъ слѣдующее. Въ отдаленныя времена они двинулись изъ мѣста Ацтланъ, которое находилось далеко на сѣверѣ у большого озера. Во время своихъ дальнѣйшихъ безконечныхъ странствованій они раздробились на отдѣльныя племена, основали въ различныхъ мѣстахъ временныя поселенія и, наконецъ, остановились у Мексиканскаго озера, чтобы построить здѣсь городъ Теночтитланъ. Это преданіе въ теченіе многихъ вѣковъ служило пищею для фантастическихъ измышленій. Большое озеро, у котораго лежалъ Ацтланъ, являлось будто бы указаніемъ на область Великихъ Озеръ Сѣверной Америки, и одинъ находчивый американецъ назвалъ даже фортомъ Ацтланъ группу земляныхъ сооруженій въ Висконсинѣ. Всѣ сооруженія невыясненнаго культурнаго типа, которыя встрѣчались къ сѣверу отъ границъ Мексиканскаго государства вплоть до области озеръ, принимались за стоянки ацтековъ. Однако, весьма сомнительно, чтобы это преданіе имѣло вообще фактическое основаніе. Что касается направленія распространенія высшей культуры, то въ исторіи народовъ центральной Америки мы натолкнемся на факты, которые трудно согласовать съ ацтекскимъ преданіемъ (см. ниже стр. 252 и слѣд.). Тѣмъ не менѣе, въ этой легендѣ нельзя не видѣть отраженія смутнаго сознанія доисторическаго родства между ацтекскимъ культурнымъ народомъ и сѣверными сосѣдями его, еще не достигнувшими одинаковой высоты цивилизаціи. Полагаютъ, что родство языка съ народами племени нагуа — изъ которыхъ наиболѣе извѣстны мексиканскіе ацтеки — можно прослѣдить до самаго центра страны пуэбло, до группы городовъ, названной испанцами Тусайяномъ и извѣстной теперь подъ именемъ главнаго города Моки. Всѣ эти племена представляютъ неоспоримыя сходства въ образѣ жизни, религіозныхъ представленіяхъ и древнихъ преданіяхъ. Но столь же несомнѣнно и, пожалуй, даже еще важнѣе существованіе

сходныхъ чертъ характера между индѣйцами пуэбло и сѣверными сосѣдями ихъ. Мы приходимъ такимъ образомъ къ выводу, что вся масса народовъ, на протяженіи отъ Аляски и почти до самаго перешейка, состоитъ изъ членовъ одной большой этнической семьи. Правда, отсутствіе всякаго лингвистическаго сходства заставляетъ думать, что эта масса уже въ очень отдаленную эпоху распалась на различныя вѣтви.

Если принять во вниманіе, съ какимъ упорствомъ именно полуцивилизованныя народности держатся всего, что́ имѣетъ связь съ ихъ религіозными представленіями, даже тогда, когда условія, создавшія эти традиціонныя установленія, давнымъ давно исчезли, то тѣмъ болѣе замѣчательно, что именно въ этой области были открыты поразительно сходныя черты между индѣйцами сѣверо-запада и народами пуэбло. На всей территоріи послѣднихъ существуютъ священныя мѣста, на которыхъ совершается большая часть религіозныхъ обрядовъ, тогда какъ другія церемоніи тамъ, по крайней мѣрѣ, подготовляются. Индѣйцы пуэбло называютъ эти мѣста кивами. Испанцы, не понявшіе особенностей ихъ устройства, дали имъ названіе estufa. Архитектура кивы въ существенныхъ чертахъ значительно отличается отъ всѣхъ прочихъ сооруженій индѣйцевъ пуэбло. Кива лежитъ всегда болѣе или менѣе въ сторонѣ отъ тѣсно скученныхъ и громоздящихся другъ надъ другомъ построекъ, изъ которыхъ состоитъ пуэблосъ (деревня). Оригинально, что, по крайней мѣрѣ, часть ея, часто даже вся она, находится ниже поверхности земли, и въ нее приходится спускаться по лѣстницѣ, которая ведетъ отъ входа, сдѣланнаго по срединѣ кровли. Для индѣйцевъ пуэблосовъ кива есть то же самое, что домъ собраній для восточныхъ индѣйцевъ: мужчины сходятся здѣсь для обсужденія общихъ дѣлъ и, главнымъ образомъ, для подготовленія и совершенія своихъ религіозныхъ обрядовъ. Въ пуэблосахъ, населенныхъ индѣйцами, до сихъ поръ еще существуетъ цѣлый рядъ такихъ подземныхъ сборныхъ домовъ, и тамъ, гдѣ миссіонерамъ не удалось еще покончить съ остатками прежнихъ обычаевъ, они служатъ для прежнихъ цѣлей. Если мы будемъ сравнивать эти кивы съ тѣми, которыя встрѣчаются въ развалинахъ древнихъ, давно разрушенныхъ индѣйскихъ городовъ, то оказывается, что вѣка сношеній съ бѣлыми не вызвали почти никакихъ измѣненій въ кивахъ.

Въ обитаемыхъ пуэблосахъ, даже такихъ, которые, по всей вѣроятности, превратились въ развалины прежде, чѣмъ коснулась ихъ нога европейца, кива представляетъ прямоугольное зданіе, но въ развалинахъ встрѣчаются кивы круглой формы и при томъ тѣмъ чаще, чѣмъ древнѣе развалины, хотя всѣ жилыя помѣщенія въ тѣхъ же развалинахъ прямоугольны, а круглыя зданія рѣдко встрѣчаются на всей территоріи пуэблосовъ, за исключеніемъ башенъ. Круглыя кивы несомнѣнно представляютъ болѣе древній типъ. Четырехугольныя кивы выстроены изъ камня до самыхъ балокъ, образующихъ крышу, и тщательно оштукатурены, тогда какъ въ круглыхъ кивахъ каменная стѣна возвышается лишь до трехъ четвертей общей вышины. Остальное пространство выполнено горизонтальными слоями балокъ, какъ въ блокгаузахъ, типъ которыхъ піонеры запада позаимствовали у индѣйцевъ (ср. выше стр. 211). Во всякомъ случаѣ, эта форма кивъ представляетъ воспоминаніе о времени, когда индѣйцы пуэбло не были еще такими искусными строителями, какими они сдѣлались впослѣдствіи. Опусканіе ихъ ниже уровня земли (этимъ индѣйцы различныхъ странъ старались увеличить вышину своего жилища и вѣрнѣе защитить его отъ стихій) и употребленіе балокъ несомнѣнно указываютъ на иныя условія жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ понятно, что именно въ этихъ зданіяхъ, служившихъ для религіозныхъ обрядовъ и давно забытыхъ самими индѣйцами, должны были сохраниться воспоминанія объ условіяхъ существованія, не оставившихъ почти никакихъ слѣдовъ въ остальныхъ сферахъ жизни.

Особеннаго вниманія заслуживаетъ то обстоятельство, что круглые и четырехугольные дома, отчасти вкопанные въ землю и выложенные каменными плитами, причемъ, по крайней мѣрѣ, въ нѣкоторые изъ нихъ доступъ былъ возможенъ только черезъ отверстіе въ крышѣ, встрѣчаются, какъ жилища, у различныхъ индѣйскихъ народовъ Калифорніи, которые ни по языку, ни въ этнографическомъ отношеніи не стояли въ близкой связи съ индѣйцами пуэбло. Въ то же время мы встрѣчаемъ у тѣхъ же калифорнскихъ племенъ, какъ и у индѣйцевъ пуэбло, религіозныя церемоніи, которыя сопровождались танцами, напоминавшими почти театральныя представленія, и которымъ отводится очень видное мѣсто. Обыкновенно и у тѣхъ, и у другихъ дѣло происходило въ общемъ помѣщеніи, или-же подготовленіе совершалось позади искусно завѣшанной части жилища, послѣ чего всѣ выходили въ общее помѣщеніе. Тѣ и другіе надѣвали въ танцахъ совершенно сходныя маски, напр., въ видѣ змѣи, скелета и проч. Все это, вмѣстѣ взятое, даетъ намъ право предположить у обоихъ народовъ общій запасъ традиціонныхъ представленій, который объясняется не позднѣйшимъ позаимствованіемъ или подражаніемъ, а сводится къ первоначальному родству.

Область индѣйцевъ пуэбло свидѣтельствуетъ въ своихъ древнихъ памятникахъ объ умѣренномъ прогрессивномъ развитіи культуры въ направленіи съ сѣвера на югъ. Каменныя постройки cliff-dwellers (обитателей утесовъ) въ трудно доступныхъ долинахъ рѣкъ, пересѣкающихъ центральное плоскогорье, представляютъ жилища тѣхъ же племенъ, послѣдніе остатки которыхъ, суньисы и мокисы, обитаютъ нынѣ въ пуэблосахъ Циболы и Тусайяна; это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Постепенные переходы между архитектурными формами очевидны. Точно также раскопки ясно доказали связь и послѣдованіе во времена между скалистыми жилищами и постройками домовъ на плоской возвышенности и въ рѣчныхъ долинахъ. Не слѣдуетъ, впрочемъ, упускать изъ виду, что передвиженія индѣйцевъ пуэбло совершались медленно въ виду осѣдлости этихъ племенъ, почти исключительно жившихъ земледѣліемъ. Отъ времени до времени случались даже событія, которыя вызывали обратное движеніе и въ такихъ размѣрахъ, что переселенцы снова возвращались въ давно покинутыя области и водворялись въ жилищахъ, успѣвшихъ отчасти превратиться въ развалины. Преданія нынѣшнихъ индѣйцевъ пуэбло сообщаютъ о подобныхъ явленіяхъ, происходившихъ уже послѣ первыхъ встрѣчъ ихъ съ испанцами, около середины XVI столѣтія. Но если самые сѣверные свидѣтели культуры пуэбло, пещерныя развалины, говорятъ объ архитектурѣ, нисколько не уступающей той, которая характеризуетъ тщательно выстроенные пуэблосы узкихъ долинъ Чако и Челлея, то другія древности указываютъ на болѣе древній типъ у сѣверныхъ и затѣмъ на позднѣйшій фазисъ развитія у современныхъ индѣйцевъ пуэбло, которые уже съ давнихъ поръ идутъ назадъ.

Гончарное искусство проливаетъ свѣтъ далеко вглубь доисторической жизни этихъ народовъ. Это вовсе не случайность, что племена сѣверной Калифорніи, которыя умѣли такъ искусно обрабатывать дерево и камень и вообще стояли не на самой низшей ступени культурнаго развитія, ничего не знали о гончарныхъ издѣліяхъ. Гончарное искусство появляется лишь съ того момента, когда природа не даетъ болѣе человѣку необходимой воды въ изобиліи, и ему приходится подумать о сохраненіи запасовъ ея. Рыболовные народы довольствуются еще плетенками, которыя легче сдѣлать, и къ тому же природа даетъ имъ годный для этого матеріалъ въ видѣ камыша и ползучихъ водяныхъ растеній. Изъ этого они дѣлали корзины, въ которыхъ могли даже варить рыбу, бросая туда раскаленные камни. Но долго вода не могла держаться въ этихъ сосудахъ, и съ переселеніемъ въ болѣе сухія страны родилась новая потребность.

которая и была удовлетворена изобрѣтеніемъ гончарнаго искусства. Своеобразный способъ, при помощи котораго индѣйцы сѣвера и юга дѣлали горшки изъ безконечной глиняной нити, доказываетъ, что первоначально гончарное производство развилось изъ пряжи и плетенія корзинъ.

Если дальній сѣверо-западъ былъ общей родиною индѣйцевъ Калифорніи и пуэбло, то ясно, что превращеніе послѣднихъ въ народъ горшечниковъ послѣдовало за распаденіемъ на группы. Этотъ періодъ не разысканъ еще въ древностяхъ. Народы пуэбло, даже въ самыхъ древнихъ сѣверныхъ мѣстообитаніяхъ, являются передъ нами уже не только искусными архитекторами, но и горшечниками. Дальнѣйшій прогрессъ мы встрѣчаемъ въ срединныхъ территоріяхъ пуэбло, Чако и Челлеѣ, и наконецъ, высшую степень художественнаго развитія представляетъ Сикіатки (недалеко отъ Моки), разоренная незадолго до прибытія испанцевъ. Это можетъ быть до нѣкоторой степени объяснено. Какъ уже было сказано, народы запада прерываются по ширинѣ Калифорнскаго полуострова націями съ низшею культурою. Слѣды борьбы съ ними встрѣчаются не только на югѣ, въ пещерныхъ жилищахъ и пуэблосахъ горныхъ равнинъ, но и на сѣверѣ, вверхъ до области гайдаховъ, мы встрѣчаемъ жилища, поразительно сходныя съ пуэблосами — доказательство того, что они старались оградить себя отъ напора враждебныхъ племенъ. Это первое нападеніе племенъ атабасковъ или тинне (несмотря на слабо подтвержденное лингвистическое сродство, мы должны признать ихъ за таковыя) дало, вѣроятно, если не первый толчокъ, то во всякомъ случаѣ направленіе будущему движенію къ югу племенъ, которыя мы затѣмъ снова встрѣчаемъ уже у Меса Верде и на рѣкѣ Санъ-Хуанъ.

Предположеніе, что вся область пуэблосовъ, отъ рѣки Манкоса на сѣверѣ до устьевъ Хилы на югѣ, отъ Ріо Пекоса на востокѣ до Колорадо на западѣ, составляла нѣкогда одно государство, столь же несостоятельно, какъ и аналогичная гипотеза относительно области строителей кургановъ. Государственное искусство американскихъ туземцевъ едва ли гдѣ либо въ состояніи было создать и тѣмъ болѣе сохранить въ цѣлости одно обширное государственное образованіе (ср. стр. 214 и 232). По всей вѣроятности, въ области пуэблосовъ, въ теченіе всего періода культурнаго расцвѣта ея, господствовала система мелкихъ общинъ, связанныхъ на почвѣ родовыхъ отношеній, которую испанцы застали тамъ при открытіи. Остатки ея не трудно прослѣдить въ преданіяхъ индѣйцевъ пуэбло, хотя здѣсь произошли уже смѣшенія вслѣдствіе сліянія населеній. Эта система коренится въ почвѣ. Первобытное земледѣліе, хотя оно въ хорошій урожай и обезпечивало на 2—3 года, все-таки при тамошнихъ климатическихъ условіяхъ не допускало большого скопленія людей. Правда, въ прежнее время область пуэблосовъ была населена гуще, чѣмъ теперь; но періодъ расцвѣта ея уже прошелъ ко времени перваго вторженія испанцевъ. Если въ древнѣйшихъ описаніяхъ и говорится о 70 или 71 большихъ и маленькихъ городахъ индѣйцевъ пуэбло, то всѣ они, безъ исключенія, принадлежатъ южной и восточной части области пуэблосовъ, которая и теперь еще отчасти населена потомками древнихъ туземцевъ. Наоборотъ, средняя и сѣверная области, въ которыхъ найдены наиболѣе совершенныя въ архитектурномъ отношеніи постройки, были, повидимому, уже въ то время оставлены и превращены въ развалины. Быть можетъ, нѣкоторые изъ южныхъ пуэблосовъ не существовали еще въ то время, когда были построены и обитаемы болѣе сѣверные. Но то обстоятельство, что послѣдніе стоятъ выше другихъ и въ техническомъ отношеніи, безусловно доказываетъ, что южные народы представляютъ уже начало упадка, и притомъ какъ качественнаго, очевиднаго для насъ, такъ и количественнаго. Если высшее развитіе культуры и продолжается иногда еще послѣ начавшагося упадка націи, то оно никогда не предшествуетъ высшей точкѣ матеріальнаго развитія.

Недружелюбныя отношенія и столкновенія мелкихъ общинъ оказали роковое вліяніе на ходъ исторіи индѣйцевъ пуэбло. Поводомъ къ этому постоянно служили внѣшнія условія, ограниченная площадь годныхъ къ обработкѣ земель и недостаточное количество влаги, такъ какъ только при полномъ утилизированіи этихъ факторовъ почва даетъ жатву, земля становится обитаемою. Эти внѣшнія условія имѣли такое же значеніе для развитія культуры пуэблосовъ, какъ и для обитателей Перу, которымъ приходится бороться съ такими же климатическими трудностями. Поэтому мы находимъ и здѣсь, и тамъ замѣчательныя по техническому совершенству и обширности сооруженія для *искусственнаго орошенія* и распредѣленія воды. Кромѣ того, по аналогіи съ перуанскими условіями и принимая во вниманіе существующіе нравы нынѣшнихъ народовъ пуэбло, мы должны предположить, что у древнихъ предковъ ихъ было тщательно разработано и охранялось водяное право. На непрестанную борьбу съ сухостью указываютъ не только воспоминанія нынѣшнихъ индѣйцевъ, не только развалины древнихъ построекъ: зависимость отъ оплодотворяющей влаги составляетъ столь выдающуюся черту во всей замѣчательно развитой религіозной системѣ этихъ народовъ, что, по всей вѣроятности, климатическія условія тогда мало чѣмъ отличались отъ нынѣшнихъ. Правда, раскопки иногда открывали въ развалинахъ или по близости ихъ существованіе древнихъ водопроводовъ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ достаточно было небольшихъ работъ, чтобы съ удаленіемъ песку и обломковъ значительно повысить продуктивность источниковъ. Но очевидно, народъ, все существованіе котораго зависѣло отъ накопленія оплодотворяющей влаги, долженъ былъ оставить слѣды всѣхъ работъ, которые увеличиваютъ количество ея. И это дѣйствительно подтверждается найденными искусственными водохранилищами и аналогичными сооруженіями.

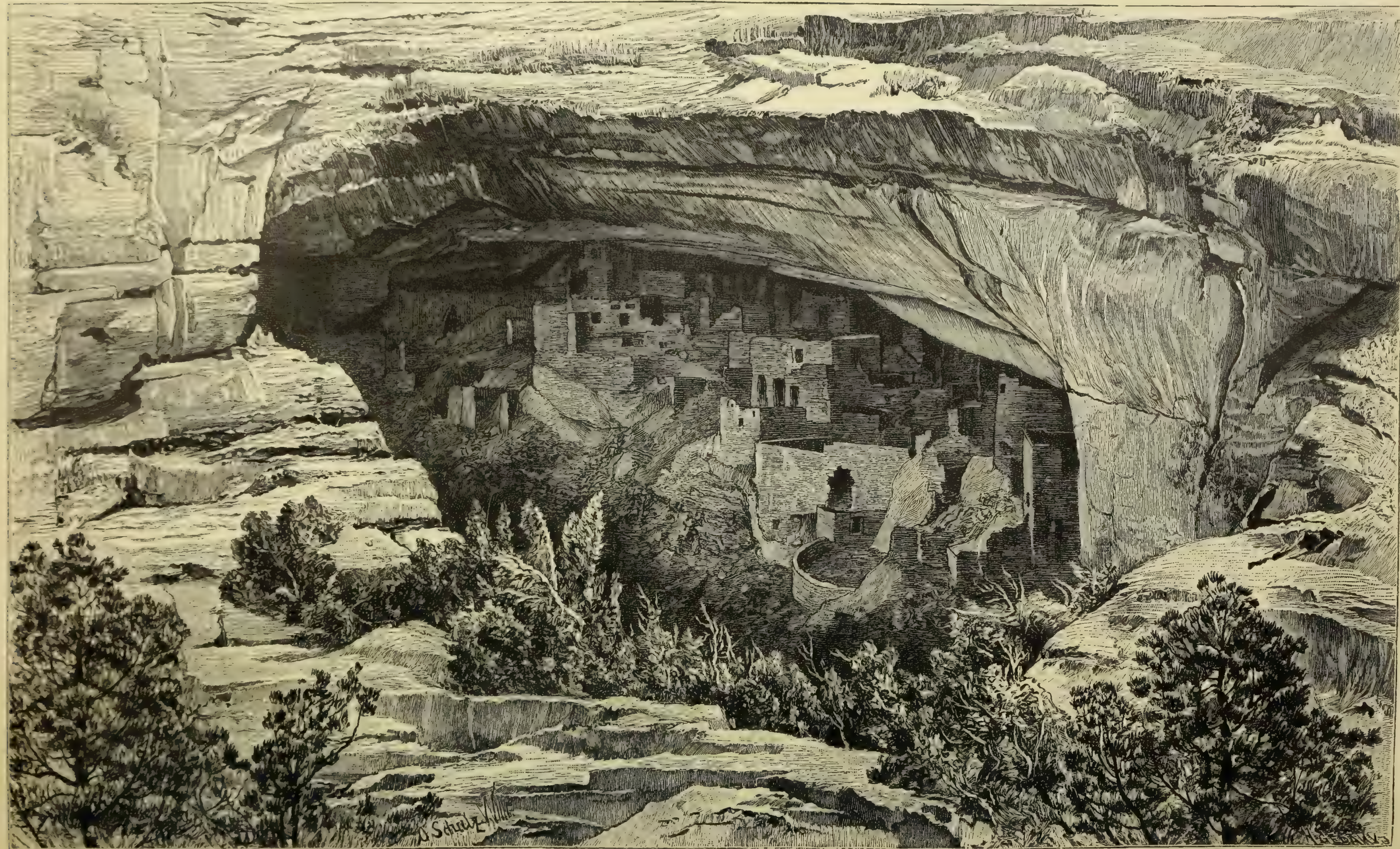
Тѣмъ не менѣе, было бы ошибочно видѣть единственный поводъ къ *переселеніямъ* народовъ пуэбло въ измѣнчивости запасовъ воды, такъ какъ эти переселенія совершались не изъ сухихъ мѣстностей въ болѣе благопріятныя, а наоборотъ, изъ лѣсистыхъ странъ далѣе въ глубь песчаныхъ степей. Если было только предположеніемъ, что толчкомъ къ переселенію индѣйцевъ пуэбло на югъ послужило вторженіе дикарей центральной Калифорніи, то едва ли можно сомнѣваться, что натискъ враждебныхъ народностей далъ дальнѣйшее направленіе этимъ переселеніямъ. Правда, величественныя развалины въ долинахъ Чако и Челлея не всегда были пригодны для продолжительной обороны; но это доказываетъ только, что во времена сооруженія этихъ построекъ давленіе враждебнаго населенія еще не достигло ихъ. Не трудно объяснить себѣ это, если допустить, что названныя постройки, и въ числѣ ихъ довольно многочисленныя пещерныя постройки, возникли въ такое время, когда надежнымъ оплотомъ отъ хищническихъ набѣговъ дикарей являлись болѣе сѣверныя поселенія, хорошо защищенныя; въ особенности замѣчательны въ этомъ отношеніи многочисленныя и обширныя пещерныя жилища по берегамъ Ріо-Манкоса и другихъ сѣверныхъ притоковъ Санъ-Хуана.

Въ силу нашихъ европейскихъ понятій мы весьма склонны представлять себѣ *пещерныхъ обитателей* людьми, стоящими на самой низкой ступени культуры. Это, однако, вовсе не примѣнимо къ обитателямъ утесовъ сѣверо-американскаго запада. То былъ осѣдлый народъ, который жилъ почти только однимъ земледѣліемъ и дошелъ до прирученія домашнихъ животныхъ; въ плетеніи корзинъ, ткачествѣ и гончарномъ искусствѣ онъ превосходилъ почти всѣ сосѣдніе народы. Подобно мексиканцамъ, онъ славился изготовленіемъ художественныхъ, украшенныхъ перьями тканей, которыя вызывали крайнее изумленіе у европейцевъ. Гончарныя работы его, по чистотѣ и простотѣ формъ, а равно по украшеніямъ, нисколько не уступали произведеніямъ его сосѣдей.

Но въ одномъ искусствѣ индѣйцы пуэбло стояли выше всѣхъ народовъ сѣвернаго материка, даже ацтековъ (одни только майясы, и то лишь отчасти, составляютъ исключеніе)—въ строительномъ искусствѣ. Нельзя считать грубымъ, первобытнымъ народомъ тотъ, который въ состояніи былъ воздвигать постройки въ самыхъ скалахъ, вродѣ дворца, открытаго Густавомъ Норденшёльдомъ въ боковой долинѣ Манкоса (см. таблицу „Скалистый дворецъ въ Канонѣ этого наименованія въ юго-западномъ Колорадо"). Если и нельзя еще причислить подобный народъ къ культурнымъ народамъ, то, во всякомъ случаѣ, онъ былъ близокъ къ нимъ. Конечно, природа съ своей стороны сдѣлала все, чтобы создать въ этой полосѣ страны образцовыхъ строителей. Ущелья большинства рѣкъ сѣверо-западной плоской возвышенности окаймлены пластами песчаника различной степени плотности, которые даютъ туземцу въ руки матеріалъ, почти самъ собою принимающій любую форму. Большею частью, эта порода распадается на куски подъ вліяніемъ однихъ атмосферныхъ факторовъ, и требуется незначительная обработка, чтобы сдѣлать ихъ годными для постройки домовъ. Наиболѣе грубыя постройки, которыя можно встрѣтить также возлѣ скалистаго дворца, производились. вѣроятно, путемъ простого наслоенія камней, выбранныхъ для этой цѣли; но сохранились лишь немногіе слѣды такихъ болѣе простыхъ работъ. Большею частью, матеріалъ обработанъ весьма тщательно: ему приданы соотвѣтственныя формы, слои его скрѣплены при помощи мало замѣтнаго, но достаточно прочнаго связующаго вещества, и каждая скважина такъ хорошо задѣлана мелкими камнями, что постройки снаружи не только вѣками сопротивлялись вліяніямъ непогоды, но и теперь еще представляются крѣпкими и гладкими.

Помимо того, строительное искусство индѣйцевъ пуэбло отличается еще двумя особенностями, въ которыхъ могутъ сравниться съ ними лишь немногіе народы Новаго Свѣта: это — кладка матеріала въ видѣ слоевъ одинаковой величины, прототипомъ которой, быть можетъ, служили для нихъ длинные пласты каменныхъ породъ въ долинахъ ихъ родины, и скрещиваніе пазовъ, искусство, котораго не знали даже архитекторы майясовъ Чиченъ-Итцы. Это искусство предполагаетъ, конечно, долгое упражненіе; но слѣдовъ развитія его мы не въ состояніи уловить. Нѣтъ сомнѣнія, что развитію строительныхъ знаній индѣйцевъ пуэбло, помимо естественныхъ вспомогательныхъ средствъ, чрезвычайно способствовали переселенія. Устраивая новую колонію, они могли съ самаго начала воспользоваться опытомъ, накопившимся въ теченіе предшествовавшаго строительнаго періода. Но здѣсь не принимаются въ разсчетъ переселенія съ сѣвера на югъ, вѣроятно, происходившія въ историческое время. Наоборотъ, постройки въ сѣверной и средней области пуэбло, какъ, напр., скалистый дворецъ и развалины Кинтиля, Пуэбло-Бонито и Нутріи въ долинѣ Чако представляютъ, кромѣ слѣдовъ болѣе глубокой древности, высшее развитіе искусства пуэбло. Новѣйшія поселенія въ той же области и далѣе къ югу построены хуже и болѣе спѣшно, что́ едва ли можетъ быть объяснено недостаткомъ матеріала. Поэтому остается лишь предположить, что эти постройки были возведены въ то время, когда наступилъ неблагопріятный поворотъ въ условіяхъ жизни индѣйцевъ пуэбло. И такъ какъ онѣ все еще принадлежатъ времени, предшествовавшему открытію испанцами, то мы снова приходимъ къ заключенію, что эпоха расцвѣта народовъ пуэбло уже миновала въ XVI столѣтіи.

Отсюда вытекаетъ дальнѣйшій выводъ, что переселенія индѣйцевъ пуэбло не могутъ быть признаны добровольными. Исходя изъ современныхъ понятій о способахъ веденія войны и примѣняя ихъ къ древнимъ временамъ, пришли къ предположенію, что городскія поселенія пуэбло обладали слишкомъ слабыми оборонительными средствами и даже не пытались защищаться. Однако, если взглянуть на оружіе, нападенія и



 Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Скалистый дворецъ („Cliff-Palast") въ Каньонѣ этого наименованія, въ юго-западномъ Колорадо.

(По сочиненію Г. Норденшёльда, „The Cliff Dwellers of Mesa Verde".)

обороны индѣйцевъ пуэбло, которое, во всякомъ случаѣ, свидѣтельствуетъ о высшемъ культурномъ развитіи ихъ сравнительно съ противниками, то оказывается, что въ то время было достаточно даже весьма примитивныхъ оборонительныхъ средствъ. Войны индѣйцевъ между собою во всѣ времена заключались въ неожиданномъ нападеніи. Здѣсь едва ли можетъ быть рѣчь о войнахъ, продолжавшихся хотя бы нѣсколько дней, и тѣмъ болѣе объ искусственномъ отрѣзываніи необходимыхъ средствъ къ жизни, особенно воды, которое сдѣлалось опаснымъ оружіемъ лишь съ усовершенствованіемъ военной техники. Нападенія противника довольствовались непосредственной, легко переносимой добычей и случайными плѣнными, преимущественно женскаго пола или юнаго возраста. Безъ сомнѣнія, въ этихъ битвахъ врагъ старался испортить и жатву индѣйцевъ пуэбло, но собирать готовую жатву было бы слишкомъ хлопотливо при тѣхъ средствахъ, которыми располагали эти первобытные народы. Хищническій апачъ или навахосъ предоставлялъ это самимъ индѣйцамъ пуэбло и предпочиталъ брать готовый урожай въ самомъ домѣ, чѣмъ собирать его съ поля. Но противъ внезапнаго нападенія представляли достаточную защиту даже тѣ дома пуэбло, которые располагались не въ недоступныхъ пещерахъ ущелій или на краяхъ плоскогорій, а на плоской мѣстности рѣчныхъ долинъ или въ равнинахъ. Массивность построекъ ставила всегда въ опасность большое число обитателей въ одно и то же время; слѣдовательно, въ каждую минуту было на лицо достаточное число ихъ для общей защиты. Помимо того, болѣе древнія пуэбло еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ нынѣшнія, построены замкнуто: съ наружной стороны возвышается сплошная стѣна въ нѣсколько этажей вышиною, по серединѣ находится дворъ, изъ котораго террасами поднимаются этажи. Такимъ образомъ, доступъ къ этому двору въ большинствѣ случаевъ не трудно было заградить. Кромѣ того, нижній этажъ не имѣлъ прямо выхода во дворъ, и въ жилища обитателей можно было проникнуть лишь съ первой площадки, на которую взбирались по лѣстницамъ. Нужно полагать, что съ теченіемъ времени противники также изощрились въ борьбѣ. И такъ какъ опасность ихъ нападеній и численность ихъ росли, тогда какъ сила защитниковъ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій падала, то въ концѣ концовъ болѣе сильные и закаленные сыны пустыни должны были побѣдить индѣйцевъ пуэбло, болѣе слабыхъ въ физическомъ отношеніи, благодаря осѣдлому образу жизни. Но здѣсь имѣли рѣшающее значеніе именно эти условія, а никакъ не бо́льшая или меньшая оборонительная готовность построекъ пуэбло.

Такъ должны мы представлять себѣ борьбу, которая мало по малу уничтожила культуру народовъ пуэбло на значительномъ пространствѣ древней территоріи ихъ. Они были окружены съ сѣвера и востока индѣйскими народами, принадлежавшими къ самымъ дикимъ и хищническимъ на всемъ материкѣ. Апачи и навахосы еще въ нашемъ столѣтіи наводили ужасъ на англо-саксонскихъ піонеровъ запада, и націи того же происхожденія окружали съ различныхъ сторонъ область пуэбло. Испанцы, еще при первомъ вступленіи своемъ въ эту область, слышали о непримиримой враждѣ между индѣйцами пуэбло и сосѣдями, и побуждаемые состраданіемъ сами втянулись въ эту борьбу. Подобно тому, какъ въ историческую эпоху миролюбивые обитатели пуэбло вели безпрерывныя войны противъ набѣговъ хищниковъ прерій, также, безъ сомнѣнія, и предки ихъ боролись за существованіе съ предками этихъ же хищниковъ.

Сходство формъ тѣла и нѣкоторыхъ сторонъ въ образѣ жизни между современными навахосами и сѣверными индѣйцами пуэбло дало поводъ къ заключенію, что первые находятся въ родствѣ съ пуэбло сами и вовсе не такъ враждебны имъ, что нѣкогда они сами жили на территоріи пуэбло и только подъ вліяніемъ непріятельскихъ притѣсненій превратились въ бродя-

чій разбойничій народъ. Но если это и вѣрно, то культура пуэблосовъ была уничтожена если не навахосами, то другими враждебными сосѣдями. Съ прошлаго столѣтія, впрочемъ, навахосы занимаются земледѣліемъ, правда, въ ограниченныхъ размѣрахъ. Далѣе извѣстно, что изъ всѣхъ индѣйцевъ запада они имѣютъ самыя большія стада лошадей и овецъ, и что ихъ жены умѣли ткать изъ овечьей шерсти чрезвычайно красивые разноцвѣтные ковры. Всѣ эти завоеванія, однако, принадлежатъ эпохѣ, послѣдовавшей за встрѣчей съ бѣлымъ человѣкомъ. Притомъ у навахосовъ культурныя занятія находятся, главнымъ образомъ, въ рукахъ ихъ женъ, тогда какъ у индѣйцевъ пуэбло главное бремя обработки земли лежитъ на мужчинахъ. Тѣмъ не менѣе, источникомъ этого женскаго элемента въ культурѣ все-таки являются индѣйцы пуэбло: жены ихъ, взятыя въ плѣнъ во время нападеній, были первыми учителями навахосовъ. Этимъ смѣшеніемъ объясняется также физическое родство расъ и дается простое объясненіе сходнымъ признакамъ въ языкѣ.

Есть еще одинъ пунктъ въ древней исторіи народовъ пуэбло, о которомъ слѣдуетъ упомянуть: это — отношенія къ ихъ южнымъ сосѣдямъ, культурнымъ народамъ Мексики. Говоря выше о движеніи культуры пуэблосовъ съ сѣвера на югъ, мы оставляли пока безъ вниманія цѣлую группу развалинъ пуэбло, именно самую южную. Но еще первые испанцы, которые проникли изъ Мексики въ страну пуэбло, обратили вниманіе на множество развалинъ въ бассейнѣ Хилы, самаго южнаго притока Колорадо. То были остатки значительныхъ поселеній, носящіе несомнѣнные признаки построекъ пуэбло, хотя среди нихъ онѣ образуютъ какъ бы самостоятельную группу. Долина Хилы не давала своимъ обитателямъ того удобнаго строительнаго матеріала, благодаря которому индѣйцы пуэбло, населявшіе верхнія части равнины, сдѣлались такими превосходными строителями. Поэтому развалины по рѣкѣ Хилѣ и прилегающимъ къ ней долинамъ отличаются примѣнявшимся матеріаломъ: это былъ родъ кирпичей изъ глины съ примѣсью растительныхъ частей и высушенныхъ на воздухѣ. Этотъ матеріалъ, извѣстный на большомъ пространствѣ подъ испанскимъ именемъ adobe, былъ въ употребленіи въ историческую эпоху и до сихъ поръ часто примѣняется. Въ остальномъ мы имѣемъ передъ собою постройки, совершенно напоминающія племена пуэбло; это — города, состоящіе изъ одной сплошной массы домовъ или собственно комнатъ. Поднимаясь ярусами одна надъ другою, эти комнаты окружаютъ внутренній дворъ. И здѣсь точно также этажи идутъ съ внутренней стороны террасами, тогда какъ снаружи возвышается, большею частью, вертикальная стѣна въ нѣсколько этажей. Слѣдовательно, мы видимъ тѣ же каменные города, съ какими мы познакомились на сѣверѣ, отъ пещерныхъ сооруженій Санъ-Хуана до открытыхъ мѣстечекъ мокисовъ и суньисовъ. Очевидно, эти постройки были дѣломъ рукъ народовъ, родственныхъ тѣмъ, которымъ принадлежатъ болѣе сѣверныя сооруженія.

Испанцы застали уже эти города необитаемыми и въ развалинахъ въ то время, когда многія пуэбло срединной области были еще обитаемы. Поэтому нужно думать, что они принадлежатъ болѣе раннему періоду, чѣмъ нѣкоторые изъ каменныхъ пуэбло. Однако, это не есть еще возраженіе противъ сѣверно-южнаго развитія вообще культуры пуэблосовъ. Народъ, которому принадлежатъ развалины въ долинѣ Хилы, въ большинствѣ случаевъ извѣстныя подъ названіемъ Casas Grandes, безъ сомнѣнія, не здѣсь прошелъ школу строительнаго искусства. Матеріалъ, обладающій сравнительно слабой сопротивляемостью атмосфернымъ вліяніямъ, былъ вообще непригоденъ для возведенія высокихъ полыхъ построекъ. Въ развалинахъ по рѣкѣ Хилѣ можно усмотрѣть лишь стремленіе перенести архитектурныя формы, сдѣлавшіяся мало по малу потребностью народа, и въ такія страны, гдѣ условія были для этого менѣе благопріятны. Народъ,

воздвигавшій эти постройки, отдѣлился отъ племени индѣйцевъ пуэбло уже тогда, когда характеристическая культура послѣдняго достигла полнаго развитія на сѣверѣ, на плоскогоріяхъ песчаниковыхъ горъ. И такъ какъ на югѣ мы не встрѣчаемъ болѣе слѣдовъ той же культуры, то мы должны предположить, что этотъ народъ еще въ доисторическое время снова соединился съ сѣверными соплеменниками своими, побуждаемый къ новой перемѣнѣ мѣстожительства враждебными народами или какими нибудь естественными причинами.

Въ легендахъ индѣйцевъ, поселившихся съ конца прошлаго столѣтія вблизи этихъ развалинъ, эти послѣднія почти всегда называются домами, дворцами, укрѣпленіями Монтесумы. Едва ли мы ошибемся, допустивъ здѣсь отголосокъ неопредѣленнаго воспоминанія о великихъ подвигахъ Монтесумы I Илуикамина. Но хронологически это преданіе — позднѣйшаго происхожденія и сложилось лишь въ эпоху послѣ завоеванія Мексики испанцами. Въ пользу этого можно привести лишь то, что мексико-тенохтитланское царство никогда даже не придвигалось къ этимъ странамъ, и главнымъ образомъ то обстоятельство, что въ предѣлахъ культурнаго круга среднеамериканскихъ государствъ нѣтъ ничего похожаго по стилю на развалины Хилы, а съ другой стороны, въ области пуэбло встрѣчается построекъ, напоминающихъ стиль центральныхъ американцевъ, еще гораздо меньше, чѣмъ, напр., въ области строителей кургановъ. Слѣдуетъ считать исторически доказаннымъ, что культурные круги индѣйцевъ пуэбло и народовъ майясовъ и нагуасовъ совершенно исключали другъ друга и не имѣли никакого соприкосновенія, по крайней мѣрѣ, въ тотъ періодъ, когда каждый изъ нихъ выработывалъ свою самостоятельную архитектуру.

По всей вѣроятности, однако, такъ было не всегда. Допустимъ, что легенды о первоначальной родинѣ въ дальнемъ Ацтланѣ сѣвера, въ той формѣ, какъ онѣ дошли до испанцевъ, обнимаютъ лишь сравнительно небольшой и не особенно древній періодъ переселеній различныхъ націй племени нагуасовъ. Но этимъ не исключается то, что въ самую древнюю эпоху вплоть до территоріи Мексики жили племена, находившіяся въ расовомъ родствѣ со всѣми прочими націями, обитавшими на тихо-океанскомъ побережьи Сѣверной Америки. Въ пользу этого говорятъ не только сходныя на большомъ протяженіи лингвистическія черты, но въ особенности общія религіозныя представленія и нравы: они слишкомъ своеобразны, для того, чтобы можно было допустить одновременное самостоятельное развитіе ихъ въ различныхъ мѣстахъ.

Поклоненіе въ одно и то же время солнцу и огню свойственно первобытнымъ народамъ всѣхъ странъ и всѣхъ временъ и существованіе его у различныхъ племенъ не даетъ еще права заключать о родствѣ даже въ томъ случаѣ, если оно не совсѣмъ одинаково примѣняется у другихъ сосѣднихъ племенъ. Но, съ другой стороны, весьма замѣчательно, что какъ у индѣйцевъ пуэбло, такъ и у культурныхъ народовъ средней Америки черезъ опредѣленные промежутки времени должны были гаситься огни на всей территоріи племени. Затѣмъ, въ одномъ какомъ-нибудь мѣстѣ, съ сложными религіозными обрядами, извѣстные жрецы тренiемъ двухъ палокъ добывали новый огонь, и гонцы быстро разносили его по отдѣльнымъ очагамъ. Другое, общее тѣмъ же народамъ характерное религіозное представленіе есть представленіе о пернатой змѣѣ. Не говоря уже о томъ, что въ самой природѣ не существовало первообраза для представленія подобнаго рода, змѣя часто является въ легендахъ американскихъ народовъ однимъ изъ опаснѣйшихъ враговъ человѣческаго рода. Наоборотъ, въ культурномъ кругѣ центральныхъ американцевъ пернатая змѣя есть воплощеніе боговъ, отъ которыхъ исходятъ всѣ благодѣянія культуры. У индѣйцевъ пуэбло она точно также находится въ тѣсномъ

соотношеніи къ божествамъ оплодотворяющей влаги, которая вмѣщаетъ въ себѣ понятія о добрѣ всякаго рода. Рядомъ съ этимъ существуетъ и много другихъ точекъ соприкосновенія. Укажемъ еще на одну параллель нерелигіознаго характера. Перья, въ особенности тропическихъ птицъ, обладающихъ роскошными красками, или орла, въ которомъ видятъ символъ силы, у всѣхъ первобытныхъ народовъ играли большую роль среди украшеній. Но лишь въ немногихъ мѣстахъ земли первобытное ткацкое искусство старается подражать перистому одѣянію, которое украшаетъ и защищаетъ птицу. Народы мексиканскаго государства развили именно въ этомъ направленіи техническое совершенство, какое еще нигдѣ и никѣмъ не достигалось. Тѣмъ болѣе замѣчательно, что изъ всѣхъ американскихъ народностей одни лишь индѣйцы пуэбло обладаютъ аналогичной техникой, правда, гораздо болѣе примитивной. Мы не можемъ отнести это завоеваніе къ сравнительно позднему періоду прогрессивнаго развитія ихъ, такъ какъ искусство это замѣчено у нихъ еще въ то время, когда они были наиболѣе далеки отъ мексиканской границы и жили на сѣверной окраинѣ своей области, въ скалистыхъ пещерахъ долины Манкоса, гдѣ они впервые выступаютъ, какъ изготовители характерныхъ архаическихъ глиняныхъ издѣлій.

Возможно, что подобныя явленія представляютъ слѣды первобытной связи, давно уже исчезнувшей въ эпоху появленія отдѣльныхъ народныхъ группъ на исторической сценѣ. Если упомянутыя культурныя представленія и составляютъ специфическую особенность мексиканскаго народа, то первоначально они были выработаны не имъ, а болѣе древнимъ культурнымъ народомъ; отъ послѣдняго народы нагуасовъ вообще заимствовали почти все хорошее въ области культуры, что̀ прославило ихъ на обширномъ пространствѣ. Интересно отмѣтить, что аналогичное сочетаніе поклоненія огню съ многими нравами и представленіями, свойственными индѣйцамъ пуэбло, встрѣчается еще у одного народа на востокѣ сѣверной Америки, именно у криковъ, принадлежащихъ къ племени мускогисовъ, переселенія которыхъ, поскольку мы можемъ говорить о нихъ, указываютъ на западную родину.

Индѣйцы пуэбло завершаютъ собою кругъ первобытныхъ народовъ, „не имѣющихъ исторіи“.

2. Среднеамериканскій культурный кругъ.

A. Свойство территоріи центральной Америки.

На Панамскомъ перешейкѣ Кордильеры, этотъ спинной хребетъ Американскаго материка, на столько опускаются ниже уровня моря, что лишь высшія точки ихъ нѣсколько поднимаются надъ волнами въ видѣ узкой цѣпи холмовъ. Но уже на разстояніи нѣсколькихъ часовъ къ сѣверу они снова представляютъ изъ себя мощный хребетъ. Область, принадлежащая нынѣ Сѣверной Панамѣ и Костарикѣ, представляетъ горную страну, высшія точки которой лежатъ выше 2000 м. надъ уровнемъ моря. Правда, горы тамъ еще не тянутся къ сѣверу непрерывною цѣпью. Лагуны Никарагуа и перешеекъ Тегуантепека расположены очень низко и, повидимому, даже въ большей мѣрѣ, чѣмъ самое узкое мѣсто материка, составляли настоящую грань между народами сѣверной и южной половинъ материка. Между ними находится единственное мѣсто, гдѣ центральная Америка дѣлаетъ попытку расшириться на подобіе материка, какъ мы это видимъ на востокѣ обѣихъ обширныхъ половинъ континента. Но полуостровъ Юкатанъ, который расположенъ впереди плоскогорья Гватемалы, въ видѣ холмистой страны, густо поросшей лѣсами, лишенъ системы боль-

шихъ рѣкъ, и только положенію между Кампешской бухтою и Гондурасскимъ заливомъ онъ обязанъ своимъ замѣчательно благопріятнымъ климатомъ.

По ту сторону Тегуантепека сѣверный материкъ начинаетъ расширяться; но еще на протяженіи почти десяти градусовъ широты онъ образуется все болѣе и болѣе расширяющимися Кордильерами, которыя у восточной и западной подошвы сопровождаются узкой полосою побережья, а самыя горы выполняютъ всю массу материка. На этомъ основанъ своеобразный характеръ мексиканскаго климата. Несмотря на то, что вся область старой Мексики лежитъ еще въ предѣлахъ тропиковъ, собственно тропическая температура господствуетъ только на побережьи и, на ряду съ преимуществами роскошно распустившейся природы, создаетъ и невыгоды опаснаго климата. Наоборотъ, большая масса страны образуется плоскогорьемъ, которое лежитъ достаточно высоко надъ моремъ, чтобы избѣжать опасностей маляріи и въ то же время не настолько высоко, чтобы перестать удовлетворять человѣка и награждать его трудъ съ избыткомъ: это страна почти вѣчной весны, которая щедрой рукою осыпаетъ человѣка своими благами. Самыя горы смѣло и гордо поднимаются въ область вѣчнаго снѣга, который съ вершинъ Попокатепетля и Орисабы освѣщаетъ вѣчную весну у подошвы его.

Въ непосредственномъ сосѣдствѣ этихъ крайнихъ вершинъ Кордильеры раздѣляются на восточный и западный хребты. Между ними тянется возвышенность, орошаемая многочисленными озерами — мексиканская возвышенность. Пространство ея не велико, но плодородіе необычайно. Здѣсь разыгрался драматическій эпилогъ древне-американской культуры.

B. Исторія древней культуры Средней Америки.

Страна отъ озера Никарагуа до сѣверной окраины мексиканской долины была мѣстомъ одной изъ древнѣйшихъ культуръ Новаго Свѣта. Опредѣлить съ точностью хронологическія границы ея въ прошломъ пока невозможно и едва ли удастся даже тогда, когда мы сумѣемъ заставить говорить неразгаданные памятники, которые теперь молча глядятъ на насъ сверху, точно непонятыя загадки. Неправы тѣ, кто, исходя изъ понятія о „новомъ“ Свѣтѣ, считаютъ эту культуру сравнительно молодою; но столь же неправы и другіе, полагающіе, что расцвѣтъ ея относится къ эпохѣ, отстоящей отъ насъ болѣе, чѣмъ на 11,000 лѣтъ назадъ. Туземные писатели, которые составили исторію среднеамериканскихъ народовъ въ первое столѣтіе послѣ завоеванія, опираясь на древнія преданія и изображенія, относятъ эту исторію къ послѣднимъ вѣкамъ до Р. Х.; но указанія ихъ расходятся между собою и не внушаютъ довѣрія. Ряды правителей, которые мы можемъ возстановить по изображеніямъ, принадлежащимъ эпохѣ до Колумба, въ согласіи съ испанскими описаніями и источниками Нагуатля, обнимаютъ у многихъ отдѣльныхъ государствъ эпоху лѣтъ за 700—800 до открытія. Но они вмѣстѣ съ тѣмъ свидѣтельствуютъ почти объ однородномъ культурномъ состояніи даже въ болѣе древнія времена и, во всякомъ случаѣ, не достигаютъ самой ранней границы, которую мы вправѣ приписать исторіи этихъ народовъ.

Ближе къ истинѣ приводятъ насъ хронологическія указанія, которыя мы въ состояніи получить на основаніи памятниковъ культуры майясовъ. Майясы вели счисленіе, какъ мы привыкли вести его отъ Рождества Христова, — отъ строго опредѣленнаго момента прошлаго. Вполнѣ точно установленъ не только годъ, но даже день, съ котораго начинается ихъ лѣтосчисленіе. Въ переводѣ на нашъ способъ счисленія это было 28 іюня года, отстоявшаго болѣе, чѣмъ на 3750 лѣтъ отъ сооруженія памятниковъ, откуда заимствованы эти указанія времени. Къ сожалѣнію, это

не даетъ намъ вѣрной точки опоры для опредѣленія времени. Намъ неизвѣстенъ, во-первыхъ, въ переводѣ на наше лѣтосчисленіе, періодъ происхожденія упомянутыхъ надписей. Затѣмъ мы не въ состояніи судить — былъ ли названный день дальняго прошлаго дѣйствительнымъ событіемъ въ исторіи народа, или же онъ — результатъ вычисленій и предположеній вродѣ, напримѣръ, еврейскаго лѣтосчисленія, которое исходитъ отъ сотворенія міра. Мы должны, слѣдовательно, постараться инымъ путемъ дойти до древнѣйшей исторіи этихъ культурныхъ народовъ. Памятники ихъ, которые устояли противъ всѣхъ невзгодъ въ теченіе вѣковъ, представляютъ, быть можетъ, менѣе точный, но зато болѣе богатый и разнообразный источникъ для выводовъ.

Подъ вліяніемъ яркихъ описаній царства Монтесумы, оставленныхъ намъ испанскими завоевателями, культурный кругъ народовъ центральной Америки въ теченіе многихъ вѣковъ называли мексиканскимъ. Въ этомъ кроется, однако, большая историческая несправедливость. Мексиканцы или, употребляя болѣе правильное этнографическое обозначеніе, ацтеки Мексико-Теноxтитлана не были ни основателями, ни даже самыми выдающимися представителями этого культурнаго круга. Наименованіе его ихъ именемъ объясняется тѣмъ случайнымъ обстоятельствомъ, что въ моментъ, когда испанцы проникли въ эти страны, руководящую роль среди тамошнихъ народностей съ нѣкотораго времени играли мексиканцы. Но даже сами ацтеки сознавали, что ихъ культура досталась имъ въ наслѣдство отъ другихъ, а не добыта самостоятельно, и то же самое слѣдуетъ изъ описаній туземныхъ историковъ. Но эти описанія такъ туманны и нерѣдко ошибочны, что на основаніи однихъ этихъ указаній едва ли когда либо удалось бы возстановить истину. Подойти къ ней ближе сдѣлалось возможнымъ лишь послѣ открытія остатковъ другого, болѣе древняго культурнаго народа съ высшимъ развитіемъ и послѣ того, какъ научились понимать языкъ ихъ памятниковъ. Это началось лишь съ конца прошлаго вѣка. И теперь еще мы едва на половину ознакомились и использовали этотъ чрезвычайно важный историческій матеріалъ.

Главная причина этого поздняго ознакомленія кроется въ томъ, что до новѣйшаго времени историческое изслѣдованіе находилось на ложномъ пути. Начало такихъ ошибокъ и распространеніе ихъ лежитъ на отвѣтственности двухъ великихъ фантазеровъ, испанско-индѣйскаго историка Д. Фернандо-де-Альба Иштлишошитля и французскаго миссіонера и писателя аббата Брассёра де-Бурбуръ. Первый изъ нихъ написалъ въ послѣднія десятилѣтія XVI вѣка цѣлый рядъ историческихъ трактатовъ о странахъ древней Мексики, опираясь на обширныя работы, какъ въ области туземной древне-индѣйской письменности, такъ и въ сферѣ западной гуманистической науки его времени. Въ нихъ онъ обстоятельно разсказываетъ о судьбахъ будто бы древнѣйшаго культурнаго народа центральной Америки толтековъ и сводитъ всѣ элементы духовнаго прогресса древнихъ народностей центральной Америки почти исключительно къ цивилизаторскому вліянію этого народа. Такой взглядъ получилъ чрезвычайно обширное распространеніе. Только съ открытіемъ вновь развалинъ древнихъ городовъ явился новый матеріалъ для изслѣдованія, который необычайно воодушевилъ юнаго французскаго миссіонера Брассёра, случайно натолкнувшагося на мѣста этихъ древнихъ культуръ. Онъ ревностно сталъ собирать древности центральной Америки, не обладая, однако, основательной исторической и лингвистической подготовкою, и въ теченіе короткаго времени обнародовалъ рядъ изслѣдованій. Онъ не удовлетворился тѣмъ, что объявилъ народъ толтековъ носителемъ всей древне-американской культуры, но, предполагая въ немъ таинственную связь съ культурами Индіи и Египта, поставилъ его на такой пьедесталъ мудрости, до которой едва ли доходили современные ему народы.

Американистика еще юная наука. Тѣмъ не менѣе, однимъ изъ первыхъ результатовъ примѣненія историко-критическаго метода къ древней исторіи центральной Америки было то, что фантазіи аббата Брассёра де-Бурбуръ развѣялись и традиція о всесильномъ цивилизаторскомъ вліяніи народа толтековъ была значительно поколеблена. Два факта установлены теперь непоколебимо. Среди многочисленныхъ народовъ и государствъ, которые, быстро смѣняя другъ друга, играли роль на плоской возвышенности Анагуака, около конца перваго тысячелѣтія послѣ Р. Х. существовали государство и рядъ государей, которые получили названіе толтековъ отъ главнаго города Толланъ или Тула и упоминаются почти во всѣхъ древнихъ туземныхъ источникахъ. Отдѣльные историческіе факты, передаваемые о нихъ, чрезвычайно скудны; мы еще вернемся къ нимъ въ исторіи Анагуака (см. ниже стр. 268). Ни древность ихъ, ни положеніе въ средѣ другихъ народовъ не даютъ намъ основанія видѣть въ этомъ скоропреходящемъ государствѣ и представителяхъ его творцовъ или даже главныхъ носителей культуры, которая своими памятниками справедливо вызываетъ изумленіе и уваженіе потомства. Маленькое государство толтековъ лежало далеко отъ мѣста этой культуры, и народъ, получившій отъ нея свое имя, входилъ въ составъ многочисленныхъ другихъ народовъ, говорившихъ на языкѣ нагуатль, къ которымъ принадлежали и ацтеки Мексико-Тенохтитлана. Наоборотъ, произведенія древнѣйшей и чрезвычайно высокой культуры несомнѣнно носятъ признаки происхожденія отъ другой расы.

Это приводитъ насъ ко второму, неопровержимо установленному историческому факту. Не подлежитъ сомнѣнію, что для всей центральной Америки существовала одна культурная область. Основы ея и большая часть построеннаго на нихъ развитія принадлежатъ весьма отдаленной эпохѣ. Та особая культура, которую мы встрѣчаемъ во всей средней Америкѣ, существовала уже, со всѣми ея чертами, раньше, чѣмъ народы племени нагуасовъ вообще проникли съ сѣвера въ область средне-американскаго культурнаго круга и, во всякомъ случаѣ, раньше, чѣмъ наступило настолько тѣсное соприкосновеніе между народами этой культуры и народами племени нагуасовъ, чтобы могла быть рѣчь о взаимномъ вліяніи. Но если древняя культура создана не племенемъ нагуасовъ, то и толтеки, принадлежащіе къ этому племени, не могли быть творцами ея. Такъ рушится вся легенда о толтекахъ, которые такъ долго играли большую роль въ древнѣйшей исторіи Америки.

а) Майясы.

Народности, которымъ центральная Америка обязана высокимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальнымъ развитіемъ своей культуры, принадлежатъ къ племени майясовъ. Въ настоящее время подъ названіемъ индѣйцевъ-майясовъ обыкновенно подразумѣваютъ лишь туземцевъ полуострова Юкатана, и это ограниченіе было принято почти съ самой эпохи открытія. Вслѣдствіе того, полуостровъ Юкатанъ нѣкоторое время дѣйствительно признавали колыбелью этой культуры. Но это ошибочно. Въ научномъ смыслѣ подъ именемъ племенъ майясовъ понимаютъ всѣ народности, которыя говорятъ на опредѣленномъ языкѣ, замѣтно отличающемся отъ языка нагуасовъ. Самый чистый діалектъ его есть нарѣчіе майя въ тѣсномъ смыслѣ, но на различныхъ нарѣчіяхъ этого языка говорятъ на всемъ протяженіи странъ между Кордильерами и Атлантическимъ океаномъ, отъ перешейка Тегуантепека до Никарагуа. Если не первоначальною родиною, то, по крайней мѣрѣ, мѣстопребываніемъ народовъ майя, которые развили своеобразную культуру своего племени до высшей степени, мы должны признать богатыя тропическія страны, идущія отъ подошвы Кор-

дильеръ до залива Табаско и орошаемы рѣками Усумасинта и Ріо де ла Пасіонъ: оно соотвѣтствуетъ приблизительно провинціи Чіапасъ республики Мексики и пограничнымъ частямъ маленькихъ республикъ центральной Америки.

Написать исторію древнихъ народовъ майя пока еще совершенно невозможно. Преданія объ ихъ прошломъ, собранныя, благодаря испанцамъ, слишкомъ недостаточны и гораздо болѣе скудны сравнительно съ тѣмъ, что̀ мы знаемъ объ исторіи ихъ сѣверныхъ сосѣдей. Даже здѣсь и въ немногихъ историческихъ текстахъ на языкѣ майясовъ традиціи народа являются въ искаженномъ видѣ. Подобно тому, какъ въ политическомъ отношеніи нагуасы не только тѣснили и вытѣсняли майясовъ, но до нѣкоторой степени смѣшались съ ними и поглотили ихъ, такъ и въ историческихъ записяхъ имѣются почти несомнѣнныя отраженія преданій болѣе могущественнаго сосѣдняго народа. При томъ эти записи въ своей исторической части идутъ не далѣе одного или двухъ столѣтій назадъ. Хронологическіе регистры агау (періодовъ), обнимающихъ болѣе значительные промежутки времени, къ сожалѣнію, касаются лишь Юкатана, который мы должны признать, по внутреннимъ причинамъ, провинціей, сравнительно поздно завоеванной культурою майясовъ. Такимъ образомъ, почти единственнымъ источникомъ древнѣйшей исторіи являются дошедшіе до насъ памятники культуры майясовъ. Правда, эти памятники чрезвычайно содержательны и потому имѣютъ громадное значеніе.

При завоеваніи мексиканскаго царства испанцы были до такой степени ослѣплены этой страною, которая, казалось имъ, еще находилась въ полномъ расцвѣтѣ силъ, что вначалѣ все вниманіе ихъ было поглощено ею, тогда какъ пограничныя государства, Тласкала и Тескуко, остались почти не замѣченными. Неудивительно поэтому, что они ничего не сообщаютъ намъ о памятникахъ древняго царства майясовъ, скрытыхъ въ безконечныхъ лѣсахъ, хотя эти памятники по своему величію далеко превосходили все, что̀ могло представить царство Монтесумы. Въ то время, какъ въ самой странѣ ацтековъ сохранилось почти только одно большое сооруженіе монументальнаго характера (развалины Шочикалько), въ древнихъ майясскихъ городахъ Чіапаса и сосѣднихъ областей разсѣяны сотни храмовъ и дворцовъ.

Даже позднѣе, когда испанцы на полуостровѣ Юкатанѣ пришли въ болѣе тѣсное соприкосновеніе съ народами майясовъ и, по крайней мѣрѣ, ознакомились съ первоначальнымъ назначеніемъ нѣкоторыхъ изъ ихъ интересныхъ сооруженій, они все еще не вполнѣ понимали значеніе послѣднихъ. Почва Мексики заключала для нихъ безконечныя сокровища въ то время, какъ храмы майясовъ и страна, превращенная въ садъ ихъ трудолюбіемъ, не представляли ничего, что̀ могло бы возбуждать алчность завоевателя. И лишь послѣ того, какъ пронеслась опустошительная волна завоевательныхъ полчищъ и появились первые братья монашескихъ орденовъ, испанцамъ стало ясно, какіе важные памятники прошлаго скрываетъ въ своихъ нѣдрахъ этотъ народъ, нынѣ столь незамѣтный. Здѣсь они нашли то, чего не встрѣчали болѣе нигдѣ на протяженіи всего вновь открытаго материка — народъ, который сумѣлъ увѣковѣчить свои мысли въ письменахъ.

Письменность майясовъ (см. табл. „Листъ изъ дрезденской рукописи майясовъ“) до сихъ поръ еще является одною изъ интереснѣйшихъ проблемъ американистскаго изслѣдованія. Первые испанскіе монахи въ Юкатанѣ настолько освоились съ нею, что не только могли читать ее, но даже съ нѣкоторыми ограниченіями писать ея письменами; но съ теченіемъ времени знаніе это совершенно утратилось, и теперь даже самые выдающіеся американисты не могутъ столковаться относительно того, къ какой системѣ слѣдуетъ отнести письмо майясовъ. Впрочемъ, этотъ споръ до

(Съ оригинала Королевской Публичной Библіотеки въ Дрезденѣ.)

Листъ изъ Дрезденской Майясской рукописи.

36-й листъ Дрезденской Майясской рукописи представляетъ въ трехъ частяхъ своихъ отрывокъ такъ называемаго tonalamatl, священнаго періода въ 260 дней, который начинается на предыдущемъ и оканчивается на слѣдующемъ листѣ. Эти часто встрѣчающіеся въ рукописяхъ tonalamatl приводились въ качествѣ пророчествъ. Поэтому они разлагались на опредѣленные промежутки, обозначавшіеся цифрами; точка означаетъ 1, черта — 5. Пункты времени, опредѣленные дни въ 13-дневной недѣли обозначены красной краской, а промежуточное время — черной. Первые мы отмѣчаемъ римскими, а послѣднее — арабскими цифрами. Такъ мы видимъ на верху: 17 V 5 X 1 XI
въ срединѣ: 6 V 9 I 4 V
внизу: 10 XI 15 XIII 9 IX

Въ нижнемъ отдѣлѣ къ краснымъ цифрамъ прибавлены еще опредѣленные дни 20-дневнаго періода, съ которыми они совпадаютъ (дни men, oc и cauac).

Къ каждому изъ 9-ти пунктовъ времени относится миѳологическое изображеніе, а къ каждому изображенію четыре гіероглифа. Изображенія мы обозначаемъ 1 2 3, гіероглифы 1 2
4 5 6 3 4
7 8 9

Въ изображеніяхъ главное лицо бога Кукульканъ - Кетцалькоатля нарисовано съ хоботомъ тапира и языкомъ змѣи; Шельгасъ, въ своихъ „Божественныхъ изображеніяхъ Майясскихъ рукописей" (Дрезденъ, 1897) обозначаетъ его буквою B. Мы видимъ его голову, переходящую въ тѣло змѣи, подъ льющимся дождемъ на рисункѣ 1; на 3 онъ входитъ, держа въ каждой рукѣ зажженый факелъ; на 5 онъ перевозитъ женщину по водѣ на челнокѣ съ восточной стороны; на 7 онъ идетъ съ топоромъ (индѣйскимъ machete); на 8 онъ стоитъ въ водѣ и смотритъ вверхъ на облако, откуда идетъ дождь; на 9 онъ сидитъ, удалившись въ лиственную хижину пустынника, чтобы съ помощью поста пріобрѣсти силы для новыхъ подвиговъ. На 2 молніеносное животное низвергается съ пламенемъ изъ небесныхъ знаковъ на землю. На 4-мъ мы видимъ богиню, голова которой переходитъ въ шею и голову птицы, держащей въ клювѣ рыбу; на это изображеніе сверху падаетъ дождь. Изображеніе 6 представляетъ коршуна, миѳологическаго cozcaquauhtli ацтековъ, борющагося со змѣею, обычнымъ символомъ времени. Вывести какіе либо опредѣленные факты изъ этихъ изображеній, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще не оказалось возможнымъ.

И гіероглифы представляютъ болѣе загадокъ, чѣмъ точныхъ указаній; кромѣ того, они отчасти уничтожены въ изображеніяхъ 1 и 2. Съ наибольшею увѣренностью мы находимъ здѣсь извѣстный знакъ Кукулькана: при изображеніи 3, знакъ 3, при изображеніи 7—9, знакъ 2 и подробнѣе при изображеніи 5, знакъ 2. Богиня изображенія 5 обозначается своимъ знакомъ 1, коршунъ изображенія 6 своимъ знакомъ 2.

Знакъ божества сѣвера и ночи, согласно Шельгасу, выступаетъ въ 4 гіероглифѣ изображенія 6. Сложный, часто встрѣчающійся знакъ kan-imix есть 4 знакъ 1 изображенія; Эрнстъ Фёрстеманъ видѣлъ въ немъ знакъ пиршества. День и ночь (kin-akbal) мы видимъ при изображеніи 5 на 3, при изображеніи 8 на 4 мѣстѣ. 4 гіероглифъ при изображеніи 3, повидимому (согласно тому же авторитету въ области Майясскихъ изслѣдованій), касается религіознаго обычая прободенія ушей. Необъясненными остаются цифра 8 въ 4 гіероглифѣ 4 изображенія, повторяющіеся гіероглифы 1 на изображеніи 7, 8 и 9 и мн. др.

Исторія человѣчества. I. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Листъ изъ дрезденской рукописи племени Майя.

(Съ оригинала Королевской Публичной Библіотеки въ Дрезденѣ.)

извѣстной степени праздный; испанскіе священники, которые могли выучиться этому письму непосредственно у туземцевъ, категорически подтвердили звуковой характеръ его. Сравненіе съ письменностью народовъ нагуа, которые, вѣроятно, научились первымъ началамъ письма отъ майясовъ, съ перваго взгляда показываетъ, что письмо нагуасовъ стояло далеко позади письма майясовъ (см. табл. „Листъ изъ вѣнской нагуаской рукописи сапотекскаго происхожденія"). Но такъ какъ и они выработали уже приблизительно звуковой методъ для писанія собственныхъ именъ, то всѣ попытки свести письмо майясовъ къ идеографическому или чисто іероглифическому письму, вѣроятно, въ концѣ концовъ, окажутся несостоятельными. Съ другой стороны, едва ли не менѣе ошибочно стремленіе открыть алфавитъ для этого письма, который, повидимому, пытались создать испанскіе священники XVI столѣтія изъ извѣстныхъ элементовъ древняго письма майясовъ для пользованія имъ при обученіи догматамъ христіанства.

Пока лишь удалось выяснить числовую систему майясовъ. Для изображенія чиселъ у нихъ имѣется всего четыре знака: точка для единицы, горизонтальная черта для 5 и два условныхъ знака для 20 и 0. Эти числовые знаки сами по себѣ не производятъ особеннаго впечатлѣнія, и въ этомъ отношеніи майясы, повидимому, стоятъ ниже нѣкоторыхъ древнѣйшихъ и новѣйшихъ народовъ, письменность которыхъ располагаетъ бо̀льшимъ числомъ знаковъ и притомъ высшихъ. Однако, съ тѣхъ поръ какъ узнали, сколь остроумно майясы изображали при помощи этихъ немногихъ знаковъ (знакъ для 20 даже при этомъ не примѣнялся) числа до многихъ милліоновъ, справедливо прониклись большимъ уваженіемъ къ ихъ изобрѣтательности. Въ числовой системѣ майясовъ, какъ и въ нашей, мѣсто, занимаемое числовымъ знакомъ, опредѣляетъ и значеніе его, съ той лишь разницей, что числа располагаются у нихъ не въ горизонтальномъ, а въ вертикальномъ порядкѣ, и что они употребляли не десятичный, а другой множитель. Самое нижнее число имѣло простое значеніе, второе, четвертое и число каждаго слѣдующаго ряда имѣло значеніе въ двадцать разъ больше предъидущаго, тогда какъ третій рядъ, по соображеніямъ, вытекающимъ изъ календарной системы майясовъ, былъ только въ восемнадцать разъ больше второго. Такая система писанія чиселъ, не имѣющая предѣловъ, ставитъ майясовъ выше не только всѣхъ народовъ Америки, но даже грековъ и римлянъ.

Можно было съ увѣренностью ожидать, что этотъ народъ изобрѣлъ и какой-нибудь остроумный способъ для писанія словъ. И дѣйствительно, красивые знаки ихъ рукописей, яркія изображенія ихъ надписей въ лапидарномъ стилѣ потверждаютъ это, хотя они и непонятны для насъ. Тѣмъ не менѣе, и теперь уже письмо является цѣннымъ вспомогательнымъ средствомъ для изслѣдованія: это — единственный критерій, при помощи котораго мы въ состояніи строго разграничить культурныя области народовъ майясовъ и нагуасовъ, связанныхъ безчисленными переходными ступенями и взаимными воздѣйствіями. Хотя мексиканцы также выработали іероглифическую систему письма, которая общепонятно изображала, по крайней мѣрѣ, конкретные предметы, но оно было сравнительно гораздо тяжеловѣснѣе: достаточно взглянуть на рукопись или внимательнѣе присмотрѣться къ надписи, вырѣзанной на камнѣ, чтобы сказать, къ какой изъ двухъ культурныхъ областей принадлежали творцы каждаго памятника.

Въ виду непонятности писанныхъ историческихъ источниковъ и туманности устныхъ традицій, добытыхъ испанцами, письмо майясовъ является единственнымъ средствомъ установить предѣлы области, которая въ древнія времена была подчинена цивилизаторскому вліянію ихъ культуры. Здѣсь слѣдуетъ указать на одно весьма важное обстоятельство: народы племени майясовъ чрезвычайно охотно украшали свои сооруженія, скульптурныя произведенія и даже гончарныя издѣлія не только болѣе или менѣе обильными фигурными изображеніями, но, по крайней мѣрѣ, въ древнее время

и надписями, нерѣдко довольно объемистыми. Благодаря прежде всего этимъ надписямъ, мы можемъ открыть истинныхъ строителей даже тѣхъ сооруженій, которыя носятъ несомнѣнный характеръ заимствованія архитектурнаго стиля майясовъ, и съ другой стороны, признать дѣломъ рукъ майясовъ нѣкоторые памятники, которые найдены за предѣлами извѣстной области господства ихъ.

Число культурныхъ мѣстъ народа майясовъ, скрытыхъ въ видѣ развалинъ въ непроходимыхъ лѣсахъ Чіапаса, Гондураса, Юкатана и проч., и теперь еще увеличивается изъ года въ годъ и проливаетъ все болѣе свѣта на жизнь этого культурнаго народа, почти совершенно исчезнувшаго. Отъ времени до времени какая нибудь новая неожиданная находка расширяетъ въ томъ или другомъ направленіи извѣстную до сихъ поръ сферу культуры майясовъ; но въ общемъ границы ихъ области можно считать уже приблизительно прочно установленными. Сюда прежде всего относится весь полуостровъ Юкатанъ съ многочисленными островами у побережья его, на которыхъ майясы особенно охотно совершали свои религіозные обряды. Къ сѣверо-западу отъ Юкатана область майясовъ тянется не слишкомъ далеко, не далѣе перешейка Тегуантепека. Но, очевидно, именно въ этой области, въ Чіапасѣ, на берегахъ Усумасинты и въ плоскихъ долинахъ многочисленныхъ притоковъ этой рѣки, культура майясовъ не только достигла высшаго своего развитія, но здѣсь была и первоначальная родина ея. Здѣсь находились и находятся развалины знаменитыхъ городовъ Паленке, Окосинго, Менче́ и лишь недавно открытая группа Пьедрасъ Неграсъ. Всѣ онѣ отличаются необычайнымъ изобиліемъ пластическихъ изображеній и обширныхъ надписей. Здѣсь также, повидимому, нужно искать родину самыхъ важныхъ и красивыхъ изъ немногихъ спасенныхъ для потомства рукописей майясовъ, Codex Dresdensis; другія двѣ рукописи, Codex Perezianus въ Парижѣ и Tro-Cortesianus въ Мадридѣ болѣе новаго и, вѣроятно, юкатекскаго происхожденія.

На юго-западѣ Юкатана область майясовъ углубляется далеко въ Кордильеры. И если слѣды этой группы народовъ нигдѣ нельзя прослѣдить до самаго побережья Тихаго океана, то именно только эта узкая береговая полоса и свободна отъ нихъ: вся остальная горная страна до водораздѣла и дальше усѣяна памятниками ихъ пребыванія. Менѣе всего, быть можетъ, установлена южная граница области майясовъ. На атлантическомъ побережьи склоны долины Мотагуа въ Гватемалѣ и Гондурасѣ скрываютъ двѣ наиболѣе знаменитыхъ майясскихъ развалины, Киригуа и Копанъ. Повидимому, вся Гватемала до границы республики Сальвадоръ была нѣкогда обитаема народами племени майясовъ. Но если на сѣверѣ возможно строгое разграниченіе культурныхъ поясовъ, благодаря характеристическимъ признакамъ нагуасскихъ элементовъ, то на югѣ у народовъ сосѣднихъ областей недостаетъ ясно выраженнаго стиля. Поэтому не всегда возможно рѣшить, отъ чего зависятъ сходныя черты: отъ одного лишь сосѣдства съ областью майясовъ или отъ принадлежности въ прошломъ къ этой области. Въ предѣлахъ очерченныхъ границъ область культуры майясовъ обнимаетъ площадь около 7000 квадратныхъ миль (нѣсколько больше Прусскаго королевства), причемъ болѣе половины этого пространства представляетъ слѣды чрезвычайно плотнаго населенія.

Идетъ ли здѣсь рѣчь о нѣкогда существовавшемъ единомъ государствѣ майясовъ? Легко придти къ такому предположенію. Въ преданіяхъ, наполовину миѳологическихъ, наполовину историческихъ, сохранившихся на Юкатанѣ въ нарѣчіяхъ какчикелей и майясовъ, неоднократно упоминается о большомъ царствѣ. Въ одномъ случаѣ это — царство Начанъ, царство большой змѣи, миѳологическаго символа, съ которымъ мы встрѣчаемся на каждомъ шагу во всей области культуры майясовъ. Въ другой легендѣ говорится о царствѣ Шибалбей, съ могучимъ и жестокимъ

властелиномъ, противъ котораго герои легенды съ трудомъ отстаивали свою независимость. Въ обоихъ преданіяхъ старались отыскать историческіе намеки: столицу царства Начана отождествляли съ Паленке, столицу царства Шибалбей съ сапотекской Митлой. Но если бы это и было вѣрно, что̀ еще вопросъ, то отсюда никакимъ образомъ не слѣдуетъ, что эти два царства нѣкогда составляли всю область культуры майясовъ или даже бо̀льшую часть ея. Благодаря раздробленности, составляющей характеристическую черту исторіи древнихъ государствъ центральной Америки, достаточно скромнаго по нашимъ понятіямъ могущества, чтобы дать поводъ къ появленію легенды о сильномъ государствѣ (см. ниже стр. 254). Во всякомъ случаѣ, позднѣйшія историческія отношенія не открываютъ слѣдовъ, которые указывали бы предшествовавшую политическую связь различныхъ мелкихъ княжествъ майясовъ. Предположеніе, что область общей культуры майясовъ издревле распадалась на **рядъ мелкихъ государствъ**, независимыхъ одно отъ другого и часто воевавшихъ между собою, находитъ себѣ подтвержденіе во многихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ.

Самый языкъ майясовъ не только въ настоящее время, но и въ эпоху испанскаго завоеванія распадался на множество **нарѣчій**, которыя такъ сильно отличались другъ отъ друга, что лишь впослѣдствіи монахи, изучавшіе отдѣльныя нарѣчія въ цѣляхъ проповѣди христіанства, узнали принадлежность ихъ къ общему коренному языку, воспоминаніе о которомъ изгладилось даже изъ памяти туземцевъ. Уже по этой причинѣ мы должны отнести распаденіе племени майясовъ къ очень отдаленной эпохѣ и заключить, что отдѣльныя народности жили долгое время, хотя и рядомъ, но обособленно, отчего и произошли различныя майясскія нарѣчія.

Къ такому же результату привело болѣе тщательное изслѣдованіе **памятниковъ** майясовъ. Монументальныя постройки Копана въ Гондурасѣ, Паленке въ Чіапасѣ, Чиченъ-Итцы на сѣверѣ Юкатана и Петена и Тикала на окраинѣ Гватемалы, также, какъ и всѣ постройки, разсѣянныя въ предѣлахъ культурной области майясовъ, безспорно носятъ отпечатокъ однороднаго культурнаго развитія. Тѣмъ не менѣе, болѣе тщательное изученіе ихъ въ подробностяхъ столь же несомнѣнно убѣждаетъ, что всѣ эти постройки отнюдь не принадлежатъ одному и тому же періоду и не настолько сходны между собою, чтобы можно было приписать ихъ одному и тому же народу, одной и той же государственной единицѣ. При такихъ условіяхъ тѣмъ болѣе поражаетъ фактъ, что созданіе письма и пользованіе искусной числовой системой и еще болѣе искусно составленнымъ календаремъ не были достояніемъ одного или немногихъ членовъ этой націи. На возвышенностяхъ Гватемалы, въ Кобанѣ и Чамѣ, съ одной стороны, и въ низменности Усумасинты, съ другой, въ долинѣ Мотагуа, такъ же, какъ и на дальнемъ востокѣ, на островѣ Косумелѣ,—во всѣхъ этихъ мѣстахъ народы племени майясовъ умѣли фиксировать свои преданія въ одной и той же формѣ письма, регулировали свое сложное счисленіе праздниковъ по однимъ и тѣмъ же астрономическимъ законамъ, предполагающимъ безконечно долгое наблюденіе. Словомъ, мы видимъ, что культурныя завоеванія народовъ майя, вызывающія изумленіе и въ своемъ родѣ единственныя во всемъ Новомъ Свѣтѣ, принадлежатъ періоду, который долженъ былъ предшествовать эпохѣ распаденія.

Одно только племя народа майясовъ не принимало участія въ этихъ завоеваніяхъ: то были гуастеки, оттѣсненные къ сѣверо-восточному побережью Мексики, къ устьямъ рѣки Папуко. Этотъ фактъ имѣетъ большое значеніе для оцѣнки сказаній о переселеніяхъ нагуасовъ. Въ историческую эпоху гуастеки отдѣлены отъ своихъ южныхъ соплеменниковъ обширною областью съ однороднымъ нагуасскимъ населеніемъ, раздробленнымъ, правда, на множество отдѣльныхъ мелкихъ государствъ. Переселились ли гуастеки въ область нагуасовъ или же переселеніе нагуасовъ

отдѣлило ихъ отъ соплеменниковъ, во всякомъ случаѣ, майясы и нагуасы должны были существовать рядомъ, — хотя и въ видѣ контрастовъ, — уже въ то время, когда культура майясовъ еще не достигла своего высшаго развитія. Въ противномъ случаѣ гуастеки присоединились бы къ культурѣ майясовъ или, окруженные нагуасскими народами, не могли бы отстоять свою самобытность: на низшихъ ступеняхъ культуры она сохраняется только тамъ, гдѣ враждебные сосѣдніе элементы исключаютъ другъ друга.

Пока ключъ къ надписямъ еще не найденъ, мы можемъ судить о состояніяхъ и условіяхъ, въ которыхъ протекала жизнь народовъ въ древнія времена, лишь на основаніи общаго характера городовъ майясовъ и пластическихъ изображеній на постройкахъ. Внѣ полуострова Юкатана до сихъ поръ нигдѣ не удалось доказать связь между государствами майясовъ XVI столѣтія, исторія которыхъ можетъ быть прослѣжена на разстояніи около десяти поколѣній, т. е. двухъ или трехъ вѣковъ, и государствами, центрами которыхъ являются мѣста величественныхъ развалинъ, изслѣдованныя тщательно лишь въ послѣднія десятилѣтія. Нынѣ почти всѣ эти мѣста лежатъ въ сторонѣ отъ путей, по которымъ въ позднѣйшія эпохи происходили сношенія. Они скрыты въ глубинѣ тропическихъ лѣсовъ съ роскошною растительностью, которая таитъ въ себѣ такую мощную первобытную силу, что часто, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ одна экспедиція проложила тропинку къ развалинамъ, слѣдующая группа изслѣдователей находитъ уже все поросшимъ обильнѣйшей растительностью, При такихъ условіяхъ безполезны попытки судить по росту доревьевъ о древности скрытыхъ между ними развалинъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ историческія преданія свидѣтельствуютъ, что многіе изъ этихъ разрушенныхъ городовъ были схоронены подъ тою же могучею тропическою растительностью уже въ то время, когда испанцы впервые случайно открыли ихъ въ XVI столѣтіи. Уже тогда внушительныя постройки, которыми густо усѣяна почва Чіапаса, являлись не только для испанцевъ, но и для самихъ туземцевъ давно умолкнувшими свидѣтелями отдаленнаго прошлаго. Ни историческое преданіе, ни область легендъ не имѣли къ нимъ прямого отношенія. Даже названія этихъ мѣстъ давнымъ давно были преданы забвенію. Обозначенія ихъ, пущенныя въ ходъ въ новѣйшее время, опираются не на древніе источники, но берутъ начало изъ испанскихъ преданій и, быть можетъ, изъ преданій сосѣднихъ одичавшихъ индѣйскихъ племенъ.

Этому не мало способствовала одна своеобразная привычка древнихъ индѣйскихъ народовъ. Такъ какъ названія ихъ городовъ, лицъ и даже боговъ всегда безъ исключенія связывались съ вещественными предметами, то не трудно было изображать ихъ условными и общепонятными іероглифическими письменными знаками, какъ мы это встрѣчаемъ безчисленное множество разъ въ нагуатлакскихъ рукописяхъ. Подобныя письмена понимались далеко за предѣлами ограниченной области происхожденія ихъ. Но далеко не всѣ выражали ихъ въ звукахъ одинаковымъ образомъ. Такъ, напр., тамъ, гдѣ мексиканецъ произносилъ названіе города летучихъ мышей (по всей вѣроятности, тотемистическое обозначеніе маленькаго государства майясовъ, которое еще существовало во время Кортеса) на своемъ языкѣ какъ Синакатанъ, майясы выражали то же понятіе въ звукахъ Тцутугиль, и оба названія и здѣсь, и тамъ, одновременно употреблялись и понимались. Это доказываетъ существованіе тѣсныхъ отношеній между народами майясовъ и нагуасовъ. Но такъ какъ область древнѣйшей культуры майясовъ была уже оставлена ими ко времени открытія, а испанцы предприняли колонизацію страны подъ руководствомъ и при участіи нагуасовъ, то въ области, которая вѣками была средоточіемъ высшей культуры майясовъ и никогда прочно не занималась народами нагуасовъ, мы встрѣчаемъ въ источникахъ почти исключительно названія мѣстъ нагуат-

лакскаго происхожденія. Такъ, развалины Чіапаса имѣютъ почти только нагуатлакскія и испанскія названія, хотя у насъ есть несомнѣнныя доказательства происхожденія ихъ отъ майясовъ, а именно — стиль пластическихъ украшеній и въ особенности многочисленныя надписи, состоящія изъ письменныхъ знаковъ майясовъ.

Судя по размѣрамъ, роскоши и техническому совершенству, нужно полагать, что одинъ пунктъ, если не главный центръ культурнаго развитія этого народа, находился на восточномъ склонѣ Кордильеръ въ Чіапасѣ. Здѣсь на протяженіи отъ подошвы горъ до моря, не въ очень большомъ разстояніи другъ отъ друга, расположены развалины Окосинго, Паленке, Менче и Пьедрасъ Неграсъ. Каждая изъ нихъ представляла, вѣроятно, нѣкогда большой городъ, центръ религіозной и, нужно думать, также политической жизни, вокругъ котораго сосредоточивалось многочисленное населеніе. Отъ всего этого уцѣлѣли почти одни только мѣста храмовъ и, быть можетъ, тотъ или другой дворецъ. Во всякомъ случаѣ, характерная черта всего средне-американскаго культурнаго круга заключается въ томъ, что ему были почти неизвѣстны частныя постройки, тогда какъ обширныя и роскошныя религіозныя сооруженія встрѣчаются въ большомъ числѣ. Отсюда само собою слѣдуетъ, что въ политической жизни древнихъ государствъ майясовъ религіозный элементъ долженъ былъ играть выдающуюся роль. Значеніе его было такъ велико, что, по крайней мѣрѣ, для нѣкоторыхъ майясскихъ государствъ приходится допустить господство касты жрецовъ. Аналогія съ условіями сосѣднихъ странъ и скудные историческіе осадки въ преданіи этому не противорѣчатъ.

Въ сказаніяхъ о переселеніяхъ народовъ центральной Америки — эти сказанія имѣютъ важное значеніе, такъ какъ осѣдлость была сравнительно очень рѣдкимъ явленіемъ даже у тѣхъ народовъ, которые достигли довольно значительнаго культурнаго прогресса, — часто повторяется воззрѣніе, что народности, направляемыя своимъ національнымъ богомъ, странствовали до тѣхъ поръ, пока богъ непосредственно или черезъ своихъ служителей приказывалъ народу остановиться въ томъ или другомъ мѣстѣ и построить ему жилище. Другими словами, это означаетъ господство жрецовъ, которые были въ одно и то же время служителями и намѣстниками божества. Подтвержденіемъ могутъ служить народы историческаго времени, которые управлялись не военачальниками (испанцы давали имъ мало подходящія названія королей и императоровъ), но религіозными верховными главами. Если обратить вниманіе на то, что въ Паленке, Менче и другихъ мѣстахъ развалинъ почти исключительно преобладаютъ сооруженія религіознаго характера, что даже въ пластическихъ изображеніяхъ, находимыхъ въ этихъ храмахъ, представлены почти одни только божества и жрецы (первыя почти всегда съ знаками свѣтской власти, скипетромъ и своеобразнымъ головнымъ украшеніемъ, увѣнчаннымъ роскошными перьями), то мы должны будемъ безусловно признать подобныя же отношенія и въ древнихъ городахъ майясовъ. Возможно, что центры политической власти находились въ другомъ мѣстѣ и оставили по себѣ не столь прочные памятники. Какъ примѣръ, можно бы привести сосѣднія области нагуасовъ, гдѣ Теотіуаканъ и Чолула также были центрами религіозной жизни и украшены болѣе величественными постройками, чѣмъ многія королевскія резиденціи, хотя эти города не имѣли особеннаго отношенія къ политической жизни страны. Но въ отношеніи древнихъ городовъ майясовъ съ ихъ рядами храмовъ нужно замѣтить, что они слишкомъ многочисленны и близко лежатъ одинъ отъ другого, такъ что едва ли между ними оставалось достаточно мѣста для независимыхъ политическихъ центровъ, настолько могущественныхъ, чтобы служить противовѣсомъ такой сильной духовной власти.

Кромѣ того, мы находимъ, по крайней мѣрѣ, въ одномъ изъ этихъ разрушенныхъ городовъ, Паленке и въ окружности его, слѣды, которые

безусловно свидѣтельствуютъ въ то же время и о свѣтскомъ значеніи его. Въ предѣлахъ самыхъ развалинъ открыты сооруженія для отвода воды и распредѣленія ея въ окрестности, и эти сооруженія настолько громадны, что они едва ли имѣли въ виду однѣ лишь храмовыя постройки. Слѣды, которые могъ бы оставить древній индѣйскій городъ, даже большихъ размѣровъ и съ многочисленнымъ населеніемъ, не велики. Простолюдинъ проводилъ бо́льшую часть года вдали отъ города, въ полевыхъ работахъ. Самые памятники древнихъ майясовъ свидѣтельствуютъ о весьма интенсивной обработкѣ обширныхъ пространствъ земли и даже въ іероглифы вошли многіе элементы, относящіеся къ предметамъ земледѣлія. Точно также въ религіи ихъ играютъ выдающуюся роль божества плодородія, украшенныя аттрибутами земледѣлія. Наконецъ, то же самое подтверждаютъ описанія испанцевъ, которые нашли въ обитаемыхъ еще областяхъ повсюду густое населеніе, жившее тщательной обработкою земли. И такъ какъ зима прерывала сельскія работы лишь на короткое время, то вблизи храмовъ населеніе не заботилось о постоянныхъ жилищахъ, которыя оно обыкновенно строило среди своихъ полей. Эти легкія постройки изъ дерева и сучьевъ, изъ соломы и цыновокъ не могли сопротивляться вліянію времени, разрушались и послѣдніе слѣды ихъ разносились потокомъ времени. Въ дѣйствительности, въ глубинѣ лѣсовъ, окружающихъ Паленке, попадаются отдѣльные памятники древности, болѣе или менѣе заросшіе въ теченіе исторической эпохи. Нужно думать, что въ то время, когда Паленке представлялъ цвѣтущій городъ, эти мѣста были обитаемы прилежнымъ земледѣльческимъ неселеніемъ. Служеніе въ храмахъ у народовъ центральной Америки поглощало множество людей, какъ видно изъ цифръ, относящихся къ жизни Мексико-Теночтитлана. Если поэтому храмовыя постройки въ каждомъ изъ древнихъ городовъ майясовъ многочисленны и часто занимаютъ большое пространство, то это вполнѣ согласуется съ преданіями. Вмѣстѣ съ тѣмъ, размѣры и значеніе этихъ построекъ свидѣтельствуютъ о крѣпкой власти господствующей жреческой касты.

Постройки майясовъ, которыя съ нашей точки зрѣнія всегда представляютъ монументальныя сооруженія, возвышались обыкновенно на холмообразномъ фундаментѣ, имѣющемъ многія черты сходства съ курганами (mounds) сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ мѣстность была особенно пригодна, пользовались для этой цѣли естественными холмами, ограничиваясь приспособленіемъ ихъ къ сооружаемой постройкѣ. Но, большею частью, искусственно воздвигались цѣлые холмы или земляныя террасы то изъ грубыхъ и болѣе гладкихъ окатанныхъ камней, то изъ хряща или земли. Въ безчисленныхъ случаяхъ эти курганы, называемые на языкѣ майясовъ Ку, составляютъ все, что́ осталось отъ древней постройки. Въ такихъ случаяхъ приходится допустить, что на холмѣ находился открытый алтарь или стояло зданіе, построенное изъ непрочнаго матеріала и потому безслѣдно исчезнувшаго. Въ Чіапасѣ подобные ку безъ надстроекъ встрѣчаются лишь въ связи съ болѣе массивными сооруженіями. Наоборотъ, въ Юкатанѣ, гдѣ архитектура майясовъ и въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ обнаруживаетъ признаки упадка, безчисленные ку стоятъ или стояли отдѣльно и въ позднѣйшій испанскій періодъ часто являлись единственнымъ остаткомъ древнихъ индѣйскихъ поселеній. Во всѣхъ большихъ храмовыхъ сооруженіяхъ майясовъ мы встрѣчаемъ множество земляныхъ террасъ, которыя расположены въ извѣстномъ параллелизмѣ и часто образуютъ четыре стороны двора, лежащаго ниже. Стороны подобныхъ группъ холмовъ, большею частью, покрыты каменными плитами или гладкой штукатуркой, и самыя террасы служатъ почти всегда фундаментомъ для массивныхъ и нерѣдко громадныхъ сооруженій. У восточной подошвы Кордильеръ и притомъ и въ Чіапасѣ, и на границѣ Гондураса природа дала народамъ майясовъ чисто идеальный матеріалъ для по-

строекъ въ видѣ твердаго песчаника съ небольшою примѣсью глины. Большія глыбы его получались безъ труда, не представляли, благодаря своему умѣренному вѣсу, непреодолимыхъ трудностей для переноски, и обработка ихъ удавалась даже съ помощью тогдашнихъ несовершенныхъ орудій. Несмотря на свою умѣлость, майясы, очевидно, не были еще знакомы съ металлическими орудіями, хотя, повидимому, знали выдѣлку украшеній изъ мѣди.

Для *характеристики архитектуры майясовъ* знаменательно, что они не знали сводовъ и замѣняли ихъ тѣмъ, что постепенно сближали располагаемые одинъ надъ другимъ слои стѣнъ, пока остававшійся промежутокъ не становился настолько узкимъ, что могъ быть закрыть однимъ камнемъ. Но эта форма арки не могла идти дальше извѣстной ширины и не была настолько прочна, чтобы выдерживать очень высокую надстройку; кромѣ того, крыша выходила слишкомъ массивною. Вслѣдствіе того передняя стѣна массы, образовавшей крышу, представляла поверхность, часто на половину бо́льшую, чѣмъ находящійся подъ нею этажъ. Архитекторы майясовъ пользовались ею для украшенія орнаментами. Она пріобрѣла съ теченіемъ времени такое значеніе въ архитектурѣ, что въ наиболѣе совершенныхъ монументальныхъ сооруженіяхъ мы встрѣчаемъ ее нерѣдко одну, безъ массивнаго задняго основанія крыши; она является какъ бы только вывѣскою для украшенія зданія. Такимъ образомъ, зданіе, содержавшее въ дѣйствительности только *одинъ* рядъ комнатъ, часто казалось съ фасада трехэтажнымъ. Только въ нѣкоторыхъ, похожихъ на башни зданіяхъ небольшихъ размѣровъ майясы умѣли возводить этажи непосредственно одинъ надъ другимъ. Во многихъ случаяхъ, однако, они прибѣгали къ другому способу для постройки храмовъ въ два и болѣе этажей: они придавали имъ форму пирамиды.

Уже самый фундаментъ, на которомъ стояли всѣ постройки майясовъ, придавалъ имъ видъ *ступенчатой пирамиды*. Большею частью, зданія начинались, конечно, не на одномъ уровнѣ съ краемъ искусственнаго холма, но вокругъ постройки оставлялся свободный проходъ. Для того, чтобы построить второй этажъ, оставалось лишь съ задней стороны постройки поднять курганъ настолько, чтобы верхняя поверхность его лежала въ одной плоскости съ крышею нижняго этажа. Крыша образовывала тогда передній выступъ, а на почвѣ приподнятаго холма воздвигался второй этажъ, на который вела лѣстница или со стороны фасада, или съ открытой стороны холма. Вообще архитекторы майясовъ, главнымъ образомъ, увеличивали постройки въ ширину, такъ какъ при ихъ средствахъ трудно было возводить высокія и не слишкомъ массивныя надстройки. Непріятное впечатлѣніе широкой и тяжелой крыши маскировалось до нѣкоторой степени богатой орнаментаціей глухихъ стѣнъ и надставками, состоявшими изъ однихъ орнаментовъ.

Смѣлость плана и кропотливая тщательная разработка деталей поражаютъ насъ. Уже самыя постройки исключаютъ предположеніе, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ простымъ нагроможденіемъ матеріала; напротивъ, во всемъ безусловно виденъ единый, точно размѣренный и разсчитанный *планъ*. Еще въ большей степени это можно сказать о скульптурныхъ работахъ, въ особенности сдѣланныхъ изъ камня, которыя часто поднимаются на значительную высоту надъ землею и захватываютъ много метровъ плоскости строенія. Немыслимо допустить, чтобы эта масса рѣзьбы по камню была выполнена уже послѣ того, какъ каменныя глыбы были поставлены на свое мѣсто. Очевидно, отдѣльныя части скульптурной работы были сдѣланы раньше, чѣмъ вошли въ составъ стѣнъ. Такъ какъ рисунки этихъ орнаментовъ въ то же время очень сложны, то, очевидно, требовалось заранѣе все вычислить и распредѣлить, а это, въ свою очередь, предполагаетъ высокоразвитое искусство измѣренія и вычисленія.

Всѣ эти архитектурныя особенности встрѣчаются, правда, съ извѣстными мѣстными оттѣнками, у всѣхъ вообще племенъ майясовъ, которыя оставили намъ болѣе или менѣе значительныя сооруженія. Мы находимъ ихъ не только въ развалинахъ Чіапаса, но точно также въ Гватемалѣ (Тикалъ), въ Гондурасѣ (Копанъ) и въ Юкатанѣ (особенно Ушмалъ и Чиченъ-Итца). Съ другой стороны, пластическія фигуры отличаются въ каждой изъ этихъ областей столь рѣзкими особенностями, что слѣдуетъ поговорить о нихъ въ отдѣльности. Въ развалинахъ городовъ Чіапаса, древнѣйшей культурной области майясовъ, въ пластическихъ изображеніяхъ преобладаетъ рельефъ. Въ одномъ случаѣ, это — рельефъ изъ глины или штукатурки, развившійся изъ гончарнаго искусства. Цѣлый рядъ чрезвычайно интересныхъ образчиковъ его мы находимъ на алтарныхъ плитахъ Паленке. Съ другой стороны, встрѣчается рельефъ по камню, предполагающій болѣе высокую технику; такова знаменитая алтарная плита въ Паленке и роскошная плита изъ тенамита Менче, воспроизведенная на табл.: „Жертвоприношеніе Кукулкану“. Обѣ эти формы, если оставить въ сторонѣ отличія, вытекающія изъ особенностей стиля, вызываютъ въ насъ крайнее изумленіе передъ искусствомъ майясовъ въ смыслѣ замысла рисунка и техническаго совершенства выполненія. Наравнѣ съ ними стоятъ художники въ сосѣднихъ областяхъ нынѣшней республики Гватемалы.

Настоящая горная страна Гватемалы, альтосы, не имѣетъ отношенія къ древнѣйшей культурѣ майясовъ. Правда, въ началѣ XVI столѣтія испанцы еще застали здѣсь независимыя государства майясовъ: кичесовъ, какчикелей и тсутугиловъ; но едва ли можно сомнѣваться, что эти государства образовались только въ послѣдующіе вѣка (ср. ниже стр. 248). Наоборотъ, низменность на востокѣ Гватемалы, на границѣ Юкатана, была обитаема майясами уже въ эпоху культурнаго расцвѣта, и мѣстонахожденія Тикалъ и Петенъ, во всякомъ случаѣ, относятся къ несравненно болѣе раннему періоду развитія, чѣмъ Утатланъ, Ишимчѐ и Синакатанъ, главные города трехъ названныхъ выше царствъ. Деревянныя дощечки съ тонкой скульптурой, перенесенныя изъ развалинъ Тикала въ Базельскій музей, независимо отъ различія матеріала, по характеру изображаемаго и способу выполненія стоятъ наравнѣ съ памятниками Чіапаса. Если не признавать полной независимости каждаго отдѣльнаго мѣстонахожденія древней культуры майясовъ, то остается допустить, что города Чіапаса и нижней Гватемалы находились нѣкогда въ болѣе тѣсныхъ отношеніяхъ между собою, чѣмъ съ остальною областью майясовъ: именно въ этихъ странахъ мѣстами открываются остатки древнихъ дорожныхъ сооруженій временъ майясовъ, тогда какъ далѣе къ югу они становятся рѣже и только въ Юкатанѣ снова появляются въ большемъ числѣ вокругъ опредѣленнаго центра.

Еще болѣе прогрессивный культурный кругъ, притомъ со многими особенностями, образуютъ самыя южныя мѣстонахожденія развалинъ на границѣ Гондураса: Киригуа и Копанъ. Киригуа принимали за одно изъ древнѣйшихъ культурныхъ мѣстъ майясовъ, такъ какъ формы искусства его болѣе грубы и безъ слѣдовъ чуждаго вліянія. Но если онъ древнѣе Копана, болѣе развитаго и, быть можетъ, уже носящаго въ себѣ зародыши упадка, то мы должны признать его болѣе молодымъ сравнительно съ сѣверными поселеніями майясовъ: формы искусства его болѣе развиты, чѣмъ сѣверныя, и находятся въ очень тѣсномъ родствѣ съ формами Копана. Киригуа и Копанъ, если не считать нѣсколькихъ очаговъ въ Юкатанѣ, составляютъ единственныя мѣста, гдѣ искусство майясовъ возвысилось до свободнаго изображенія тѣла, — если не настоящихъ статуй, то, во всякомъ случаѣ, каріатидъ и монументальныхъ колоннъ съ человѣческими изображеніями. Въ Киригуа мы встрѣчаемъ еще немного такихъ колоннъ, но

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Жертвоприношеніе богу майясовъ Кукулкану.

(Съ каменной плиты изъ Менче Тенамита, хранящейся въ Британскомъ Музеѣ въ Лондонѣ.)

Объясненіе картины на оборотѣ.

Рельефъ изъ Британскаго Музея носитъ названіе „Жертвоприношеніе передъ Кукулканомъ“. Передъ богомъ, который украшенъ королевскими знаками, скипетромъ и богатыми перьями приноситъ жертву колѣнопреклоненный верховный жрецъ, котораго отличаетъ роскошное облаченіе и украшеніе изъ перьевъ на головѣ. Жертва заключается въ томъ, что шероховатостями находящейся въ его рукѣ веревки онъ царапаетъ себѣ языкъ, и капли крови стекаютъ на поставленный передъ нимъ жертвенный сосудъ, — единственная форма жертвоприношенія человѣческой крови, которую знали древніе майясы.

Двѣнадцать гіероглифовъ надъ и возлѣ Кукулкана состоятъ каждый, за исключеніемъ перваго слѣва вверху, изъ двухъ расположенныхъ рядомъ частей, слѣдовательно, написаны, повидимому, въ два столбца, какъ на многочисленныхъ памятныхъ колоннахъ майясовъ. Первый и второй гіероглифы означаютъ календарный знакъ, состоящій изъ названій дня и мѣсяца, снабженныхъ каждое числомъ. Къ сожалѣнію, ни эти знаки, ни прочіе гіероглифы не могутъ быть съ точностью разобраны.

въ Копанѣ ихъ уже множество. И нѣтъ сомнѣнія, что онѣ должны были изображать индивидуальныя личности, хотя эти послѣднія почти терялись среди символическихъ и стилистическихъ подробностей. Каждая такая колонна покрыта обширными надписями, которыя въ совокупности еще не разгаданы, но составляютъ весьма цѣнный матеріалъ. Такъ, онѣ раскрыли уже семь періодовъ времени, которые исходятъ отъ упомянутаго выше нормальнаго числа, отстоящаго на 3750 лѣтъ отъ времени сооруженія древнѣйшей изъ этихъ колоннъ. Такимъ образомъ, мы можемъ опредѣлить, по крайней мѣрѣ, минимумъ продолжительности культурнаго расцвѣта Копана, которому эти колонны обязаны своимъ происхожденіемъ. Если считать разницу между древнѣйшимъ и новѣйшимъ числомъ не болѣе 108 лѣтъ, то мы должны будемъ принять, что разрушеніе, упадокъ Копана соотвѣтствуетъ концу этого 108-лѣтняго періода, такъ какъ невѣроятно, чтобы разъ усвоенная привычка воздвигать портретныя статуи была оставлена безъ вѣскихъ соображеній, если бы прежнія условія продолжались. Многаго, правда, этотъ выводъ не даетъ намъ: мы все равно также мало знаемъ о времени паденія Копана и условіяхъ, вызвавшихъ его, какъ и объ аналогичныхъ явленіяхъ въ другихъ государствахъ майясовъ. Когда испанцы появились на материкѣ, Копанъ уже давнымъ давно лежалъ въ развалинахъ въ чащѣ первобытнаго лѣса, окруженный сказочными преданіями. Онъ въ такой степени былъ забытъ, что индѣйцы, сопровождавшіе Кортеса и знакомившіе его со всѣми достопримѣчательностями страны, ни словомъ не упомянули о Копанѣ, хотя путь ихъ лежалъ всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ него.

Такъ какъ почти всѣ монументальныя постройки, найденныя въ области майясовъ, сводятся къ храмамъ, то очевидно, что въ древнемъ быту майясовъ религія должна была играть выдающуюся роль. У нихъ было множество различныхъ боговъ, не говоря уже о мелкихъ фетишахъ или домашнихъ богахъ, называемыхъ здѣсь, какъ и на Антильскихъ островахъ, семесами; каждый домъ имѣлъ своего семеса. Тѣмъ не менѣе, политеизмъ майясовъ въ сравненіи съ другими народами былъ ограниченъ. Число боговъ сведется, вѣроятно, еще къ меньшему, если принять во вниманіе, что различныя дошедшія до насъ названія боговъ суть лишь обозначенія однихъ и тѣхъ же божествъ у различныхъ племенъ майясовъ. Точно также различныя изображенія боговъ на памятникахъ и рукописяхъ отчасти, вѣроятно, соотвѣтствуютъ лишь различнымъ формамъ одной и той же божественной силы. Сознаніе этого внутренняго единства побуждало ихъ разсказывать миссіонерамъ о единомъ, невидимомъ, но стоящемъ надъ всѣми богѣ Гунабку, и полные религіознаго воодушевленія миссіонеры, конечно, видѣли въ этомъ зародышъ ученія о единомъ Богѣ.

Въ богослуженіи и миѳологіи майясовъ Гунабку отступаетъ на задній планъ и главное вниманіе сосредоточиваетъ на себѣ несомнѣнно Солнце. Кукулканъ и Гукуматцъ, вѣроятно, также Итцамна суть лишь различныя обозначенія согрѣвающаго, освѣщающаго и осыпающаго благами Солнца. Какъ солнце на востокѣ поднимается изъ моря, такъ и божество, ему соотвѣтствующее, согласно преданію, пришло къ майясамъ съ востока (см. табл. „Листъ изъ дрезденской рукописи майясовъ"). Оно для нихъ источникъ всѣхъ благъ, физическаго и духовнаго благосостоянія, плодородія и образованія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи божество совершенно уподобляется человѣку: оно является въ образѣ древняго старца съ бородою, въ длинномъ бѣломъ одѣяніи. Подъ именемъ Вотана оно надѣляетъ народъ землею и даетъ названія жилымъ мѣстамъ; подъ именемъ Кабила, красной руки, оно изобрѣтаетъ письмо, учитъ ихъ воздвигать искусныя постройки и создаетъ замѣчательно разработанный календарь. Эта часть миѳа представляетъ несомнѣнно историческое дополненіе къ миѳу о солнцѣ, главному ядру религіозныхъ представленій, и еще разъ

доказываетъ, съ одной стороны, власть духовенства, а съ другой вліяніе его, дѣйствовавшее въ интересахъ культурнаго прогресса.

Представленіе объ этомъ божествѣ чисто натуралистическое, и символическимъ выраженіемъ его является пернатая змѣя (таковъ смыслъ названія Кукулканъ или Гукуматцъ), которая играетъ столь выдающуюся роль въ искусствѣ майясовъ. Это вытекаетъ также изъ поклоненія солнцу. Въ тропическихъ странахъ въ теченіе большей части года солнце каждый полдень собираетъ вокругъ себя облака, изъ которыхъ, при громѣ и молніи, символахъ могущества, падаетъ оплодотворяющій дождь на жаждущую землю. Такъ, и у майясовъ, на возвышенностяхъ центральной Америки, у индѣйцевъ пуэбло и даже у нѣкоторыхъ индѣйскихъ племенъ сѣверо-американской низменности пернатая змѣя, быть можетъ, символъ грозы, является символомъ теплой и влажной, плодотворной силы неба, воплощеніемъ которой всегда служитъ солнце, какъ главное небесное свѣтило. Символъ змѣи и Кетцаля, священной птицы съ роскошными красками перьевъ, принадлежатъ къ аттрибутамъ многихъ божествъ майясовъ. Въ болѣе скромныхъ формахъ они господствовали уже въ религіозныхъ и художественныхъ воззрѣніяхъ майясовъ въ области Тцендаля, преимущественно въ Юкатанѣ и больше всего въ Чиченъ-Итцѣ, и притомъ въ такой степени, что отголоски этого символизма проглядываютъ въ каждомъ отдѣльномъ памятникѣ, каждомъ отдѣльномъ изображеніи.

Дуализмъ Олимпа майясовъ также имѣетъ миѳологически-натуралистическое происхожденіе: представителямъ солнца, свѣта и жизни противопоставляются представители ночи, тьмы и смерти. Будучи почти равно могущественны, они ведутъ постоянную борьбу за обладаніе землею и человѣческимъ родомъ. Добрые боги, расточивъ человѣку всѣ благодѣянія, должны были покинуть его и только обѣщали ему, какъ утѣшеніе въ борьбѣ и надежду на конечную побѣду, что когда нибудь появятся опять.

Вокругъ этого ядра миѳологическихъ представленій, которое въ аналогичныхъ формахъ почти сдѣлалось достояніемъ большинства первобытныхъ народовъ, майясы сгруппировали массу подробностей, часто весьма своеобразныхъ. Жизнь человѣчества не только вообще находилась во власти боговъ, создавшихъ и образовавшихъ его, но религія или, вѣрнѣе, жрецы майясовъ выработали особую систему, согласно которой жизнь человѣка до мельчайшихъ подробностей безпрестанно регулируется богами. Въ этомъ отношеніи имѣли рѣшающее значеніе страны свѣта и созвѣздія. Тщательныя и тонкія наблюденія, которыя, очевидно, производились въ теченіе весьма большихъ періодовъ времени, дали жрецамъ майясовъ такія знанія въ области астрономіи, какими раньше едва ли когда нибудь обладалъ другой народъ, стоявшій на такой же ступени культуры.

Календарь ихъ носитъ еще слѣды развитія. Въ древнее время онъ состоялъ изъ 18 мѣсяцевъ по 20 дней въ каждомъ, какъ у многихъ другихъ американскихъ народовъ. Но ко времени открытія майясы не только умѣли исправлять солнечный годъ при помощи 5 добавочныхъ дней, которые были уже извѣстны народамъ нагуасовъ, но имъ было также извѣстно, что и это не соотвѣтствуетъ истинной продолжительности солнечнаго года. И они вносили поправки съ такою точностью, какая невозможна была даже въ Старомъ Свѣтѣ до грегоріанскаго исправленія западнаго календаря. Слѣдовательно, въ этомъ отношеніи они стояли даже выше испанцевъ, безсознательно разрушавшихъ ихъ культуру. Этотъ точно вычисленный солнечный годъ приводили въ связь со всевозможными другими годовыми кругами. И на этой почвѣ жреческая каста построила такую массу астрологическихъ толкованій, равную которой по разработанности не можетъ представить никакая другая нація.

Столь же важенъ, если не болѣе, чѣмъ солнечный годъ, былъ обрядовый годъ, состоявшій изъ 20 недѣль, по 13 дней въ каждой; каждой отдѣльной части его соотвѣтствовало особое божество. Въ этой комбинаціи играли важную роль четыре страны свѣта; каждой изъ нихъ принадлежала четверть обрядоваго года. Среди этой множественности, однако, ясно проходитъ сознаніе высшаго единства, что подтверждаетъ своеобразный символъ четырехъ странъ свѣта — крестъ, который испанцы, къ высшему своему изумленію, находили во всѣхъ храмахъ майясовъ, какъ предметъ особаго поклоненія. Рядомъ съ этимъ несомнѣнно признавалось вліяніе утренней и вечерней звѣзды и Плеядъ на міровое движеніе. Возможно даже, что имъ приблизительно были извѣстны періоды обращенія планетъ Венеры, Меркурія и Марса и принимались въ разсчетъ при вычисленіяхъ.

Знаніе этихъ сложныхъ астрономическихъ вычисленій составляло исключительное достояніе высшаго класса жрецовъ. Устанавливая на этой основѣ почитаніе боговъ, жрецы пріобрѣтали въ то же время рѣшающее вліяніе на жизнь цѣлой націи. Культъ майясовъ имѣетъ преимущество передъ культомъ нагуасовъ и въ особенности передъ идолопоклонствомъ ацтековъ, которое сопровождалось кровавыми жертвами и ошибочно считалось едва ли не типической формою богослуженія въ центральной Америкѣ. Правда, и въ религіи майясовъ человѣческія жертвоприношенія, повидимому, никогда не были совершенно устранены. Но въ древнѣйшую эпоху, когда майясы еще не приходили въ соприкосновеніе съ нагуасами, стоявшими гораздо ниже въ отношеніи цивилизаціи и оказавшими отрицательное вліяніе на культуру майясовъ, человѣческія жертвоприношенія у послѣднихъ происходили весьма рѣдко. Людоѣдство, которое было сопряжено съ ними даже у ацтековъ, у майясовъ совершенно не существовало. И только во время великаго празднества при началѣ новаго ряда годовъ, когда майясы также зажигали новый огонь, какъ символъ вступленія въ новую эру, и у нихъ приносилась человѣческая жертва богамъ. Религія майясовъ также придавала высокое значеніе крови, какъ объекту для жертвоприношенія, но въ ихъ глазахъ умилостивляющей силою обладала кровь не убитой жертвы, а живого человѣка. Эту кровь онъ добывалъ во время поста и самобичеваній въ честь своего божества, царапая языкъ или другія чувствительныя части тѣла колючками или иными орудіями истязанія (см. изображеніе жреца, приносящаго жертву, на таблицѣ „Жертвоприношеніе Кукулкану"). Однако, и это случалось лишь при особыхъ обстоятельствахъ. Обычныя жертвы имѣли несравненно болѣе невинный характеръ: то была первая добыча на охотѣ или первая жатва. Самая распространенная форма жертвоприношенія заключалась въ куреніяхъ пахучей копаловой смолой. Этотъ религіозный обычай сохранился вплоть до христіанской эры, мѣстами даже до настоящаго времени; по крайней мѣрѣ, въ болѣе уединенныхъ развалинахъ майясовъ, при открытіи ихъ, найдены были слѣды подобнаго воскуриванія, сравнительно недавніе.

Безкровно и мирно протекала вообще жизнь этого народа, трудовая, но беззаботная. Жреческая аристократія культивировала искусства и науки и пользовалась своею, правда, неограниченною властью очень мягко. Орудія войны встрѣчаются лишь, какъ аттрибуты боговъ, на памятникахъ ихъ и въ рукописяхъ; описанія завоеваній и опустошеній, которыя занимаютъ очень видное мѣсто въ лѣтописяхъ нагуасовъ, здѣсь совершенно отсутствуютъ. Несомнѣнно, что наряду съ благодѣяніями жизни въ довольствѣ и культурномъ преуспѣяніи имъ были извѣстны и тѣневыя стороны ихъ. Богатство, которое дала имъ тщательная обработка обширныхъ пространствъ плодородной тропической почвы, они сумѣли умножить при помощи значительныхъ торговыхъ оборотовъ. Колумбъ и спутники его, во время четвертаго трансатлантическаго путешествія между Ямайкою

и берегомъ материка, встрѣтили купеческое судно изъ одной гавани области майясовъ: паруса этого судна, хорошо одѣтый экипажъ его и предметы торговли, — все это указывало, что за Антильскими островами, населенными обнаженными дикарями, существуетъ страна съ несравненно болѣе высокою культурою. Но именно это благосостояніе оказалось для майясовъ роковымъ. Фаллическій культъ, поклоненіе божеству противуестественнаго совокупленія, — все это признаки нравственнаго упадка среди правящихъ классовъ этого народа. Неудивительно поэтому, что онъ не могъ оказать успѣшнаго сопротивленія противнику, который былъ нисколько не могущественнѣе его.

Около IX вѣка нашего лѣтосчисленія, а можетъ быть, на одно или два столѣтія раньше, миръ въ государствахъ майясовъ, Чіапасѣ и Табаско, былъ нарушенъ нападеніями народовъ изъ племени нагуасовъ. Въ одной рукописи куикатекскаго происхожденія говорится о завоевательныхъ походахъ, которые охватили юго-западъ центральной Америки до перешейка Тегуантепека; отсюда они приняли восточное направленіе, коснулись отчасти Гватемалы и проникли, наконецъ, до страны Акаланъ, которая непосредственно граничитъ съ полуостровомъ Юкатаномъ. Такъ, врагъ очутился въ самомъ тылу государствъ, которымъ принадлежали Паленке, Менче и другіе центры культуры майясовъ. Если мы не узнаемъ древнихъ названій ихъ въ этомъ разсказѣ о куикатекскихъ завоеваніяхъ, то, вѣроятно, только потому, что еще не въ состояніи разгадать ихъ. Трудно допустить, чтобы такія нашествія пощадили легко доступныя владѣнія майясовъ, которыя манили своей высокой культурой и своими богатствами. Сомнительно, чтобы дѣло доходило до серьезныхъ битвъ между миролюбивыми майясами и нагуатлакскими кочевниками, исполненными дикаго воинственнаго пыла. Развалины въ Чіапасѣ и Табаско не представляютъ почти никакихъ слѣдовъ насильственнаго разрушенія, какіе мы встрѣчаемъ, напр., въ Майяпанѣ (Юкатанъ). Притомъ для этихъ народовъ, которые строили прочныя жилища только для своихъ боговъ, а сами довольствовались легкой соломенной хижиной, гдѣ вѣшали на ночь свой гамакъ, составлявшій почти единственную домашнюю принадлежность, — для нихъ легче было разставаться съ насиженнымъ мѣстомъ, чѣмъ народамъ съ высшимъ культурнымъ развитіемъ. Возможно, что Копанъ, культуру котораго мы можемъ прослѣдить лишь въ теченіе какого нибудь столѣтія (ср. выше стр. 239), былъ только временнымъ мѣстопребываніемъ майясовъ, которые очистили болѣе сѣверныя мѣстообитанія свои въ долинѣ Усумасинты передъ натискомъ передовыхъ отрядовъ переселенцевъ нагуатлакскаго происхожденія. Но и здѣсь они могли разсчитывать на спокойствіе лишь въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній. Завоеватели изъ племени нагуасовъ слѣдовали по пятамъ за своими уступчивыми противниками и, въ концѣ концовъ, многочисленныя и сомкнутыя массы нагуасовъ положили конецъ мирному существованію ихъ въ этомъ новомъ мѣстообитаніи.

Такъ или иначе, конечнымъ результатомъ этой борьбы между двумя чуждыми расами, длившейся, вѣроятно, очень долго, было уничтоженіе древней культуры майясовъ и распаденіе обладавшихъ ею народностей на двѣ новыхъ, совершенно различныхъ группы: на майясовъ Юкатана и племена Гватемалы. Майясы застали Юкатанъ не заселеннымъ. Возможно, что переселеніе ихъ совершилось еще раньше, до бѣгства подъ напоромъ нагуасовъ. Въ началѣ этотъ полуостровъ едва ли могъ казаться имъ особенно заманчивымъ. Правда, онъ обладаетъ здоровымъ климатомъ, благодаря своему положенію между двумя морскими заливами, и обиліе влаги, доставляемой морскими вѣтрами, создаетъ здѣсь роскошную растительность. Но на всемъ полуостровѣ трудно найти текущую воду, это первое необходимое условіе осѣдлаго поселенія. Отыскивать эту цѣнную влагу съ величайшими усиліями подъ землею, тщательно собирать

ее и часто поднимать по ступенямъ и лѣстницамъ на высоту до 100 метровъ, — на это можно было рѣшиться только въ крайности. Несомнѣнно, что Юкатанъ былъ заселенъ майясами въ позднѣйшую эпоху, нежели Чіапасъ и Табаско. Многократно производившіяся раскопки открыли, даже въ самыхъ глубокихъ пещерныхъ пластахъ, одни лишь остатки значительно подвинувшейся культуры обитателей; слѣды постепеннаго развитія этой цивилизаціи совершенно отсутствуютъ. Слѣдовательно, переселившійся сюда народъ долженъ былъ усвоить свою культуру въ иныхъ мѣстахъ, что̀ подтверждается относительно майясовъ сосѣднихъ странъ, лежащихъ къ западу. Правда, во время вторженія испанцевъ въ Юкатанъ значительная часть древнихъ очаговъ культуры представляла уже развалины; но рядомъ съ развалинами сохранились въ полной жизненной силѣ другіе города и храмы, по характеру вполнѣ сходные съ ними. Кромѣ того, преданія сохранили довольно связное воспоминаніе о покинутыхъ и разрушенныхъ мѣстахъ.

Искусство юкатекскихъ построекъ, по сравненію съ западными государствами, является, несомнѣнно, болѣе позднимъ, стоитъ далеко не на такой высотѣ и отнюдь не чуждо примѣси постороннихъ элементовъ. Вмѣсто простого стиля древнихъ монументальныхъ сооруженій, украшенія которыхъ ограничивались скульптурными плитами и сопровождавшими ихъ надписями, мы находимъ здѣсь чрезмѣрное изобиліе орнаментальныхъ аксессуаровъ, очевидно, подъ вліяніемъ внѣшнихъ свойствъ матеріала, и изысканную, преувеличенную символику, которая гораздо понятнѣе была бы у дряхлѣющей націи, чѣмъ у народа, едва только развернувшаго свою юную мощь. Среди этой массы скульптурныхъ украшеній едва остается мѣсто для надписей, и эта важная и цѣнная составная часть древняго искусства майясовъ здѣсь почти совершенно отсутствуетъ. Въ скульптурныхъ произведеніяхъ и стѣнной живописи несомнѣнно сказывается вліяніе элементовъ нагуатлакскаго происхожденія, что̀ дѣлаетъ вѣроятнымъ возникновеніе юкатекскихъ развалинъ въ эпоху послѣ соприкосновенія обѣихъ расъ. Въ пользу позднѣйшаго происхожденія говоритъ и календарь юкатекскихъ майясовъ, который въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ разнится отъ календаря чіапанекскихъ племенъ майясовъ. Эти различія пріобрѣтаютъ особенное значеніе въ силу того, что они сближаютъ юкатековъ съ нагуасами, культура которыхъ несомнѣнно развилась позднѣе, и удаляютъ ихъ отъ собственныхъ, но болѣе древнихъ соплеменниковъ. Наконецъ, и традиція, при всей легендарности ея, даетъ нѣкоторыя указанія на то, что занятіе Юкатана явилось лишь послѣдствіемъ гибели древней культуры майясовъ.

Юкатанъ, повидимому, съ самаго начала былъ раздробленъ на множество мелкихъ государствъ, и каждое изъ нихъ культивировало свои собственныя преданія. Поэтому разсказы объ исторіи полуострова въ различныхъ традиціяхъ не только не исходятъ изъ общаго источника, но вообще имѣютъ такъ мало точекъ соприкосновенія, что невозможно возстановить по нимъ общую картину исторіи майясовъ. Изъ нихъ ясно лишь одно, что уже самое вторженіе въ Юкатанъ и заселеніе его произошло не сразу и что различныя небольшія группы независимо одна отъ другой искали убѣжища по ту сторону густыхъ юкатекскихъ пограничныхъ лѣсовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ группъ сохранили безъ измѣненія старыя учрежденія, съ которыми онѣ сжились въ болѣе счастливыя времена на своей западной родинѣ. Если богъ Итцамна самъ считается основателемъ и первымъ правителемъ священнаго города Итцамаля, если богъ Кукулканъ, являющійся, вѣроятно, лишь воплощеніемъ сходныхъ представленій, былъ первымъ королемъ Майяпана, правилъ многіе годы мирно и счастливо и считался родоначальникомъ княжескаго рода кокомесовъ, то это слѣдуетъ понимать такимъ образомъ, что толпы майясовъ, избравшихъ Итцамаль и Майяпанъ своимъ новымъ мѣстожительствомъ, по прежнему управлялись

еще жрецами. По аналогии съ мексиканскими условіями, слѣдуетъ заключить, что жрецы со священными изображеніями боговъ стали во главѣ переселенцевъ и затѣмъ отъ имени боговъ повелѣли имъ занять новую страну и построить въ ней новые города. Въ Итцамалѣ господство жрецовъ сохранилось, повидимому, до того времени, когда этотъ городъ утратилъ самостоятельность и попалъ подъ власть сосѣднихъ государствъ, быстро расширявшихся подъ управленіемъ свѣтскихъ властителей. Майяпанъ занялъ съ теченіемъ времени первое мѣсто между ними. Но царствовавшій тамъ королевскій родъ кокомесовъ, хотя и считаетъ себя происшедшимъ отъ самого Кукулкана, но признаетъ въ то же время, что обязанъ своимъ происхожденіемъ перерожденію духовныхъ правителей въ свѣтскихъ или, по крайней мѣрѣ, что онъ былъ основанъ при содѣйствіи жрецовъ національнаго бога.

Нѣсколько иначе сложились съ самаго начала условія у группъ майясовъ, которые, подъ именемъ итцесовъ, основали впослѣдствіи городъ Чиченъ-Итцу и дали ему свое имя. Здѣсь, нужно полагать, переселенцы съ самаго начала замѣнили господство жрецовъ свѣтскою властью. Правда, Тутулъ Шіусы называются иногда святыми людьми, но они всюду являются воинственнымъ княжескимъ родомъ. Традиція ихъ самымъ точнымъ образомъ указываетъ на происхожденіе изъ западныхъ государствъ майясовъ; какъ на исходную точку ихъ переселенія, категорически указываютъ на страну Ноноуалъ, Ноногуалко нагуасовъ, береговую страну Табаско. Оттуда они, послѣ долгихъ блужданій, пришли въ Чакноуитанъ, самую южную часть Юкатана, и основали свой главный городъ въ Сіянъ-Каанѣ, впослѣдствіи у Бакаларской лагуны. Въ позднѣйшія эпохи, правда, какъ видно изъ лѣтописей Тутулъ Шіусовъ, центръ тяжести юкатекской исторіи перемѣстился къ сѣверу полуострова; но и у Бакаларской лагуны испанцы встрѣтили при Монтехо многочисленное населеніе майясовъ, жившее во многихъ большихъ городахъ. Владычество Тутулъ Шіусовъ въ Сіянъ-Каанѣ продолжалось, какъ говорятъ, 60 лѣтъ, послѣ чего они двинулись къ сѣверу и избрали себѣ столицею Чиченъ-Итцу.

Судьбы Чиченъ-Итцы, города, который занимаетъ такое же мѣсто среди священныхъ мѣстъ Юкатана, какъ Теотіуаканъ въ Анагуакѣ, недолго были связаны съ основавшимъ его родомъ Тутулъ Шіусовъ. Въ это время успѣли окрѣпнуть расположенныя вокругъ него территоріальныя княжества, и разногласіе ихъ интересовъ повело къ войнамъ и разрушенію расцвѣтавшихъ городовъ. Повидимому, кокомесы, правители Майяпана, разрушили послѣ 120-лѣтняго правленія тронъ Тутулъ Шіусовъ въ Чиченъ-Итцѣ, поставили этотъ городъ въ слабую зависимость отъ своего государства, а правителей и ихъ приверженцевъ принудили къ новому переселенію. Согласно тѣмъ же преданіямъ, Юкатанъ обязанъ этому княжескому роду еще другимъ изъ своихъ лучшихъ городовъ, которые славятся богатѣйшими художественными украшеніями. Тутулъ Шіусы бѣжали поперекъ, черезъ весь полуостровъ, до сѣвернаго побережья и заняли Чампотонъ, въ которомъ правили, повидимому, болѣе двухъ съ половиною столѣтій. Это подтверждается обширными мѣстами погребеній народа майясовъ, открытыми на маленькихъ островахъ, которые лежатъ напротивъ города Чампотона или Потончана, извѣстнаго впослѣдствіи, какъ мѣстообитаніе нагуатлакскаго населенія. По всей вѣроятности, уже здѣсь установились отношенія между подвластными Тутулъ Шіусамъ майясами и окрѣпнувшими въ этотъ промежутокъ времени народами нагуасовъ. Въ XIV вѣкѣ наемныя нагуатлакскія войска играютъ значительную роль во внутреннихъ войнахъ Юкатана. Не одни кокомесы Майяпана пользовались услугами чужеземцевъ, какъ изображаетъ преданіе: мы заключаемъ это изъ художественнаго характера изображеній, найденныхъ въ самомъ центрѣ владѣній противниковъ кокомесовъ, особенно въ Чиченъ-Итцѣ. Здѣсь и князья, и воины часто изображаются въ такомъ видѣ, который сразу напоминаетъ способъ изображенія ацтекскихъ рукописей.

Союзы дали возможность Тутулъ Шіусамъ снова распространить свое владычество изъ Чампотона къ сѣверу и востоку. Мимоходомъ они заключили миръ и союзъ съ правителями Майяпана; въ Итцамалѣ и Чиченъ-Итцѣ также сидѣли свои княжескіе роды. Въ это время Тутулъ Шіусы перенесли свою столицу изъ Чампотона въ Ушмаль. Грандіозныя и роскошныя сооруженія, которыя они тамъ воздвигли, несомнѣнно свидѣтельствуютъ о продолжительномъ мирѣ, которымъ они воспользовались въ видахъ культурнаго преуспѣянія. Въ то время, когда подъ мягкимъ владычествомъ Майяпана установился вынужденный миръ между различными мелкими государствами, они развернули величественную художественную дѣятельность, которая выступаетъ передъ нами въ развалинахъ безчисленныхъ памятниковъ на юкатекской почвѣ. Въ эту же эпоху страна была изрѣзана, какъ нѣкогда область между Паленке и сосѣдними городами, широкою сѣтью тщательно проложенныхъ искусственныхъ дорогъ, остатки которыхъ были найдены въ различныхъ мѣстахъ. Онѣ, безъ сомнѣнія, прежде всего служили религіознымъ цѣлямъ. Преданіе говоритъ, что отъ главныхъ храмовъ въ Чиченъ-Итцѣ и Итцамалѣ шли дороги вглубь страны по всѣмъ направленіямъ, откуда стекались пилигриммы для поклоненія пернатой змѣѣ Кукулкану, занимающему главное мѣсто среди божествъ майясовъ позднѣйшаго времени. Прежде всего эти дороги соединяли Чиченъ-Итцу съ островомъ Косумелемъ, расположеннымъ близъ восточнаго берега и представляющимъ на всемъ своемъ пространствѣ одну обширную храмовую территорію. Здѣсь испанцы впервые увидѣли крестъ, символъ божества, управляющаго четырьмя странами свѣта (см. выше стр. 241).

Не долго, правда, просуществовала культура майясовъ на юкатекской почвѣ. Иго кокомесовъ тяжело отразилось на странѣ и народѣ. Уже въ началѣ своего правленія, кокомесы, чтобы имѣть прочную опору, создали аристократію, которая была обязана личной ленной службою въ резиденціи правительства. Взамѣнъ того ей предоставлено было право широкой эксплуатаціи земли и людей. Въ дополненіе кокомесы ввели институтъ рабства, раньше совершенно неизвѣстный майясамъ; по всей вѣроятности, онъ — нагуатлакскаго происхожденія. Въ основу его положенъ былъ принципъ завоеванія. Государство Майяпанъ было расширено въ значительной мѣрѣ путемъ насильственнаго подчиненія; даже городъ Чиченъ-Итца подпалъ подъ власть скипетра Майяпана исключительно этимъ путемъ.

Съ теченіемъ времени правительственный гнетъ, непрерывно возраставшій, повелъ къ тому, что положеніе низшей массы, подчиненной леннымъ кацикамъ, выродилось въ крѣпостничество, которое очень мало отличалось отъ рабства. При этомъ правящіе классы отдавались безграничному наслажденію радостями жизни. Самая легенда объ основаніи ихъ государства посвящаетъ насъ въ дѣянія преступной безнравственности. Благодаря тому, правители чувствовали подъ собою нетвердую почву, несмотря на то, что были окружены аристократіей, связанной съ ними общими интересами. Слѣдуя примѣру тирановъ, они окружили себя тѣлохранителями изъ чужеземцевъ и для этого вербовали воиновъ изъ племени нагуасовъ въ области Табаско. Однако, и эта защита оказалась недостаточною, чтобы подавить всякія проявленія недовольства. Однимъ изъ первыхъ возставшихъ противъ тираніи кокомесовъ былъ правитель Ушмальскій. Къ сожалѣнію, оружіе рѣшило дѣло противъ него, и раздоры, которые вспыхнули въ самомъ Ушмалѣ, привели если не къ уничтоженію королевскаго города, то къ оставленію его жителями. Остатки Тутулъ Шіусовъ вынуждены были еще разъ отступить и основали новое княжество въ Мани, которое, однако, никогда не могло достигнуть блеска и значенія прежнихъ владѣтельныхъ резиденцій ихъ, Чиченъ-Итцы и Ушмаля.

Но примѣръ возмущенія былъ данъ и вскорѣ нашелъ подражаніе

среди подвластныхъ королей, которыхъ тѣснили кокомесы, хотя и не въ такой степени, какъ аристократію Майяпана. Князь Чиченъ-Итцы былъ вторымъ, который отказалъ въ должномъ почтеніи тирану Майяпана. Но и онъ понесъ кару. На тронѣ кокомесовъ сидѣлъ человѣкъ, обладавшій необычайной энергіей. Гунакъ Ээлъ былъ, правда, еще худшимъ тираномъ, чѣмъ его предшественники, но никакъ не близорукимъ политикомъ. Онъ прекрасно понималъ, что не можетъ разсчитывать на вѣрность и привязанность своихъ подданныхъ и поэтому искалъ опоры своей власти внѣ своего царства. Хроника упоминаетъ о союзѣ, который Гунакъ Ээлъ заключилъ съ губернаторами мексиканскаго короля въ Табаско и Шикаланго. Это, очевидно, анахронизмъ, такъ какъ въ то время, когда Гунакъ Ээлъ сидѣлъ на тронѣ Майяпана, ацтекскіе правители Мексико-Теноxтитлана вели еще упорную войну за свою собственную независимость съ текпанекскими королями Аскапуцалько. Тѣмъ не менѣе, остается вѣрнымъ фактъ, что Гунакъ Ээлъ соединился съ воинственными нагуасами сосѣднихъ царствъ. Несмотря на мобилизацію большихъ силъ (Гунакъ Ээлъ двинулся съ 13 ленными князьями противъ Чиченъ-Итцы), успѣхъ похода былъ далеко не такой рѣшительный, какъ противъ Ушмаля. Правда, Чиченъ-Итца уступилъ превосходнымъ силамъ, но сохранилъ своихъ князей, поставленныхъ лишь въ слабую зависимость отъ Майяпана.

Съ тѣхъ поръ внутреннія войны въ царствѣ кокомесовъ не прекращались. Вслѣдствіе неточности хронологическихъ данныхъ въ юкатекскихъ лѣтописяхъ, трудно выяснить, сколько времени продолжались внутреннія войны въ царствѣ Майяпана. Повидимому, прошло почти столѣтіе прежде, чѣмъ наступила катастрофа. Поводомъ къ ней послужили постоянно повторяющіяся возстанія въ Чиченъ-Итцѣ. Кромѣ того, въ основѣ этой непримиримой вражды могли лежать или, по крайней мѣрѣ, давать ей пищу религіозные мотивы. Майяпанъ и тѣсно связанный съ нимъ городъ жрецовъ Итцамаль покланялись Итцамнѣ, какъ своему племенному божеству, тогда какъ Чиченъ-Итца сдѣлался мало по малу для всей области культуры майясовъ центромъ поклоненія Кукулкану, пернатой змѣѣ, въ изображеніи которой вполнѣ преобладаетъ пластическое искусство Чичена. Соперничество между Итцамаломъ и Чиченъ-Итцой послужило поводомъ къ непосредственнымъ военнымъ стычкамъ между ними; безъ сомнѣнія, оно являлось сильнымъ элементомъ для той враждебности, съ какою въ Майяпанѣ смотрѣли на соперницу, никогда окончательно не подчинявшуюся. Тѣмъ не менѣе, кокомесы слишкомъ мало входили даже въ собственные интересы и позволяли духу сопротивленія внутри ихъ царства принимать все большіе размѣры. Наконецъ, и чужеземные охранители не въ состояніи были справиться съ превосходными силами непріятелей. Образовался союзъ между Тутулъ Шіусами, бѣжавшими въ холмистыя мѣстности средняго Юкатана, правителями Чиченъ-Итцы и ближайшими врагами кокомесовъ. Противъ этихъ соединенныхъ силъ не могли устоять ни толпы наемныхъ воиновъ изъ нагуасовъ, ни крѣпостныя стѣны, которыми съ давнихъ поръ былъ обнесенъ Майяпанъ. Царство кокомесовъ рушилось, а съ нимъ исчезъ послѣдній слѣдъ общности между государствами майясовъ. Месть враговъ уничтожила до основанія гордую столицу королей, которая почти пять столѣтій была центромъ царства, обнимавшаго по временамъ бо́льшую часть полуострова Юкатана. Хронологическая дата этого событія въ точности еще не установлена, несмотря на то, что оно является самымъ выдающимся въ исторіи Юкатана въ вѣкѣ, предшествовавшемъ испанскому завоеванію. По всей вѣроятности, рѣшительныя битвы происходили около 1436 года, хотя уже передъ тѣмъ, въ теченіе почти 20 лѣтъ, вокругъ Майяпана царило почти непрерывное военное положеніе.

То была не настоящая война, а скорѣе рядъ революціонныхъ вспы-

шекъ, что несомнѣнно доказывается наступившимъ измѣненіемъ отношеній. Даже ненавистная лейбъ-гвардія изъ нагуасовъ, окружавшая тирана, не была захвачена его гибелью; побѣдители пощадили ее. Ей разрѣшили даже поселиться въ провинціи Акуланъ, вблизи Кампеша, и основать тамъ небольшое нагуасское государство. Очевидно, однако, что оно скоро было поглощено окружавшими его со всѣхъ сторонъ майясами, такъ какъ спустя столѣтіе, въ эпоху завоеванія, на всемъ протяженіи полуострова не было жителей, говорившихъ на нарѣчіи нагуатль. Послѣдній отпрыскъ семьи кокомесовъ, который во время революціи находился въ Улуа, гдѣ вербовалъ новыя ацтекскія вспомогательныя войска для поддержки отцовскаго царства, былъ также пощаженъ побѣдителями. Онъ имѣлъ возможность собрать вокругъ себя послѣднихъ приверженцевъ старой династіи и вмѣстѣ съ ними основалъ другое небольшое государство. Благодаря этому обстоятельству, имя кокомесовъ не исчезло для потомства. Центромъ ихъ была провинція Сотута съ главнымъ городомъ Тибулономъ, находившаяся въ самой глубинѣ страны, въ лѣсистой мѣстности. Испанцы проникли, однако, и туда.

Трудно выяснить дѣйствіе, какое произвело паденіе господства кокомесовъ на оба соперничавшихъ города жрецовъ, Итцамаль и Чиченъ-Итцу. Чиченъ-Итца былъ при королѣ Улмилѣ, въ теченіе долгаго времени, главнымъ гнѣздомъ сопротивленія королямъ Майяпана. Вслѣдствіе того, и городъ этотъ, и страна неоднократно чувствовали на себѣ королевскій гнѣвъ. Тѣмъ не менѣе, до самаго разрушенія Майяпана король Чиченъ-Итцы являлся могущественнымъ союзникомъ всѣхъ возстававшихъ. Можно было ожидать, поэтому, что отнынѣ для священнаго города пернатой змѣи откроется эра новаго расцвѣта. А вмѣсто того, названіе его окончательно исчезаетъ изъ преданія: въ раздѣленіи Юкатана на 7 мелкихъ королевствъ, которое застали испанскіе завоеватели, Чиченъ-Итца не выступаетъ уже какъ самостоятельное государство. Короли Итцамаля указываютъ первому небольшому испанскому отряду, проникшему въ Юкатанъ, въ качествѣ квартиръ, заброшенныя развалины этого города, которыя успѣли уже покрыться обильною растительностью. Точкою опоры для объясненія этого страннаго факта можетъ, пожалуй, служить легенда, будто одинъ изъ князей Чиченъ-Итцы, во время одной изъ многихъ революцій, возникавшихъ въ послѣднія времена господства Майяпана, покинулъ страну вмѣстѣ съ большею частью своего народа, чтобы уйти отъ арены битвъ и порабощенія, и направился къ первоначальнымъ мѣстопребываніямъ майясовъ на дальнемъ западѣ. Ему будто бы обязано своимъ происхожденіемъ маленькое государство майясовъ, Петенъ-Итца, на озерѣ Петенъ въ Гватемалѣ. Фердинандъ Кортесъ, въ своемъ походѣ въ Гондурасъ, посѣтилъ столицу этого государства на островѣ Петенскаго озера, названномъ испанцами Исла де-Флоресъ. Въ новѣйшее время и въ этой мѣстности открыты развалины городовъ майясовъ, которые сдѣлали бы честь строителямъ Чиченъ-Итцы, если только дѣйствительно эти послѣдніе перенесли вторую, болѣе молодую культуру на эту классическую почву майясовъ.

Съ маленькимъ царствомъ майясовъ въ Петенъ-Итцѣ связано еще другое оригинальное преданіе. На этомъ мѣстѣ конь Кортеса будто бы такъ сильно заболѣлъ, что не могъ двигаться дальше. Онъ былъ оставленъ, поэтому, у майясовъ съ тѣмъ, чтобы они ухаживали за нимъ и затѣмъ передали испанцамъ, которые будутъ потомъ проходить здѣсь. Индѣйцы, которые, какъ видно изъ многихъ эпизодовъ эпохи завоеванія, чувствовали священный страхъ передъ совершенно неизвѣстными имъ лошадьми, не нашли ничего лучшаго, какъ оказать коню божескія почести. Они поставили его въ храмъ и подносили ему жертвенный кормъ. Этотъ культъ они продолжали даже тогда, когда благородный скакунъ умеръ, быть можетъ, отъ непривычной пищи, и на мѣсто его было поставлено лѣпное портретное изображеніе изъ глины.

Государство Петенъ дольше всѣхъ прочихъ владѣній майясовъ отстаивало свою самостоятельность противъ испанцевъ. Этому особенно благопріятствовала мало доступная мѣстность, въ которой послѣдніе итцесы разбили свои жилища. Здѣсь еще болѣе столѣтія послѣ посѣщенія Кортеса спокойно продолжается поклоненіе старымъ богамъ, культивированіе стараго искусства, изученіе старыхъ священныхъ книгъ. Не одна попытка миссіонеровъ и губернаторовъ уничтожить этотъ послѣдній очагъ язычества безславно рушилась въ непроходимой глуши обширныхъ лѣсовъ, окружавшихъ маленькое царство Петенъ и служившихъ ему наилучшимъ оплотомъ. Только въ 1671 году удалось, благодаря одновременнымъ нападеніямъ съ различныхъ сторонъ, сосредоточить достаточную военную силу на Петенскомъ озерѣ. Изощренные въ длившихся вѣками битвахъ воинственные и храбрые майясы оказали и тогда отчаянное сопротивленіе; но несовершенное оружіе индѣйцевъ не могло, конечно, устоять противъ лучшаго вооруженія и въ особенности противъ тяжелыхъ орудій. Такъ былъ разрушенъ послѣдній городъ, въ которомъ древнѣйшая культура Новаго Свѣта еще сохранила независимое существованіе.

Такая же судьба, но еще раньше, постигла всѣ прочія государства майясовъ. Страннымъ образомъ, наибольшія выгоды изъ возмущенія противъ Майяпана извлекъ именно тотъ городъ, который былъ ближайшимъ союзникомъ кокомесовъ и скорѣе всего долженъ былъ поплатиться за это. Бо́льшая часть территоріи, составлявшей древнее царство Майяпана, досталась не итцесамъ Чичена и не Тутулъ Шіусамъ Мани, а древнему городу жрецовъ, Итцамалю. И родъ челесовъ, отъ котораго происходили въ теченіе многихъ поколѣній верховные жрецы царства Майяпанъ, далъ и свѣтскихъ правителей вновь возникавшему княжеству. Челесы не пытались подражать завоевательной политикѣ кокомесовъ. Тѣмъ не менѣе, государство ихъ, наряду съ государствомъ Сачи, было самое обширное, какое испанцы застали на полуостровѣ: за исключеніемъ Кампеша, небольшой страны, принадлежавшей нагуасамъ, оно обнимало весь сѣверъ и востокъ. Область этого княжества, въ которомъ испанцы съ самаго начала встрѣтили радушный пріемъ, сдѣлалась впослѣдствіи ядромъ испанской провинціи Юкатанъ, и главный городъ ея Мерида былъ построенъ на мѣстѣ древняго Тиго, въ разстояніи лишь нѣсколькихъ миль отъ Итцамаля. Испанцы своимъ неразумнымъ поведеніемъ не разъ еще вызывали ожесточенныя стычки прежде, чѣмъ окончательно подчинили своему господству область майясовъ въ Юкатанѣ. Но когда въ странѣ окончательно водворились покой и порядокъ, туземное населеніе, все еще довольно густое, проявило издревле присущія этому народу качества. Добродушные, покорные и нетребовательные индѣйцы-майясы стали обрабатывать для своихъ христіанскихъ господъ и священниковъ землю съ такимъ же прилежаніемъ, какъ они это дѣлали для прежнихъ правителей. Искусные строители и скульпторы воздвигали теперь, по новымъ образцамъ, храмы и дворцы, проявляя при этомъ старинную художественность.

Относительно населенныхъ майясами областей Гватемалы, позднѣйшихъ царствъ кичесовъ, какчикелей и тсутугиловъ, трудно сказать, были-ли они заселены лишь впослѣдствіи, когда древней культурѣ майясовъ въ области Тцендаля стала грозить опасность со стороны надвигавшихся племенъ нагуасовъ. Скорѣе нужно думать, что занятіе этихъ земель народами племени майясовъ принадлежитъ болѣе ранней эпохѣ. Не безъ вліянія на эти государства осталось одно событіе, которое столь роковымъ образомъ отразилось на родственныхъ имъ по происхожденію націяхъ, жившихъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ. Дѣло въ томъ, что майясы западной возвышенности получили въ то время сильный приливъ элементовъ, которые стояли въ культурномъ отношеніи гораздо выше и поэтому должны были оказать не малое вліяніе на эти племена.

Майясы Гватемалы также принимали полное участіе въ наиболѣе существенныхъ культурныхъ пріобрѣтеніяхъ своего племени. Они были посвящены въ искусство письма при помощи своеобразныхъ іероглифическихъ знаковъ, отличающихъ культуру майясовъ. Въ ихъ легендарныхъ преданіяхъ, которыя дошли до насъ еще въ большемъ количествѣ, чѣмъ преданія болѣе подвинувшихся восточныхъ соплеменниковъ ихъ, сказывается тотъ же кругъ религіозныхъ представленій: здѣсь, какъ и тамъ, стоятъ въ центрѣ одни и тѣ же боги, иногда съ тѣми же именами. Здѣсь, какъ и тамъ, сложная астрономическая календарная система, составляющая крупнѣйшее научное завоеваніе майясовъ, управляла и религіозною, и гражданскою жизнью. Однѣ лишь привычки повседневной жизни и вытекавшія изъ нихъ особенности строя были совершенно иныя. Отсюда исходили различныя уклоненія въ области искусства и особенно архитектуры, которыя могутъ показаться странными, если приписывать ихъ непосредственно и исключительно строителямъ Паленке, Менчè и проч. Гористыя мѣстности Гватемалы, въ которыхъ были расположены главнѣйшіе города кичесовъ и родственныхъ имъ правителей, давали такой же матеріалъ для проявленія художественныхъ наклонностей, какой майясы находили въ болѣе низменныхъ странахъ. И, однако, у западныхъ племенъ даже архитектура никогда не достигала хотя бы приблизительно такого богатаго развитія, какъ на востокѣ, а число памятниковъ пластическаго искусства, происхожденіе котораго изъ горныхъ мѣстностей несомнѣнно доказано, поразительно ничтожно. Одни лишь многочисленные образцы высоко развитаго гончарнаго искусства, открытые въ альтосахъ и западныхъ частяхъ Гватемалы, свидѣтельствуютъ, что жившія здѣсь народности майясовъ не отдѣлились, подобно гуастекамъ, отъ коренного племени еще до развитія специфической культуры майясовъ, но принимали участіе во всѣхъ ея успѣхахъ. Кичесы и родственныя имъ племена оставили намъ на своихъ гончарныхъ издѣліяхъ тѣ же надписи и календарные знаки, которые мы привыкли видѣть у другихъ племенъ майясовъ, какъ обычное украшеніе построекъ, въ видѣ рѣзьбы на камнѣ или лѣпного орнамента.

Число развалинъ городовъ, открытыхъ въ области западныхъ майясовъ, нельзя назвать ничтожнымъ, и остатки массивныхъ каменныхъ сооруженій, но только безъ обычныхъ художественныхъ украшеній, далеко не рѣдки. Но эти городскія постройки запада рѣзко отличаются отъ городовъ низменности и Юкатекскаго полуострова преобладаніемъ крѣпостного характера. Правда, и въ низинѣ попадаются сооруженія, очевидно, имѣвшія цѣлью служить защитою отъ вражескихъ нападеній; но тамъ цѣли фортификаціи нигдѣ не выдвигаются на первый планъ и во многихъ мѣстахъ совершенно стушевываются. Обратное явленіе мы видимъ въ Гватемалѣ. Здѣсь уже самый выборъ мѣстности доказываетъ, что главное вниманіе было обращено на оборонительную способность. Остатки стѣнъ, укрѣпленій и цитаделей, часто огромныхъ размѣровъ, для возведенія которыхъ требовалось сосредоточеніе значительныхъ силъ, наиболѣе поражаютъ насъ въ области кичесовъ. Возможно, что майясы, отличавшіеся очень мирнымъ характеромъ, пока жили въ низменности, совершенно преобразовали свой національный характеръ впослѣдствіи, подъ вліяніемъ непрерывныхъ столкновеній съ воинственными племенами нагуасовъ, изъ коихъ нѣкоторыя, очевидно, проникли вплоть до Никарагуа. Болѣе вѣроятно, однако, что уже съ самаго начала между мирными племенами богатаго побережья и грубыми народностями горныхъ странъ существовали коренныя различія, зависѣвшія отъ окружающей природы, но не выработавшіяся уже въ предѣлахъ историческихъ періодовъ.

Преданія западныхъ народностей разсказываютъ, что изъ древняго города Тулана, который не разъ являлся исходной точкой всякихъ переселеній и находился, вѣроятно, въ мѣстности Табаско (если вообще пони-

мать подъ нимъ одинъ только городъ), выселился кичесъ Нима, великій кичесъ, съ тремя братьями, и направился къ западу, къ горамъ. Здѣсь братья раздѣлили страну такимъ образомъ, что одному досталась область Чіапаса (Келенесъ), другому Верапасъ (Тесулутланъ), третьему область мамесовъ и покомамовъ (сѣверо-западная часть Гватемалы), а самъ онъ получилъ страну кичесовъ, какчикелей и тцутугиловъ, королевскіе роды которыхъ ведутъ свое происхожденіе отъ него. Это преданіе, не взирая на нагуатлакское вліяніе, несомнѣнно указываетъ сознаніе единства даже у тѣхъ народностей майясовъ, которыя въ дальнѣйшемъ ходѣ исторіи не играли никакой роли. Это относится къ эпохѣ, въ которой чувство общности еще не могло въ такой степени изгладиться, какъ впослѣдствіи. Такъ какъ здѣсь Чіапасъ является еще однимъ изъ четырехъ царствъ майясовъ и нѣтъ указаній на то, чтобы эта область подпала подъ власть чужеземныхъ завоевателей, то мы должны допустить, что это раздѣленіе народностей принадлежитъ эпохѣ, задолго предшествовавшей бѣгству чіапасскихъ майясовъ.

Дальнѣйшая исторія этихъ племенъ до нельзя запутана. Безпрерывныя внутреннія войны, частыя переселенія и перемѣны резиденцій, возстанія противъ гнета правителей и затѣмъ новое заключеніе мирнаго союза характеризуютъ ее. Даже число королей изъ племени кичесовъ опредѣляется то въ 11, то въ 17, иногда въ 23 поколѣнія. Несомнѣнно лишь, что короли кичесовъ занимали выдающееся мѣсто среди коренныхъ правителей Гватемалы. Одинъ хроникеръ ставитъ ихъ совершенно наравнѣ съ ацтекскими правителями Мексико-Теноxтитлана и утверждаетъ, что царство кичесовъ по своимъ размѣрамъ не только могло соперничать съ ацтекскимъ, но безусловно превосходило его.

Приводятъ различныя причины, въ силу которыхъ произошло отдѣленіе мелкихъ царствъ какчикелей и тцутугиловъ. Во-первыхъ, утверждаютъ, что это случилось уже при первомъ наслѣдникѣ Нима-Кичесѣ, королѣ Аксопилѣ, который собственно и считается основателемъ царства кичесовъ, путемъ раздѣла наслѣдства. Но короли болѣе мелкихъ царствъ сохраняли при этомъ почтительное отношеніе къ главному государству кичесовъ. Въ силу особаго порядка престолонаслѣдія, который часто встрѣчается на американской почвѣ, они сами были заинтересованы въ этой подчиненности. Аксопиль еще при жизни передалъ старшему сыну управленіе царствомъ какчикелей, а младшему отдалъ царство тцутугиловъ. Послѣ смерти къ старшему должна была перейти власть надъ всѣмъ государствомъ кичесовъ, второй сынъ получалъ власть надъ какчикелями, а самый юный изъ наслѣдныхъ принцевъ долженъ былъ править тцутугилами. Такимъ образомъ, каждый изъ принцевъ прежде, чѣмъ достигнуть высшаго мѣста въ государствѣ, проходилъ школу управленія въ постепенно увеличивавшемъ масштабѣ. Едва ли, однако, этотъ порядокъ серьезно соблюдался послѣ его смерти. Икутемаль, старшій изъ сыновей Аксопиля, вступивъ на престолъ кичесовъ, передалъ управленіе какчикелями не брату, а своему старшему сыну. Это послужило сигналомъ къ изнурительнымъ внутреннимъ войнамъ, которыя никогда надолго не прерывались до самаго прибытія испанцевъ. Сосѣднія племена нагуасовъ втягивались и здѣсь, какъ союзники, въ войны между соплеменными царствами майясовъ. Вліяніе ихъ оказалось въ этомъ случаѣ настолько глубокимъ, что майясы позаимствовали у нагуасовъ кровавыя человѣческія жертвоприношенія и людоѣдство. Все говоритъ за то, что въ Гватемалѣ смѣшеніе населенія майясовъ съ пришлыми нагуасами происходило въ гораздо большихъ размѣрахъ, чѣмъ въ Юкатанѣ.

Всѣ три царства отстаивали свою независимость одно отъ другого и находились въ постоянныхъ войнахъ между собою до прибытія испанцевъ. Въ 1492 году нѣсколько вождей какчикелей поднялись противъ Кая Гу-

нахпу, который еще разъ сдѣлалъ попытку расширить свои владѣнія на счетъ сосѣдей. Онъ былъ побѣжденъ и заплатилъ смертью за свое предпріятіе. Въ этомъ не было ничего особеннаго, но какчикели придали этой побѣдѣ такое значеніе, что сдѣлали ее исходной точкой новаго счисленія времени. Какъ истые революціонеры, они совершенно отмѣнили древній календарь жрецовъ и установили годъ, состоящій изъ 400 дней и раздѣленный на 20 двадцатидневныхъ мѣсяцевъ. Они были единственнымъ племенемъ центральной Америки, отпавшимъ отъ искусно составленнаго астрономическаго календаря майясовъ. Не подлежитъ, однако, сомнѣнію, что ихъ новый годъ нисколько не представляетъ собою прогресса и является не болѣе, какъ актомъ произвола.

Не взирая на разнообразныя точки соприкосновенія съ нагуасами, царства майясовъ, повидимому, никогда не входили въ сношенія съ ацтекскимъ государствомъ Монтесумы. Они знали другъ о другѣ и, быть можетъ, еще до прибытія испанцевъ обмѣнивались посольствами. Завоеванія ацтековъ въ послѣднія десятилѣтія ихъ владычества даже близко подошли къ владѣніямъ майясовъ; тѣмъ не менѣе, это не привело къ прямымъ столкновеніямъ между обѣими группами государствъ. У кичесовъ было слишкомъ много дѣла въ собственныхъ предѣлахъ, благодаря племенной враждѣ, и они не могли думать о внѣшнихъ завоеваніяхъ, которыя неминуемо привели бы къ столкновенію съ ацтеками. Когда испанцы стали приближаться на опасное разстояніе къ царству ацтековъ, Монтесума II отправилъ, какъ говорятъ, большое посольство къ королю какчикелей; но, повидимому, между нимъ не состоялось соглашенія. Еще раньше, чѣмъ испанцы собрались подчинить своему скипетру царства майясовъ въ Гватемалѣ, послы короля какчикелей явились въ только что завоеванную Мексику къ Кортесу и просили у него поддержки противъ кичесовъ. Конечно, такая поддержка была имъ обѣщана слишкомъ охотно. Въ 1524 году Аделантадо Педро де Альварадо явился въ Ишимче́, открылъ въ союзѣ съ какчикелями военныя дѣйствія противъ кичесовъ и послѣ нѣсколькихъ кровопролитныхъ сраженій побѣдилъ ихъ. Тсутугилы держались нейтрально, разсчитывая на недоступность своего царства, и отказали въ поддержкѣ не только кичесамъ, но даже испанцамъ. Въ виду того, Альварадо направилъ противъ нихъ свои боевыя силы, отъ превосходства которыхъ не спасли тсутугиловъ ни естественныя оборонительныя средства, ни искусственныя укрѣпленія. Слишкомъ поздно поняли какчикели, что, соединившись съ испанцами, они продали и собственную свободу. И когда они сдѣлали попытку свергнуть незамѣтно сковавшее ихъ иго, то удобный моментъ для успѣшнаго сопротивленія былъ давно пропущенъ. Своей безполезно пролитою кровью они искупили только ту вину, что облегчили чужеземному завоевателю возможность проникновенія въ ихъ страну.

b) Нагуасы.

Страны къ сѣверу отъ культурной области майясовъ до границъ индѣйцевъ пуэбло, т. е. отъ Тегуантепекскаго перешейка до предѣловъ Техаса и Новой Мексики, испанцы нашли въ XVI вѣкѣ занятыми многочисленными народностями племени нагуасовъ. Эти народы жили тамъ уже въ теченіе многихъ столѣтій, но, тѣмъ не менѣе, сами не считали эту страну своей первоначальной родиной. И дѣйствительно, тамъ существовали остатки чуждаго элемента населенія, который въ культурномъ отношеніи стоялъ вообще ниже нагуасскихъ племенъ. Въ сказаніи о переселеніи, которое, въ болѣе или менѣе одинаковой формѣ, находится въ обращеніи у всѣхъ народностей нагуасовъ, упоминается о первобытной родинѣ племени на дальнемъ сѣверѣ, у большой воды, гдѣ играютъ существенную роль мѣстности Астланъ (городъ на водѣ) и Чикомостокъ (семь пещеръ). Эта легенда создала цѣлую

литературу. На всемъ пространствѣ отъ Тихоокенскаго побережья до сѣвероамериканскихъ озеръ, отъ Берингова пролива до Мексиканскаго плоскогорья, едва ли найдется клочекъ земли, который тотъ или другой изслѣдователь не связывалъ бы съ переселеніемъ ацтековъ изъ Астланъ-Чикомостока въ Мексико-Теночтитланъ.

Помимо сказаній, имѣются лишь очень скудные слѣды переселен я народовъ нагуа въ направленіи съ сѣвера на югъ. Область, лежащая нѣсколько къ сѣверу отъ позднѣйшаго культурнаго центра нагуасовъ, Анагуакскаго плоскогорья, была уже сравнительно рано заселена народностями индѣйцевъ пуэбло, которыя — если не считать слабыхъ намековъ на культурныя представленія нагуасовъ — обладали слишкомъ типичной и независимо развивавшейся цивилизаціей для того, чтобы можно было допустить движеніе переселявшихся нагуасовъ черезъ эти области въ отдаленную эпоху. Правда, слѣды нагуасскихъ языковъ найдены въ собственныхъ именахъ или въ нарѣчіяхъ народовъ пуэбло въ Синалоа и далѣе къ сѣверу до гописовъ Моки или Тусайяна. Точно также въ предѣлахъ культуры майясовъ мы встрѣчаемъ у лѣтописцевъ XVI вѣка поразительное множество названій мѣстъ, которыя заимствованы изъ языка нагуасовъ. Но мы вмѣстѣ съ тѣмъ знаемъ положительно, что причина эта лежитъ не въ распространеніи владѣній нагуасовъ до этихъ странъ, а въ томъ, что испанцы, проникавшіе сюда по указаніямъ индѣйцевъ, знали только языкъ нагуасовъ и нагуатлакскія обозначенія мѣстъ. Эти названія были затѣмъ подтверждены преданіемъ и закрѣплены, благодаря преобладанію нагуатлакскаго элемента въ центрѣ испанской колонизаціонной области. Безъ сомнѣнія, также было и на сѣверѣ.

Историческія преданія племенъ нагуасовъ даютъ право заключить, что первоначальная родина ихъ, хотя и находилась въ сѣверной части, но, во всякомъ случаѣ, еще въ предѣлахъ той области, въ которой испанцы застали преобладаніе ихъ племенъ. Какъ іероглифическія записи, сдѣланныя отчасти еще до періода завоеванія, такъ и свѣдѣнія, добытыя у туземцевъ испанскими хроникерами, указываютъ, что племена нагуасовъ въ теченіе долгаго времени жили въ тѣхъ же предѣлахъ, гдѣ ихъ нашли въ XVI вѣкѣ; то были совершенно нецивилизованные охотничьи и рыбачьи народы. Кромѣ нихъ, существовало еще нѣсколько родственныхъ народностей, которыя не пріобщились къ культурнымъ пріобрѣтеніямъ соплеменниковъ, поставленныхъ въ болѣе благопріятныя условія. Еще свѣжо было то время, когда, согласно преданію, нѣкоторыя племена, найденныя испанскими завоевателями на высотѣ общей цивилизаціи, отказались отъ кочевой жизни и вмѣстѣ съ земледѣліемъ восприняли блага культуры.

Вообще осѣдлость, которую мы отнюдь не должны представлять себѣ даже у самыхъ цивилизованныхъ народовъ въ тѣхъ образцахъ, въ какихъ она развилась у культурныхъ націй Стараго Свѣта, свойственна была нагуасамъ, и въ частности ацтекамъ, лишь въ слабой степени. Подобно майясамъ, индѣйцы центральной Америки, подъ давленіемъ неблагопріятно сложившихся политическихъ условій, легко покидали мѣста, на которыхъ цѣлыя поколѣнія народа жили, работали, возводили постройки. Ацтеки, которые сами утверждаютъ, что они были послѣдними переселенцами, покинувшими общую родину Астланъ-Чикомостокъ, продолжали еще десятки лѣтъ свое движеніе, чуть ли не въ самую историческую эпоху, между различными другими націями племени нагуасовъ, хотя эти послѣднія уже давно перешли къ осѣдлости и сдѣлали большіе успѣхи въ культурномъ отношеніи. Немыслимо, чтобы при такомъ неравенствѣ развитія, при неблагопріятной обстановкѣ, въ которой протекаетъ кочевая жизнь еще не цивилизованнаго народа, преданіе могло сохраниться не извращеннымъ. По всей вѣроятности, вь основаніи легенды о выходѣ нагуасовъ

изъ Астланъ-Чикомостока лежатъ миѳологическія и религіозныя представленія.

Нагуасы были всецѣло и во всѣ времена внутри-материковымъ племенемъ. Если и допустить, что они появились на Атлантическомъ и Тихоокеанскомъ побережьяхъ, то это случилось очень поздно, причемъ они вытѣснили болѣе древнее населеніе, повидимому, не находившееся въ племенномъ родствѣ съ ними. Но даже послѣ того, какъ отдѣльныя народности ихъ освоились съ тропическимъ климатомъ побережья, они продолжали питать нерасположеніе континентальнаго народа къ „великимъ соленымъ водамъ“. Въ то время, какъ майясы вели изъ своихъ гаваней обширную морскую торговлю, нагуасы, даже въ эпоху самыхъ обширныхъ торговыхъ сношеній, ограничивались сухопутной торговлей, несмотря на то, что многія народности этого племени умѣли строить рыбачьи лодки. Однако, при всемъ нерасположеніи къ морю, нагуасы несомнѣнно любили воду. Это доказывается уже легендой, которая помѣщаетъ ихъ родину у большой воды, и въ ихъ исторіи озера Анагуакскаго плоскогорья играютъ выдающуюся роль. Помимо области великихъ озеръ, имѣется еще цѣлый рядъ центровъ нагуатлакскаго развитія, которые были расположены на берегу озеръ, каковы Тескуко, Чалко и Теноxтитланъ. И въ исторіи, и въ сказаніяхъ постоянно говорится о водѣ и ея произведеніяхъ.

Положеніе мѣстообитаній нагуасовъ сдѣлало ихъ народомъ охотниковъ и рыболововъ. Но, помимо того, у нихъ выработалось еще другое качество: дикій, воинственный духъ. Правда, подъ снѣжными вершинами Кордильеръ, въ высокихъ долинахъ Мексики, гдѣ господствуетъ вѣчная весна, мы могли бы скорѣе ожидать, что встрѣтимъ не суровыхъ воиновъ, а безпечный, любящій наслажденія народъ. Охота также не могла особенно закалить ихъ: во всей странѣ ихъ не было дичи, съ которою охотникъ не могъ бы справиться при помощи самаго простого оружія. Нагуасы сдѣлались воинственными, несомнѣнно благодаря прежнимъ обитателямъ страны. Они не застали свою будущую родину незаселенною, какъ майясы въ Юкатанѣ. Судя по преданію, они встрѣтили здѣсь чуждое, не родственное населеніе, хотя свѣдѣнія такъ скудны, что невозможно прослѣдить этнографическую родословную этой расы. Въ миѳахъ нагуасовъ изображаются великаны нечеловѣческаго роста и съ непреодолимой силою. Нельзя, конечно, понимать это буквально, подобно стариннымъ испанскимъ хроникерамъ, которые считали огромныя кости допотопныхъ животныхъ за остатки скелетовъ этой расы гигантовъ. Тѣмъ не менѣе, мы вправѣ заключить отсюда, что нагуасамъ пришлось выдержать долгую и ожесточенную борьбу съ болѣе сильнымъ противникомъ, что они вынуждены были до послѣдней степени напрягать свои силы и вести безпощаднѣйшую истребительную войну прежде, чѣмъ имъ удалось отвоевать мѣсто для своего быстро развивавшагося племени. Въ этой то борьбѣ у чистаго первобытнаго народа и выработался дикій воинственный духъ.

Всюду, гдѣ нагуасы выходятъ изъ предѣловъ своей послѣдующей культурной области, какъ въ Юкатанѣ и Гватемалѣ, они являются передъ нами сильными и грозными воинами, но и въ предѣлахъ ихъ культурной сферы преданіе проникнуто воинственностью. Битвы и побѣды, завоеваніе и истребленіе играютъ въ ихъ разсказахъ выдающуюся роль. Въ тѣсной связи съ войною находится ихъ религія. Особенно ярко и ужасно эта черта проявляется въ кровавыхъ жертвоприношеніяхъ ацтековъ своему національному богу Уитцилопохтли. Въ этомъ необычайно жестокомъ культѣ хотѣли видѣть вліяніе до-нагуатлакскихъ народовъ и объясняли его временнымъ пребываніемъ ацтековъ въ области тарасковъ. Однако, не говоря уже о томъ, что, быть можетъ, и тараски составляютъ дальнюю вѣтвь семьи нагуасовъ, мы встрѣчаемъ кровавое поклоненіе божествамъ

сопряженное съ многочисленными человѣческими жертвами, не у однихъ ацтековъ, но, въ болѣе или менѣе рѣзкой формѣ, почти у всѣхъ народностей семьи нагуасовъ, и не только какъ необходимый элементъ культа одного божества, но какъ типичную форму поклоненія божествамъ вообще. Если бы большинство народовъ этого племени не было проникнуто одинаковыми религіозными воззрѣніями, то развѣ могъ бы осуществиться единственный во всемірной исторіи договоръ между Мексикой, Тласкалой и Гуэшотцинко, въ силу котораго всѣ три государства мирнымъ путемъ урегулировали взаимныя войны, чтобы располагать во всякое время достаточнымъ числомъ военноплѣнныхъ для принесенія въ жертву своимъ богамъ. Война, человѣческія жертвоприношенія и людоѣдство, какъ культъ, составляютъ характерныя черты жизни нагуасовъ. Причины, создавшія подобный національный характеръ цѣлаго племени, безусловно должны были дѣйствовать задолго до распаденія народа нагуасовъ на различныя вѣтви его, и притомъ гораздо раньше, чѣмъ осуществилось предполагаемое пребываніе ацтековъ въ странѣ тарасковъ.

Во всякомъ случаѣ, въ эпоху появленія испанцевъ нагуасы уже давнымъ давно перестали быть народомъ рыболововъ, охотниковъ и дикихъ воиновъ, какими они являются въ началѣ своего распространенія на плоскогорьи Анагуака. Путемъ вѣкового развитія, они усвоили культуру, которая могла соперничать съ культурою майясовъ и своимъ внѣшнимъ блескомъ совершенно ослѣпила испанцевъ. И, однако, эта культура, по единогласному признанію почти всѣхъ первоисточниковъ, не развивалась медленно и самобытно изъ самаго народа, но была принесена извнѣ, была привита. Почти всѣ племена чичимековъ — чичимеками чувствовали и считали себя всѣ племена нагуасовъ въ долинѣ Мексики, преданія которыхъ мы знаемъ — являются первоначально полудикими, кочующими, едва одѣтыми дикарями, которые вступаютъ на путь цивилизаціи лишь подъ вліяніемъ соприкосновенія съ древнѣйшими націями, перешедшими къ осѣдлости, занимающимися земледѣліемъ и живущими въ городахъ и государствахъ. Всѣ исторіи племени, въ которыя еще не успѣли внести путаницу смѣшенія христіанской хронологіи съ древнеамериканскою, простираются назадъ приблизительно на 6 или 7 вѣковъ. Многія племена, игравшія впослѣдствіи выдающуюся роль въ исторіи центральной Америки, только въ предѣлахъ этого періода оставили жизнь кочующихъ дикарей и восприняли первыя основы культуры. Однако, эти преданія, въ которыхъ единственнымъ мѣриломъ времени всегда является длинный рядъ правителей, безусловно предполагаютъ существованіе нѣсколькихъ государствъ, усвоившихъ цивилизацію въ болѣе раннюю эпоху.

Не столько въ этихъ древнѣйшихъ записяхъ, сколько у позднѣйшихъ историковъ народовъ нагуа, воспитавшихся на европейскихъ образцахъ, играютъ главную роль, какъ носители образованія, толтеки. Судя по формѣ, въ которой дошла до насъ легенда, толтеки представляютъ вѣтвь племени нагуасовъ, которая пришла съ сѣвера изъ Чикомостока въ городъ Гуэгуэтлапалланъ приблизительно въ IV вѣкѣ нашего лѣтосчисленія и въ началѣ VI вѣка основала на Мексиканскомъ плоскогорьи, вокругъ главнаго города Тулы, государство, достигнувшее въ очень короткое время баснословнаго расцвѣта культуры. Отсюда не только ведетъ начало вся таинственная мудрость толтековъ, и они, въ лицѣ своихъ жрецовъ и королей, не только искусно регулировали календарь и сдѣлали его обязательнымъ для всѣхъ другихъ народовъ, но и собрали матеріалъ для исторіи прошлаго и составили офиціальный текстъ ея. Главнымъ образомъ, они были учителями всѣхъ позднѣйшихъ народовъ въ области искусствъ и особенно архитектуры и скульптуры. Постройки, украшавшія ихъ столицы, отличались роскошью и величіемъ, съ которыми едва ли сравнятся самые знаменитые изъ позднѣйшихъ дворцовыхъ городовъ, каковы Тескуко

и Теночтитланъ. Просуществовавъ много вѣковъ, царство толтековъ рушилось около 1055 года, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ и натисковъ извнѣ, и область его растворилась въ другихъ сосѣднихъ государствахъ. Толтекская аристократія, разбѣжавшаяся послѣ паденія государства въ различныя мѣстности Анагуака, согласно преданію, всюду является носителемъ культурнаго прогресса, который, такимъ образомъ, не мало обязанъ этому разсѣянію ея между всѣми народами племени нагуасовъ.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, смыслъ легенды; но въ частностяхъ здѣсь господствуетъ значительная путаница. Даже у индѣйскаго историка Иштличочитля, отца легенды о толтекахъ, въ двухъ описаніяхъ его не сходятся между собою хронологическія данныя, имена и подробности. Многое изъ того, что̀ разсказывается о толтекахъ, есть не болѣе какъ сказаніе, въ которомъ миѳологическіе элементы безспорно играютъ большую роль. Такъ, будто бы существовалъ законъ, согласно которому каждый отдѣльный правитель долженъ былъ царствовать ровно 52 года, не болѣе и не менѣе. Если онъ жилъ дольше, то, по истеченіи 52 лѣтъ, передавалъ бразды правленія своему старшему сыну; если же онъ умиралъ раньше этого срока, то до наступленія послѣдняго именемъ его правилъ совѣтъ старѣйшинъ. 52 года соотвѣтствуютъ періоду большого мексиканскаго цикла лѣтъ, при помощи котораго устанавливается согласіе между обрядовымъ календаремъ и дѣйствительнымъ солнечнымъ годомъ. Въ началѣ этого періода при торжественномъ церемоніалѣ зажигается новый священный огонь въ томъ убѣжденіи, что этимъ обезпечивается существованіе міра на 52 года впередъ. Но чѣмъ дальше мы удаляемся вглубь временъ, тѣмъ факты становятся неопредѣленнѣе, а миѳологическій элементъ, наоборотъ, все болѣе беретъ перевѣсъ. Раскопки, которыя были повторно производимы въ нѣсколькихъ миляхъ къ сѣверу отъ Мексики, на мѣстѣ предполагаемой столицы блестящаго царства толтековъ въ городѣ Тулѣ, обнаружили, правда, древнія развалины, но весьма ограниченныя и маловажныя. Вообще, вопреки легендѣ о толтекахъ, художественное значеніе остатковъ построекъ на почвѣ древнихъ государствъ нагуасовъ безспорно уменьшается въ направленіи съ юга на сѣверъ. Затѣмъ, если исключить основаніе и разрушеніе, то почти все, что̀ разсказывается о толтекахъ, вращается около личности короля Кетцалкоатля. Это имя, означающее, подобно Кукулкану маяйсовъ, пернатую змѣю, есть въ то же время названіе божества, которое въ позднѣйшія эпохи было почитаемо на обширномъ протяженіи царства нагуасовъ. Это тѣмъ болѣе подозрительно, что и другія имена различныхъ королей напоминаютъ имена боговъ и преданіе ставитъ многихъ королей прямо на ряду съ богами. Это обстоятельство все болѣе и болѣе подрывало историческую достовѣрность сказанія о толтекахъ. Быть можетъ, нѣкогда и существовало царство толтековъ съ главнымъ городомъ Тулой, быть можетъ, оно играло даже извѣстную роль въ племенныхъ распряхъ мелкихъ царствъ нагуасовъ; но вообще толтеки отнюдь не могутъ быть признаны носителями культуры Анагуака.

Названіе Туланъ встрѣчается также въ легендахъ о происхожденіи майясовъ; но оно соотвѣтствуетъ не одной какой нибудь опредѣленной мѣстности, а является общимъ обозначеніемъ для большой, богато разукрашенной резиденціи правителя. Легенда упоминаетъ въ одно и то же время не менѣе, чѣмъ о четырехъ Туланахъ. Простѣйшее разрѣшеніе недоразумѣнія заключалось бы въ томъ, чтобы признать Тулу, въ сказаніи о нагуасахъ, тождественною съ городами майясовъ того же имени и самыхъ майясовъ — толтеками нагуасовъ. Къ сожалѣнію, такое толкованіе встрѣчаетъ важныя затрудненія. Толтеки все-таки представляютъ родственное племя нагуасовъ, т. е. народъ, говорящій на нагуатлѣ. Соотвѣтственно тому, мѣстообитаніемъ ихъ считается сѣверъ позднѣйшей области нагуасовъ, мексиканское плоскогорье: ни то, ни другое не можетъ быть приведено въ связь

съ майясами. Но если мы не вправѣ отождествлять майясовъ съ толтеками, то, съ другой стороны, едва ли возможно оспаривать отношеніе зависимости между культурою майясовъ и культурою нагуасовъ. Какимъ путемъ результаты культурнаго развитія майясовъ сдѣлались доступными народамъ нагуасовъ? Какимъ образомъ эта культура распространилась отъ береговъ Табаско до самыхъ сѣверныхъ возвышенностей мексиканскаго плоскогорья?

Благодаря особымъ политическимъ условіямъ, какія испанцы нашли при завоеваніи на мексиканскомъ плоскогорьи, мы располагаемъ достовѣрными свѣдѣніями лишь относительно исторіи тѣхъ народностей, которыя жили въ Анагуакѣ, т. е. вблизи мексиканскихъ озеръ. Наоборотъ, многочисленные народы родственнаго происхожденія, населявшіе мѣстности къ сѣверу и далеко къ югу отъ плоскогорья, были почти также чужды ацтекамъ и родственнымъ націямъ Анагуака, какъ и майясы. Въ историческую эпоху непосредственными сосѣдями майясовъ Гватемалы были сапотеки, мистеки и куикатеки. Хотя, по всей вѣроятности, они также мѣняли мѣста, какъ нагуасы Анагуака, но, тѣмъ не менѣе, между этой вѣтвью семьи нагуасовъ и майясами издавна установились сосѣдственныя отношенія. На такую тѣсную связь указываютъ даже тѣ скудныя данныя, какими мы располагаемъ для возстановленія древнѣйшей исторіи этихъ племенъ.

Одна образная рукопись куикатекскаго происхожденія, которая лишь недавно сдѣлалась извѣстною, разсказываетъ, какъ куикатеки, подъ управленіемъ своего племенного бога, — имя его было, повидимому, Маоллинъ — странствовали и дѣлали военные набѣги въ теченіе шести вѣковъ въ пограничныхъ областяхъ между древними мѣстообитаніями майясовъ и нагуасовъ. Правда, не всѣ мѣстности, названія которыхъ упоминаются въ этой рукописи, могутъ быть установлены въ точности, но въ числѣ ихъ есть указанія на Гватемалу и Чіапасъ. Первоначально движеніе шло въ южномъ направленіи, не въ дальнемъ разстояніи отъ тихоокеанскаго берега. Но тамъ куикатеки, въ концѣ концовъ, натолкнулись на непреодолимое препятствіе, что́ заставило ихъ держаться восточнаго направленія. Они пересѣкли поперекъ сѣверную Гватемалу, очутились затѣмъ въ Чіапасѣ и несомнѣнно дошли до области Акалана, которая непосредственно граничитъ съ Юкатаномъ. Нужно думать, что эти и аналогичныя съ ними передвиженія племенъ нагуасовъ были причиною разрушенія цвѣтущихъ городовъ майясовъ въ Чіапасѣ и Табаско (ср. выше стр. 242). Но если главная масса майясовъ уходила отъ надвигавшагося врага и покидала старыя мѣста обитанія, то были, безъ сомнѣнія, и такіе, которые добровольно подчинялись новымъ пришельцамъ и обязывались къ извѣстнымъ работамъ и къ уплатѣ дани, или же силою удерживались въ неволѣ. Въ этихъ то элементахъ мы должны видѣть культурныхъ посредниковъ между народами майясовъ и нагуасовъ.

Тотъ фактъ, что народъ съ высшей культурою безсильно изнемогаетъ отъ мощнаго натиска ниже стоящихъ по культурѣ племенъ, но затѣмъ, благодаря своему лучшему образованію, быстро беретъ верхъ надъ побѣдителями, пріобщая ихъ къ своей цивилизаціи, не представляетъ для насъ ничего новаго: то же самое происходило въ Старомъ Свѣтѣ во времена германскаго переселенія народовъ. Мы не можемъ въ точности сказать, въ какой мѣрѣ культура майясовъ коснулась именно куикатековъ; но вліяніе ея весьма характерно отразилось на сапотекахъ. Нельзя, правда, съ такою же вѣрностью доказать проникновеніе ихъ въ область культуры майясовъ; но позднѣе мы встрѣчаемъ ихъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ майясами и отчасти даже въ мѣстности, которая несомнѣнно была раньше заселена майясами, какъ доказываютъ найденныя древности. Воздѣйствіе культуры майясовъ на сапотековъ выразилось въ очень рѣзкой формѣ.

Даже языкъ ихъ содержитъ сильную примѣсь словъ и формъ изъ языковъ майясовъ. Было бы, однако, ошибочно, сомнѣваться на этомъ основаніи въ принадлежности ихъ къ племени нагуасовъ. Во-первыхъ, въ описаніяхъ испанцевъ сапотеки всегда разсматриваются какъ нація, чуждая майясамъ и близко стоящая къ народностямъ Мексики. Во-вторыхъ, то немногое, что̀ намъ удалось самимъ узнать о нихъ, указываетъ имъ мѣсто среди націй племени нагуасовъ. Однако, мы должны причислить ихъ къ тѣмъ народностямъ нагуасовъ, которыя уже въ очень раннюю эпоху перешли отъ дикаго образа жизни древнихъ охотничьихъ народовъ къ болѣе цивилизованнымъ условіямъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что сапотеки въ теченіе цѣлыхъ столѣтій играли руководящую роль между народами нагуасовъ въ отношеніи культурнаго развитія. Значительная доля историческихъ сокровищъ, дошедшихъ до насъ изъ эпохи независимаго культурнаго развитія нагуасовъ, принадлежитъ сапотекамъ. Рукописи ихъ (см. таблицу „Листъ изъ нагуасской рукописи сапотекскаго происхожденія, хранящейся въ Вѣнѣ“) написаны не знаками майясовъ, но, за немногими характеристическими отклоненіями, представляютъ тотъ же способъ письма, какъ ацтекскіе и другіе документы безспорно нагуатлакскаго происхожденія. Нужно думать, что сапотеки или близкія къ нимъ племена выработали подъ вліяніемъ того, чему они научились у майясовъ, тотъ способъ письма, который сдѣлался впослѣдствіи общимъ достояніемъ всѣхъ нагуаскихъ народовъ.

Дальнѣйшее сходство между рукописями майясовъ и сапотековъ заключается въ обширномъ пользованіи религіознымъ календаремъ, которому отводится важное мѣсто и въ тѣхъ, и въ другихъ и въ которомъ майясы, какъ извѣстно, обнаружили поразительныя знанія въ области астрономическихъ явленій. Оригинальная священная календарная система майясовъ, которая покоится на комбинаціи чиселъ 20 и 13, не встрѣчающейся нигдѣ болѣе на земномъ шарѣ, не только была принята въ существенныхъ чертахъ сапотеками и всѣми прочими народами нагуасовъ: при болѣе тщательномъ изслѣдованіи выяснилось, что названія отдѣльныхъ дней, которыя всѣ безъ исключенія заимствованы отъ предметовъ повседневной жизни, въ сущности совершенно одинаковы на всѣхъ языкахъ, на которыхъ вообще сдѣлались намъ извѣстными календарны[е] названія. Это сходство простирается такъ далеко, что даже названія дней, которыми могъ начинаться (по комбинаціи съ солнечнымъ годомъ) священный или обрядовый годъ изъ 13×20=260 дней, чередуются группами между народами майясовъ и нагуасовъ. При этомъ мы можемъ отличить древнѣйшую группу, состоящую изъ майясовъ Чіапаса и Табаско, изъ сапотековъ и родственныхъ племенъ, отъ болѣе молодой группы, въ составъ которой входятъ юкатекскіе майясы и ацтекскіе нагуасы. Очевидно, такое совпаденіе не можетъ быть случайнымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, если при ять въ соображеніе своеобразное развитіе, котораго достигли у майясовъ астрономическія науки, для насъ будетъ не менѣе ясно, кто въ этомъ случаѣ является дающимъ и кто — получающимъ.

Наконецъ, сапотеки были учениками майясовъ еще въ одной области: въ архитектурѣ. Въ древней области сапотековъ, нынѣшней мексиканской провинціи Оахака, встрѣчаются въ различныхъ мѣстахъ развалины древнеиндѣйскихъ сооруженій; но большинство ихъ настолько уже разрушено, что трудно составить себѣ болѣе или менѣе ясное представленіе о прежнемъ состояніи ихъ. Исключеніе отсюда составляютъ однѣ лишь развалины Митлы, которыя, благодаря большей прочности и величественности постройки, въ состояніи были дольше сопротивляться времени. Митла есть мексиканское названіе города, который былъ извѣстенъ у сапотековъ подъ названіемъ Іопаа: и то, и другое означаетъ „мѣсто умершихъ“. Возможно, что Шибалбай майясовъ, что̀ также означаетъ „городъ усопшихъ“, соотвѣтствуетъ древнѣйшему названію этого города и той эпохѣ, когда здѣсь жили

еще майясскіе народы (ср. выше стр. 233). Живопись, которую мы встрѣчаемъ въ храмовыхъ покояхъ Митлы и которая отчасти еще хорошо сохранилась, конечно, ничего не доказываетъ: она, безъ сомнѣнія, позднѣйшаго происхожденія и принадлежитъ культурѣ народовъ нагуа. Съ другой стороны, архитектурный характеръ построекъ, съ помѣщеніями частью наземными, частью подземными, всегда крытыми, нерѣдко въ формѣ арокъ, гораздо ближе подходитъ къ строительнымъ пріемамъ майясовъ, чѣмъ къ архитектурѣ болѣе молодыхъ нагуатлакскихъ народовъ. Такъ, напр., храмовыя постройки ацтековъ состояли почти исключительно изъ высокихъ и художественно орнаментированныхъ пирамидъ, на которыхъ или совсѣмъ не было надстроекъ, или незначительныя сооруженія изъ непрочнаго матеріала. Въ преданіи индѣйцевъ Митла сохранилась только какъ городъ усопшихъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что она долго была священнымъ мѣстомъ погребенія королей, верховныхъ жрецовъ и сановниковъ сапотекскаго царства. Тѣмъ не менѣе, въ эпоху расцвѣта государства назначеніе ея, во всякомъ случаѣ, было менѣе печальное. Она является резиденціей не только верховныхъ жрецовъ высшаго божества, но и правителей. Здѣсь находился дворъ короля или, по крайней мѣрѣ, одного изъ могущественнѣйшихъ сапотекскихъ правителей.

Правда, историческія свѣдѣнія относительно царства сапотековъ обнимаютъ періодъ менѣе столѣтія до завоеванія. Когда владѣнія ацтековъ начали расширяться въ юго-западномъ направленіи, сапотеки обратили на себя вниманіе ацтекскихъ правителей. Около 1484 года Ауицотль, седьмой король Мексико-Теночтитлана, проникъ вглубь сапотекской территоріи, прежде всего въ направленіи Тегуантепека, и въ крѣпости Гуашіакакѣ создалъ базисъ для дальнѣйшихъ завоевательныхъ походовъ. Въ это время различные сапотекскіе города или княжества, если не были подчинены, то сдѣлались данниками ацтековъ. При этомъ и Митла, священный городъ сапотековъ, какъ говоритъ преданіе, былъ завоеванъ и разрушенъ мексиканцами. Подтвержденіемъ преданія служитъ то обстоятельство, что послѣдніе короли перенесли свою столицу въ Теотсапотланъ. Въ то же время ацтеки возвели укрѣпленія Каутенанко, Теотитланъ и Гуашіакакъ, которыя служили не только опорными точками для оставленнаго тамъ ацтекскаго гарнизона, но и для сборщиковъ дани, и для купцовъ; послѣдніе въ войнахъ ацтековъ почти всегда брали на себя роль развѣдчиковъ и авангардовъ.

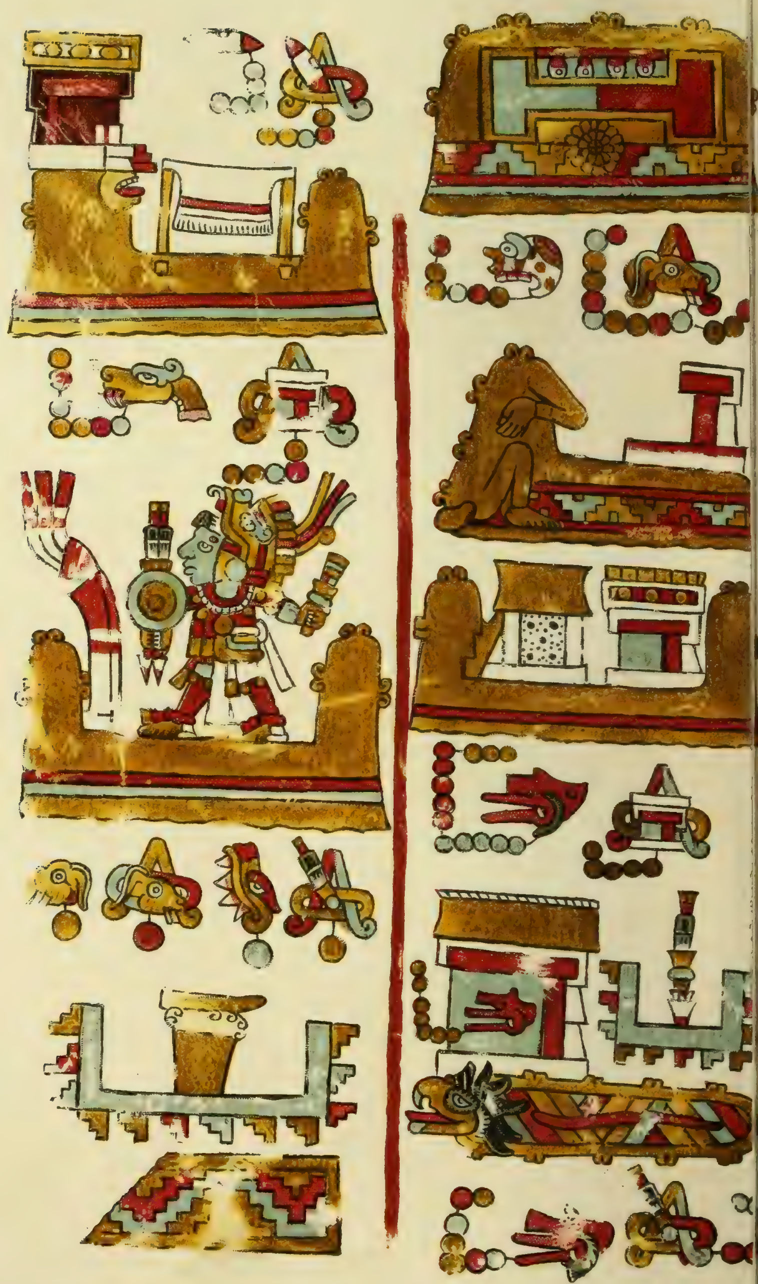
Спустя около 10 лѣтъ сапотекскія страны сдѣлались ареною новыхъ войнъ. Мексиканцы сумѣли въ такой степени возбудить къ себѣ ненависть во всей окружности своихъ укрѣпленій, что вспыхнуло возмущеніе, принявшее широкіе размѣры, и враги, находившіеся въ постоянныхъ распряхъ между собою, соединились для совмѣстнаго нападенія. Соединенныя силы сапотековъ, мистековъ и сосѣднихъ мелкихъ племенъ безжалостно истребляли все, что̀ находилось внѣ крѣпостныхъ стѣнъ, и самыя крѣпости были тѣсно блокированы. Напрасно Ауицотль посылалъ войско за войскомъ на выручку осажденныхъ, молившихъ о помощи. Союзники ловко уклонялись отъ боя въ открытомъ полѣ; но когда имъ удалось заманить мексиканцевъ далеко вглубь ущелій свой гористой страны, они неожиданно произвели нападеніе со всѣхъ сторонъ и не дали спастись ни одному человѣку; некому было даже принести домой вѣсть о несчастномъ исходѣ. Такъ какъ ацтекскимъ войскамъ приходилось одновременно сражаться и въ другихъ мѣстахъ, то, въ концѣ концовъ, Ауицотль предпочелъ путемъ договора положить конецъ войнѣ на югѣ. Если мексиканцы не могли въ этомъ случаѣ побѣдить своихъ противниковъ силою оружія, то тѣмъ успѣшнѣе они дѣйствовали въ сферѣ политики. Они переманили на свою сторону главу союзниковъ, сапотекскаго короля Коцийоесу, обѣщавъ ему, вмѣстѣ съ рукою мексиканской принцессы,

Листъ изъ хранящейся въ Вѣнѣ нагусской рукописи сапотекскаго происхожденія.

Воспроизведенный здѣсь листъ принадлежитъ къ серіи Codex Viennensis, въ которой образное письмо правильно соединяется съ календарными знаками. Отсюда можно заключить, что неразгаданныя еще изображенія имѣютъ историческій смыслъ. Числа слагаются изъ обозначенія дня и года; годъ обозначается знакомъ начальнаго дня, похожимъ на римское А. Числа съ болѣе извѣстными ацтекскими обозначеніями читаются такъ:

5 текпатль, г. 5 текпатль (кремень, сапотек.: опа)	6 оселотль, г. 13 точтли (тигръ сап. эче)	4 мазате, г. 4 акатль (олень сап. чина)	1 сипактли, г. 1 акатль
7 точтли. г. 5 калли (кроликъ домъ сап. лапа эла)	13 чекатль, г. 5 кальи (вѣтеръ сап. лаа)	7 акатль, г. 7 акатль	7 кіагуйтль, г. 3 кальи (дождь сап. апе)
1 точтли, г. 1 точтли			
1 сипактли, г. 1 акатль (Крокодилъ тростникъ сап. чилья куих)	7 чекатмь, г. 7 акатль	2 акатль, г. 2 акатль	1 сипактли, г. 1 акатль

Нѣкоторыя изъ этихъ изображеній, безъ сомнѣнія, должны быть понимаемы въ смыслѣ идеографическаго письма. Такъ, второе изображеніе въ первомъ столбцѣ представляетъ мужчинъ въ военныхъ доспѣхахъ, со щитомъ, копьемъ и метательнымъ снарядомъ; то же самое означаютъ, быть-можетъ, самыя нижнія изображенія трехъ послѣднихъ столбцовъ. Нѣкоторыя, вѣроятно, скорѣе принадлежатъ фонетическимъ знакамъ (именамъ?), какъ, напр., первое изображеніе, состоящее изъ трехъ элементовъ, дома, рта и верхней одежды. Второе изображеніе второго столбца состоитъ изъ элементовъ: туловища, камня и цыновки. Но, какъ уже сказано, рукопись еще не вполнѣ разобрана.



Исторія человѣчества. I.

Листъ изъ мексиканской рукоп

(Съ оригинала Кор.-Имп. Пр

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

…и цапотекскаго происхожденія.

…орной Библіотеки въ Вѣнѣ.)

миръ и независимость и даже расширеніе владѣній. Съ другой стороны, жестокимъ подчиненіемъ мистековъ мексиканцы возстановили поколебавшуюся вѣру въ ихъ военное превосходство. Коцийоеса сохранилъ независимость своего царства даже по отношенію къ послѣднимъ мексиканскимъ королямъ и, умирая, могъ передать престолъ своему сыну Коцийопу. Насколько велики были ненависть къ ацтекамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страхъ передъ ними, выяснилось, когда пришли въ страну испанцы: сапотеки и тласкаланцы предложили испанцамъ миръ и содѣйствіе противъ ненавистныхъ враговъ, хотя этимъ взяли на себя, въ концѣ концовъ, пожалуй, не меньшее иго сравнительно съ ацтекскимъ.

Культура центральной Америки въ видоизмѣненной сапотеками формѣ проникла далѣе къ сѣверу и сдѣлалась, наконецъ, достояніемъ почти всѣхъ нагуаскихъ народовъ. Но мы не въ состояніи уловить отдѣльныя фазы этого процесса въ скудныхъ остаткахъ, которые уцѣлѣли отъ племенъ нагуасовъ, поселившихся между сапотеками и плоскогорьемъ Анагуака. О мистекахъ мы знаемъ, что они также строили ступенчатыя пирамиды и на нихъ воздвигали алтари своимъ богамъ; они точно также въ письменахъ, которыя мы впервые встрѣчаемъ у сапотековъ, передали намъ исторію своихъ боговъ и правителей; они, наконецъ, регулировали послѣдованіе своихъ дней и праздниковъ на основаніи календаря, составленнаго на тѣхъ же принципахъ, какъ и календарь центральной Америки. Но представить болѣе точную характеристику положенія, которое занимало это племя въ качествѣ посредника культуры, невозможно. Чѣмъ дальше мы подвигаемся къ сѣверу, тѣмъ болѣе культурное развитіе принимаетъ форму, которую можно назвать ацтекской ступенью средне-американской цивилизаціи. Эта культура, хотя и возникла на почвѣ древней культуры майясовъ, но, развиваясь въ теченіе вѣковъ почти безъ постороннихъ вліяній, приняла самостоятельное направленіе.

Въ сѣверныхъ странахъ мы лишь одинъ разъ наталкиваемся на воспоминаніе о происхожденіи мексиканской культуры изъ болѣе южныхъ областей: это — въ Чолулѣ. Знаменитая пирамида, носящая названіе этого города и приводившая въ изумленіе испанскихъ завоевателей, находится въ такомъ состояніи разрушенія, что, на основаніи художественнаго характера ея, невозможно указать ей опредѣленное мѣсто въ предѣлахъ американскаго искусства. Но старые хроникеры разсказываютъ, что на вершинѣ ея стоялъ закрытый храмъ, тогда какъ ацтекскія храмовыя пирамиды обыкновенно увѣнчивались открытымъ алтаремъ. Это обстоятельство напоминаетъ уже архитектуру болѣе южныхъ племенъ, съ чѣмъ гармонируетъ и названіе божества, которому былъ посвященъ храмъ: Кетцалкоатль, т. е. пернатая змѣя. Религіозное представленіе, которое лежитъ въ основаніи символа пернатой змѣи, слишкомъ распространено на американской почвѣ, и поэтому почитаніе подобнаго рода божества еще не служитъ безусловнымъ доказательствомъ заимствованія. Для объясненія тождественности символовъ совершенно достаточно допустить аналогичный ходъ развитія въ миѳологическихъ представленіяхъ американскихъ народовъ. Но въ Чолулѣ и въ культѣ бога Кетцалкоатля дѣло идетъ не о простомъ сходствѣ съ Кукулканомъ или Гукумасомъ майясовъ, но о полномъ тождествѣ божества, а равно легенды о немъ и служенія ему. А это не могло произойти безъ тѣснаго взаимнаго соприкосновенія.

Согласно мексиканскому преданію, Кетцалкоатль въ сопровожденіи немногихъ спутниковъ точно также переплылъ восточный океанъ на челнокѣ (см. рис. 5 на табл. „Листъ изъ дрезд. маясск. рукоп.“). На самомъ сѣверѣ страны, у рѣки Пануко, онъ вступилъ на мексиканскую землю. Величественная фигура, украшенная бородою, что̀ составляло рѣдкость между туземцами, въ блестящемъ одѣяніи, предстала передъ глазами обнаженныхъ дикарей, населявшихъ въ то время страну. Кетцалкоатль вскорѣ научилъ

ихъ мирнымъ искусствамъ, земледѣлію и ткацкому искусству; онъ далъ имъ письмо, чтобы они запомнили его ученіе, и календарь для регулированія его культа. Затѣмъ, создавъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда лишь бродили охотники, благоустроенное государство, онъ снова исчезъ, обѣщавъ своему народу вернуться къ нему. Все это до мельчайшихъ подробностей совпадаетъ съ легендою майясовъ о Кукулканѣ, и не можетъ быть сомнѣнія въ позаимствованіи. Къ этому должно прибавить еще одно обстоятельство: обычай человѣческаго жертвоприношенія составляетъ характерную черту почитанія боговъ у нагуасовъ. Въ основаніи его лежало религіозное представленіе, что подносимое божеству путемъ жертвоприношенія освящается, такъ сказать, перевоплощается въ божество. Поэтому, тотъ, кто приносился въ жертву, часто уже до своей смерти становился предметомъ поклоненія наравнѣ съ божествомъ. Поэтому трупъ и поѣдался, чтобы каждый, кто участвовалъ въ этомъ, воспринялъ въ себя часть божественной субстанціи. Поэтому и кожа, снятая съ жертвы, служила священной оболочкой для образа самаго божества или, по крайней мѣрѣ, для жрецовъ, какъ представителей божества на землѣ.

Эти представленія вполнѣ нагуатлакскаго характера, и мы вовсе не встрѣчаемъ слѣдовъ ихъ у древнихъ майясовъ, которыхъ не коснулось вліяніе нагуасовъ. Даже у болѣе молодыхъ народностей того же происхожденія, у которыхъ привились человѣческія жертвоприношенія въ ограниченныхъ размѣрахъ, они не сопровождаются обрядностями, характерными для нагуасовъ. Кетцалкоатль даже въ сознаніи ацтековъ всегда является божествомъ, которое не только отклоняло человѣческія жертвы для собственнаго культа, но принципіально питало отвращеніе къ этому обычаю, отличительному для нагуасовъ. И это относится даже къ той эпохѣ, когда онъ достигъ своего наивысшаго развитія и распространенія подъ главенствомъ ацтековъ. Наряду съ кровавымъ культомъ Уитцилопохтли и Тескатлипока съ публичными жертвоприношеніями, поклоненіе Кетцалкоатлю въ закрытомъ храмѣ, сопровождавшееся самобичеваніемъ и одними лишь безкровными жертвами, представляетъ какъ бы родъ оппозиціоннаго тайнаго культа. Послѣдній король ацтековъ, Монтесума, обратился къ этому божеству только тогда, когда собственные боги его и ихъ жрецы оказались безсильными противъ бородатыхъ чужеземцевъ, явившихся черезъ восточное море и украшенныхъ блестящими металлами.

Еще въ одномъ мѣстѣ почва Мексики на обширномъ пространствѣ представляется довольно густо покрытою развалинами древнихъ сооруженій — на восточной береговой полосѣ къ сѣверу отъ Веракруса, въ области тотонаковъ. Замѣчательно, что сосѣдями этихъ строителей нагуасовъ также являются майясы, именно, вѣтвь майясовъ, отброшенная къ сѣверу, такъ наз. гуастеки. Но число развалинъ въ ихъ собственной странѣ такъ незначительно, и наши свѣдѣнія объ исторіи ихъ такъ ничтожны, что было бы слишкомъ смѣло приписывать культурному вліянію этой кучки остатки многочисленныхъ построекъ, открытыхъ въ области тотонаковъ. Въ то же время самыя постройки носятъ здѣсь совершенно иной характеръ, чѣмъ въ области майясовъ. Правда, и здѣсь фундаментомъ для священныхъ мѣстъ богослуженія является ступенчатая пирамида, которая вообще составляетъ типъ, одинаково обычный какъ въ области майясовъ, такъ и нагуасовъ. Но въ этомъ случаѣ массивныя лѣстницы и ограда, на подобіе вала, окружающая самую верхнюю террасу, составляютъ уже уклоненія отъ общей основной формы и какъ бы напоминаютъ цѣли фортификаціи, которыя замѣтно выступаютъ въ устройствѣ тотонакскихъ городовъ и становятся тамъ характернымъ признакомъ. Вообще пирамиды тотонаковъ не были увѣнчаны, повидимому, массивными каменными храмами и, слѣдовательно, приближаются къ нагуасской формѣ. Тѣ немногіе при-

мѣры, гдѣ на самой верхней площадкѣ пирамиды красуется каменный храмъ, все-таки приближаются къ стилю построекъ центральной Америки въ томъ отношеніи, что надъ зданіемъ, низкимъ и узкимъ, по сравненію съ общей массой сооруженія, подымается чрезвычайно объемистая крыша; подавляющее дѣйствіе послѣдней смягчается лишь ложнымъ фасадомъ наверху.

О томъ, въ какой мѣрѣ народы нагуа самостоятельно развивали свой художественный стиль въ эпоху ихъ наивысшаго культурнаго расцвѣта до самаго прибытія испанцевъ, мы могли бы лучше судить въ томъ случаѣ, если бы большіе города, описанія которыхъ изумленные завоеватели оставили намъ въ самыхъ яркихъ краскахъ, сохранились хотя бы въ видѣ значительныхъ развалинъ до того времени, когда на нихъ стали обращать систематическое вниманіе. То, что открыто нынѣ въ этихъ бывшихъ культурныхъ центрахъ, тѣ немногіе слѣды древности такъ мало гармонируютъ съ блестящими описаніями конкистадоровъ, что невольно думается о преувеличеніи, которое объясняется изумленіемъ, или же приходится допустить, что значительная часть этихъ роскошныхъ построекъ состояла изъ гораздо болѣе непрочнаго матеріала, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ.

Изъ развалинъ чисто нагуатлакскаго происхожденія заслуживаютъ особаго вниманія только двѣ: Теотіуаканъ и Шочикалко. Однако, не смотря на необычайно длинныя генеалогіи различныхъ нагуаскихъ княжескихъ родовъ, историческое воспоминаніе объ этихъ народахъ быстро изгладилось, и лучшимъ доказательствомъ этого служитъ Теотіуаканъ. Этотъ городъ уже почти превратился въ миѳъ въ сознаніи того поколѣнія, съ которымъ пришли въ соприкосновеніе завоеватели. И, однако, въ теченіе столѣтій онъ былъ для націй нагуасовъ Анагуакскаго плоскогорья религіознымъ центромъ, такимъ же священнымъ городомъ, какъ Мекка для магометанъ или Іерусалимъ для христіанъ. Изъ источниковъ трудно усмотрѣть, — игралъ ли онъ и политическую роль въ эпоху господства древнѣйшихъ чичимековъ; но основаніе его относится ими къ самой отдаленной древности, при чемъ всѣ они единогласно признаютъ этотъ городъ мѣстомъ наиболѣе священныхъ храмовъ и наиболѣе почитаемыхъ жрецовъ, сословіе которыхъ всегда пользовалось громаднымъ вліяніемъ. Трудно рѣшить, насколько современныя обозначенія главнѣйшихъ пирамидъ Теотіуакана, какъ, напр., холмъ солнца, холмъ луны и т. д. оправдываются археологическими находками; но несомнѣнно вѣрно названіе „дорога умершихъ“ для длиннаго ряда маленькихъ холмовъ, которые тянутся рядомъ съ большими пирамидами. Теотіуаканъ, подобно Митлѣ, былъ не только мѣстомъ поклоненія для живыхъ, но также священной усыпальницей, и быть похороненнымъ въ немъ считалось за особую благодать. Въ окружности этихъ развалинъ до самаго новѣйшаго времени находили неисчерпаемое множество маленькихъ сосудовъ и глиняныхъ фигурокъ, которыя обыкновенно предавались землѣ вмѣстѣ съ каждымъ умершимъ. И другія, упомянутыя выше обозначенія вполнѣ соотвѣтствуютъ древней культурѣ нагуасовъ.

Религія нагуасовъ также имѣла своимъ основаніемъ наиболѣе поражающія явленія природы, съ которыми человѣкъ встрѣчается повсюду. Правда, позднѣйшія вліянія повели къ преобразованію поклоненія природѣ въ антропоморфизированіе религіозныхъ представленій, при чемъ различныя добавленія постепенно исказили фигуры отдѣльныхъ божествъ. Тѣмъ не менѣе, почти всѣ боги различныхъ нагуатлакскихъ племенъ могутъ быть сведены къ опредѣленнымъ явленіямъ природы. Даже Уитцилопохтли, страшный богъ войны ацтековъ, культъ котораго сопровождался небывалымъ пролитіемъ человѣческой крови, обязанъ первоначально своимъ происхожденіемъ совершенно невинному представленію о природѣ. Онъ олицетворяетъ благодѣтельную силу солнца, которая проявляется весною

вмѣстѣ съ оплодотворяющимъ дождемъ, а въ концѣ лѣта отъ жгучаго зноя и высушивающихъ вѣтровъ слабѣетъ и умираетъ. Легенда разсказываетъ о рожденіи его путемъ удивительнаго зачатія, о его борьбѣ съ враждебными братьями и сестрами и смерти его, въ томъ же духѣ, который мы встрѣчаемъ у самыхъ различныхъ народовъ Стараго и Новаго Свѣта. Священнымъ символомъ Уитцилопохтли служитъ колибри, перья котораго, по сказанію, прикрывали лѣвую ногу бога въ память того, что мать его Коатликуэ восприняла его въ формѣ клубочка изъ перьевъ, который носила въ своей груди. Для мексиканскаго плоскогорья колибри имѣетъ то же значеніе, что ласточка въ умѣренномъ поясѣ: это — посолъ и вѣстникъ природы, пробуждающейся отъ зимняго сна. Каждую осень изображеніе Гуитцилопохтли при особыхъ религіозныхъ церемоніяхъ уничтожалось жрецомъ другого божества посредствомъ брошенной стрѣлы: это означало конецъ хорошаго времени года, возобновленіе котораго праздновалось весною, какъ возвращеніе Уитцилопохтли. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ видѣ колибри, онъ былъ вожакомъ ацтековъ въ ихъ странствованіяхъ и своимъ зовомъ „тіуи-тіуи“ манилъ ихъ все дальше и дальше, пока они не достигли мѣста своего величія. Здѣсь лежало первое зерно къ развитію антропоморфизма, такъ какъ на ряду съ птицею народъ ввелъ изображеніе его божества, и представители этого божества, жрецы. Всѣ эти представленія съ теченіемъ времени такъ слились между собою, что, въ концѣ концовъ, начали вѣрить, будто Уитцилопохтли изображаетъ историческую личность, которая уже впослѣдствіи была возведена на степень особаго племенного божества. Человѣческія жертвоприношенія играютъ существенную роль во всѣхъ нагуатлакскихъ культахъ; особые размѣры, которые они приняли у ацтековъ въ культѣ Уитцилопохтли объясняются, по всей вѣроятности, особенно дикими чертами, лежащими въ основѣ ихъ племенного характера.

Настоящее, главное божество нагуатлакскихъ народовъ есть Тескатлипока. Онъ въ еще болѣе осязательной формѣ является воплощеніемъ солнца. Это, съ одной стороны, солнце, приносящее все доброе, проливающее свѣтъ, тепло, плодородіе, а съ другой — опасная и вредная для человѣка сила, которая своимъ палящимъ зноемъ все сушитъ и своимъ огнемъ все пожираетъ. Въ первомъ отношеніи Тескатлипока первоначально игралъ для нагуасовъ ту же роль, что Кукулканъ - Кетцалкоатль для народовъ майя: это былъ отецъ культуры и образованія. Но съ теченіемъ времени, когда культъ пернатой змѣи въ образѣ Кетцалкоатля проникъ и къ нагуасамъ, начинаютъ складываться легенды о враждѣ между обоими божествами. Воспоминаніе о прежнемъ могуществѣ Тескатлипока побуждаетъ, въ концѣ концовъ, легенду изобразить этого бога побѣдителемъ надъ вторгнувшимся пришельцемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, онъ все болѣе и болѣе принимаетъ обликъ враждебнаго, хитраго, недружелюбнаго бога, тогда какъ съ образомъ Кетцалкоатля, хотя и низложеннаго, связываются благодѣтельныя силы, благосклонныя человѣку.

Для религіи нагуасовъ характерна многочисленность боговъ, олицетворяющихъ благодѣтельныя силы природы, плодородіе почвы. Они показываютъ, съ одной стороны, огромное вліяніе натуралистическаго воззрѣнія на развитіе миѳологіи нагуасовъ, а съ другой, иллюстрируютъ важную роль, которую играла въ жизни этихъ народовъ обработка почвы еще въ ту эпоху, когда складывались самые образы боговъ. Это тѣмъ болѣе странно, что нѣкоторыя племена нагуасовъ являются передъ нами на довольно низкой ступени культуры, даже въ позднѣйшую историческую эпоху. Несомнѣнно, однако, что въ миѳологіи, въ томъ видѣ, въ какомъ она выработалась въ эпоху испанскаго завоеванія и дошла до насъ, совершилось въ широкихъ размѣрахъ сліяніе божествъ различныхъ племенъ. Каждый народъ, который поднимался въ предѣлахъ этой культуры до руководящей

роли, вносилъ въ общія представленія свои національныя формы боговъ, отвоевывалъ для нихъ первенствующее положеніе въ культѣ и въ легендѣ, но рядомъ съ этимъ поддерживалъ также культъ всѣхъ прежнихъ божествъ и сохранялъ его. Такъ, проще всего объясняется необычайное обиліе боговъ на ацтекскомъ Олимпѣ, которое вызывало удивленіе еще у древнихъ историковъ.

Послѣ согрѣвающаго, рождающаго и способствующаго созрѣванію солнца второе мѣсто въ природѣ мексиканской возвышенности занималъ дождь. Отъ своевременнаго и обильнаго появленія этого дара неба зависѣла степень урожая всѣхъ видовъ. Въ древнихъ лѣтописяхъ различныхъ племенъ нагуасовъ мы часто встрѣчаемъ описанія роковыхъ послѣдствій, которыми сопровождались сухіе годы для всей жизни народа. Неудивительно, поэтому, что богамъ воды, влаги и изливающихъ дождь облаковъ отводится широкое мѣсто въ народномъ почитаніи. Немногимъ божествамъ посвящается столько обширныхъ разсказовъ и описаній, какъ Тлалоку, богу дождя. Онъ изображается въ своеобразной позѣ: полулежа, съ приподнятой верхней частью тѣла, опирающеюся на локти, и съ выдвинутыми наполовину колѣнами, какъ бы символизируя оплодотворяющее вліяніе влаги на почву. Рядомъ съ нимъ изображалось женское божество съ одинаковыми аттрибутами, которое, будучи символомъ плодородія' подарило ему множество дѣтей.

Плодородіе почвы имѣло, кромѣ того, своими представителями цѣлый рядъ независимыхъ божествъ, преимущественно женскихъ. Уже Коатликуэ, родившая Уитцилопохтли, считалась, какъ мать колибри, богинею цвѣтовъ и плодовъ. Но особенно была разработана легенда объ ацтекской богинѣ плодородной почвы, Центеотли. Въ болѣе тѣсномъ смыслѣ, эта богиня — еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ Шилоны, играющія роль ея дочерей — изображаетъ маисъ, главное пищевое средство американцевъ, зерно котораго сдѣлало желтый цвѣтъ священнымъ. То, что маисовое зерно играетъ, кромѣ того, важную роль въ іероглифическомъ письмѣ какъ нагуасовъ, такъ и майясовъ, свидѣтельствуетъ о важности этого плода въ хозяйствѣ древнихъ американцевъ. Какъ богиня плодородія, Центеотль является вмѣстѣ съ тѣмъ покровительницей рожениць. Тѣмъ не менѣе, культъ ея, еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ культъ всѣхъ прочихъ божествъ, сопровождается многочисленными человѣческими жертвоприношеніями. Черезъ всѣ жертвенные обряды ацтековъ проходитъ слѣдующая идея: жертва, посвящаемая богу, еще до своей смерти, становится частицею его, соединяется съ нимъ. И эта идея особенно рѣзко проявляется въ культѣ Центеотли: здѣсь жертвы, большею частью женщины, еще при жизни дѣлаются предметомъ божественнаго почитанія, сопровождаемаго сложнымъ церемоніаломъ.

Уже у сапотековъ мы встрѣчаемся съ богомъ смерти, священный городъ котораго Япоо сдѣлался извѣстенъ подъ мексиканскимъ именемъ Митлы. Миктланъ, въ отшлифованной формѣ Митла, есть въ то же время имя бога смерти и его царства. Рядомъ съ нимъ изображается также женщина-богиня, которую нетрудно узнать въ пластическихъ изображеніяхъ Митлы на неизмѣнно встрѣчающихся маскахъ мертвецовъ съ выдающимися рядами зубовъ. Представленіе объ этомъ богѣ, какъ у большинства народовъ, связано съ понятіемъ о сѣверѣ и мракѣ. Царство его — внутри земли, среди вѣчной темноты. Служеніе этому богу совершается ночью жрецами, одѣтыми въ черное или, по крайней мѣрѣ, въ мрачное облаченіе.

По представленіямъ ацтековъ, царство мертвыхъ не было неизбѣжнымъ концомъ всякой жизни. Народная масса, т. е. всѣ тѣ, которые не сумѣли на землѣ завоевать себѣ право на лучшую участь, обязательно отправлялись въ Миктланъ. Тамъ, однако, умершихъ не ожидала жизнь, полная безконечныхъ мукъ, какъ въ христіанскомъ аду. Правда, путешествіе было

далекое и связанное со всякаго рода опасностями (поэтому умершихъ никогда не забывали снабжать въ путь пищею, питьемъ и всякими амулетами, въ особенности полосками бумаги изъ агавы). Но какова была конечная участь умершихъ, которые прошли, наконецъ, черезъ всѣ эти опасности и проникли въ девятый подземный міръ, объ этомъ сами мексиканцы не могли дать себѣ яснаго отчета. Совершенно иная судьба ожидала тѣхъ, кто при жизни, или умирая заслужилъ, по понятіямъ этихъ народовъ, особенный почетъ. Первое мѣсто, какъ мы видѣли, принадлежитъ тѣмъ, которыхъ приносили въ жертву богамъ и которые, уже въ силу одного этого, становились въ самыя тѣсныя отношенія къ божеству. Конечно, это распространялось и на будущую жизнь: тамъ, служа богамъ, они вмѣстѣ съ ними участвовали во всѣхъ радостяхъ неба. Въ чемъ заключались эти радости, мы знаемъ изъ описаній лишь относительно почитателей Тлалока. Они возносились на вершины высочайшихъ горъ, мѣста облаковъ. Здѣсь ожидалъ ихъ чудный садъ, изъ котораго брали начало всѣ воды земли и разносили съ собою всегда освѣжающую прохладу. Тамъ проходила ихъ жизнь въ вѣчныхъ празднествахъ и играхъ, а въ особенно торжественные дни въ честь ихъ божества имъ разрѣшалось спускаться на землю, чтобы быть тамъ свидѣтелями его почитанія. Въ царство Тлалока переселялись также, кромѣ принесенныхъ ему въ жертву, всѣ утонувшіе въ водѣ и сраженные молніей. Смерть ихъ свидѣтельствовала о томъ, что богъ любилъ ихъ и взялъ къ себѣ. Но самое высшее небо — небеса также поднимались надъ землею въ девяти ступеняхъ — находилось на солнцѣ, и воплощеніемъ его являлись Уитцилопохтли, Тескатлипока и Кетцалкоатль. Сюда переселялись души королей и великихъ людей, жрецовъ и благородныхъ, которые еще на землѣ были ближе къ богамъ, чѣмъ обыкновенная толпа. Но прежде всѣхъ переселялись на солнце души тѣхъ, кто палъ въ бою. Этимъ путемъ открывали себѣ доступъ къ небу многіе, для кого оно по другимъ причинамъ было закрыто. Сюда же попадали и тѣ, которые, будучи взяты въ плѣнъ, приносились въ жертву богамъ Солнца или пали въ ритуальной борьбѣ. Несомнѣнно, что смерть въ бою считалась почетною (какъ у магометанъ), что́ не мало способствовало поддержанію воинственнаго духа этихъ народовъ. Наконецъ, на солнце переселялись и души всѣхъ женщинъ, которыя умирали во время родовъ. Тамъ жизнь всѣхъ ихъ была сплошнымъ рядомъ празднествъ. Съ пѣніемъ и плясками провожали онѣ Солнце на его пути. И когда оно скрывалось на западѣ, они погружались въ благодатный сонъ, въ которомъ почерпали силы для блаженства слѣдующаго дня.

Такимъ образомъ, религія нагуаскихъ народовъ не лишена радостныхъ и мягкихъ чертъ. Оригинальное воззрѣніе о пресуществленіи жертвъ въ божество въ значительной степени скрашивало жестокость человѣческихъ жертвоприношеній. Не мало людей добровольно приносили себя въ жертву богу, чтобы заслужить жизнь, полную радостей. Въ этомъ же воззрѣніи коренится не прекращавшійся обычай людоѣдства: съѣдая частицу жертвы, ставшей уже отчасти божествомъ, тотъ, кто ѣлъ ее, также пріобщался къ божеству. Такимъ же образомъ въ нѣкоторыхъ церемоніяхъ, вмѣсто жертвы, въ заключеніе разбивалось изображеніе божества, изготовленное изъ съѣдобнаго матеріала, и поѣдалось участниками. Безъ сомнѣнія, утонченный образъ жизни, который усвоивали себѣ многія племена нагуасовъ по мѣрѣ культурнаго развитія, также способствовалъ ограниченію жестокаго обычая человѣческихъ жертвоприношеній. Говорится о многихъ правителяхъ, которые питали отвращеніе къ человѣческимъ жертвамъ. Широкое распространеніе, которое получилъ среди нагуасовъ безкровный культъ Кетцалкоатля, въ свою очередь, доказываетъ, что самое религіозное развитіе двигалось въ направленіи, не благопріятствовавшемъ дальнѣйшему существованію обычая человѣческихъ жертвоприношеній.

Если, несмотря на все это, испанцы, при своемъ завоеваніи, все-таки нашли распространеніе человѣческихъ жертвоприношеній въ ужасающихъ размѣрахъ, то это нужно приписать исключительно вліянію ацтековъ, которые въ началѣ XVI вѣка безспорно заняли первенствующее мѣсто въ центральной Америкѣ.

Ацтеки, представлявшіе собою мало цивилизованный, но физически весьма развитой и смѣлый воинственный народъ, проникли въ культурную область самихъ нагуасовъ — въ мѣстность озеръ Чалко, Тескуко и Сумпанго — въ то время, когда другія націи того же происхожденія пользовались тамъ, уже въ теченіе многихъ вѣковъ, всѣми успѣхами высокой цивилизаціи. Какъ и всюду, однако, цивилизація не сдѣлала эти народы болѣе сильными и способными къ болѣе стойкому сопротивленію. Вторгнувшіеся ацтеки, помня свое общее происхожденіе съ другими націями, увидѣли прежде всего въ найденной ими культурѣ отпаденіе отъ старыхъ нравовъ, вырожденіе. Когда они убѣдились въ своемъ превосходствѣ и успѣхъ за успѣхомъ ознаменовывалъ ихъ шествіе, они усмотрѣли въ этомъ милость боговъ, пожелавшихъ, чтобы имъ лучше поклонялись по старому, болѣе жестокому обычаю, чѣмъ по новому, хотя и болѣе мягкому. Благодаря такому представленію, прежняя жестокая кровавая форма почитанія боговъ поднималась все больше и больше изъ забвенія. И когда ацтеки покорили страны, заселенныя различными народностями, они стали взимать съ своихъ сосѣдей ту жестокую дань, которая вызвала глубокую ненависть къ нимъ всѣхъ зависѣвшихъ отъ нихъ народовъ. Эти своеобразныя отношенія, которыя не были закрѣплены ни продолжительнымъ существованіемъ, ни обширностью территоріи, въ значительной степени препятствовали правильному пониманію историческихъ процессовъ въ центральной Америкѣ и, напротивъ, способствовали распространенію ложныхъ представленій. Поэтому въ настоящій моментъ главная задача мексиканской археологіи заключается въ томъ, чтобы отдѣлить временное и частное отъ характернаго и общаго.

Если Теотіуаканъ, какъ древняя національная святыня нагуасовъ, далъ намъ удобный поводъ коснуться религіозныхъ представленій ихъ, то послѣдній изъ городовъ-развалинъ, о которомъ слѣдуетъ упомянуть, городъ Шочикалко, даетъ намъ прекрасный случай сказать нѣсколько словъ объ искусствѣ нагуасовъ. Въ общихъ чертахъ развалины Шочикалко весьма сходны съ описанными развалинами въ области тотонаковъ. Холмистые выступы, которые выдвигаются изъ горной цѣпи въ равнину, приведены со всѣхъ сторонъ въ оборонительное положеніе при помощи каменныхъ валовъ и рвовъ. И эти искусственныя сооруженія тянутся террасами на значительномъ протяженіи на высотахъ. Въ непосредственной близости ихъ находилось, повидимому, древнее поселеніе, деревня или городъ; но внутри самаго укрѣпленія заключались, вѣроятно, только храмы и дворцы, а также помѣщенія для гарнизона. Жители мѣстечка могли находить здѣсь убѣжище въ дни опасности. Внутри укрѣпленій, но не на вершинѣ холма, стоитъ храмъ въ видѣ пирамиды, который далъ свое названіе этому мѣсту, такъ какъ Шочикалко значитъ: у дома цвѣтовъ. Это сооруженіе изображало домъ цвѣтовъ, храмъ богини цвѣтовъ Шочикецаль, который, несмотря на всѣ серьезныя разрушенія, оставленныя вѣками, все еще представляетъ одну изъ самыхъ величественныхъ развалинъ, которыя были открыты на американской землѣ. Согласно древнимъ описаніямъ, храмовая пирамида Шочикалко имѣла пять или еще болѣе этажей. Но изслѣдованія, произведенныя на мѣстѣ, убѣдили, что она никогда не имѣла болѣе одного этажа, который и теперь еще можно распознать. На этомъ этажѣ возвышалась открытая постройка, составлявшая продолженіе косой пирамиды, безъ крыши. Она была открыта спереди, обнимала три стороны пирамиды, и внутри ея находилось священное мѣсто храма, но настоящаго закрытаго храма не существовало. Эта оригинальная форма вполнѣ совмѣстима съ культомъ нагуатлак-

скихъ народовъ, религіозныя церемоніи которыхъ почти всегда происходили подъ открытымъ небомъ, болѣе или менѣе публично.

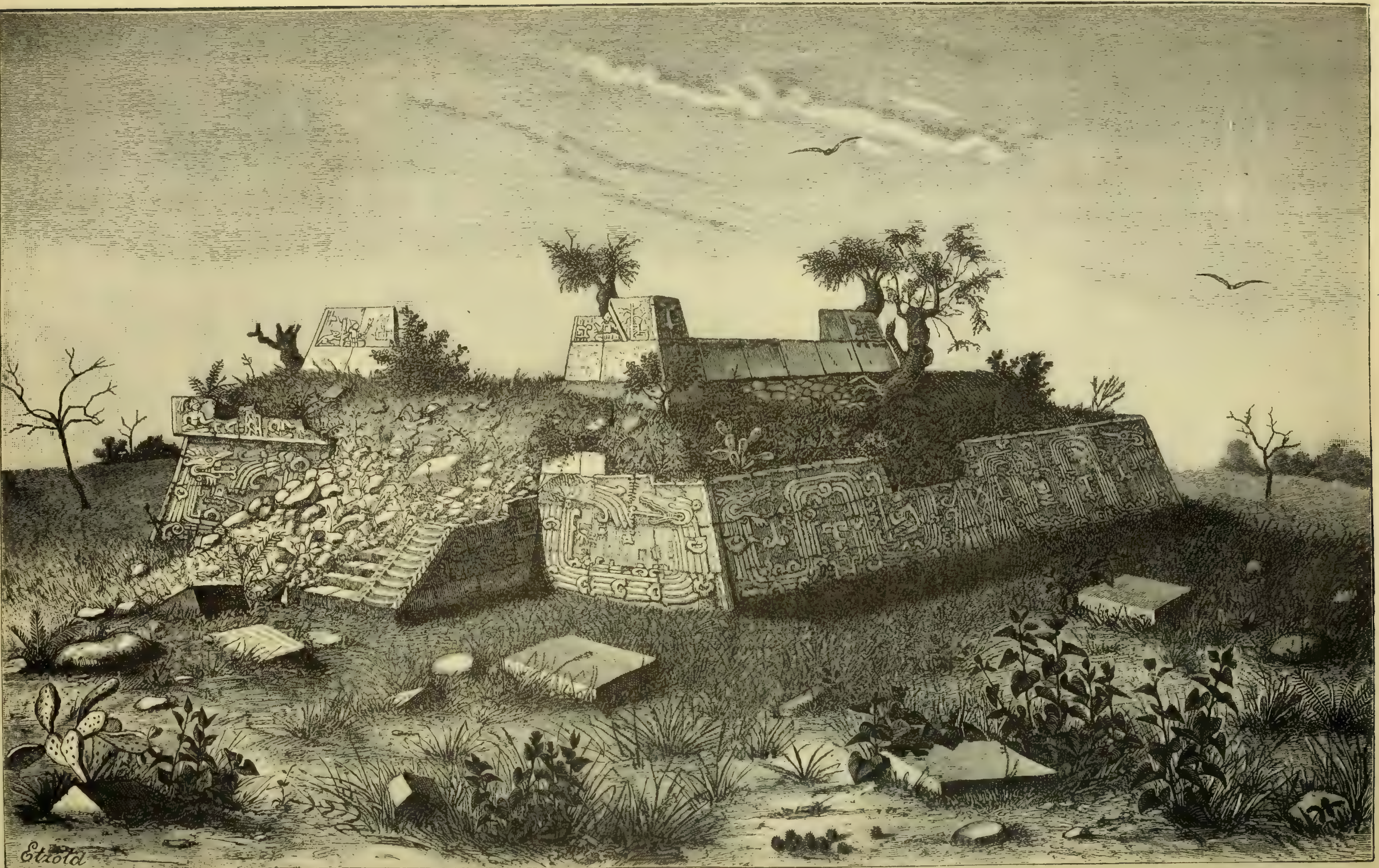
Но главная особенность этой постройки заключается въ богатствѣ пластическихъ украшеній, которыми сплошь покрыты всѣ наружныя поверхности какъ пирамиды, такъ и стѣны, окружающей храмъ. Тѣла огромныхъ змѣй, выполненныя въ формѣ плоскаго рельефа, охватываютъ всю постройку; въ изгибахъ ихъ мы видимъ вырѣзанныя на камнѣ пластическія и іероглифическія изображенія, которыя, въ смыслѣ художественнаго исполненія, не уступаютъ ни одному изъ памятниковъ, открытыхъ въ центральной Америкѣ (см. табл. „Развалины ступенчатой пирамиды Шочикалко"). Во всякомъ случаѣ, это единственный памятникъ изъ области, гдѣ несомнѣнно жили одни лишь нагуатлакскіе народы, который представляетъ намъ столь же богатую и выполненную въ одномъ и томъ же характерѣ пластическую орнаментацію, какую мы привыкли встрѣчать лишь въ храмахъ майясскихъ народовъ. Это обстоятельство такъ же, какъ и выдающаяся роль, какую играетъ въ скульптурныхъ украшеніяхъ Шочикалко пернатая змѣя, хорошо извѣстная намъ по сооруженіямъ майясовъ, не разъ давали поводъ предполагать здѣсь типъ Паленкэ. Но многочисленныя календарныя записи въ промежуткахъ между скульптурными орнаментами пирамиды несомнѣнно свидѣтельствуютъ о нагуатлакскомъ происхожденіи ея, такъ какъ подобныя записи извѣстны лишь изъ нагуатлакскихъ рукописей. Къ сожалѣнію, различныя записи не даютъ возможности въ точности опредѣлить, въ хронологическомъ отношеніи, время построенія пирамиды. Высокое развитіе скульптурнаго искусства, которое выражается въ рельефахъ, говоритъ противъ глубокой древности памятника. Съ другой стороны, извѣстныя формы календарныхъ знаковъ не даютъ возможности привести въ связь развалины Шочикалко съ новѣйшей фазою исторіи нагуасовъ, съ царствомъ ацтековъ. Кромѣ того, это мѣсто было разрушено, повидимому, не испанцами, а гораздо раньше, во время внутреннихъ мексиканскихъ междоусобій.

Въ предѣлахъ этой культуры, очерченной нами выше, развивалась исторія нагуатлакскихъ народовъ. Чтобы составить себѣ правильное представленіе о ней, не слѣдуетъ ни на минуту упускать изъ виду одно обстоятельство: арена, на которой разыгрывалась древняя исторія Мексики, была очень невелика. Горизонтъ древнѣйшаго историческаго преданія нигдѣ не простирается далѣе горнаго хребта, который почти со всѣхъ сторонъ окружаетъ собственно долину Мексики. Тула, Тулансинго и т. п. мѣста, отстоящія лишь на нѣсколько миль отъ центра нагуатлакской исторіи, озера Тескуко, исчезаютъ уже въ туманной дали. Это преданіе совершенно не знаетъ о главной массѣ народностей, говорившей на языкахъ племени нагуасовъ. Только за послѣднее столѣтіе, когда ацтеки предпринимали военные походы въ болѣе отдаленныя области, всплываютъ имена нѣскольких королей. Территорія, на которой, согласно преданію, совершается древнемексиканская исторія, обнимаетъ едва ли болѣе 10,000 квадратныхъ километровъ, что̀ составитъ около двухъ третей Саксонскаго королевства. Здѣсь, на разстояніи немногихъ часовъ другъ отъ друга, находились главные города всѣхъ государствъ, которыя въ теченіе послѣднихъ вѣковъ древней культуры поочередно выдвигались на первый планъ мексиканской культурной области и принимались испанскими историками за столицы столькихъ же имперій и королевствъ.

Древнѣйшими обитателями Анагуака преданіе называетъ ольмековъ (или ульмековъ) и шикаланковъ. Иногда о нихъ выражаются, какъ о народѣ исполиновъ, которыхъ сперва нужно было побѣдить, чтобы очистить мѣсто для переселенцевъ нагуаскихъ племенъ. Большей частью, однако, ольмеки и шикаланки сами изображаются, какъ побѣдители исполиновъ и какъ основатели древнѣйшихъ священныхъ городовъ Теоті-

Объясненіе рисунка на оборотѣ.

Развалины Шочикалко (Шочикалли = оранжерея), недалеко отъ Куернаваки, въ области Тлалуика, представляютъ остатки обширнаго укрѣпленнаго мѣста, центръ котораго образуетъ храмъ въ видѣ пирамиды. Впервые открывшіе ихъ отмѣтили вышину въ пять этажей. Однако, болѣе тщательныя изслѣдованія показали, что пирамида состояла только изъ фундамента и возвышавшагося на немъ, быть можетъ, некрытаго храма, наклонныя наружныя стѣны котораго образовали второй уступъ пирамиды. Все сооруженіе было обложено большими трахитовыми плитами съ богатой скульптурой, тогда какъ ядро было выполнено голышами. На западной сторонѣ вела вверхъ, ко входу въ храмъ, нынѣ сильно разрушенная наружная лѣстница. Вообще всѣ наружныя поверхности постройки были богато разукрашены. Украшенія испещряли наклонныя стѣны обѣихъ пирамидальныхъ надстроекъ и находящійся между ними горизонтальный фризъ. Рельефы нижняго этажа изображаютъ въ симметрическомъ порядкѣ пернатыхъ змѣй, между извивами которыхъ чередуются изображенія фигуръ и календарныя числа. Фризъ былъ раздѣленъ на отдѣльныя поля, въ которыхъ точно также, на ряду съ повторяющимися фигурами, можно различить чередующіеся числа и символы. Рельефы верхняго, сильно разрушеннаго этажа были такого же характера, но не столь рѣзко разграничены между собою. Всѣ изображенія были покрыты ярко-красной краской. Судя по рельефамъ и другимъ, сдѣланнымъ поблизости находкамъ, пирамида, очевидно, служила святилищемъ Шочикетцаль, богини цвѣтоносной и плодородной земли.



Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Развалина ступенеобразной пирамиды Шочикалко въ области Чолула.

(Изъ Monumentos del arte Mexicano antiguo, Пеньяфіеля.)

уакана и Чолулы. Подъ этими именами вообще подразумѣваются нагуатлакскіе народы; это слѣдуетъ изъ того, что имена ихъ почти никогда не отсутствуютъ тамъ, гдѣ говорится о семи племенахъ, покинувшихъ общую родину, семь пещеръ, Чикомостокъ, для отысканія обѣщанныхъ имъ болѣе красивыхъ мѣстъ обитаній. Вмѣстѣ съ ольмеками переселялись и сапотеки, и мистеки, иногда также тотонаки и даже гуастеки, говорящіе на майясскомъ нарѣчіи. Отсюда мы должны заключить, что, согласно преданію, ольмеки осѣли въ Анагуакѣ одновременно съ другими народами того же племени, которые не стояли въ фокусѣ нагуаскихъ интересовъ и, какъ мы видѣли, подавили и уничтожили культуру майясовъ. Дальше этого преданіе ничего не можетъ намъ сообщить объ ольмекахъ и шикаланкахъ; воспоминаніе не сохранило ни одного королевскаго имени, ни одного событія. Но такъ какъ ихъ тѣсно связывали съ центрами древнѣйшей и высшей мудрости жрецовъ, то подъ ними нельзя разумѣть грубый охотничій народъ. Наоборотъ, слѣдуетъ думать, что съ появленіемъ ихъ настала для анагуакскаго плоскогорья эпоха культурнаго расцвѣта.

Слѣдующую группу нагуаскихъ племенъ, которыя переселились въ Анагуакъ и пріобрѣли значеніе въ исторіи, образуютъ чичимеки. Это имя употребляется древними историками въ двоякомъ смыслѣ. Въ болѣе широкомъ значеніи оно обнимаетъ совокупную группу болѣе молодыхъ нагуаскихъ народовъ. Въ этомъ смыслѣ источники говорятъ о тео-чичимекахъ (обитателяхъ области Тласкалы), толтеко-чичимекахъ, колуа-чичимекахъ и ацтеко-чичимекахъ. Этимъ хотятъ выразить, что названныя народности были настоящаго нагуатлакскаго происхожденія и принадлежали одной великой лингвистической семьѣ нагуаскихъ народовъ, которые считались еще „дикими“ (таковъ смыслъ слова „чичимеки“) въ то время, когда другія родственныя племена уже подпали вліянію культуры и, вслѣдствіе того, измѣнили древнимъ народнымъ обычаямъ. Но такъ какъ подобное культурное превращеніе совершалось подъ вліяніемъ чуждой національности — мы знаемъ теперь, что это были майясы — то подъ названіемъ чичимековъ стали понимать не смѣшавшихся, чистыхъ. Въ этомъ смыслѣ оно сдѣлалось эпитетомъ, характеризующимъ всѣ нагуаскія народности, которыя претендуютъ на чистоту своего происхожденія. Первоначально этимъ именемъ не называлось ни одно племя нагуасовъ; это видно изъ того, что въ числѣ семи племенъ чикомостосккой пещеры мы встрѣчаемъ теочичимековъ, толтековъ, колуасовъ, ацтековъ, но ни разу не находимъ названія чичимековъ. Съ теченіемъ времени, однако, названіе чичимековъ дѣлается употребительнымъ также для обозначенія одного племени или, быть можетъ, вѣрнѣе, одного политическаго сообщества. Послѣднее играло временами, вѣроятно, выдающуюся роль между народами Анагуака: упоминаютъ о короляхъ толтековъ, колуасовъ и ацтековъ, но говорятъ объ императорѣ чичимековъ; кромѣ того, титулъ Чичимекатль (господинъ чичимековъ) считается наивысшимъ, до котораго могъ достигать правитель различныхъ нагуаскихъ государствъ.

Повидимому, этотъ народъ имѣлъ уже 11 королей (вмѣстѣ съ Чичимекатлемъ) въ то время, когда толтеки изъ Тулы отправили посольство ко двору чичимековъ и выпросили себѣ правителя въ лицѣ второго сына короля: въ этомъ нужно видѣть неопредѣленное воспоминаніе о родственныхъ отношеніяхъ между чичимеками и толтеками. Первому правителю чичимековъ, вступившему на престолъ послѣ паденія владычества толтековъ, королю Шолотлю, приписывается почти 300 лѣтнее царствованіе. Все искусственное зданіе древнемексиканской хронологіи только для того отодвинуто вглубь дальняго прошлаго туземными писателями, находившимися подъ вліяніемъ христіанства, чтобы согласовать хронологіи Стараго и Новаго Свѣта; но этимъ достигается лишь вавилонское смѣшеніе языковъ. Эти хронологическія указанія, составленныя для исторіи древнихъ

государствъ, не имѣютъ научнаго значенія. Преданіе многочисленныхъ народностей Анагуака сохранило воспоминаніе о длинномъ рядѣ королей или князей, которые будто бы правили страною. И эти генеалогіи во многихъ случаяхъ связываются съ образами божествъ или даже включаютъ эти божества въ генеалогическіе ряды. Иштлилшочитль и нѣкоторые другіе писатели, которыми онъ пользовался, какъ источниками, помѣщали подобныя генеалогическія серіи не рядомъ, а одну за другою. Благодаря тому, мексиканская исторія отодвинулась назадъ до Р. Х. и еще далѣе.

Этимъ путемъ возникли несогласныя съ исторіей образованія, къ которымъ принадлежитъ, напр., культурное царство толтековъ. Вымышленность его видна изъ того, что короли этого царства особенно часто носятъ имена боговъ и что городъ Толланъ (Тула), отъ котораго мы должны производить названіе толтековъ, едва ли когда нибудь былъ главнымъ городомъ царства толтековъ. Въ сказаніи о толтекахъ отражается воспоминаніе объ историческомъ значеніи государства, центромъ котораго былъ Кулуаканъ. Но это государство не могло существовать въ ту отдаленную эпоху, къ которой относятъ царство толтековъ. Оно принадлежитъ историческому періоду, въ которомъ, наряду съ Тескуко, процвѣталъ еще цѣлый рядъ другихъ государствъ чичимековъ и начали обращать на себя вниманіе ацтеки, какъ самая молодая вѣтвь племени нагуасовъ. Все, что разсказываетъ преданіе о древнихъ государствахъ, обнимающихъ періодъ отъ VI вѣка, съ котораго начинаетъ преданіе, и до XIII вѣка, когда оказываются опредѣленныя историческія основы, — все это имѣетъ значеніе лишь въ томъ смыслѣ, что, независимо отъ фактовъ, отражаетъ въ себѣ, такъ сказать въ отвлеченной формѣ, представленія и воззрѣнія самихъ нагуаскихъ народовъ на ихъ государственную жизнь. Въ этомъ только и заключается смыслъ преданія для внутренней исторіи племенъ въ древнюю и въ позднѣйшую эпоху.

Многочисленные боги-правители, о которыхъ говоритъ преданіе древнѣйшихъ временъ, уже сами по себѣ свидѣтельствуютъ о громадномъ вліяніи касты жрецовъ у болѣе древнихъ племенъ нагуасовъ. Но помимо этого, мы знаемъ уже изъ исторической эпохи примѣры того, съ какой энергіей и упорствомъ боролись жрецы противъ исключительно свѣтской организаціи государствъ. Мы видимъ, что боги то подъ своими священными именами, то подъ именемъ свѣтскихъ правителей, властвовавшихъ столѣтіями и обоготворенныхъ лишь послѣ смерти, руководятъ племенами нагуасовъ въ ихъ странствованіяхъ или приводятъ государства ихъ въ цвѣтущее состояніе, приносятъ имъ особое благосостояніе. Отсюда очевидно, что у нагуасовъ, какъ и у майясовъ, долгіе періоды развитія характеризовались преобладаніемъ теократіи и господствомъ жреческой касты, стоявшей подъ охраною боговъ. Въ эту эпоху воздвигнута большая часть величественныхъ храмовыхъ пирамидъ. Поэтому преданіе обыкновенно говоритъ, что онѣ существовали еще до основанія свѣтскихъ государственныхъ формъ или принадлежали болѣе древнему народу. До тѣхъ поръ, пока сталкивавшіеся народы были общаго происхожденія и сходныхъ религіозныхъ представленій, жрецамъ нетрудно было поддерживать миръ. Правда, коллегіи жрецовъ, являвшіяся представителями различныхъ божествъ племени, не чужды были соперничества между собою. Иногда дѣло доходило даже до враждебныхъ столкновеній, которыя легенда облекала въ форму борьбы между богами; тѣмъ не менѣе, въ общемъ жизнь текла спокойно и въ довольствѣ, и быстро распространявшаяся цивилизація встрѣчала богатую почву.

Но съ распространеніемъ культуры для жреческихъ государствъ возникла двоякая опасность. Среди подданныхъ и внѣ жреческаго сословія все чаще и чаще попадались лица, которыя ясно видѣли истинное положеніе дѣлъ и протестовали противъ односторонней эксплуатаціи. Съ другой

стороны, возраставшее благосостояніе вызывало нападенія менѣе цивилизованныхъ сосѣдей, справиться съ которыми было не подъ силу одной власти жрецовъ. Вслѣдствіе того, наряду съ нею, возникаетъ власть касиковъ или военныхъ королей. Значеніе ихъ росло по мѣрѣ увеличенія внѣшнихъ опасностей, по мѣрѣ успѣшной борьбы съ послѣдними. Настало, наконецъ, время, когда военачальники, сознавъ, что они безусловно необходимы, отказались послѣ одержанной побѣды возвратить власть въ руки жрецовъ. Такъ возникла культурная борьба, война между духовною и свѣтскою властью. Въ началѣ классу жрецовъ еще часто удавалось запугивать суевѣрный народъ угрозами гнѣва боговъ. Они искусно пользовались въ теченіе долгаго времени каждымъ пораженіемъ на полѣ битвы, каждымъ неурожаемъ, каждой опустошительной болѣзнью, чтобы поддерживать равновѣсіе между свѣтской и духовной властью. Отсюда исходили часто наступавшія продолжительныя междуцарствія, почти всегда предшествовавшія вступленію на престолъ новаго королевскаго рода. Тѣмъ не менѣе, хотя въ большинствѣ случаевъ свѣтская власть и старалась путемъ многихъ уступокъ привлечь на свою сторону духовную, примирить ее съ новымъ положеніемъ вещей, но естественный ходъ развитія былъ вездѣ одинъ и тотъ же: военачальники, разъ будучи избраны, все болѣе и болѣе притягивали власть къ себѣ, не упускали ее изъ рукъ и въ мирныя времена и мало по малу создавали противовѣсъ господству жрецовъ въ лицѣ военной аристократіи. Это неминуемо вело къ возникновенію выборнаго или наслѣдственнаго королевства.

Такой ходъ развитія былъ, такъ сказать, общимъ для народностей, родственныхъ между собою. Какъ скоро одно изъ маленькихъ племенъ стряхивало съ себя иго жрецовъ и выбирало своего короля, оно побуждало и сосѣдей своихъ поступать такимъ же образомъ. Отдѣльные касики, сознавая общность династическихъ интересовъ, уже рано вступали въ политическія и родственныя отношенія. И только, когда общій врагъ, господство жрецовъ, былъ окончательно отодвинутъ на второй планъ, отдѣльные свѣтскіе властители стали обнаруживать завоевательныя стремленія, что̀ повело къ войнамъ между мелкими князьями. Въ результатѣ являлся отъ времени до времени перевѣсъ той или другой изъ націй Анагуака. Но подобно всѣмъ народамъ Новаго Свѣта, мексиканскія племена оказались неспособными организовать болѣе обширный государственный строй до прибытія испанцевъ. Даже самые крупные правители распространяли непосредственную власть только на ближайшій округъ своихъ столицъ. Для болѣе отдаленныхъ частей, хотя бы онѣ и стояли въ тѣсной связи съ центральнымъ государствомъ, почти всегда избирались новые короли, и вассальная преданность ихъ очень часто не выдерживала соблазна. Если главный король имѣлъ достаточно власти, чтобы подчинить непокорнаго вассала, то онъ не только сохранялъ цѣлость своего государства, но еще болѣе расширялъ границы его. Чѣмъ больше, однако, расло число подвластныхъ королей, тѣмъ больше становилась опасность распаденія государственнаго зданія, сдерживаемаго далеко не крѣпкими связями. И дѣйствительно, мы видимъ, какъ чичимеки, колуасы и тескуканцы поочередно захватывали власть и теряли ее. И если бы испанцы не уничтожили въ началѣ XVI вѣка свою древнюю культуру, то, вѣроятно, та же участь постигла бы и владычество ацтековъ.

Естественнымъ послѣдствіемъ подобныхъ отношеній было то, что иго центральнаго правительства легко переносилось. Правда, за усмиреніемъ непокорнаго вассала или во время завоевательныхъ нашествій короля, сопутствуемаго войскомъ, страна чувствовала всю тяжесть этого гнета, и король неограниченно распоряжался жизнью и собственностью своихъ подданныхъ. Но въ мирное время знаки выраженія преданности центральному правительству, отправляемые въ столицу, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, имѣли

характеръ настоящей дани; большею частью это были на половину добровольные и скорѣе символическіе дары. Эта дань была такъ не тяжела, что нерѣдко правители сосѣднихъ или даже отдаленныхъ областей предпочитали добровольно признать, въ формѣ извѣстной дани, власть другого и этимъ оградить себя отъ опасности окончательнаго подчиненія. Такъ возникали обширныя, но чисто номинальныя королевства, которыя нерѣдко въ самое короткое время разрушались какою-нибудь горстью людей. Какъ скоро престижъ какого-нибудь короля, основывавшійся болѣе или менѣе на воображеніи, падалъ, всѣ вассальные короли сразу сбрасывали съ себя слабое иго и до тѣхъ поръ признавали себя независимыми, пока не выдвигалась новая личность изъ другого племени, умѣвшая внушить имъ страхъ.

Хотя, какъ мы сказали, многіе княжескіе роды представляли непрерывную генеалогію, обнимавшую 6—7 вѣковъ, но только съ половины XII вѣка замѣчается немного болѣе свѣта. Уже въ то время въ Анагуакѣ существовало множество такъ наз. королевствъ, изъ которыхъ королевство чичимековъ съ главнымъ городомъ Тенайоканомъ, къ западу отъ озера Тескуко, занимало руководящее положеніе. Слѣдующее мѣсто по своему значенію принадлежало государству аколуасовъ съ главнымъ городомъ Кулуаканомъ, расположеннымъ у сѣвернаго конца озера Чалко. Этотъ городъ признавался преемникомъ толтекской культуры и составлялъ средоточіе утонченнаго образа жизни. Правившая тамъ династія вела свое происхожденіе отъ Топилцина, послѣдняго короля толтековъ, но погибла около средины столѣтія вслѣдствіе неосторожнаго вызова, брошеннаго чичимекамъ, и должна была уступить мѣсто династіи изъ этого племени, которое, впрочемъ, признало надъ собою, правда, кажущуюся зависимость отъ правителей Тенайокана. Въ числѣ государствъ, подвластныхъ этимъ послѣднимъ, называютъ еще Аскапоцалко, Коатличанъ и Шалтоканъ, мѣста, которыя слѣдуетъ искать въ непосредственной окрестности центральныхъ озеръ. Далѣе слѣдуютъ страны, которыя были ввѣрены управленію княжескихъ сыновей: государства Тласатланъ, Сакатланъ и Тенамитекъ. Такимъ образомъ, владычество чичимековъ охватывало почти всю мексиканскую долину. Всѣ эти княжества довольно далеко подвинулись въ отношеніи цивилизаціи, что въ лѣтописяхъ обыкновенно приписывается вліянію толтековъ.

Въ концѣ вѣка явилась серьезная опасность для этой культуры вслѣдствіе вторженія новыхъ племенъ нагуасовъ, отличавшихся еще дикою необузданностью. Текпанеки и чалки, само собою разумѣется, также вели свое происхожденіе изъ семи пещеръ Чикомостока, и сознаніе племеннаго родства съ нагуасами, раньше поселившимися въ Мексиканской долинѣ, ими вовсе не было утрачено. Поэтому и Толланъ играетъ роль въ ихъ переселеніяхъ, какъ этапъ. Въ самомъ Анагуакѣ они прежде всего появляются въ Чапултепекѣ, но, несмотря на свое значительное число, не долго находились въ столкновеніи съ чичимеками, и столкновеніе это не имѣло серьезнаго характера. Прошло немного времени, а они уже образовали вполнѣ сформированное государство въ самой южной части области озеръ. Здѣсь государства чалковъ пріобрѣли въ слѣдующемъ вѣкѣ значеніе, затмѣвавшее славу чичимековъ и аколуасовъ.

Одновременно съ ними въ озерной области всплываетъ самое молодое изъ племенъ нагуасовъ, ацтеки. Они сами разсказываютъ о себѣ, что были послѣдними, которые покинули семь пещеръ и, благодаря особымъ опасностямъ, дольше другихъ родственныхъ племенъ задержались на пути. Въ то время они еще всецѣло находились подъ властью своихъ жрецовъ, которые шли впереди, держа на носилкахъ изображеніе своего національнаго бога Уитцилопохтли. Всѣ свои распоряженія они объявляли исходящими отъ бога. Нужно думать, что это племя было немногочисленно тогда, когда оно получило разрѣшеніе отъ правителей чичимековъ основать поселеніе въ Чапултепекѣ. Однако, число ихъ и значеніе расли

изъ году въ годъ, благодаря приливу многочисленныхъ родственныхъ группъ и присоединенію дружественныхъ элементовъ изъ сосѣднихъ государствъ. Вскорѣ разнеслась вѣсть о военной храбрости ихъ, и они были вовлечены, въ качествѣ союзниковъ, въ никогда не прекращавшіяся распри различныхъ династій, гдѣ стали играть довольно внушительную роль. До этого момента они все еще оставались вѣрными своимъ старымъ учрежденіямъ. Не взирая на смуты, связанныя съ военными тревогами, жрецы Уитцилопохтли все еще занимали руководящее положеніе въ этомъ племени; но только въ эту эпоху, вѣроятно, совершилось превращеніе Уитцилопохтли изъ бога солнца въ бога войны. Однако, съ теченіемъ времени ацтеки не могли избавиться отъ вліянія, которое исходило изъ потребностей даннаго положенія и поддерживалось примѣромъ сосѣднихъ племенъ. Не смотря на самое энергичное сопротивленіе жрецовъ, они все-таки избрали себѣ около 1250 года перваго свѣтскаго главу въ лицѣ Уитциліуитля. Подобно правителямъ сосѣднихъ государствъ, онъ титулуется королемъ и обладаетъ совершенно аналогичною властью въ предѣлахъ своего племени. Счастье, однако, не благопріятствовало ему, и онъ не могъ сдѣлаться основателемъ ацтекской династіи. Въ союзѣ съ кациками Сумпанко онъ предпринялъ походъ противъ текпанековъ Шалтокана, но достигъ этимъ лишь того, что и другіе текпанекскіе князья сдѣлались враждебными ацтекамъ. Такъ какъ онъ отказался уплатить дань верховному королю племени, Текпанекатлю Текутли, имѣвшему резиденцію въ Аскапуцалко, то вскорѣ онъ былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ вассалами и союзниками текпанековъ, и, послѣ чувствительныхъ потерь и напрасныхъ воззваній о помощи къ королю чичимековъ Тескуко, долженъ былъ лишиться своего королевскаго сана. Жрецамъ, власть которыхъ была возстановлена, удалось заключить миръ съ сосѣдями, но только цѣною утраты независимости, которую защищалъ Уитциліуитль.

Въ это время въ Анагуакѣ произошло значительное перемѣщеніе власти. Правители чичимековъ Тлосинъ Почотль и преемникъ его Кинанцинъ не сумѣли сохранить государство въ старой территоріальной неприкосновенности. Будучи склонны болѣе къ мирнымъ искусствамъ, чѣмъ къ военнымъ дѣламъ, они сосредоточили свое вниманіе, главнымъ образомъ, на украшеніе своихъ резиденцій и пренебрегли защитою границъ. Вслѣдствіе того бразды правленія выскользнули изъ ихъ рукъ. Слабая связь, соединявшая подвластныхъ королей Аскапуцалко, Шалтокана и мн. др. съ главнымъ государствомъ, исчезала все болѣе и болѣе. И въ то время, когда среди этихъ государствъ появляются ацтеки, мы уже не видимъ никакихъ слѣдовъ оборонительнаго союза между государствами текпанековъ и царствомъ чичимековъ. Извѣстное вліяніе на подобный ходъ событій оказало перенесеніе столицы изъ Тенайокана въ Тескуко въ царствованіе Кинанцина. Тескуко былъ уже при прежнихъ правительствахъ опаснымъ соперникомъ древней столицы. Здѣсь правители чичимековъ дали широкій просторъ своей возраставшей любви къ роскоши и созидали все болѣе и болѣе величественные новые дворцы и сады. Въ виду того, управленіе важной провинціей Тескуко было вручено предполагавшемуся наслѣднику главнаго короля Чичимекатля Текутли. Въ качествѣ таковаго, Кинанцинъ содержалъ уже въ Тескуко княжескій дворъ и, будучи еще въ Тенайоканѣ, съ возведеніемъ его въ верховные короли, передалъ правленіе другому, а самъ переселился въ болѣе любимый имъ Тескуко. Вслѣдствіе перенесенія столицы съ западнаго берега озеръ на востокъ все царство чичимековъ естественно начало тяготѣть въ эту сторону.

Въ описываемую эпоху границы государства чичимековъ расширились въ восточномъ направленіи далеко за предѣлы долины. Тласкала, Уэшоцинко и другіе города восточнаго плоскогорья управлялись въ то время княжескими сыновьями изъ рода чичимековъ. Но по мѣрѣ расширенія

къ востоку, государство утрачивало силу на западѣ и развязывало руки текпанекскимъ государствамъ. Перенесеніе столицы въ Тескуко было по вкусу далеко не всѣмъ чичимекамъ. И такъ какъ Кинанцинъ не сумѣлъ обезпечить себѣ преданность своихъ сатраповъ, то вскорѣ противъ него образовался могущественный заговоръ, тайно поощряемый текпанеками. Въ результатѣ произошло отдѣленіе всего запада отъ государства Тескуко. Первоначально государство чичимековъ какъ будто возродилось въ прежнемъ видѣ, и древняя столица снова была перенесена въ Тенайоканъ, гдѣ родственникъ Кинанцина возсѣлъ въ качествѣ узурпатора власти Чичимекатля Текутли. Верховнаго короля, повидимому, мало тревожили всѣ эти перемѣны. Онъ утверждалъ свое владычество на востокѣ, а на западѣ, гдѣ онъ не могъ проявить своей власти, предоставилъ событія естественному теченію. Однако, возродившаяся соперница не долго продержалась. Король-узурпаторъ былъ вскорѣ побѣжденъ текпанеками, сумѣвшими воспользоваться помощью ацтековъ. Послѣ паденія Тенайокана господство чичимековъ въ западныхъ областяхъ было навсегда уничтожено. Это положеніе вещей было вскорѣ санкціонировано международнымъ союзомъ, который заключилъ съ Кинанциномъ текпанекскій король Аскапуцалко, въ качествѣ верховнаго короля всѣхъ текпанекскихъ государствъ. Правда, онъ при этомъ отнесся къ Кинанцину, какъ къ верховному королю Чичимекатлю Текутли. Но, благодаря такому тактичному пріему, онъ, взамѣнъ призрачнаго предпочтенія, получилъ чрезвычайно существенную фактическую выгоду: Кинанцинъ этимъ отрекся отъ всякихъ притязаній на древнюю коренную область чичимековъ, предоставивъ ее въ неограниченное владѣніе текпанекскимъ правителямъ.

Въ этихъ столкновеніяхъ произошло полнѣйшее раздробленіе и смѣшеніе всѣхъ нагуатлакскихъ народныхъ элементовъ, и новыя государства построены были уже не столько на національныхъ, сколько на чисто территоріальныхъ основахъ. Вслѣдствіе того, въ главномъ городѣ Тескуко поселились гарнизоны, носившіе названіе различныхъ нагуаскихъ племенъ. Помимо коренныхъ племенъ востока и чичимековъ, здѣсь находились не въ меньшемъ числѣ текпанеки, ацтеки, колуасы. Хуже всего пришлось при этомъ ацтекамъ. Привычка предлагать себя, какъ воиновъ, всякому плательщику, жестокій способъ веденія войны и связанныя съ нимъ кровавыя религіозныя церемоніи возбудили общую вражду къ нимъ. Въ сраженіяхъ, которыя происходили въ концѣ XIII или въ началѣ XIV вѣка въ сѣверной части области озеръ, былъ разрушенъ ихъ главный городъ Чапултепекъ. Племя ацтековъ разсѣялось, подобно многимъ другимъ. Отдѣльныя шайки и на этотъ разъ поступили наемниками въ услуженіе къ сосѣднимъ государствамъ въ надеждѣ этимъ купить себѣ позволеніе устроить новыя поселенія. Но только два племени, мексиканцы и тлателулки сохранились въ дальнѣйшемъ времени настолько чистыми, что помнили еще свое происхожденіе, до той эпохи, когда съ перемѣною обстоятельствъ и до нихъ дошла очередь властвовать. Въ первое время они должны были довольствоваться тѣмъ, что правитель Колуакана далъ имъ убѣжище въ Тисаапанѣ или въ Истакалко.

Наиболѣе выгодъ извлекли изъ эпохи смутъ текпанеки. Западная область отъ озера Сумпанго на сѣверѣ до озера Чалко на югѣ находилась почти въ такомъ же безграничномъ владѣніи ихъ, какъ восточная половина во власти короля Тескуко. Но и они проявили слабость, присущую всѣмъ американскимъ государствамъ: неспособность организовать единство нѣсколькихъ странъ на большомъ пространствѣ. Аскапуцалко сохранялъ, правда, еще въ теченіе нѣкотораго времени преобладаніе, какъ бывшій центръ всего государства текпанековъ, и короли его, по крайней мѣрѣ, въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, продолжали носить титулъ Текпанекатля Текутли. Съ теченіемъ времени, однако, центръ тяжести политическаго

могущества все болѣе и болѣе перемѣщался къ югу. Въ то время, какъ, на ряду съ Аскапуцалко и Тенайоканомъ, снова ожилъ древній Кулуаканъ и быстро превзошелъ своимъ значеніемъ и ту, и другую столицу, на югѣ возникали новые центры текпанекскаго господства въ Чалко, Тепанко, Амекемеканѣ; руководящая роль ихъ выдвинулась сама собою, когда, спустя столѣтіе, въ лицѣ мексиканцевъ выросъ новый общій врагъ для всѣхъ государствъ озерной области. Въ эпоху наибольшаго могущества текпанековъ, они насчитывали не менѣе 25 государствъ, изъ которыхъ многія составляли болѣе тѣсныя группы въ силу родственныхъ узъ. Это чувство болѣе близкаго родства существовало, впрочемъ, у всѣхъ и проявилось живѣе, когда было поставлено на карту самое существованіе племени. Но въ промежуткахъ отдѣльные короли текпанековъ воевали между собою съ не меньшею яростью, чѣмъ воевали при аналогичныхъ обстоятельствахъ князья чичимекскаго происхожденія между собою и съ другими королями; эти войны возобновлялись и впослѣдствіи.

Въ первую половину своего царствованія, правитель чичимековъ, Кинанцинъ, отнесся, повидимому, равнодушно къ отпаденію западныхъ провинцій своего государства; но онъ отнюдь не думалъ отказываться отъ нихъ навсегда. Ему нужно было сперва собрать всѣ свои силы, чтобы укрѣпить новое царство на восточномъ плоскогорьи. И когда тамъ также проявились признаки непокорности, онъ сумѣлъ обнаружить крайнюю энергію и подавить ихъ въ самомъ зародышѣ. Но, установивъ здѣсь порядокъ, онъ снова обратилъ вниманіе на утраченныя провинціи. Прежде всего онъ напалъ на князя Шалтокана, владѣнія котораго, какъ самыя отдаленныя, не были подвластны и текпанекамъ. Шалтоканцы не могли оказать серьезнаго сопротивленія хорошо организованнымъ боевымъ силамъ объединеннаго королевства Тескуко. Столь быстрая побѣда внушила правителю текпанековъ мысль, что неблагоразумно будетъ ставить обладаніе еще недостаточно прочно присоединенными провинціями въ зависимость отъ неизвѣстнаго исхода войны. Чтобы обезпечить за собою эти послѣднія, онъ предложилъ чичимекамъ миръ и союзъ, согласился признать верховную власть чичимекскаго короля надъ всею областью озеръ и быть подвластнымъ ему хотя только по формѣ. Кинанцинъ удовольствовался такимъ успѣхомъ, такъ какъ это дало ему возможность снова отдаться своимъ мирнымъ и художественнымъ наклонностямъ, а съ внѣшней стороны онъ владѣлъ, по крайней мѣрѣ, номинально, такой территоріей, какою не обладалъ еще ни одинъ изъ его предковъ. Когда онъ умеръ въ 1305 году, на блестящихъ похоронахъ его въ Тескуко присутствовало не менѣе 70 подвластныхъ королей, которые привѣтствовали вмѣстѣ съ тѣмъ Течотля, младшаго сына умершаго. Кинанцинъ сдѣлалъ его своимъ наслѣдникомъ, такъ какъ старшіе сыновья утратили право на престолонаслѣдіе въ виду участія ихъ въ возстаніяхъ.

Правленіе Течотля замѣчательно тѣмъ, что онъ первый на американской почвѣ сдѣлалъ попытку внести единство въ организацію государствъ, которая до тѣхъ поръ была слишкомъ шаткою и ненадежною. Каждый изъ подвластныхъ королей правилъ въ своей области столь же неограниченно, какъ самъ Чичимекатль Текутли въ центрѣ государства. Если только онъ правильно вносилъ свою скромную дань и не отклонялъ категорически посылки войскъ на случай войны, онъ могъ питать увѣренность, что ленный властелинъ больше не обезпокоитъ его. Однако, правленіе Кинанцина не разъ доказало, какія серьезныя опасности кроетъ въ себѣ подобное положеніе вещей для дальнѣйшаго существованія совокупнаго государства. Еще старый король пробовалъ укрѣпить государственную связь при помощи энергическаго подавленія всякой непокорности. Течотль сдѣлалъ рѣшительный шагъ впередъ въ этомъ направленіи. Онъ собралъ бо́льшую часть вассальныхъ королей въ Тескуко вокругъ себя,

придавъ этому почетную форму государственнаго совѣта. А вмѣсто нихъ стали управлять въ отдѣльныхъ провинціяхъ намѣстники, которые были подчинены ему самому въ такой же степени, какъ и вассальнымъ королямъ. Кромѣ того, введено было новое подраздѣленіе страны, въ которомъ старыя племенныя границы самымъ тщательнымъ образомъ устранялись и число отдѣльныхъ административныхъ округовъ увеличено было почти втрое. Этимъ путемъ уменьшалась опасность обширныхъ мѣстныхъ возстаній. Наконецъ, цѣлымъ рядомъ общеобязательныхъ постановленій Течотль укрѣпилъ чувство единства на всемъ пространствѣ государства.

Всѣ эти мѣропріятія могли, конечно, касаться лишь его владѣній на востокѣ отъ озеръ. А западъ, почти столь же объединенный при королѣ текпанековъ Тесосомокѣ, хотя и не столь стройно организованный, былъ недоступенъ его вліянію. Правда, номинальная вассальная зависимость, установившаяся при Кинанцинѣ, сохранилась въ неприкосновенности и при Течотлѣ. Но когда вступилъ на престолъ текпанековъ, въ лицѣ Тесосомока, энергичный и жаждавшій славы правитель, незамѣтно стала возрастать опасность соперничества между царствомъ чичимековъ, которое теперь называлось Аколуаканомъ, и царствомъ текпанековъ. Дѣло дошло до взрыва, когда престолъ Течотля занялъ его сынъ и наслѣдникъ король Иштлилшочитль. Сатрапы, питавшіе понятную вражду къ Течотлю, который своими реформами ограничилъ ихъ власть, уклонились подъ разными предлогами отъ участія въ церемоніяхъ его погребенія. Пассивное сопротивленіе ихъ не представляло, впрочемъ, большой опасности. Болѣе грозно держалъ себя Текпанекатль Текутли. Тесосомокъ открыто отказался признать верховенство молодого князя чичимековъ и ясно стремился окончательно порвать и безъ того слабую связь съ нимъ. Но Иштлилшочитль съ безпечной терпимостью, которая составляла отличительную черту многихъ поколѣній правителей чичимековъ, относился и къ этому двусмысленному поведенію самаго могущественнаго изъ своихъ вассаловъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, онъ твердо рѣшился установить отношенія къ королю текпанековъ въ духѣ реформъ своего отца. На прямодушную политику его Тесосомокъ отвѣчалъ самой искусной хитростью и скрытностью. Когда Иштлилшочитль грозилъ добиться своихъ требованій при помощи силы, Тесосомокъ соглашался удовлетворить эти требованія. Но какъ скоро его покорность убаюкивала правителя, онъ подъ самыми ничтожными предлогами уклонялся отъ выполненія принятыхъ на себя обязательствъ. Со стороны Иштлилшочитля роковою ошибкою было то, что онъ въ теченіе многихъ лѣтъ терпѣлъ подобное коварство. Этимъ онъ поколебалъ, во-первыхъ, довѣріе собственныхъ друзей и союзниковъ, во-вторыхъ, онъ далъ время противнику не только подготовиться во всѣхъ отношеніяхъ къ рѣшительной битвѣ, но и завербовать союзниковъ среди вассаловъ, колебавшихся въ своей вѣрности.

Преданіе утверждаетъ, будто Тесосомокъ въ теченіе трехъ послѣдующихъ годовъ посылалъ въ Тескуко, какъ дань, каждый годъ все большее количество сырого хлопка и при этомъ сперва просилъ, потомъ настаивалъ и, наконецъ, требовалъ, чтобы эта дань была возвращаема ему въ Аскапуцалко въ видѣ тонкотканныхъ покрывалъ. Два раза его требованіе было исполнено; въ третій разъ послы принесли ему отвѣтъ, что король чичимековъ съ благодарностью принимаетъ дань и воспользуется ею для снаряженія воиновъ съ цѣлью укрощенія непокорныхъ вассаловъ. Но, несмотря на это, Иштлилшочитль и теперь еще выжидалъ нападенія со стороны текпанековъ. Дважды посылалъ Тесосомокъ свое войско черезъ озеро въ область Тескуко и каждый разъ терпѣлъ сильнѣйшее пораженіе со стороны противниковъ, число которыхъ расло по мѣрѣ битвъ. Тѣмъ не менѣе, онъ отклонялъ требованія тескуканца купить миръ признаніемъ его главенства и даже открыто заявилъ, что ему, какъ ближайшему потомку короля Шолотля, основателя ве-

личія чичимековъ, прежде всего принадлежитъ титулъ Чичимекатля Текутли. Онъ былъ бы несомнѣнно побѣжденъ, если бы Иштлилшочитль сумѣлъ рѣшительнѣе воспользоваться результатами своихъ побѣдъ. Благодаря его повторнымъ побѣдамъ, многіе мелкіе короли, которые до тѣхъ поръ держались выжидательно, примкнули къ его знамени, и даже нѣкоторые союзники Тесосомока начали колебаться въ вѣрности ему. Поэтому, когда Иштлилшочитль перешелъ, наконецъ, въ наступленіе, ему нетрудно было собрать значительное войско. И онъ одержалъ блестящую побѣду въ провинціи Тепоцотланъ, гдѣ противникъ встрѣтилъ его съ 200,000 арміей. Но и здѣсь непонятнымъ образомъ Иштлилшочитль еще разъ далъ провести себя хитрому Тесосомоку. Когда послѣ четырехмѣсячной осады главный городъ Аскапуцалко не въ состояніи былъ дольше сопротивляться, Тесосомокъ изъявилъ свою безусловную покорность и просилъ лишь пощады въ виду близкаго родства съ домомъ чичимековъ. Иштлилшочитль удовлетворился и теперь простыми обѣщаніями, хотя былъ уже столько разъ обманутъ. И не окончивъ дѣло покоренія, онъ удалилъ свое побѣдоносное войско отъ стѣнъ вражеской столицы.

Этимъ онъ самъ далъ сигналъ къ общему отпаденію. Колеблющіеся союзники шли за нимъ противъ грознаго Текпанека въ надеждѣ на добычу. Подвергнуться мести со стороны сохранившаго власть Тесосомока, безъ всякой выгоды для себя, не входило въ ихъ планы.

Зловѣщая тишина сопровождала самое вступленіе императора чичимековъ въ свою столицу. Вскорѣ до него дошли слухи о новыхъ вооруженіяхъ Тесосомока. И когда, наконецъ, этотъ послѣдній пригласилъ короля и сына его Несауалкойотля въ Чіунаутланъ, чтобы тамъ оказать ему почести, то онъ не рѣшился болѣе ввѣрить свою судьбу измѣннику. Но было уже поздно. Тесосомокъ, увидѣвъ, что хитрый планъ его разоблаченъ, двинулся быстрымъ маршемъ на Тескуко. При защитѣ столицы Иштлилшочитль искупилъ смертью многочисленные промахи, сдѣланные имъ при жизни. Сынъ его и наслѣдникъ престола Несауалкойотль съ большимъ трудомъ избѣжалъ смертнаго приговора, который изрекъ надъ нимъ Тесосомокъ въ качествѣ нововѣнчаннаго Чичимекатля Текутли.

Паденіе царства чичимековъ въ Аколуаканѣ совершилось въ 1419 году. Мы должны, однако, еще разъ вернуться на цѣлое столѣтіе назадъ, чтобы связать нити, необходимыя для пониманія дальнѣйшаго развитія. Мы видѣли, что мексиканцы (ср. выше стр. 272) въ первыхъ сраженіяхъ, которыя послѣдовали за перенесеніемъ столицы чичимековъ въ Тескуко, были лишены своего убѣжища въ Чапултепекѣ и лишь съ большимъ усиліемъ добились отъ правителя текпанековъ разрѣшенія поселиться въ другомъ мѣстѣ. Если жрецы объясняли прежнія несчастія гнѣвомъ боговъ вслѣдствіе устраненія теократіи и выбора короля, то теперь, несмотря на то, что власть уже давно всецѣло перешла въ ихъ руки, они не могли вернуть своему народу милости боговъ. Но если мексиканцы наводили на всѣхъ сосѣдей страхъ своими постоянными набѣгами, они являлись желанными союзниками на случай войнъ. Въ мирное время каждый старался держать этихъ безпокойныхъ гостей какъ можно дальше отъ себя. Текпанекскія князья заставляли ихъ платить довольно тяжелую дань и обращеніе съ ними было не совсѣмъ достойное; ихъ едва только терпѣли и передвигали съ одного мѣста на другое.

Тогда Тенохъ, глава мексиканскихъ жрецовъ, еще разъ обратился къ народу отъ имени бога Уитцилопохтли съ воззваніемъ о выселеніи и вывелъ остатки своего народа изъ круга цвѣтущихъ городовъ въ болотистыя пространства на западномъ берегу Тескуко. Здѣсь, какъ говорятъ, по божьему указанію, онъ основалъ городъ, который сдѣлался впослѣдствіи столицею царства ацтековъ подъ названіемъ Мексико-Теноxтитлана. Почти въ то же самое время родственное племя тлателулковъ ушло отъ

тиранического гнета текпанековъ и основало въ сосѣдствѣ второе поселеніе, которое въ теченіе долгаго времени успѣшно соперничало съ Теночтитланомъ подъ названіемъ Тлателулко, но, въ концѣ концовъ, слилось въ одинъ городъ съ быстро опередившимъ его соперникомъ. Переселившись въ Теночтитланъ, что̀ случилось, какъ говорятъ, въ 1325 году, мексиканцы этимъ еще далеко не достигли независимости. Они находились въ предѣлахъ владѣній короля текпанековъ, нуждались въ его разрѣшеніи, чтобы жить тамъ, и оставались его данниками. Тѣмъ не менѣе, находясь далеко отъ столицы и избравъ своимъ мѣстопребываніемъ дикую мѣстность, которая считалась почти непригодною для поселенія, они уходили все дальше и дальше отъ гнетущей опеки.

Не взирая на неблагопріятное мѣстоположеніе, оба родственныхъ города развились необычайно быстро. Мексиканцы были не единственнымъ племенемъ, которое стремилось уйти отъ постоянныхъ стѣсненій. Реформы тескуканскихъ королей порождали такое же недовольство, какъ и тиранія текпанековъ. Изъ обоихъ царствъ безчисленные бѣглецы направлялись въ негостепріимную пустыню и встрѣчали здѣсь радушный пріемъ у ацтековъ Теночтитлана и Тлателулко, сильно нуждавшихся въ увеличеніи своихъ силъ. Благодаря тому, оба города пріобрѣтали все болѣе и болѣе пестрое населеніе и утрачивали національный характеръ. Тѣмъ не менѣе, прибывавшіе охотно усвоивали господствующій культъ и подчинялись учрежденіямъ коренныхъ обитателей, а, съ другой стороны, они становились какъ-бы посредниками между ацтеками и прежнею родиною и этимъ значительно способствовали смягченію глубоко укоренившейся ненависти, которую питали всѣ сосѣди къ почитателямъ Уитцилопохтли.

Вначалѣ Тлателулко далеко опередилъ сосѣдній Теночтитланъ, и туда прежде всего направлялись переселенцы изъ страны текпанековъ. Легко понять, что пришельцевъ, родственныхъ по племени, ожидали бо̀льшія льготы отъ правителя, чѣмъ элементовъ изъ чужихъ странъ. Особымъ выраженіемъ милости было то, что король Аскапуцалко разрѣшилъ одному изъ членовъ своей семьи возсѣсть въ качествѣ вассальнаго князя въ Тлателулко, когда городъ этотъ настолько окрѣпъ, чтобы испросить себѣ собственнаго короля. Въ Теночтитланъ направилась особенно сильная иммиграція кулуасовъ. Древній королевскій городъ Кулуаканъ, который давно уже отвоевалъ, подъ верховнымъ управленіемъ текпанековъ, почти независимое положеніе и неоднократно игралъ выдающуюся роль въ политической жизни всего государства, — этотъ городъ подъ конецъ сдѣлался ареною внутреннихъ раздоровъ приблизительно въ то самое время, когда мексиканцы основали свою новую столицу. Кулуасы, терявшіе при этомъ свою родину, массами устремились въ Теночтитланъ, гдѣ въ скоромъ времени нація ихъ имѣла больше представителей, чѣмъ ацтеки. Этому обстоятельству юная колонія была обязана своимъ первымъ важнымъ переворотомъ. Мексико было основано еще подъ управленіемъ жрецовъ и названіе „Теночтитланъ“ (городъ Теноха) происходитъ отъ имени жреца, который привелъ сюда народъ. Кулуасы уже цѣлые вѣка были знакомы съ монархіей. И хотя въ сферѣ религіи они подчинились обычаямъ страны, но въ свѣтскихъ дѣлахъ они не могли долго преклоняться передъ господствомъ жрецовъ. Вмѣстѣ съ бѣглецами прибыли въ Мексику и члены древняго королевскаго рода. И когда, наконецъ, состоялось соглашеніе между старыми обитателями и новыми колонистами относительно выбора короля для города Теноха, то выборъ остановился на Акамапичтли, сынѣ кулуаканскаго короля того же имени, который послѣ паденія отцовской династіи бѣжалъ въ Тескуко и тамъ женился на принцессѣ чичимекской крови Иланкуэйтли. Эти династическія связи оказали чрезвычайно сильное вліяніе на всю дальнѣйшую исторію ацтекскаго царства въ Теночтитланѣ. Только этимъ объясняются различныя событія, которыя оставались бы

совершенно непонятными, если разсматривать городъ и государство исключительно съ ацтекской точки зрѣнія.

Прежде всего Мексика, несмотря на дружественныя отношенія къ Тескуко, оставалась вассальнымъ государствомъ текпанековъ. Новый титулъ Акамапичтли долженъ былъ быть санкціонированъ въ Аскапуцалко. Молодой мексиканскій король обнаружилъ впервые свои военныя способности на службѣ Тесосомока; подвиги его были такъ блестящи, что онъ быстро занялъ выдающееся положеніе среди вассальныхъ королей. Первые походы, предпринятые на службѣ текпанекамъ, были направлены къ югу, противъ чалковъ. Хотя эти послѣдніе были родственны текпанекамъ, они основали на южномъ берегу озера Тескуко и на озерѣ, получившемъ отъ нихъ названіе Чалко, государство, которое, въ свою очередь, достигло такихъ размѣровъ, что распалось на множество вассальныхъ государствъ. Мексиканскіе хроники разсказываютъ объ этихъ войнахъ такъ, какъ будто все дѣло сводится къ геройскимъ подвигамъ ихъ королей. Однако, до паденія царства текпанековъ мексиканцы участвовали въ этихъ войнахъ лишь въ качествѣ вспомогательныхъ войскъ. Акамапичтли умеръ въ 1403 году, не оставивъ распоряженій относительно своего наслѣдника. Нужно думать, что здѣсь дѣйствовало духовенство, которое сдѣлало еще разъ отчаянную попытку къ возстановленію власти теократіи. Но посторонніе элементы, которые привыкли къ династической монархіи, успѣли пустить уже слишкомъ глубокіе корни. Жрецы добились, правда, того, что престолонаслѣдіе было поставлено въ зависимость отъ новаго избранія; но они не могли помѣшать тому, чтобы выборъ палъ на сына Акамапичтли, Уитциліуитля. О немъ также категорически говорится, что онъ долженъ былъ испросить подтвержденіе своего избранія у правителя текпанековъ. Послѣдующіе годы онъ участвовалъ въ свитѣ Тесосомока во всѣхъ битвахъ, которыя привели, наконецъ, къ низложенію Иштлилшочитля и къ паденію царства чичимековъ, хотя Иштлилшочитль состоялъ съ нимъ въ тѣсномъ родствѣ, а именно былъ женатъ на одной изъ его сестеръ. Несмотря на всѣ преувеличенія хроникъ, короли Мексики продолжали играть весьма скромную роль вассаловъ. Это наглядно подтверждается тѣмъ, что король Тлателулко былъ вмѣстѣ съ тѣмъ главнокомандующимъ надъ войсками Тесосомока и, слѣдовательно, также надъ войсками Уитциліуитля. Оба они не дожили до окончанія войнъ. Король Тлателулко палъ въ одномъ изъ сраженій, изъ которыхъ тескуканцы вышли побѣдителями. Уитциліуитль умеръ въ 1417 году въ Тенохтитланѣ, для расширенія котораго онъ работалъ столь же дѣятельно, какъ и для внутренняго порядка въ государствѣ. Благодаря этимъ заслугамъ, полубратъ его Чимальпопока могъ вступить на престолъ, не встрѣтивъ возраженій, когда потребовалось выступить въ защиту интересовъ страны въ моментъ крушенія Иштлилшочитля.

Нужно думать, что какъ Уитциліуитль, такъ и Чимальпопока оставались на сторонѣ Тесосомока до окончательной побѣды лишь подъ давленіемъ обстоятельствъ, такъ какъ, въ сущности, они могли ожидать несравненно бóльшихъ выгодъ отъ успѣховъ дружественнаго и состоявшаго съ ними въ родствѣ Иштлилшочитля, чѣмъ отъ побѣды властвовавшаго надъ ними тирана. Повидимому, однако, они не подавали особаго повода къ недовѣрію со стороны князя текпанековъ. Когда онъ перешелъ къ организаціи царства, значительно увеличеннаго, благодаря присоединенію тескуканскихъ странъ, въ числѣ подвластныхъ шести королей, наряду съ властителями Чалко, Тлателулко, Аколмана, Коатличана и Гуэшотлы, былъ отмѣченъ также мексиканскій Чимальпопока. Правда, намѣреніе Тесосомока укрѣпить этимъ путемъ новое государство внутри и извнѣ было достигнуто лишь отчасти. Условія, въ которыя онъ поставилъ вассальныхъ королей, были настолько стѣснительны (они должны были отдавать двѣ

трети доходовъ своихъ провинцій королю и только одну треть оставлять себѣ), что они не столько чувствовали честь своего повышенія, сколько униженное положеніе данниковъ и открыто высказывали свое неудовольствіе. Къ тому же нововѣнчанному Чичимекатлю Текутли не удалось добиться признанія его во всемъ царствѣ Итлилсочитля. Болѣе отдаленныя части страны на сѣверѣ и востокѣ охотно воспользовались случаемъ не платить никакой дани и снова объявить себя независимыми. Тласкаланцы зашли даже въ своей враждебности къ Тесосомоку такъ далеко, что дали у себя пріютъ бѣжавшему наслѣднику Тескуко, принцу Несауалкойотлю, и держали его у себя до тѣхъ поръ, пока, благодаря вмѣшательству мексиканскаго короля Чимальпопока, удалось добиться отмѣны произнесеннаго надъ принцемъ смертнаго приговора. Тесосомокъ былъ уже очень старъ, когда онъ соединилъ, наконецъ, подъ своимъ скипетромъ весь Анагуакъ. Послѣ того онъ еще 8 лѣтъ наслаждался плодами своей побѣды и, умирая, завѣщалъ тронъ своему сыну Техау. Но этимъ самымъ онъ внесъ распри и въ собственную семью, и въ жизнь государства.

Безъ сомнѣнія, изъ всѣхъ сыновей Тесосомока Маштла, котораго отецъ назначилъ правителемъ Койогуакана, больше всего походилъ на него своей энергіей, храбростью и хитростью; но у него недоставало отцовской серьезности и спокойствія. Во всякомъ случаѣ, онъ считалъ позоромъ для себя удовлетвориться вторымъ мѣстомъ въ царствѣ своего отца. Безразличіе Техау помогло Маштлѣ свергнуть его съ трона уже спустя нѣсколько мѣсяцевъ и провозгласить себя Чичимекатлемъ Текутли, королемъ всего Анагуака. Переворотъ совершился безъ кровопролитія, но за нимъ послѣдовалъ кровавый эпилогъ. Если вассальные князья неохотно подчинялись игу престарѣлаго Тесосомока, испытаннаго въ безчисленныхъ бояхъ, то для нихъ было прямо невыносимо сдѣлаться слугами Маштлы, юнаго принца, который, во время своего управленія Койогуаканомъ, сумѣлъ стать ненавистнымъ для своихъ подданныхъ и для всѣхъ сосѣднихъ князей и путемъ насилія завладѣлъ трономъ законнаго наслѣдника. Короли Мексики и Тлателулко стали во главѣ недовольныхъ. И такъ какъ Техау бѣжалъ въ Теноxтитланъ, то тамъ былъ составленъ планъ напасть на Маштлу во время пиршества, умертвить его и затѣмъ возстановить Техау въ своихъ правахъ. Заговоръ былъ, однако, открытъ, и жертвою палъ не Маштла, а Техау. Маштла зналъ теперь, чего ему можно ждать отъ ацтекскихъ королей, и, не теряя времени, тотчасъ же сдѣлалъ два рѣшительныхъ нападенія, сперва на мексиканцевъ, потомъ на тлателулковъ. Оба раза онъ одержалъ полную побѣду, оба короля погибли, и города и страны ихъ были преданы опустошенію. Быть можетъ, они никогда не оправились бы, если бы повсемѣстно въ царствѣ Маштлы не вспыхнуло возстаніе противъ его незаконнаго и жестокаго правленія.

Симпатіи, которыя все еще питала большая часть восточныхъ провинцій къ старому королевскому роду, могли только усилиться вслѣдствіе поведенія Маштлы. Когда руки послѣдняго были на время связаны описанными выше битвами, чичимекъ Несауалкойотль счелъ удобнымъ сдѣлать попытку вернуть обратно отцовское царство. Тласкала и Уэхоцинго охотно предоставили ему въ распоряженіе своихъ воиновъ. Слабое сопротивленіе, которое онъ встрѣтилъ въ большинствѣ провинцій отцовскаго царства, дало ему возможность легко вернуть большую часть владѣній. Но главный городъ Тескуко оказалъ непобѣдимое сопротивленіе. Здѣсь Тесосомокъ посадилъ, въ качествѣ своего намѣстника, принца древняго королевскаго рода. И такъ какъ этотъ послѣдній зналъ, что, измѣнивъ настоящему наслѣднику чичимекскихъ правъ, онъ не можетъ ожидать пощады, то онъ дѣлалъ невѣроятныя усилія, чтобы спасти столицу. И эти усилія увѣнчались успѣхомъ. Но помимо того, положеніе Несауалкойотля

пошатнулось уже въ силу нравственнаго впечатлѣнія: походъ, начавшійся столь блестяще, окончился почти пораженіемъ.

Первымъ послѣдствіемъ такого неполнаго успѣха было то, что многіе союзники начали колебаться, и нападеніе Маштлы, въ неизбѣжности котораго Несауалкойотль былъ увѣренъ, внушало ему серьезныя опасенія. Въ эту опасную минуту ацтеки явились весьма желанными союзниками. По удаленіи Маштлы изъ Мексики, тамъ рѣшились немедленно приступить къ возстановленію королевства. Одинъ моментъ выборъ колебался между Ицкоуатлемъ, братомъ Чимальпопока, и еще юнымъ, но уже украшеннымъ военными лаврами племянникомъ его, Монтесумой. Къ счастью, законы страны открывали достаточно простора для полезной дѣятельности болѣе чѣмъ одного человѣка. Королевская власть сохраняла еще ясные слѣды своего происхожденія отъ аристократической олигархіи. Помимо сословія жрецовъ, все еще очень вліятельнаго, къ королю стояли близко два высокихъ свѣтскихъ сановника: тлакатекатль, начальникъ войскъ, и тлакочкалкатль, начальникъ стрѣлъ. Первое мѣсто было поручено Монтесумѣ, и этимъ не только было удовлетворено его честолюбіе, но ему дана была возможность проявить свою жажду дѣятельности на благо государства на ряду со своимъ царственнымъ дядей. Такимъ образомъ, самое стеченіе обстоятельствъ указывало ему естественный путь, тѣмъ болѣе, что Маштла безусловно отказался подтвердить состоявшійся выборъ и грозилъ новымъ нападеніемъ. Общій врагъ снова соединилъ мексиканцевъ и чичимековъ.

Монтесума отправился къ Несауалкойотлю и заключилъ съ нимъ союзъ противъ текпанековъ, къ которому тотчасъ присоединился вновь избранный король тлателулковъ. Было условлено возможно быстро перенести военныя дѣйствія въ непріятельскую землю. Правда, чистосердечное намѣреніе Несауалкойотля возстановить старое королевство въ Тескуко охладило нѣкоторыхъ его друзей, имѣвшихъ въ виду, помогая ему въ несчастіи, отстоять собственную независимость. Но расколъ въ его собственномъ лагерѣ былъ въ избыткѣ восполненъ, когда онъ вступилъ въ союзъ со всѣми врагами текпанекскаго тирана. Походъ, въ которомъ онъ лично участвовалъ наряду съ мексиканцами, послѣ неоднократныхъ колебаній вѣсовъ побѣды, окончился безусловнымъ успѣхомъ. Соединенныя силы ацтековъ и тескуканцевъ, при поддержкѣ короля Тлакопана, одержали полную побѣду надъ текпанеками. Аскапуцалко былъ взятъ и разрушенъ. Маштла палъ, хотя и не въ самой битвѣ, но во время преслѣдованія его, подъ ударами противниковъ.

Горькое разочарованіе постигло, однако, тѣхъ, кто думалъ, что съ паденіемъ текпанекской тираніи настанутъ времена свободы для Анагуака. Эта надежда играла, вѣроятно, не малую роль въ пассивности приверженцевъ Несауалкойотля во время рѣшительной борьбы; теперь они открыто отпали. Тѣмъ не менѣе, они не могли устоять противъ союзныхъ силъ. И политическое распредѣленіе, которое было намѣчено послѣ взятія Аскапуцалко во время пиршествъ, устроенныхъ въ Теноxтитланѣ, было теперь фактически осуществлено: Анагуакъ былъ раздѣленъ между королями Мексики и Тескуко. Несауалкойотль, для котораго раскрылись отнынѣ ворота его древней столицы, получилъ, вмѣстѣ со всѣмъ царствомъ отца, обнимавшимъ восточную половину Анагуака, также титулъ Чичимекатля Текутли. Съ этимъ титуломъ по прежнему связывалось первое мѣсто и высшее положеніе среди союзниковъ. Мексиканцы играли до этого времени слишкомъ незамѣтную роль для того, чтобы оспаривать у него это положеніе. Вообще многолѣтняя дружба и родство съ монархомъ Тескуко имѣли немало значенія въ томъ, что имъ досталась видная доля побѣдной добычи. За исключеніемъ области Тлакопана, которая была вознаграждена странами на сѣверо-западѣ Мексиканскаго плоскогорья, за услугу въ борьбѣ противъ Маштлы, имъ досталось все цар-

ство текпанековъ, гдѣ мексиканцы считались до сихъ поръ вассалами, наравнѣ съ другими королями; но эти владѣнія требовалось обезпечить помощью оружія. Еще болѣе почетное мѣсто заняли они въ совѣтѣ союзниковъ. Сюда они были допущены наравнѣ съ тескуканцами, тогда какъ король Тлакопана, какъ третій членъ во вновь устроенномъ союзѣ государствъ, хотя и оставался независимымъ, но безусловно призналъ превосходство первыхъ двухъ. Такъ какъ это отношеніе распространялось и на будущее, то и послѣдующія завоеванія должны были распредѣляться между союзниками такимъ образомъ, что пятая часть добычи принадлежала королю Тлакопана, а остальное дѣлилось поровну между правителями Тескуко и Тенохтитлана. Таково содержаніе договора между господствующими націями Анагуака.

Этимъ было обрисовано политическое положеніе въ томъ видѣ, какъ его застали еще испанцы; союзъ, хотя и расшатанный, сохранился до эпохи завоеванія. Всѣ три союзныхъ короля сообща вели рядъ войнъ, въ особенности противъ своихъ непосредственныхъ южныхъ сосѣдей. И дѣлежъ добычи происходилъ согласно условіямъ, опредѣленнымъ въ договорѣ. Впрочемъ, территоріальное расширеніе, повидимому, выпадало даже въ этихъ случаяхъ, главнымъ образомъ, на долю мексиканцевъ. Помимо того, каждый изъ союзныхъ королей предпринималъ еще на собственный страхъ завоевательные походы въ сосѣднія страны, причемъ не было строгаго раздѣленія на восточныя и западныя владѣнія. Такъ, мы встрѣчаемъ съ одной стороны тескуканцевъ на западѣ и на побережьи Тихаго океана, а съ другой — ацтековъ на востокѣ вплоть до береговъ Мексиканскаго залива.

Наиболѣе важный переворотъ, совершившійся съ теченіемъ времени въ предѣлахъ союза, заключался въ томъ, что во внѣшнихъ дѣлахъ короли Тенохтитлана все болѣе и болѣе выступали въ руководящей роли. И если при сохраненіи правовыхъ отношеній союзниковъ другъ къ другу, короли Тескуко уступали первенствующее мѣсто королямъ Тенохтитлана, то это случилось, исключительно благодаря національнымъ особенностямъ обоихъ народовъ и ихъ предводителей. Короли Тескуко издревле славились болѣе попеченіями о внутреннемъ благѣ своихъ государствъ, чѣмъ военными подвигами. И эту славу вполнѣ оправдали оба короля, занимавшіе престолъ въ эпоху союза: Несауалкойотль и сынъ его Несауалпилли. Нельзя сказать, что имъ недоставало военной храбрости. Тамъ, гдѣ это требовалось для поддержанія авторитета или для сохраненія неприкосновенности государства, у нихъ не было недостатка въ ней. Они предпринимали даже завоевательные походы. Тѣмъ не менѣе, военныя предпріятія сами по себѣ не составляли цѣли для королей Аколуакана: они всегда были подчинены соображеніямъ высшаго порядка.

Въ первыя десятилѣтія Несауалкойотль сосредоточилъ свое вниманіе на реорганизаціи государства, сильно потрясеннаго революціями послѣ смерти Иштлилшочитля. Первообразомъ служила для него феодальная система, введенная его отцомъ и въ особенности дѣдомъ Течотлемъ, хотя предшествующій опытъ и даже собственный опытъ его не говорили въ ея пользу. Онъ пошелъ по стопамъ своихъ предковъ и въ добросовѣстномъ примѣненіи законовъ справедливости. Его законы еще долгое время уважались даже испанцами. Но въ особенности онъ подражалъ прежнимъ королямъ своей склонностью къ изящнымъ искусствамъ. Храмы и дворцы, сады и купальни, улицы и мосты возникали, благодаря его стараніямъ, не только въ столицѣ, но и въ провинціяхъ. Всюду въ мексиканской долинѣ, гдѣ требовалось осуществить значительныя сооруженія, прибѣгали къ испытанному искусству Несауалкойотля и его мастеровъ. Такъ, онъ доказалъ мексиканцамъ свою признательность за пріемъ и поддержку, оказанные ему въ нуждѣ, тѣмъ, что устроилъ имъ водопроводъ,

который доставлялъ столицѣ ацтековъ, лежащей среди озерныхъ болотъ, воду изъ источниковъ въ Чапултепекѣ по глиняному каналу, обложенному камнями. Затѣмъ, когда въ 1445 году, вслѣдствіе продолжительныхъ проливныхъ дождей, вода въ озерѣ значительно прибыла, и Теноxтитланъ находился почти совершенно подъ водою, онъ опять явился на помощь: устройствомъ обширнаго полукружнаго мола онъ защитилъ мелкія воды вокругъ города отъ опасности, грозившей со стороны самаго озера.

Несауалкойотль обращалъ непрестанное вниманіе и на духовный прогрессъ. Какъ поэтъ, онъ былъ однимъ изъ самыхъ выдающихся на почвѣ древней культуры Америки. Его грустныя пѣсни еще долго передавались изъ устъ въ уста послѣ того, какъ царство его и родъ давно исчезли съ лица земли. Духовная зрѣлость Несауалкойотля сказывается и въ томъ, что̀ намъ извѣстно изъ преданій относительно религіозныхъ воззрѣній его. Еще предки его отличались широкою вѣротерпимостью по отношенію къ религіознымъ взглядамъ своихъ различныхъ подданныхъ, часто глубоко разнившимся между собою. Въ этомъ Несауалкойотль даже превзошелъ своихъ предшественниковъ. Во-первыхъ, онъ позволилъ въ самомъ центрѣ своего государства, въ столицѣ Тескуко, строить храмы различнымъ божествамъ, въ томъ числѣ и Уитцилопохтли, хотя самъ также былъ далекъ отъ кроваваго культа этого божества, какъ и предки его. Затѣмъ онъ лично пришелъ къ убѣжденію въ несостоятельности всѣхъ народныхъ культовъ и хотѣлъ молиться только одному богу, который все создалъ и все поддерживалъ. Было бы, конечно, смѣло называть Тескуко Несауалкойотля Аѳинами центральной Америки. Но, безъ сомнѣнія, въ ту эпоху этотъ городъ былъ средоточіемъ всей духовной жизни, всякаго прогресса и всякой мудрости, поскольккс они вообще существовали въ тогдашнихъ царствахъ.

Хотя Несауалкойотль имѣлъ много сыновей отъ различныхъ женъ, но только въ 1463 году онъ вступилъ въ законный бракъ съ принцессою Аскашочитль изъ Тлакопана. Отъ нея родился единственный сынъ Несауалпилли, которому минуло 8 лѣтъ въ 1472 году, когда умеръ отецъ. Воспитанный подъ опекою короля Ашайякатля въ Мексикѣ, онъ сохранилъ, однако, во всемъ, что касается духовнаго развитія, черты своего великаго отца. Правда, ему не суждено было занять въ союзѣ трехъ государствъ такое же вѣское положеніе, какое занималъ его отецъ, который надолго пережилъ своего ацтекскаго собрата и, благодаря своему возрасту и духовному превосходству, держалъ въ уздѣ притязанія сосѣдняго государства. Сынъ занялъ въ союзѣ второе мѣсто, такъ какъ на сторонѣ мексиканцевъ, на ряду съ могуществомъ и блескомъ, былъ также возрастъ и опытъ.

Царство Теноxтитлана развивалось въ совершенно иномъ направленіи. Равное положеніе съ Тескуко, занятое имъ въ силу союза 1431 года, было пока еще не совсѣмъ заслужено. У самыхъ воротъ столицы лежалъ еще родственный городъ Тлателулко, управляемый собственнымъ независимымъ королемъ. И хотя мексиканцы, какъ воины, внушали на далекомъ разстояніи скорѣе страхъ, чѣмъ уваженіе, тѣмъ не менѣе, имъ приходилось сперва подчинить область, которая дала бы имъ право на преобладаніе надъ западнымъ Анагуакомъ. Этой задачѣ съ успѣхомъ посвятилъ себя рядъ блестящихъ королей-героевъ, сыновей и племянниковъ Уитцилиуитля. Въ первое время походы направлялись, большею частью, на югъ. Когда были покорены Шочимилко и Куитлауа, начались безконечныя войны противъ государствъ чалковъ. Хотя мексиканцы еще на службѣ у текпанековъ неоднократно побѣждали чалковъ, но подчиненіе было неполное, и чалки, во время возстаній, возвращали себѣ независимость, какъ и нѣкоторыя другія части текпанекскаго царства. И теперь еще чалки одни оставались непобѣдимыми для мексиканцевъ. Но вызывающія дѣйствія ихъ заставили даже Несауалкойотля стать въ ряды ихъ противниковъ.

Бороться съ соединенными войсками трехъ союзныхъ государствъ оказалось не подъ силу многочисленнымъ государствамъ чалковъ. Три слѣдовавшіе одинъ за другимъ короля Мексики въ теченіе почти 20 лѣтъ (1446—65) чуть ли не ежегодно предпринимали походы противъ чалковъ съ перемѣннымъ счастіемъ, пока, наконецъ, не удалось овладѣть послѣдней твердынею ихъ, городомъ Чалко. Съ 1465 года чалки включены въ число регулярныхъ данниковъ Тенохтитлана.

Еще въ 1440 году умеръ Искоуатль, одинъ изъ основателей союза 1431 года. Его смѣнилъ на тронѣ племянникъ его Монтесума (собственно Моктеусома) старшій, Илуикамина, король, который больше всего сдѣлалъ для расширенія власти ацтековъ. Хотя война противъ чалковъ, счастливо окончившаяся лишь въ послѣдніе годы его правленія, главнымъ образомъ, поглощала силы этого короля, тѣмъ не менѣе, онъ раздвинулъ границы царства и въ другихъ направленіяхъ. Рядомъ съ этимъ онъ, болѣе, чѣмъ кто либо, способствовалъ внутреннему развитію государства. Высокое положеніе его въ качествѣ главнаго начальника войскъ и верховнаго жреца Уитцилопохтли давало ему возможность еще въ царствованіе Искоуатля оказывать могущественное вліяніе. Недаромъ онъ былъ интимнымъ другомъ Несауалкойотля. Ему столица была обязана важнѣйшими сооруженіями, которыя вызывали удивленіе завоевателей. Таковы были плотины, которыя соединяли городъ съ материкомъ, каналы, которые служили главными дорогами къ нему, храмы и, во главѣ ихъ, храмъ Уитцилопохтли. Надъ сооруженіемъ этого храма работали уже раньше цѣлыя поколѣнія и до окончанія его не дожилъ самъ Монтесума, хотя ему принадлежитъ составленіе окончательнаго плана.

Въ религіозной сферѣ Монтесума также оказался на высотѣ вѣротерпимыхъ воззрѣній королей Тескуко. При немъ въ Тенохтитланѣ возникли многочисленные храмы различныхъ божествъ. Вскорѣ сдѣлалось обычаемъ, что каждая побѣда надъ другимъ племенемъ ознаменовывалась перенесеніемъ въ столицу его божествъ вмѣстѣ съ ихъ культомъ. Все это не могло, впрочемъ, существенно повліять на основной характеръ ацтекскаго религіознаго культа. Наоборотъ, чѣмъ больше мексиканцы пріобрѣтали могущества и славы, тѣмъ ревностнѣе они культивировали свои жестокія *кровавыя жертвоприношенія*. У нихъ укоренилось твердое убѣжденіе, что блестящіе успѣхи, выпадавшіе на долю ихъ изъ года въ годъ, куплены у боговъ именно этими обильными кровавыми жертвами. И чтобы сохранить эту милость боговъ, они увеличивали кровавыя гекатомбы пропорціонально росту своего могущества. Каждый праздникъ этого народа, каждая побѣда, начало каждаго новаго цикла годовъ, каждое восшествіе на престолъ или освященіе храма сопровождались кровавыми жертвами. И чѣмъ торжественнѣе было празднество, тѣмъ многочисленнѣе были жертвы. Дѣло не ограничивалось благодарностью милостивымъ богамъ: необходимо было умилостивлять и разгнѣванныхъ. Когда въ 1445 году начался многолѣтній голодъ, охватившій весь Анагуакъ, манія жертвоприношеній достигла у ацтековъ положительно безумныхъ размѣровъ. Первоначально они были еще настолько сильны, чтобы въ битвахъ на границѣ страны брать военноплѣнныхъ, — и храброе сердце послѣднихъ, еще содрогавшееся въ груди, вскрытой обсидіановымъ ножомъ, являлось самой желанной жертвой богамъ. Но когда нужда становилась все больше, такъ что, наконецъ, изнуренные голодающіе воины не годились болѣе ни для военныхъ походовъ, ни въ качествѣ жертвъ, то правители государства, объятые трепетомъ передъ гнѣвомъ боговъ, возымѣли мысль, единственную во всемірной исторіи: они заключили формальный договоръ съ воинственными племенами востока, менѣе изнуренными голодомъ, съ тласкаланцами и уэшоцинками. Согласно этому договору, ежегодно на опредѣленномъ полѣ битвы должны были происходить мнимыя сраженія между одинаковымъ числомъ воиновъ

съ обѣихъ сторонъ — исключительно для того, чтобы добыть военноплѣнныхъ, необходимыхъ для принесенія въ жертву богамъ. Въ теченіе голодныхъ годовъ дѣйствительно нѣсколько разъ происходили подобныя битвы. Когда же критическое время миновало, воинственный духъ ацтековъ позаботился о томъ, чтобы дѣйствительныя побѣды сдѣлали излишними мнимыя жертвы.

Чѣмъ сильнѣе становились мексиканцы, тѣмъ тяжелѣе было для нихъ переносить мысль, что у воротъ самой столицы ихъ находится управляемая другими королями, почти независимая община, родственный городъ Тлателулко. Конечно, прошли времена, когда этотъ городъ могъ соперничать съ Мексико въ роскоши и блескѣ. Тѣмъ не менѣе, сохранилось чувство зависти, которое прорывалось въ различнаго рода мелкихъ столкновеніяхъ. Само собою разумѣется, мексиканцы ждали только случая, чтобы отомстить за это. Но многочисленность враговъ и внутри, и на границахъ удерживала ихъ отъ нарушенія мира у воротъ столицы посредствомъ насильственнаго акта. Поэтому они были вдвойнѣ довольны, когда король Тлателулко вступилъ въ измѣнническія сношенія съ врагами ихъ въ то время, какъ всѣ силы мексиканцевъ были поглощены въ войнѣ противъ чалковъ. Одержавъ однажды блестящую побѣду на югѣ отъ Тенохтитлана, Монтесума по возвращеніи далъ почувствовать тлателулкамъ превосходство своего оружія. Въ сраженіяхъ, которыя затѣмъ послѣдовали, неосторожный король, по обыкновенію, не получилъ помощи отъ участвовавшихъ съ нимъ въ заговорѣ и поплатился трономъ и жизнью. Мексиканцы удовлетворились, однако, тѣмъ, что посадили въ Тлателулко, въ качествѣ вассальнаго короля, безусловно преданное имъ лицо. Это былъ Мокигуишъ, племянникъ Монтесумы. Но хотя онъ былъ всецѣло обязанъ своимъ повышеніемъ Монтесумѣ, зависть къ болѣе счастливому сопернику, глубоко укоренившаяся у тлателулковъ, съ теченіемъ времени захватила и его. Когда въ 1468 году, послѣ смерти Монтесумы, на тронъ Тенохтитлана вступилъ Ашайякатль, Мокигуишъ попытался съ оружіемъ въ рукахъ возвратить независимость своему маленькому государству. Цѣлыхъ пять лѣтъ, какъ говорятъ, продолжались битвы, прежде чѣмъ превосходнымъ силамъ мексиканцевъ удалось окончательно сломить сопротивленіе своихъ сосѣдей. Это доказываетъ, какъ, благодаря шаткой организаціи государствъ, даже маленькая кучка храбрыхъ и рѣшительныхъ воиновъ могла становиться опасною для сильнаго государства, если только на ея сторонѣ были симпатіи прочихъ его подданныхъ. Подчинивъ Мокигуиша, мексиканцы не пожелали вторично впасть въ ошибку и оставить почти въ сердцѣ государства зерно отпаденія. Тлателулко пересталъ существовать, какъ самостоятельная община. Онъ образовалъ одинъ городъ съ Тенохтитланомъ, отъ котораго уже давно отдѣлялся только каналомъ, и всѣ жители, которые не пожелали безусловно подчиниться новому порядку, были изгнаны.

Съ присоединеніемъ тлателулковъ Тенохтитланъ не только значительно увеличилъ свою территорію и устранилъ постоянно существовавшую опасность, но вмѣстѣ съ тѣмъ достигъ и чрезвычайнаго умноженія своего богатства. Во всей центральной Америкѣ, внизъ до Тегуантепекскаго перешейка и дальше, тлателулки, какъ неутомимые торговцы, были главными посредниками мѣновой торговли между сѣверомъ и югомъ. Изъ всѣхъ государствъ внутри и вокругъ Анагуака одни лишь тласкалтеки могли соперничать съ ними, но торговля ихъ сосредоточивалась больше близъ залива, чѣмъ на тихоокеанскомъ побережьи. До сихъ поръ безсиліе ихъ родного города въ нѣкоторыхъ случаяхъ неблагопріятно отражалось на торговыхъ предпріятіяхъ тлателулковъ. Но когда мексиканцы завладѣли ихъ городомъ, они вмѣстѣ съ тѣмъ взяли подъ свою защиту и торговые интересы его жителей. Съ этого времени мексиканскіе

торговцы играютъ выдающуюся роль какъ развѣдчики и какъ посредники, дающіе желательный поводъ къ насильственнымъ дѣйствіямъ во всѣхъ войнахъ.

Въ правленіе Ашайякатля царство Тенохтитлана достигло наибольшихъ размѣровъ. Меньше всего простиралась мексиканская власть къ сѣверу черезъ горы, которыя окружаютъ Мексиканское плоскогорье. Самыми передовыми пунктами являются здѣсь Тула и Тулансинго, которые недолго и непрочно были связаны съ царствомъ ацтековъ. Въ прямомъ западномъ направленіи мексиканское оружіе также проникло поздно и недалеко. Лишь непосредственно граничившія части Мичуакана были подвластны ихъ скипетру. Съ тараскосами, живущими далѣе къ западу до океанскаго берега, они никогда не вступали въ серьезныя столкновенія. Съ Тихимъ океаномъ владѣнія центральныхъ государствъ приходятъ въ соприкосновеніе лишь далѣе къ югу. Но здѣсь не одни короли Тенохтитлана брали дань съ городовъ и князей; и тескуканцы имѣютъ своихъ вассаловъ. Въ странѣ сапотековъ владычество мексиканцевъ ограничивалось лишь немногими укрѣпленными мѣстами, о чемъ мы упоминали раньше (см. выше, стр. 258). Наоборотъ, къ сѣверо-западу и къ югу, до Тегуантепекскаго перешейка и дальше, верховная власть ихъ была признана многочисленными вассальными князьями. Точно также на востокѣ покорились центральнымъ государствамъ обширныя области. Правда, первоначально могущество тескуканскихъ королей оставляло ацтековъ въ тѣни, но съ теченіемъ времени менѣе воинственныя наклонности этихъ князей и пользованіе мексиканцами каждымъ удобнымъ случаемъ существенно измѣнили положеніе вещей. Королю Тенохтитлана поставлено было въ упрекъ, что онъ вѣроломно воспользовался опекою надъ несовершеннолѣтнимъ Несауалпилли, чтобы обогатиться насчетъ союзнаго государства. Въ дѣйствительности, однако, вліяніе ацтековъ было сильно и на востокѣ и распространялось на государства побережья Мексиканскаго залива, начиная отъ Пануко на сѣверѣ черезъ область гуастековъ и тотонаковъ внизъ въ направленіи къ Шикаланко и Ноногуалко, до границъ Юкатана.

Не смотря на это, въ самомъ сосѣдствѣ соединенныхъ центральныхъ государствъ образовался очагъ безпрестанныхъ возмущеній, гдѣ находили убѣжище всѣ, кто желалъ избавиться отъ возраставшей тираніи и гнета ацтековъ. То были королевство Уэшоцинго и республика Тласкала. Оба они въ прежнія времена принадлежали къ тескусканскимъ владѣніямъ чичимековъ и въ эпоху преслѣдованія оказали поддержку законному наслѣднику этой страны, Насауалкойотлю. Но когда послѣдній соединился съ ацтеками съ цѣлью возстановить свое королевство, прежніе союзники отпали отъ него и съ тѣхъ поръ непрерывно тревожили границы царства. Послѣ цѣлаго ряда походовъ Уэшоцинго былъ, повидимому, покоренъ, по крайней мѣрѣ, временно. Но хотя союзные короли то и дѣло вторгались въ холмистую страну тласкалтековъ, все сожигая и разрушая, тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ, этотъ маленькій храбрый народъ, благодаря своей страстной любви къ свободѣ, все-таки выходилъ побѣдителемъ надъ пестрыми войсками вассальныхъ королей Анагуака. Даже будучи окружены со всѣхъ сторонъ, тласкаланцы сумѣли сохранить свою независимость до прибытія испанцевъ. Глубокая ненависть, которую они питали къ своимъ сосѣдямъ угнетателямъ, дала въ ихъ лицѣ Кортесу самыхъ рѣшительныхъ союзниковъ противъ Тенохтитлана.

Расчлененіе государства ацтековъ было въ сущности такое же, какъ и въ другихъ государствахъ центральной Америки. И здѣсь подчиненныя страны превращались въ вассальныя государства, платившія дань, и для того, чтобы обезпечить преданность подвластныхъ королей, таковыми назначались члены королевской семьи или мужья дочерей королевскаго дома. Мексиканцы старались, однако, не только укрѣпиться на

тронѣ завоеванныхъ странъ, но и пустить крѣпкіе корни въ самихъ странахъ. Въ виду того, послѣ каждаго счастливаго похода происходила щедрая раздача земель и людей всѣмъ, кто способствовалъ успѣху своей храбростью. Иногда эта раздача принимала характеръ почти колонизаціи завоеванной области. Этимъ, во-первыхъ, поощрялась воинственность, такъ какъ всякаго воина, даже самаго простого, ожидала близкая и блестящая награда; а, съ другой стороны, созданная такимъ образомъ феодальная аристократія являлась опорою трона и вмѣстѣ съ тѣмъ противовѣсомъ всякимъ стремленіямъ къ независимости со стороны вассальныхъ королей. Впрочемъ, колонизація и организація завоеванныхъ земель въ такой формѣ ограничивалась странами Анагуака и областями, непосредственно примыкающими къ нему съ юга. Для того, чтобы распространить ту же форму правленія и на болѣе отдаленныя провинціи, прежде всего не хватало людей. Обыкновенно и тамъ за побѣдоноснымъ походомъ слѣдовало устраненіе прежняго правителя или цѣлой династіи и назначеніе преданнаго короля. Но въ остальномъ завоеванная область оставалась почти такою же самостоятельною, какъ и раньше и обязывалась только уплачивать опредѣленную дань. Ежегодно являлись послы изъ Тенохтитлана для взиманія дани; нѣкоторые изъ нихъ находились даже для этой цѣли постоянно при дворѣ вассальнаго князя. И для того, чтобы удерживать и вассала, и самую страну его въ надлежащемъ подчиненіи, отдѣльные пункты наиболѣе важныхъ торговыхъ путей превращались въ вооруженные лагери. Здѣсь сосредоточивался сильный гарнизонъ, какъ ядро и центръ сопротивленія на случай возстанія; здѣсь же было сосредоточіе купцовъ, сборщиковъ податей и другихъ чиновниковъ въ мирное время. Подобные гарнизоны извѣстны въ особенности въ отдаленныхъ провинціяхъ — въ странѣ мистековъ и сапотековъ на югѣ и въ области гуастековъ и тотонаковъ на сѣверо-востокѣ. Конечно, несмотря на всѣ эти вспомогательныя средства, возстанія противъ мексиканцевъ были не менѣе часты и, пожалуй, не менѣе безопасны. Не взирая, однако, на глубокую ненависть, которую питала къ нимъ большая часть подданныхъ вслѣдствіе кровавой тираніи ихъ владычества, послѣднее въ теченіе почти цѣлаго столѣтія не было серьезно нарушаемо общимъ возстаніемъ.

За Ашайякатлемъ, который умеръ въ 1477 году, послѣ кратковременнаго, но славнаго царствованія, послѣдовали два правителя, мало увеличившіе славу своихъ предковъ. Правда, Тисоцикъ и Агуицотль также побѣдоносно водили войска ацтековъ въ различныхъ направленіяхъ за предѣлы страны, но они не обладали ни личными качествами, ни счастьемъ для того, чтобы совершить что либо выдающееся для своего государства; а управлять имъ было трудно въ виду громадныхъ размѣровъ, до которыхъ оно разрослось. И только въ лицѣ Монтесумы II на тронъ Тенохтитлана вступилъ правитель, повидимому, способный оживить великія преданія прошлаго. Онъ покрылъ себя военной славой еще до вступленія на престолъ и, какъ король, оправдалъ надежды, которыя на него возлагались. Правда, счастье не особенно благопріятствовало ему. Уже въ послѣдніе годы царствованія Агуицотля вѣра въ непобѣдимость мексиканскаго оружія была значительно поколеблена: сапотеки вернули себѣ полную независимость, а въ Тласкалѣ мексиканцевъ ждало пораженіе за пораженіемъ. Не смотря на отдѣльныя побѣды, Монтесума не въ состояніи былъ уничтожить впечатлѣніе полученныхъ ударовъ какимъ-либо крупнымъ успѣхомъ.

Къ этому присоединились грозныя знаменія внутри страны. Союзъ между Мексикой и Тескуко, на которомъ, главнымъ образомъ, покоилось до сихъ поръ могущество центральныхъ государствъ, началъ все болѣе и болѣе расшатываться. Несауалпилли, при всей его испытанной военной храбрости, все-таки не былъ, какъ и предшественники его, сторонникомъ

войны. Онъ лишь подъ давленіемъ союза поддерживалъ мексиканцевъ въ ихъ ненасытномъ стремленіи къ расширенію владѣній, а вообще держался въ сторонѣ. Неудивительно, поэтому, что у королей Теночтитлана все болѣе складывалось убѣжденіе, что власть и значеніе всецѣло принадлежатъ имъ и что союзникъ ихъ несправедливо пользуется одинаковымъ почетомъ и одинаковымъ участіемъ въ дѣлежѣ добычи. Самовозвеличеніе разрослось до такого высокомѣрія, что оно вызвало обоюдное недовольство и перешло, наконецъ, въ скрытую вражду. У мексиканцевъ зародился планъ при первомъ удобномъ случаѣ напасть на бывшаго союзника и низвести его на степень вассала. Во время одной неудачной войны противъ тласкаланцевъ, которую атцеки и тескуканцы затѣяли совмѣстно въ 1512 году, Монтесума такъ далеко зашелъ въ своемъ вѣроломствѣ, что не только покинулъ союзниковъ во время самаго сраженія, но даже тайно измѣнилъ тласкаланцамъ. Несауалпилли не имѣлъ мужества отомстить за этотъ позоръ открытымъ объявленіемъ войны, но съ этого времени бывшіе союзники смотрѣли другъ на друга, какъ враги. И когда черезъ четыре года Несауалпилли умеръ, вражда приняла открытый характеръ.

Король Тескуко не позаботился назначить при жизни наслѣдника. Поэтому Монтесумѣ удалось указать на принца, которымъ онъ надѣялся руководить вполнѣ по своему желанію. Какама былъ родной племянникъ Монтесумы и хотя не лишенъ былъ способностей, но пока ничѣмъ особеннымъ не выдавался. Наоборотъ, младшій братъ его Иштлилшочитль успѣлъ еще при жизни отца прославиться на военномъ поприщѣ. Но ему не удалось помѣшать выбору Какамы. Иштлилшочитль смотрѣлъ на Какаму какъ на игрушку Монтесумы и, открыто поднявъ знамя возмущенія, считалъ, что борется за независимость отцовскаго царства. Въ Тескуко онъ не могъ, правда, продержаться долго, но въ сѣверныхъ провинціяхъ нашелъ много приверженцевъ. Онъ могъ разсчитывать на поддержку всѣхъ, кто опасался, что побѣда Какамы повлечетъ за собою исключительное господство мексиканцевъ. Благодаря тому, ему не только удалось разбить на голову войско, посланное противъ него Монтесумой, но онъ, хотя и медленно, но неудержимо и грозно, подвигался на Тескуко. Какама предпочелъ заключить съ нимъ миръ на почвѣ раздѣленія отцовскаго царства. По всей вѣроятности, раньше или позже дѣло дошло бы до разрыва, если бы на горизонтѣ не появился новый врагъ, одинаково грозный для всѣхъ: испанцы.

Несомнѣнно, что короли Анагуака уже давно имѣли свѣдѣнія о появленіи удивительныхъ чужеземцевъ, которые пришли въ сосѣднія области съ востока, изъ за моря. Обширныя торговыя сношенія, замѣчательная организація обмѣна въ государствахъ Анагуака и въ сосѣднихъ провинціяхъ должны были довести до нихъ, по меньшей мѣрѣ, слухи, а, вѣроятно, даже опредѣленныя вѣсти о первомъ появленіи и дальнѣйшемъ движеніи чужеземцевъ, которые уже болѣе 25 лѣтъ начали распространяться на островахъ и на югѣ. Эта опасность все болѣе приближалась и къ нимъ; въ этомъ не оставалось уже сомнѣнія, когда въ 1516 и 1517 годахъ экспедиціи Эрнандеса и Грихальбы проникли до ихъ собственныхъ береговъ.

Эти событія вызвали цѣлый переворотъ въ ихъ суевѣрныхъ представленіяхъ, и еще долго писатели ихъ отводили много мѣста разсужденіямъ о томъ, въ какой мѣрѣ появленіе испанцевъ соотвѣтствовало древнимъ пророчествамъ о всеобщемъ измѣненіи туземныхъ условій, идущемъ съ востока. Во всякомъ случаѣ, мнѣніе туземцевъ, что появленіе испанцевъ, быть можетъ, стоитъ въ связи съ обѣщаннымъ возвращеніемъ Кецалкоатля, было для испанцевъ такимъ же цѣннымъ союзникомъ, какъ и общая вражда, съ которою относились народы центральной Америки къ

господству мексиканцевъ. Эта вражда обратила въ сторону испанцевъ массы туземныхъ союзниковъ, которые помогли имъ преодолѣть всѣ трудности и дали возможность кучкѣ изъ нѣсколькихъ сотъ людей проникнуть въ самое сердце обширныхъ территорій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ религіозное благоговѣніе къ пришельцамъ какъ бы подготовило почву: оно дало имъ возможность безъ боя занять и укрѣпиться на побережьи, а затѣмъ и проложить себѣ пути вглубь Мексики, что было уже равносильно паденію древнихъ царствъ. Объ этомъ см. ниже стр. 365.

3. Древняя культура Южной Америки.

A. Свойство почвы Южной Америки.

Андскіе Кордильеры лишь въ самой южной своей части образуютъ непрерывную горную цѣпь. Уже подъ 26° южной широты они раздѣляются на два хребта, которые, чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ болѣе расходятся. Вначалѣ между ними заключается только узкое плоскогорье, на которомъ могутъ помѣститься лишь небольшіе озерные бассейны; дальше горная страна расчленяется еще болѣе. Между хребтами горъ появляются продольныя долины, которыя принимаютъ съ обѣихъ сторонъ изъ горъ притоки и, наконецъ, становятся достаточно мощными, чтобы въ какой-либо поперечной разсѣлинѣ проложить себѣ путь сквозь сопровождающую горную цѣпь. Съ быстротою стремнинъ направляются тогда рѣки либо на западъ, черезъ узкую пустынную береговую полосу, къ океану, либо на востокъ: здѣсь онѣ сначала также круто ниспадаютъ въ лѣсистыя низменности, чтобы питать системы большихъ рѣкъ Ла-Платы, Амазонки и Ориноко. Нѣкоторыя изъ этихъ долинъ лежатъ на весьма значительной высотѣ: уровень озера Титикака находится болѣе, чѣмъ на 3850 м. надъ уровнемъ моря, озера Кито на 2850 м., Богота на 2660 м. И тѣмъ не менѣе, нетрудно понять, почему именно здѣсь, и только здѣсь, на почвѣ Южной Америки, могла пустить корни и развиться туземная культура.

Узкая полоса земли на западѣ, окаймленная, съ одной стороны, Кордильерами, съ другой океаномъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстъ, собственно говоря, не можетъ быть названа безплодною и, во всякомъ случаѣ, доступна обработкѣ. Но такъ какъ здѣсь изъ года въ годъ почти не бываетъ осадковъ и тропическое солнце бросаетъ свои лучи почти вертикально, то всякая растительность сжигается прежде, чѣмъ она настолько окрѣпнетъ, чтобы дать тѣнь и защиту собственнымъ корнямъ и послѣдующимъ зародышамъ. Правда, отъ времени до времени на этой длинной береговой полосѣ показываются изъ горъ ручьи и рѣки, но узкая площадь земли не даетъ имъ развернуться надлежащимъ образомъ. Во время таянія снѣговъ онѣ дико бушуютъ, разрушая и уничтожая все на пути къ морю, а въ сухія времена года или совершенно изсякаютъ, или содержатъ такъ мало воды, что въ состояніи питать лишь небольшой поясъ растительности на самыхъ берегахъ своихъ.

Но если на западной сторонѣ Кордильеръ полное отсутствіе осадковъ исключаетъ возможность заселенія страны и культурнаго развитія, то на восточной сторонѣ избытокъ ихъ столько же тормозитъ человѣческую дѣятельность. На востокѣ Кордильеры также почти всюду круто ниспадаютъ до значительной глубины. Но здѣсь къ нимъ присоединяются низменности необъятной величины, по которымъ вяло и медленно текутъ массы водъ. Когда тающій снѣгъ обильно питаетъ горные ключи или облака съ Атлантическаго океана проносятся надъ обширными низинами и, ударяясь о горную стѣну, разражаются водяными потоками, рѣки сильно выступаютъ изъ береговъ. Онѣ образуютъ тогда области наводненія на та-

комъ протяженіи, что исчезаютъ границы даже между системами большихъ рѣкъ, и лодки незамѣтно переносятся изъ одной рѣки въ другую. И здѣсь условія не благопріятствовали первобытному человѣку, съ его плохими средствами борьбы, пустить крѣпкіе корни, побѣдить природу. Къ тому же борьба была излишнею, такъ какъ тропическая природа слишкомъ легко и въ изобиліи давала все, что нужно было для удовлетворенія его незначительныхъ потребностей. Онъ переходилъ съ мѣста на мѣсто, нигдѣ надолго не останавливаясь.

Такимъ образомъ, единственнымъ мѣстомъ, удобнымъ для поселенія человѣка, оставалась обширная возвышенность, которая, подобно длинной складкѣ, служитъ какъ-бы фундаментомъ для вершинъ и горныхъ хребтовъ Кордильеръ и образуетъ въ своихъ продольныхъ бороздахъ подошву долинъ. Правда, и эта возвышенность расположена на нѣсколько тысячъ футовъ надъ уровнемъ моря, доходя почти до границы альпійскихъ снѣговъ; но въ тропическихъ широтахъ ея температура можетъ считаться далеко не враждебною для человѣка и его потребностей. Здѣсь первобытный человѣкъ нашелъ прежде всего то, въ чемъ онъ наиболѣе нуждался — воду. Вода, въ изобиліи и равномѣрно распредѣленная, дѣлала почву плодородною, но вмѣстѣ съ тѣмъ не ошеломляла человѣка своими бурными потоками, съ которыми онъ не могъ бы совладать. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эта вода кормила его: въ большихъ и мелкихъ озерахъ, въ запрудахъ ручьевъ и рѣкъ водилось много рыбы, которую нетрудно было ловить даже при помощи вспомогательныхъ средствъ первобытной эпохи. Лѣсъ далъ человѣку сперва убѣжище, а затѣмъ матеріалъ для его изобрѣтеній. Потоки, приносившіе со скалистыхъ высотъ валуны, сдѣлали его строителемъ. Наконецъ, онъ нашелъ въ Кордильерахъ Южной Америки еще два цѣнныхъ дара, оказавшихъ огромное вліяніе на развитіе культуры: картофель, доставлявшій ему пищу на такихъ высотахъ, гдѣ маисъ не желалъ болѣе произрастать, и ламу, единственное домашнее животное американскаго материка, которое помогало человѣку переносить его грузы, одѣвало его своею шкурою и кормило своимъ мясомъ.

Хотя всѣ эти условія были неодинаково благопріятно распредѣлены на всемъ обширномъ пространствѣ земли, которое занимали древнія культурныя государства Южной Америки, но изъ сказаннаго ясно, что здѣсь даны были естественныя условія для культурнаго развитія и дальнѣйшаго распространенія его. Благодаря этимъ условіямъ, уже въ отдаленной древности доисторическихъ временъ культура достигла здѣсь высшаго развитія сравнительно съ уровнемъ обитателей остальной Южной Америки. Уже при описаніи ароваковъ (ср. выше стр. 191) мы замѣтили, что они, повидимому, обязаны своимъ знакомствомъ съ приготовленіемъ маньока и гончарнымъ искусствомъ древнимъ культурнымъ вліяніямъ, которыя исходили отъ народностей Кордильеръ и, по всей вѣроятности, со стороны боливійскаго склона, гдѣ Кордильеры развѣтвляются шире. Указаніе, что въ этой именно мѣстности должно искать первоначальную родину не только многихъ дикихъ народовъ Южной Америки, но и всѣхъ культурныхъ народовъ, можно усмотрѣть въ томъ, что въ Южной Америкѣ, въ противуположность средне-американской культурной области, всѣ преданія свидѣтельствуютъ о культурномъ движеніи съ юга на сѣверъ. Степень развитія, фактически достигнутая, въ общемъ поднимается, хотя и не совсѣмъ равномѣрно, по направленію къ югу. Въ виду этого и еще потому, что ко времени испанскаго завоеванія лишь на крайнемъ сѣверѣ оставался еще нетронутый культурный очагъ, тогда какъ на югѣ въ это же время цѣлый рядъ другихъ древнѣйшихъ культурныхъ государствъ былъ поглощенъ инками, мы начинаемъ изложеніе древней исторіи этихъ культурныхъ народовъ съ сѣвера.

B. Древнія южно-американскія культуры.

а) Чибчасы.

Самую сѣверную изъ культурныхъ областей Южной Америки занимали чибчасы. На основаніи лингвистическихъ данныхъ, хотѣли доказать родство чибчасовъ съ другими племенами и, главнымъ образомъ, съ тѣми, которыя живутъ въ самыхъ южныхъ странахъ Средней Америки, непосредственно къ сѣверу отъ Панамскаго перешейка. На этомъ построили даже предположеніе, будто чибчасы въ свои позднѣйшія мѣстообитанія переселились съ сѣвера. Другіе, наоборотъ, видѣли разсѣянныя группы чибчасовъ въ Костарикѣ, будто бы переселившіяся туда съ юга. Но если бы даже и существовали связи съ племенами, живущими внѣ этой области, то своеобразная культура чибчасовъ Колумбіи побуждаетъ игнорировать ихъ въ историческомъ обзорѣ и ограничиться чибчасами въ тѣсномъ смыслѣ.

Область чибчасовъ находилась на восточномъ берегу средняго теченія рѣки Магдалены, но отдѣлялась отъ послѣдней горнымъ хребтомъ, который на протяженіи, отъ Ріо-Фунса на югѣ до Караре и Согамосо на сѣверѣ, не прерывается ни одной сколько-нибудь значительной рѣкою. На востокѣ границу ея составляли самыя Кордильеры. Въ немногихъ мѣстахъ ведутъ черезъ нихъ перевалы, которые были уже извѣстны чибчасамъ, и только на самомъ сѣверо-восточномъ углу, тамъ, гдѣ впослѣдствіи находился Санъ Хуанъ де-лосъ Льяносъ, существовали, повидимому, съ древнѣйшихъ временъ сношенія между обитателями плоской возвышенности и жителями восточной низменности. Плоскогорье, изборожденное многочисленными рѣками, хотя, большею частью, незначительными, усѣянное множествомъ болѣе или менѣе обширныхъ озеръ и ограниченное двумя вышеупомянутыми рѣками — такова территорія чибчасовъ. Она обнимаетъ площадь около 500 квадратныхъ миль и въ эпоху завоеванія была сравнительно густо населена.

Въ преданіяхъ чибчасовъ нѣтъ ничего, что̀ указывало бы на переселеніе ихъ въ эту область въ сравнительно позднія времена. Какъ извѣстно, религіозныя представленія дольше всего отражаютъ воспоминаніе о раннихъ періодахъ развитія народа. У чибчасовъ эти представленія такъ тѣсно слились съ мѣстностями, въ которыхъ застали ихъ испанцы, что, по крайней мѣрѣ, сами чибчасы должны были считать себя туземцами. Преданіе ихъ разсказываетъ слѣдующее о происхожденіи первыхъ людей: когда Чиминигагуа создалъ небо и землю и разослалъ своихъ приносящихъ свѣтъ птицъ во всѣ страны, изъ озера Игуаке, къ сѣверо-востоку отъ Тунхи, вышла красивая женщина по имени Бачуэ или Фурачогуэ, съ трехлѣтнимъ мальчикомъ на рукахъ. Неподалеку оттуда, въ цвѣтущей долинѣ, она построила себѣ хижину и стала обрабатывать свое поле и съ любовью растить свое дитя. Когда мальчикъ сдѣлался мужчиною, она сочеталась съ нимъ и подарила ему столь многочисленное потомство, что вся страна вокругъ была занята и заселена имъ. Состарившись, они вернулись оба къ озеру Игуаке, простились со своимъ народомъ и въ образѣ двухъ исполинскихъ змѣй исчезли въ озерѣ, изъ котораго нѣкогда вышли.

Несмотря на это и другія сказанія, сомнительно, чтобы первоначальная родина чибчасовъ находилась въ области рѣки Магдалены. Во всякомъ случаѣ, странно, что они были окружены тамъ со всѣхъ сторонъ народностями, которыя постоянно находились съ ними въ войнѣ и не только не говорили на сходныхъ языкахъ, но такъ рѣзко разнились въ культурномъ отношеніи отъ чибчасовъ, что едва ли можно согласиться, будто рѣчь идетъ здѣсь объ одной семьѣ народовъ, занимающей всю страну, и будто бы чибчасы составляютъ лишь вѣтвь этой семьи, достигнувшую выс-

шей ступени, только благодаря особенному стеченію благопріятныхъ обстоятельствъ. Но, съ другой стороны, у насъ нѣтъ доказательствъ въ пользу связи между чибчасами и прочими культурными народами юга. Отъ ихъ ближайшихъ цивилизованныхъ сосѣдей, китусовъ, чибчасовъ отдѣляетъ глубокая впадина, по которой долина рѣки Исы и озера Кокна, къ югу отъ истоковъ рѣки Магдалены, врѣзывается въ Кордильеры; въ культурномъ или религіозномъ отношеніи нѣтъ никакихъ точекъ соприкосновенія между этими народностями. Точно также и къ сѣверу отъ чибчасовъ мы не встрѣчаемъ ни одного племени, ни одной страны, относительно которыхъ можно было бы утверждать, что чибчасы пришли оттуда и принесли съ собою зародыши цивилизаціи, которая дала затѣмъ пышный расцвѣтъ въ области рѣки Магдалены.

Область чибчасовъ, нужно полагать, распалась еще въ древнѣйшую эпоху на множество мелкихъ племенныхъ общинъ. Ихъ было приблизительно столько, сколько образовалось впослѣдствіи городовъ, и надъ каждымъ изъ этихъ поселеній и непосредственною округою его властвовалъ еще въ позднѣйшее время кацикъ. Первоначально всѣ эти правители были равноправны, жили независимо другъ отъ друга и связаны были въ группы лишь общимъ почитаніемъ священныхъ мѣстъ. Съ теченіемъ времени, однако, нѣкоторые изъ этихъ мелкихъ правителей начали обогащаться насчетъ своихъ сосѣдей. Вокругъ этихъ центровъ группировались, частью добровольно, частью насильственно, другія племена, пока, наконецъ, вся территорія не раздѣлилась между пятью кациками и почти всѣ остальные мѣстные кацики не сдѣлались зависимыми отъ нихъ. Но этимъ дѣло централизаціи еще не закончилось. Каждый изъ пяти верховныхъ кациковъ или „королей", какъ ихъ называли испанцы, неустанно стремился возвыситься насчетъ остальныхъ. Эпохѣ появленія испанцевъ предшествовали ожесточенныя битвы, результатомъ которыхъ было бы несомнѣнно дальнѣйшее упрощеніе государственной группировки на возвышенности Богота̀, если бы чужеземцы не подчинили себѣ безразлично всѣхъ королей и не сосредоточили бы въ однихъ рукахъ власть не только надъ всей этой областью, но и далеко за предѣлами древняго царства чибчасовъ.

Изъ пяти государствъ, которыя раздѣлили между собою область чибчасовъ въ послѣдніе вѣка до прибытія испанцевъ, первое носило имя своего правителя Циппа̀ или Богота̀, что̀ означаетъ солнце; этимъ же именемъ испанцы назвали главный городъ страны. Остальныя четыре были: государство Цаке или Гунза съ главнымъ городомъ Тунха; государство Согамосо, духовные короли котораго носили титулъ ирака̀; Гуатабита, расположенное на лагунѣ того же имени и, наконецъ, Тундама, которому принадлежалъ крайній сѣверо-востокъ даже и за гребнемъ Кордильеръ до будущаго Санъ Хуана де лосъ Льяносъ. Хотя впослѣдствіи центръ тяжести политической власти находился въ государствахъ Тунха и Богота̀, но въ преданіи самихъ чибчасовъ сохранилось еще воспоминаніе, что это преобразованіе относилось лишь къ позднѣйшему прошлому. Преданіе не устанавливало хронологическаго различія между государствами Тундама, Согамосо и Гуатабита. Но принимая во вниманіе религіозныя и миѳологическія отношенія, мы должны будемъ заключить, что Тундама всегда находилось ближе къ периферіи культурной области чибчасовъ; что Согамосо представляло политическій центръ области въ тотъ періодъ, который непосредственно предшествовалъ возвышенію Цаке и Циппа̀; что, наконецъ, Гуатабита являлось древнѣйшимъ религіознымъ центромъ всей полосы земли, заселенной чибчасами. Здѣсь, у озера Гуатабита, совершились, по преданію, тѣ событія, которыя предшествовали нынѣ существующимъ условіямъ. Такъ, прежде всего здѣсь разыгралась борьба между культурнымъ героемъ чибчасовъ Бочикою, представляющимъ воплощеніе солнца, и его женою Чіа, столько же красивою, сколько и злою, которая является воплощеніемъ луны.

Сказаніе говоритъ, что, при появленіи ихъ, чибчасы были еще полными дикарями и жили въ долинѣ рѣки Фунсы, которая въ то время была окружена къ югу скалами. Бочика явился, чтобы принести имъ благодѣянія культуры. Онъ научилъ ихъ воздѣлывать маисъ и картофель, изготовлять одежду изъ волоконъ хлопка и жить въ благоустроенныхъ общинахъ. Но Чіа всюду тормозила его цивилизаторскія стремленія. Когда она увидѣла, что, несмотря на это, дѣятельность Бочики давала все лучшіе и лучшіе результаты, она заградила Фунсу, и воды рѣки наводнили всю долину такъ, что только немногіе жители страны могли спастись на самыя высокія вершины. Тогда гнѣвъ овладѣлъ Бочикою. Онъ изгналъ Чіа съ земли и указалъ ей мѣсто на небѣ въ качествѣ луны. Своей молніей онъ расщепилъ стѣну, запрудившую долину, и воды нашли выходъ въ видѣ мощнаго водопада Текендама. Одно лишь озеро Гуатабита осталось какъ воспоминаніе о всеобщемъ наводненіи.

Уже въ самомъ характерѣ этого сказанія отражается высокое почитаніе окружающей природы, составляющее характерный элементъ религіозныхъ представленій чибчасовъ. Горы и скалы, деревья и кустарники, а чаще всего воды, особенно ручьи и озера, оживлялись въ ихъ глазахъ божественными существами и были предметами особаго почитанія съ ихъ стороны. Форма этого **почитанія** заключалась въ процессіяхъ съ молитвами, пляскахъ, торжественныхъ воскуриваніяхъ и, въ особенности, въ подношеніи цѣнныхъ даровъ. Страна чибчасовъ изобиловала драгоцѣнными камнями, всего болѣе изумрудами и золотомъ, которое они умѣли весьма искусно натягивать въ формѣ тонкихъ дутыхъ листочковъ на каменное ядро и придавать этимъ предметамъ самыя изящныя очертанія. Такъ какъ эти предметы были весьма пригодны для украшеній и для жертвенныхъ подарковъ, то они являются существенной составной частью культа боговъ и даже характеризуютъ собою особое направленіе искусства. Безъ сомнѣнія, это обстоятельство не мало способствовало своеобразному и высокому развитію, котораго достигло у чибчасовъ ювелирное мастерство. Вслѣдствіе того, мѣста поклоненія богамъ и связаннаго съ нимъ культа умершихъ, пещеры, озера и тому подобныя мѣста оказались богатыми и, къ сожалѣнію, нерѣдко слишкомъ легко доступными мѣстонахожденіями цѣнныхъ древностей культуры чибчасовъ. Со времени испанскаго завоеванія и до послѣдняго времени въ этихъ мѣстахъ добывались сокровища, цѣнность которыхъ измѣряется тысячами. Огромная часть ихъ была расплавлена и перечеканена въ монеты. Только въ самое новѣйшее время начали относиться съ бóльшимъ вниманіемъ и почтеніемъ къ этимъ остаткамъ своеобразной культуры. Къ счастью, благодаря неисчерпаемому богатству страны и на нашу долю осталось еще достаточное количество подобныхъ древностей, чтобы мы могли составить себѣ понятіе о нихъ.

Любимымъ мѣстомъ для религіозныхъ приношеній были озера, и первенствующую роль между ними играло озеро Гуатабита. Торжественное жертвоприношеніе, которое совершалъ каждый вновь избранный правитель уже въ позднѣйшее время на лагунѣ Гуатабита, послужило канвою для сказочной легенды (ср. выше стр. 196) о **Дорадо**, золотомъ человѣкѣ, который былъ брошенъ въ озеро Гуатабита. Дѣло было такъ: во всѣхъ государствахъ чибчасовъ вступленіе новаго правителя на тронъ сопровождалось повсемѣстными религіозными церемоніями, которымъ предшествовалъ длинный и строгій постъ. По окончаніи срока испытанія, слѣдовали жертвоприношенія и празднества, которыя сопровождались особой торжественностью. Но, въ заключеніе, на **Гуатабитѣ** происходила слѣдующая церемонія: въ торжественныхъ процессіяхъ съ молитвами стекались обитатели всей страны къ берегамъ лагуны. Въ день восшествія жрецы приводили къ озеру молодого правителя изъ мѣста его испытанія. Здѣсь ждалъ его плотъ, обильно нагру-

женный цѣнными приношеніями, состоявшими изъ золота и изумрудовъ. Четверо изъ высшихъ кациковъ, облаченныхъ въ богатыя и блестящія украшенія, всходили на плотъ, а будущій правитель оставался на краю озера, гдѣ воскуривался обильный ѳиміамъ, чему тотчасъ же подражала толпа, собиравшаяся на далекомъ протяженіи. Жрецы торжественно раздѣвали его, смазывали клейкою землею и затѣмъ съ головы до ногъ пудрили золотою пылью. Сіяя, какъ солнце, отъ котораго производятъ королей въ большинствѣ государствъ чибчасовъ, онъ всходилъ на плотъ, занималъ мѣсто среди кациковъ, послѣ чего плотъ отчаливалъ и останавливался на срединѣ лагуны. Здѣсь король начиналъ бросать богамъ, мѣстопребываніемъ которыхъ считалось озеро, собранныя жертвоприношенія, а вокругъ толпа плясала и раздавались звуки самыхъ причудливыхъ музыкальныхъ инструментовъ. Наконецъ, правитель возвращался къ берегу и лично принималъ участіе въ празднествахъ, длившихся много дней.

Хотя эта форма жертвоприношенія составляла особенность Гуатабита, но самое жертвенное мѣсто часто посѣщалось правителями и подданными другихъ государствъ чибчасовъ. Существовалъ цѣлый рядъ подобныхъ священныхъ озеръ, игравшихъ роль жертвенныхъ центровъ, и для удобства паломниковъ они были соединены между собою дорогами, которыя тщательно поддерживались. Во всѣхъ необычайныхъ случаяхъ, вродѣ голода или эпидеміи, побѣдоноснаго сраженія и т. п., короли различныхъ государствъ устраивали торжественныя паломничества, въ которыхъ принималъ участіе весь народъ. На нихъ смотрѣли не только какъ на обязанность въ отношеніи боговъ: это былъ вмѣстѣ съ тѣмъ праздникъ для простыхъ людей, которымъ разрѣшено было въ это время отдаваться самымъ разнузданнымъ чувственнымъ наслажденіямъ. Изъ всѣхъ мѣстъ паломничества наибольшее предпочтеніе отдавалось Гуатабитѣ, которое составляло высшую святыню и наиболѣе почиталось въ странѣ чибчасовъ. Вѣроятно, это озеро и нынѣ хранитъ множество драгоцѣнностей, нѣкогда брошенныхъ въ него. Повторныя попытки осушить его увѣнчались, правда, не полнымъ успѣхомъ, но уже одно изслѣдованіе ближайшихъ къ берегу частей доставило золота въ количествѣ тысячей пезосовъ (= 4 маркамъ), хотя на самомъ берегу приносили дары лишь обыкновенные обыватели. Во сколько же разъ больше сокровищъ можно предполагать въ самомъ центрѣ озера! Каждый правитель Гуатабита и не только онъ: каждый усаке, гуэча, вообще, каждый стоявшій выше простолюдина, отплывалъ подальше въ озеро и тамъ, ближе къ центру святыни, опускалъ свои приношенія. Когда испанцы проникли въ область чибчасовъ, государство Гуатабита утратило свою самостоятельность и образовало составную часть царства Богота̀. Но нѣкогда религіозный центръ находился именно въ Гаутабитѣ, а не въ новой столицѣ: это слѣдуетъ изъ того, что въ миѳологическомъ преданіи и въ сказаніяхъ никогда не упоминается Богота̀, между тѣмъ какъ Гуатабита является средоточіемъ самыхъ обширныхъ и разработанныхъ сказаній.

Извѣстное религіозное значеніе, кромѣ Гуатабиты, имѣло еще государство Согамосо (Сугамукси). Маленькое государство, носившее это названіе, лежало на восточной границѣ области чибчасовъ, тамъ, гдѣ восточныя Кордильеры, при посредствѣ немногихъ весьма трудныхъ переваловъ, сообщаются съ низменностью льяносовъ. Здѣсь имѣли мѣсто соприкосновенія, которыя не остались безъ вліянія на чибчасовъ; это вытекаетъ изъ развитія нѣкоторыхъ религіозныхъ обычаевъ. Въ Гуатабитѣ первое мѣсто занималъ безкровный культъ, который чибчасы посвящали окружающей природѣ, въ особенности водѣ. Но религія ихъ отнюдь не была проникнута столь невинными воззрѣніями. Наоборотъ, человѣческія жертвоприношенія составляли неотъемлемый элементъ поклоненія солнцу. Они допускали, правда, что солнце также было создано Чиминигагуа. Но этотъ загадочный творецъ міровъ едва ли гдѣ нибудь пользовался дѣйствительнымъ

поклоненіемъ наравнѣ съ богами, а между тѣмъ культъ солнца можетъ быть указанъ вездѣ (мы видѣли его и въ церемоніи Дорадо на озерѣ Гуатабита). Ему служила и хорошо организованная корпорація жрецовъ, jeques, связанная строгими правилами, которая, какъ у всѣхъ молодыхъ народовъ, пользовалась огромнымъ вліяніемъ на страну и народъ. Образованіе, которое должны были проходить хексты, во многомъ напоминаетъ способъ, при помощи котораго знахари пріобрѣтали славу святости среди дикарей Сѣверной Америки; но здѣсь во всемъ была стройная система. Не каждый могъ объявить себя посредникомъ между людьми и божествомъ. Каста жрецовъ сдѣлалась органомъ государства и достоинство жреца переходило отъ дяди къ племяннику (обычный порядокъ наслѣдованія и у чибчасовъ, см. ниже стр. 296), причемъ испытаніе продолжалось много лѣтъ и въ заключеніе требовалось утвержденіе верховнаго правителя. Помимо того каждый домъ у чибчасовъ имѣлъ своего фетиша: это были маленькія, безобразныя человѣческія фигурки, у богатаго изъ золота, у бѣднаго изъ глины или дерева, почти всегда съ углубленіемъ для помѣщенія жертвенныхъ приношеній. Затѣмъ существовалъ еще цѣлый рядъ низшихъ божествъ, которыя хотя и не имѣли своихъ жрецовъ, но пользовались у извѣстныхъ классовъ народа или въ извѣстныхъ случаяхъ всеобщимъ почитаніемъ. Храмы съ ихъ сословіемъ жрецовъ служили исключительно культу солнца, сильно проникнутому духомъ антропоморфизма. Всѣ небесныя явленія считались спутниками этого свѣтила.

Почти только одинъ культъ солнца сопровождался кровавыми преимущественно человѣческими жертвоприношеніями. Одна изъ самыхъ простыхъ формъ жертвоприношенія заключалась въ томъ, что избранный для жертвы поднимался на вершину горы, которая рано освѣщалась лучами восходящаго солнца. Въ тотъ моментъ, когда свѣтило появлялось надъ горизонтомъ, жертву убивали и еще теплою кровью ея окропляли скалу такъ, что солнце какъ будто питалось этою кровью. Аналогичное представленіе лежало, по всей вѣроятности, въ основаніи другой, особенно жестокой формы жертвоприношенія. Жертва помѣщалась на самомъ мѣстѣ, на вершинѣ свай, похожихъ на мачты, и медленно истекала кровью подъ ударами стрѣлъ и копій; въ это время жрецы собирали стекавшую кровь и подносили ее въ храмѣ изображеніямъ боговъ. Нѣсколько утонченнѣе былъ другой способъ жертвоприношеній, въ которомъ мы снова встрѣчаемся съ идеей перевоплощенія жертвы въ божество, свойственной ацтекскимъ обычаямъ (ср. выше стр. 241—253 и 264). Странно, что для этой цѣли употреблялись только мальчики, которые происходили изъ восточныхъ льяносовъ. Едва ли это обстоятельство находится въ связи только съ восходомъ солнца на востокѣ; скорѣе оно намекаетъ на связь предковъ чибчасовъ съ племенами востока. Въ будущемъ Санъ-Хуанѣ де-лосъ Льяносъ производилась правильная торговля маленькими мальчиками, которымъ тотчасъ послѣ рожденія обрѣзывался пупокъ, чтобы отмѣтить ихъ какъ будущихъ жертвъ солнцу. Когда они достигали 6—8 лѣтняго возраста, торговцы приводили ихъ въ города. Кацики, смотря потому, насколько они были богаты, держали у себя одного или нѣсколькихъ подобныхъ священныхъ мальчиковъ. Ихъ почитали почти какъ самое божество до 15 лѣтняго возраста. Они жили въ храмахъ, гдѣ жрецы были ихъ слугами. Молящіеся видѣли въ нихъ посредниковъ божества, и когда они, что̀ случалось нечасто, покидали помѣщеніе храма, ихъ носили, какъ королей и великихъ міра, на носилкахъ, чтобы священная нога ихъ не касалась пыли. Такъ проходила ихъ жизнь до эпохи возмужалости. Если подобный жертвенный юноша случайно утрачивалъ свое цѣломудріе, то онъ становился непригоднымъ для своего назначенія: онъ изгонялся и сразу падалъ до степени обыкновеннаго смертнаго. Въ против-

номъ случаѣ жизненный путь его завершался большимъ празднествомъ, на которомъ чибчасы* давали полный просторъ своей любви къ процессіямъ, пляскамъ и музыкальнымъ представленіямъ. Юноша и здѣсь былъ героемъ празднества. Въ самый разгаръ послѣдняго, при оглушительномъ шумѣ толпы, у него вырывали изъ тѣла сердце и внутренности, отрубали голову и какъ можно поспѣшнѣе подносили кровь и сердце къ стопамъ божества. Полагали, что божество питается мясомъ и кровью жертвы. Сами чибчасы, въ томъ числѣ и жрецы ихъ, повидимому, никогда не ѣли человѣческаго мяса. Трупы жертвъ тайно хоронились жрецами въ предположеніи, будто солнце съѣло ихъ.

Къ обязанностямъ сословія жрецовъ, само собою разумѣется, относилось исправленіе календаря. То, что разсказывали о сложномъ счисленіи времени у чибчасовъ, объ уравненіи трехъ различныхъ видовъ года, основано на вымыслѣ, и мнимые календарные знаки чибчасовъ составляютъ лишь неумѣлую попытку обмана. Чибчасы совершенно не знали письма ни въ какой формѣ: даже мнемоническія вспомогательныя средства перуанцевъ, кипу, у нихъ не были въ употребленіи. Годъ ихъ состоялъ изъ 12-ти лунныхъ мѣсяцевъ, которые, въ свою очередь, дробились на меньшіе отдѣлы, соотвѣтственно фазамъ луны. По всей вѣроятности, вымышлено и то, что они посвящали 10 дней религіозному размышленію и воздержанію, 10 дней работѣ и 10 дней удовольствіямъ. Годъ изъ 360 дней, конечно, тотчасъ же поставилъ бы ихъ въ явное противорѣчіе съ временами года. Но такъ какъ жрецы изъ религіозныхъ соображеній вели тщательныя наблюденія надъ солнцемъ, то они умѣли, конечно, по желанію устранять это несоотвѣтствіе. Часто у народовъ, мало развитыхъ въ архитектурномъ отношеніи, находили колонны, которыя называли колоннами солнца, гномонами. Тѣмъ болѣе замѣчательно, что въ области чибчасовъ, гдѣ до эпохи завоеванія каменныя сооруженія составляли нѣчто совершенно неизвѣстное, найдено множество хорошо обтесанныхъ круглыхъ каменныхъ колоннъ, которыя, очевидно, не достигли еще мѣста своего назначенія. Онѣ лежатъ здѣсь, производя такое впечатлѣніе, какъ будто были брошены во время переноски. Но дѣйствительно ли это солнечныя колонны, сказать трудно, такъ какъ мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній о нихъ и не находимъ слѣдовъ ихъ въ извѣстныхъ намъ населенныхъ мѣстахъ.

Съ государствомъ Согамосо связано древнѣйшее историческое преданіе чибчасовъ. Здѣсь, говорятъ, правилъ, какъ непосредственный наслѣдникъ Бочика, король Номпанемъ, который облекъ ученіе этого культурнаго героя въ форму законовъ. Но при послѣдующихъ правителяхъ чистота древняго ученія утратилась. Идаканзасъ, правитель Согамосо, наиболѣе воспѣваемый въ сказаніяхъ, держалъ своихъ подданныхъ въ подчиненіи не столько въ силу своей добродѣтели и мужества, сколько при помощи хитрости и обмана. Въ позднѣйшія эпохи говорится лишь о распряхъ между различными кациками, подчиненными государству, изъ за господства надъ Ирака̀. Во время завоеванія испанцами политическое значеніе Согамосо совершенно отступаетъ назадъ въ сравненіи съ Цаке и Циппа̀.

Гуатабита и Согамосо, историческія преданія которыхъ находятся въ связи съ религіозными представленіями, образуютъ болѣе древнюю группу государствъ. Наоборотъ, государства Цаке въ Тунхѣ и Циппа̀ въ Богота̀, какъ болѣе молодая группа, представляютъ чисто политическое образованіе. Изъ преданія видно, что они обязаны своимъ происхожденіемъ исключительно возмущенію противъ древнихъ государствъ. Первый правитель Тунхи или Гунзы былъ будто бы прямо назначенъ королемъ Согамосо. Именемъ его Гунзагуа, какъ говорятъ, былъ названъ главный городъ Гунза; другіе считаютъ древней столицей правителей Тунхи Рамирики. Такъ или иначе, они, благодаря своей военной доблести, достигли въ короткое время не только выдающагося положенія, но и полной независимости. Когда

государство значительно расширило свои границы во всѣхъ направленіяхъ, правитель не довольствовался уже своимъ прежнимъ титуломъ усакѐ, который носило большинство какъ самостоятельныхъ, такъ и зависимыхъ кациковъ. Онъ сталъ носить титулъ цакѐ, подъ которымъ правители Гунзы болѣе извѣстны, чѣмъ подъ своими собственными именами. Изъ преемниковъ Гунзагуа упоминаются лишь немногіе, и то въ довольно легендарной формѣ. Такъ, Томагата представлялъ будто бы родъ человѣческаго чудовища съ четырьмя ушами и длиннымъ крысинымъ хвостомъ, но набожностью своею пріобрѣлъ силу во всевозможныхъ колдовствахъ, которыя онъ примѣнялъ далеко не всегда на благо своихъ подданныхъ. Другой правитель, царствованіе котораго продолжалось, хотя и не въ области чибчасовъ, до прибытія испанцевъ въ Южную Америку, былъ также окруженъ сказочнымъ ореоломъ. Онъ происходилъ будто бы прямо отъ солнца, отъ лучей котораго зачала дочь кацика Гуачета̀. Какъ сынъ солнца, онъ пользовался высокимъ почетомъ еще за много лѣтъ прежде того, чѣмъ пріобрѣлъ какую бы то ни было свѣтскую власть. Но когда правившій цакѐ возбудилъ противъ себя народъ жестокостями, Гаранчача сталъ во главѣ возставшихъ и безъ труда одержалъ побѣду, благодаря которой онъ былъ возведенъ въ званіе цакѐ. Ему приписываютъ, съ одной стороны, перенесеніе столицы Рамирики въ Тунху (Гунзу), а съ другой, съ правленіемъ его приводятъ въ связь вышеупомянутыя единичныя каменныя колонны. Онъ будто бы имѣлъ въ виду построить вблизи Гунзы величественный храмъ своему отцу, богу солнца, и для этой цѣли повелѣлъ доставить издалека упомянутыя колонны. Перенесеніе ихъ производилось только по ночамъ, и народъ думалъ, что сами боги доставляютъ матеріалъ для постройки храма. Но прежде, чѣмъ храмъ былъ оконченъ, до короля дошла вѣсть о появленіи испанцевъ на нижнемъ теченіи рѣки Магдалены, и постройка храма была пріостановлена. Чтобы оцѣнить значеніе этого преданія, мы должны замѣтить, что въ серіи королей Тунхи, извѣстной намъ изъ исторіи битвъ съ циппасами, не существуетъ цакѐ по имени Гаранчача.

Единственное государство въ области чибчасовъ, исторія и культура котораго извѣстны намъ въ болѣе достовѣрномъ видѣ, есть государство Богота̀. Его короли играли такую же роль, какъ ацтеки въ Мексикѣ и инки въ Перу, и, подобно имъ, настолько поглотили вниманіе завоевателей, что изъ за нихъ прочія племена и государства остались въ тѣни. Правда, и въ этомъ случаѣ преданіе не заходитъ далеко назадъ. Этому не должно удивляться, такъ какъ не существовало никакихъ вспомогательныхъ средствъ, которыми память могла бы воспользоваться. Въ древнѣйшую эпоху правитель Богота̀ (Баката̀) былъ не болѣе какъ однимъ изъ подвластныхъ королей (усакѐ) правителя Гуатабиты. Но такъ какъ ему особенно приходилось защищать юго-западную границу государства отъ нападенія дикихъ людоѣдовъ, муцосовъ и панчесовъ, то военное значеніе его вскорѣ дало ему замѣтный перевѣсъ надъ прочими усаке. Онъ сдѣлался какъ бы генералиссимусомъ вооруженныхъ силъ царства Гуатабита.

Для охраны своихъ границъ, правители чибчасовъ уже въ раннюю эпоху образовали особое военное сословіе гуэчасовъ. Для этой цѣли набирались люди во всѣхъ владѣніяхъ правителя, получали извѣстное образованіе подъ личнымъ надзоромъ его и по окончаніи обученія командировались въ пограничныя области. Такъ какъ усаке (кацики) вербовались исключительно изъ военной касты, то каждому, кто отличался особенной храбростью, былъ открытъ путь къ самымъ высокимъ постамъ. Вообще, аристократія усаке довольно рѣзко обособлялась отъ низшихъ классовъ. Даже въ мирное время существовала извѣстная военная организація: усаке пограничныхъ областей были вмѣстѣ съ тѣмъ начальниками надъ находившимися тамъ членами военной касты и командовали

ими даже въ томъ случаѣ, когда битвы происходили не на охранявшейся ими границѣ, а въ какой либо другой части государства. Для этой цѣли отдѣльные усаке носили опредѣленные знаки, по которымъ ихъ можно было узнать какъ во время битвы, такъ и въ лагерѣ. Гуэчасы носили особую предписанную одежду. Подобно всѣмъ, принадлежавшимъ къ націямъ чибчасовъ, они никогда не ходили съ обнаженной головою; подъ шапкою они носили коротко остриженные волосы, и въ знакъ особой привилегіи своего сословія, просверливали себѣ уши, носовую перегородку и губы. За каждаго врага, котораго гуэчасъ убивалъ въ сраженіи, онъ имѣлъ право продѣть сквозь нижнюю губу золотую палочку. Это украшеніе не мало усиливало дикое выраженіе лица. Гуэчасы были вооружены длиннымъ копьемъ, боевой сѣкирой, пращей и метательной дощечкой, при помощи которой они бросали короткія стрѣлы съ острымъ концомъ. Объявленію войны, которое, большею частью, сопровождалось извѣстными формальностями, предшествовали въ теченіе недѣль религіозныя церемоніи. Усаке и гуэчасы наряжались тогда въ свои блестящія одежды, украшенныя перьями, золотомъ и драгоцѣнными камнями, и отправлялись въ походъ, сопровождаемые безконечнымъ обозомъ женщинъ, которыя везли съѣстные припасы, и, главное, большія количества опьяняющей чичи. Оригинальный обычай существовалъ при этомъ; на войну брали съ собою мумифицированные трупы знаменитыхъ воиновъ. Увѣшанные богатыми покрывалами, они вносились на носилкахъ въ мѣсто самаго жаркаго боя, окруженные избранною горстью наиболѣе храбрыхъ воиновъ. На войнѣ, какъ и при жертвоприношеніяхъ и въ процессіяхъ, играли большую роль пѣніе, крикъ и затѣмъ не совсѣмъ мелодичные звуки ихъ инструментовъ. Побѣда сопровождалась въ теченіе многихъ недѣль празднествами, плясками и обильными жертвенными приношеніями богамъ. Но и пораженіе также служило поводомъ къ жертвоприношеніямъ и торжествамъ покаянія съ цѣлью умилостивленія будто бы разгнѣванныхъ боговъ.

Изъ множества усаке, которымъ была ввѣрена охрана южной границы, за два приблизительно вѣка до прибытія испанцевъ выдвинулся правитель Мукета̀; но онъ былъ отличенъ титуломъ Циппа и Богота̀ лишь послѣ того, какъ царство его сдѣлалось самымъ значительнымъ въ области чибчасовъ. Независимость отъ Гуатабиты онъ, согласно преданію, завоевалъ такимъ образомъ, что однажды, воспользовавшись торжественнымъ празднествомъ на священныхъ озерахъ (куда онъ былъ приглашенъ, быть можетъ, не безъ задней мысли), произвелъ неожиданное нападеніе, благодаря которому ему легко удалось одержать побѣду надъ своимъ верховнымъ повелителемъ. Вначалѣ онъ расширялъ границы своихъ владѣній исключительно насчетъ враждебныхъ племенъ запада и юга. Но, благодаря быстрымъ успѣхамъ, онъ вскорѣ занялъ первенствующее мѣсто и среди соплеменниковъ. Владѣнія циппа̀ росли частью при помощи оружія, частью же путемъ добровольнаго присоединенія провинцій, не всегда довольныхъ своими правителями, и притомъ съ такою быстротой, что онъ возымѣлъ мысль соединить подъ своимъ скипетромъ всѣ племена чибчасовъ.

Обычный порядокъ престолонаслѣдія былъ у чибчасовъ, какъ у многихъ американскихъ народовъ такой, что дядѣ наслѣдовалъ племянникъ, сынъ сестры. Но почему циппа̀ избирался не изъ королевскаго рода Богота̀, а изъ усаке Чіа, — это объясняется слѣдующимъ легендарнымъ событіемъ. Братъ одного кацика Чіа вступилъ въ любовную связь съ одною изъ его женъ и, когда это открылось и ему грозила смерть у позорнаго столба, онъ бѣжалъ ко двору циппа̀. Здѣсь онъ настолько отличился военной храбростью, что циппа̀, за отсутствіемъ законнаго наслѣдника, объявилъ его наслѣдникомъ своего престола. Когда братъ Чіа достигъ такой власти, послѣдній началъ бояться за свою личную безопасность. При посредничествѣ матери и сестры обоихъ правителей между ними со-

стоялся договоръ, согласно которому сынъ этой сестры долженъ былъ прежде всего наслѣдовать кацику Чіа, а за смертью циппа становился также его преемникомъ. И эта форма престолонаслѣдія сохранилась будто бы на всѣ времена. Такой своеобразный обычай, который мы встрѣчаемъ, впрочемъ, еще у какчикелей (но съ другимъ основаніемъ) вытекаетъ, по всей вѣроятности, изъ стремленія сильнѣе сплотить царства, составленныя изъ множества мелкихъ и мало зависимыхъ государствъ. Для этой цѣли уже заранѣе намѣчался въ наслѣдники престола какой-нибудь могущественный вассалъ, чаще всего близкій родственникъ, и, въ силу данныхъ ему полномочій, онъ могъ въ рѣшительную минуту фактически занять престолъ. Всякій, кто предназначался для управленія большой или малою областью, долженъ былъ проходить довольно продолжительный періодъ испытанія. Связанныя съ этимъ пробы воздержанія имѣютъ нѣчто общее съ испытаніями жрецовъ. При этомъ и самый контроль поручался жрецамъ. Въ заключеніе, юному правителю надѣвали ушные и носовые привѣски, составлявшіе знакъ его сана. Вступленіе на престолъ сопровождалось затѣмъ необычайно расточительными пиршествами. Власть, которою обладалъ однажды признанный кацикъ, была почти неограниченна. Каждый усаке былъ въ своей провинціи такимъ же полновластнымъ правителемъ, какъ его верховный властелинъ въ своей центральной резиденціи. Правда, усаке обязаны были безусловнымъ повиновеніемъ ему, но они были далеко не такъ безправны передъ верховнымъ правителемъ, какъ обыкновенные подданные; наоборотъ, санъ ихъ переходилъ отъ дяди къ племяннику. И если каждый вновь избираемый правитель нуждался въ санкціи верховнаго короля, то право свободнаго назначенія принадлежало послѣднему лишь при вымираніи семьи кацика, въ случаѣ измѣны или возмущенія.

Дань, которую обязаны были платить вассальные намѣстники, была не слишкомъ тяжела и состояла изъ золота и хлопчато-бумажныхъ покрывалъ. Строгость примѣнялась лишь къ тѣмъ, которые не доставляли эту дань. Въ царствѣ цаке цѣнную составную часть дани образовали изумруды. Богатые рудники Муцо находились еще въ то время въ рукахъ враждебныхъ дикарей и мало эксплуатировались. Названные драгоцѣнные камни составляли также важную статью мѣновой торговли, которая велась на ряду съ военными столкновеніями, не только между отдѣльными государствами чибчасовъ, но и далеко за предѣлами ихъ. Несмотря на то, что базарные дни бывали чуть не черезъ день, въ различныхъ мѣстахъ въ предѣлахъ владѣній чибчасовъ устраивались въ опредѣленное время ярмарки, на которыя стекались изъ отдаленныхъ областей торговцы съ самыми различными произведеніями. Повидимому, здѣсь были даже въ ходу мѣры ёмкости и длины, а также деньги, состоявшія изъ тонкаго листового золота. Повидимому, практиковалась и срочная уплата по торговымъ обязательствамъ. Этимъ путемъ въ руки чибчасовъ попадали чрезвычайно красивые и дорогіе цѣнные камни; но, кромѣ того, они и сами серьезно занимались добываніемъ таковыхъ. Такъ, въ Сомондоко найдены были слѣды того, что чибчасы раскапывали жилы горныхъ породъ, въ которыхъ находились изумруды, и умѣли раскалывать ихъ острыми инструментами, чтобы добраться до самыхъ драгоцѣнныхъ камней.

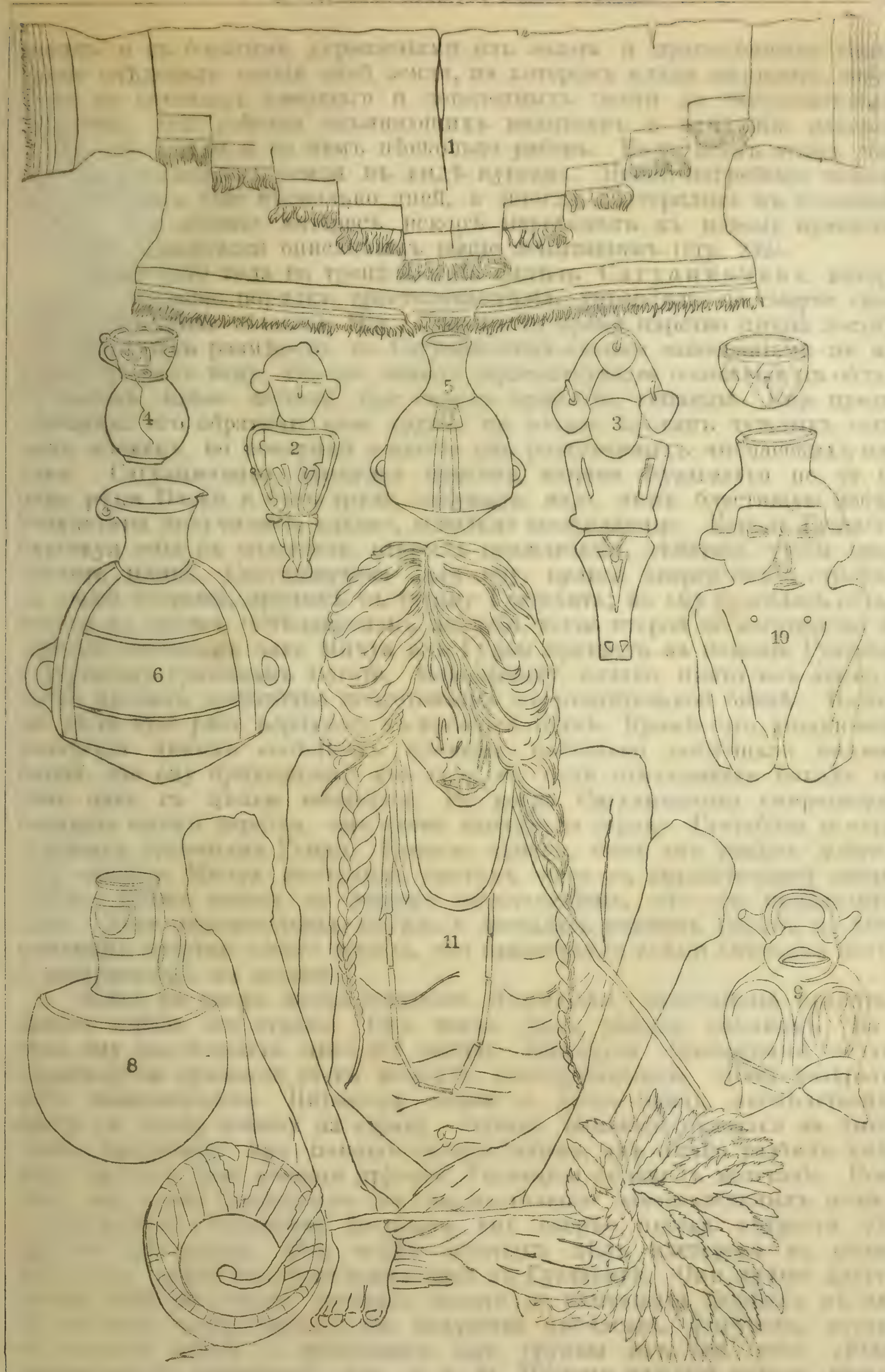
Вся роскошь и искусство чибчасовъ въ теченіе послѣдняго полувѣка до завоеванія сосредоточились при дворахъ цаке въ Тунхѣ и циппа въ Богота. Правда, дворцы этихъ правителей были построены лишь изъ дерева и соломы, но даже на испанцевъ производила впечатлѣніе ихъ величественная и цѣлесообразная архитектура. Двойная стѣна изъ деревянныхъ столбовъ образовала галлерею вокругъ всего дворцоваго квартала, растянувшагося преимущественно въ ширину, и крыша этой галлереи состояла изъ непроницаемой хлопчатобумажной матеріи. Наружная стѣна изъ столбовъ

мѣстами прерывалась мачтами (см. описаніе обрядовъ жертвоприношенія, стр. 293). Кромѣ того, она была украшена маленькими кусочками листового золота, которые свободно висѣли и колыхались при малѣйшемъ движеніи воздуха. Вслѣдствіе того они издавали при солнечномъ свѣтѣ ослѣпительный блескъ и, взаимно ударяясь, производили металлическій звонъ. Внутренность двора содержалась въ тщательной чистотѣ и заключала рядъ покоевъ, предназначенныхъ для правителя и ближайшей свиты его, а также для храненія его богатыхъ сокровищъ. Конечно, и тѣ зданія, въ которыхъ циппà принималъ подданныхъ, поражали своими драгоцѣнными украшеніями. Какъ и въ храмахъ, поддерживающія колонны во дворцѣ циппà покоились на трупахъ жертвъ, которыя, вѣроятно, были положены живыми въ яму и затѣмъ уже раздавлены поставленной колонной. Кровь ихъ, принесенная въ жертву богамъ, должна была предохранять домъ отъ несчастій. Остальной матеріалъ его состоялъ изъ одного лишь дерева, а крыша изъ соломы; но внутри этого не было видно. Полъ былъ устланъ сплошными чистыми циновками; стѣны и потолокъ обиты цвѣтными хлопчато-бумажными матеріями, богато разукрашенными золотомъ и драгоцѣнными камнями. Здѣсь на деревянномъ, но богато обвѣшанномъ золотомъ тронѣ, возсѣдалъ правитель, окруженный своими верховными жрецами и сановниками. Никто изъ подданныхъ не смѣлъ приближаться къ нему безъ подарка. Всякій долженъ былъ входить съ опущенною головою и со взоромъ, поникшимъ долу. И это положеніе онъ долженъ былъ сохранять все время, пока находился вблизи правителя, или же отворачиваться отъ него: никто не считался достойнымъ смотрѣть ему въ глаза. Если кто нибудь становился лицомъ къ лицу съ правителемъ, то это было равносильно смертному приговору. Нога государя никогда не должна была прикасаться къ землѣ. Когда онъ покидалъ дворецъ при религіозныхъ церемоніяхъ или по поводу военныхъ дѣйствій, кресло его замѣнялось открытыми носилками, также богато украшенными золотомъ и драгоцѣнными камнями; ихъ несли на рукахъ четверо мужчинъ. Правителя всегда сопровождала многочисленная свита. Шествіе открывали служители, которые разметали впереди дорогу и разстилали ковры. Затѣмъ слѣдовали музыканты и многочисленные тѣлохранители, жрецы и сановники. Толпа, для которой каждый выходъ короля былъ праздникомъ, замыкала шествіе.

Возлѣ самаго дворца, но все-таки не внутри окружающей его ограды, находились помѣщенія для женъ короля. У послѣдняго циппà ихъ было, какъ говорятъ, около 200. Но изъ нихъ только одна имѣла значеніе настоящей супруги, и привилегіи ея были не малыя. Такъ, между прочимъ, она имѣла право предписать своему супругу, въ случаѣ ея смерти, опредѣленный періодъ воздержанія. Каждый изъ усаке также имѣлъ обыкновенно множество женъ, и разсказываютъ, что онѣ имѣли право наказывать своихъ мужей за проступки ударами, такъ какъ дѣйствующіе для всѣхъ законы не распространялись на нихъ. Невѣрность женъ влекла за собою чрезвычайно строгое наказаніе какъ ихъ самихъ, такъ и любовниковъ: по одному подозрѣнію, изъ-за неосторожнаго слова оскорбленный мужъ могъ убить жену. Мы уже упоминали (стр. 293), что не сыновья королей, а племянники наслѣдовали королю, и отдѣльнымъ кацикамъ, и только личное имущество усопшаго переходило къ женамъ и дѣтямъ. У чибчасовъ точно также за королемъ и знатными лицами слѣдовали въ могилу нѣкоторыя изъ женъ и слугъ. Трупъ подвергался немедленному бальзамированію и связывался въ сидячемъ положеніи. Затѣмъ, въ теченіе многихъ дней совершались поминовенія, которыя сопровождались пѣніемъ и потребленіемъ напитковъ. Послѣ того жрецы тайно переносили трупъ въ скрытое мѣсто и здѣсь хоронили его въ глубокой могилѣ. Въ самомъ низу помѣщалась мумія, въ наиболѣе драгоцѣнныхъ одеждахъ

Исторія человѣчества. I. Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Южноамериканскія древности.



1. Пончо изъ Томавала (Трухильо), Перу; 1/12 натур. величины.
2. и 3. Золотыя фигурки изъ Колумбіи; 1/2 натур. величины.
2. изъ Бойяка́.
3. изъ Согамосо.

4—6 и 8. Горшки; 1/6 натур. величины
4. изъ Пильяро (Латакунга) } Экуадоръ.
5. изъ Ачупальяса } Экуадоръ.
6. изъ Кито
8. изъ Субачокэ въ Кундинамаркѣ, Колумбія.

7. Чаша изъ Манисалеса, Колумбія, 1/6 натур. величины.
9. и 10. Сосуды изъ Колумбіи; 1/8 н. в.
9. изъ Манисалеса,
10. изъ Ансермы Вьеха въ Каукѣ.
11. Мумія перуанской женщины; 1/8 натур. величины.

(1—10: по М. Уле: Культура и промышленность южноамериканскихъ народовъ; 11. Музей народовѣдѣнія въ Лейпцигѣ).

своихъ и съ богатыми украшеніями изъ золота и драгоцѣнныхъ камней. Выше слѣдовалъ тонкій слой земли, на которомъ клали женщинъ, избранныхъ въ спутницы умершаго и доведенныхъ почти до безсознательнаго состоянія, при помощи опьяняющихъ напитковъ и вдыханій, наконецъ, опять слой земли и на немъ нѣсколько рабовъ. Надъ всѣмъ этимъ часто еще нагромождалась земля въ видѣ кургана. Послѣ погребенія поминки продолжались еще нѣсколько дней, а иногда повторялись въ годовщину смерти. Но вообще интересъ вскорѣ переходилъ къ новому правителю, который подвергался описаннымъ выше испытаніямъ (стр. 292).

Около 1470 года на тронѣ Богота́ сидѣлъ Сагуанмачика, который раньше, согласно порядку престолонаслѣдія, управлялъ до смерти своего предшественника областью Чіа. Уже въ то время царство циппа̀ достигло значительныхъ размѣровъ, но Сагуанмачика своими завоеваніями не мало способствовалъ тому, что оно заняло первенствующее положеніе въ области чибчасовъ, какое застали, при своемъ прибытіи, испанцы. Еще предшественники его обратили свое оружіе не только противъ чуждыхъ сосѣднихъ племенъ, но покорили и многіе изъ родственныхъ чибчасскихъ народовъ. Сагуанмачика двинулся противъ кацика Фузагазуга по ту сторону рѣки Паски и безъ труда одержалъ надъ нимъ блестящую побѣду. Результаты получились, однако, довольно неожиданные. Король Гуатабита, чувствуя себя въ опасности, открылъ враждебныя дѣйствія, чтобы предупредить циппа̀. Сагуанмачика далъ ему, правда, энергическій отпоръ и, съ своей стороны, проникъ въ страну Гуатабита; но ему пришлось остановиться въ своемъ побѣдоносномъ шествіи, когда второй по могуществу изъ королей чибчасовъ цаке Мичуа изъ Гунзы пришелъ на помощь Гуатабитѣ и угрожалъ границамъ Богота̀. Повидимому, однако, никто изъ этихъ королей не былъ достаточно подготовленъ къ рѣшительной битвѣ. Положеніе дѣлъ еще разъ вернулось къ прежней точкѣ. Кромѣ того, хищническія нападенія дикихъ сосѣднихъ племенъ настолько поглощали вниманіе циппа̀. что ему приходилось изъ года въ годъ откладывать походъ противъ цаке съ цѣлью возмездія. Но когда Сагуанмачика умиротворилъ границы своего царства, онъ снова напалъ на страну Гуатабита и оттуда угрожалъ границамъ Гунзы. Прежде, однако, чѣмъ онъ успѣлъ дойти до этой области, Мичуа выступилъ противъ него съ внушительной военной силой. Война велась съ такимъ ожесточеніемъ, что оба предводителя пали. Хотя окончательная побѣда и досталась воинамъ Богота̀, но встревоженные смертью своего короля, они пренебрегли всѣми выгодами побѣды и возвратились на родину.

Здѣсь на тронъ циппа̀ вступилъ Немекене, величайшій правитель, какого имѣла эта страна. Онъ также былъ раньше кацикомъ Чіа; и тамъ ему наслѣдовалъ сынъ его сестры, Тискезуза. Покоренные недавно Фузагазугою признали этотъ моментъ благопріятнымъ, чтобы возвратить себѣ независимость. Ципакира, немзы и дикіе панчи, наслѣдственные враги ея, также напали на страну. Однако, Немекене оказался на высотѣ своего призванія: при помощи одного войска, онъ лично разбилъ внѣшнихъ враговъ, при помощи другого, Тискезуза подавилъ возстаніе. Послѣ этого онъ снова приступилъ къ осуществленію завоевательныхъ плановъ Сагуанмачики. Гуатабита досталась ему скорѣе путемъ хитрости, чѣмъ при помощи оружія. Изъ всѣхъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ въ области чибчасовъ самые искусные находились въ Гуатабитѣ. Они лучше другихъ умѣли отбивать тонкое листовое золото на каменныхъ формахъ въ видѣ маленькихъ, характерныхъ для искусства чибчасовъ, фигурокъ, которыя изображали людей и животныхъ или группы ихъ (см. табл. „Южноамериканскія древности“, рис. 2 и 3), Поэтому каждый король, каждый усаке, каждый кацикъ желалъ имѣть одного или нѣсколькихъ такихъ рабочихъ изъ Гуатабиты. Но правитель Гуатабиты хотѣлъ извлечь пользу

изъ этого мастерства своихъ подданныхъ и требовалъ взамѣнъ каждаго рабочаго, отпускаемаго имъ на чужбину, двухъ воиновъ. На этомъ циппа̀ построилъ свой планъ. Однажды ему и его кацикамъ вдругъ понадобилось множество рабочихъ; взамѣнъ ихъ были отправлены ко двору Гуатабиты лучшіе воины Богота̀. Тамъ они не только сговорились между собою, но, путемъ уговора и подарковъ, пріобрѣли множество приверженцевъ среди прочихъ чужеземцевъ. Подобными же средствами циппа̀ пріобрѣлъ въ свои руки пограничную крѣпость Гуаску. И когда онъ однажды очутился внезапно передъ столицею Гуатабиты, то не встрѣтилъ ни малѣйшаго сопротивленія. Король былъ убитъ во дворцѣ вмѣстѣ со своею свитою, а страна его присоединена къ царству Богота̀ въ видѣ новой провинціи, и правителемъ ея назначенъ одинъ изъ братьевъ Немекене.

Первый, кто возсталъ противъ Немекене, былъ правитель Убаке. Онъ призналъ власть циппа лишь послѣ многихъ мѣсяцевъ ожесточенной войны и, кромѣ того, отдалъ за него двухъ своихъ дочерей. По мирному договору область циппа была значительно увеличена, хотя властитель Убаке сохранилъ власть въ качествѣ вассала. Въ то время, однако, какъ Немекене округлялъ свое царство мелкими завоеваніями, внутри самаго царства грозила миру серьезная опасность. Брату короля, назначенному намѣстникомъ Гуатабиты, удалось занять частью при помощи подкупа, частью силою укрѣпленіе, въ которомъ государь Убаке хранилъ свои богатыя сокровища. Но прежде, чѣмъ грабитель могъ увезти добычу, онъ былъ оцѣпленъ людьми Убаке, доведенъ до голода и палъ, наконецъ, при попыткѣ пробиться силою, успѣвъ погрузить сокровище въ сосѣднее озеро. Несмотря на правоту своего дѣла, Убаке все-таки страшился гнѣва циппа̀, который потерялъ въ лицѣ своего брата испытаннаго намѣстника. Богатые подарки, которые онъ послалъ Немекене, не были приняты, пока онъ самъ не явился ко двору. Когда же онъ изложилъ королю правдиво и достойно положеніе дѣла, то Немекене отпустилъ его, признавъ неправоту своего брата.

Вообще любовь къ справедливости была такою же отличительною чертою Немекене, какъ его военная слава. Всѣ законы, которые найдены были испанцами въ дѣйствіи въ области чибчасовъ, приписываются ему. Правда, число подобныхъ предписаній было невелико и наказанія жестоки. Смерть въ различныхъ формахъ назначалась за убійство, дезертирство, противоестественное совокупленіе, кровосмѣшеніе и содомію; трусъ одѣвался въ женское платье и долженъ былъ заниматься женской работой. Простолюдину воспрещалось носить украшенія и одежду привилегированныхъ сословій. Одни лишь усакѐ пользовались преимуществомъ просверливать уши и носъ и носить въ нихъ украшенія. Одинъ только король или тотъ, кому онъ это разрѣшалъ, какъ милость, могъ быть переносимъ на носилкахъ. Нѣкоторые гражданскіе законы свидѣтельствуютъ о томъ, что правовое сознаніе уже вышло изъ первобытныхъ грубыхъ рамокъ: собственность того, кто умиралъ безъ наслѣдниковъ, переходила къ королю; если женщина умирала во время родовъ вмѣстѣ съ ребенкомъ, то мужъ долженъ былъ вознаградить семью жены; но вознагражденіе не требовалось, какъ скоро ребенокъ оставался живъ, и въ этомъ случаѣ отецъ бралъ на себя содержаніе его.

Въ теченіе всего своего правленія Немекене никогда не забывалъ готовиться къ р ѣ ш и т е л ь н о й б о р ь б ѣ с ъ ц а к е. Въ Тунхѣ Мичуа наслѣдовалъ 18-лѣтній Кемуэнчаточа; юность его была, вѣроятно, причиною того, что не онъ далъ первый сигналъ къ борьбѣ. Немекене не могъ отказаться отъ традиціонныхъ стремленій своихъ предшественниковъ къ первенству. Поэтому онъ началъ при помощи значительной вооруженной силы подчинять себѣ вассаловъ цаке. Самому же цаке онъ предложилъ, послѣ первыхъ побѣдъ, признать его главенство, если тотъ не желаетъ рисковать быть изгнаннымъ силою изъ своего царства. Цаке, однако, не испу-

гался. Онъ зналъ, что можетъ разсчитывать на поддержку всѣхъ, кому, подобно ему, угрожало властолюбіе циппа. Вскорѣ въ его распоряженіи было огромное войско ирака Согомосо. Борьба была жаркая и долго колебалась. Оба властителя, видные на далекомъ разстояніи, такъ какъ они на своихъ ослѣпительныхъ золотыхъ носилкахъ выдавались надъ головами толпы, посиѣшно мелькали въ группахъ сражающихся то тамъ, то сямъ и воспламеняли храбрость своихъ воиновъ до высшей степени. Вдругъ непріятельская стрѣла пронзила грудь циппа, который слишкомъ смѣло выдвинулся впередъ. Напрасно умолялъ онъ своихъ воиновъ быть стойкими: вѣсть быстро распространилась въ ихъ рядахъ, и войска цаке, перейдя съ удвоеннымъ энтузіазмомъ въ наступленіе, одержали полную побѣду. Войско, потерявъ всѣ прежнія завоеванія и не преслѣдуемое серьезно цаке, возвратилось въ Богота̀.

Немекене былъ доставленъ еще живымъ въ свою столицу, но на пятый день умеръ отъ ранъ. Наслѣдникъ его Тискезуза, прославившійся еще, какъ намѣстникъ въ Чіа, тотчасъ по вступленіи на престолъ возобновилъ борьбу съ цаке. Первый походъ подчинилъ ему рядъ усакѐ, которые были до тѣхъ поръ вассалами короля Тунхи. Но когда онъ въ третій разъ собрался рѣшительно помѣряться силами съ противникомъ, до него дошла вѣсть о томъ, что въ область чибчасовъ проникли чужеземные и сильные враги: въ царство его ворвался Кеседа со своими спутниками. Здѣсь, какъ и всюду, испанцы при первомъ натискѣ легко одерживали блестящую побѣду, которою они были обязаны своимъ лошадямъ, внушавшимъ страхъ туземцамъ. Тискезуза бѣжалъ въ лѣса, но былъ открытъ тамъ и убитъ. Преемникъ его покорился испанцамъ. Цаке ожидалъ испанцевъ въ гордомъ спокойствіи и безъ намѣренія сопротивляться. Онъ не былъ, поэтому, лишенъ трона, но вскорѣ умеръ естественною смертью. Нѣкоторые изъ мелкихъ правителей оказывали еще упорное сопротивленіе. Но послѣ того, какъ самыя крупныя государства склонились передъ иноземнымъ владычествомъ, борьба ихъ оказалась безнадежною и вызывала лишь со стороны испанцевъ жестокости, къ которымъ они часто прибѣгали въ отношеніи туземцевъ, не желавшихъ добровольно подчиниться. Непрочно составленное государство чибчасовъ рушилось со смертью Тискезузы. Народъ никогда уже болѣе не находилъ въ себѣ силы подняться въ защиту своей независимости. Въ теченіе немногихъ лѣтъ испанцы уничтожили послѣдніе слѣды своеобразной туземной культуры частью путемъ угнетенія туземцевъ, частью же благодаря существенному матеріальному прогрессу, который они внесли въ страну. Этотъ прогрессъ, будучи быстро усвоенъ чибчасами, вызвалъ въ провинціи новую жизнь, но совершенно въ иномъ духѣ.

b) Санъ-Агустинъ.

Къ югу отъ области чибчасовъ, на разстояніи лишь нѣсколькихъ миль, на небольшомъ плоскогорьи праваго берега верховьевъ рѣки Магдалены находятся остатки совершенно своеобразной древне-американской цивилизаціи. Нынѣ эти развалины носятъ имя Санъ-Агустинъ, принадлежащее бѣдной деревушкѣ, которая была основана въ предпрошломъ вѣкѣ искателями хиннаго дерева. Но каково было древнее названіе ихъ и какой народъ создалъ нѣкогда эти замѣчательныя древности, составляетъ пока загадку. Культура чибчасовъ никогда не достигала такой степени. Точно также мы не можемъ приписать эти древности никакому другому изъ племенъ, которыхъ застали испанцы. Во время самаго завоеванія и раньше — правда, преданія чибчасовъ не далеко простираются назадъ — эта мѣстность была населена дикими ордами пацесовъ. То были племена людоѣдовъ и безпокойныхъ охотниковъ, которые стояли на очень низкой ступени и считались самыми опасными сосѣдями для цивилизаціи чибча-

совъ. Нужно думать, поэтому, что культурные памятники въ Санъ-Агустинѣ были уже въ то время въ развалинахъ и покоились въ густомъ дремучемъ первобытномъ лѣсу, какъ и три столѣтія спустя, пока дровосѣки, въ поискахъ за хинными деревьями, не проникли и въ эти дебри. Въ подтвержденіе своихъ чудесныхъ разсказовъ о многочисленныхъ храмахъ съ массою человѣческихъ фигуръ, они извлекли изъ лѣсного мрака эти памятники, до сихъ поръ украшающіе базарную площадь Санъ-Агустина.

Въ лѣсистыхъ холмахъ верхняго теченія ручья, который протекаетъ чрезъ Санъ-Агустинъ и носитъ его имя, дровосѣки нашли множество маленькихъ храмовъ, конструкція которыхъ не имѣетъ себѣ равной на американской землѣ. Народъ, который построилъ ихъ, стоялъ еще на самыхъ первыхъ ступеняхъ строительнаго искусства. Онъ не умѣлъ обрабатывать и наслаивать въ видѣ стѣнъ камни, которые приносили съ собою воды и разбрасывали на обитаемомъ имъ плоскогорьи и въ окружности его. Поэтому храмы строились на половину въ землѣ. Большія каменныя плиты ставились одна возлѣ другой, на подобіе дольменовъ, окаймляя четырехугольное пространство, которое, однако, по своимъ размѣрамъ, было лишь настолько велико, что одна огромная плита могла служить ему кровлей. Можно было бы подумать, что эти помѣщенія, похожія на клѣтки, служили могилами. Но въ нихъ не найдено ничего, что̀ говорило бы о могилахъ. Напротивъ, весь характеръ постройки безусловно заставляетъ принять ее за храмъ. Повидимому, постройки эти никогда не были замкнуты со всѣхъ сторонъ. Мы находимъ колонны съ отчетливыми скульптурными украшеніями, которыя образовали входъ въ храмъ; на задней стѣнѣ его всегда находилось большое изображеніе божества. Въ настоящее время едва ли найдется среди этихъ большихъ храмовъ хотя одинъ, который сохранился настолько, чтобы можно было составить себѣ точное представленіе о немъ. Но судя по описаніямъ и рисункамъ, оставленнымъ намъ первыми піонерами, мы должны заключить, что многочисленные покрытые скульптурою камни, которые нынѣ разбросаны въ лѣсу и отчасти были перенесены въ Санъ-Агустинъ, сосредоточивались нѣкогда въ одной области храма, состоявшей изъ многихъ небольшихъ священныхъ келій. Судя по значительному числу памятниковъ, здѣсь нужно предположить густо населенный центръ.

По своему характеру, памятники Санъ-Агустина распадаются на три класса: на столбы или подпорки, образовавшія входъ въ храмъ, алтарныя плиты съ изображеніями боговъ, напоминающими людей, и на памятники различныхъ другихъ формъ, которымъ нельзя указать опредѣленнаго мѣста въ храмахъ.

Въ подпоркахъ храмовъ искусство неизвѣстнаго народа высказывается въ своемъ высшемъ развитіи. Если архитектура этого народа развита слабо, то произведенія его пластики достигаютъ такого совершенства, которое предполагаетъ длинный предшествующій ходъ развитія. Въ противуположность изображеніямъ боговъ, въ которыхъ символика препятствовала отрѣшенію отъ архаическихъ формъ, мы видимъ въ подпоркахъ реалистическое индивидуализированіе, которое подчасъ граничитъ съ портретнымъ сходствомъ. Правда, художникъ обращаетъ вниманіе лишь на лицо и его выраженіе, тогда какъ остальныя формы тѣла рѣдко бываютъ разработаны, и, встрѣчаются, большею частью, лишь на столбахъ или плитахъ и почти никогда не отличаются соблюденіемъ надлежащихъ пропорцій. Обутыя ноги и босыя стопы всегда очень укорочены и часто болѣе или менѣе сливаются съ цоколемъ. Изображеніе тѣла заставляетъ угадывать различнаго рода одежду, то родъ талара, то скорѣе одинъ лишь передникъ. Но верхняя часть тѣла представлена всегда какъ бы покрытою одеждою съ рукавами, которые заканчиваются у кисти. На скульптурныхъ

изваяніяхъ Санъ-Агустина волоса на головѣ никогда не бываютъ непокрыты, что вообще свойственно южно-американскимъ культурнымъ народамъ. Всѣ встрѣчающіяся формы головныхъ уборовъ, отъ угловатаго шлема и до искусно завязаннаго платка, извѣстны намъ по золотымъ издѣліямъ чибчасовъ и глинянымъ сосудамъ перуанцевъ.

Головы, которыя такъ естественны, что даютъ возможность представить себѣ черты лица неизвѣстнаго народа, отличаются высокимъ носомъ съ широкими крыльями, сильно развитыми скуловыми костями и рѣзко выдающимися губами, производящими впечатлѣніе чувственности. Подъ бровями, часто стилизированными, обыкновенно находятся большіе глаза, миндалевидной формы, съ рѣзко оттѣненнымъ зрачкомъ. На столбахъ, особенно красивыхъ, мы видимъ надъ головнымъ уборомъ еще символическое изображеніе животнаго съ широкой, сравнительно плоской головою, толстымъ тѣломъ и длиннымъ кольчатымъ хвостомъ. Оно напоминаетъ скорѣе всего хамелеона или укороченную ящерицу. Но въ виду многихъ сходныхъ чертъ съ памятниками третьяго разряда, которые принимались иногда за обезьянъ, а вѣрнѣе изображали пуму, американскаго льва, мы и здѣсь должны предположить нѣчто подобное. Наконецъ, эти „стражи святыни“ держатъ въ рукахъ тяжеловѣсныя палицы. Фигуры боговъ, если онѣ вообще вооружены, также ограничиваются палицей или посохомъ.

Въ изображеніяхъ боговъ реализмъ выдержанъ несравненно слабѣе. Здѣсь преобладаетъ символика, гдѣ живыя формы часто переходятъ въ орнаментальныя украшенія. Лишь изрѣдка носъ и глаза похожи на живые; иногда формы лица только намѣчены въ видѣ трехъ узкихъ прямоугольниковъ (какъ мы это нерѣдко встрѣчаемъ въ золотыхъ издѣліяхъ чибчасовъ). Самую характерную черту въ изображеніи боговъ составляетъ ротъ. Часто онъ также изображается прямоугольнымъ, но почти всегда въ немъ можно видѣть двойной рядъ крѣпкихъ зубовъ, среди которыхъ сильно выдаются четыре глазныхъ зуба, которые заходятъ другъ за друга. Эта оригинальная челюсть съ зубами, повторяющаяся почти на всѣхъ изображеніяхъ, является однимъ изъ важнѣйшихъ ключей къ разрѣшенію загадки происхожденія этихъ памятниковъ: мы встрѣчаемся съ нею въ цѣломъ рядѣ глиняныхъ лицевыхъ вазъ перуанскаго происхожденія, которыя были найдены въ береговыхъ долинахъ отъ Чиму до Санты. Если продолжать доискиваться идеи, которая могла лежать въ основаніи подобнаго изображенія лица, то, при помощи глиняной фигуры изъ Тіауанако, мы придемъ къ выводу, что здѣсь имѣлась въ виду челюсть пумы. Такимъ образомъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ божествомъ, которому приданы аттрибуты кровожаднаго хищника. Съ этимъ прекрасно гармонируетъ фактъ, что иногда даже изображеніе боговъ въ Санъ-Агустинѣ держитъ въ своихъ рукахъ, въ уменьшенныхъ формахъ, человѣческія жертвы; это, конечно, не доказываетъ, что рѣчь идетъ непремѣнно о дѣтяхъ, предназначенныхъ для жертвы.

Эти результаты важны и для пониманія памятниковъ третьяго рода. Здѣсь мы видимъ, напр., животное съ длиннымъ кольчатымъ хвостомъ, которое держитъ въ своихъ переднихъ конечностяхъ маленькую человѣческую жертву. Въ этомъ хотѣли видѣть обезьяну въ моментъ совокупленія. И такъ какъ открыто, по крайней мѣрѣ, два фаллическихъ изображенія изъ страны этого неизвѣстнаго культурнаго народа, то полагали, что рѣчь идетъ объ изображеніи производительной силы. По всей вѣроятности, однако, и въ этомъ случаѣ изображено лишь божество, воплощенное въ священномъ животномъ, пумѣ, которое поѣдаетъ принесенную ему жертву. Изъ другихъ изображаемыхъ животныхъ найдена одинъ разъ рыба въ рукахъ фигуры божества, въ другомъ случаѣ змѣя, въ третьемъ прекрасно изображенная сова, которая пожираетъ змѣю. Въ развалинахъ Санъ-Агу-

стина число камней, покрытыхъ скульптурными изображеніями, значительно, но въ единичныхъ экземплярахъ они попадаются и въ другихъ мѣстахъ между рѣкою Магдаленою и Попайяномъ, а равно въ окрестностяхъ этого города. Въ Кито подобныя каменныя изваянія неизвѣстны, но поклоненіе кровожадному богу Супай и все, что преданіе разсказываетъ о храмахъ въ честь его, до того согласуется съ находками въ развалинахъ Санъ-Агустина, что уже давно предполагали сношенія между этими народностями. Точки соприкосновенія встрѣчаются, однако, еще на большомъ протяженіи къ югу. Такъ, въ среднемъ Перу, тамъ, гдѣ, Мараньонъ и Санта текутъ нѣкоторое время къ сѣверу въ двухъ параллельныхъ долинахъ и, наконецъ, пробиваются сквозь Кордильеры, одна на востокъ, другая на западъ, мы познакомимся съ культурною областью (ср. ниже, стр. 313), памятники которой во многомъ напоминаютъ памятники Санъ-Агустина. Отсюда получается общій выводъ: въ древнія времена возвышенныя долины отъ 10-го градуса южной широты и на нѣсколько градусовъ къ сѣверу отъ экватора были населены однимъ и тѣмъ же народомъ съ своеобразной культурою. Въ обитателяхъ долины Санты, въ населеніи Кито и верхняго теченія рѣки Магдалены мы должны признать разсѣянные остатки этого народа.

С. **Культурная провинція западнаго побережья Южной Америки.**

Санъ-Агустинъ отдѣляется лишь горнымъ узломъ, который замыкаетъ верхнія долины рѣкъ Магдалены и Кауки, отъ самой сѣверной провинціи, принадлежавшей въ эпоху испанскаго завоеванія царству инковъ. Оно тянулось почти непрерывно, на пространствѣ свыше тридцати градусовъ широты, простираясь почти всюду отъ береговъ Тихаго океана до восточныхъ склоновъ Кордильеръ, откуда безчисленные потоки устремляются въ великую южно-американскую низменность. Здѣсь испанцы во второй разъ встрѣтили въ своей новой странѣ благоустроенное и богатое культурное государство.

Относительно царства инковъ Тауантинсуйю точно также господствовали до новѣйшаго времени ошибочныя представленія и также, какъ въ Средней Америкѣ, по винѣ хроникеровъ. Роль, которую игралъ въ Мексикѣ Донъ-Фернандо де-Альба Иштлилшочитль, внесшій вмѣстѣ съ толтеками неисторическій факторъ въ древнюю исторію страны (сравн. выше, стр. 228), принадлежитъ въ южно-американской культурной провинціи (группа различныхъ штатовъ, которые къ концу XV вѣка слились въ великое царство инковъ) Гарсиласо де-ла Вега. Обыкновенно его называютъ Эль Инка, для отличія отъ одноименныхъ писателей и въ память происхожденія его отъ королевскаго рода Куско. Онъ написалъ въ концѣ XVI вѣка исторію Перу, которая, въ виду отношеній автора къ туземцамъ, несправедливо пользовалась безусловнымъ довѣріемъ. Изъ за нея до новѣйшаго времени относились съ пренебреженіемъ къ разсказамъ другихъ, болѣе безпристрастныхъ хроникеровъ. Книга Гарсиласо есть не болѣе, какъ восторженный панегирикъ древнимъ туземнымъ правителямъ, который слишкомъ ярко оттѣняетъ все, заслуживающее похвалы, но въ то же время умышленно не видитъ тѣневыхъ сторонъ, или даже прямо отрицаетъ ихъ. Всѣ завоеванія, составляющія, вѣроятно, плодъ тысячелѣтняго развитія, онъ приписываетъ однимъ инкамъ, хотя господство ихъ обнимаетъ лишь нѣсколько вѣковъ и государство ихъ, во всякомъ случаѣ, было самымъ юнымъ среди различныхъ культурныхъ государствъ южной Америки.

Въ обширной области странъ, которыя впослѣдствіи вошли въ составъ царства инковъ, существовалъ съ древнѣйшихъ временъ рядъ культурныхъ центровъ. Между ними много общихъ чертъ, которыя заставляютъ смотрѣть на нихъ, какъ на части одной культурной провинціи. Кроется ли

причина этого въ томъ, что инки достигли извѣстной высоты культуры еще до распаденія ихъ на множество племенъ и народностей, — это также трудно рѣшить, какъ и относительно сѣверной культурной области. Въ исторіи развитія человѣка сходныя условія всегда создаютъ одни и тѣ же явленія. Поэтому было бы слишкомъ поспѣшно приписывать сходныя и родственныя черты нѣкогда существовавшей связи, а не простому вліянію сосѣдей, живущихъ при аналогичныхъ условіяхъ. Если такая связь когда либо существовала, то, во всякомъ случаѣ, это было очень давно, до основанія царства Перу, которое относятъ ко времени Рождества Христова. Это преданіе возникло подъ вліяніемъ стремленія, замѣтнаго и у мексиканскихъ хроникеровъ, отыскивать синхроническія соотношенія между ихъ исторіей и исторіей Стараго Свѣта. Различные культурные центры въ области царства инковъ соотвѣтствуютъ прежде всего территоріи, по меньшей мѣрѣ, трехъ племенъ, ясно различающихся между собою въ лингвистическомъ отношеніи. Каждое изъ нихъ, подъ вліяніемъ географическаго положенія, развивалось столь самобытно, что отличительные признаки, по крайней мѣрѣ, уравновѣшиваютъ сходныя черты. Возможно, что между отдѣльными группами ихъ связь была еще болѣе тѣсною. Такъ, государства Кито, Чанчанъ и южныя береговыя провинціи стояли, повидимому, ближе другъ къ другу, чѣмъ къ перуанцамъ возвышенности, кечуасамъ и аймарамъ. Едва ли можно сомнѣваться, что именно послѣдніе являются родоначальниками культуры, которую инки сдѣлали впослѣдствіи общимъ достояніемъ своихъ подданныхъ.

Аймарамъ грозила въ новѣйшее время опасность сыграть такую же роль въ Южной Америкѣ, какая была навязана толтекамъ въ центральной Америкѣ (см. выше, стр. 268). Сочинили несуществовавшую первобытную родину ихъ на самой сѣверной границѣ культурной провинціи и приписали вліянію ихъ переселеній всѣ слѣды высшей культуры, которые были открыты отъ Колумбіи внизъ до Чили и черезъ восточныя Кордильеры въ Аргентинской провинціи Катамаркѣ. Но, съ другой стороны, можно считать доказаннымъ, что остатки своеобразной культуры, стоящей, по меньшей мѣрѣ, также высоко, которые группируются на юго-востокѣ отъ Тауантинсуйю, вокругъ озера Титикаки, принадлежатъ аймарамъ (см. ниже стр. 314). Быть можетъ, вліянію этой первобытной образованности должно приписать слѣдующее обстоятельство: на границахъ Гранъ-Чако, и теперь еще почти недоступнаго бѣлому человѣку, въ области, которая съ незапамятныхъ временъ была населена бродячими племенами индѣйцевъ, раскопки обнаружили весьма тонкую и художественную глиняную посуду, отличающуюся не только пестрыми орнаментами, но и пластическими украшеніями, какія крайне рѣдко встрѣчаются за предѣлами древнихъ культурныхъ народовъ. Тѣмъ не менѣе, эти особенности культуры аймаровъ такъ опредѣленны и такъ глубоко коренятся въ географическихъ условіяхъ ихъ родины, что не даютъ намъ права искать исключительно въ этомъ народѣ общее происхожденіе всей культуры. Скорѣе мы должны разсматривать культуру аймаровъ, такъ же, какъ и китусовъ и юнговъ, только какъ одинъ изъ факторовъ, изъ которыхъ слагается совокупная картина южноамериканской культуры.

Самое сѣверное изъ государствъ, которыя ко времени испанскаго завоеванія слились съ царствомъ инковъ, но имѣли за собою длинный періодъ самостоятельнаго развитія, есть Кито. Обитатели его называли себя карасами. Но они не утверждали, что именно въ этой области находилась ихъ первоначальная родина. Около IX или X вѣка по Р. Х. они будто бы насильственно вторглись въ область, которую занимали въ XVI вѣкѣ, и тамъ основали новое государство. О своей настоящей, первобытной родинѣ они сами не имѣли яснаго представленія. Они двигались будто бы на плотахъ съ юга вдоль берега Тихаго океана. Затѣмъ

въ провинціи Манта они высадились на берегъ и здѣсь продолжали идти вдоль мало заманчиваго побережья, пока, наконецъ, теченіе Эсмеральды не открыло имъ пути въ болѣе богатыя и здоровыя долины горъ. Жившее здѣсь довольно плотное, но грубое населеніе не могло долго сопротивляться ихъ болѣе усовершенствованному военному искусству. Около 1000 года владычество этого племени было закрѣплено королемъ по имени Киту. Онъ организовалъ страну и далъ ей монархическое, ограниченное олигархіей правленіе, какое мы почти всюду встрѣчаемъ у первобытныхъ обитателей Америки. Онъ ввелъ поклоненіе солнцу и лунѣ у всѣхъ народовъ, которыхъ подчинилъ своему скипетру, и сдѣлался основателемъ династіи, правившей царствомъ Кито въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Преемники его расширили границы царства сперва къ сѣверу. Въ борьбѣ съ первобытными народностями предѣлъ завоеваніямъ былъ положенъ лишь дальнимъ разстояніемъ отъ центра и трудностью сообщеній.

Иначе было на югѣ. Короли Кито, впослѣдствіи называвшіеся сцирисами, обращали свое оружіе и въ эту сторону; но тамъ они очень скоро встрѣтили въ хорошо организованномъ государствѣ *пуруасовъ* препятствіе, котораго не въ состояніи были преодолѣть. Помѣрявшись нѣсколько разъ силами безъ всякаго результата, оба государя заключили между собою союзъ, который долженъ былъ предотвратить на будущія времена всякія непріязненныя отношенія. Одиннадцать разъ смѣнялся въ это время на тронѣ Кито отецъ сыномъ или, за отсутствіемъ прямыхъ наслѣдниковъ, по законамъ страны, дядя племянникомъ. Но судьбѣ угодно было, чтобы у одного изъ сцирисовъ не было ни сына, ни племянника, способнаго замѣстить его; онъ имѣлъ лишь дочь. Въ этомъ случаѣ подвластнымъ князьямъ и кацикамъ предоставлялось право избранія новаго сцириса. Королю удалось, однако, склонить ихъ къ измѣненію существующаго порядка престолонаслѣдія. И онъ заключилъ съ королемъ пуруасовъ договоръ, въ силу котораго сынъ послѣдняго вмѣстѣ съ рукою принцессы наслѣдовалъ и тронъ Кито, и *оба царства сливались въ одно*. Городъ Кито оставался попрежнему столицею этого соединеннаго государства, тѣмъ болѣе, что на югѣ страны поднимались грозныя тучи перуанскаго нашествія.

Кито представляло не только обширную и богатую, но вмѣстѣ съ тѣмъ благоустроенную и цивилизованную страну. Оно могло, поэтому, служить приманкой для завоевательныхъ стремленій чужеземнаго правителя. Если карасы не умѣли строить искусственныхъ дорогъ и мостовъ, подобно перуанцамъ, то въ общемъ они все-таки не были плохими строителями. Сады и дворцы, которые устроилъ король въ Лирибамбѣ среди группы небольшихъ озеръ, соединенныхъ между собою каналами, не только образовали резиденцію, достойную могущественнаго короля, но и представляли крѣпость, въ которой могли помѣститься тысячи воиновъ и оказать противнику серьезное сопротивленіе. Воины карасовъ и пуруасовъ были вооружены, правда, однимъ лишь копьемъ и пращею, но ими они владѣли съ поразительною вѣрностью, что́ къ невыгодѣ для себя испытали воины инковъ. При послѣднихъ сцирисахъ воинственный пылъ нѣсколько ослабѣлъ; миръ въ теченіе многихъ поколѣній поднялъ благосостояніе страны, увеличилъ ея богатство, но не способствовалъ поддержанію грубыхъ военныхъ доблестей. И когда *инка Тупакъ Юпанки* обратилъ свое оружіе противъ Кито, онъ не встрѣтилъ уже энергическаго сопротивленія. Пограничныя провинціи, находившіяся лишь въ слабой связи съ государствомъ, отошли, въ силу одного мирнаго договора, большею частью, къ инкѣ, грозно надвигавшемуся во главѣ своихъ испытанныхъ въ бою войскъ. Правда, вступивъ на землю царства пуруасовъ, Тупакъ Юпанки долженъ былъ кровью искупать каждый шагъ въ странѣ; но когда полководецъ сцириса, надѣясь на численный перевѣсъ своего войска, дерзнулъ на открытый бой, онъ потерпѣлъ такое рѣшительное пораженіе, что

инка почти безъ всякаго дальнѣйшаго боя овладѣлъ всѣмъ царствомъ пуруасовъ. Онъ не проникъ, однако, до самаго Кито. Оставивъ гарнизоны въ завоеванныхъ частяхъ страны, онъ возвратился около 1460 года въ Куско и сосредоточилъ свое вниманіе на другихъ областяхъ государства.

Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этихъ событій сцирисъ умеръ. Онъ состарился въ мирной обстановкѣ жизни и, когда нападеніе Тупака Юпанки возложило на него совершенно иныя обязанности, онъ не былъ уже способенъ оказать надлежащее сопротивленіе. Но въ сынѣ его, подъ вліяніемъ многолѣтнихъ битвъ, снова пробудились доблести, которыми отличались его предки. Едва успѣвъ вступить на тронъ своихъ отцовъ, онъ уже началъ войну противъ вторгнувшихся враговъ. Хотя ему и не удалось возстановить границы своихъ владѣній въ прежнихъ размѣрахъ, но все-таки онъ быстрымъ натискомъ отбросилъ перуанскихъ инковъ, по крайней мѣрѣ, изъ той области, которая нѣкогда составляла царство его отцовъ. Прошло много лѣтъ прежде, чѣмъ инки въ состояніи были снова обратить свое оружіе противъ сѣвера; только въ 1475 году на границахъ Кито появился Гуайна Капакъ, но онъ нашелъ ихъ лучше защищенными, чѣмъ въ свое время Тупакъ Юпанки. Пуруасы въ большомъ числѣ заняли берегъ Ачупаллы. Безусловно вѣрные удары ихъ пращей нанесли противникамъ чрезвычайно чувствительныя потери и совершенно парализовали превосходство ихъ тактики и вооруженія. Но инка добился путемъ измѣны того, чего не могъ достигнуть силою оружія. Мирныя переспективы и на этотъ разъ произвели впечатлѣніе на подчиненныхъ гордаго сцириса, а превосходство арміи инки вызвало колебанія у нѣкоторыхъ кациковъ. При помощи подобныхъ измѣнниковъ, инка открылъ незащищенный переходъ черезъ Ачупаллу. Пуруасы были обойдены и вынуждены оставить свою укрѣпленную позицію и отступить. Они еще разъ отважились на открытый бой съ перуанцами, но потерпѣли рѣшительное пораженіе, послѣ котораго собственные подданные стали на всѣхъ пунктахъ отпадать отъ нихъ. Сцирисъ потерялъ почти всю страну вмѣстѣ съ главнымъ городомъ Кито и своей резиденціей въ садахъ Лирибамбы. Онъ бѣжалъ въ Гатунъ Таки въ странѣ отабаловъ. Отвергнувъ безусловно, какъ и раньше, возобновленныя мирныя предложенія инковъ, онъ погибъ въ борьбѣ изъ за послѣднихъ остатковъ своего царства. Гуайна Капакъ считалъ дѣло завоеванія оконченнымъ. Но тотчасъ послѣ смерти сцириса снова образовалась партія сопротивленія, которая сгруппировалась вокругъ Пакчи, дочери и наслѣдницы короля. Правда, она не выступила противъ инки съ открытою силою, но дала ему понять, что съ этой стороны будутъ постоянно грозить новыя опасности. Чтобы устранить ихъ, не прибѣгая къ кровопролитію, онъ позволилъ себѣ отчасти нарушить законы своей страны и принялъ королевскую дочь въ число своихъ законныхъ супругъ. И подобно тому, какъ нѣкогда Кито и Пуруа слились этимъ путемъ въ одно государство, такъ и теперь онъ достигъ фактическаго слиянія Кито съ его царствомъ, и исторія ихъ отнынѣ сдѣлалась неразрывною.

Если вѣрить сказанію, что карасы Кито были дѣйствительно оттѣснены другимъ народомъ на берегахъ Тихаго океана къ сѣверу, то это могла быть только нація мучиковъ, которыхъ перуанскіе инки называли юнгами, а испанцы чимусами. Они долгое время владѣли всѣмъ побережьемъ отъ Гуаякильскаго залива почти до нынѣшняго Кальяо. Хотя далѣе къ югу къ владѣніямъ чимусовъ примыкали народности, говорившія на другомъ языкѣ и имѣвшія другой политическій центръ, но онѣ, во-первыхъ, были такъ сходны въ культурномъ отношеніи съ сѣверными сосѣдями, что инки называли всѣ береговые народы общимъ именемъ юнговъ; во-вторыхъ, между сѣверными и южными береговыми обитателями, существовала такая тѣсная политическая связь, что невозможно разграничить ихъ, особенно въ виду скудости историческаго матеріала.

Самый фактъ развитія обширной государственной организаціи на перуанскомъ побережьи свидѣтельствуетъ о томъ, что здѣсь жилъ народъ, сдѣлавшій значительные успѣхи въ борьбѣ съ силами природы. Страна, которую занимало царство чимусовъ, далеко не благопріятствовала образованію плотнаго населенія. Почва этой узкой полосы, которая тянется между подошвою Кордильеръ и морскимъ берегомъ, не можетъ быть названа совершенно безплодною; однако, недостатокъ осадковъ и всемогущество тропическаго солнца превратили ее почти въ пустыню. И только мѣстами, гдѣ быстрые горные потоки приносятъ на столько влаги, что дѣлаютъ возможнымъ развитіе и поддержаніе растительной жизни, могли возникнуть кое-какіе оазисы. Но и эти рѣки съ ихъ неукротимой стремительностью опасны для человѣка. Въ періоды сухости почва жадно впитываетъ влагу настолько, что часто ни одна капля не доходитъ до моря. Но когда въ предгорьяхъ Кордильеръ разыграется буря съ яростью, свойственною тропикамъ, то достаточно нѣсколькихъ часовъ, чтобы рѣка далеко выступила изъ своихъ береговъ. При этомъ она съ несокрушимою силою низвергаетъ все, чтó встрѣчается на пути ея бѣшенаго теченія. Нужно было много времени для того, чтобы человѣкъ рѣшился пріютиться на клочкѣ земли, гдѣ его ждетъ столько опасностей. Онъ сумѣлъ, однако, преодолѣть всѣ трудности и вырвать у природы средства къ пропитанію населенія, которое своей численностью значительно превосходило настоящее; это доказываютъ распространенные древніе города, сохранившіеся въ выходахъ почти всѣхъ долинъ, простирающихся отъ горъ до моря.

Первое условіе для образованія прочныхъ поселеній въ этой странѣ составляла побѣда надъ водою. Если народъ, поселившійся тамъ, не принесъ съ собою знаній, касающихся искусственнаго распредѣленія водъ, изъ прежнихъ мѣстопребываній своихъ (это искусство издревле примѣнялось и въ горныхъ частяхъ Перу), то здѣсь онъ, во всякомъ случаѣ, блестяще примѣнилъ ихъ. Рѣки у самаго выхода ихъ изъ горъ дѣлились или пересѣкались при помощи большихъ каналовъ и въ дальнѣйшемъ теченіи какъ самыя рѣки, такъ и каналы раздроблялись въ безконечную сѣть все меньшихъ и меньшихъ рукавовъ. Этимъ достигалась двоякая цѣль. Во-первыхъ, устранялась самая крупная опасность: вслѣдствіе безконечнаго дробленія дѣлались невозможными бурныя наводненія и чрезмѣрная масса воды превращалась въ обильный источникъ благосостоянія. Во-вторыхъ, получалась обширная поверхность орошаемой почвы, которую можно было употреблять для посѣва маиса, бататовъ, юкки и хлопка. Дальнѣйшимъ доказательствомъ интенсивной обработки земли, существовавшей у народовъ побережья, служитъ знакомство ихъ съ оплодотворяющимъ дѣйствіемъ гуано. Перуанскіе инки, примѣнявшіе гуано, какъ удобрительное средство, могли научиться употребленію его только отъ береговыхъ племенъ, въ области которыхъ они нашли почти неисчерпаемыя отложенія этого цѣннаго матеріала и которыя одни были настолько знакомы съ мореходствомъ, что могли доставлять его съ островов. Въ древнѣйшую эпоху были, безъ сомнѣнія, заселены лишь немногія изъ перуанскихъ береговыхъ долинъ. И такъ какъ обширныя песчаныя пустыни между узкими полосами растительности устьевъ рѣкъ дѣлали почти невозможными сухопутныя сообщенія, то нужно думать, что отдѣльныя поселенія долгое время вели вполнѣ изолированное существованіе. Но чѣмъ болѣе расла численность населенія въ подобномъ оазисѣ, тѣмъ больше увеличивалась потребность въ новыхъ земляхъ для обработки. Климатическія различія и враждебныя отношенія между племенами горъ и побережья служили препятствіемъ къ расширенію границъ вверхъ по теченію рѣкъ. Поэтому юнги старались отыскивать новыя земли, годныя для воздѣлыванія, вдоль морского побережья и постепенно захватили выходы почти всѣхъ долинъ, спускающихся съ Кордильеръ.

Преданіе говоритъ, что расширеніе шло въ направленіи съ сѣвера къ югу. Этому противорѣчатъ, однако, археологическія данныя. Уже у карасовъ Кито мы встрѣчаемъ преданіе о движеніи переселеній съ юга. Родство ихъ культуры и даже культуры Санъ-Агустина съ культурою средняго Перу едва ли можно было бы объяснить, если бы исходный центръ движенія находился вблизи Гуаякильскаго залива. Кромѣ того, владѣнія чимусовъ простирались къ югу не дальше широты Лимы. Спрашивается, какимъ образомъ въ болѣе южныхъ полосахъ могъ возникнуть оазисъ, сходный съ ихъ культурою до мельчайшихъ подробностей? Поэтому скорѣе есть основаніе думать, что заселеніе побережья шло съ юга и что народы сѣвера постепенно одинъ за другимъ втягивались въ сферу этой культурной области, или что южная культура оттѣсняла ихъ отъ побережья все дальше къ сѣверу и въ горы. Такъ, очень рано возникла полоса однородной культуры, которая охватила все побережье отъ Ріо Мауле до Гуаякильскаго залива и еще нѣсколько горныхъ племенъ на сѣверо-востокѣ. Эта культура состарилась и одряхлѣла задолго до того, какъ инки пріобрѣли значеніе въ горныхъ странахъ. Нѣкоторыя государства и племена выдѣлились изъ общаго союза; политическаго единства, вѣроятно, никогда не существовало. Подъ вліяніемъ мѣстныхъ особенностей развитія исчезло также единство религіи и языка. Съ теченіемъ времени вблизи сѣверной границы, въ долинѣ чимусовъ, образовался новый центръ власти, изъ котораго рядъ энергичныхъ королей началъ распространять свое владычество въ обратномъ направленіи, т. е. къ югу, и сплотилъ вновь въ одну политическую единицу народности, нѣкогда находившіяся въ близкомъ родствѣ между собою. Пока шло такое сплоченіе на побережьи, инки начали аналогичное завоевательное движеніе въ горныя страны. Воспоминаніе объ этомъ движеніи, которое еще было свѣжо въ эпоху испанскаго завоеванія, породило ошибочное мнѣніе, будто культивированіе побережья подвигалось въ томъ же направленіи. Въ XVI вѣкѣ помнили еще очень хорошо, какъ короли чимусовъ, двигаясь къ югу, подчинили себѣ рядъ другихъ болѣе мелкихъ государствъ. Долины Виру, Санты, Непеньи, Гуармея, Супе и Гуачо, въ отдѣльности или группами, давно уже пользовались сравнительно цвѣтущимъ состояніемъ культуры прежде, чѣмъ были поглощены царствомъ чимусовъ. Южнѣе лежало еще нѣсколько мелкихъ государствъ: жреческое государство Пачакамакъ, затѣмъ государства, платившія дань Куисманку и группы государствъ, которыми правилъ Чупиманку. Одни изъ нихъ вынуждены были съ оружіемъ въ рукахъ сопротивляться завоевательнымъ планамъ чимусовъ, а другія, какъ, напр., Пачакамакъ, обязаны были сохраненіемъ независимости своимъ святилищамъ и храмамъ, куда стекались для поклоненія массы изъ разныхъ странъ. Во всякомъ случаѣ, многочисленные и тщательно изслѣдованные остатки этихъ древнихъ культуръ свидѣтельствуютъ о томъ, что къ сѣверу и къ югу отъ царства чимусовъ существовала однородная, высоко развитая культура.

Береговая область была еще чрезвычайно плотно населена до и въ эпоху инковъ. Чанчанъ, главный городъ царства чимусовъ, вблизи нынѣшняго Трухильо, представляетъ далеко не единственный городъ, обнимающій площадь болѣе, чѣмъ въ 100 гектаровъ. Такія же величественныя развалины встрѣчаются въ Пачакамакѣ, въ Гуадкѣ; а кладбище въ Анконѣ, вблизи Лимы, это неисчерпаемое мѣсто находокъ перуанскихъ древностей, также доказываетъ, что страна имѣла въ теченіе долгаго времени густое населеніе. Всѣ эти остатки городовъ поразительно похожи другъ на друга: почти всѣ постройки, на обширномъ пространствѣ развалинъ, прямоугольны и соприкасаются другъ съ другомъ подъ прямыми углами. Побережье не имѣло ни дерева, ни камня въ достаточномъ количествѣ, чтобы можно было пользоваться ими, какъ строительнымъ матеріаломъ; поэтому береговые жители строили частью изъ мелкаго кирпича и, главнымъ обра-

зомъ, изъ битой глины. Вслѣдствіе того приходилось возводить довольно толстыя стѣны; но толщина кверху уменьшалась, и пространство помѣщеній было вверху шире, чѣмъ на землѣ. Впрочемъ, это касается лишь храмовъ и дворцовъ, единственныхъ построекъ, стѣны которыхъ представляютъ слѣды декоративнаго украшенія въ формѣ лѣпныхъ орнаментовъ. О кровлѣ трудно составить себѣ ясное представленіе. Немногія сохранившіяся крыши также состоятъ изъ битой глины; но немыслимо, чтобы такимъ образомъ покрывались огромныя залы, встрѣчающіяся между развалинами: это было бы слишкомъ непрочно. Окна были совершенно неизвѣстны, и помѣщенія, которыя, большею частью, группируются вокругъ двора, получали воздухъ и свѣтъ черезъ дверь, часто занимавшую всю переднюю сторону. Но самыя главныя развалины не принадлежатъ къ жилымъ помѣщеніямъ. Послѣднія строились изъ глины, вѣроятно, только для привилегированныхъ кастъ; жилища простой массы, за недостаткомъ даже дерева, по всей вѣроятности, состояли изъ камыша и тростника. Остатки обширныхъ стѣнъ, которые и теперь еще даютъ намъ понятіе объ окружности древнихъ городовъ, принадлежатъ толстымъ наружнымъ валамъ и въ нѣкоторыхъ городахъ тянутся двойными рядами съ расположенными по угламъ воротами. Кромѣ того, множество болѣе тонкихъ стѣнъ разграничиваютъ городъ на округа, какъ бы на отдѣльные большіе дворы; полагаютъ, что каждый такой округъ былъ отведенъ одному клану или одной административной общинѣ.

Дворцы, а также храмы возвышались, повидимому, большею частью, на окраинѣ города. Въ храмахъ мы нерѣдко снова встрѣчаемся со ступенеобразными террасами, стѣны которыхъ были построены изъ кирпича, а средина заполнена насыпью. Нѣкоторыя храмовыя пирамиды служили вмѣстѣ съ тѣмъ гробницами, но, безъ сомнѣнія, только для королей и верховныхъ жрецовъ. Въ различныхъ мѣстахъ, особенно къ югу отъ царства чимусовъ, встрѣчаются обширныя кладбища, вродѣ Анконскаго. Здѣсь мы находимъ муміи, погребенныя въ сидячемъ положеніи, то по одиночкѣ, то группами, въ закрытыхъ могильныхъ камерахъ, въ огромныхъ глиняныхъ сосудахъ или безъ всякаго прикрытія. Нерѣдко могилы располагаются нѣсколькими ярусами, но всегда вмѣстѣ съ погребенными положены всевозможныя украшенія и предметы утвари, которыми они пользовались при жизни. Простой человѣкъ, вѣроятно, не всегда въ состояніи былъ покрыть расходы даже на такую могилу и поэтому хоронилъ своихъ усопшихъ подъ поломъ своего жилья. Этимъ объясняется, почему почва городовъ часто усѣяна, какъ улей, подобными могильными клѣтями.

Само собою разумѣется, что народъ, оказывавшій такое почтеніе умершимъ, долженъ былъ вѣрить въ загробную жизнь, приближающуюся по формѣ къ земной жизни; но болѣе точныхъ свѣдѣній о религіозныхъ воззрѣніяхъ ихъ мы не имѣемъ. Почему обитатели перуанскаго побережья, передъ глазами которыхъ такъ наглядно обнаруживалось изнуряющее дѣйствіе солнечныхъ лучей, не сдѣлали культъ солнца средоточіемъ своей религіи, намъ легко понять. Столь же понятно, что они прежде всего стали поклоняться водѣ, отъ благодѣтельнаго вліянія которой гораздо непосредственнѣе зависѣла ихъ жизнь. Правда, главное божество чимусовъ составляла луна и рядомъ съ нею они поклонялись Плеядамъ и тремъ звѣздамъ, образующимъ поясъ Оріона. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они считали божествомъ и море, которое своими рыбами содѣйствуетъ питанію человѣка, является посредникомъ въ сношеніяхъ одного народа съ другимъ и своимъ прохлаждающимъ дуновеніемъ смягчаетъ безпощадный зной солнца. Аналогичный культъ самого моря или воды вообще распространенъ на всемъ побережьи. Рыбы, какъ созданія воды, также являются частицею этого культа. Богъ Пачакамака, главной святыни всей побережной области, изображался съ рыбьимъ хвостомъ.

Въ Пачакамакѣ соединяются религіозныя представленія, которыя исходятъ изъ различныхъ основаній. Мы познакомимся впослѣдствіи на Перуанскомъ плоскогорьи съ широко распространеннымъ поклоненіемъ божеству, которое имѣетъ нѣкоторыя сходныя черты съ Кецалкоатлемъ-Кукулканомъ средней Америки. Первоначально это былъ, вѣроятно, богъ солнца, но впослѣдствіи онъ настолько антропоморфизировался, что народъ представлялъ себѣ его не иначе, какъ въ образѣ человѣка законодателемъ и носителемъ культуры. Онъ находился какъ бы въ противорѣчіи съ солнечнымъ культомъ инковъ. Такимъ же божествомъ былъ первоначально Пачакамакъ береговыхъ народовъ: будучи сыномъ Кона, онъ миѳологически сливается съ богомъ горъ и олицетворяетъ причину всего существующаго, быть можетъ, даже самое понятіе о божественномъ, такъ что всѣ прочіе боги суть лишь проявленія его. На побережьи всѣ элементы священной воды приводились въ связь съ нимъ, когда онъ, напр., разстилая свою мантію въ видѣ лодки надъ волнами, исчезаетъ надъ моремъ или когда онъ въ шумѣ потока, подъ именемъ Римака (бушующаго), прорицаетъ въ качествѣ оракула. Поэтому его изображали съ рыбьимъ хвостомъ и поклонялись рыбѣ, символу его, какъ фетишу.

Наконецъ, чимусамъ приписываются еще фаллическіе культы; это, повидимому, подтверждаютъ глиняныя фигуры, сохранившіяся въ береговыхъ провинціяхъ. Нѣтъ ничего страннаго въ этомъ: побережные народы представляли вмѣстѣ съ тѣмъ дряхлѣющія культурныя націи, у которыхъ почти всегда возникаютъ подобныя представленія. Они не только разбогатѣли, но изнѣжились среди этой роскошной жизни, и культура ихъ, во многихъ отношеніяхъ превосходившая культуру горцевъ, рушилась, тѣмъ не менѣе, отъ натиска послѣднихъ.

Первые туземцы въ Перу, съ которыми встрѣтились испанцы, были индѣйцы Чиму. На своихъ судахъ, похожихъ на плоты, они отважились уходить довольно далеко отъ берега въ открытое море. Безлюдныя пустыни, отдѣлявшія долины побережья другъ отъ друга, дѣлали невозможными интенсивныя сухопутныя сношенія между городами, чего можно было бы ожидать въ виду ихъ громадности и богатства. Согласно сказанію о переселеніи, даже первые обитатели почти всѣхъ побережныхъ странъ пришли сюда морскимъ путемъ. Завоевательные походы чимусовъ, которые не знали даже ламы, живущей въ горахъ, возможны были только этимъ путемъ. Но имъ недоставало дерева не только для постройки домовъ, но и судовъ; челноки, распространенные по всей Америкѣ, не были извѣстны на Перуанскомъ берегу. Чимусы и юнги пользовались родомъ плота, который держался на крѣпкихъ связкахъ камыша; воздухъ, заключенный въ стебляхъ послѣдняго, придавалъ ему значительную устойчивость. „Тихій“ океанъ вполнѣ оправдываетъ свое названіе на перуанскомъ побережьи, и при помощи этихъ первобытныхъ средствъ можно было поддерживать оживленное и довольно безопасное сообщеніе. Совершенно аналогичныя средства для плаванія, которыми пользовались обитатели озера Титикаки, вѣроятно, первоначально были построены колонистами побережья и занесены туда послѣ завоеванія инками, такъ какъ природа давала тамъ мощные стволы, которые представляли несравненно болѣе пригодный матеріалъ для судостроенія. Этимъ матеріаломъ, повидимому, пользовались еще носители древнѣйшей культуры, строители Тіауанако.

Береговыя племена въ различное время подпали подъ власть инковъ. Болѣе южныя долины подчинилъ еще Пачакутекъ, не встрѣтивъ при этомъ упорнаго сопротивленія. Точно также Куисманку и Чупиманку по первому требованію присоединились къ перуанскимъ инкамъ, надѣясь при помощи ихъ ускользнуть отъ ига, которымъ грозили имъ короли чимусовъ. Жреческое государство Пачакамакъ также перешло безъ серьезнаго кровопролитія къ инкамъ, которые уже тогда научились облегчать другимъ наро-

дамъ присоединенiе къ своему царству путемъ религiозной терпимости. Рядомъ съ храмомъ Пачакамака они выстроили новый и болѣе роскошный храмъ солнцу, но вмѣстѣ съ тѣмъ оказали почтенiе и богу побѣжденныхъ, за что жрецы отблагодарили ихъ благопрiятными предсказанiями. Уже съ этого момента начинаются столкновенiя между инками и чимусами. Но дѣло приняло рѣшительный оборотъ, когда, послѣ долгихъ кровавыхъ столкновенiй, инка Тупакъ Юпанки, послѣ перваго похода противъ китусовъ, двинулся съ горъ въ центръ царства чимусовъ, городъ Чанчанъ въ долинѣ Отуско. И на этотъ разъ правитель названнаго царства оказалъ отчаянное сопротивленiе. Но сатрапы его отпадали одинъ за другимъ и этимъ покупали милость инки. Когда же этотъ послѣднiй сталъ грозить, что отрѣжетъ воду отъ побережья, то дальнѣйшее сопротивленiе сдѣлалось безцѣльнымъ, и правитель отдалъ себя и царство свое побѣдителямъ въ лагерѣ у Кахамарки.

Еще до эпохи инковъ на перуанской возвышенности существовало, по крайней мѣрѣ, два центра сравнительно высоко развитой культуры. Въ среднемъ Перу, тамъ, гдѣ рѣка Санта течетъ на большомъ протяженiи къ сѣверу параллельно съ Мараньономъ, между Черными и Бѣлыми Кордильерами, задолго до того, какъ она перерѣзываетъ первые и поворачиваетъ къ Тихому океану, жилъ сильный, воинственный народъ, посвященный вмѣстѣ съ тѣмъ въ искусства мирнаго времени и основавшiй большое царство. Историческое преданiе ничего о немъ не разсказываетъ, такъ какъ упомянутый выше Куисманку изъ Кончукоса есть, быть можетъ, только результатъ недоразумѣнiя. Правда, Кончукосъ, расположенный у небольшого притока Мараньона, принадлежитъ къ сферѣ этой культуры, и неподалеку отъ него открытыя развалины Сипа съ ихъ каменными гробницами, высѣченными изъ большихъ глыбъ въ формѣ кубовъ, являются однимъ изъ интереснѣйшихъ мѣсто находокъ, дающихъ намъ представленiе о культурномъ развитiи этихъ племенъ. Но царство Куисманку, которое инка Тупакъ Юпанки безъ боя покорилъ во время своего похода противъ чимусовъ, помѣщается большинствомъ хроникеровъ ниже вдоль побережья. Далѣе, центръ тяжести государства, часть котораго составлялъ Кончукосъ, находился не у Мараньона, а въ долинѣ Санты. Въ самой верхней части этой долины лежали главные города страны, несмотря на то, что эта часть граничила съ холодными, безплодными степными возвышенностями (перуанцы называютъ ихъ пунами). Здѣсь, идя навстрѣчу рѣкѣ въ мѣстностяхъ Гуарасѣ, Чавинъ-де-Гуантарѣ и, наконецъ, почти на водораздѣлѣ отъ рѣки Паско, въ Гуануко, мы встрѣчаемъ слѣды древнихъ городовъ, укрѣпленiй и храмовъ. Они очень сходны между собою и съ остатками въ соотвѣтственныхъ широтахъ долины Мараньона, но замѣтно отличаются отъ сосѣднихъ областей.

Народъ въ долинѣ Санты достигъ значительнаго совершенства въ строительномъ искусствѣ, что̀, безъ сомнѣнiя, отчасти является слѣдствiемъ географическихъ условiй. Въ горахъ они находили превосходный строительный матерiалъ, гранитъ и песчаникъ, и когда во время таянiя снѣговъ горныя рѣки превращались въ бурные потоки, стремительно низвергавшiеся въ глубокiя долины, то онѣ приносили эти валуны и плиты почти къ самымъ воротамъ городовъ. Строительное искусство давно уже не ограничивалось простымъ утилизированiемъ естественныхъ условiй. Строители умѣли тщательно обрабатывать матерiалъ и вмазывали глыбы въ цементъ, который держался вѣками. Громадныя плиты, изъ которыхъ состояли отчасти стѣны ихъ храмовъ, могли быть поставлены на мѣсто только при условiи большого опыта въ дѣлѣ передвиженiя массъ. Самымъ большимъ изъ городовъ является Гуануко. Но такъ какъ здѣсь жили еще перуанскiе инки, то невозможно разграничить, какъ въ другихъ мѣстахъ, что̀ принадлежитъ имъ и что̀ древней культурѣ. Наоборотъ, Чавинъ-де-

Гуантаръ, съ его знаменитымъ храмомъ, былъ разрушенъ еще инками и съ тѣхъ поръ покинутъ. Храмъ, какъ говорятъ, имѣлъ не менѣе пяти этажей, ходовъ и келій, которые такъ тѣсно примыкали къ стѣнѣ долины, что ихъ часто принимали за подземные. Характерно, что священныя помѣщенія его расположены всѣ въ ночномъ мракѣ, и въ эти кельи никогда не проникалъ ни единый лучъ дневного свѣта. Въ кельяхъ мы снова встрѣчаемся съ изображеніями боговъ, у которыхъ два ряда оскаленныхъ зубовъ ограничиваются справа и слѣва сильно выдающимися клыками. Мы уже знаемъ изъ Санъ-Агустина (ср. выше, стр. 303), что эти зубы составляютъ подражаніе льву-пумѣ. Такое предположеніе подтверждается тѣмъ, что пума чрезвычайно часто повторяется въ каменныхъ изваяніяхъ Чавина, Гуараса и Гуанако и неоднократно играетъ роль при образованіи обозначеній мѣстъ (Пумакайянъ, Пумаканча). Кромѣ того, изваянія въ долинѣ Санты еще тѣмъ напоминаютъ Санъ-Агустинскія, что пропорціи человѣческаго тѣла укорочены и голова стилизирована въ видѣ орнамента. О случайныхъ совпаденіяхъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи.

Короли этого царства расширили границы своей области въ направленіи къ морскому берегу. Тамъ, гдѣ Санта пробивается сквозь Кордильеры, и недалеко отъ выхода ея въ береговую равнину, находятся остатки храмовъ и укрѣпленій, которые, подобно сооруженіямъ верхней долины, построены изъ гранитныхъ глыбъ; то же относится къ долинамъ Касмы и Непеньи. Преобладаніе укрѣпленныхъ мѣстъ заставляетъ думать, что между правителями горной страны и королями чимусовъ, въ рукахъ которыхъ находилось побережье, происходили постоянныя войны. По всей вѣроятности, однако, насильственное разрушеніе, несомнѣнные слѣды котораго представляютъ развалины храмовъ Мохеке въ долинѣ Касмы и Чавина въ долинѣ Санты, должно быть приписано не чимусамъ, а инкамъ; послѣдніе послѣ завоеванія старались уничтожить прежде всего очаги мрачнаго культа народовъ долины Санты и вмѣсто него ввести поклоненіе своему богу солнца.

Лучше изслѣдована вторая до-инкская культурная нагорная область; и преданіе здѣсь не совсѣмъ нѣмо. Ареною ея служилъ южный и западный берегъ озера Титикаки, и однимъ изъ самыхъ величественныхъ остатковъ этой культуры являются развалины Тіауанако. Загадки, съ которыми здѣсь сталкивается изслѣдованіе, едва ли когда будутъ разрѣшены. Нужно считать твердо установленнымъ, что эти сооруженія воздвигнуты древней націей изъ племени аймаровъ. Часть развалинъ, извѣстная подъ именемъ Ак-Капана, составляла храмъ: на невысокой пирамидальной террасѣ возвышался храмъ; у подошвы ея находилось священное мѣсто, окруженное каменными столбами. Въ Ак-Капанѣ эти столбы ограничиваютъ четырехугольную площадь, тогда какъ вблизи озера Умайо аналогичное мѣсто имѣетъ круглую форму; но въ сущности оба они должны быть признаны однородными. Имѣютъ ли эти ограды изъ каменныхъ столбовъ какое-либо отношеніе къ каменному культу, который былъ широко распространенъ въ этой части перуанской возвышенности, весьма сомнительно; развалины Тіауанако говорятъ скорѣе противъ, нежели за это. Здѣсь рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о поклоненіи богамъ, которымъ придавался человѣческій образъ. Подтвержденіемъ этого могутъ служить остатки статуй, и теперь еще уцѣлѣвшіе на мѣстѣ развалинъ; согласно описаніямъ древнихъ хроникеровъ, въ прежнія времена ихъ было несравненно большее количество. Статуи этой древнѣйшей культурной эпохи своимъ отсутствіемъ художественной свободы напоминаютъ изваянія Чавина и Санъ-Агустина: и здѣсь, какъ у всѣхъ неразвитыхъ народовъ, жизненная правдивость страдаетъ подъ гнетомъ обильныхъ символовъ и стилистическихъ украшеній. Но боги Тіауанако были иные, болѣе кроткіе, чѣмъ въ упомянутыхъ выше очагахъ культа; формы ихъ не такъ враждебны человѣку и поклоненіе имъ не скрывалось отъ дневного свѣта.

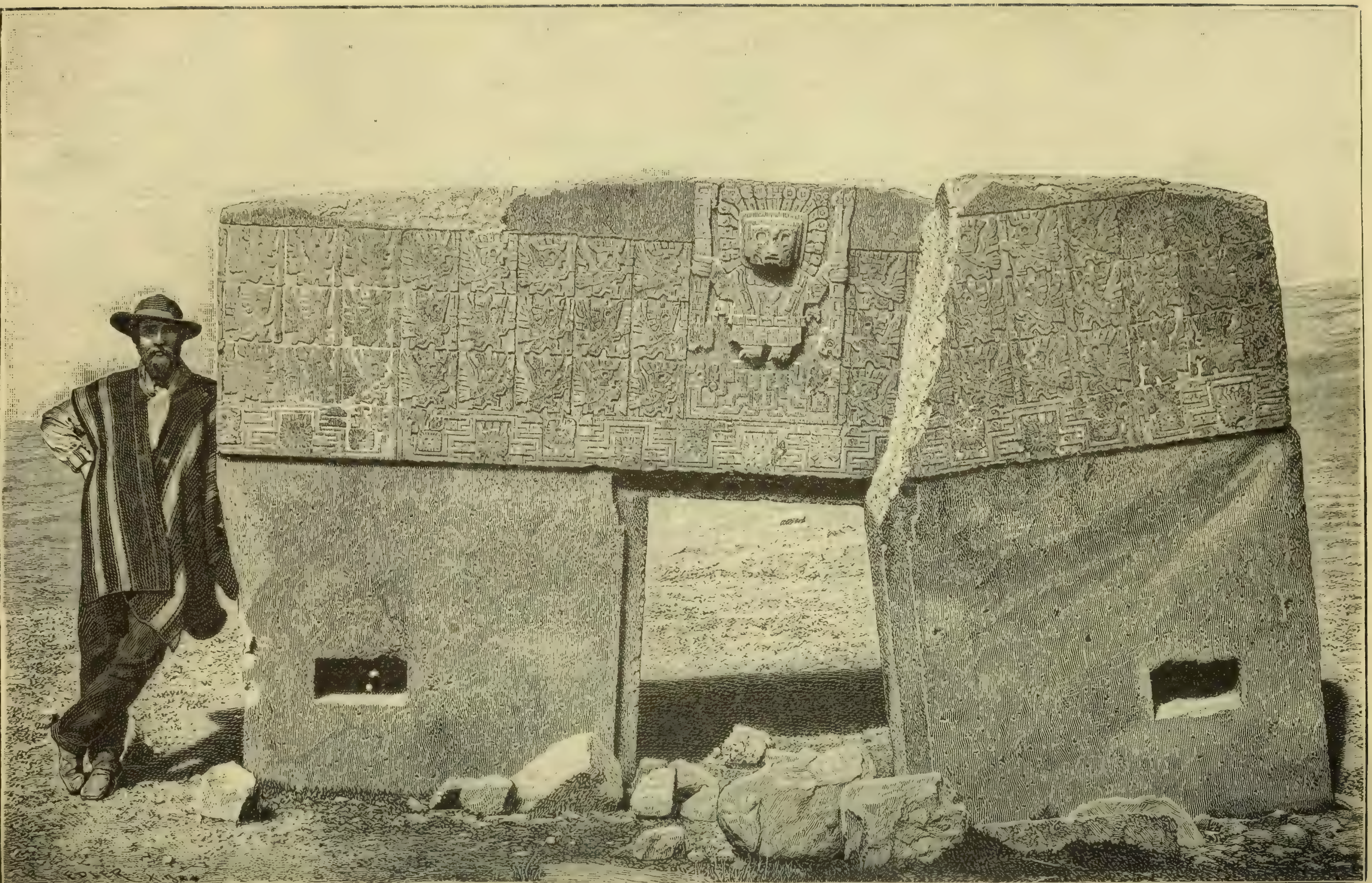
Въ архитектурномъ отношеніи Тіауанако также занимаетъ особое положеніе. На обширномъ пространствѣ развалинъ нельзя встрѣтить ни одного закрытаго зданія. Между тѣмъ, строители имѣли представленіе о подобныхъ зданіяхъ и строили даже многоэтажныя постройки; это доказываетъ глыба, въ которой былъ высѣченъ, точно на модели, фасадъ двухэтажнаго зданія. Но въ томъ видѣ, въ какомъ разбросаны большія каменныя глыбы въ Пумапунгу, другой грудѣ развалинъ Тіауанако, онѣ, навѣрное, никогда не образовали зданія. Изъ этихъ камней нельзя возсоздать ничего опредѣленнаго, хотя многіе изъ нихъ несомнѣнно были обдѣланы по извѣстнымъ образцамъ и пригнаны для соединенія съ другими камнями. Точно также нельзя принять за часть зданія монолитныя ворота, которыя издавна обращали на себя особенное вниманіе; подобно египетскимъ пилонамъ, они служили только оградою и входомъ въ священныя мѣста, подобно каменнымъ столбамъ въ Ак-Капанѣ. И дѣйствительно, самыя замѣчательныя изъ такихъ воротъ встрѣчаются въ этой области. Ихъ нельзя признать самой массивною изъ глыбъ, разбросанныхъ въ Тіауанако; но все-таки это самыя большія и тяжелыя изъ сохранившихся воротъ и вмѣстѣ съ тѣмъ единственныя, которыя украшены богатыми скульптурными орнаментами (см. табл. „Монолитныя ворота Ак-Капана въ Перу“). Изваянія на этихъ воротахъ сохраняютъ вообще стиль перуанскихъ образцовъ, напр., узоровъ на тканяхъ; въ центрѣ находится большое изображеніе божества, которому, повидимому, поклоняются ряды фигуръ, вырѣзанныхъ по бокамъ.

Изъ атрибутовъ на самихъ этихъ фигурахъ и рядомъ съ ними нужно думать, что здѣсь изображенъ культъ Уиракочи. И такъ какъ этотъ культъ или аналогичный съ нимъ составлялъ общее явленіе среди всѣхъ народностей Перу, какъ на возвышенности, такъ и на побережьи, то неудивительно, что слѣды его встрѣчаются на памятникѣ, который долженъ былъ принадлежать древнѣйшей перуанской культурѣ. Уиракоча (иногда встрѣчается полное имя его Кон-Тикси-Уиракоча) означалъ, вѣроятно, первоначально бога солнца; но, какъ источникъ свѣта и всякой жизни, онъ былъ съ теченіемъ времени преобразованъ въ творца человѣка и отца культуры вообще. Въ этомъ видѣ онъ разносилъ лично или черезъ своихъ пословъ изъ Тіауанако во всѣ города и веси Перу мирныя искусства и культурныя блага и, наконецъ, исчезъ на дальнемъ сѣверѣ, на берегу океана. Ни одно божество не пользовалось такимъ всеобщимъ поклоненіемъ на обширномъ пространствѣ, какъ Уиракоча, хотя и подъ различными названіями. Инки первые отклонились отъ исключительнаго поклоненія солнцу и рядомъ съ нимъ признали культъ Гуиракочи; это былъ единственный изъ боговъ подчиненныхъ имъ народовъ, которому они не только поклонились, но приняли его и въ свою миѳологическую систему. Родина его — древняя южная культурная область, въ которой Тіауанако занимаетъ выдающееся положеніе.

Въ ближайшей окружности озера Титикаки лежитъ еще цѣлый рядъ другихъ священныхъ мѣстъ, тѣсная связь которыхъ съ культурою Тіауанако выступаетъ не такъ ясно лишь потому, что включеніе ихъ въ культъ солнца у инковъ произошло въ позднѣйшую эпоху. Первое мѣсто между ними занимаетъ островъ озера Титикаки. Легенда изъ эпохи инковъ изображаетъ дѣло такимъ образомъ, что этотъ островъ былъ исходнымъ пунктомъ поклоненія солнцу; но затѣмъ священное мѣсто было заброшено, пока инка Тупакъ Юпанки не отправился туда на поклоненіе и не возвратилъ этому мѣсту его прежняго значенія. Смыслъ этого преданія, во всякомъ случаѣ, тотъ, что Тупакъ Юпанки былъ однимъ изъ первыхъ инковъ, который посѣтилъ и призналъ святыню Уиракочи на озерѣ Титикака. До того времени южный берегъ озера вмѣстѣ съ островомъ упорно отстаивали отъ перуанскихъ инковъ враждебныя имъ племена

Объясненіе рисунка на оборотѣ.

Монолитныя ворота Ак-капана представляютъ самый замѣчательный памятникъ среди развалинъ Тіауанако, расположенныхъ недалеко отъ южнаго берега озера Титикаки. Онъ едва ли имѣетъ отношеніе къ каменному сооруженію, похожему на стонгенджъ и извѣстному подъ именемъ Ак-капана: нынѣшнее мѣстонахожденіе его отнюдь не первоначальное. Такъ какъ весь памятникъ имѣетъ лишь около 3 метровъ вышины, то просвѣтъ воротъ едва пропускаетъ взрослаго человѣка. Матеріаломъ служилъ твердый трахитъ, обдѣланный съ большимъ искусствомъ. Съ обѣихъ сторонъ, спереди и сзади, соблюдена строгая симметрія. Скульптурная отдѣлка задней стороны изображаетъ, повидимому, двухэтажное зданіе съ окончатыми нишами. Представленная здѣсь передняя сторона покрыта рельефными изваяніями; но они выполняютъ только верхнюю часть воротъ. Средину занимаетъ большая фигура божества, обрамленная вѣнцомъ изъ перьевъ, съ сильно укороченными ногами. Вѣроятно, она изображаетъ Уиракочу. Ему поклоняются, опустившись на колѣни, крылатая фигуры со скипетрами, съ каждой стороны по 24, расположенныя въ три ряда, одинъ надъ другимъ. Съ каждой стороны девять фигуръ съ наружнаго края вырѣзаны позднѣе и менѣе искусной рукою, чѣмъ остальныя 15. Снизу фризъ замыкаетъ скульптуры. На немъ сильно стилизированныя человѣческія головы разграничены меандровыми полосами, которыя украшены головами кондора (но не змѣй) и пумы. Стиль до-инкскій. По всей вѣроятности, скульпторы принадлежали къ племени аймаровъ.



Исторія человѣчества. I.

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Монолитныя ворота Ак-капана въ Перу; съ восточной стороны.

(Изъ А. Штюбеля и М. Уле, Развалины Тіауанако.)

колласы. Слѣдовательно, здѣсь не можетъ быть рѣчи о томъ, что инки раньше владѣли этой святыней и что она оставалась лишь долгое время въ пренебреженіи. Они воздвигли тамъ впослѣдствіи многочисленныя и монументальныя постройки; но въ самихъ священныхъ мѣстахъ, у скалы, позади которой солнце останавливалось, пока творецъ (Уиракоча) снова не приводилъ его въ движеніе, памятники носятъ вполнѣ характеръ до-инкскихъ построекъ. Вообще эта святыня представляетъ не храмъ, но, подобно Ак-Капану и другимъ первобытнымъ мѣстамъ культа, открытое пространство, окруженное лишь оградою.

Другое мѣсто, находящееся въ связи съ культомъ Уиракочи, Кача, лежало на половинѣ пути между Куско и озеромъ Титикака, въ долинѣ Уилканоты. Найденная тамъ развалина храма, судя по архитектурнымъ особенностямъ ея, должна быть отнесена лишь къ періоду инковъ. Тѣмъ не менѣе, это былъ храмъ Уиракочи, построенный, согласно легендѣ, въ воспоминаніе о томъ, что здѣсь богъ бросилъ съ неба огонь и воспламенилъ горы съ цѣлью наказать не признававшихъ его ученія индѣйцевъ-канао и заставить ихъ увѣровать въ его божественность.

До-инкская культурная область юга обнимаетъ еще несравненно бóльшую территорію; но она принадлежала не исключительно къ культурной области Тіауанако. Послѣдній былъ разрушенъ не инками: когда перуанскіе инки вторглись съ завоевательною цѣлью въ страну колласовъ, онъ уже давно лежалъ въ развалинахъ, какъ и теперь, и воспоминаніе о немъ отошло въ туманную даль сказаній. Древнее царство Тіауанако погибло еще раньше отъ натиска переселенческихъ волнъ. Если даже сами колласы не разрушили Тіауанако, то, во всякомъ случаѣ, они основали свое царство рядомъ и на почвѣ Тіауанако, который также достигъ высокой культурной ступени помимо вліянія инковъ. Имъ, вѣроятно, принадлежатъ замѣчательныя башенныя могилы (чульпы) на озерѣ Умайо, вблизи Силлустани; большія каменныя глыбы этихъ могилъ, гладко обтесанныя и прекрасно приспособленныя къ округлой поверхности, едва-ли уступаютъ тесанымъ каменнымъ работамъ Тіауанако. Но религія колласовъ заключалась не въ поклоненіи Уиракочѣ, а въ каменномъ культѣ, который, во всякомъ случаѣ, не остался безъ вліянія на священное мѣсто на озерѣ Титикака, когда оно подпало ихъ владычеству. Главная святыня находилась, впрочемъ, на южномъ концѣ озера, въ Копакапанѣ. Раньше, чѣмъ инки навязали колласамъ свою религію солнца, здѣсь пользовались особымъ почитаніемъ два синихъ камня, изъ которыхъ одинъ изображалъ только лицо, а другой фигуру, обвитую змѣями.

На развалинахъ всѣхъ этихъ культуръ и, безъ сомнѣнія, подъ бóльшимъ или меньшимъ вліяніемъ каждой изъ нихъ въ отдѣльности возникло царство инковъ. Исторія этого большого и могущественнаго государства наполняетъ лишь ничтожную часть того времени (какихъ-нибудь два столѣтія), которое потребовалось для того, чтобы культура народовъ этого царства достигла своего развитія. Но такъ какъ въ моментъ завоеванія они случайно играли еще руководящую роль въ южной Америкѣ, то потомство ознакомилось съ ихъ исторіей и исторіей родственныхъ имъ народовъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія инковъ. Въ дѣйствительности, однако, инки не были носителями ни особой національности, ни особой культуры. Заслуга ихъ заключается въ томъ, что они пріобщили къ своеобразной культурѣ своего народа обширныя области и на почвѣ другихъ культуръ создали оригинальныя и подчасъ замѣчательныя учрежденія. Въ своемъ государствѣ, которое состояло подъ конецъ изъ большого числа народовъ, говорившихъ на различныхъ языкахъ, они ввели, какъ оффиціальный языкъ, нарѣчіе кечуа. Но оно не было ихъ роднымъ языкомъ. Инки представляли лишь кланъ племени аймаровъ, съ древней культурою которыхъ мы познакомились въ Тіауанако. Быть можетъ, они при крушеніи

этого царства направили свои шаги къ сѣверу и поселились въ долинѣ Уилкамайа, откуда предприняли затѣмъ побѣдоносное движенiе въ направленiи всѣхъ четырехъ странъ свѣта (поэтому они назвали свое царство Тауантинсуйю, т. е. четыре страны свѣта). И такъ какъ они не желали разоблачить передъ взорами толпы незамѣтныхъ началъ своего могущества, то сложили легенду о своемъ происхожденiи, въ которой ихъ свѣтская власть и религiозное мiровоззрѣнiе сводятся къ одному источнику. Этимъ они сами возвысились надъ обыкновенными смертными и приблизились къ богамъ.

Преданiе разсказываетъ, что до появленiя инковъ люди жили на перуанской возвышенности еще въ совершенно дикомъ состоянiи. Земледѣлiя они не знали, осѣдлыхъ мѣстопребыванiй не имѣли, другой одежды, кромѣ шкуръ животныхъ, у нихъ не было, и питались они сырымъ мясомъ этихъ животныхъ. Видя это, богъ солнца Инти, наконецъ, сжалился. И онъ посадилъ на островѣ озера Титикаки двухъ своихъ дѣтей, которыхъ родила ему его сестра и жена Килла, богиня луны, Манко Капака и его сестру и жену Мама Окло. Онъ далъ имъ золотой посохъ и велѣлъ идти по долинамъ на сѣверъ до того мѣста, гдѣ золотой посохъ, коснувшись земли, исчезнетъ въ ней. Тамъ они должны были поселиться и склонить живущихъ вокругъ людей къ поклоненiю богу солнца и познакомить ихъ съ благами культуры. И онъ обѣщалъ имъ свою защиту и поддержку, чтобы благотворное влiянiе ихъ постепенно распространилось на всѣ народы земли. Съ этимъ порученiемъ братъ и сестра пустились въ путь внизъ по долинѣ Уилкамайо. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Куско, у горы Уанакауре, золотой посохъ внезапно провалился, и Манко Капакъ началъ здѣсь строить домъ для себя и своей сестры-супруги. Здѣсь же онъ вскопалъ землю и посадилъ картофель, киноа и другiя растенiя. Мама Окло хозяйничала въ домѣ и у очага, варила, пряла, ткала, словомъ, занималась всѣми искусствами, которымъ научили ее небесные родители. Устроивъ такимъ образомъ собственное житье, Манко приступилъ къ выполненiю своей божественной миссiи среди обитающихъ кругомъ людей. Дикари, жившiе по близости отъ Куско, съ изумленiемъ глядѣли на Манко и его сестру, одѣтыхъ въ свѣтящiяся одежды съ блестящими украшенiями, и съ благоговѣйнымъ трепетомъ внимали посланникамъ бога солнца. И когда подъ ихъ руководствомъ они также стали прiобщаться къ благамъ культуры, когда мужчины научились обрабатывать землю и строить дома, а женщины прясть и ткать, они поняли, какое благодѣянiе ниспослано имъ въ лицѣ Манко Капака. Они охотно избрали его своимъ правителемъ, а бога солнца своимъ богомъ. И маленькое государство, которое возникло такимъ способомъ вокругъ хижины перваго сына солнца, росло и процвѣтало, видимо, подъ благословенiемъ своего небеснаго отца.

Въ этой легендѣ мы можемъ признать позднѣйшую и оффицiальную форму первоначальнаго сказанiя объ инкахъ. Связь съ озеромъ Титикака даетъ право заключить, что она возникла не раньше, чѣмъ совершилось примиренiе между культомъ солнца инковъ и культомъ Уиракочи обитателей возвышенности, священнымъ центромъ котораго является озеро Титикака. И такъ какъ этотъ религiозный компромиссъ совершился лишь при инкѣ Уиракочѣ, восьмомъ въ ряду королей инковъ, то и эта версiя первоначальной саги имѣла позади себя, вѣроятно, немногимъ больше столѣтiя, когда испанцы пришли въ Перу.

Древнѣйшая форма легенды совершенно въ иномъ свѣтѣ рисуетъ событiя, предшествовавшiя поселенiю Манко. Однажды съ высоты Паккаритамбо, въ девяти испанскихъ миляхъ къ югу отъ Куско, пришли четыре пары братьевъ и сестеръ, которые также назывались дѣтьми солнца; въ числѣ ихъ находились Айаръ Манко и Мама Окло. Но самый большой и сильный изъ нихъ былъ Айаръ Качи, супругъ Мама Гуако. Его братья и

сестры, ощущавшіе страхъ передъ нимъ, рѣшили отдѣлиться отъ него. Хотя всѣ они вышли на свѣтъ въ праздничныхъ одѣяніяхъ и богатыхъ украшеніяхъ, но еще болѣе обильныя и блестящія сокровища были оставлены ими въ пещерѣ. Они стали просить Айара Качи достать эти сокровища. Когда онъ скрылся внутри пещеры, они подкатили къ входу огромныя каменныя глыбы и такъ хорошо закрыли его, что Айаръ Качи не могъ выйти обратно. Ужасна была ярость силача, когда онъ открылъ коварный обманъ: онъ сильно раскачалъ гору, которая обрушилась на пещеру, и вся земля на далекомъ разстояніи задрожала; но все-таки онъ не проложилъ себѣ выхода къ свѣту и, въ концѣ концовъ, внутри скалы, самъ превратился въ камень. Остальные братья и сестры пустились въ путь дальше къ сѣверу и остановились сперва на горѣ Уанакауре прежде, чѣмъ двинуться ближе къ Куско. Когда они прощались съ Уанакауре, еще одинъ братъ, Айаръ Утчу, добровольно превратился въ каменное изображеніе, за что остальные дали обѣтъ въ будущемъ молиться ему. Но онъ расправилъ свои мощныя каменныя крылья и полетѣлъ вверхъ къ ихъ общему отцу, солнцу, отъ котораго вернулся, возвѣстивъ, что Айаръ Манко долженъ взять на себя руководящую роль подъ именемъ Манко Капака, спуститься вмѣстѣ съ братьями и сестрами къ близъ лежащему Куско и тамъ начать свою цивилизаторскую миссію; а онъ, Айаръ Утчу, останется на Уанакауре въ видѣ каменнаго изображенія, чтобы служить на будущее время постояннымъ посредникомъ между ними и отцомъ ихъ, солнцемъ.

Въ этой версіи сказанія о происхожденіи важны два момента. На горѣ Уанакауре находился до самаго прибытія испанцевъ одинъ изъ наиболѣе почитаемыхъ храмовъ всего царства Тауантинсуйю, основаніе котораго, конечно, приводилось въ связь съ легендою о происхожденіи. Въ позднѣйшую эпоху онъ преобразовался въ храмъ солнца, какъ всѣ оффиціальныя святилища инковъ. Но сказаніе о происхожденіи не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что здѣсь, какъ и въ пещерѣ Паккаритамбо, мы имѣемъ дѣло съ священнымъ мѣстомъ изъ временъ каменнаго культа, который былъ преобладающимъ до распространенія солнечной религіи инковъ не у однихъ колласовъ къ югу и западу отъ озера Титикаки, но и въ области Куско и еще гораздо далѣе къ сѣверу. Этимъ объясняются своеобразныя ступени и площадки, высѣченныя въ естественныхъ скалахъ Монте Родадеро, въ непосредственномъ сосѣдствѣ Куско, и другіе сходные памятники, несомнѣнно находящіеся въ связи съ каменнымъ культомъ: близъ Конкачи, въ верхней долинѣ Апуримака, затѣмъ каменныя кресла Гуилки-Гуамана въ Пампасовой долинѣ и такъ называемый тронъ инковъ въ Кахамаркѣ, на дальнемъ сѣверѣ. Всѣ эти святыни, поклоненіе которымъ въ эпоху инковъ едва ли подлежитъ сомнѣнію, дѣлаютъ весьма вѣроятнымъ, что каменный культъ не преслѣдовался инками съ такою строгостью, какъ прочія формы идолопоклонства. Если прибавить къ этому преданіе о превращеніи двухъ сыновей солнца въ камни и способъ примиренія ихъ почитанія съ солнечнымъ культомъ, то мы придемъ къ заключенію, что инки древнѣйшей эпохи вступили какъ бы въ религіозно-политическій компромиссъ съ каменнымъ культомъ, который въ полномъ расцвѣтѣ окружалъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Спустя столѣтіе, они изъ политическихъ соображеній точно также отнеслись къ культу Уаракочи. Благодаря устраненію противорѣчій между каменнымъ и солнечнымъ культомъ, первый имѣлъ возможность пустить глубокіе корни среди туземцевъ Перу. И не только во времена инковъ, но даже чуть ли не по настоящій день носильщикъ тяжестей изъ туземцевъ, пробираясь сквозь одно изъ безчисленныхъ горныхъ ущелій этой страны, которая состоитъ изъ однихъ лишь долинъ и горныхъ хребтовъ, обязательно прибавляетъ отъ себя новый камешекъ къ грудамъ камней, накопившихся отъ приношеній его предшественниковъ: это — дань, подносимая Апачетѣ, „который даетъ силу носить тяжести“.

Не менѣе важно то, что̀ разсказываетъ легенда о поселеніи инковъ въ Куско. По всей вѣроятности, еще до прибытія инковъ въ странѣ находилось многочисленное населеніе, которое давно вышло изъ состоянія грубаго варварства, навязываемаго оффиціальной традиціей всѣмъ перуанцамъ до-инкской эпохи, и поднялось до благоустроенной жизни. Городъ Куско былъ резиденціей правителя по имени Алькависа, который управлялъ также и ближайшими окрестностями города. Отъ него Манка Капакъ и небольшая кучка его спутниковъ получили разрѣшеніе поселиться вблизи города. Вскорѣ, однако, послѣ ихъ появленія сосѣди почувствовали непріятныя стороны ихъ сосѣдства. Не успѣли пришельцы утвердиться въ одномъ изъ кварталовъ города Куско, какъ повели интригу противъ правителя и жрецовъ культа, существовавшаго въ старомъ Куско, и стали вербовать прозелитовъ для своего культа, который заключался въ исключительномъ поклоненіи богу солнца. Эта вражда партій мало-по-малу перешла въ открытую борьбу, завершившуюся изгнаніемъ Алькависы и его приверженцевъ. Такъ перуанскіе инки овладѣли городомъ, которому суждено было въ теченіе вѣковъ служить центромъ обширнаго царства ихъ.

Перуанское преданіе не даетъ возможности установить, хотя бы приблизительно, моментъ, когда первый правитель изъ племени инковъ завладѣлъ властью. Связки шерстяныхъ нитокъ различнаго цвѣта, такъ наз. кипу, при помощи которыхъ перуанскіе ученые закрѣпляли въ памяти факты, повидимому, не употреблялись съ цѣлью хронологическихъ записей. Способъ ихъ употребленія вообще доказываетъ, что онѣ не были пригодны для этой цѣли и никакимъ образомъ не могли замѣнить настоящаго письма. Устное преданіе играло, во всякомъ случаѣ, главную роль въ изученіи историческихъ событій въ школахъ, гдѣ ученые, амауты, воспитывали юношей инкской крови и сыновей привилегированныхъ лицъ изъ союзныхъ и подчиненныхъ племенъ. Но все, что̀ уцѣлѣло изъ этихъ знаній до прибытія испанцевъ, слишкомъ недостаточно для хронологическаго опредѣленія древности царства инковъ. Мы не знаемъ даже въ точности числа правителей, которые сидѣли на тронѣ Куско отъ Манко Капака до Атауальпы. Данныя хроникеровъ колеблются между 10—13 правителями, предками враждующихъ братьевъ Гуаскара и Атауальпы; ихъ было никакъ не менѣе одиннадцати. Достойно вниманія, что неточность относится не къ самой древней эпохѣ. Напротивъ, относительно первыхъ пяти королей инковъ не существуетъ серьезныхъ сомнѣній. Но затѣмъ въ королевской семьѣ наступили, повидимому, распри, которыя измѣнили обычный порядокъ престолонаслѣдія. Стремленіе затушевать этотъ фактъ привело къ тому, что получилось два различныхъ описанія средней эпохи правленія инковъ; они во многомъ противорѣчатъ другъ другу и сильно затрудняютъ выясненіе дѣйствительной связи. Кромѣ того, позднѣйшіе инки чаще были извѣстны подъ своими прозвищами, такъ какъ имена ихъ мало различались. Вслѣдствіе того существуетъ путаница относительно трехъ или четырехъ предшественниковъ Гуайна Капака, и точная хронологія и исторія начинаются лишь съ правленія этого короля. Если средній періодъ правленія каждаго изъ одиннадцати королей считать равнымъ тридцати годамъ (отецъ и сынъ всегда неизмѣнно слѣдовали другъ за другомъ), то утвержденіе этихъ правителей въ Куско должно быть отнесено приблизительно къ 1200 году христіанскаго лѣтосчисленія. Такимъ образомъ, царство инковъ въ моментъ своего крушенія имѣло за собою около 330 лѣтъ существованія; принимая во вниманіе непрочность условій въ древней Америкѣ, такой періодъ долженъ быть признанъ скорѣе слишкомъ большимъ, нежели слишкомъ малымъ.

Хотя Манко Капакъ не есть настоящее собственное имя, тѣмъ не менѣе, мы должны признать существованіе его, какъ исторической личности.

Возможно, что амауты умышленно предавали забвенію его собственное имя съ цѣлью затемнить историческую связь правителей инковъ съ прочими древне-американскими государственными образованіями и сдѣлать для народа болѣе очевиднымъ прямое происхожденіе ихъ отъ бога солнца. На языкѣ кечуа, который признается оффиціальнымъ нарѣчіемъ государства инковъ, капакъ значитъ богатый, сильный. И этотъ титулъ обыкновенно присвоивали себѣ не только инки, но и другіе начальники, помѣщая его впереди или рядомъ съ своимъ собственнымъ именемъ. Слово Манко имѣетъ тотъ же смыслъ. Правда, происхожденіе его и настоящее значеніе установлены не такъ твердо; но преданіе называетъ именемъ Манко цѣлый рядъ королей, особенно въ странахъ, которыя находились въ западной и сѣверо-западной части царства инковъ. Поэтому Манко Капакъ слѣдуетъ переводить: „могущественный король“. Такое имя вполнѣ пригодно для того, чтобы импонировать народу и окружить туманомъ скромное начало владычества инковъ въ Перу. По поводу правленія Манко Капака послѣ утвержденія его въ Куско, говорится лишь въ самыхъ общихъ выраженіяхъ, что онъ распространилъ въ своемъ народѣ цивилизацію, ввелъ культъ солнца и расширилъ предѣлы своего царства не столько силою оружія, сколько путемъ мирнаго образованія. Согласно легендѣ, Манко Капакъ положилъ основаніе всѣмъ тѣмъ учрежденіямъ, которыя характеризуютъ позднѣйшее государство инковъ, хотя множество приписываемыхъ ему законовъ были безцѣльны и отчасти даже неосуществимы, если принять во вниманіе ничтожность территоріи, на которую первоначально распространялась власть правителя. Государство инковъ, которое вызывало изумленіе завоевателей XVI столѣтія и еще до сихъ поръ справедливо возбуждаетъ величайшій интересъ, было создано, главнымъ образомъ, четырьмя правителями: Уиракочей, Юпанки, по прозванію Пачакутекъ, Тупакъ Юпанки и Гуайна Капакомъ. Правда, они лишь продолжали строить на фундаментѣ, который былъ положенъ ихъ предками, но радикально пересоздали весь строй государства. Вотъ почему чрезвычайно трудно составить себѣ ясное представленіе о томъ, чѣмъ было царство инковъ въ эпоху, предшествовавшую этимъ правителямъ.

Относительно первыхъ трехъ правителей, слѣдовавшихъ за Манко Капакомъ, преданіе сообщаетъ столь же мало достовѣрныхъ фактовъ, какъ и о немъ самомъ. Во всѣхъ источникахъ они носятъ названіе Синчи Рока, Льоке Юпанки и Маита Капака; отношенія между ними были, какъ отца къ сыну. Свѣдѣнія расходятся, однако, уже по поводу именъ и родственныхъ отношеній ихъ женъ и матерей. Согласно оффиціальному преданію, бракъ Манко Капака съ сестрой его Мама Окло состоялся по повелѣнію бога солнца въ подражаніе бракосочетанію солнца съ его сестрою луной. Здѣсь, очевидно, распространяется на древнѣйшія эпохи царства инковъ позднѣйшій законъ, согласно которому право престолонаслѣдія принадлежало только тому сыну инки, котораго онъ произвелъ въ бракѣ съ сестрою или, за отсутствіемъ таковой, съ ближайшей родственницей чистой инкской крови. Другое преданіе, повидимому, болѣе достовѣрное, утверждаетъ, что не только ближайшіе наслѣдники Манко Капака, но большинство инковъ до Юпанки Пачакутека произошли отъ браковъ между правителями Куско и дочерьми сосѣднихъ государей. Всѣ восхваляютъ правителей вплоть до Маита Капака за мирную работу ихъ съ цѣлью расширенія царства. Впрочемъ, иногда и оффиціальное преданіе говоритъ относительно того или другого изъ древнѣйшихъ инковъ, будто онъ взялъ себѣ въ жены дочерей сосѣднихъ правителей, а не изъ рода инковъ. И въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ Гуайна Капакъ послѣ завоеванія Кито дерзнулъ бы взять наслѣдную принцессу этого царства въ число своихъ женъ, если бы съ самаго основанія династіи бракъ съ сестрою или съ ближайшей по крови родственницею соблюдался, какъ религіозный законъ?

Впрочемъ, такая брачная политика инковъ совершенно естественна. Они представляли небольшую кучку чужеземцевъ, вторгнувшихся въ долину Уильканоты. Насильственное устраненіе правителя Куско едва ли способно было вызвать сочувствіе къ нимъ сосѣднихъ правителей, изъ которыхъ многіе, вѣроятно, находились въ дружественныхъ и родственныхъ отношеніяхъ съ Алькависой. Кромѣ того, отчужденію ихъ способствовало то обстоятельство, что они держались вообще враждебно въ отношеніи религій, распространенныхъ на возвышенности, именно каменнаго культа и поклоненія Уиракочѣ, и ввели вмѣсто нихъ культъ, правда, менѣе чувственный и жестокій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и менѣе понятный для массъ. Въ теченіе перваго вѣка правленія своей династіи, инки были не болѣе, какъ мелкіе территоріальные правители среди множества другихъ. Они были далеки отъ того, чтобы навязывать сосѣдямъ свои государственные и религіозные обычаи; для нихъ было уже достаточно, что ихъ самихъ оставляли въ покоѣ. При такихъ условіяхъ самая разумная политика заключалась въ томъ, чтобы при помощи союзовъ упрочивать свое положеніе. Заключая родственныя связи, они имѣли въ виду изгладить воспоминаніе о томъ, что они являлись поздними и чуждыми пришельцами въ кругу королей горной страны. Мы можемъ вѣрить древнимъ преданіямъ, что инкамъ удалось при этомъ привить свою высшую культуру менѣе цивилизованнымъ, хотя отнюдь не дикимъ и грубымъ народностямъ; что они мирнымъ путемъ пріобрѣтали приверженцевъ, наглядно показывая имъ преимущества самой тщательной обработки земли и строгаго проведенія принципа раздѣленія труда. Эти приверженцы охотно оставляли сосѣднія страны и отдавались подъ покровительство инковъ. Въ благодарность за матеріальное улучшеніе своего положенія, они принимали едва понятную имъ религію. Быть можетъ, они даже объясняли прогрессъ и благосостояніе инковъ могуществомъ ихъ божества. Тѣмъ не менѣе, при первыхъ четырехъ инкахъ царство Куско очень мало увеличилось. Къ этому царству не присоединились еще въ то время ни чанки, которые жили непосредственно на западѣ долины Куско, между Андагуайласомъ и Айакучо, и царство которыхъ стояло несравненно выше инковъ, ни кечуасы, языкъ которыхъ сдѣлался впослѣдствіи оффиціальнымъ органомъ царства инковъ и которые были его сѣверными сосѣдями еще при Маита Капакѣ, ни, наконецъ, канасы и канчесы, которые жили между Куско и озеромъ Титикака. Въ то время власть инковъ не распространялась даже на самое ближайшее сосѣдство ихъ главнаго города. Со всѣми мелкими правителями, называвшими себя королями владѣній, которыя были расположены на разстояніи 3—5 часовъ пути въ окружности Куско, ихъ связывалъ лишь договоръ, заключенный на почвѣ равноправности. И только Уиракоча, восьмой правитель на тронѣ инковъ, превратилъ этотъ договоръ въ фактическое господство. Въ концѣ концовъ, Маита Капакъ не чувствовалъ себя безопаснымъ даже въ собственной столицѣ, такъ какъ алькависки, потомки рода, правившаго въ Куско до прибытія Манко Капака, даже въ его время продолжали смотрѣть недружелюбно на болѣе счастливыхъ соперниковъ. При четвертомъ королѣ инковъ потребовалось даже кровавое сраженіе для того, чтобы окончательно изгнать изъ города безпокойныхъ приверженцевъ древней королевской фамиліи.

Битва, въ которой Маита Капакъ побѣдилъ возмутившихся алькависковъ, прямо признается первымъ случаемъ, въ которомъ инка обнажилъ мечъ для расширенія своей власти. При преемникахъ его дѣло совершенно измѣнилось. Три слѣдующихъ инки, Капакъ Юпанки, инка Рока и Яуаръ Гуакакъ, правленіе которыхъ въ совокупности едва обнимаетъ столѣтіе, знаменуютъ собою начало завоевательной политики, которая повела къ расширенію границъ ихъ власти во всѣхъ направленіяхъ. Съ ближайшими сосѣдями они все еще оставались въ отношеніяхъ союзниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ призывали на службу къ себѣ все молодое поко-

ленiе, способное носить оружiе, и, такимъ образомъ, прiучали ихъ смотрѣть на себя, какъ на предводителей. Этимъ путемъ, а равно при помощи богатой военной добычи, они незамѣтно обезпечили себѣ перевѣсъ надъ прочими членами союза, и съ теченiемъ времени это преимущество приняло характеръ дѣйствительнаго господства.

Капакъ Юпанки началъ свое правленiе съ того, что обезпечилъ себѣ власть въ собственномъ домѣ. Маита Капакъ оставилъ нѣсколькихъ сыновей, которыхъ сдѣлалъ почти независимыми правителями сосѣднихъ владѣнiй. И когда Капакъ Юпанки далъ имъ ясно понять, что требуетъ отъ нихъ не дружбы, а повиновенiя, то они составили заговоръ, имѣвшiй цѣлью устранить его самого и посадить на его мѣсто болѣе сговорчиваго правителя. Планъ ихъ былъ, однако, обнаруженъ, и вмѣсто инки пало подъ ударами меча большинство заговорщиковъ. Чтобы смягчить впечатлѣнiе этой трагедiи и дать исходъ жаждѣ дѣятельности многихъ юныхъ инковъ, Капакъ Юпанки предпринялъ рядъ походовъ сперва къ сѣверу (Кондесуйю) и къ сѣверо-востоку (Андесуйю), по направленiю рѣкъ.

Съ тѣхъ поръ инки обнаружили необычайную агрессивность и стремленiе къ расширенiю. И все-таки едва ли найдется на всемъ земномъ шарѣ второе государство, которое, оставаясь въ цѣломъ рядѣ поколѣнiй съ оружiемъ въ рукахъ, выказало бы столько умѣренности въ способѣ веденiя войны, столько человѣчности, какъ инки. Всегда готовые прибѣгнуть къ рѣшенiю дѣла мечемъ и обладая геройской храбростью, инки въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ старались испробовать мирные способы прежде, чѣмъ перейти къ открытому наступленiю. Военные походы ихъ ничѣмъ не напоминали прiемы дикихъ и полуцивилизованныхъ народовъ остальной Америки, которые привыкли совершать неожиданныя нападенiя, истреблять при этомъ возможно большее число враговъ и какъ можно быстрѣе возвращаться къ домашнему очагу съ награбленнымъ добромъ. Веденiе войны у инковъ имѣло опредѣленную систему. Они никогда не нападали на противника внезапно, но предварительно отправляли пословъ, которые отъ ихъ имени предлагали добровольно подчиниться мягкой власти инковъ. Инка, сынъ бога солнца, говорили они, пришелъ не для того, чтобы причинить имъ вредъ, а съ цѣлью освободить ихъ отъ всего устарѣлаго и дурного и дать взамѣнъ этого благодѣянiя болѣе культурнаго образа жизни и болѣе просвѣщеннаго почитанiя боговъ. И чѣмъ больше царство инковъ прiобрѣтало власти и территорiи, тѣмъ болѣе распространялась вѣсть, даже среди отдаленныхъ нацiй, что эти обѣщанiя — не пустой звукъ, и что положенiе подданныхъ въ царствѣ инковъ несравненно лучше, чѣмъ въ областяхъ, которыя не желали подчиниться имъ. Инки почти никогда не лишали трона родъ правителей, который добровольно подчинялся ихъ владычеству. Правда, положенiе правителя, присоединеннаго къ царству инковъ и превратившагося изъ независимаго властелина въ вассала сына солнца, сидѣвшаго въ Куско, измѣнялось; преобразовывались и отношенiя короля къ своимъ бывшимъ подданнымъ, сообразно съ духомъ учрежденiй господствующаго государства; но инки меньше всего были фанатическими доктринерами. Они всегда щадили нацiональныя особенности тѣхъ, кто подчинялся ихъ скипетру, насколько это было совмѣстимо съ требованiями правительственной политики. Лишь съ теченiемъ времени, въ силу требованiй управленiя и администрацiи, мѣстныя учрежденiя отступали все болѣе на заднiй планъ и, наконецъ, совершенно исчезли.

Менѣе всего древнѣйшiе инки придерживались этой примирительной политики въ религiозной сферѣ. Они довольно безпощадно уничтожали туземныя формы поклоненiя богамъ у народовъ, которые раньше другихъ подпали подъ ихъ власть. Говорятъ, что еще Маита Капакъ однажды приказалъ подданнымъ сосѣднихъ мѣстностей доставить въ Куско всѣ ихъ каменныя изображенiя боговъ, будто бы для того, чтобы устроить общiя

для всѣхъ пышныя празднества. Но когда каменные идолы были собраны вмѣстѣ, онъ велѣлъ разбить ихъ и задѣлать въ стѣну храма солнца, чтобы наглядно показать народамъ безсиліе боговъ, которымъ они молились. Но и въ этой области послѣдующія поколѣнія инковъ стали держаться несравненно болѣе разумной тактики, въ чемъ играла немалую роль политическая необходимость (ср. *ниже*, стр. 328 и слѣд.).

Часто походы инковъ, не смотря на большія военныя силы, оканчивались безъ всякаго кровопролитія. Тѣмъ не менѣе, они всегда были готовы сломить даже самое упорное сопротивленіе. Вслѣдствіе многочисленности войскъ и трудности путей сообщенія на всемъ пространствѣ своего владычества, инки подвигались впередъ очень медленно. Особенно впослѣдствіи, когда царство ихъ приняло обширные размѣры, случалось далеко нерѣдко, что походъ продолжался по два, по три года и дольше. Войско не только было обучено военному дѣлу, но умѣло и прокормить себя. Въ покоренныхъ странахъ приходилось иногда устраивать большіе вооруженные лагери и силою оружія подавлять возстанія; случалось также, что походъ, предпринятый съ цѣлью нападенія, затягивался на долгое время. Во всѣхъ такихъ случаяхъ, воины, оставаясь вооруженными, принимались за воздѣлываніе земли. Впрочемъ, къ этой крайности, вѣроятно, приходилось прибѣгать только въ исключительныхъ случаяхъ, такъ какъ продовольственная часть, обозы и смѣна частей были такіе же образцовые, какъ и военная организація войскъ. Обязательная работа, которая была всюду введена въ царствѣ инковъ (см. *ниже*, стр. 334 и слѣд.), давала возможность правителямъ накоплять въ мирныя времена значительные запасы съѣстныхъ припасовъ, одежды и другихъ предметовъ необходимости. Во всѣхъ провинціяхъ имѣлись большіе магазины для храненія ихъ, и въ военное время или на случай голода и болѣзней эти амбары открывались. Подобныя учрежденія, въ связи съ блескомъ, которымъ умѣли окружить себя инки, дѣлали часто излишнимъ оружіе въ борьбѣ съ менѣе культурными племенами, населявшими горныя долины и негостепріимное побережье: чувство собственнаго безсилія у этихъ племенъ было лучшимъ союзникомъ инковъ.

Инки не отказывались отъ своей примирительной политики даже въ тѣхъ случаяхъ, когда на требованіе добровольнаго подчиненія получали отказъ. Правда, за этимъ слѣдовало съ ихъ стороны вооруженное нападеніе, которое, въ виду превосходства ихъ военной организаціи и вооруженія, было почти всегда равносильно побѣдѣ. Но вслѣдъ за тѣмъ послы инковъ вновь являлись съ мирными предложеніями. И даже въ этомъ случаѣ туземные правители сохраняли свое положеніе, если только они не продолжали сопротивленія до крайности. Едва ли среди государствъ, съ которыми инки сталкивались въ своихъ завоевательныхъ походахъ, существовало хотя бы одно, настолько сплоченное, чтобы рѣшиться на сопротивленіе до полнаго уничтоженія. Правда, находились правители, которые считали себя равными инкамъ и не желали купить сохраненіе своей власти цѣною признанія верховныхъ правъ инковъ, но имъ приходилось чувствовать на себѣ всю силу гнѣва послѣднихъ. Въ подобныхъ случаяхъ добровольными союзниками инковъ являлись вассалы ихъ противниковъ, находившіеся въ слабой зависимости, и соблазнявшіеся заманчивыми предложеніями инковъ. Но инки умѣли быть и безпощадными: слѣды этого сохранялись на территоріи Перу еще въ эпоху испанскаго завоеванія. Они не колебались въ подобныхъ случаяхъ приводить въ движеніе громадныя силы и разрушали до основанія даже такія твердыни, какъ Мохеке, гигантскія глыбы которой до сихъ поръ еще образуютъ огромное поле развалинъ, или храмы, какъ, напр., Чавинъ де Гуантаръ, пользовавшіеся почитаніемъ на большомъ пространствѣ. Этимъ они желали лишить врага точки опоры на случай будущихъ войнъ или произвести на него впечатлѣніе быстрымъ разрушеніемъ того, что̀ создано было безконечными усиліями. Тамъ,

гдѣ цѣлый народъ повторно возставалъ съ оружіемъ въ рукахъ противъ мягкаго владычества инковъ, они поступали еще рѣшительнѣе: во вновь завоеванныхъ областяхъ ставились многочисленные гарнизоны, которые постоянно находились на полувоенной ногѣ и, кромѣ того, молодое поколѣніе, способное носить оружіе и составлявшее наиболѣе воспламеняющійся элементъ, отправлялось въ самыя отдаленныя провинціи и поселялось тамъ среди племенъ испытанной преданности.

Эта картина воинственной политики инковъ можетъ быть отнесена къ эпохѣ правленія Капака Юпанки лишь съ извѣстными ограниченіями. Войска его были еще не настолько многочисленны и разстоянія, на которыя онъ предпринималъ походы, не такъ велики, чтобы можно было предъявлять особыя требованія къ организаціи военнаго дѣла. Преемникъ его, инка Рока, быть можетъ, не менѣе сдѣлалъ для будучаго величія царства Куско, чѣмъ Капакъ Юпанки, но совершенно въ другомъ направленіи. Правда, онъ, какъ и преемникъ его, Яуаръ Гуакакъ, предпринималъ иногда военные походы за предѣлы царства; но все-таки оба они не были воинственными монархами. Съ другой стороны, инка Рока, какъ думаютъ, положилъ первое основаніе расширенію и украшенію столицы Куско. Все сдѣланное тамъ въ его правленіе не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что уже въ то время инки въ состояніи были сосредоточивать силы своихъ подданныхъ для осуществленія грандіозныхъ задачъ. Ему и койѣ его (такъ называли законную супругу королей инковъ) приписываютъ сооруженіе древнѣйшихъ большихъ водопроводовъ, которые издалека доставляли чистую и всегда свѣжую ключевую воду въ столицу, принявшую большіе размѣры и успѣвшую развить въ себѣ утонченныя потребности. Эти водопроводы не слѣдуетъ смѣшивать съ другими сооруженіями, служившими для накопленія воды и для орошенія почвы на большомъ пространствѣ царства инковъ: этого требовали, съ одной стороны, своеобразныя климатическія условія, а съ другой, интенсивное хозяйство, необходимость котораго вызывалась густотою населенія. Инки и въ этой области доказали дальновидность и заботливость своей политики сооруженіемъ по истинѣ изумительныхъ построекъ. Не они, однако, первые изобрѣли искусство распредѣленія воды: его знали и примѣняли на обширномъ пространствѣ почти всѣ народности, покорившіяся инкамъ, еще до присоединенія своего къ царству инковъ. Вообще легенда о томъ, что Манко Капакъ открылъ и научилъ найденнымъ въ царствѣ инковъ способамъ обработки земли, неосновательна.

Но самымъ выдающимся памятникомъ, которымъ обезсмертилъ себя инка Рока, былъ дворецъ, который онъ началъ строить въ своей столицѣ. Правда, строительное искусство достигло значительнаго совершенства еще до инковъ и независимо отъ нихъ, и они, во всякомъ случаѣ, не заслуживаютъ похвалы, будто они довели это искусство до высшаго расцвѣта. Въ сравненіи съ техникою, которую раскрываютъ намъ величественныя сооруженія на развалинахъ Тіауанако, искусство инкскихъ строителей въ Куско представляетъ даже несомнѣнный шагъ назадъ. Если признать Тіауанако продуктомъ строительнаго искусства, которое работало при помощи гигантскихъ глыбъ, какъ это свойственно циклопическимъ постройкамъ во всѣхъ частяхъ свѣта, то, во всякомъ случаѣ, здѣсь это искусство доведено было до совершенства: мѣра и модель каждой отдѣльной части были разсчитаны заранѣе. Напротивъ, дворецъ, построенный инкою Рока, долженъ быть отнесенъ къ циклопическимъ постройкамъ обыкновеннаго типа. Глыбы лишь на столько велики, чтобы можно было осилить ихъ при помощи ограниченныхъ техническихъ средствъ, и обтесаны въ самыя причудливыя формы, смотря по мѣсту, которое они занимаютъ въ постройкѣ. Такъ, одинъ особенно замѣчательный камень имѣетъ не менѣе 12 угловъ. Однако, несмотря на то, что наружная сторона этихъ камней, большею частью, лишь очень поверхностно сглажена, и форма ихъ совершенно неправильна, они такъ

хорошо скрѣплены, что даже теперь еще невозможно ввести въ спайки между ними клинокъ ножа, хотя тогда не употребляли ни цемента, ни другого связующаго средства. Одинъ изъ позднѣйшихъ инковъ велѣлъ еще разъ снести большую часть города Куско для того, чтобы вновь перестроить городъ по одному плану. Тѣмъ не менѣе, множество зданій не вошло въ эту программу уничтоженія, что́ доказываютъ обширныя сооруженія изъ неправильныхъ многоугольныхъ глыбъ, которыя сохранились до настоящаго времени и рѣзко отличаются отъ строительнаго искусства позднѣйшихъ инковъ. Самый значительный памятникъ этого стиля представляетъ дворецъ инки Рока, который находился въ улицѣ Куско, называемой calle del triunfo; стѣна его, искусно составленная изъ многоугольныхъ кусковъ, являлась желаннымъ фундаментомъ для сооруженій позднѣйшихъ временъ.

Въ болѣе поздніе эпохи архитектурное искусство перуанскихъ инковъ значительно усовершенствовалось. Пристрастіе къ большимъ сооруженіямъ всегда оставалось ихъ особенностью, и притомъ въ такой степени, что даже тамъ, гдѣ природа отказывала имъ въ твердыхъ каменныхъ породахъ, служившихъ обыкновеннымъ строительнымъ матеріаломъ, и они вынуждены были, по примѣру подвластныхъ народовъ, пользоваться для построекъ кирпичами, отдѣльные камни въ ихъ постройкахъ все-таки отличаются необычайно большими размѣрами. Впрочемъ, въ эпоху наивысшаго расцвѣта царства инковъ при постройкахъ храмовъ и дворцовъ исключительно употреблялись четырехугольные камни, чрезвычайно тщательно обтесанные. При этомъ всѣ они были одинаковой величины и такъ тщательно пригнаны другъ къ другу, что въ нѣкоторомъ разстояніи вся стѣна зданія казалась сдѣланною какъ бы изъ одного куска, а вблизи они производили впечатлѣніе равномѣрныхъ полосъ вдоль фасада. Несмотря на эту замѣчательную технику, постройки перуанскихъ инковъ никогда не были красивыми. Длинныя, массивныя, громадныя стѣны ихъ почти всегда были лишены расчлененія. И такъ какъ инки не въ состояніи были дѣлать сводчатыхъ крышъ, хотя бы въ первобытномъ стилѣ центральныхъ американцевъ, то зданія ихъ, необычайно растянутыя въ длину въ сравненіи съ вышиною, производили подавляющее впечатлѣніе.

При этомъ въ царствѣ Тауантинсуйю почти совершенно отсутствовала скульптура. На сооруженіяхъ инковъ мы лишь въ очень рѣдкихъ случаяхъ встрѣчаемъ какое либо скульптурное украшеніе. Немногія ворота, украшенныя львиными головами, представляютъ, быть можетъ, только остатки зданій, разрушенныхъ инками, послужившихъ имъ матеріаломъ для новыхъ построекъ. Религія инковъ отвергала всякія скульптурныя изображенія и вела, особенно въ болѣе древнюю эпоху, безпощадную истребительную борьбу противъ идоловъ подвластныхъ племенъ. Вслѣдствіе того выработалось отрицательное отношеніе къ воспроизведенію живыхъ существъ на камнѣ вообще. Между тѣмъ, какъ постройки инковъ обнаруживаютъ поразительную технику въ обработкѣ самыхъ твердыхъ каменныхъ породъ, а гончарныя работы ихъ также доказываютъ, что они замѣчательно вѣрно воспроизводили живыя формы съ соблюденіемъ пропорцій, всѣ скульптурныя изображенія, найденныя на перуанской почвѣ, принадлежатъ не царству инковъ, а болѣе древнимъ эпохамъ. Сами инки позаботились о томъ, чтобы легко было отличить произведенія ихъ искусства отъ работъ ихъ предшественниковъ и потомковъ. Большею частью, достаточно бываетъ изслѣдовать каменную работу, чтобы рѣшить, относится ли она къ эпохѣ инковъ или нѣтъ: ни до, ни послѣ нихъ отдѣльныя части не соединялись съ такою тщательностью, которую можно объяснить не иначе, какъ шлифовкой.

Постройки инковъ имѣютъ еще одинъ характеристическій признакъ: — трапецоидальную форму всѣхъ отверстій. Правда, окна встрѣчаются въ ихъ постройкахъ лишь въ видѣ исключенія и немногочисленны,

что еще болѣе увеличиваетъ мрачное, гнетущее впечатлѣніе. Но во внутреннихъ стѣнахъ всѣхъ этихъ зданій довольно часто находятся ниши, которыя, вѣроятно, замѣняли шкафы. Эти ниши, также, какъ и двери, черезъ которыя проходилъ свѣтъ и воздухъ въ помѣщенія, почти всегда сгруппированныя длинными рядами вокругъ открытаго двора, представляютъ ту особенность, что боковые косяки наклонены другъ къ другу такъ, что верхняя поперечина всегда нѣсколько короче нижней. Эта особенность сохраняется во всѣхъ постройкахъ инковъ, не смотря на перемѣну матеріала и окружающей обстановки. отъ озера Титикаки до Кито и отъ Куско до побережья Тихаго океана; поэтому она представляетъ легко уловимый отличительный признакъ. Но особенно некрасива и непріятно поражаетъ крыша въ постройкахъ инковъ. Камнемъ они не могли пользоваться для этой цѣли; точно также скудная вообще древесная растительность давала недостаточный матеріалъ для солидныхъ деревянныхъ построекъ. Поэтому даже въ самыхъ монументальныхъ постройкахъ крыши дѣлались изъ камыша и соломы, которая держалась на сравнительно тонкихъ деревянныхъ балкахъ. Наружными украшеніями зданій служили исключительно плиты и искусно сформованные кусочки благороднаго металла; но, конечно, подобныя украшенія встрѣчаются почти только на храмахъ и развѣ еще на дворцахъ. Въ рукахъ простого человѣка золото и серебро не имѣли цѣны и употреблялись почти лишь для подношенія даровъ богамъ и почти равнымъ имъ по положенію королямъ.

Инкѣ Рока приписываютъ, далѣе, основаніе первыхъ школъ въ царствѣ. Перуанцы имѣли особое сословіе ученыхъ, амаутовъ; но они представляли лишь подраздѣленіе касты инковъ. Инки были очень далеки отъ того, чтобы желать распространенія образованія во всѣхъ народныхъ классахъ, и держались мнѣнія, что слишкомъ много знанія и умѣнія создаетъ лишь недовольство и самовозвеличеніе и для простого человѣка не пригодно. Поэтому проникнуть въ классъ амаутовъ было возможно лишь для людей инкской крови. Школы въ Куско были открыты, кромѣ молодыхъ людей инкскаго племени, только для дѣтей вассальныхъ князей, которымъ инки разрѣшали это, какъ особую милость: впрочемъ, эта милость имѣла и политическую цѣль — воспитать юныхъ княжескихъ сыновей въ духѣ идей, на которыхъ покоилась власть инковъ. Въ этихъ школахъ молодые люди получали основательное и цѣлесообразное воспитаніе, которое соединяло съ развитіемъ умственныхъ способностей упражненіе физическихъ силъ и, такимъ образомъ, удачно разрѣшало, сообразно съ тогдашними требованіями, трудную задачу гармоническаго развитія души и тѣла.

Существенный предметъ преподаванія составляли языки. Инки королевской фамиліи говорили между собою на особомъ языкѣ, и амауты обращали на знаніе его самое тщательное вниманіе. Но съ уничтоженіемъ расы инковъ, до и во время испанскаго завоеванія, этотъ языкъ настолько утратился, что уже при инкѣ Гарциласо не было ни одного человѣка, который говорилъ бы на немъ. Едва ли это былъ, однако, особый независимый языкъ, а скорѣе, вѣроятно, нарѣчіе аймаровъ, на которомъ говорили Манко Капакъ и племя, уничтоженіе котораго послужило поводомъ къ переселенію инковъ въ Куско. Со стороны инковъ было актомъ предусмотрительной государственной мудрости то, что они избрали органомъ своего царства не этотъ грубый и безсильный языкъ, а нарѣчіе Кечуа, весьма распространенное на сѣверѣ и на западѣ Куско и отличавшееся менѣе жесткими и легче заучиваемыми звуками и формами. Это нарѣчіе пустило столь глубокіе корни, въ эпоху инковъ, между всѣми племенами, подчиненными ихъ скипетру, что на немъ до сихъ поръ говорятъ почти на всемъ пространствѣ бывшаго царства Тауантинсуйю. Наоборотъ, отъ національныхъ языковъ подчиненныхъ племенъ сохранились лишь скудные остатки; нѣкоторые діалекты не оставили и этихъ слѣдовъ.

Высшая ученость оставалась, конечно, достояніемъ однихъ амаутовъ и пріобрѣталась не въ общихъ школахъ, а въ особыхъ ученыхъ учрежденіяхъ. Такъ, одни амауты были посвящены въ систему кипу — пестрыхъ шнуровъ, нанизанныхъ связками на поперечный шнуръ; узлы на нихъ служили единственнымъ средствомъ для укрѣпленія памяти. Можетъ быть, они и были пригодны для статистическихъ данныхъ, которыхъ требовала система управленія въ царствѣ инковъ; но видѣть въ нихъ замѣну настоящаго письма и дѣйствительное средство для обмѣна мыслей или для передачи формъ рѣчи, во всякомъ случаѣ, было бы не вѣрно. Въ ученыхъ школахъ амаутовъ ревностно культивировалось сохраненіе историческаго преданія. Полагаютъ, что амауты сохранили также, въ эпоху инковъ, эпическія и лирическія произведенія; но, вѣроятно, это достигалось исключительно путемъ устнаго распространенія, безъ помощи кипу, которые могли кое что сохранить, но никакъ не объяснить или перевести. Драма Оланта, которая считалась долгое время продуктомъ духовнаго развитія древнихъ индѣйцевъ, относится лишь къ XVII вѣку и, слѣдовательно, обязана своимъ происхожденіемъ испанскому вліянію; это установлено неоспоримо.

Наконецъ, амауты должны были хранить жреческую мудрость, съ которою, какъ всегда и особенно въ царствѣ солнечнаго культа, были тѣсно связаны астрономическія знанія. Календарная система инковъ была, повидимому, гораздо менѣе развита, чѣмъ у многихъ другихъ американскихъ народовъ. Быть можетъ, они были слишкомъ горды, чтобы заимствовать знанія другихъ народовъ, а собственная культура ихъ оказалась еще слишкомъ юною для изобрѣтенія самостоятельнаго календаря. Главный праздникъ, по которому велось счисленіе времени, Inti Raimi, исходилъ изъ непосредственнаго наблюденія надъ солнцемъ: это былъ день, въ который тѣнь гномона, называемаго Inti huatana, не представляла болѣе увеличенія сѣвернаго склоненія солнца, — слѣдовательно, праздникъ поворота солнца къ зимѣ, около 21 (9) іюня. Такимъ образомъ, исключалась разница между продолжительностью дѣйствительнаго и гражданскаго года. Повидимому, однако, перуанцы достигли этого результата не путемъ вычисленія. Почти всѣ праздники ихъ сообразуются съ фазами движенія солнца и луны. Имъ были еще извѣстны и считались священными утренняя и вечерняя звѣзда подъ названіемъ Часка, а также Плеяды; но только инка Пачакутекъ ввелъ подраздѣленіе года на 12 мѣсяцевъ.

Учрежденія, которыя приписываются инкѣ Рока, доказываютъ, что въ эпоху его правленія царство инковъ достигло уже высокаго матеріальнаго и интеллектуальнаго развитія. Но, какъ видно изъ послѣдующихъ событій, организація его была вообще непрочная и далеко не соотвѣтствовала представленіямъ, которыя возникаютъ при чтеніи источниковъ, описывающихъ устройство государства въ эпоху завоеванія. Дѣло внутренняго закрѣпленія и развитія государства инковъ принадлежало непосредственнымъ преемникамъ инки Рока. Правленіе Яуаръ Гуакака, инка Юпанки перуанскіе амауты считаютъ періодомъ несчастія; имя его означаетъ: „тотъ, кто плачетъ кровью.“ Исторія первыхъ шести правителей инковъ передается всѣми источниками болѣе или менѣе одинаково, лишь съ незначительными варіантами. Но по поводу королей между инкой Рока и инкой Юпанки Пачакутекомъ въ древнихъ преданіяхъ господствуетъ такая путаница, что нельзя установить ни числа, ни именъ, ни даже дѣяній, приписываемыхъ отдѣльнымъ королямъ. Вѣрно лишь то, что въ этомъ періодѣ не только государство инковъ, но и династія инковъ перенесли тяжелыя потрясенія и внутреннюю борьбу.

Опасности, возникшія для государства инковъ, были несомнѣнно слѣдствіемъ стремленія прочнѣе утвердить власть королей надъ сосѣдними народами, которые были до того времени скорѣе союзниками ихъ, не-

жели подчиненными. Шагъ въ этомъ направленіи сдѣлалъ Яуаръ Гуакакъ, который потребовалъ отъ племенъ горныхъ долинъ, привыкшихъ приносить инкамъ лишь добровольные подарки, дани и признанія его главенства. Это обстоятельство еще разъ поставило царство инковъ на край гибели. Чанки, воинственное племя, занимавшее обширную территорію на сѣверо-западѣ отъ Куско, между Андауайласомъ и Арекипою, двинулись, съ королемъ Усковилькою во главѣ, противъ Куско. Войско ихъ было настолько грозно, что Яуаръ Гуакакъ не осмѣлился ожидать врага въ открытомъ городѣ и бѣжалъ на югъ.

Въ этотъ моментъ къ опасностямъ, грозившимъ государству инковъ извнѣ, присоединились новыя, коренившіяся во внутреннихъ династическихъ отношеніяхъ. Изъ разсказовъ довольно ясно видно, что правильность престолонаслѣдія была еще разъ нарушена. Оффиціальное изложеніе, которое стремится скрыть всякое нарушеніе порядка въ государствѣ, изображаетъ дѣло такимъ образомъ, что законный наслѣдникъ трона своимъ юношескимъ высокомѣріемъ возбудилъ гнѣвъ своего отца; послѣдній грозилъ лишить его права на престолъ и возложилъ на него, въ видѣ покаянія, обязанность стеречь священныя стада въ горахъ. Тамъ однажды ему явился во снѣ одинъ изъ его предковъ, принцъ королевскаго рода, по имени Уиракоча и указалъ на опасность для государства вслѣдствіе возмущенія чанковъ. Тогда принцъ, вопреки запрещенію отца, поспѣшилъ въ городъ. Отецъ не повѣрилъ этому откровенію. Но когда онъ бѣжалъ отъ приближавшихся враговъ, королевскій сынъ сумѣлъ внушить растерявшимся гражданамъ столицы новое воодушевленіе и не только отразилъ нападеніе противниковъ на Куско, но, при помощи небесныхъ воиновъ, посланныхъ ему Уиракочей, одержалъ даже побѣду въ открытомъ полѣ и покорилъ непріятеля скипетру инковъ. Легенда еще долго останавливается на томъ, какъ побѣдоносный королевичъ, не смотря на настоянія благодарныхъ участниковъ побѣды, отказывался принять королевскій титулъ и покорно стремился умилостивить своего отца, пока, наконецъ, самъ король сложилъ съ себя королевское достоинство и призналъ себя первымъ вассаломъ своего сына.

Въ дѣйствительности, однако, дѣло происходило, вѣроятно, такимъ образомъ. Въ виду приближенія чанковъ, король инковъ и ближайшая свита его упали духомъ. Броженіе такъ широко охватило государство, что онъ не могъ полагаться на бóльшую часть своихъ подданныхъ. И такъ какъ городъ Куско съ его ближайшей окружностью не представлялъ надежнаго убѣжища, то инка, вмѣстѣ съ своими наиболѣе преданными приверженцами, рѣшилъ скрыться въ горы, захвативъ сокровища. Послѣ такого недостойнаго бѣгства правителя, снова подняли голову, среди предоставленныхъ самимъ себѣ гражданъ, приверженцы до-инкскаго правленія, почитатели древняго бога страны Уиракочи. Они и помимо чанковъ положили бы конецъ владычеству пришельцевъ, если бы въ самомъ народѣ не успѣла образоваться могущественная партія инковъ, благодаря многолѣтнему благодѣтельному правленію молодой династіи. При такихъ условіяхъ изъ среды колебавшихся выступилъ потомокъ рода инковъ, правда, не имѣвшій законнаго права на престолъ, мужъ инкской крови и обладавшій храбростью инковъ. Прежде всего нужно было устранить несогласіе, которое, вслѣдствіе бѣгства правителя, съ новою силою обнаружилось между потомками древнихъ обитателей и приверженцами инковъ. Для этой цѣли онъ придумалъ сказку о появленіи бога Уиракочи: богъ древняго народа будто бы избралъ его, инку, спасителемъ своего народа. Этимъ путемъ онъ пріобрѣлъ многочисленныхъ союзниковъ и среди сосѣднихъ племенъ возвышенности и при помощи ихъ одержалъ побѣду. Понятно, что избранникъ Уиракочи не имѣлъ ни малѣйшаго желанія повергнуть пальму побѣды, доставшуюся ему вмѣсто бѣжавшаго инки, къ ногамъ послѣд-

няго; но въ то же время онъ не дерзнулъ идти противъ обширной партіи тѣхъ, кто существенно способствовалъ его побѣдѣ и открыто злоупотребить властью короля инковъ. Такимъ образомъ, случилось, что правитель Куско, потерявшій уваженіе народа, благодаря своей трусости, но все-таки остававшійся единственнымъ законнымъ королемъ, пребывалъ въ теченіе многихъ лѣтъ вдали отъ столицы, а счастливый соперникъ его, держа фактически бразды правленія въ своихъ рукахъ, все еще не осмѣливался возложить на себя титулъ короля. Въ концѣ концовъ, они пришли къ компромиссу: состарившемуся королю было обезпечено мирное окончаніе жизни, а фактическій правитель получилъ желанный титулъ.

Инка, принявшій имя бога Уиракочи, былъ обязанъ спасеніемъ Куско и побѣдою надъ чанками содѣйствію своихъ южныхъ сосѣдей, канесовъ и канчей. Они шли, однако, подъ его знамена не въ силу вассальныхъ обязанностей, а по союзному договору, который давалъ имъ богатое вознагражденіе изъ военной добычи. Это еще разъ доказываетъ, что царство инковъ тогда было еще далеко отъ своего позднѣйшаго расцвѣта какъ въ отношеніи обширности, такъ и внутренней организаціи. Но въ правленіе Уиракочи, обладавшаго государственною мудростью, оно сдѣлало гигантскіе шаги впередъ. Прежде всего подчиненіе чанковъ доставило ему многочисленный классъ безусловно преданныхъ воиновъ, которыхъ онъ наградилъ почестями и имуществомъ. Но въ то же время среди мелкихъ правителей въ окружности Куско, находившихся въ слабой зависимости отъ государства инковъ, нашлись и такіе, которые не пожелали оказывать новому правителю повиновенія, вынужденнаго по отношенію къ его предшественникамъ на тронѣ. Уиракоча вышелъ изъ этого затрудненія съ замѣчательною ловкостью такимъ образомъ, что придалъ недостаточно твердымъ отношеніямъ правителей Куско къ ихъ непосредственнымъ сосѣдямъ характеръ настоящаго суверенитета. Такъ какъ приверженцы стараго инки не имѣли мужества противиться открыто, а отдѣльные правители не могли сговориться для общаго дѣйствія, то они одинъ за другимъ сдѣлались вассалами короля. Когда канесы и канчи отказались уплатить дань и этимъ признать верховную власть инковъ, на нихъ пошли войною, и, несмотря на храброе сопротивленіе, они были побѣждены. Послѣ этого, однако, они сдѣлались самыми вѣрными и испытанными подданными инковъ: на нихъ возлагалась почетная служба поставлять носильщиковъ для королевскихъ носилокъ, такъ какъ инка, подобно правителямъ чибчасовъ и китусовъ, совершалъ свои путешествія не иначе, какъ на носилкахъ.

Въ теченіе своего долгаго послѣдующаго правленія инка Уиракоча успѣшно обращалъ свое оружіе противъ враждебныхъ странъ въ различныхъ направленіяхъ; но своими побѣдами онъ всегда былъ обязанъ столько же мудрости своей политики, сколько храбрости сваихъ войскъ. Онъ доказалъ это въ особенности своимъ вмѣшательствомъ въ расприколласовъ. На западномъ и южномъ берегу озера Титикаки боролись за первенство два правителя, Кари изъ Чукуито и Сапана изъ Гатунъ-Колла; оба они были недостаточно осторожны и обратились къ помощи Уиракочи. Онъ воспользовался этимъ поводомъ и, первый изъ рода инковъ, проникъ до священнаго острова Титикаки и до развалинъ Тіауанако. Онъ сталъ на сторону болѣе слабаго и отдаленнаго Кари, который охотно вступилъ въ вассальныя отношенія къ инкѣ, чтобы отразить болѣе сильнаго противника. Этимъ умнымъ маневромъ Уиракоча подготовилъ поглощеніе обоихъ государствъ царствомъ инковъ. Внукъ его, Тупакъ Юпанки, воспользовавшись вспыхнувшимъ тамъ возмущеніемъ, завершилъ его дѣло.

Важнымъ обстоятельствомъ, обезпечивавшимъ новому инкѣ быстрые и блестящіе успѣхи, была измѣненная имъ религіозная политика. Солнечный культъ, который инки возвысили до степени династической и

государственной религіи, едва ли могъ внушать симпатіи народамъ возвышенности. То была смѣсь поклоненія силамъ природы и культа предковъ, который былъ такъ тѣсно связанъ съ фамиліей инковъ, что подданные другого происхожденія имѣли скорѣе поводъ къ уклоненію отъ этого культа, чѣмъ къ признанію его. Для обитателей суровой, голой возвышенности солнце, съ его благодѣтельнымъ, согрѣвающимъ и оплодотворяющимъ дѣйствіемъ, являлось, во всякомъ случаѣ, добрымъ божествомъ въ самомъ высокомъ смыслѣ, а Уиракоча, въ томъ видѣ, какъ первоначально поклонялись ему кечуасы и другіе сосѣдніе народы, происходилъ, по ихъ мнѣнію, отъ бога солнца. Инки, хотя и представляли себѣ бога солнца, Инти, въ человѣческомъ образѣ, какъ своего родоначальника, тѣмъ не менѣе, изгнали изъ своего культа всякія антропоморфическія формы. Въ особенно торжественныхъ случаяхъ поклонялись непосредственно самому свѣтилу, а вообще символомъ его служилъ лучезарный золотой дискъ. Но пластическому изображенію не только собственнаго, но и всѣхъ прочихъ боговъ инки всегда противились. Въ походахъ противъ враждебныхъ народностей они считали уничтоженіе храмовъ и изображеній боговъ существенной задачею. Народы, которые не охотно преклонились передъ игомъ инковъ, не чувствовали себя ближе къ культу послѣднихъ оттого, что они въ храмѣ Куско превратили залъ бога солнца въ залъ предковъ: вдоль стѣнъ были сгруппированы набальзамированныя муміи усопшихъ правителей, плеяда сыновъ солнца вокругъ своего отца, бога солнца. Несомнѣнно, этотъ культъ создалъ лишь преграду между инками и ихъ подданными. Рѣшеніе новаго инки признать почитаніе Уиракочи, имя котораго онъ присвоилъ себѣ лично, являлось, такимъ образомъ, желательнымъ поворотомъ въ области религіозной политики. Но тотъ же инка, который былъ слишкомъ просвѣщенъ, чтобы найти удовлетвореніе своего религіознаго чувства даже въ культѣ солнца, не могъ, конечно, вернуться къ первобытному идолопоклонству, которому было равносильно почитаніе древняго бога возвышенности. Богъ, котораго почитали амауты и инки подъ именемъ Уиракочи, выше бога солнца, Инти, какъ высшаго властителя и творца всѣхъ вещей, какъ первоначальный источникъ всякой жизни, — этотъ богъ не могъ быть идоломъ, сдѣланнымъ изъ камня. Онъ не могъ быть изображаемъ въ вещественной формѣ, такъ какъ самъ былъ не матеріаленъ и, въ качествѣ мощной силы, проникалъ и приводилъ въ дѣйствіе всѣ частицы вселенной.

Преданіе говоритъ, что во время одного изъ актовъ религіознаго церемоніала, когда король привѣтствуетъ восходящее свѣтило дня, инка Уиракоча будто бы предложилъ собравшимся вокругъ него жрецамъ и амаутамъ вопросъ: возможно ли, чтобы Инти былъ высшимъ богомъ и властителемъ надъ всѣми существами и вещами, какъ скоро онъ самъ, въ своей, вѣчно одинаковой, правильной и утомительной дѣятельности, совершаетъ кругооборотъ вокругъ земли. Если бы онъ былъ свободенъ и могучъ, то неужели у него не явилась бы когда либо охота отдохнуть или измѣнить путь, который онъ привыкъ дѣлать изо дня въ день и который долженъ былъ ему смертельно надоѣсть? Подобныя проявленія разумнаго скептицизма и эклектизма замѣчались, какъ разсказываютъ, и у преемниковъ его. Они, по всей вѣроятности, и послужили поводомъ къ введенію того, что инки считали своимъ культомъ Уиракочи. Для народа они не только воздвигли въ Качѣ знаменитый храмъ Уиракочи, развалины котораго, непохожія ни на архитектурный стиль инковъ, ни на стиль всѣхъ прочихъ перуанскихъ народовъ, сохранились до сихъ поръ какъ неразгаданный сфинксъ, но, кромѣ того, устроили въ Куско и другихъ мѣстахъ, въ честь этого божества, алтари, передъ которыми ставилось его изображеніе въ обычной формѣ старца въ длинномъ одѣяніи. Другіе народные культы, которые раньше подвергались преслѣдованію, также отпраздновали теперь свое возста-

новленіе. Въ одной изъ версій легенды относительно побѣды надъ чанками, согласно которой она была одержана при содѣйствіи пурурауковъ, каменныхъ статуй-воиновъ, оживавшихъ по зову инковъ и бросавшихся въ ряды враговъ, отражается, во всякомъ случаѣ, воспоминаніе о возстановленіи каменнаго культа. Въ отношеніи одного изъ послѣдующихъ инковъ это доказывается еще болѣе убѣдительно: послѣ посѣщенія Тіауанако онъ повелѣлъ воздвигнуть аналогичные памятники вблизи Куско. Въ связь съ этимъ приказаніемъ приводились найденныя въ Монте Родадеро, близъ Куско, своеобразныя ступеньки, площадки и сидѣнья, высѣченныя въ естественныхъ скалахъ. Впослѣдствіи инки признали и другіе культы подвластныхъ народностей и перенесли ихъ въ Куско, какъ, напр., культъ Пачакамака, главнаго божества народовъ, жившихъ на побережьи Тихаго океана. Въ эпоху испанскаго завоеванія Куско представлялъ сборное мѣсто не только для князей и намѣстниковъ, но и для боговъ и жрецовъ всѣхъ племенъ, принадлежавшихъ къ царству инковъ. Это былъ настоящій арсеналъ идоловъ самыхъ различныхъ формъ и значеній.

Инкѣ Уиракочѣ суждено было имѣть своимъ преемникомъ на тронѣ правителя, который сумѣлъ продолжать и развивать начатое имъ въ его духѣ. Съ внѣшней стороны правленіе инки Юпанки, съ прозвищемъ Пачакутека, представляло почти сплошное тріумфальное шествіе. На востокѣ онъ расширилъ границы своего царства до того мѣста, гдѣ горные потоки умѣряютъ свое бурное теченіе въ безконечныхъ льяносахъ. На югѣ онъ неоднократно одерживалъ побѣды надъ королемъ Гатунъ-Колла и сдѣлалъ своимъ вассаломъ короля Чукуито. Къ сѣверу онъ расширилъ свое царство до Кахамарки и Кончукоса. И такъ какъ на западѣ отецъ ничего не оставилъ ему для завоеванія въ области горныхъ долинъ, то онъ спустился къ берегамъ Тихаго океана, за долину Римака, и подчинилъ все побережье скипетру инковъ. Эти походы, которыми онъ руководилъ лично или поручалъ ихъ своему брату, а впослѣдствіи наслѣднику, часто длились годами. Подъ его управленіемъ военная организація достигла описаннаго выше (стр. 322) совершенства. Особыхъ мѣропріятій требовала война на морскомъ побережьи. Первыя попытки проникнуть туда стоили инкѣ необычайно большихъ потерь. Его воины-горцы не могли переносить жаркаго климата побережья, и лихорадки явились грознымъ врагомъ, противъ котораго они въ началѣ оказались безсильными. Но когда онъ сталъ смѣнять войска, сражавшіяся въ береговой области, черезъ короткіе промежутки свѣжими силами, отправляя ихъ для отдыха въ горы, то ему удалось стать твердою ногою вплоть до самаго моря. Разъ достигнувъ его, онъ нашелъ въ самихъ береговыхъ племенахъ привычныхъ къ климату наемныхъ воиновъ. Обычай выступать противъ врага сильно вооруженнымъ и затѣмъ строить ему золотые мосты къ отступленію, былъ и его обычаемъ. Въ горахъ, какъ и на морскомъ берегу, многочисленные племена и правители преклонились передъ его необычайнымъ могуществомъ, и ему не пришлось даже дать имъ почувствовать силу своего меча. Къ тѣмъ, которые покорились добровольно, принадлежало и жреческое государство Пачакамакъ въ долинѣ Лурина. Времена, когда инки являлись разрушителями храмовъ, отошли въ область дальняго прошлаго. Пачакутекъ лично поклонился богу, который пользовался такимъ же всеобщимъ почитаніемъ на побережьи, какъ Уиракоча въ горахъ, и оставилъ неприкосновеннымъ храмъ со всѣми его сокровищами; онъ и самъ прибавилъ къ нимъ нѣсколько цѣнныхъ даровъ. Онъ лишь поставилъ побѣжденнымъ условіе, чтобы на вершинѣ, которая возвышалась надъ городомъ и храмомъ Пачакамака, былъ воздвигнутъ новый, большой и роскошный храмъ его богу Инти, солнцу, подобно тому, какъ онъ приказалъ построить храмъ для Пачакамака въ Куско.

Власть инковъ въ обширныхъ, недавно покоренныхъ областяхъ, еще

не настолько окрѣпла, чтобы Пачакутеку не приходилось иногда тамъ и сямъ подавлять возстанія. Чанки весьма неохотно переносили иго инковъ. Ни постоянные гарнизоны въ ихъ странѣ, ни повторное ослабленіе ихъ силъ, путемъ отправки колонистовъ въ болѣе спокойныя части царства, не въ состояніи были сломить ихъ мужества и умиротворить ихъ. Когда они убѣдились въ своемъ безсиліи, они приняли рѣшеніе скорѣе отказаться отъ старой родины, чѣмъ отъ независимости. Они поднялись массами и двинулись на сѣверо-востокъ, гдѣ основали въ Чачапойасѣ колонію, которая только при послѣднемъ инкѣ снова соединилась съ царствомъ. Пачакутеку приходилось выдерживать еще другого рода столкновенія внутри государства, но они уже не представляли серьезной опасности. Среди мужей инкскаго происхожденія все еще было не мало такихъ, которые сознавали — цѣною какого нарушенія законности обязана была трономъ Куско династія, изъ которой происходилъ Пачакутекъ. Въ тиши образовался широко вѣтвившійся заговоръ, съ цѣлью устранить инку Пачакутека и вмѣсто него посадить на тронъ потомка древней королевской фамиліи, инку Урко. Пачакутекъ узналъ, однако, своевременно объ этихъ измѣнническихъ интригахъ и прежде, чѣмъ кто либо изъ заговорщиковъ догадался объ открытіи интриги, инка Урко исчезъ изъ королевскаго дворца, чтобы никогда болѣе не возвращаться.

Побѣдоносные походы Пачакутека доставили ему огромную славу въ направленіи всѣхъ четырехъ странъ свѣта, и онъ съ заслуженною гордостью могъ назвать свое царство Тауантинсуйю, т. е. четыре страны свѣта. Но еще болѣе великій памятникъ онъ воздвигъ себѣ внутренней организаціей государства инковъ. Эта организація далеко превосходила все, что создано было въ этомъ направленіи на американской почвѣ. Разсматривая Перу инковъ, какъ соціалистическое государство, этимъ доказываютъ полное непониманіе фактическихъ отношеній. Правленіе въ царствѣ инковъ было теократически-абсолютическое; во главѣ его стоялъ инка, сынъ бога солнца и верховный жрецъ его, совмѣщавшій въ одномъ лицѣ свѣтскую и духовную власть. Онъ былъ неограниченнымъ властелиномъ надъ тѣломъ и жизнью, надъ имуществомъ и кровью своихъ подданныхъ. Единственнымъ закономъ для него были его собственная воля и обычай, и даже этотъ послѣдній онъ могъ измѣнять по желанію. Отсюда слѣдуетъ, что одинъ лишь инка обладалъ настоящей собственностью; ему принадлежало все обширное царство и все, что въ немъ жило и трудилось. Всѣмъ остальнымъ принадлежало лишь право пользованія землею. Звучитъ нѣсколько жестко, когда источники говорятъ, что треть земли служила на пользу государя, другая треть принадлежала культу солнца и только одна треть — народу. Въ дѣйствительности, однако, инка и солнце представляли нынѣшнюю казну, и значительная часть народа жила на ихъ счетъ. Кромѣ того, народу предоставлена была часть земли по близости деревень и мѣстечекъ. И такъ какъ первоначально они строились только на землѣ, годной для обработки, то отсюда слѣдуетъ, что лучшая часть почвы принадлежала народу. Далѣе, къ землѣ солнца и инковъ относились обширныя поверхности пунъ, высокихъ горныхъ хребтовъ, на которыхъ обработкѣ земли мѣшала низкая температура. Здѣсь паслись большія стада ламъ, которыя также принадлежали инкѣ или солнцу: простому человѣку воспрещалось обладать подобными животными.

Лама — единственное крупное домашнее животное, которымъ располагали туземцы. Правда, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приручались и разводились различные виды домашней птицы, а также мелкія породы собакъ; но онѣ служили только для питанія человѣка и до нѣкоторой степени замѣняли дичь, все болѣе исчезавшую. Одна лишь лама играла у древнихъ американцевъ роль домашняго животнаго въ высшемъ смыслѣ слова, и человѣкъ пользовался ею и при ея жизни. Въ болѣе раннія

эпохи она никогда не служила ни для верховой ѣзды, ни вообще для ѣзды. Но ею широко пользовались, какъ вьючнымъ животнымъ, перуанцы возвышенности (климата побережья лама не выносила и поэтому не встрѣчается тамъ даже въ эпоху инковъ). Не менѣе цѣнилось это животное, благодаря его шерсти. Шерсть ламы можно стричь, какъ у овцы, отъ времени до времени, при жизни, такъ какъ она вскорѣ замѣняется новою. Въ царствѣ инковъ эта шерсть перерабатывалась почти въ фабричныхъ размѣрахъ. Какъ и самое животное, она составляла исключительное достоянiе инковъ, т. е. государства. Стрижка производилась слугами его. Затѣмъ чиновники должны были распредѣлять между жителями сырую шерсть, сообразуясь съ рабочими силами и потребностями народа; жители перерабатывали ее въ готовыя ткани не только для собственной одежды, но и для погашенiя государственныхъ податей. Фабричное тканье шерсти производилось въ домахъ дѣвъ солнца, акласахъ: это былъ родъ монастырей, гдѣ часто сотни дѣвушекъ занимались, главнымъ образомъ, пряденiемъ и тканьемъ. Здѣсь перерабатывалась во всей своей совокупности болѣе тонкая шерсть вигони, дикой разновидности ламы, которую ловили, посредствомъ большихъ облавъ, на время, исключительно для стрижки. Эти тонкiя ткани предназначались не для простолюдиновъ; инки одѣвались почти исключительно въ нихъ. Для королевской фамилiи и въ особенности для правящаго инки дѣвы солнца должны были изготовлять большiе запасы тончайшихъ матерiй, такъ какъ обычай требовалъ отъ короля, чтобы онъ постоянно одѣвался въ безупречно чистыя, новыя одежды. Въ провинцiяхъ акласы, безъ сомнѣнiя, перерабатывали и болѣе грубые сорта шерсти ламы, которыми наполнялись королевскiе магазины, хранившiе, особенно на случай войны, большiе запасы шерстяной одежды для войска. Наконецъ, лама играла большую роль для поддержанiя жизни: охота не отличалась разнообразiемъ и изобилiемъ и поэтому не имѣла значенiя для народнаго питанiя. Правда, бо̀льшая часть жителей держала и разводила птицу въ домахъ и вблизи ихъ; но затѣмъ оставалось только мясо ламъ, и извѣстное число ихъ ежедневно убивалось къ столу инковъ. Но стада были такъ многочисленны и такъ сильно размножались, что отъ времени до времени ламы убивались большими массами и распредѣлялись въ народѣ, причемъ самъ правитель кормилъ его. Лама обособилась, какъ вполнѣ стойкая разновидность, отъ своихъ дикихъ предковъ и родичей, гуанако и вигони, на что потребовался, конечно, огромный перiодъ времени. Отсюда слѣдуетъ, что прирученiе этого животнаго совершилось задолго до владычества инковъ. Но если этому культурному завоеванiю начало положено и не ими, то все-таки они первые систематически занялись разведенiемъ и утилизированiемъ ламы.

Во время одного изъ своихъ первыхъ завоевательныхъ походовъ инка Пачакутекъ покорилъ также мѣстность Уилькабамбы и нашелъ здѣсь золотые рудники, которые обрабатывались туземцами. Хотя горное дѣло ограничивалось исключительно надземными работами, и первобытные способы разработки давали возможность эксплуатировать лишь самыя богатыя руды, тѣмъ не менѣе, изумительные запасы золота и серебра, найденные испанцами въ царствѣ инковъ, показываютъ, что эта работа была не убыточна. Народъ былъ обязанъ работать для инковъ и въ рудникахъ. Но работа, которая отъ него требовалась, была не особенно тяжела; ему всегда оставлялось достаточно времени для удовлетворенiя своихъ личныхъ потребностей. Но горнорабочiй имѣлъ такъ же мало права на благородные металлы, которые онъ добывалъ, какъ не могъ считать своей собственностью ни хлѣбъ, воздѣлываемый на землѣ инковъ, ни шерсть ламы. Золото и серебро, составляющiя нынѣ мѣрила цѣнности во всемъ цивилизованномъ мiрѣ, не представляли собою въ государствѣ инковъ, даже отдаленнымъ образомъ, богатства и силы; они являлись лишь празднымъ укра-

шеніемъ, лишеннымъ цѣны въ рукахъ отдѣльныхъ личностей и предназначеннымъ, въ дѣйствительности, для боговъ и королей.

Въ государствѣ, которое не имѣло денегъ и почти не знало собственности, отдѣльный гражданинъ не обладалъ ничѣмъ, что могло бы быть предметомъ налога. И самъ онъ былъ только собственностью, рабомъ государства, которому служилъ, слѣдовательно, частью своей рабочей силы. Въ болѣе крупныхъ поселеніяхъ значительная часть жителей уплачивала свою подать въ формѣ различнѣйшихъ ремеслъ, которыя отчасти развились до замѣтнаго совершенства. Шерстяныя и хлопчатобумажныя ткани древняго Перу, хотя и изготовлялись при помощи весьма первобытныхъ орудій, но все-таки отличались высокою степенью тонкости и прочности. Употребляя пряжу различныхъ цвѣтовъ, ткачи умѣли создавать сложные и искусные узоры. Еще болѣе поражаютъ перуанскія гончарныя работы разнообразіемъ и почти всегда изяществомъ формъ, богатствомъ и стилемъ цвѣтныхъ украшеній (см. рис. 4—6 и 8 табл. „Южноамериканскія древности"). Въ гончарныхъ работахъ почти исключительно проявилось пластическое искусство ихъ. До насъ дошли почти изъ всѣхъ провинцій царства инковъ сосуды въ видѣ фигуръ въ реалистическихъ, но иногда и въ очень фантастическихъ формахъ (см. рис. 9 и 10 той же таблицы).

Поселянинъ отбывалъ барщину тѣмъ, что стерегъ стада ламъ или обрабатывалъ землю, принадлежавшую инкѣ и Солнцу. Перуанцы не знали плуга и вскапывали землю посредствомъ орудія, похожаго на заступъ. Они работали всегда въ большомъ числѣ, располагаясь рядами, и поля ихъ должны были имѣть изборожденную поверхность. Земледѣліе служило основою государства инковъ. Оно считалось занятіемъ, предписаннымъ божествомъ, и каждый подданный государства былъ знакомъ съ его пріемами. Когда наступала пора для полевыхъ работъ, правитель инковъ, окруженный всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ, съ большой пышностью отправлялся въ поле, посвященное Солнцу, вблизи Куско и, съ религіозными обрядами, собственноручно открывалъ работы. Его примѣру долженъ былъ слѣдовать каждый изъ придворныхъ. Послѣ этого, во всей странѣ чиновники приглашали подданныхъ приступить къ обработкѣ поля. Каждый глава дома получалъ ежегодно опредѣленный клочекъ земли для удовлетворенія потребностей своей семьи. Съ увеличеніемъ семьи возрасталъ и надѣлъ, именно на половину нормальной доли на каждаго сына и на четверть на каждую дочь. Самая земля оставалась собственностью государства и переходила къ нему обратно со смертью или выселеніемъ владѣльца. Обработка производилась сообща подъ руководствомъ надсмотрщика. Порядокъ работы былъ таковъ, что прежде всего воздѣлывалась земля Солнца, затѣмъ земля отдѣльныхъ гражданъ, въ томъ числѣ бѣдныхъ и больныхъ, а также чиновниковъ, и подъ конецъ земля инки. Въ мѣстностяхъ съ болѣе мягкимъ климатомъ воздѣлывались многочисленныя разновидности маиса. Маньокъ, нѣкоторые виды тыквы, бобы и еще нѣкоторыя овощи воздѣлывались не столько въ полѣ, сколько въ садахъ, расположенныхъ возлѣ жилищъ. Но на обширномъ протяженіи царства инковъ эти питательныя растенія не прививались вслѣдствіе суровости климата. Здѣсь главный элементъ земледѣлія составляло воздѣлываніе картофеля.

Перуанскіе инки не только обработывали обширныя пространства земли, но примѣняли и интенсивную культуру. Они были знакомы одинаково хорошо и съ орошеніемъ, и съ удобреніемъ полей, для чего послѣ завоеванія побережья пользовались гуано. Путемъ огромной затраты труда, они увеличили въ своихъ узкихъ горныхъ долинахъ площадь земли, годной къ обработкѣ. На протяженіи многихъ миль крутые горные склоны были разбиты на террасы, для чего потребовалось возвести каменныя

стѣны, и эти террасы заботливо орошались посредствомъ каналовъ изъ рѣки, протекавшей по долинѣ. Понятно, что это поле принадлежало исключительно инкѣ, такъ какъ сумма труда, необходимая для его обработки, была выше силъ отдѣльнаго лица и требовала для своего осуществленія строгой организаціи. Наименьшую административную единицу образовала группа изъ 10 человѣкъ; она находилась въ вѣдѣніи низшаго чиновника, который долженъ былъ заботиться о ней и вмѣстѣ съ тѣмъ контролировать ее. Каждыя десять подобныхъ группъ образовали округъ, и чиновникъ, которому ввѣрялась эта высшая единица, являлся вмѣстѣ съ тѣмъ контролеромъ надъ чиновниками, поставленными во главѣ десятковъ. Слѣдующую высшую административную единицу составляли каждыя десять сотенъ, а десять тысячъ, большею частью, соотвѣтствовали провинціи страны. Высшее управленіе находилось, конечно, въ рукахъ инки, который имѣлъ для этой цѣли государственный совѣтъ въ Куско. Кромѣ того, намѣстники провинцій, избираемые преимущественно изъ класса инковъ (по сколько управленіе завоеванныхъ областей не было оставляемо въ рукахъ прежнихъ княжескихъ родовъ), а также начальники меньшихъ округовъ, должны были, отъ времени до времени, отдавать отчетъ центральному правительству частью лично, частью съ помощью кипу. Такимъ образомъ, правительство имѣло всегда точныя статистическія свѣдѣнія не только о числѣ жителей каждой провинціи и работоспособности ихъ, но и о запасахъ и вспомогательныхъ средствахъ, которыми располагалъ каждый округъ для покрытія своихъ потребностей и излишковъ ихъ. Кромѣ чиновниковъ высшей категоріи, надсмотрщики часто контролировались еще ревизорами. Если гдѣ либо обнаруживалось упущеніе, то наказывали не только виновнаго, но и начальника, который долженъ былъ съ точностью ознакомить своего подчиненнаго съ его обязанностями и удостовѣряться въ выполненіи ихъ.

Простолюдинъ, гатунруна, не обладая собственностью, платилъ повинность еще военной службою. Инки не имѣли постояннаго войска. Повидимому, болѣе тщательное и продолжительное военное образованіе давалось лишь инкамъ и сыновьямъ благородныхъ лицъ изъ подвластныхъ провинцій. Какимъ образомъ гатунруна пріобрѣталъ знанія и навыкъ, которые ему были нужны для участія въ частыхъ и дальнихъ походахъ инковъ, это остается невыясненнымъ. Но такъ какъ упоминается, что войска, отправлявшіяся въ походъ, и гарнизоны, содержавшіеся въ безпокойныхъ частяхъ страны, регулярно смѣнялись, то нужно думать, что здѣсь существовала система, сходная съ прежней системою въ Пруссіи. Гатунруна, послѣ кратковременной дѣйствительной службы, возвращался къ своей землѣ, а въ извѣстныхъ случаяхъ снова призывался къ оружію, большею частью, лишь на ограниченный срокъ.

Существенная задача надсмотрщиковъ въ десяткахъ заключалась въ томъ, чтобы слѣдить за выполненіемъ рабочей повинности, лежавшей на народѣ и распространявшейся и на женщинъ. Впрочемъ, на послѣднихъ возлагались, главнымъ образомъ, работы по дому и по хозяйству, уходъ за садомъ и домашней птицей, а въ особенности пряденіе и тканье, которыми, какъ мы видѣли (стр. 332), онѣ должны были удовлетворять не однѣ только домашнія потребности. Лѣнь считалась въ государствѣ инковъ проступкомъ, заслуживающимъ наказанія. Женщины брали съ собою работу даже тогда, когда отправлялись въ гости къ сосѣдямъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда посѣщаемая принадлежала къ высшему рангу, чѣмъ посѣтительница; въ этомъ случаѣ послѣдняя должна была просить о предоставленіи ей какой нибудь работы. Чиновникъ общины обязанъ былъ удѣлять каждому жителю столько земли, сколько требовалось для пропитанія его самого и жены его. Если случалось, что для осуществленія этого не хватало земли, назначенной для народа, то бралась земля инковъ. Когда

населенiе во всей провинцiи настолько увеличивалось, что земля не въ состоянiи была надолго обезпечить его, то отправляли колонистовъ, носившихъ названiе mitimaes, или въ мѣста, рѣже населенныя, или въ новыя провинцiи. Взявъ на себя обязанность заботиться о пропитанiи каждаго отдѣльнаго индивидуума, государство устранило бѣдность съ наихудшими послѣдствiями ея, нищенствомъ и бродяжничествомъ; послѣднее предупреждалось, впрочемъ, еще обязательностью работы и воспрещенiемъ самовольно мѣнять мѣсто жительства. Государство признавало также обязанность брать на себя, въ чрезвычайныхъ случаяхъ, попеченiе о подданныхъ. Благодаря всеобщему труду, хлѣбные магазины, находившiеся во всѣхъ провинцiяхъ, были всегда наполнены различными запасами въ достаточной мѣрѣ, чтобы удовлетворять всякой возникавшей нуждѣ.

Понятiе частной собственности было не совсѣмъ чуждо обывателю въ государствѣ инковъ. Правда, земля и домъ считались общей собственностью и послѣ смерти владѣльца переходили къ обществу. Но существованiе каждаго было обезпечено съ излишкомъ, и этотъ излишекъ онъ могъ употреблять, по своему усмотрѣнiю и желанiю, такъ какъ о необходимомъ заботились государство и община. Находки въ перуанскихъ гробницахъ доказываютъ, что даже простонародье не было вполнѣ лишено предметовъ роскоши, и эта личная собственность почти всегда клалась съ усопшимъ въ могилу.

Какъ скоро семья увеличивалась вслѣдствiе рожденiй, ей давался бо́льшiй надѣлъ. Юные граждане царства инковъ наслаждались беззаботною и продолжительною молодостью. Правда, родители обязаны были воспитать ихъ и обучить домашнимъ работамъ, но государство предъявляло требованiя къ молодежи не ранѣе достиженiя 24-го года жизни. 25-ти лѣтъ ихъ женили. Этотъ актъ такъ же строго регулировался законами страны, какъ и вообще во всей жизни перуанскаго инки отъ колыбели до могилы исключалась всякая самостоятельность. Чиновники должны были вести списки лицъ обоихъ половъ, которыя ежегодно въ ихъ округѣ достигали брачнаго возраста. Каждый годъ назначался опредѣленный день, когда во всемъ государствѣ происходили бракосочетанiя. Молодые мужчины и молодыя дѣвушки, одѣтые въ свои лучшiе костюмы, являлись къ чиновнику своего округа, который публично, но безъ особаго церемонiала, вручалъ каждому юношѣ молодую дѣвушку. Въ тотъ же день этотъ актъ совершался въ Куско самимъ инкою по отношенiю къ юношамъ аристократической крови. Симпатiя молодыхъ людей была для закона необязательна, но все-таки онъ принималъ ее во вниманiе, по сколько не было къ этому препятствiй. Не разрѣшалось лишь жениться на дѣвушкѣ изъ своей мѣстности. Юныя пары получали нормальный надѣлъ земли, и община заботилась о постройкѣ для нихъ простого жилища. Такъ онѣ вступали въ ряды гатунруновъ и принимали на себя всѣ сопряженныя съ этимъ обязанности. Впрочемъ, въ первый годъ, считавшiйся медовымъ годомъ ихъ брака, онѣ освобождались отъ отбыванiя барщины. Рабочая повинность продолжалась до 50 года жизни. Съ этого времени, а равно въ случаяхъ временной или окончательной неспособности къ труду, община брала на себя попеченiе объ индивидуумѣ до конца его жизни.

Подобно тому, какъ на мужчинахъ лежала воинская повинность, такъ инка и съ женскаго пола бралъ кровный налогъ. Ежегодно чиновники должны были выбирать самыхъ красивыхъ и лучшихъ молодыхъ дѣвушекъ на службу правителю и Солнцу. Въ каждой провинцiи инка имѣлъ свой дворецъ и при немъ домъ, въ которомъ содержались эти молодыя дѣвушки, ведя трудовую, но комфортабельную жизнь. Каждый разъ, когда инка прiѣзжалъ въ эту мѣстность, онъ изъ ихъ числа выбиралъ себѣ наложницъ. Если эта связь влекла за собою беременность, то молодая мать возвращалась на свою родину, гдѣ она и ребенокъ ея содер-

жались въ высокомъ почетѣ. Иною была судьба избранницъ для служенія Солнцу. Подобно королевскимъ невѣстамъ, онѣ также жили въ монастырскомъ уединеніи, и вели трудовую, но привилегированую жизнь. Для нихъ, однако, являлось безусловно обязательнымъ сохраненіе цѣломудрія. Въ случаѣ нарушенія этого закона, дѣву Солнца и ея соблазнителя ожидала мучительная смерть.

Едва ли можно допустить, чтобы инки отнимали у родителей дѣтей въ нѣжномъ возрастѣ съ цѣлью приносить богу Солнца кровавыя жертвы. Возможно, что въ древнѣйшую эпоху подобныя жертвы и приносились богу Солнца и божествамъ многихъ народовъ, покорившихся впослѣдствіи власти инковъ. Но при послѣднихъ инкахъ этотъ обычай былъ совершенно чуждъ самому духу государственной религіи. Религія была въ государствѣ инковъ гораздо болѣе предметомъ политики, чѣмъ догмата. Поэтому позднѣйшіе инки не препятствовали своимъ подданнымъ различнаго происхожденія молиться всѣмъ богамъ, какимъ они желали поклоняться. Съ ихъ стороны было также лишь актомъ государственной мудрости, когда они разрѣшили въ Куско жрецамъ строить храмы всѣхъ религіозныхъ формъ: этимъ достигалось согласіе съ властями, громадное вліяніе которыхъ на массу было очень хорошо извѣстно инкамъ. Но рядомъ съ этимъ, главнымъ образомъ, изъ политическихъ соображеній, они вводили въ каждой вновь завоеванной провинціи культъ Солнца, какъ высшую и общую форму поклоненія божеству. Въ Куско существовалъ верховный жрецъ бога Солнца, какъ бы управлявшій жрецами всѣхъ святынь въ странѣ, но настоящимъ религіознымъ главою былъ самъ инка. Происходя отъ бога Солнца, онъ стоялъ ближе къ послѣднему, чѣмъ высшій изъ его жрецовъ. Послѣ своей смерти, онъ, какъ сынъ Солнца, возвращался къ своему праотцу и самъ становился предметомъ божественнаго поклоненія. Недоразумѣнія между королемъ и жрецами, которыя такъ часто возникали въ культурной области центральной Америки, здѣсь устранялись въ силу полубожественнаго положенія инковъ. По этой причинѣ крутой переворотъ, произведенный инкой Уиракочей въ сферѣ религіозной политики, нигдѣ и никогда не вызывалъ ни малѣйшаго осложненія, несмотря на то, что инка этимъ сразу создалъ армію опасныхъ соперниковъ для жрецовъ Солнца. Правда, за ними сохранилось ихъ привилегированное положеніе и право владѣть третьей частью земли; но даже сами короли инковъ приносили храмамъ Уиракочи и Пачакамака многочисленные и чрезвычайно цѣнные дары.

Трудовая жизнь массъ нарушалась лишь празднествами, которыя устраивались въ честь бога Солнца. Ежемѣсячно жители каждой мѣстности созывались чиновниками, по меньшей мѣрѣ, одинъ разъ на праздничное пиршество. По этому поводу съѣдалось мясо ламы, пожертвованное народу инкою, и выпивалось изрядное количество маисоваго пива, извѣстнаго подъ именемъ „аки“. Пляска и пѣсни увеличивали веселье. Такія же празднества устраивались по окончаніи всякой крупной работы: ими завершались полевыя работы, сборъ жатвы или какой нибудь экстраординарный трудъ, напр., постройка дома, проложеніе дороги и т. п. Кромѣ того, существовало еще четыре большихъ праздника, общихъ для всей страны: Гатунъ-Раими, Куски-Раими, Ситуа-Раими и Уиракуи.

Гатунъ или Инти-Раими праздновался во время поворота солнца къ лѣту (около 21 іюня, ср. стр. 326). Это былъ первый и самый большой праздникъ, отъ котораго велось лѣтосчисленіе. Девять дней продолжалось празднество въ честь возвращенія согрѣвающаго свѣтила, послѣ того, какъ солнце достигало своего наибольшаго сѣвернаго склоненія и начинало поворачивать назадъ. Первые три дня торжества были посвящены приготовленіямъ: каждый обитатель царства инковъ воздерживался отъ всякой пищи за исключеніемъ немногихъ сырыхъ зеренъ маиса и не-

большого количества воды, а женатые должны были воздерживаться и отъ половыхъ сношеній. Всѣ огни тушились. Въ эти дни молодыя дѣвушки должны были испечь въ каждомъ домѣ священный хлѣбъ; то же самое дѣлали дѣвы Солнца для дома инки и его двора. Это было первое, что разрѣшалось ѣсть по окончаніи поста. Самымъ торжественнымъ моментомъ было утро четвертаго дня. Какъ только забрезжитъ день, весь народъ устремлялся изъ жилищъ на площадь, на которой жрецы ожидали восхода дневного свѣтила. Босоногая толпа широкимъ кольцомъ размѣщалась вокругъ жрецовъ въ сидячемъ положеніи и неподвижно выжидала минуты, когда солнечный дискъ всплыветъ надъ горизонтомъ. Его привѣтствовали торжественнымъ жертвоприношеніемъ.

Само собою разумѣется, что праздникъ имѣлъ наиболѣе блестящій характеръ въ самомъ К у с к о, куда къ этому дню стекались высшія и почетныя лица изъ всѣхъ провинцій государства и собирались на главной площади Гаукайпата, окруженной королевскими дворцами. Одѣтые въ богатые праздничные наряды съ украшеніями, они, также босые, смиренно выжидали, склонившись къ землѣ, момента восхода солнца. Тогда король инковъ поднимался первымъ. Въ этотъ день онъ, какъ сынъ Солнца, вмѣщалъ въ себѣ санъ верховнаго жреца. Въ каждой рукѣ онъ держалъ по чашѣ изъ золота, наполненной до краевъ акою. Привѣтствуя торжественною рѣчью восходящее свѣтило, онъ выливалъ чашу въ правой рукѣ въ стоявшій передъ нимъ золотой резервуаръ, изъ котораго даръ проводился по золотымъ трубамъ до храма Солнца. Къ чашѣ въ лѣвой рукѣ онъ самъ прикасался губами и затѣмъ предлагалъ ближайшимъ къ нему лицамъ и тѣмъ, кого онъ желалъ отличить, черпать изъ этой чаши напитокъ маленькими золотыми кубками. Послѣ этого инка вмѣстѣ съ верховными жрецами и высшими сановниками направлялся въ храмъ, чтобы поклониться здѣсь изображенію бога. Инка Пачакутекъ радикально обновилъ храмъ Солнца и расширилъ его, и этотъ храмъ, благодаря своимъ обильнымъ украшеніямъ изъ благороднаго металла, сталъ извѣстенъ подъ названіемъ Кориканча, т. е. „золотая оправа“. Онъ представлялъ обширное собраніе зданій, окруженныхъ искусно сложенными стѣнами, и тянулся отъ базарной площади къ горамъ. Въ большомъ дворѣ его и кругомъ возвышалось множество построекъ, изъ которыхъ самою священною постройкою считался Залъ Солнца. Здѣсь находилась святая святыхъ: большой золотой дискъ, окруженный сіяніемъ и расположенный такимъ образомъ, что каждое утро лучи восходящаго солнца должны были падать на него. Стѣны и потолокъ, такъ же, какъ и алтарь передъ этимъ дискомъ и другими святынями храма, были въ изобиліи покрыты золотомъ, а вдоль стѣнъ располагались муміи усопшихъ инковъ на своихъ носилкахъ, тщательно сохраненныя и обряженныя въ драгоцѣнныя одежды. Позади Зала Солнца находилось такое же помѣщеніе съ изображеніемъ луны и мумій койи, королевскихъ супругъ, подарившихъ государству наслѣдника; здѣсь всѣ украшенія состояли изъ серебра. Далѣе, шли святилища меньшей величины для другихъ свѣтилъ, небесныхъ спутниковъ Инти, и для земныхъ — жрецовъ.

Когда во всѣхъ этихъ святилищахъ принесены были жертвы въ видѣ питья и куреній, инка возвращался на площадь, гдѣ ждала толпа. Въ этотъ день приносились б о л ь ш і я ж е р т в ы не въ закрытомъ дворѣ храма, какъ обыкновенно, но на открытой базарной площади. Прежде всего жрецы приносили въ жертву молодую черную ламу: черныя животныя съ равномѣрной окраской всего тѣла считались болѣе благородными, чѣмъ бѣлыя, у которыхъ всегда попадались темныя мѣста. Вообще черный цвѣтъ признавался священнымъ и предпочитался инками. Жертвенное животное не привязывалось, но жрецы низшаго разряда держали его въ то время, какъ верховный жрецъ вскрывалъ ему животъ обсидіановымъ ножемъ и вы-

валъ сердце и внутренности, по которымъ предсказывалъ будущее для наступающаго года. Затѣмъ животное разнималось на части и подвергалось жертвенному сожженію. Дла этой цѣли верховный жрецъ, при помощи зажигательнаго зеркала, которое онъ носилъ на сочлененіи лѣвой кисти, зажигалъ новый огонь, и отъ этого огня получали новую пищу всѣ очаги въ городѣ. Этимъ исчерпывались главныя церемоніи, и всеобщее веселье вступало въ свои права. Убивалось безчисленно множество обыкновенныхъ ламъ, при чемъ только кровь и внутреннія части ихъ приносились въ жертву богу, а мясо съѣдалось народомъ. Слѣдующіе дни ознаменовывались ѣдою и питьемъ, плясками, пѣснями и всякаго рода увеселеніями и разгуломъ, часто даже оргіями. Для народа праздникъ оканчивался девятымъ днемъ, шестымъ днемъ увеселеній; инка и его свита продолжали пировать цѣлый мѣсяцъ и, несмотря на это, сѣтовали на кратковременность праздника.

Второй изъ всеобщихъ праздниковъ, Куски-Раими, былъ посвященъ земледѣлію. Онъ праздновался передъ началомъ жатвы и представлялъ какъ бы процессію съ молитвами, во время которыхъ — послѣ того, какъ руками человѣка сдѣлано было все для созрѣванія посѣва, — обращались съ мольбой къ богу Солнца, чтобы онъ своимъ небеснымъ благословеніемъ даровалъ обильную жатву. Праздникъ завершался разгуломъ въ теченіе многихъ дней, имѣвшимъ цѣлью дать народу отдыхъ послѣ полевыхъ работъ.

Иной характеръ имѣлъ третій праздникъ, Ситуа Раими, совпадавшій съ временемъ весенняго равноденствія (въ сентябрѣ). Мнѣніе, будто всякое несчастное или поразительное событіе, относилось ли оно къ отдѣльному человѣку или ко всей странѣ, вызвано грѣхомъ, существовало и въ царствѣ инковъ и нашло себѣ отраженіе въ законахъ. Но если вина отдѣльнаго лица могла быть искуплена покаяніемъ и карой, то все-таки она продолжала тяготѣть надъ общиною, которой приходилось выносить на себѣ гнѣвъ злыхъ духовъ, наполнявшихъ воздухъ и землю. Праздникъ имѣлъ цѣлью умилостивленіе или изгнаніе этихъ духовъ. Ему также предшествовалъ трехдневный постъ и приготовленіе священнаго хлѣба. Но, кромѣ этого хлѣба, изготовлялся еще другой, съ примѣсью жертвенной крови; имъ натирался каждый на восходѣ солнца четвертаго дня, выкупавшись предварительно въ текучей водѣ, чтобы освободиться отъ грѣховъ. Утромъ главнаго праздничнаго дня происходило важнѣйшее торжество передъ крѣпостью Саксагуаманъ. Инка Уаракоча началъ строить это громадное укрѣпленіе въ пять этажей изъ исполинскихъ четырехугольныхъ камней на возвышенности, господствовавшей надъ городомъ съ сѣверо-восточной стороны, еще въ то время, когда нападеніе чанковъ грозило уничтожить совершенно беззащитный городъ. Инка Пачакутекъ довелъ это гигантское сооруженіе до благополучнаго конца. Въ день Ситуа-Раими четверо юношей изъ рода инковъ выходили изъ воротъ крѣпости въ полномъ вооруженіи и, размахивая копьемъ надъ головою, быстро направлялись на всѣ четыре стороны, черезъ городъ и поля. На встрѣчу имъ всюду стремился изъ своихъ жилищъ празднично одѣтый народъ и привѣтствовалъ ихъ громкими кликами, размахивая одеждой. На извѣстныхъ разстояніяхъ ихъ ждали въ такихъ же одѣяніяхъ другіе сыновья инковъ, которые принимали отъ нихъ копье и несли дальше и дальше до границы полей. Здѣсь копье глубоко вонзалось въ землю: этимъ изгонялись съ полей злые духи. Ночью инки махали зажженными факелами и тушили ихъ по ту сторону границъ въ водахъ, теченіе которыхъ направлялось изъ страны. Этимъ изгонялись также духи тьмы. Послѣдующіе дни вновь посвящались увеселеніямъ.

Если уже въ праздникъ Ситуа-Раими инкскіе юноши играли главную роль, символически освобождая народъ отъ грозившихъ опасностей, то чет-

вертый большой праздникъ Гуаракуй былъ почти исключительно праздникомъ класса инковъ, на которомъ народъ могъ только принимать участіе въ общемъ увеселеніи. Это было завершеніе испытаній, которымъ должны были подвергаться юноши инкской крови и сыновья благородныхъ лицъ изъ провинцій, прежде, чѣмъ вступить въ права взрослыхъ.

Хотя инки употребляли всѣ старанія для поддержанія вѣрованія, будто весь классъ инковъ происходитъ отъ Манко-Капака и черезъ него отъ бога Солнца, тѣмъ не менѣе, они не могли уничтожить воспоминанія о томъ, что часть ихъ касты не въ состояніи была доказать своихъ *родственныхъ отношеній* къ основателю династіи. Въ древнѣйшія времена, кромѣ правителя Куско, еще нѣкоторые другіе мелкіе члены династіи присвоили себѣ титулъ инки Перуанскаго плоскогорья. Первоначально этотъ титулъ, какъ и названія Капакъ и Манко, означалъ лишь санъ, а не родовое имя. Сомнительно, чтобы имъ оставлено было имя инковъ вмѣстѣ съ правами ихъ послѣ присоединенія къ государству сына Солнца. Существовалъ, однако, другой классъ населенія, который, безъ видимыхъ родственныхъ отношеній, пользовался всѣми преимуществами класса инковъ. Когда Манко-Капакъ явился въ Куско, онъ былъ окруженъ небольшой группою приверженцевъ, съ помощью которыхъ вытѣснилъ изъ города алькависковъ. Понятно, что эти спутники заняли въ молодомъ государствѣ привилегированное положеніе. Впослѣдствіи, когда населеніе столицы безпрерывно расширявшагося царства состояло изъ самыхъ разнородныхъ элементовъ, они и потомство ихъ занимали самое почетное мѣсто среди жителей Куско и пользовались всѣми существенными преимуществами, наравнѣ съ чистокровными инками.

Кромѣ того, родъ инковъ быстро увеличивался путемъ естественнаго размноженія, Простолюдинъ не могъ имѣть болѣе одной жены, но для всей касты инковъ этотъ законъ не былъ обязателенъ, и правитель властенъ былъ дѣлать исключеніе и для другихъ; что же касается его самого, то онъ не только имѣлъ право обладать многими женами, но ему вмѣнялось даже въ обязанность оставлять по возможности *многочисленное потомство*. Правда, изъ всѣхъ женъ правителя только одна носила королевскій санъ; она называлась коей и принимала широкое участіе въ пріемахъ, обязательныхъ для инки. Лишь инка Пачакутекъ издалъ законъ, что коей можетъ быть только родная сестра или ближайшая родственница правящаго инки, съ цѣлью, по возможности, сохранить чистоту крови дѣтей Солнца. Но помимо кои, инка могъ имѣть столько женъ, сколько хотѣлъ. Если жены принадлежали къ классу инковъ, то онѣ и дѣти ихъ считались законными. Часто, однако, случалось, что инка просилъ руки дочери одного изъ своихъ вассальныхъ князей. Это считалось великою честью, какъ и тогда, когда инка выдавалъ своихъ законныхъ или незаконныхъ дочерей за сановниковъ или вассальныхъ князей. Браки между мужскими и женскими членами касты инковъ заключались такимъ же образомъ, какъ и въ народѣ, съ тою лишь разницею, что въ Куско самъ правитель совершалъ обрядъ бракосочетанія. Юноша инкской крови могъ выбирать по собственному почину только одну супругу и рядомъ съ нею имѣть наложницъ. Часто, однако, правитель, послѣ какого нибудь выдающагося поступка родственника по крови или по какому нибудь торжественному случаю, награждалъ его еще одною или нѣсколькими женами. Нѣкоторые правители оставляли послѣ себя болѣе сотни дѣтей. Каждый изъ нихъ дѣлался основателемъ рода, названіе и отличія котораго сохраняли воспоминаніе объ общемъ происхожденіи. Всѣ представители рода сходились въ храмѣ Солнца для поклоненія мумiи своего общаго прародителя. По закону король былъ такой же неограниченный господинъ надъ тѣломъ и жизнью инковъ, какъ и надъ прочими своими подданными. На практикѣ, однако, каста инковъ пользовалась привилегированнымъ положеніемъ въ государ-

ствѣ Тауантинсуйю. Такъ, рабочая повинность, обязательная для каждаго въ государствѣ инковъ, на нихъ не распространялась. Они пользовались правомъ возсѣдать за столомъ инки, когда инки были еще небольшой кучкою среди чуждаго народа. Впослѣдствіи этотъ обычай видоизмѣнился такимъ образомъ, что изъ трети земли, принадлежавшей инкѣ, онъ долженъ былъ содержать всю касту инковъ, какъ и всѣхъ вообще чиновниковъ царства, хотя бы они, не принадлежали къ этой кастѣ. Высшіе свѣтскіе и духовные посты занимались сыновьями изъ рода инковъ; тотъ, кто умѣлъ выдвинуться заслугами въ своемъ положеніи, могъ быть увѣренъ въ благодарности правителя. Многіе сыновья инковъ въ столицѣ и провинціи обязаны были милости правителя большими дворцами и толпами слугъ.

Привилегіи, которыми пользовалась каста инковъ, оправдывались воспитаніемъ, выпадавшимъ на долю ея. Молодыя дѣвушки (ньюста) получали въ болѣе утонченной формѣ тоже воспитаніе, что и дочери народа и дѣвы Солнца. Наоборотъ, молодые мужчины (ауки) не только получали тщательное образованіе, какъ было упомянуто выше (стр. 325), но и строгое воспитаніе, и систематическое физическое развитіе. Все это завершалось по достиженіи ауки 16-ти лѣтняго возраста, испытаніями, которыя предшествовали празднику Гуаракуй и давали имъ право носить имя и знаки отличія инковъ. Испытанія заключались въ состязательномъ бѣгѣ, единоборствѣ человѣка съ человѣкомъ, роты съ ротою и, наконецъ, двухъ отрядовъ войска, изъ которыхъ одинъ долженъ былъ защищать крѣпость, а другой нападать на нее. Они должны были выносить усилія и боль, не издавъ ни одного звука, а также доказать, что сами умѣютъ изготовлять себѣ одежду и доспѣхи. Послѣ счастливаго окончанія испытаній, юноши были представляемы королю ихъ учителями, опытными инками и амаутами. Король награждалъ ихъ знаками ихъ новаго сана; отнынѣ они носили титулъ ауки и имѣли право называться инками. Каждому изъ нихъ король просверливалъ золотою иглою ушныя мочки, въ которыхъ они могли носить серебряныя и золотыя украшенія. Это было настолько характерно, что испанцы назвали инковъ орехонетъ (orejones, т. е. ушастыми), такъ какъ ушныя мочки, оттягиваемыя внизъ привѣсками, достигали очень большой длины. До этой поры юноши одѣвались просто, почти бѣдно. Но въ этотъ праздничный день ближайшіе родственники надѣвали на нихъ тонкія сандаліи, какія носили взрослые инки, опоясывали „уару“ изъ тонкой шерсти вигони, и обвязывали повязкой (llautu) волосы на головѣ, которые они съ этого времени коротко стригли. Всѣ эти знаки отличія дѣлилъ съ ними и самъ правитель; съ его „льяуту“ спускались тонко скрученныя бахромки изъ красной шерсти (у достигшаго совершеннолѣтія наслѣдника онѣ были желтаго цвѣта), до бровей. Правый високъ его украшала толстая кисть такого-же цвѣта, „паича“ (paicha).

Въ государствѣ, правитель котораго является источникомъ всякаго права и закона, не можетъ быть рѣчи о настоящемъ правосудіи. Чиновники, которымъ былъ порученъ надзоръ за народомъ, рѣшали вмѣстѣ съ тѣмъ, что́ дозволено и что́ наказуемо. Такъ какъ собственности не было, то не возникало и денежныхъ споровъ, не существовало и денежной пени. Кто совершалъ преступленіе, тотъ являлся нарушителемъ повелѣній инки, намѣстника высшаго божества, и поэтому почти всегда наказывался смертью черезъ задушеніе, избіеніе, сбрасываніе со скалы или пронзаніе стрѣлами. Одна лишь дѣва Солнца, утратившая цѣломудріе, замуровывалась живою въ стѣну, а соблазнитель ея, а съ нимъ и вся семья, которая родила и выростила такого изверга, были умерщвляемы; мѣсто, гдѣ находилось его жилище, посыпалось солью, — и тамъ больше никогда никто не селился.

По мѣрѣ расширенія царства инковъ, пріобрѣтали все большее значеніе средства быстраго сообщенія. Уже въ раннюю эпоху вниманіе

инковъ было обращено на вопросъ о томъ, какъ одолѣть высокіе горные кряжи, пересѣкавшіе отдѣльныя горныя долины, какъ перейти бурные потоки, низвергавшіеся оттуда въ болѣе низменныя мѣста. Когда инка Пачакутекъ предпринялъ походъ противъ Гуилькабамбы, враги его думали остановить войско инки разрушеніемъ мостовъ черезъ Урубамбу. Однако, для инки это не послужило непреодолимой преградой: онъ вызвалъ мастеровъ изъ столицы и рабочихъ изъ всей страны, и не прошло нѣсколькихъ недѣль, какъ былъ готовъ новый прочный мостъ. Здѣсь, какъ и вездѣ, инка Пачакутекъ оказался великимъ организаторомъ: онъ велѣлъ построить отъ Куско внизъ до Кахамарки, на протяженіи почти 100 миль, черезъ проходы и долины, черезъ болота и скалы, искусственную дорогу, остатки которой сохранились до сихъ поръ. Еще въ эпоху испанскаго господства эта дорога служила главной артеріей сообщеній, такъ же, какъ и дополненіе ея, построенная инкою Юпанки параллельная дорога, которая вела на западѣ отъ дороги Пачакутека къ побережью и вдоль послѣдняго до Тумбеса, самаго сѣвернаго берегового пункта царства инковъ, недалеко отъ Гуаякильскаго залива. Перуанцы не знали повозокъ, и тяжести переносились только людьми и развѣ еще ламами; поэтому ширина дороги не превышала 5—8 метровъ, но съ обѣихъ сторонъ она была окаймлена нѣсколько возвышенной оградою. Въ мѣстахъ крутыхъ отвѣсовъ дорога становилась еще уже, а тамъ, гдѣ горные хребты раздѣляли долины, она шла нерѣдко черезъ перевалъ въ видѣ ступенекъ. Тамъ, гдѣ не было брода, черезъ рѣки перебрасывались каменные, а въ горахъ висячіе мосты, сплетенные изъ волоконъ конопли и ліанъ; на болотахъ парамосовъ и на водораздѣлахъ основаніемъ дороги служили длинные мостки изъ толстыхъ досокъ. На опредѣленныхъ разстояніяхъ устраивались рядомъ съ дорогою станціи, тамбосы: это былъ окруженный стѣною дворъ для вьючныхъ животныхъ, къ которому примыкали 2—3 открытыхъ комнаты для путешественниковъ. Меньшихъ размѣровъ станціи на еще меньшихъ разстояніяхъ служили на всѣхъ важныхъ путяхъ сообщенія исключительно общественнымъ интересамъ. Здѣсь останавливались гонцы, которые должны были въ короткое время доставлять въ столицу вѣсти о важныхъ событіяхъ изъ отдаленнѣйшихъ провинцій. Какое значеніе придавалось быстрому бѣгу, видно уже изъ того, что онъ входилъ въ программу испытаній для сыновей инковъ (см. выше стр. 325 и 340). У простого народа служба скорохода составляла одну изъ формъ повинностей. На маленькихъ почтовыхъ станціяхъ всегда находилось нѣсколько скороходовъ. Какъ скоро туда прибывалъ съ какого-нибудь пункта утомленный гонецъ, онъ передавалъ порученіе, устно или въ видѣ кипу, другому, который съ такою же быстротою доставлялъ его на слѣдующую станцію. Служба была такъ превосходно организована, что, какъ передаютъ, свѣжая морская рыба на столѣ правителя далеко не составляла рѣдкости.

Быть можетъ, несправедливо по отношенію къ прочимъ королямъ инковъ приписывать всѣ благодѣтельныя учрежденія одному инкѣ Пачакутеку. Но уже имя его доказываетъ, что онъ свершилъ нѣчто необычайное: Пачакутекъ значитъ „устроитель міра“. Ему наслѣдовалъ на тронѣ Тауантинсуйю старшій сынъ его, Тупакъ Юпанки, который, подобно отцу, совмѣщалъ военную славу съ сильнымъ, дальновиднымъ внутреннимъ управленіемъ. Уже при немъ царство инковъ достигло почти во всѣхъ направленіяхъ тѣхъ размѣровъ, какими оно обладало въ эпоху завоеванія. Онъ завершилъ подчиненіе царства чимусовъ (см. стр. 311) и простеръ свои завоеванія вглубь Кито. Съ другой стороны, онъ превратилъ союзы съ правителями, жившими въ окружности озера Титикака, въ прочное главенство которое онъ расширилъ въ направленіи Чили, до Ріо Мауле. Инки не придерживались той политики, чтобы во вновь покоренныхъ областяхъ тотчасъ вводить во всей цѣлости организацію старыхъ провинцій, такъ тща-

тельно обдуманную до мельчайшихъ подробностей. Тамъ, гдѣ они заставали уже аналогичныя, болѣе или менѣе установившіяся учрежденія, какъ въ царствѣ чимусовъ, процессъ ассимиляціи, вѣроятно, подвигался сравнительно быстро. Но другія провинціи, древнія установленія которыхъ существенно отличались отъ инкскихъ, могли быть введены лишь постепенно въ соціальный строй инкскаго государства. Это доказываютъ частыя возмущенія противъ ига инковъ. Лучшимъ средствомъ для борьбы съ этими возмущеніями правители инковъ считали колонизацію, и Тупакъ Юпанки, повидимому, примѣнялъ ее въ особенно большихъ размѣрахъ. Еще въ эпоху испанскаго завоеванія на озерѣ Титикака не совсѣмъ исчезъ языкъ инковъ среди митимаесовъ (mitimaes), которыхъ переселилъ туда Тупакъ Юпанки послѣ завоеванія царства чимусовъ. Этотъ инка былъ рьянымъ почитателемъ Уиракочи, къ святилищу котораго на островѣ Титикаки онъ предпринялъ паломничество послѣ покоренія Гатунъ-Коллы. Онъ воздвигъ здѣсь новыя постройки, а рядомъ съ ними храмъ Солнца и домъ для дѣвъ Солнца. Въ этомъ видна политика религіозныхъ компромиссовъ, которая руководила инками со времени инки Уиракочи.

Когда на престолъ вступилъ сынъ его, Гуайна Капакъ, испанцы вступили уже на американскую почву. Трудно допустить, чтобы слухи объ этомъ не достигли Куско. Подданные инковъ, жившіе на побережьи, привыкли вести широкую торговлю вдоль берега Тихаго океана со своими сѣверными сосѣдями, и нѣтъ сомнѣнія, что эта торговля велась при содѣйствіи и подъ контролемъ государственныхъ органовъ. Но инки были слишкомъ увѣрены въ собственномъ величіи, чтобы какое нибудь предчувствіе близкаго конца могло смущать ихъ благодушное настроеніе. Правленіе Гуайна-Капака характеризуется его отношеніями къ царству Кито, которыя оказались столь роковыми для судебъ его династіи. Однимъ изъ первыхъ актовъ его правленія была месть жителямъ Кито за кровь убитыхъ перуанскихъ инковъ, которые поплатились жизнью при отпаденіи провинцій, завоеванныхъ инкою Тупакъ Юпанки. Это отвлекло его на цѣлые годы отъ столицы. Уже въ его время у инковъ развилось замѣтное предпочтеніе болѣе мягкому климату сѣверныхъ областей. Въ Тумебамбѣ, гдѣ была его главная квартира во время похода, онъ построилъ дворцы, храмы и сады, отличавшіеся такою роскошью, какая до сихъ поръ была извѣстна только въ одномъ Куско. Когда ему удалось, наконецъ, завершить покореніе царства Кито, то, чтобы прочнѣе прикрѣпить эти владѣнія къ своей личности и своему царству, онъ взялъ себѣ въ жены единственную дочь послѣдняго правителя, принцессу Пакчу.

Въ домашней жизни Гуайна-Капакъ былъ не особенно счастливъ. Еще при жизни своего отца, онъ, какъ наслѣдникъ престола, согласно новымъ законамъ страны, взялъ въ законныя жены старшую сестру; но она не наградила его потомствомъ. Тогда онъ взялъ еще двухъ женъ изъ рода инковъ, младшую сестру и двоюродную сестру, съ тѣмъ, что та изъ нихъ, которая первая родитъ ему сына, получитъ права супруги. Вскорѣ послѣ этого сестра его подарила ему наслѣдника Гуаскара. Но во время его продолжительной отлучки въ Кито мать и ребенокъ стали ему чужими; а Пакча, которую онъ, вопреки династическимъ законамъ, сдѣлалъ настоящей супругой, хотя она не происходила изъ рода инковъ, стала ему вдвое дороже послѣ того, какъ родила мальчика, отличавшагося уже въ дѣтствѣ живымъ умомъ и сердцемъ отца. Естественно, что Гуайна-Капакъ долженъ былъ неоднократно появляться въ Куско, какъ центръ государства; но каждый разъ, окончивъ тамъ необходимыя государственныя дѣла, онъ возвращался въ свое любимое Кито. Здѣсь онъ провелъ бо̀льшую половину своей жизни.

Сѣверная граница была теперь почти единственною, гдѣ еще возможно было расширеніе царства инковъ. На западѣ океанъ являлся на протяженіи тысячъ километровъ границею страны. На югѣ владѣнія инковъ

простирались до Чили, горныя страны котораго, чѣмъ дальше, тѣмъ все болѣе суровыя, казались не заслуживающими труда завоеванія. На востокѣ скипетру инки покорялось все, что населяло плодородныя долины Кордильеръ. Въ пограничныхъ безконечныхъ дѣвственныхъ лѣсахъ низменности оставались лишь дикія орды кочевниковъ, которыхъ немыслимо было покорить, такъ какъ онѣ безслѣдно исчезали съ приближеніемъ войскъ инки. И вообще нездоровый климатъ и невозможность отыскать необходимыя для пропитанія средства побудили инковъ отказаться отъ завоевательныхъ плановъ въ этомъ направленіи. На одномъ лишь сѣверѣ манили къ себѣ страны, гдѣ жизненныя условія напоминали родину. Здѣсь Гуайна-Капакъ неоднократно пробовалъ силы своего оружія. Кито представляло для этой цѣли удобное мѣсто отдохновенія и сборный пунктъ. Едва-ли когда нибудь Пакча сопровождала своего супруга въ Куско, гдѣ она не могла ожидать доброжелательнаго пріема со стороны инковъ, ревностно оберегавшихъ чистоту крови. Съ другой стороны, мать Гуаскара также едва ли сопровождала своего супруга въ Кито. Но молодой принцъ, въ сопровожденіи большой свиты старшихъ родственниковъ, побывалъ тамъ, по меньшей мѣрѣ, одинъ разъ, чтобы услышать изъ устъ отца, какого порядка желалъ бы онъ въ государствѣ послѣ своей смерти. Гуайна-Капакъ не могъ рѣшиться совершенно лишить престола своего любимаго сына, Атауальпу, который развивался быстро къ величайшему удовольствію своего отца, сопровождалъ всюду во время путешествій и особенно въ походахъ, и живой умъ котораго сдѣлалъ его любимцемъ войска. Наоборотъ, Гуаскаръ развивался медленно; онъ обладалъ серьезнымъ, тихимъ характеромъ. Дворъ, покинутый правителемъ, брошенная и страдавшая койя и витавшая надъ нимъ самимъ опасность лишиться трона — все это легло мрачною тѣнью на его юность. Гуайна-Капакъ не рѣшался, однако, сдѣлать крайній шагъ, измѣнить порядокъ престолонаслѣдія. Но онъ постановилъ, чтобы царство Кито, какъ независимое государство, управлялось его любимымъ сыномъ, Атауальпою; Гуаскаръ долженъ былъ получить царство инковъ въ томъ объемѣ, въ какомъ принялъ его самъ Гуайна-Капакъ при вступленіи на престолъ. Гуаскаръ съ радостью взялъ на себя обязательство не тревожить брата въ его владѣніяхъ и оставаться въ хорошихъ дружественныхъ отношеніяхъ съ сосѣдомъ. Для него такой порядокъ означалъ освобожденіе отъ кошмара гнетущихъ заботъ. Съ другой стороны, и для Атагуальпы это былъ благопріятный исходъ: болѣе блестящее положеніе едва ли когда нибудь занималъ второй сынъ инки. Въ немъ снова какъ бы возродился королевскій родъ Кито. Недовольны были только легитимисты при дворѣ Куско. Имъ казалось преступленіемъ такое нарушеніе единства царства въ силу произвола Гуайна-Капака и потеря для страны Солнца провинціи, которая при двухъ короляхъ была куплена кровью ихъ подданныхъ, — и все это ради незаконнаго, безправнаго ребенка. Однако, передъ неограниченнымъ могуществомъ Гуайна-Капака все должно было преклониться. И когда онъ черезъ нѣсколько лѣтъ погибъ въ своемъ любимомъ Кито отъ оспенной эпидеміи въ полномъ расцвѣтѣ силъ, то могъ закрыть глаза съ твердою увѣренностью, что совершилъ все и для блага государства, и для своего любимца.

Рано развившійся Атагуальпа, который въ теченіе многолѣтняго участія во всѣхъ военныхъ и мирныхъ предпріятіяхъ отца до нѣкоторой степени познакомился съ дѣлами правленія, тотчасъ же сталъ самъ править государствомъ, созданнымъ для него волею отца. При этомъ онъ оставилъ при себѣ всѣхъ, кто стоялъ близко къ Гуайна-Капаку при его жизни. Наоборотъ, въ Куско крѣпко держались старыхъ обычаевъ. Въ виду несовершеннолѣтія Гуаскара, принялъ бразды правленія Совѣтъ регенства, образовавшійся изъ старѣйшихъ родственниковъ умершаго правителя. Въ ихъ глазахъ послѣднія распоряженія Гуайна-Капака были недѣйствительны, такъ какъ противорѣчили династической традиціи; они признавали Атагуальпу

лишь намѣстникомъ инки въ провинціи Кито и потребовали, чтобы онъ, наравнѣ со всѣми членами королевской фамиліи, явился присягать новому королю въ Куско. Но когда на ихъ вызовы Атагуальпа отвѣчалъ молчаливымъ отказомъ, регенты не дерзнули перейти къ открытому нападенію. Перемѣна наступила лишь съ того момента, когда Гуаскаръ, послѣ обычныхъ приготовленій, среди блестящихъ празднествъ, вступилъ на престолъ правителей Куско. Чтобы выяснить отношеніе, господствовавшее въ Кито къ требованіямъ, предъявленнымъ легитимистами, Гуаскаръ потребовалъ отъ Атагуальпы возвращенія и отсылки въ Куско женъ и сокровищъ умершаго правителя, остававшихся въ Кито. Атагуальпа отвергъ это требованіе, ссылаясь на послѣднюю волю Гуайна-Капака; но при этомъ онъ ясно далъ понять желательность дальнѣйшихъ переговоровъ. Вслѣдъ затѣмъ Гуаскаръ отправилъ въ Кито посольство, которому Атагуальпа обѣщалъ въ самомъ близкомъ будущемъ явиться въ Куско. Онъ попросилъ лишь срока, чтобы подготовиться и предстать съ торжественностью, соотвѣтствующей его сану, а также разрѣшенія взять съ собою большую свиту. Ослѣпленный инка охотно согласился на эти требованія. Въ Кито начался періодъ лихорадочной дѣятельности. Всѣ старые военачальники Гуайна-Капака, которые оставались при дворѣ Кито изъ симпатіи къ принцу и изъ уваженія къ волѣ его отца, были приглашены къ Атагуальпѣ и получили предписаніе реорганизовать свои отряды. При помощи сокровищъ стараго короля, нетрудно было вооружить солидное войско, которое двинулось противъ Куско небольшими отрядами, будто бы для образованія свиты на пути вѣрноподданническаго путешествія Атагуальпы.

Когда инка понялъ, наконецъ, въ чемъ дѣло, ему легко было, правда, призвать къ оружію большія массы своихъ подданныхъ; но эти толпы еще не составляли войска. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Куско, недалеко отъ того мѣста, гдѣ нѣкогда инка Уиракоча въ кровавой стычкѣ отразилъ чанковъ, встрѣтились войска обоихъ братьевъ. Молодыя войска Гуаскара не могли долго держаться передъ превосходною тактикою непріятеля. Самъ Гуаскаръ, пытаясь пробиться сквозь непріятельскіе ряды въ Куско, попалъ въ руки побѣдителей. Этимъ окончилось всякое сопротивленіе въ государствѣ, и столица безпрекословно открыла ворота побѣдоносному войску. Нельзя сказать, чтобы Атагуальпа благородно воспользовался своей побѣдою. Подъ предлогомъ переговоровъ относительно будущаго разграниченія сферъ владѣнія между нимъ и Гуаскаромъ, онъ призвалъ въ Куско всѣхъ, кто былъ инкской крови. Здѣсь полководцы его, установившіе тиранической режимъ, схватывали и убивали каждаго, вступавшаго въ городъ. Атагуальпа не могъ простить, что инки не пожелали признать равнымъ его, сына чужеземки. онъ пощадилъ лишь тѣхъ, кто съ самаго начала принялъ его сторону. Куско пересталъ быть сердцемъ государства. Атагуальпа избѣгалъ этого мѣста, какъ свидѣтеля его жестокой мести. И въ тѣхъ случаяхъ, когда реорганизація государства должна была исходить изъ Куско, онъ возлагалъ ее на своихъ уполномоченныхъ: самъ онъ ограничился объѣздомъ центральныхъ областей. Но еще до возвращенія изъ этой поѣздки, до свѣдѣнія его дошла вѣсть, что на крайнемъ сѣверѣ государства пристали къ берегу чужеземные люди. То былъ Писарро съ его спутниками.

Испанцевъ неоднократно упрекали въ томъ, что они безжалостно уничтожили на почвѣ Новаго Свѣта культуру, которая едва ли уступала ихъ собственной и подавала наилучшія надежды на будущее. Романтическое увлеченіе жизнью и нравами прошлаго, охватившее человѣчество въ первую половину нашего столѣтія, распространилось и на Новый Свѣтъ. Цивилизація государства ацтековъ, и еще болѣе царства инковъ, изображалась какъ идеалъ государства, въ которомъ правитель и народъ, связанные взаимною преданностью, самымъ удачнымъ образомъ разрѣшили задачу всякой политической мудрости — полнѣйшее соглашеніе выс-

шей свободы и индивидуальнаго счастья съ общимъ благомъ. Но все вышеизложенное доказываетъ, насколько подобное воззрѣніе не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію вещей въ государствѣ инковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что государство инковъ замѣчательно разрѣшило задачу попеченія государства о благѣ каждаго подданнаго въ отдѣльности въ широкомъ масштабѣ. Но эта цѣль достигнута была лишь безпримѣрною опекой, которая превратила отдѣльную личность въ безвольную машину въ общемъ механизмѣ государства и почти совершенно лишила ее личной свободы.

Ошибочно также представленіе, будто можно было ожидать еще многого отъ дальнѣйшаго развитія древнихъ американскихъ культуръ. Ни царство ацтековъ, ни царство инковъ не представляли высшей ступени непрерывно развивающейся эволюціи. На культурной почвѣ новаго материка господствовали тѣ же передвиженія народныхъ волнъ, какъ и на широкихъ пространствахъ его, занятыхъ нецивилизованными народами. И тамъ, какъ и въ Старомъ Свѣтѣ, всякое появленіе на сценѣ новой расы на первыхъ порахъ сопровождалось культурнымъ регрессомъ. Такъ, господство майясовъ смѣнилось менѣе цивилизованными нагуасами, а перуанскіе инки или предшественники ихъ вытѣснили строителей Тіауанако, обладавшихъ болѣе высокимъ культурнымъ развитіемъ. Прогрессъ, котораго они сами достигли на пути цивилизаціи, далеко не достигалъ общей культурной ступени ихъ предшественниковъ. И едва ли бы они особенно далеко подвинулись впередъ, если бы не послѣдовало вторженія испанцевъ Царства ацтековъ и инковъ въ моментъ появленія испанцевъ одряхлѣли и отцвѣли. Въ центральной Америкѣ только незадолго передъ тѣмъ всеобщая ненависть противъ ацтекскаго владычества разрушила союзъ трехъ государствъ, окружавшихъ озеро — союзъ, который одинъ только обезпечивалъ дальнѣйшее существованіе ихъ; возстаніе же въ тескуканской странѣ легко могло воспламенить общій пожаръ, который повлекъ бы за собою крушеніе царства Монтесумы. Что же касается царства инковъ, то оно, правда, переживало уже не разъ внутреннія династическія революціи, которыя, однако не могли задержать его развитія. Но едва ли оно также легко вынесло бы переворотъ, который должно было вызвать паденіе династіи инковъ вслѣдствіе ожесточенной ненависти Атагуальпы. Кромѣ того, и въ этомъ случаѣ, не взирая на замѣчательную централизацію управленія, размѣры царства почти достигли предѣловъ возможнаго для того времени, Только дряхлостью обѣихъ культуръ и накопившимися въ нихъ зародышами разложенія можно объяснить невѣроятно быстрый успѣхъ Кортеса и Писарро, которые, при помощи горсти голодныхъ авантюристовъ, въ состояіи были разрушить огромныя государства.

4. Открытіе и завоеваніе.

A. Христофоръ Колумбъ.

a) Морской путь въ Индію.

Въ тѣхъ представленіяхъ, которыя существовали въ XV вѣкѣ относительно очертанія земной поверхности, не оставалось уже мѣста для новой части свѣта. Правда, въ ученыхъ кругахъ тогда перестали сопротивляться ученію о шаровидной формѣ земли. Но въ народъ оно едва только начало проникать, а множество другихъ ошибочныхъ воззрѣній было одинаково распространено и въ ученыхъ, и въ неученыхъ сферахъ. Книга Піера д' Алльи (Petrus de Alliaco: „Imago Mundi“) все еще служила катехизисомъ географическихъ знаній, и съ нею не въ состояніи было состязаться ни

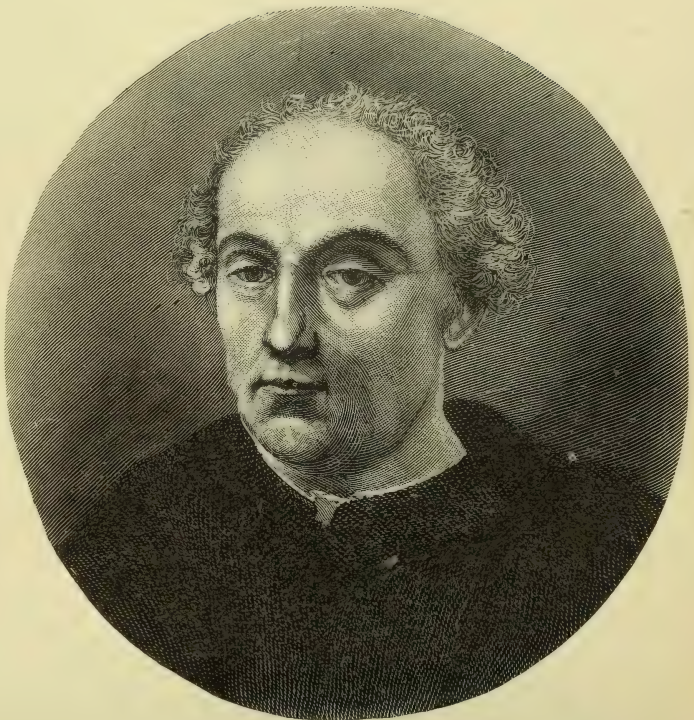
одно изъ болѣе новыхъ сочиненій по этому предмету. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самый интересъ къ географіи былъ долгое время очень ограниченъ. Схеластическая ученость съ ея конструктивнымъ методомъ испытывала такое полное самоудовлетвореніе, что не считала даже достойнымъ труда изучать что либо лежащее за предѣлами ея. Не отъ нея исходилъ также импульсъ, который, въ концѣ концовъ, привелъ къ тому, что человѣчеству сдѣлался извѣстнымъ обитаемый имъ земной шаръ, во всей его совокупности.

Даже Крестовые походы, которые безспорно дали значительный толчокъ къ расширенію знакомства съ землею и обитателями ея, въ общемъ все-таки вращались въ предѣлахъ свѣта, извѣстнаго уже изъ преданій древности. Они способствовали, конечно, освѣженію этихъ знаній, тамъ и сямъ вновь укрѣпили нити, порванныя событіями промежуточныхъ вѣковъ, но существеннаго и непосредственнаго обогащенія географическихъ знаній они не принесли съ собою. Впрочемъ, Крестовые походы косвенно привели къ этой цѣли путемъ болѣе тѣсныхъ соприкосновеній между христіанскимъ и мусульманскимъ культурными кругами. Ученіе Магомета уже въ то время распространилось за предѣлы свѣта, извѣстнаго древнимъ. Вызванныя религіозными предписаніями оживленныя сношенія между священнымъ городомъ Меккою и всѣми странами, гдѣ жили приверженцы Магомета, обогатили прежде всего географическія познанія арабовъ; черезъ нихъ эти знанія распространилась и въ Старомъ Свѣтѣ и дали толчокъ къ первымъ путешествіямъ, совершеннымъ предпріимчивыми итальянскими купцами, вродѣ Николо де Конти, Марко Поло и др., вплоть до дальняго Востока. Вѣсть о неисчерпаемыхъ богатствахъ и красотахъ крайняго Востока, въ царствѣ великаго хана, въ городѣ Катаѣ и на островѣ Сипангу, т. е. въ Китаѣ и Японіи, очевидцами которыхъ были сами путешественники или о которыхъ они разсказывали со словъ очевидцевъ, породила прежде всего въ средѣ торговаго сословія мощный импульсъ къ расширенію своихъ знаній, предпріятій и торговыхъ дѣлъ. Импульсъ этотъ не ограничивался ихъ кругомъ. Болѣе тѣсныя сношенія съ Востокомъ показали, что христіанство проникло дальше, чѣмъ думали прежде. Вмѣсто легендарныхъ разсказовъ о путешествіяхъ апостола Ѳомы, который будто бы проповѣдывалъ Евангеліе язычникамъ на дальнемъ Востокѣ, появились свѣдѣнія о христіанскомъ государствѣ первосвященника Іоанна, которое, по ту сторону великой пустыни, замыкавшей древній культурный міръ, жило уединенною, но счастливою и блестящею жизнью. Желаніе возстановить связь съ этими дальними единовѣрцами и съ помощью ихъ открыть новые пути для Евангелія, терпѣвшаго въ Старомъ Свѣтѣ все новыя пораженія, сочеталось съ жаждою искателей приключеній и торговцевъ найти сказочныя сокровища Востока. Изъ этихъ элементовъ возникли первыя попытки открытія пути въ Индію.

Главными носителями этихъ идей были итальянцы, но политическое раздробленіе ихъ отечества дѣлало Италію неспособною къ крупнымъ предпріятіямъ въ этомъ направленіи. Такой центръ образовался, подъ вліяніемъ благопріятныхъ случайныхъ обстоятельствъ, въ маленькой Португаліи. Это королевство, совершенно отрѣзанное отъ материка испанскими государствами, самой природой и политической необходимостью вынуждено было обратить свои взоры къ морю. Многочисленная колонія иностранцевъ, между которыми особенно много было итальянцевъ, оживляла еще болѣе духъ предпріимчивости, присущей португальцамъ, и служила какъ бы посредникомъ между ними и остальнымъ обширнымъ міромъ. Въ силу счастливаго стеченія обстоятельствъ, въ лицѣ инфанта Генриха, которому потомство дало названіе Мореплавателя, хотя онъ едва ли когда нибудь вступалъ на корабль, явилась личность, внесшая организацію и единство въ стремленія христіанства обрѣсти новыя области и способство-

Paolo Toscanelli.

Съ копіи, срисованной Джорджіо Вазари съ картины Алессіо Бальдовинетти: Palazzo della Signoria во Флоренціи.



Cristoforo Colombo.

Съ картины неизвѣстнаго художника, принадлежащей наслѣднику семейства Джовіо въ Комо.

(Изъ Raccolta Colombina, т. V и II, 3.)

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

вавшая Старому Свѣту вступить въ непосредственную связь съ сказочнымъ Востокомъ. Первоначально путешествія португальскихъ кораблей съ цѣлью открытій связаны были только съ жертвами и представляли не болѣе, какъ теоретическій интересъ. Тѣмъ не менѣе, подъ вліяніемъ все того же импульса, даннаго Генрихомъ, и въ направленіи имъ указанномъ, эти корабли проникали все дальше и дальше вдоль африканскаго побережья. Впереди у нихъ мелькала опредѣленная цѣль — найти путь къ богатствамъ Индіи и въ страну первосвященника Іоанна. Правда, конечная цѣль ихъ была достигнута уже тогда, когда передъ изумленными взорами Колумба и его спутниковъ выступила изъ глубины Атлантическаго океана новая часть свѣта. Тѣмъ не менѣе, дѣяніе Колумба сдѣлалось возможнымъ, только благодаря ихъ предпріятіямъ.

b) Юность Колумба.

Cristoforo Colombo или — будемъ называть его болѣе общепринятымъ именемъ — Христофоръ Колумбъ (см. портреты, „Paolo Toscanelli и Cristoforo Colombo“) родился около 1447 года. Онъ былъ сынъ ткача шерстяныхъ матерій и трактирщика Доменика Коломбо и жены его Сусанны Фонтанаросса. Отецъ Колумба неоднократно переносилъ свое мѣстожительство изъ Генуи въ Савону и обратно, такъ что невозможно съ точностью установить, гдѣ собственно родился Христофоръ. При случаѣ онъ называлъ своей родиною и тотъ, и другой городъ, хотя и не утверждалъ, что именно тамъ родился. Но цѣлый рядъ другихъ мѣстъ, присвоивающихъ себѣ право считать Колумба въ числѣ своихъ согражданъ, не имѣютъ для этого никакого основанія. Христофоръ былъ старшій изъ пятерыхъ дѣтей Доменика; три брата и одна сестра родились послѣ него. Генуэзскіе ткачи шерстяныхъ матерій имѣли собственную цеховую школу, и Христофоръ Колумбъ посѣщалъ ее, но, конечно, высшаго образованія тамъ не получилъ. Всѣми знаніями, которыя онъ пріобрѣлъ съ годами, — а зналъ онъ не мало для того времени, — онъ былъ обязанъ своей свѣтлой головѣ и необычайной энергіи. Рано пришлось ему сдѣлаться помощникомъ отца въ его ремеслѣ, хотя мальчикъ не имѣлъ ни малѣйшей склонности къ нему. Правда, онъ настоялъ на томъ, что совершилъ нѣсколько поѣздокъ на купеческомъ суднѣ, но, по возвращеніи домой, вынужденъ былъ опять приняться за свое ремесло. Во всякомъ случаѣ, до 25 года жизни онъ все еще былъ связанъ съ этимъ ремесломъ. Но съ 1474 года онъ исчезаетъ изъ Генуи. Когда же, спустя два года, онъ снова появляется въ Лиссабонѣ, то мы видимъ его уже настоящимъ морякомъ, который старательно стремится скрыть, что когда либо былъ кѣмъ нибудь инымъ.

Колумбъ не былъ великимъ умомъ, который, въ полномъ сознаніи своего значенія, могъ съ чувствомъ спокойствія и удовлетворенія окинуть взоромъ свое прошлое. Подобно многимъ изъ современныхъ ему соотечественниковъ, онъ представлялъ собою искателя приключеній, въ которомъ значительная доля самодовольства и хвастовства соединялась съ ловкостью и энергіей. Изъ такого сочетанія въ сотняхъ случаевъ выходитъ шарлатанъ и, лишь въ видѣ крайне рѣдкаго исключенія, создается дѣльная личность. Онъ стыдился своего низкаго происхожденія и своего скромнаго ремесла: если вѣрить его собственнымъ словамъ, то онъ былъ благородной крови и смолоду служилъ морякомъ. Но такъ какъ мы въ состояніи доказать, что это неправда, то имѣемъ право усомниться и въ его морскихъ подвигахъ. Можно впрочемъ вѣрить ему, что онъ проплылъ по Средиземному морю до Леванта, что онъ познакомился съ гаванями Атлантическаго океана, начиная отъ Англіи на сѣверѣ и до береговъ Гвинеи, которыми оканчивались плаванія португальцевъ. Повидимому, онъ не всегда плавалъ въ качествѣ мирнаго торговца. Онъ совершилъ также каперское плаваніе на службѣ

короля Рене. Это случилось приблизительно въ 1472 году, когда Рене поддержалъ возставшихъ барселонцевъ. Къ португальскому берегу онъ прибылъ въ 1476 году по случаю ожесточенной борьбы, которую пришлось выдержать венеціанскимъ путешественникамъ во Фландрію съ кораблями страшнаго французскаго пирата Куллона. Но его дѣятельность въ качествѣ моряка не могла долго продолжаться и ничѣмъ не выдавалась: въ біографіи его, прослѣженной съ достаточной достовѣрностью, не оказывается времени для этого; знанія же его не были настолько основательны, чтобы можно было предположить долгую и серьезную подготовку.

Въ Португаліи Колумбъ провелъ много лѣтъ въ мирной обстановкѣ. Тамъ онъ женился на Фелипѣ Монисъ, въ жилахъ которой текла итальянская кровь, кровь знаменитаго моряка Перестрелло. Этотъ бракъ, быть можетъ, не остался безъ вліянія на ходъ дальнѣйшей жизни его. Въ Португаліи у Колумба созрѣлъ планъ западнаго путешествія въ Индію. Въ этомъ отношеніи для него могли оказаться полезными матеріалы и связи, которыя онъ могъ пріобрѣсти черезъ посредство родственниковъ жены. Мнѣніе, будто все открытіе новой части свѣта на западѣ досталось ему въ видѣ тайны одного возвращавшагося домой и находившагося при смерти моряка, въ то время, какъ Колумбъ гостилъ на Азорскихъ островахъ, въ домѣ своей тещи, — это мнѣніе представляетъ столь нелѣпую сказку, что можно лишь удивляться, что она такъ долго держалась. Планъ могъ созрѣть у Колумба и помимо того. Мысль о возможности достиженія Индіи кратчайшимъ путемъ, если идти прямо на западъ, все болѣе укрѣплялась въ умѣ португальскихъ мореплавателей по мѣрѣ того, какъ африканскій материкъ, ими открываемый, растягивался далѣе и далѣе къ югу, что побудило ихъ отклониться отъ восточнаго пути. Серьезное и основательное обсужденіе практической выполнимости западнаго пути въ Индію впервые выступало на очередь въ этихъ сферахъ. Не довольствуясь разсказами португальскихъ моряковъ и ученыхъ, стали собирать также мнѣнія по этому предмету иностранныхъ знаменитостей въ области космографіи.

c) Паоло Тосканелли.

Когда духовникъ португальскаго короля Фернамъ Мартинсъ обратился однажды съ подобнымъ вопросомъ къ знаменитому флорентинскому врачу и космографу Паоло дель Поццо Тосканелли (см. табл. „Toscanelli и Colombo), то послѣдній въ длинномъ письмѣ изложилъ ему выполнимость западнаго путешествія въ Азію. При этомъ онъ для поясненія, вѣроятно, въ первый разъ, нарисовалъ карту той части земли, которая была еще не изслѣдована и которую надлежало раскрыть путешествіемъ на западъ. Это письмо и приложенная къ нему карта впослѣдствіи попали въ руки Колумба, повидимому, незаконнымъ путемъ. Такимъ образомъ, Тосканелли является духовнымъ иниціаторомъ открытія Америки. Конечно, онъ столь же мало подозрѣвалъ, какъ и Колумбъ, къ какимъ результатамъ приведутъ его указанія, — но если принять во вниманіе, что Колумбъ почти съ рабскою точностью держался во время своего путешествія карты и указаній Тосканелли, то нельзя не согласиться, что послѣднему принадлежитъ весьма существенная роль въ разрѣшеніи проблемы западнаго пути. И эта роль тѣмъ важнѣе, что онъ не является, подобно Колумбу, авантюристомъ, который руководился частью плохо переваренными понятіями, частью фаталистическими воззрѣніями, рѣшившись поставить на карту ради безумной идеи потерянную жизнь. Здѣсь передъ нами результатъ твердо обоснованнаго и тщательнаго научнаго изслѣдованія, которое оказалось, правда, не чуждымъ ошибокъ, но все-таки исходило изъ совершенно вѣрныхъ принциповъ. Весь планъ Колумба вообще возникъ лишь послѣ

того, какъ онъ ознакомился съ доводами Тосканелли и усвоилъ себѣ его взгляды.

Уже изъ этой исторіи происхожденія плана видно, что въ развитіи идей Колумба не играли никакой роли поѣздки исландцевъ и гренландцевъ на сѣверо-американскій материкъ. Правда, Колумбъ утверждалъ, что ему удалось проникнуть къ сѣверу на 100 миль по ту сторону Ѳулы; но, не говоря уже о томъ, что Ѳула представляетъ для XV вѣка далеко не установленное географическое понятіе, все описаніе его носитъ печать хвастливаго вымысла. На дальнемъ сѣверѣ, какъ извѣстно, арктическіе острова образуютъ мостъ между старымъ и новымъ материками, и мы положительно знаемъ, что, независимо отъ открытія Колумба, по этому мѣсту происходили сообщенія между обитателями обѣихъ частей свѣта и въ другомъ направленіи, и съ запада на востокъ и съ востока, на западъ: эскимосы проникали до Гренландіи, а исландскіе мореходы около 1000 года по Р. Х. были прибиты восточными вѣтрами къ берегамъ Сѣверной Америки. Лейфъ Эриксонъ, а нѣсколькими годами позже вдова его, вмѣстѣ съ Торфиномъ Карлсевне основали на американской землѣ временныя поселенія сѣверогерманскихъ викинговъ, о которыхъ сохранилось воспоминаніе въ сѣверныхъ сагахъ. Эти поселенія погибли, однако, уже черезъ нѣсколько лѣтъ вслѣдствіе неблагопріятныхъ условій. Сѣверные скальды не имѣли даже отдаленнаго представленія о томъ, что Винландія и страна Гуитрамана — такъ называли они новооткрытыя страны — представляютъ собою что либо иное, чѣмъ простое продолженіе цѣпи острововъ, которые тянутся отъ Исландіи и Фарерскихъ острововъ къ Гренландіи и дальше. Точно также вѣсть объ этомъ, если она вообще дошла до ушей Колумба, не могла имѣть никакого значенія при составленіи имъ плана западнаго пути къ сокровищамъ Индіи.

Несравненно большее значеніе не только для Колумба, но и для Совѣта, обсуждавшаго по порученію португальскаго короля возможность западнаго пути, представляли разсказы моряковъ. Атлантическій океанъ въ различныхъ мѣстахъ выбрасывалъ на берега Стараго Свѣта произведенія, которыя доказывали, что воды его омывали еще другую, совершенно отличную часть свѣта. Изъ того факта, что эти вещи часто оказывались хорошо сохранившимися, заключали, что разстояніе, отдѣляющее черезъ океанъ восточный берегъ Азіи — ничего другого не могли считать мѣстомъ происхожденія этихъ приносимыхъ волнами предметовъ — не очень велико и что преодолѣть его вообще возможно. Къ такому же выводу приводили описанія немногихъ путешественниковъ, которымъ удавалось добраться до владѣній великаго хана. Они частью умышленно преувеличивали разстоянія, частью неумышленно, вслѣдствіе уклоненій отъ прямого направленія. Въ силу того, пришли къ убѣжденію, что разстояніе отъ Европы сухимъ путемъ до Кинсая и Цайтуна должно обнимать значительно болѣе половины окружности земли. Отсюда слѣдовало, что разстояніе моремъ, которое долженъ былъ пройти западный путь, было значительно меньше половины. Главное затрудненіе заключалось въ томъ, что большую часть этого пути — и въ дѣйствительности гораздо большую, чѣмъ тогда предполагали — приходилось пройти, не встрѣчая суши. Правда, что раньше научились пересѣкать Средиземное море во всѣхъ направленіяхъ, не принимая въ соображеніе близости земли, но бассейнъ его былъ хорошо извѣстенъ. Точно также корабли, которые поддерживали сообщеніе странъ Средиземнаго моря съ Фландріей, Англіей и Германіей, теряли иногда изъ вида материкъ на цѣлые дни. Въ общемъ, однако, плаваніе по океану на всемъ протяженіи отъ Гвинеи до Англіи, носило каботажный характеръ; морякъ зналъ, что земля близко, и что, въ случаѣ грозящей опасности, ему всегда легко добраться до нея. Можно убѣдиться; правда, разсматривая старыя морскія карты, что на Атлантическомъ океанѣ намѣчено

было множество болѣе или менѣе обширныхъ острововъ. Здѣсь мы встрѣчаемъ Антилію, какъ остатокъ материка, объ исчезновеніи котораго Платонъ разсказываетъ въ „Тимеѣ“; здѣсь же были и острова св. Брандана, острова Семи Городовъ и мн. др. Но, хотя на картахъ все это выходило хорошо, моряки, пускавшіеся далеко въ открытый океанъ, видѣли только на дальнемъ горизонтѣ туманныя полосы земли, которыя всегда разсѣевались при приближеніи къ нимъ. Но то обстоятельство, что Колумбъ этимъ не смущался, что онъ пустился въ безграничный океанъ сознательно, не встрѣчая по цѣлымъ недѣлямъ, а быть можетъ, мѣсяцамъ никакого материка, — это принадлежитъ лично ему во всемъ этомъ планѣ и заслуживаетъ особеннаго признанія и уваженія.

Сколько правды въ томъ, что Колумбъ въ теченіе 14 лѣтъ настаивалъ передъ королемъ Португаліи на своемъ проектѣ западнаго пути, точно также нельзя установить. Но не подлежитъ сомнѣнію, что онъ вообще провелъ въ Португаліи не 14, а только 8 лѣтъ, и что въ теченіе этого срока онъ долгое время не находился при дворѣ, а занимался другими дѣлами. Собственно говоря, мы начинаемъ нѣсколько ближе знакомиться и съ самимъ Колумбомъ, и съ его проектомъ лишь съ того момента, какъ онъ покинулъ Португалію. Сдѣлалъ онъ это не совсѣмъ добровольно, но послѣ совершенія какого то преступленія, за которое его ожидало серьезное наказаніе. Онъ бѣжалъ изъ страны, взявъ съ собою лишь четырехлѣтняго сына Діего и бросивъ жену и остальныхъ дѣтей на произволъ судьбы. Какого рода была его вина, объ этомъ не упоминается. Указывали на неудачныя имущественныя дѣла, на столкновеніе съ королевскими чиновниками, но, по всей вѣроятности, неблаговидный поступокъ Колумба имѣлъ скорѣе близкое отношеніе къ его идеѣ: это было незаконное присвоеніе письма и карты Тосканелли, т. е. матеріала, въ которомъ онъ самымъ настоятельнымъ образомъ нуждался для осуществленія своего плана. Въ корреспонденціи Тосканелли понятна и правильна лишь та часть, которая адресована къ Фернаму Мартинсу; мнимое письмо къ Колумбу, приложенное къ ней, которое извѣстно лишь въ копіи, сдѣланной Колумбомъ, содержитъ массу невѣроятныхъ вещей, — и поэтому то всегда такъ трудно было оріентироваться въ этомъ вопросѣ. Но спрашивается: если Колумбъ открещивался отъ своихъ предковъ, отъ своего прошлаго, если онъ изобрѣлъ для себя гербъ и родовитое происхожденіе, то почему онъ не могъ сочинить также приложеніе къ письму, черновикъ котораго, если вѣрить Колумбу, Тосканелли сохранялъ годами, а затѣмъ имѣлъ еще неосторожность сохранить обращеніе и подпись, чего Колумбъ не сдѣлалъ даже въ своей фальсификаціи? Этимъ объясняется также чрезвычайно просто, почему король Іоаннъ такъ охотно разрѣшилъ ему вернуться и обѣщалъ безнаказанность, когда сдѣлалось вѣроятнымъ, что Испанія намѣрена попытаться осуществить проектъ, съ которымъ не посчастливилось морякамъ Іоанна.

d) Планъ путешествія.

Въ Испаніи Колумбъ также не сразу встрѣтилъ открытое сочувствіе его планамъ. Два или три года боролся онъ и въ этой странѣ съ неблагопріятными условіями, прежде, чѣмъ ему удалось пріобрѣсти небольшое число довѣрчивыхъ приверженцевъ, которыхъ онъ убѣдилъ и которые помогли ему проложить путь къ королю. Въ это время онъ поддерживалъ свое существованіе торговлей книгами и картами и при этомъ случаѣ пріобрѣлъ, вѣроятно, ту своеобразную начитанность, которою впослѣдствіи щеголялъ во всѣхъ своихъ сочиненіяхъ. Одно время его приковала къ городу древнихъ калифовъ интимная связь съ одною кордоанкою, Беатрисою Энрикесъ; но онъ былъ столь же мало вѣренъ своей возлюбленной,

сколько и супругѣ. О сынѣ, котораго она ему подарила, Фернандо Колонѣ, онъ заботился въ теченіе всей жизни; этотъ сынъ прославился впослѣдствіи своими сочиненіями и библіотекою, которая и теперь еще хранится въ Севильѣ. О возлюбленной же подумалъ онъ лишь, вѣроятно, подъ вліяніемъ угрызеній совѣсти, передъ лицомъ смерти, когда составлялъ духовное завѣщаніе. Дѣти не сопровождали Колумба во время его скитаній: маленькій Діего былъ помѣщенъ въ Уэльвѣ у одного шурина, а Фернандо оставался первое время при матери. И только когда цѣль была достигнута, и испанскіе правители привлечены были на сторону его открытія: дѣти Колумба были приняты на королевскую службу въ качествѣ пажей и съ тѣхъ поръ раздѣляли всѣ удачи и пораженія отца.

Первыми убѣжденными приверженцами, которыхъ Колумбъ расположилъ въ пользу своихъ плановъ, были настоятель францисканскаго монастыря Ла-Рабида близъ Уэльвы, фрай Хуанъ Пересъ де Марчена и врачъ лежавшаго по близости городка Палоса, Гарсіа Эрнандесъ. Оба они въ часы досуга охотно занимались вопросами космографіи. Когда Колумбъ, послѣ побѣга изъ Португаліи, искалъ убѣжища въ монастырѣ, между этими лицами быстро возникла дружба, основанная на общихъ интересахъ, и эта дружба въ послѣдующіе годы оказалась весьма цѣнною для Колумба. Пробывъ недолго въ монастырѣ, онъ отправился дальше, чтобы собственными силами проложить себѣ путь. Прошли, однако, годы прежде, чѣмъ вняли его планамъ, заключавшимъ въ то время еще множество фантастическихъ подробностей. Только въ 1486 году сторону Колумба принялъ герцогъ Медина Сели и, по всей вѣроятности, онъ предоставилъ бы ему въ родной гавани Пуэрто де-Санта-Марія, близъ Кадиса, корабль для плаванія, если бы королева Изабелла, заинтересованная, по разсказамъ герцога, планами Колумба, не пригласила его ко двору. Не легко было, конечно, Колумбу, съ его недостаточно обоснованными и научно не разработанными идеями, предстать предъ авторитетами духовной и свѣтской учености, которыми Фердинандъ и Изабелла окружили себя при дворѣ. Почти общее мнѣніе было, что это — итальянскій хвастунъ, и аргументы Колумба не были признаны убѣдительными ни въ Кордовѣ, ни въ Саламанкѣ, гдѣ онъ также долженъ былъ изложить свои планы передъ ученымъ собраніемъ. Ближайшая цѣль испанскихъ правителей въ то время заключалась въ окончательномъ устраненіи послѣднихъ остатковъ господства мавровъ на Иберійскомъ полуостровѣ, и эта задача требовала со стороны еще мало развитого государства сосредоточенія всѣхъ силъ. Поэтому Колумбу оставалось удовлетвориться тѣмъ, что королева, по крайней мѣрѣ, заинтересовалась его планами, обезпечила его на годъ деньгами, — и предоставить дальнѣйшее движеніе ихъ болѣе благопріятному будущему.

Нетерпѣніе Колумба было, однако, слишкомъ велико для того, чтобы онъ могъ ждать, и онъ уже принялъ рѣшеніе идти дальше и предложить свои планы другимъ монархамъ. Но здѣсь стеченіе различныхъ обстоятельствъ ускорило осуществленіе его желанія, которое превратилось для него въ настоящую idée fixe. Онъ снова остановился въ монастырѣ Рабида, рѣшившись отправиться за сыномъ Діего, который во время его странствованій оставался по близости у шурина въ Уэльвѣ, и вмѣстѣ съ нимъ переселиться во Францію. Однако, друзья Колумба были такъ поражены и заинтересованы его планами, которые къ тому же приняли болѣе ясный и опредѣленный характеръ въ теченіе переговоровъ, что настоятель монастыря просилъ его не уѣзжать, пока онъ не сдѣлаетъ послѣдней попытки въ пользу Колумба. Братъ Хуанъ Пересъ де Марчена былъ въ прежніе года исповѣдникомъ королевы. Основываясь на этомъ, онъ рѣшился еще разъ горячо рекомендовать ей предпріятіе Колумба. Онъ засталъ королеву въ лагерѣ Санта-Фе у стѣнъ мавританской столицы Гранады въ тотъ моментъ, когда ежедневно ждали паденія этой послѣдней

вражеской твердыни. Этимъ должна была завершиться, наконецъ, великая жизненная задача испанскаго народа. Поэтому общее настроеніе должно было приподнять тонъ, и слова пастыря упали на благодарную почву. Колумбъ былъ еще разъ приглашенъ ко двору, и ему было обѣщано, что съ паденіемъ Гранады, даны будутъ средства для осуществленія его попытки. Онъ прибылъ какъ нельзя болѣе своевременно и былъ свидѣтелемъ, какъ снятъ былъ полумѣсяцъ съ башенъ Альгамбры и надъ замкомъ мавританскихъ королей водрузился лучезарный крестъ.

Тѣмъ не менѣе, въ послѣднюю минуту еще разъ грозила неудача. Въ головѣ Колумба планы приняли форму столь твердаго убѣжденія, что этотъ авантюристъ-пролетарій держалъ себя такъ, какъ будто онъ собирался подарить цѣлое королевство. Онъ предъявлялъ требованія, которыя, въ случаѣ осуществленія его цѣлей, сдѣлали бы его богаче самихъ правителей, отъ которыхъ онъ теперь ждалъ подачки въ видѣ нѣсколькихъ тысячъ червонцевъ. Онъ не только пожелалъ имѣть на всѣ времена опредѣленную долю въ матеріальныхъ выгодахъ, которые принесутъ съ собою его открытія, но требовалъ также для себя и своихъ потомковъ наслѣдственнаго званія королевскаго адмирала на всемъ океанѣ и вице-короля всѣхъ тѣхъ странъ, которыя будутъ присоединены къ коронѣ, благодаря его открытіямъ. Подобныя притязанія возмутили въ особенности короля Фердинанда. Переговоры были прерваны, и Колумбъ уже покинулъ лагерь. Королевѣ Изабеллѣ удалось, однако, склонить своего супруга къ принятію условій удивительнаго человѣка. Договоръ былъ заключенъ согласно требованіямъ Колумба. И городъ Палосъ, который случайно долженъ былъ поставить для королевской службы нѣсколько кораблей, получилъ предписаніе передать эти корабли въ распоряженіе Колумба.

е) Открытіе Америки.

Этимъ еще далеко не были исчерпаны всѣ затрудненія. Колумбъ, со своей стороны, долженъ былъ обязаться участвовать въ расходахъ, для чего у него не было пока никакихъ средствъ. Затѣмъ, когда стало извѣстно назначеніе трехъ кораблей, то оказалось, что въ высшей степени трудно для нихъ навербовать экипажъ. И только, когда Колумбу удалось расположить въ пользу своихъ плановъ семью моряковъ Пинсоновъ, пользовавшуюся въ Палосѣ большимъ уваженіемъ, и добиться отъ нея матеріальной поддержки предпріятія путемъ уступки части своихъ привилегій, онъ получилъ возможность надлежащимъ образомъ снарядить корабли для смѣлаго плаванія и сформировать экипажъ. Наконецъ, 3 августа 1492 года маленькая эскадра выступила въ море. Она состояла изъ „Санта-Маріи“, которою командовалъ самъ Колумбъ, „Пинты“ подъ управленіемъ Мартина Алонсо Пинсона, и „Ниньи“ подъ управленіемъ Висенте Яньеса Пинсона. Это не были большія суда: „Санта-Марія“ вмѣщала 120, „Пинта“ 100 и „Нинья“ только 80 тоннъ. Тѣмъ не менѣе, они оказались настолько практичными для предположенной цѣли, что когда въ первомъ опьянененіи успѣхами были пущены въ ходъ суда большихъ размѣровъ, но съ менѣе блестящими результатами, то снова вернулись къ этому миніатюрному типу.

Какъ самую цѣнную вещь, Колумбъ взялъ съ собою на бортъ карту Тосканелли, къ которой онъ питалъ абсолютное и слѣпое довѣріе фанатика. На Канарскихъ островахъ оказались необходимыми починки, которыя задержали его еще почти на три недѣли. И только 6 сентября онъ отплылъ, наконецъ, въ неизвѣстный океанъ. Онъ держалъ курсъ строго на западъ. И убѣжденіе его въ правильности этого курса было такъ непоколебимо твердо, что даже кажущіеся признаки близости земли не могли отклонить его отъ этого направленія, хотя онъ считалъ ихъ не про-

тиворѣчащими указаніямъ на картѣ Тосканелли. Для того, чтобы, по возможности скрыть отъ экипажа всю рискованность предпріятія, Колумбъ велъ двойной счетъ пройденному разстоянію, такъ сказать, оффиціальный, гдѣ онъ всегда сознательно показывалъ слишкомъ малыя разстоянія, и другой, тайный счетъ исключительно для себя, который давалъ ему возможность оріентироваться на картѣ. Тѣмъ не менѣе, ему не удалось поддержать непоколебимое мужество въ простыхъ морякахъ, составлявшихъ его экипажъ. Онъ вступилъ въ область пассатовъ, гдѣ изо дня въ день сильный восточный вѣтеръ надувалъ паруса, а страна, которую онъ чуть-ли не каждый день обѣщалъ имъ, все еще не показывалась. Въ неопытныхъ спутникахъ росла тоска по родинѣ. Не разъ страхъ переходилъ въ чувство враждебности къ неизвѣстному, но высокомѣрному и хваставшему своими привилегіями чужеземцу, который не отличался къ тому же выдающимися талантами моряка. Да и самому Колумбу, вѣроятно, было нелегко, когда каждый день лучи восходящаго солнца однообразно освѣщали все ту же безбрежную поверхность. Но онъ не терялъ ни мужества, ни надежды, ободряя и другихъ. Хотя начальники другихъ кораблей также начинали терять вѣру въ удачный конецъ предпріятія, но все-таки они непоколибимо стояли на сторонѣ своего адмирала и помогали ему подавлять попытки возмущенія, въ которыхъ не было недостатка среди экипажа „Санта Маріи“. Наконецъ, въ началѣ октября стали все чаще и чаще встрѣчаться признаки, указывавшіе морякамъ на близость земли. Колумбъ внушалъ матросамъ, стоявшимъ на вахтѣ, особую бдительность и обѣщалъ награду тому, кто первый увидитъ желанную страну. Въ сумерки 11 октября Колумбу, а съ нимъ и нѣкоторымъ другимъ, показалось, что они видятъ вдали свѣтъ надъ водою, Однако, не ранѣе полнаго наступленія ночи съ „Пинты“, которая шла впереди, раздался выстрѣлъ: то былъ сигналъ, что дѣйствительно видна земля. Паруса были быстро спущены и курсъ остановленъ. Прошла, впрочемъ, еще цѣлая длинная ночь, и возбужденіе мореплавателей достигло крайней степени, когда они убѣдились, наконецъ, что земля, столько разъ возвѣщенная и все таки постоянно ускользавшая отъ нихъ, на этотъ разъ не была призракомъ.

На зарѣ 12 октября 1492 г. передъ взорами Колумба и его спутниковъ выступилъ изъ моря островъ умѣренной величины, покрытый зеленымъ лѣсомъ. И прежде, чѣмъ матросы успѣли сѣсть на спущенныя лодки и добраться до берега, они уже были замѣчены оттуда. Бурые мужчины и женщины, лишь слегка одѣтые, глядѣли съ очевиднымъ изумленіемъ на приближеніе чужеземцевъ. Когда матросы вышли на берегъ, эти люди оказались добродушнымъ и безвреднымъ народомъ рыболововъ и охотниковъ, очень бѣдныхъ и стоявшихъ на низкой ступени культурнаго развитія. Эта страна была островъ Гуанагани (нынѣшній Уэтлингъ, см. „Карты къ исторіи Америки“). Жители же его, которыхъ испанцы назвали Indios въ томъ убѣжденіи, что достигли восточнаго конца Азіи, были индѣйцы ароваки, которыхъ здѣсь не успѣли еще вытѣснить караибы. Хотя фактическія условія далеко не соотвѣтствовали блестящимъ ожиданіямъ путешественниковъ, но все-таки открытіе земли являлось успѣшнымъ окончаніемъ предпріятія Колумба. Изъ объясненій съ туземцами, какъ они ни были недостаточны, выяснилось, что это — не единственный островъ на океанѣ. Послѣ торжественнаго богослуженія, Колумбъ объявилъ открытую землю присоединенною къ владѣніямъ католическихъ государей Кастиліи и Арагоніи, а экипажъ его, который отъ упадка духа и враждебности быстро перешелъ въ противуположную крайность, провозгласилъ Колумба вице-королемъ и намѣстникомъ.

Въ послѣдующіе дни почти каждый часъ приносилъ новые сюрпризы. Послѣ того, какъ корабли миновали еще цѣлый рядъ маленькихъ острововъ, 28 октября показалась обширная масса суши: это была восточная

оконечность Кубы, которую Колумбъ назвалъ Isla Fernandina. Нѣсколько дней шли они вдоль берега въ направленіи къ западу, но конца не было видно. Тогда Колумбъ вернулся къ первому мѣсту, гдѣ бросилъ якорь, обогнулъ восточный конецъ и, плывя въ юго-восточномъ направленіи, достигъ второго обширнаго острова, который назвалъ Эспаньолой (см. табл. „Колумбъ пристаетъ къ Эспаньолѣ"). Новизна всѣхъ впечатлѣній и тропическая роскошь природы слишкомъ поглотили вниманіе путешественниковъ, и они забыли, что нигдѣ не встрѣчали никакихъ признаковъ близости большихъ торговыхъ городовъ восточной Азіи, Цайтуна и Кинсая, на поиски которыхъ они собственно отправились. Когда же они открыли у туземцевъ Эспаньолы немного золота, то Колумбу захотѣлось не столько продолжать свои открытія, сколько вернуться въ Испанію и насладиться плодами своего успѣха.

Однако, ему не суждено было вернуться, не выпивъ первыхъ горькихъ капель изъ чаши своего счастья. Утромъ 22 ноября „Пинта" не отвѣтила на сигнальный пароль съ адмиральскаго корабля. Мартинъ Алонсо Пинсонъ, заключавшій изъ мимическихъ объясненій туземцевъ, что по близости должна находиться страна, богатая золотомъ, покинулъ своего адмирала и на собственный рискъ пустился въ приключенія. Это былъ первый примѣръ эгоистическаго вѣроломства, за которымъ послѣдовали безчисленныя другія въ теченіе колоніальныхъ открытій. Дѣло сложилось еще печальнѣе, когда черезъ нѣсколько дней „Санта-Марія" сѣла на мель и пришлось оставить ее, такъ что для обратнаго пути въ распоряженіи Колумба оставалось лишь самое малое судно, „Нинья". Но, къ удивленію, во время приготовленій къ обратному путешествію черезъ океанъ, „Пинта" снова явилась къ адмиралу, и Колумбъ, не столько по убѣжденію, сколько изъ благоразумія, посмотрѣлъ сквозь пальцы на экскурсіи Пинсона. Оставивъ небольшой отрядъ добровольныхъ поселенцевъ, они 16 января 1493 года пошли подъ парусами по направленію къ родинѣ.

До широты Азорскихъ острововъ погода чрезвычайно благопріятствовала обратному путешествію. Только съ приближеніемъ къ роднымъ берегамъ волны еще разъ грозили поглотить тайну вновь открытой части свѣта. „Пинта" была снесена далеко на сѣверъ и, наконецъ, вошла въ гавань Виго. Когда Колумбъ миновалъ опасности бури, онъ очутился на широтѣ Лиссабона. Онъ испытывалъ высокое удовлетвореніе, когда съ развѣвающимися флагами Кастиліи входилъ въ гавань того самаго короля, который нѣкогда отнесся съ недовѣріемъ къ его планамъ, нынѣ блестяще оправдавшимся. Пріѣздъ Колумба ко двору, пребывавшему въ это время въ Барселонѣ, походилъ на тріумфальное шествіе черезъ всю испанскую территорію. Колумбъ торжественно предсталъ передъ правителями, съ которыми разстался, какъ нищій.

е) Дальнѣйшая судьба Колумба.

Почти съ самаго момента прибытія Колумба, начались приготовленія ко второму плаванію черезъ океанъ, въ несравненно большихъ размѣрахъ. Если при первомъ путешествіи представлялось затруднительнымъ навербовать достаточное число матросовъ, то теперь существовало затрудненіе иного свойства — сдѣлать надлежащій выборъ между тысячами, которые желали быть отправленными. Къ этому времени относятся вообще первыя мѣропріятія относительно регулированія переселенческаго движенія. 25 сентября 1493 года изъ Севильи отплылъ во вновь открытую страну флотъ, состоявшій изъ 17 большихъ кораблей и вмѣщавшій болѣе 1500 человѣкъ. Какъ и въ первый разъ, чудная погода благопріятствовала плаванію. Нѣсколько измѣненный курсъ привелъ ихъ сперва къ острову Доминикѣ и затѣмъ, мимо цѣлаго ряда новыхъ острововъ, къ Эспаньолѣ.

De Insulis nuper in mari Indico repertis

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Высадка Колумба на Эспаньолѣ.

(По одному изъ современныхъ ему летучихъ листковъ, напечатанному въ Базелѣ 1494 г.)

Но тамъ начались разочарованія. Оставшіеся послѣ перваго плаванія колонисты не сумѣли поддержать хорошихъ отношеній съ туземцами. Своей жестокостью они вызвали враждебность со стороны послѣднихъ и, оставаясь въ то же время безпечными, подверглись избіенію до послѣдняго человѣка. Чтобы ослабить впечатлѣніе этихъ извѣстій на новыхъ пришельцевъ, Колумбъ выбралъ другое мѣсто для основанія постояннаго поселенія. Первый городъ на землѣ Новаго Свѣта получилъ названіе Изабелы и быстро расцвѣлъ, благодаря соединеннымъ усиліямъ многочисленныхъ колонистовъ. Въ 1498 году Бартоломей Колонъ перенесъ поселеніе изъ стараго города, и новая столица была названа Санто-Доминго. Большинствомъ колонистовъ овладѣло, однако, сильное разочарованіе: здѣсь не было ни сокровищъ, ни богатствъ, и каждаго изъ нихъ ожидалъ лишь тяжелый трудъ и обязанности, и развѣ только будущія поколѣнія могли надѣяться воспользоваться наградою за нихъ. Разсказы тѣхъ, кто вернулся въ Испанію, были поэтому далеко не благопріятны. Значеніе новаго открытія все болѣе и болѣе подвергалось сомнѣнію. Энтузіазмъ, который охватилъ всѣ слои населенія передъ вторымъ путешествіемъ Колумба, едва-ли когда повторялся въ теченіе всей исторіи испанскихъ колоніальныхъ предпріятій.

Самъ адмиралъ, основавъ твердую точку опоры на Эспаньолѣ, пустился въ путь на новыя открытія. При этомъ былъ открытъ цѣлый рядъ дальнѣйшихъ острововъ на Антильскомъ морѣ. И такъ какъ Колумбъ шелъ вдоль берега Кубы въ теченіе многихъ недѣль и все-таки не достигъ конца, то онъ былъ убѣжденъ, что достигъ Азіатскаго материка. Запись, которую онъ составилъ по этому поводу, заключаетъ въ себѣ много забавнаго. Когда онъ вернулся въ Санто-Доминго, онъ нашелъ настроеніе совершенно измѣнившимся. Уваженіе къ нему среди разочаровавшихся колонистовъ было сильно поколеблено и еще болѣе поколебалось подъ впечатлѣніемъ вѣсти, что и въ эту послѣднюю поѣздку онъ не открылъ богатыхъ, населенныхъ цивилизованныхъ странъ, которыя ожидали найти въ восточной Азіи. Кромѣ того, слѣдующая партія переселенцевъ, привезенная съ родины братомъ его Бартоломеемъ, принесла вѣсть, что слава Колумба значительно поколебалась и при дворѣ. И когда присоединились къ тому несогласіе и возмущеніе среди колонистовъ, онъ счелъ наилучшимъ очистить мѣсто и вернуться въ Испанію, чтобы оправдать себя.

На этотъ разъ Колумбъ имѣлъ возможность оставить вмѣсто себя брата своего Бартоломея во главѣ юной колоніи. И такъ какъ изъ всѣхъ братьевъ Бартоломей наиболѣе обладалъ административнымъ талантомъ, то адмиралъ былъ вправѣ надѣяться, что колонистовъ не постигнетъ вторично печальная участь первыхъ поселенцевъ. При дворѣ испанскихъ правителей Колумбу удалось безъ серьезныхъ затрудненій разбить взведенныя противъ него обвиненія и оправдать свой образъ дѣйствій. Послѣ этого правительство снова предоставило въ его распоряженіе три корабля, и Колумбъ не могъ устоять противъ искушенія еще разъ пуститься на открытіе новыхъ странъ. При этомъ третьемъ плаваніи черезъ океанъ онъ держалъ курсъ еще болѣе къ югу, чѣмъ въ два первые раза. И встрѣтивъ на этотъ разъ лишь немного острововъ, онъ присталъ, наконецъ, къ берегу южно-американскаго материка, приблизительно въ томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ послѣдній круто поворачиваетъ на западъ. Онъ плылъ нѣкоторое время вдоль материка, но на широтѣ острова Маргариты повернулъ на сѣверъ, прежде всего потому, что самъ былъ боленъ и нуждался въ отдыхѣ. Послѣ плаванья черезъ Антильскіе острова, не представлявшаго ничего любопытнаго, онъ благополучно прибылъ на Эспаньолу. Космологическія воззрѣнія Колумба были такъ туманны и ненаучны, что, встрѣтивъ на пути огромныя массы прѣсной воды, которую волны Ориноко выносятъ на далекое

разстояніе въ Караибское море, онъ, при описаніи своихъ открытій, пускается въ самыя фантастическія разсужденія. Онъ полагалъ, что находится вблизи рая, и что миссія его, какъ Божьяго избранника, несущаго спасеніе, этимъ вполнѣ подтверждается.

Во время отсутствія брата, Бартоломей Колонъ твердой рукой держалъ бразды правленія. Но ему удалось установить до нѣкоторой степени покой и порядокъ только путемъ выселенія изъ колоніи наиболѣе неспокойныхъ элементовъ. Вокругъ нихъ вскорѣ сгруппировались всѣ, которые такъ или иначе были недовольны управленіемъ Колона. И вмѣсто оставленнаго имъ мирнаго поселенія, Колумбъ нашелъ два лагеря, враждебно стоявшихъ другъ противъ друга. Средства, къ которымъ онъ прибѣгъ, чтобы положить конецъ такому состоянію, были самыя неудачныя, какія можно было выбрать. Онъ примирился съ недовольными и не только даровалъ вожакамъ ихъ безнаказанность, но и обѣщалъ вернуть имъ прежнее положеніе. Этимъ онъ добился, правда, подчиненія сомнительныхъ элементовъ, но въ то же время безвозвратно утратилъ довѣріе тѣхъ, которые желали водворенія права и порядка. И между тѣмъ, какъ первые, добиваясь уступки за уступкою, отвлекали Колумба отъ пути справедливости, вторые отказали ему въ поддержкѣ и обратились съ жалобою на родину.

Въ этой путаницѣ, созданной имъ самимъ, Колумбъ наконецъ, самъ растерялся и присоединился къ ходатайству поселенцевъ, чтобы корона отправила за океанъ чиновника, снабженнаго широкими полномочіями, который подвергнулъ бы контролю способъ управленія вице-короля и возстановилъ бы право и порядокъ въ разстроенной колоніи. Фердинандъ возложилъ это трудное порученіе на Франсиско де Бобадилью, человѣка, доказавшаго на родинѣ свою опытность въ дѣлахъ управленія и не разъ отличавшагося въ войнахъ съ маврами. Тѣмъ не менѣе, выборъ его оказался неудачнымъ, такъ какъ совершенно особыя условія въ колоніяхъ требовали иного человѣка. Главная причина недовольства заключалась въ ненависти къ чужеземцамъ, которымъ во всемъ отдавалось предпочтеніе. Вслѣдствіе того они, пріобрѣли въ колоніи почти неограниченное господство и не всегда правильно пользовались имъ. Это чувство точно также имъ овладѣло и лишило его безпристрастія еще прежде, чѣмъ онъ достигъ Эспаньолы. Въ силу судейскихъ полномочій, данныхъ ему испанскими правителями, онъ вправѣ былъ, конечно, съ формальной стороны, лишить сана самого Колумба и его братьевъ. Вице-король не только самъ безусловно преклонился передъ волею короля, но склонилъ гораздо менѣе уступчиваго брата Бартоломея къ такому же образу дѣйствія. Однако, Бобадилья этимъ не удовлетворился и повелѣлъ заковать братьевъ Колонъ въ цѣпи и въ такомъ видѣ доставить ихъ въ Испанію, а все имущество ихъ въ колоніи конфисковалъ въ пользу короны. Это навлекло на него подозрѣніе въ партійномъ пристрастіи, которое нисколько не смягчилось тѣмъ, что онъ подвергъ сильной карѣ многочисленныхъ друзей и противниковъ адмирала и въ томъ числѣ многихъ испанцевъ.

Было что-то постыдное въ разыгравшейся теперь драмѣ: человѣкъ, который еще немного лѣтъ назадъ вернулся съ тріумфомъ, чтобы положить къ ногамъ своихъ государей вновь открытый міръ, сходилъ теперь на берегъ въ цѣпяхъ. Онъ взывалъ на этотъ разъ къ справедливости тѣхъ же правителей по отношенію къ ихъ слугѣ, котораго они уполномочили судить вице-короля. Въ Севилью былъ отправленъ приказъ немедленно освободить Колумба и препроводить его ко двору со всѣми почестями, приличествующими его рангу. Этотъ актъ былъ продиктованъ столько же благодарностью, сколько и справедливостью. Не могло также оставаться сомнѣнія въ томъ, что Бобадилья будетъ отозванъ. Тѣмъ не менѣе, правители не могли рѣшиться на удовлетвореніе требованій Колумба въ полномъ объемѣ и на воз-

вращеніе ему всѣхъ его правъ и владѣній. Правда, произведенныя разслѣдованія не раскрыли серьезныхъ упущеній со стороны Колумба, но все-таки они съ несомнѣнностью показали, что задача, которая выпадала на долю вице-короля, была ему далеко не по силамъ. Колумбу пришлось пока удовольствоваться тѣмъ, что всѣ его привилегии были вновь подтверждены, какъ существующія, и что разслѣдованіе жалобъ со стороны колонистовъ было возложено, вмѣсто Бобадильи, на другое лицо (выборъ правителя палъ на Николая де Овандо); самому Колумбу было воспрещено самымъ категорическимъ образомъ вступать на землю колоніи.

Колумбъ былъ, однако, не такой человѣкъ, чтобы сидѣть сложа руки, пока разрѣшался правовой вопросъ, который, при его бездѣятельности, пожалуй, могъ принять даже неблагопріятный оборотъ. Правители, вопреки дословному смыслу договора, успѣли даже, безъ вѣдома и участія Колумба, дать разрѣшеніе другимъ лицамъ на путешествія съ цѣлью открытій. Чтобы упрочить свои права вице-короля надъ всею областью, которая сдѣлалась извѣстною, благодаря его открытію, Колумбъ рѣшилъ возможно интенсивно отдаться изслѣдованію страны, гдѣ все еще загадка всплывала за загадкой. Въ этомъ правители ему не препятствовали. И въ четвертый разъ даны были въ его распоряженіе четыре корабля, снаряженные для плаванья съ цѣлью открытій. Ему была даже разрѣшена, на случай необходимости, остановка на Эспаньолѣ, но только на обратномъ пути. Колумбъ, однако, не стѣснялся принятыми на себя обязательствами. Онъ направился почти прямымъ путемъ на Санъ-Доминго и потребовалъ разрѣшенія войти въ гавань. Овандо съ полнымъ правомъ отказалъ ему въ томъ, такъ какъ этимъ былъ бы только нарушенъ покой, едва возстановленный. Колумбъ выдержалъ подъ островомъ сильную бурю, которая, къ его удовлетворенію, поглотила множество готовившихся къ обратному отплытію судовъ, а съ ними и врага его Бобадилью, такъ какъ Овандо не пожелалъ обратить вниманія на предсказаніе адмирала. Затѣмъ онъ повернулъ на юго-западъ, достигъ берега въ Гондурасскомъ заливѣ и въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ плылъ вдоль берега на востокъ, потомъ на югъ и снова на востокъ до Даріенскаго залива, гдѣ перешеекъ центральной Америки примыкаетъ къ южному материку. Во время этого плаванія Колумбъ впервые услышалъ о существованіи другого моря, на западѣ, и встрѣтилъ первыхъ болѣе цивилизованныхъ туземцевъ — юкатекскую торговую барку, на которой находилось 25 человѣкъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ испыталъ сильную нужду и лишенія. Эти страданія достигли высшей точки, когда послѣдній изъ четырехъ кораблей наскочилъ на берегъ Ямайки, въ то время еще не заселенной. Пришлось сидѣть мѣсяцами безъ всякихъ средствъ, пока удалось на рыбачьей лодкѣ доставить оттуда вѣсть въ Санъ-Доминго и вызвать помощь. Когда Колумбъ теперь снова вступилъ въ свою резиденцію вице-короля, онъ былъ слишкомъ надломленъ душевно и физически и не представлялъ болѣе опасности для спокойствія страны. Послѣ короткой остановки онъ возвратился въ Испанію. Тамъ ожидалъ его новый ударъ. Королева Изабелла, которой онъ былъ обязанъ осуществленіемъ своего перваго плаванія и которая всегда являлась для него доброжелательной покровительницей, скончалась. Изъ-за наслѣдства Кастильскаго трона поднялся споръ между королемъ Фердинандомъ и его зятемъ, Филиппомъ Красивымъ Бургундскимъ. Этотъ споръ такъ исключительно поглотилъ всеобщее вниманіе, что во всей Испаніи никто въ этотъ моментъ не имѣлъ времени интересоваться дѣлами колоніи и лица, открывшаго ее, — тѣмъ болѣе, что до сихъ поръ и колонія, и самъ Колумбъ требовали все денегъ и денегъ, а желанныя и столько разъ обѣщанныя богатства не открывались.

Колумбъ долженъ былъ отложить свои надежды до лучшихъ временъ. Ему не суждено было, однако, дожить до нихъ. Въ тотъ моментъ,

когда Колумбъ собирался представиться юному Филиппу, къ которому перешла Кастилія, — противъ воли Фердинанда, Филиппъ принялъ на себя регентство вмѣсто своей душевно-больной супруги, наслѣдницы кастильскаго трона, — онъ заболѣлъ въ Вальядолидѣ и умеръ 21 мая 1506 года, лишь немногими замѣченный и оплаканный. Непостоянство, составлявшее черту жизни Колумба, преслѣдовало и посмертные останки его. Сперва онъ былъ похороненъ въ Вальядолидѣ, въ монастырѣ францисканцевъ. Затѣмъ, по настояніямъ его побочнаго сына Фернандо, эти останки были перенесены въ маленькую церковь Санта Марія де ласъ Кувасъ въ Севильѣ. Когда въ 1537 году наслѣдники Колумба были возстановлены въ своихъ правахъ вице-королей Санъ-Доминго, останки были перевезены туда. Въ 1798 году, когда испанцы должны были уступить островъ Эспаньолу, кости Колумба были перевезены въ Гавану и покоились въ тамошнемъ соборѣ до настоящаго времени. Когда же въ послѣднюю войну Испанія потеряла и этотъ остатокъ своихъ американскихъ колоній, то рѣшено было снова перевезти останки Колумба черезъ океанъ въ Гранаду, городъ, гдѣ осуществились надежды Колумба, и тамъ похоронить ихъ рядомъ съ католическими государями.

B. **Путешествія съ цѣлью открытій въ первыя два десятилѣтія XVI вѣка.**

Колумбъ закрылъ глаза въ твердомъ убѣжденіи, что открытыя имъ страны принадлежатъ къ азіатской части свѣта. Когда, во время своего четвертаго путешествія, онъ узналъ, что Панамскій перешеекъ омывается моремъ и сь другой стороны, онъ объяснилъ это такимъ образомъ, что попалъ на полуостровъ Индо-Китай, противуположный берегъ котораго омывается водами Индійскаго океана. Однако, еще при жизни Колумба открытія другихъ мореплавателей начали колебать это убѣжденіе. Въ то время, какъ Колумбъ въ 1492 году велъ свои послѣдніе переговоры съ испанскими правителями и почти отчаялся въ благопріятномъ исходѣ ихъ, братъ его Бартоломей старался заинтересовать въ этомъ проектѣ короля Англіи. Переговоры были близки къ удовлетворительному результату, когда онъ узналъ объ удачномъ окончаніи испанскихъ переговоровъ. Онъ прервалъ ихъ; но Генрихъ VII, заинтересованный ими, поручилъ вскорѣ послѣ того другому итальянцу, Джіованни Габотто, отплыть подъ англійскимъ флагомъ на западъ для открытій. Въ двухъ быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ плаваніяхъ Габотто открылъ часть сѣверной Америки отъ Нью-Фаундлэнда почти до Флориды.

Послѣ третьяго путешествія Колумба различные испанскіе моряки, принимавшіе участіе въ прежнихъ путешествіяхъ адмирала, также получили разрѣшеніе самостоятельно дѣйствовать въ смыслѣ дальнѣйшаго расширенія открытій. Такъ, можно назвать Гоxеду, который путешествовалъ вмѣстѣ съ знаменитымъ старѣйшимъ картографомъ Новаго Свѣта Хуаномъ де ла Коса и флорентинцемъ Америго Веспуччи (картинныя, хотя и не совсѣмъ вѣрныя описанія послѣдняго въ первый разъ популяризировали знакомство съ Новымъ Свѣтомъ въ такой степени, что, въ концѣ концовъ, эта часть свѣта была названа его именемъ). Затѣмъ еще въ 1499 году Пералонсо Ниньо и Христобаль Герра (также въ 1499 году) прошли вдоль сѣвернаго берега южной Америки дальше предѣловъ, достигнутыхъ самимъ Колумбомъ. Висенте Яньесъ Пинсонъ и послѣ него Діего де Лепе спустились далеко къ югу до мыса Санъ Агустина и первые открыли дельту Амазонской рѣки.

Болѣе важное значеніе пріобрѣло впослѣдствіи другое открытіе, сдѣланное совершенно случайно. 19 марта 1500 года изъ Лиссабона отплылъ Педральваресъ Кабраль съ 13 кораблями, чтобы, обогнувъ мысъ Доброй

Надежды, достигнуть Ость-Индіи, до которой португальцы добрались, наконецъ, два года тому назадъ, во время своихъ путешествій на востокъ съ цѣлью открытій. Съ цѣлью избѣжать опаснаго плаванія вдоль западнаго берега Африки, онъ повернулъ въ открытомъ морѣ сильно на западъ. Восточные вѣтры отнесли его еще дальше въ этомъ направленіи, и 22 апрѣля онъ увидѣлъ берегъ Бразиліи. Нѣсколько времени онъ шелъ вдоль берега и отъ имени короля завладѣлъ имъ.

Такой образъ дѣйствій непосредственно вытекалъ изъ договора, заключеннаго послѣ открытія Колумба между Испаніей и Португаліей и касавшагося установленія демаркаціонной линіи. Правители Португаліи, чтобы предупредить всякіе споры относительно правъ, еще въ самомъ началѣ своихъ поѣздокъ съ цѣлью открытій добились разрѣшенія отъ папы Николая V присоединять всѣ страны, которыя будутъ ими открыты въ ихъ плаваніяхъ на югъ и на востокъ. Но такъ какъ предпріятіе Колумба имѣло въ виду сокровища той же Индіи, которой португальцы еще не достигли во время его перваго путешествія, то испанскіе правители поспѣшили по возвращеніи Колумба, съ своей стороны, добиться санкціонированія своихъ правъ папою. Папа Александръ VI поступилъ такимъ образомъ: всѣ земли, которыя находились къ западу отъ градуса долготы, проходящаго на 100 миль по ту сторону Азорскихъ острововъ, отъ полюса до полюса, онъ отдалъ испанцамъ, а всю область къ востоку отъ этого градуса онъ предоставилъ португальцамъ. Впослѣдствіи въ этомъ договорѣ для участвующихъ сторонъ сдѣлано было такое измѣненіе, что пограничная линія была передвинута на 370 испанскихъ миль къ западу отъ острововъ Зеленаго Мыса. Испанцы при тогдашнемъ состояніи ихъ открытій думали, что португальцамъ достанется развѣ нѣсколько острововъ на океанѣ и разсчитывали, что перемѣщеніе пограничной линіи въ направленіи къ неизвѣстному азіатскому востоку отдастъ въ ихъ распоряженіе обширныя области. Но открытіе Кабраля показало, насколько южно-американскій материкъ выступалъ въ восточномъ направленіи въ сравненіи съ широтами, открытыми Колумбомъ. Такимъ образомъ, значительная часть вновь открытой страны досталась португальцамъ. Правда, послѣдніе въ первое время были настолько поглощены расширеніемъ и обезпеченіемъ своихъ остъ-индскихъ владѣній, что обращали мало вниманія на западныя колоніальныя пріобрѣтенія. Король Мануель отправилъ туда двѣ или три экспедиціи на счетъ государства съ цѣлью оріентироваться относительно пріобрѣтенной территоріи. Но когда при этомъ не было найдено ни сокровищъ, ни благородныхъ металловъ, ни цѣнныхъ пряностей, то онъ предоставилъ дальнѣйшее разслѣдованіе этихъ странъ духу частной предпріимчивости. Въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій дѣло ограничивалось случайными поѣздками немногихъ португальскихъ купцовъ съ цѣлью доставленія въ Европу колоніальныхъ продуктовъ. Среди нихъ особенно цѣнилось красильное дерево brasil, отъ котораго страна впослѣдствіи получила свое названіе. Во время одного изъ такихъ путешествій, именно въ 1514 году, была открыта рѣка Ла Плата, но въ Португаліи такъ мало интересовались всѣмъ этимъ, что никогда серьезно не формулировали и не защищали свои права на эти открытія.

Послѣдніе годы жизни Колумба и ближайшіе годы послѣ его смерти были употреблены не столько для новыхъ открытій, сколько для организаціи и заселенія пріобрѣтенныхъ территорій. Самъ Колумбъ основалъ лишь городъ Санто-Доминго на Эспаньолѣ. Онъ былъ противъ разсѣянія поселеній по всему острову, главнымъ образомъ, потому, что колонисты ускользали тогда отъ его контроля, и онъ опасался, что, вслѣдствіе того, будутъ нарушены его права. Во время своего послѣдняго путешествія, Колумбъ рѣшилъ устроить второе поселеніе на побережьи Верагуа. Пришлось, однако, снять его, въ виду возмущенія туземцевъ, прежде, чѣмъ оно успѣло достаточно окрѣпнуть. И только Николай де Овандо, который изъ личныхъ

интересовъ не безъ умысла отстаивалъ во всѣхъ организаторскихъ вопросахъ противуположное тому, чего требовалъ Колумбъ, внесъ извѣстный подъемъ въ дѣло расширенія испанскихъ колоній въ Новомъ Свѣтѣ. Цѣлый рядъ новыхъ городовъ на Эспаньолѣ обязанъ ему своимъ существованіемъ; по его же распоряженію, Хуанъ Понсе де Леонъ занялъ въ 1510 г. Пуэрто-Рико. По всей вѣроятности, онъ сдѣлалъ бы гораздо болѣе въ этомъ направленіи, но неувѣренность въ условіяхъ колоніальнаго управленія парализовала его дѣятельность.

Еще при своей жизни, Колумбъ заявилъ королю Фердинанду, что лично согласенъ отказаться отъ пользованія дарованными ему привилегіями, если онѣ будутъ перенесены въ полномъ объемѣ на его сына Діего. Послѣ смерти отца, Діего настоятельно повторилъ это требованіе. И такъ какъ сначала ему предложили лишь нѣкоторыя финансовыя выгоды, не обсуждая принципіальной стороны вопроса, то Діего началъ тяжбу съ правительствомъ. По всей вѣроятности, дѣло тянулось бы до безконечности, если бы Діего Колонъ не вступилъ въ родственныя отношенія съ домомъ герцога Альбы и не пріобрѣлъ вліятельныхъ заступниковъ передъ королемъ Фердинандомъ. Этимъ путемъ онъ достигъ, по крайней мѣрѣ, того, что въ 1509 году вновь принялъ управленіе новооткрытыми островами, въ качествѣ королевскаго губернатора и адмирала Индіи. Въ 1511 году первая инстанція въ возбужденномъ имъ искѣ присудила въ его пользу всѣ титулы, почести и привилегіи, обѣщанные его отцу во всѣхъ открытыхъ имъ странахъ. Діего Колонъ этимъ, однако, не удовлетворился. Самъ онъ и потомки его еще многіе годы судились съ короною, чтобы отстоять свои права не только на открытія самого Колумба, но и на все то, что̀, благодаря этимъ открытіямъ, было впослѣдствіи завоевано для испанской короны. Этотъ процессъ, который, со всѣми его безчисленными осложненіями, грозилъ тянуться безъ конца и не дѣлалъ чести ни той, ни другой сторонѣ, утратилъ, однако, свое реальное значеніе вскорѣ послѣ смерти Діего Колона, послѣдовавшей въ 1524 году. Законный наслѣдникъ его былъ полнѣйшій негодяй; чтобы выпутаться изъ всевозможныхъ нечистыхъ дѣлъ, онъ вступилъ на путь компромиссовъ и отказался отъ большей части предъявленныхъ притязаній.

Когда Діего Колонъ былъ возстановленъ въ своихъ правахъ вице-короля, онъ точно также стремился фактически расширить колонизированную область. Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было основаніе испанскаго поселенія на островѣ Кубѣ. Діего Колонъ возложилъ это порученіе на Діего Веласкеса, который пользовался его довѣріемъ въ теченіе многихъ лѣтъ. Но здѣсь съ нимъ случилось то же, что въ отношеніяхъ отца его къ Мартину Алонсо Пинсону. Веласкесъ охотно принялъ на себя исполненіе предпріятія, всѣ расходы котораго несъ вице-король. Когда же онъ сталъ твердою ногою на Кубѣ, то сообщилъ о своихъ успѣхахъ непосредственно двору. При этомъ онъ сумѣлъ представить дѣла свои въ такомъ блестящемъ свѣтѣ, что желаніе его было услышано, и онъ получилъ назначеніе губернатора острова, минуя авторитетъ вице-короля.

Первое поселеніе на материкѣ также еще имѣло тѣсное соотношеніе съ открытіями Колумба. Золото, найденное имъ въ нѣсколько бо̀льшихъ количествахъ на побережьи Верагуа, привлекало въ эти области вниманіе самого правительства въ такой же мѣрѣ, какъ и частныхъ предпринимателей. Уже въ 1508 году Алонсо де Гохеда, ветеранъ временъ открытія, и Діего де Никуэса получили разрѣшеніе основать двѣ новыя колоніальныя провинціи, которыя должны были простираться на западъ и на востокъ отъ залива Ураба̀, отъ океана до океана. Но предпріятія ихъ въ теченіе многихъ лѣтъ терпѣли тяжелую неудачу, и оба они, среди превратностей своей судьбы, поплатились жизнью. Въ 1511 году была, наконецъ, основана на Даріенскомъ побережьи скромная колонія подъ названіемъ Санта-Маріа ла Антигуа.

По всей вѣроятности, и эта колонія погибла бы отъ недостатка средствъ къ существованію и пассивнаго сопротивленія туземцевъ, если бы не нашла, въ лицѣ Васко Нуньеса де Бальбоа, особенно подходящаго правителя, умѣвшаго пользоваться каждымъ успѣхомъ. Бальбоа недоставало титула, который санкціонировалъ бы его руководящее положеніе. Поэтому онъ обратился въ Испанію для утвержденія павшаго на него выбора лишенныхъ начальника товарищей. Въ то-же время онъ стремился отличиться предъ правительствомъ какимъ-нибудь выдающимся дѣломъ. Какъ нѣкогда Колумбъ, онъ слышалъ отъ индѣйцевъ, что по близости есть еще другой океанъ. Выясненіе этого вопроса казалось особенно настоятельнымъ въ тотъ моментъ, когда начинали сознавать необходимость дальнѣйшаго поступательнаго движенія въ западномъ направленіи. Благодаря своему умѣнью обращаться съ индѣйцами, несмотря на то, что онъ безжалостно подавлялъ всякую попытку сопротивленія, Бальбоа свелъ трудности перехода поперекъ перешейка почти исключительно къ физическимъ усиліямъ и лишеніямъ, связаннымъ съ движеніемъ по мало населенной и нездоровой тропической лѣсистой странѣ. Однако, и ему пришлось потерять нѣкоторыхъ изъ своихъ спутниковъ прежде, чѣмъ онъ, первый изъ европейцевъ, увидѣлъ съ послѣднихъ горныхъ вершинъ на западѣ Тихій океанъ. Нѣсколькими днями позже онъ занялъ побережье океана и всѣ близлежащіе острова. По пути онъ собралъ много золота и жемчуга, что́ еще болѣе увеличило значеніе его открытія. Ему не суждено было, однако, пожать плоды своихъ дѣяній. Еще раньше, чѣмъ дошла до Испаніи вѣсть объ его открытіи, отплылъ Педраріасъ Давила, какъ губернаторъ Даріенской провинціи; недовѣрчивость его и зависть приготовили Бальбоа безславный конецъ. Страна, открытая Бальбоа, обнимавшая Панамскій перешеекъ вмѣстѣ съ прилегающими сосѣдними территоріями, сдѣлалась старѣйшей провинціей испанскаго колоніальнаго государства на материкѣ Америки. Благодаря своимъ сокровищамъ, она получила названіе Castilla del oro, золотая Кастилія.

Открытіе Бальбоа впервые дало дѣйствительную почву сомнѣнію—открылъ ли Колумбъ восточный край Азіатскаго материка. Даже убѣдившись, что Южная Америка отдѣлена отъ извѣстныхъ странъ Азіи и независима отъ нихъ, все еще долго колебались признать то-же самое въ отношеніи сѣверной половины американскаго материка. Вообще ознакомленіе съ Южной Америкой дѣлало болѣе быстрые успѣхи, чѣмъ съ Сѣверной. Большую роль игралъ въ этомъ отношеніи средневѣковой предразсудокъ, будто цѣнность произведеній почвы возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ экватору. Соревнованіе между испанцами и португальцами, которое, впрочемъ, скоро прекратилось, также было причиною того, что путешествія съ цѣлью открытій, большею частью, совершались въ этомъ направленіи. Ему мы обязаны плаваніями Америго Веспуччи (1502) и Гонсало Коельо (1503) съ португальской и Хуана Діаса де Солиса (1515) съ испанской стороны. Они изслѣдовали побережье Южной Америки далеко по ту сторону устья Ла Платы и подготовили пути къ составившему эпоху плаванію Фернандо де Магеллана: послѣдній, въ поискахъ юго-западнаго пути къ Прянымъ (Молукскимъ) островамъ восточной Азіи, съ которыми въ это время португальцы лучше ознакомились, обогнулъ южный конецъ Америки.

Достигнувъ при этомъ азіатскихъ острововъ, Магелланъ наглядно доказалъ ошибку Колумба и, такимъ образомъ, первый вполнѣ осуществилъ его проектъ. Когда же экипажъ Магеллана, послѣ смерти своего начальника, возвратился домой черезъ мысъ Доброй Надежды, то впервые была разрѣшена практическимъ путемъ проблема шаровидной формы земли. Это плаваніе было несомнѣнно для науки безконечно богаче результатами, чѣмъ открытіе Колумба, которое, конечно, послужило лишь необходимымъ вступленіемъ къ нему.

До этого времени колоніи Вестъ-Индіи мало оправдывали надежды, которыя возлагались на нихъ при открытіи. Правда, на нихъ найдены были нѣкоторыя полезныя тропическія произведенія. Ввозъ этихъ произведеній въ Испанію и снабженіе ими колонистовъ, которые успѣли уже разселиться на обширныхъ пространствахъ земли, но въ отношеніи средствъ къ пропитанію все еще зависѣли почти исключительно отъ метрополіи, повлекъ за собою довольно оживленныя торговыя сношенія между Испаніей и ея колоніями. Но такъ какъ сама Испанія не стояла на высотѣ возникшихъ передъ нею колоніальныхъ задачъ, то въ этомъ принимали значительное участіе торговцы всѣхъ націй, и, главнымъ образомъ, нѣмцы. Для государства, однако, колоніи были пока мало прибыльны. Снаряженіе цѣлаго ряда экспедицій, созданіе необходимаго административнаго аппарата внутри и внѣ новыхъ владѣній, требовали значительныхъ расходовъ. Старались увеличить доходы при помощи пошлинъ и налоговъ, между которыми первое мѣсто занимала пятая часть со всякаго открывавшагося благороднаго металла, но все это давало лишь скромную прибыль. На Эспаньолѣ и Кубѣ, а также въ нѣкоторыхъ мѣстахъ материка найдены было золотоносные пески и началось промываніе ихъ. Золота былъ въ нихъ, однако, не много, и потому эта работа не доставляла большой выгоды. Кромѣ того, колоніи сильно вредили себѣ тѣмъ, что обременяли туземцевъ непосильною работою, вслѣдствіе чего число ихъ уменьшалось съ поразительною быстротою. На островахъ, занятыхъ раньше другихъ, населеніе почти вымерло въ первую треть XVI вѣка; колонисты, которые стремились лишь во что бы то ни стало быстро обогатиться въ золотопромывальняхъ, чтобы затѣмъ вести праздную жизнь на родинѣ или въ самыхъ колоніяхъ, являлись непроизводительнымъ и даже опаснымъ элементомъ населенія.

Если положеніе вещей съ теченіемъ времени приняло такой характеръ, что можно было, хотя и съ сильнымъ преувеличеніемъ, назвать испанскія колоніи „колоніями рудниковъ", то отвѣтственнымъ за это никакъ нельзя дѣлать одно правительство. Послѣднее еще во время второго путешествія Колумба издало общее предписаніе, чтобы всякій корабль, перевозившій переселенцевъ въ новую часть свѣта, запасался въ соотвѣтственномъ количествѣ не только хлѣбомъ для посѣва и сѣменами, но и кустарниками, деревьями и полезными растеніями родины. Этимъ положено было начало опытамъ акклиматизаціи въ различныхъ колоніальныхъ областяхъ. Въ числѣ первыхъ подарковъ, преподнесенныхъ испанцами Новому Свѣту, были европейскія домашнія животныя. Въ Америкѣ ихъ было очень немного, и къ тому же они принадлежали къ животнымъ мало производительнымъ; но большая часть европейскихъ домашнихъ животныхъ превосходно акклиматизировалась въ Новомъ Свѣтѣ. Лошадь не только сдѣлалась предметомъ первой необходимости для туземцевъ въ различныхъ областяхъ Америки, но даже размножалась путемъ свободнаго скрещиванія. Рогатый скотъ также прекрасно размножался на американской почвѣ. Живой скотъ служилъ одной изъ главныхъ статей обмѣна въ торговлѣ между колоніями, а кожи — одной изъ главныхъ статей для нагрузки индѣйскаго флота. Столь же хорошо акклиматизировались овцы. Но особенно быстро распространилась между туземцами европейская домашняя птица; по истеченіи первой половины вѣка, даже въ такихъ мѣстностяхъ, гдѣ еще не бывала нога европейца, піонеровъ западной цивилизаціи встрѣчалъ крикъ пѣтуха. Въ колоніяхъ также очень рано производились опыты съ менѣе простыми культурами. Правда, посадка виноградной лозы встрѣчала нѣкоторыя ограниченія, такъ какъ вино на самой родинѣ производилось въ размѣрахъ, далеко превышавшихъ собственную потребность, и поэтому составляло одну изъ наиболѣе подходящихъ статей торговли для фрахта колоніальныхъ кораблей. Но, съ другой стороны, воздѣлываніе сахарнаго тростника на Эспаньолѣ и Кубѣ впервые сдѣлало поселенцевъ неза-

висимыми отъ непостоянныхъ результатовъ промыванія золота. Съ 1517 года, когда стали замѣнять индѣйцевъ, неспособныхъ къ напряженной работѣ въ полѣ и рудникахъ, неграми, которые доставлялись съ западнаго берега Африки, воздѣлываніе сахарнаго тростника по временамъ принимало значительные размѣры. Первые опыты культуры шелковичнаго червя на американской почвѣ относятся уже къ 1526 году, хотя ни тогда, ни позже она не давала особенно блестящихъ результовъ. Однимъ словомъ, хоть уже съ первыхъ временъ правительство обращало особенное вниманіе на широкую эксплуатацію благородныхъ металловъ и не могло съ равнымъ интересомъ слѣдить за начатыми уже въ то время опытами культуръ, то все-таки несправедливо было бы утверждать, будто съ самаго начала и позднѣе руководящей точкой зрѣнія испанской колоніальной политики была погоня за золотыми сокровищами. Нельзя, впрочемъ, отрицать, что она играла извѣстную роль уже въ планахъ открытія самого Колумба.

C. Завоеваніе Мексики.

Если интересъ правительства все болѣе и болѣе сосредоточивался на отысканіи благородныхъ металловъ, то причину этого слѣдуетъ искать, главнымъ образомъ, въ ходѣ развитія, который приняли открытія въ третьемъ и четвертомъ десятилѣтіяхъ XVI вѣка. Колумбъ въ свое время не придалъ особаго значенія встрѣчѣ съ юкатекской торговой баркой, и такъ какъ торговцы не имѣли на борту благородныхъ металловъ, то онъ заключилъ, что ихъ не можетъ быть въ большомъ количествѣ ни на родинѣ этихъ людей, ни въ странѣ, куда они направлялись. Вслѣдствіе того, сравнительно высокая культура, съ которою здѣсь впервые встрѣтились открыватели, не обратила на себя вниманіе. И только когда стали тщательнѣе изучать поверхностно изслѣдованныя побережья Мексиканскаго залива, снова натолкнулись на полузабытую торговую націю, а когда направились по слѣдамъ ея, взорамъ изумленныхъ европейцевъ представилась первая изъ американскихъ сказочныхъ странъ.

Вполнѣ понятно, что Діего Веласкесъ, достигнувъ столь крупныхъ личныхъ успѣховъ въ своей первой попыткѣ колонизаціи на Кубѣ, возымѣлъ охоту и энергію къ дальнѣйшимъ предпріятіямъ. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ (1517), онъ снарядилъ небольшой флотъ подъ командою Франсиско Фернандеса де Кордоба, поручивъ ему плаваніе вдоль береговъ материка, между прочимъ, съ цѣлью мѣновой торговли съ туземцами. Корабли достигли полуострова Юкатана, недалеко отъ юго-восточной оконечности его, шли затѣмъ вдоль берега въ сѣверномъ и западномъ направленіяхъ и вернулись только тогда, когда въ дельтѣ Усумасинты имъ пришлось потерпѣть отъ враждебности обитателей побережья. Они съ удивленіемъ разсказывали о массивно построенныхъ храмахъ, въ которыхъ, на ряду съ другими каменными изображеніями боговъ, молились и кресту, о городахъ, въ которыхъ тысячи людей жили и занимались своими дѣлами; о томъ, что это были не полунагіе дикари, подобно большинству встрѣчавшихся до тѣхъ поръ туземцевъ, а люди, одѣтые почти какъ европейцы, часто даже въ богатыя и драгоцѣнныя одежды. Эти вѣсти звучали такъ заманчиво, что на слѣдующій годъ Веласкесъ рѣшилъ отправить въ тѣ же страны вторую, болѣе значительную экспедицію. Во главѣ ея онъ поставилъ своего племянника, Хуана де Грихальву. Новый флотъ увидѣлъ землю на островѣ Косумелѣ. Но когда испанцы тамъ, какъ и на западѣ, увидѣли берегъ тянущимся въ южномъ направленіи, въ нихъ окрѣпло убѣжденіе, что Юкатанъ представляетъ островъ, и они старались обойти его кругомъ, по слѣдамъ прошлогодней экспедиціи. Но когда плывя далѣе къ сѣверу вдоль неизслѣдованнаго еще побережья Мексики,

они увидѣли, что позади берега поднимается гористая страна, то рѣшили, что достигли материка. Съ этою вѣстью одинъ изъ кораблей возвратился на Кубу. Самъ Грихальва съ прочими кораблями ѣздилъ вдоль всего берега мексиканскаго царства до Пануко на сѣверѣ, производилъ мѣновую торговлю, собиралъ свѣдѣнія, но не рѣшался высадиться. Поэтому по возвращеніи ему пришлось выслушать самые серьезные упреки со стороны Діего Веласкеса. Правда, образъ дѣйствій его дословно соотвѣтствовалъ полученной имъ инструкціи. Но такъ какъ слухи объ открытіяхъ Кордобы и Грихальвы начали распространяться въ колоніяхъ, и могъ отыскаться другой, кто рѣшился бы предупредить и оспаривать многообѣщающее открытіе, то Діего Веласкесъ исполнился самыхъ тягостныхъ опасеній. Уже съ прибытіемъ перваго корабля начались приготовленія къ снаряженію новой экспедиціи; по возвращеніи Грихальвы, работа закипѣла съ двойной энергіей.

Веласкесъ нашелъ предводителя и для этой новой экспедиціи. Выборъ его палъ на Фернандо Кортеса, который, въ качествѣ алькальда главнаго города Сантъ-Яго, былъ однимъ изъ наиболѣе уважаемыхъ лицъ на островѣ. Въ теченіе 15 лѣтъ, проведенныхъ имъ въ колоніяхъ, онъ пріобрѣлъ большой опытъ и обнаружилъ особенную дѣловую умѣлость. Изъ всѣхъ личностей, которыя играли роль въ распространеніи испанскаго владычества на почвѣ Америки, Фернандо Кортесъ является одною изъ самыхъ симпатичныхъ. Онъ происходилъ изъ почтенной семьи въ Медельинѣ, получилъ хорошее образованіе и изучалъ въ теченіе двухъ лѣтъ права. Уже въ 1504 году онъ изъ увлеченія отправился во вновь открытую страну, сопровождалъ Веласкеса при первой колонизаціи Кубы и долгое время состоялъ его личнымъ секретаремъ. Открывшаяся возможность принять болѣе дѣятельное участіе въ изслѣдованіи новой, много обѣщавшей полосы земли вполнѣ соотвѣтствовала темпераменту и желаніямъ Кортеса. Поэтому онъ не только охотно далъ свое согласіе, но даже выразилъ желаніе покрыть часть расходовъ предпріятія изъ своего личнаго имущества. Однако, самое увлеченіе, съ которымъ Кортесъ отнесся къ дѣлу, вызвало недовѣріе со стороны подозрительнаго Веласкеса. Еще приготовленія не были окончены, а онъ уже раскаивался въ выборѣ Кортеса и былъ настолько нетактиченъ, что далъ послѣднему замѣтить это. У Кортеса не было, однако, ни малѣйшаго желанія уступить. Не выжидая снаряженія своихъ 11 кораблей, онъ отплылъ въ гавань Тринидадъ, расположенную въ болѣе западной части острова. Здѣсь онъ получилъ приказаніе Веласкеса не отправляться дальше, пока тотъ не переговоритъ съ нимъ лично; но это обстоятельство лишь побудило Кортеса ускорить свой отъѣздъ. Мѣстомъ для свиданія съ флотиліей онъ назначилъ мысъ Сантъ-Антоніо на западной оконечности Кубы. Такъ какъ при подобныхъ условіяхъ правильное снаряженіе кораблей грозило ему серьезными опасностями, то онъ рѣшился на отчаянное средство: задержавъ насильственно два корабля, которые должны были вести провіантъ въ Сантъ-Яго, онъ завершилъ свое снаряженіе при помощи ихъ груза. За уплатой онъ предложилъ обратиться къ Веласкесу, на службѣ у котораго онъ еще считался, по крайней мѣрѣ, номинально. Въ срединѣ февраля 1519 года Кортесъ могъ, наконецъ, выдти въ море. На борту его 11 кораблей находилось немного болѣе 400 европейцевъ, около 200 индѣйцевъ, 16 лошадей и 14 орудій. Это былъ небольшой отрядъ въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ было достигнуто при помощи его; но все-таки, для условій того времени,—одинъ изъ сильнѣйшихъ экипажей, какіе посылались для основанія новой колоніи. Плаваніе шло сперва извѣстными путями—въ Косумелу, потомъ вокругъ Юкатана, въ Табаско. Прежнія экспедиціи страдали отъ враждебности туземцевъ, главнымъ образомъ, въ этомъ послѣднемъ пунктѣ; поэтому Кортесъ рѣшился наказать ихъ. Правда, приходилось брать берегъ съ бою; но при помощи мушкетовъ, орудій и осо-

бенно лошадей, сопротивленіе табасканцевъ было сломлено. Когда они почувствовали силу испанскаго меча, они измѣнили свое прежнее поведеніе, стали приносить дары и покорились.

Такому хорошему началу благопріятствовали еще два случайныхъ счастливыхъ обстоятельства. На побережьи Юкатана удалось освободить изъ индѣйскаго плѣна испанца, который одинъ только оставался въ живыхъ изъ всѣхъ товарищей, приставшихъ къ берегу за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ. Знакомство его съ мѣстными нарѣчіями и условіями оказалось чрезвычайно полезнымъ для Кортеса, особенно въ началѣ предпріятія. Такую же помощь Кортесъ встрѣтилъ въ Табаско. Въ числѣ 20 рабынь, которыхъ ему, между прочимъ, преставили туземцы въ видѣ искупленія, находилась женщина ацтекскаго происхожденія, которая при крещеніи получила имя доньи Марины и, въ качествѣ переводчицы, оказала весьма цѣнныя услуги Кортесу. Она стала его возлюбленною, и, благодаря ей, онъ получилъ впервые болѣе точныя свѣдѣнія о царствахъ ацтековъ и политическихъ условіяхъ, господствовавшихъ въ нихъ въ то время. Эти свѣдѣнія дали ему возможность составить смѣлые планы покоренія ацтековъ, которые онъ осуществилъ почти съ непостижимымъ счастіемъ.

Изъ Табаско Кортесъ поплылъ вдоль берега до маленькаго острова Санъ-Хуанъ-де-Улуа и неподалеку отъ него основалъ первое испанское поселеніе на мексиканской почвѣ; онъ назвалъ его Вильярика-де-ла-Веракрусъ. На берегу онъ былъ дружелюбно принятъ ацтекскими начальниками. Событія въ Табаско сдѣлались извѣстными и въ столицѣ Монтесумы, и мнѣнія относительно того, какъ должно встрѣтить чужеземцевъ, въ Совѣтѣ короля сильно раздѣлились. Къ ужасу, вызванному пораженіемъ табасканцевъ, присоединились въ данномъ случаѣ суевѣрныя представленія, согласно которымъ Кетцалькоатль обѣщалъ своему народу со временемъ вернуться къ нему черезъ восточный океанъ (ср. выше стр. 287). Испанцы, которые имѣли при себѣ молнію, сверкающую изъ облаковъ, и коня, бѣгущаго со скоростью вѣтра, вполнѣ подтверждали, что они — дѣти бога облаковъ и вѣтра. Поэтому намѣстникъ побережья получилъ приказъ принять чужеземцевъ дружелюбно и, по возможности, удовлетворять ихъ желанія, но тотчасъ же сообщать объ этомъ двору и ждать дальнѣйшихъ приказаній.

Если туземцы были поражены кораблями, огнестрѣльнымъ оружіемъ и лошадьми испанцевъ, то послѣднихъ, въ свою очередь, изумило искусство ацтекскаго писца, который для иллюстраціи отчета, отправленнаго ко двору, довольно вѣрно срисовалъ испанцевъ. Кортесъ присоединилъ къ посольству намѣстника свое собственное. При этомъ онъ пояснилъ, что посланъ великимъ королемъ на дальнемъ востокѣ, чтобы поднести властителю Мексики подарки и передать порученіе, которое онъ можетъ, однако, изложить только устно. Отвѣтъ Монтесумы не заставилъ себя долго ждать. Онъ сопровождался богатыми подарками изъ золота и серебра, но гласилъ, что Кортеса просятъ этимъ удовлетвориться и отказаться отъ посѣщенія самой столицы. Это было, однако, не въ духѣ испанцевъ, и даже богатые подарки не могли склонить ихъ къ возвращенію безъ всякаго результата. Поэтому Кортесъ повторилъ желаніе предстать передъ Монтесумою, но въ то же время сталъ готовиться къ посѣщенію Мексики даже противъ воли правителя. И такъ какъ поведеніе ацтекскаго намѣстника побережья несомнѣнно начало становиться все болѣе и болѣе враждебнымъ, то Кортесъ, на всякій случай, сталъ искать союзниковъ. Тотонаки, занимавшіе далѣе къ сѣверу сосѣднія страны побережья и лишь недавно насильственно подчинившіеся игу ацтековъ, съ самаго начала отнеслись дружественно къ испанцамъ и неоднократно предлагали имъ посѣтить свою столицу Семпоалу (см. „Карты къ исторіи Америки“). Кортесъ отправился туда съ

частью своего экипажа и вернулся въ Веракрусъ, настолько успокоенный, что считалъ возможнымъ двинуться вглубь страны, имѣя такое прикрытіе линіи отступленія.

Предварительно слѣдовало, однако, возстановить полное единство среди маленькаго испанскаго отряда. Въ виду явныхъ признаковъ враждебности, которые Діего Веласкесъ обнаружилъ подъ конецъ въ отношеніи Кортеса, послѣдній не имѣлъ ни малѣйшаго желанія предоставить ему плоды своихъ усилій, и въ этомъ ему сочувствовало большинство его спутниковъ. Веласкесъ испытывалъ теперь на самомъ себѣ то, что̀ онъ сдѣлалъ въ отношеніи Діего Колона при заселеніи Кубы. Кортесъ отправилъ драгоцѣнные подарки Монтесумы съ подробнымъ отчетомъ прямо въ Испанію и вмѣстѣ съ тѣмъ ходатайствовалъ о назначеніи его и спутниковъ правителями страны, которую онъ обѣщалъ подчинить испанской коронѣ. Лоцманъ Аламиносъ, который руководилъ всѣми плаваніями вдоль побережья, долженъ былъ исполнить это порученіе на лучшемъ изъ кораблей. Для того, чтобы предупредить всякое дезертирство, весь остальной флотъ былъ объявленъ негоднымъ къ плаванію, посаженъ на мель и совершенно уничтоженъ. Когда это было сдѣлано, приверженцы Кортеса объявили себя незавасимыми отъ Веласкеса и вновь избрали Кортеса своимъ военачальникомъ. Сторонники Веласкеса сдѣлали, правда, попытку воспротивиться, но были подавлены большинствомъ послѣ того, какъ надъ вожаками совершена была для устрашенія кровавая расправа; остальные примирились съ совершившимися фактами.

Увѣрившись, такимъ образомъ, въ своихъ людяхъ, Кортесъ двинулся внутрь страны, сопровождаемый многочисленными мѣстными индѣйцами. Со стороны подданныхъ Монтесумы испанцы не встрѣтили открытаго сопротивленія. Но такъ какъ, чѣмъ дальше подвигался Кортесъ, тѣмъ настойчивѣе Монтесума предостерегалъ его отъ посѣщенія столицы, а въ то же время индѣйцы — проводники вновь и вновь напоминали испанцамъ объ измѣнническихъ приготовленіяхъ, которыя дѣлались въ силу тайнаго предписанія ацтекскаго правителя, то испанцы шли постоянно готовые къ бою. Они натолкнулись на открытую вражду лишь съ вступленіемъ въ область Тласкалы. Храбрые горцы, вѣками успѣшно отражавшіе всякія нападенія со стороны сосѣдей, не пожелали преклониться и передъ чужеземными пришельцами. Произошла долгая и ожесточенная борьба, причинившая и испанцамъ значительныя потери; но тласкаланцы убѣдились, наконецъ, что противъ огнестрѣльнаго оружія безсильна даже ихъ безстрашная храбрость. Они предложили испанцамъ миръ и сдѣлались вѣрными и надежными друзьями ихъ, какъ только узнали отъ тотонаковъ, что испанцы отнюдь не питаютъ дружественныхъ чувствъ къ ацтекскому правителю и намѣрены тѣмъ или инымъ способомъ положить конецъ его тираніи.

Отдохнувъ въ странѣ тласкаланцевъ отъ напряженныхъ переходовъ и битвъ и подкрѣпивъ свои военныя силы тласкаланскимъ вспомогательнымъ корпусомъ, испанцы двинулись дальше и дошли прежде всего до Чолулы. Здѣсь ихъ снова встрѣтили послы Монтесумы, которые требовали, чтобы они остановились, и совѣтовали вернуться. Въ то же время Кортесъ узналъ отъ своихъ индѣйскихъ союзниковъ, что его со спутниками ожидало нападеніе при выступленіи. Чтобы предупредить это, онъ захватилъ враждебныхъ предводителей и отдалъ городъ на разграбленіе своимъ индѣйскимъ союзникамъ. Они занялись этимъ такъ усердно, что даже большая храмовая пирамида Кетцалькоатля была превращена въ груду развалинъ. Устрашенный Монтесума отрицалъ всякое участіе въ покушеніи и болѣе не дерзалъ оказывать сопротивленіе испанцамъ.

Они безпрепятственно перешли черезъ горный кряжъ Попокатепетля, спустились въ долину Мексики и по плотинѣ, идущей изъ Истапалапана,

вступили въ омываемый моремъ Теноxтитланъ. Тысячи жителей его глядѣли на нихъ съ неменьшимъ изумленіемъ, чѣмъ они сами на высокую культуру, которая встрѣчала ихъ здѣсь на каждомъ шагу. Самъ Монтесума почти униженно вышелъ навстрѣчу имъ во внутреннемъ городѣ, сопровождаемый многочисленной свитой, и отдалъ для постоя ихъ дворецъ своего отца, который былъ какъ нельзя лучше пригоденъ для защиты, благодаря крѣпкимъ стѣнамъ, окружавшимъ всю группу зданій. Сначала отношеніе короля къ испанцамъ было, повидимому, очень дружественное. Правда, Монтесума съ спокойнымъ достоинствомъ отклонилъ попытки обращенія, но выразилъ готовность признать императора Карла V своимъ сюзереномъ и заплатить ему обильную дань благородными металлами и дорогими тканями. Его образъ дѣйствій не былъ, однако, искреннимъ: нападеніе, которое въ то же время было сдѣлано мексиканцами на испанцевъ, остававшихся въ Веракрусѣ, какъ выяснилось, потомъ произошло по его приказанію. Воспользовавшись этимъ вѣроломствомъ, испанцы заставили короля переселиться изъ своего дворца въ помѣщеніе испанцевъ. Здѣсь они относились къ нему болѣе или менѣе, какъ къ плѣнному. Онъ долженъ былъ съ торжественной церемоніей присягнуть императору и фактически передать власть испанцамъ. Подавивъ еще разъ попытку посадить на тронъ, въ качествѣ независимаго правителя, другого члена королевской фамиліи, испанцы вступили на совершенно мирный путь управленія страною. Переходъ совершился бы безъ всякаго кровопролитія, если бы не послѣдовали осложненія извнѣ.

Несмотря на то, что Аламиносъ имѣлъ приказъ плыть прямо въ Испанію, не входя въ сношенія съ колоніальными гаванями, онъ не могъ лишить себя удовольствія, хотя бы тайно и на короткое время, завернуть на Кубу и тамъ распространить вѣсть о необычайномъ успѣхѣ Кортеса. Чѣмъ больше была добыча, тѣмъ сильнѣе должно было быть стремленіе Веласкеса не упускать ее изъ своихъ рукъ. Поэтому не удовольствовавшись донесеніемъ въ Севилью о вѣроломномъ образѣ дѣйствій Кортеса, онъ напрягъ всѣ силы и снарядилъ второй экспедиціонный корпусъ съ цѣлью вырвать у Кортеса добычу прежде, чѣмъ онъ станетъ твердою ногою въ новой странѣ. Панфило де Нарваэсъ, на котораго Веласкесъ возложилъ задачу унизить Кортеса и принудить его къ повиновенію, располагалъ гораздо болѣе значительными боевыми силами, чѣмъ Кортесъ, но у нихъ не было единства. Вице-король Діего Колонъ, не касаясь пока правового вопроса, безусловно воспретилъ Веласкесу парализовать какимъ либо насильственнымъ вмѣшательствомъ блестящіе успѣхи Кортеса. Повторные протесты его посла, который сопровождалъ флотъ Нарваэса въ Веракрусъ, не остались безъ вліянія на экипажъ; къ тому же Нарваэсъ своими личными качествами не внушалъ къ себѣ такого довѣрія экипажа, какъ Кортесъ. На требованіе передать городъ Вильярику, намѣстникъ Кортеса отвѣчалъ тѣмъ, что отправилъ посланныхъ въ Мексико къ своему полководцу. Во время личныхъ переговоровъ Кортесъ быстро понялъ, что ему не трудно будетъ отвратить отъ Нарваэса его людей. Поэтому, вступивъ открыто въ переговоры съ Нарваэсомъ относительно соглашенія между ними на почвѣ разграниченія власти, онъ въ то же время сосредоточилъ всѣ бывшія у него въ распоряженіи боевыя силы и, оставивъ въ столицѣ сильный гарнизонъ подъ начальствомъ Педро де Альварадо, быстро двинулся на встрѣчу Нарваэсу. Освѣдомленный наилучшимъ образомъ черезъ посредство перебѣжчиковъ, онъ въ темную ночь напалъ на лагерь Нарваэса, почти не встрѣтивъ сопротивленія. Самъ Нарваэсъ, потерявъ въ битвѣ глазъ, былъ взятъ въ плѣнъ, послѣ чего почти все войско, имъ приведенное, перешло на сторону Кортеса. Лишь немногіе, въ томъ числѣ и Нарваэсъ, воспользовались разрѣшеніемъ вернуться на Кубу.

Легкая побѣда болѣе чѣмъ удвоила боевыя силы Кортеса: у Нарваэса

было гораздо больше конницы и стрѣлковъ, чѣмъ у Кортеса. Эти силы вскорѣ настоятельно понадобились ему. Въ Тенохтитланѣ, тотчасъ послѣ удаленія Кортеса, стало замѣтно грозное броженіе. Во время одного большого празднества, Альварадо узналъ, что намѣреваются воспользоваться большимъ стеченіемъ народа, чтобы напасть на испанцевъ и освободить Монтесуму. Онъ счелъ болѣе разумнымъ предупредить это нападеніе, и самъ напалъ на толпу и разсѣялъ ее послѣ ужасной кровавой расправы. Послѣ этого мексиканцы также перешли къ открытымъ враждебнымъ дѣйствіямъ и окружили испанцевъ такимъ тѣснымъ кольцомъ, что Альварадо вынужденъ былъ просить Кортеса о возможно скорѣйшей помощи. Поэтому Кортесъ, какъ только вновь организовалъ свои отряды, поспѣшно двинулся къ Мексико. По пути испанцы всюду чувствовали измѣнившееся, недружелюбное настроеніе, но, тѣмъ не менѣе, путь былъ свободенъ, и имъ удалось соединиться съ осажденными безъ серьезной борьбы. Слишкомъ поздно понялъ Кортесъ, что этимъ онъ не только ничего не выигралъ, но поставилъ все свое владычество, завоеванное съ такимъ трудомъ, въ зависимость отъ исхода одного какого-нибудь сраженія. Какъ только онъ вступилъ въ городъ, за нимъ закрылись всѣ пути, и испанцы, хотя и въ большемъ числѣ, очутились въ такомъ же отчаянномъ положеніи, какъ передъ тѣмъ отрядъ Альварадо. Сперва они попытались побѣдить противника въ открытомъ бою. Но вмѣсто тысячей падавшихъ, плохо вооруженныхъ туземцевъ, появлялись все бóльшія и бóльшія массы ихъ. Тогда Кортесъ попытался прикрыться авторитетомъ плѣненнаго короля, и появленіе послѣдняго на оградѣ дѣйствительно повело къ временному перемирію. Но когда Монтесума заявилъ, что онъ не въ плѣну и повелѣлъ не препятствовать удаленію испанцевъ, то ярость его подданныхъ направилась и противъ него. Нѣсколькими брошенными камнями онъ былъ раненъ такъ тяжело, что черезъ нѣсколько дней умеръ. Послѣ этого борьба приняла еще болѣе ожесточенный характеръ.

Теперь и Кортесу стало ясно, что онъ долженъ пробиться изъ города, чего бы это ни стоило. Но онъ былъ такъ тѣсно окруженъ врагами, что немыслимо было дѣлать приготовленія втайнѣ. Почти съ перваго шага приходилось форсировать обратный путь черезъ плотину, имѣющую около двухъ километровъ въ длину. Кортесъ выбралъ для отступленія ночное время въ надеждѣ, что опасность будетъ меньше. Но враги были уже давно подготовлены къ этому. Они оказались на мѣстѣ, сильно тѣснили его съ обѣихъ сторонъ и сражались съ лодокъ, пробивъ въ различныхъ мѣстахъ плотину. Градъ стрѣлъ и камней сыпался на отступавшихъ. Кортесъ приготовилъ мосты для того, чтобы перебросить ихъ черезъ прорывы плотины, и черезъ первый прорывъ ему дѣйствительно удалось пробраться. Но уже на второмъ яростный натискъ со всѣхъ сторонъ произвелъ такое необычайное смятеніе, что моста не удалось поставить. Массы тѣлъ падали въ провалъ, и бѣжавшіе устремились по нимъ къ материку. И только тамъ, у кипариса, который до сихъ поръ оберегается, какъ памятникъ грустной ночи, noche triste, удалось до нѣкоторой степени возстановить порядокъ. Понесенныя потери были громадны. Двѣ трети испанцевъ и еще бóльшій процентъ туземныхъ союзниковъ пали или были взяты въ плѣнъ, чтобы истечь кровью на алтаряхъ идоловъ. Всѣ орудія и большая часть ружей были потеряны и 46 изъ 67 лошадей убито. Изъ золотыхъ сокровищъ Кортесъ сохранилъ лишь пятую королевскую часть, а остальное отдалъ своему войску; но въ ужасной битвѣ почти все это погибло. Положеніе спасшихся, которые почти всѣ были ранены, оставалось критическимъ, такъ какъ отъ ближайшей дружественной страны ихъ отдѣляли еще сотни километровъ.

Кортесъ полагалъ, что врагъ еще не разъ преградитъ ему путь. Поэтому онъ обошелъ озеро съ сѣверной стороны и, такимъ образомъ, дѣй-

ствительно добрался черезъ Теотіуаканъ до Отумбы, но здѣсь испанцамъ еще разъ пришлось пробиваться сквозь подавляющую массу непріятеля (по счету Кортеса, численность враговъ доходила до 200,000). Побѣда досталась съ величайшимъ трудомъ и, вѣроятно, только благодаря тому обстоятельству, что испанцамъ удалось убить непріятельскаго предводителя въ толпѣ его воиновъ. Послѣ битвы они могли продолжать отступленіе нѣсколько свободнѣе, но опасность миновала лишь тогда, когда они вступили на Тласкаланскую территорію. Тласкаланцы остались вѣрны союзу, заключенному съ испанцами, несмотря на всѣ заманчивыя предложенія противниковъ.

Прошли мѣсяцы, прежде чѣмъ испанцы настолько оправились отъ ужасныхъ трудностей отступленія и пополнили свои ряды съ островов, что Кортесъ могъ подумать о новомъ наступательномъ движеніи. Въ послѣднія недѣли 1520 года онъ покинулъ гостепріимную Тласкалу и прежде всего постарался возстановить славу испанскаго оружія покореніемъ сосѣднихъ народностей. Затѣмъ онъ напалъ на Тескуко для того, чтобы оттуда подготовить планъ завоеванія островного города Тенохтитлана. Здѣсь онъ прогналъ ацтекскаго намѣстника и сумѣлъ пріобрѣсти готовыхъ помочь ему союзниковъ, ловко воспользовавшись политическимъ положеніемъ Анагуака. Тогда Кортесъ оказался такимъ же превосходнымъ организаторомъ, какъ раньше проявилъ себя неустрашимымъ полководцемъ. Для войны противъ городовъ на берегу озера онъ отправлялъ, главнымъ образомъ, союзниковъ подъ предводительствомъ небольшихъ испанскихъ отрядовъ. Самъ онъ провелъ изъ Тескуко каналъ къ озеру Мексико и въ недоступномъ мѣстѣ построилъ флотилію изъ 13 кораблей, которая, по открытіи канала, выступила въ озеро. Эта флотилія въ состояніи была отражать назойливыя нападенія вражескихъ лодокъ. Послѣ этого начались, одновременно съ суши и съ озера, систематическія нападенія на одинъ береговой городъ за другимъ. Послѣдними пали города, которые господствовали надъ доступомъ къ дорогамъ, проложеннымъ по плотинамъ. Когда, наконецъ, флотилія Кортеса одержала рѣшительную побѣду надъ флотомъ изъ лодокъ мексиканцевъ, и послѣднія исчезли съ озера, какъ военная сила, испанцы получили возможность приступить къ нападенію на самую столицу.

Тамъ Куитлагуакъ, король, руководившій битвою „грустной ночи", умеръ послѣ 4-хъ мѣсячнаго правленія. Ему наслѣдовалъ правитель Гуатемоцинъ, не уступавшій ему въ храбрости. Уже послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ нападеній, испанцы должны были убѣдиться, что немыслимо взять городъ штурмомъ. Однако, и систематическая осада, на которую рѣшились неохотно, оказалась длительною и трудною. Каждая пядь земли, каждый домъ защищался съ необычайною храбростью туземцами, которые собрались въ огромномъ числѣ въ Тенохтитланѣ. И пока всѣ входы въ городъ со стороны воды не перешли въ руки испанцевъ, корабли Кортеса не могли окончательно отрѣзать подвозъ продовольствія осажденнымъ. Несмотря на это, испанцы медленно, но неуклонно подвигались впередъ. Послѣ почти 10-недѣльной осады они оттѣснили противника въ небольшую часть города, разрушая по пути всѣ зданія, чтобы имѣть возможность пустить въ ходъ свои лучшія средства борьбы, орудія и конницу. Тогда Гуатемоцинъ началъ сомнѣваться въ возможности отстоять истомленный голодомъ городъ. Онъ попытался уйти чрезъ озеро, но попалъ въ руки испанцевъ. Послѣ того осажденные, наконецъ, перестали сопротивляться и 13 августа 1521 года геройскіе защитники покинули развалины Тенохтитлана.

Тотчасъ послѣ этой побѣды, Кортесъ возобновилъ дѣятельность, которую вынужденъ былъ прервать вслѣдствіе появленія Нарваэса на побережьи. Податные списки Монтесумы дали ему возможность составить

весьма точное представленіе о размѣрахъ и организаціи его царства. На этой основѣ онъ организовалъ провинціи и регулировалъ подати. Для него было чрезвычайно важно, что вѣсть о богатой и высоко цивилизованной странѣ, открытой, наконецъ, на американской почвѣ и, благодаря его энергіи, присоединенной къ испанской коронѣ, дала такой мощный толчекъ къ эмиграціи, какого не было со времени второго путешествія Колумба. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ городъ Мексико насчитывалъ тысячи жителей, и Кортесъ, со свойственной ему энергіей, возстановлялъ разрушенныя постройки. Рядомъ съ этимъ на всей территоріи Монтесумы раскинулась сѣть мелкихъ европейскихъ поселеній. Уже въ первый годъ такое поселеніе было основано на южномъ озерѣ. Въ это время возвращеніе „Викторіи", единственнаго изъ кораблей, отплывшихъ въ 1519 году съ Магелланомъ, который совершилъ кругосвѣтное плаваніе вокругъ южной оконечности Америки и Африки, привлекло интересъ къ Молукскимъ островамъ, будто бы находившимся въ предѣлахъ испанскаго владычества. Возникло желаніе найти болѣе короткій путь къ этимъ островамъ сравнительно съ тѣмъ, который былъ открытъ Магелланомъ. Тогда въ короткое время было построено въ Сакатулѣ нѣсколько кораблей, которые вскорѣ приступили къ систематическому изслѣдованію тихоокеанскаго побережья Мексики.

Нѣкоторое время Кортесъ питалъ серьезную надежду отыскать проходъ черезъ центральную Америку. Это стремленіе и желаніе точнѣе установить южныя границы завоеванной имъ страны, куда онъ, подъ вліяніемъ своихъ успѣховъ, съ увѣренностью разсчитывалъ проникнуть со стороны поселеній въ Даріенѣ, побудили его, какъ только позволило положеніе дѣлъ въ центрѣ провинціи, снарядить двѣ новыхъ экспедиціи. Одна, подъ управленіемъ Педро де Альварадо, проникла черезъ южно-мексиканское побережье Тихаго океана въ область майясскихъ племенъ, которыя жили въ гористыхъ мѣстахъ на сѣверѣ перешейка, въ нынѣшней Гватемалѣ. Альварадо сумѣлъ воспользоватьсятѣми же условіями, которыя помогли Кортесу одержать побѣду, именнораспрями между начальниками отдѣльныхъ племенъ. Хотя и здѣсь порою встрѣчалось упорное сопротивленіе, и туземцы выказали такую же храбрость, какъ и защитники Тенохтитлана, но здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, они не въ состояніи были долго держаться противъ испанцевъ. Походъ доставилъ не только славу, но и богатые результаты.

Менѣе счастливымъ оказалось другое предпріятіе, которое Кортесъ, одновременно съ первымъ, направилъ вдоль Атлантическаго побережья на югъ. Начальникъ этой экспедиціи, Христобаль де Олидъ, съ самаго начала былъ подозрителенъ Кортесу, который опасался, что тотъ поступитъ съ нимъ такъ же, какъ раньше поступилъ самъ Кортесъ по отношенію къ Веласкесу. Правда, Олидъ, объѣхавъ полуостровъ Юкатанъ, еще отъ имени Кортеса завладѣлъ страной въ Пуэрто де Кабальосѣ и основалъ поселеніе подъ названіемъ Тріунфо де ла Крусъ. Но затѣмъ онъ обнаружилъ несомнѣнное желаніе обезпечить за собою еще небольшую область между центрально-американской провинціей, организованной подъ названіемъ Castilla del oro, и мексиканской провинціей Кортеса. Онъ привлекъ къ себѣ изъ обѣихъ провинцій безпокойные элементы искателей приключеній и, при помощи ихъ, устранилъ добросовѣстныхъ людей или запугалъ ихъ. Случаю угодно было, чтобы многіе отряды, которые Кортесъ посылалъ за Христобалемъ де Олидъ, исчезли безъ вѣсти и не достигли цѣли; поэтому до главнокомандующаго доходили лишь слухи о предполагаемомъ отпаденіи де Олида. Въ этомъ онъ увидѣлъ серьезную опасность. Стремленія Кортеса добиться санкціи его намѣстничества со стороны короля все еще не увѣнчивались полнымъ успѣхомъ, и если бы Олиду удалось теперь вмѣстѣ съ Веласкесомъ самостоятельно укрѣпиться на югѣ, то Кортесъ могъ бы поплатиться если не всѣми своими владѣніями, то большею частью ихъ.

Битвы испанцевъ въ Мексикѣ по ацтекскимъ рисункамъ „Льенсо де Тласкала".

Такъ называемое Льенсо де Тласкала былъ кусокъ полотна, почти въ 6 локтей длины и $2^1/_2$ локтя ширины; на немъ водяными красками, въ 86 картинахъ, были изображены событія покоренія, въ которыхъ тласкаланцы принимали участіе, какъ союзники испанцевъ. Хотя эти изображенія возникли въ XVI вѣкѣ, но они были исполнены туземцами съ ихъ своеобразнымъ искусствомъ. Оригиналъ былъ потерянъ во время революціи послѣ низверженія императора Максимиліана, но существуетъ точная копія Льенсо въ отдѣльныхъ листахъ, изданная Мексиканскимъ Колумбовскимъ обществомъ, въ сочиненіи „Homenaje á Colon, Antiguedades Mexicanas publ. por la Junta Colombina de Mexico" (Мексико, 1892).

Приводимый здѣсь листъ (№ 52) представляетъ событіе изъ экспедиціи Нуньо де Гусмана въ Новую Галисію въ 1530 г., а именно, битву съ обитателями Мичуакана. Въ союзѣ съ Нуньо де Гусманомъ и его испанскими всадниками тласкаланцы сражаются подъ предводительствомъ начальника, который держитъ боевой значекъ Тисатлана; вѣроятно, это — самъ Хикотенкатль. Личность второго начальника съ богатымъ украшеніемъ изъ перьевъ не можетъ быть установлена. Нападающихъ сопровождаютъ страшныя военныя собаки. Поводомъ къ битвѣ послужила измѣна индѣйца, намекомъ на которую служитъ повѣшенный. Правый верхній уголъ заполненъ іероглифами, обозначающими Мичуаканъ: это — страна рыболововъ. Исходъ битвы, окончившейся пораженіемъ, указывается искалѣченнымъ трупомъ передоваго бойца, который лежитъ распростертымъ въ правомъ углу картины.

Битвы Корте

(Съ ацтекскихъ изображе

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

... въ Мексикѣ.

... „Ліенцо изъ Тлацкалы“.)

Поэтому Кортесъ, съ свойственною ему быстротою рѣшенія, въ октябрѣ 1524 года, выступилъ изъ Мексико и направился вдоль Атлантическаго побережья до Усумасинты. Отсюда онъ пересѣкъ въ поперечномъ направленіи Юкатанъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ этотъ полуостровъ сливается съ материкомъ и, наконецъ, черезъ озеро Исабалъ достигъ поселенія Олида на берегу Цѣль похода Кортеса была достигнута уже до его вступленія: Олидъ былъ устраненъ, и колонія возвращена къ повиновенію. Во время своего похода Кортесъ прошелъ чрезъ обширную неизслѣдованную область, познакомился съ городами и странами майясскихъ народовъ востока и настолько укрѣпился на всей этой территоріи, что всякая опасность посторонняго вмѣшательства была устранена. Правда, серьезная попытка покоренія полуострова Юкатана, гдѣ жили послѣдніе остатки народностей съ древней чистой культурою майясовъ, сдѣлана была лишь нѣсколько лѣтъ спустя Франсискомъ де Монтехо и съ перемѣнчивымъ успѣхомъ осуществлялась сравнительно медленно. Но послѣ того, какъ полуостровъ былъ изслѣдованъ со всѣхъ сторонъ, съ суши и съ моря, завоеваніе его составляло лишь вопросъ времени; главныя тайны этого полуоствова были раскрыты Кортесомъ. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, пока новыя открытія не отвлекли вниманія въ другую сторону, туда отправлялись отъ времени до времени изъ Севильи flotas de Yucatan и привозили домой богатыя сокровища.

Между тѣмъ какъ Кортесъ углубился въ дикія страны, чтобы подавить непокорность своихъ подданныхъ, возмущеніе дерзко подняло голову въ самой столицѣ его. Кортеса считали пропавшимъ безъ вѣсти, и противники его — а ихъ было не мало у энергичнаго и безпощаднаго конкистадора, среди всѣхъ, чьихъ преувеличенныхъ надеждъ онъ не оправдалъ — пріобрѣли настолько силы, что свергли установленное имъ регентство и захватили въ свои руки бразды правленія. Правда, это антиправительство рухнуло, когда возвращавшійся полководецъ сталъ приближаться къ городу. Онъ былъ утвержденъ въ это время Карломъ V въ качествѣ намѣстника и военачальника провинціи Новой Испаніи. Тѣмъ не менѣе, съ тѣхъ подъ были посѣяны зародыши недовольства, которые, въ концѣ концовъ, вынудили Кортеса въ 1527 году отправиться въ Испанію и лично изложить двору положеніе дѣлъ. Не взирая на безконечные процессы, ему удалось оправдаться передъ Индѣйскимъ Совѣтомъ, но, какъ нѣкогда Колумбу, ему не разрѣшено было возвратиться на прежній постъ. И когда онъ вернулся въ 1530 году въ Мексику, то долженъ былъ выносить рядомъ и надъ собою новаго намѣстника. Это было слишкомъ тяжело для гордаго и честолюбиваго завоевателя. Въ это время онъ далъ новый импульсъ къ открытіямъ въ сѣверо-западномъ направленіи. Онъ неоднократно посылалъ корабли вдоль тихоокеанскаго побережья, открылъ Калифорнскій заливъ и, наконецъ, въ 1506 году лично еще разъ проникъ далеко вглубь Калифорнскаго полуострова. Если ему при этомъ такъ же не удалось открыть искомый сѣверо-западный проходъ, какъ и въ центральной Америкѣ, то все таки экспедиціи его способствовали выясненію факта, что сѣверъ Америки до высшихъ широтъ не находится въ связи съ азіатскимъ материкомъ.

Еще до средины столѣтія испанцы далеко проникли во внутреннія страны материка къ сѣверо-западу отъ Мексики. Вслѣдъ за покореніемъ сѣверныхъ областей ацтекскаго царства, Нуньо де Гусманъ, съ войскомъ, состоявшимъ изъ испанцевъ и индѣйскихъ воиновъ (см. таблицу „Битвы испанцевъ въ Мексикѣ“), проникъ въ 1530 году въ будущую Новую Галисію (нынѣшнія провинціи Дуранго и Синалоа). Его манили въ эту страну слухи о городахъ, богатыхъ золотомъ. Они какъ будто подтверждались разсказами нѣкоторыхъ спутниковъ Эрнандо де Сото, который изъ Флориды проникъ черезъ южныя области Соединенныхъ Штатовъ до Техаса и Мексики. Слухи говорили о поселеніяхъ съ многоэтажными домами и такою же

богатою и кипучею жизнью, какъ въ Мексико. Самый большой изъ этихъ городовъ они называли Сибола. Сюда то въ 1535 г. предпринялъ походъ Хуанъ Васкесъ де Коронадо изъ Куліакана въ сѣверо-западномъ направленіи. Пройдя вмѣстѣ съ своими спутниками, съ большими усиліями и лишеніями, скудныя водою мѣстности между большимъ Колорадо и Ріо Гранде, онъ дошелъ до городовъ индѣйцевъ пуэбло, которые, безъ сомнѣнія, и служили источникомъ сказочныхъ слуховъ (см. таблицу „Дворецъ въ утесахъ“ въ каньонѣ этого имени въ Колорадо). Однако, у простыхъ земледѣльцевъ суньисовъ, вальписовъ и мокисовъ ими столь же мало найдено было сокровищъ, какъ и Нуньо де Гусманомъ. Тогда мнимый золотой городъ получилъ новое названіе. Еще много десятковъ лѣтъ послѣ того призракъ сокровищъ Кивиры манилъ испанцевъ вглубь пустынныхъ прерій Льяно Эстакадо. Но собственно въ городахъ пуэбло испанское вліяніе достигаетъ своего сѣвернаго предѣла, и только въ XIX вѣкѣ оно снова проникаетъ косвеннымъ путемъ дальше, когда изслѣдованіе дальняго запада усилило со всѣхъ сторонъ переселенческое движеніе въ Калифорнію.

D. **Завоеваніе Перу.**

Успѣхи Кортеса не только вновь оживили эмиграцію, но и охоту къ новымъ открытіямъ. Никогда Индѣйскій Совѣтъ не былъ такъ осаждаемъ просьбами о разрѣшеніи новыхъ колонизаціонныхъ опытовъ, какъ въ года̀, послѣдовавшіе за покореніемъ Мексики. Правительство могло теперь спокойно отказаться отъ дальнѣйшаго оффиціальнаго изслѣдованія новой части свѣта: духъ предпріимчивости среди подданныхъ его былъ слишкомъ великъ, и они наперерывъ спѣшили опередить другъ друга на поприщѣ открытій. По прошествіи какого-нибудь десятка лѣтъ на американскомъ материкѣ не оставалось почти ни клочка земли, который не былъ-бы занятъ тѣмъ или другимъ лицомъ, открывшимъ его. Не всегда, конечно, разрѣшеніе Индѣйскаго Совѣта на то или другое предпріятіе осуществлялось на дѣлѣ; съ другой стороны, нѣкоторыя предпріятія оказывались настолько неудачными, что концессіонеры въ скоромъ времени отказывались отъ своихъ правъ. Случалось даже, что поселенія, просуществовавшія уже много лѣтъ, какъ, напр., на Санта-Марта, приходили совершенно въ упадокъ, и потомъ требовалось снова основывать ихъ. Но если въ сѣверной Америкѣ еще болѣе столѣтія на границахъ испанскихъ владѣній оставались почти не тронутыми обширныя пространства земель, на которыя Испанія могла заявлять лишь чисто формальныя притязанія, то въ южной половинѣ Новаго Свѣта едва ли оставалась сколько-нибудь значительная неизслѣдованная область, если не считать низменностей къ югу отъ Амазонки, которыя и теперь еще почти неизвѣстны. Нѣкоторые піонеры пробирались въ такія мѣста, которыя потому лишь съ точностью не установлены, что до сихъ поръ туда не проникалъ вновь ни одинъ бѣлый человѣкъ, который могъ бы разсказать намъ о своихъ приключеніяхъ.

У индѣйцевъ центральной Америки испанцы, вѣроятно, заимствовали смутные слухи о существованіи богатыхъ и сильныхъ государствъ какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ. И когда съ завоеваніемъ Мексики расширеніе среднеамериканской провинціи къ сѣверу остановилось, интересъ естественно обратился къ югу. Плаванія вдоль тихоокеанскаго побережья прежде всего привели къ знакомству съ племенами, которыя стояли на необычайно низкомъ культурномъ уровнѣ. Поэтому, вѣроятно, прошло столько времени прежде, чѣмъ испанцы узнали о государствѣ инковъ. Вслѣдствіе недоразумѣнія, названіе Перу было распространено потомъ на это государство. „Биру“ было названіе маленькаго царства у залива Санъ-Мигэль на юго-западной оконечности перешейка. Еще Бальбоа мимоходомъ коснулся его, но въ 1522 году оно составило главную цѣль предпріятія Па-

скуаля де Андагойя. Непосредственный результатъ и въ этомъ случаѣ не превышалъ того, къ чему пріучили походы въ Даріенскую область. Но на этотъ разъ умѣли уже лучше столковаться съ туземцами, изъ разсказовъ которыхъ испанскіе искатели золота яснѣе поняли, что дальше къ югу, на тихоокеанскомъ побережьи, находится большое царство, гдѣ испанцы найдутъ изобиліе желтаго металла. Это могло относиться только къ царству инковъ.

Указанія индѣйцевъ произвели особенно сильное впечатлѣніе на одного изъ спутниковъ Андагойи. То былъ Франсиско Писарро, типъ обыкновенно авантюриста. На родинѣ своей въ Эстремадурѣ онъ пасъ свиней, но еще въ юности, въ 1508 году, переплылъ вмѣстѣ съ Гохедою океанъ и испыталъ всѣ превратности, которыя предшествовали основанію Даріенской колоніи. Послѣ устройства ея, онъ былъ постояннымъ участникомъ во всѣхъ предпріятіяхъ съ цѣлью открытій. Онъ пріобрѣлъ, такимъ образомъ, богатый опытъ во всевозможныхъ трудныхъ положеніяхъ и при этомъ выработалъ себѣ спокойную, но въ то же время непреклонную настойчивость, которую начальники его и спутники умѣли высоко цѣнить. Эти качества онъ проявилъ вновь при осуществленіи плана отысканія золотой страны индѣйцевъ. Такъ какъ собственныхъ средствъ его было недостаточно для снаряженія экспедиціи, несмотря на его 15-ти лѣтнюю службу въ колоніяхъ, то онъ сталъ искать содѣйствія среди колонистовъ. Діего де Альмагро, такой же авантюристъ, какъ и самъ Писарро, доставилъ ему отрядъ рѣшительныхъ спутниковъ, но обладалъ столь-же мало, какъ и Писарро, необходимыми финансовыми средствами. Нашлись, однако, и средства. Викарій Панамской церкви, фрай Эрнандо де Луке обладалъ и самъ небольшимъ состояніемъ, которое готовъ былъ вложить въ предпріятіе, но его отношенія къ губернатору Педраріасъ Давилѣ и къ другимъ знатнымъ лицамъ колоній еще болѣе дали ему возможность облегчить осуществленіе предпріятія во всѣхъ отношеніяхъ. Въ 1524 году Писарро могъ предпринять первый походъ къ югу.

Результаты похода нельзя назвать удачными. Какъ Писарро, отплывшій раньше, такъ и Альмагро, послѣдовавшій за нимъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, изслѣдовали побережье отъ Панамы приблизительно на полпути до сѣверной границы царства инковъ и, въ награду за громадный трудъ, получили только очень скромную награду. Писарро, однако, и здѣсь блестяще доказалъ свою непоколебимую стойкость. Дважды онъ посылалъ свой корабль обратно въ Панаму и по цѣлымъ недѣлямъ оставался съ небольшимъ отрядомъ на совершенно неизвѣстномъ побережьи. Когда онъ, наконецъ, рѣшился вернуться самъ, то лишь вслѣдствіе сознанія необходимости личнаго вмѣшательства въ снаряженіе экспедиціи, какое, по его мнѣнію, было нужно въ виду неожиданно большихъ разстояній.

Завоеваніе Перу было сведено теперь на степень финансовой спекуляціи, для чего былъ заключенъ въ полномъ смыслѣ слова коммерческій договоръ. Луке и лица, скрывавшіеся за нимъ, дали деньги, а Писарро и Альмагро ставили на ставку свою жизнь. Сообразно съ этимъ, регулировалось распредѣленіе барыша. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего возвращенія, Писарро могъ снова пуститься въ море, на этотъ разъ въ сопровожденіи Альмагро, и возобновить изслѣдованіе побережья съ самаго южнаго пункта, достигнутаго передъ тѣмъ. Теперь дѣло подвигалось быстрѣе вслѣдствіе лучшаго снаряженія и болѣе благопріятнаго времени года. Тѣмъ не менѣе, припасы истощились прежде, чѣмъ они достигли гуще населенныхъ мѣстностей. Приходилось еще разъ послать въ Панаму за провіантомъ. Въ этотъ моментъ экспедиціи грозило полное крушеніе. Послѣ сообщеній пословъ, вернувшихся домой разочарованными, губернаторъ объявилъ, что считаетъ продолженіе предпріятія безполезной тратой денегъ и человѣческихъ жизней и отправилъ приказъ Писарро

и его спутникамъ, остававшимся на Isla del Gallo, вернуться домой. Но Писарро былъ непоколебимъ; только съ 12 товарищами онъ выжидалъ на островѣ 7 мѣсяцевъ, пока, наконецъ, компаньоны его не выслали ему корабль и запасы. Тогда онъ энергически продолжалъ плаваніе къ югу и достигъ, наконецъ, самаго государства инковъ. Въ Тумбесѣ, на Гуаякильскомъ заливѣ, онъ вступилъ въ мирныя сношенія съ туземцами и могъ, наконецъ, убѣдиться собственными глазами въ томъ, насколько вѣрны были разсказы индѣйцевъ. Но именно грандіозность раскрывшейся передъ нимъ картины, которая далеко превосходила всѣ его надежды, побудила его вернуться еще разъ. Предстоявшая задача не могла быть разрѣшена средствами его компаньоновъ; здѣсь нужно было создать сперва болѣе солидныя основы.

Когда Писарро вернулся въ Панаму и сообщилъ о результатахъ, то ему не трудно было убѣдить товарищей въ необходимости сначала пріобрѣсти въ Испаніи привилегіи открытія въ подлежавшихъ завоеванію провинціяхъ. Для него въ то же время было ясно, что самъ онъ является наиболѣе подходящимъ лицомъ для того, чтобы отстоять это предпріятіе передъ Индѣйскимъ Совѣтомъ. Весною 1528 года онъ отплылъ въ Севилью и представился ко двору Когда два года спустя Писарро возвратился въ Панаму, онъ привезъ для себя званіе аделантадо новой провинціи, для Альмагро — званіе коменданта Тумбеса, а для Луке — право на первое епископство. Альмагро уже тогда почувствовалъ себя оскорбленнымъ неравнымъ распредѣленіемъ власти между нимъ и егс спутникомъ, но оставилъ это пока безъ послѣдствій. Повидимому, въ добромъ согласіи они отправились на югъ во главѣ отряда приблизительно изъ 200 испанцевъ. Еще на пути въ Тумбесъ, этотъ экспедиціонный корпусъ былъ неоднократно подкрѣпляемъ новыми отрядами. Въ Тумбесѣ жители города и на этотъ разъ приняли ихъ мирно, тѣмъ болѣе, что Писарро освободилъ ихъ отъ враждебнаго сосѣдства обитателей острова Пуно, которымъ онъ, подстрекаемый жителями Тумбеса, нанесъ чувствительное пораженіе. Здѣсь онъ узналъ вмѣстѣ съ тѣмъ о недавно окончившейся войнѣ между братьями Гуаскаромъ и Атагуальпою и о зародышахъ недовольства, которые посѣяла эта война (см. выше стр. 344). Эти извѣстія побудили его поторопиться на мѣсто дѣйствія, чтобы не упустить благопріятнаго момента для вмѣшательства. Основавъ, какъ опорный пунктъ и какъ посредника для сношеній, поселеніе Санъ Мигэль, онъ направился вглубь страны прямо туда, гдѣ, по указаніямъ туземцевъ, долженъ былъ встрѣтить инку Атагуальпу.

Было, конечно, безуміемъ идти на встрѣчу приблизительно 40-тысячному войску съ 168 испанцами, безъ всякихъ союзниковъ и притомъ въ совершенно чуждой странѣ. Но, быть можетъ, Писарро обязанъ своимъ успѣхомъ именно этой ничтожности своего отряда, такъ какъ перуанскіе инки не считали нужнымъ преграждать ему путь или готовиться къ сопротивленію. Наоборотъ, Атагуальпа, повидимому, почти жаждалъ познакомиться съ испанцами: гонцы, которыхъ онъ одного за другимъ высылалъ на встрѣчу имъ, приносили вмѣстѣ съ подарками приглашеніе предстать передъ инкою. Такъ, Писарро со своимъ отрядомъ безпрепятственно поднялся съ береговой равнины въ горы и достигъ, наконецъ, города Кахамарки, вблизи котораго расположилось лагеремъ войско инки. Городъ былъ покинутъ, что оказалось испанцамъ на руку: они могли на всякій случай незамѣтно приготовиться къ защитѣ и собраться съ силами. На другой день послѣ прибытія, Писарро отправилъ въ лагерь небольшой отрядъ, состоявшій исключительно изъ всадниковъ подъ предводительствомъ Эрнандо де Сото, и просилъ инку почтить испанцевъ своимъ посѣщеніемъ. Онъ пришелъ къ убѣжденію, что было бы нелѣпостью вступать въ открытый бой съ несоразмѣрно превосходными силами инки. Всю надежду онъ полагалъ,

наоборотъ, на то, чтобы овладѣть особою инки и затѣмъ — какъ это сдѣлалъ съ большимъ успѣхомъ Кортесъ въ Мексикѣ — прикрывшись его авторитетомъ, покорить страну. Атагуальпа чрезвычайно заинтересовался конницей, представлявшей для него совершенно новое явленіе. Но на приглашеніе, которое принесъ ему Сото будто бы отъ имени императора Карла, обратилъ мало вниманія, обѣщая, впрочемъ, прибыть на слѣдующій день въ Кахамарку, чтобы познакомиться тамъ съ прочими испанцами и ихъ главнокомандующимъ.

Для Писарро было ясно, что слѣдующій день рѣшитъ судьбу его предпріятія. Его предложеніе тотчасъ же воспользоваться этимъ первымъ случаемъ напасть на перуанцевъ и захватить въ плѣнъ Атагуальпу встрѣтило всеобщее одобреніе. Тщательно были сдѣланы всѣ приготовленія, чтобы обезпечить исходъ смѣлаго плана. Съ возрастающимъ нетерпѣніемъ ожидали испанцы бо̀льшую часть слѣдующаго дня, но изъ лагеря инковъ никто не приближался. Они уже склонны были думать, что планъ ихъ обнаруженъ, несмотря на всѣ принятыя предосторожности, но поздно за полдень дѣйствительно тронулось шествіе въ направленіи къ Кахамаркѣ, и въ одинъ моментъ всѣ испанцы были на своихъ постахъ. Городъ казался точно вымершимъ при вступленіи инки, и онъ могъ дойти до базарной площади, не встрѣтивъ ни одной человѣческой души; самый базаръ былъ въ началѣ также пустъ. Но когда инка въ открытыхъ носилкахъ остановился, на встрѣчу ему вышелъ монахъ фрай Педро де Вальверде, сопутствуемый двумя туземцами, которыхъ Писарро захватилъ во время своихъ первыхъ походовъ и увезъ въ Испанію, гдѣ образовалъ изъ нихъ переводчиковъ. Монахъ обратился къ инкѣ съ извѣстною рѣчью, которая, по приказанію Карла V, каждый разъ передавалась переводчиками туземцевъ прежде, чѣмъ прибѣгнуть къ силѣ. Монахъ началъ съ самаго сотворенія міра, разсказалъ о намѣстничествѣ папы на земномъ шарѣ и объяснилъ, что, съ благословенія папы, испанскіе правители требуютъ подчиненія отъ своихъ индѣйскихъ подданныхъ. Атагуальпа выслушалъ рѣчь, не дрогнувъ ни одною чертою въ лицѣ. Такъ какъ Вальверде многократно ссылался на библію, которую онъ держалъ раскрытою въ рукѣ, то инка пожелалъ взглянуть на книгу. Онъ перелисталъ ее и, не находя въ ней ничего особеннаго, презрительно швырнулъ ее на землю. Этотъ поступокъ вызвалъ восклицаніе у монаха, которое для испанцевъ, слѣдившихъ съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ за всей сценой, послужило сигналомъ къ нападенію. Двѣ полевыя пушки-кулевки поставленныя такимъ образомъ, чтобы обстрѣливать базаръ, пущены были въ ходъ. Всадники, стоявшіе рядомъ съ своими осѣдланными конями позади ближайшихъ домовъ, вскочили въ сѣдла и бросились, опрокидывая все передъ собою, къ центру площади и къ носилкамъ инки. Въ то-же время стрѣлки и пѣшіе воины препятствовали свитѣ инки, состоявшей изъ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, придти на помощь сражавшимся на площади. Въ суматохѣ, которая послѣдовала за внезапнымъ нападеніемъ, выполненіе смѣлаго плана вполнѣ удалось. Носильщики были опрокинуты, инка выпалъ изъ своихъ носилокъ и былъ взятъ испанцами невредимымъ. Несмотря на безстрашную храбрость своихъ воиновъ, инка не могъ быть освобожденъ, такъ какъ испанцы настолько удачно разсчитали пространственныя условія, что противникъ не могъ воспользоваться своими превосходными силами. Послѣ короткой, но кровавой битвы (говорятъ, что пало около 2000 перуанцевъ), индѣйцы должны были отступить и предоставить инку своей судьбѣ.

Благодаря удачному исходу этого смѣлаго маневра, завоеваніе царства инковъ было совершено однимъ ударомъ. Войско его разсѣялось, и страна была вполнѣ открыта для испанцевъ. Всякое желаніе послѣднихъ, прикрываемое авторитетомъ инки, исполнялось. Атагуальпа тотчасъ убѣдился,

что силою онъ ничего не сдѣлаетъ. Его окружили, правда, почетомъ, оставили при немъ женъ и придворный штатъ, но зорко наблюдали за нимъ, для чего онъ былъ помѣщенъ въ одно изъ самыхъ крѣпкихъ зданій Кахамарки. Послѣднюю надежду онъ возлагалъ на переговоры. Зная, съ какою жадностью испанцы искали золота и сокровищъ, онъ обѣщалъ наполнить помѣщеніе, въ которомъ онъ жилъ, золотомъ и серебромъ въ ростъ человѣка съ поднятою рукою, если ему будетъ разрѣшено вернуться на тронъ предковъ. Испанцы были настолько благоразумны, что не отвергли сразу это предложеніе. И каково было радостное изумленіе ихъ, когда дѣйствительно, по приказанію инки, со всѣхъ концовъ начали стекаться сокровища въ Кахамарку. Первоначальныя сомнѣнія испанцевъ въ возможности выполненія этого обѣщанія все болѣе и болѣе исчезали. Это не мѣшало имъ, однако, еще другими путями стремиться къ своей цѣли, т. е., къ покоренію страны. Писарро успѣлъ пока собрать болѣе точныя свѣдѣнія относительно спора за престолъ и узнать, что законный инка Гуаскаръ еще живъ. Это было слишкомъ драгоцѣнное орудіе для будущихъ плановъ Испаніи, чтобы не заручиться имъ. Атагуальпа узналъ объ этомъ и, чтобы опасный соперникъ его не попалъ въ руки испанцевъ, отдалъ тайный приказъ умертвить Гуаскара. Едва-ли онъ подозрѣвалъ, что этимъ рѣшаетъ и свою собственную судьбу.

Такъ какъ доставка выкупа за освобожденіе, по мнѣнію какъ самого инки, такъ и испанцевъ, шла недостаточно быстро, то было рѣшено отправить отрядъ къ святилищу Пачакамака. Во главѣ этого отряда, перваго, который проникъ вглубь царства инковъ, Писарро поставилъ своего брата Фернандо. Главная цѣль похода не была достигнута. Фернандо Писарро нашелъ сокровища храма уже разграбленными и ограничился тѣмъ, что разрушилъ глиняное изображеніе идола и водрузилъ на мѣсто его крестъ. Но, возвратившись, онъ разсказалъ новыя удивительныя вещи о высокой культурѣ и замѣчательныхъ учрежденіяхъ въ государствѣ инковъ. Еще больше разсказывали два другихъ испанца, которые отправились съ охранными листами инки, также по поводу выкупа, и достигли Куско. Нигдѣ они не встрѣтили слѣдовъ сопротивленія, и золото, какъ и прежде, продолжало нагромождаться въ покояхъ инки. Слишкомъ велика была, однако, алчность кучки авантюристовъ, чтобы они могли спокойно глядѣть мѣсяцами на эти сокровища и ждать, пока выкупная сумма совершенно пополнится. Они рѣшили уже теперь подѣлиться между собою. Какова должна была быть масса накопившагося золота и серебра, можно заключить изъ того, что одна лишь королевская пятая часть равнялась почти милліону червонцевъ. Атагуальпа, потребовавшій теперь своей свободы, собрался въ путь. Силы испанцевъ почти удвоились, благодаря прибытію значительнаго подкрѣпленія, съ Альмагро во главѣ. Тогда Писарро, вопреки совѣту многихъ изъ своихъ спутниковъ, предалъ Атагуальпу суду, какъ похитителя трона и братоубійцу, и велѣлъ казнить его. Вмѣсто него онъ возвелъ въ санъ инки другого члена королевской фамиліи, чтобы черезъ его посредство на будущее время обезпечить себѣ повиновеніе туземцевъ. Эта цѣль была, впрочемъ, не вполнѣ достигнута. Когда оба короля инковъ погибли, узда, сдерживавшая туземцевъ въ повиновеніи, ослабѣла; они все болѣе и болѣе сторонились отъ испанцевъ и порою становились въ открытыя враждебныя отношенія къ нимъ.

Писарро рѣшилъ тогда оставить Кахамарку. Самъ онъ повелъ главныя силы испанцевъ на югъ, чтобы предпринять осаду столицы Куско, и въ то-же время отправилъ менѣе значительный отрядъ, подъ предводительствомъ Беналькасара, въ сѣверномъ направленіи съ цѣлью овладѣть резиденціей Атагуальпы, а вмѣстѣ съ нею и царствомъ Кито. Это оказалось весьма важнымъ, такъ какъ слава о сокровищахъ Перу успѣла уже распространиться и возбудить аппетиты другихъ испанцевъ. Педро де

Альварадо, сотоварищъ Кортеса по завоеванію Мексики, а въ то время намѣстникъ Гватемалы, явился спустя нѣсколько недѣль съ толпою авантюристовъ въ Перу, съ явнымъ намѣреніемъ завоевать въ Кито для себя болѣе богатую страну, чѣмъ та, какую онъ нашелъ на сѣверѣ. Немногаго недоставало, чтобы здѣсь разыгралась такая же исторія, какъ въ Мексикѣ между Кортесомъ и Нарваэсомъ; но Альварадо былъ менѣе настойчивъ. Онъ вступилъ въ переговоры съ Писарро и Альмагро и, въ концѣ концовъ, уступилъ имъ за денежное вознагражденіе все свое снаряженіе. Эта сдѣлка была охотно принята его спутниками, такъ какъ царство инковъ было достаточно велико и богато, и они могли разсчитывать на обильную добычу въ другомъ мѣстѣ.

До сихъ поръ испанцамъ только одинъ разъ пришлось прибѣгнуть къ оружію. Во время похода къ Куско непріятельское войско преградило путь Писарро. Только послѣ ожесточенныхъ сраженій, въ которыхъ испанцы также потерпѣли значительныя потери, удалось очистить путь. Послѣ того испанцы безъ сопротивленія заняли Куско и основали тамъ испанское поселеніе. Но Писарро не выбралъ этого мѣста столицею. Положеніе города на юго-востокѣ царства, вдали отъ берега моря, дѣлало его менѣе пригоднымъ для цѣлей испанцевъ. Кромѣ того, прибытіе Альварадо заставило Писарро ускорить возвращеніе къ берегу. Здѣсь, на рѣкѣ Римакѣ, онъ положилъ основаніе Сіудадъ де лосъ Рейесъ, позднѣйшей Лимѣ, будущей резиденціи провинціальнаго правительства.

Постоянныя подкрѣпленія боевыхъ силъ, которыя получалъ Писарро, дали ему въ возможность продолжать открытія во всѣхъ направленіяхъ, и вскорѣ онъ очутился за предѣлами древняго царства инковъ. Рядъ походовъ открылъ Альмагро, который, вскорѣ послѣ занятія Куско, двинулся оттуда, черезъ нынѣшнюю Боливію, между обоими Кордильерами, далѣе къ югу. При этомъ онъ безъ труда подчинилъ провинціи, расположенныя вокругъ озера Титикаки. Но дальнѣйшее движеніе къ югу, постоянно въ горахъ, стоило невѣроятныхъ усилій. Холодъ и голодъ заставили его, наконецъ, рѣшиться перейти черезъ покрытый льдомъ хребетъ западныхъ Кордильеръ, чтобы идти обратно болѣе удобнымъ побережьемъ. Онъ достигъ берега въ области Копіапо и прошелъ дальше Кокимбо. На обратномъ пути вдоль моря ему пришлось бороться въ пустынѣ Атакамѣ съ чрезвычайными лишеніями. И все-таки этотъ походъ далъ въ результатѣ лишь изслѣдованіе значительной части нынѣшняго Чили и привелъ къ убѣжденію, что тамъ нельзя разсчитывать на открытіе большихъ сокровищъ.

Альмагро вернулся во время для того, чтобы выручить испанцевъ въ Куско изъ большой опасности. Инка, поставленный Писарро въ Кахамаркѣ, вскорѣ умеръ, и на его мѣсто былъ возведенъ въ королевскій санъ инка Манко. Но такъ какъ испанцы нигдѣ не встрѣчали сопротивленія со стороны туземцевъ, то инка показался имъ ненужною личностью. На него обращали такъ мало вниманія, что ему легко удалось бѣжать изъ Куско въ сѣверо-восточную горную страну, гдѣ онъ организовалъ широко развѣтвившійся заговоръ противъ испанцевъ. Слабый гарнизонъ города Куско былъ окруженъ и очутился въ критическомъ положеніи; только бѣшеная храбрость Фернандо Писарро спасла его отъ окончательной гибели. Послѣ этой неудачи Манко отступилъ; но онъ превратилъ нападеніе въ блокаду, которая была настолько дѣйствительна, что защитники Куско оказались близкими къ голодной смерти. Въ этотъ моментъ возвратившійся Альмагро разсѣялъ непріятеля и далъ возможность городу запастись новымъ продовольствіемъ. Альмагро потому еще торопился освободить Куско, что полагалъ принести пользу лично себѣ. Въ то время, какъ онъ переносилъ въ Чили напрасныя лишенія, въ Испаніи, по крайней мѣрѣ, отнеслись къ нему справедливо. Карлъ V назначилъ его намѣстникомъ про-

винціи на югѣ Перуанскаго царства, которое простиралось отъ западно-восточной линіи, находившейся на разстояніи 270 испанскихъ миль къ югу отъ рѣки Сантъ-Яго (въ нынѣшнемъ Экуадорѣ) до неопредѣленныхъ южныхъ широтъ. Альмагро былъ того мнѣнія, что Куско входитъ уже въ эту провинцію, но Фернандо Писарро не соглашался съ нимъ. И такъ какъ переговоры не приводили ни къ какой цѣли, то Альмагро ворвался, наконецъ, въ Куско и взялъ въ плѣнъ Фернандо Писарро и брата его Гонсало. Франциско Писарро сдѣлалъ попытку освободить своихъ братьевъ, но посланный имъ отрядъ былъ разбитъ Альмагро. Онъ вступилъ тогда въ переговоры, но, какъ только ему удалось добиться освобожденія братьевъ, онъ тотчасъ же призналъ соглашеніе недѣйствительнымъ.

После того въ перуанской провинціи начался рядъ междуусобныхъ войнъ, которыя прекратились лишь тогда, когда всѣ личности, стоявшія во главѣ завоевательнаго дѣла, нашли себѣ кровавый конецъ. Прежде всего Фернандо Писарро пошелъ походомъ на Альмагро, побѣдилъ его при Ласъ Салинасѣ и велѣлъ, послѣ короткаго суда, казнить его. Но когда онъ послѣ этого отправился въ Испанію, чтобы вести при дворѣ дѣло своего брата, то его самого предали суду. Онъ былъ присужденъ къ пожизненному заключенію и, только благодаря этому, пережилъ своихъ братьевъ. Чтобы возстановить право и порядокъ среди партійной борьбы, Индѣйскій Совѣтъ отправилъ лиценціата Вака де Кастро, давъ ему полномочіе, въ случаѣ надобности, взять въ свои руки управленіе провинціей. Прибывъ на мѣсто дѣйствія, де Кастро засталъ уже конецъ слѣдующаго акта кровавой драмы. Партія Альмагро, предводимая его сыномъ, напала на Франсиско Писарро, и такъ какъ онъ оборонялся, то былъ убитъ. Молодой Альмагро, хотя и не требовалъ, чтобы его назначили намѣстникомъ всего Перу, но настаивалъ, по меньшей мѣрѣ, на южной провинціи, которая была обѣщана его отцу. Вака де Кастро отказалъ ему и въ этомъ. Тогда Альмагро возсталъ противъ него, причемъ на его сторонѣ оказалась бо́льшая часть конкистадоровъ. Судьба, однако, не благопріятствовала ему. Въ битвѣ при Чупасѣ, недалеко отъ Гуаманго, въ 1542 году, партія его потерпѣла рѣшительное пораженіе. Самъ онъ вскорѣ послѣ того былъ измѣннически преданъ въ руки противника и смертью заплатилъ за возмущеніе.

Теперь изъ семействъ обоихъ завоевателей оставался свободнымъ еще младшій братъ Писарро, Гонсало. Онъ былъ съ 1540 года намѣстникомъ Кито и въ битвахъ Вака де Кастро противъ Альмагро оставался вѣрнымъ и преданнымъ первому. Когда въ 1544 году Бласко Нуньесъ Вела былъ назначенъ регентомъ, главнымъ образомъ, съ цѣлью улучшенія судьбы туземцевъ царства инковъ, которые во время долгой партійной борьбы были самымъ недостойнымъ образомъ угнетаемы, то онъ также не устоялъ противъ искушенія. Для грубыхъ элементовъ, изъ которыхъ, большею частью, состояли поселенцы Перу, защита туземцевъ была равносильна покушенію на ихъ права. И такъ какъ Бласко Нуньесъ исполнялъ свое порученіе съ большой безтактностью, то даже судьи аудіенціи верховнаго суда въ Лимѣ примкнули къ возстанію противъ намѣстника. Во главѣ возстанія сталъ Гонсало Писарро. Болѣе разсудительные изъ колонистовъ успокоились, какъ скоро вмѣсто Бласко Нуньеса былъ назначенъ тактичный и вмѣстѣ съ тѣмъ энергичный Педро де ла Гаска. Но Гонсало Писарро, опьяненный чувствомъ своей власти, продолжалъ сопротивляться, пока положеніе его не приняло отчаяннаго оборота. Когда дѣло дошло до битвы, большинство ложныхъ друзей отпало отъ него; самъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ и вмѣстѣ съ вожаками своей партіи казненъ. Гаска, прибывшій въ 1544 году безъ войскъ въ Панаму, въ то время преданную также Писарро, менѣе, чѣмъ въ шесть лѣтъ, впервые возстановилъ въ Перу покой и порядокъ. Послѣ этого онъ попросилъ назначить ему преемника и возвратился въ свою келью, изъ которой вызвалъ его приказъ Карла V.

Еще Франсиско Писарро обратилъ вниманіе на южную провинцію, открытую Альмагро. Послѣ казни его соперника, онъ смотрѣлъ на нее, какъ на составную часть собственнаго намѣстничества, и старался устранить всякое постороннее вмѣшательство. Съ этою цѣлью онъ командировалъ туда офицера Педро де Вальдивіа, безусловно преданнаго ему, и поручилъ ему основать испанскую колонію, превративъ этимъ присоединеніе страны въ фактическое. Вальдивіа шелъ тѣмъ же путемъ, какъ и Альмагро, но въ болѣе благопріятное время года. Ему приходилось менѣе бороться съ естественными препятствіями, но больше съ враждебностью туземцевъ, которые, судя по опыту прежнихъ лѣтъ, относились къ испанцамъ не совсѣмъ дружелюбно. Вновь основанный городъ Сантъ-Яго въ первые годы влачилъ жалкое существованіе, несмотря на повторныя подкрѣпленія, получаемыя изъ Перу, особенно послѣ того, какъ въ долинѣ Кильоты были открыты и стали разрабатываться богатые рудники. Вальдивіа воспользовался подкрѣпленіями прежде всего съ тою цѣлью, чтобы продолжать изслѣдованіе страны въ направленіи къ югу. По порученію его, генуэзецъ Пастене проѣхалъ въ 1544 году вдоль берега, пока не достигъ западныхъ выходовъ Магеланова пролива, составившаго южную границу провинціи. Когда регенство Перу перешло къ Педро де ла Гаска, Вальдивіа, оказавшій ему большія услуги во времена смутъ, не переставалъ получать поддержку. Это дало ему возможность продолжать движеніе сухимъ путемъ въ болѣе южныя части провинціи. Въ 1550 году послѣдовало основаніе города Консепсіона на границѣ области, обитаемой воинственными араукансками индѣйцами. Этотъ народъ защищалъ свою независимость въ теченіе цѣлыхъ 10 лѣтъ съ храбростью, достойною изумленія, и битвы съ нимъ послужили сюжетомъ не для одного пѣвца. Но геройскіе подвиги, совершенные въ это время съ обѣихъ сторонъ, едва ли соотвѣтствовали наградѣ, доставшейся за побѣду. Страна, стоившая Испаніи такъ много крови, была плодородна и здорова, но, въ сравненіи со многими частями испанскихъ колоніальныхъ владѣній, она представляла слишкомъ мало заманчиваго. Поэтому колонизація и эксплуатація подвигались чрезвычайно медленно.

Послѣ завоеванія Перу испанцы еще въ двухъ другихъ мѣстахъ перешли границу царства инковъ. Нигдѣ не встрѣчается болѣе удобнаго доступа съ западнаго побережья Америки къ обширнымъ низменностямъ востока, чѣмъ на югѣ озера Титикаки. Здѣсь восточные Кордильеры раздѣляются на рядъ умѣренно высокихъ горныхъ хребтовъ, которые всѣ окаймляютъ и прорѣзываютъ плоскогорье нынѣшней Боливіи. О томъ, какую роль играла эта страна въ первобытную эпоху, какъ колыбель народовъ, мы упоминали уже въ другомъ отдѣлѣ (см. выше стр. 305 и 314). Повидимому, завоеванія инковъ также шли этимъ путемъ до истоковъ рѣкъ, которыя направляются частью чрезъ Мадейру къ Амазонкѣ, частью черезъ Пилькомайо къ Ла-Платѣ. Въ 1535 году Альмагро проходилъ уже эти области, по пути въ Чили; систематическое изслѣдованіе ихъ было предпринято спустя немного лѣтъ, когда Бласко Нуньесъ Вела, въ свое кратковременное управленіе, ввѣрилъ капитану Франсиско де Рохасъ провинціи Чаркасъ и Тукуманъ. Первые изслѣдователи, ничего не подозрѣвая, прошли мимо необъятныхъ сокровищъ Потоси и затѣмъ, сражаясь и съ туземцами и между собою, пробрались въ юго-восточномъ направленіи черезъ провинціи Хуху, Кольчаки и Катамарки далеко вглубь низменности, пока не натолкнулись на Ріо Терсеро на слѣды испанцевъ, проникшихъ туда съ востока. Этимъ было закончено изслѣдованіе материка въ поперечномъ направленіи.

Послѣ того, какъ въ 1514 году португальцы открыли устье Ла Платы и экспедиція ихъ зашла далеко къ югу, не основавъ, однако, никакихъ поселеній, испанцы поспѣшили фактически завладѣть этими полосами земли

и обезпечить себя отъ притязаній со стороны сосѣдняго государства. Въ 1515 году Діего де Солисъ первый изслѣдовалъ Парагвай на нѣкоторомъ протяженіи вверхъ. Но когда онъ палъ въ сраженіи съ туземцами, спутники его возвратились въ Испанію. Послѣ того на рѣкѣ появились быстро одинъ за другимъ Себастьянъ Кабото и Діего Гарсіа; они вели съ туземцами прибыльную мѣновую торговлю, отчего рѣка получила названіе Ріо де ла Плата, серебряной рѣки; но поселеній они все-таки не могли основать. По указаніямъ ихъ, Педро де Мендоса предпринялъ въ 1534 году колонизацію этихъ странъ. Флотъ его, состоявшій изъ 14 кораблей, какъ говорятъ, имѣлъ на борту не менѣе 2000 человѣкъ и доставилъ ядро для испанскаго населенія аргентинскихъ провинцій. Самъ Мендоса, основавъ въ Буэносъ Айресѣ первую колонію и потерявъ нѣсколько мѣсяцевъ въ безплодныхъ усиліяхъ создать условія для дальнѣйшаго существованія ея, разочарованный отказался отъ предпріятія. Но люди, которымъ онъ довѣрилъ дальнѣйшее веденіе дѣла, сумѣли сдѣлать колонію жизнеспособною. Первый намѣстникъ его, Айоласъ, рѣшительно оставилъ низменности нижняго теченія рѣки и на 100 нѣмецкихъ миль выше, при сліяніи Пилькомайо съ Парагваемъ, основалъ городъ Асунсіонъ, центръ постепенно формировавшейся провинціи. При попыткѣ продолжать свои открытія на западъ онъ поплатился жизнью. Но достойный намѣстникъ его Доминго де Ирала, продолжалъ дѣло. Слѣды его найдены были на Терсеро спутниками Франсиско де Рохаса. Во время дальнѣйшаго движенія онъ проникъ съ верхняго Парагвая, черезъ область чикитосовъ, до странъ, заселенныхъ изъ Перу. Хотя по приказанію Гаски, онъ долженъ былъ вернуться, но все таки успѣлъ основать Санта Крусъ де ла Сіерра, которая служила промежуточной станціею для сношеній между Атлантическимъ океаномъ и Перу.

Для изслѣдованія южноамериканскаго материка имѣлъ значеніе еще одинъ эпизодъ изъ ранней исторіи колоніи Ла Платы. Это случилось въ 1540 году, когда прибылъ туда Альваръ Нуньесъ Кабеса де Вака, чтобы принять на себя управленіе провинціей послѣ Педро де Мендосы. Онъ находилъ излишнимъ плыть окольнымъ путемъ на югъ до устья Ла Платы и затѣмъ снова плыть вверхъ по теченію къ сѣверу. Поэтому онъ высадился съ большею частью своихъ 400 спутниковъ противъ острова св. Екатерины и попытался проложить себѣ путь въ западномъ направленіи къ Асупсіону черезъ лѣсистыя низменности. Этотъ переходъ сопряженъ былъ, какъ для него самого, такъ и для отряда, съ невыразимыми усиліями и лишеніями и вообще могъ быть осуществленъ, лишь благодаря особенно благопріятнымъ условіямъ., Но кромѣ открытія страны, онъ не далъ никакихъ другихъ результатовъ. Нѣсколько лѣтъ спустя, де-Вака невольно узналъ о болѣе удобной дорогѣ черезъ Буэносъ-Айресъ, именно когда колонисты заставили его сложить съ себя должность въ пользу Иралы и вернуться въ Испанію.

Колонія Асунсіонъ, болѣе извѣстная подъ именемъ Парагвая, еще по тому заняла особое мѣсто среди всѣхъ испанскихъ провинцій, что здѣсь сложилось совершенно своеобразное отношеніе къ туземцамъ. Испанцы съ самаго начала встрѣтили дружественный пріемъ со стороны гуаранисовъ Асунсіона. Эти отношенія сохранились и впослѣдствіи. Въ результатѣ были болѣе частые браки испанцевъ съ дочерьми туземцевъ, чѣмъ гдѣ-либо. Испанскіе колонисты повсюду брали себѣ въ сожительницы индѣйскихъ дѣвушекъ, особенно въ то время, когда притокъ европейскихъ женщинъ былъ ограниченъ. Во многихъ случаяхъ, въ особенности, относительно женъ и дочерей кациковъ, совершались дѣйствительные браки между различными расами, и во всѣхъ колоніяхъ смѣшанное населеніе росло. Въ Парагваѣ такому смѣшенію крови благопріятствовали еще, помимо трудностей сообщенія съ родиною, превосходныя отношенія, установившіяся между пе-

реселенцами и туземцами. Слѣды этого, какъ говорятъ, можно уловить и въ наши дни въ своеобразныхъ чертахъ характера обитателей провинціи и впослѣдствіи республики Парагвая.

Если на югѣ Ла Плата и Парагвай указали испанцамъ путь съ побережья въ Перу, то на сѣверѣ другая изъ большихъ рѣкъ, почти противъ ихъ воли, привела ихъ изъ Перу къ морю. Въ короткій промежутокъ мира, наступившій послѣ гибели Франсиско Писарро, младшій братъ его Гонсало, сдѣлавшійся намѣстникомъ въ Кито вмѣсто Беналькасара, также предпринялъ походъ съ цѣлью открытій. При этомъ онъ руководился слухами о существованіи богатаго государства въ самой глубинѣ материка. Послѣдовалъ цѣлый рядъ походовъ, полныхъ приключеній, внутрь страны, которая и до сихъ поръ еще остается не вполнѣ изслѣдованною. Если изъ Кито перейти въ восточномъ направленіи чрезъ одинъ изъ проходовъ въ хребтѣ Кордильеръ, то мы неизбѣжно наталкиваемся на тотъ или другой потокъ, впадающій въ Ріо-Напо, а съ нимъ въ Амазонку. Впослѣдствіи, когда въ области верхняго теченія Амазонки миссіи различныхъ духовныхъ орденовъ развернули свое благородное соревнованіе въ дѣлѣ обращенія туземцевъ и пріученія ихъ къ осѣдлости, дорога черезъ Embarcadero de Napo въ Кито представлялась весьма оживленною. Но столѣтіемъ раньше, когда Гонсало Писарро велъ первыхъ испанцевъ по этой тропѣ, они встрѣчали лишь обыкновенную добычу всѣхъ піонеровъ — усталость, голодъ и болѣзни. Чтобы облегчить движеніе своего отряда, Гонсало помѣстилъ больныхъ и слабыхъ вмѣстѣ съ поклажей на плоты, а самъ, вмѣстѣ съ болѣе крѣпкими спутниками, слѣдовалъ берегомъ рѣки. По мѣрѣ того, какъ снабженіе припасами становилось труднѣе, онъ все чаще высылалъ суда впередъ по рѣкѣ, чтобы можно было своевременно доставлять припасы на встрѣчу тѣмъ, которые шли берегомъ. Но однажды случилось, что обѣ партіи потеряли другъ друга изъ виду: въ поискахъ населенныхъ мѣстъ, плоты ушли слишкомъ далеко впередъ, а Гонсало со своими спутниками долженъ былъ вернуться назадъ, не имѣя возможности увѣдомить ихъ объ этомъ. Начальникомъ надъ судами Гонсало назначилъ Франсиско де Орельяну (см. „Карты къ исторіи Америки"). Послѣдній, видя себя покинутымъ и считая невозможнымъ доставить суда домой противъ теченія, принялъ смѣлое рѣшеніе: предоставить себя теченію, которое должно было принести его куда-нибудь въ море. Съ 50 спутниками, на судахъ, которыя они должны были сами построить себѣ, онъ поплылъ внизъ по Напо, отсюда по Амазонкѣ, далѣе въ океанъ, и плылъ еще нѣкоторое время вдоль берега моря на сѣверъ и на западъ. Наконецъ, послѣ семимѣсячнаго путешествія по водѣ, онъ достигъ перваго европейскаго поселенія на островѣ Кубагуа. Несмотря на то, что не обошлось безъ столкновеній Орельяна лишился лишь немногихъ спутниковъ; но едва ли кто изъ конкистадоровъ перенесъ столько лишеній и подвергался столькимъ опасностямъ, какъ отрядъ Орельяны.

Такое же путешествіе было предпринято еще разъ изъ Перу въ XVI столѣтіи. Основываясь на разсказахъ одного индѣйца, который прибылъ изъ Бразилiи въ Перу вверхъ по Мараньону и Уальягѣ, встрѣчая по пути населенные и богатые города, маркизъ Каньете, въ то время вице-король Перу, снарядилъ въ 1559 году экспедицію съ цѣлью изслѣдованія, и во главѣ ея поставилъ Педро де Орсуа. Цѣлью ея было въ то же время освободиться отъ многочисленныхъ безпокойныхъ элементовъ, участвовавшихъ въ различныхъ возмущеніяхъ и колебавшихъ порядокъ въ провинціи. Но эти недобрые элементы дали предпріятію совершенно неожиданный оборотъ. Когда они проникли въ неизвѣстную область, достаточно, далеко чтобы считать себя безопасными отъ преслѣдованія, они убили Орсуа, продолжали и окончили плаванье по рѣкѣ подъ начальствомъ избраннаго ими Лопе де Агире, но затѣмъ направились къ Венесуэлѣ и тиранизировали эту провинцію въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Наконецъ, они были по-

бѣждены въ сраженіи при Баркисимето, и большая часть ихъ перебита. Амазонка сдѣлалась постояннымъ путемъ движенія народовъ лишь съ 1641 года, когда португальцами была отправлена большая экспедиція изъ Пары вверхъ до Кито (ср. выше стр. 196) Этимъ начинается детальное методическое изслѣдованіе гигантской рѣчной системы, которое закончилось лишь вслѣдствіе вымиранія индѣйцевъ и связаннаго съ нимъ прекращенія миссіонерской дѣятельности.

Е. Отпрыски эпохи открытій.

Наконецъ, и сѣверо-востокъ южной Америки пересталъ быть совершенно неизвѣстной областью. Несмотря на то, что Колумбъ именно здѣсь впервые вступилъ на американскій материкъ, и первыя попытки колонизаціи материка начинаются съ сѣвернаго побережья, оно сравнительно долго оставалось въ пренебреженіи. Причина заключается въ томъ, что въ немъ не находили особенныхъ богатствъ, а туземцы отличались большею воинственностью, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Караибскія племена этого побережья, которыя встрѣтили первыхъ испанцевъ отравленными стрѣлами и скрылись затѣмъ въ дремучихъ лѣсахъ въ глубинѣ материка, которые изнуряли противника пассивнымъ сопротивленіемъ, не будучи въ силахъ побѣдить его въ открытой борьбѣ, — эти племена наводили ужасъ на испанцевъ, и имя ихъ сдѣлалось нарицательнымъ для обозначенія всѣхъ вообще воинственныхъ и враждебныхъ племенъ. Извращенное слово караибъ, каннибалъ сдѣлалось почти на всемъ земномъ шарѣ равнозначущимъ съ людоѣдомъ (ср. выше, стр. 197). Рядъ попытокъ колонизаціи въ области между устьями Ориноко и Магдалены окончился неудачею, прежде чѣмъ испанцы могли стать твердой ногою на этой полосѣ побережья. Въ теченіе этого времени описываемая область играла важную роль въ испанской колоніальной жизни лишь въ томъ отношеніи, что, вслѣдствіе быстраго вымиранія населенія на Антильскихъ островахъ, она давала поводъ къ охотѣ за рабами въ большихъ размѣрахъ. Главнымъ рынкомъ для добычи служилъ островъ Кубагуа, расположенный у морского берега. И только въ двадцатыхъ годахъ XVI вѣка Родриго де Бастидасъ удалось основать въ Санта-Марта поселеніе, которое обѣщало послужить ядромъ прочной колонизаціи. По всей вѣроятности, это поселеніе также распалось-бы послѣ его насильственной смерти, если бы не встрѣтило поддержки въ сосѣдней провинціи, которую первые открывшіе ее путешественники назвали Венесуэлой (маленькой Веннецій), благодаря свайнымъ постройкамъ туземцевъ на Маракаибскомъ озерѣ.

Какъ въ Остъ-Индіи, такъ и здѣсь въ Вестъ-Индіи, въ первыхъ же плаваніяхъ принимали участіе верхне-германскіе торговые дома. Вступленіе на престолъ Карла V въ Испаніи открыло имъ возможность обезпечить себѣ болѣе существенное и прочное участіе въ колоніальной торговлѣ. Но на ряду съ агентами негоціантовъ переправлялись безчисленные молодые нѣмецкіе авантюристы. Нѣкоторые изъ нихъ участвовали почти во всѣхъ фазисахъ открытій и завоеваній. Неудивительно поэтому, если нѣкоторые нѣмцы также добивались и получали привилегіи на колонизаторскія открытія. Эхингеры находились въ тѣсномъ отношеніи къ дому Вельзеровъ, которому служили многіе члены ихъ семьи. Когда они получили разрѣшеніе Карла V колонизировать внутреннюю часть побережья отъ мыса Маракапана до оконечности полуострова Гуахиро, отъ одного океана до другого, они, во всякомъ случаѣ, сильно разсчитывали на помощь Вельзеровъ; нѣсколько лѣтъ спустя они уступили имъ свои привилегіи. Нѣмецкіе владѣльцы провинціи исполнили лишь въ отношеніи заселенія Венесуэлы работу піонеровъ, которая дала воз-

можность испанцамъ впослѣдствіи сдѣлать что-либо изъ этой провинціи. Но для изслѣдованія неизвѣстной внутренней части Южной Америки нѣмецкая колонизація имѣла громадное значеніе. Прежде всего она воспрепятствовала окончательному распаденію колоніи Бастидаса въ Санта-Мартѣ и этимъ создала почву для успѣшнаго движенія Гонсало Хименеса де Кесада вверхъ по рѣкѣ Магдаленѣ. Затѣмъ она сама послужила исходной точкой для цѣлаго ряда экспедицій съ цѣлью открытій. Одна изъ такихъ экспедицій привела Федерманна, почти одновременно съ Кесадою и Беналькасаромъ, на плоскогорье Богота̀. Во главѣ другихъ экспедицій Георгъ Гогермутъ и Филиппъ фонъ-Гуттенъ двигались вдоль восточной подошвы Андъ и, хотя они не дошли, какъ часто утверждаютъ, до самой Амазонской рѣки, но все-таки первые изъ европейцевъ, проникли до большихъ сѣверныхъ притоковъ ея, Какета̀ и, быть можетъ, также Путумайо.

Послѣ завоеванія Перу продолжалъ держаться упорный слухъ о существованіи еще другой страны, богатой золотомъ. Разсказы туземцевъ намекали на страны, находившіяся на сѣверѣ царства инковъ. На основаніи ихъ Амброзій Эхингеръ (котораго испанцы называли Дальфингеръ) производилъ изслѣдованія долины Упаре и вверхъ по теченію Магдалены; въ то время, когда онъ рѣшилъ повернуть обратно, онъ почти достигъ до границы царства чибчасовъ. Послѣдователи его напрасно искали пути въ страну золота со стороны восточныхъ льяносовъ. Георгъ Гогермутъ вторично подошелъ къ самой области чибчасовъ во время своей остановки въ Санъ Хуанѣ де лосъ Льяносъ, мѣстности, которая находилась въ постоянныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ чибчасами. Только Николай Федерманъ отыскалъ проходъ изъ льяносовъ черезъ Кордильеры; но когда онъ вступилъ въ Фоскѣ въ область Баката̀, то нашелъ уже царство ея павшимъ и занятымъ испанскими завоевателями.

На долю Гонсало Хименеса де Кесада выпало счастье сдѣлаться завоевателемъ провинціи, которая подъ названіемъ Nuevo Reino de Granada (Новое королевство Гранада) сдѣлалась перломъ въ поясѣ испанскихъ колоніальныхъ владѣній. Онъ прибылъ въ началѣ 1536 года вмѣстѣ съ губернаторомъ Педро Фернандесомъ де Луго въ Санта-Марту и тотчасъ же былъ командированъ съ нѣсколькими стами спутниковъ и тремя небольшими судами для изслѣдованій вверхъ по теченію Магдалены и для отысканія могущественнаго правителя, который по описанію туземцевъ долженъ былъ находиться тамъ На самой рѣкѣ Кесадо переживалъ то же самое, что его предшественники, которые послѣ многихъ и утомительныхъ переходовъ встрѣчали лишь кое-гдѣ индѣйскія деревни, нерѣдко, впрочемъ, богатыя добычей. Въ концѣ концовъ, весеннее половодье побудило его выбраться изъ рѣчной долины въ горы. Послѣ большихъ усилій, ему удалось пробраться черезъ Сіерра де Оппонъ и вблизи будущаго Велеса открыть — почти случайно — область чибчасовъ. Испанцы не встрѣтили большого сопротивленія со стороны правителей чибчасскихъ государствъ и провинцій, находившихся въ раздорѣ между собою. Въ теченіе трехъ лѣтъ Кесада, при сравнительно ничтожныхъ потеряхъ и опасностяхъ, добылъ прямо баснословныя сокровища. Не успѣлъ онъ организовать вновь занятую провинцію и уже собирался оставить ее, какъ на плоскогорьи Богота̀ появились одинъ за другимъ, съ промежуткомъ въ нѣсколько недѣль, Николай Федерманъ съ востока и Себастьянъ де Беналькасаръ съ юга. О томъ, какъ попалъ туда первый, мы уже говорили. Беналькасаръ, который, какъ извѣстно, сперва занялъ царство Кито для Писарро, впослѣдствіи предпринялъ, съ своей стороны, новую экспедицію на основаніи тѣхъ же слуховъ, которые руководили обоими другими конкистадорами. При этомъ онъ дѣйствовалъ медленно и систематически. Уже въ Попайянѣ онъ основалъ новое испанское поселеніе, которое имѣлъ въ виду соединить съ областью чибчасовъ, но нашелъ уже послѣднюю въ

другихъ рукахъ и настолько хорошо организованною, что не могъ рѣшиться даже на попытку завладѣть ею силою. Съ другой стороны, ни онъ, ни Федерманъ не пожелали вернуться въ условія прежней зависимости. Они порѣшили вмѣстѣ съ Кесадою вернуться въ Испанію и ходатайствовать передъ короною о вознагражденіи ихъ за соотвѣтственныя заслуги. Ни одинъ изъ нихъ не добился, однако, цѣли, къ которой всѣ они стремились—регентства въ богатой провинціи чибчасовъ. Федерманъ окончилъ жизнь въ тюрьмѣ, благодаря его неоднократнымъ измѣнническимъ поступкамъ, Беналкасаръ долженъ былъ удовлетвориться намѣстничествомъ въ Попайанѣ, къ которому ему обѣщали присоединить область на западѣ верхней Магдалены. Даже Кесада не пожалъ плодовъ своихъ побѣдъ: онъ вынужденъ былъ уступить намѣстничество Санта-Марты и Новой Гранады недостойному сыну умершаго въ это время Луго. Лишь послѣ долгихъ лѣтъ тяжбы, онъ снова вернулся съ титуломъ маршала на арену своихъ первыхъ побѣдъ, гдѣ, послѣ ряда приключеній, мирно окончилъ свою жизнь, достигнувъ глубокой старости.

Хотя съ покореніемъ царства чибчасовъ въ руки испанцевъ досталась страна, въ учрежденіяхъ которой беретъ начало сказаніе о золотомъ человѣкѣ, Эль Дорадо (ст. выше, стр. 291), но поѣздки въ Дорадо приняли особенно оживленный характеръ лишь въ послѣдующія десятилѣтія. Филиппъ фонъ Гуттенъ, Эрнанъ Пересъ де Кесада, братъ побѣдителя чибчасовъ, и, наконецъ, этотъ послѣдній искали Дорадо въ льяносахъ Какетà и Путумайо, но, пожертвовавъ множествомъ человѣческихъ жизней, встрѣтили лишь нѣсколько индѣйскихъ племенъ, стоявшихъ невысоко въ культурномъ отношеніи. Впослѣдствіи предполагали царство Дорадо на озерѣ Маноа, которое искали между нижнимъ теченіемъ Ориноко и Мараньона. По этому поводу зять Кесады первый изслѣдовалъ систему Ориноко отъ Новой Гранады (въ XVI и XVII вѣкѣ всѣ принимали Гуавьяре за начало Ориноко) до устьевъ. Въ Тринидадѣ онъ попалъ въ руки Ралея, который возобновилъ свое поѣздку въ страну золота отъ устьевъ Ориноко вверхъ къ Андамъ. Отчетъ объ этомъ плаваніи болѣе, чѣмъ описаніе его предшественниковъ, способствовалъ ознакомленію Европы съ географическимъ очертаніемъ этихъ странъ. Но фактически весь путь его шелъ въ области, давно изслѣдованной испанцами. Съ тѣхъ поръ надежда отыскать Дорадо все болѣе и болѣе исчезала; для него не оставалось уже мѣста въ обширной колоніальной области, доставшейся испанцамъ. Не оставалось также болѣе мѣста для удовлетвореній стремленій къ открытіямъ. Теперь предстояла болѣе серьезная и трудная задача организовать безконечно обширныя области, о которыхъ имѣлись лишь поверхностныя свѣдѣнія. Время завоеваній, conquista, окончилось и настала эпоха coloniaje, — колоніальнаго хозяйства.

5. Испанскія колоніальныя владѣнія.

A. Casa de contratacion.

Согласно толкованію, которое Колумбъ далъ своимъ привилегіямъ, все обширное колоніальное царство испанцевъ въ Америкѣ должно было образовать одно большое капитанство, въ которомъ онъ и его потомки пользовались бы почти неограниченною властью, совмѣщая въ одномъ лицѣ наслѣдственныхъ вице-королей, губернаторовъ и адмираловъ. Коронѣ отводилось только право верховнаго контроля, ограниченное участіе въ назначеніи чиновниковъ и извѣстная доля въ доходахъ. Это былъ взглядъ не одного Колумба: потомки его въ процессѣ съ короною также дока-

зывали, что письменно дарованныя имъ привилегіи не ограничиваются островами и землями, которые сдѣлались извѣстными, благодаря личнымъ открытіямъ Колумба, но должны распространяться также на всѣ земли, которыя испанская корона пріобрѣтетъ впослѣдствіи въ силу открытій, являющихся продолженіемъ дѣла перваго адмирала. Конецъ этого процесса былъ очень простой: потомки Колумба въ своихъ притязаніяхъ зашли такъ далеко и вели себя такъ недостойно, что сами должны были отказаться даже отъ своихъ письменно засвидѣтельствованныхъ и признанныхъ правъ, чтобы избѣгнуть рукъ правосудія. Тѣмъ не менѣе, юридическая сторона вопроса была далеко не такъ проста. Колумбъ, съ своей стороны, во многихъ отношеніяхъ не выполнилъ договора Санта Фе. Прежде всего онъ не достигъ цѣли предпріятія, затѣмъ онъ не былъ въ состояніи, да и не старался серьезно выполнить финансовыя обязательства, принятыя имъ на себя въ силу договора 1492 года. Но охотно предоставляя правительству все бремя снаряженія экспедицій, онъ нисколько не думалъ отказываться отъ прибыли, которая была ему обезпечена, однако, лишь въ видѣ вознагражденія за соотвѣтственные расходы.

Вопросъ былъ, однако, очень скоро перенесенъ изъ сферы теоретическаго права на чисто практическую почву. Уже между вторымъ и третьимъ путешествіями Колумба выяснилось, что̀ ожидаетъ колоніи подъ его управленіемъ. Первый адмиралъ мечталъ исключительно о томъ колоніальномъ режимѣ, которому слѣдовали португальцы на Гвинейскомъ берегу, съ тою лишь разницею, что въ Вестъ-Индіи онъ самъ желалъ играть роль главнаго арендатора-монополиста, какимъ являлся тамъ инфантъ Генрихъ до перехода его правъ къ коронѣ. Но Колумбу недоставало той возвышенной идеи, которая воодушевляла инфанта къ открытію новыхъ странъ съ цѣлью распространенія христіанства и въ теченіе ряда лѣтъ побуждала его къ одному пожертвованію за другимъ. Напротивъ, имъ исключительно руководило мелочное стремленіе ничего не потерять для себя лично изъ возможныхъ барышей. Поэтому онъ и противился тому, чтобы колонисты на Санто Доминго разсѣевались внутри страны и тамъ на собственный страхъ разыскивали благородные металлы и другія цѣнности: Колумбъ опасался, что при этомъ часть добычи ускользнетъ отъ его контроля, и что это поведетъ къ уменьшенію его общей прибыли. По той же причинѣ онъ ни минуты не колебался, когда въ первое время для его судовъ не нашлось въ достаточномъ количествѣ другихъ подходящихъ предметовъ торговли,—нагружать ихъ захваченными туземцами и, по примѣру португальцевъ, продавать ихъ на своей родинѣ. Правда, гуманные законы испанскаго правительства также не въ состояніи были остановить быстраго вымиранія туземнаго населенія на Антильскихъ островахъ; но нельзя отрицать, что такой же результатъ долженъ былъ явиться самымъ ближайшимъ и неизбѣжнымъ послѣдствіемъ колонизаціонныхъ идей Колумба. Продажа рабовъ въ Испаніи уже послѣ первой попытки встрѣтила категорическій запретъ со стороны Фердинанда и Изабеллы. Поводомъ къ отрѣшенію отъ всей колоніальной системы Колумба послужила его неспособность къ поддержанію порядка въ его единственной колоніи. Онъ самъ потребовалъ присылки коронного чиновника для возстановленія упорядоченныхъ отношеній (см. выше стр. 356). Слѣдствіе выяснило, что Колумбу никакимъ образомъ нельзя было предоставить управленіе всей областью, на чемъ онъ настаивалъ, опираясь на свои привилегіи.

Вначалѣ, правда, правительство Фердинанда и Изабеллы также составило колонизаціонный планъ по образцу португальскаго. Но при этомъ ожидали, что Колумбъ откроетъ цвѣтущія и благоустроенныя государства съ обширной и оживленной торговлей. Главная цѣль путешествія Колумба заключалась вовсе не въ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ, а въ томъ, чтобы отвлечь торговлю цѣнными и имѣющими большой сбытъ произведеніями дальняго

Востока отъ прежнихъ путей и, въ видахъ монополіи, направить ее черезъ испанскія гавани. Другой цѣлью было распространеніе христіанства въ этихъ государствахъ. Испанецъ, который въ теченіе вѣковъ на собственной родинѣ велъ, ради распространенія христіанства, кровопролитную войну съ невѣрными, конечно, не остановился бы и на чужбинѣ въ осуществленіи той же цѣли при помощи тѣхъ же средствъ. Если бы Колумбъ дѣйствительно достигъ гаваней Цайтуна и Кинсея съ ихъ сокровищами, ихъ торговлей и организаціей, то, по всей вѣроятности, испанцы укрѣпили бы тамъ свою власть такимъ же образомъ, какъ это сдѣлали португальцы въ Остъ-Индіи. Такъ, первое учрежденіе, которое создали испанскіе правители для завѣдыванья колоніальными дѣлами, палата торговыхъ сношеній, casa de contratacion, скопировано въ главныхъ чертахъ съ португальской casa de Guiné, предшественницы casa de India въ Лиссабонѣ. Названіе учрежденія сохранилось до самаго конца его; но, по существу, оно въ короткое время значительно измѣнилось и расширилось.

При своемъ основаніи, въ 1503 году, casa de contratacion была предназначена для защиты интересовъ короны въ сношеніяхъ и, главнымъ образомъ, въ торговыхъ сношеніяхъ съ колоніями. Административныя полномочія, согласно договорамъ 1492 года, находились почти исключительно въ рукахъ Колумба. Самое учрежденіе casa de contratacion есть лучшее доказательство того, что правительство нисколько не имѣло въ виду оспаривать эти привилегіи, хотя уже тогда права Колумба были ограничены и, вмѣсто него, назначенъ намѣстникъ отъ правительства. Тѣмъ не менѣе, основаніе многочисленныхъ поселеній на всей Эспаньолѣ и ближайшихъ островахъ, дарованіе земельныхъ участковъ колонистамъ и движеніе внутрь острова доказываютъ, что правительство порвало съ колоніальною системою Колумба, планъ котораго заключался въ меркантильной эксплуатаціи страны изъ опредѣленныхъ береговыхъ пунктовъ. О такомъ же измѣненіи точки зрѣнія свидѣтельствуетъ и второе преобразованіе casa de contratacion. Правда, торговые интересы все еще рѣшительно стоятъ на первомъ планѣ. Но рѣчь идетъ на этотъ разъ не столько о выясненіи выгодъ, ожидаемыхъ правительствомъ отъ непосредственнаго участія въ колоніальной торговлѣ, сколько, и притомъ главнымъ образомъ, о регулированіи и контролѣ торговыхъ и морскихъ сношеній между метрополіей и колоніями вообще, — безразлично, какъ въ отношеніи коронныхъ, такъ и частныхъ предпріятій. Такимъ образомъ, casa de contratacion преобразуется какъ бы въ административный органъ и вмѣстѣ съ тѣмъ пріобрѣтаетъ судебныя полномочія: въ уставахъ 1511 года въ штатѣ casa мы находимъ, кромѣ трехъ обыкновенныхъ чиновниковъ, фактора, казначея и бухгалтера, и, по крайней мѣрѣ, одного юриста. Самое существенное расширеніе власти, которое пріобрѣла casa въ этомъ году и которое послужило основаніемъ для будущей роли ея, заключается въ передачѣ этому учрежденію контроля надъ корреспонденціей. Чиновники обязаны были не только вскрывать и читать всю корреспонденцію, отправляемую изъ колоній на имя правительства, но и заносить въ книги палаты всѣ правительственные акты, предназначенные для колоній. Мало того: чиновники приглашались высказываться по поводу распоряженій правительства, которыя покажутся имъ нецѣлесообразными или опасными, и пріостанавливать исполненіе этихъ распоряженій. Въ силу такого полномочія, casa de contratacion все болѣе и болѣе принимала характеръ правительственнаго органа. Въ позднѣйшихъ статутахъ эта роль категорически оттѣняется: въ менѣе важныхъ дѣлахъ рѣшеніе casa было окончательнымъ, а въ болѣе крупныхъ и важныхъ вопросахъ можно было апеллировать къ Совѣту по Индѣйскимъ Дѣламъ, Consejo de Indias, какъ въ высшей инстанціи.

Несмотря на широкія привилегіи, обѣщанныя, по договору, Колумбу, въ качествѣ вице-короля, губернатора и адмирала Индіи, колоніальныя дѣла съ самаго начала потребовали сложнаго контроля и руководства со стороны правительства. Это участіе правительства получило особенно важное значеніе съ той минуты, когда полномочія Колумба были пріостановлены и временно возложены на коронпаго чиновника. Уже въ то время Фердинандъ Католическій поручилъ всѣ эти дѣла одному лицу, для достиженія необходимаго единства и послѣдовательности въ колоніальной политикѣ. Въ Коронномъ Совѣтѣ колоніальныя дѣла вѣдалъ архіепископъ Фонсека. Въ качествѣ секретаря-экспедитора нѣкоторое время дѣйствовалъ Грисіо, а послѣ него Лопе де Кончильосъ, извѣстный по своей печальной роли въ спорѣ за тронъ между Фердинандомъ Католическимъ и Филиппомъ Красивымъ.

Когда въ 1509—12 годахъ донъ Діего Колонъ былъ возстановленъ въ правахъ своего отца, онъ получилъ ихъ лишь въ ограниченномъ объемѣ (см. выше стр. 360). Уже въ то время подготовлялось раздѣленіе колоніальныхъ владѣній, все болѣе расширявшихся. Потомкамъ Колумба были предоставлены, согласно договору Санта Фе, лишь тѣ земли, которыя Испанія пріобрѣла, благодаря непосредственной дѣятельности перваго адмирала. Но и здѣсь привилегіи были ихъ не неограниченными. Правда, за ними было оставлено, по условію, отправленіе правосудія въ первой инстанціи на всемъ пространствѣ дарованной имъ земли. Однако, уже въ 1511 году учрежденъ былъ апелляціонный судъ для всей колоніальной области, подъ названіемъ Аудіенціи Санто-Доминго: къ нему можно было аппеллировать на рѣшенія судовъ вице-короля, онъ дѣлалъ постановленія отъ имени короля и былъ уполномоченъ призывать къ отвѣту даже самого вице-короля. Въ то время во всѣхъ областяхъ жизни вопросы администраціи и правосудія еще не были разграничены, и всякое учрежденіе являлось, въ сферѣ своихъ полномочій, вмѣстѣ съ тѣмъ и судьею. И наоборотъ, аудіенція, апелляціонная судебная инстанція во всевозможныхъ колоніальныхъ дѣлахъ, уже въ силу этого, являлась важнымъ факторомъ въ колоніальномъ управленіи. Это значеніе росло по мѣрѣ того, какъ правительство все болѣе и болѣе ощущало необходимость создать противовѣсъ слишкомъ широкимъ привилегіямъ вице-короля и губернатора. Вмѣстѣ съ тѣмъ, новый правительственный органъ долженъ былъ выражать непосредственную волю правительства и контролировать вице-губернаторовъ въ тѣхъ колоніальныхъ областяхъ, которыя не входили въ сферу договора Санта-Фе.

Другой противовѣсъ подобнаго рода правительство создало себѣ въ лицѣ духовенства. Сначала посылались на острова почти исключительно члены духовныхъ орденовъ съ цѣлью поддерживать религіозные интересы и способствовать дѣлу миссіи среди туземцевъ. Но почти съ перваго появленія ихъ начались столкновенія между ними и свѣтскими властями. Фрай Берналь Бойль, сопровождавшій въ качествѣ генеральнаго викарія Колумба, во второмъ путешествіи его, былъ, подобно ему, вскорѣ отозванъ на родину, такъ какъ слишкомъ неправильно понялъ свои обязанности по отношенію къ чиновникамъ. Какъ только правительство убѣдилось въ громадныхъ размѣрахъ владѣній, доставшихся ему, оно обратило тщательное вниманіе и на организацію духовныхъ дѣлъ. По предложенію Фердинанда, папа Александръ VI, въ 1512 году, учредилъ первыя два епископства на островѣ Эспаньолѣ въ Санто-Доминго и Ла Вегѣ. Затѣмъ, почти непосредственно за окончательнымъ заселеніемъ, созданы были новыя епархіи. Вскорѣ вся колоніальная область была усѣяна широко раскинувшейся сѣтью архіепископствъ, епископствъ и приходовъ. Но правительство позаботилось вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы церковь не образовала государства въ государствѣ и не сдѣлалась бы, въ концѣ концовъ, опасною

для правительственной власти. Въ 1508 году корона получила отъ самого папы право патроната надъ всѣми духовными инстанціями Новаго Свѣта; такимъ образомъ, колоніальное духовенство оказалось вполнѣ зависимымъ отъ правительства и сдѣлалось даже сильною и вліятельною опорою его во всѣхъ превратностяхъ колоніальныхъ событій.

Когда, въ 1516 году, Карлъ V унаслѣдовалъ отъ своего дѣда, вмѣстѣ съ испанскими коронными землями, обширныя колоніальныя владѣнія, управленіе послѣднихъ уже представляло прочную организацію; можно сказать даже, что правительство тогда положило начало извѣстной системѣ колоніальной политики. Такъ какъ открытіе Америки явилось результатомъ личной иниціативы королевы Изабеллы, то, съ точки зрѣнія государственнаго права, колоніи вошли въ составъ владѣній кастильской короны. Съ понятіемъ колоніи въ XVI вѣкѣ связывали представленіе о странѣ, которая всецѣло находилась въ частномъ владѣніи короны или обладателей колоніальныхъ привилегій. Поэтому, съ отмѣною привилегій семьи Колоновъ, испанское правительство разсматривало колоніи, какъ государственное имущество, доходы съ котораго принадлежали исключительно ему и могли быть употребляемы имъ по его усмотрѣнію. Прямымъ слѣдствіемъ подобнаго взгляда были строгія предписанія правительства относительно доступа въ колоніи. Для того, чтобы имѣть возможность строго провѣрять эти предписанія, всѣ сношенія между метрополіей и колоніей должны были исходить исключительно изъ Севильи, съ открытою гаванью этого города Санъ-Лукаръ де Баррамеда. Вскорѣ выяснилось, однако, что подобная монополія Севильи вредно отражается на торговыхъ сношеніяхъ. Въ первые годы правленія Карла V возникла особенно сильная агитація противъ этой монополіи. По всей вѣроятности, она находилась въ связи съ тѣмъ обстоятельствомъ, что испанскія государства соединились съ германскими и нидерландскими областями подъ однимъ и тѣмъ же скипетромъ и что это соединеніе существенно облегчало или даже прямо поощряло участіе этихъ національностей въ заморской торговлѣ. Былъ моментъ, когда это противутеченіе имѣло успѣхъ и, быть можетъ, порождало широкія надежды; но, въ концѣ концовъ, фискальные интересы все-таки побѣдили, и монополія Севильи для всѣхъ колоніальныхъ сношеній сохранилась неприкосновенною вплоть до позднѣйшихъ временъ.

B. **Вопросъ о туземцахъ.**

Фискально-монополистическая точка зрѣнія составляетъ характерную черту не одной лишь испанской колоніальной политики, но она придаетъ ей особый отпечатокъ, какъ и въ другихъ государствахъ, признававшихъ ее. Самую существенную особенность испанской политики представляетъ отношеніе ея къ коренному населенію колоній, къ туземцамъ. Колумбъ и въ отношеніи туземцевъ держался португальской точки зрѣнія, т. е., разсматривалъ туземное населеніе или какъ государство, съ которымъ можно было вести войну и заключать договоры, или какъ продуктъ, который, подобно прочимъ колоніальнымъ произведеніямъ, можно было покупать и продавать, сообразно съ коммерческами интересами. Въ обоихъ случаяхъ туземцы являлись съ этой точки зрѣнія чужими лицами или чужими вещами. Колумбъ, слѣдуя этому взгляду; во время своего третьяго путешествія, съ цѣлью вознаградить неудачные поиски золота, пряностей и другихъ цѣнныхъ товаровъ, нагрузилъ одинъ изъ возвращавшихся домой кораблей рабами для продажи ихъ въ Севильѣ.

Но здѣсь онъ встрѣтилъ отпоръ со стороны испанскаго правительства и, главнымъ образомъ, королевы Изабеллы Кастильской, какъ главы колоніальнаго царства. Когда получена была вѣсть о прибытіи живого груза, всѣ чиновники Севильи получили приказаніе не допускать про-

даже индѣйцевъ, пока не будетъ рѣшено, слѣдуетъ ли согласиться на это или нѣтъ, можно ли, на основаніи божескихъ и человѣческихъ законовъ, допустить превращеніе индѣйцевъ въ рабовъ. Вскорѣ послѣдовало распоряженіе о томъ, чтобы отправить индѣйцевъ обратно на родину и вернуть имъ свободу. Это было принципіальнымъ рѣшеніемъ вопроса первостепенной важности, началомъ совершенно новой колоніальной политики, до тѣхъ поръ нигдѣ не примѣнявшейся. Весьма вѣроятно, что трезвый реальный политикъ, король Фердинандъ, смотрѣвшій не совсѣмъ сочувственными глазами на все колоніальное предпріятіе своей супруги и соправительницы, поступилъ бы иначе, если бы его личный взглядъ могъ имѣть рѣшающее значеніе. Въ пользу того говоритъ настойчивость, съ какою королева Изабелла, въ своемъ завѣщаніи и приложенномъ къ нему дополнительномъ пунктѣ, проситъ супруга о защитѣ туземцевъ. Этотъ дополнительный пунктъ является слѣдующимъ важнымъ шагомъ законодательства въ области туземнаго вопроса. Несмотря на свою краткость и категоричность, заключенныя въ немъ постановленія относительно туземцевъ имѣютъ огромное значеніе: туземцы признаются равноправными подданными; жизнь и собственность ихъ принимаются подъ покровительство короны, и на короля Фердинанда, какъ на исполнителя завѣщанія, возлагается устраненіе всякихъ несправедливостей и невзгодъ, которыя могли бы постигнуть ихъ.

Безъ сомнѣнія, практическое разрѣшеніе этого вопроса стояло далеко не на высотѣ теоретическаго отношенія къ нему. Заявленіе, что индѣйцы должны пользоваться правами свободныхъ подданныхъ, встрѣтило возраженіе не только со стороны колонистовъ, но и колоніальныхъ властей, и даже духовенства. Дѣло въ томъ, что безъ достаточнаго количества туземныхъ рабочихъ колоніи не могли давать доходовъ или барышей, а индѣецъ, безъ примѣненія къ нему извѣстнаго насилія, не только не соглашался работать въ такой мѣрѣ, чтобы удовлетворять потребности колоній, но и не находилъ нужнымъ поддерживать постоянныя дружественныя отношенія съ колонистами. А безъ этого не могло быть и рѣчи о культурномъ воздѣйствіи на туземцевъ и въ особенности объ обращеніи ихъ въ христіанство, чему придавалось особенное значеніе съ самаго начала исторіи открытія. Поэтому и свѣтскія, и духовныя власти единогласно признавали дарованіе неограниченной свободы туземцамъ равносильнымъ раззоренію колоній въ духовномъ и экономическомъ отношеніяхъ. Изъ переговоровъ, возникшихъ по этому поводу, развилась, наконецъ, система Repartimientos и Encomiendas. Принципіально этимъ признавалась личная свобода туземцевъ. Но для того, чтобы воспитать ихъ для воспринятія европейской культуры и христіанскаго ученія, они распредѣляются (repartir) между отдѣльными колонистами, отдаются подъ покровительство ихъ (encomendar). Такимъ образомъ, колонисты получаютъ извѣстную патріархальную власть надъ ввѣренными ихъ попеченію туземцами. По буквѣ закона все это выходило очень гуманно, но въ дѣйствительности создало почти всюду для индѣйцевъ родъ крѣпостного права, которое, при одновременномъ существованіи у нихъ рабства, нерѣдко совершенно парализовало доброжелательныя намѣренія законодателей въ отношеніи извѣстныхъ категорій туземцевъ.

Законъ требовалъ отъ обладателя Repartimiento извѣстныхъ нравственныхъ гарантій, а съ другой стороны, совершенно точно опредѣлялъ высшій размѣръ работъ, которыя можно было возлагать на туземцевъ. Но подъ давленіемъ фактическихъ условій губернаторы различныхъ колоніальныхъ округовъ, и въ особенности вновь открытыхъ и подлежавшихъ заселенію областей, вынуждены были награждать, въ формѣ дарованія Repartimientos, тѣхъ колонистовъ, которые оказали услуги въ дѣлѣ завладѣнія страной. А между тѣмъ въ открытіяхъ и завоевательныхъ похо-

дахъ наибольшія услуги спутникамъ и отечеству далеко не всегда оказывали люди съ особенно выдающимися нравственными качествами. Отъ участниковъ въ подобнаго рода предпріятіяхъ требовалось столько отчаянной смѣлости и выносливости, что совершенно понятно, если они набирались, главнымъ образомъ, изъ элементовъ, которымъ нечего было терять и которые могли только выиграть. А тотъ, кто по цѣлымъ мѣсяцамъ презрительно ставилъ на карту собственную жизнь, рискуя погибнуть голодною смертью или отъ руки врага, не имѣлъ, конечно, ни малѣйшей охоты обращаться бережно и заботливо нѣжно съ существами, по его мнѣнію, низшаго рода, — съ людьми, для подчиненія которыхъ европейскому игу предстояли, быть можетъ, еще долгія кровавыя битвы, сопряженныя съ большими потерями. И самые благонамѣренные губернаторы, при всемъ ихъ желаніи, едва ли когда нибудь въ состояніи были добросовѣстно примѣнять законы относительно Encomiendas. Въ мѣстностяхъ, слабо заселенныхъ европейцами, необузданные элементы ихъ, безъ которыхъ едва ли возможно было распространеніе испанской власти, часто поднимались противъ распоряженій, когда тѣ, ссылаясь на законъ, стремились ограничить то, что, по ихъ мнѣнію, было вполнѣ заслужено ими за ихъ иногда почти сверхчеловѣческія усилія и лишенія. Эти одичавшіе поселенцы устранили не одного губернатора, который хотѣлъ заставить уважать законы относительно Encomiendas.

Мы нисколько не думаемъ отрицать большія злоупотребленія по отношенію къ туземцамъ на всемъ обширномъ пространствѣ завоеванныхъ территорій, но полагаемъ, что ревнители за человѣческія права туземцевъ, между которыми видное мѣсто занимаетъ епископъ Бартоломé де Ласъ Казасъ, преувеличивали ужасы индѣйскаго режима. Часто индѣйцевъ, дѣйствительно, обременяли непосильной работой, — и тысячи изъ нихъ погибли отъ этого. Едва ли, однако, можно допустить, какъ общее правило, подобное легкомысленное обремененіе ихъ, такъ какъ прежде всего сами колонисты были слишкомъ заинтересованы въ томъ, чтобы сохранить для себя работниковъ. На Антильскихъ островахъ, открытыхъ и заселенныхъ раньше другихъ, туземное населеніе исчезало съ поразительной быстротою; но въ этомъ, во всякомъ случаѣ, участвовали причины самаго различнаго свойства. Прежде всего численность ихъ была вообще значительно преувеличена: Колумбъ былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы усилить значеніе своего открытія. Страстная агитація въ пользу свободы индѣйцевъ, начавшаяся уже черезъ 20 лѣтъ послѣ открытія, окончательно спутала представленіе о численности ихъ. Если взвѣсить, однако, что Антильскіе острова заселялись аровакскою народностью съ материка лишь исподоволь, и что это племя рыболововъ и охотниковъ нигдѣ не образовало большихъ, плотныхъ поселеній; что, далѣе, аровакамъ приходилось въ теченіе ряда поколѣній подвергаться истребительной войнѣ со стороны такихъ страшныхъ морскихъ пиратовъ какъ караибы (см. выше стр. 197), то едва ли можно допустить въ моментъ открытія многочисленное населеніе на Антильскихъ островахъ. Кромѣ того, туземцы очень скоро узнали, что новые пришельцы являются для нихъ, пожалуй, гораздо болѣе опасными врагами, чѣмъ караибы. Поэтому они часто убѣгали изъ деревень въ пустыни, гдѣ, сражаясь между собою и съ христіанами, также терпѣли большія потери. Ко всему этому слѣдуетъ прибавить непривычный родъ работы, перемѣну въ питаніи и образѣ жизни и, наконецъ, болѣзни, которыя, будучи занесены европейцами, эпидемически свирѣпствовали между туземцами и производили въ рядахъ ихъ жестокія опустошенія. Лишь всѣ эти обстоятельства въ совокупности, а не одно дурное обращеніе колонистовъ, отвѣтственны за вымираніе населенія Антильскихъ острововъ.

Это уменьшеніе населенія имѣло въ одномъ отношеніи важное влія-

ніе на судьбу всего туземнаго вопроса: оно повело къ нарушенію принципа общей свободы индѣйцевъ. Уже въ 1505 году Фердинандъ Католическій повелѣлъ усмирять и превращать въ рабовъ туземцевъ, которые стали бы съ оружіемъ въ рукахъ сопротивляться культурнымъ воздѣйствіямъ и обращенію въ христіанство. Быть можетъ, это позволеніе имѣло первоначально въ виду только караибскія племена, которыя перенесли свою вражду къ аровакамъ на мнимыхъ покровителей ихъ. Но чѣмъ замѣтнѣе становился контрастъ между возроставшей колонизаціей большихъ острововъ и убылью туземнаго населенія, тѣмъ чаще давалось это разрѣшеніе, подъ покровомъ котораго велась обширная торговля индѣйскими рабами. Ничего не было легче, какъ вызывающими дѣйствіями заставить раздраженнаго туземца взяться за оружіе, послѣ чего можно было, не нарушая закона, увести его, какъ раба. Этимъ путемъ въ короткое время было совершенно вывезено населеніе Малыхъ Антильскихъ острововъ, гдѣ не было испанскихъ колоній. Обитатели этихъ острововъ доставлялись въ видѣ рабовъ на большіе острова, гдѣ, для отличія отъ миролюбивыхъ индѣйцевъ, клеймились на бедрахъ раскаленнымъ желѣзомъ (замѣчательное логическое послѣдствіе мѣропріятія, исходившаго изъ гуманной идеи). Вскорѣ, однако, и они не могли удовлетворять постоянно возроставшей потребности въ рабочихъ силахъ и пополнять сильную убыль таковыхъ. Тогда охота на рабовъ была перенесена и на материкъ и въ особенности на сѣверное побережье Южной Америки, жители котораго, родственные по происхожденію съ островитянами, оказывали необыкновенно сильное и упорное сопротивленіе первымъ колонизаторскимъ попыткамъ.

Въ этомъ періодѣ охота за рабами приняла такіе размѣры, которые вызвали первые проблески протеста. Вскорѣ этотъ протестъ разросся до внушительной степени, причемъ вопросъ осложнился обстоятельствами, которыя не имѣли прямого отношенія къ предмету. Мы видѣли, что первоначально духовенство колоній отнюдь не было склонно ратовать за неограниченную свободу индѣйцевъ. Не только бѣлое духовенство, но и францисканцы, игравшіе особенно видную роль въ колоніальномъ управленіи со временъ Колумба, который самъ принадлежалъ къ этому ордену въ качествѣ мірского члена, не находили ничего предосудительнаго въ томъ, что индѣйцевъ подчиняли христіанамъ при помощи умѣреннаго насилія и что, въ случаѣ открытаго сопротивленія съ ихъ стороны, слѣдовало порабощеніе ихъ и обращеніе съ ними, какъ съ врагами. Иное положеніе въ этомъ вопросѣ заняли доминиканцы; благодаря тому, что различныя точки зрѣнія на туземный вопросъ создавали борьбу одного ордена съ другимъ, этотъ вопросъ безспорно значительно обострился. Первый, кто рѣшился осудить съ каѳедры и назвать позорнымъ и святотатственнымъ господствовавшее отношеніе къ туземцамъ, былъ доминиканецъ, братъ Педро де Кордова, который, въ силу того, вскорѣ сталъ извѣстенъ далеко за предѣлами своей паствы (онъ проповѣдывалъ въ Санто Доминго).

Къ идеямъ его примкнулъ Бартоломè де Ласъ Казасъ, который въ то время былъ еще самъ рабовладѣльцемъ на Кубѣ. Его страстная натура сдѣлала его однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ и горячихъ піонеровъ въ борьбѣ за свободу туземцевъ. Ласъ Казасъ отправился въ первый разъ къ испанскому двору еще при жизни Фердинанда Католическаго. Хотя сочувствіе къ яркимъ описаніямъ его, рисовавшимъ жестокое обращеніе съ туземцами, было далеко не всеобщимъ, но онъ добился, по крайней мѣрѣ, того, что рѣшено было отправить особую комиссію для изслѣдованія фактическаго положенія дѣла. Борьба между францисканцами и доминиканцами въ туземномъ вопросѣ достигла такой остроты, что оба ордена были принципіально устранены отъ выбора въ комиссію. Но такъ какъ этотъ вопросъ разсматривался, какъ дѣло совѣсти, и поэтому желательно было

передать его въ руки духовенства, то, въ концѣ концовъ, согласились избрать трехъ монаховъ іеронимитовъ и отправить ихъ на острова, снабдивъ дискреціонными полномочіями.

Ласъ Казасъ горячо оспаривалъ безпристрастіе этихъ трехъ отцовъ, такъ какъ они не могли стать на его точку зрѣнія. Но онъ былъ безспорно несправедливъ къ нимъ. То, что онъ рекомендовалъ, какъ универсальное цѣлебное средство,— образованіе независимыхъ общинъ индѣйцевъ, которыя сами управлялись бы и были-бы доступны изъ испанцевъ только духовнымъ лицамъ, какъ руководителямъ въ религіозныхъ дѣлахъ, — было испробовано іеронимитами. И самъ Ласъ Казасъ потерпѣлъ неудачу, когда, нѣсколько лѣтъ спустя, попытался создать на этихъ началахъ дѣйствительно жизнеспособную общину на полосѣ побережья Паріа, отрѣзанной отъ всякихъ сообщеній съ бѣлымъ человѣкомъ. Стольже неудачны были попытки, предпринятыя въ этомъ направленіи іеронимитами на Санто Доминго еще при менѣе благопріятныхъ условіяхъ. Отозваніе этихъ монаховъ еще болѣе обострило отношенія между религіозными обществами, и правительство было, наконецъ, вынуждено изъять весь вопросъ изъ рукъ духовенства и передать его свѣтскимъ чиновникамъ. Лиценціатъ Родриго де Фигероа держался совершенно въ сторонѣ отъ теоретическихъ точекъ зрѣнія и регулировалъ туземный вопросъ исключительно на почвѣ существующихъ законовъ. Эти законы гарантировали мирнымъ индѣйцамъ извѣстную свободу, но разрѣшали превращать въ рабовъ тѣхъ, которые держали себя враждебно. Поэтому онъ прежде всего установилъ, кого изъ индѣйцевъ слѣдуетъ считать враждебными. Руководясь вполнѣ безпристрастными воззрѣніями, онъ весьма существенно ограничилъ область, предоставленную охотникамъ на рабовъ. Обращено было болѣе серьезное вниманіе на положеніе индѣйцевъ въ Repartimientos и Encomiendas, неизбѣжнымъ послѣдствіемъ чего было общее улучшеніе въ обращеніи съ ними.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, приблизительно въ это же время, совершился, по крайней мѣрѣ, въ островныхъ колоніяхъ, экономическій переворотъ. Долгое время, несмотря на всѣ усилія правительства, значеніе испанскихъ колоній было немногимъ выше постоянныхъ торговыхъ факторій: собирали все цѣнное, что̀ можно было получить въ обмѣнъ отъ туземцевъ, производили съ помощью ихъ раскопки и промывки для добыванія благородныхъ металловъ. Но каждый разъ, когда правительство посылало за океанъ сѣмена и растенія, культура ихъ не прививалась: туземцы не понимали ея, а колонисты считали для себя недостойнымъ заниматься этимъ. И такъ какъ цѣнные продукты почвы имѣлись только въ ограниченномъ количествѣ, то мѣновая торговля вскорѣ истощилась. Новыя открытія оживили торговлю Санто Доминго, но вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно отвлекали оттуда рабочія силы и все болѣе уменьшали самостоятельное значеніе острова, вслѣдствіе чего поселенія на немъ сильно убывали. Въ это время культура сахарнаго тростника создала новое прибыльное средство для поддержанія колонистовъ. Правда, и этотъ родъ хозяйства требовалъ рабочихъ силъ, но не губилъ ихъ въ такой степени, какъ промывка золота. Кромѣ того, воздѣлываніе сахарнаго тростника было связано съ осѣдлымъ образомъ жизни и давало колонистамъ постоянную работу, тогда какъ добываніе золота представляло вѣчныя тревоги и превратности въ погонѣ за счастьемъ.

Пока на обширномъ пространствѣ колоній имѣлись и другіе источники для добыванія средствъ къ жизни и прежде всего обширное скотоводство, воздѣлываніе сахарнаго тростника существенно способствовало поддержанію жизнеспособности испанскихъ колоній. Но затѣмъ оно пріобрѣло громадное значеніе для развитія ихъ, благодаря тому, что дало толчокъ къ ввозу рабовъ-негровъ. Мѣстами испанскіе властители

пользовались ими уже съ самаго открытія Америки. Прошло немного времени, и въ колоніяхъ убѣдились, что негры превосходно акклиматизировываются тамъ, а въ смыслѣ работоспособности значительно превосходятъ туземцевъ. Правительство не сочувствовало, однако, ввозу негровъ. Опасались, что эти язычники, едва только принявшіе крещеніе и, во всякомъ случаѣ, не твердые въ христіанской вѣрѣ, окажутъ тормозящее вліяніе на обращеніе индѣйцевъ. Поэтому африканскіе негры были совершенно исключены изъ колоній, а вывозъ черныхъ домашнихъ рабовъ подвергся наивозможному ограниченію. И только повторныя петиціи колонистовъ объ усиленіи подвоза черныхъ рабочихъ силъ открыли правительству значеніе этого вопроса. Наконецъ, вообще весь взглядъ на него радикально измѣнился, когда самъ Ласъ Казасъ сталъ настойчиво рекомендовать ввозъ негровъ-рабовъ изъ филантропическихъ соображеній, именно для огражденія индѣйцевъ отъ обращенія въ рабство. Если и затѣмъ еще правительство принципіально воспрещало иммиграцію негровъ, то это дѣлалось лишь изъ фискальныхъ интересовъ. Въ дѣйствительности, уже съ 1516 года почти ежегодно одними откупщиками монополіи на рабовъ ввозилось прямо съ Гвинейскаго берега въ Новый Свѣтъ около 4000 черныхъ, не говоря уже о массѣ ихъ, которая попадала въ колоніи въ силу особыхъ разрѣшеній, а впослѣдствіи путемъ контрабанды. Во всякомъ случаѣ, уже около средины XVI столѣтія черные и метисы, происшедшіе отъ соединенія ихъ съ бѣлыми и индѣйцами, составили элементъ населенія, который имѣлъ выдающееся экономическое значеніе. Кромѣ того, они заслуживали особеннаго вниманія еще по той причинѣ, что они, еще менѣе индѣйцевъ, подняты были колонстами на какой либо культурный уровень, и они были отъ природы гораздо менѣе податливый, но въ то же время едва ли менѣе склонны уйти отъ своихъ владѣльцевъ и въ пустынѣ вернуться къ нравамъ и обычаямъ своей родины. Уже въ 1550 году испанцамъ приходилось подавлять опасныя возстанія чернаго населенія. Отъ времени до времени эти вспышки повторялись, пока, наконецъ, послѣ успѣшнаго возмущенія въ 1808 году, неграмъ не удалось основать независимое государство въ западной половинѣ острова Санто Доминго, въ республикѣ Гаити.

Смѣшеніе расъ въ испанской Америкѣ имѣло сравнительно небольшое значеніе. Въ первые годы существованія большинства колоній, пока европейскія женщины еще не прибыли туда или, въ силу господствовавшихъ тамъ условій, не могли прибыть, — внѣбрачное сожительство съ туземными женщинами составляло общее правило. Тамъ, гдѣ это продолжалось долго, какъ, напр., въ Парагваѣ, образовалась, наконецъ, многочисленная смѣшанная раса (см. выше стр. 380). Въ Мексикѣ и Перу, вѣроятно также въ Богота̀, браки испанскихъ конкистадоровъ съ женщинами туземной аристократіи заключались чаще по политическимъ соображеніямъ. Испанскіе короли признали эту аристократію и поставили ее наравнѣ съ испанскою. Въ общемъ, однако, испанцы въ колоніяхъ не менѣе заботливо слѣдили, чѣмъ на родинѣ, за чистотою и несмѣшанностью крови: креолы до сихъ поръ еще особенно гордятся тѣмъ, что прадѣды и прапрадѣды ихъ были чисто испанской крови. Но если колонисты европейскаго происхожденія сознательно противуполагали себя туземнымъ расамъ, то, съ другой стороны, измѣненныя условія жизни, иной климатъ, иныя соціальныя условія создали съ теченіемъ времени сперва смутно ощущаемый, потомъ совершено сознательный контрастъ между ними и тѣми испанцами, которые, въ качествѣ купцовъ, солдатъ, чиновниковъ, лишь временно оставались въ колоніяхъ и не утратили чувства, что они тамъ чужіе.

Карлъ V, при вступленіи на престолъ, засталъ вопросъ о туземцахъ въ полномъ ходу и сперва не вмѣшивался въ развитіе его. Къ первымъ годамъ его правленія относится ожесточенная бумажная война между Ласъ Казасомъ и

Сепульведою по поводу допустимости рабства индѣйцевъ; сюда же относится и неудачная колоніальная попытка доминиканца, назначеннаго патрономъ индѣйцевъ. Учрежденіе должности защитника туземцевъ было, кромѣ того, распространено повсемѣстно: въ каждой колоніи одному изъ высшихъ духовныхъ лицъ ввѣрялась спеціальная охрана туземцевъ. Законы относительно обращенія съ индѣйцами постоянно измѣнялись и вырабатовались въ смыслѣ болѣе интенсивнаго вниманія къ ихъ интересамъ. Наконецъ, указъ въ Гранадѣ отъ 17 ноября 1526 года соединилъ всѣ распоряженія относительно обращенія съ туземцами въ 6 параграфовъ. Указъ все еще признавалъ двѣ категоріи индѣйцевъ, дружественныхъ и дикихъ, и разрѣшалъ обращать послѣднихъ въ рабство; но для этого въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ было необходимо получить разрѣшеніе отъ особыхъ чиновниковъ. Съ тѣхъ поръ этотъ законъ имѣлъ силу не только во всѣхъ колоніяхъ, но и при всякихъ договорахъ при новыхъ открытіяхъ. За нимъ послѣдовали быстро одно за другимъ дальнѣйшія распоряженія въ благопріятномъ для индѣйцевъ духѣ. Послѣ долгихъ споровъ за и противъ, рабство индѣйцевъ было, наконецъ, уничтожено окончательно въ 1530 году. Правда, проведеніе этой мѣры въ жизнь встрѣчало еще затрудненія въ различныхъ провинціяхъ и затянулось на много лѣтъ; но законъ оставался непоколебимымъ и былъ, наконецъ, осуществленъ со всею строгостью, несмотря на сопротивленія колонистовъ.

Нѣсколько разъ правительство пыталось совершенно уничтожить encomiendas; но эта мѣра не была проведена по двумъ причинамъ: она грозила подорвать матеріальное благосостояніе колонистовъ и повредить культурному развитію индѣйцевъ. Въ виду того, правительство ограничилось тѣмъ, что все болѣе и болѣе очищало систему encomiendas отъ всѣхъ присущихъ ей недостатковъ и все строже наблюдало за добросовѣстнымъ примѣненіемъ ея. Однако, принципъ способствовать культурѣ индѣйцевъ путемъ болѣе тѣснаго сближенія ихъ съ испанцами и, съ другой стороны, предоставлять конкистадорамъ и потомству ихъ попеченіе объ индѣйцахъ въ видѣ награды и признанія ихъ заслугъ, — этотъ принципъ остался въ полной силѣ. Впрочемъ, далеко не всѣ индѣйцы были распредѣлены по encomiendas. Въ каждой провинціи, въ каждомъ округѣ правительство съ самаго начала удержало за собою извѣстную часть земли и часть населенія, которая должна была работать для короны, но не для отдѣльныхъ колонистовъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ энергичнѣе становилась борьба съ злоупотребленіемъ encomiendas, тѣмъ болѣе ограничивались размѣры и затруднялось полученіе ихъ. Въ концѣ концовъ, одни лишь индѣйцы въ непосредственномъ сосѣдствѣ мѣстечекъ, основанныхъ въ эпоху конкистадоровъ, сохранили въ отношеніи колонистовъ положеніе оберегаемыхъ. Обширныя области, которыя не были густо заселены европейцами, оставались, какъ и раньше, свободной страной индѣйцевъ. Обращеніе въ христіанство и образованіе ихъ были предоставлены почти исключительно религіознымъ обществамъ и миссіонерамъ, которыхъ посылали эти общества.

С. **Миссія.**

Заслуги испанскаго духовенства въ колоніальной области чрезвычайно велики. Неразумное доктринерство эпохи просвѣщенія, въ связи съ созданными романтизмомъ мечтаніями о первобытныхъ состояніяхъ человѣческаго общества, ставили въ упрекъ испанскимъ миссіонерамъ, будто они въ слѣпомъ фанатизмѣ уничтожали остатки почтенной древности и приносили народамъ Америки, вмѣсто духовнаго освобожденія, одно лишь духовное порабощеніе. Если миссіонеры и священники въ тѣхъ провинціяхъ, гдѣ существовали тщательно развитая религіозная система и много-

численная и вліятельная іерархія, поступали иногда со всей строгостью и энергіей противъ ихъ безчеловѣчныхъ дѣйствій (напр., въ Мексико), то это было лишь актомъ необходимости. Нельзя отрицать, конечно, что при этомъ мѣстами были уничтожаемы предметы языческаго поклоненія, объ исчезновеніи которыхъ скорбитъ этнографическая наука нашихъ дней. Но, съ другой стороны, именно эти священники, а во многихъ провинціяхъ только они одни, не щадили усилій, чтобы изслѣдовать, собирать, отмѣчать языки, нравы и преданія туземцевъ. Современная наука обязана именно имъ наиболѣе богатымъ и цѣннымъ матеріаломъ для лингвистическаго и этнологическаго изученія. Правда, лишь очень немногіе изъ нихъ сознавали, какія услуги они оказываютъ будущему изслѣдованію; вниманіе ихъ было привлечено къ болѣе близкимъ придметамъ — къ образованію и обращенію индѣйцевъ.

Тамъ, гдѣ свѣтское управленіе шло рука объ руку съ духовнымъ, мы меньше слышимъ о благотворной дѣятельности религіозныхъ общинъ. Тѣмъ не менѣе, дѣятельность доминиканцевъ и Ласъ Казаса, а также безчисленныя отдѣльныя замѣтки въ отчетахъ администраціи и въ свѣтскихъ и духовныхъ хроникахъ доказываютъ, что и тамъ дѣятельность ихъ шла въ томъ же направленіи, какъ и въ *областяхъ, гдѣ работали исключительно они одни*. Въ особенности въ исторіи этихъ послѣднихъ областей они оставили по себѣ неразрушимый памятникъ. Послѣ того, какъ все пространство новаго материка было поверхностно изслѣдовано въ періодъ завоеваній, испанская колонизаціонная дѣятельность сосредоточилась къ концу XVI вѣка въ тѣхъ областяхъ, которыя обѣщали европейскому хозяйству непосредственныя выгоды. Наоборотъ, обширныя массы суши, отъ которыхъ не ожидали многаго для культуры, частью по климатическимъ условіямъ, частью вслѣдствіе политическихъ соображеній, оставались почти нетронутыми.

Къ этой заброшенной области принадлежала бо̀льшая часть внутренней страны южной Америки, къ востоку отъ Кордильеръ и къ сѣверу отъ устья Ла-Платы. Эта обширная область, омываемая обильными водами Амазонки и ея притоковъ, Парагвая и другихъ притоковъ Ла-Платы, пришла въ соприкосновеніе съ европейской цивилизаціей и сохранилась для нея, почти исключительно благодаря миссіонерамъ. Въ первое время, главнымъ образомъ, *францисканцы и августинцы* изъ монастырей и коллегій перуанскаго плоскогорія взяли на себя обращеніе индѣйцевъ, жившихъ внизъ по теченію безчисленныхъ рѣкъ и потоковъ, которые устремляются съ Кордильеръ на востокъ. Съ безпримѣрнымъ самопожертвованіемъ и самозабвеніемъ странствовали эти духовные отцы среди дикарей, и нерѣдко въ такой дѣятельности проходили мѣсяцы и годы прежде, чѣмъ имъ удавалось вступить въ сношеніе съ туземцами и этимъ положить основаніе для своей матеріальной и религіозной культурной работы. Исходя изъ убѣжденія, что непрерывное перемѣщеніе индѣйцевъ крайне препятствуетъ духовному воздѣйствію на нихъ и что раньше, чѣмъ образовывать, нужно *сдѣлать ихъ осѣдлыми*, миссіонеры направили свои усилія сперва къ тому, чтобы отыскать и указать индѣйскимъ племенамъ, которыхъ желательно было обратить, подходящія мѣста для обитанія, т. е., такія, которыя соотвѣтствовали ихъ склонностямъ и культурнымъ требованіямъ. При этомъ они умышленно избѣгали близости европейскихъ поселеній вопреки законамъ, воспрещавшимъ вообще европейцамъ подолгу оставаться въ индѣйскихъ деревняхъ, и, наоборотъ, заняли обширною сѣтью индѣйскихъ деревень и мѣстечекъ сперва среднія и верхнія долины притоковъ Мараньона, а въ теченіе XVII вѣка область этой рѣки и другихъ большихъ рѣкъ Южной Америки. Правда, съ теченіемъ времени наибольшая часть этихъ поселеній снова заглохла, частью вслѣдствіе роковой убыли туземнаго населенія, частью же благодаря преслѣдованіямъ, кото-

рымъ впослѣдствіи подвергалась дѣятельность духовныхъ отцовъ. Тѣмъ не менѣе, ими заложена была главная основа распространенія европейской цивилизаціи въ этой всей области.

Область и характеръ индѣйскихъ миссій Южной Америки стали извѣстны, главнымъ образомъ, благодаря іезуитамъ, которые во второй половинѣ XVI и въ началѣ XVII вѣка перенесли на западъ въ Новомъ Свѣтѣ миссіонерскую дѣятельность, начатую на востокѣ св. Францискомъ Ксаверіемъ. Не слѣдуетъ, однако, забывать, что своеобразное устройство т. наз. редукцій и миссій было изобрѣтено не іезуитами и практиковалось не ими одними. Если представленіе объ этихъ учрежденіяхъ особенно тѣсно связывается съ орденомъ іезуитовъ, то лишь потому, что іезуитскія миссіи Бразиліи и Парагвая оказали на политическую исторію южно-американскаго материка болѣе могущественное вліяніе, чѣмъ дѣятельность какого-либо другого ордена. Соперничая съ другими религіозными общинами, іезуиты уже рано проявили свою дѣятельность въ качествѣ миссіонеровъ. Сначала они даже работали больше въ португальскихъ колоніальныхъ владѣніяхъ, чѣмъ въ испанскихъ. Съ 1608 года они заняли исключительное положеніе, благодаря предоставленію имъ въ Парагваѣ области, которая не была подчинена никакой гражданской власти. Здѣсь они могли примѣнить цивилизаторскую работу и обращеніе индѣйцевъ въ большомъ масштабѣ. Предоставленіе іезуитамъ такой необычайной самостоятельности со стороны правительства имѣло свою особую причину.

Булла Александра VI относительно демаркаціонной линіи (см. выше стр. 359) устанавливала, правда, въ принципѣ границы между испанской и португальской колоніальными сферами; но для дѣйствительнаго государственнаго разграниченія было недостаточно этого общаго постановленія, изложеннаго въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ. Оба правительства сознавли это еще въ то время, когда состязавшіеся между собою представители обѣихъ странъ открыли устье Ла-Платы. По этому поводу нѣсколько разъ происходили дипломатическіе переговоры; но въ сущности оба правительства придавали еще слишкомъ мало цѣны неизслѣдованной и почти ничего не обѣщавшей области, притязанія на которую были сомнительны. Лишь съ теченіемъ времени вопросъ сталъ на болѣе реальную почву, особенно благодаря не одинаковой колоніальной политикѣ, которой слѣдовали оба государства въ этихъ пограничныхъ областяхъ. Изъ всѣхъ испанскихъ колоній всего болѣе выдавалась колонія Асунсіонъ въ Парагваѣ, гдѣ съ самаго начала установились дружественныя отношенія между туземцами и колонистами и гдѣ духъ испанскаго законодательства объ индѣйцахъ проявился въ формѣ, не искаженной внѣшними вліяніями. Между храбрыми и честными гуаранисами (см. выше стр. 193) и товарищами Иралы были заключены дружественные договоры, которые въ теченіе вѣковъ ни разу не были серьезно нарушены. Но союзъ съ этимъ могущественнымъ и распространеннымъ племенемъ туписовъ вскорѣ поставилъ испанскихъ колонистовъ въ скрытое противорѣчіе съ ихъ восточными сосѣдями, португальцами. Силы маленькой Португаліи были настолько поглощены остъ-индской колоніальной политикой, что Бразильская колоніальная область уже менѣе, чѣмъ черезъ 10 лѣтъ послѣ открытія ея Кабралемъ, была вполнѣ предоставлена частной эксплуатаціи. Такимъ образомъ въ Бахіи Всѣхъ Святыхъ, на мысѣ С. Винцентъ, на островѣ С. Катерина, въ заливѣ Ріо де Жанейро возникло множество небольшихъ поселеній, которыя, хотя и считались португальскими колоніями, но въ дѣйствительности были населены, наряду съ немногими настоящими португальскими подданными, множествомъ темныхъ личностей (въ числѣ ихъ были, кромѣ португальскихъ евреевъ, подданные всѣхъ странъ). Они вели торговлю весьма сомнительной законности и отправляли свои продукты не только въ Лиссабонъ, но, если удавалось ускользнуть отъ кон-

троля, и во французскія, англійскія и даже въ ганзейскія гавани. Между тѣмъ, какъ чужеземные торговцы вывозили, главнымъ образомъ, бразильское дерево, сахаръ и другіе колоніальные продукты, португальцы занимались преимущественно оживленною торговлею индѣйскими рабами, которыхъ перевозили не столько въ Лиссабонъ, сколько въ колоніальныя гавани, какъ собственныя, такъ и принадлежавшія къ испанскимъ владѣніямъ. Какъ и вездѣ, вслѣдствіе этой охоты на рабовъ, туземцы уходили все дальше и дальше отъ морского берега. Гоняясь за своей добычей по наиболѣе доступнымъ дорогамъ, — водянымъ путямъ, и углубляясь, такимъ образомъ, все болѣе и болѣе внутрь страны, охотники на рабовъ вскорѣ пришли въ столкновеніе съ гуаранисами и, косвеннымъ образомъ, съ испанскими колонистами.

Чтобы положить конецъ этому беззаконію и извлечь больше выгодъ изъ обладанія колоніями, португальское правительство рѣшило измѣнить свою колоніальную систему. Въ 1531 году большая часть Бразиліи была подраздѣлена на т. наз. капитанства, обширные участки земли, владѣльцы которыхъ, взамѣнъ незначительной подати коронѣ, пріобрѣтали права феодальныхъ господъ Стараго Свѣта. Такая же колоніальная система была испробована англичанами въ одной части Сѣверной Америки. Созданныя этой системою 35 капитанствъ имѣли то преимущество, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ими дѣйствительно были сдѣланы попытки колонизаціи. Такъ возникли первые сахарные плантаціи, заводы и первыя выгонныя хозяйства. Въ общемъ, однако, эта система оказалась несостоятельною. Нѣкоторыя капитанства были снова заброшены своими владѣльцами, а другія существовали съ трудомъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ прежняя незаконная иноземная торговля и охота на рабовъ не прекращались и тогда, когда создано было центральное управленіе для отдѣльныхъ округовъ и назначенъ былъ вице-король, имѣвшій резиденцію въ Бахіи.

Насколько была слаба фактическая власть португальцевъ въ ихъ бразильскихъ владѣніяхъ, показываетъ колонизаторская попытка французскихъ протестантовъ подъ Вильгеньономъ. Экспедиція ихъ была слѣдствіемъ торговли Діеппа съ бразильскимъ побережьемъ, которая велась съ давнихъ поръ, хотя и не законно, но почти безпрепятственно. Охотники къ эмиграціи вѣрили, что тамъ имъ легко удастся создать новую родину и присоединить къ метрополіи цѣнный участокъ колоніальной области. И дѣйствительно, они почти пять лѣтъ владѣли бухтою Ріо де Жанейро. Если бы не внутреннія распри и перемѣна политическихъ условій на родинѣ, которыя пришли на помощь португальцамъ, то, вѣроятно, прошло бы еще много времени, прежде чѣмъ будущая столица Бразиліи снова стала португальскою. Французы, отступая все далѣе къ сѣверу, вновь и вновь пытались стать твердою ногою на бразильской почвѣ и при этомъ очень ловко держались политики, которую они примѣняли въ большомъ масштабѣ въ своихъ поселеніяхъ на рѣкѣ Св. Лаврентія. Они вступали въ союзы съ туземцами, съ одной стороны, для того, чтобы жить съ ними въ мирѣ, а съ другой, чтобы натравливать ихъ на своихъ колоніальныхъ соперниковъ. Въ Бразиліи имъ тѣмъ легче было проводить такую политику, что въ глазахъ португальцевъ туземцы теперь, какъ и раньше, оставались, въ сущности, товаромъ, который слѣдовало использовать возможно выгоднѣе.

Соединеніе Португаліи съ Испаніей въ 1580 году не осталось безъ вліянія на колоніальное законодательство, хотя, несмотря на завоеваніе Филиппомъ II, Португалія и ея колоніи сохранили совершенно отдѣльное управленіе. Много разъ издавались законы, которые въ принципѣ стремились обезпечить личную свободу индѣйцевъ. На фактическое положеніе вещей они не оказывали почти никакого вліянія: колонисты всегда умѣли добиться того, что обладаніе индѣйцами-рабами оставалось неприкосновеннымъ даже съ юридической стороны. Положеніе туземцевъ и здѣсь

складывалось болѣе благопріятно только въ глубинѣ страны, куда изъ европейцевъ проникали почти одни лишь миссіонеры.

Тамъ открывалось широкое поле дѣятельности для іезуитовъ, которые впервые появились въ Бразиліи въ 1549 году. Если въ сѣверныхъ провинціяхъ въ началѣ ихъ не слишкомъ тревожили охотники на рабовъ, то лишь потому, что они, въ силу долголѣтней привычки, неясности политическихъ границъ и другихъ условій, держались, главнымъ образомъ, на югѣ. Но тамъ они мало по малу сдѣлались настоящимъ бичемъ не только для индѣйцевъ, но и для испанскихъ колоній. Когда іезуиты и на югѣ выступили въ защиту туземцевъ, возникла замѣчательная организація іезуитскихъ миссій Парагвая, относительно которой и теперь еще взгляды такъ сильно расходятся.

Цѣль іезуитовъ заключалась въ томъ, чтобы защитить гуаранисовъ отъ преслѣдованія европейцевъ. Когда они убѣдились, что колонисты и колоніальные чиновники Асунсіона и Буэносъ Айреса, ради собственной выгоды, нерѣдко дѣйствовали тайно и сообща съ португальскими охотниками на рабовъ, то, вмѣсто того, чтобы переселиться въ необитаемыя мѣста и тамъ собрать вокругъ себя туземцевъ, какъ они дѣлали это въ другихъ областяхъ, они добились отъ Филиппа III, бывшаго одновременно правителемъ Испаніи и Португаліи, уступки полосы земли на востокъ, отъ Парагвая до Уругвая. Здѣсь они имѣли право господствовать и управлять почти независимо отъ какой бы то ни было свѣтской или духовной власти. Старанія ихъ стянуть вокругъ себя индѣйцевъ окружающихъ областей, благодаря ихъ кроткому управленію, быстро увѣнчались поразительнымъ успѣхомъ; населеніе ихъ редукцій вскорѣ превысило 100 тысячъ душъ. Здѣсь были не одни гуаранисы, но такъ какъ эти племена почти исключительно принадлежали къ народу туписовъ, то іезуитамъ не трудно было сдѣлать языкъ гуаранисовъ всеобщимъ. Ту же цѣль они преслѣдовали, и также удачно, въ миссіяхъ сѣверной Бразиліи. Выработанное ими искусственное нарѣчіе гуарани фактически сдѣлалось и осталось универсальнымъ языкомъ Lingua geral цивилизованныхъ туземцевъ Бразиліи (см. выше стр. 193). Совершенно особое впечатлѣніе на современниковъ и потомство произвелъ соціальный порядокъ, введенный іезуитами въ областяхъ миссій. Говорятъ, что они исходили при этомъ изъ философскихъ ученій и стремились осуществить Солнечное государство Кампанеллы; но это не болѣе, какъ позднѣйшія толкованія: примѣры, которымъ іезуиты хотѣли подражать, лежали гораздо ближе къ нимъ. Прежде всего, обширное землевладѣніе орденскихъ общинъ нерѣдко въ отдѣльныхъ случаяхъ управлялось самой общиной, но еще болѣе іезуитское государство копировало, въ главныхъ чертахъ, соціальный строй перуанскихъ инковъ съ его отрицаніемъ частной собственности и общеобязательнымъ трудомъ. Понятіе о личной собственности было еще недосягаемо для большинства некультурныхъ индѣйскихъ народовъ, а общность всѣхъ работъ составляла у нихъ правило. Поэтому не удивительно, что миссіонеры могли безъ затрудненій проводить подобныя учрежденія; они давали при этомъ индѣйцу много вещей, которыя онъ цѣнилъ и къ которымъ стремился, но при прежней формѣ общественности часто не могъ ихъ добыть: правильное и обильное питаніе и постоянную защиту какъ отъ дикихъ соплеменниковъ, такъ и отъ бѣлыхъ враговъ.

Миссіонеры избрали единственный разумный путь по отношенію къ язычникамъ: они начинали обращеніе съ образованія. Высшія стороны христіанскихъ догматовъ разумъ дикаря былъ не въ силахъ постигнуть. Даже цивилизованный индѣецъ часто составлялъ себѣ объ этомъ весьма оригинальное представленіе, и, чтобы сдѣлать его вообще христіаниномъ, хотя бы только кажущимся, нужно было начать съ образованія его. Вслѣдствіе жестокой охоты на рабовъ, предпринимаемой португальцами, и обраще-

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Миссія Санъ-Хозе въ Боливіи, во время ея процвѣтанія.

(Рисунокъ Карла Энике съ атласа Дорбиньи и „Миссіи Іезуитовъ“ Пфотенгауера.)

нія туземцевъ съ испанскими колонистами, которое во многихъ случаяхъ было нисколько не лучше, іезуитамъ удалось поразительно быстро собрать значительное число туземцевъ на предоставленной имъ территоріи. Они основали тамъ рядъ мѣстечекъ, изъ которыхъ каждое заключало, по меньшей мѣрѣ, около 2000 жителей; всѣ они представляли большое типическое сходство между собою.

Центръ каждой **редукціи** образовала церковь. Такъ какъ поселенія очень быстро достигали значительнаго экономическаго благосостоянія, которое могло идти лишь на пользу самыхъ миссій, то въ этихъ индѣйскихъ деревняхъ далекой глуши возникъ рядъ почти монументальныхъ церковныхъ построекъ (см. таблицу „Редукція Санъ Хозе́ въ Боливіи въ эпоху ея процвѣтанія"). Въ остальномъ эти поселенія производили весьма однообразное впечатлѣніе. Рядомъ съ церковью находилась большая четырехугольная площадь, окруженная важнѣйшими зданіями — жилищемъ патеровъ, складами для припасовъ, домами для собраній. Отсюда шли по всѣмъ направленіямъ прямолинейныя и прямоугольныя улицы, въ концѣ которыхъ всегда находилась капелла, построенная на границѣ городского поля. На этихъ улицахъ располагались простыя хижины индѣйцевъ. Всѣ постройки были дѣломъ рукъ общины и оставались ея собственностью. Обитателю принадлежало только право пользованія ими и небольшими садиками, расположенными по близости, т. е., это было нѣчто вродѣ личной собственности. Садъ представлялъ вмѣстѣ съ тѣмъ единственное, что̀ семья обрабатывала лично для себя и, нужно прибавить, большею частью, довольно скудно. Обширныя маисовыя и хлопчатниковыя поля, примыкавшія къ окраинѣ города, и значительныя стада рогатаго скота и овецъ, составлявшія главное богатство редукцій, обрабатывались и содержались, согласно распоряженію миссіонеровъ, сообща, принадлежали общинѣ и находились въ ея вѣдѣніи. Весь сборъ отправлялся въ амбары и оттуда распредѣлялся патерами между отдѣльными хозяйствами. Точно также отцы регулировали ремесленный трудъ, въ которомъ обязаны были принимать участіе всѣ жители, каждый по своимъ способностямъ и знаніямъ.

При такомъ обиліи рабочихъ рукъ, миссіонерамъ ничего не стоило удовлетворять необходимыя потребности въ отношеніи жилища, одежды и питанія. Но, кромѣ того, они ввели многія искусства, удовлетворявшія цѣлямъ роскоши — рѣзьбу по дереву, фабрикацію часовъ и даже книгопечатаніе. Во всѣхъ этихъ производствахъ **индѣйцы** не шли дальше подражанія, **и сами не дѣлали никакихъ открытій и успѣховъ**, несмотря на болѣе, чѣмъ столѣтнюю культуру. Причина того лежала въ неподвижности самаго метода обученія ихъ и затѣмъ, дѣйствительно, въ отсутствіи требуемыхъ способностей. Въ отвѣтъ на обвиненія, будто они сознательно подавляли человѣческую свободу своихъ подчиненныхъ, іезуиты возражали, что индѣйцевъ невозможно было вывести изъ состоянія вѣчнаго дѣтства и что предоставленіе имъ въ большей мѣрѣ индивидуальной свободы только подорвало бы индивидуальное и общее благосостояніе. Въ этомъ, вѣроятно, много правды. Несомнѣнно, что туземцы на самомъ дѣлѣ такъ хорошо чувствовали себя подъ управленіемъ миссіонеровъ, что не только во всѣ времена безпрекословно повиновались имъ, но серьезно старались удержать своихъ духовныхъ руководителей, когда правительство находило нужнымъ отозвать ихъ.

Власть миссіонеровъ была прямо и косвенно **почти неограниченною**. Въ каждой редукціи находились вообще лишь два европейца, оба принадлежавшіе къ духовному ордену. Одинъ, настоящій руководитель, стоялъ во главѣ духовныхъ интересовъ колоніи, другой управлялъ матеріальными дѣлами ея. При нихъ находился родъ муниципалитета по образцу испанскихъ колоніальныхъ городовъ; онъ избирался изъ среди общины, но былъ всегда безусловно подчиненъ миссіонерамъ. Насколько іезуиты дер-

жали въ своихъ рукахъ туземцевъ, видно изъ того, что собственно не существовало никакой свѣтской карательной власти: жители управлялись почти исключительно при помощи силы исповѣди. И іезуиты сами сознавались, что на исповѣди лишь крайне рѣдко обнаруживались дѣйствительныя преступленія. Конечно, миссіонеры были и внѣшними представителями своихъ общинъ; они добились для нихъ возможной политической и экономической независимости. Посторонній рѣдко имѣлъ возможность проникнуть въ миссіи, и при этомъ оставался исключительно гостемъ патеровъ: этимъ устранялось, во-первыхъ, болѣе близкое знакомство съ туземцами и, во-вторыхъ, неблагопріятное внѣшнее воздѣйствіе на послѣднихъ. Лишь изрѣдка одинъ изъ миссіонеровъ, сопровождаемый наиболѣе надежными изъ туземцевъ, отправлялся изъ редукціи въ испанскія поселенія для обмѣна произведеній, имѣвшихся у нихъ въ избыткѣ, преимущественно хлопка и кожъ, на продукты, которые въ самой редукціи не производились. Но и въ этомъ случаѣ старались, по возможности, избѣгать соприкосновенія съ европейскими элементами.

Редукціи въ Парагваѣ быстро росли, и вскорѣ населеніе ихъ сдѣлалось многочисленнымъ. Въ этомъ обстоятельствѣ заключалась, однако, опасность для нихъ. Всѣ поселенія были не защищены: сами миссіонеры имѣли существенный интересъ въ томъ, чтобы усыплять воинственныя наклонности гуаранисовъ, нѣкогда славившихся своей дикой храбростью. Вмѣстѣ съ тѣмъ существовалъ общій законъ, воспрещавшій давать индѣйцамъ въ руки огнестрѣльное оружіе. Вслѣдствіе того, для португальскихъ охотниковъ на рабовъ, которые въ XVII вѣкѣ обладали уже правильно организованнымъ и хорошо вооруженнымъ войскомъ, представлялась легкой задачей похищать индѣйскихъ рабовъ изъ миссіи вмѣсто того, чтобы изнурять себя въ погонѣ за ними въ пустынѣ. Такъ они и начали поступать съ 1637 года. Для іезуитовъ это событіе имѣло громадное значеніе. Въ виду измѣнившихся обстоятельствъ, имъ удалось добиться отмѣны воспрещенія носить огнестрѣльное оружіе для ввѣренныхъ ихъ попеченію индѣйцевъ. Съ тѣхъ поръ трудами братьевъ этого ордена туземцы ихъ поселеній превратились въ хорошихъ и энергичныхъ солдатъ. Они съ успѣхомъ отражали нападенія другихъ дикихъ туземцевъ и разбивали на голову паулистовъ (такъ называли португальскихъ охотниковъ на рабовъ по имени ихъ родины, провинціи Санъ-Пауло), которымъ пришлось поэтому перенести поле свой дѣятельности къ сѣверу, вглубь страны. Кромѣ того, они не разъ выказывали себя надежными и хорошо обученными воинами въ тѣхъ случаяхъ, когда происходили внутреннія возстанія, или враждебныя дѣйствія со стороны другихъ европейцевъ угрожали границамъ испанскихъ поселеній.

Такъ прошло болѣе столѣтія въ мирной работѣ іезуитовъ надъ обращеніемъ туземцевъ, если не считать случайныхъ столкновеній съ духовными и свѣтскими властями сосѣднихъ округовъ. Въ это время въ Старомъ Свѣтѣ духъ времени становился все болѣе и болѣе враждебнымъ ордену іезуитовъ. Такое положеніе вещей, въ концѣ концовъ, отозвалось и на поселеніяхъ ихъ въ дальней пустынной странѣ. Первый толчокъ былъ, впрочемъ, данъ чисто политическими соображеніями. Вслѣдствіе постояннаго открытія новыхъ территорій внутри Южной Америки и развитія ихъ, Испанія и Португалія, въ концѣ концовъ, почувствовали въ одинаковой мѣрѣ потребность въ установленіи болѣе точныхъ границъ между своими колоніальными владѣніями. Личная унія обоихъ государствъ, основанная Филиппомъ II, была вновь уничтожена португальскимъ возстаніемъ 1640 года. Послѣ многолѣтнихъ непріязненныхъ дѣйствій, Испанія должна была признать въ 1668 году господство Браганцскаго дома въ Португаліи и ея колоніяхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Испанія также перемѣнила династію своихъ правителей. Когда Фердинандъ VI приступилъ

къ внутренней реорганизаціи своего государства, расшатаннаго долгими неурядицами и многолѣтней войной за наслѣдство, это отразилось и на колоніальныхъ условіяхъ: новая, болѣе свѣтлая и свободная струя повѣяла въ жизни колоній.

Однимъ изъ послѣдствій того явилось желаніе регулировать границы съ Бразиліей. Португальцы неоднократно заявляли притязанія на лѣвый берегъ устья Ла-Платы. Они основали противъ Буэносъ Айреса городъ Колонію и уже не одинъ разъ стремились расширить свои поселенія въ этой области. Для Мадридскаго правительства это было настоящимъ сучкомъ въ глазу, такъ какъ португальскія поселенія имѣли почти исключительною цѣлью незаконнымъ образомъ переступать предѣлы, въ которыхъ Испанія старалась держать торговлю съ колоніями (см. ниже стр. 404). Но такъ какъ сама Португалія имѣла лишь незначительный интересъ въ этихъ выдвинутыхъ впередъ береговыхъ пунктахъ, то она охотно согласилась уступить Испаніи лѣвый берегъ устья Ла-Платы взамѣнъ значительныхъ пространствъ земли внутри материка; въ томъ числѣ былъ уступленъ и восточный берегъ Уругвая, на которомъ находилось семь миссій, управляемыхъ іезуитами. Согласно договору, туземцы подъ предводительствомъ своего духовнаго начальства должны были покинуть эту область и переселиться далѣе на испанскую территорію. Но когда пограничные коммиссары, наконецъ, приступили къ осуществленію договора въ этомъ мѣстѣ, они встрѣтили не только энергичныя представленія со стороны іезуитовъ, но и вооруженное сопротивленіе туземцевъ, въ началѣ успѣшное. Іезуиты, правда, вскорѣ смирились, получивъ приказъ изъ Испаніи, и старались воздѣйствовать въ томъ же смыслѣ на туземцевъ. Но послѣдніе не могли такъ быстро разстаться съ милой имъ родиной, для защиты которой даже прибѣгли къ оружію. До серьезной войны дѣло не дошло, но все-таки потребовалось вызвать значительную военную силу, состоявшую изъ испанцевъ и португальцевъ, чтобы убѣдить туземцевъ въ безплодности дальнѣйшаго сопротивленія.

Этотъ инцидентъ самъ по себѣ былъ такъ естественъ и безобиденъ, что едва ли давалъ поводъ къ обвиненію противъ іезуитовъ. Но въ рукахъ всемогущаго португальскаго министра маркиза де Помбаля, который уже тогда искалъ точку опоры, чтобы сломить власть іезуитскаго ордена, ничтожное событіе превратилось въ тяжкую вину. При помощи пытки не трудно было вынудить у нѣсколькихъ плѣнныхъ индѣйцевъ изъ миссій признаніе, будто іезуиты подстрекали ихъ въ вооруженному сопротивленію предписаніямъ союзныхъ монарховъ. Когда крещеный гуаранисъ, по имени Николай, собралъ остатки индѣйцевъ, продолжавшихъ сопротивляться приказу о выселеніи, и образовалъ изъ нихъ шайку, не признающую ни отечества, ни законовъ, когда онъ сталъ производить съ этой шайкою хищническіе набѣги на европейскія поселенія по обѣ стороны границы, то появился слухъ, будто іезуиты, съ помощью туземцевъ, стремились создать внутри южной Америки независимое государство, не признающее никакой свѣтской власти. Для Помбаля, который стремился и, наконецъ, добился изгнанія іезуитовъ изъ Португаліи, это обвиненіе имѣло большое значеніе; быть можетъ, оно не осталось безъ вліянія и на положеніе, занятое Карломъ III и его министрами въ войнѣ, объявленной во всемъ мірѣ іезуитамъ. Во всякомъ случаѣ, ни Помбаль, ни кто другой изъ прозорливыхъ государственныхъ дѣятелей серьезно не вѣрилъ въ подобное обвиненіе. Это былъ лишь способъ агитаціи, за которымъ скрывались чисто свѣтскіе, политическіе мотивы, побуждавшіе настаивать на изгнаніи іезуитовъ изъ Португаліи и Испаніи.

Теперь, когда собственные интересы іезуитовъ были поставлены на карту, они, тѣмъ не менѣе, не сдѣлали ни малѣйшей попытки снять съ себя обвиненія, выставленныя противъ ихъ миссіонерской дѣятельности.

Въ Бразиліи, какъ и въ Парагваѣ, они съ нѣмою покорностью подчинились приказу, который нежданно и безъ всякой подготовки оторвалъ ихъ отъ поля дѣятельности, на которомъ они успѣшно подвизались въ теченіе столѣтія. Даже недостойный, грубый и мстительный способъ, какимъ во многихъ мѣстахъ власти приводили въ исполненіе приказъ правительства, ни разу не вывелъ ихъ изъ пассивной, терпѣливой роли. Повинуясь приказу, они повсюду удалялись: и тамъ, гдѣ это грозило лишь благосостоянію ввѣренныхъ имъ туземцевъ, и тамъ, гдѣ ихъ самихъ неизбѣжно ожидали нужда и гибель. Но въ одномъ отношеніи исторія воздала имъ должное. Какъ бы мы ни судили о системѣ обращенія іезуитовъ съ туземцами, мы не можемъ отрицать, что они сумѣли превосходно защитить индивидуальное благо послѣднихъ и воспитать изъ нихъ безусловно преданныхъ и полезныхъ подчиненныхъ. А кто замѣнилъ іезуитовъ, въ теченіе немногихъ лѣтъ снова отодвинулъ индѣйцевъ отъ всѣхъ культурныхъ успѣховъ, завоеванныхъ при іезуитахъ. Своимъ неумѣлымъ обращеніемъ они вернули туземцевъ къ тому же дикому состоянію, въ которомъ мы находимъ ихъ вездѣ, гдѣ неприкрытый эгоизмъ цивилизованнаго европейца видѣлъ лишь низшее существо въ индѣйцѣ, не успѣвшемъ въ духовномъ отношеніи освободиться отъ оковъ вѣковыхъ предразсудковъ.

Изгнаніе іезуитовъ составляетъ послѣднюю важную фазу въ политикѣ латинской Америки по отношенію къ туземцамъ. Съ тѣхъ поръ и въ области миссій попеченіе объ индѣйцахъ перешло всецѣло въ руки свѣтскихъ властей. Но между тѣмъ, какъ въ другихъ провинціяхъ эти власти постепенно фактически осуществляли благія намѣренія законодательства объ индѣйцахъ, здѣсь приходилось въ отношеніи туземцевъ съ самаго начала проходить весь путь, на который привело другихъ все большее и большее развитіе терпимости. Въ послѣднія десятилѣтія испанскаго колоніальнаго владычества въ общемъ не слышно было сколько нибудь обоснованныхъ жалобъ на положеніе индѣйцевъ: извѣстная незрѣлость и *зависимость* тамъ, гдѣ она существовала, являлась въ гораздо большей мѣрѣ результатомъ *природной неспособности*, поколѣніями выработанной *привычки*, нежели неправильнаго примѣненія законовъ. Правильное пониманіе основъ и воззрѣній европейскаго культурнаго развитія и теперь еще недоступно для большей части индѣйцевъ Южной Америки, несмотря на то, что они уже въ теченіе двухъ поколѣній они считаются свободными гражданами свободныхъ республикъ и пользуются всѣми возможными гарантіями личной свободы. Но такое состояніе неизбѣжно и роковымъ образомъ обнаруживается всегда, какъ скоро сталкиваются двѣ націи съ совершенно различными культурными основами и съ огромной разницей въ степени культуры. Отдѣльные индивидуумы, благодаря особеннымъ способностямъ, могутъ, конечно, подняться до одинаковаго культурнаго уровня; но во всей своей массѣ менѣе цивилизованный народъ всегда останется въ духовной, а слѣдовательно, и матеріальной зависимости отъ народа, стоящаго выше. Никакое уравненіе передъ закономъ не можетъ имѣть для менѣе образованнаго народа такого значенія, какъ практическое примѣненіе положенія, въ силу котораго гуманное попеченіе о слабомъ составляетъ долгъ чести для народа болѣе культурнаго.

D. Испанская торговая политика.

Относительно туземной политики испанскаго правительства должно признать, что она была самой просвѣщенной и гуманной, какая гдѣ либо и кѣмъ либо примѣнялась, но нельзя утверждать того же относительно его *торговой политики*. Уже то обстоятельство, что всѣ сношенія съ колоніями монополизировались въ одной гавани Севильи, является столько же слѣдствіемъ сдѣлокъ, заключенныхъ съ Колумбомъ, сколько подража-

ніемъ португальскимъ порядкамъ. Колумбъ выговорилъ себѣ по условію, кромѣ права участія во всѣхъ дальнихъ колоніальныхъ плаваніяхъ, еще долю чистой прибыли въ совокупныхъ колоніальныхъ предпріятіяхъ. Для того, чтобы выполнить это обязательство, безусловно требовался строгій контроль надъ всѣми колоніальными предпріятіями, надъ ихъ расходами и доходами. Этого, конечно, нельзя было бы достигнуть, если бы суда могли отправляться въ колоніи изъ любой гавани испанскаго полуострова, окруженнаго съ трехъ сторонъ моремъ. Мы знаемъ уже, что тяжбы между правительствомъ и наслѣдниками Колумба тянулись вплоть до половины XVI вѣка, пока, наконецъ, послѣ долгихъ тяжбъ и повторныхъ сдѣлокъ, не состоялось окончательное соглашеніе. Но, въ силу воззрѣній правительства на этотъ вопросъ, Севилья и впослѣдствіи продолжала сохранять исключительную монополію сношеній, и прежній порядокъ контроля строго соблюдался. Земли, которыя вошли въ составъ владѣній кастильской короны, благодаря открытію Колумба, считались не столько территоріальнымъ пріобрѣтеніемъ страны, сколько прибавленіемъ личныхъ владѣній кастильскихъ королей. Такого же взгляда держались въ XVI и XVII вѣкахъ всѣ государства, которыя вообще преслѣдовали колоніальную политику, и остатки его можно почти всюду отмѣтить и теперь. Въ Испаніи живучесть его такъ велика, что она до сихъ поръ не можетъ вполнѣ отдѣлаться отъ него, не взирая на рядъ прогрессивныхъ революцій въ теченіе трехъ поколѣній.

При такой правовой точкѣ зрѣнія, конечно, всецѣло зависѣло отъ усмотрѣнія правительства или тѣхъ, кому оно уступало свои права, допустить то или другое лицо въ колоніи для поселенія или торговыхъ цѣлей. И, дѣйствительно, ограниченія были съ самаго начала очень многочисленны и за исключеніемъ, нѣкоторыхъ принципіальныхъ уступокъ, сдѣланныхъ въ первыя десятилѣтія, держались долго, слишкомъ долго. Сперва право вступать въ сношенія съ колоніями принадлежало однимъ кастильцамъ, на томъ основаніи, что колоніи составляли владѣнія кастильской короны; впрочемъ, въ 1495 году это право было распространено и на уроженцевъ Аррагоніи. Дальнѣйшее распространеніе его послѣдовало черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ вступленія на престолъ Карла V. Въ силу преимущественно экономическихъ соображеній, онъ рѣшилъ открыть *доступъ въ колоніи* всѣмъ подданнымъ многочисленныхъ государствъ, которыми правилъ. Испанія пріобрѣла необъятныя колоніальныя владѣнія въ такой моментъ, когда этотъ даръ могъ и долженъ былъ оказаться чрезвычайно опаснымъ для ея развитія. Испанія только что устранила послѣдніе остатки владычества мавровъ и возстановила политическое единство на собственной землѣ. Фердинандъ и Изабелла сдѣлали лишь первые шаги къ болѣе энергическому развитію естественныхъ средствъ страны, которая значительно отстала въ экономическомъ отношеніи, благодаря непрерывной борьбѣ съ полумѣсяцемъ. И тогда-то для мѣстнаго труда появился новый опасный врагъ: перспектива быстраго, хотя и рискованнаго обогащенія въ колоніяхъ отвлекаетъ тысячи и тысячи здоровыхъ рукъ далеко не густого населенія отъ медленной, но болѣе прочной работы у себя на родинѣ и создаетъ серьезную конкуренцію домашнему земледѣлію и промышленности.

При такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Испанія не могла взять на себя исключительное бремя заботы о колоніальныхъ владѣніяхъ, необычайно расширявшихся съ каждымъ десяткомъ лѣтъ, несмотря на то, что она успѣшно подвигалась на пути экономическаго развитія, основы котораго были созданы католическими государями. Законъ объ устраненіи иностранцевъ былъ еще раньше нарушаемъ ради тѣхъ, кто умѣлъ, преслѣдуя личныя выгоды, не забывать и выгодъ государства и колоній. Открывая Новый Свѣтъ для всѣхъ новыхъ поданныхъ своихъ, Карлъ V имѣлъ въ виду *пріобрѣсти новыя силы* для осуществленія экономическихъ задачъ, которыя колоніи ставили правительству. Доказательствомъ такой

именно точки зрѣнія его служитъ то обстоятельство, что онъ старался привлечь къ колоніальнымъ предпріятіямъ наиболѣе могущественные экономическіе факторы своихъ внѣиспанскихъ владѣній: изъ Германіи — Ганзу и аугсбургскихъ негоціантовъ, изъ Италіи въ особенности крупныхъ генуэзскихъ купцовъ.

Естественно, что законы страны относительно сношеній съ колоніями сохраняли силу и для нихъ. Они точно также обязаны были сперва входить со своими кораблями и товарами въ Севилью и уплачивать входную пошлину; они должны были подчиняться контролю Casa de contratacion, согласно которому не разрѣшалось отправлять въ колоніи ни одного человѣка, никакого товара, который не удовлетворялъ бы всѣмъ законнымъ требованіямъ и, подобно испанцамъ, могли возвращаться не иначе, какъ черезъ Севилью, гдѣ подвергались такому же осмотру. На нихъ распространялось также воспрещеніе вывозить обратно изъ Испаніи наиболѣе цѣнные предметы колоніальнаго ввоза, въ особенности благородные металлы. Съ теченіемъ времени, однако, и для правительства, съ его предвзятыми меркантильными взглядами, сдѣлалось яснымъ, что подобный порядокъ во всей его строгости долго держаться не можетъ, такъ какъ Испанія вмѣстѣ съ ея колоніями и черезъ посредство ихъ потребляла гораздо больше, чѣмъ могла вывозить. Но оно не сумѣло помочь этой аномаліи, не усмотрѣло, что вслѣдствіе совершенно измѣнившихся обстоятельствъ въ зависимости отъ добыванія благородныхъ металловъ въ Новомъ Свѣтѣ, золото и серебро также низошли на степень товаровъ, и никакой человѣческій законъ не былъ въ состояніи фиксировать ихъ цѣнности. Въ первые годы торговля съ колоніями не была обложена никакими пошлинами. Съ усиленіемъ торговыхъ сношеній введены были и здѣсь такія же пошлины для ввоза и вывоза, какія были приняты вообще между отдѣльными испанскими странами и въ другихъ мѣстахъ. Исключеніе составляли благородные металлы, такъ какъ они не признавались товаромъ. Государство, впрочемъ, и здѣсь обезпечило свою долю, именно пятую часть изъ всего количества добываемаго благороднаго металла.

Для правительства было чрезвычайно важно, особенно въ первое время, по возможности оживить сношенія съ колоніями. Поэтому оно охотно предоставляло, черезъ посредство Casa de contratacion, каждому кораблю, который желалъ переправиться черезъ океанъ, необходимые пропуски и продавало морскія карты, насколько это было для него возможно. Оно устроило собственную школу штурмановъ и при ней испытанія для моряковъ. Въ первое время очень часто дѣлались отступленія отъ строгости закона: отъ времени до времени число выходныхъ гаваней значительно увеличивалось, а въ отношеніи Канарскихъ островoвъ было навсегда постановлено, что корабли не обязаны оттуда заходить въ Севилью. Таможенный досмотръ производился также не во всей строгости. Такъ, извѣстно было, что возвращавшіеся корабли часто складывали тайкомъ значительную часть своего груза на Азорскихъ островахъ, принадлежавшихъ Португаліи, и этимъ путемъ ускользали отъ пошлины. Еще Филиппъ II въ первый годъ своего правленія велѣлъ своимъ Совѣтамъ не поступать по всей строгости закона противъ этого обычая, поскольку здѣсь были замѣшаны собственные подданные его. Безъ сомнѣнія, подобнаго рода ограничительныя постановленія должны были отражаться особенно тяжело на колоніяхъ. Такъ какъ они исключали свободную конкуренцію, то въ связи съ сравнительнымъ избыткомъ золота и серебра повели къ тому, что цѣны между колоніей и метрополіей находились вначалѣ въ отношеніи 5 : 1; уже въ концѣ XVI вѣка существовало еще отношеніе 3 : 1. Поэтому агитація противъ ограничительныхъ для торговли законовъ велась въ колоніяхъ особенно оживленно. Правительство продолжало именно тамъ держаться строго системы таможеннаго досмотра, такъ какъ дальность разстоянія и необычайная обширность слабо населен-

наго побережья открывали широкій просторъ злоупотребленіямъ всякой льготою и дѣлали немыслимымъ какой либо контроль.

Еще прежде чѣмъ въ Новомъ Свѣтѣ, наряду съ Санто-Доминго, возникла какая-либо новая гавань, имѣвшая серьезное значеніе для ввозной торговли, политическія условія метрополіи сами по себѣ повели къ новой организаціи торговыхъ сношеній съ колоніями. Эта перемѣна оказалась чрезвычайно полезною для контрольной системы правительства, причемъ связанныя съ этимъ невыгоды для колонистовъ не сразу дали себя почувствовать. Успѣхи, достигнутые испанцами и португальцами, благодаря ихъ заатлантическимъ флотамъ, не остались безъ воздѣйствія на прочія европейскія государства. Французскіе и англійскіе моряки, которыми въ первыхъ плаваніяхъ часто руководили еще итальянскіе лоцманы, вскорѣ стали отваживаться сами переплывать океанъ. Объ открытіяхъ ихъ въ Сѣверной Америкѣ будетъ еще рѣчь впереди (сравн. стр. 425). Пока Испанія жила въ мирѣ съ остальнымъ свѣтомъ, и колоніи ея лишь слабо вознаграждали поглощаемыя ими суммы, это вмѣшательство другихъ государствъ въ колоніальную сферу не имѣло большого значенія. Но при Карлѣ V, когда стремленіе Испаніи къ всемірному господству становилось все настойчивѣе, обнаружился сильный антагонизмъ сперва въ отношеніи къ Франціи, а при Филиппѣ II, и въ отношеніи къ Англіи. Отсюда началась открытая вражда, которая привела въ Европѣ къ неоднократнымъ войнамъ, а на океанѣ -- къ смѣлымъ предпріятіямъ пиратовъ. Затѣмъ послѣдовали хищническія нападенія на колоніальныя поселенія американскаго побережья, и, въ концѣ концовъ, чужія государства съ успѣхомъ стали отрывать тамъ и сямъ частицы старинныхъ испанскихъ колоніальныхъ владѣній.

Эта вражда особенно чувствительно отзывалась на одинокихъ и безоружныхъ корабляхъ, циркулировавшихъ между Испаніей и колоніями. Желая предупредить нападенія на нихъ, Карлъ V въ 1526 году издалъ постановленіе, чтобы корабли въ военное время выходили и возвращались не каждый отдѣльно, но соединялись бы во флоты, способные оказать сопротивленіе. Таково происхожденіе знаменитыхъ Flotas и Galeones, которые въ теченіе двухъ столѣтій были исключительными посредниками сношеній между испанской Америкой и остальнымъ цивилизованнымъ міромъ. Эта мѣра первоначально имѣла лишь въ виду безопасность заатлантическаго сообщенія. Вскорѣ, однако, всѣ участвовавшіе въ ней органы почувствовали и оцѣнили огромныя выгоды, вытекавшія отсюда для цѣлей контроля со стороны фиска.

Во время введенія Flotas распространеніе испанской расы въ Новомъ Свѣтѣ еще не было закончено. Поэтому организаціи торговли предстояло еще пройти нѣсколько фазъ развитія, прежде чѣмъ достигнуты были прочныя формы. Она приняла тогда приблизительно слѣдующій видъ. Ежегодно въ мартѣ и сентябрѣ всѣ корабли, подлежавшіе отправкѣ въ Вестъ-Индію, собирались въ Севильѣ или, если глубокая осадка ихъ не дозволяла этого, въ наружномъ портѣ Санъ Люкаръ де Баррамеда, а впослѣдствіи въ Кадисѣ. Число кораблей должно было быть не менѣе десяти; въ противномъ случаѣ, флотъ вообще не получалъ разрѣшенія къ отплытію. Большею частью, число это колебалось отъ 20 до 30, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ бывало значительно больше. Такъ, въ 1589 году для перевозки всего, что̀ было доставлено флотомъ въ Портобело, потребовалось не менѣе 94 судовъ, которыя отплыли изъ Панамы на югъ. Корабли, которые имѣли менѣе 100 тоннъ вмѣстимости, вообще не допускались къ плаванію въ Вестъ-Индію. Затѣмъ всякій купеческій корабль съ большимъ грузомъ долженъ былъ имѣть не менѣе 4 тяжелыхъ и 16 легкихъ орудій и каждый человѣкъ на борту — оружіе. Два самыхъ большихъ судна назывались Capitana и Almiranta. Первое изъ нихъ съ главнокомандующимъ всего флота на борту

шло впереди; адмиральскій корабль шелъ сзади и слѣдилъ, главнымъ образомъ, за тѣмъ, чтобы флотъ не разбивался, Capitana (капитанскій) и Almiranta (адмиральскій) были вооружены сильнѣе другихъ кораблей и, для увеличенія боевой способности ихъ, они нагружались меньше, чѣмъ купеческія суда. Кромѣ того, въ первое время флотъ сопровождался, по крайней мѣрѣ, однимъ, а впослѣдствіи, по большей части, нѣсколькими большими кораблями, Galeones, задача которыхъ состояла, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы охранять безопасность флота. Они имѣли не менѣе 200 — 300 тоннъ вмѣстимости, были сильно вооружены и не должны были брать много груза. Въ то же время на обязанности ихъ лежало доставлять въ Испанію въ цѣлости золото и серебро, собранное для короны въ видѣ налоговъ и пошлинъ. Однако, и въ этомъ видѣ индѣйскіе флоты, отъ которыхъ все больше и больше зависѣло почти все благосостояніе Испаніи, въ военное время считались недостаточно обезпечеными. Сдѣланъ былъ добавочный налогъ на индѣйскую торговлю и на доходы съ него созданъ охранительный флотъ, который состоялъ изъ галеръ и галеонъ и долженъ былъ сопровождать торговые флоты далеко въ открытое море и обратно на пути домой. Впослѣдствіи каждый флотъ сопровождало нѣсколько легкихъ судовъ мелкаго размѣра, Avisos, на которыхъ возможно было идти впереди съ цѣлью открывать грозящую опасность и своевременно предупреждать власти о прибытіи флота.

Соединенный флотъ, прибывъ изъ Севильи въ Санто Дминго, вновь подвергался такому же досмотру, какъ и при отплытіи. Послѣ того корабли, отправлявшіеся черезъ Пуэрто-Рико и Гаванну въ Веракрусъ, такъ наз. флотъ Новой Испаніи, отдѣлялись отъ тѣхъ, которые шли черезъ Мексиканскій заливъ въ Картахену и оттуда въ Портобело, — такъ наз. материковаго флота. Послѣдній былъ несравненно значительнѣе, такъ какъ онъ поставлялъ товары для всего южно-американскаго материка. Дѣло въ томъ, что всѣ провинціи этого материка не только были лишены права вступать въ непосредственныя торговыя сношенія съ метрополіей помимо флотовъ, но даже взаимный обмѣнъ между отдѣльными провинціями былъ крайне ограниченъ таможенными и торговыми запретами и сводился къ обмѣну нѣкоторыми продуктами собственной почвы; предметы европейской торговли совершенно исключались изъ обмѣна. Материковый флотъ снабжалъ изъ Портобело прежде всего Перу и Чили, а затѣмъ даже Тукуманъ и Парагвай, страны нынѣшней Аргентинской республики. Вслѣдствіе отсутствія сколько-нибудь значительнаго поселенія въ устьяхъ Ла Платы, создалась странная аномалія: товары, предназначенные для юго-востока Америки, должны были два раза пробѣгать водораздѣлъ между Атлантическимъ и Великими океанамъ прежде, чѣмъ достигали мѣста своего назначенія. Правда, Буэносъ-Айресъ былъ въ первый разъ основанъ еще въ 1535 году, но почти тотчасъ распался. Только въ 1562 году это поселеніе окончательно упрочилось. Въ первое время, однако, оно не имѣло значенія. Большое разстояніе этого города отъ центровъ испанскаго колоніальнаго управленія, открытое положеніе его на побережьи, неудобномъ для защиты и, наконецъ, непосредственное сосѣдство португальцевъ, которые признавали своимъ противуположный берегъ бухты, — все это служило для испанскаго правительства мотивами противъ устройства здѣсь гавани для заокеанскихъ торговыхъ сношеній. Лишь въ 1617 году эта область организовалась въ особый колоніальный округъ. Послѣ этого здѣсь еще долго шла обширная, но не законная торговля съ другими націями, прежде чѣмъ правительство рѣшилось, при измѣненіи торговаго пути въ Чили и Перу вокругъ мыса Горна, включить и Буэносъ-Айресъ въ число мѣстъ, куда долженъ былъ заходить флотъ.

До этого времени, однако, главный торговый путь лежалъ черезъ Портобело. Какъ населенный пунктъ, это мѣсто не имѣло почти никакого значенія; къ тому же, благодаря своему нездоровому климату, оно оставалось бо̀льшую часть года почти необитаемымъ. И только ко времени

прибытія флота стекались сюда купцы со всѣхъ концовъ южной Америки. Послѣ прибытія флота открывалась сорокадневная ярмарка, во время которой совершались грандіознѣйшія торговыя сдѣлки и самыя рискованныя спекуляціи во всей Америкѣ. Въ городѣ палатокъ и бараковъ, наскоро построенныхъ, воцарялась на короткое время жизнь, полная роскоши и наслажденій, всегда идущая рука объ руку съ легкимъ обогащеніемъ. Но какъ только, къ концу ярмарки, начиналось снаряженіе флота къ обратному отплытію, населеніе Портобело исчезало. Только черезъ полгода, черезъ годъ или болѣе возобновлялась та же картина. Прибытіе флотовъ, большею частью, заставляло желать многаго въ смыслѣ аккуратности. Правда, недостатка въ готовыхъ къ отплытію судахъ никогда не было; но нерѣдко стихійныя причины или политическія замѣшательства создавали серьезные тормазы для правильнаго отправленія флота. Не разъ приходилось откладывать или отмѣнять ярмарку въ Портобело, благодаря тому, что ожидавшіеся корабли погибали въ бурю или дѣлались достояніемъ враждебныхъ каперовъ.

Такимъ образомъ, введеніе „флотовъ", которое сначала привѣтствовали, какъ шагъ впередъ, становилось все большею и большею тяжестью, такъ какъ далеко не удовлетворяло возраставшимъ потребностямъ и вело къ необычайному вздорожанію всѣхъ предметовъ торговли. Тѣмъ не менѣе, правительство продолжало строго держаться разъ установленныхъ правилъ въ виду возраставшей необезпеченности на морѣ. Оно, пожалуй, согласилось бы дать свободу отплывающимъ флотамъ, и даже сдѣлало нѣкоторыя уступки въ этомъ направленіи. Но въ строгомъ контролѣ надъ возвращающимися судами заключался для него столь существенный интересъ, что отъ этого оно никогда не могло отказаться. Дѣло въ томъ, что „флоты" представляли единственный способъ сношеній между обѣими частями свѣта, единственный путь для перевозки всей официальной и частной корреспонденціи и, что̀ еще важнѣе, для доставленія въ государственныя кассы колоніальныхъ доходовъ, необходимыхъ для государственнаго бюджета. Всѣ колоніальныя власти посылали свои отчеты и разсчеты въ извѣстныя гавани ко времени прибытія флотовъ. Тамъ письма и цѣнности довѣрялись наиболѣе надежнымъ и безопаснымъ кораблямъ. Суда ново-испанскаго и материковаго флотовъ должны были, черезъ три мѣсяца послѣ прибытія въ Санто-Доминго, снова собираться въ Гаваннѣ. Галеоны и вооруженныя суда охраны пользовались этимъ промежуткомъ для случайныхъ пиратскихъ похожденій. Послѣ соединенія флота, они снова брали на себя службу охраны и съ тѣми же предосторожностями вступали чрезъ Багамскій каналъ въ открытое море и отсюда брали курсъ на родину. Это была самая опасная часть путешествія. Политическіе враги Испаніи, такъ же, какъ и вольные морскіе пираты, всегда зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы изловить возвращавшійся домой флотъ, который бывалъ настолько нагруженъ благороднымъ металломъ, что его называли „серебрянымъ флотомъ". Нерѣдко эти нападенія удавались, хотя, большею частью, не вполнѣ.

Колоніи съ самаго начала поставляли для метрополіи всякаго рода произведенія. Изъ всѣхъ частей Америки вывозилось красильное дерево. Кромѣ того, въ первое время обратныя суда нагружались еще различными лекарственными средствами и, въ значительныхъ количествахъ, сахаромъ и кожами. Но все-таки самая цѣнная часть груза заключалась въ золотѣ, серебрѣ, жемчугѣ и драгоцѣнныхъ камняхъ. Еще Колумбъ доставалъ отъ туземцевъ золото, правда, въ скромныхъ размѣрахъ. Когда доказано было мѣстное происхожденіе его, стали производить промывки и раскопки. Золотые рудники, въ которыхъ, вслѣдствіе первобытныхъ способовъ добыванія съ громадной затратою силъ, достигалось сравнительно немногое, сдѣлались для индѣйцевъ настоящей каторгой. Золотоискатели всюду и во всѣ времена заключали отребье человѣческаго общества. Въ отношеніи подобныхъ элементовъ всякіе законы, имѣвшіе цѣлью огражде-

ніе туземцевъ, были безсильны. Чиновникъ, который вздумалъ бы примѣнить эти законы на дѣлѣ, рисковалъ собственною жизнью. Главныя богатства, впрочемъ, во весь періодъ завоеваній, давали не золотые и серебряные рудники, а мѣновая торговля съ туземцами. Правительство вполнѣ сознавало этотъ фактъ и поэтому всегда охотно покровительствовало добыванію благородныхъ металловъ, понижало пошлины, отправляло туда опытныхъ, преимущественно нѣмецкихъ рудокоповъ. Наоборотъ, съ золота, которое получалось отъ мѣновой торговли и пиратства, оно требовало въ свою пользу пятую часть.

Только послѣ завоеванія Мексики горное дѣло стало прибыльной статьей. Серебряные рудники въ Сультепеке и въ особенности въ Гуанахуато давали руду въ такомъ изобиліи, что можно было считать добываніе упроченнымъ. Въ Перу испанцы нашли сперва у туземцевъ баснословныя сокровища. Но здѣсь, какъ и въ другихъ провинціяхъ, запасъ благородныхъ металловъ, который давала мѣновая торговля, сравнительно быстро истощился. Вначалѣ добываніе золота и серебра въ рудникахъ представляло даже меньше шансовъ, чѣмъ на сѣверѣ, пока въ 1545 году не были случайно открыты серебряныя жилы въ Потоси. Эта горнозаводская область оказалась на долгое время источникомъ невѣроятныхъ богатствъ. Благодаря, главнымъ образомъ, ей и серебрянымъ копямъ въ Мексикѣ, добываніе благородныхъ металловъ въ Новомъ Свѣтѣ въ теченіе продолжительнаго времени держалось приблизительно на одинаковомъ уровнѣ.

Первоначально примѣнявшіеся примитивные способы очистки дѣлали выгодною обрабоку лишь самыхъ богатыхъ рудъ, и только изобрѣтеніе процесса амальгамированія дало возможность болѣе тщательной эксплоатаціи горныхъ породъ Мексики и Перу. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, изобрѣтателемъ амальгамированія былъ нѣмецкій рудокопъ, который лишился куска хлѣба вслѣдствіе уничтоженія огнемъ ртутныхъ копей въ Альмаденѣ. Чтобы примѣнить свое изобрѣтеніе, онъ соединился съ испанцемъ Бартоломеемъ де Медина. Но такъ какъ инквизиція пропустила въ Мексику только послѣдняго, но не нѣмецкаго учителя его, то испанецъ всецѣло пожалъ лавры открытія въ свою пользу, и даже имя нѣмца осталось неизвѣстнымъ. Способъ добыванія серебра при помощи ртути произвелъ въ Мексикѣ полный переворотъ въ горнозаводскомъ дѣлѣ. Владѣльцы рудниковъ обѣщали нагрузить серебромъ корабли ново-испанскаго флота до самыхъ мачтъ, если у нихъ будетъ въ распоряженіи достаточно ртути; цѣна послѣдней сразу необычайно поднялась. Рудники Альмадена, богатѣйшіе въ мірѣ и, кромѣ рудниковъ Индіи, единственные, бывшіе въ то время въ ходу, еще раньше эксплоатировались монополистами; теперь испанское правительство взяло въ свои руки монополію торговли. Рудники оно отдало въ аренду Фуггерамъ, которые, путемъ усовершенствованной разработки при помощи нѣмецкихъ силъ, получали въ теченіе полувѣка около 100% дохода; но они были обязаны весь вывозъ предоставлять правительству, которое продавало ртуть въ Америкѣ владѣльцамъ рудниковъ втрое и вчетверо противъ покупной цѣны. Съ этого времени галеоны, увозившія на обратномъ пути золотыя и серебряныя сокровища Америки, захватывали съ собою ежегодно до 3000—5000 центнеровъ ртути. Отъ 1563 до 1641 года, т. е. въ теченіе періода, пока Фуггеры арендовали копи Альмадена, добыто было, при помощи полученныхъ ими 253,154 центнеровъ ртути, чистаго серебра на сумму 253 милліоновъ червонцевъ, изъ которыхъ свыше 50 милліоновъ червонцевъ падали на королевскую пятую часть.

Е. Рабство негровъ.

Въ числѣ предметовъ вывозной торговли, которую поддерживала Испанія со своими колоніями, была еще лишь одна статья, которая, по своему

значенію, могла соперничать со ртутью: это были негры-рабы. Мы говорили уже о томъ (стр. 393), что прежнее законодательство преграждало имъ доступъ въ колоніи. Но правительство не отличалось особой строгостью и охотно дѣлало исключенія. Тѣмъ не менѣе, негры стали играть извѣстную роль въ организмѣ колоній и въ колоніальной торговлѣ лишь съ того момента, какъ Ласъ Казасъ, исходя изъ незрѣлыхъ филантропическихъ идей, рекомендовалъ ввозъ негровъ-рабовъ, какъ средство вывести индѣйцевъ изъ ихъ невольническаго положенія. Испанское правительство безспорно имѣло въ виду создать изъ своихъ колоній нѣчто иное, чѣмъ простые опорные пункты для обмѣна и торговли, по примѣру португальцевъ въ Африкѣ и Индіи. Поэтому необходимо было позаботиться о рабочихъ силахъ. Было очевидно, что одни европейцы не въ состояніи были выполнить этой задачи. Съ одной стороны, климатъ ослаблялъ ихъ рабочую способность; даже несоотвѣтствіе между численностью европейскихъ колонистовъ и обширностью колоніальныхъ владѣній было слишкомъ велико, и нельзя было даже думать о томъ, чтобы справиться съ колоніальными задачами при помощи однѣхъ европейскихъ силъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, взглядъ испанскаго правительства на свои задачи въ отношеніи колоній не благопріятствовалъ высылкѣ туда сомнительныхъ элементовъ. Колумбъ, какъ извѣстно, хотѣлъ даже свершить самое открытіе Америки при помощи освобожденныхъ каторжниковъ, а Португалія, вообще державшаяся иного взгляда на колоніальную политику, предприняла, въ болѣе широкомъ масштабѣ, опыты съ колонизаціей преступниковъ въ Бразиліи. Но испанскіе законы разрѣшали эмиграцію лишь незапятнаннымъ элементамъ націи, и только въ самыхъ исключительныхъ случаяхъ правительство, снисходя къ просьбамъ извѣстныхъ группъ колонистовъ, транспортировало преступниковъ въ Америку. Однако, даже при ихъ содѣйствіи, немыслимо было бы выполнить въ колоніяхъ требованія горнаго дѣла, скотоводства и хозяйства на плантаціяхъ, хотя бы по одному тому, что для европейцевъ оставалось еще много другихъ и при томъ болѣе сложныхъ работъ. Такимъ образомъ, чтобы освободить индѣйца, который, при своей безпечности и стремленіи къ независимости, едва ли согласился бы работать добровольно въ европейскомъ смыслѣ, отъ всякаго принудительнаго труда, оставалось одно средство: ввести въ колоніи новый рабочій элементъ.

Предложеніе Ласъ Казаса воспользоваться неграми, которыхъ уже раньше примѣняли для этой цѣли на югѣ испанскаго полуострова и на островахъ африканскихъ береговъ, нашло сочувствіе у правительства. Въ интересахъ фиска правительство номинально сохранило воспрещеніе ввоза негровъ, но въ то же время оно разрѣшало отдѣльнымъ лицамъ или обществамъ, при внесеніи извѣстной пошлины, доставлять ежегодно опредѣленное число черныхъ въ гавани колоній. Колоніальныя власти должны были даже сообщать, какъ велика годовая потребность въ нихъ. Первоначально установленная норма составляла 4000 головъ. Затѣмъ, въ теченіе длиннаго періода существованія асіенто, договора съ монополистами относительно ввоза рабовъ, эта цифра бывала повышаема и понижаема. Но колонисты всегда роптали, что ввозъ негровъ-рабовъ въ Новый Свѣтъ далеко ниже дѣйствительной потребности. И торговля этимъ цѣннымъ товаромъ во всѣ времена составляла излюбленную статью незаконной торговли, которой занимались чужеземные судовладѣльцы. Во всякомъ случаѣ, правительство долго было озабочено этимъ вопросомъ.

Невольничьи корабли пользовались извѣстными льготами. Такъ, за извѣстный залогъ, имъ разрѣшалось плыть съ Гвинейскаго берега, гдѣ они получали свой черный товаръ отъ португальскихъ купцовъ, прямо въ Америку, гдѣ нѣсколько гаваней были открыты для прибывавшихъ негровъ. Уже первые асентисты пользовались извѣстными привилегіями для покрытія расходовъ и обратнаго перевоза своей прибыли въ видѣ колоніальныхъ

товаровъ. Но они должны были приставать въ Севильѣ и подлежали регистраціи наравнѣ со всѣми прочими торговцами. Такъ какъ контролировать ихъ было гораздо труднѣе, чѣмъ флоты и галеоны, то асентисты стали вскорѣ пользоваться дарованными имъ льготами для обхода стѣснительныхъ законовъ колоніальной торговли и для обширной контрабанды.

Первоначально, въ рукахъ генуэзцевъ и нѣмцевъ, злоупотребленія невольничьей монополіей были не особенно велики и мало наносили ущерба законной торговлѣ. Но дѣло приняло иной характеръ, когда монополія перешла въ руки націй, настроенныхъ менѣе дружелюбно. Мысль о передачѣ исключительнаго права ввоза рабовъ португальской компаніи была сама по себѣ недурна, такъ какъ португальцы неоспоримо владѣли materia prima, самими неграми. Они получили асіенто въ то время, когда Португалія была связана съ Испаніей личной уніей и удержали его послѣ отпаденія дома Браганца вплоть до провозглашенія независимости Португаліи по мирному договору 1668 года. Затѣмъ асіенто временно перешло къ севильскимъ купцамъ. Когда съ перемѣною династіи въ 1700 году французское вліяніе въ Испаніи сдѣлалось всемогущимъ, французы постарались не упустить изъ своихъ рукъ и это прибыльное дѣло. Гвинейское общество, въ которомъ лично участвовалъ Людовикъ XIV, сохранило монополію ввоза рабовъ въ испанскую Америку до тѣхъ поръ, пока политическія условія не заставили Францію отказаться отъ этого.

Испанія, однако, не выиграла отъ этой перемѣны: Утрехтскій миръ категорически ставилъ однимъ изъ условій уступку асіенто англичанамъ. Въ ихъ рукахъ эксплоатація приняла безспорно самые широкіе размѣры. Кромѣ того, они выговорили себѣ право отправлять ежегодно, на льготныхъ условіяхъ, кромѣ невольничьихъ судовъ, еще два корабля скромныхъ размѣровъ съ европейскими товарами въ колоніи, пока еще закрытыя для всѣхъ прочихъ націй. Но разсказываютъ, что эти корабли почти явно, на глазахъ испанскихъ чиновниковъ, выгружали днемъ разрѣшенный грузъ, а ночью снова пополняли его съ большихъ кораблей, которые не приставали къ берегу, а какъ будто случайно стояли далеко на рейдѣ. Этимъ путемъ имъ удавалось ввозить въ страну втрое и вчетверо болѣе, чѣмъ дозволялось. Это было настолько существенное зло, что, въ концѣ концовъ, Фердинандъ VI счелъ необходимымъ прекратить посредствомъ выкупа договоръ съ англичанами еще до окончанія законнаго срока. Правительство долго колебалось прежде, чѣмъ рѣшиться на эту мѣру, такъ какъ оно само принимало непосредственное участіе въ доходахъ англійской компаніи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, одни только англичане въ состояніи были поставлять въ колоніи условленное число рабовъ и даже больше, и суммы, поступавшія отъ этой торговли въ государственную казну, достигали громадной цифры. Первоначальный налогъ по 2 червонца съ головы, которымъ первые монополисты купили себѣ право работорговли, мало по малу повысился до 30—40 червонцевъ. При ежегодномъ ввозѣ отъ 4000 до 6000 рабовъ, это составляло внушительную цифру даже въ колоніальномъ бюджетѣ XVIII столѣтія, въ которомъ регаліи съ добываемыхъ благородныхъ металловъ значительно понизились.

Какія суммы золота и серебра и другихъ цѣнныхъ предметовъ получило испанское государство и страна отъ своихъ трансатлантическихъ колоніальныхъ владѣній, это — вопросъ, который не разъ обсуждался, но ни разу не былъ удовлетворительно разрѣшенъ, благодаря крайней неточности понятій, которыя до сихъ поръ имѣлись о торговлѣ Испаніи съ ея колоніями. Утверждали, что испанская Америка на цѣлыя столѣтія отстала въ своемъ развитіи, благодаря колоніальной политикѣ Испаніи, а, съ другой стороны, что приливъ благородныхъ металловъ изъ Новаго Свѣта отвѣтственъ за экономическое крушеніе Испаніи, такъ какъ золото Но-

ваго Свѣта будто бы развратило и задушило Испанію. И то, и другое сильно преувеличено. Если бы Испанія была экономически здоровымъ государствомъ, она столь же мало пострадала бы отъ избытка золота и серебра, какъ пострадала Англія отъ сокровищъ Индіи. Если Испанія не давала колоніямъ свободы и самостоятельной жизни и вплоть до XVIII вѣка видѣла въ нихъ лишь источникъ доходовъ для метрополіи, то это была точка зрѣнія, общая всѣмъ колоніальнымъ державамъ того времени. Она осталась бы, вѣроятно, при томъ же мнѣніи до сихъ поръ, если бы мощныя революціонныя движенія, которыя повели въ Новомъ Свѣтѣ къ отдѣленію Соединенныхъ Штатовъ отъ Англіи и почти всей латинской Америки отъ Испаніи, не побудили ее измѣнить свою политику. Вплоть до XVIII вѣка испанскія колоніи соотвѣтствовали своей цѣли. Онѣ снабжали метрополію денежными средствами, въ которыхъ она безусловно нуждалась для сохраненія своего политическаго положенія въ европейскомъ концертѣ. Обиліе этихъ средствъ возбуждало даже зависть другихъ странъ, толкало ихъ на колоніальныя предпріятія и въ то же время вызывало стремленіе отнять, по мѣрѣ возможности, у испанцевъ часть ихъ колоніальныхъ сокровищъ.

F. Историческое развитіе испанскихъ колоніальныхъ владѣній.

Положеніе, какое заняли испанскія колоніи относительно метрополіи, доказываетъ уже само по себѣ, что онѣ не имѣютъ собственной исторіи. Исторія ихъ сводилась къ смѣнѣ чиновниковъ, къ случайнымъ измѣненіямъ административной организаціи, наконецъ, къ мѣропріятіямъ, которыя предпринимались скорѣе для поднятія экономическаго благосостоянія метрополіи, чѣмъ самихъ колоній. Съ другой стороны, зависимость колоній отъ Испаніи невольно вовлекала ихъ во всѣ политическія осложненія метрополіи. Исторія того, что́ приходилось выносить колоніямъ, какъ составной части испанскаго государства, отъ враговъ послѣдней составляетъ какъ бы внѣшнюю исторію колоній. Когда Испанія приходила въ вооруженныя столкновенія съ сосѣдними государствами, то послѣднимъ трудно было воздержаться отъ каперскихъ нападеній на обширные морскіе берега противника съ цѣлью подорвать его торговлю и морское могущество. Въ 1512 году жертвою подобнаго нападенія, со стороны французовъ, сдѣлались корабли, которые шли обратно изъ колоній въ гавань Севильи. Въ царствованіе Карла V и Филиппа II военное положеніе относительно Франціи, то явное, то скрытое, почти не прекращалось. Морскія нападенія сдѣлались тѣмъ заманчивѣе, что съ открытіемъ Мексики и Перу колоніальныя торговыя суда приносили больше добычи, чѣмъ вначалѣ столѣтія.

Этотъ фактъ также не ускользнулъ отъ испанскихъ правителей. Нападенія враговъ на индѣйскіе корабли не мало способствовали развитію морского превосходства надъ всѣми прочими націями, которое Испанія удерживала за собою въ теченіе большей части XVI вѣка. Это превосходство было бы еще прочнѣе, если бы обширныя внѣ-испанскія колоніальныя владѣнія Испаніи не предоставляли въ распоряженіе Карла V столь удобныхъ вспомогательныхъ силъ. Здѣсь случилось то же самое, что съ колоніальной торговлей: не имѣя возможности удовлетворить требованій въ горячую пору, Испанія допустила участіе въ морской торговлѣ итальянцевъ, голландцевъ и нѣмцевъ. Этотъ порядокъ упрочился, благодаря обилію сокровищъ, которыя страна все еще черпала въ своихъ колоніяхъ. Но при этомъ были упущены изъ виду опасныя послѣдствія, вытекавшія изъ подобнаго положенія вещей въ случаѣ отпаденія прежнихъ союзниковъ. Правда, испанцамъ сначала удавалось безъ труда сохранять первенствующее положеніе на морѣ. До 1580 года ни одинъ народъ не осмѣлился бы открыто выступить противъ испанскаго флота на океанѣ. Даже въ мелкихъ мор-

скихъ стычкахъ, которыя завязывали каперскія суда, особенно французскія, съ испанцами, послѣдніе вначалѣ безспорно одерживали верхъ. И только чрезвычайно неблагопріятное положеніе страны и колоній по отношенію къ врагамъ давало послѣднимъ возможность оставаться въ выгодѣ въ каперскихъ войнахъ, несмотря на всѣ потери.

Совмѣстныя плаванія колоніальныхъ торговыхъ флотовъ въ сопровожденіи, вдоль береговъ, военнаго флота, скоро разогнало корсаровъ отъ береговъ Андалузіи и мыса С. Винцента, гдѣ они въ первое время нерѣдко угрожали возвращавшимся въ Севилью кораблямъ. Имъ пришлось перенести поле своей дѣятельности дальше въ море, гдѣ береговыя флотиліи не такъ легко могли придти на помощь торговымъ флотамъ. Однако, имъ не удалось укрѣпиться также на Канарскихъ, Азорскихъ о-вахъ и о-вахъ Зеленаго Мыса, куда они впослѣдствіи перенесли свой операціонный базисъ. Оборонительныя мѣропріятія испанцевъ, въ концѣ концовъ, заставили враговъ искать добычу тамъ же, гдѣ находили ея сами испанцы — въ колоніяхъ. Рейсы, предписанные флотамъ и зависѣвшіе отъ морскихъ теченій, не долго оставались отъ нихъ скрытыми. Столь же мало могло оставаться неизвѣстнымъ для нихъ то, что множество мелкихъ Антильскихъ островов и даже длинныя береговыя полосы большихъ островов были совершенно покинуты колонистами и, слѣдовательно, лишены всякаго контроля. Здѣсь, въ гаваняхъ, каперскія суда могли свободно скрываться, готовиться къ нападенію, исправлять повреждения и прятать въ укромное мѣсто захваченную добычу. Отъ перехватыванія испанскихъ кораблей въ заатлантическихъ водахъ былъ только одинъ шагъ къ нападенію на колоніальныя поселенія и грабежу ихъ. Первыя открытыя враждебныя дѣйствія послѣдовали во время третьей франко-испанской войны въ сороковыхъ годахъ XVI столѣтія. Смѣлость корсаровъ, которые, благодаря тайной помощи французскаго правительства, были провосходно вооружены, вскорѣ настолько возросла, что они не ограничивались уже ограбленіемъ и наложеніемъ контрибуціи на отдаленныя колоніальныя побережья. Въ 1542 году они уже произвели нападеніе на Санта Марту и Картахену. Въ 1555 г. они овладѣли столицею Кубы, Гаваной, и удерживали ее въ теченіе 26 дней. Противъ этого правительство нашло лишь одно средство: оно повелѣло, насколько возможно, укрѣпить береговые города, а гдѣ это оказалось неосуществимымъ, — уничтожить поселенія на морскомъ берегу и перенести ихъ дальше внутрь страны.

Въ это время появляются у колоній новые враги. До того времени дѣло шло, главнымъ образомъ, о французахъ, которые старались, по мѣрѣ силъ, вредить колоніальной торговлѣ и колоніальнымъ поселеніямъ своихъ традиціонныхъ враговъ. Но королева Елизатета англійская вступила на престолъ, который до тѣхъ поръ Филиппъ II дѣлилъ съ ея сестрою. Съ этой минуты раздоръ между Англіей и Испаніей растетъ изъ года въ годъ и все больше переходитъ въ открытую вражду по мѣрѣ того, какъ яснѣе обнаруживается склонность Елизаветы къ протестантизму. Въ то время англійскія морскія силы еще значительно уступали испанскимъ и не могли соперничать съ ними на океанѣ. Вначалѣ, впрочемъ, англійскіе мореходы и не выказывали прямой враждебности противъ испанцевъ. Они старались лишь нарушить строгую замкнутость испанскихъ колоній отъ всякихъ прямыхъ сношеній со Старымъ Свѣтомъ. Тамъ-же, гдѣ они чувствовали превосходство на своей сторонѣ, а колоніальныя власти, тѣмъ не менѣе, сопротивлялись ихъ незаконной торговли, они отваживались открыто нападать на корабли, а за тѣмъ и на поселенія противниковъ. Большею частью, тактика англичанъ состояла въ томъ, что они отнимали у португальцевъ на Гвинейскомъ берегу партію негровъ-рабовъ. Они знали, что эта торговая статья найдетъ вѣрный сбытъ въ колоніяхъ и что испанскія власти часто смотрѣли въ этомъ случаѣ сквозь пальцы. Но при этомъ они ловко

умѣли пользоваться случаемъ для столкновенія. Если вызовъ, брошенный испанцами, оказывался удачнымъ, они давали дѣлу такой оборотъ, какъ-будто прибѣгали къ оружію лишь съ цѣлью самозащиты. Около 1530 года Ричардъ Гаукинсъ началъ промышлять невольничьей контрабандой. Онъ положилъ основаніе богатству, которое дало возможность его болѣе извѣстному сыну Джону Гаукинсъ, создать впослѣдствіи собственную каперскую флотилію. Въ шестидесятыхъ годахъ этимъ родомъ торговли занималось множество англійскихъ кораблей. На необитаемыхъ побережьяхъ шла мѣновая торговля съ туземцами. Въ испанскихъ поселеніяхъ они вымогали разрѣшеніе на торговлю, въ случаѣ надобности, силою: большею частью, впрочемъ, приходилось прибѣгать къ силѣ лишь для виду. Но если иногда побѣда выпадала на долю испанцевъ, то они расправлялись не совсѣмъ деликатно, какъ въ этомъ могли убѣдиться Гаукинсъ и Дрэкъ въ 1568 году въ Вера-Крусѣ. Съ другой стороны, и англичане не брезгали совершать настоящія хищническія нападенія, если представлялся благопріятный случай; таковъ, напримѣръ, набѣгъ Дрэка въ Номбре де Діосѣ и Панамѣ, предпринятый, правда, безъ окончательнаго успѣха, въ 1572 году. Спустя нѣсколько лѣтъ, тотъ-же Дрэкъ первый прорвался чрезъ Магеллановъ проливъ въ Тихій океанъ, ограбилъ совершенно беззащитныя побережья Чили и Перу и увезъ колоссальную добычу. Чтобы уйти, на обратномъ пути, отъ рукъ испанцевъ, которые всюду подстерегали его, онъ обогнулъ южную оконечность Африки и счастливо спасся въ Лондонѣ, гдѣ королева Елизавета почтила его посвященіемъ въ рыцари. И это не взирая на обвиненіе испанцевъ, которые требовали выдачи Дрэка, какъ пирата.

До этого времени офиціальный миръ между Испаніей и Англіей до нѣкоторой степени сдерживалъ англійскихъ пиратовъ. Но съ 1585 года обѣ страны находятся въ положеніи воюющихъ сторонъ. Въ этомъ же году Дрэкъ выступилъ въ море съ 23 корабляли и 2500 человѣкъ экипажа и, помимо безчисленныхъ каперскихъ захватовъ, ограбилъ города Санто Доминго и Картахену, разрушилъ Санъ Агустинъ во Флоридѣ и, кромѣ массы цѣнностей, захватилъ 240 пушекъ на захваченныхъ корабляхъ и занятыхъ береговыхъ мѣстечкахъ. Съ тѣхъ поръ почти не проходило года до самой смерти королевы Елизаветы, чтобы не снаряжались болѣе или менѣе многочисленные англійскіе флоты, которые грабили побережья Испаніи или брали контрибуцію съ колоній. Англійскіе моряки, испытанные въ смѣлыхъ каперскихъ плаваніяхъ, громили непобѣдимую армаду. И вотъ, когда, благодаря этимъ разгромамъ, сталъ разсѣеваться ореолъ, окружавшій до тѣхъ поръ морское могущество Испаніи, англичане стали серьезно помышлять о томъ, чтобы отвоевать у испанцевъ первенствующее положеніе на морѣ. Этотъ поединокъ, начавшись съ Дюнкирхена, завершился при Трафальгарѣ полной побѣдою англичанъ. Основаніе положенію Англіи, какъ владычицы морей, создали моряки, подобные Гаукинсу и Дрэку. Начавъ съ подвиговъ пиратовъ и контрабандистовъ, они какъ-бы открыли глаза правительству, которое сознало, какое значеніе можетъ имѣть господство на морѣ для благосостоянія страны и государства съ географическимъ положеніемъ Англіи. Вальтеръ Ролей, пользуясь своимъ положеніемъ при дворѣ, какъ фаворитъ королевы Елизаветы, предпринялъ первыя колонизаторскія попытки на американской землѣ, вначалѣ, правда, не прочныя. Его походы въ Гвайану въ 1595, 1597 и 1616 годахъ представляютъ первыя серьезныя посягательства иностранцевъ на южный материкъ съ тѣмъ, чтобы не только овладѣть побережьемъ, но проникнуть и внутрь страны. Здѣсь, какъ и на сѣверѣ, они послужили толчкомъ для иностранныхъ державъ, чтобы стать твердой ногой въ области испанско-португальскихъ колоніальныхъ владѣній.

Между тѣмъ на сцену выступили новые соперники Испаніи, тѣмъ болѣе опасные, что раньше, какъ подданные испанской короны, они имѣли

полную возможность обстоятельно оріентироваться во всемъ, что касается колоніальной торговли. Когда Нидерланды еще не отпадали и корабли ихъ впервые доставили въ Америку товары, колонисты увидѣли въ этомъ такую выгоду для себя, что дѣлали всевозможныя представленія испанскому правительству, въ которыхъ ходатайствовали о дарованіи нидерландцамъ и обитателямъ Канарскихъ острововъ права прямыхъ сношеній съ колоніями и объ обязательной остановки для нихъ въ Севильи лишь на обратномъ пути. На это Индѣйскій Совѣтъ никакъ не соглашался, но онъ не отнималъ права колоніальной торговли у нидерландскихъ, нѣмецкихъ и итальянскихъ купцовъ даже послѣ того, какъ общее разрѣшеніе, данное Карломъ V, было отмѣнено. Нерѣдко король нанималъ для офиціальныхъ плаваній по океану крѣпкія и пригодныя для этой цѣли голландскія суда. Возмущеніе протестанскихъ провинцій противъ испанскаго ига сильно повредило этой коммерческой льготѣ, но и взглядъ Филиппа II на это возстаніе помогъ нидерландцамъ. Въ отпавшихъ провинціяхъ онъ продолжалъ признавать своихъ подданныхъ, хотя и возмутившимся. На этомъ основаніи онъ разрѣшилъ судохозяевамъ сѣверныхъ провинцій, которые воздерживались отъ прямого участія въ враждебныхъ дѣйствіяхъ, принимать участіе въ испанской и колоніальной торговлѣ. Голландскіе корабли, по прежнему, приставали къ Севильѣ и колоніямъ и вели торговлю открыто и подъ испанскимъ флагомъ, хотя ни отъ кого не составляло тайны, что золото, получаемое этимъ путемъ, стекалось въ кассы бунтовщиковъ. Лишь въ 1603 году эта аномалія отчасти была устранена, по крайней мѣрѣ, тѣмъ, что нидерландская торговля была обложена особой пошлиной въ 30% ad valorem: но и этотъ налогъ былъ снова уничтоженъ во время 12-лѣтняго перемирія (1609—1621). Несмотря на это, нидерландцы не удовлетворялись разрѣшенными законными рамками торговли и очень рано стали стремиться къ обогащенію незаконнымъ путемъ насчетъ колоній. Они захватывали испанскія суда и, минуя установленный маршрутъ, вели торговлю непосредственно съ Америкою, частью съ поселеніями испанцевъ и португальцевъ, но еще чаще съ индѣйцами незанятыхъ европейцами областей. Подобно англичанамъ, они держались, главнымъ образомъ, береговой полосы между Ориноко и Амазонкой, такъ какъ и они еще вѣрили въ легенду о существованіи Дорадо между этими рѣками. Впрочемъ, будучи народомъ трезвымъ, они, въ поискахъ сокровищъ, не теряли съ самаго начала изъ виду менѣе блестящихъ, но вѣрныхъ выгодъ.

Въ роли настоящихъ колонизаторовъ Америки нидерландцы выступаютъ лишь съ возобновленіемъ войны съ Испаніей. Въ это время возникли Вестъ-Индская Компанія, по образцу Остъ-Индской. Первоначально она занималась преимущественно тѣмъ, что грабила испанско-португальскія колоніи и наносила имъ ущербъ. Но рядомъ съ этимъ ею основывались небольшія поселенія у Ойяпока, Бербисе, Эссекибо и пр., изъ которыхъ впослѣдствіи образовалась колонія голландской Гвайаны. Еще болѣе Вестъ-Индская Компанія прославилась нападеніемъ на Бразилію, которая въ то время была еще подвластна испанскому королю. Въ тридцатыхъ годахъ XVII столѣтія голландцамъ замѣчательно быстро удалось стать твердой ногою въ Олиндѣ и Ресифе и мало по малу почти совсѣмъ вытѣснить португальцевъ изъ четырехъ сѣверныхъ провинцій Бразиліи. Благодаря разумной національной политикѣ и религіозной терпимости, Компанія добилась того, что большая часть старыхъ поселенцевъ безусловно признала новый порядокъ вещей и отдала себя въ его распоряженіе. Новая община быстро расцвѣла и безъ труда могла выдержать испанско-португальскій натискъ. Самую блестящую эпоху колоніи составляетъ время управленія графа Іоганна Морица Нассаускаго (1637—44), который сдѣлалъ свою столицу Морицштадтъ, не только средоточіемъ торговли, но и очагомъ серьезныхъ научныхъ работъ, которыя до тѣхъ поръ едва-ли гдѣ производились на

американской почвѣ. Ходъ вещей былъ нарушенъ измѣненіемъ политическихъ условій, когда въ 1640 году Португалія отдѣлилась отъ Испаніи и заключила союзъ съ Нидерландами. Вначалѣ Вестъ-Индская Компанія отстаивала свои права на бразильскія завоеванія и находила въ этомъ поддержку со стороны Генеральныхъ Штатовъ. Но на долго у нея не хватило энергіи для сохраненія спорныхъ владѣній. Поэтому португальской части колоніи, которая съ 1640 года значительно окрѣпла, постепенно удалось все болѣе и болѣе оттѣснить голландцевъ къ берегу; наконецъ, они отвоевали обратно и этотъ послѣдній при помощи португальскаго флота. Мирнымъ договоромъ 1661 года голландцы оффиціально подтвердили свой отказъ отъ всякихъ правъ на бразильскія владѣнія за извѣстное денежное вознагражденіе. Послѣ того они стали снова обращать преимущественное вниманіе на такъ назыв. „дикое побережье" Гвайяны. Правда, старѣйшія поселенія въ этой области Бербисе и Эссекибо, были ими уступлены въ 1814 году англичанамъ; но, съ другой стороны, Нидерланды до сихъ поръ владѣютъ въ Суринамѣ остатками странъ, нѣкогда колонизированныхъ подъ охраною Вестъ-Индской Компаніи (см. „Карты къ исторіи Америки").

Примѣръ нидерландцевъ, основывавшихъ торговыя общества, поддерживаемыя государствомъ, возбудилъ вниманіе остальной Европы, главнымъ образомъ, благодаря громаднымъ успѣхамъ ихъ Остъ-Индской Компаніи. Почти одновременно французы также основали привилегированное торговое общество подъ именемъ Компаніи американскихъ острововъ. Этому Обществу, первымъ владѣніемъ котораго былъ, впрочемъ, нынѣшній англійскій Сенъ-Христофоръ, Франція обязана своими настоящими вестъ-индскими колоніями, каковы Мартиника, Гваделупа и болѣе мелкія, относящіяся къ ихъ числу. Прежде чѣмъ они перешли въ непосредственное вѣдѣніе государства, судьба ихъ нѣсколько разъ мѣнялась. Первое общество потерпѣло крушеніе еще въ 1650-мъ году и спаслось отъ окончательнаго банкротства лишь тѣмъ, что продало свои территоріальныя права отдѣльнымъ владѣльцамъ; послѣдніе нѣкоторое время управляли здѣсь почти неограниченно, какъ въ португальскихъ и сѣверо-американскихъ капитанствахъ. Но затѣмъ Кольберъ съ большимъ жаромъ ухватился вновь за систему привилегированныхъ обществъ, откупилъ обратно вестъ-индскія острова и передалъ ихъ, вмѣстѣ съ другими территоріями и правами, французской Вестъ-Индской Компаніи, которая, однако, вслѣдствіе политическихъ неурядицъ въ первыя десятилѣтія XVIII-го вѣка также потерпѣла крушеніе. Данія и, временно, Швеція такимъ-же образомъ пріобрѣли колоніальныя владѣнія въ Антильскомъ морѣ при посредствѣ привилегированныхъ торговыхъ обществъ и отчасти старались удержать ихъ. У англичанъ толчекъ къ колоніальной дѣятельности исходилъ, главнымъ образомъ, отъ частной иниціативы; тѣмъ не менѣе, и они достигли болѣе крупныхъ результатовъ лишь путемъ сосредоточенія силъ въ привилегированныхъ торговыхъ Обществахъ.

Громадная растянутость испанскихъ колоніальныхъ владѣній неминуемо привела къ тому, что Малые Антильскіе острова, не особенно изобиловавшіе естественными богатствами, вскорѣ были забыты, хотя это была первая страна, открытая Колумбомъ въ Новомъ Свѣтѣ. Вначалѣ XVI столѣтія они еще изрѣдка посѣщались испанскими охотниками за рабами. Но когда и эта надежда не оправдалась, большинство мелкихъ острововъ было окончательно оставлено. Они были необитаемы и здѣсь укрывались лишь вольные пираты всѣхъ націй, выслѣживавшіе испанскіе корабли. Когда, по примѣру голландцевъ, и у прочихъ народовъ стало обнаруживаться сильное стремленіе къ колоніальнымъ пріобрѣтеніямъ, вполнѣ естественно, что на заброшенные острова было вновь обращено вниманіе. Такъ, еще въ 1605 году нѣсколько англичанъ овладѣли совершенно покинутымъ островомъ Барбо-

досомъ, сперва не стремясь, впрочемъ, колонизировать его. Но съ основаніемъ, въ 1623 году, поселенія въ Сенъ-Китсѣ (Сенъ-Христофоръ), явился и для Барбодоса охотникъ, который добился отъ короля привилегіи на этотъ островъ, на правахъ капитанства, и на торговлю на немъ. Въ теченіе послѣдующихъ годовъ англичане, французы и голландцы постепенно заняли почти всѣ мелкіе Антильскіе острова. Дальнѣйшее расширеніе англійскихъ колоніальныхъ владѣній послѣдовало въ эпоху Кромвеля. Въ 1655 гогу Лорда-Протекторъ, при помощи значительныхъ боевыхъ силъ, произвелъ нападеніе на Санто-Доминго. Нападеніе было здѣсь отбито; успѣшнѣе дѣйствовали англичане въ Ямайкѣ, которая окончательно перешла въ ихъ руки. До этого момента Испанія все еще продолжала смотрѣть на всѣ чужія поселенія, какъ на вторженіе въ сферу ея власти. И только въ 1670 году, по мирному договору съ Англіей, она признала право послѣдней на колоніальныя пріобрѣтенія ея. Послѣдующими мирными договорами такое-же право Испанія признала за Франціей.

Для Антильскихъ островов это было самое безправное время. Англичане и французы держались своеобразнаго обычая: чтобы увеличить число рабочихъ силъ, они переселяли въ колоніи преступниковъ, подъ условіемъ принудительнаго труда въ теченіе извѣстнаго числа лѣтъ. Правда, въ числѣ ихъ было много осужденныхъ за политическія или религіозныя преступленія, но не было недостатка и въ элементахъ самаго худшаго сорта, которые крайне злоупотребляли возвращенной имъ свободой. Изъ ихъ рядовъ набирались знаменитые буканьеры и флибустьеры. Въ эпоху, когда европейскія торговыя компаніи почти всѣ распались, и даже англичане почти всецѣло были поглощены войнами у себя дома, эти морскіе пираты являлись бичемъ и наводили ужасъ на Антильскихъ водахъ; своими смѣлыми нападеніями на побережья испанскихъ колоній, вплоть до самаго Тихаго океана, они напоминали времена Гаукинса и Дрека. Эти шайки бездомныхъ, не признававшихъ закона разбойниковъ составлялись изъ подданныхъ всѣхъ странъ; однимъ только испанцамъ не было мѣста въ ихъ обществѣ: мирные въ отношеніи прочихъ націй, они преслѣдовали все испанское съ самой ожесточенной ненавистью. Поэтому враги Испаніи неоднократно пользовались услугами ихъ и даже оказывали имъ покровительство. Но по той же причинѣ измѣненіе политической атмосферы, наступившее съ воцареніемъ Бурбоновъ на испанскомъ престолѣ, нанесло рѣшительный ударъ разбойничьимъ похожденіямъ. Флибустьеры, смотря потому, изъ какой національности они преимущественно набирались, примыкали къ англичанамъ или французамъ. Лучшіе элементы между ними растворились въ массѣ колонистовъ, а неисправимые постепенно становились жертвою своего ремесла или попадались въ руки властей и несли заслуженную кару.

Переходъ испанскаго всемірнаго царства отъ Габсбургской династіи къ Бурбонамъ, вызвавшій въ Европѣ болѣе чѣмъ десятилѣтній пожаръ, не произвелъ въ колоніяхъ серьезныхъ потрясеній. Они примирились съ установившимся послѣ войны status quo, какъ это было съ присоединеніемъ и затѣмъ отпаденіемъ Португаліи: очевидно, колоніи все еще не жили собственной жизнью. Въ первыя десятилѣтія политика новой династіи была всецѣло поглощена европейскими событіями. Когда, послѣ разнообразныхъ столкновеній, сознали, что Испанія, если она желаетъ занять въ совѣтѣ державъ мѣсто, достойное ея великаго прошлаго, нуждается прежде всего во внутреннихъ преобразованіяхъ, поднялось и значеніе колоній въ глазахъ правительства. Хотя испанскіе Бурбоны, подъ давленіемъ обстоятельствъ, поразительно быстро национализировались, но все-таки они внесли много французскаго въ духовную жизнь страны, прежде крайне замкнутую. И переворотъ въ системѣ колоніальнаго управленія, совершившійся при Фердинандѣ VI и Карлѣ III, является въ сущности продуктомъ французскихъ идей.

Совершившіяся въ этотъ промежутокъ времени перемѣны въ условіяхъ торговли и сношеній привели къ тому результату, что метрополія наравнѣ съ колоніями страдала отъ ограниченій, сковывавшихъ колоніальную торговлю. Первая брешь въ старой системѣ не можетъ быть признана существенною. При тѣхъ размѣрахъ, которые приняла заатлантическая торговля въ XVIII вѣкѣ, Севилья не была удобнымъ исходнымъ пунктомъ. Лежала ли причина въ томъ, что фарватеръ нижняго Гвадалквивира значительно ухудшился вслѣдствіе засоренія, это не имѣетъ большого значенія. Во всякомъ случаѣ, времена, когда каравеллы признавались лучшими судами для колоніальныхъ сношеній, миновали безвозвратно, а для большихъ океанскихъ кораблей, съ которыми давно освоились, вынужденная остановка въ Севильѣ была лишь сопряжена съ промедленіемъ и неудобствомъ. Поэтому перенесеніе главнаго центра индѣйской торговли въ Кадисъ, совершившееся въ 1715 году, являлось, если не дѣйствительнымъ прогрессомъ, то, во всякомъ случаѣ, приспособленіемъ къ назрѣвшимъ потребностямъ. Бухта и гавань Кадиса способны были вмѣстить даже самые крупныя суда и флоты.

Вскорѣ монополія индѣйской торговли вообще подверглась серьезнымъ нападкамъ. Само правительство сильно терпѣло отъ анахронизма, состоявшаго въ томъ, что сношенія между метрополіей и колоніями все еще должны были приноравливаться къ отправленію флотовъ не болѣе двухъ разъ въ годъ. Въ сферѣ политики также стало чувствоваться вліяніе времени. Мы не говоримъ уже о томъ, что экономическій ростъ колоній давно сдѣлалъ невозможнымъ удовлетвореніе потребностей ихъ рѣдкими и неправильными рейсами флотовъ, вслѣдствіе чего незаконная торговля практиковалась въ широкихъ размѣрахъ. Всѣ привѣтствовали поэтому установившіяся при Фердинандѣ VI ежемѣсячныя сообщенія между Испаніей и Америкой при помощи отходившихъ изъ Коруньи быстроходныхъ судовъ. Правда, они служили прежде всего правительственнымъ цѣлямъ, но, насколько позволяла вмѣстимость, принимали и частные грузы. Эта мѣра не оказала почти никакого вліянія на флоты, значеніе которыхъ сильно упало. Благодаря, однако, появившейся возможности удовлетворять потребности колоній законнымъ путемъ, иностранная контрабандная торговля уменьшилась.

Благопріятные результаты, полученные этимъ путемъ, дали, наконецъ, смѣлость просвѣщенному правительству Карла III совершенно порвать съ прежней системой. Въ 1774 году была объявлена свобода торговаго обмѣна между колоніальными провинціями, съ извѣстными ограниченіями въ интересахъ охраненія испанскаго производства. Этимъ открывалось широкое поле для зарождавшейся колоніальной промышленности. Спустя четыре года, въ 1778 году, совершилось также полное преобразованіе заатлантической торговли. Сообщеніе при помощи флотовъ уничтожено, монополія Кадиса и Севильи отмѣнена, и право отправленія кораблей въ колоніи предоставлено девяти важнѣйшимъ гаванямъ метрополіи; а по ту сторону океана открыто 22 гавани для прямыхъ сношеній съ Испаніей. Одновременно съ тѣмъ для этой торговли былъ изданъ принаровленный къ обстоятельствамъ таможенный тарифъ. Если контрабанда англичанъ и португальцевъ все еще не могла быть окончательно подавлена, то, тѣмъ не менѣе, главная доля торговыхъ сношеній вошла въ законную колею.

Вмѣстѣ съ тѣмъ утратили значеніе ярмарки въ Портобело, которыя уже давно не соотвѣтствовали потребностямъ. Торговыя сношенія, нѣкогда направлявшіяся изъ Панамы черезъ Перу и Чили въ Тукуманъ и Буэносъ-Айресъ, отнынѣ совершенно преобразовались. Буэносъ-Айресъ согласно новымъ распоряженіямъ, а также въ силу своего естественнаго положенія, сталъ главною гаванью для сношеній между южными колоніями и Испа-

ніей. Корабли, предназначенные для Чили и Перу, направлялись, зайдя въ Буэносъ-Айресъ, вокругъ мыса Горна, въ гавани Тихаго Океана. До этого времени провинція Буэносъ-Айресъ была пасынкомъ правительства; подъ охраною новыхъ законовъ, она быстро заняла, благодаря своимъ плантаціямъ и стадамъ, почетное мѣсто наряду съ богатѣйшими колоніальными провинціями Испаніи.

Облегченіе сношеній повлекло за собою значительный подъемъ торговли. Фермеръ и плантаторъ теперь легче находили выгодный сбытъ для своихъ продуктовъ, которые необычайно плодородная почва давала въ колоссальномъ изобиліи. Такимъ образомъ, оживленіе торговли, въ свою очередь, дало мощный толчокъ сельскому хозяйству и промышленности. Кромѣ того, правительство, особенно при Карлѣ III, ревностно стремилось наверстать упущенное, благодаря вѣковому застою. Снаряжались научныя экспедиціи для точной съемки не однихъ береговъ, но и всей поверхности странъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, задача ихъ заключалась въ подробномъ изслѣдованіи минералогическихъ, ботаническихъ и зоологическихъ особенностей Новаго Свѣта. Такъ составились большія коллекціи колоніальныхъ произведеній въ Мадридѣ, — предшественники нашихъ ботаническихъ садовъ и естественно-историческихъ музеевъ. Эти изслѣдованія обогатили науку продуктами, которые нынѣ являются необходимыми. Такъ, мы обязаны имъ хининомъ, добываніе котораго внесло промышленное оживленіе вглубь странъ, не представлявшихъ прежде никакого интереса для европейскаго поселенца. Какое глубокое дѣйствіе эти предметы оказали на все человѣчество, какіе незабвенные факты они раскрыли для науки, это достаточно характеризуется однимъ именемъ: по порученію испанскаго правительства, предпринялъ свои многолѣтнія путешествія въ центральную и южную Америку Александръ фонъ-Гумбольдтъ. Научная разработка результатовъ этихъ путешествій составляетъ новую эпоху въ исторіи географіи и естествознанія. Путь, на который вступили тогда эти науки, не оставляется ими и до нашего времени.

Это была самая свѣтлая страница испанской колоніальной политики. Только въ сферѣ управленія она все еще продолжала коснѣть въ идеяхъ прошлаго и не могла отрѣшиться отъ устарѣлой системы. Это тѣмъ болѣе отражалось на ней, что и въ Старомъ Свѣтѣ вторая половина XVIII вѣка характеризуется невѣроятнымъ духовнымъ переворотомъ, связаннымъ съ быстрымъ ходомъ развитія. Благодаря этому прогрессу, пропасть между положеніемъ вещей въ колоніяхъ и требованіями духа времени со дня на день все болѣе и болѣе увеличивалась. Вскорѣ выяснилось, что заполнить эту пропасть, перейти черезъ нее нормальнымъ путемъ уже поздно. Вѣроятно, такой нормальный ходъ развитія былъ бы немыслимъ и въ томъ случаѣ, если бы не вмѣшалась политическая катастрофа, которая насильственно порвала національную связь метрополіи съ колоніями, къ несчастію обѣихъ сторонъ, и, такимъ образомъ, не прекратила взаимодѣйствія между ними.

6. Англійскія колоніальныя владѣнія.

А. Изслѣдованіе сѣвернаго материка.

Сѣверо-американскій материкъ и особенно восточныя побережья его являются въ теченіи XVI вѣка ареною, на которой подвигаются всѣ націи съ цѣлью открытій. Потребовались, однако, усилія цѣлаго ряда поколѣній, прежде чѣмъ одной изъ соперничавшихъ державъ удалось основать здѣсь прочныя поселенія. Причина заключалась въ томъ, что побережье мало привлекало съ внѣшней стороны. Правда, оно отличалось

пріятнымъ климатомъ, зелеными лугами, громадными лѣсами, но въ то же время сильные и воинственные туземцы давали серьезный отпоръ высаживавшимся пришельцамъ, а простота нравовъ и скудость обстановки ихъ не обѣщали легко добываемыхъ сокровищъ въ этихъ странахъ. Поэтому различныя экспедиціи удовлетворялись чисто платоническимъ занятіемъ страны именемъ того или другого монарха. Ни Испанія, ни Португалія не усматривали серьезной необходимости въ томъ, чтобы протестовать противъ обозначенія на картахъ, въ теченіе десятковъ лѣтъ, земель, расположенныхъ въ сферахъ ихъ открытій, англійскими или французскими территоріями.

Первыми европейцами, вступившими на почву Сѣверной Америки, были викинги, прибитые моремъ къ берегу ея, около 1000 года, во время плаванія, съ Лейфомъ Эриксономъ и Торфинномъ Карлсэфне, изъ Исландіи въ Гренландію. Но воспоминанія о кратковременныхъ поселеніяхъ ихъ въ Винландѣ, Маркландѣ и Гуитраманаландѣ давнымъ давно исчезли изъ памяти людей къ тому времени, какъ подвигъ Колумба открылъ Новый Свѣтъ. Только повторныя попытки самого Колумба, за много лѣтъ до осуществленія его надеждъ, заинтересовать въ пользу своего проекта различные европейскіе дворы, заставили ихъ обратить серьезное вниманіе на его успѣхи и, нѣсколькими годами позже, принять участіе въ изслѣдованіи Новаго Свѣта.

Пальма первенства въ числѣ первыхъ, проникшихъ на сѣверо-американскій материкъ, принадлежитъ Джіованни Габотто или, какъ онъ назывался въ Англіи, Джону Каботу. Король Генрихъ VII далъ ему, въ 1497 году, категорическое порученіе, по примѣру Колумба, открыть западный путь къ сокровищамъ Индіи, а если онъ встрѣтитъ новыя земли, то присоединить ихъ къ владѣніямъ Англіи. Во исполненіе этого полномочія, Джонъ Каботъ, въ 1497 и 1498 годахъ, два раза переплывалъ между Англіей и Сѣверной Америкой океанъ, какъ извѣстно, болѣе узкій въ этихъ широтахъ. Въ первый разъ онъ высадился на Лабрадорскомъ берегу и прослѣдилъ его въ сѣверномъ направленіи; второе плаваніе привело его къ нѣсколько болѣе южному пункту американскаго берега. Отсюда онъ бѣгло объѣхалъ въ южномъ направленіи, по всей вѣроятности, все побережье нынѣшнихъ Соединенныхъ Штатовъ до широты Флориды.

Но затѣмъ англичане почти цѣлое столѣтіе обращали весьма мало вниманія на страну, въ которой ихъ расѣ суждено было играть столь великую роль; лишь случайно тотъ или другой англійскій корабль направлялся къ отмелямъ Ньюфаундлэнда съ ихъ неисчерпаемыми рыбными богатствами. Извѣстіе объ экспедиціи Кабота открыло португальцамъ, что, подобно Бразиліи на югѣ, есть и на сѣверѣ неизвѣстныя территоріи, которыя должны были принадлежать имъ въ силу разграниченія сферъ открытія. Во всякомъ случаѣ, это послужило поводомъ къ отправленію братьевъ Гаспара и Мигэля Кортереаль. Король Мануэль предоставилъ имъ привилегію на исключительное владѣніе и право торговли въ странахъ, которыя они откроютъ къ сѣверу отъ испанской колоніальной сферы и по сю сторону условленной демаркаціонной линіи. Эти права оставались и признавались за ними и ихъ наслѣдниками, по меньшей мѣрѣ, до 1579 года, хотя португальцы точно также не дѣлали серьезныхъ попытокъ къ заселенію открытыхъ областей. Въ первое свое плаваніе въ 1500 году Гаспаръ Кортереаль открылъ островъ Ньюфаундлэндъ, съ его величественными лѣсами и обиліемъ рыбы въ прилегающихъ водахъ. На слѣдующій годъ онъ пустился во второе плаваніе, также увлекаемый призракомъ сѣверо-западнаго пути къ сокровищамъ Индіи, вдоль Лабрадорскаго берега на сѣверъ. Нужно полагать, что онъ и спутники его сдѣлались, въ Гудзоновомъ проливѣ, первыми жертвами арктическихъ льдовъ. Послѣ того португальцы еще долгое время предпринимали случайныя поѣздки къ отмелямъ Ньюфаунд-

лэнда. Одна изъ первыхъ поѣздокъ этого рода, предпринятая съ цѣлью отысканія экспедиціи Кортереаля, съ братомъ его Мигэлемъ во главѣ, была второй жертвою ледяныхъ пустынь сѣвера. Съ тѣхъ поръ плаванія все болѣе и болѣе ограничивались ловлею рыбы, которою изобиловали тамошнія моря. И только случайно португальскіе моряки расширяли область новооткрываемыхъ земель въ Сѣверной Америкѣ. Такъ, Іоаннъ Альваресъ Фагуэндесъ объѣхалъ въ 1521 году полуостровъ Новую Шотландію и заливъ Св. Лаврентія.

Особенно ревностно слѣдовали этому примѣру французы. Судовладѣльцы Діеппа и Гонфлёра, по меньшей мѣрѣ, съ 1508 года, дѣятельно участвовали въ рыбной ловлѣ на отмеляхъ Ньюфаундлэнда. Эти рыболовныя экспедиціи, безъ сомнѣнія, сопровождались временными посѣщеніями близлежащихъ побережій, гдѣ запасались водою и съѣстными припасами, чинили суда и, главнымъ образомъ, сушили и коптили рыбу для перевозки. Отъ подобныхъ стоянокъ Бретонскій мысъ до сихъ поръ сохранилъ свое названіе, а имена Тіерра, Багія, Ріо де Бретонесъ часто повторяются на старыхъ картахъ Канады. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ XVI вѣка, эти заатлантическія страны обратили на себя вниманіе и французскаго правительства, по порученію котораго Джіованни да Верацсано произвелъ въ 1524 году подробное изслѣдованіе восточнаго побережья Сѣверной Америки, на протяженіи отъ Флориды почти до нынѣшней сѣверной границы Соединенныхъ Штатовъ. Быть можетъ, дѣло не ограничилось бы этимъ путешествіемъ, если бы не энергическіе протесты португальцевъ, даже дипломатическимъ путемъ.

Несравненно больше сдѣлали и для изслѣдованія Сѣверной Америки испанцы, хотя ихъ дѣятельность ограничивалась, главнымъ образомъ, болѣе южными областями. Охота на рабовъ между Лукайскими островами уже давно ознакомила испанцевъ съ южной оконечностю Флориды. Но эта область казалась такъ мало заманчивою, что въ теченіе многихъ лѣтъ они даже не давали себѣ труда изслѣдовать — принадлежитъ ли мысъ острову или материку. Только въ 1512 году Хуанъ Понсе де Леонъ, губернаторъ Пуэрторико, предпринялъ поѣздку съ тремя кораблями, съ цѣлью провѣрить баснословные разсказы, циркулировавшіе относительно страны на сѣверѣ. Въ день св. Троицы, Pascua Florida, онъ достигъ неизвѣстнаго побережья, которому далъ названіе Флориды. Отсюда Понсе плылъ вдоль восточнаго берега дальше, до широты будущаго Санъ-Агустина. Но плоскій берегъ тянулся съ безконечнымъ однообразіемъ и онъ повернулъ обратно, обогнулъ южную оконечность мнимаго острова и шелъ, также на большемъ протяженіи, вдоль западнаго берега. Наконецъ, не видя нигдѣ ни проливовъ, ни богатыхъ странъ и всюду сталкиваясь лишь съ враждебными индѣйцами, онъ вернулся въ Пуэрторико. Прошли годы, прежде чѣмъ онъ рѣшился на вторичную попытку изслѣдованія открытыхъ имъ странъ. Его побудило къ тому желаніе устранить соперничество со стороны другихъ мореплавателей, которые также заходили въ страны, причисленныя имъ къ области своихъ открытій. Такъ, когда Франсиско Фернандесъ де Кордова совершилъ свое плаваніе для обслѣдованія береговъ Юкатана и Мексики, вверхъ до Пануко, онъ взялъ, на обратномъ пути, слишкомъ точный восточный курсъ и присталъ къ западному берегу Флориды въ такомъ мѣстѣ, которое съ положительностью трудно опредѣлить. Это открытіе показалось настолько интереснымъ, что Франсиско де Гарай поручилъ своему лоцману, на котораго первоначально было возложено доставленіе извѣстнаго числа колонистовъ въ занятую имъ область Пануко, обратить нѣсколько больше вниманія на сѣверное побережье Мексиканскаго залива. При этомъ Пинеда не только убѣдился въ томъ, что отъ Пануко до полуострова Флориды берегъ не прерывается, но открылъ и устье Миссисипи. Однако, отсюда онъ не заключилъ, — какъ нѣкогда сдѣлалъ Колумбъ относительно Ори-

токо, — что масса водъ въ этой рѣкѣ должна свидѣтельствовать о громадныхъ размѣрахъ орошаемыхъ ею пространствъ.

Понсе де Леонъ усмотрѣлъ въ этихъ предпріятіяхъ посягательства на его собственныя открытія. Поэтому онъ обратился въ Испанію и, по установленному порядку, добивался привилегіи на открытую имъ страну, обязуясь, съ своей стороны, фактически занять ее и колонизировать. Въ 1521 году онъ снова пустился въ путь, взявъ съ собою 600 колонистовъ, скотъ и припасы. Но попытки его утвердиться на западномъ побережьи Флориды терпѣли неудачу за неудачей, пока, наконецъ, смертельно раненый непріятельскими стрѣлами, онъ не былъ вынужденъ повернуть назадъ. Большая часть спутниковъ его погибла еще на пути, а самъ онъ успѣлъ добраться лишь до Кубы, гдѣ и скончался.

Однако, именно враждебное отношеніе индѣйцевъ заставляло обратить вниманіе на Флориду. Индѣйцы острововъ частью были умиротворены, частью же ускользали отъ испанцевъ. Чтобы находить невольниковъ для работы, приходилось отправляться все дальше и дальше. Случилось такъ, что два корабля, нагруженные рабами и принадлежавшіе лиценціатамъ Матіенсо и Айлону, встрѣтились въ водахъ сѣверныхъ Лукайскихъ острововъ и рѣшили сообща напасть на воинственныхъ индѣйцевъ Флориды. Помимо кое-какой добычи, они привезли въ Санъ-Доминго очень благопріятныя вѣсти о странѣ. Лиценціатъ Люка съ Васкесъ де Айлонъ рѣшился, поэтому, продолжать изслѣдованіе и, если окажется возможнымъ, попытаться колонизировать страну. Ему не трудно было получить отъ Двора привилегію на земли, лишившіяся владѣльца со смертью Понсе. Послѣ многолѣтнихъ приготовленій, во время которыхъ моряки Айлона изучили атлантическое побережье вплоть до Сенти Ривера, онъ отплылъ въ 1526 году изъ Эспаньолы въ свои владѣнія на трехъ корабляхъ съ 600 колонистовъ. Счастье, однако, не улыбалось и ему. И море, и берегъ оказались одинаково враждебны ему: самый большой изъ кораблей его потерпѣлъ крушеніе. Попытки его къ высадкѣ у Ріо Хорданъ или Санъ Матео встрѣтили столь энергическій отпоръ со стороны индѣйцевъ, что ему никакъ не удалось утвердиться дальше выстрѣла своихъ аркебузъ. Къ тому же колонисты неимовѣрно страдали въ болотистыхъ мѣстностяхъ побережья. Наконецъ, и самъ Айлонъ погибъ отъ лихорадки, послѣ чего остатки экипажа его укрылись на корабляхъ и вернулись на Эспаньолу.

Съ тѣхъ поръ колонизація атлантическаго побережья была отложена на многіе годы. Но, съ другой стороны, ареною дальнѣйшихъ открытій сдѣлался берегъ Флориды (такъ называли испанцы всю извѣстную имъ часть сѣвернаго материка) со стороны залива, — и это обстоятельство имѣло чрезвычайно важное значеніе для изслѣдованія Сѣверной Америки. Уже въ 1528 году Панфило де Нарваесъ, извѣстный противникъ Кортеса (ср. стр. 367), будучи губернаторомъ Флоридскаго берега Мексиканскаго залива, прошелъ моремъ отъ Кубы до Аппалачской бухты и изслѣдовалъ одновременно съ моря и съ суши обѣщанную ему область къ западу. Вскорѣ, однако, сухопутное войско и флотъ потеряли другъ друга изъ виду. Флотъ, напрасно прождавъ нѣсколько мѣсяцевъ Нарваеса и его спутниковъ вблизи Миссисипи, отплылъ обратно на Кубу. Когда Нарваесъ, выбившись изъ силъ, вернулся, наконецъ, къ берегу, ему не оставалось ничего другого, какъ построить кое-какія суда и, съ помощью ихъ, выбраться изъ негостепріимныхъ пустынь въ предѣлы цивилизаціи. Онъ полагалъ, что находится ближе къ Пануко, чѣмъ къ испанскимъ островамъ, и поэтому направилъ свои суда на западъ, но въ дельтѣ Миссисипи почти вся экспедиція погибла. Лишь немногіе уцѣлѣли и могли продолжать свой путь къ западу по сушѣ. Наконецъ, благодаря только особенно счастливой случайности, они добрались до испанскихъ поселеній въ Новой Мексикѣ. Мы уже говорили, какъ преувеличенные разсказы ихъ дали новый тол-

чокъ къ розыскамъ сказочныхъ городовъ Тусаяйана и Кивиры (ср. выше, стр. 371).

Несравненно болѣе обширная территорія внутри Сѣверной Америки была открыта благодаря авантюристскому походу Эрнандо де Сото. Этотъ походъ носитъ почти легендарный характеръ: несмотря на безпрерывныя неудачи, находились все новые охотники, и притомъ въ значительномъ числѣ, которые пускались въ неизвѣстныя мѣста съ такимъ легкимъ сердцемъ, какъ будто рѣчь шла объ увеселительной прогулкѣ. Личность де Сото, принадлежавшаго къ самымъ богатымъ конкистадорамъ въ Перу, производила столь сильное обаяніе, что, при самомъ строгомъ подборѣ спутниковъ, онъ могъ вывести изъ Севильи отрядъ въ 1000 человѣкъ. Завершивъ на Кубѣ свое снаряженіе, онъ отплылъ къ бухтѣ Тампа на западномъ берегу Флориды, гдѣ его ожидало необычное счастье: онъ встрѣтилъ дружественный пріемъ индѣйцевъ и могъ спокойно заняться приготовленіями къ путешествію внутрь страны. Правда, не долго длилось такое расположеніе туземцевъ къ испанцамъ. Какъ только послѣдніе двинулись въ сѣверномъ направленіи, имъ пришлось имѣть дѣло съ индѣйцами, которые со временъ Нарваеса поклялись бороться съ европейцами на жизнь и смерть. Три года блуждали, такимъ образомъ, испанцы и, за немногими исключеніями, только въ тѣхъ случаяхъ пріобрѣтали дружбу дикарей, когда вступали въ союзъ съ однимъ племенемъ и оказывали ему помощь въ борьбѣ съ сосѣдями. Послѣ безконечныхъ и необычайныхъ приключеній, схватокъ и лишеній, отъ блестящаго отряда де Сото осталась жалкая кучка въ какихъ-нибудь 300 авантюристовъ, полуодѣтыхъ и до крайности изнуренныхъ.

Однако, не въ этихъ внѣшнихъ событіяхъ заключается историческое значеніе описаннаго похода. Для потомства имѣетъ наибольшій интересъ географическая и этнографическая сцена подвиговъ де Сото, которая можетъ быть очерчена, по крайней мѣрѣ, приблизительно на основаніи дошедшихъ до насъ отчетовъ. Сперва испанцы двигались, въ опредѣленномъ разстояніи отъ болотистаго побережья, къ сѣверу, пока не достигли оконечности Аппалачскаго залива. Отсюда они уже стали удаляться отъ моря, углубляясь въ страну въ сѣверномъ и сѣверо-восточномъ направленіяхъ чрезъ всю Георгію и южную Каролину до самыхъ истоковъ Альтагамы и Саванны. Они не рѣшались, однако, ни здѣсь, ни далѣе къ югу, перейти чрезъ покрытыя густымъ лѣсомъ Аллеганскія горы: настолько страшною казалась имъ эта лѣсная пустыня; ихъ не манило и на сѣверъ, и они предпочли западное и юго-западное направленіе. Проходя чрезъ нынѣшнюю Элэбему, они достигли рѣки того же названія и въ Пенсакольскомъ заливѣ возстановили временное сообщеніе съ моремъ и флотомъ, который доставлялъ имъ новые припасы. Долгія и безуспѣшныя блужданія все таки не могли удержать де Сото отъ дальнѣйшаго похода. Отдохнувъ продолжительное время въ Мобилѣ (въ то время этотъ пунктъ находился значительно выше современнаго намъ города того же имени), онъ снова двинулся вглубь пустынь и, наконецъ, недалеко отъ нынѣшняго Мемфиса, дошелъ до Миссисипи. Переходъ черезъ „отца рѣкъ“ снова надолго задержалъ его. Но, въ концѣ концовъ, переправа могла быть совершена при содѣйствіи индѣйцевъ и при помощи нѣсколькихъ шлюпокъ, сооруженныхъ собственными силами. Отсюда де Сото продолжалъ путь чрезъ Арканзасъ и южный Миссури до верхняго теченія Бѣлой рѣки. Идя къ сѣверо-западу и достигнувъ мѣстъ, отъ которыхъ плодородіе страны и густота населенія стали уменьшаться, де Сото снова измѣнилъ направленіе и двинулся на югъ и западъ чрезъ Вашиту къ Красной рѣкѣ. Здѣсь, впрочемъ, ему пришлось убѣдиться, что въ лѣсахъ и преріяхъ не скрываются сокровища и не попадаются культурныя царства. Разочарованный въ своихъ надеждахъ, онъ рѣшился

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Arx Carolina, древнѣйшее укрѣпленіе Чарльстона въ Южной Каролинѣ, построенное между рѣками Эшлей и Куперъ.

(Изъ „America“ Даппера, Амстердамъ, 1673.)

вернуться къ Миссисипи и снова достигъ этой рѣки выше устья Красной рѣки. Здѣсь, спустя почти ровно три года послѣ отплытія изъ Кубы, онъ погибъ отъ лихорадки и меланхоліи, въ которую впалъ вслѣдствіе неудачи своихъ плановъ. Спутники де Сото думали, что находятся близко къ границамъ Новой Мексики, и поэтому еще разъ попытались добраться туда сухимъ путемъ. Но недостатокъ съѣстныхъ припасовъ въ западныхъ областяхъ заставилъ ихъ въ третій разъ вернуться къ Миссисипи. Въ концѣ концовъ, они должны были считать себя счастливыми, что выбрались на своихъ плохихъ самодѣльныхъ судахъ по теченію рѣки въ открытое море, прежде чѣмъ силы ихъ истощились настолько, что уже не могло быть и рѣчи о борьбѣ съ враждебными индѣйцами. Однако, имъ предстояло еще продолжительное плаваніе вдоль берега Мексиканскаго залива, прежде чѣмъ они достигли перваго христіанскаго поселенія въ Пануко и здѣсь могли, наконецъ, оправиться отъ безконечныхъ лишеній и переходовъ. Изъ 1000 спутниковъ де Сото только 311 достигли цѣли своихъ усилій. Но цѣною этихъ жертвъ было такъ мало достигнуто для дѣла колонизаціи, что испанское правительство въ скоромъ времени воспретило новыя экспедиціи въ эту враждебную страну.

B. Французскія попытки колонизаціи.

Если Флорида такъ сильно разочаровала испанцевъ, то у другихъ націй она пользовалась далеко не такою дурною славою. Религіозныя распри во Франціи послужили уже однажды поводомъ къ исканію за океаномъ страны мира и терпимости: мы говоримъ объ основаніи Виллегеньономъ колоніи въ Ріо де Жанейро (ср. выше, стр. 390). Но въ то время имѣлось въ виду лишь создать убѣжище для обоихъ исповѣданій. Вторая попытка этого рода, предпринятая Рибо и Лодоньеромъ въ 1562—65 годахъ, имѣла цѣлью устроить на берегу Флориды колонію, если не исключительно, то, главнымъ образомъ, для протестантской общины, которая терпѣла на родинѣ все бо̀льшія и бо̀льшія гоненія и притѣсненія. Въ началѣ не представлялось ни малѣйшихъ затрудненій къ отысканію на заброшенномъ восточномъ побережьи Флориды мѣста, удобнаго для высадки экипажа и склада припасовъ. Вожаки выбрали для этой цѣли бухту Чарльстона, которую они называли Майской рѣкою, а испанцы Ріо Санъ Матео. Самая колонія, надъ которою возвышался укрѣпленный холмъ, была названа въ честь французскаго монарха Arx Carolina (см. таблицу „Arx Carolina“). Если бы поселенцы удовлетворились тѣмъ, что обрѣли, наконецъ, на дальнемъ побережьи миръ и терпимость и отдались бы обработкѣ земли и мирному труду, то, по всей вѣроятности, они могли бы прочно утвердиться тамъ и основать колоніальное государство, какъ это сдѣлали впослѣдствіи англичане въ этомъ и въ другихъ мѣстахъ того же побережья. Но дѣло въ томъ, что и въ этой колоніи работники составляли наименьшую часть, а большинство предпочитало болѣе легкій способъ обогащенія: на поспѣшно построенныхъ легкихъ судахъ они пускались въ Антильское море и тамъ, какъ морскіе пираты, нападали на всякаго, съ кѣмъ надѣялись справиться.

Подобный образъ дѣйствій навлекъ на нихъ месть испанцевъ. Филиппу II трудно было примириться съ мыслью, что чуждая нація, и притомъ наслѣдственно враждебная Испаніи, осмѣлилась укрѣпиться у самыхъ границъ испанскихъ колоніальныхъ владѣній въ сферѣ испанскаго вліянія. Но еще труднѣе для него было освоиться съ тѣмъ, что это были еретики и что они представляли опасность для распространенія католичества, въ чемъ Испанія усматривала свою историческую миссію. Въ виду того, Менендесу де Авилесъ, одному изъ лучшихъ моряковъ, какими располагала въ то время Испанія, дано было порученіе во чтобы то ни стало разрушить чужеземное поселеніе на испанской землѣ. Онъ получилъ

категорическій приказъ принципіально не давать ни малѣйшей пощады еретикамъ. Французы обвиняли испанскихъ предводителей въ безпримѣрной жестокости; но едва ли они были правы, такъ какъ въ своихъ собственныхъ религіозныхъ распряхъ они проявляли не меньше фанатическаго ожесточенія другъ противъ друга, чѣмъ обнаруживалъ по отношенію къ нимъ Менендесъ. Во всякомъ случаѣ, фанатизмъ религіозныхъ войнъ былъ по этому поводу впервые перенесенъ на почву Новаго Свѣта. Еще раньше, чѣмъ Менендесъ сосредоточилъ вновь свои боевыя силы, разсѣянныя бурею во время плаванія чрезъ океанъ, онъ добился важнаго успѣха. Подъ покровомъ ночи ему удалось пробраться между материкомъ и французскимъ флотомъ, стоявшимъ на якорѣ у Санъ Матео, и оттѣснить флотъ отъ берега. Когда онъ затѣмъ произвелъ нападеніе на фортъ Каролину не съ моря, а со стороны суши, для чего ему пришлось сдѣлать трудный обходъ чрезъ лѣса, то онъ, можно сказать, не встрѣтилъ никакого сопротивленія и почти безъ всякихъ потерь съ своей стороны уничтожилъ гарнизонъ. Въ то же время экипажъ французскаго флота потерпѣлъ крушеніе отъ бури и былъ выброшенъ на берегъ въ такомъ жалкомъ состояніи, что всецѣло зависѣлъ отъ милости испанцевъ. Менендесъ поступилъ, конечно, жестоко, не выказавъ ни малѣйшаго сожалѣнія къ этимъ беззащитнымъ людямъ и пощадивъ только тѣхъ изъ нихъ, которые перешли въ лоно католической церкви; но онъ исполнялъ лишь велѣніе короля и нисколько не скрывалъ, что каждый еретикъ, который попадется въ его руки, обреченъ на смерть.

Впрочемъ, дѣятельность Менендеса не ограничивалась однимъ разрушеніемъ. Ему въ тоже время было поручено колонизировать Флориду для испанцевъ. На томъ мѣстѣ, на которомъ онъ впервые присталъ къ берегу, былъ воздвигнутъ имъ Санъ-Агустинъ, старѣйшій городъ на землѣ Соединенныхъ Штатовъ, который сохранился до нашихъ дней, хотя его неоднократно переносили съ мѣста на мѣсто. Второе поселеніе, устроенное имъ на мѣстѣ Arx Carolina, имѣло менѣе счастливую судьбу: спустя немного лѣтъ, оно было взята приступомъ французскими протестантами подъ предводительствомъ де Гурга, который, желая отомстить за павшихъ земляковъ и единовѣрцевъ, безжалостно истребилъ всѣхъ испанцевъ, очутившихся въ его рукахъ. Но Карлъ IX не одобрилъ этого образа дѣйствій, усмотрѣвъ въ немъ разбойничество, и разъ навсегда категорически отказался отъ Флоридскаго побережья. Послѣ того испанская колонія Санъ Агустинъ, медленно развивавшаяся, въ теченіе долгаго времени отстраняла всякія иноземныя попытки колонизаціи.

Здѣсь, на югѣ, Франція безъ сопротивленія отказалась отъ своихъ притязаній; но еще ранѣе того она приступила къ заселенію крайняго сѣверо-востока сѣверо-американскаго материка. Этотъ планъ она преслѣдовала съ большимъ упорствомъ и даже мечтала покорить отсюда весь материкъ. Еще въ 1535 году Жакъ Картье предпринялъ экспедицію съ цѣлью изслѣдованія береговъ Ньюфаундлэнда и Лабрадора. Хотя эти страны не могли привлекать своими богатствами, но онъ, уже на слѣдующій годъ, вернулся сюда, чтобъ продолжать изслѣдованія. Во время этого второго путешествія, онъ глубже проникъ въ заливъ св. Лаврентія и открылъ громадную рѣку того-же имени, изливающуюся въ этотъ заливъ. Плывя вверхъ по рѣкѣ, Картье достигъ со своими кораблями мѣста нынѣшняго Квебека, а затѣмъ на судахъ меньшаго размѣра проникъ до главнаго города индѣйцевъ Хочелаги, нынѣшняго Монреаля. Бурныя воды потока положили преграду его дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ, и онъ вернулся къ своему флоту. На мѣстѣ стоянки его онъ провелъ тяжелую, полную лишеній зиму и на слѣдующій годъ возвратился во Францію съ первымъ грузомъ канадскихъ мѣховъ. Послѣ того прошло нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ сдѣлана была серьезная попытка колонизировать страну, открытую Картье. Только въ 1541 году Францискъ I далъ съ этой цѣлью полно-

мочіе Робервалю: Картье долженъ былъ сопровождать его въ качествѣ лоцмана, а затѣмъ приступить къ дальнѣйшимъ открытіямъ. Оба они отдѣльно переплыли океанъ и основали вблизи Квебека небольшія поселенія, которыя послужили исходнымъ пунктомъ для изслѣдованія сосѣднихъ областей. Однако, и этимъ колоніямъ не было суждено продолжительное существованіе. Проведя двѣ длинныхъ и полныхъ лишеній зимы въ суровомъ климатѣ Канады, колонисты въ 1543 году отказались отъ дальнѣйшихъ попытокъ основаться здѣсь и были отправлены во Францію.

Прошло много времени прежде, чѣмъ оффиціально были предприняты новые попытки колонизаціи. Но отдѣльныя французскія суда, наряду съ рыбною ловлею на отмеляхъ Ньюфаундлэнда, производили при случаѣ мѣновую торговлю мѣхами на рѣкѣ св. Лаврентія. И эта торговля оказалась настолько прибыльною, что въ первые годы XVII вѣка группа бретонскихъ купцовъ составила съ этою цѣлью товарищество и сумѣла добиться монополіи отъ Генриха IV. Колонія въ Канадѣ получила съ самаго начала своеобразную форму: это было нѣчто среднее между торговымъ обществомъ и коронной колоніей; первые предприниматели, Понграве, Шовенъ и де-Монъ, стремились лишь развить и прочнѣе организовать торговлю мѣхами. Основанное ими поселеніе Тадуссакъ, при сліяніи рѣкъ св. Лаврентія съ Сагенеемъ, представляло собою не болѣе, какъ торговую факторію. Но въ 1603 году, со вступленіемъ въ общество Самюэля де Шамплэна, не только расширились задачи предпріятія, но мало по малу измѣнилось и отношеніе его къ государству въ томъ смыслѣ, что правительство пріобрѣло большее вліяніе и вмѣстѣ съ тѣмъ приняло на себя бо̀льшую долю отвѣтственности. Въ 1612 году, во главѣ канадскихъ предпріятій былъ поставленъ графъ де Суассонъ съ присвоеніемъ ему титула вице-короля; послѣ него это мѣсто занялъ принцъ крови, и колоніальное предпріятіе, такимъ образомъ, все болѣе принимало оффиціальный характеръ. Этому въ замѣчательной степени противорѣчили экономическія условія колоніи. Вплоть до XVIII столѣтія канадскія поселенія французовъ носили вполнѣ характеръ торговыхъ факторій и миссіонерскихъ станцій. Женщины, за исключеніемъ духовныхъ сестеръ, были тамъ такъ же рѣдки, какъ и настоящіе колонисты. Бо̀льшую часть обитателей составляли солдаты, купцы и духовныя лица. Въ отношеніи содержанія ихъ, колоніи еще въ теченіе многихъ лѣтъ оставались въ зависимости отъ привоза изъ Европы и отъ мѣновой торговли съ туземцами. Прокормить себя колоніи Новой Франціи вообще не были въ состояніи, пока не перешли въ руки англичанъ, и, въ связи съ этимъ, во внутренней организаціи ихъ не произошли существенныя измѣненія.

Несмотря на то, характеристической чертой французскаго колоніальнаго управленія являлась потребность въ расширеніи и притомъ въ расширеніи почти до безконечности и, во всякомъ случаѣ, несоразмѣрномъ съ силами колоніи. Отчасти это зависѣло, конечно, отъ экономическаго положенія колоніи: доходы съ мѣховой торговли должны были покрывать расходы, которые безпрерывно росли, несмотря на скромное число колонистовъ. Это было возможно лишь при условіи, чтобы торговая монополія располагала обширной внутренней страной. Здѣсь тѣмъ болѣе требовалось фактическое занятіе страны, что піонеры голландско-англійской колонизаціи все болѣе и болѣе проникали за Аллеганскія горы и начинали выступать въ качествѣ соперниковъ французскихъ охотниковъ и мѣхоторговцевъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ постоянномъ стремленіи къ несоотвѣтственному расширенію эксплуатируемой области игралъ не малую роль цѣлый рядъ совершенно своеобразныхъ авантюристовъ. Попадая случайно въ канадскія предпріятія, они вновь и вновь давали толчекъ къ дальнѣйшему движенію, не смущаясь временными неудачами. Такъ создалось французское колоніальное царство въ провинціяхъ Новой Франціи,

Канадѣ и Луизіанѣ, которое оказалось колоссомъ на глиняныхъ ногахъ, когда отъ него потребовалось доказательство его внутренней силы.

Первымъ въ ряду открывателей, усиленно способствовавшихъ расширенію Новой Франціи, былъ Самюэль де Шамплэнъ. Съ 1603 до 1616 года онъ находился частью на службѣ, частью во главѣ Канадскаго колоніальнаго управленія. Однако, интересы правительства торговой компаніи никогда не въ состояніи были прочно привязать его даже и тамъ, гдѣ съ этимъ были соединены тѣснѣйшимъ образомъ его личные интересы. Его влекло за океанъ и вѣчно манило вновь и вновь въ пустыни запада стремленіе разгадать тайны, которыя скрывались въ дальнихъ лѣсахъ, и обезпечить за Франціей первенство среди прочихъ націй въ дѣлѣ внесенія свѣта въ первобытный лѣсъ.

Уже при первыхъ своихъ предпріятіяхъ онъ убѣдился въ томъ, что для осуществленія его плановъ ему безусловно необходима надежная дружба съ индѣйцами. Туземцы, которые спускались внизъ по рѣкѣ св. Лаврентія въ Квебекъ и Тадуссакъ, чтобы сбывать французамъ свою охотничью добычу, большею частью, принадлежали къ племени гуроновъ и къ нѣкоторымъ племенамъ алгонкиновъ, которые жили въ сосѣдствѣ съ гуронами и были связаны съ ними общей враждою къ ирокезамъ, жившимъ къ востоку и юго-востоку отъ нихъ (см. выше, стр. 211). Такъ какъ въ рукахъ этихъ племенъ находился путь къ неизвѣстному западу, то Шамплэнъ, не колеблясь, вступилъ съ ними въ союзъ и даже не побоялся купить ихъ услуги тѣмъ, что оказалъ имъ поддержку противъ ирокезовъ, смертельныхъ враговъ этихъ племенъ. Первый походъ былъ предпринятъ имъ въ страну, гдѣ озеро Шамплэнъ до сихъ поръ еще напоминаетъ о немъ. Походъ былъ успѣшенъ и чрезвычайно поднялъ уваженіе къ европейцамъ въ глазахъ ихъ дикихъ союзниковъ. Благодаря тому, Шамплэну удалось вполнѣ осуществить свои собственные планы и намѣренія, но при этомъ ни ему, ни кому-либо другому не приходило на умъ, что своими дѣйствіями онъ вызываетъ непримиримую вражду союза ирокезовъ къ своимъ соотечественникамъ. Быть можетъ, это обстоятельство и не получило бы значенія въ виду огромнаго превосходства европейскаго вооруженія надъ индѣйскимъ, но дѣло въ томъ, что нашлась другая европейская держава, враждебная французамъ, которая естественно примкнула къ ирокезамъ и снабжала ихъ средствами къ борьбѣ. Вслѣдствіе того, дикари сдѣлались вскорѣ очень опасными противниками для обширныхъ, но слабо заселенныхъ колоній французовъ. Подъ охраною гуроновъ и ихъ союзниковъ. Шамплэнъ занялся прежде всего изслѣдованіемъ области рѣки св. Лаврентія во всѣхъ направленіяхъ. Озеро Шамплэнъ на юго-востокѣ, средній Сагеней на сѣверѣ и озеро Гуронъ на западѣ, — таковы были предѣлы территоріи, на которую предстояло распространить вліяніе Франціи. Гуронскаго озера Шамплэнъ достигъ черезъ Оттаву и Ниписсингъ, не имѣя первоначально яснаго представленія о великой системѣ сѣверо-американскихъ озеръ.

Шамплэнъ сдѣлалъ еще одинъ важный шагъ, способствовавшій укрѣпленію этого вліянія: онъ вызвалъ въ Канаду миссіонеровъ. Члены торговой компаніи неохотно мирились съ этимъ въ виду возрастанія расходовъ, тѣмъ болѣе, что стремленія миссіонеровъ піучить индѣйцевъ къ осѣдлости прямо вредили торговлѣ мѣхами. Тѣмъ не менѣе, при содѣйствіи французскаго правительства, болѣе возвышенные взгляды Шамплэна одержали полную побѣду надъ узкимъ безсердечіемъ купцовъ. Сперва Шамплэнъ пригласилъ въ колоніи францисканскихъ монаховъ, которые построили въ Квебекѣ первую массивную церковь въ сѣверной Америкѣ. Несмотря на то, что въ торговой компаніи играли большую роль протестанты, относившіеся къ іезуитамъ весьма враждебно, трудно было устранить послѣднихъ изъ канадскихъ колоній, такъ какъ миссіонерская

дѣятельность ихъ была выше всякой похвалы. Съ 1625 года они работали наряду съ францисканцами. Обширная литература, обнародованная братьями ордена о дѣятельности ихъ въ Канадѣ, свидѣтельствуетъ о томъ, сколько сдѣлано ими и здѣсь, на сѣверѣ, для обращенія индѣйцевъ. Политическія событія на родинѣ (послѣ взятія Ларошели, послѣдней твердыни протестантизма, Ришелье добился воспрещенія протестантамъ жить въ колоніяхъ) способствовали тому, что они все болѣе и болѣе становились преобладающимъ элементомъ въ колоніи; это положило на нихъ отпечатокъ, сохранившійся отчасти и до сихъ поръ, несмотря на продолжительное англійско-протестанское господство.

Уже въ эту раннюю эпоху французская Канада однажды едва не перешла въ руки англичанъ. Въ 1621 году сэръ Уильямъ Александръ получилъ отъ Іакова I привилегію на основаніе феодальной колоніи подъ названіемъ Новой Шотландіи; въ предѣлы ея входила большая часть Новой Франціи. И когда религіозная распря повела къ открытой войнѣ между Англіей и Франціей, Александръ сдѣлалъ попытку осуществить это право на дѣлѣ. Корабли его много разъ прорывались вверхъ по теченію рѣки св. Лаврентія, захватывали французскіе корабли и этимъ почти совершенно уничтожали сообщеніе между Квебекомъ и родиною. Въ 1628 году они, однажды, появились передъ самымъ городомъ и потребовали сдачи его, и только твердость Шамплэна побудила ихъ отступить. На слѣдующій годъ, однако, они снова явились, и на этотъ разъ колонисты, истощенные суровой зимою и лишенные всякой поддержки изъ Европы, должны были сдаться. Въ этотъ моментъ Канада была уже въ рукахъ англичанъ. Но такъ какъ еще до паденія Квебека въ Европѣ заключенъ былъ миръ, гарантировавшій договаривающимся сторонамъ территоріальную неприкосновенность, то Квебекъ былъ возвращенъ Франціи, и французская Канада могла процвѣтать еще болѣе столѣтія.

Шамплэнъ вернулся еще разъ въ Квебекъ и успѣлъ кое-что сдѣлать для канадской колоніи до своей смерти въ 1635 году. Англійскія притязанія были болѣе или менѣе устранены, миръ съ гуронами подтвержденъ, и выше по теченію рѣки св. Лаврентія, въ Трехъ Рѣкахъ, основано новое поселеніе. Но сдѣлано было еще нѣчто большее въ его духѣ, хотя вѣсть объ этомъ уже не успѣла дойти до него. Одинъ изъ самыхъ выдающихся учениковъ Шамплэна, Жанъ Николе проникъ старымъ путемъ черезъ Оттаву къ Гуронскому озеру и отсюда по проливу Мэкинау до озера Мичигэнъ, а затѣмъ спустился по западному берегу его. Правда, онъ не ознакомился съ геологическимъ строеніемъ бассейна озеръ и съ настоящимъ составомъ его. Но, вступая въ союзы съ индѣйцами вплоть до Фоксъ Ривера, онъ проложилъ путь, который впослѣдствіи пріобрѣлъ важное значеніе.

Послѣдующіе годы оказались неблагопріятными для Канады. Хотя въ 1643 году въ Монреалѣ было основано третье французское поселеніе, но, подобно старѣйшимъ колоніямъ, оно чрезвычайно страдало отъ враждебныхъ ирокезовъ, благодаря которымъ опасно было выходить за предѣлы городскихъ стѣнъ. Послѣдствія политики Шамплэна въ отношеніи индѣйцевъ давали себя чувствовать самымъ роковымъ образомъ. Ирокезы, быть можетъ, готовы были заключить миръ съ французами, но подъ условіемъ, чтобы тѣ пожертвовали имъ гуронами. Этого, однако, они не могли сдѣлать уже въ интересахъ собственнаго существованія. Хотя имъ и не удалось спасти гуроновъ отъ истребленія, но все таки, отклонивъ отъ себя помощь ирокезовъ, они сохранили дружбу гуроновъ и сосѣдей ихъ. Вначалѣ перевѣсъ былъ безспорно на сторонѣ ирокезовъ. Послѣ продолжительныхъ битвъ, сопровождавшихся большими потерями, гуроны, а вмѣстѣ съ ними и нѣкоторые изъ сосѣднихъ алгонкиновъ, должны были покинуть насиженныя мѣста на рѣкѣ св. Лаврентія и на Онтаріо и направиться на

дальній западъ. Послѣ нѣкоторыхъ странствованій, они осѣли, наконецъ, въ области между Миссисипи и Верхнимъ озеромъ. Для французскихъ торговцевъ мѣхами это было равносильно необходимости двигаться далѣе на западъ. Выселеніе гуроновъ непосредственно способствовало открытіямъ въ этомъ направленіи; въ то же время оно не принесло ожидаемыхъ вредныхъ послѣдствій для колоній на рѣкѣ св. Лаврентія. Удовлетворивъ чувство мести, ирокезы заключили миръ съ бѣлыми, правда, ненадежный. Они даже допустили къ себѣ французскихъ іезуитовъ-миссіонеровъ. Изслѣдованія, произведенныя послѣдними, выяснили необычайныя выгоды географическаго положенія страны ирокезовъ на возвышенности, отъ которой брали начало воды, текущія къ востоку непосредственно въ океанъ, къ сѣверу въ рѣку св. Лаврентія и къ западу къ неизвѣстнымъ большимъ водамъ запада. Это облегчило впослѣдствіи занятіе области Миссисипи французами.

Въ цѣломъ, однако, Канада влачила грустное существованіе до тѣхъ поръ, пока Кольберъ не вмѣшался въ колоніальныя дѣла со свойственной ему энергіей. Онъ уничтожилъ основанную Ришелье „Компанію Ста“, которая до того времени монополизировала торговлю въ Канадѣ, но лишь съ цѣлью передать ее въ руки крупнаго Французско вестъ-индскаго общества, дѣятельность котораго дѣйствительно внесла новую жизнь въ канадскія предпріятія. Въ короткое время область озеръ была изслѣдована во всѣхъ направленіяхъ, и французское вліяніе упрочено, благодаря миссіямъ и торговымъ станціямъ; важнѣйшія изъ нихъ находились у водопада Сентъ-Мари между озеромъ Верхнимъ и Гурономъ, у Мэкинау между Гурономъ и Мичигэномъ и, наконецъ, самая молодая стоянка у Ніагарскаго водопада.

До этого момента французскіе изслѣдователи также поддерживались надеждой открыть водный путь на западъ отъ озеръ къ Катайскому морю. Но когда взамѣнъ того на западѣ открывались все новыя обширныя страны и попадались воды, которыя текли на востокъ, то стали внимательнѣе прислушиваться къ разсказамъ индѣйцевъ о великой рѣкѣ на западѣ; въ 1670 году европейцы впервые узнали ея названіе „Миссисипи“. Изслѣдованіе этихъ водъ явилось ближайшей задачей для любознательныхъ французскихъ путешественниковъ. Съ разрѣшеніемъ этой задачи, Франція достигла кульминаціоннаго пункта своего колоніальнаго владычества. Первыми европейцами, которые проникли съ сѣвера до Миссисипи, были Жолье и Маркеттъ. Первый изъ нихъ былъ командированъ по распоряженію Кольбера новымъ канадскимъ губернаторомъ Фронтенакомъ въ 1673 году для изслѣдованія таинственныхъ „Западныхъ водъ“. Къ нему добровольно примкнулъ Маркеттъ, который во то время жилъ въ Мэкинау въ качествѣ миссіонера. Отсюда оба они двинулись уже извѣстнымъ путемъ черезъ Зеленую бухту вверхъ по рѣкѣ Фоксъ. Индѣйскіе проводники привели ихъ здѣсь къ мѣсту, гдѣ, протащивъ лодки на протяженіи не болѣе двухъ англійскихъ миль по сухому пути, они очутились въ притокѣ Висконсина. Съ этой минуты оставалось лишь отдаться теченію, чтобы, спустя нѣсколько недѣль, достигнуть самой Миссисипи. Въ устьѣ Огайо они узнали водный путь, который смутно указывали ирокезы. Когда французы достигли мощнаго притока Миссури, задача, которую они преслѣдовали, была рѣшена. Рѣка подобнаго размѣра позволяла предполагать существованіе обширныхъ массъ суши и громаднаго водораздѣла на западѣ и на сѣверо-западѣ; а самая большая рѣка, имѣвшая по преимуществу южное направленіе, могла вести только къ Мексиканскому заливу. Они прослѣдили ее до устья Арканзаса. Такъ какъ и дальше они находили подтвержденіе своихъ предположеній, то предпочли не подвергать свое открытіе опасности вслѣдствіе возможныхъ враждебныхъ отношеній со стороны испанцевъ. Они двинулись, поэтому, обратно черезъ Иллинойсъ и Де-Пленъ въ направленіи къ Чикаго.

Въ самой Франціи лишь мало по малу выяснились громадныя перспективы для французскихъ колоніальныхъ владѣній, вытекавшія изъ открытія Жолье. Но въ Канадѣ не было недостатка въ дальновидныхъ людяхъ, которые готовы были тотчасъ же продолжать дѣло. Къ нимъ принадлежалъ губернаторъ Фронтенакъ. При его посредствѣ, Рене Роберъ Кавелье, сьёръ Де-Ла-Саль, одинъ изъ мелкихъ феодальныхъ владѣльцевъ, какихъ было много въ Монреалѣ, получилъ въ 1678 году королевскій патентъ, который давалъ ему привилегію на торговлю въ Иллинойсѣ и основаніе тамъ факторій. Такимъ образомъ, Ла-Саль сталъ піонеромъ запада и открылъ Луизіану, съ обладаніемъ которою онъ справедливо связывалъ самыя широкія надежды для будущности французской торговли и французской колонизаціи. Лично онъ, впрочемъ, немного выигралъ отъ этого. Минуя озера, онъ направился къ рѣкѣ Сенъ-Джонъ и оттуда къ Иллинойсу, гдѣ построилъ фортъ Кревкёръ, какъ точку опоры для дальнѣйшихъ предпріятій. Судьба преслѣдовала его, однако, на каждомъ шагу. Корабли его погибли; когда самъ онъ отправился въ Канаду, чтобы получить подкрѣпленіе, гарнизонъ сдалъ фортъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ вернулся сюда съ новой экспедиціей, но засталъ всю страну опустошенною. Враждебные ирокезы, подстрекаемые изъ Новой Англіи, преслѣдовали французовъ до самой пустыни. Ла-Саль не падалъ, однако, духомъ. Вмѣстѣ со своими спутниками онъ добрался до устьевъ Миссисипи и именемъ Людовика XIV овладѣлъ страною, которой далъ названіе Луизіаны. Вначалѣ, конечно, это занятіе страны было лишь пустымъ звукомъ: ее предстояло еще заселить, а пока не было ни колонистовъ, ни припасовъ, и Ла-Саль вернулся еще разъ черезъ Иллинойсъ. Для того, чтобы обезпечить себѣ господствующій пунктъ, онъ соорудилъ фортъ Луи на Starved Rock. Дальнѣйшей задачей его было обезпечить себя отъ нападеній испанцевъ со стороны Мексиканскаго залива сооруженіемъ форта въ устьяхъ Миссисипи, подобно тому, какъ фортъ Луи долженъ былъ защищать отъ нападенія англичанъ со стороны территоріи ирокезовъ. Успѣхи Ла-Саля возбудили интересъ въ самой Франціи. Снаряжены были четыре корабля, которые должны были доставить его съ колонистами моремъ къ устью „Отца рѣкъ“; къ сожалѣнію, онъ самъ не въ состояніи былъ отыскать это устье со стороны моря. Проплывъ напрасно слишкомъ далеко къ западу, онъ высадился въ Техасѣ въ устьѣ Колорадо, принявъ эту рѣку за рукавъ Миссисипи. Когда онъ понялъ свою ошибку, то корабли были уже далеко. Онъ сдѣлалъ, однако, попытку добраться до Миссисипи сухимъ путемъ, но былъ убитъ собственными людьми. Колонисты на Колорадо также погибли частью отъ климатическихъ условій, частью отъ руки туземцевъ. Когда Рафаэль де Тонти, вѣрнѣйшій приверженецъ Ла-Саля, проникъ въ 1687 году изъ Иллинойса до низовьевъ Миссисипи, чтобы оказать помощь своему господину, онъ впервые узналъ о полномъ крушеніи предпріятія послѣдняго,

Тѣмъ не менѣе, подвигъ Ла-Саля имѣлъ рѣшающее значеніе для будущности Луизіаны. По пути, указанному Жолье и Ла-Салемъ, двинулись въ обширную и плодородную область запада миссіонеры и торговцы мѣхами, охотники и авантюристы. На Иллинойсѣ, Каскаскіи, Арканзасѣ и пр. стали возникать небольшія поселенія. Правда, французы, какъ первоначально въ Канадѣ, не пускали здѣсь корней въ качествѣ настоящихъ колонистовъ и землевладѣльцевъ. Но, благодаря свойственному имъ умѣнію приспособляться къ нравамъ туземцевъ, они пріобрѣли рѣшающее вліяніе на послѣднихъ и сумѣли, въ борьбѣ, которая очевидно подготовлялась между колоніями французской Канады и атлантической Англіи, привлечь ихъ на сторону политическихъ интересовъ Франціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, при ихъ содѣйствіи, все болѣе и болѣе распространялись свѣдѣнія о необычайномъ богатствѣ страны. И если принять во вниманіе послѣду-

ющее развитіе ея, то мы, по крайней мѣрѣ, отчасти поймемъ ту сенсацію, которая была связана, хотя и недолго, съ именемъ Луизіаны.

Въ 1699 году Лемуанъ д'Ибервилль отплылъ изъ Франціи въ Мексиканскій заливъ съ цѣлью осуществленія проекта, за которымъ смерть застала Ла-Саля. Онъ былъ счастливѣе его. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ попытокъ и развѣдокъ, онъ основалъ поселеніе Розалію, первый французскій городъ въ устьяхъ Миссисипи. Въ теченіе многихъ лѣтъ она была лишь точкою опоры для мѣховыхъ торговцевъ, искателей приключеній и лѣсныхъ бродягъ; тѣмъ не менѣе, даже случайныхъ успѣховъ ихъ было достаточно, чтобы вновь и вновь возбуждать вниманіе во Франціи. Въ теченіе недолгаго времени купецъ Кроза арендовалъ у правительства монополію торговли въ Луизіанѣ. Затѣмъ она перешла въ руки Индѣйской компаніи, во главѣ которой стоялъ Джонъ Лоу. Въ рукахъ этого финансиста, который былъ одно время всемогущимъ при дворѣ регента, Луизіана стала предметомъ необузданной спекуляціи, окончившейся, какъ и слѣдовало ожидать, величайшимъ крахомъ, о какомъ только знаетъ всемірная исторія. Въ дѣйствительности, въ то время не мало дѣлалось для Луизіаны. Прежде всего туда было отправлено много колонистовъ, хотя, правда, большинство ихъ представляло довольно сомнительный элементъ. Этимъ переселенцамъ обязанъ своимъ возникновеніемъ Новый Орлеанъ. И это не единственная колонія, которая, несмотря на всѣ пережитыя опасности, все-таки продолжала держаться и уцѣлѣла до нашихъ дней. Вскорѣ, однако, рискованныя предпріятія Лоу, въ связи съ плохой способностью французовъ къ колоніальнымъ предпріятіямъ, положили конецъ чрезмѣрнымъ ожиданіямъ. И, какъ всегда бываетъ, обратный толчекъ былъ пропорціоналенъ силѣ первоначальнаго подъема. Колонія, изъ которой разумное управленіе могло бы создать нѣчто гораздо большее, чѣмъ изъ негостепріимной Канады, была предоставлена самой себѣ въ теченіе болѣе полувѣка, И прежде, чѣмъ вновь серьезно принялись за развитіе ея, мечты Ла-Саля о созданіи французскаго колоніальнаго царства отъ Атлантическаго океана до Мексиканскаго залива были навсегда разрушены. Послѣ повторныхъ, все вновь обострявшихся распрей, Франція въ борьбѣ колоній между собою безнадежно потерпѣла крушеніе и, согласно Парижскому миру, должна была уступить всѣ свои владѣнія къ востоку отъ Миссисипи — Англіи и къ западу — Испаніи (см. „Карты къ исторіи Америки“).

C. **Англичане въ сѣверной Америкѣ.**

а) Первые шаги англійскаго колоніальнаго владычества.

Отцомъ англійской Америки былъ Вальтеръ Ралей. Онъ былъ воодушевленъ желаніемъ вырвать у испанцевъ часть ихъ необъятныхъ колоніальныхъ владѣній и воспользоваться для себя и для своего отечества хотя долею тѣхъ сокровищъ, которыя притекали къ испанцамъ изъ ихъ колоній. Еще въ 1584 году онъ составилъ планъ колонизаціи англичанъ на Атлантическомъ побережьи Сѣверной Америки, извѣстномъ тогда подъ общимъ именемъ Флориды. Первые корабли, посланные съ этой цѣлью, пристали къ берегу нынѣшней Каролины. Они вернулись обратно, не сдѣлавъ попытки къ основанію поселенія, но разсказы ихъ были настолько восторженны, что королева Елизавета назвала эту страну Виргиніей, подразумѣвая свое дѣвственное состояніе. Не далѣе, какъ на слѣдующій годъ, отплылъ флотъ изъ семи кораблей, уполномоченный прочно занять территорію. Однако, колонисты въ эпоху королевы-дѣвственницы далеко не принадлежали къ категоріи тѣхъ, которые создали впослѣдствіи величіе Новой Англіи. Они не были склонны трудиться въ потѣ лица, а надѣялись безъ особыхъ стараній обогатиться и вести затѣмъ

беззаботную жизнь, полную удовольствій. Въ то время, однако, это еще не было возможно, несмотря на благопріятныя условія страны. Колонія Ралея долго влачила жалкое существованіе, несмотря на большія жертвы, которыя принесъ дѣлу самъ основатель, и въ 1590 году окончательно распалась.

Первый толчекъ къ созданію болѣе прочныхъ поселеній далъ и здѣсь примѣръ голландской компаніи въ Остъ-Индіи. Въ 1606 году король Іаковъ I даровалъ привиллегіи (charters) двумъ англійскимъ обществамъ: одно изъ нихъ, „Виргинія", должно было колонизировать страну отъ 34 до 38^0 широты, другое общество, „Плимутъ"—отъ 41 до 45^0. Между этими территоріями, въ Акадіи и въ области рѣки св. Лаврентія, находилась страна, на которую предъявляла права Франція. Несмотря на это, англійскій король объявилъ, что оба общества могутъ свободно конкурировать на пространствѣ между 38 и 41^0 лишь съ условіемъ, чтобы между поселеніями ихъ всюду соблюдалось разстояніе не менѣе 100 (англійскихъ) миль.

b) Общество Виргинія.

Общество Виргинія тотчасъ же приступило къ дѣятельности. Правда, первые шаги были для него столь же трудны, какъ и для всякаго новаго предпріятія. Тѣмъ не менѣе, уже спустя немного лѣтъ, оно установилось прочно и могло выдержать всѣ бури тревожнаго революціоннаго періода въ Англіи. Управленіе, которое Іаковъ I даровалъ обществу „Виргинія", съ точки зрѣнія государственнаго права представляло самое удивительное учрежденіе, когда либо существовавшее. Верховныя права надъ колоніей принадлежали обществу, которое считало въ числѣ своихъ членовъ множество богатыхъ лондонскихъ купцовъ и вліятельныхъ личностей (въ числѣ ихъ находился Ричардъ Гаклюитъ, извѣстный своими географическими сочиненіями). Виргинія не была, слѣдовательно, коронной колоніей. Тѣмъ не менѣе, управленіе обществомъ было такого рода, что открывало самый широкій просторъ для вмѣшательства правительства. Собственно говоря, общество даже всецѣло находилось въ зависимости отъ короля, такъ какъ онъ самолично избиралъ совѣтъ правленія компаніи въ Лондонѣ и административный совѣтъ, имѣвшій резиденцію по ту сторону океана. Члены компаніи пользовались слѣдующими правами: они свободно распоряжались въ колонизированной ими области, оставались англійскими гражданами и могли вести неограниченную торговлю произведеніями своихъ колоній. Въ особенности этотъ послѣдній пунктъ стоялъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ тогдашнимъ положеніемъ колоній въ прочихъ странахъ. Благодаря ему, общество Виргинія не было поставлено въ необходимость сбывать свои продукты исключительно на родину или черезъ ея посредство. Но Іаковъ I, безъ сомнѣнія, не предвидѣлъ значенія этого обстоятельства во всей его силѣ и даже дѣлалъ попытки устранить его. Позднѣе Кромвель своимъ Навигаціоннымъ актомъ существенно ограничилъ права общества. Возникло стремленіе навязать и англійскимъ колоніямъ общепризнанный принципъ ограниченія торговли предѣлами отечества. Это обстоятельство, въ числѣ разныхъ другихъ причинъ, не мало содѣйствовало отпаденію Соединенныхъ Штатовъ отъ верховной власти Англіи

Вначалѣ колоніи приходилось бороться съ обычными трудностями. Первыми колонистами, которые въ 1607 году остановились на рѣкѣ Джемсъ и основали Джемстоунъ, были искатели приключеній и вообще подонки общества, у которыхъ не было и въ мысляхъ основать свое существованіе на упорной борьбѣ и честномъ трудѣ. Здѣсь едва ли помогла бы и желѣзная энергія, съ какою капитанъ Смитъ, главный основатель возникавшей общины, отстаивалъ благо юной колоніи извнѣ и внутри,

если бы за золотоискателями и лѣнтяями не потянулись мало по малу настоящіе колонисты, земледѣльцы и ремесленники. Самъ Смитъ много сдѣлалъ въ этомъ направленіи.

Въ первое время все хозяйство колоніи велось сообща. Капитанъ Смитъ ввелъ, по крайней мѣрѣ, временно, общеобязательный шестичасовой трудъ. Но дѣло пошло лишь съ тѣхъ поръ, какъ участки земли были розданы колонистамъ въ видѣ частной собственности. А когда было открыто воздѣлываніе табаку и стало принимать широкіе размѣры, поселенія Виргиніи быстро расцвѣли. Въ первое время колонистамъ, изъ которыхъ многіе были доставлены насчетъ общества, приходилось работать для возмѣщенія расходовъ по переѣзду, и о пріобрѣтеніи собственности не могло быть рѣчи. Но, благодаря табаку, цѣны на который въ Голландіи были очень высоки, колонисты скоро сдѣлались независимыми и даже были въ состояніи покупать новую землю. Выгодность дѣла являлась сама по себѣ наилучшей рекламой для приманки новыхъ переселенцевъ, въ числѣ которыхъ вскорѣ можно было встрѣтить не однихъ пролетаріевъ и неудачниковъ, но и предпріимчивыхъ, и богатыхъ людей: послѣдніе стали вести хозяйство плантацій въ широкомъ масштабѣ и, конечно, все болѣе и болѣе увеличивали значеніе его. Недостатокъ въ женщинахъ, который ощущался въ первое время, былъ также устраненъ, благодаря торговому оживленію. Въ 1619 году Общество, въ видѣ опыта, отправило въ Виргинію на свой счетъ нѣсколько молодыхъ дѣвушекъ. Каждый, кто выражалъ желаніе жениться на одной изъ нихъ, долженъ былъ возвращать расходы за переѣздъ, хотя бы въ видѣ табаку. Въ самое короткое время всѣ дѣвушки были уже замужемъ, и Общество, повторяя эту попытку, имѣло возможность повысить цѣну. Система перевозки въ колонію преступниковъ на каторжныя работы, процвѣтавшая въ широкихъ размѣрахъ на Антильскихъ островахъ, была также неоднократно примѣнена въ Виргиніи, гдѣ была даже учреждена колонія преступниковъ; быть можетъ, она привилась бы здѣсь въ широкихъ размѣрахъ, но самолюбіе колонистовъ было до такой степени возмущено этимъ, что еще въ 1620 году они рѣшительно возстали противъ введенія подобныхъ элементовъ въ ихъ среду.

Напротивъ, они радостно привѣтствовали приливъ населенія иной расы. Въ 1620 году голландскій корабль доставилъ въ Джемстоунъ первыхъ рабовъ-негровъ. Спросъ на нихъ былъ настолько значителенъ, что вскорѣ не только голландскіе корабли стали доставлять этотъ грузъ въ изобиліи, но и англичане, и даже сами виргинскіе купцы занялись торговлей чернымъ товаромъ. Мало по малу плантаціи уже въ XVII вѣкѣ стали получать то развитіе, которое было впослѣдствіи такъ характерно для южныхъ штатовъ Союза. Вскорѣ бѣлые образовали лишь аристократію въ Виргиніи; они жили въ качествѣ владѣльцевъ плантацій, въ своихъ обширныхъ помѣстьяхъ, или, какъ ремесленники, не менѣе многочисленныхъ городахъ. Главная тяжесть работы на табачныхъ плантаціяхъ и на хлопчатобумажныхъ поляхъ, пріобрѣвшихъ вскорѣ еще большее значеніе, лежала, если не считать немногихъ несвободныхъ бѣлыхъ, на неграхъ, число которыхъ безпрерывно росло по мѣрѣ того, какъ расцвѣтала колонія.

Быстрому подъему колоніи способствовали также политическія условія. Уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ обнародованія первой привилегіи, Іаковъ I отказался въ пользу Общества отъ многихъ правъ, которыя удерживалъ за собою. Такъ, еще въ 1609 году выборъ административнаго совѣта былъ предоставленъ членамъ самого Общества; эти послѣдніе, вмѣсто колоніальнаго совѣта, назначали губернатора провинціи, который, въ виду отдаленности резиденціи верховной власти, пользовался почти неограниченной властью. Все зависѣло, такимъ образомъ, отъ выбора подходящихъ личностей на этотъ постъ, что̀ не всегда удавалось; но Общество было настолько разумно, что во всѣхъ случаяхъ сообразовалось

съ заявленіемъ колонистовъ, и вообще вліяніе послѣднихъ не только безпрерывно росло, но вскорѣ было даже урегулировано закономъ. Въ 1612 году дѣла управленія Обществомъ перешли отъ административнаго совѣта въ его собственныя руки, и всѣ вопросы колоніальной администраціи должны были рѣшаться на четырехъ ежегодныхъ общихъ собраніяхъ. Спустя семь лѣтъ, это общее собраніе допустило участіе колонистовъ во внутреннемъ управленіи. Изъ одинадцати мѣстечекъ, существовавшихъ въ то время въ Виргиніи, каждое должно было посылать двухъ депутатовъ въ Джемстоунъ. Эти депутаты, вмѣстѣ съ губернаторомъ и совѣтомъ, избираемымъ въ помощь ему, обсуждали общія дѣла и составляли постановленія. И чѣмъ больше росли внутренніе раздоры въ самомъ Обществѣ и чѣмъ больше оно вовлекалось въ политическія теченія на родинѣ, тѣмъ сильнѣе выдвигалась роль этихъ колоніальныхъ собраній. Когда Іаковъ I въ 1624 году нашелъ необходимымъ распустить Виргинскую торговую компанію и подчинить колонію непосредственному вѣдѣнію короны, духъ независимости настолько успѣлъ окрѣпнуть среди колонистовъ, что могъ выдержать даже давленіе правительства.

Туземный вопросъ долгое время не игралъ существенной роли въ Виргиніи. Первымъ колонистамъ, и въ особенности капитану Смиту, удалось пріобрѣсти дружбу краснокожихъ, которая была окончательно закрѣплена, когда, славившаяся своей красотою, дочь одного изъ ихъ начальниковъ Покагонты вышла замужъ за англичанина. Когда въ 1621 году индѣйцы сдѣлали попытку воспротивиться все болѣе распространявшемуся господству иноземцевъ, они поплатились за это своею кровью. Послѣ того прошло много времени прежде, чѣмъ снова стали обнаруживаться враждебныя отношенія между ними и колонистами.

Въ матеріальномъ отношеніи колонія развивалась чрезвычайно успѣшно; во всѣхъ прочихъ вещахъ она проявляла большой индефферентизмъ. Въ силу своего экономическаго положенія, она вообще приняла аристократическій характеръ. Когда между Карломъ I и демократическими теченіями на родинѣ возникли разногласія, виргинцы были безусловно на сторонѣ монарха, а когда въ Англіи побѣдила революція, многіе роялисты удалились въ эту провинцію. Это не помѣшало, однако, колоніальному собранію признать парламентское правительство безъ ущерба для своихъ собственныхъ парламентарныхъ правъ и воспользоваться для своихъ плантацій обязательнымъ трудомъ военноплѣнныхъ, которые были сосланы туда по приказанію Кромвеля. Наоборотъ, реставрація Стюартовъ сопровождалась для Виргиніи весьма вредными послѣдствіями. Карлъ II возстановилъ въ усиленной формѣ постановленіе Навигаціоннаго акта и этимъ почти уничтожилъ нѣкогда свободную торговлю Виргиніи; колоніи были поставлены чуть ли не въ такое же положеніе, какъ и испанскія. Виргинцы, которые сами мало занимались торговлей, отнеслись къ этому сравнительно равнодушно, но были сильно возмущены другими мѣропріятіями, которыя ближе касались ихъ интересовъ. Карлъ II, со свойственной ему безсовѣстною расточительностью, предоставилъ въ 1669 году всю Виргинію двумъ своимъ фаворитамъ на 31 годъ; хотя колонія сохранила при этомъ свои конституціонныя права, но все-таки она должна была примириться съ тяжестью новыхъ налоговъ. Виргинскіе намѣстники короля были столь же безсовѣстны, какъ и онъ самъ. Возстаніе индѣйцевъ, вспыхнувшее въ это время въ колоніи послѣ полувѣковой мирной совмѣстной жизни, прямо зависѣло отъ безстыдной эксплуатаціи ихъ со стороны креатуръ намѣстника, клонившейся исключительно къ его личному обогащенію, Дѣло зашло такъ далеко, что часть колонистовъ возстала противъ губернатора, и въ этой гражданской войнѣ, которая была задушена въ потокахъ крови, сама столица погибла въ пламени. Несмотря на это, большинство населенія сохраняло прежнюю апатію. Настоящій виргинецъ сидѣлъ, какъ паша, въ

своихъ обширныхъ помѣстьяхъ и оставался ко всему почти безучастнымъ, пока это не тревожило привычекъ его комфортабельной жизни. Благодаря богатству, онъ могъ расширять свой умственный кругозоръ. Изъ всѣхъ колоній виргинцы поддерживали, повидимому, наиболѣе тѣсныя духовныя сношенія со Старымъ Свѣтомъ. Вошло въ моду путешествовать и оказывать по истинѣ царское гостепріимство гостямъ изъ Стараго Свѣта. Но въ политикѣ тогдашніе виргинцы не шли дальше, чѣмъ этого требовала свобода, къ которой пріучила ихъ старая конституція.

Матеріальные интересы колоніи больше всего страдали отъ непосредственнаго сосѣдства, отъ существованія рядомъ съ нею другихъ колоніальныхъ провинцій, развивавшихся при совершенно однородныхъ географическихъ условіяхъ. Каролина обязана своимъ названіемъ неудавшемуся колоніальному предпріятію, которое было начато въ 1624 году Робертомъ Гитомъ на основаніи привилегій, дарованныхъ Карломъ I. До фактическаго захвата земли дѣло, однако, не доходило, пока Карлъ II, расточительно раздававшій земли, не отдалъ и области между Флоридой и Виргиніей восьми своимъ любимцамъ въ наслѣдственное владѣніе и при томъ на всѣ времена. Самымъ интереснымъ въ этой колоніи является исторія ея конституціи. Уже въ самомъ королевскомъ рескриптѣ говорилось, что колонистамъ должна быть предоставлена доля участія въ мѣстномъ управленіи. Затѣмъ философъ Джонъ Локкъ выработалъ для этой провинціи проэктъ конституціи, представлявшей какъ бы компромиссъ патріархальной аристократіи съ парламентскими нравами, существовавшими въ сосѣдней Виргиніи. Въ частностяхъ, однако, это государственное зданіе былъ такъ сложно и непрактично, что никогда не могло быть вполнѣ осуществлено. И только два принципа Локковской конституціи пережили эпоху ея составленія: терпимость въ религіозныхъ дѣлахъ и рабство. Въ остальномъ вліяніе сосѣдней Виргиніи имѣло гораздо большее значеніе для сѣверной Каролины, чѣмъ (отмѣненныя въ 1729 году) верховныя права ея аристократическихъ владѣльцевъ. Сѣверныя пограничныя области получили изъ Виргиніи своихъ первыхъ колонистовъ еще прежде дарованія королевскаго патента. Хозяйство виргинскихъ плантацій распространилось и сюда; виргинскіе губернаторы неоднократно вмѣшивались въ управленіе сѣверной Каролины, а распри внутри Виргиніи захватывали обыкновенно и сѣверную Каролину. Главное различіе между обѣими колоніями заключалось въ томъ, что въ Каролинѣ въ первыя десятилѣтія вообще не могло организоваться твердое правительство, и что поэтому туда направлялось много сомнительныхъ элементовъ, которые пользовались правами самоуправленія лишь для того, чтобы поддерживать смуту. Положеніе дѣлъ измѣнилось лишь съ того момента, какъ провинція стала коронной колоніей. Она начало быстро развиваться и экономически походить на Виргинію, сдѣлавшись вскорѣ опасной соперницей старшей сестры на хлопчато-бумажномъ и табачномъ рынкѣ.

Восемь каролинскихъ феодаловъ обратили, главнымъ образомъ, свое вниманіе на южную Каролину. Здѣсь, при содѣйствіи поселенцевъ, значительная часть которыхъ прибыла съ острова Барбадоса, былъ основанъ въ 1670 году городъ Чарльстонъ (см. таблицу „Arx carolina“); здѣсь же имѣли мѣсто вышеупомянутые эксперименты введенія конституціи по мысли Локка. Сообразно съ ея аристократическо-централистической тенденціей, правители придавали особое значеніе тому, чтобы главная сила колоніи сосредоточивалась въ городской общинѣ съ цѣлью избѣжать раздробленія, характернаго для Виргиніи и сѣверной Каролины. Вслѣдствіе того Чарльстонъ расцвѣлъ гораздо быстрѣе, чѣмъ Джемстонъ. Благодаря той же тенденціи, хозяйство плантацій въ южной Каролинѣ никогда не могло развиться до такихъ размѣровъ, какъ въ болѣе сѣверныхъ провинці-

яхъ. Кромѣ того, болѣе упорядоченныя условія жизни и религіозная терпимость вызвали приливъ въ колонію такихъ элементовъ населенія, которыхъ лишены были сѣверные сосѣди: пуританъ изъ Нью-Іорка, гугенотовъ изъ Франціи, пресвитеріанъ изъ Шотландіи. Всѣ эти элементы стремились, и съ успѣхомъ, пробиться собственными силами и противодѣйствовать перевѣсу системы крупнаго землевладѣнія. Къ тому же и сосѣдство испанской колоніи Санъ Агустинъ измѣнило ходъ развитія южной Каролины по сравненію съ другими провинціями. Стычки, возникавшія по временамъ между сосѣдними колонистами, большей частью, не имѣли серьёзнаго значенія. Въ концѣ концовъ, они даже пришли къ соглашенію сохранять мирныя отношенія и въ томъ случаѣ, если бы между ихъ родными странами вспыхнула война. Съ другой стороны, близость испанскихъ владѣній являлась сильнымъ соблазномъ для дальнѣйшаго веденія флибустьерской войны, съ которою были хорошо знакомы колонисты, переселившіеся съ островов. Наконецъ, примѣръ испанскихъ сосѣдей сильно подѣйствовалъ на южную Каролину въ томъ смыслѣ, что тамъ можно было встрѣтить множество индѣйцевъ-рабовъ, большею частью, захваченныхъ на испанской территоріи или на испанскихъ корабляхъ. Такъ или иначе, но подъ этимъ вліяніемъ выработалось отношеніе къ туземцамъ совершенно иного рода, чѣмъ въ другихъ провинціяхъ. Въ южной Каролинѣ возникло движеніе, благодаря которому права восьми феодальныхъ господъ были снова упразднены. Колонисты Чарльстона нерѣдко должны были, по приказанію высшихъ властей, отказываться отъ плодовъ своей побѣды надъ испанскими сосѣдями въ пограничныхъ стычкахъ, но никто не вознаграждалъ ихъ, если имъ приходилось страдать отъ испанцевъ. Но подобная опека, въ связи съ недостатками управленія, неоднократно вызывала возмущеніе противъ феодальныхъ владѣльцевъ. Въ концѣ концовъ, власть послѣднихъ была устранена въ 1719 году, а въ 1729 году отмѣнена за извѣстное финансовое вознагражденіе,

Приблизительно въ то же время, къ югу отъ англійскихъ колоніальныхъ владѣній была выдѣлена новая провинція, управлявшаяся также на совершенно иныхъ началахъ. Гуманистическія стремленія проявились въ Англіи особенно рано и, по примѣру колонистовъ Новой Англіи и Уильяма Пенна, часто находили себѣ примѣненіе и на американской почвѣ. Сочувствіе къ томившимися въ англійскихъ долговыхъ тюрьмахъ побудило Джемса Эдуарда Оглторпа начать движеніе въ пользу ихъ. Собравъ съ частной и общественной помощью необходимыя средства, онъ купилъ у Георга I право на колонизацію страны между рѣками Саванной и Альтагамой отъ океана до океана, въ теченіе 21 года. Колонія, подобно ея сѣвернымъ сосѣдямъ, была окрещена именемъ правящей коронованной особы и получила названіе Георгіи Августы. Она пріобрѣла большое значеніе для южной Каролины, такъ какъ отдѣляла ее отъ испанскихъ владѣній. Взявъ на себя защиту границы (самъ Оглторнъ нѣсколько разъ выступалъ въ походъ противъ испанцевъ), она обезпечивала сосѣднимъ провинціямъ безпрепятственное и успѣшное развитіе. Съ индѣйцами заключены были союзы, и немногіе бѣлые колонисты пользовались такимъ уваженіемъ у своихъ краснокожихъ сосѣдей, какъ мягкій и достойный Оглторпъ. Въ первое время провинція развивалась вполнѣ согласно съ его намѣреніями: она служила убѣжищемъ для тѣснимыхъ и преслѣдуемыхъ; терпимость въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ была одинаковымъ лозунгомъ для всѣхъ. Съ теченіемъ времени, однако, естественные факторы оказались сильнѣе человѣческой воли. Страна, которая по своимъ физическимъ свойствамъ, подобно Виргиніи, чрезвычайно благопріятствовала экономическому развитію, не могла долго оставаться въ обладаніи бѣдныхъ и обездоленныхъ. Плантаторы захватывали и въ Георгіи все больше и больше территоріи, наводняли ее своими рабами и, такимъ образомъ, въ корнѣ подавляли вся-

кія попытки мелкаго хозяйства. Около средины XVIII вѣка Георгія, подобно Виргиніи и обѣимъ Каролинамъ, представляла изъ себя государство плантаторовъ и, какъ таковое, наряду съ ними продолжало и дальше свое политическое развитіе.

Возникновеніе и развитіе южныхъ штатовъ Сѣверо-американскаго союза рѣзко отличается отъ той картины, которую привыкли считать типичною для англійской колонизаціи въ Америкѣ. Рѣшающее значеніе въ ходѣ развитія ихъ имѣютъ географическіе факторы. Даже тамъ, гдѣ колонисты стремились создать поселенія, какія мы встрѣчаемъ въ штатахъ Новой Англіи, совершается постепенный переходъ къ системѣ, впервые достигшей законченности въ Виргиніи. Большинство этихъ колоній находилось, по крайней мѣрѣ, временно подъ вліяніемъ феодальныхъ условій Стараго свѣта. Правда, въ большинствѣ случаевъ онѣ довольно скоро эмансипировались отъ этихъ условій; но аристократическій духъ, характеризующій феодальное государство съ подраздѣленіемъ людей по состоянію и значенію, оживаетъ въ нихъ въ измѣненной формѣ. Вмѣсто англійскихъ феодальныхъ господъ выступаетъ на сцену аристократія крупныхъ землевладѣльцевъ, отъ которыхъ всецѣло зависитъ, если не въ правовомъ, то въ матерьяльномъ отношеніи, не только масса черныхъ рабовъ, но и большая часть бѣлаго населенія. Правда, равенство индивидуумовъ провозглашается какъ основной принципъ права; но факты и слабость правительственной власти, всегда безъ исключенія присущая юнымъ общинамъ, дѣлаютъ это равенство почти призрачнымъ. Въ дѣйствительности, владѣльцы плантацій являются неограниченными властелинами въ своихъ владѣніяхъ и всѣ вмѣстѣ почти безпрекословно управляютъ своей провинціей на основаніи парламентскихъ полномочій, всюду предоставленныхъ колонистамъ.

Такимъ образомъ, южныя колоніи, по своимъ воззрѣніямъ и требованіямъ, стоятъ гораздо ближе къ испанскимъ колоніямъ, чѣмъ къ сѣвернымъ провинціямъ Новой Англіи. Заселеніе страны часто происходило здѣсь совершенно въ такомъ же духѣ, какъ въ португальскихъ колоніяхъ, лишь съ тою разницей, что въ этихъ послѣднихъ не существовало общаго англійскимъ и французскимъ феодальнымъ колоніямъ права раздачи титуловъ и должностей, которое сообщаетъ южнымъ штатамъ столь сильный аристократическій оттѣнокъ; право владѣнія пріобрѣтается захватомъ, какъ и въ испанскихъ, португальскихъ и французскихъ колоніяхъ. Въ южной Каролинѣ обращеніе съ туземцами воспроизводитъ худшіе испанскіе образцы. Если они держатъ себя враждебно, ихъ дѣлаютъ рабами; если даже они миролюбивы, то они все-таки не пользуются правами подданныхъ, какъ въ испанскихъ колоніяхъ.

Сѣверо-американцы претендуютъ на то, что предки ихъ обращались самымъ лучшимъ образомъ съ туземцами. Испанцы будто бы не только завладѣли страною, но и самою личностью туземцевъ и заставляли ихъ работать на себя и платить подати. Французы, хотя и предоставили индѣйцамъ личную свободу, но все таки отняли у нихъ землю исключительно по праву завоеванія. Наоборотъ, англичане (и наряду съ ними голландцы), какъ они заявляютъ, не посягали ни на свободу индѣйцевъ, ни на ихъ право располагать своими землями, пріобрѣтая послѣднія путемъ покупки. Если не вникать въ сущность дѣла, то въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ штатахъ Союза, пожалуй, такъ и было. Мы знаемъ, что правительство Соединенныхъ Штатовъ установило принципъ, котораго придерживалось до нашихъ дней, — покупать у индѣйцевъ землю. Но нельзя сказать, чтобы этого держался весь Югъ при основаніи колоній такъ же, какъ это не примѣнялось и къ большей части Сѣвера.

Безъ сомнѣнія, короли Испаніи и Португаліи требовали, на основаніи папской буллы, раздѣлившей между ними неизвѣстную половину міра, чтобы вся эта земля вмѣстѣ съ ея населеніемъ сдѣлалась ихъ собственно-

стью. Если туземцы оказывали сопротивленіе, то съ ними часто обращались очень жестоко, особенно въ эпоху конкистадоровъ и до законодательнаго регулированія туземнаго вопроса. Въ принципѣ, однако, Испанія еще со временъ завѣщанія королевы Изабеллы уравняла туземцевъ своихъ колоніальныхъ владѣній въ правахъ со своими собственными подданными. Взамѣнъ работы, которую они обязаны были производить для государства, имъ давались защита и законъ. Французы не пошли такъ далеко. Право французскаго подданства не распространялось на гуроновъ, на Иллинойсъ и проч.; впрочемъ, со временъ Шамплэна Франція признавала индѣйцевъ своими союзными друзьями, которые, какъ таковые, имѣли право на защиту и дружбу своихъ бѣлыхъ союзниковъ, И этотъ взглядъ французы безчисленное множество разъ проводили на дѣлѣ, вступая въ войну вмѣстѣ съ индѣйцами или безъ нихъ противъ ирокезовъ, этихъ заклятыхъ враговъ всѣхъ индѣйцевъ, поддерживавшихъ добрыя отношенія съ французами. Кромѣ того, испанцы и французы черезъ посредство своихъ миссій сдѣлали чрезвычайно много для духовнаго и матеріальнаго блага предоставленныхъ ихъ попеченію туземцевъ.

Въ сравненіи съ этимъ, миссіонерская дѣятельность англичанъ въ отношеніи индѣйцевъ прямо ничтожна. и притомъ, за немногими исключеніями, относится уже къ періоду времени, котораго мы пока не имѣемъ въ виду. Что касается покупокъ земли, то въ громадномъ большинствѣ случаевъ онѣ не дѣлаютъ чести ни правительству Соединенныхъ Штатовъ, ни ихъ предкамъ. Въ тѣ времена можно было купить у индѣйца, имѣвшаго смутное представленіе о договорахъ, прекрасный кусокъ земли за горсть пороху и нѣсколько европейскихъ бездѣлушекъ. Но тогда было еще много простору на обширномъ материкѣ Сѣверной Америки, и племя, продавшее мѣста своего обитанія, могло безъ особеннаго труда основать далѣе къ западу новую родину. Но по мѣрѣ того, какъ цивилизація слѣдовала за индѣйцами на западъ, территорія, остававшаяся въ ихъ распоряженіи для отысканія новыхъ мѣстъ, все болѣе суживалась. Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такой политики обезземеленія въ отношеніи индѣйцевъ (и Соединеннымъ Штатамъ это было не безизвѣстно) являлись безконечныя кровавыя схватки между отдѣльными племенами; стѣсняемые все болѣе и болѣе, они вынуждены были истреблять другъ друга только для того, чтобы имѣть возможность существовать, если имъ не представлялся случай напасть на сосѣдей за предѣлами территоріи Штатовъ. Начиная съ XVII вѣка, во время межколоніальной войны, англо-американцы охотно оставались зрителями такого взаимнаго уничтоженія и поощряли его путемъ продажи оружія и пороха. Ни одна нація не сдѣлала такъ мало, какъ англо-американцы, для того, чтобы смягчить природную дикость индѣйца и пріобщить его къ культурѣ. Въ фарисейскомъ сознаніи, что они, на основаніи юридическаго договора, пріобрѣтали собственность индѣйца, американцы еще въ эпоху своихъ предковъ систематически изгоняли индѣйца съ его стараго пепелища, какъ мѣшающаго имъ нищаго, не заботясь о томъ — погибнетъ ли онъ затѣмъ отъ голода или отъ непріятельской стрѣлы. Если же индѣецъ въ отчаяніи дѣлалъ попытку силою вернуть потерянное, то англо-американцы въ способахъ веденія войны лишь немногимъ уступали безпощадностью испанскихъ завоевателей.

Вся разница въ отношеніяхъ къ туземцамъ заключалась въ томъ, что передъ закономъ испанца индѣецъ считался братомъ, французъ признавалъ его другомъ, а для англичанина онъ былъ чужимъ.

c) Общество Плимутъ.

Одновременно съ обществомъ Виргинія, Іаковъ I разрѣшилъ въ 1606 году другую торговую компанію, которая должна была колонизовать земли между 41^0 и 45^0 с. ш., и была названа обществомъ Плимутъ по мѣсто-

пребыванію своихъ наиболѣе вліятельныхъ членовъ (ср. выше стр. 431). Но дѣятельность его не шла дальше предварительныхъ изысканій, даже и тогда, когда Іаковъ въ 1620 году заново организовалъ это общество, предоставилъ ему страну отъ 40^0 до 48^0 и даровалъ ему права феодальныхъ владѣльцевъ. Хотя въ этой области и возникли въ то время первыя англійскія колоніи, но безъ всякой связи и даже въ противорѣчіи съ учредительнымъ обществомъ, которое въ 1638 году окончательно распалось. Дѣятельность его почти исчерпывается добываніемъ денегъ путемъ продажи заокеанскихъ правъ. Первыми настоящими колонистами въ этой области были англійскіе бѣглецы-отщепенцы отъ церкви. Отъ англійской господствующей церкви рано отдѣлились нѣкоторыя группы и общины, которымъ офиціальная реформація казалась недостаточно радикальной. Число ихъ все болѣе и болѣе росло, и они соединились въ новыя секты пуританъ, сепаратистовъ и проч., навлекая на себя этимъ сильное преслѣдованіе со стороны господствующей церкви. Вначалѣ они спасались отъ этихъ преслѣдованій, большею частью, въ Голландію. Но когда всеобщее вниманіе было обращено на заокеанскія колонизаціонныя предпріятія, то и въ средѣ пуританъ созрѣлъ планъ отыскать за моремъ свободное и безопасное убѣжище для исповѣданія своей вѣры.

Посланные ихъ, при поддержкѣ единомыслящихъ друзей въ Англіи, добились отъ общества „Виргинія" права основать поселеніе по ту сторону океана. Осенью 1620 года корабль „Mayflower" доставилъ въ Америку первыхъ колонистовъ, которые основали городъ Новый-Плимутъ. Несмотря на пуританскую строгость и простоту, эта колонія также должна была выдержать тяжелую эпоху борьбы прежде, чѣмъ окрѣпла и начала развиваться. Договоръ ея съ англійскимъ Обществомъ обезпечивалъ переселенцамъ почти полную независимость. „Отцы-пилигримы" съ самаго начала почти исключительно управлялись сами по себѣ. Но хотя они бѣжали отъ англійской нетерпимости, это нисколько не мѣшало имъ создать въ своей средѣ, по меньшей мѣрѣ, такой же нетерпимый режимъ. Всякое уклоненіе отъ ихъ пуританской ортодоксіи влекло за собою безпощадное изгнаніе изъ колоній. Въ эпоху, когда каждая здоровая рука была желательной для укрѣпленія дѣла колонизаціи, они неоднократно изгоняли изъ своей среды полезныхъ тружениковъ только потому, что тѣ не желали подчиняться политическому и религіозному ригоризму колоніальнаго правительства. Вслѣдствіе того, имъ долго не удавалось добиться отъ метрополіи колоніальной привилегіи для себя, хотя область, гдѣ поселились пуритане, лишь номинально принадлежала Англіи, а въ 1627 году она и отъ этого отрѣшилась.

Лишь послѣ новаго аналогичнаго предпріятія были достигнуты болѣе прочныя политическія условія, благодаря стеченію счастливыхъ обстоятельствъ. Въ 1628 году Карлъ I далъ Обществу залива Массачусетса привилегію, въ силу которой оно пріобрѣтало формальное право основывать колоніальныя поселенія. Форма привилегированнаго общества была избрана лишь для того, чтобы удовлетворить ходячимъ мнѣніямъ; но въ сущности, здѣсь, какъ и въ Новомъ Плимутѣ, рѣчь шла объ отысканіи убѣжища для „диссентеровъ", которыхъ жестоко преслѣдовали въ Англіи. Уже на слѣдующій годъ послѣдовало измѣненіе организаціи въ томъ смыслѣ, что правящее общество въ Лондонѣ прекратило свое существованіе и управленіе колоніей перешло въ руки самихъ колонистовъ. Съ тѣхъ поръ поселенцы сами избирали себѣ губернатора и его замѣстителя, а также, въ помощь имъ, совѣтъ, въ которой каждая община избирала двухъ депутатовъ. Колонія съ успѣхомъ отстаивала свои права передъ обществомъ „Плимутъ". Правда, впослѣдствіи Карлъ I попытался измѣнить конституцію ея въ централистическомъ смыслѣ, но онъ палъ раньше, чѣмъ колонистамъ понадобилось открытое сопротивленіе королевской волѣ для защиты добытыхъ собственными руками привилегій. При Кромвелѣ всѣ пури-

танскія общины Новаго Свѣта пользовались благосклоннымъ покровительствомъ. Только Карлъ II временно отмѣнилъ привилегію для колоніи Массачусетсъ, но и ему не удалось побѣдить пассивное сопротивленіе колоніи. Вильгельмъ Оранскій возстановилъ ее во всѣхъ правахъ. Послѣ того она, уже въ союзѣ со всѣми американскими колоніями, отстаивала свою независимость противъ новыхъ притязаній правительства.

Религіозная нетерпимость, которая нѣкогда привела пуританъ въ Новый Плимутъ и Бостонъ, продолжала дѣйствовать въ ихъ собственной средѣ въ томъ же духѣ. Въ 1635 году совѣтъ Массачусетса изгналъ уважаемаго проповѣдника Роджера Уильямса только за то, что онъ нападалъ на частые компромиссы пуританской правовѣрности съ политическими правами колоніи и стоялъ за полную терпимость. Онъ бѣжалъ при содѣйствіи индѣйцевъ Наррагансета въ Родъ-Айлэндъ. Къ нему стали стекаться массы единомышленниковъ какъ изъ сосѣднихъ колоній, такъ и изъ Англіи, и онъ основалъ новыя поселенія, политическое устройство которыхъ, по примѣру Массачусетса, всецѣло основывалось на принципѣ народнаго избранія; что же касается вѣры, то она признавалась частнымъ дѣломъ, и передъ закономъ всѣ исповѣданія были равны. Наряду съ невѣротерпимыми сосѣдними пуританскими колоніями, Родъ-Айлэнду было трудно остаивать свою независимость, тѣмъ болѣе, что для него не находилось мѣста въ союзѣ, образованномъ ими въ 1643 году. Уильямсу удалось, однако, получить отъ Карла I грамоту для своей колоніи и этимъ обезпечить ее отъ алчности недружелюбныхъ сосѣдей.

Между тѣмъ, частью изъ старыхъ колоній, частью непосредственно изъ Англіи, образовался на побережьи Новой Англіи цѣлый рядъ мелкихъ поселеній. Нью-Гэмпширъ, основанный нѣкогда англійскими купцами подъ именемъ Лаконіи, настолько ассимилировался съ нетерпимымъ Массачусетсомъ, что въ 1642 году, по собственной иниціативѣ, присоединился къ нему. Ковнектикутъ также представлялъ чисто пуританскую колонію, которая организовалась по образцу Массачусетса, на вполнѣ демократическихъ началахъ. За исключеніемъ Новаго Плимута, эти поселенія развились поразительно быстро. Съ туземцами отношенія были хорошія, благодаря вообще мирной политикѣ и заключенному въ 1643 году союзу; отъ правительства метрополіи они долгое время не требовали никакой защиты. Смуты англійской революціи и перемѣнныя торжества различныхъ партій настолько отвлекали стоявшихъ у кормила правленія, что они охотно предоставляли колоніи самимъ себѣ и даже съ необычайнымъ усердіемъ покровительствовали эмиграціи. Не только побѣжденные искали убѣжища въ независимой атмосферѣ колоній, но и многіе стремились за океанъ потому, что политическія бури, потрясшія родину до основанія, исключали всякую возможность спокойнаго прогресса и успѣшнаго развитія. Правда, колоніальная политика Кромвеля, которая наиболѣе рельефно воплотилась въ такъ наз. „навигаціонномъ актѣ“, отчасти ограничивала свободу торговли колоній; но эти мѣропріятія соотвѣтствовали духу времени и, главнымъ образомъ, затрогивали лишь торговыя сношенія съ Голландіей. Отъ Франціи и особенно отъ Испаніи колоніи чувствовали себя отдѣленными въ силу тѣхъ же національныхъ и религіозныхъ антипатій, какъ и на родинѣ; чувство солидарности было еще настолько крѣпко, что ни у кого не возникало и мысли оказывать этимъ порядкамъ такое же сопротивленіе, какимъ колоніи встрѣчали и давали успѣшный отпоръ всякому вмѣшательству въ ихъ внутреннія дѣла.

Внутреннее устройство всѣхъ этихъ колоній было совершенно одинаково. Торговля стояла вообще на второмъ планѣ: основнымъ принципомъ жизни общины признавался трудъ. Силы не тратили ни на поиски благородныхъ металловъ, ни на мѣновую торговлю съ туземцами, а тѣмъ болѣе на покореніе ихъ. Если не удавалось справиться съ ними мирнымъ путемъ,

ихъ оттѣсняли съ помощью силы, но лишь настолько, насколько требовалось земли, чтобы обезпечить свое существованіе при содѣйствіи земледѣлія и скромнаго воздѣлыванія немногихъ продуктовъ. Рабство и обязательный трудъ допускались въ такой же мѣрѣ, какъ и въ южныхъ англійскихъ колоніяхъ; но для широкаго примѣненія ихъ не имѣлось данныхъ ни въ естественныхъ, ни въ экономическихъ условіяхъ. Земледѣліе требовало труда настолько интенсивнаго, что немыслимо было добиться его отъ подневольныхъ работниковъ, а климатъ столь же мало благопріятствовалъ жизни черныхъ, какъ и воздѣлыванію произведеній, которыя свободно произростали въ крупныхъ землевладѣніяхъ южныхъ колоній. Но такъ какъ каждый въ отдѣльности жилъ плодами собственнаго труда, то немногочисленныя общины нуждались въ сравнительно небольшой территоріи. Поэтому онѣ медленно расширялись вглубь страны и только впослѣдствіи пришли въ столкновеніе съ обитателями ея. Но, съ другой стороны, онѣ сильнѣе привязывались къ землѣ, чѣмъ колонисты какой бы то ни было другой части Америки. Населеніе ихъ было не только гуще, но, въ виду гораздо меньшей примѣси постороннихъ элементовъ, несравненно однороднѣе, чѣмъ въ другихъ колоніяхъ. И такъ какъ переселенцы явились въ Новый Свѣтъ почти всѣ съ женами и дѣтьми, съ твердымъ намѣреніемъ остаться тамъ и создать родину для своего потомства, то именно здѣсь раньше и сильнѣе всего развилось національное чувство американцевъ, чему сильно способствовала и демократическая свобода конституцій, возникавшихъ въ одной колоніи за другою. Это привело уже въ 1643 году къ сознанію тѣсной солидарности колоній въ отношеніи не только чужеземцевъ, но и собственной старой родины.

d) Голландцы.

Первые, противъ кого обратилось пробуждавшееся національное чувство американцевъ, были голландцы. Вниманіе ихъ на береговыя страны сѣверной Америки было впервые обращено англійскими моряками. Въ 1609 году Генри Гудсонъ, по порученію ихъ, открылъ рѣку, которая носитъ его имя. Хотя въ то время о настоящей колонизаціи еще не было рѣчи, тѣмъ не менѣе, голландскіе корабли часто заходили въ эту рѣку и въ послѣдующіе годы и посѣщали островъ Мангатта, расположенный у ея устья, въ убѣжденіи, что открытіе Гудсона дало имъ право на этотъ островъ. Эти претензіи приняли болѣе серьезный характеръ, когда Вестъ-Индская компанія, основанная въ 1621 году, получила въ распоряженіе для своей колонизаторской дѣятельности и область Гудсона. Прошло немного времени, и на островѣ Мангатта, вмѣсто временныхъ хижинъ, въ которыхъ голландскіе купцы производили мѣновую торговлю съ индѣйцами, появились прочныя зданія. А когда въ 1626 году весь островъ былъ купленъ у индѣйцевъ за 60 голландскихъ гульденовъ, то въ Новомъ Амстердамѣ, наряду со многими зданіями, красовалась первая каменная церковь.

Тѣмъ не менѣе, господство голландцевъ не пустило крѣпкихъ корней на Гудсонѣ. Этому было много причинъ. Прежде всего, Вестъ-Индская компанія здѣсь, какъ и вездѣ, преслѣдовала гораздо больше интересы торговли, чѣмъ колонизаціи. Затѣмъ, чтобы лучше утилизировать свои владѣнія, она совершила роковую ошибку, учредивъ феодальныя баронства, существованіе которыхъ являлось тормазомъ для созданія сильнаго строя колоніальныхъ гражданъ. Наконецъ, общество было несчастливо въ выборѣ губернаторовъ. Оно уволило Петра Миннуита, который немало способствовалъ процвѣтанію Новаго Амстердама и, вслѣдствіе того, перешелъ на сторону шведовъ. Колонія этихъ послѣднихъ у Делавэра держалась лишь энергіей и осторожностью Миннуита; но и присоединеніе шведской колоніальной территоріи не могло придать голландскому поселенію недостающей внутрен-

ней жизненной силы. Сосѣдніе ново-англичане все больше и больше оспаривали у нея ея территорію, и въ самыхъ предѣлахъ голландской колоніи изъ года въ годъ бралъ перевѣсъ англійскій элементъ. Когда въ 1664 году четыре англійскихъ корабля появились передъ Новымъ Амстердамомъ, губернаторъ, предоставленный Вестъ-Индской компаніей самому себѣ, былъ не въ силахъ оказать сопротивленіе. Еще прежде, чѣмъ пролита была хотя капля крови, онъ сдалъ непріятелю городъ и всю территорію Новыхъ Нидерландъ. Въ честь герцога Іоркскаго (впослѣдствіи Іакова II), главный городъ былъ переименованъ въ Нью-Іоркъ (см. „Карты къ исторіи Америки"). Хотя здѣсь еще долго чувствовались слѣды неблагопріятныхъ условій, созданныхъ господствомъ Вестъ-Индскаго общества, тѣмъ не менѣе, Нью-Іоркъ съ самаго завоеванія тѣсно примкнулъ къ штатамъ Новой Англіи. Въ 1673 и 1674 г. голландцамъ еще разъ удалось на время овладѣть городомъ, но по Вестминстерскому миру они вынуждены были навсегда отказаться отъ своихъ сѣверо-американскихъ владѣній, которыя растворились въ англійскомъ колоніальномъ царствѣ.

е) Уильямъ Пеннъ.

Сосѣдняя Пенсильванія также обязана своимъ происхожденіемъ религіозной нетерпимости, которая свирѣпствовала противъ квакеровъ не только въ Англіи но, едва ли еще не хуже, и въ пуританскихъ штатахъ Новой Англіи. Въ смыслѣ церковной общины, квакеры, съ ихъ устраненіемъ всякихъ внѣшностей, съ ихъ неограниченною любовью къ человѣку, представляютъ скорѣе нѣчто курьезное: ихъ догматы почти исключительно состоятъ въ отрицаніяхъ. Но въ соціальномъ отношеніи основанный ими штатъ представляетъ интересный, хотя и не совсѣмъ удачный опытъ. Другихъ заставляло относиться къ нимъ особенно враждебно вторженіе ученій квакеровъ въ сферу политики, выражавшееся въ нежеланіи присягать и поступать на военную службу. Въ Англіи квакерскія общины стали появляться съ 1655 года. Само собою разумѣется, что партія господствующей церкви преслѣдовала ихъ такъ же безпощадно, какъ она вообще стремилась изгонять или покорять иначе мыслящихъ. Въ числѣ преслѣдуемыхъ бѣжали въ Новую Англію и квакеры. Но имъ пришлось съ горечью убѣдиться, что пуритане, вопреки всѣмъ прекраснымъ словамъ о равенствѣ и братствѣ, были къ нимъ еще болѣе нетерпимы, чѣмъ приверженцы господствующей церкви. Между тѣмъ, какъ въ Англіи довольствовались заключеніемъ въ тюрьму квакеровъ, отказывавшихся присягать, въ Бостонѣ ихъ провозглашали нарушителями мира и сѣкли, а четырехъ даже казнили.

Поэтому появленіе Уильяма Пенна, указавшаго возможность основать собственное владѣніе, было для нихъ настоящимъ избавленіемъ. Какъ сынъ англійскаго адмирала, Пеннъ обладалъ состояніемъ и связями. Отецъ Пенна и многіе другіе считали его полуневмѣняемымъ чудакомъ за то, что онъ предпочелъ присоединиться къ бѣднымъ и преслѣдуемымъ квакерамъ, вмѣсто того, чтобы поступить на службу утопавшаго въ роскоши двора Карла II. Но, какъ квакеръ изъ высшихъ и лучшихъ круговъ, онъ обратилъ на себя вниманіе. безъ котораго сектѣ едва ли удалось бы добиться королевской санкціи на основаніе самостоятельной области. На деньги, которыя онъ отчасти внесъ самъ, отчасти собралъ при помощи своихъ друзей, Пеннъ купилъ часть земель, отнятыхъ англичанами у голландцевъ и подаренныхъ герцогомъ Іоркскимъ нѣсколькимъ друзьямъ, какъ это часто дѣлалось въ расточительную эпоху Карла II. Колонія была названа Нью-Джерсеемъ. Пеннъ набросалъ для нея проэктъ конституціи на квакерскихъ началахъ и добился отъ Карла II санкціи, которая и была дана, отчасти изъ любопытства. Самъ онъ пожелалъ назвать страну Сильваніей, но король присовокупилъ къ этому имя основателя (Пеннъ-Сильванія). Согласно данной приви-

легіи, Пеннъ, подобно прежнимъ владѣльцамъ, пользовался въ новой колоніи правами феодальнаго господства. Еще прежде, чѣмъ онъ самъ имѣлъ возможность прибыть въ Америку, выселеніе туда квакеровъ стало принимать большіе размѣры. А когда онъ пожелалъ въ 1683 году лично освятить Филадельфію (т. е., городъ братской любви), то въ нѣсколькихъ городахъ и деревняхъ Нью-Джерсея и собственно въ Пенсильваніи находилось уже нѣсколько тысячъ его единовѣрцевъ. Изъ своихъ феодальныхъ правъ Пеннъ сдѣлалъ самое честное употребленіе. Колонія организовалась на тѣхъ же демократическихъ началахъ, какъ и сосѣднія колоніи Новой Англіи. Но, тѣмъ не менѣе, несмотря на все противорѣчіе съ демократическими принципами квакерства, Пеннъ не отказался отъ своихъ правъ и даже сталъ серьезно домогаться возстановленія ихъ, когда Іаковъ II временно отнялъ у него эти права. Онъ умеръ какъ „собственникъ" Пенсильваніи, хотя, конечно, это владѣніе не вознаградило его за всѣ траты, понесенныя имъ въ интересахъ улучшенія его.

Пенсильванія долго сохраняла квакерскій характеръ, хотя среди быстро возраставшаго населенія ея квакерскій элементъ отступалъ все болѣе и болѣе на задній планъ. Это обстоятельство дѣйствовало благотворно на развитіе колоніи въ двухъ отношеніяхъ. Во-первыхъ, Пеннъ, слѣдуя принципамъ своего вѣроученія, съ первыхъ же шаговъ стремился поддерживать дружественныя отношенія съ туземцами. Правда, и въ этомъ случаѣ у нихъ покупалась земля съ цѣлью обработки ея по европейскому способу, но прежніе собственники не изгонялись съ эгоистическою строгостью, а, наоборотъ, съ ними продожали поддерживать патріархальную дружбу. И между тѣмъ какъ обитатели сосѣднихъ колоній вели кровавыя и жестокія войны съ краснокожими, колонисты Пенсильваніи долгое время нисколько не опасались ихъ. И только, когда дальнѣйшее развитіе Пенсильваніи стало все болѣе и болѣе привлекать другіе элементы, которымъ миролюбивыя и братскія ученія квакеровъ были не по вкусу, обнаружилось и въ Пенсильваніи нарушеніе добраго согласія между краснокожими и бѣлыми. Переселеніе приверженцевъ иной вѣры рано дало себя почувствовать. Всеобщая любовь и терпимость, проповѣдуемая ученіемъ квакеровъ, дѣлала для нихъ невозможнымъ запрещеніе селиться въ колоніи иначе мыслящимъ. И такъ какъ даже въ Новомъ Свѣтѣ религіозная терпимость была мало распространена въ другихъ мѣстахъ, то естественно, что всякія религіозныя секты, тѣснимыя въ другихъ колоніяхъ, искали убѣжища въ Пенсильваніи подъ охраною квакерской терпимости. Такъ, по иниціативѣ самого Пенна, переселились сюда первые нѣмецкіе эмигранты: кальвинисты изъ Пфальца, піетисты и мистики, а позднѣе многочисленные французскіе гугеноты. Все это были трудолюбивые и энергичные работники, которые добивались лишь труда, нестѣсняемаго религіознымъ и политическимъ гнетомъ. Они не ошиблись въ разсчетѣ и, съ свой стороны, не мало способствовали тому, что развитіе Пенсильваніи пошло быстрѣе и сильнѣе сравнительно съ большинствомъ другихъ колоній. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, они мало по малу лишили колонію ея исключительно квакерскаго характера. Въ концѣ концовъ, въ провинціи вообще сохранилась лишь широкая терпимость, направляемая дружескою рукою, въ связи съ извѣстнымъ политическимъ индиферентизмомъ, который объясняется у однихъ безцвѣтностью вѣроученія и отвращеніемъ къ мірской суетѣ, а у другихъ — стремленіемъ обходить все, что̀ можетъ нарушить безпрепятственное развитіе матеріальнаго благосостоянія.

f) Мерилэндъ.

Была еще одна колонія, соперничавшая съ Пенсильваніей и, быть можетъ, даже превосходившая ее въ дѣлѣ терпимости, — колонія Мерилэндъ. Первое разрѣшеніе для основанія этого поселенія дано было еще въ 1632 году

лорду Балтимору, любимцу Карла I, который настолько раздѣлялъ его католическія симпатіи, что перешелъ въ римскую церковь. Но вмѣсто того, чтобы примкнуть къ нетерпимости короля, онъ воспользовался преслѣдованіями, которымъ самъ подвергался изъ-за вѣры, въ такомъ смыслѣ, что организовалъ колонію, дарованную ему дружественнымъ королемъ, на началахъ абсолютной свободы вѣроисповѣданій. Мерилэндъ — единственная изъ всѣхъ англійскихъ колоній, „владѣлецъ" которой не принадлежалъ къ протестанской вѣрѣ, хотя и здѣсь большинство колонистовъ признавали различныя формы реформированной церкви. Но между тѣмъ, какъ въ штатахъ Новой Англіи господствовала самая фанатическая нетерпимость пуританъ, въ то время, какъ даже болѣе вѣротерпимые южные штаты строго изгоняли всѣхъ папистовъ изъ своей территоріи, Мерилэндъ принципіально открывалъ свои двери для всѣхъ религіозныхъ мнѣній, и все таки свободныя учрежденія колоніи отъ этого нисколько не страдали. Какъ и въ большинствѣ другихъ колоній, права собственниковъ и здѣсь отступали все болѣе и болѣе на задній планъ передъ неизбѣжной самопомощью и самоуправленіемъ поселенцевъ, которые, по примѣру своихъ сосѣдей, организовались на демократическихъ началахъ. Въ Мерилэндѣ пришлось, быть можетъ, нѣсколько дольше бороться съ точкой зрѣнія „собственника", чтобы заставить и его признать эту организацію; но, тѣмъ не менѣе, цѣль была достигнута. Въ силу своего географическаго положенія, Мерилэндъ развивался въ направленіи плантаторскаго штата, но отъ системы крупнаго землевладѣнія, какъ въ Виргиніи, эту колонію спасъ обильный приливъ скромныхъ элементовъ, а отъ ужасовъ рабовладѣльчества — миролюбивый духъ, витавшій надъ нею при самомъ основаніи. Съ туземцами также существовали дружественныя отношенія, и Мерилэндъ могъ служить во всѣхъ отношеніяхъ примѣромъ разумной умѣренности и мудраго правленія.

g) Возникновеніе чувства солидарности.

Различіе происхожденія, неодинаковость политическаго строя и, наконецъ, пространственная разъединенность долго служили препятствіемъ въ сѣверной Америкѣ, какъ и на испанскомъ югѣ, къ созданію общей исторіи колоній. Въ эпоху своего развитія, отдѣльныя провинціи, почти всѣ безъ исключенія, ограничивались узкими береговыми полосами и, несмотря на сосѣдство, все таки были разъединены лѣсистыми пространствами. Съ увеличеніемъ народонаселенія, контрасты не только не исчезли, а, наоборотъ, обострились. Соприкосновеніе границъ неоднократно было причиною продолжительныхъ тяжбъ между отдѣльными колоніями относительно права собственности. Въ сѣверной Америкѣ общность интересовъ въ исторіи отдѣльныхъ поселеній точно также ограничивается сношеніями съ представителями другихъ штатовъ, которые, правда, были здѣсь гораздо многочисленнѣе, чѣмъ на испанскомъ югѣ.

Это обстоятельство, быть можетъ, повліяло на то, что чувство солидарности гораздо сильнѣе развилось между англійскими колоніями въ сравненіи съ испанскими. Носителями этой идеи были съ самаго начала штаты Новой Англіи, и они сохранили за собой эту роль до новѣйшаго времени. Мы уже упоминали (стр. 440) о томъ, какъ эти штаты соединились въ 1643 году, чтобы, съ одной стороны, дать отпоръ внутреннимъ врагамъ, а. съ другой, справиться съ опасностями, вытекавшими изъ политическихъ осложненій на родинѣ. Уже въ слѣдующемъ году они пытались убѣдить южныя колоніи присоединиться къ ихъ союзу. Но это не могло осуществиться вслѣдствіе неодинаковости политическихъ и экономическихъ воззрѣній. И еще долгое время то, что можно бы назвать общей исторіей англійскихъ колоній, сводилось лишь къ исторіи штатовъ Новой Англіи, тогда какъ южныя колоніи

безучастно оставались въ сторонѣ. Завоеваніе Новаго Амстердама и вытѣсненіе голландцевъ было, конечно, прежде всего дѣломъ англичанъ метрополіи. Послѣдствіемъ этого было не расширеніе колоній Новой Англіи, но основаніе ряда новыхъ штатовъ, которые, однако, въ силу своего дальнѣйшаго развитія сами собою примкнули къ нимъ. Съ того момента, какъ все атлантическое побережье отъ Мэна до Георгіи, не прерываясь чужими владѣніями, очутилось въ англійскихъ рукахъ, чувство вселенной связи оказало свое дѣйствіе. Въ данномъ случаѣ этого пожелало само правительство. Какъ Карлъ II, такъ и Іаковъ II сдѣлали попытку устранить разнообразіе колоніальныхъ условій и соединить ихъ подъ одною центральною властью. Благодаря, однако, пассивному сопротивленію колонистовъ, дѣло не подвинулось далѣе первыхъ шаговъ, когда революція 1688 года смела Стюартовъ съ ихъ централистическими стремленіями, а Вильгельмъ и Марія снова подтвердили прежнія конституціи колоній.

h) Борьба съ французскими колонистами.

Въ эту эпоху начало все сильнѣе и сильнѣе обнаруживаться соперничество между англійскими и французскими колонистами. Если это не случалось раньше, то, главнымъ образомъ, благодаря различію экономическихъ условій въ колоніяхъ. Англійскія поселенія существовали почти исключительно сельскимъ хозяйствомъ, и населеніе ихъ не настолько возрасло, чтобы плодородная земля между побережьемъ и Аллеганскими горами не могла удовлетворять его въ изобиліи. У нихъ не было, слѣдовательно, особаго интереса углубляться внутрь страны, и, дѣйствительно, ими сдѣлано сравнительно мало для изслѣдованія ея. Наоборотъ, французскія поселенія, которыя почти исключительно жили торговлею мѣхами, нуждались для поддержанія своего существованія въ обширной внутренней странѣ, которая всецѣло находилась бы въ сферѣ ихъ вліянія. Всякое оживленіе въ собственныхъ колоніяхъ, всякое усиленіе интенсивности торговыхъ оборотовъ замѣтно увеличивало потребность въ территоріальномъ расширеніи. Эта необходимость заставила ихъ пройти весь материкъ отъ устьевъ р. св. Лаврентія до дельты Миссисипи.

Первыми противниками ихъ на этомъ пути были голландцы Новаго Амстердама. Они также были скорѣе торговцами, чѣмъ земледѣльцами, и интересы ихъ тѣмъ болѣе сталкивались съ интересами французовъ, что колоніи ихъ находились на недалекомъ разстояніи отъ послѣднихъ и не были раздѣлены никакими естественными преградами. Торговля мѣхами заключалась, главнымъ образомъ, въ мѣновой торговлѣ съ туземными охотничьими племенами. Поэтому торговая конкуренція необходимо повлекла за собою соперничество въ заискиваніи дружбы индѣйцевъ. И такъ какъ при Шамплэнѣ случай сдѣлалъ французовъ союзниками гуроновъ, то голландцы естественно примкнули къ ихъ противникамъ, ирокезамъ. Благодаря тому, что голландцы снабжали ирокезовъ военнымъ матеріаломъ гораздо щедрѣе и обильнѣе, чѣмъ это дѣлали французы, по политическимъ соображеніямъ, въ отношеніи своихъ друзей, то ирокезы сдѣлались не только страшными для всѣхъ индѣйцевъ, жившихъ на пространствѣ между озерами, Аллеганскими горами и Миссисипи, но представляли постоянную опасность даже для европейскихъ поселеній, не находившихся въ дружбѣ съ союзомъ ирокезовъ. Съ завоеваніемъ Новаго Амстердама англичане въ одно и тоже время приняли на себя наслѣдство этой дружбы и вражды; голландскій торговый духъ надолго остался особенностью Нью-Іоркской колоніи. Поэтому англичане вскорѣ стали относиться столь же враждебно къ французамъ, какъ и голландцы, и даже еще враждебнѣе, чѣмъ незначительная голландская колонія. Первоначально борьба происходила только на меркантильной почвѣ. По иниціативѣ двухъ

французовъ, недовольныхъ правительствомъ Канады и поступившихъ на англійскую службу, было основано въ 1670 году общество Гудзонова залива, которое въ теченіе извѣстнаго времени было опаснымъ соперникомъ французской мѣховой торговли до Сагенея. Но пограничная война, которая долго велась въ ничтожномъ масштабѣ, разлилась широко, когда Англія и Франція, столкнувшись въ Европѣ, перенесли военныя дѣйствія и въ колоніи.

Въ промежутокъ времени отъ 1688 до 1763 было не менѣе пяти подобныхъ колоніальныхъ войнъ. Обыкновенно дѣло начиналось съ того, что французы вмѣстѣ съ своими индѣйскими союзниками пробирались чрезъ лѣсистыя болота къ югу отъ рѣки св. Лаврентія къ пограничнымъ деревнямъ англійскихъ колонистовъ. Здѣсь имъ не трудно было одерживать побѣды надъ беззащитными и жившими въ одиночку фермерами, надъ которыми индѣйцы творили недостойную кровавую расправу. Ново-англичане пробовали отвѣчать тѣмъ, что нападали на французскія миссіи и торговыя стоянки, но они не могли приносить такого же вреда своимъ врагамъ, которые не были столь беззащитны, не говоря уже о томъ, что самые объекты нападенія по цѣнности не могли равняться плантаціямъ ново-англичанъ. Кромѣ того, трудно было побудить къ совмѣстному энергическому дѣйствію различно мыслившихъ руководителей провинцій, составлявшихъ союзъ ново-англійскихъ штатовъ. Колонія Массачусетсъ, благодаря тому, что столица ея, Бостонъ, была резиденціей ново-англійскаго союзнаго собранія, пріобрѣла какъ бы гегемонію. Но она выражалась лишь въ томъ, что иногда эта колонія брала на себя иниціативу тамъ, гдѣ не была увѣрена въ согласіи союзныхъ колоній, и не встрѣчала поддержки съ ихъ стороны; но дѣйствительнымъ авторитетомъ она не пользовалась ни сама по себѣ, ни какъ представительница союзнаго собранія. Съ другой стороны, Бостонъ все болѣе и болѣе становился пунктомъ, гдѣ собирались посылаемыя изъ Англіи боевыя силы для разрѣшенія колоніальныхъ распрей и ставились на боевую ногу.

Для англичанъ не было, конечно, выгоднымъ дробить свои военныя силы въ мелкихъ стычкахъ съ лѣсными колонистами, къ которымъ войско ихъ не было подготовлено и которыя даже при самомъ благопріятномъ исходѣ не приводили ни къ какому рѣшенію. Имъ выгоднѣе было найти такой объектъ для нападенія, гдѣ могъ бы принимать участіе военный флотъ, и безъ того служившій для перевозки войскъ. Подобнымъ пунктомъ являлся полуостровъ, расположенный между рѣкою св. Лаврентія и сѣверной границей ново-англійскихъ штатовъ; французы называли его Акадіей, англичане — Новой Шотландіей. Онъ былъ заселенъ въ началѣ XVII вѣка французами, однако, уже спустя нѣсколько десятковъ лѣтъ, не только вошелъ въ составъ территоріи, дарованной сэру Уильяму Александру, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ первый разъ былъ фактически занятъ англичанами. Тѣмъ не менѣе, мирный договоръ, возвращавшій французамъ завоеванный въ то же время Квебекъ, вернулъ имъ и обладаніе Акадіей, гдѣ, послѣ продолжительнаго періода внутреннихъ смутъ, возникъ, наконецъ, рядъ цвѣтущихъ поселеній; самымъ значительнымъ изъ нихъ былъ Поръ-Рояль, главный городъ колоніальной провинціи. Однако, ново-англичане не переставали зорко слѣдить за этой страною и ждали лишь удобнаго случая, чтобы попытаться вновь завоевать ее. Въ 1654 году англійскій флотъ, отправленный для покоренія Новаго Амстердама, но осужденный на бездѣйствіе вслѣдствіе быстраго заключенія мирнаго договора, очутился неожиданно передъ Акадіей и безъ особаго труда покорилъ ее. Лишь съ восшествіемъ на престолъ Карла II, въ 1667 году, полуостровъ былъ возвращенъ французамъ.

Во время войны за испанское наслѣдство полуостровъ Акадія былъ въ третій разъ занятъ англичанами и фактически уступленъ имъ по

Утрехтскому миру. Французы отступили послѣ того къ Капъ-Бретонъ-Айлэнду и соорудили тамъ фортъ Луисбургъ. Эта крѣпость пріобрѣла такое значеніе, что ново-англичане назвали ее сѣвернымъ Дюнкирхеномъ: подобно послѣднему, она сдѣлалась исходнымъ пунктомъ постояннаго пиратства и набѣговъ, а господствующее положеніе ея служило вѣчной угрозой для открытаго побережья Новой Англіи. Въ виду того, когда въ 1743 году вновь вспыхнула война, союзное собраніе въ Бостонѣ съ радостью ухватилось за случай, дававшій возможность завоевать этотъ пунктъ. Англійскіе плѣнные, бѣжавшіе оттуда, разсказали, что тамъ важные посты плохо защищены и еще хуже снабжены провіантомъ, и что, кромѣ того, множество находившихся тамъ плѣнныхъ обѣщали въ рѣшительную минуту перейти на сторону нападающихъ. Въ апрѣлѣ 1745 года было отправлено небольшое войско для покоренія Луисбурга, которое, несмотря на свое численное превосходство, все таки едва ли могло сравниться въ отношеніи военныхъ качествъ съ французскимъ гарнизономъ. Но цѣлый рядъ счастливыхъ обстоятельствъ настолько помогъ ему, что французы отчаялись въ возможности удержать за собою крѣпость и поэтому вступили въ переговоры и капитулировали, выговоривъ себѣ право свободнаго отступленія. Когда на слѣдующій годъ французы попытались отбить крѣпость обратно, случай во второй разъ оказался на сторонѣ англичанъ. Флотъ, предназначенный для этой цѣли, сильно пострадавъ отъ бури, попалъ въ руки англичанъ. Тѣмъ не менѣе, война еще разъ окончилась безъ всякихъ выгодъ для колоніи. Во время мирныхъ переговоровъ въ Ахенѣ, англійское правительство возвратило французамъ крѣпость, пріобрѣтенную деньгами и кровью колонистовъ, взамѣнъ вознагражденія, которое ему самому казалось очень важнымъ, но колонистами не было ни понято, ни оцѣнено.

Война противъ французовъ, поскольку въ ней вообще участвовали колоніи, была до тѣхъ поръ ведена исключительно ново-англійскими поселеніями. Южные штаты относились совершенно безучастно къ борьбѣ ихъ сѣверныхъ соплеменниковъ, и никакіе призывы къ національному чувству не въ состояніи были пробудить ихъ изъ апатическаго покоя. Даже сознаніе, что поступательное движеніе французовъ въ долинахъ Огайо и его притоковъ грозитъ совершенно отрѣзать отъ нихъ внутреннюю страну, расположенную по ту сторону Аллеганскихъ горъ, едва ли въ состояніи было бы подвинуть ихъ къ дѣятельности. И только возраставшая враждебность и дерзость сосѣднихъ индѣйскихъ племенъ, находившаяся въ связи съ приближеніемъ французскаго вліянія, заставила ихъ подумать о собственныхъ интересахъ. Англичане, впрочемъ, никогда не умѣли долго сохранять дружественныя отношенія съ туземцами. Даже на крайнемъ сѣверѣ, гдѣ голландцы завѣщали имъ цѣнную дружбу съ могущественнымъ союзомъ ирокезовъ, имъ не удалось надолго сохранить приверженность этихъ страшныхъ воиновъ. Французы, пользуясь перемиріемъ, умѣли добиться мирныхъ договоровъ съ этими злѣйшими изъ своихъ враговъ, и, въ послѣдней рѣшительной битвѣ достигли, по крайней мѣрѣ, того, что ирокезы уже не всѣ сражались на сторонѣ англичанъ. Наканунѣ окончательнаго пораженія, которое навсегда уничтожило ихъ колоніальное царство, они не могли, конечно, воспользоваться этими постепенными успѣхами въ расположеніи къ нимъ туземцевъ. Но англичане еще долго послѣ эпохи войны за независимость тяжело ощущали эту вражду къ нимъ индѣйцевъ, которую систематически сѣяли французы.

Ахенскій миръ 1748 года оставилъ въ колоніяхъ еще больше матеріала для броженія, нежели въ Европѣ, и дѣло дошло до открытаго столкновенія еще раньше, чѣмъ въ Европѣ возобновились враждебныя отношенія. Въ области истоковъ Огайо англійскіе колонисты столкнулись съ французскими отрядами, и опасность показалась англичанамъ настолько серьёзною, что они выслали своихъ милиціонеровъ на помощь скваттерамъ.

Въ 1754 году въ дѣло вмѣшалось и союзное собраніе. Пенсильванія и Виргинія, которымъ также грозила опасность со стороны французовъ, приглашены были къ обсужденію вопроса о томъ, какими средствами можно было бы устранить ее. Правительства Англіи и Франціи, въ свою очередь, признавали положеніе дѣлъ въ Америкѣ серьёзнымъ. И хотя они избѣгали дипломатическихъ объясненій, но втихомолку оба готовились возобновить борьбу за колоніальныя границы. Но такъ какъ оба подозрительно наблюдали другъ за другомъ, то для французовъ не было тайною, что англичане отправляли войска въ Виргинію, а для англичанъ, что французы усиливали гарнизоны въ своихъ канадскихъ укрѣпленіяхъ. Случай далъ толчокъ къ началу враждебныхъ дѣйствій. Англійскіе корабли встрѣтили на меляхъ Ньюфаундлэнда два французскихъ транспортныхъ судна, во время тумана отставшихъ отъ своего флота, и захватили ихъ. На это канадцы отвѣтили угрозами и репрессаліями, и борьба въ Америкѣ, такимъ образомъ, снова вспыхнула безъ объявленія войны. На морѣ съ самаго начала побѣда была рѣшительно на сторонѣ англичанъ; но на сушѣ въ первые годы войны превосходство оказалось безусловно на сторонѣ французовъ, хотя на этотъ разъ англійское правительство не полагалось на союзное собраніе Новой Англіи, а съ первой минуты вело войну по опредѣленному плану. Рѣшено было сразу напасть на важнѣйшіе опорные пункты французскихъ владѣній, разрушить и завоевать ихъ. Однако выполнить эту задачу было нелегко, имѣя неспособныхъ предводителей во главѣ, при отсутствіи путей сообщенія и этаповъ. Совершить походъ въ лѣсистыхъ странахъ Аллеганскихъ горъ или по болотамъ области озера Шамплэна, было не то, что вести войну на поляхъ битвъ Стараго Свѣта. Генералъ Старой Англіи долженъ былъ обладать необычайнымъ талантомъ, чтобы оріентироваться въ этихъ совершенно измѣненныхъ условіяхъ. Этимъ объясняется, почему первыя дѣйствія противъ французскихъ портовъ въ долинѣ Огайо и въ области озера Шамплэнъ были или вовсе неудачны, или привели лишь къ ничтожнымъ и временнымъ успѣхамъ.

Во всякомъ случаѣ, война въ лѣсахъ не могла привести къ рѣшительному результату. Она имѣла лишь цѣлью подготовить, главнымъ образомъ, нападеніе на пункты, служившіе ключомъ къ французскимъ колоніальнымъ владѣніямъ: на фортъ Ніагару, который господствовалъ надъ сообщеніемъ между Канадой и Луизіаной, на Монреаль, заграждавшій верховья рѣки св. Лаврентія и путь къ Гуронскому озеру, и на Квебекъ, сердце французской колоніи и ворота къ сношеніямъ съ метрополіей. Въ первые три года англичане терпѣли почти одни только пораженія, и только въ 1758 году они нѣсколько приблизились къ осуществленію плановъ своего похода. Фортъ Луисбургъ, который они такъ легкомысленно вернули французамъ въ 1748 году, былъ вторично взятъ Амгерстомъ и Вольфомъ послѣ 7-недѣльной осады. Затѣмъ въ руки англичанъ перешелъ ключъ къ крѣпости Монреаля, фортъ Фронтенакъ, расположенный у выхода рѣки св. Лаврентія изъ озера Эри. Захватъ этого форта чрезвычайно затруднилъ сношеніе съ укрѣпленіями въ долинахъ Огайо и Миссисипи. Но французское оружіе все еще имѣло перевѣсъ въ области истоковъ Гудсона, гдѣ границы штатовъ Новой Англіи были наиболѣе уязвимы. Лишь на слѣдующій годъ англичане пожали лавры и на этомъ театрѣ военныхъ дѣйствій. При Тикондерогѣ у озера Шамплэна Амгерстъ одержалъ новую побѣду, которая заставила французовъ уступить флангъ Монреаля. Одновременно съ этимъ занятіе фортовъ Ніагары и Кревкёръ совершенно отрѣзало отъ сообщенія съ Канадою область къ югу отъ большихъ озеръ. Такимъ образомъ, къ слѣдующему году было обезпечено осуществленіе плана концентрическаго нападенія, составленнаго англійскимъ правительствомъ.

Когда достигнуты были эти результаты, время года не позволяло уже

предпринять что либо серьезное для окончательнаго покоренія Канады. Тѣмъ не менѣе, въ самыя послѣднія недѣли передъ установленіемъ суровой канадской зимы случилось событіе, которое имѣло рѣшающее значеніе для судьбы страны. Съ половины іюля 1759 года передъ Квебекомъ находились англійскія военныя силы подъ предводительствомъ генерала Вольфа. Онѣ выступили въ сопровожденіи большого флота съ цѣлью проникнуть со стороны низовьевъ рѣки св. Лаврентія къ центру Новой Франціи и, по возможности, овладѣть Квебекомъ. Въ теченіе многихъ недѣль битвы подъ самой столицей шли съ перемѣннымъ успѣхомъ, и ни одной изъ сражающихся сторонъ не удавалось достигнуть рѣшительнаго результата. Англичане бомбардировали ниже лежащія части города Квебека и затрудняли снабженіе провіантомъ его и войска, сосредоточеннаго къ востоку отъ него въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ предводительствомъ генерала Монкальма. Англичане не могли стать твердой ногой на сѣверномъ берегу рѣки, а французамъ не удавалось вытѣснить ихъ съ южнаго берега. Приближеніе зимы наполняло французовъ радостной надеждой, что близко время, когда наступитъ конецъ ихъ лишеніямъ и страданіямъ. Но въ то же время англійскій генералъ пришелъ къ убѣжденію, что необходимо рѣшить дѣло теперь же или отступить, что̀ было бы равносильно, по своимъ послѣдствіямъ, тяжелому пораженію. Такъ какъ у французовъ стояло еще на рѣкѣ, выше Квебека, нѣсколько кораблей, и сѣверный берегъ ея къ западу отъ города былъ почти недоступенъ, то нападеніе и защита сосредоточились на поляхъ непосредственно ниже Квебека. Тогда англичане построили послѣдній планъ на томъ, чтобы получить возможность пристать выше города, занять возвышенность, на восточной оконечности которой, образуемой рѣкою св. Лаврентія и рѣкою Шарля, расположенъ городъ Квебекъ, и, такимъ образомъ, занять позицію, господствующую надъ французской арміей. Движеніе войскъ по южному берегу въ западномъ направленіи не могло ускользнуть отъ генерала Монкальма. Опасенія его еще болѣе усилились, когда часть англійскаго флота форсировала проходъ подъ выстрѣлами изъ пушекъ Квебека и стала на якорѣ въ нѣсколькихъ миляхъ выше города. Тогда онъ отправилъ часть своихъ войскъ вверхъ по рѣкѣ; но они должны были остановиться, такъ какъ сѣверный берегъ вблизи города считался недоступнымъ, а флотъ ушелъ далеко вверхъ на значительное разстояніе отъ города. На этомъ Вольфъ основалъ свой планъ нападенія. Онъ открылъ мѣсто, приблизительно на серединѣ между городомъ и западнымъ крыломъ французовъ, гдѣ подъемъ казался ему осуществимымъ. Въ ночь съ 12 на 13 сентября онъ заставилъ избранный отрядъ съ флота пробраться внизъ по рѣкѣ на лодкахъ. Такъ какъ французы часто получали ночные транспорты провіанта по водѣ изъ Монреаля, то ему удалось обмануть первые посты. Когда французы узнали свою ошибку, десантный отрядъ англичанъ былъ уже настолько значителенъ, что могъ отбросить непріятельскіе пикеты и врѣзаться клиномъ между западнымъ крыломъ и главной арміей французовъ. Къ несчастью, командовавшій крыломъ все еще не понималъ значенія англійской аттаки; онъ полагалъ, что это одна изъ обычныхъ стычекъ и оставался бездѣятельнымъ.

Такимъ образомъ, Вольфу удалось сосредоточить свои войска на возвышенности Авраама. У нихъ оставалось еще нѣсколько часовъ для отдыха и приготовленія къ битвѣ прежде, чѣмъ Монкальмъ подошелъ изъ лагеря, лежавшаго ниже города, и открылъ сраженіе. Несмотря на удавшееся нападеніе врасплохъ, положеніе англичанъ все еще было чрезвычайно опасно. Правда, французскія войска были не достаточно обучены и при томъ дезорганизованы вслѣдствіе продолжительныхъ лишеній; но на ихъ сторонѣ имѣлось значительное превосходство силъ, и, даже въ случаѣ пораженія, имъ представлялась возможность отступленія и сосредоточенія отрядовъ подъ стѣнами города. Для англичанъ, наоборотъ, по-

раженіе было бы равносильно не только уничтоженію лучшихъ войскъ, избранныхъ для десанта, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, потерѣ всѣхъ вообще результатовъ побѣды и, быть можетъ, даже всего флота и остатковъ операціонныхъ войскъ. Вольфъ сумѣлъ разъяснить это не только подвластнымъ ему начальникамъ, но почти каждому солдату въ отдѣльности. Онъ отдалъ приказъ ждать врага въ лежачемъ положеніи и позволить подойти на столько близко, чтобы каждый былъ увѣренъ въ своемъ выстрѣлѣ. И только тогда, когда залпы на самомъ близкомъ разстояніи произведутъ смятеніе въ колоннахъ аттакующихъ французовъ, англичане должны ударить въ штыки. Для Монкальма не оставалось выбора: онъ долженъ былъ наступать, такъ какъ съ каждымъ часомъ могли прибыть новыя войска къ англичанамъ и чаша вѣсовъ склониться не въ его пользу. Однако, его миліціонеры, подкрѣпляемые лишь небольшимъ числомъ регулярныхъ войскъ, не въ силахъ были выдержать разрушительнаго огня англійскихъ фузильеровъ, Сраженіе длилось лишь нѣсколько минутъ, послѣ чего французы обратились въ бѣгство и достигли съ большими потерями лагеря по ту сторону рѣки С. Шарлъ. Генералъ Монкальмъ и большая часть французскихъ высшихъ офицеровъ пали или были тяжело ранены.

Квебекъ былъ оставленъ на произволъ судьбы; разстроенные остатки войска отступили къ Монреалю, и туда же стянулось западное крыло, неучаствовавшее въ сраженіи. Но и англійскій вождь не пережилъ своей побѣды. Когда генералъ Вольфъ, во главѣ одного изъ англійскихъ полковъ, бросился на колеблющіяся колонны непріятеля, въ него попалъ рядъ выстрѣловъ, которые выбили его изъ строя. Онъ умеръ еще до окончанія битвы; но все таки, умирая, онъ слышалъ восторженные клики своихъ соотечественниковъ. Тѣмъ не менѣе, англичане не могли продолжать побѣдоноснаго движенія. Они были слишкомъ слабы и плохо обезпечены со стороны сообщеній для того, чтобы рискнуть слишкомъ удаляться отъ флота. Несмотря однако на то, что остатки французскаго войска могли безпрепятственно отступить къ Монреалю, побѣдный призъ, Квебекъ, достался англичанамъ безъ дальнѣйшаго кровопролитія. Измученный голодомъ, наполовину испепеленный городъ капитулировалъ спустя нѣсколько дней. Съ паденіемъ главнаго города судьба страны была рѣшена.

Впрочемъ, еще до полнаго наступленія зимы, Квебеку пришлось отбить нападеніе французовъ, а на слѣдующій годъ даже выдержать опасную, хотя и непродолжительную осаду. Но вырвать его у англичанъ французы уже не могли. Наоборотъ, съ наступленіемъ благопріятнаго времени года, англичане приступили къ взятію послѣдней твердыни, надъ которою еще развѣвались французскія лиліи. Совершенно отрѣзанный отъ сообщенія съ родиною и тѣснимый двумя, численно превосходными англійскими отрядами, которые почти одновременно появились въ виду города, оперируя выше и ниже по р. св. Лаврентія, Монреаль не былъ въ состояніи оказать серьезное сопротивленіе. Губернаторъ сдалъ городъ безъ боя, чтобъ избѣжать безполезнаго кровопролитія. Быть можетъ, онъ надѣялся, что дипломатическіе переговоры и событія на другихъ театрахъ военныхъ дѣйствій еще разъ вернутъ Франціи то, чего она не могла отстоять силою оружія. Но роль Франціи въ Америкѣ была сыграна. По парижскому миру, Людовикъ XV навсегда отказался въ пользу Англіи отъ канадскихъ владѣній и призналъ Миссисипи границею между Луизіаною и англійскими владѣніями.

Франція не могла, однако, удержать и Луизіану. Испанія въ теченіе ряда лѣтъ съ уныніемъ и бездѣятельно глядѣла на міровой пожаръ, въ которомъ развернулись страсти всѣхъ европейскихъ державъ. Наконецъ, 15 августа 1761 года Карлъ III заключилъ съ Людовикомъ XV знаменитый бурбонскій семейный договоръ, въ силу котораго Испанія, все еще жившая воспоминаніями о своемъ гордомъ прошломъ, окончательно утратила поло-

женіе въ концертѣ европейскихъ государствъ. Враждебныя отношенія, вспыхнувшія вслѣдствіе этого между Англіей и Испаніей, обнаружились раньше всего на Антильскихъ островахъ. Британскій флотъ овладѣлъ городомъ Гаваною и покорилъ почти весь островъ Кубу. На флоридской границѣ не происходило серьезныхъ дѣйствій; но, послѣ завоеванія сосѣдней Кубы, слабые испанскіе гарнизоны Санъ-Агустина и Пенсаколы были взяты почти безъ боя. Во время мирныхъ переговоровъ Англія была готова возвратить испанцамъ Кубу съ тѣмъ, чтобы ими была очищена и уступлена Флорида. Карлъ III, покинутый Франціей, былъ радъ уже тому, что получилъ западную Луизіану взамѣнъ того, что̀ онъ вынужденъ былъ уступить англичанамъ къ востоку отъ Миссисипи.

По парижскому миру, французское господство исчезло изъ предѣловъ сѣверной Америки, которая была раздѣлена между Англіей и Испаніей. Миссисипи, великая рѣка, изслѣдованіе которой почти всецѣло было дѣломъ французовъ, сдѣлалась на будущее время границею между обѣими націями, принявшими французское наслѣдство.

7. Войны Сѣвера за независимость.

A. **Очеркъ событій, предшествовавшихъ отпаденію.**

Отпаденіе Соединенныхъ Штатовъ отъ Англіи въ самыхъ различныхъ отношеніяхъ тѣсно связано съ завершеніемъ войны, которая подчинила всю сѣверную Америку до Миссисипи англійскому скипетру. Правовое положеніе старыхъ колоній по отношенію къ метрополіи было такое же, какъ и въ испанскихъ колоніяхъ: онѣ являлись не столько составною частью англійскаго государства, сколько исключительно коронными владѣніями. Для Англіи это обстоятельство имѣло совершенно особое послѣдствіе: важныя ограниченія, которыя парламентъ постепенно накладывалъ на абсолютную власть монарха въ метрополіи, не распространялись на колоніи. Каждый разъ, когда англійскій парламентъ пытался вмѣшиваться въ дѣла колоній, ему разрѣшалось касаться лишь внѣшней торговли и говорить отъ имени колоній, отстаивая ихъ интересы въ сношеніяхъ съ чужими націями. Но въ дѣлахъ внутренняго управленія каждая отдѣльная провинція требовала, чтобы посредникомъ между монархомъ и ея подданными являлось, вмѣсто парламента, ея собственное законодательное собраніе. Въ особенности онѣ стояли на томъ, чтобы право утвержденія налоговъ и расходовъ принадлежало исключительно этимъ провинціальнымъ собраніямъ. Старыя провинціи, въ которыхъ населеніе состояло, главнымъ образомъ, изъ англичанъ, которые бѣжали отъ религіозной нетерпимости на родинѣ, и жизнь и благосостояніе которыхъ создались собственными силами, почти безъ всякаго содѣйствія центральной власти, смотрѣли на это, какъ на свое историческое право. Отмѣнить это право было нелегко, хотя оно и не вполнѣ согласовалось съ развитіемъ взглядовъ на задачи государственной власти.

Но какова должна была быть организація тѣхъ обширныхъ территорій, которыя, находясь въ сосѣдствѣ со старыми колоніальными провинціями и отчасти въ совершенно аналогичныхъ естественныхъ условіяхъ, попали теперь въ руки англичанъ въ силу Парижскаго мира? Война велась не королемъ, но англійскимъ правительствомъ, министерствомъ и парламентомъ, и именно эти факторы заключили выгодный мирный договоръ. Правда, колоніи сами принимали участіе въ войнѣ, и нѣкоторыя провинціи, какъ, напр., Массачусетсъ, дѣйствовали также по собственной инціативѣ и посылали военныя силы. Но въ той мѣрѣ, въ какой въ этомъ участвовало англійское правительство, расходы

покрывало оно, а не колоніальное правительство. Послѣ заключенія мира, Массачусетсъ частью получилъ, частью долженъ былъ получить значительныя суммы отъ Англіи за свое дѣятельное участіе въ побѣдѣ надъ французами.

Не подлежало никакому сомнѣнію, что подчиненіе сосѣднихъ французскихъ колоній англійской власти косвеннымъ образомъ должно было доставить весьма существенныя выгоды старѣйшимъ англійскимъ колоніальнымъ провинціямъ; но было ясно, что метрополія нисколько не будетъ расположена предоставить имъ вновь завоеванную страну. Противъ того, что англійское правительство образовало изъ Канады и Флориды рядъ новыхъ колоніальныхъ провинцій, высшая власть надъ которыми принадлежала уже не королю, а министерству и парламенту, воплощавшимъ въ себѣ англійское государство, едва ли кто въ старыхъ колоніяхъ могъ возражать, но относительно области, которая находилась между Аллеганскими горами и Миссисипи, столкновеніе интересовъ приняло болѣе серьезный характеръ. Колоніи никогда не признавали французскихъ притязаній на эти области и иногда даже весьма серьезно оспаривали ихъ. Объявивъ теперь водораздѣлъ на Аллеганскихъ горахъ границею старыхъ колоній и присвоивъ себѣ всю территорію къ западу отъ нея до Миссисипи, правительство создало поводы къ разногласію. Въ первое время послѣдствія этого не чувствовались, пока ни англійское, ни колоніальное правительства не могли вытѣснить французскихъ гарнизоновъ изъ фортовъ, выдвинутыхъ къ Аллеганской границѣ и, слѣдовательно, вступить фактически во владѣніе спорною областью.

Вначалѣ плантаторы и скваттеры Виргиніи и Пенсильваніи мало интересовались тѣмъ, какъ государство провело границы колоніальныхъ территорій. Такъ какъ держава, до сихъ поръ тормозившая поступательное движеніе ихъ въ плодородныя пространства долины Огайо, уступила всѣ свои права и притязанія Англіи, гражданами которой они считали и себя, то они охотно вступили въ обладаніе землями, создавали на нихъ новые очаги на границахъ цивилизаціи съ бо́льшимъ или меньшимъ соблюденіемъ правовыхъ формъ и мало интересовались вопросомъ, кому они будутъ подчинены на этой новой землѣ — англійскому парламенту или колоніальному собранію своей провинціи. Послѣ заключенія мира началось сильное переселенческое движеніе на западъ, и непосредственнымъ послѣдствіемъ его была новая война съ индѣйцами.

Перемѣна политическаго положенія въ сѣверной Америкѣ, созданная Парижскимъ миромъ, была особенно невыгодна для индѣйцевъ. При господствѣ французовъ, они чувствовали себя хорошо въ двоякомъ отношеніи, такъ какъ французскія колоніи, въ которыхъ обработка земли играла совершенно побочную роль, нуждались въ нихъ, съ одной стороны, для обмѣна съѣстныхъ припасовъ и предметовъ торговли, а съ другой, для того, чтобы, при содѣйствіи туземцевъ, бороться съ преобладающей конкуренціей англійскихъ поселеній. Французы не только не тѣснили ихъ, но часто брали подъ свое покровительство и позволяли имъ селиться въ непосредственномъ сосѣдствѣ французскихъ пограничныхъ фортовъ. Наоборотъ, англійскіе поселенцы, проникшіе теперь въ эту область, обнаружили все безсердечіе англиканской расы въ отношеніи индѣйцевъ. И столкновеніе, которое вскорѣ вспыхнуло, было, во всякомъ случаѣ, вызвано скорѣе колонистами, чѣмъ туземцами. Конечно, и послѣдніе были не совсѣмъ правы. Въ теченіе ряда поколѣній у нихъ сложилось представленіе о безграничномъ могуществѣ ихъ отца-покровителя, отдаленнаго французскаго короля. Возможно даже, что среди канадскихъ поселенцевъ и французскихъ мѣховыхъ торговцевъ, имѣвшихъ самыя тѣсныя сношенія съ индѣйцами, были и такіе, которые искренно вѣрили, что настоящее состояніе только временное. По крайней мѣрѣ, индѣйцамъ часто внушали увѣренность, что

великій король только уснулъ, и когда онъ проснется, то навѣрное вспомнитъ о своихъ дѣтяхъ въ дальней пустынѣ и освободитъ ихъ отъ тяжелаго гнета чужеземцевъ.

Броженіе, широко распространившееся при такихъ условіяхъ, приняло характеръ, грозный для англичанъ, когда одинъ рѣшительный и проницательный предводитель индѣйцевъ сдѣлалъ попытку воспользоваться положеніемъ вещей и вызвать всеобщее возстаніе среди своихъ соплеменниковъ, которое дало бы ему громкую славу и власть. Предводитель оттавовъ, по имени Понтіакъ, игралъ во время французскаго господства извѣстную роль, какъ представитель сильнаго племени. Послѣ пораженія французовъ, онъ также заключилъ миръ съ англичанами. Когда разсчеты его на прежнее уваженіе и почетъ оказались обманутыми, онъ рѣшился отомстить англичанамъ. При помощи гонцовъ, онъ сумѣлъ склонить къ заговору противъ англичанъ индѣйскія племена запада отъ озеръ до Миссисипи. Было условлено, что онъ лично подастъ сигналъ ко всеобщему возстанію внезапнымъ нападеніемъ на фортъ Детруа между озерами Гурономъ и Эри. Послѣ этого индѣйцы, дѣйствительно, взяли штурмомъ рядъ англійскихъ постовъ, разрушеніе которыхъ сопровождалось обычными жестокостями. Но аттака самого Понтіака не удалась, и онъ въ теченіе мѣсяцевъ осаждалъ фортъ Детруа безъ результата, что̀ парализовало движеніе. Возстаніе совершенно стихло, когда англійскій отрядъ, выступившій для освобожденія форта Эри въ Пенсильваніи, также осажденнаго, одержалъ рѣшительную побѣду надъ индѣйцами при Буши-Рёнѣ. На слѣдующій годъ Понтіакъ обратился далѣе на западъ и постарался возбудить къ борьбѣ туземцевъ Иллинойса и Миссисипи. Насколько онъ былъ опаснымъ противникомъ, доказываютъ его усилія возбудить противъ англичанъ французскіе гарнизоны, которые во многихъ мѣстахъ еще не были удалены. Когда и это не удалось, и англійскіе войска снова преслѣдовали его по пятамъ, Понтіакъ отказался отъ своихъ военныхъ плановъ, какъ это сдѣлали уже раньше большинство начальниковъ, участвовавшихъ въ заговорѣ.

Война съ индѣйцами показала, какъ важно было для колоній обезпеченіе запада. Но, по разсчетамъ, для этого требовалось содержать въ сѣверо-американскихъ колоніяхъ около 20 тысячъ войска. Обязана ли была Англія приносить такую жертву и содержать такую армію, которая, въ сущности, была нужна однимъ колоніямъ? Неудивительно, что колоніальныя собранія считали это естественнымъ; но даже въ англійскомъ парламентѣ значительная партія высказалась въ томъ же смыслѣ. Она разсуждала такъ: для того, чтобы правильно взвѣсить отношеніе между жертвами, которыхъ требовали колоніи отъ метрополіи, и выгодами, которыя онѣ доставляли ей, необходимо принять во вниманіе не только доходъ съ пошлинъ, налагаемыхъ на торговлю между Англіей и Америкой, но и то обстоятельство, что вся англійская промышленность обязана своимъ цвѣтущимъ состояніемъ исключительно колоніямъ. При помощи запретительныхъ мѣръ, въ колоніяхъ было подавлено развитіе всѣхъ отраслей промышленности, которыя могли серьезно конкурировать съ метрополіей. Вслѣдствіе того, колоніи были вынуждены постоянно получать матеріи для платья, шляпы, машины по сравнительно высокимъ цѣнамъ изъ Англіи, хотя онѣ могли прекрасно сами изготовлять эти предметы или, по крайней мѣрѣ, получать ихъ гораздо дешевле при условіи свободной торговли. Съ другой стороны, колоніи должны были продавать свои продукты исключительно въ Англію, что̀ значительно понижало цѣны ихъ сравнительно съ господствовавшими на международномъ рынкѣ. Возможность дешево получать сырые продукты изъ колоній облегчала Англіи конкуренцію съ промышленностью другихъ странъ и доставляла ей громадныя выгоды. Въ виду такого положенія вещей, было бы несправедливо налагать на колоніи

бремя, которое выпало на долю государства отнюдь не по винѣ колоній. Правительство метрополіи ничего не сдѣлало для колоній, которыя собственными силами стали на твердую ногу, и, наоборотъ, не мало содѣйствовали цвѣтущему положенію Англіи.

Такъ высказывались выдающіеся государственные люди Англіи, и это обстоятельство, конечно, сильно способствовало тому, что колоніи упорнѣе отстаивали свои взгляды. Въ парламентѣ партія виговъ неоднократно грозила противникамъ перспективою, что ихъ мѣры могутъ лишь популяризировать въ колоніяхъ мысль объ отдѣленіи отъ Англіи. Тѣмъ не менѣе, агитація, въ которой виги столько же защищали интересы своей партіи, сколько интересы колоній, значительно способствовала тому, чтобы получился результатъ, который оппозиція думала предупредить. Наконецъ, противная конституціи форма, въ которой различныя министерства Георга III вели борьбу противъ колоній, вызывала сильный отпоръ со стороны послѣднихъ. Но все таки это сопротивленіе не сдѣлалось бы стойкимъ и всеобщимъ, если бы борьба въ парламентѣ не убѣдила американцевъ, что въ самой Англіи есть могущественная партія, которая раздѣляетъ ихъ взгляды и признаетъ за ними право защищать свои требованія съ оружіемъ въ рукахъ. Провозглашеніе независимости Соединенныхъ Штатовъ было вызвано въ несравненно большей мѣрѣ борьбою за интересы, чѣмъ борьбою за право.

Разногласія между отдѣльными колоніями и лондонскимъ правительствомъ обнаружились еще во время войны съ Франціей и повели къ тому, что провинціи, наиболѣе заинтересованныя въ этомъ, отправили посредниковъ въ резиденцію правительства. Такъ Веніаминъ Франклинъ прибылъ въ Лондонъ отъ имени Пенсильванскаго собранія, главнымъ образомъ, съ цѣлью искать защиты парламента противъ злоупотребленій короны; точно также ко двору прибыли агенты Массачусетса и Коннектикута. Они были свидѣтелями того, какъ подготовлялась борьба за государственную власть между короною и парламентомъ, и какъ обѣ партіи ждали только заключенія мира, чтобы ввести, каждая съ своей точки зрѣнія, болѣе строгое управленіе въ колоніяхъ. Благодаря отсутствію выработанныхъ правилъ въ прошломъ и особеннымъ условіямъ, созданнымъ межколоніальными войнами, быстро слѣдовавшими одна за другой, законы о мореходствѣ и торговыхъ сношеніяхъ съ внѣанглійскими областями были въ пренебреженіи. Колоніи извлекали значительныя выгоды изъ незаконной торговли съ испанскими поселеніями, и Англія при этомъ несла чувствительныя потери, вслѣдствіе недобора пошлинъ. Это былъ первый пунктъ, въ который новое правительство рѣшило вмѣшаться. Мѣропріятія съ цѣлью ограниченія торговли колоній и съ колоніями были вновь усилены, и у всѣхъ важныхъ пунктовъ берега поставлены таможенные стаціонеры съ предоставленіемъ имъ права задерживать и обыскивать всякое подозрительное судно. Чиновникамъ колоній было предписано во всѣхъ отношеніяхъ помогать таможенному дозору, гдѣ бы ни представлялась въ этомъ надобность. Аналогичный приказъ былъ отданъ войску, расположенному въ различныхъ городахъ побережья. Въ то же время на службу таможеннаго управленія были привлечены военныя суда, которымъ обѣщаны значительныя вознагражденія. Ни одна изъ колоній не была въ такой мѣрѣ заинтересована въ торговлѣ вообще и въ незаконной торговлѣ въ особенности, какъ Массачусетсъ. Здѣсь оппозиція впервые подняла голову, чтобы грозно протестовать противъ нарушенія интересовъ провинціи и правъ ея гражданъ. До этого момента мѣропріятія правительства, хотя и были стѣснительны и неудобны, но въ сущности не заключали въ себѣ ничего противузаконнаго. Если бы правительство на этомъ остановилось, то бостонскіе купцы, главные зачинщики протестовъ, едва ли встрѣтили бы поддержку въ другихъ колоніяхъ. Но дѣло въ

томъ, что возстановленіе старыхъ запретительныхъ законовъ являлось лишь прелюдіей того, что правительство замышляло противъ колоній.

Война съ Франціей наложила на Англію тяжелое бремя долговъ. А правительству приходилось, кромѣ того, вернуть колоніямъ значительныя суммы за военныя издержки и принять на себя содержаніе арміи. Эта послѣдняя, конечно, была прежде всего настоятельно необходима для поддержанія авторитета самого правительства, но главное оффиціальное назначеніе ея объяснялось необходимостью защиты колоній. Министерство было того мнѣнія, что вовлеченіе заокеанскихъ провинцій въ расходы на покрытіе этихъ потребностей будетъ лишь дѣломъ справедливости. Для достиженія этой цѣли представлялись различные пути. Самымъ правильнымъ было бы, конечно, еслибы правительство покрыло расходы на дѣло завоеванія изъ доставшейся ему добычи, провинцій Канады, Луизіаны и Флориды. Въ этихъ областяхъ приходилось и еще необходимо было создавать государственное управленіе. Въ томъ, что дѣла ихъ подлежали вѣдѣнію парламента, не могло быть сомнѣнія. Но подобный актъ повлекъ бы за собою необходимость перемѣны правового положенія и въ старыхъ колоніяхъ, а правительство именно этого и желало избѣжать. Къ тому же экономическое развитіе названныхъ странъ еще стояло на такой низкой ступени, что потребовалось бы много времени прежде, чѣмъ онѣ были бы въ состояніи удовлетворять финансовымъ требованіямъ. Другое средство было бы осуществимо въ томъ случаѣ, если бы правительство могло рѣшиться вступить въ переговоры съ каждой колоніальной провинціей въ отдѣльности относительно причитающейся на ея долю суммы. Каждый разъ, когда правительство обращалось съ такимъ запросомъ къ одному изъ колоніальныхъ собраній, послѣднее охотно шло на встрѣчу и часто ассигновывало даже больше, чѣмъ требовалось. Но этотъ путь ставилъ правительство въ противорѣчіе съ его собственной программою: онъ какъ бы косвенно признавалъ за колоніями право санкціонировать лишь тѣ расходы, которые будутъ утверждены представительными органами ихъ. Такимъ образомъ, оставалось лишь два пути: повысить внѣшнія пошлины, установленіе которыхъ колоніи всегда считали задачей метрополіи, и притомъ на столько, чтобы онѣ покрывали расходы, или же добиться отъ парламента введенія новыхъ налоговъ и затѣмъ навязать ихъ колоніямъ.

Этотъ послѣдній выходъ казался правительству наиболѣе желательнымъ, такъ какъ, въ дѣйствительности, цѣли его не ограничивались ближайшей задачей выпутаться изъ временныхъ финансовыхъ затрудненій при содѣйствіи колоній. У него былъ болѣе широкій планъ: поставить колоніи въ болѣе строгую и непосредственную зависимость отъ метрополіи такъ, чтобы, въ концѣ концовъ, можно было совсѣмъ устранить конституціи отдѣльныхъ провинцій и ввести общую для всѣхъ колоній централистическую организацію. Министерство, къ которому принадлежали графъ Гренвиль, какъ глава, и Ричардъ Джэксонъ, какъ канцлеръ казначейства, внесло въ февралѣ 1765 года въ англійскій парламентъ предложеніе распространить гербовый сборъ на колоніи, и этимъ путемъ создать средства на содержаніе колоніальной арміи и уплату жалованья правительственнымъ чиновникамъ въ колоніяхъ. Метрополія избавилась бы, такимъ образомъ, отъ расходовъ на армію, а чиновники, не получая болѣе жалованья отъ колоніальныхъ собраній, почувствовали бы себя совершенно независимыми и могли бы рѣшительнѣе поддерживать энергическую политику правительства. Этотъ планъ возникъ и былъ разсмотрѣнъ еще въ 1754 году, но былъ взятъ обратно въ виду единодушнаго отпора колоній. На этотъ разъ предложеніе, послѣ короткихъ дебатовъ, прошло въ нижней палатѣ подавляющимъ большинствомъ, а вслѣдъ за тѣмъ было принято безъ возраженій палатою лордовъ. 1 ноября 1765 года гербовый налогъ долженъ былъ вступить въ силу въ колоніяхъ.

Еще раньше, чѣмъ сдѣлалось извѣстнымъ постановленіе парламента, приняты были мѣры противъ возможныхъ случайностей. Еще раньше правительство поручило командующему англійскими войсками въ Бостонѣ потребовать отъ провинціи средствъ на содержаніе военныхъ силъ. Это обстоятельство дало толчокъ къ первымъ революціоннымъ движеніямъ въ Массачусетсѣ, торговля котораго сильно страдала отъ ограничительныхъ мѣръ. *Мысль болѣе тѣснаго сплоченія колоній* была обстоятельно разсмотрѣна уже въ 1754 году на собраніи делегатовъ въ Альбани. Уже тогда Веніаминъ Франклинъ выступилъ съ проэктомъ общей конституціи для сѣверо-американскихъ колоніальныхъ владѣній и въ рѣзкихъ выраженіяхъ нападалъ на централистическіе планы, чѣмъ, быть можетъ, повредилъ дѣлу единства. Тѣмъ не менѣе, мысль о соединеніи всѣхъ колоній для общаго дѣла и для соглашенія всѣхъ необходимыхъ мѣръ въ виду этой цѣли понемногу пускала корни во всѣхъ колоніяхъ. Когда Массачусетсъ первый очутился въ опасности, наиболѣе выдающіеся члены его законодательнаго собранія образовали комитетъ, который долженъ былъ вступить въ сношенія съ другими колоніями и отстаивать затронутыя извнѣ права ихъ. Первымъ плодомъ ихъ дѣятельности была брошюра о правахъ колоній, вызвавшая сенсацію и въ Англіи. Авторъ ея, *Джемсъ Отисъ*, энергически доказывалъ, что колоніи обязаны повиноваться лишь тѣмъ распоряженіямъ правительства, которыя издаются и вводятся по соглашенію съ представительными собраніями. Уже въ этомъ сочиненіи стрѣлы направлены противъ билля о гербовомъ сборѣ, который въ то время еще только подготовлялся. Съ принятіемъ его протестъ охватилъ всѣ колоніи.

До этого времени повышенія пошлинъ и стѣсненія торговли касались, по преимуществу, купцовъ немногочисленныхъ торговыхъ городовъ, большею частью, расположенныхъ въ Новой Англіи; главная масса колонистовъ, поддерживавшихъ свое существованіе земледѣльческимъ трудомъ, относилась къ нимъ сравнительно безучастно. Гербовый налогъ затронулъ всѣхъ обитателей колоніальныхъ провинцій и тотчасъ соединилъ во едино аграрно-аристократическую Виргинію съ меркантильно-демократическимъ Массачусетсомъ. По приглашенію этихъ двухъ колоній, осенью того же года состоялся конгрессъ въ *Нью-Іоркѣ*, на которомъ присутствовали депутаты девяти провинцій и составленъ былъ планъ совмѣстныхъ дѣйствій противъ ненавистнаго закона. На первое время получились, правда, довольно скромные результаты. Петиціи на имя короля и обѣихъ палатъ парламента, составленныя съ общаго согласія, заключали въ себѣ протестъ колоній противъ права парламента облагать ихъ налогами и противъ пошлинъ, но онѣ были одобрены лишь представителями шести колоній. Даже президентъ собранія не рѣшился дать свою отвѣтственную подпись. Главное значеніе конгресса состояло въ томъ, что онъ положилъ начало привычкѣ обсужденія общихъ колоніальныхъ дѣлъ.

Организація сопротивленія была пока предоставлена *отдѣльнымъ провинціямъ*. 1 ноября вызвало прежде всего бурныя сцены въ *Бостонѣ*. Лица, которыя взяли на себя управленіе гербовымъ сборомъ, подвергнуты были сожженію in effigie вмѣстѣ съ ненавистными членами министерства. Затѣмъ чернь разрушила не только домъ главнаго сборщика пошлинъ, но и цѣлый рядъ другихъ правительственныхъ зданій. Но эти эксцессы не находили сочувствія у лучшихъ элементовъ общества и не принесли никакой пользы дѣлу. Колоніальное собраніе вынуждено было даже, хотя и съ нѣкоторыми оговорками, взять на себя возмѣщеніе причиненныхъ убытковъ. Несравненно серьезнѣе по послѣдствіямъ и дѣйствительнѣе было рѣшеніе, исходившее изъ *Нью-Іорка*, и вскорѣ одобренное въ самыхъ широкихъ кругахъ колоній — не выписывать никакихъ англійскихъ товаровъ и вообще воздерживаться отъ какихъ бы то ни было торговыхъ сношеній съ метрополіей, пока не будетъ отмѣненъ актъ о гербовомъ

сборѣ. Это рѣшеніе имѣло и потому еще особое значеніе, что въ то же время послужило толчкомъ къ мощному развитію мѣстной промышленности. Въ разгорѣвшейся борьбѣ эта послѣдняя сломила преграды, поставленныя ей законами метрополіи, и начала отвоевывать у англійскихъ фабрикъ рынокъ, котораго они не въ состояніи были вернуть даже и послѣ возстановленія прежнихъ условій. Актъ о гербовомъ сборѣ превратился въ пустой звукъ, такъ какъ не только адвокаты, но даже суды прекратили свою дѣятельность, чтобы не употреблять гербовой бумаги. Старались, по возможности, рѣшать всѣ дѣла устно; даже браки заключались только въ церкви. При этомъ всякая гербовая бумага, которую удавалось достать, сожигалась, и значеніе актовъ, написанныхъ на такой бумагѣ, оспаривалось.

Но изъ всѣхъ шаговъ, направленныхъ противъ акта о гербовыхъ сборахъ, оказался дѣйствительнымъ только тотъ, который уничтожалъ торговыя сношенія съ Англіей. Послѣдствія его не замедлили обнаружиться, такъ какъ американцы не только не обращались болѣе съ заказами на англійскія фабрики, но и перестали платить долги англійскимъ кредиторамъ. Въ виду того, могущественное сословіе англійскаго купечества, въ интересахъ котораго до этого времени почти исключительно велось совокупное колоніальное управленіе, начало агитировать въ пользу отмѣны акта о гербовыхъ пошлинахъ. На помощь ихъ стремленіямъ пришла перемѣна министерства. Въ февралѣ 1767 года парламентъ отмѣнилъ законъ, послѣ двухлѣтняго существованія его, послѣ того, какъ Питтъ произнесъ достопамятную рѣчь въ пользу колоній, а Франклинъ, явившійся въ парламентъ въ качествѣ представителя колоній, обстоятельно изложилъ положеніе вещей.

Былъ моментъ, когда казалось, будто между метрополіей и колоніями возстановились добрыя отношенія. Отмѣна акта о гербовыхъ сборахъ была отпразднована въ лондонскомъ Сити не менѣе шумно, чѣмъ въ Бостонѣ или Филадельфіи. Но зародившееся недовольство продолжало развиваться въ тиши. Одновременно съ отмѣною акта о гербовыхъ сборахъ, правительство провело чрезъ обѣ палаты парламента декларацію, въ которой категорически заявляло, что королю принадлежитъ безусловное право издавать вмѣстѣ съ парламентомъ законы, обязательные и для колоній. Это былъ отвѣтъ на записку Бостонскаго комитета, которую парламентъ отказался даже принять къ свѣдѣнію. Несмотря на то, делегація вторично обратилась ко всѣмъ колоніямъ съ воззваніемъ, въ формѣ открытаго письма, о принятіи мѣръ противъ угрожавшей всѣмъ опасности. Тогда правительство черезъ губернаторовъ во всѣхъ провинціяхъ объявило этотъ поступокъ актомъ возмущенія и потребовало отъ законодательнаго собранія Массачусетса, примкнувшаго къ постановленію Комитета, чтобы оно тотчасъ взяло назадъ свое мнѣніе въ его пользу. Тамъ, однако, благодаря различнымъ неблагопріятнымъ событіямъ, миролюбивое настроеніе уже давно превратилось въ весьма враждебное. Несмотря на отмѣну акта о гербовыхъ сборахъ, правительство не отказывалось отъ мысли извлекать въ самыхъ колоніяхъ средства на содержаніе колоніальной арміи. Съ этой цѣлью оно, съ одной стороны, снова рѣшилось повысить таможенныя пошлины, а съ другой, обязать мѣста стоянки гарнизоновъ поставлять жизненные припасы для отрядовъ арміи. Эта послѣдняя мѣра повела въ Нью-Іоркѣ къ открытому возстанію, на что правительство отвѣтило объявленіемъ осаднаго положенія. Таможенныя стѣсненія вызвали вскорѣ въ Бостонѣ бурное возмущеніе. Чиновники были изгнаны, таможенныя зданія разрушены. Когда послѣ того губернаторъ распустилъ провинціальное собраніе и призвалъ войска, то колонія отвѣтила созваніемъ общаго собранія и избрала комитетъ съ правомъ регентства. Борьба, вѣроятно, началась бы уже тогда, если бы правительство не остановилось въ виду политическаго положенія Европы. Нѣсколько крутой губернаторъ Массачусетса былъ отозванъ, и его замѣ-

стилъ бостонецъ Гётчинсонъ, который, однако, при всемъ своемъ желаніи примирить противорѣчивые интересы, уже не въ состояніи былъ надолго сдержать возбужденные умы.

Между тѣмъ англійское купечество вторично пришло на помощь англійскимъ колоніямъ. На повышеніе пошлинъ и насилія провинціальныхъ властей въ Нью-Іоркѣ и Бостонѣ колоніи во второй разъ отвѣтили соглашеніемъ между собою порвать торговыя сношенія съ метрополіей. Сильное пониженіе вывоза совершенно уничтожило планы, которые правительство построило на повышеніи пошлинъ, и наносило такой ущербъ британскимъ промышленникамъ, что они добились въ парламентѣ отмѣны и этого новаго таможеннаго тарифа. Но подобно тому, какъ за отмѣною акта о гербовомъ сборѣ послѣдовалъ деклараціонный биллъ съ цѣлью формальнаго поддержанія авторитета правительства, такъ и теперь не былъ отмѣненъ повышенный налогъ на чай исключительно съ тою цѣлью, чтобы заставить колоніи формально признать право правительства на подобныя постановленія.

При этихъ обстоятельствахъ отмѣна пошлинъ далеко не произвела такого всеобщаго и сильнаго дѣйствія, какъ въ свое время отмѣна акта о гербовомъ сборѣ. Въ самомъ скоромъ времени отношенія снова обострились, когда выяснилось, что правительство отнюдь не отказывается отъ вмѣшательства въ дѣла особенно безпокойныхъ провинцій Нью-Іорка и Массачусетса. Въ 1770 году осадное положеніе было распространено и на Массачусетсъ. Провинціальное собраніе было перенесено изъ Бостона въ Кэмбриджъ и цитадель города, защита которой, по договору, лежала на провинціальной милиціи, занята войсками. Столь энергичныя мѣры на нѣкоторое время смутили бостонцевъ. Прошло почти два года прежде, чѣмъ разсѣянные элементы сопротивленія организовались для новыхъ дѣйствій. Но за это время дѣло освобожденія колоній значительно подвинулось впередъ. То тамъ, то сямъ обнаруживалась открытая оппозиція противъ мѣропріятій правительства. И когда осенью 1772 года Бостонъ вновь поднялъ голову и избралъ новый комитетъ для созванія провинціальнаго конгресса, на которомъ должно было категорически рѣшить — не слѣдуетъ ли отвѣтить на насильственное попираніе законныхъ правъ отпаденіемъ отъ метрополіи, то этотъ шагъ встрѣтилъ мощный откликъ.

Виргинія не принадлежала вообще, подобно Массачусетсу и Нью-Іорку, къ провинціямъ, населеніе которыхъ отличалось бурными манифестаціями, и, благодаря тому, правительственныя притѣсненія довольно долго не распространялись на нее. Но едва ли въ какомъ нибудь другомъ штатѣ Юга достигалъ такой интенсивности, какъ здѣсь, энтузіазмъ въ пользу парламентскихъ правъ провинціальныхъ собраній. Виргинцы сразу усмотрѣли въ насильственныхъ дѣйствіяхъ лондонскаго правительства противъ Массачусетса и Нью-Іорка тенденцію, которая клонилась къ упраздненію представительныхъ учрежденій во всѣхъ колоніяхъ. Поэтому они объявили дѣло бостонцевъ своимъ, избрали изъ своей среды такъ называемый Комитетъ корреспонденцій, выразили полное одобреніе программѣ Массачусетса и предложили всѣмъ колоніямъ избрать подобные же комитеты, съ помощью которыхъ могъ бы происходить непрерывный обмѣнъ мнѣній между ними.

Напряженіе достигло такой степени, что малѣйшій толчокъ могъ подать поводъ къ взрыву. Этотъ толчокъ, какъ и можно было ожидать, исходилъ снова отъ Массачусетса, такъ какъ здѣсь, собственно говоря, уже много лѣтъ оба лагеря стояли другъ противъ друга, готовые къ бою. Одинъ бостонскій купецъ, вопреки уговору, хотѣлъ ввезти грузъ англійскаго чаю, прибывшій въ гавань на двухъ корабляхъ. Когда планъ его сдѣлался извѣстнымъ, возбужденный народъ собрался передъ его домомъ, и такъ застращалъ его, что онъ отказался отъ своего намѣренія. Но таможен-

ные чиновники потребовали уплаты пошлины,—все равно, будетъ ли чай дѣйствительно выгруженъ или отправленъ обратно; иначе они не соглашались выпустить корабли изъ гавани. Тогда въ ночь съ 28 на 29 декабря 1773 года толпа мужчинъ, переодѣтыхъ индѣйцами, напала на одинъ изъ кораблей и выбросила весь грузъ чая за бортъ. Въ общемъ, однако, и въ городѣ, и въ провинціи было спокойно. Лондонское правительство нашло, что этого акта неповиновенія вполнѣ достаточно, чтобы принять, наконецъ, рѣшительныя мѣры противъ Массачусетса, этого главнаго очага волненій на американскомъ материкѣ. По предложенію его, парламентъ принялъ два закона, изъ которыхъ первый объявлялъ гавань Бостона закрытою до тѣхъ поръ, пока городъ не возмѣститъ убытковъ за уничтоженный чай. Второй законъ отмѣнялъ конституцію колоніи: во главѣ ея былъ поставленъ генералъ Гэджъ, который назначался главнокомандующимъ всей сѣверной Америки съ правами полной военной диктатуры надъ провинціей. Правительство ясно понимало, что такая политика можетъ быть проведена не иначе, какъ съ помощью силы; но на это были вполнѣ согласны и король, и парламентъ. Было вновь рѣшено отправить подкрѣпленія въ колоніи, и въ парламентъ внесено предложеніе, чтобы правительство настояло рѣшительно на признаніи законовъ со стороны колоній и на возстановленіи авторитета короны. Всѣ были убѣждены, что это равносильно объявленію войны, и одновременно съ этимъ сдѣланы были дипломатическіе шаги во Франціи и въ Голландіи съ цѣлью помѣшать колоніямъ получать изъ этихъ странъ боевой матеріалъ.

Численность лицъ въ колоніяхъ, готовыхъ къ бою и рѣшившихся довести дѣло до конца, все еще была очень невелика. Но возбужденіе быстро приняло грозные размѣры, когда сдѣлались извѣстны новыя репрессаліи противъ Бостона. Генералъ Гэджъ вступилъ въ должность губернатора провинціи при зловѣщихъ признакахъ, но сопротивленія не встрѣтилъ. По его приказанію, провинціальное собраніе состоялось въ Салемѣ, новой столицѣ, но тутъ же сдѣлало памятное постановленіе—пригласить представителей всѣхъ колоній на конгрессъ въ Филадельфію. Это постановленіе пришлось утвердить въ законной формѣ при закрытыхъ дверяхъ, такъ какъ секретарь Гэджа уже явился съ приказомъ о распущеніи Собранія. Собраніе въ Салемѣ послѣ этого разошлось, но вновь состоялось въ Конкордѣ и избрало изъ своей среды антиправительство. Съ этого момента въ провинціи существовали и съ формальной стороны два враждебныхъ лагеря.

При такихъ обстоятельствахъ 25 сентября 1774 года собрался въ Филадельфіи второй континентальный конгрессъ. Здѣсь въ первый разъ сошлись всѣ лица, которыя должны быть признаны главными дѣятелями, душою американской революціи: Георгъ Вашингтонъ и Патрикъ Генри изъ Виргиніи, Самуилъ Адамсъ и Джонъ Адамсъ изъ Массачусетса, Джонъ Джей изъ Нью-Іорка, оба Ливингстона, оба Рутлэджа и др. Правда, изъ 51 депутата, собравшихся въ Филадельфіи въ качествѣ представителей 12 колоній, лишь немногіе были проникнуты такой готовностью къ бою, какъ представители Массачусетса; но вмѣстѣ съ тѣмъ конгрессъ былъ далекъ отъ того, чтобы остановиться на такомъ жалкомъ выходѣ, къ какому прибѣгъ первый конгрессъ въ Альбани. Всѣ депутаты справедливо считали въ высшей степени важнымъ, чтобы каждое постановленіе ихъ исходило отъ имени всѣхъ. На этомъ былъ построенъ весь порядокъ занятій, всякіе дебаты исключались изъ протоколовъ и строжайшая тайна относительно происходившаго въ засѣданіяхъ вмѣнялась въ обязанность. По этой причинѣ даже самые рѣшительные удовлетворились на первый разъ сравнительно робкими постановленіями, на чемъ и былъ закрытъ конгрессъ. Но онъ у всѣхъ поднялъ духъ, и „каждый за всѣхъ, всѣ за каждаго" — сдѣлалось общимъ лозунгомъ. Конгрессъ не нашелъ нужнымъ обращаться еще разъ

къ парламенту. Онъ сдѣлалъ воззваніе къ народу Англіи, какъ къ населенію Британскихъ острововъ, такъ и къ тѣмъ, которые обитали на землѣ Америки, отъ Гудсонова залива до Флориды. Онъ требовалъ, чтобы права американцевъ, какъ людей и гражданъ, были возстановлены и объявлены неприкосновенными. Конгрессъ обращался, наконецъ, въ достойныхъ, но скромныхъ словахъ къ королю и просилъ его, „какъ любящаго отца своего народа, стать посредникомъ между его многострадальнымъ и притѣсняемымъ народомъ и министерствомъ, давящимъ своими репрессаліями, а также удостоить милостивымъ отвѣтомъ его просьбу". Но вмѣстѣ съ тѣмъ конгрессъ предвидѣлъ возможность, что его представленіе будетъ оставлено безъ вниманія, и на этотъ случай принялъ рѣшеніе отвѣчать насиліемъ на насиліе. Кромѣ того, конгрессъ еще разъ подтвердилъ прекращеніе всякихъ торговыхъ сношеній съ метрополіей, пока жалобы его не будутъ услышаны. Затѣмъ онъ разошелся, постановивъ собраться вновь въ маѣ слѣдующаго года.

B. Борьба за отдѣленіе отъ метрополіи.

Въ концѣ 1774 года, за исключеніемъ Самуила Адамса, ни одинъ депутатъ, повидимому, не стоялъ еще безповоротно за отдѣленіе отъ Англіи. Но положеніе дѣлъ успѣло существенно измѣниться въ промежутокъ времени до новаго конгресса. Вооруженный миръ между губернаторомъ и провинціальнымъ собраніемъ въ Массачусетсѣ не могъ продолжаться вѣчно. Обѣ партіи чувствовали, что война виситъ въ воздухѣ, и каждая старалась готовиться къ ней и тормозить приготовленія противной партіи. Гэджъ сосредоточилъ въ Бостонѣ весь военный матеріалъ, которымъ онъ располагалъ въ провинціи. Чтобы обезпечить городъ отъ внезапнаго нападенія, онъ воздвигъ шанцы на перешейкѣ, соединявшемъ городъ съ материкомъ. Правительство провинціи, съ своей стороны, сосредоточило въ Конкордѣ запасы пороха и военныхъ матеріаловъ и старалось увеличивать и пополнять ихъ. Милиція во всей провинціи тайно организовалась и была готова взяться за оружіе каждую минуту (at a minute's warning; отсюда названіе ея „minute men"). Вечеромъ 18 апрѣля 1775 года Гэджъ отправилъ рекогносцировочный отрядъ въ направленіи къ Конкорду съ цѣлью захватить нѣсколько патріотовъ, бѣжавшихъ изъ Бостона, и развѣдать, гдѣ сложенъ военный матеріалъ противниковъ. Но милиція въ Конкордѣ была тотчасъ же извѣщена объ этомъ, и когда отрядъ достигъ Лексингтонъ-Грина, онъ былъ встрѣченъ группою непріятеля. Здѣсь произошелъ первый обмѣнъ выстрѣловъ: война началась. Въ первый моментъ милиція отступила, и англичане безъ сопротивленія заняли Конкордъ. Вскорѣ, однако, положеніе ихъ сдѣлалось критическимъ. Отступленіе было необходимо, но въ то же время стало не безопасно. Послѣ первыхъ выстрѣловъ, провинціалы поднялись со всѣхъ сторонъ. Англійскія войска подверглись жестокому преслѣдованію, понесли большія потери и могли оправиться лишь въ шанцахъ подъ Бостономъ. На слѣдующій день началась осада города, которая длилась почти цѣлый годъ, причемъ дѣло ограничивалось случайными стычками между войсками противниковъ.

Таково было положеніе вещей, когда конгрессъ снова открылъ свои засѣданія въ Филадельфіи. Обращеніе его къ королю было отвергнуто въ самыхъ рѣзкихъ выраженіяхъ. Англійскій парламентъ единогласно постановилъ, чтобы колоніи были приведены къ повиновенію силою оружія, и ассигновалъ значительныя суммы на усиленіе флота и вербовку солдатъ, въ особенности, въ областяхъ мелкихъ нѣмецкихъ князей. Подкрѣпленія войскамъ непрерывно прибывали въ Америку, и флотъ приступилъ уже къ враждебнымъ дѣйствіямъ у американскихъ береговъ. Въ виду того, конгрессъ, на которомъ присутствовали представители всѣхъ тринадцати колоній, не могъ далѣе оставаться въ положеніи просителя.

какого онъ держался въ прошедшемъ году. Оно поднялъ брошенную ему перчатку, хотя еще не ради независимости, но для того, чтобы защищаться, пока Англія не возмѣститъ причиненные убытки, не возстановитъ нарушенныхъ правъ колоній и не признаетъ вытекающихъ изъ конституціи требованій ихъ.

Наступленіе войны поставило конгрессъ въ чрезвычайно затруднительное положеніе. Несмотря на то, что конгрессъ былъ признанъ всѣми колоніями сѣверной Америки, онъ все таки не обладалъ дѣйствительной силой. Онъ представлялъ собою лишь совѣщательный органъ безъ исполнительной власти. Рѣшенія его только тогда могли пріобрѣсти дѣйствительную силу, когда провинціальныя правительства, пока еще только формировавшіяся, дали бы на это свое согласіе. Каждое изъ этихъ правительствъ дѣйствовало самостоятельно въ своей области и въ столкновеніяхъ между отдѣльными провинціями чрезвычайно зорко слѣдило за неприкосновенностью своихъ верховныхъ правъ. Лишь по отношенію къ англичанамъ конгрессъ былъ признанъ руководящимъ органомъ. Онъ назначилъ Георга Вашингтона (см. табл. „Веніаминъ Франклинъ и Георгъ Вашингтонъ") главнокомандующимъ совокупныхъ боевыхъ силъ тринадцати колоній, а Монгомери и Скейлеръ должны были командовать войскомъ, которое посылала Канада въ помощь революціонному движенію. Такъ какъ войску нужны были не только люди, но и деньги, то конгрессъ былъ уполномоченъ также учредить военный фондъ, который долженъ былъ пропорціонально распредѣлиться между отдѣльными штатами. Конгрессъ пошелъ еще дальше, отклонивъ предложенія посредничества со стороны англичанъ, и, съ своей стороны, отправилъ агентовъ къ различнымъ европейскимъ дворамъ съ цѣлью повліять на нихъ въ интересахъ американскихъ колоній. Объявленіе независимости все еще умышленно откладывалось, но фактически конгрессъ почти признавалъ за собою права независимой державы.

Между тѣмъ на сѣверномъ театрѣ военныхъ дѣйствій борьба продолжалась. Въ 1774 году парламентъ окончательно регулировалъ управленіе Канадою, поставивъ во главѣ этой провинціи военнаго губернатора и учредивъ строго централистическую организацію. При этомъ южная граница провинціи была продолжена до Гудсона. Конгрессъ рѣшилъ прежде всего начать дѣйствія въ этомъ направленіи. У него была двоякая цѣль: отвоевать страну, которая могла быть потеряна для штатовъ Новой Англіи вслѣдствіе перемѣщенія границы и, если возможно, побудить Канаду примкнуть къ 13 провинціямъ. Непосредственно послѣ лексингтонской стычки американцы завладѣли Тикондерогою, Краунпойнтомъ и фортомъ Георга, что̀ открыло имъ путь въ сердце Канады. Въ августѣ Монгомери и Скейлеръ возобновили нападеніе; однако, соперничество между начальниками тормозило дѣло. Скейлеръ совершенно отказался отъ командованія. Монгомери осаждалъ Сенъ-Джонсъ и взялъ его; затѣмъ онъ двинулся на Монреаль, но тамъ простоялъ долго, вслѣдствіе чего третій корпусъ, который подъ начальствомъ Арнольда шелъ на Квебекъ, не могъ ничего предпринять противъ города. Когда, наконецъ, оба отряда въ декабрѣ соединились и предприняли штурмъ этого города, они были отброшены съ большими потерями, и самъ Монгомери палъ. Поскольку походъ имѣлъ цѣлью вызвать революціонное движеніе въ Канадѣ, онъ окончился неудачею, и американцамъ стоило большого труда удержать завоеванное.

Въ это время возобновились сраженія подъ Бостономъ. Здѣсь собралось постепенно изъ провинцій Новой Англіи около 15 тысячъ человѣкъ милиціи, которые такъ тѣснили англійскій гарнизонъ, что снабженіе его провіантомъ сдѣлалось затруднительнымъ. Въ виду того, Гэджъ въ различныхъ мѣстахъ выдвигалъ новые отряды; осаждающіе отвѣчали на это нападеніемъ со стороны Чарльстона. При Бёнкеръ-Гиллѣ непріятели столкнулись (17 іюня 1775 года); сраженіе представляло особенности, почти

типическія для всѣхъ битвъ въ войнѣ за независимость. Милиціонеры дрались, правда, очень храбро, но высшее командованіе не стояло у нихъ на высотѣ своей задачи, и битва окончилась тѣмъ, что они потеряли всѣ позиціи, занятыя ими вначалѣ. Такимъ образомъ, въ стратегическомъ отношеніи побѣда была на сторонѣ англичанъ, но она не принесла имъ никакихъ выгодъ, такъ какъ убыль въ американскихъ войскахъ была съ избыткомъ пополнена, и начальники наравнѣ съ солдатами горѣли жаждою снова начать бой.

Вначалѣ іюля Вашингтонъ прибылъ въ лагерь подъ Бостономъ и принялъ на себя высшее начальство надъ войскомъ соединенныхъ провинцій. Въ самомъ ходѣ осады это не произвело никакихъ измѣненій. Теперь уже выяснились недостатки системы милиціи американцевъ. Эти люди были готовы на кратковременную борьбу, но продолжительная бездѣятельность на глазахъ непріятеля подрывала ихъ дисциплину, и они неохотно оставались подъ ружьемъ дольше условленнаго времени. Хотя нѣкоторыя провинціи и согласились вмѣсто отпускаемыхъ людей посылать другихъ, но приходилось начинать съ самаго начала обученіе и упражненіе ихъ, а когда они освоивались съ дѣломъ, то обыкновенно уже недалекъ былъ срокъ ихъ отпуска. Вслѣдствіе того, американское войско далеко не оправдывало надеждъ, которыя можно было возлагать на него, судя по численности. Требовалось громадное искусство со стороны предводителя, какъ въ дипломатическомъ, такъ и въ стратегическомъ отношеніи, чтобы съ помощью такого матеріала достигнуть хотя бы тѣхъ результатовъ, какіе фактически выпали на долю американскаго войска.

Мало по малу англійское правительство пришло къ убѣжденію, что дальнѣйшее пребываніе главныхъ силъ его въ тѣсно обложенномъ Бостонѣ не имѣетъ стратегическаго значенія. Поэтому генералъ Гоу, смѣнившій въ командованіи Гэджа, получилъ приказъ очистить эту позицію, что ему удалось совершить въ наилучшемъ порядкѣ и безъ потерь. Для американцевъ было настоящимъ тріумфомъ то, что, послѣ 9-ти мѣсячной осады, они въ состояніи были войти въ осажденный городъ, которому назначено было первому почувствовать карающую руку мѣстнаго правительства.

Континентальный конгрессъ могъ, такимъ образомъ, собраться въ маѣ 1776 года въ четвертый разъ въ Филадельфіи при самыхъ благопріятныхъ шансахъ. Приподнятое настроеніе выразилось въ томъ, что уже черезъ нѣсколько недѣль внесено было предложеніе, чтобы колоніи во всѣхъ отношеніяхъ отдѣлились отъ метрополіи и образовали самостоятельное, независимое государство. Составъ конгресса былъ такого рода, что никакъ нельзя сказать, въ какой степени это предложеніе соотвѣтствовало общему желанію 13 штатовъ. Дѣло въ томъ, что всеобщихъ выборовъ не производилось, и каждая провинція посылала по своему усмотрѣнію произвольное число депутатовъ въ Филадельфію. Такое общественное мнѣніе, какъ въ Англіи, въ то время не существовало въ колоніяхъ. То, что казалось выраженіемъ народной воли, большею частью, являлось дѣломъ кучки политиковъ, сознательно преслѣдовавшихъ опредѣленную цѣль, тѣхъ самыхъ, которые играли руководящую роль въ комитетахъ корреспонденцій и въ континентальномъ конгрессѣ. При такихъ обстоятельствахъ особенно важно, что по сдѣланнымъ справкамъ предложеніе въ пользу провозглашенія независимости не могло разсчитывать на большинство даже въ конгрессѣ.

Но партія независимости имѣла въ этомъ случаѣ превосходныхъ руководителей. Подобно тому, какъ до сихъ поръ эти руководители давали согласіе на самыя примирительныя мѣры въ томъ убѣжденіи, что всякая неудача еще болѣе приблизитъ къ нимъ колеблющихся депутатовъ, такъ и теперь они нашли дипломатическій выходъ. Взять назадъ предложеніе представлялось, пожалуй, не менѣе опаснымъ, чѣмъ подвергать его риску быть отклоненнымъ. Но отсрочить пренія и голосованіе на нѣ-

сколько недѣль не представлялось опасности, какъ это и случилось 10 іюня. Насколько вожди не сомнѣвались въ окончательной побѣдѣ, можно судить изъ того, что они уже тогда добились назначенія коммиссіи для обсужденія программы дѣйствій въ виду объявленія независимости. Результатъ показалъ, что они были совершенно правы. По возобновленіи обсужденія предложенія, извѣстное число противниковъ отдѣленія отъ Англіи удалились изъ конгресса. Благодаря тому, 4-го іюля провозглашеніе независимости, тщательно подготовленное коммиссіей, было постановлено конгрессомъ единогласно. Между тѣмъ, какъ въ настоящее время граждане Соединенныхъ штатовъ проводятъ день своего національнаго праздника ежегодно самымъ торжественнымъ образомъ, тогда онъ прошелъ сравнительно незамѣтно. Колонисты съ несравненно бо́льшимъ напряженіемъ слѣдили за исходомъ борьбы, которая вспыхнула вновь въ различныхъ мѣстахъ. Даже тѣ изъ нихъ, которые съ самаго начала войны предвидѣли отпаденіе, какъ неизбѣжную конечную цѣль, все-таки ясно сознавали, что еще слишкомъ преждевременно предаваться радости.

Послѣ очищенія Бостона, Вашингтонъ уже въ апрѣлѣ 1776 года отправился въ Нью-Іоркъ, разсчитывая, что эта важная гавань, среди населенія которой роялисты располагали значительной партіей, сдѣлается ближайшею цѣлью англійскаго наступленія. Но въ началѣ это предположеніе какъ будто не оправдывалось. Наоборотъ, часть англійскаго флота отплыла на югъ и пыталась овладѣть Чарльстономъ въ южной Каролинѣ. Здѣсь, однако, флотъ потерпѣлъ чувствительный ударъ, послѣ чего боевыя силы англичанъ снова соединились и къ концу августа высадились подъ командою Уильяма Гоу на Лонгъ-Айлендѣ. Вашингтонъ съ его милиціей не могъ помѣшать этому, такъ же, какъ и остановить серьезно движеніе ихъ впередъ. Напротивъ, онъ былъ радъ, что могъ отступить со своими пострадавшими войсками безъ значительныхъ потерь черезъ рѣку Истъ Риверъ къ Нью-Іорку. Онъ не надѣялся даже отстоять этотъ городъ въ виду огромнаго численнаго и качественнаго превосходства непріятельскихъ войскъ. Лично онъ былъ того мнѣнія, что лучше предать городъ огню, чѣмъ предоставить въ руки непріятеля надежный опорный пунктъ. Конгрессъ не одобрилъ такой крайней мѣры, хотя согласился съ тѣмъ, что слѣдуетъ покинуть безнадежную позицію. Тогда Вашингтонъ началъ свое знаменитое отступленіе, которое, въ виду сопряженныхъ съ нимъ трудностей, вызываетъ полное уваженіе къ многостороннимъ талантамъ его, но, тѣмъ не менѣе, было тяжелымъ ударомъ для дѣла независимости и свободы американскихъ колоній.

Англійскій противникъ преслѣдовалъ Вашингтона съ обдуманной медленностью отъ одной позиціи до другой; но еще опаснѣе было для него состояніе его собственнаго войска. Въ каждомъ изъ многочисленныхъ писемъ, въ которыхъ онъ сообщаетъ конгрессу о ходѣ дѣлъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, онъ возвращается къ тому, что съ милиціонерами, плохо дисциплинированными и не желающими служить ни одного лишняго дня по окончаніи своихъ короткихъ призывныхъ сроковъ, не мыслимо одерживать побѣды надъ войскомъ Гоу, которое почти все состояло изъ хорошо обученныхъ солдатъ, живущихъ военнымъ ремесломъ. И онъ вновь и вновь требуетъ, чтобы въ распоряженіе его было предоставлено, по крайней мѣрѣ, на время войны, постоянное войско, и въ особенности — профессіональный и опытный корпусъ офицеровъ.

Хотя 13 штатовъ объявили себя независимыми, но проэктъ внутренней организаціи опять долженъ былъ составить конгрессъ. Затѣмъ этому проэкту предстояло пройти черезъ законодательныя собранія отдѣльныхъ штатовъ, на что потребовалось бы еще много времени. Правда, каждый обращался съ своими нуждами и притязаніями прежде всего въ конгрессъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ желали, чтобы онъ самъ находилъ вы-

ходъ изъ затрудненій. Отдѣльные штаты не всегда соглашались признавать бумажныя деньги, которыя онъ нашелъ нужнымъ выпустить для покрытія военныхъ расходовъ, а между тѣмъ всѣ отъ него требовали именно денегъ и солдатъ. Но если войско и его главнокомандующій имѣли право роптать на конгрессъ,то, съ другой стороны, нельзя отрицать, что часто этотъ послѣдній при всемъ своемъ желаніи былъ не въ состояніи имъ помочь.

Вашингтонъ сумѣлъ замѣчательно воспользоваться осторожностью Гоу для того, чтобы совершить свое отступленіе наивозможно медленно. 15 сентября англичане заняли Нью-Іоркъ. Но только 16 октября они могли перейти въ атаку позиціи американцевъ на Гарлемскихъ высотахъ, хотя Вашингтонъ и не обладалъ достаточными силами, чтобы удержать ее. Затѣмъ до половины ноября оба войска стояли другъ противъ друга подъ Уайтъ-Пленсъ. Однако, англичане едва-ли одержали-бы побѣду, еслибы измѣнническая сдача форта Вашингтонъ не открыла имъ пути къ Нью-Джерсею.

Вашингтонъ былъ вынужденъ послѣ того предпринять постепенное движеніе къ Делавару, но, тѣмъ не менѣе, ему уже не удавалось задержать непріятеля при помощи своихъ войскъ, дезорганизованныхъ продолжительнымъ отступленіемъ. Въ началѣ декабря конгрессъ не чувствовалъ себя безопаснымъ въ столицѣ Филадельфіи и бѣжалъ отъ приближавшейся непріятельской арміи въ Балтимору (см. „Карты къ исторіи Америки"). Но ему удалось вернуться, прежде чѣмъ непріятель вступилъ въ столицу Союза. Наибольшая опасность грозила съ другой стороны: подъ впечатлѣніемъ неудачи, число сторонниковъ свободы стало быстро уменшаться, и только тогда, когда въ послѣдніе дни 1776 года Вашингтонъ напалъ на непріятеля при Трентонѣ и причинилъ ему чувствительныя потери въ нѣсколькихъ сраженіяхъ, настроеніе въ лагерѣ американцевъ начало снова подниматься.

Обѣ арміи перешли на зимнія квартиры. Но въ апрѣлѣ Гоу составилъ планъ новаго похода: онъ отказался отъ сухопутнаго движенія на Филадельфію, посадилъ свои войска на суда и неожиданно вошелъ въ заливъ Чизапикъ, чтобы взять Филадельфію съ юга. Воодушевленіе въ пользу войны упало въ колоніяхъ до минимума. Этому не мало способствовали извѣстія, доходившія изъ Англіи. Амнистія, которую уже обѣщалъ генералъ Гоу всѣмъ, кто подчинится въ штатахъ Новой Англіи, была теперь подтверждена англійскимъ парламентомъ. Далѣе обѣщаны были мѣры съ цѣлью устраненія стѣснительныхъ условій, на которыя жаловались колоніи. И не только въ значительной части Америки, но и въ европейскихъ государствахъ, слѣдившихъ съ напряженнымъ вниманіемъ за ходомъ войны за независимость, ожидали въ самомъ близкомъ будущемъ примиренія между метрополіей и возставшими колоніями. Естественно, что подобныя переспективы побуждали всѣхъ безразличныхъ переходить на сторону англичанъ. Даже присутствіе конгресса, возвратившагося въ Филадельфію, не могло создать въ городѣ квакеровъ рѣшительнаго настроенія. Вашингтону удалось два раза при помощи своего замѣчательнаго отступленія задерживать наступательное движеніе англичанъ; но все таки въ половинѣ сентября онъ вынужденъ былъ донести конгрессу, что онъ не въ состояніи болѣе прикрывать путь въ Филадельфію. 26 сентября 1777 года англійская армія вступила въ союзную столицу.

Вскорѣ, однако, блестящій, повидимому, успѣхъ оказался довольно обманчивымъ. Уже черезъ нѣсколько дней Вашингтонъ опять перешелъ въ наступленіе и такъ ловко закрылъ всѣ сухопутныя сообщенія, что Гоу былъ вынужденъ напасть и на форты у Делавара, которые еще находились въ рукахъ союзной арміи и съ моря угрожали его линіямъ сообщенія. Большая часть этихъ фортовъ не были ни достаточно укрѣплены, ни снабжены

достаточнымъ гарнизономъ, чтобы долго держаться; но они въ теченіе почти пяти недѣль удерживали англійскую армію и флотъ. Уже это одно было громаднымъ выигрышемъ, такъ какъ время года настолько подвинулось, что оба войска снова должны были перейти на зимнія квартиры. Положеніе союзнаго войска, которое терпѣло всевозможныя лишенія и, вслѣдствіе того, понесло сильную убыль и пало духомъ, тѣмъ не менѣе, представлялось печальнымъ. Но въ это время на сѣверномъ театрѣ войны счастье улыбнулось американскому оружію, а это повлекло за собою рѣшительный переворотъ въ дипломатическомъ отношеніи.

После того, какъ въ іюнѣ 1776 года союзныя войска снова очистили Монреаль, не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы привлечь къ возстанію канадскія провинціи. Наоборотъ, тамъ проснулась старая антипатія къ сосѣдямъ Новой Англіи съ такой силой, что канадскіе губернаторы рѣшили въ скоромъ времени и здѣсь перейти въ наступленіе. Уже осенью того же года англичане овладѣли крѣпостью Краунъ-Пойнтъ и, при помощи численно превосходной флотиліи рѣчныхъ судовъ, почти неограниченно господствовали на озерѣ Шамплэнъ. Съ наступленіемъ лѣта слѣдующаго года генералъ Бургоэнь во главѣ войска изъ 8000 обученныхъ англичанъ и нѣмцевъ двинулся съ цѣлью установить сообщеніе съ Нью-Іоркомъ и, такимъ образомъ, отрѣзать сѣверныя провинціи отъ остальныхъ. Начало его похода ознаменовалось непрерывнымъ рядомъ успѣховъ. Тикондерога, которую американцы считали неприступнымъ ключомъ сѣвера, была занята имъ почти безъ кровопролитія; гарнизонъ, перешедшій въ отступленіе частью водою, частью сухимъ путемъ, былъ разсѣянъ. До самыхъ верховьевъ Гудсона англичане болѣе не встрѣчали серьезнаго сопротивленія со стороны союзныхъ войскъ. Генералъ Скейлеръ едва успѣлъ сдѣлать непроходимыми сухопутныя и водныя сообщенія и удалить изъ сферы англичанъ всѣ съѣстные припасы. Но именно благодаря этому обстоятельству, ходъ событій принялъ иной оборотъ. Когда Бургоэнь дошелъ до Гудсона, войско его не только уменьшилось численно, вслѣдствіе необходимости оставлять вездѣ гарнизоны для прикрытія сообщеній: оно было истощено послѣ почти сверхчеловѣческихъ усилій, которыхъ стоило возстановленіе дорогъ по болотамъ отъ озера Георга до Гудсона въ самую жаркую пору года. Кромѣ того, оно совсѣмъ не имѣло съѣстныхъ припасовъ.

Несчастіе сразу надвинулось на Бургоэня со всѣхъ сторонъ. Здѣсь на сѣверѣ война была несравненно болѣе популярна, чѣмъ въ квакерскомъ штатѣ Пенсильваніи, и приближавшаяся опасность вызывала съ каждымъ днемъ приливъ новыхъ войскъ къ услугамъ союзнаго полководца. Первый ударъ былъ нанесенъ правому крылу англичанъ: на него было возложено взять фортъ Стенвиксъ у Могаука; но послѣ многонедѣльной напрасной осады онъ долженъ былъ быстро отступить къ Канадѣ. Отрядъ фуражировъ, отправленный Бургоэнемъ къ Нью-Гемпширу, былъ почти совершенно уничтоженъ въ открытой битвѣ; весь военный матеріалъ попалъ въ руки союзныхъ войскъ. Наконецъ, самъ Бургоэнь вынужденъ былъ двинуться впередъ для того только, чтобы добыть провіантъ. Онъ перешелъ Гудсонъ, но у фермы Фриманъ натолкнулся на главную армію, которою командовалъ генералъ Гэтсъ. Уже первое нерѣшительное сраженіе было для Бургоэня равносильно опасному пораженію. А когда онъ черезъ нѣсколько дней вторично сдѣлалъ попытку пробиться со своими голодающими солдатами, онъ былъ настолько разбитъ, что ему пришлось перейти въ наступленіе. Но и здѣсь путь оказался несвободнымъ. Союзныя войска, ободренныя достигнутыми успѣхами, кишѣли вокругъ него со всѣхъ сторонъ. И когда Гэтсъ, при помощи своихъ главныхъ силъ, далъ ему третье сраженіе при Саратогѣ, Бургоэнь убѣдился въ безполезности дальшаго кровопролитія и положилъ оружіе со всѣмъ остаткомъ своихъ войскъ (17 октября 1777). По современнымъ понятіямъ, арміи, сражавшіяся

въ этомъ походѣ, не могутъ быть названы большими. Но, не говоря уже о томъ, что для Англіи не легко было снова набрать войско даже въ 8000 человѣкъ, громадное преимущество, достигнутое американцами, заключалось прежде всего въ стратегическихъ условіяхъ. Капитуляція Бургоэна означала не только неудачу плана, состоявшаго въ томъ, чтобы занятіемъ линіи Гудсона раздѣлить колоніальныя боевыя силы на два отдѣльныхъ театра военныхъ дѣйствій; она въ то же время, по крайней мѣрѣ, надолго, обезпечила канадскую границу и изолировала англійскій гарнизонъ въ Нью-Іоркѣ, для котораго во второй разъ оставался лишь морской путь сношеній съ остальными арміями.

Значеніе этого факта могли вполѣ оцѣнить, вѣроятно, только сражающіяся стороны, но капитуляція Саратоги произвела во всемъ свѣтѣ громадную сенсацію. Франція, начиная отъ первыхъ признаковъ серьезнаго разногласія между Англіей и колоніями, слѣдила съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ за событіями въ Америкѣ. Государственные люди, стоявшіе во главѣ ея, страстно ждали случая быть отомщенными за утраты и униженія, которыя принесъ имъ миръ 1763 года. Уже въ 1767 былъ отправленъ французскій агентъ въ Сѣверную Америку, не только съ цѣлью выяснить господствовавшее тамъ настроеніе, но, главнымъ образомъ, для того, чтобы разузнать, какими средствами располагаютъ колоніи для борьбы съ Англіей, и въ чемъ онѣ настоятельнѣе всего нуждаются; но въ это время французская политика еще слишкомъ опережала требованія колоній. Донесенія, которыя посылалъ Кальбъ изъ провинцій, сильно охлаждали французскую готовность оказать поддержку. Такимъ образомъ, планъ отомстить Англіи, поддержкою возстанія въ Америкѣ, оказался преждевременнымъ. Но, когда первые континентальные конгрессы убѣдились въ томъ, что колоніи въ состояніи будутъ отвоевать себѣ у англичанъ свободу только съ оружіемъ въ рукахъ, они вспомнили о выраженіи симпатій со стороны Франціи. Парижъ былъ первымъ и важнѣйшимъ пунктомъ, куда континентальный конгрессъ отправилъ своихъ агентовъ, — и не напрасно.

Конечно, французское правительство въ 1775 году не могло вступать въ открытые переговоры съ агентомъ возставшихъ провинцій, еще вовсе не организованныхъ, но втихомолку американцамъ уже тогда во многихъ случаяхъ оказывалась помощь. Когда вспыхнула въ колоніяхъ открытая война, американцы перенесли ее и на море. Сѣверныя провинціи, сильно проникнутыя коммерческимъ духомъ, съ бо́льшимъ рвеніемъ готовы были наносить чувствительный вредъ англійской торговлѣ при помощи каперскихъ набѣговъ, чѣмъ вести сухопутную войну противъ англійскихъ войскъ, правда, болѣе почетную, но менѣе прибыльную. Вскорѣ послѣ провозглашенія независимости, первые каперы дерзнули переплыть черезъ океанъ до самыхъ британскихъ водъ. Корабль, доставившій осенью 1776 года во Францію **Веніамина Франклина** (см. табл. „Вен. Франклинъ, Г. Вашингтонъ“), какъ полномочнаго представителя новой республики, вошелъ въ Гавръ съ двумя англійскими кораблями, которыхъ онъ захватилъ на пути. Одобрить такой образъ дѣйствій значило бы со стороны Франціи открыто нарушить миръ съ Англіей, пока еще существовавшій; тѣмъ не менѣе, американскіе каперы тайно сплошь и рядомъ находили убѣжище во французскихъ гаваняхъ. Ни для кого не было секретомъ, особенно послѣ прибытія Франклина, что американскіе делегаты, оффиціально непризнанные, тѣмъ не менѣе, отчасти при непосредственной поддержкѣ французскаго правительства, покупали военный матеріалъ, снаряжали корабли, вербовали офицеровъ и экипажи и затѣмъ тайно или подъ чужимъ флагомъ доставляли ихъ въ колоніи.

Если Франклинъ былъ съ самаго начала убѣжденъ въ благопріятномъ исходѣ переговоровъ относительно дружественнаго и торговаго договора съ Франціей, который ему поручило заключить вновь утвержденное Бюро иностранныхъ дѣлъ, то въ основаніи этого убѣжденія лежала, конечно, значительная доля

сангвинизма. Несомнѣнно, не только французское правительство, но и вся нація сочувствовали дѣлу Соединенныхъ Штатовъ. Но въ основаніи этого сочувствія лежало, главнымъ образомъ, не самое дѣло, а то, что въ успѣшномъ возстаніи Америки видѣли средство нанести вредъ ненавистнымъ англичанамъ и слишкомъ удобный случай быть отомщенными. Франклинъ былъ принятъ въ Парижѣ и даже былъ допущенъ частнымъ образомъ къ стоявшему во главѣ правительства министру, де-Вержену. Но открытаго пріема ему не сдѣлали, тѣмъ болѣе, что война, послѣдовавшая за провозглашеніемъ независимости, протекала неблагопріятно, и существовали серьезныя сомнѣнія въ конечной побѣдѣ сѣверо-американцевъ. Положеніе Франціи въ теченіе 1777 года было вполнѣ выжидательное; даже тайная поддержка, оказанная возставшимъ, была крайне ничтожна. Единственный случай, вызвавшій сенсацію, заключался въ отъѣздѣ юнаго маркиза де-Лафайета въ Америку. Онъ отплылъ вмѣстѣ съ Кальбомъ и группою французовъ, тайно, на снаряженномъ имъ кораблѣ, чтобы присоединиться къ непріятелямъ своего національнаго врага.

Американскіе агенты вели переговоры не только съ Франціей, но старались войти въ соглашеніе съ другими державами и даже добивались связей съ самой Англіей. Передъ самой капитуляціей Саратоги и непосредственно послѣ нея, эти переговоры грозили принять совершенно своеобразный оборотъ. Подобно тому, какъ послѣ побѣдъ Гоу Англія предлагала амнистію и отмѣну болѣе существенныхъ стѣсненій, такъ послѣ капитуляціи Саратоги она пошла еще дальше и давала понять, что признаетъ извѣстную самостоятельность взамѣнъ прочнаго тѣснаго союза между колоніями и метрополіей. Американскіе агенты едва ли были уполномочены вести объ этомъ переговоры съ Англіей. Но возможность такой комбинаціи, въ связи съ благопріятнымъ оборотомъ военныхъ дѣйствій, ускорила рѣшеніе Франціи: въ нѣсколько недѣль (6-е февраля 1778 года) былъ заключенъ дружественный и торговый договоръ, съ которымъ раньше медлили болѣе года, и этимъ офиціально совершилось признаніе Соединенныхъ Штатовъ.

Непосредственнымъ послѣдствіемъ того было отступленіе англичанъ изъ Филадельфіи. Англія не могла серьезно разсчитывать на возможность одновременной борьбы на всѣхъ театрахъ войны съ такими союзниками, какъ Франція и Соединенные Штаты, къ которымъ на слѣдующій годъ (12 апрѣля 1779 г.) робко и нерѣшительно примкнула Испанія, а затѣмъ и Голландія. Положеніе Гоу въ Филадельфіи удерживало лишь англійскія боевыя силы въ одномъ пунктѣ, серьезно не угрожая противнику. Во главѣ англійскаго войска поставленъ былъ новый главнокомандующій, генералъ Клинтонъ, съ полномочіемъ очистить союзную столицу и перенести войну на новый театръ дѣйствій, гдѣ можно было разсчитывать на лучшіе результаты. Это отступленіе было тѣмъ болѣе пріятно для сѣверо-американцевъ, что Вашингтону удалось нанести отступающему противнику еще одинъ ударъ подъ Монмутомъ. Въ дѣйствительности, однако, Клинтонъ потому отвелъ свои войска къ Нью-Іорку, что предстоявшая англо-французско-испанская война дѣлала желательнымъ перенесеніе колоніальной войны въ южныя провинціи, гдѣ возможно было установить сообщеніе съ вѣроятнымъ театромъ военныхъ дѣйствій на Антильскихъ водахъ.

Зимою 1777—1778 года Франція еще не объявляла войны Англіи и затѣмъ подняла сильный шумъ при европейскихъ дворахъ, когда нападеніе англичанъ на французскій корабль La Belle Poule дало ей поводъ выставить британцевъ въ качествѣ нападающей стороны. Въ дѣйствительности, еще съ февраля былъ снаряженъ флотъ, экипажъ котораго долженъ былъ сражаться, бокъ-о-бокъ съ союзными войсками, противъ англичанъ. Къ этому времени на службу Соединенныхъ Штатовъ явилось уже множество иностранныхъ офицеровъ. Лафайетъ и друзья его, встрѣченные вна-

чалѣ съ такимъ нескрываемымъ недовѣріемъ, что нѣкоторые изъ нихъ вернулись, разочарованные, во Францію, сражались уже съ прошлаго года на ряду съ американцами. Восторженная агитація Лафайета не осталась безъ вліянія на отправленіе вспомогательнаго корпуса подъ командою Рошамбо. На ряду съ ними особенно отличался прусскій полковникъ Фридрихъ Вильгельмъ фонъ-Штейбенъ, который улучшилъ внутреннюю организацію союзнаго войска. Послѣ долгой борьбы, Вашингтонъ добился того, что, по крайней мѣрѣ, ядро союзной арміи состояло изъ постоянныхъ полковъ. Послѣдніе обязаны были своимъ обученіемъ прусскому офицеру, вышедшему изъ школы Фридриха II и содѣйствовавшему также улучшенію управленія и снабженія провіантомъ всего союзнаго войска, поскольку это было возможно при весьма недостаточныхъ средствахъ.

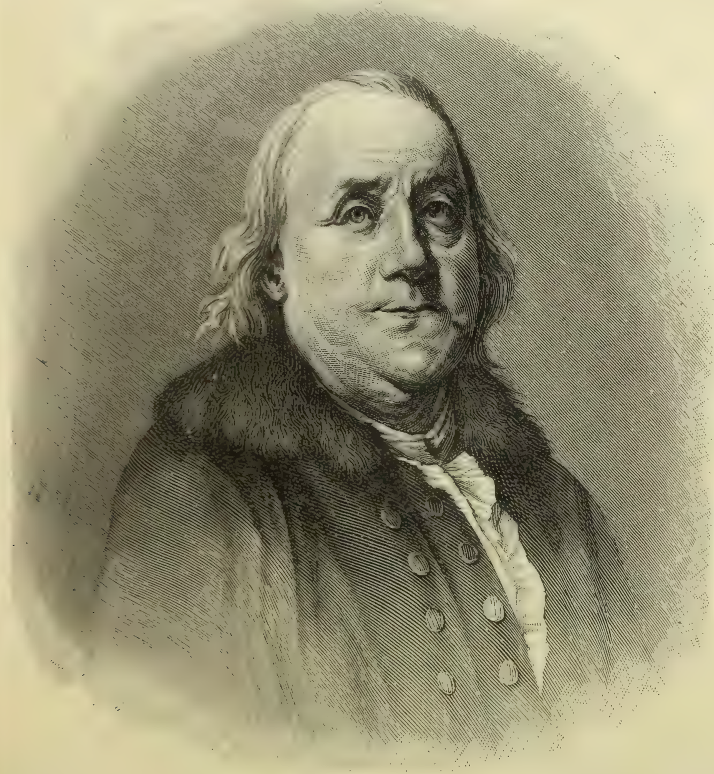
Не только Вашингтонъ и союзное войско, но и самый конгрессъ, съ тріумфомъ возвратившійся въ Филадельфію, ожидали чего-то необычайнаго отъ прибытія французскихъ союзниковъ. Убѣжденіе конгресса въ томъ, что предстояла рѣшительная побѣда, было такъ твердо, что онъ считалъ излишнимъ съ своей стороны еще что-либо предпринимать. Тѣмъ сильнѣе было разочарованіе, когда, вслѣдствіе особеннаго стеченія неблагопріятныхъ обстоятельствъ, соединенный походъ американцевъ и французовъ не привелъ почти ни къ какому результату. Съ самаго начала въ конгрессѣ существовала партія, которая смотрѣла весьма недружелюбными глазами на союзъ съ Франціей. Особенно въ сѣверныхъ штатахъ Новой Англіи старую антипатію противъ прежнихъ канадскихъ противниковъ переносили на французовъ, желавшихъ теперь сражаться, въ качествѣ союзниковъ, за независимость колоній. Повторныя предложенія англичанъ вступить въ переговоры съ революціонерами, по поводу устраненія ихъ затрудненій, укоренили въ нихъ убѣжденіе, будто въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ примиреніе на почвѣ признанія Соединенныхъ Штатовъ со стороны Англіи. Въ этомъ отношеніи политики востока были, повидимому, не совсѣмъ неправы, такъ какъ, въ виду грозившаго вмѣшательства своего непримиримаго врага, Англія готова была принести большія жертвы, лишь бы прекратить американскую войну. Эти шансы на миръ были значительно подорваны французскимъ союзомъ. Правда, американцы были склонны истолковать договоры въ томъ смыслѣ, что Франція стремится лишь обезпечить ихъ независимость и поэтому ничего не будетъ имѣть противъ непосредственнаго соглашенія между колоніями и метрополіей на этой почвѣ. Однако, французское министерство, какъ въ переговорахъ, которые оно продолжало въ Парижѣ съ делегатами конгресса, особенно съ Франклиномъ, такъ и черезъ посланника, аккредитованнаго имъ при конгрессѣ въ Филадельфіи, настаивало принципіально, чтобы ни одна изъ договаривающихся сторонъ не заключала мира съ Англіей безъ согласія другой. Такимъ образомъ, прекращеніе войны не обусловливалось уже признаніемъ независимости Соединенныхъ Штатовъ. Вслѣдствіе того, дѣловые политики совершенно забыли, какъ далеки они были отъ этого до союза съ Франціей, и теперь хотѣли увѣрить провинціи, что единственно этотъ союзъ является причиною продолженія войны.

Хотя въ этомъ, безъ сомнѣнія, было преувеличеніе, но все-таки почти весь конгрессъ и преобладающая часть американскаго народа были того мнѣнія, что было бы вполнѣ естественно и справедливо, чтобы Франція, которая, конечно, ищетъ въ войнѣ выгодъ и для себя, и для своихъ союзниковъ, особенно для Испаніи, окончила ее на свои деньги и при помощи своихъ войскъ. Одна лишь политическая и дипломатическая неопытность этихъ адвокатовъ, купцовъ и пр., ставшихъ въ одну ночь отвѣтственными руководителями громаднаго государства, можетъ извинить тѣ совершенно невѣроятныя требованія и притязанія, которыя они навязывали французскому

правительству. Но, какъ обыкновенно бываетъ, рука-объ-руку съ дѣйствительною неспособностью шла собственная слишкомъ высокая оцѣнка. И, благодаря быстрому и могущественному развитію молодого государства, такая оцѣнка сдѣлалась съ теченіемъ времени національной чертой характера.

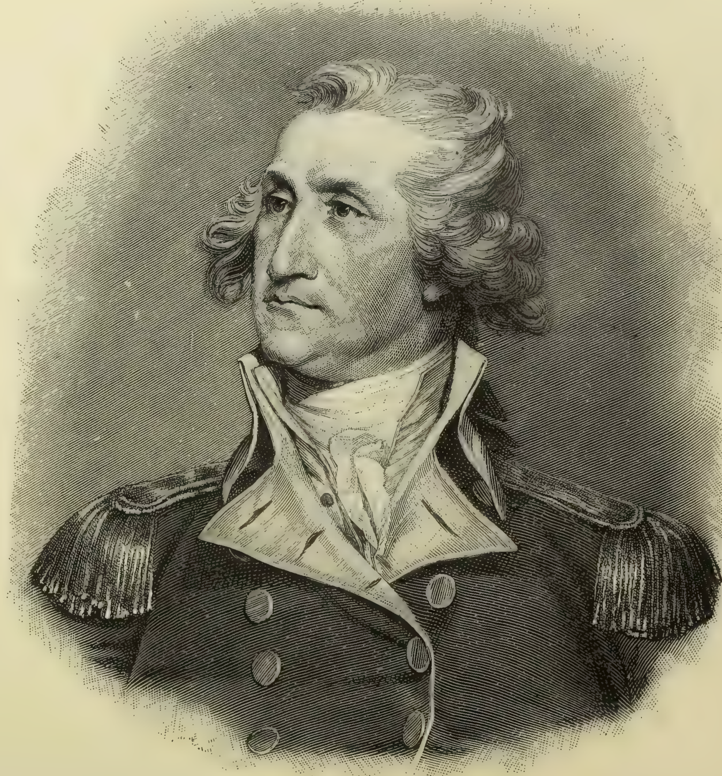
Безъ сомнѣнія, существовалъ хотя и небольшой кружекъ дѣйствительно государственныхъ мужей среди тѣхъ лицъ, которыя способствовали созданію Соединенныхъ Штатовъ. Въ числѣ первыхъ слѣдуетъ назвать Георга Вашингтона (см. табл. „Веніаминъ Франклинъ, Георгъ Вашингтонъ"). И его ходъ событій почти сразу вырвалъ изъ обстановки землевладѣльца, любящаго мирную и свѣтскую жизнь, и сдѣлалъ главнокомандующимъ союзнаго войска; но въ данномъ случаѣ событія дали только возможность обнаружиться его великому таланту и развиться выдающимся способностямъ. При объявленіи войны Вашингтону шелъ сорокъ третій годъ; скорѣе изъ любви къ искусству, чѣмъ по профессіи, онъ проявлялъ до того времени нѣсколько разъ свои военныя способности, какъ начальникъ виргинскихъ милиціонеровъ. Но при этомъ онъ настолько выдавался, что уже въ 1755 году былъ назначенъ главнымъ начальникомъ милиціи. Вступивъ въ общественную жизнь больше по долгу, чѣмъ по склонности, онъ старался возможно скорѣе возвратиться въ свои богатыя помѣстья. Это былъ типъ виргинскаго крупнаго землевладѣльца въ самомъ благородномъ выраженіи его: съ стройной фигурой, тонкими формами, пожалуй, слишкомъ аристократичными для республиканца, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе, чѣмъ кто-либо, былъ проникнутъ стремленіемъ къ свободѣ американскихъ колоній. Свѣтское образованіе давало Вашингтону возможность сдѣлаться дипломатомъ, обширныя познанія, особенно въ области политической экономіи,—государственнымъ человѣкомъ. Наконецъ, на военномъ посту онъ не только примѣнилъ скромный запасъ опыта, пріобрѣтеннаго въ малой войнѣ, но, что̀ еще существеннѣе, выказалъ два выдающихся качества, сдѣлавшихъ его во всѣхъ сферахъ однимъ изъ величайшихъ людей въ Америкѣ. Во-первыхъ, это была способность прямо видѣть положеніе вещей въ данный моментъ безъ всякаго пристрастія, что̀ давало ему возможность при самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ съ непоколебимымъ спокойствіемъ провѣрять и обсуждать ихъ и съ желѣзнымъ терпѣніемъ выжидать надлежащаго момента. Во-вторыхъ, благодаря своей необычайной энергіи, онъ не только былъ въ состояніи совершать необычайныя вещи, но въ критическую минуту увлекалъ окружающихъ къ крайнему напряженію силъ. Вначалѣ положеніе Вашингтона было крайне затруднительно; даже титулъ главнокомандующаго, который ему сразу предоставилъ подъемъ національнаго воодушевленія, не обезпечивалъ его отъ зависти недоброжелательныхъ соперниковъ и интригъ эгоистическихъ карьеристовъ. Лично онъ, быть-можетъ, меньше всего домогался этого поста, такъ какъ ежедневно убѣждался, какъ много обязанностей возложено на него и какая въ сущности небольшая власть находится въ его рукахъ. Но дѣло въ томъ, что Вашингтонъ былъ еще больше дипломатомъ, чѣмъ стратегомъ, и, какъ таковой, умѣлъ оріентироваться въ трудной задачѣ и постоянно лавировать между политиками конгресса, почти не скрывавшими своего демагогическаго исходнаго пункта, и европейскими дипломатами, вышколенными въ государственныхъ формахъ Стараго Свѣта. Со времени союза съ Франціей Вашингтонъ представлялъ не только на театрѣ войны, но и въ сферѣ политики, какъ бы второе правительство на ряду съ конгрессомъ, но въ то же время, благодаря своей тактичности и сдержанности, умѣлъ обходить всѣ опасные подводные камни и въ той, и въ другой области.

Американскій народъ не ставилъ никого изъ современниковъ наравнѣ съ Вашингтономъ: даже Веніаминъ Франклинъ (см. табл. „В. Франклинъ, Г. Вашингтонъ"), съ его природной честностью, далеко уступалъ ему въ политической дальновидности, и, тѣмъ не менѣе, Франклинъ, быть-можетъ,



Веніаминъ Франклинъ.

По гравюрѣ Уилькокса съ миніатюры Дюплесси
(Изъ Hale, Franklin in France, т. II.)



Георгъ Вашингтонъ.

По гравюрѣ Чизмана по картинѣ Трумболля, принадлежащей Королевскому Кабинету гравюръ въ Дрезденѣ.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

болѣе, чѣмъ кто-либо, способствовалъ благопріятному исходу революціи. Онъ выросъ въ ограниченной жизненной рамкѣ и пробивался медленно и съ трудомъ исключительно собственными силами. На немъ лежала въ теченіе всей его жизни извѣстная печать мѣщанства, отличавшая вообще жителей Филадельфіи, среди которыхъ онъ провелъ свою юность и возрастъ возмужалости. Это не былъ мужъ съ высокимъ полетомъ въ дѣйствіяхъ; но многолѣтній опытъ, пріобрѣтенный имъ въ качествѣ представителя колоній при англійскомъ дворѣ, привлекалъ къ нему болѣе, чѣмъ къ кому-либо другому, симпатіи остальныхъ націй къ отечеству его, боровшемуся за свободу. Ему принадлежитъ главная доля заслуги въ томъ, что Франція открыто приняла сторону Соединенныхъ Штатовъ. Тѣмъ не менѣе, его отношеніе къ мирнымъ переговорамъ показало, насколько для него были вообще непріятны заносчивость и дѣловая рѣзкость (smartness) политиковъ молодого государства. Многіе старались снять съ него упрекъ, будто онъ замѣшанъ былъ въ переговорахъ съ Англіей, которые вели сѣвероамериканскіе дипломаты за спиною Франціи вопреки буквальному смыслу заключеннаго съ нею союзнаго договора. Едва ли, однако, удастся когда-нибудь устранить подозрѣніе, что Франклинъ, съ его довѣрчивой и открытой натурой, его добродушной прямотою, прикрывалъ двусмысленную игру своихъ дипломатическихъ коллегъ, хотя, быть-можетъ, и не принималъ прямого участія въ томъ, чтобы подкапываться подъ союзниковъ, имъ же самимъ пріобрѣтенныхъ. На событія на родинѣ во время войны онъ оказывалъ мало вліянія. Въ борьбѣ изъ-за конституціи трезвый практическій умъ и дѣловая опытность Франклина не мало способствовали устраненію безконечныхъ препятствій, тормозившихъ введеніе конституціи.

Оба вождя были окружены, безъ сомнѣнія, цѣлымъ штабомъ второстепенныхъ личностей, державшихся сходныхъ политическихъ воззрѣній; но среди вліятельныхъ политиковъ едва ли можно указать лицъ съ такимъ же свободнымъ взглядомъ и настолько же чуждыхъ пристрастія. А между тѣмъ именно это обстоятельство имѣло громадное значеніе для ближайшаго будущаго, когда, съ заключеніемъ французскаго союза, центръ тяжести въ ходѣ событій былъ перенесенъ съ поля битвы въ область дипломатіи.

Англичане, сообразно своему новому плану военныхъ дѣйствій, перенесли войну въ южныя провинціи. Уже въ январѣ 1779 года они покорили Саванну въ Георгіи и съ успѣхомъ защищали ее противъ французскаго флота. Затѣмъ въ февралѣ 1780 года британскій главнокомандующій Клинтонъ лично высадился въ южной Каролинѣ и, послѣ пятинедѣльной осады Чарльстона, заставилъ находившіяся въ столицѣ союзныя войска капитулировать. Казалось, что этимъ возстанавливалось англійское владычество на югѣ, и въ теченіе нѣкотораго времени англичане не встрѣчали здѣсь ни одного регулярнаго отряда союзныхъ войскъ. Вскорѣ, однако, выяснилось, что цѣль ихъ недостижима. Страна съ рѣдкимъ населеніемъ, за исключеніемъ береговой полосы, дѣлала совершенно невозможной военную оккупацію и создавала величайшія трудности для всякаго рода операцій. Въ главной квартирѣ Вашингтона знали это. Вмѣсто того, чтобы двигаться за англичанами на югъ, главнокомандующій продолжалъ сосредоточивать свои операціи на Гудсонѣ противъ Нью-Іорка, такъ какъ отъ нихъ зависѣлъ конечный исходъ войны. Такимъ образомъ, онъ принудилъ Клинтона вернуться на сѣверъ, тогда какъ на югѣ возгорѣлась съ перемѣннымъ успѣхомъ партизанская война. Изъ обѣихъ главныхъ квартиръ вновь и вновь посылались регулярныя войска съ опытными командирами, такъ что англичане никогда не могли быть покойны за свои владѣнія, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могли быть вытѣснены изъ нихъ. Эти странствующіе отряды дали другъ другу рядъ большихъ сраженій въ сѣверной и южной Каролинѣ. При Кэмденѣ англичане одержали побѣду, которая стоила жизни храброму Кальбу. У Королевскихъ горъ и при Коупенсѣ поле битвы

осталось за американцами. Въ другихъ сраженіяхъ, какъ, напр., при Гильфордѣ, обѣ стороны считали себя побѣдителями. Въ общемъ, однако, существенныхъ измѣненій въ положеніи дѣла не произошло: англичане занимали гуще населенныя береговыя мѣстности, а внутри страны постоянно бродили континентальныя шайки герильясовъ и то здѣсь, то тамъ неожиданно нападали на британскіе отряды.

Чтобы вызвать какую-нибудь перемѣну, англичане рѣшили перенести войну въ Виргинію, которая была теперь почти исключительно источникомъ продовольствія союзнаго войска, поскольку въ этомъ дѣлѣ не участвовала Франція. Однако, и этотъ маневръ не отвлекъ Вашингтона отъ Гудсона: онъ ограничился лишь тѣмъ, что отправилъ туда Лафайета, съ частью союзнаго войска. Лафайетъ вполнѣ оправдалъ оказанное ему довѣріе. При помощи искусныхъ операцій, онъ сдерживалъ въ теченіе многихъ недѣль англійскаго генерала Корнуэльса, пока приказомъ главнокомандующаго не былъ отозванъ къ побережью. Чтобы обезпечить себя укрѣпленнымъ опорнымъ пунктомъ для возобновленія впослѣдствіи похода внутрь страны, Корнуэльсъ избралъ Іорктоунъ (см. „Карты къ исторіи Америки"); но, благодаря тому, онъ очутился въ опасной ловушкѣ, что быстро поняли полководцы союзной арміи. Лафайетъ поспѣшилъ съ наивозможной быстротою, чтобы блокировать это мѣсто, и Вашингтонъ отправилъ ему въ помощь бо́льшую часть французскихъ и американскихъ войскъ подъ командою Рошамбо. Наконецъ, французскій флотъ, который долженъ былъ отправиться къ антильскимъ водамъ подъ командою де-ла-Граса, довершилъ планъ, состоявшій въ томъ, чтобы окружить непріятеля. Вокругъ Іорктоуна непріятельскія линіи стянулись такимъ тѣснымъ кольцомъ, что 19 октября 1781 года Корнуэльсъ долженъ былъ положить оружіе. Правда, въ рукахъ англичанъ оставались еще нѣкоторые береговые пункты юга и прежде всего Чарльстонъ. Но судьба ихъ оружія была рѣшена этимъ пораженіемъ на югѣ. Они были безповоротно побѣждены союзными войсками.

C. Переговоры и заключеніе мира съ Англіей.

Хотя военныя событія на самомъ театрѣ военныхъ дѣйствій и держали умы въ сильномъ, напряженномъ возбужденіи, но на рѣшеніе хода дѣлъ они оказывали сравнительно мало вліянія. Руководящіе государственные люди Франціи очень скоро убѣдились, что союзъ съ Соединенными Штатами, вмѣсто того, чтобы дать имъ сильнаго товарища въ борьбѣ съ Англіей, повелъ лишь къ тому, что сѣверо-американцы получили возможность вести войну при помощи французскихъ денегъ, французскихъ солдатъ и кораблей. Испанское правительство долго медлило прежде, чѣмъ оно вообще примкнуло къ борьбѣ съ Англіей. Хотя оно считало естественнымъ получить за участіе въ войнѣ Флориду и Миссисипи, но, въ общемъ, американскія дѣла имѣли для него вполнѣ второстепенное значеніе. Оно стремилось, главнымъ образомъ, направить свою военную дѣятельность противъ Минорки и Гибралтара. Но рядомъ съ этимъ оно давало ясно понять, что охотно согласилось бы немедленно прекратить войну. Испанія желала лишь дипломатически воспользоваться опаснымъ положеніемъ Англіи съ цѣлью пересмотра мирнаго договора 1763 года. Характеръ, который приняла война въ Америкѣ, дѣлалъ и для Франціи вполнѣ желательнымъ возможно скорое заключеніе мира. Поэтому она не только поощряла Испанію въ направленныхъ въ эту сторону стремленіяхъ, но предлагала и американскому конгрессу готовиться къ принятію рѣшенія по поводу условій, которыя могутъ быть предложены со стороны Англіи.

Переговоры о всѣхъ этихъ вопросахъ занимали конгрессъ въ ближайшіе годы до заключенія мира въ несравненно большей мѣрѣ, чѣмъ

интересовали его военныя дѣла. Дебаты велись съ такою страстностью, что не разъ союзъ 13 штатовъ, едва заключенный, грозилъ распасться на различныя группы интересовъ. Политики Соединенныхъ Штатовъ охотнѣе всего, конечно, встрѣтили бы отказъ Англіи въ ихъ пользу отъ всѣхъ своихъ владѣній и притязаній въ предѣлахъ сѣверо-американскаго материка. Агентамъ, которыхъ Англія не переставала посылать въ теченіе всей войны для улаженія недоразумѣній, они мотивировали свой взглядъ такимъ образомъ, что сосѣдство границъ между штатами и британской *Канадой* можетъ лишь служить яблокомъ раздора между двумя единоплеменными народами. Заслуга Веніамина Франклина заключается въ томъ, что онъ сумѣлъ ловко вплести эту мысль въ переговоры, происходившіе между нимъ и британскомъ агентомъ Освальдомъ. Однако, при окончательной формулировкѣ договорныхъ пунктовъ къ этому вопросу болѣе не возвращались, и Англіи не пришлось отвергать эти предложенія.

Въ отношеніи *южной границы* сѣверо-американцы обнаружили меньше алчности къ расширенію территоріи. Они достаточно освоились съ мыслью вернуть испанцамъ Флориду за участіе въ войнѣ и въ особенности за денежную помощь, за которой они постоянно обращались (въ послѣднее время, правда, безуспѣшно) къ правительству Карла III. Во всякомъ случаѣ, этотъ пунктъ не служилъ поводомъ къ раздору между партіями конгресса. Съ другой стороны, существовали два условія, изъ которыхъ одно слишкомъ близко касалось представителей южныхъ штатовъ, а другое являлось жизненнымъ вопросомъ для сѣверныхъ штатовъ. Насколько представители южныхъ штатовъ были дальновидны въ пунктахъ, затрогивавшихъ ихъ собственные интересы, доказываетъ то, что они поставили необходимымъ предварительнымъ условіемъ заключенія мира съ Англіей *уступку внутренней страны до Миссиссипи и свободное плаваніе по этой рѣкѣ до Мексиканскаго залива.* Какъ извѣстно, англійское колоніальное управленіе отдѣлило въ цѣляхъ организаціи страну къ западу отъ Аллеганскихъ горъ отъ старыхъ провинцій, и болѣе обширное культивированіе названной области южныхъ провинцій началось лишь съ самаго недавняго времени. Тѣмъ не менѣе, тогдашнія руководящія личности вполнѣ понимали важное значеніе, которое имѣлъ для этихъ областей водный путь къ Мексиканскому заливу, и рѣшились не уступать въ этомъ пунктѣ. Но на конгрессѣ они облекли свои притязанія въ дипломатическія формы и поддерживали ихъ съ достоинствомъ, которое соотвѣтствовало аристократическому духу ихъ провинцій.

Въ совершенно иномъ духѣ выступилъ со своими требованіями Сѣверъ. Коммерческій духъ, который съ самаго начала характеризовалъ движеніе въ сѣверныхъ штатахъ, проявился и въ этомъ случаѣ; ни для кого не было тайною, что судовладѣльцы и торговцы штатовъ Новой Англіи сумѣли извлечь много выгодъ даже изъ военнаго положенія. Охота на британскіе торговые корабли производилась ими съ такимъ успѣхомъ, что имъ приписывали громадные барыши. Но они занимались еще болѣе непатріотичными дѣлами, продавая англичанамъ въ Галифаксѣ и даже въ Нью-Іоркѣ жизненные припасы и другіе необходимые предметы. Несмотря на то, вожаки сѣверной партіи Самуилъ Адамсъ, Ричардъ Генри Ли и др. держали себя такъ, какъ-будто все бремя военныхъ расходовъ лежало исключительно на ихъ штатахъ. Въ вознагражденіе за это они требовали, чтобы правительство не складывало оружія до тѣхъ поръ, пока Англія не разрѣшитъ Соединеннымъ Штатамъ *участія въ рыбной ловлѣ на меляхъ Ньюфаундлэнда.* Впрочемъ, они еще раньше, въ качествѣ англійскихъ подданныхъ, принимали существенное участіе въ этомъ промыслѣ. И если было бы преувеличеніемъ утверждать, что пропитаніе населенія сѣверныхъ штатовъ исключительно зависѣло отъ рыбной ловли, то все-таки въ связи

съ рыбными промыслами Ньюфаундлэнда развилась обширная промышленность. Южные штаты были, пожалуй, склонны помочь въ этомъ пунктѣ своимъ сѣвернымъ землякамъ при мирныхъ переговорахъ. Но бурный демагогическій образъ дѣйствій сѣверной партіи, грозившей отпаденіемъ въ случаѣ неудовлетворенія этого требованія, могъ лишь оттолкнуть представителей другихъ штатовъ, тѣмъ болѣе, что именно партія Адамса и Ли усвоила себѣ демагогическій тонъ и постоянно нападала на офиціальную политику во всѣхъ вопросахъ, которые касались дипломатическихъ отношеній съ Франціей и отъ которыхъ прежде всего зависѣло благосостояніе Соединенныхъ Штатовъ.

Въ теченіе долгаго времени эти пререканія относительно мирныхъ условій имѣли исключительно теоретическій интересъ. Общими усиліями союзнаго главнокомандующаго и его друзей, съ одной стороны, и представителей Франціи, съ другой, неоднократно удавалось сдерживать ожесточенный характеръ преній и снимать съ очереди пункты, по которымъ не предвидѣлось соглашенія. Но даже и тогда, когда мирные переговоры начали принимать опредѣленное очертаніе, французское правительство, умудренное опытомъ прошлаго, уклонялось брать на себя выраженіе претензій Соединенныхъ Штатовъ къ Англіи. Оно твердо стояло на томъ, что ни одинъ изъ союзниковъ не долженъ заключать договора съ Англіей безъ другого, и на томъ же основаніи настаивало на принципіальномъ признаніи независимости Соединенныхъ Штатовъ со стороны Англіи. Въ остальномъ оно заявило, что Соединенные Штаты могутъ непосредственно сговориться съ Англіей касательно мирныхъ условій, и тщательно воздерживалось отъ всякаго вмѣшательства.

Когда въ мартѣ 1782 года, благодаря личнымъ отношеніямъ Франклина къ нѣкоторымъ членамъ вновь сформированнаго англійскаго кабинета, выяснилась, наконецъ, склонность всѣхъ сторонъ прекратить войну, борьба въ конгрессѣ возгорѣлась съ новой силой. Партія сѣверныхъ штатовъ, для которой было особенно желательно совершенно устранить отъ переговоровъ дружественнаго французамъ Франклина, добилась, по крайней мѣрѣ, того, что въ помощь ему были посланы два представителя ихъ собственныхъ воззрѣній, Джонъ Адамсъ и Джонъ Джей. Исторія мирныхъ переговоровъ еще разъ доказала, въ какой мѣрѣ юное государство нуждалось еще въ настоящей правительственной власти. Хотя конгрессъ и учредилъ министерство иностранныхъ дѣлъ, но, на самомъ дѣлѣ, уполномоченные, отправленные для мирныхъ перегоровъ, не получили опредѣленной инструкціи и, очутившись на французской почвѣ внѣ непосредственнаго вмѣшательства конгресса, дѣйствовали совершенно независимо отъ него. Тѣмъ не менѣе, переговоры быстро привели къ результату и притомъ къ такому, на который не могъ бы разсчитывать въ благопріятномъ случаѣ даже самый смѣлый политикъ. Причина этого лежала въ политической шаткости, благодаря которой Англія могла надѣяться добиться въ свою пользу нѣкоторыхъ уступокъ путемъ привлеченія на свою сторону Соединенныхъ Штатовъ. Вопреки всякимъ дипломатическимъ обычаямъ, американскіе политики довели до конца мирный договоръ съ Англіей, ни разу не увѣдомивъ французское правительство о ходѣ переговоровъ, а между тѣмъ имъ было не безызвѣстно, что одновременно съ этимъ шли также мирные переговоры между Франціей и Англіей. Особеннаго вреда для французовъ отъ этого, конечно, не произошло, такъ какъ и они вскорѣ пришли къ желанному результату. Однако, Франція могла убѣдиться изъ этого опыта, что союзникъ ея неудобенъ и не надеженъ, рада была случаю отдѣлаться отъ него и не щадила упрековъ въ предательствѣ.

Миръ, подписанный въ Версалѣ 3 сентября 1783 года, признавалъ тринадцать Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки самостоятельнымъ

государствомъ. Почти всѣ требованія сѣверо-американскихъ представителей партій были удовлетворены Англіей. Границею 13 штатовъ на югѣ должна была служить возвращенная испанцамъ Флорида. На западѣ имъ была предоставлена вся страна до Миссисипи, по которому установлено свободное плаванье, какъ для нихъ, такъ и для прочихъ націй. Сѣверная граница прошла отъ рѣки Сенъ-Круа черезъ водораздѣлъ между Гудсономъ и рѣкою Св. Лаврентія и дальше черезъ большія озера до истоковъ Миссисипи. Затѣмъ за ними было безусловно признано право участія въ рыбныхъ промыслахъ на отмеляхъ Ньюфаундлэнда. Наконецъ, торговый и дружественный договоръ между Англіей и Соединенными Штатами долженъ былъ, по возможности, возстановить связь, порванную войною. Признаніе Соединенныхъ Штатовъ со стороны прочихъ европейскихъ государствъ нѣсколько замедлилось, но для молодого государства это было довольно безразлично, такъ какъ оно пользовалось и признаніемъ, и рѣшительнымъ расположеніемъ со стороны державъ, что̀ было для него всего важнѣе. Такимъ образомъ, съ внѣшней стороны республика Соединенныхъ Штатовъ была установлена.

D. **Конституція.**

Внутренняя организація Соединенныхъ Штатовъ заставляла желать еще очень многаго. Народъ въ широкихъ массахъ своихъ былъ еще вовсе неготовъ для пользованія добытою имъ свободою и самостоятельностью. Даже люди, которые годами стремились къ этой высокой цѣли и уже играли роль политическихъ вождей въ провинціальныхъ собраніяхъ, оказались далеко не на высотѣ задачъ, предъявляемыхъ продуктивной правительственной дѣятельностью. До этого времени политическая жизнь была знакома имъ почти исключительно съ отрицательной стороны, въ видѣ оппозиціи, отстаивавшей передъ королевскими губернаторами дѣйствительныя и мнимыя права провинціи. Теперь они внесли страстный и недостойный тонъ въ пренія конгресса, и здѣсь этотъ тонъ тѣмъ легче укоренился, что въ этомъ собраніи недоставало противовѣса со стороны твердаго правительства, соблюдающаго извѣстныя установленныя формы.

Задача создать конституцію для тринадцати Соединенныхъ Штатовъ была нелегкая, если принять во вниманіе взаимное недовѣріе штатовъ и столкновеніе интересовъ обѣихъ группъ, сѣверной и южной. Когда континентальный конгрессъ былъ созванъ въ первый разъ въ 1774 году, полномочія его представлялись совершенно неясными. Онъ состоялъ изъ депутатовъ отъ представительныхъ собраній тринадцати провинцій и въ этомъ смыслѣ, конечно, стоялъ на законной почвѣ; но ни цѣль его, ни продолжительность, ни размѣръ его полномочій не были опредѣлены. Если постановленія конгресса въ первые годы войны рѣдко встрѣчали дѣйствительное сопротивленіе, несмотря на то, что производили коренныя жизненныя измѣненія, то это было не столько слѣдствіемъ правового состоянія, сколько требованіемъ фактическихъ условій. Самъ конгрессъ ощущалъ шаткость своего правового положенія. Одновременно съ провозглашеніемъ независимости была, поэтому, избрана комиссія съ цѣлью создать правовую почву для обсужденія общихъ дѣлъ колоній. Работа этой комиссіи въ формѣ такъ наз. статей конфедераціи была разсмотрѣна конгрессомъ только осенью 1777 года и передана затѣмъ для ратификаціи законодательнымъ собраніямъ отдѣльныхъ провинцій. Прошло еще 15 мѣсяцевъ прежде, чѣмъ двѣнадцать штатовъ приняли эти статьи; штатъ Мерилэндъ отказывался принять ихъ почти цѣлыхъ два года (см. ниже стр. 475). Конгрессъ, однако, ничего не выигралъ отъ такого формулированія своихъ полномочій; наоборотъ, въ послѣдніе годы войны авторитетъ его все болѣе падалъ. Можно было опасаться, что онъ, а съ нимъ и идея

единства окончательно потеряютъ довѣріе, какъ скоро съ окончаніемъ войны исчезнетъ внѣшняя необходимость солидарности. Такъ думали всѣ проницательные политики, какъ тѣ, которые желали блага Соединеннымъ Штатамъ, такъ и тѣ, которые спекулировали на распаденіе ихъ. Предвидя это, Вашингтонъ прежде, чѣмъ сложить съ себя верховное начальство надъ союзнымъ войскомъ, этимъ воплощеніемъ единства, и вернуться къ частной жизни, обратился съ знаменитымъ письмомъ къ законодательнымъ собраніямъ отдѣльныхъ штатовъ. Въ этомъ письмѣ онъ горячо доказывалъ имъ, что прочное единеніе является единственнымъ базисомъ великаго будущаго. Это проложило ему путь къ будущему званію президента, но вначалѣ его воззваніе не произвело замѣтнаго дѣйствія.

Въ теченіе революціоннаго періода въ отдѣльныхъ штатахъ также сильно окрѣпло чувство независимости. До провозглашенія независимости можно было назвать только двѣ провинціи, Коннектикутъ и Родъ-Айлэндъ, имѣвшія вполнѣ республиканскій характеръ. Во всѣхъ прочихъ надъ народнымъ представительствомъ стоялъ либо феодальный властитель, какъ въ Пенсильваніи, Делаварѣ и Мерилэндѣ, или королевскій губернаторъ. Но во время войны эти послѣдніе штаты также переработали свои конституціи въ республиканскомъ духѣ. И они слишкомъ гордились вновь завоеваннымъ правомъ неограниченнаго самоуправленія, чтобы охотно поступиться имъ въ интересахъ общаго блага. Послѣ достиженія независимости и заключенія мира признавалось, что работа континентальнаго конгресса, съ его представительствомъ всѣхъ штатовъ, пока исчерпана. Каждый изъ тринадцати штатовъ стремился теперь устроиться въ этомъ новомъ положеніи такъ, какъ ему казалось наиболѣе выгоднымъ съ точки зрѣнія собственныхъ интересовъ. Общія дѣла оставались въ самомъ позорномъ пренебреженіи. Конгрессъ не былъ даже въ состояніи уплатить жалованье союзному войску. Правда, правительства штатовъ изъявляли готовность поставить свои гарнизоны въ городахъ Саваннѣ, Чарльстонѣ и Нью-Іоркѣ, которые англичане хотя и занимали еще, но должны были очистить по мирному договору. Но конгрессъ не въ состояніи былъ принять на себя дальніе военные посты въ сѣверныхъ и западныхъ пограничныхъ территоріяхъ, которыя ни для кого не представляли непосредственной выгоды такъ же, какъ не могъ дать условленнаго вознагражденія сторонникамъ англичанъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Безсиліе центральнаго правительства производило за границей самое неблагопріятное впечатлѣніе. Во многихъ случаяхъ дипломатія терпѣла пораженія, только благодаря недостатку уваженія къ Соединеннымъ Штатамъ. Даже въ собственномъ отечествѣ конгрессъ потерялъ довѣріе. Пенсильванія смотрѣла спокойно, какъ корпорація, представлявшая собою союзъ всѣхъ штатовъ, была обращена въ бѣгство 80 возмутившимися резервистами и была вынуждена перенести мѣсто своихъ совѣщаній въ Принстонъ. Вскорѣ между штатами возгорѣлась война всѣхъ противъ всѣхъ. Поводъ къ ней далъ Нью-Іоркъ, который, не только въ отношеніи чужихъ земель, но, пользуясь крайне произвольнымъ толкованіемъ конфедераціонныхъ статей, и въ отношеніи своихъ непосредственныхъ сосѣдей, окружилъ себя оградой самыхъ стѣснительныхъ ввозныхъ пошлинъ, которыя взыскивалъ съ безпощадной строгостью. Уже въ силу этого возбужденъ былъ вопросъ, — не лучше ли будетъ предоставить конгрессу право регулировать заграничныя пошлины. Только благодаря отсутствію этого права, не могъ состояться желательный торговый договоръ съ Испаніей. Точно также немыслима была энергичная борьба съ Англіей, которая распространила теперь навигаціонный актъ и на Соединенные Штаты: въ то время, какъ штаты Новой Англіи отвѣчали на это собственнымъ навигаціоннымъ актомъ, Коннектикутъ охотно предоставлялъ свои гавани въ распоряженіе англичанъ. Южные штаты также высказались противъ навигаціоннаго акта, опасаясь,

что судовладѣльцы ново-англійскихъ штатовъ, съ устраненіемъ всякаго соперничества, настолько поднимутъ фрахты, что ихъ невозможно будетъ выдержать.

Возобновились и старые пограничные споры. Еще въ началѣ войны за независимость Соединенные Штаты высказывали притязаніе на внутреннюю страну по ту сторону Аллеганскихъ горъ и не могли сойтись лишь въ томъ, какому штату она должна принадлежать. Массачусетсъ и Коннектикутъ требовали себѣ доли на основаніи колоніальныхъ грамотъ, которыя охватывали ихъ территоріи отъ океана до океана. Нью-Іоркъ претендовалъ на всѣ страны, которыя платили дань его союзникамъ ирокезамъ, а Виргинія присвоивала себѣ всю нераздѣленную землю на томъ основаніи, что всѣ прочія колоніи были будто бы лишь позднѣе выдѣлены изъ Старой Виргиніи. Фактически сѣверная Каролина владѣла Теннесси, а Виргинія Кентукки, и вообще отнятіе западной территоріи у англичанъ во время революціонной войны совершилось почти исключительно со стороны Виргиніи. Но такъ какъ въ то время Виргинія и безъ того представляла самый населенный и богатый штатъ, то мелкіе штаты, которые не могли расширяться въ будущемъ въ силу своего географическаго положенія, очень мало склонны были давать этому отдѣльному штату разрастаться до безконечности. Примѣръ Нью-Іорка показалъ имъ, съ какою опасностью это было бы сопряжено для болѣе мелкихъ и болѣе бѣдныхъ сосѣдей. Законодательное собраніе искало выхода изъ этого столкновенія интересовъ и еще въ 1777 году внесло предложеніе въ конгрессъ урегулировать вопросъ относительно притязаній на территоріи между Аллеганами и Миссиссипи, а самую землю предполагалось раздѣлить и образовать новые штаты. Это предложеніе не встрѣтило поддержки и было отклонено. Но Мерилэндъ объявилъ, что ставитъ принятіе конфедераціонныхъ статей въ зависимость отъ принятія предложенія относительно западныхъ территорій. Въ этомъ заключалась главная причина, почему этотъ штатъ, вообще безусловно вѣрный союзу, только въ 1781 году присоединился къ конфедераціи. Лишь въ этомъ году Виргинія, по примѣру Нью-Іорка и Коннектикута, отказалась принципіально отъ своихъ притязаній; за нею послѣдовали Массачусетсъ, Сѣверная Каролина и Георгія.

Улаженіе этимъ путемъ территоріальныхъ споровъ повело къ важнымъ послѣдствіямъ въ области государственнаго права. До того времени конгрессъ, не имѣя ни власти, ни средствъ, влачилъ жалкое существованіе. Теперь отреченіе отдѣльныхъ штатовъ отъ своихъ притязаній на внутреннюю страну предоставило въ его распоряженіе область не только обширную, но и чрезвычайно богатую, какъ показывало цвѣтущее состояніе разбросанныхъ въ ней поселеній. Вопросъ былъ лишь въ томъ — въ какой формѣ должна была выразиться власть конгресса надъ этой территоріей? Предложеніе виргинскаго президента Томаса Джефферсона образовать изъ этой страны немедленно десять новыхъ штатовъ и дать имъ идеальную образцовую конституцію было отклонено, главнымъ образомъ, въ виду этого пункта. Кромѣ того, Теннесси и Кентукки успѣли настолько окрѣпнуть, что, вскорѣ послѣ окончательнаго сформированія Соединенныхъ Штатовъ, настояли на признаніи ихъ полноправными штатами. Наоборотъ, территорія къ сѣверу отъ Огайо была предоставлена въ непосредственное распоряженіе конгресса, частью для погашенія военнаго долга путемъ продажи земель, частью же съ цѣлью дать возможность уволеннымъ борцамъ войны за независимость основать собственный очагъ при благопріятныхъ условіяхъ. При организаціи устройства этой территоріи были приняты во вниманіе общіе принципы личныхъ правъ, свободы совѣсти и проч., лежащіе въ основѣ конституціи тринадцати штатовъ. Въ остальномъ было предоставлено конгрессу установить временныя формы правленія. Рабство было изгнано изъ этой области и предположено преобразованіе ея въ полноправные штаты:

Благодаря тому, авторитетъ конгресса нѣсколько поднялся, чему еще болѣе способствовало то обстоятельство, что онъ представилъ образецъ обширной области, успѣшно управляемой центральною властью. Просвѣщенные политики, и прежде всего Вашингтонъ, не скрывали своего убѣжденія, что Соединенные Штаты могли выбраться изъ своего униженнаго положенія лишь въ томъ случаѣ, если бы государственная жизнь ихъ вылилась въ болѣе прочную форму на почвѣ единенія. Конгрессъ представлялъ лишь тѣнь правительства. Будущность Америки, — и это поняли уже тогда, — заключалась въ экономическомъ освобожденіи необъятныхъ вспомогательныхъ источниковъ ея. А это было невозможно, пока мелкіе счеты и распри между штатами постоянно подрывали общее благосостояніе и давали смѣлость сегодня англичанамъ тормозить судоходство сѣверныхъ штатовъ, а завтра испанцамъ преграждать устья Миссисипи для южныхъ штатовъ. Первое предложеніе поручить конгрессу совокупныя торговыя дѣла всѣхъ Соединенныхъ Штатовъ вызвало такую удивительную смѣсь притязаній и уступокъ, что немыслимо было создать что-либо прочное; поэтому оно потерпѣло пораженіе. Тѣмъ не менѣе, именно этому толчку обязана своимъ происхожденіемъ конституція Соединенныхъ Штатовъ.

Какъ и во всѣ политическіе вопросы своей родины, Вашингтонъ внесъ живой интересъ въ вопросъ объ экономическомъ поднятіи страны. Еще до сложенія команды надъ союзной арміей онъ предпринялъ круговую поѣздку по сѣвернымъ областямъ, чтобы лично ознакомиться съ положеніемъ воднаго пути между р. Гудсономъ и озерами. Удалившись въ частную жизнь, онъ особенно интересовался планомъ созданія воднаго пути отъ залива Чизапикъ черезъ Потомакъ къ Огайо, такъ какъ общность интересовъ онъ считалъ лучшимъ звеномъ для обезпеченія единства Соединенныхъ Штатовъ. Проектъ канала предполагалъ, однако, соглашеніе между различными штатами; но когда былъ принятъ въ принципѣ съѣздъ делегатовъ четырехъ наиболѣе заинтересованныхъ штатовъ, то возникъ планъ расширить совѣщанія делегаціи за предѣлы узкихъ рамокъ постройки канала, и представить на разсмотрѣніе ея экономическія и въ частности торговыя потребности Соединенныхъ Штатовъ вообще, и для этого разослать всѣмъ штатамъ приглашеніе. Такимъ образомъ, въ сентябрѣ 1786 года состоялась конвенція въ Аннаполисѣ. Сама по себѣ она не сопровождалась никакими результатами, но дала толчокъ къ важному по своимъ послѣдствіямъ рѣшенію просить конгрессъ о созваніи новой конвенціи для совѣщанія о каналахъ и торговыхъ путяхъ, и вообще о предметахъ, касающихся благосостоянія Соединенныхъ Штатовъ.

Конгрессъ не прочь былъ удовлетворить ходатайство конвенціи Аннаполиса. Но прежде, чѣмъ дѣло дошло до этого, распространилась вѣсть, что Виргинія уже назначила депутатовъ для предстоящей конвенціи, и что Вашингтонъ принялъ полномочіе. Популярность этого имени произвела чудеса. Въ теченіе короткаго времени еще четыре другихъ штата назначили своихъ депутатовъ, и по предложенію Массачусетса, конгрессъ поспѣшилъ разослать приглашеніе на конвенцію въ Филадельфіи въ сентябрѣ 1787 года. Въ томъ самомъ зданіи, которое было мѣстомъ конгресса въ эпоху войны, собралась конвенція, трудами которой была создана окончательная конституція Соединенныхъ Штатовъ. Двѣнадцать штатовъ (Родъ-Айлэндъ отсутствовалъ) имѣли тамъ 55 делегатовъ, которые въ первомъ своемъ засѣданіи избрали Вашингтона президентомъ. Совѣщанія происходили тайно и вначалѣ не имѣли обязательности для докладчиковъ. Но именно это сознаніе, что работа ихъ можетъ сдѣлаться закономъ лишь послѣ новой провѣрки въ конгрессѣ и въ законодательныхъ собраніяхъ, дало делегатамъ мужество, не ограничиваясь робкими компромиссами съ существующими условіями, предложить совершенно новую конституцію, построенную на существенно измѣненныхъ основаніяхъ.

Большинство депутатовъ проникнуто были сознаніемъ, хотя объ этомъ и не говорилось, что главная цѣль собранія ихъ заключается въ томъ, чтобы укрѣпить союзъ 13 штатовъ и поставить его на болѣе твердую основу. Федералистамъ противостояла партія антифедералистовъ, составлявшая меньшинство. Дальнѣйшій ходъ совѣщаній вызвалъ потомъ иныя групировки депутатовъ, и рѣшенія конвенціи явились, въ концѣ концовъ, результатомъ длиннаго ряда компромиссовъ. Но здѣсь важно уже то, что, вмѣсто занятій догматической политикой, всѣ партіи принимали живое участіе въ общемъ дѣлѣ, обмѣниваясь мыслями, и это было актомъ высокой государственной мудрости.

Виргинія, которая дала импульсъ къ созванію конвенціи, первая выступила здѣсь съ опредѣленнымъ планомъ. Подъ отвѣтственностью губернатора Эдмунда Рандольфа, собранію былъ предложенъ планъ болѣе дѣйствительной организаціи центральной власти, выработанный, главнымъ образомъ, Джемсомъ Мэдисономъ. Конгрессъ долженъ былъ избираться всѣми гражданами Соединенныхъ Штатовъ и являться, слѣдовательно, непосредственнымъ выраженіемъ верховной власти народа. По образцу законодательныхъ собраній въ большинствѣ государствъ, конгрессъ долженъ былъ состоять изъ двухъ палатъ. Нижняя палата избиралась при помощи прямыхъ выборовъ, верхняя палата нижнею изъ среды лицъ, предложенныхъ законодательными собраніями отдѣльныхъ штатовъ. Въ томъ и другомъ случаѣ число делегатовъ соотвѣтствовало числу жителей и количеству налоговъ. Голосованіе въ обѣихъ палатахъ совершалось не по штатамъ, какъ въ прежнемъ конгрессѣ, а поименно, и дѣла рѣшались простымъ большинствомъ, тогда какъ раньше требовалось большинство двухъ третей. Наконецъ, созданный такимъ образомъ конгрессъ не только являлся верховной инстанціей въ общихъ дѣлахъ, но могъ накладывать veto на постановленія правительствъ отдѣльныхъ штатовъ, опасныя для общаго блага.

Въ своей совокупности, этотъ планъ имѣлъ слишкомъ централистическій характеръ, чтобы онъ могъ быть одобренъ антифедералистами. Но самый существенный пунктъ его, созданіе народнаго представительства въ палатѣ депутатовъ, былъ спасенъ для будущей конституціи съ помощью одного изъ государственныхъ компромиссовъ. Федералисты голосовали за т. наз. планъ Нью-Джерсея, внесенный Уильямомъ, Паттерсономъ, хотя и въ измѣненной формѣ, согласно которому всѣ штаты, безразлично, большіе или малые, бѣдные или богатые, имѣютъ въ верхней палатѣ (сенатѣ) по два делегата. Взамѣнъ того, антифедералисты согласились на избраніе по одному представителю на каждыя 30,000 жителей и индивидуальный способъ голосованія для обѣихъ палатъ. Выборъ депутатовъ въ зависимости отъ численности населенія повелъ къ новому разногласію во мнѣніяхъ. Какъ понимать число населенія въ штатахъ? Принимать ли во вниманіе индѣйцевъ и негровъ при опредѣленіи числа депутатовъ, посылаемыхъ каждымъ штатомъ? Этотъ вопросъ сразу обнаружилъ пропасть, существовавшую между сѣверными и южными штатами, и, вѣроятно, еще больше затруднилъ бы работу конвенціи, если бы не удалось прійти къ компромиссу на основаніи бывшаго счастливаго прецедента. Когда въ 1783 г. требовалось опредѣлить суммы, причитающіяся на долю каждаго отдѣльнаго штата для покрытія расходовъ на общія дѣла, то южные штаты должны были, въ концѣ концовъ, согласиться, чтобы пять черныхъ считать равными тремъ бѣлымъ. И когда теперь необходимо было считаться съ населеніемъ негровъ для выбора депутатовъ, то представители сѣверныхъ штатовъ, конечно, припомнили имъ ихъ эгоизмъ. Югу и въ этомъ случаѣ оставалось лишь остановиться на системѣ трехъ пятыхъ.

Конвенція съ самаго начала принципіально признала, что будущій конгрессъ долженъ быть высшимъ руководителемъ внѣшней торговли Соединенныхъ Штатовъ. Но здѣсь обращено было вниманіе на вопросъ о

рабствѣ и возникли пренія о томъ, въ правѣ ли конгрессъ воспрещать торговлю рабами. Аболиціонное движеніе (въ пользу отмѣны рабства) было тогда очень сильно въ Сѣверной Америкѣ: за исключеніемъ южной Каролины и Георгіи, всѣ штаты высказывались противъ дальнѣйшаго существованія работорговли, и многіе депутаты были противниками рабства вообще. Но въ виду существованія значительной розни интересовъ въ группахъ конвенціи, нежелательно было подавить эти два штата простымъ голосованіемъ. Южные штаты дали согласіе на признаніе за конгрессомъ верховной власти въ торговыхъ дѣлахъ, власти, весьма несимпатичной для нихъ, и взамѣнъ того имъ было обезпечено существованіе работорговли еще на 20 лѣтъ.

Послѣ того, какъ полномочія будущаго конгресса и законодательныхъ штатовъ были ясно разграничены цѣлымъ рядомъ обстоятельныхъ постановленій, оставалось еще организовать исполнительную власть. Несмотря на все нерасположеніе къ монархическому началу, большинство членовъ конвенціи быстро пришло къ тому, чтобы во главѣ исполнительной власти было поставлено одно лицо. Но вопросъ о способѣ избранія этого лица вызвалъ безконечные дебаты, во время которыхъ полуготовое зданіе не разъ грозило рухнуть. Наконецъ, согласились на томъ, что президентъ Соединенныхъ Штатовъ избирается особой, назначенной для этого выборной коллегіей на четыре года, но затѣмъ можетъ быть выбранъ вновь. Способъ избранія коллегіи предоставлялся отдѣльнымъ штатамъ. Только съ 1868 года установлено было образованіе выборной коллегіи путемъ непосредственныхъ народныхъ выборовъ.

Конвенція въ Филадельфіи совершила весь свой трудъ въ сознаніи необязательности его; это обстоятельство помогало ей, особенно вначалѣ, обходить нѣкоторыя затрудненія. Но хотя, въ теченіе занятій ея, два депутата отъ Нью-Іорка демонстративно удалились, а въ концѣ три другихъ члена (два отъ Виргиніи и одинъ отъ Массачусетса) отказались подписать плодъ совѣщаній нѣсколькихъ мѣсяцевъ, большинство, тѣмъ не менѣе, вполнѣ сознавало, что за нимъ стоитъ все населеніе молодого государства. Дальнѣйшая судьба внесенныхъ ими предложеній доказала, что они не ошиблись въ этомъ.

20 сентября 1787 года Вашингтонъ представилъ конгрессу трудъ конвенціи (см. табл. „Вступленіе и заключеніе конституціи Соединенныхъ Штатовъ"). Партія антифедералистовъ готова была провалить его и съ этой цѣлью внесла предложеніе о пересмотрѣ въ конгрессѣ проекта конституціи во всей его цѣлости и объ измѣненіи его въ случаѣ надобности. На сторонѣ федералистовъ оказалось, однако, громадное большинство, когда они постановили, чтобы труды конвенціи были тотчасъ же переданы въ неизмѣненномъ видѣ на голосованіе отдѣльныхъ штатовъ. Первый штатъ, который высказался въ пользу новой конституціи, былъ Делаваръ; 6 декабря она была принята здѣсь единогласно. За нимъ послѣдовали Пенсильванія и Нью-Джерсей еще въ декабрѣ, Георгія и Коннектикутъ въ январѣ и Массачусетсъ, послѣ серьезныхъ преній, въ февралѣ 1788 года. Согласно прежней конституціи, требовалось для принятія большинство, по меньшей мѣрѣ, девяти штатовъ; но и въ этомъ случаѣ затрудненія были обойдены при помощи компромисса. Уже Массачусетсъ хотѣлъ высказаться лишь въ смыслѣ условнаго признанія; точно также стояли дѣла въ Виргиніи. Но Вашингтонъ справедливо указывалъ на то, что колебанія въ только-что созданномъ дѣлѣ были бы равносильны его отрицанію. Конституція сама указываетъ средства, какъ дополнять ее и развивать дальше, и въ этомъ должны искать удовлетворенія тѣ штаты, желанія которыхъ не совсѣмъ выполнены. Эти доводы оказались убѣдительными для Массачусетса и были признаны и другими законодательными собраніями. До іюня, еще раньше, чѣмъ послѣдовало рѣшеніе Виргиніи, получено было согласіе девятаго

Копія и переводъ помѣщеннаго на оборотѣ акта.

We the people of the United States, in order to form a more perfect union, establish justice, insure domestic tranquility, provide for the common defence, promote the general welfare and secure the blessings of liberty to ourselves and our posterity, do ordain and establish this Constitution for the United States of America.

Article I.

Section 1. All legislative powers herein granted shall be vested in a Congress of the United States, which shall consist of a Senate and House of Representatives.

Section 2. [1] The House of Representatives shall be composed of membres chosen every second year by the people of the several states, and the electors in each state shall have the qualifications requisite for electors of the most numerous branch of the state legislature.

[2] No person shall be a Representative who shall not have attained to the age of twenty five years, and been seven years a citizen of the United States, and who shall not, when elected, be an inhabitant of that state in which he shall be chosen.

[3] Representatives and direct taxes shall be apportioned among the several states which may be included within this union, according to their respective numbers, which shall be determined by adding to the whole number of free persons, including those bound to service for a term of years, and excluding Indians not taxed, three fifths of all other persons. The actual enumeration shall be made within three years after the first meeting of the Congress of the United States, and within every subsequent term of ten years, in such manner as they shall by law direct. The number of Representatives shall not exceed one for every thirty thousand, but each state shall have at least one Representative; and until such enumeration shall be made, the state of New Hampshire shall be entitled to chuse three, Massachusetts eight, Rhode-Island and Providence Plantations one, Connecticut five, New York six, New Jersey four, Pennsylvania eight, Delaware one, Maryland six, Virginia ten, North Carolina five, South Carolina five, and Georgia three.

[4] When vacancies happen in the representation from any state, the executive authority thereof shall issue writs of election to fill such vacancies.

[5] The House of Representatives shall chuse their Speaker and other officers; and shall have the sole power of impeachment.

Section 3. [1] The Senate of the United States shall be composed of two Senators from each state, chosen by the legislature thereof, for six years; and each Senator shall have one vote.

[2] Immediately after they shall be assembled in consequence of the first election, the shall be divided as equally as may be into three classes. The seats of the Senators of the first class shall be vacated at the expiration of the second year, of the second class at the expiration of the fourth

Мы, народъ Соединенныхъ Штатовъ, желая образовать болѣе полный союзъ, обезпечить справедливость и внутреннее спокойствіе, организовать общую оборону, содѣйствовать благополучію всѣхъ и сохранить для насъ и нашихъ потомковъ благо свободы, начертали и установили слѣдующую Конституцію Соед. Штатовъ Америки:

Статья первая.

Отд. 1. Вся симъ устанавливаемая законодательная власть ввѣряется Конгрессу Соед. Штатовъ, который долженъ состоять изъ Сената и Палаты Представителей.

Отд. 2. [1] Палата Представителей состоитъ изъ членовъ, избираемыхъ черезъ каждые два года населеніемъ различныхъ штатовъ. Избиратели въ каждомъ штатѣ должны обладать правами, потребными для избирателей наиболѣе многочисленной вѣтви государственнаго законодательства.

[2] Представителемъ не можетъ быть никто, не достигшій 25-лѣтняго возраста, не состоявшій 7 лѣтъ гражданиномъ Соед. Штатовъ и въ моментъ выборовъ не считающійся жителемъ штата, въ которомъ онъ избирается.

[3] Число представителей и прямые налоги распредѣляются между различными штатами, долженствующими войти въ этотъ Союзъ, соотвѣтственно численности ихъ населенія. Численность эта устанавливается такимъ образомъ, что къ общему числу свободныхъ лицъ, куда включаются и тѣ, кто обязанъ срочною службою, но исключаются не облагаемые индѣйцы, прибавляютъ $^3/_5$ всѣхъ остальныхъ лицъ. Настоящая перепись должна быть произведена въ теченіе 5 лѣтъ послѣ перваго собранія Конгресса Соед. Штатовъ и повторяться, согласно указанію закона, черезъ каждыя 10 лѣтъ. Число избираемыхъ представителей не должно превышать одного на 30,000; но каждый штатъ долженъ имѣть, по крайней мѣрѣ, одного представителя. Впредь до осуществленія подобной переписи штатъ Нью-Гэмпширъ имѣетъ право избирать 3 представителей, Массачусетсъ 8, Родъ-Айлэндъ и Плантаціи Провиденсъ 1, Коннектикутъ 5, Нью-Іоркъ 6, Нью-Джерсей 4, Пенсильванія 8, Делаваръ 1, Мэрилэндъ 6, Виргинія 10, Сѣверная Каролина 5, Южная Каролина 5 и Георгія 3.

[4] Если въ какомъ-либо штатѣ освобождается депутатская вакансія, то исполнительная власть штата назначаетъ выборы для замѣщенія этой вакансіи.

[5] Палата Представителей избираетъ своего спикера и прочихъ чиновниковъ и одна имѣетъ право привлеченія къ отвѣтственности (служащихъ государству).

Отд. 3. [1] Сенатъ Соед. Штатовъ состоитъ изъ двухъ сенаторовъ отъ каждаго штата, избираемыхъ его законодательнымъ собраніемъ на 6 лѣтъ, и каждый сенаторъ имѣетъ одинъ голосъ.

[2] Въ первомъ же собраніи послѣ выборовъ они раздѣляются, по возможности поровну, на три класса. Мѣста сенаторовъ перваго класса должны освобождаться по истеченіи второго года, мѣста второго класса по истеченіи четвертаго года и третьяго класса по истеченіи

We the People of the United States, in Order to form a more perfect Union, establish Justice, insure domestic Tranquility, provide for the common defence, promote the general Welfare, and secure the Blessings of Liberty to ourselves and our Posterity, do ordain and establish this Constitution for the United States of America.

Article. I.

Section. 1. All legislative Powers herein granted shall be vested in a Congress of the United States, which shall consist of a Senate and House of Representatives.

Section. 2. The House of Representatives shall be composed of Members chosen every second Year by the People of the several States, and the Electors in each State shall have the Qualifications requisite for Electors of the most numerous Branch of the State Legislature.

No Person shall be a Representative who shall not have attained to the Age of twenty five Years, and been seven Years a Citizen of the United States, and who shall not, when elected, be an Inhabitant of that State in which he shall be chosen.

Representatives and direct Taxes shall be apportioned among the several States which may be included within this Union, according to their respective Numbers, which shall be determined by adding to the whole Number of free Persons, including those bound to Service for a Term of Years, and excluding Indians not taxed, three fifths of all other Persons. The actual Enumeration shall be made within three Years after the first Meeting of the Congress of the United States, and within every subsequent Term of ten Years, in such Manner as they shall by Law direct. The Number of Representatives shall not exceed one for every thirty Thousand, but each State shall have at Least one Representative; and until such enumeration shall be made, the State of New Hampshire shall be entitled to chuse three, Massachusetts eight, Rhode Island and Providence Plantations one, Connecticut five, New York six, New Jersey four, Pennsylvania eight, Delaware one, Maryland six, Virginia ten, North Carolina five, South Carolina five, and Georgia three.

When vacancies happen in the Representation from any State, the Executive Authority thereof shall issue Writs of Election to fill such Vacancies.

The House of Representatives shall chuse their Speaker and other Officers; and shall have the sole Power of Impeachment.

Section. 3. The Senate of the United States shall be composed of two Senators from each State, chosen by the Legislature thereof, for six Years; and each Senator shall have one Vote.

Immediately after they shall be assembled in Consequence of the first Election, they shall be divided as equally as may be into three Classes. The Seats of the Senators of the first Class shall be vacated at the Expiration of the second Year, of the second Class at the Expiration of the fourth Year, and of the third Class at the Expiration of the sixth Year, so that one third may be chosen every second Year; and if Vacancies happen by Resignation, or otherwise, during the Recess of the Legislature of any State, the Executive thereof may make temporary Appointments until the next Meeting of the Legislature, which shall then fill such Vacancies.

No Person shall be a Senator who shall not have attained to the Age of thirty Years, and been nine Years a Citizen of the United States, and who shall not, when elected, be an Inhabitant of that State for which he shall be chosen.

The Vice President of the United States shall be President of the Senate, but shall have no Vote, unless they be equally divided.

The Senate shall chuse their other Officers, and also a President pro tempore, in the Absence of the Vice President, or when he shall exercise the Office of President of the United States.

The Senators and Representatives before mentioned, and the Members of the several State Legislatures, and all executive and judicial Officers, both of the United States and of the several States, shall be bound by Oath or Affirmation, to support this Constitution; but no religious Test shall ever be required as a Qualification to any Office or public Trust under the United States.

Article. VII.

The Ratification of the Conventions of nine States, shall be sufficient for the Establishment of this Constitution between the States so ratifying the Same.

The Word, "the," being interlined between the seventh and eighth Lines of the first Page, The Word "Thirty" being partly written on an Erazure in the fifteenth Line of the first Page. The Words "is tried" being interlined between the thirty second and thirty third Lines of the first Page and the Word "the" being interlined between the forty third and forty fourth Lines of the second Page.

Attest William Jackson Secretary

done in Convention by the Unanimous Consent of the States present the Seventeenth Day of September in the Year of our Lord one thousand seven hundred and Eighty seven and of the Independance of the United States of America the Twelfth In witness whereof We have hereunto subscribed our Names,

Go. Washington — Presidt. and deputy from Virginia

New Hampshire: John Langdon, Nicholas Gilman

Massachusetts: Nathaniel Gorham, Rufus King

Connecticut: Wm. Saml. Johnson, Roger Sherman

New York: Alexander Hamilton

New Jersey: Wil: Livingston, David Brearley, Wm. Paterson, Jona: Dayton

Pensylvania: B Franklin, Thomas Mifflin, Robt Morris, Geo. Clymer, Thos. FitzSimons, Jared Ingersoll, James Wilson, Gouv Morris

Delaware: Geo: Read, Gunning Bedford jun, John Dickinson, Richard Bassett, Jaco: Broom

Maryland: James McHenry, Dan of St Thos. Jenifer, Danl. Carroll

Virginia: John Blair —, James Madison Jr.

North Carolina: Wm. Blount, Richd. Dobbs Spaight, Hu Williamson

South Carolina: J. Rutledge, Charles Cotesworth Pinckney, Charles Pinckney, Pierce Butler

Georgia: William Few, Abr Baldwin

История человѣчества. I.

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

Вступленіе и заключеніе Конституціи Сѣвероамериканскихъ Соединенныхъ Штатовъ 17 сентября 1787 г.

(По подлинному документу въ Бюро Документовъ и Библіотекъ Государственнаго Департамента въ Вашингтонѣ.)

year, and of the third class at the expiration of the sixth year, so that one third may be chosen every second year; and if vacancies happen by resignation, or otherwise, during the recess of the legislature of any state, the executive thereof may make temporary appointments until the next meeting of the legislature, which shall then fill such vacancies.

[3] No person shall be a Senator who shall not have attained to the age of thirty years, and been nine years a citizen of the United States, and who shall not, when elected, be an inhabitant of that state for which he shall be chosen.

[4] The Vice President of the United States shall be President of the Senate, but shall have no vote, unless they be equally divided.

[5] The Senate shall chuse theif other officers, and also a President pro tempore, in the absence of the Vice President, or when he shall exercise the office of President of the United States.

[Art. VI, clause 3] The Senators and Representatives before mentioned, and the members of the several state legislatures, and all executive and judicial officers, both of the United States and of the several states, shall be bound by oath or affirmation, to support this constitution; but no religious test shall ever be required as a qualification to any office or public trust under the United States.

Article VII.

The ratification of the conventions of nine states, shall be sufficient for the establishment of this Constitution between the states so ratifying the same.

Done in Convention by the unanimous consent of the states present the seventeenth day of September in the year of our Lord one thousand seven hundred and eighty seven and of the independence of the United States of America the twelfth. In witness whereof we have hereunto subscribed our names,

G[e]o[rge] Washington, Presid[en]t
and Deputy from Virginia.

New Hampshire: John Langdon,
Nicholas Gilmann.

Massachusetts: Nathaniel Gorham,
Rufus King.

Connecticut: W[illia]m Sam[ue]l Johnson,
Roger Sherman.

New York: Alexander Hamilton.

New Jersey: W[illia]m Livingston,
David Brearley,
Wil[liam] Paterson,
Jona[than] Dayton.

Pensylvania: B[enjamin] Franklin,
Thomas Miflin,
Rob[er]t Morris,
Geo[rge] Clymer,
Tho[ma]s FitzSiemons,
Jared Ingersoll,
James Wilson,
Gouv[erneur] Morris.

Delaware: Geo[rge] Read,
Gunning Bedford jun.,
John Dickinson,
Richard Bassett,
Jaco[b] Broom.

Maryland: James McHenry,
Dan[iel] Jenifer of S[ain]t Tho[ma]s,
Dan[ie]l Carroll.

Virginia: John Blair,
James Madison jun.

North Carolina: W[illia]m Blount,
Rich[ar]d Dobbs Spaight,
Hu[gh] Williamson.

South Carolina: J[ohn] Rutledge,
Charles Cotesworth Pinckney
Charles Pinckney,
Pierce Butler.

Georgia: William Few,
Abr[aham] Baldwin.

Attest William Jackson Secreary.

шестого года, такъ что черезъ каждые два года избирается вновь одна треть всѣхъ сенаторовъ. Если случится вакансія вслѣдствіе отказа или иной причины во время перерыва въ занятіяхъ законодательнаго собранія штата, то исполнительный органъ временно замѣщаетъ ее до ближайшаго собранія, которое окончательно заполняетъ вакансію.

[3] Никто не можетъ сдѣлаться сенаторомъ, не достигнувъ 30 лѣтъ, не пробывши 9 лѣтъ гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ и не числясь въ моментъ выборовъ жителемъ штата, отъ котораго онъ избирается.

[4] Вицепрезидентъ Соединенныхъ Штатовъ состоитъ Президентомъ Сената, но имѣетъ голосъ лишь при равенствѣ голосовъ.

[5] Сенатъ избираетъ своихъ прочихъ чиновниковъ, а также Президента pro tempore, если Вицепрезидентъ отсутствуетъ или замѣщаетъ Президента Соединенныхъ Штатовъ.

[Ст. 6, параграф. 3.] Названные выше сенаторы и представители, члены различныхъ законодательныхъ собраній штатовъ и всѣ исполнительные и судебные чиновники Соединенныхъ и отдѣльныхъ Штатовъ обязуются присягою или подтвержденіемъ поддерживать сію Конституцію, но для занятія какой-бы то ни было должности въ Соединенныхъ Штатахъ не требуется религіозной присяги.

Статья седьмая.

Ратификація конвенцій девяти штатовъ достаточна для введенія настоящей Конституціи въ штатахъ, которые ее утвердили.

Дана съ общаго согласія всѣхъ наличныхъ штатовъ 17-го сентября 1787 года и въ двѣнадцатый годъ независимости Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки. Въ удостовѣреніе чего мы подписываемъ ниже наши имена.

Георгъ Вашингтонъ, президентъ
и депутатъ отъ Виргиніи.

Нью Гэмпширъ: Джонъ Лэнгдонъ,
Николасъ Джильманъ.

Массачусетсъ: Натаніель Горгэмъ,
Руфусъ Кингъ.

Коннектикутъ: У[илья]мъ Сам[уе]ль Джонсонъ,
Роджеръ Шерманъ.

Нью Іоркъ: Александръ Гамильтонъ.

Нью Джерсей: У[илья]мъ Ливингстонъ,
Дэвидъ Брирлей,
У[илья]мъ Пэтерсонъ,
Джона[танъ] Дэйтонъ.

Пенсильванія: Б[енжаминъ] Франклинъ,
Томасъ Мифлинъ,
Роб[ертъ] Моррисъ,
Джо[ржъ] Клэймеръ,
То[ма]съ Фицъ-Симонсъ,
Джердъ Ингерсолль,
Джемсъ Уильсонъ,
Губ[ернаторъ] Моррисъ.

Делаваръ: Георгъ Ридъ,
Гоннингъ Бедфордъ младш.,
Джонъ Дикинсонъ,
Ричардъ Бассетъ,
Джакобъ Брумъ.

Мерилэндъ: Джэмсъ Макъ-Генри,
Даніилъ Дженниферъ Сенъ-Томасъ,
Даніилъ Карролль.

Виргинія: Джонъ Блэйръ,
Джэмъ Мэдисонъ млад.

Сѣверная Каролина: Уильямъ Блоунтъ,
Ричардъ Доббсъ Спэйтъ,
Хюгъ Уилльямсонъ.

Южная Каролина: Джонъ Ротлэджъ,
Чарльсъ Котсуорсъ Пинкней,
Чарльсъ Пинкней.
Пайерсъ Ботлеръ.

Георгія: Уилльямъ Фью,
Авраамъ Бальдвинъ.

Скрѣпилъ Уилльямъ Джэксонъ, секретарь.

штата. Вслѣдъ затѣмъ были назначены выборы президента, на которыхъ 7 января 1789 года принимали участіе всѣ штаты, за исключеніемъ Нью-Іорка, сѣверной Каролины и Родъ-Айлэнда. 69 депутатовъ избрали единогласно Вашингтона первымъ президентомъ Союза.

Е. Эпоха великихъ виргинцевъ.

Не подлежало никакому сомнѣнію, что въ Соединенныхъ Штатахъ не было другого гражданина, которому они могли бы вручить свою судьбу съ такимъ же безграничнымъ довѣріемъ, какъ Георгу Вашингтону. Онъ соединялъ въ себѣ, вмѣстѣ съ тончайшимъ свѣтскимъ тактомъ, безкорыстіе, стоявшее выше всякаго сомнѣнія, и твердую вѣру въ великое будущее своего отечества, въ распоряженіе котораго онъ отдавалъ свои богатыя способности, свое высокое образованіе и обширный практическій опытъ. Онъ не искалъ президентскаго кресла и, получивъ его, пожалъ лишь плоды долголѣтней дѣятельности на общую пользу.

Оставаясь въ теченіе всей войны за независимость выше всякихъ партій, онъ пожелалъ остаться внѣ партій и теперь, въ качествѣ главы государства, и соединить вокругъ себя лучшія силы страны для совмѣстной работы. Вскорѣ, однако, опытъ убѣдилъ его, что столь высокіе взгляды трудно провести въ жизни. Въ борьбѣ изъ-за конституціи положено было начало рѣзкому обособленію партій. И этотъ партійный духъ неизбѣжно сообщился тѣмъ лицамъ, которыхъ Вашингтонъ избралъ въ свои сотрудники. Самая настоятельная задача новаго правительства заключалась въ возстановленіи кредита Соединенныхъ Штатовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ довѣрія къ нимъ извнѣ и внутри. Въ лицѣ Александра Гамильтона Вашингтонъ располагалъ финансовой силой первой степени. Гамильтонъ игралъ уже въ конвенціи видную роль; принятіе конституціи въ законодательномъ собраніи Нью-Іорка было, главнымъ образомъ, его дѣломъ. Но онъ съ такой силой отстаивалъ сильную центральную власть, что ему, не безъ основанія, приписывали пристрастіе къ монархической формѣ правленія. Такой взглядъ поставилъ его во главѣ федералистической партіи, а противникамъ его далъ удобный поводъ къ подозрѣніямъ. Въ свою очередь, рѣзкость Гамильтона не мало способствовала обостренію отношеній. Первыя мѣропріятія его, установленіе соединеннаго государственнаго долга и принятіе Союзомъ на себя государственныхъ долговъ, явно преслѣдовали централистическія тенденціи. Но въ глазахъ противниковъ его они являлись большимъ зломъ, такъ какъ открывали для богатыхъ купцовъ сѣверныхъ штатовъ перспективу доходныхъ, хотя и не совсѣмъ чистыхъ дѣлъ: они скупали въ большихъ количествахъ обезцѣненныя государственныя бумаги, а съ повышеніемъ ихъ снова сбывали съ большимъ барышомъ. Когда Гамильтонъ, чтобы добыть средства для этихъ финансовыхъ операцій, предложилъ налогъ, который, по его собственному заявленію, долженъ былъ напоминать каждому отдѣльному гражданину о принадлежности его къ Союзу съ самой чувствительной стороны, со стороны кармана, то въ немъ ярко выказался человѣкъ партіи. И не только антифедералисты послѣ того объявили ему войну: на западѣ вспыхнуло даже возстаніе противъ власти Союза. Для Гамильтона такой поворотъ былъ не совсѣмъ не желателенъ. Проведя въ конгрессѣ свой проектъ налога въ измѣненномъ видѣ, онъ сумѣлъ побудить Вашингтона отправить внушительное войско для подавленія возстанія. Собственно говоря, слабое возмущеніе не требовало такой мѣры, но Гамильтонъ хотѣлъ дать осязательное понятіе о силѣ центральной власти.

Вашингтонъ, по своимъ политическимъ убѣжденіямъ, былъ также федералистомъ, но не въ партійномъ смыслѣ слова, какъ Гамильтонъ. Поэтому онъ одновременно съ тѣмъ, избралъ въ число своихъ министровъ

человѣка, который впослѣдствіи сдѣлался главою антифедералистовъ: Томаса Джефферсона. Когда послѣдній возвратился съ своего поста во французскомъ посольствѣ, Вашингтонъ поручилъ ему постъ государственнаго секретаря, и Джефферсонъ выразилъ готовность принять его. Въ то время онъ еще представлялъ собою чистый листъ бумаги; онъ доказалъ это тѣмъ, что вначалѣ помогалъ Гамильтону проводить въ конгрессѣ планы регулированія долговъ. Но, подобно тому, какъ Гамильтонъ былъ „сѣверяниномъ", Джефферсонъ уже безсознательно чувствовалъ въ себѣ „южанина". Гамильтону пришлось купить его содѣйствіе тѣмъ, что онъ привлекъ голоса своихъ сторонниковъ въ пользу устройства будущей столицы Союза въ области южныхъ штатовъ въ Потомакѣ. Главное несчастіе всей этой партіи заключалось въ томъ, что лозунгомъ ея были исключительно вопросы матеріальныхъ интересовъ, и что ее не воодушевляли идеальныя точки зрѣнія и опредѣленныя убѣжденія. Эти интересы всегда раздѣляли союзъ на два географически ограниченныхъ лагеря, такъ какъ выгоды сѣверныхъ штатовъ, занимавшихся торговлею, шли въ разрѣзъ съ выгодами земледѣльческаго Юга. Несогласія федералистовъ и антифедералистовъ выяснились и пріобрѣли почву въ дѣйствительности только во время борьбы за союзную конституцію. Когда конституція была закончена и практически введена, это обозначеніе партій сохранило лишь номинальное значеніе; на самомъ дѣлѣ господствующая партія всегда была болѣе или менѣе федералистическою, тогда какъ оппозиція ловко прикрывала стремленіемъ къ децентрализаціи свои эгоистическія цѣли.

Вашингтонъ имѣлъ сильное желаніе удалиться въ частную жизнь по окончаніи періода его перваго четырехлѣтія въ званіи президента. Но онъ снова былъ избранъ единогласно на дальнѣйшіе четыре года, уступивъ просьбамъ всѣхъ партій. Для молодого государства это было безусловно большимъ счастьемъ, такъ какъ въ эти годы для него наступили тяжелыя испытанія, съ которыми только дальновидный тактъ Вашигтона въ состояніи былъ справиться. Дружба съ Франціей все еще играла большую роль для Соединенныхъ Штатовъ, тѣмъ болѣе, что вспыхнувшая тамъ революція стремилась къ созданію государственнаго строя, который представлялъ много сходства съ условіями Соединенныхъ Штатовъ. Однако, для этой дружбы наступилъ критическій моментъ, когда сверженіе королевской власти и провозглашеніе республики вовлекло французское государство въ военныя осложненія. Южные штаты, которые еще въ 1782 году стояли за французскій союзъ, впали теперь въ опьянѣніе отъ громкихъ фразъ французскихъ республиканцевъ и готовы были бокъ-о-бокъ сражаться съ ними противъ деспотовъ. Для Соединенныхъ Штатовъ, однако, это не имѣло бы никакого смысла, такъ какъ экономическія отношенія ихъ къ Франціи были крайне ничтожны, между тѣмъ какъ отъ торговыхъ сношеній съ Англіей зависѣло почти все благосостояніе сѣверныхъ штатовъ. Въ виду того, Вашингтонъ провозгласилъ строжайшій нейтралитетъ. Конечно, это не улыбалось французскимъ республиканцамъ, дипломаты которыхъ обнаруживали теперь такую же безстыдную назойливость, какъ нѣкогда американцы. Французскій уполномоченный считалъ себя въ правѣ вербовать солдатъ въ американскихъ городахъ и снаряжать каперскія суда, такъ какъ не только на югѣ, но даже въ Нью-Іоркѣ народъ устроивалъ ему восторженныя встрѣчи. Но Вашингтонъ не давалъ себя сбить съ пути, разъ намѣченнаго, и народная масса примкнула къ нему, когда посланникъ своимъ безтактнымъ поведеніемъ обострилъ дѣло до такой степени, что затронута была самая честь американскаго государства.

Положеніе союзнаго правительства было бы существенно легче, если бы у него не было въ то же время справедливыхъ доводовъ жаловаться на Англію. Послѣдняя все еще не очищала постовъ въ западной области Союза, потому что долговыя требованія еще не были удовлетворены. Кромѣ того, мѣры, при

помощи которыхъ Англія старалась стѣснять торговлю нейтральныхъ государствъ съ Франціей и монополизировать торговыя сношенія съ своей страною, въ интересахъ собственныхъ подданныхъ, наносили ущербъ торговлѣ Соединенныхъ Штатовъ въ самыхъ различныхъ направленіяхъ. Этому трудно было, однако, существенно помочь, пока продолжалась война между Франціей и Англіей; Вашингтону удалось, правда, добиться путемъ договора при посредствѣ Джона Джея, нѣкоторыхъ облегченій, но многія стѣсненія все еще оставались въ силѣ, и преемникамъ его суждено было еще много лѣтъ бороться съ этими затрудненіями.

Прослуживъ второе четырехлѣтіе, Вашингтонъ безусловно отклонилъ новое избраніе, и пришлось поставить во главѣ государства другое лицо. Уже при этомъ случаѣ партія федералистовъ начала сама себѣ рыть яму. Гамильтонъ пустился въ различные выборные маневры, чтобы оттѣснить Джона Адамса, лично ему непріятнаго, отъ поста президента. Но эта цѣль не была достигнута. Наоборотъ, Джонъ Адамсъ (1797—1801) искалъ у антифедералистовъ опоры противъ собственной партіи. Теченіе сильно подталкивало, противъ собственной воли, къ войнѣ съ Франціей. Директорія своимъ недостойнымъ отношеніемъ заставила Соединенные Штаты порвать съ ней дипломатическія сношенія; подъ предлогомъ контрабанды, она вскорѣ объявила такую войну американской торговлѣ, хуже которой никогда не вела даже Англія. При такихъ условіяхъ федералистическая партія воспрянула и приняла рѣшеніе объявить войну Франціи; но еще раньше, чѣмъ этотъ шагъ былъ сдѣланъ формально, Адамсъ воспользовался первымъ намекомъ со стороны Франціи на уступчивость, чтобы примириться съ нею. Пораженіе федералистовъ было тѣмъ тяжелѣе, что они одновременно сдѣлали столь же неразумный шагъ и во внутренней политикѣ. Чтобы освободиться отъ чужеземной агитаціи въ странѣ, они внесли строгій законъ противъ нея и противъ оскорбленій правительства и провели его, несмотря на сильные протесты. Антифедералистическая партія усмотрѣла въ этомъ верхъ незаконности. Законодательныя собранія въ Кентукки и Виргиніи устроили засѣданія съ цѣлью выраженія протеста. При этомъ были приняты знаменитыя рѣшенія, въ которыхъ государственные юристы отстаивали право оказывать, въ случаѣ надобности, даже активное сопротивленіе незаконнымъ постановленіямъ конгресса. Эти рѣшенія въ первое время не имѣли большого значенія, но впослѣдствіи они служили опорою для аргументаціи всѣхъ, кто добивался уступокъ.

Ближайшіе президентскіе выборы поставили во главѣ государства Джефферсона. Благодаря неудачной выборной тактикѣ, антифедералисты достигли того, что Джефферсонъ и Буръ, избранный вицепрезидентомъ, получили одинаковое число голосовъ. Безсовѣстный Буръ былъ охотно готовъ выбить Джефферсона изъ сѣдла; но федералисты, которые въ этомъ помогали ему, добились лишь того, что сами навлекли на себя неудовольствіе. Джефферсонъ вышелъ изъ борьбы вдвойнѣ побѣдителемъ. Правленіе его еще разъ ясно доказало, что находиться въ оппозиціи и управлять самому — двѣ совершенно различныя вещи.

Отношенія къ державамъ Европы, находившимся въ войнѣ между собой, все еще опредѣляли политику союзнаго правительства. Со времени провозглашенія независимости, не прекращались споры Соединенныхъ Штатовъ съ Испаніей по поводу плаванія по Миссиссипи. По Парижскому миру Англія объявила это плаванье свободнымъ, но такъ какъ она въ то же время уступила Флориду Испаніи, то устья рѣки перешли исключительно въ испанскія руки, и мадридское правительство безусловно воспретило плаванье по своей области. Только послѣ долгихъ переговоровъ въ 1795 году, Новый Орлеанъ былъ открытъ для американскихъ судовъ. Но почти тотчасъ же послѣ того начались переговоры, которые привели къ уступкѣ Луизіаны Франціи и, слѣдовательно, къ новому измѣненію условій

плаванья въ устьяхъ Миссиссипи. Союзное правительство много разъ задумывалось надъ тѣмъ, какъ избѣжать перехода пограничной области между Луизіаной и Флоридою изъ слабыхъ рукъ Испаніи въ руки Англіи или Франціи. Джефферсонъ не терялъ ни минуты и вступилъ въ переговоры съ новымъ владѣльцемъ Луизіаны, по поводу отношеній между сосѣдями. При этомъ онъ сдѣлалъ поразившее его открытіе, что первый консулъ, Наполеонъ, былъ не прочь уступить эти владѣнія, имѣвшія для него сомнительную цѣнность. Джефферсонъ считалъ, впрочемъ, что конституція не уполномочиваетъ его пріобрѣтать новыя земли для Союза, но, съ другой стороны, онъ не могъ упустить единственнаго случая къ расширенію и обезпеченію союзныхъ границъ. Поэтому онъ безусловно одобрилъ поступокъ своего посланника, который купилъ эту область у Франціи за 15 милліоновъ долларовъ. Правда, поднялась довольно значительная оппозиція, особенно со стороны сѣверныхъ штатовъ, которые опасались, что открытіе устьевъ Миссиссипи нанесетъ ущербъ ихъ торговлѣ. Но даже враги Джефферсона не были настолько слѣпы, чтобы серьезно затормозить столь выгодную сдѣлку.

Осенью 1804 года Джефферсонъ былъ снова избранъ въ президенты на слѣдующее четырехлѣтіе. Второй періодъ его службы былъ исполненъ чрезвычайно трудныхъ обстоятельствъ. Чѣмъ болѣе обрисовывалась истинная натура Наполеона и выступало его величіе, тѣмъ съ бо̀льшимъ ожесточеніемъ разгоралась война въ Старомъ Свѣтѣ. Въ эту войну вовлекались и Соединенные Штаты, такъ какъ обѣ морскія державы, Англія и Франція, самымъ жестокимъ образомъ преслѣдовали сношенія гражданъ Союза съ ихъ врагами. При этомъ поведеніе Англіи было, пожалуй, еще враждебнѣе, чѣмъ Франціи, хотя обѣ націи позволяли себѣ каперскіе захваты американскихъ судовъ чуть ли не въ ихъ собственныхъ гаваняхъ. Однако, благодаря старому расположенію южныхъ штатовъ къ Франціи и восторженному отношенію Джефферсона къ этой странѣ, условія складывались такъ, что гнѣвъ союзнаго правительства прежде всего направлялся противъ Англіи. Еще со временъ войны за независимость укоренилось убѣжденіе, будто прекращеніе всякихъ торговыхъ сношеній является особенно острымъ оружіемъ въ борьбѣ съ Англіей. И такъ какъ съ американской стороны могли страдать при этомъ преимущественно торговые сѣверные штаты, то господствовавшая въ то время партія южныхъ штатовъ добилась немедленнаго принятія предложенія относительно захвата кораблей (embargo), что̀ продолжалось нѣско̀лько мѣсяцевъ. На самомъ дѣлѣ, однако, эта мѣра причиняла серьезный ущербъ одной лишь американской торговлѣ, такъ какъ Англія почти всецѣло господствовала и въ американскихъ водахъ и покровительствовала, благодаря тому, незаконной торговлѣ, чѣмъ почти совершенно подрывала отсутствіе законной. Все громче раздававшійся ропотъ Сѣвера произвелъ, наконецъ, вліяніе на конгрессъ. Джефферсонъ самъ имѣлъ въ виду скорую отмѣну захватовъ; но къ концу срока своей службы онъ настолько уже утратилъ власть надъ умами, что противная партія, противъ его воли, добилась немедленной отмѣны.

Перемѣна президентства не вызвала, впрочемъ, измѣненій ни внѣшняго, ни внутренняго положенія. Мэдисонъ, подобно Джефферсону, принадлежалъ къ вождямъ партіи южныхъ штатовъ, но, подобно послѣднему, въ силу обязанностей, налагаемыхъ положеніемъ президента, все болѣе и болѣе склонялся на сторону федералистовъ. Одно было несомнѣнно, что его личное вліяніе на партію Юга было гораздо слабѣе, чѣмъ вліяніе его предшественника. При вступленіи въ президентство, онъ засталъ тѣ же отношенія къ Англіи и Франціи. Отмѣна embargo не вызвала у Англіи существеннаго облегченія стѣсненій съ ея стороны. Наоборотъ, возникшіе переговоры кончились тѣмъ, что Англія въ оскорбительной формѣ отклонила всѣ требованія и отказала въ какихъ бы то ни было уступкахъ до тѣхъ поръ, пока Соединенные Штаты не примутъ болѣе рѣшитель-

наго положенія противъ Франціи. Правда, послѣдняя не заслуживала пощады со стороны Америки, такъ какъ она держалась столь же враждебно, какъ и Англія. Но фразы о „традиціонной дружбѣ“ между Франціей и Союзомъ все еще не утратили своего обаянія, и правительство не могло рѣшиться повернуть фронтъ противъ Франціи и этимъ купить сомнительную дружбу Англіи. При такихъ условіяхъ продолжались переговоры съ обѣими державами относительно отмѣны мѣръ, стѣснявшихъ торговлю нейтральныхъ государствъ, между тѣмъ, какъ обѣ стороны поступали непріязненно съ американскими судами, которыя не дерзали отвѣчать тѣмъ же. Изъ этого безвыходнаго положенія правительство было выведено, наконецъ, съ такой стороны, съ которой оно меньше всего могло ожидать этого.

На Югѣ, въ партіи антифедералистовъ, образовалась новая группа, которая стала проводить въ болѣе рѣзкой формѣ одностороннюю политику своей партіи. Вожди этой партіи, Клей и Кальгунъ, увлекались панамериканскими идеями, первою цѣлью которыхъ было завоеваніе Канады. Поэтому они грозили президенту лишить его своей помощи при предстоявшихъ выборахъ, если онъ не обнаружитъ энергической политики противъ Англіи. Мэдисонъ изъ честолюбія стремился во что бы то ни стало продержаться два четырехлѣтія во главѣ государства, подобно своимъ предшественникамъ, и этому желанію онъ принесъ въ жертву свое миролюбіе. 1 апрѣля 1812 года онъ возобновилъ торговую войну, возстановивъ еще разъ embargo. Но такъ какъ Сѣверъ не былъ склоненъ къ воинственной политикѣ и не желалъ входить въ расходы ради Юга, то результата почти не получилось. Однако, военная партія продолжала настаивать, и Мэдисонъ уступилъ.

Какъ бы въ насмѣшку надъ стремленіями американцевъ, именно въ это время и въ Англіи, и во Франціи послѣдовала отмѣна декретовъ, стѣснявшихъ торговлю нейтральныхъ государствъ. Но прежде, чѣмъ опредѣленная вѣсть объ этомъ успѣла дойти до Америки, послушное большинство въ конгрессѣ рѣшило и объявило войну Англіи (18 іюня 1812 г.). Если уже война за независимость, несмотря на преобладавшую тогда общность интересовъ, разоблачила весьма печальную картину военной силы Союза, то можно было сказать это еще въ большей мѣрѣ относительно настоящей войны, которую Сѣверъ съ самаго начала клеймилъ названіемъ партійной войны своихъ противниковъ. Вѣроятно, Англія нѣкоторое время дѣйствительно лелѣяла надежду расшатать Союзъ и побудить сѣверные штаты образовать отдѣльный союзъ, настроенный дружественно относительно Англіи. Подобное обвиненіе противъ сѣверныхъ штатовъ опиралось, главнымъ образомъ, на переговоры при заключеніи Гартфордской конвенціи. Но это собраніе, на которомъ оффиціально присутствовали лишь представители Родъ-Айлэнда, Коннектикута и Массачусетса, успѣло въ сущности не больше, чѣмъ сдѣлали въ южныхъ штатахъ рѣшенія Кентукки и Виргиніи противъ Адамса (см. стр. 481); оно отстаивало право отдѣльныхъ штатовъ считать для себя необязательными несправедливыя и опасныя рѣшенія союзнаго правительства, и, вѣроятно, также принципіальное право сопротивляться подобнымъ постановленіямъ съ оружіемъ въ рукахъ. Однако, въ данный моментъ подобной случайности, по ихъ мнѣнію, не представлялось, и, отказываясь принимать активное участіе въ войнѣ, они все еще были далеки отъ того, чтобы вступать въ отдѣльные переговоры съ Англіей.

Ходъ войны несомнѣнно свидѣтельствовалъ о томъ, какъ мало она была подготовлена и въ общемъ непопулярна. Согласно плану, выработанному Мэдисономъ, война должна была ограничиваться обороною побережья, а на сѣверѣ перейти въ энергическое наступленіе такъ, чтобы, по возможности, навсегда овладѣть Канадою. Но онъ не могъ создать необходимыхъ

для того средствъ. Наборъ и вербовка, утвержденные конгрессомъ, далеко не удовлетворяли потребности; даже милиція, насколько могла, уклонялась отъ службы. Къ этому присоединялась полнѣйшая неспособность генераловъ, вслѣдствіе чего первый походъ завершился позорнѣйшими неудачами, которыя не могли быть вполнѣ заглажены во время обоихъ послѣдующихъ походовъ. Состояніе обороны побережья также оказалось весьма плачевнымъ. Правда, въ каперской войнѣ корабли и моряки сѣверныхъ штатовъ, какъ нѣкогда въ войнѣ за независимость, оказались противниками, которыми нельзя было пренебрегать. Во многихъ стычкахъ они обнаружили такую храбрость, что союзное правительство рѣшило въ будущемъ обратить серьезное вниманіе на созданіе союзнаго флота. Но тамъ, гдѣ англичане дѣйствовали флотами, а не отдѣльными кораблями, они почти нигдѣ не встрѣчали настоящаго сопротивленія. Уже въ два первые похода это должны были тяжело испытать на себѣ многіе приморскіе города; въ 1814 году англичане высадились въ Потомакѣ, овладѣли столицею Союза и сожгли ее, причемъ имъ ни разу не понадобилось серьезно прибѣгнуть къ оружію. Союзное правительство было разсѣяно и почти совершенно перестало существовать.

Въ это время явилась неожиданная помощь союзу съ Юга. Еще въ эпоху войны за независимость какъ англичане, такъ и американцы, прибѣгали къ помощи индѣйцевъ, но съ весьма различнымъ успѣхомъ. Краснокожіе даже тогда, когда американцы обѣщали имъ величайшія выгоды, не забывали дурного обращенія съ ними со стороны всѣхъ англійскихъ колонистовъ вообще, въ прошломъ и въ настоящемъ. Поэтому они являлись недоброжелательными и ненадежными союзниками. Но англичане заняли въ Канадѣ мѣсто французовъ и, по крайней мѣрѣ, отчасти слѣдовали ихъ разумной политикѣ по отношенію къ индѣйцамъ. Притомъ они еще долго послѣ провозглашенія независимости удерживали позиціи на западѣ и здѣсь вступали въ общеніе съ индѣйцами. Еще Вашингтону приходилось въ теченіе многихъ лѣтъ вести войны съ индѣйцами, въ которыхъ успѣхъ достигался лишь безпощаднымъ примѣненіемъ силы и былъ связанъ съ неоднократными тяжкими потерями. И теперь индѣйцы точно также охотно переходили массами на сторону англичанъ. Возникъ даже планъ всеобщаго возстанія индѣйцевъ отъ сѣверныхъ озеръ до Флориды, вдохновляемый воинственными рѣчами Текумсэ. На сѣверѣ этотъ проектъ не привелъ къ удачнымъ результатамъ; но въ южныхъ и юго-западныхъ штатахъ поднялось племя криковъ, которое грозило американцамъ серьезною опасностью. Здѣсь впервые появился на сценѣ Эндрью Джексонъ. Его безпощадный характеръ, съ одной стороны, но и несомнѣнные военные таланты, съ другой, дали ему возможность устранить опасность сравнительно ничтожными средствами, несмотря на тайную поддержку, которую индѣйцы получали изъ Флориды.

Эти сраженія обратили вниманіе англичанъ на южныя и на западныя границы. Понявъ значеніе, которое должно было имѣть устье Миссиссипи для сѣверо-американцевъ, быстро подвигавшихся къ западу, они рѣшили сдѣлать попытку укрѣпиться тамъ. Граница испанскихъ владѣній во Флоридѣ была съ давнихъ временъ предметомъ спора между Испаніей и Союзомъ. Новый Орлеанъ былъ составною частью Луизіаны, чего не могли отрицать и испанцы; но въ остальномъ они претендовали на восточный берегъ Миссиссипи, тогда какъ Соединенные Штаты стремились обладать обоими берегами и были даже не прочь купить всю западную Флориду. Этой неясностью границы воспользовались англичане. Они пристали къ Пенсаколѣ и избрали этотъ испанскій городъ базисомъ для наступленія. Здѣсь, однако, они натолкнулись на равносильнаго противника. Джэксонъ перенесъ свои дѣйствія на эту границу; подобно англичанамъ, онъ не стѣснялся соображеніями международнаго права. Устроивъ свою главную

квартиру также въ испанскомъ городѣ Мобилѣ, онъ съ успѣхомъ напалъ на Пенсаколу; англичане должны были очистить ее и вернуться на свой флотъ. Наконецъ, Джэксону удалось привести въ прекрасное оборонительное состояніе Новый Орлеанъ, ближайшій объектъ наступленія англичанъ, такъ что они и здѣсь понесли пораженіе и должны были удалиться (8 января 1815). Это отбило у нихъ охоту къ третьему нападенію.

Еще раньше, чѣмъ сдѣлались извѣстными эти успѣхи, заключенъ былъ миръ въ Гентѣ 24 декабря 1814 года. Легкомысленное начало войны и позорный ходъ ея давали сѣверо-американцамъ мало права на благопріятныя условія мира. Однако, политическое положеніе Европы и на этотъ разъ помогло имъ пожать то, чего они не сѣяли. Уже вскорѣ послѣ начала войны начаты были переговоры при содѣйствіи Россіи. Опасеніе неблагопріятной группировки союзныхъ державъ побудило Англію понизить высокомѣрный тонъ, которымъ она вначалѣ отклоняла всякое сближеніе. Миръ былъ заключенъ быстро, такъ какъ пунктовъ разногласія собственно не существовало, и американцы, въ виду положенія вещей, не могли желать ничего лучшаго, какъ возстановленія прежняго положенія вещей.

Непосредственнымъ слѣдствіемъ заключенія мира было пріобрѣтеніе Флориды. Медисону не суждено было осуществить это округленіе области Соединенныхъ Штатовъ. Но преемникъ его Джемсъ Монроэ былъ тѣмъ болѣе пригоденъ для этой цѣли, что, благодаря своимъ дипломатическимъ миссіямъ при европейскихъ дворахъ, усвоилъ себѣ всѣ точки зрѣнія на этотъ вопросъ лучше, чѣмъ кто-либо другой. Война показала, что Испанія не въ состояніи защищать даже тѣ немногіе пункты, изъ которыхъ чиновникамъ ея приходилось управлять Флоридой. Сѣверо-американцы то-и-дѣло жаловались на полное безсиліе Испаніи въ странѣ и на то, что провинція ея являлась пріютомъ всевозможныхъ преступниковъ изъ сосѣднихъ штатовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на нѣкоторыхъ прибрежныхъ островахъ поселились шайки флибустьеровъ, которые, подъ предлогомъ борьбы за свободу испанскихъ колоній, одинаково грабили, наподобіе настоящихъ морскихъ пиратовъ, какъ испанскія, такъ и американскія суда. Здѣсь союзное правительство нашло необходимымъ вмѣшаться. Но какъ только оно приступило къ водворенію порядка во Флоридѣ, трудно было указать границу, гдѣ оно могло остановиться. Подобно этимъ пиратамъ на морѣ, семинолы являлись постояннымъ бичомъ для сосѣднихъ штатовъ на сушѣ. Англія снабжала ихъ въ теченіе войны деньгами, порохомъ и офицерами, и этой войнѣ Гентскій миръ не положилъ конца. Наконецъ, Монроэ поручилъ Джэксону подчинить семиноловъ. Когда онъ объяснилъ, что для этого необходимо завоевать всю Флориду, то правительство не ставило ему никакихъ преградъ. Оно старалось, наоборотъ, дипломатическимъ путемъ оправдать его образъ дѣйствій. Подъ давленіемъ этихъ обстоятельствъ, были, наконецъ, приведены къ желанному концу тянувшіеся много лѣтъ переговоры съ Испаніей. Въ октябрѣ 1820 года за вознагражденіе въ 5 милліоновъ долларовъ Испанія уступила Соединеннымъ Штатамъ страну, которая давно ускользала отъ нея и давно не приносила ей никакой пользы. Такимъ образомъ, были сняты послѣднія оковы, которыя тормозили развитіе страны и являлись угрозою для будущности ея (см. „Карты къ исторіи Америки").

Пріобрѣтеніе Флориды устранило на долгое время послѣдній поводъ, который могъ вовлечь Соединенные Штаты въ дипломатическое столкновеніе съ другими государствами. Наступилъ продолжительный періодъ, въ теченіе котораго правители ихъ могли отдать всѣ свои силы на служеніе внутреннему развитію страны. Это послѣднее пріобрѣло подъемъ, который превзошелъ самыя смѣлыя надежды основателей государства. Уже въ 1806 году Джефферсонъ могъ констатировать, что доходы правительства превышали расходы. Въ послѣдующіе годы неблаго-

пріятные моменты могли внести лишь временный застой въ этотъ успѣшный ходъ дѣлъ. Подъ вліяніемъ безпрерывно возраставшей иммиграціи, населеніе увеличивалось чрезвычайно быстро и захватывало все болѣе широкія области. Въ 1818 году къ первоначальнымъ 13 штатамъ прибавилось еще девять новыхъ штатовъ, и предстояло дальнѣйшее возрастаніе въ этомъ направленіи. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что при Монроэ государство имѣло рѣдкое счастье снова видѣть во главѣ человѣка, стоявшаго внѣ партій. Монроэ, какъ послѣдній изъ великихъ виргинцевъ, былъ также избранъ въ качествѣ кандидата антифедералистовъ; но старыя партіи окончательно исчезли, а въ отношеніи новыхъ партійныхъ группировокъ Монроэ держался совершенно независимо. По примѣру Вашингтона, онъ доказалъ это тѣмъ, что въ выборѣ своихъ совѣтниковъ не ограничивался одной партіей, но сумѣлъ соединить вокругъ себя для плодотворной работы способнѣйшихъ людей изъ различныхъ группъ. Правда, и онъ не въ состояніи былъ уничтожить опасные зародыши, которые скрывало въ себѣ крупное экономическое различіе въ развитіи Сѣвера и Юга. Но для страны было уже большимъ пріобрѣтеніемъ то, что вновь произведена была серьезная попытка равномѣрнаго развитія ея общихъ интересовъ.

8. Войны Юга за независимость.

Однимъ изъ важнѣйшихъ мотивовъ, почему Испанія не могла присоединиться къ энергическимъ дѣйствіямъ Франціи въ пользу сѣверо-американскихъ провинцій, боровшихся за свою независимость, были соображенія, касавшіяся ея собственныхъ колоній. Именно потому, что правительство Карла III не желало попрежнему герметически замыкать колоніи отъ остальныхъ странъ, вдвойнѣ опасались вліянія, какое могъ бы оказать на колоніи примѣръ Испаніи, помогающей подданнымъ другого государства насильственно освободиться отъ учрежденій, которыя издавна существовали въ ея собственныхъ колоніяхъ и отъ которыхъ она никакимъ образомъ не намѣрена была отказаться. Поэтому она и въ союзѣ съ Франціей пошла не дальше объявленія войны Англіи на своей территоріи и на Антильскихъ водахъ. Въ отношеніи Соединенныхъ Штатовъ она еще долго держалась крайней осторожности. Испанія давно уже убѣдилась въ томъ. что она не въ силахъ оградить Антильскіе острова отъ чужеземнаго вліянія и отчасти, такъ сказать, предоставила ихъ на волю судьбы. Въ сравненіи съ обширными колоніальными владѣніями на материкѣ, острова имѣли малую цѣнность и изъ года въ годъ все больше теряли ее. Значительная доля ихъ вообще была уже утрачена для испанскаго владычества. То, что испанцы сохранили тамъ, пріобрѣло для нихъ значеніе лишь съ того момента, когда владѣнія на материкѣ были ими потеряны. Въ 1795 году къ прежнимъ потерямъ присоединилась еще утрата Санто-Доминго. Въ то время, какъ во французской западной половинѣ (см. „Карты къ исторіи Америки“) безпрерывно мѣнявшіяся мѣропріятія революціонныхъ правительствъ привели, наконецъ, къ войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ, Испанія старалась возвратить обратно эту часть острова и для этого не брезгала союзомъ съ возставшими черными. Въ наказаніе за это она должна была уступить и восточную половину Франціи въ 1795 году при заключеніи мира съ возстановленнымъ правительствомъ. Эта жертва не была для правительства особенно тяжела, такъ какъ оно придавало Антильскимъ островамъ мало цѣны. Островъ Санто-Доминго былъ уступленъ Франціи. Испанія не желала только оставить какому бы то ни было другому народу останки открывателя Новаго Свѣта, которые покоились до этого времени въ соборѣ столицы Санто-Доминго: они были торжественно выкопаны и доставлены на бортъ фрегата

Descubridor, который перевезъ ихъ въ Гавану. Тамъ они оставались въ каѳедральномъ соборѣ до 1898 года подъ испанскимъ флагомъ (см. выше стр. 358).

Миръ съ Франціей, купленный цѣною утраты Санто-Доминго, получилъ, однако, еще гораздо болѣе роковое значеніе для всѣхъ колоніальныхъ владѣній Испаніи. Этимъ шагомъ она вернулась къ политикѣ, дружественной французамъ, которую завѣщалъ еще бурбонскій фамильный договоръ 1761 года, и вступила даже въ союзъ съ Наполеономъ въ то время, когда вся остальная Европа сплотилась противъ грозно возраставшаго могущества его. Непосредственнымъ слѣдствіемъ этого было уничтоженіе испанскаго флота въ битвѣ при Трафальгарѣ (21 октября 1805 года). За этимъ послѣдовало непосредственно нападеніе англичанъ на испанскія колоніи въ Америкѣ.

Сообщеніями генерала Миранды изъ Новой Гранады, который находился на службѣ французской революціонной арміи, но потомъ былъ изгнанъ, англичане были введены въ заблужденіе, будто испанскія колоніи ничего такъ не желаютъ, какъ случая стряхнуть иго метрополіи и организоваться въ качествѣ независимыхъ штатовъ. Нельзя отрицать, что подъ вліяніемъ сѣверо-американской войны за независимость и французской революціи, въ большихъ городахъ испанской колоніи нашлись горячія головы, которыя увлекались политически незрѣлыми идеями свободы и являлись единомышленниками Миранды. Но насколько массы населенія испанскихъ владѣній въ Америкѣ были далеки отъ всякаго пониманія подобныхъ плановъ, въ этомъ англичане могли убѣдиться къ собственному ущербу, когда они, соблазнившись предложеніями Миранды, пытались зажечь пламя возстанія въ испанской Америкѣ.

Изъ всѣхъ испанскихъ береговыхъ пунктовъ ни одинъ не былъ болѣе пригоденъ для такого предпріятія, чѣмъ Буэносъ-Айресъ. Устье Лаплаты всегда было средоточіемъ обширной незаконной торговли, которую лишь до нѣкоторой степени удавалось сдерживать тѣмъ, что въ пользу этой гавани нарушали прежнюю строгую торговую политику. Сдѣлавшись средоточіемъ партіи коммерческаго переворота, Буэносъ-Айресъ быстро расцвѣлъ и заключалъ въ своихъ стѣнахъ, быть-можетъ, больше просвѣщенныхъ умовъ, чѣмъ какое-либо другое мѣсто. Болѣе чѣмъ прочія гавани, онъ воспользовался разрѣшеніемъ на свободную торговлю со всѣми націями, которую Испанія повременамъ разрѣшала своимъ колоніямъ съ 1797 года, въ виду отсутствія безопасности на моряхъ. Не взирая, однако, на столь благопріятныя условія, англичане не встрѣтили здѣсь подтвержденія увѣреній Миранды. Послѣ завоеванія мыса Доброй Надежды (1805) оттуда была отправлена флотилія съ 1600 человѣкъ, подъ командою генерала Бересфорда для нападенія на Буэносъ-Айресъ. Испанскій губернаторъ уже въ предшествовавшемъ году опасался англійскаго нападенія, но полагалъ, что оно будетъ сдѣлано не на Буэносъ-Айресъ, а на Монтевидео, и, въ виду того, стянулъ туда свои скудныя оборонительныя силы. Такимъ образомъ, не только онъ, но и все населеніе потеряло голову, когда Бересфордъ высадился въ какихъ-нибудь двухъ миляхъ къ югу отъ Буэносъ-Айреса и двинулся уже на слѣдующій день въ предмѣстье, а на третій день вступилъ въ самую столицу. Однако, онъ не встрѣтилъ ни малѣйшихъ признаковъ энтузіазма въ пользу англійскаго владычества, которое онъ тутъ же провозгласилъ безъ всякихъ околичностей. Наоборотъ, съ первой же минуты населеніе обнаруживало самую рѣшительную враждебность. Хотя городъ, повидимому, безпрекословно покорился новымъ властителямъ, но въ предмѣстьяхъ и на сосѣднихъ фермахъ тайно собирались группы рѣшительныхъ патріотовъ. Наконецъ, подъ покровомъ густого утренняго тумана, капитану Жаку де-Линье удалось переправить черезъ рѣку небольшой отрядъ войскъ изъ Монтевидео, и этотъ отрядъ образовалъ ядро бур-

ныхъ скопищъ, которыя быстрымъ натискомъ оттѣснили англичанъ изъ улицъ города къ рыночной площади, принудили ихъ скрыться въ крѣпости и заставили капитулировать. Такъ, ловкимъ натискомъ удалось вернуть Буэносъ-Айресъ, который былъ утраченъ раньше, вслѣдствіе такого же внезапнаго нападенія.

Правда, этимъ была уничтожена только небольшая часть англійскаго отряда, а вѣсть о первоначальныхъ успѣхахъ Бересфорда вызвала быстрое прибытіе одного за другимъ значительныхъ подкрѣпленій къ Лаплатѣ. Чтобы получить прочную точку опоры для дальнѣйшихъ операцій, англичане обратились теперь противъ Монтевидео, который, несмотря на геройскую защиту, не могъ устоять противъ осаждающихъ, превосходившихъ его численностью и средствами къ борьбѣ. Когда весь восточный берегъ перешелъ въ ихъ руки, англичане рѣшили еще разъ попытаться отнять Буэносъ-Айресъ у патріотовъ. Конечно, въ открытомъ полѣ патріоты, избравшіе спасителя города Линье главнымъ начальникомъ, не могли противостоять англичанамъ, которыми командовалъ генералъ Уайтлокъ. Но когда англичане разбились на три отряда и предприняли концентрическое движеніе по улицамъ къ рынку и крѣпости, то они настолько пострадали въ двухдневномъ сраженіи, что капитулировали и даже должны были согласиться очистить восточный берегъ вмѣстѣ съ Монтевидео. Взятые въ плѣнъ англійскіе офицеры сдѣлали, по крайней мѣрѣ, попытку пробудить среди колонистовъ духъ независимости, но напрасно! Даже такой горячій патріотъ, какъ Бельграно, имѣлъ лишь одинъ отвѣтъ на подобные призывы: „Либо нашего стараго короля, либо никого другого!"

Исторія южно-американской революціи излагается, большею частью, съ ложной точки зрѣнія. Одновременное появленіе революціонныхъ движеній почти во всѣхъ испанскихъ колоніяхъ въ 1809 и 1810 годахъ обыкновенно объясняется такимъ образомъ, будто весь южно-американскій материкъ созрѣлъ для свободы, будто стремленіе къ независимости охватило всѣ умы и сразу выразилось въ мощной формѣ на всей территоріи. Въ дѣйствительности, однако, въ началѣ XIX столѣтія, несмотря на сѣверо-американскую колоніальную войну, несмотря на французскую революцію, мысль о независимой Южной Америкѣ существовала въ головѣ лишь нѣсколькихъ человѣкъ, выросшихъ въ центрахъ международныхъ сношеній, во время своихъ путешествій за границей воодушевившихся современными идеями, но не вполнѣ понимавшихъ условія, при которыхъ эти идеи осуществимы. Во всякомъ случаѣ, до 1808 года въ каждой изъ испанскихъ колоній попытка разорвать связь между колоніями и Испаніей привела бы къ такому же результату, какъ нападеніе англичанъ на Буэносъ-Айресъ. Миранда могъ убѣдиться въ этомъ дважды, когда онъ, при поддержкѣ англичанъ, присталъ къ берегу Венесуэлы, своей родной провинціи. Въ первый разъ ему вообще не удалось стать тамъ твердой ногою. Во второй разъ онъ съ помощью силы овладѣлъ городомъ Коро, но равнодушіе массъ и враждебность всѣхъ лучшихъ круговъ общества очень скоро заставили его окончательно отказаться отъ безнадежной попытки вызвать возмущеніе.

Переворотъ, совершившійся въ 1809 году, зависѣлъ отнюдь не отъ измѣненія во взглядахъ испанскихъ американцевъ, но отъ перемѣны обстоятельствъ въ метрополіи. Когда Наполеонъ, при помощи хитрой комедіи въ Байоннѣ, побудилъ какъ Фердинанда VII, такъ и Карла IV отказаться отъ испанскаго трона, чтобы создать монархію для своего брата Іосифа, то и въ метрополіи, и во всѣхъ колоніяхъ проснулась ненависть къ наслѣдственному врагу, которую не могли искоренить ни бурбонское престолонаслѣдіе, ни политика фамильнаго договора. Колоніи держались, однако, спокойно и выжидательно. Даже Линье, который былъ французомъ по рожденію и назначенъ былъ вице-королемъ провинціи въ благодарность

за двукратное спасеніе Буэносъ-Айреса, не осмѣлился внять заманчивымъ предложеніямъ, которыя дѣлалъ ему Наполеонъ за признаніе Іосифа: онъ считалъ подобный планъ въ данный моментъ невыполнимымъ. Тѣмъ не менѣе, если бы Наполеону удалось добиться единогласнаго утвержденія Іосифа въ Испаніи и признанія его со стороны прочихъ государствъ Европы, то, по всей вѣроятности, перемѣна династіи совершилась бы въ Америкѣ столь же спокойно въ началѣ XIX столѣтія, какъ и въ началѣ XVIII вѣка. Только политическія событія, вызванныя на родинѣ Dos de Mayo (2 мая 1808 года), создали настроеніе, которое имѣло послѣдствіемъ въ Испаніи утопическую конституцію 1812 года, а въ колоніяхъ отдѣленіе еще совершенно незрѣлыхъ провинцій отъ метрополіи.

Когда Жюно въ ноябрѣ 1807 года осадилъ Лиссабонъ съ цѣлью втянуть Португалію въ Наполеоновскую политику, дворъ и правительство бѣжали на флотиліи, охраняемой всемогущею на морѣ Англіей, переплылъ океанъ, избралъ Ріо-де-Жанейро своей столицею и для того, чтобы тѣснѣе связать Бразилію съ ея непосредственнымъ верховнымъ главою, даровалъ ей конституцію, составленную по образцу португальской. Всѣ эти крупныя событія вызвали, правда, много разговоровъ въ сосѣднихъ испанскихъ колоніяхъ, но непосредственнаго дѣйствія на политику этихъ колоній они не произвели. Наоборотъ, колоніи энергично примкнули къ протесту Испаніи, которая возмутилась измѣнническимъ образомъ дѣйствій Наполеона и навязываніемъ короля Іосифа. Искра національнаго воодушевленія, которое сопровождало вступленіе на тронъ Фердинанда VII въ Мадридѣ (19 марта 1808 г.), распространилась и въ колоніяхъ; эти послѣднія рѣшили поддерживать существующій порядокъ въ пользу Фердинанда VII, несмотря на то, что метрополія находилась въ рукахъ французовъ.

Однако, вскорѣ за вѣстью о національномъ подъемѣ, за побѣдными донесеніями изъ Байлена и занятіемъ Мадрида, послѣдовали потрясающія извѣстія о бѣгствѣ регентства въ Севилью, образованіи генеральной хунты, о покореніи всей Испаніи, за единственнымъ исключеніемъ Isla de Leon. Здѣсь возникъ вопросъ, имѣвшій рѣшительное значеніе для хода колоніальной исторіи. Онъ шелъ о томъ, насколько регентство и генеральная хунта, оказавшіяся совершенно неспособными защитить отечество отъ національнаго врага, съ авторитетомъ, безусловно отвергавшимся даже и провинціями, сумѣвшими не покориться французскому игу,—насколько эти учрежденія, дѣйствительно, были представителями Фердинанда VII, по отношенію къ которому колоніальныя провинціи обязаны вѣрностью и послушаніемъ? Этой обязанности не отрицали ни креолы, ни обитатели полуострова (переселившіеся испанцы); но послѣдніе еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ первые, ставили себѣ въ примѣръ метрополію. Тамъ на родинѣ каждый счастливый предводитель партіи на клочкѣ страны, которую ему удавалось вырвать у французовъ или защитить отъ враждебнаго натиска ихъ, несмотря на полную анархію, образовывалъ изъ своихъ земляковъ и приверженцевъ хунту и замѣщалъ негодныхъ старыхъ чиновниковъ своими друзьями. Точно также и здѣсь въ колоніяхъ у испанцевъ и креоловъ пробудилось недовольство представителями стараго режима. Желая принять участіе въ совершавшемся кругомъ захватѣ власти, лица, чувствовавшія подъ собою почву, возстали противъ вице-королей и губернаторовъ, заставили ихъ сложить съ себя полномочія, прекратившіяся съ взятіемъ въ плѣнъ ихъ главы и, съ своей стороны, образовали хунты и регентства. Эти органы считали себя повсюду представителями Фердинанда VII и въ полномъ смыслѣ слова правопреемниками испанскихъ чиновниковъ. Такъ случилось въ Кито, въ Каракасѣ, Буэносъ-Айресѣ, въ Мексико.

Конечно, иногда губернаторы со своими приверженцами скоро убѣж-

дались, что имѣли дѣло далеко не съ волею всего народа. Они поднимали тогда перчатку, брошенную имъ новыми самозванными властями. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., въ Кито, они выходили полными побѣдителями, въ другихъ спасали, по крайней мѣрѣ, часть своего района: такъ, губернаторъ Буэносъ-Айреса утвердился въ Монтевидео. Ясно было, что прекращеніе законной власти должно было вскорѣ привести къ отрицанію всякаго законнаго авторитета. Не всегда волна движенія ставила во главѣ правительства дѣйствительно лучшихъ людей народа. Но какъ скоро бурному собранію удавалось вообще установить власть, каждая партія, умѣвшая направлять массы въ желательномъ ей духѣ, стремилась достигнуть, если не при первомъ натискѣ, то въ теченіе послѣдующаго хода событій, своихъ личныхъ цѣлей.

Только теперь революція стала все болѣе и болѣе выдвигать элементы, которые вначалѣ безсознательно, а впослѣдствіи все систематичнѣе работали въ пользу независимости колоній. Возстаніе 1809 года носило еще всецѣло печать лойяльности. Возставали въ защиту Фердинанда VII, не зная, собственно, кто является представителемъ его правъ. И нѣкоторые губернаторы, какъ, напр., Линье, пали только въ виду подозрѣнія, что они готовы признать всякое существующее правительство, хотя бы это было правительство Іосифа Бонапарта. Съ теченіемъ времени, однако, начали обнаруживаться несомнѣнныя національно-американскія теченія. Противоположность между колонистами, родившимися въ Америкѣ, креолами, и переселившимися изъ Испаніи, которымъ съ XVI столѣтія дали въ насмѣшку названіе chapetones, выступала тѣмъ сильнѣе, что правительство Карла III и Карла IV, на основаніи ничтожныхъ попытокъ возмущенія туземнаго населенія, стало строже примѣнять принципъ, согласно которому должности, сопряженныя съ властью и вліяніемъ, довѣрялись исключительно испанцамъ по національности. Такое устраненіе отъ всякихъ важныхъ должностей затронуло креоловъ чувствительнѣе, чѣмъ нѣкоторыя другія ограничительныя мѣропріятія, исходившія изъ метрополіи. Поэтому, какъ только существованіе законной власти было прервано, они не видѣли основанія, почему бы имъ не занять болѣе выгодныхъ и важныхъ положеній. Такимъ образомъ, напр., въ Буэносъ-Айресѣ, вслѣдъ за первымъ потрясеніемъ власти, вскорѣ послѣдовало второе, имѣвшее уже опредѣленную цѣль: дать правительству болѣе національный характеръ, т.-е. съ преобладаніемъ креоловъ.

Къ этому въ первомъ же періодѣ революціи присоединилось и нѣчто другое. Не всѣ испанскіе правительственные округа имѣли въ своемъ разграниченіи правильную этнографическую и экономическую основу. Такъ, въ особенности въ большихъ капитанствахъ Богото̀ и Буэносъ-Айреса существовали глубоко коренившіяся различія между отдѣльными мѣстностями. Хотя внезапно народившіяся власти и отстаивали свое право самостоятельности, тѣмъ не менѣе, они нисколько не склонны были допускать, чтобы сфера ихъ власти ограничивалась на основаніи тѣхъ же принциповъ, въ силу которыхъ они присвоивали себѣ самую власть. Очевидно, тамъ, гдѣ отдѣльныя части съ противоположными интересами насильственно сплочивались въ одно тѣло прежними законами, устраненіе существовавшей власти побуждало ихъ выступать въ защиту своихъ партійныхъ правъ. Поэтому, спустя уже нѣсколько лѣтъ, въ Буэносъ-Айресѣ, и въ Новой Гранадѣ вспыхнула гражданская война.

Страшная смута, которую вызвало господство доктринеровъ въ испанскихъ кортесахъ, организовавшихъ конституцію, могла лишь способствовать приведенію колоніальныхъ дѣлъ въ состояніе еще бо̀льшаго безпорядка. Испанская конституція 1812 года дала и колоніямъ совершенно иное правовое положеніе. Хотя въ сущности между безпорядочнымъ сбродомъ колоніальныхъ депутатовъ въ Кадисѣ, принадлежавшихъ къ различнымъ

партіямъ, и представленными ими округами почти нигдѣ не существовало серьезной связи, тѣмъ не менѣе, среди весьма незрѣлаго въ политическомъ и экономическомъ отношеніи населенія колоній, представленіе о человѣческихъ правахъ сдѣлало опасные успѣхи подъ вліяніемъ рѣчей народныхъ ораторовъ въ Кадисѣ.

Наиболѣе грозный характеръ принялъ ходъ возстанія въ Мексикѣ. Здѣсь точно также переворотъ въ Испаніи отразился въ видѣ поколебавшагося положенія мѣстныхъ властей. Но движеніе креоловъ было въ самомъ зародышѣ оттѣснено на задній планъ возмущеніемъ нижнихъ слоевъ народной массы, которыми руководили фанатическіе священники. Они угрожали не однѣмъ испанскимъ властямъ, но въ равной мѣрѣ всѣмъ, кто безусловно не подчинялся господству народа и, главнымъ образомъ, туземныхъ индѣйцевъ. Но именно вслѣдствіе этого обстоятельства нельзя было съ самаго начала разсчитывать на сколько-нибудь серьезный успѣхъ. Вожакъ фанатизированныхъ массъ, священникъ Діонисіо Идальго, при помощи быстро собраннаго войска приблизительно въ 100,000 человѣкъ, напалъ на города Гуанахуато, Вальядолидъ и Гуадалахару и ограбилъ ихъ; но, несмотря на превосходство силъ, онъ вынужденъ былъ отступить отъ столицы, единодушно защищаемой испанцами и креолами. Для его недисциплинированнаго войска отступленіе являлось равносильнымъ распаденію. Правда, послѣ нѣсколькихъ чувствительныхъ ударовъ, ему удалось въ этомъ обратномъ движеніи еще разъ собрать подъ свои знамена многочисленныя толпы и снова перейти въ наступленіе; но, тѣмъ не менѣе, авторитетъ его быстро упалъ, такъ какъ, при помощи своихъ грабящихъ и избивающихъ массъ, онъ не въ состояніи былъ создать твердую власть взамѣнъ низверженной. Во время одного изъ послѣдующихъ отступленій, онъ былъ преданъ испанцамъ своими собственными офицерами и разстрѣлянъ. Хотя этимъ движеніе и не было окончательно подавлено, но ни одинъ изъ предводителей, становившихся послѣ смерти Идальго въ различныхъ провинціяхъ во главѣ краснокожихъ, не могъ уже придать движенію того грознаго характера, какой оно имѣло въ первомъ порывѣ. Оно повело лишь къ соединенію консервативныхъ элементовъ для общей защиты. Дѣло свободы получило настолько дурное освѣщеніе, что вице-королевство Новой Испаніи превратилось на многіе годы въ твердыню роялистовъ. Впослѣдствіи они утратили эту позицію только потому, что въ слѣпомъ довѣріи дали созрѣть заговору, который лишь по имени стремился къ свободѣ, завоеванной въ другихъ провинціяхъ послѣ серьезной борьбы, а въ дѣйствительности замѣнилъ только законное самоуправленіе незаконнымъ.

Въ эпоху наполеоновскихъ войнъ лишь въ двухъ мѣстахъ южно-американскаго материка революціонное движеніе было болѣе стойко Между тѣмъ, какъ Кито и Чили, послѣ мимолетныхъ успѣховъ, всецѣло попали въ руки роялистовъ, въ Новой Гранадѣ и въ сосѣдней Венесуэлѣ стремленія къ свободѣ пріобрѣли извѣстное значеніе, а въ штатахъ Лаплаты почти тотчасъ же достигнута была прочная самостоятельность. Но внутреннія побудительныя причины, вызвавшія оба эти движенія, были весьма различны.

Хунта креоловъ, которая 19 апрѣля 1810 года смѣстила въ Каракасѣ генеральнаго капитана Эмпарана, считала себя вполнѣ вѣрноподданною Фердинанда VII. Она отправила, поэтому, посольство, къ которому принадлежалъ и Боливаръ, будущій герой южно-американской борьбы за независимость, въ Англію, которая въ то время оказывала сильную поддержку приверженцамъ короля на Пиренейскомъ полуостровѣ. Хунта намѣревалась вступить въ переговоры съ этой державой относительно общихъ дѣйствій противъ враговъ отечества. Послы привезли, правда, весьма туманныя обѣщанія англійскаго правительства, но вмѣстѣ съ ними

прибылъ въ Ла Гуайру генералъ Миранда. Подъ вліяніемъ этого ветерана колоніальной свободы, организовалось въ Каракасѣ республиканское правительство, которое лишь теоретически охраняло права Фердинанда VII. Хотя это правительство и держало извѣстное время въ своихъ рукахъ столицу и среднія провинціи, но въ народѣ оно не имѣло ни малѣйшей опоры, а на востокѣ и на западѣ, и въ особенности на обширныхъ равнинахъ юга, льяносахъ, народъ относился къ нему положительно враждебно. Это дало возможность роялистамъ вскорѣ перейти въ наступленіе, которое было настолько энергично, что Миранда долженъ былъ исключительно ограничиться обороной. Къ внѣшнимъ неудачамъ присоединились раздоры между борцами за свободу. Въ концѣ концовъ, Миранда безцѣльно возведенный въ званіе диктатора тѣми самыми людьми, которые называли себя передовыми борцами за свободу (въ этомъ дѣлѣ былъ замѣшанъ и Боливаръ), былъ измѣннически выданъ приверженцамъ короля. Онъ провелъ много лѣтъ въ тюрьмѣ въ Кадисѣ, гдѣ и умеръ.

Виновники этого геройскаго поступка бѣжали за границу, не отказавшись, однако, отъ своихъ плановъ. Хунта въ Новой Гранадѣ въ это время еще держалась независимо; поэтому многіе граждане Венесуэлы, въ числѣ ихъ и Боливаръ, вступили на службу ея, и Боливаръ предложилъ перенести войну въ Венесуэлу, откуда испанцы грозили нападеніемъ на Новую Гранаду. Конгрессъ уполномочилъ его, если онъ найдетъ нужнымъ, отнять у роялистовъ пограничныя провинціи Мериду и Трухильо. Это удалось ему чрезвычайно быстро, послѣ чего онъ, уже безъ полномочій, перенесъ войну въ сердце страны въ томъ странномъ убѣжденіи, будто обладаніе столицею Каракасомъ должно имѣть рѣшающее значеніе для исхода борьбы.

Послѣ этого шага война на сѣверномъ театрѣ получаетъ свой истинный характеръ. Симонъ Боливаръ (см. табл. „Герои южно-американскаго освобожденія") является типомъ тѣхъ генераловъ пронунсіаменто, которые вплоть до новѣйшаго времени играли большую роль въ исторіи Испаніи и, еще въ гораздо большей мѣрѣ, испанско-американскихъ республикъ. Нужно отдать справедливость Боливару, что онъ былъ далеко не такъ безсовѣстенъ, какъ нѣкоторые изъ его подражателей; но никто не станетъ отрицать, что идея, за которую онъ боролся, никогда не выходила за предѣлы его собственной личности. Въ увлеченіи своимъ пламеннымъ, цвѣтистымъ краснорѣчіемъ онъ, пожалуй, иногда начиналъ вмѣстѣ съ другими самъ вѣрить въ свои слова. Во всякомъ случаѣ, свобода, блага которой онъ вновь и вновь восхвалялъ въ своихъ обильныхъ разглагольствованіяхъ, являлась не болѣе, какъ фундаментомъ, на которомъ онъ думалъ построить свою собственную славу. И онъ считалъ себя совершенно вправѣ самымъ безпощаднымъ образомъ преслѣдовать и угнетать всѣхъ, кто не желалъ признавать господство боливаровской свободы.

За исключеніемъ небольшой части городскихъ населеній, почти вся Венесуэла держалась роялистическаго образа мыслей или, по крайней мѣрѣ, была до-нельзя утомлена гражданской войной. Поэтому Боливаръ, при своемъ вступленіи, встрѣтилъ частью тайное сопротивленіе, частью пассивную апатію, и только тамъ могъ искусственно вызвать воодушевленіе къ идеальнымъ благамъ, за которыя онъ будто бы сражался, гдѣ господствовала сила его оружія. Вступленіе освободителя въ Каракасъ носило театральный характеръ. Какого рода была свобода, которую онъ преподносилъ жителямъ Венесуэлы, объ этомъ даетъ понятіе фактъ, что онъ прежде всего совершенно позабылъ установить гражданскія власти и сосредоточилъ въ самомъ себѣ диктаторскую власть, присвоивъ себѣ напыщенный титулъ Libertador de la patria (освободитель отечества). Этимъ онъ, однако, едва ли обманывалъ лицъ, непосредственно окружавшихъ его и, большею частью, связанныхъ съ нимъ одинаковыми

José de S. Martin

M. Belgrano

A. J. de Sucre

Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Герои освобожденія южной Америки.

(Симонъ Боливаръ, изъ „Correspondencia general del Liberfador“; Хозе де Санъ-Мартинъ и Мануэль Бельграно, изъ Біографій Бартоломе Митресъ. Антоніо Хозе де Сукръ, изъ Біографіи Виллануэвы.)

интересами. Даже въ предѣлахъ этой провинціи онъ былъ не единственнымъ, работавшимъ по этому рецепту. На крайнемъ востокѣ, на границахъ Гвайяны появился другой освободитель, Мариньо. Но вмѣсто того, чтобы соединиться противъ общаго врага, испанцевъ, каждый изъ этихъ благодѣтелей народа ничего не желалъ такъ страстно, какъ низвергнуть своего соперника и затѣмъ, въ роли спасителя, сдѣлаться неограниченнымъ властителемъ.

При вступленіи въ Венесуэлу, Боливаръ подъ давленіемъ креоловъ совершилъ роковую ошибку, объявивъ испанцамъ истребительную войну. Испанцемъ считался въ этомъ случаѣ всякій, кто неохотно покорялся всѣмъ требованіямъ т. наз. патріотовъ. Конечно, противники отвѣчали съ своей стороны на такой жестокій способъ веденія войны. Но между тѣмъ, какъ на ихъ сторонѣ было теоретическое право и оправданіе въ подавленіи возстанія, Боливаръ своимъ образомъ дѣйствій позорилъ самые принципы, за которые онъ будто бы боролся, и вредилъ самому себѣ тѣмъ болѣе, что далеко не располагалъ такой силой, съ какой боролись его враги противъ приверженцевъ новой системы. При такихъ условіяхъ война на этомъ театрѣ приняла особенно кровавый характеръ. Оружіе, при помощи котораго боролись обѣ партіи, убійства и грабежи способствовали лишь тому, что все болѣе разгорались самыя низменныя страсти и всплывали наверхъ худшіе элементы. Къ тому же Боливаръ былъ вовсе не выдающійся полководецъ и также не могъ создать плана войны, какъ и проекта конституціи. Въ Пуэрто Кабельо, самомъ надежномъ пунктѣ побережья, попрежнему развѣвалось испанское знамя; на западѣ при Баркисимето и на Арауре борьба продолжалась съ перемѣннымъ успѣхомъ. Подконецъ Боливаръ даже вынужденъ былъ отступить къ Каракасу.

Здѣсь судьба его была рѣшена враждебнымъ отношеніемъ льянеросовъ. Напрасно онъ пытался созваніемъ конгресса въ Каракасѣ облечь свое диктаторство въ законную форму. Напрасно заключилъ онъ союзъ съ диктаторомъ восточныхъ провинцій, признавъ его равноправнымъ съ собою. Даже соединенныя силы ихъ недолго въ состояніи были бороться противъ безпрерывно возраставшихъ массъ наѣздниковъ, которыхъ дикій Бовесъ собиралъ въ луговыхъ степяхъ юга въ помощь испанцамъ. Дѣло зашло такъ далеко, что развѣдчики были всецѣло на сторонѣ испанцевъ, предчувствуя близкую побѣду ихъ. Сперва былъ разбитъ Мариньо, а затѣмъ неоднократно и самъ Боливаръ, отступленіе котораго приняло характеръ безпорядочнаго бѣгства. Когда онъ достигъ морского побережья въ Куманѣ, средства къ сопротивленію настолько истощились, что Libertador бѣжалъ вмѣстѣ съ кораблями, скрывавшими военную казну. Когда соратники его снова оправились, и онъ обѣщалъ возвратиться къ нимъ, онъ былъ заклеймленъ именемъ измѣнника и лишь съ трудомъ ускользнулъ отъ участи, которую онъ нѣкогда уготовалъ своему прототипу, генералу Мирандѣ. Такимъ образомъ, походъ 1813 года окончился тѣмъ, что вся Венесуэла вернулась подъ власть роялистовъ, и у нихъ были развязаны руки. Они могли теперь поступить точно такъ же съ республикою Новой Гранады, которая распалась внутри и у которой Боливаръ взялъ бо̀льшую часть ея военныхъ средствъ для похода въ Венесуэлу,

На югѣ материка революціонное движеніе къ этому времени также утратило свою силу. Возстаніе въ штатахъ Лаплаты первоначально велось въ такомъ духѣ, который весьма благопріятно отличался отъ характера движенія въ Венесуэлѣ. Правда, собственно народъ держался и здѣсь едва ли не столь же безучастно по отношенію къ революціи, какъ и въ Каракасѣ. Но въ среднихъ и высшихъ общественныхъ слояхъ Буэносъ-Айреса господствовалъ гораздо болѣе прогрессивный духъ, нежели тамъ. По полученіи извѣстія о низверженіи испанскаго господства, вице-

король Буэносъ-Айреса былъ также низложенъ. 25 мая 1810 года хунта провозгласила провинцію независимою отъ севильской хунты (см. Карты къ исторіи Америки), но продолжала, подобно властямъ, развившимся изъ нея въ теченіе года, управлять отъ имени Фердинанда VII. Была даже партія, готовая призвать въ Буэносъ-Айресъ, въ качествѣ регентши, инфанту Карлоту, сестру Фердинанда, вышедшую за португальскаго принца. Этотъ планъ повлекъ за собою продолжительную и запутанную интригу въ Ріо-де-Жанейро и Монтевидео, но, въ концѣ концовъ, потерпѣлъ крушеніе.

Новое правительство считало своей первой задачей заставить признать авторитетъ его на всемъ пространствѣ провинціи Лаплаты; но при этомъ оно натолкнулось на серьезное противодѣйствіе. Роялисты избрали Монтевидео своей главной квартирой. Благодаря прибытію подкрѣпленій изъ метрополіи, хунта, съ ея ограниченными военными силами, не могла даже думать о занятіи этого пункта, и враги ея безспорно преобладали въ заливѣ и устьяхъ впадавшихъ въ него рѣкъ. Мало-по-малу, однако, господство испанцевъ ограничилось городомъ; морскіе планы ихъ также были парализованы при содѣйствіи бразильцевъ и англичанъ, расположенныхъ къ хунтѣ. И когда, наконецъ, испанскіе корабли были побѣждены вновь созданнымъ флотомъ революціонеровъ, то капитулировала и крѣпость Монтевидео. Въ этотъ промежутокъ времени въ провинціи Буэносъ-Айресѣ воцарилась общая анархія, которая слѣдовала во всѣхъ провинціяхъ за низложеніемъ законныхъ властей. Правый берегъ Лаплаты лишь номинально находился въ рукахъ правительствъ Буэносъ-Айреса, быстро смѣнявшихъ другъ друга. Въ дѣйствительности, уже теперь подготовлялось распаденіе, которое повело къ возникновенію на этой почвѣ Восточной Уругвайской республики (Republica Oriental de Uruguay).

Аналогичное явленіе совершилось и въ другой части старой провинціи. Хунта Буэносъ-Айреса отправила въ декабрѣ 1810 года генерала Бельграно (см. табл. „Герои южно-американскаго освобожденія“) съ цѣлью добиться признанія новаго правительства въ округѣ Парагвая; но эта попытка окончилась полной неудачей. Бельграно былъ завлеченъ далеко въ глубь покинутой страны прежде, чѣмъ встрѣтилъ противниковъ; здѣсь онъ потерпѣлъ пораженіе при Парагвари и долженъ былъ перейти въ отступленіе, исполненное опасностей. Только тогда ему пришла въ голову идея предоставить провинціи самой повиноваться, кому ей угодно. Сообразно съ тѣмъ. онъ заключилъ въ Такуари капитуляцію съ защитниками Парагвая, чѣмъ и обезпечилъ себѣ отступленіе. Вслѣдствіе такого оборота, прогрессивныя идеи настолько пустили корни въ провинціи, что она точно также взяла свою судьбу въ свои руки и въ 1814 году избрала себѣ главою доктора Хозе Гаспара Томаса Родригеса да Франсіа. Онъ управлялъ крайне своевластно и производилъ кровавыя расправы, о какихъ едва ли когда было слышно на американской землѣ. Но все-таки это былъ просвѣщенный деспотизмъ. Франсіа сломилъ власть и богатство духовенства и, наоборотъ, всѣми способами содѣйствовалъ процвѣтанію земледѣлія и промышленности, чѣмъ далъ молодому государству возможность достигнуть внѣшней независимости. Благодаря тому, и послѣ его смерти (1840 г.) независимость Парагвая была обезпечена (см. ниже стр. 512).

Правительству Буэносъ-Айреса приходилось имѣть дѣло лишь со стремленіями, отчасти аналогичными тѣмъ, которымъ оно было обязано своимъ собственнымъ существованіемъ. Много разъ, даже послѣ того, какъ Аргентинская республика фактически достигла независимости, въ различныхъ другихъ частяхъ ея территоріи возникали теченія въ духѣ децентрализаціи. Съ другой стороны, Буэносъ-Айресъ игралъ также важную роль въ борьбѣ противъ главнаго врага всѣхъ провинцій: противъ испанскихъ роялистовъ. Наибольшій отпоръ авторитетъ хунты встрѣчалъ въ округѣ Верхняго Перу.

нынѣшней Боливіи, которая въ административномъ отношеніи составляла часть провинціи Буэносъ-Айресъ. Съ тѣхъ поръ, какъ тамъ было быстро подавлено изъ Перу первое возстаніе въ 1809 году, эта часть провинціи всецѣло находилась подъ вліяніемъ испанскихъ роялистовъ. Поэтому хунта отправила свое первое войско противъ этого опаснаго противника. Благодаря блестящей побѣдѣ при Суйпачѣ, генералъ Балькарсе фактически оттѣснилъ его за Десагуадеро, истокъ озера Титикаки, образующаго здѣсь границу Перу. Это торжество продолжалось, однако, недолго. Получивъ подкрѣпленіе. испанцы одержали при Гуаки столь рѣшительную побѣду, что вытѣснили патріотовъ на всемъ пространствѣ Боливійской плоской возвышенности и преслѣдовали ихъ до самыхъ аргентинскихъ провинцій. Только здѣсь Бельграно, назначенный генераломъ сѣверной арміи, остановилъ движеніе войскъ, разбилъ при Тукуманѣ испанскаго вождя, а нѣсколько недѣль спустя заставилъ его при Сальтѣ со всѣмъ войскомъ положить оружіе подъ условіемъ свободнаго отступленія. Во всѣхъ этихъ стычкахъ участвовали сравнительно небольшія силы. Этимъ объясняется непрочность достигнутыхъ результатовъ. Ни одна изъ сторонъ не могла фактически господствовать въ скудно населенной странѣ. Населеніе и въ данномъ случаѣ не имѣло собственнаго мнѣнія, но примыкало къ побѣдителю. Затѣмъ каждая сторона даже послѣ нѣсколькихъ пораженій была въ состояніи снова выставить отрядъ въ нѣсколько тысячъ человѣкъ, и борьба снова начиналась. Этимъ объясняются постоянныя колебанія шансовъ то въ ту, то въ другую сторону во всѣхъ походахъ, которые предпринимались южно-американскими патріотами противъ испанскихъ роялистовъ.

Счастье не долго улыбалось и Бельграно. Подвигаясь впередъ въ Боливію, онъ натолкнулся при Гуилькапуйо на реорганизованнаго непріятеля и былъ разбитъ имъ здѣсь и при Айюмѣ настолько чувствительно, что снова вынужденъ былъ отступить. Съ тѣхъ поръ онъ долгое время не могъ перейти въ наступленіе. Хотя роялисты и не дошли до самой Аргентинской области, тѣмъ не менѣе, къ концу 1813 года, Боливія снова была въ ихъ рукахъ. Дѣло Фердинанда VII находилось, благодаря одновременнымъ побѣдамъ въ Венесуэлѣ, въ превосходномъ состояніи, когда Наполеонъ открылъ заключенному въ Валансэ ворота его золотой тюрьмы и вернулъ ему тронъ отцовъ.

Испанія пережила въ годы войны удивительныя превращенія, и игра въ революцію, затѣянная въ Кадисѣ кортесами, которые ввели парламентскую систему правленія, не осталась безъ вліянія на движеніе въ колоніяхъ. Но въ Испаніи народъ столь же мало созрѣлъ для свободы, какъ и въ колоніяхъ. И такъ какъ на родинѣ, вслѣдствіе столкновенія интересовъ, новое правительство далеко не встрѣчало такой поддержки, какъ въ Америкѣ, то искусственное зданіе конституціи рухнуло еще раньше, чѣмъ Фердинандъ VII вступилъ на Кастильскую почву. Не теряя времени, онъ сталъ добиваться той же цѣли и въ колоніяхъ.

Въ мартѣ 1815 года отплыла, подъ командою генерала *Морильо*, большая экспедиція изъ 25 военныхъ кораблей, 60 транспортныхъ судовъ и болѣе 10,000 человѣкъ экипажа для подавленія послѣднихъ слѣдовъ возмущенія въ колоніяхъ. Первоначально было предположено высадить войско на Лаплатѣ, но со времени сдачи Монтевидео тамъ не было пункта, безопаснаго для высадки. Въ то же время Буэносъ-Айресъ, по крайней мѣрѣ, съ формальной стороны еще признавалъ Фердинанда VII законнымъ повелителемъ, тогда какъ въ Венесуэлѣ и Новой Гранадѣ въ послѣднюю фазу войны была уже провозглашена независимая республика. Въ виду того, Морильо получилъ приказъ начать покореніе провинцій съ сѣвера. Какъ скоро послѣдній будетъ въ его рукахъ, ему открытъ будетъ черезъ Боливію путь къ провинціямъ Лаплаты. Первые шаги его давали право надѣяться на самое

лучшее. Островъ Маргарита, всегда служившій пріютомъ и убѣжищемъ для терпѣвшихъ крушеніе патріотовъ Венесуэлы, былъ быстро покоренъ. На всемъ пространствѣ Венесуэлы едва ли можно было встрѣтить кучку патріотовъ, которая заслуживала бы названіе войска. Движеніе Морильо черезъ эту провинцію носило характеръ настоящей военной прогулки.

Для покоренія Новой Гранады, Морильо намѣтилъ, какъ первый пунктъ атаки, Картахену. Но здѣсь онъ могъ предвкусить тѣ трудности, которыя предстояли ему. Уже въ то время, когда онъ сажалъ венесоланское войско на корабли, а для защиты провинціи хотѣлъ оставить вмѣсто него испанскія войска, ему пришлось убѣдиться, что преданные до тѣхъ поръ королю льянеросы дезертировали толпами. Несмотря на то, онъ окружилъ Картахену и съ суши, и съ моря подавляющими силами. Городъ оказалъ, однако, геройское сопротивленіе. Морильо умышленно стремился по возможности избѣгать кровопролитія и поэтому старался взять городъ голодомъ. Но знамя независимости высоко развѣвалось надъ городомъ въ теченіе 108 дней, не взирая на то, что испанскій генералъ потерялъ всякое терпѣніе и не жалѣлъ ни выстрѣловъ, ни штурмовъ. Когда, наконецъ, дальнѣйшее сопротивленіе было уже немыслимо, городъ все-таки не капитулировалъ; защитники его, во время бури на морѣ, прорвали блокаду и, большею частью, спаслись на Санто-Доминго, откуда, послѣ кратковременнаго отдыха, возобновили борьбу. Новая Гранада защищалась, правда, не съ такимъ мужествомъ, какъ Картахена. Со стороны Кито противъ испанцевъ, предводимыхъ Морильо, оперировало другое войско. Когда онъ двинулся къ Санта Фе, въ этой провинціи также не существовало болѣе арміи патріотовъ. Но самъ Морильо чувствовалъ, что земля, на которую онъ ступалъ въ своемъ побѣдоносномъ шествіи, дрожала подъ его ногами. Поэтому онъ отбросилъ въ сторону свою первоначальную систему мягкости и началъ строго расправляться съ революціонерами. Тѣмъ не менѣе, даже сотни жертвъ не помогли укрѣпленію испанскаго владычества.

Тамъ, куда не достигало испанское оружіе, снова вспыхнуло возстаніе. Островъ Маргарита былъ первымъ, стряхнувшимъ непривычное иго Въ льяносахъ Касанаре впервые откликнулось на призывъ къ свободѣ войско степныхъ наѣздниковъ подъ начальствомъ метиса Паэса и одержало при Апуре первую побѣду надъ королевскими войсками. Дикіе степные воины щадили жизнь своихъ плѣнныхъ, большинство которыхъ, благодаря тому, переходило на ихъ сторону. Наконецъ, и въ Куманѣ снова началось движеніе, такъ что Морильо сталъ опасаться за Венесуэлу и перенесъ свою главную квартиру къ восточному основанію Кордильеръ, въ Варинасъ. Однако, отдѣльныя возмущенія все еще не имѣли связи между собой. Въ этотъ моментъ на островѣ Маргарита высадились старые вожаки и защитники Картахены, которые въ Гаити снарядились къ новой борьбѣ съ помощью англичанъ и президента негрской республики. Но Боливаръ все-таки не сдѣлался стратегомъ. Въ то время, какъ толпы степныхъ наѣздниковъ шныряли на всемъ протяженіи льяносовъ и разносили пожаръ возстанія, въ то время, какъ на востокѣ по обоимъ берегамъ Ориноко его товарищи по оружію отвоевали себѣ безопасную область, онъ оставался еще въ заколдованномъ кругѣ столицы Каракаса, куда старался проникнуть осенью 1816 года изъ Окумаре съ небольшимъ отрядомъ. Но позорнѣе всего было то, что, подъ вліяніемъ ложнаго слуха о пораженіи, онъ бѣжалъ вмѣстѣ съ кораблями и предоставилъ своихъ полной гибели. Слава его была настолько поколеблена, что онъ былъ вторично изгнанъ и долженъ былъ вернуться въ Гаити. Но, спустя нѣсколько недѣль, онъ былъ призванъ обратно, такъ какъ среди вожаковъ многочисленныхъ отрядовъ не было ни одного, который пользовался бы такимъ уваженіемъ, какъ Боливаръ, и въ состояніи былъ бы, подобно ему, создать опредѣленный политическій и военный планъ.

Во время похода 1817 года революція начала пріобрѣтать твердую почву на сѣверѣ. Мысль создать прочный базисъ для борцовъ за независимость на правомъ берегу Ориноко принадлежала, правда, не Боливару, но онъ быстро понялъ громадное значеніе этого плана. Блокада со стороны суши Ангостуры и Гвайны Вьеха, господствовавшихъ надъ рѣкою, давала незначительные результаты, но Боливару удалось, при помощи англійскихъ моряковъ, сломить превосходство испанцевъ на морѣ и принудить ихъ къ очисткѣ этихъ двухъ укрѣпленій. Границею между испанскою и свободною областями сдѣлался Ориноко, а далѣе къ западу Апуре. Морильо терялъ время въ безплодныхъ попыткахъ вновь покорить островъ Маргариту. Правда, онъ завладѣлъ побережьемъ до полуострова Паріа, но это не имѣло большого значенія.

Въ этомъ періодѣ Боливару съ трудомъ удавалось отстаивать свой авторитетъ противъ различныхъ предводителей отрядовъ, и онъ самъ чувствовалъ необходимость упрочить свое положеніе на болѣе законномъ основаніи. Вслѣдствіе того, онъ уже осенью 1817 года учредилъ государственный совѣтъ, верховный судъ и намѣтилъ дальнѣйшую политическую организацію. Но прежде всего онъ выставилъ свою диктатуру, какъ необходимость, и фактически продолжалъ держать въ своихъ рукахъ неограниченную власть. На полѣ битвы все еще не происходило ничего рѣшительнаго. На этотъ разъ Боливаръ предпринялъ нападеніе на Каракасъ со стороны средняго Апуре. Въ то время, какъ онъ лично разбилъ Морильо при Калабосо, Паэсъ завоевалъ Санъ-Фернандо, послѣднюю твердыню роялистовъ на Апуре. Однако, рядомъ съ этими успѣхами существовали и многочисленныя неудачи, которыя поддерживали въ тиши никогда не прекращавшуюся оппозицію противъ диктатора. Но онъ сумѣлъ и съ этимъ справиться. Недовольныхъ генераловъ онъ удовлетворилъ, снабдивъ ихъ войсками, аммуниціей и деньгами для продолженія борьбы. Политиковъ онъ обезоружилъ созваніемъ въ Ангостурѣ учредительнаго конгресса, который былъ, конечно, не болѣе, какъ театральнымъ фарсомъ, но который значительно поднялъ престижъ диктатора единогласнымъ избраніемъ его въ президенты республики Венесуэлы.

Не меньшее значеніе, чѣмъ избраніе на конгрессѣ, имѣло для Боливара прибытіе большого числа набранныхъ для защиты дѣла независимости, обученныхъ англійскихъ и германскихъ солдатъ. Они образовали ядро, вокругъ котораго сгруппировались храбрые, но неподготовленные въ военномъ отношеніи элементы американскихъ провинцій. Англійскій легіонъ игралъ выдающуюся роль во всѣхъ позднѣйшихъ походахъ и пользовался такимъ довѣріемъ Боливара, что неоднократно возбуждалъ ревность со стороны южно-американскихъ патріотовъ. Для похода 1818 года Боливаръ составилъ планъ, который долженъ былъ рѣшить ходъ событій. Нѣкогда онъ перенесъ войну изъ Новой Гранады въ равнины Венесуэлы для того, чтобы завоевать свободу первому государству на территоріи послѣдняго. Теперь, наоборотъ, онъ рѣшился добывать свободу для своего отечества по ту сторону Андъ. Эта мысль родилась у него, быть-можетъ, подъ впечатлѣніемъ побѣды Хозе де Санъ Мартина (см. ниже стр. 500); но какъ бы то ни было, успѣхъ доказалъ вѣрность его разсчетовъ.

Еще раньше, чѣмъ послѣ наводненій дождливаго періода совершенно освободились пути черезъ льяносы, Боливаръ двинулся на югъ отъ Апуре и, защищаемый этой рѣкою отъ флангового нападенія королевскихъ войскъ, на западъ. На пути, который еще до него проложили торговцы чибчасовъ и первые завоеватели Богота (см. выше стр. 383), онъ перешелъ цѣпь Андовъ. Правда, онъ понесъ чувствительныя потери прежде, чѣмъ достигъ въ Согамосо гуще населенныхъ областей; но планъ поразить непріятеля въ самомъ центрѣ его могущества вполнѣ удался. Те-

перь все дѣло заключалось въ томъ, чтобы одержать рѣшительную побѣду надъ непріятелемъ раньше, чѣмъ тотъ соберется съ силами. При помощи быстрыхъ движеній взадъ и впередъ, ему удалось ввести въ заблужденье непріятельскій авангардъ, овладѣть городомъ Тунха и отрѣзать авангарду прямой обратный путь къ столицѣ. Испанцы, разсчитывая на численный перевѣсъ, попытались проложить себѣ обратный путь къ Санта Фе силою. На мосту черезъ Бояка произошло рѣшительное сраженіе, которое окончилось истребленіемъ королевскаго войска. Вице-король очистилъ столицу и отступилъ съ остаткомъ испанскихъ войскъ къ Картахенѣ, тогда какъ патріоты Санта Фе осадили Богота и возстановили независимость Новой Гранады. Боливаръ учредилъ здѣсь, какъ и въ Венесуэлѣ, на ряду съ собственной военной диктатурой, новую гражданскую власть, и положилъ начало сліянію обѣихъ родственныхъ провинцій въ одну республику подъ именемъ Колумбіи.

Когда вѣсть объ этихъ побѣдахъ дошла до Ангостуры, временной столицы Венесуэлы, появленіе ея совпало со смѣщеніемъ Боливара въ третій разъ за измѣну знамени и изгнаніемъ его, такъ какъ и другимъ хотѣлось вкусить его власти. Но, окруженный ореоломъ новыхъ побѣдъ, онъ могъ отнестись съ презрѣніемъ къ такому постановленію. Конгрессъ, вдвойнѣ побѣжденный имъ, безъ всякихъ преній принялъ предложенія „Libertador“, согласно которымъ Венесуэла, Новая Гранада и Кито соединялись въ одну республику подъ названіемъ Колумбіи (см. „Карты къ исторіи Америки“). Во главѣ ея стоялъ, конечно, Боливаръ и, кромѣ того, гражданская власть въ каждой изъ этихъ трехъ провинцій сосредоточивалась въ рукахъ вице-президента. Дальнѣйшая разработка конституціи новаго государства возлагалась на учредительный конгрессъ, который долженъ былъ собраться въ Кукутѣ, какъ только позволитъ ходъ войны.

Это случилось вскорѣ. Извѣстія, которыя дошли до Америки лѣтомъ 1820 года, совершенно измѣняли положеніе дѣлъ. Войско, собранное въ окружности Кадиса въ помощь генералу Морильо для окончательнаго подавленія возстанія, возмутилось, и такъ какъ ему нужно было какое-нибудь знамя для оправданія этого поступка, то оно провозгласило своимъ паролемъ возстановленіе конституціи 1812 года. Такимъ образомъ, всѣ, кто съ 1814 года сражался за возстановленіе испанскаго господства, потеряли правовую почву. Непосредственнымъ слѣдствіемъ того была пріостановка военныхъ дѣйствій на всѣхъ театрахъ для того, чтобы дать возможность начать мирные переговоры между метрополіей и колоніями. Но колоніи зашли уже слишкомъ далеко. Очень значительная часть обитателей ихъ со всѣми своими интересами была скомпрометирована революціей. Поэтому немыслимъ былъ договоръ на почвѣ конституціи, либеральность которой существенно ограничивалась, какъ скоро заходила рѣчь о колоніяхъ: въ продленіи этихъ ограниченій была заинтересована вся испанская нація. Такимъ образомъ, переговоры скорѣе привели къ убѣжденію въ томъ, что возвратъ къ прежнимъ порядкамъ безусловно невозможенъ. Обѣ партіи воспользовались временнымъ перемиріемъ для новыхъ приготовленій къ войнѣ, и весною 1821 года вновь начались военныя дѣйствія.

Но теперь господство патріотовъ на плоскогорьи было настолько упрочено, что Боливаръ могъ предпринять съ большими шансами на успѣхъ аттаку Каракаса и Валенсіи, центровъ экономической жизни Венесуэлы, изъ-за которыхъ уже столько разъ происходили битвы съ перемѣннымъ успѣхомъ. При настоящихъ обстоятельствахъ это центральное положеніе являлось чуть ли не послѣднимъ убѣжищемъ роялистовъ. Западъ Венесуэлы, представлявшій до тѣхъ поръ твердыню ихъ власти, отпалъ отъ нихъ и, кромѣ береговыхъ пунктовъ, отъ Картахены до Кума-

ны, которые находились еще въ рукахъ испанцевъ, они владѣли только областью, занятою непосредственно ихъ войсками. При Карабобо, гдѣ Боливаръ уже одержалъ одну побѣду надъ испанцами, они ожидали его теперь на позиціи, которая считалась неприступною. На этотъ разъ, однако, туземцы были на сторонѣ патріотовъ. Они провели часть войска скрытыми тропинками къ правому флангу непріятеля, положеніе котораго было развернуто съ этой стороны. Побѣда была рѣшительная. Испанская армія вынуждена была совершенно очистить средній районъ и бѣжала къ стѣнамъ Пуэрто Кабельо. Боливаръ еще разъ вступилъ побѣдителемъ въ Каракасъ, который съ этого времени отвоевалъ себѣ свободу и независимость.

Почти одновременно съ побѣдою при Карабобо, былъ открытъ конгрессъ въ Кукутѣ. Въ первый разъ въ сѣверныхъ провинціяхъ состоялось законодательное собраніе, которое обладало дѣйствительною властью, чтобы заставить признать свои рѣшенія. Оно оказалась на высотѣ своего призванія, такъ какъ не подчинялось безусловно диктатору, подобно своимъ предшественникамъ. Тѣмъ не менѣе, это собраніе нисколько не думало умалять неоспоримыя услуги, оказанныя Боливаромъ дѣлу освобожденія республики Колумбіи. Оно было далеко отъ того, чтобы уничтожить всѣ мѣста и должности, которыя предложилъ Боливаръ ему и въ предшествовавшихъ собраніяхъ. Но, съ другой стороны, оно не далось безусловно въ его руки, а создало, по силѣ разумѣнія и совѣсти, конституцію, которая давала достаточно простора честолюбію освободителя, не ставя его въ то же время выше правительства. Этотъ второй конгрессъ также призналъ Боливара президентомъ Колумбіи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ было оформлено закономъ, что онъ не можетъ облекать себя гражданской властью въ то время, когда будетъ командовать войсками противъ непріятеля. Для этой цѣли въ помощь ему назначался вице-президентъ всей республики, и только въ провинціяхъ, которыя Боливаръ имѣлъ въ будущемъ освободить отъ испанскаго ига, онъ долженъ былъ и впередъ оставаться диктаторомъ. Новая конституція и въ другихъ отношеніяхъ существенно отличалась отъ того, чтó казалось Боливару идеаломъ. Она упразднила верхнюю палату съ ея пожизненными членами, которую учредилъ Боливаръ въ Ангостурѣ для Венесуэлы. Точно также званіе президента не было пожизненнымъ и тѣмъ болѣе наслѣдственнымъ, но ограничивалось четырьмя годами по образцу Сѣверо-Американскихъ штатовъ. Для того, чтобы сдѣлать возможнымъ практическій контроль надъ всѣми этими учрежденіями (до сихъ поръ это не удавалось ни одной конституціи, такъ какъ всякій счастливый вождь партіи считалъ себя въ правѣ переворачивать все вверхъ дномъ), конгрессъ издалъ законъ, воспрещавшій всякое измѣненіе конституціи въ теченіе ближайшихъ десяти лѣтъ.

Боливаръ подчинился постановленіямъ конгресса въ Кукутѣ. Военное счастье также, повидимому, улыбалось новой республикѣ. Послѣ 14-мѣсячной осады одинъ изъ полководцевъ Боливара взялъ Картахену. Потеря этого опорнаго пункта сдѣлала роялистовъ безсильными въ области перешейка. Чагресъ и Портобело изгнали свои испанскіе гарнизоны, и области, находившіяся на перешейкѣ, не только объявили себя независимыми отъ испанцевъ, но и желали войти въ составъ Колумбійской республики. Послѣдніе остатки войска, при помощи котораго, казалось, Морильо когда-то привелъ къ безусловному повиновенію всю Венесуэлу и Новую Гранаду, оставались только въ Пуэрто Кабельо и Куманѣ. На сѣверѣ опасность исчезла.

На южномъ театрѣ войны дѣло свободы стояло въ 1814 году еще на нетвердомъ основаніи. Къ западу отъ Кордильеръ испанскій вице-король въ Перу еще господствовалъ надъ всѣми тихо-океанскими провинціями отъ мыса Горна до Гваякильскаго залива и плоской возвышенности Кито.

Одно лишь капитанство Буэносъ-Айресъ высоко держало знамя независимости, хотя территорія его была уже значительно урѣзана. Въ то время, какъ Боливія была вновь приведена въ подчиненіе испанскимъ властямъ, на сѣверѣ и на востокѣ освободились отъ нихъ Парагвай и Уругвай. Лишенная плана политика руководящихъ лицъ всецѣло была создана для того, чтобы давать все новую и новую пищу внутренней войнѣ. Испанцы въ правѣ были ожидать, что провинціи, истощенныя братоубійственными войнами, современемъ легко попадутъ въ ихъ руки. Шансы на подобный исходъ были бы еще благопріятнѣе, если бы въ эту эпоху внутреннихъ раздоровъ не явился на помощь борцамъ за свободу человѣкъ, который, въ большей мѣрѣ, чѣмъ самъ Боливаръ, сталъ спасителемъ находившейся въ опасности свободы.

Хозе де Санъ Мартинъ (см. таблицу „Герои освобожденія“ Южной Америки) вернулся на родину лишь въ концѣ французской войны, въ которой онъ храбро сражался за испанцевъ. При этомъ онъ воспринялъ значительную долю либеральныхъ идей, которыя въ то время волновали полуостровъ и нашли себѣ воплощеніе въ кортесахъ Кадиса. Онъ также былъ воодушевленъ сильнымъ честолюбіемъ, но не тѣмъ болѣзненнымъ исканіемъ внѣшнихъ признаковъ власти, которое снѣдало Боливара, а идеальнымъ стремленіемъ отличиться на службѣ отечеству и обезпечить ему лучшее будущее. Санъ Мартинъ, какъ и почти всѣ дальновидные политики Юга, не былъ республиканцемъ въ духѣ Боливара. Какъ и товарищи его, онъ былъ убѣжденъ, что при тогдашнемъ уровнѣ культурнаго и политическаго развитія испанской Америки, республика по образцу сѣверныхъ Соединенныхъ Штатовъ является невозможной. То, что онъ видѣлъ въ родственныхъ колоніяхъ сѣвера и отчасти въ республиканскихъ провинціяхъ собственной страны, возбуждало въ немъ глубокое отвращеніе къ карикатурѣ свободы, которою злоупотребляли лишь для удовлетворенія эгоистическихъ стремленій отдѣльныхъ личностей. Такая свобода, если она не вела къ ужасамъ гражданской войны, въ лучшемъ случаѣ замѣняла испанскую тиранію другою.

И въ Буэносъ-Айресѣ Санъ Мартинъ замѣтилъ сильныя теченія, которыя на его взглядъ противорѣчили истинному благу государства. Послѣ того, какъ онъ въ теченіе короткаго времени имѣлъ случай оказывать отечеству частью на берегахъ Лаплаты, частью въ провинціи Боливійской плоской возвышенности цѣнныя, хотя и скромныя услуги, въ немъ созрѣла мысль отдать себя на служеніе свободѣ и бороться за независимость всей испанской Америки, а не только своей тѣсной родины. Планъ, который онъ набросалъ для этой цѣли, обнаружилъ въ немъ настоящаго полководца. Онъ быстро понялъ, что судьба всѣхъ южныхъ провинцій зависитъ отъ того, удастся ли отнять у испанцевъ укрѣпленія на Перуанскомъ плоскогорьи, по обѣ стороны Кордильеръ, на которомъ они во всѣ времена господствовали съ трехъ сторонъ надъ страною и, благодаря своему преобладанію на Тихомъ океанѣ, могли дѣлать вылазки противъ борцовъ за независимость. Правда, кратчайшій путь изъ Буэносъ Айреса въ Лиму шелъ черезъ верхнее Перу (Боливію), но этотъ путь былъ въ то же время и самымъ труднымъ: онъ требовалъ чрезвычайнаго распространенія въ ширь и, кромѣ того, оставлялъ совершенно открытымъ для противника важный путь со стороны моря. Поэтому Санъ-Мартинъ предложилъ измѣненный фронтъ для нападенія. Въ Чили, въ первые годы колоніальнаго подъема, дѣло свободы пріобрѣло многочисленныхъ и восторженныхъ приверженцевъ. Потребовались громадныя военныя затраты, чтобы привести эту провинцію къ повиновенію. Не взирая на это, испанцы едва ли вышли бы побѣдителями, если бы духъ пронунсіаменто, убивающій всякую свободу, не раздѣлилъ друзей независимости на два лагеря. Поэтому Санъ Мартинъ потребовалъ отъ правительства въ Буэносъ-Айресѣ

средствъ для образованія и снаряженія отряда, который послужилъ бы ядромъ арміи для освобожденія Чили. Оттуда можно было бы уже начать борьбу противъ испанцевъ на всемъ югѣ материка.

Въ это время внутренніе раздоры еще не настолько ослѣпляли правителей въ Буэносъ Айресѣ, чтобы они не видѣли тѣхъ громадныхъ шансовъ, которые открывалъ планъ Санъ Мартина для дѣла свободы. Поэтому ему было ввѣрено, согласно его желанію, управленіе округомъ Мендосы, граничащимъ съ сѣвернымъ Чили. Здѣсь онъ въ состояніи былъ по возможности незамѣтно собирать средства для осуществленія своихъ плановъ и затѣмъ въ удобный, по его мнѣнію, моментъ, приступить къ выполненію ихъ. Санъ Мартинъ обладалъ тѣмъ, чего недоставало почти всѣмъ остальнымъ передовымъ борцамъ за независимость, — строго методическимъ и во всѣхъ направленіяхъ законченнымъ военнымъ образованіемъ, опредѣленнымъ планомъ дѣйствій, добросовѣстно разработаннымъ во всѣхъ подробностяхъ какъ съ политической, такъ и съ военной точки зрѣнія, наконецъ, восторженною преданностью дѣлу, которому онъ служилъ и во имя котораго готовъ былъ приносить величайшія личныя жертвы. Онъ употребилъ полныхъ два года на то, чтобы создать элементы для своего военнаго плана, обучить ихъ и подготовить область, гдѣ онъ желалъ начать дѣйствія. Когда онъ затѣмъ далъ сигналъ къ движенію, то каждая подробность была такъ точно предусмотрѣна и принята въ разсчетъ, что онъ могъ идти впередъ шагъ за шагомъ почти съ математическою точностью. Старанія его увѣнчались полнымъ успѣхомъ.

Осенью 1816 года Санъ Мартинъ получилъ отъ правительства въ Буэносъ Айресѣ полномочіе двинуть свои войска черезъ Кордильеры въ Чили и отуда предпринять обратное завоеваніе Боливіи. Въ послѣдніе мѣсяцы года въ округѣ Мендосы кипѣла необычайная дѣятельность, и правительство напрягало всѣ усилія, чтобы окончить вооруженіе. 14 января 1817 года Санъ Мартинъ двинулъ свое войско, состоявшее изъ 4000 человѣкъ всѣхъ трехъ родовъ оружія и изъ обоза съ 10000 муловъ, двумя колоннами изъ Мендосы для того, чтобы перейти Кордильеры черезъ проходы Путаендо и Аконкагуа. Мѣстомъ соединенія назначена была Санта Роза де лосъ Андесъ (Santa Rosa de los Andes) въ разстояніи 337 километровъ отъ Мендосы. Наибольшая высота, которую предстояло преодолѣть, равнялась 3927 метрамъ. 8 февраля обѣ колонны настолько одновременно достигли мѣста назначенія, что непріятельскіе авангарды у выходовъ съ переваловъ не знали, откуда имъ ожидать нападенія. Первый смѣлый шагъ плана похода вполнѣ удался.

Но войско все еще стояло въ глубинѣ горъ: оно не могло ни само развернуться, ни служить опорою для возстанія страны на большомъ разстояніи. Санъ Мартинъ понималъ, что быстрое движеніе впередъ означаетъ половину побѣды, и что обстоятельства требовали избранія кратчайшаго пути на столицу Сантъ-Яго. Поэтому онъ могъ разрѣшить своимъ войскамъ, сильно истощеннымъ, лишь самый необходимый отдыхъ, а затѣмъ двинулся на непріятеля, главныя силы котораго заграждали путь у Чакабуко. Въ нѣсколько часовъ ему удалось, при помощи ловкой фланговой атаки, разсѣять непріятельское войско. Паника распространилась далеко. Губернаторъ вмѣстѣ съ остатками войска, кассами, чиновниками и многочисленными жителями, преданными королю, очистилъ столицу, и 14 февраля 1817 года войско освободителей съ тріумфомъ вступило въ Сантъ-Яго.

Въ ближайшія недѣли, послѣдовавшія за побѣдой, обнаружился характеръ Санъ Мартина. Онъ пришелъ, чтобы принести народу свободу. И, дѣйствительно, какъ только испанцы очистили поле, весь сѣверъ Чили поднялся за независимость. Теперь законодательное собраніе должно было освѣтить факты, и въ Сантъ-Яго созванъ былъ конгрессъ. Новоиспе-

ченные республиканцы не могли себѣ представить, чтобы чужеземный генералъ сражался за дѣло иначе, какъ для того, чтобы стать во главѣ его. Поэтому Санъ Мартинъ былъ почти единогласно избранъ президентомъ съ полномочіями диктатора. Но онъ считалъ, что совершилъ лишь первый шагъ на пути своей славы, и безусловно отклонилъ избраніе. Онъ предложилъ конгрессу избрать вмѣсто себя въ президенты генерала О'Хиггинса, уроженца Чили, который сражался подъ его командою при Чакабуко; самъ же онъ удовлетворился званіемъ главнокомандующаго всѣми боевыми силами.

Республика, занятая устройствомъ гражданскаго порядка, слишкомъ долго отвлекала вниманіе начальниковъ отъ преслѣдованія непріятеля. Испанская партія оправилась отъ перваго удара; вице-король Перу отправилъ подкрѣпленія. Море все еще находилось вполнѣ во власти испанцевъ, и они могли безпрепятственно высадиться у крѣпости Талькауано, которая господствуетъ надъ заливомъ Консепсіона. Попытка взять Талькауано, предпринятая съ недостаточными силами, поставила дѣло свободы въ опасное положеніе, особенно, когда патріоты во время отступленія были совершенно разбиты при Талько недалеко отъ Мауле (см. „Карты къ исторіи Америки"). Страхъ и испугъ распространились до самой столицы. Эта опасность пробудила, наконецъ, Санъ Мартина изъ его бездѣтельности. Войска его, постоянно строго упражняемыя, безспорно превосходили непріятеля, если не численностью, то своими качествами. Благодаря этому обстоятельству и боевому таланту Санъ Мартина, они одержали побѣду при Маипу послѣ долгой и тяжелой битвы. Побѣда была настолько полная, что даже южныя провинціи воспряли и свергли съ себя испанское иго.

Если послѣ побѣды при Маипу Санъ Мартинъ снова затихъ на долгое время, то это была не его вина. Тотчасъ послѣ битвы онъ поспѣшилъ обратно черезъ Анды, чтобы получить въ Буэносъ-Айресѣ разрѣшеніе на планъ похода противъ Перу. Отъ патріотовъ требовалось положить начало флоту, чтобы лишить роялистовъ преобладанія на Тихомъ океанѣ и обезпечить себѣ возможность нападенія на Перу со стороны моря. Въ теоріи планы Санъ Мартина и теперь встрѣтили самую полную готовность признанія ихъ со стороны представителей власти въ Буэносъ-Айресѣ и новаго правительства въ Чили; но ни та, ни другая стороны не могли оказать ему существеннаго содѣйствія. Въ Буэносъ-Айресѣ именно въ это время начиналось федералистическое разложеніе старыхъ группъ. Правительство было настолько поглощено заботами о своей собственной безопасности, которой грозили и внутри, и извнѣ (по крайней мѣрѣ, по его мнѣнію), что оно не могло въ данный моментъ предоставить средства для плановъ, заходившихъ далеко за предѣлы его непосредственной дѣятельности. Все, чего могъ достигнуть Санъ Мартинъ, заключалось въ пріобрѣтеніи нѣсколькихъ англійскихъ кораблей, которые были вооружены чилійскими патріотами почти столько же противъ тамошняго правительства, сколько противъ испанцевъ. Эти корабли образовали основаніе морской силы и подъ командою необычайно смѣлаго англичанина Кохрэна значительно способствовали уничтоженію испанскаго морского могущества. Для сухопутной арміи Санъ Мартинъ почти ничего не могъ добиться въ Буэносъ-Айресѣ. Это было для него тѣмъ чувствительнѣе, что одновременно и Чили ставило ему на пути существенныя преграды.

Если войска, которыхъ Санъ Мартинъ велъ черезъ Кордильеры и Чили отъ побѣды къ побѣдѣ съ непоколебимымъ воодушевленіемъ, были преданы своему вождю, то въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго; но и чилійскіе полки, которые онъ создалъ и обучилъ передъ битвою при Маипу, слѣдовали за нимъ въ слѣпомъ повиновеніи. Президентъ О'Хиггинсъ также при-

надлежалъ къ кругу самыхъ тѣсныхъ друзей генерала. Но большинство чилійскихъ патріотовъ послѣ устраненія опасности со стороны роялистовъ видѣло въ присутствіи освободительнаго войска лишь тяжелое бремя для истощеннаго кошелька молодой республики и постоянную угрозу для республиканской свободы. Санъ Мартинъ усматривалъ въ этихъ обстоятельствахъ лишь дальнѣйшій поводъ къ тому, чтобы приложить всѣ силы къ осуществленію своего плана похода на Лиму. Но такъ какъ въ данный моментъ невозможно было собрать требуемыя для этого средства, то ему, въ концѣ концовъ, не оставалось ничего другого, какъ повести освободительную армію обратно черезъ Анды. Эта мѣра, предпринятая, повидимому, лишь въ виду затрудненій по продовольствію и вознагражденію войска, имѣла, между прочимъ, большое политическое значеніе. Испанцы въ Перу были обмануты относительно фронта ожидаемой аттаки. У чилійцевъ отнято было всякое основаніе роптать на аргентинскихъ освободителей; но вмѣстѣ съ тѣмъ имъ дано было понять, насколько государство ихъ оказывается въ опасности съ удаленіемъ арміи, служившей вѣрной защитой противъ роялистовъ, все еще сильныхъ на границѣ страны. Наконецъ, правителей Буэносъ-Айреса возвращеніе войскъ на почву республики должно было убѣдить, что содержаніе арміи, хотя бы осужденной на бездѣятельность, возлагаетъ на государство едва ли меньшія жертвы, чѣмъ тѣ скромныя требованія, которыя были предъявлены Санъ Мартиномъ для продолженія борьбы за независимость въ непріятельской странѣ.

Всѣ эти соображенія и разсчеты Санъ Мартина отчасти оказались успѣшными. Созданный вновь флотъ патріотовъ произвелъ подъ командою адмирала Кохрэна крайне смѣлое нападеніе на испанскіе корабли въ Кальяо и этимъ доказалъ, что хотя самъ по себѣ онъ не могъ нанести серьезнаго ущерба врагу, но все же настолько потревожилъ и поколебалъ его, что предположенный Санъ Мартиномъ планъ нападенія съ берега представлялъ благопріятные шансы. О'Хиггинсъ и другіе друзья генерала могли теперь свободно агитировать въ пользу плановъ Санъ Мартина, не рискуя быть заподозрѣнными чилійскими патріотами, и даже предложить ему вернуть въ Чили войска, удаленныя черезъ Анды, и въ соединеніи съ флотомъ подготовить нападеніе на Перу. Наконецъ, военная политика Санъ Мартина не осталась безъ вліянія и на аргентинцевъ: онъ достигъ принципіальнаго признанія своихъ плановъ. Въ скромныхъ размѣрахъ ему оказали даже поддержку деньгами и военнымъ матеріаломъ, но въ послѣдній моментъ ему грозила очень серьезная опасность именно съ этой стороны. Перспектива, что эта опасность безнадежно уничтожитъ всѣ его надежды на осуществленіе своего плана, побудила, наконецъ, Санъ Мартина къ смѣлому шагу: съ недостаточнымъ снаряженіемъ и безъ увѣренности въ будущемъ, разрушить позади себя мосты и ринуться въ неизвѣстное.

Партія патріотовъ, которая считала за собою право отстаивать авторитетъ правительства Буэносъ-Айреса на всемъ пространствѣ бывшей испанской колоніальной провинціи, почти съ самаго начала увидѣла себя вынужденною примѣнить силу. Въ Парагваѣ она не достигла цѣли. На восточномъ берегу Лаплаты, въ Уругваѣ, ей пришлось сдѣлать, по крайней мѣрѣ, серьезныя уступки. Даже на сѣверо-западѣ побѣдоноснымъ войскамъ приходилось бороться не только съ испанскими войсками, но и съ республиканскими противниками. Эта послѣдняя оппозиція приняла такіе размѣры, что существующее правительство очутилось въ необходимости прибѣгнуть къ силѣ оружія. Такимъ образомъ, въ то время, когда Санъ Мартинъ подготовлялъ уже походъ на Перу, онъ неожиданно получилъ приказъ вернуться со своей арміей внутрь страны для защиты правительства, подвергавшагося опасности. Санъ Мартинъ принадлежалъ къ тѣмъ немногимъ патріотамъ, которые не предавались иллюзіямъ. Онъ видѣлъ, что борьба за большую или меньшую степень гражданской свободы будетъ смертнымъ пригово-

ромъ для новыхъ республикъ, если она выродится въ междоусобіе прежде, чѣмъ испанское владычество будетъ окончательно уничтожено на почвѣ Южной Америки. Онъ, какъ и единомышленники его, были, даже въ глубинѣ души, несомнѣнные республиканцы и, при своемъ образованіи и опытности, не могли быть ничѣмъ инымъ. Если же они, несмотря на это, въ различныя фазы борьбы за независимость неоднократно пытались навязать новообразованнымъ государствамъ монархическую форму правленія, то это объясняется лишь широкимъ умственнымъ горизонтомъ этихъ людей. Горькій опытъ убѣдилъ ихъ въ томъ, какое дурное употребленіе изъ свободы, добытой кровью, дѣлали люди, за которыхъ они сражались. Волей-неволей они должны были придти къ заключенію, что даже въ сферѣ руководящихъ лицъ огромное большинство еще безусловно не созрѣло для серьезныхъ республиканскихъ учрежденій. Для этой страны, послѣ достиженія независимости, была полезнѣе крѣпкая центральная власть на либеральной почвѣ, просвѣщенный деспотизмъ, чѣмъ разнузданная свобода.

Поэтому Санъ Мартинъ откровенно объяснилъ правительству, что даже его войско, которое, при своей строгой дисциплинѣ, является могучимъ факторомъ въ борьбѣ съ непріятелемъ, окончательно деморализуется, какъ скоро оно вмѣшается въ гражданскую войну. И тогда оно явится столь же плохой защитой для правительства, какъ войска и населеніе, на которыхъ это послѣднее до сихъ поръ опиралось. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ вошелъ въ непосредственные переговоры съ различными вожаками повстанцевъ съ цѣлью склонить ихъ отдать свои силы прежде всего на служеніе отечеству и отсрочить борьбу изъ-за политическихъ мнѣній, по крайней мѣрѣ, до того дня, когда общій всѣмъ врагъ будетъ побѣжденъ. Но эти благородныя увѣщанія не встрѣтили сочувствія, и правительство, которое само уже не ощущало подъ собою почвы, все настойчивѣе повторяло свой приказъ, чтобы онъ явился на помощь ему въ Буэносъ-Айресъ. Тогда Санъ Мартинъ рѣшилъ отказать въ послушаніи. Онъ обратился съ воззваніемъ къ своимъ войскамъ и потребовалъ, чтобы они повернулись спиною къ гражданской междоусобицѣ и искали славы въ честной борьбѣ съ непріятелемъ, у котораго ему удалось уже вырвать цвѣтущую провинцію. Этотъ призывъ встрѣтилъ восторженный пріемъ. Въ нѣсколько дней войско по ту сторону Кордильеръ было собрано, чилійское правительство приняло его подъ свою защиту, и чилійско-аргентинскій экспедиціонный корпусъ, которому данъ былъ титулъ „Освободительное перуанское войско“ (Exercito libertador del Peru), сѣлъ въ Вальпарайсо на корабли подъ командою Кохрэна.

Санъ Мартинъ надѣялся, что населеніе Перу, какъ и Чили, поднимется за независимость, какъ скоро армія патріотовъ предложитъ ему опору противъ испанцевъ. Поэтому онъ еще раньше распространилъ въ тысячахъ экземпляровъ прокламаціи черезъ посредство флота Кохрэна, маневрировавшаго вдоль побережья Перу. Но когда онъ присталъ къ твердой землѣ въ Писко, ему пришлось убѣдиться, что населеніе Перу отнеслось равнодушно, если не враждебно, такъ же, какъ населеніе Венесуэлы къ прокламаціямъ Миранды. Кромѣ того, тотчасъ послѣ вступленія его на берегъ, получено было извѣстіе изъ Испаніи о возстановленіи правительства кортесовъ, которые настоятельно рекомендовали испанскимъ губернаторамъ вступить въ переговоры съ борцами за независимость. Эти переговоры, имѣвшіе гораздо больше шансовъ на успѣхъ, въ виду извѣстныхъ взглядовъ Санъ Мартина, чѣмъ на сѣверѣ между Морильо и Боливаромъ, затянулись на долгое время и были на руку обѣимъ партіямъ. Санъ Мартинъ надѣялся воспользоваться этимъ временемъ, чтобы оживить въ самомъ народѣ движеніе въ пользу освободительнаго войска, вначалѣ очень вялое, такъ какъ онъ считалъ противнымъ своимъ убѣжденіямъ навязывать

странѣ необходимое измѣненіе системы правленія. Что касается роялистовъ, то они считали успѣхомъ каждый выигранный день, который, по ихъ мнѣнію, долженъ ослаблять экспедиціонный корпусъ, самъ по себѣ слишкомъ малый въ сравненіи съ его великой задачей.

Высадка въ Писко имѣла двоякую цѣль: развѣдать настроеніе страны и отправить летучій отрядъ вглубь перуанской плоской возвышенности. Когда это было достигнуто, войска опять перешли на корабли съ тѣмъ, чтобы снова высадиться въ Гуачи, ближе къ столицѣ. Только тогда обнаружилось нѣкоторое оживленіе. Установились сношенія съ непріятелемъ на береговой полосѣ и на сторону революціонныхъ войскъ перешелъ даже одинъ испанскій полкъ, въ которомъ были особенно сильно развиты либеральныя стремленія, господствовавшія въ то время въ Испаніи. Съ плоской возвышенности также доходили радостныя вѣсти: округа Уайласъ, Трухильо, Піура и др. поднялись и образовали патріотическіе летучіе отряды, которые поддерживали военныя операціи. Этимъ путемъ испанцы оказались запертыми въ Лимѣ еще раньше, чѣмъ они пришли въ соприкосновеніе съ войскомъ Санъ Мартина. Наконецъ, вице-король, угрожаемый и съ берега, и со стороны горъ, убѣдился въ безысходности своего положенія и рѣшилъ сдать столицу. Это было тѣмъ болѣе легко, что обладаніе Лимою безъ гавани Кальяо, которая оставалась въ рукахъ королевскихъ войскъ, представляло не столько стратегическое, сколько нравственное значеніе.

Въ Перу Санъ Мартинъ далеко не проявилъ такой активности, какой отъ него ожидали, но на это имѣлось много вѣскихъ основаній. Онъ не могъ не видѣть, что въ широкихъ массахъ населенія дѣло, за которое онъ боролся, не встрѣчало отклика потому, что онѣ совершенно не понимали его. При помощи одного только экспедиціоннаго корпуса едва ли возможно было нанести рѣшительный ударъ противнику, располагавшему безъ сравненія превосходными силами. Всякое пораженіе было бы равносильно истребленію, между тѣмъ, какъ побѣда на полѣ битвы существенно не подвинула бы дѣла впередъ. Въ довершеніе ко всему, нездоровый климатъ побережья значительно истощалъ его силы, и безъ того ничтожныя, а переговоры, которые велись съ испанской стороны съ дипломатическимъ искусствомъ, нѣкоторое время давали право надѣяться на возможность мирнаго улаженія дѣла. Тѣмъ не менѣе, такая выжидательная стратегія Санъ Мартина вызывала во многихъ отношеніяхъ порицаніе. Поэтому сдача Лимы произошла въ удобный моментъ, чтобы осадить его противниковъ, хотя вскорѣ выяснилось, что ни въ политическомъ, ни въ стратегическомъ отношеніяхъ она не дала тѣхъ важныхъ результатовъ, которыхъ ждали отъ нея освободители.

Эти послѣдніе надѣялись, что паденіе столицы поведетъ ко всеобщему возстанію въ странѣ; но они еще разъ обманулись въ этомъ. Сами они не въ состояніи были серьезно преслѣдовать испанцевъ; перуанскій народъ далъ имъ свободно отступить къ Куско. Связь съ Боливіей дала возможность королевскимъ войскамъ вполнѣ оправиться въ короткое время, такъ что они могли даже снова перейти въ наступленіе. Въ Лимѣ Санъ Мартинъ не рѣшился передать будущую судьбу страны въ руки конгресса; хотя послѣдній и не былъ вполнѣ обезличенъ, но все-таки нельзя было питать увѣренности, что онъ не отклонитъ помощи освободителей. Санъ Мартинъ поэтому удовольствовался тѣмъ, что провозгласилъ независимость Перу безъ санкціи народа и взялъ на себя временно почти диктаторскую власть подъ именемъ протектора. Но и при такихъ условіяхъ новое правительство находило лишь слабую поддержку въ народѣ и испытывало постоянныя тревоги, тѣснимое, съ одной стороны, превосходными непріятельскими силами, которыя подвигались для атаки со стороны Куско, а съ другой, угрожаемое укрѣпленіями роялистовъ въ Кальяо. Военное по-

ложеніе ухудшилось еще болѣе, когда роялисты одержали побѣду при Икѣ и одно время угрожали Лимѣ. Съ политической точки зрѣнія, такое стеченіе обстоятельствъ являлось какъ бы освобожденіемъ, такъ какъ то, что не достигнуто было побѣдою, сдѣлала необходимость: населеніе Лимы поднялось за свободу и добровольно присоединилось къ войску Санъ Мартина. Плодомъ такого движенія непосредственно былъ рядъ побѣдъ. Кальяо была давно уже заперта съ моря и съ суши, и движеніе королевскихъ войскъ имѣло, главнымъ образомъ, цѣлью снабдить эту гавань новыми припасами. Санъ Мартинъ далъ предназначенному для этого войску подойти къ самой крѣпости и тогда окружилъ его настолько, что лишь быстрое бѣгство спасло его отъ капитуляціи, которая стала неизбѣжною для Кальяо.

Тѣмъ не менѣе, Санъ Мартинъ хорошо видѣлъ невозможность отстоять, при помощи своихъ ограниченныхъ боевыхъ силъ, провинцію отъ испанцевъ, предпринимавшихъ все новыя атаки со стороны плоской возвышенности. И такъ какъ онъ всегда считалъ борьбу за независимость общимъ дѣломъ всѣхъ американскихъ колоній, то, не колеблясь, рѣшилъ попытаться соединиться съ Боливаромъ для общихъ военныхъ дѣйствій. Во всякомъ случаѣ, отъ этого можно было ожидать болѣе быстраго и вѣрнаго успѣха, чѣмъ отъ операцій каждаго изъ нихъ въ отдѣльности, которыя привели лишь къ застою на обоихъ театрахъ борьбы. Оба героя войны за освобожденіе уже съ нѣкотораго времени вступили въ общеніе другъ съ другомъ, но не шли дальше обмѣна пожеланій удачи и т. под. Ближайшимъ поводомъ къ болѣе тѣсному сближенію ихъ послужило то обстоятельство, что гавань Гваякиль на границѣ между Перу и Кито возстала за свободу, и хунта ея прибѣгла къ общему покровительству обоихъ освободителей. Патріоты Гваякильцы желали этимъ обойти споры относительно принадлежности ихъ родного города, который въ политическомъ отношеніи представлялъ составную часть провинціи Кито, но географически скорѣе принадлежалъ къ сферѣ вице-королевства Перу и часто соприкасался съ нимъ въ дѣлахъ управленія. Тихоокеанскій флотъ Кохрэна не мало помогалъ имъ для достиженія независимости; наконецъ, и Боливаръ отправилъ въ помощь борцамъ за самостоятельность небольшой отрядъ. Но этотъ общій протекторатъ долженъ былъ имѣть совершенно различныя послѣдствія, далеко неблагопріятныя для дѣла свободы, чего въ первое время никто не могъ предвидѣть.

Побѣда при Бояка̀ (ср. выше, стр. 498) не вполнѣ оправдала надежды, которыя связывалъ съ нею Боливаръ. Надъ Кито все еще высоко развѣвалось знамя Испаніи. Фанатически-роялистическое населеніе провинцій Попайяна и Пасто оказывало непреодолимое сопротивленіе вторженію патріотовъ. Въ виду того, Боливаръ охотно согласился перебросить водою въ Гваякиль отрядъ своего войска подъ командою Антоніо Хозе́ де-Сукре (см. табл. „Герои освобожденія Ю. Америки“, рис. 4), въ надеждѣ, что нападеніе на Кито съ этой стороны отвлечетъ вниманіе роялистовъ и облегчитъ ему одновременное движеніе со стороны сѣвера. Но первый походъ Сукре былъ несчастливъ. Послѣ нѣсколькихъ удачныхъ стычекъ, которыя дали ему поводъ слишкомъ низко оцѣнить силу противника, онъ потерпѣлъ при Гуачи тяжкое пораженіе, послѣдствій котораго онъ избѣгъ, лишь благодаря ловко устроенному перемирію. Атака, предпринятая одновременно Боливаромъ, также не привела къ цѣли. Онъ разсчитывалъ незамѣтно проскользнуть мимо непобѣдимыхъ препятствій позицій роялистовъ у Пасто и подойти къ Кито съ сѣверо-востока; но противники преградили ему путь у Бомбоны и вынудили дать сраженіе. Хотя онъ и вышелъ побѣдителемъ, но планъ его былъ, вслѣдствіе этого, раскрытъ и не удался. Онъ вынужденъ былъ еще разъ отложить покореніе Кито и отступить къ сѣверу.

Изъ этого стѣсненнаго положенія освободитель сѣвера вышелъ, благодаря поддержкѣ Санъ Мартина. Этотъ послѣдній неоднократно предлагалъ Боливару совмѣстныя дѣйствія противъ Кито или противъ Куско, такъ какъ лишь этимъ путемъ мыслимо было выбить испанцевъ изъ этихъ опорныхъ пунктовъ, выполнить задачу, непосильную для каждой изъ слабыхъ армій въ отдѣльности. Но Боливаръ не могъ, по обыкновенію, рѣшиться раздѣлить предвкушаемые лавры съ равнымъ по положенію союзникомъ и все еще колебался. А Сукре въ этомъ отношеніи ничѣмъ или немногимъ рисковалъ и поэтому охотно принялъ безкорыстное предложеніе Санъ Мартина, который предоставлялъ ему часть своихъ войскъ и этимъ давалъ возможность предпринять новое наступательное движеніе противъ Кито. Съ 1500 перуанскими солдатами, присоединившимися къ его отряду приблизительно такой же силы, Сукре вторгся въ февралѣ 1822 года въ округи Лоха и Куэнка, находившіеся до сихъ поръ въ рукахъ королевскихъ войскъ. Онъ встрѣтилъ ихъ отступающими при Ріобамбо и здѣсь, главнымъ образомъ, при помощи своей кавалеріи, одержалъ внушительную побѣду. Затѣмъ смѣлымъ фланговымъ маршемъ онъ принудилъ непріятеля на склонахъ вулкана Пичинчи къ рѣшительной битвѣ. Военное счастье и въ этомъ случаѣ не измѣнило соединеннымъ патріотамъ сѣвера и юга, и Кито достался въ ихъ руки, какъ добыча побѣдителя. Этимъ было уничтожено сопротивленіе испанцевъ въ Экуадорѣ, и Боливаръ поспѣшилъ украсить себя лаврами, добытыми въ бою его подчиненными.

Въ надеждѣ, что вслѣдъ за побѣдою въ Кито тотчасъ же будетъ предпринятъ второй совмѣстный походъ противъ Куско и Боливіи, Санъ Мартинъ устроилъ личное свиданіе съ Боливаромъ въ Гваякилѣ. Не таковы, однако, были намѣренія Боливара, честолюбіе котораго безгранично разрослось. Можно было еще извинить то, что онъ безъ дальнихъ околичностей присоединилъ Кито къ своей Колумбійской республикѣ, хотя завоеваніе ея состоялось, лишь благодаря энергической поддержкѣ перуанско-чилійскаго войска: Кито всегда былъ составной частью Новой Гранады. Но относительно Гваякиля вопросъ представлялся болѣе сложнымъ: и при испанцахъ онъ оставался невыясненнымъ, а теперь здѣсь существовало независимое правительство. Санъ Мартинъ полагалъ, что по этому поводу необходимы личные переговоры съ Боливаромъ. Но Боливаръ уже заранѣе рѣшилъ дѣло съ правовой стороны въ пользу Колумбіи. Фактически онъ осуществилъ свой взглядъ такимъ образомъ, что, не дожидаясь прибытія соперника, внезапно вступилъ въ Гваякиль и однимъ властнымъ словомъ рѣшилъ все дѣло. Санъ Мартинъ еще на пути получилъ извѣстіе, что Боливаръ съ удовольствіемъ будетъ привѣтствовать его, какъ гостя на территоріи Колумбіи.

Такимъ образомъ, свиданіе обоихъ освободителей въ Гваякилѣ состоялось при неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ и продолжалось въ томъ же духѣ. До настоящаго времени еще не вполнѣ разъяснена тайна, окружающая происходившіе тамъ переговоры. Несомнѣнно лишь то, что оба полководца не могли придти къ соглашенію. Къ изумленію всѣхъ участниковъ, Санъ Мартинъ внезапно уѣхалъ изъ Гваякиля. О совмѣстномъ походѣ не было больше и рѣчи. Напротивъ, у Санъ Мартина созрѣло рѣшеніе, которое, правда, родилось еще до Гваякиля, но выполненіе котораго было значительно ускорено исходомъ свиданія съ Боливаромъ.

Послѣ побѣдъ при Кальяо и Кито, Санъ Мартинъ назначилъ выборы законодательнаго конгресса въ Перу. Онъ заранѣе поставилъ на видъ, что намѣренъ передать въ руки конгресса чрезвычайныя полномочія, которыми онъ былъ облеченъ. При этомъ онъ имѣлъ, впрочемъ, въ виду еще особыя тайныя цѣли. Санъ Мартинъ не раздѣлялъ мнѣнія, что въ испано-американскихъ провинціяхъ могутъ быть учреждены жизнеспо-

собныя республиканскія правительства. Онъ видѣлъ весь сѣверъ въ рукахъ диктатора, быть-можетъ, воодушевленнаго идеей свободы, но все же снѣдаемаго честолюбіемъ и жаждою славы. Онъ видѣлъ, какъ на югѣ былъ близокъ къ крушенію опытъ созданія республиканскаго правительства въ Чили и Буэносъ-Айресѣ, и какъ старыя провинціи находились въ состояніи большаго или меньшаго разложенія. Сопротивленіе Перу показывало, наоборотъ, какъ глубоко коренились монархическія чувства даже въ сердцахъ американскаго населенія. Наконецъ, введеніе конституціонной монархіи въ сосѣдней Бразильской имперіи, совершившееся безъ особыхъ политическихъ потрясеній, являлось сильнымъ аргументомъ въ пользу именно этой государственной формы. Лично Санъ Мартинъ всецѣло принадлежалъ къ партіи своихъ аргентинскихъ соотечественниковъ, которая мечтала и для своей родины объ устройствѣ южно-американскаго королевства сперва при посредствѣ инфантины Карлоты, а впослѣдствіи съ молодымъ принцемъ изъ испанской династіи во главѣ. Теперь онъ работалъ, какъ въ Америкѣ, такъ и при содѣйствіи спеціально командированнаго въ Европу посла, надъ тѣмъ, чтобы противопоставить великой южно-американской республикѣ по плану Боливара великую южно-американскую конституціонную монархію. Онъ надѣялся включить и Колумбійскую республику въ эту пан-южно-американскую монархію. Свиданіе съ Боливаромъ внесло горькое разочарованіе въ его надежды. И хотя вѣсти изъ Европы повременамъ давали ему надежду на близкое осуществленіе его плановъ, но настроеніе въ Перу и союзныхъ государствахъ было такъ мало благопріятно для его монархическихъ проектовъ, что онъ чувствовалъ глубокую тревогу. Не въ его характерѣ было разыгрывать, по примѣру Боливара, роль личнаго Провидѣнія для государства, которымъ онъ лишь случайно руководилъ въ данный моментъ. Не по немъ было и участіе въ неизбѣжно надвигавшейся гражданской войнѣ. Отсюда онъ пришелъ къ выводу, что ему не остается ничего другого, какъ вернуться къ частной жизни. Онъ тѣмъ охотнѣе избралъ такой выходъ, что, по его твердому убѣжденію, съ удаленіемъ его, честолюбіе Боливара побудитъ послѣдняго довершить дѣло освобожденія и пріобщить также Перу и Боливію къ своей Колумбійской республикѣ. 20-го сентября 1822 года онъ сложилъ съ себя, передъ собравшимся конгрессомъ, всѣ свои должности и званія. Представители все еще думали, что это не болѣе, какъ одинъ изъ театральныхъ пріемовъ, къ какимъ пріучилъ ихъ Боливаръ, или что Санъ Мартинъ оставитъ за собою, по крайней мѣрѣ, званіе главнокомандующаго; но онъ внезапно и таинственно исчезъ изъ Перу и, возмущенный всѣмъ, что ему пришлось пережить въ Чили и Аргентинѣ, удалился въ Европу. Здѣсь провелъ онъ остатокъ своихъ дней въ качествѣ посторонняго наблюдателя.

Предсказанія Санъ Мартина, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ, подтвердились ходомъ событій. Если Боливаръ и не замѣстилъ его впослѣдствіи въ Перу, то лишь благодаря сильному національному теченію, которое встрѣтило съ явнымъ недовѣріемъ его всепоглощающее честолюбіе. Обстоятельства оказались, однако, могущественнѣе, чѣмъ слабое правительство, которое взяло въ свои руки судьбы Перу. Отвергнувъ помощь Боливара, перуанцы лишились значительной части опытныхъ войскъ, и походы, предпринятые ими на собственный страхъ, окончились двумя тяжелыми пораженіями при Торатѣ и Мокегуѣ. Въ концѣ концовъ, имъ оставался только одинъ путь къ спасенію: униженно просить отвергнутую ими вначалѣ помощь и возвести президента соединенной республики Колумбіи въ званіе диктатора Перу. Это, однако, повлекло за собою даже въ Перу гражданскую войну. Въ средѣ самаго войска вспыхнуло возмущеніе противъ передачи его въ руки Боливара; Кальяо снова водрузилъ на своихъ неприступныхъ стѣнахъ испанское трехцвѣтное знамя, а Лима вновь должна была открыть свои ворота испанцамъ. Такимъ образомъ, призва-

ніемъ Боливара достигнута была лишь утрата Перу для дѣла независимости.

Несмотря на это, испанское владычество отжило и должно было рухнуть. Устраненіе либеральнаго правительства на родинѣ внесло недовольство въ королевскую армію, часть которой провозгласила снова „абсолютнаго короля“ и отказала въ повиновеніи вице-королю. Въ это время Боливаръ преобразовалъ свое войско въ сѣверныхъ горныхъ округахъ и, получивъ подкрѣпленія изъ Новой Гранады, возобновилъ походъ въ августѣ 1824 года. Первыя операціи его сопровождались успѣхомъ. Онъ двинулся на югъ по верхнимъ долинамъ, между обѣими горными цѣпями Кордильеръ, прикрываемый шайками герильясовъ, которые всюду появлялись съ приближеніемъ патріотовъ. Къ югу отъ Паско, у Озера Королей (Lago de Reyes), онъ встрѣтилъ непріятеля, шедшаго ему навстрѣчу. Битва при Хунинѣ была собственно большой кавалерійской стычкой, въ которой королевскія войска вначалѣ одержали рѣшительную побѣду. Но, въ пылу преслѣдованія, они промчались мимо не участвовавшей въ дѣлѣ кавалерійской массы, которая ударила имъ въ тылъ и смяла ихъ разрозненные ряды. Побѣда оказалась, такимъ образомъ, роковымъ пораженіемъ. Испанскій полководецъ, который торжествовалъ уже побѣду, долженъ былъ быстро отступить и продолжать это отступленіе на протяженіи слишкомъ 750 километровъ, почти до самаго Куско. Боливаръ не могъ слѣдить за нимъ съ такою же быстротою; когда онъ снова пришелъ въ соприкосновеніе съ непріятелемъ у Апуримака, наступало дождливое время, положившее конецъ военнымъ операціямъ. Въ то же время конгрессъ Колумбіи значительно ограничилъ его диктаторскія полномочія. Онъ передалъ верховную команду Сукре, а самъ вернулся обратно въ сѣверныя провинціи. Оттуда онъ все еще руководилъ военными движеніями, пока можно было поддерживать сообщеніе. Но въ концѣ ноября непріятель проникъ между отрядомъ самого Сукре и сообщеніями въ тылу его арміи, такъ что ему не оставалось ничего другого, какъ попытаться рѣшить дѣло на полѣ битвы. Испанцы были увѣрены въ побѣдѣ. Сукре приходилось отступать съ невѣроятной быстротою, чтобы не быть совершенно отрѣзаннымъ, и въ дни передъ сраженіемъ онъ понесъ тяжкія потери. Ни онъ, ни войско его не теряли, однако, присутствія духа въ этомъ опасномъ положеніи и знали, что отъ нихъ зависитъ судьба не одного только похода. 9-го декабря 1824 года испанцы вступили въ битву, которую имъ уже не разъ предлагали, на равнинѣ Айякучо и потерпѣли неудалу Сукре замѣчательно искусно выбралъ позицію и съ необычайнымъ талантомъ руководилъ битвою, которая почти исключительно велась холоднымъ оружіемъ. Побѣда была полною. Послѣдняя испанская армія была окончательно разсѣяна, и немногочисленные остатки ея, устоявшіе на полѣ битвы, съ 14 испанскими генералами во главѣ, положили оружіе. Послѣ Айякучо независимость Южной Америки, подготовленная на поляхъ битвъ при Чакабуко и Маипу, при Карабобо и Бойякà, была обезпечена.

Капитуляція на Айякучо была принята почти всѣми мѣстами, которыя находились еще во власти королевскихъ войскъ. Сукре не обезславилъ своей побѣды излишними кровопролитіями, и почетная капитуляція обезпечила защитникамъ испанскихъ правъ безпрепятственное удаленіе изъ страны. Этимъ Сукре достигъ большаго, чѣмъ онъ могъ ожидать: не только собственно Перу, но и Боливія положили оружіе. Въ одномъ Кальяо испанскій комендантъ продолжалъ еще сопротивляться почти въ теченіе цѣлаго года, хотя безцѣльно, такъ какъ помимо удаленія изъ страны испанскихъ войскъ, даже флотъ отказался отъ безнадежной борьбы въ американскихъ водахъ. Фактически независимость была завоевана къ началу 1825 года. Отрицательная сторона борьбы за освобожденіе была исчерпана. Оставалось лишь добиться положительнаго признанія новыхъ государствъ и дать имъ настоящую политическую организацію.

9. Исторія независимаго Юга до нашихъ дней.

Какъ и можно было ожидать, испанскія колоніи уже на ранней ступени своего подъема домогались поддержки Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, примѣру которыхъ они пытались слѣдовать въ борьбѣ за свободу и независимость. Но ихъ встрѣтилъ безусловный отказъ: Соединенные Штаты, сами еще не вполнѣ окрѣпшіе, желали воздержаться отъ всякаго вмѣшательства, которое могло бы вызвать недоразумѣнія съ другими державами. Такое же рѣшеніе выслушали различныя посольства, которыя во время борьбы обращались къ Англіи. Безспорно, и Соединенные Штаты, и Англія были настроены доброжелательно къ испанскимъ колоніямъ и доказали это, относясь не слишкомъ бдительно къ частной поддержкѣ возставшихъ, исходившей изъ гаваней этихъ государствъ. Англія признала, однако, борьбу колоній съ ихъ родиной внутреннимъ дѣломъ, въ которомъ она тѣмъ менѣе могла принять чью-либо сторону, что одновременно съ тѣмъ находилась въ тѣсныхъ союзныхъ отношеніяхъ съ Фердинандомъ VII. Такимъ образомъ, борющимся открытую поддержку оказала только негрская республика Гаити и тѣмъ охотнѣе, что борцы за независимость почти повсюду провозглашали свободу негровъ-невольниковъ, съ цѣлью пополненія ими порѣдѣвшихъ рядовъ своего войска, и вообще уничтожали рабство. Они не догадывались, что этимъ образомъ дѣйствій нарушали дружбу съ своими ближайшими сосѣдями. Когда Боливаръ, послѣ большихъ побѣдъ въ Новой Гранадѣ и Кито, созвалъ пан-американскій конгрессъ на Панамскомъ перешейкѣ, кромѣ испанскихъ колоній, онъ приглашалъ на него сѣверо-американцевъ, и уже въ то время въ Соединенныхъ Штатахъ существовала большая партія, которая лелѣяла мысль о все-американскомъ братствѣ. Одна изъ главныхъ причинъ, почему никто не былъ присланъ со стороны Соединенныхъ Штатовъ на этотъ вообще неудавшійся конгрессъ, было соображеніе, что однимъ изъ статей его заявлялось объ уничтоженіи рабства негровъ, и, вслѣдствіе того, тамъ пришлось бы оказаться на равной ногѣ съ представителями республики Гаити.

Переворотъ въ общественномъ мнѣніи произошелъ впервые во время испанской революціи и въ особенности тогда, когда Фердинандъ VII былъ во второй разъ возведенъ на престолъ Священнымъ союзомъ, въ качествѣ неограниченнаго монарха. Революціонное правительство было склонно, ради принципа, сдѣлать большія уступки колоніямъ, и когда его власти все болѣе и болѣе грозила опасность, оно охотно согласилось даже признать независимость нѣкоторой части колоній, чтобы пріобрѣсть ихъ поддержку противъ Франціи. Аргентинская республика могла въ то время купить себѣ независимость, отстранившись отъ прочихъ колоній, но она отклонила какую бы то ни было сдѣлку помимо другихъ.

Вмѣшательство Священнаго союза отдѣлило тогда Англію отъ другихъ державъ. Эта послѣдняя заявила, конечно, въ виду, главнымъ образомъ, своихъ торговыхъ интересовъ, что каждую попытку возстановленія прежнихъ условій въ колоніяхъ она сочтетъ за непріязненный актъ противъ нея. Это поощрило президента Соединенныхъ штатовъ Монроэ (см. выше, стр. 486) обнародовать 2-го декабря 1823 года декларацію (доктрина Монроэ), съ тѣхъ поръ повторявшуюся безконечное множество разъ по самымъ различнымъ поводамъ, въ силу которой Союзъ на каждую попытку европейскихъ державъ къ завоеваніямъ на американской территоріи долженъ смотрѣть какъ на враждебное дѣйствіе противъ него. Въ первое время это не имѣло большого значенія, такъ какъ Южная Америка юридически еще оставалась зависимой отъ Испаніи, и тамошнія республики не были еще признаны Соединенными Штатами. Но дальнѣйшій шагъ къ

этому признанію, въ виду того, что Испанія должна была отказаться отъ попытокъ возстановленія своей власти, былъ только вопросомъ времени и удобства; онъ долженъ былъ опредѣлиться тѣмъ, какое употребленіе сдѣлаютъ молодыя государства изъ своей свободы.

Когда побѣда на равнинѣ Аякучо уничтожила послѣднюю опору испанской власти въ Южной Америкѣ, ни одна изъ прежнихъ колоніальныхъ провинцій, въ дѣйствительности, не имѣла еще серьезной организаціи. Буэносъ-Айресъ вначалѣ, повидимому, безъ всякихъ существенныхъ потрясеній, превратился въ жизнеспособную республику. Тѣмъ не менѣе, и тамъ произошла быстрая перемѣна формы и лицъ высшей исполнительной власти; лишь послѣ того, какъ въ 1816 году превозглашена была независимость республики, былъ созванъ конгрессъ по дѣйствительно свободному народному выбору, и въ то же время установилось даже равновѣсіе въ бюджетѣ юнаго государства, еще добивавшагося своего признанія. Однако, эти результаты были вновь совершенно утрачены, когда въ 1820 году достигла власти федералистическая партія, которая уничтожила единство правленія, и не только признала независимость отдѣлившихся провинцій, Боливіи, Парагвая и Уругвая, но и расторгла всѣ связи настоящихъ аргентинскихъ округовъ между собою и съ Буэносъ-Айресомъ. Послѣдній обязанъ былъ прочнымъ положеніемъ во главѣ власти только своему географическому значенію, которое въ бо̀льшей мѣрѣ приводило его въ соприкосновеніе съ иностранными державами, чѣмъ внутреннія провинціи. И хотя въ силу историческаго преданія, тогдашніе властители въ Буэносъ-Айресѣ стремились все болѣе и болѣе доставить фактическое преобладаніе этой провинціи, но между нею и сосѣдними государствами долгое время существовалъ лишь союзъ на основѣ полной независимости всѣхъ договаривающихся сторонъ.

Въ это время нравственная сила правительства стала быстро клониться къ упадку. Революція была произведена людьми, которые своимъ выдающимся образованіемъ предназначены были къ роли вождей: Бельграно, Санъ-Мартинъ и Ривадавія, несомнѣнно, возвышались надъ большинствомъ своихъ согражданъ знаніями и талантами. Но для менѣе почтенныхъ политическихъ дѣятелей потрясеніе всякой законной власти было наиболѣе удобной почвой; побѣда федеральной идеи была, главнымъ образомъ, плодомъ честолюбія предводителей мѣстныхъ партій, которые среди общей необезпеченности хотѣли прежде всего создать положенія для самихъ себя и своихъ приверженцевъ. Централистическая партія не могла противопоставить этимъ стремленіямъ никакого высшаго интереса, который могъ бы оказать достаточное дѣйствіе на неопытную массу. Послѣдствіемъ того было крушеніе этой партіи и болѣе грубый образъ дѣйствій правительствъ. Лишь этимъ объясняется диктатура Донъ-Хуана Мануэля де-Розасъ, который изъ управляющаго фермою, путемъ хитрости и безсовѣстности, сдѣлался президентомъ Буэносъ-Айреса, вновь возстановилъ, болѣе или менѣе сомнительными средствами, главенство его надъ другими провинціями и, при весьма трудныхъ условіяхъ, почти въ теченіе 20 лѣтъ, занималъ положеніе диктатора во главѣ государства. Такъ какъ при этомъ всякое проявленіе независимаго образа мыслей уничтожалось въ корнѣ, обезпеченность жизни и собственности была ослаблена, и, тѣмъ не менѣе, диктаторъ не могъ быть свергнутъ, то это было преимущественно результатомъ того, что даже лучшіе представители народа не имѣли настоящаго понятія о громко прославлявшихся благодѣяніяхъ республиканской свободы.

Въ концѣ концовъ, Розасъ палъ не жертвою реакціи, поднявшейся для возстановленія закона и порядка, а въ борьбѣ съ людьми, которые были не лучше его. Слабымъ пунктомъ Аргентинской республики было отношеніе къ отпавшимъ провинціямъ, въ особенности къ Монтевидео, на которую,

кромѣ мѣстной партіи независимости, безпрерывно обнаруживала притязанія и Бразилія. Послѣ перваго столкновенія за обладаніе Уругваемъ, Бразилія и Буэносъ-Айресъ пришли къ соглашенію признать это государство независимымъ и совмѣстно гарантировать его существованіе. Однако, и тамъ различныя партіи боролись за мѣсто у государственнаго кормила; поддержаніе свергнутаго президента дало Розасу благовидный предлогъ вновь распространить свое вліяніе на Уругвай. Война, возгорѣвшаяся по этому поводу, повела даже къ временному вмѣшательству Франціи и Англіи. Но прежде всего она послужила къ тому, чтобы выдвинуть новыхъ властолюбивыхъ вождей партій противъ Розаса; подъ ихъ натискомъ, власть его рушилась въ 1852 году на полѣ сраженія при Монте-Касеросъ. Розасъ, хотя и насильственными средствами, велъ, подъ видомъ убѣжденнаго федералиста, довольно объединительную политику; его изгнаніе вновь поставило вопросъ о союзѣ Аргентинской республики, и Буэносъ-Айресъ на долгое время отдѣлился отъ него. Однако, борьба, которая не столько вращалась около государственнаго союза и около единаго государства, сколько около обладанія властью, едва ли когда-нибудь приводила къ спокойствію: революціи въ республикѣ или войны между ея частями продолжались до новѣйшаго времени.

Самое значительное изъ этихъ столкновеній была война съ Парагваемъ. Въ этой странѣ, называвшейся республикой только по имени, за диктатурою д-ра Франсіа (см. выше, стр. 494) послѣдовала диктатура обоихъ Лопесовъ, отца и сына. Между тѣмъ, какъ Франсіа искалъ блага государства въ строгой замкнутости его отъ сосѣднихъ государствъ, оба Лопеса (Карлосъ Антоніо, умершій въ 1862 г., и Франсиско Солано) открывали его всѣмъ иностранцамъ и вызвали этимъ значительный экономическій подъемъ. Но когда Лопесъ-младшій вмѣшался въ борьбу претендентовъ на Уругвай, онъ прежде всего вызвалъ этимъ враждебность названной страны, а въ октябрѣ 1864 г. непріязнь Бразиліи; при своихъ стараніяхъ повредить этимъ противникамъ, онъ легкомысленно вызвалъ и вражду Аргентинской республики. Такъ образовался союзъ этихъ трехъ государствъ противъ Парагвая, который въ теченіе пятилѣтней войны утратилъ почти все свое благосостояніе, значительную часть своихъ владѣній и свое политическое значеніе. Съ тѣхъ поръ и тамъ, вмѣсто пожизненныхъ диктаторовъ, выступали республиканскіе президенты. Но внутренній покой съ того времени часто нарушался и въ Парагваѣ. Несмотря на то, революціонное состояніе не сдѣлалось тамъ въ массѣ хроническимъ, какъ въ Уругваѣ, гдѣ партійная война колорадосовъ и бланкильосовъ, ведущая начало со времени вмѣшательства Розаса, до новѣйшаго времени почти ниразу не давала возможности ни одному президенту дожить до конца законнаго срока своей должности.

И послѣдней изъ провинцій, которая нѣкогда принадлежала къ Буэносъ-Айресскому вице-королевству, выпалъ жребій не лучше, чѣмъ родственнымъ ей государствамъ. Верхнее Перу, нынѣшняя Боливія, получило свободу, только благодаря побѣдѣ Сукре на Айякучо. Собраніе, созванное въ Чукисакѣ, объявило въ августѣ 1825 года независимость республики Боливіи, противъ чего ни Перу, ни Аргентинская республика не заявили никакихъ возраженіи (см. „Карты къ исторіи Америки“). Молодое государство отдало себя подъ покровительство Боливара, котораго считало своимъ настоящимъ освободителемъ, и предоставило ему заботу о будущемъ устройствѣ республики. Боливаръ не упустилъ этого случая провести на дѣлѣ свои идеи о государственномъ управленіи и надѣлилъ Боливію формою правленія, которое такъ же, какъ въ Ангостурѣ, состояло изъ пожизненнаго президента, наслѣдственнаго сената и нижней палаты съ ограниченными полномочіями. Согласно постановленію конгресса, ему предоставлены были диктаторскія права всегда, когда онъ вступитъ на почву Боливіи, но конституціоннымъ

СѢВЕРНЫЙ ЛЕДОВ. ОКЕАНЪ
Гренландія
982
Исландія
Аляска
1822-67 русск.
затѣмъ С.Шт.
ЗЕМЛИ ГУДЗО - НОВА
ЗАЛИВА
Гудзоновъ
1610
зал.
Лабрадоръ
1497
Земля Руперта
Канада
1608-1763 франц.
съ 1763
брит.
Ньюфаундлэндъ
Маркландъ?
Винландъ?
Луизіана
1682-1763 франц.
1763-1800
исп.
1763-1783
брит.
1783
къ С.Шт.
Нов. Нидерланды 1616-1664
Нов. Швеція 1638-1656
Виргинія
1607
Новая Мехика
1848 къ Соед. Шт.
Техасъ
1836-45 республ., С.Шт.
НОВАЯ ИСПАНІЯ
1822
Флорида 1512-1763 исп.
1763-1783 брит., 1783-1820 исп., затѣмъ С.Шт.
Мексиканскій
зал.
Багамскіе О-ва (Лосъ Кайосъ) 1492 исп.
Гаити 1492-1697 исп.
Куба
Мехико
Веракрусъ
Акапулько
Ямайка
1494 исп., 1659 брит.
Панама
Венесуэла
Гвіана
Нов. Гранада
Вицекорол. съ 1739
ПЕРУ
Вице-королевство
Куско
Альто Перу
Лаплата
Вицекорол. съ 1776
Буэнос Айресъ
1535
Монтевидео
1726
Бразилія
Патагонія
Чили
Магелановъ проливъ
Огненная Земля (Tierra del Fuego)
О-ва Фалькландъ
М. Горнъ
Ле Мэръ 1616
ВЕЛИКІЙ
АТЛАНТ. ОК.
О К Е А Н Ъ
Испанскія вл.
Британскія -
Французскія -
Португальскія вл.
Голландскія -
Русскія -
Шведскія влад.
ЮЖНАЯ АМЕРИКА
съ 1810.
Масштабъ 1 : 100000000
0 500 1000 1500 2000
Километры.
Цифры при государствахъ показываютъ годъ объявленія независимости.
ВЕНЕСУЭЛА
КОЛУМБІЯ
1819
ГВІАНА
ЭКВАДОРЪ
1822
ПЕРУ
1821
БРАЗИЛІЯ
Королевство 1815
Имперія 1822-89, Республика 1889
БОЛИВІЯ
1825
ПАРАГВАЙ
1811
АРГЕНТИНА
1816
УРУГВАЙ
ЧИЛИ
1820
СОЕДИНЕННЫЕ
и ЦЕНТРАЛЬНАЯ А
съ 1783.
Вашингтонъ
1889
Орегонъ
1859
Невада
1864
Калифорнія
1850
АМЕРИК
основаніе вла
и важнѣйшія путе
Масштабъ 1 : 75
Километры
Цифры при названіяхъ
показываютъ годъ осно

Т-во „Про

КАРТЫ АМЕРИКИ.

ГАНСКАЯ СѢВЕРНАЯ АМЕРИКА

КАНАДА

МЕКСИКА

Мексиканскій заливъ

АТЫ
РИКА.

...иштат.
Англіи
...на куплена
...ена у Испаніи
...ть въ Союзъ
...сть принята
Мексики
Мексики.
...фры при ихъ названіяхъ
...ъ вступленія въ союзъ
...рикѣ цифры показываютъ
...я независимости.
...жит во время междоусобн. войны.

Масштабъ 1:48 000 000
0 500 1000
Километры.

13 КОЛОНІАЛЬНЫХЪ ШТАТОВЪ 1607-1783.

Масштабъ 1: 24 000 000
0 100 200 300 400 500
Километры.

К.= Коннектикутъ
Д.= Делаваръ
М.= Марилэндъ
Масс.= Массачусетсъ
Р.= Родъ Айлэндъ

Цифры при названіяхъ штатовъ и городовъ показываютъ годъ основанія.

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АМЕРИКА важнѣйшія путешествія.

Масштабъ 1: 37 500 000
0 200 400 600 800 1000
Километры.

I. путешествіе Колумба 1492
II. " " " 1493-1494
III. " " " 1498
IV. " " " 1502-1504

АТЛАНТИЧЕСКІЙ ОКЕАНЪ

Мексиканскій заливъ

КАРИБСКОЕ МОРЕ

ВЕЛИКІЙ ОКЕАНЪ

TERRA FIRMA

БИРУ

ій
...твія.
...000
...2000
...ностей

...щеніе" въ СПБ.

президентомъ былъ назначенъ главный маршалъ Аяйкучо, Сукре. Гораздо лучше своего учителя онъ распозналъ опасность, какой Codice Boliviano (Боливійскій кодексъ) подвергалъ молодую республику. Онъ принялъ званіе президента только на два года, но отказался отъ него еще до истеченія этого срока, когда обнаружилось противодѣйствіе республиканско-патріотической партіи аристократическимъ стремленіямъ колумбійскаго диктатора.

Вмѣстѣ съ тѣмъ и для Боливіи насталъ періодъ продолжительныхъ военныхъ возмущеній, которыя были прерваны только десятилѣтней диктатурой генерала Санта Крусъ. Этотъ послѣдній былъ индѣйскаго происхожденія, участвовалъ въ войнѣ за независимость и отличился при Пичинчѣ (ср. выше, стр. 507); поэтому высшее мѣсто въ государствѣ досталось ему отчасти по заслугамъ. Однако, его честолюбіе не было этимъ удовлетворено: онъ мечталъ, подобно Боливару, о союзѣ американскихъ республикъ подъ его руководствомъ. Положеніе вещей въ Перу доставило ему случай къ осуществленію этихъ плановъ. Диктатура Боливара въ Перу, правда, оттѣснила національную партію, но не устранила ее совсѣмъ, и она усилилась, какъ только испанцы потерпѣли окончательное пораженіе. Провинція эта лишь неохотно переносила опеку колумбійской республики, и, когда ея внутреннія затрудненія отозвали диктатора на сѣверъ, она сбросила иго и въ 1827 г. объявила себя независимой. Но это послужило только сигналомъ къ взрыву междуусобной войны. Санта Крусъ, обрадованный желаннымъ поводомъ къ вмѣшательству, сумѣлъ подвигнуть перуанцевъ къ болѣе тѣсному сближенію съ Боливіей и, какъ глава союза, облекъ себя высшей властью въ обѣихъ республикахъ. Въ этомъ положеніи онъ оказалъ значительныя услуги для экономическаго развитія подчиненныхъ ему государствъ; однако, его внѣшняя политика не соотвѣтствовала трудностямъ положенія и повела къ паденію его правительства и къ разрыву перу-боливійскаго союза.

Утесомъ, вызвавшимъ крушеніе Санта Круса, было Чили. Тамъ первый президентъ О'Хиггинсъ (ср. выше, стр. 502) въ это время палъ жертвою демократическихъ стремленій, когда Санъ Мартинъ въ Перу отказался отъ борьбы за конституціонную монархію въ Южной Америкѣ. Однако, господство такъ называемыхъ либераловъ создало трудныя времена и для Чили; съ 1823 г. до 1831 года въ Чили смѣнилось не менѣе тринадцати правительствъ, и семь разъ измѣнялась конституція. Лишь съ избраніемъ президента Хоакина Пріето и съ консервативной конституціей 1833 г. развитіе Чили получило устойчивость, которою до недавняго времени оно такъ выгодно отличалось отъ всѣхъ другихъ испано-американскихъ республикъ. Въ надеждѣ присоединить и Чили къ своему союзу государствъ, Санта Крусъ поддержалъ попытку бывшаго чилійскаго президента Фрейре, который надѣялся устранить вооруженной рукой либеральную партію и доставить побѣду консерваторамъ. Но Фрейре не только былъ побѣжденъ строго законнымъ правительствомъ Пріето, но увлекъ въ своемъ паденіи и Санта Круса, такъ какъ Чили за это вмѣшательство въ свои дѣла объявило войну перу-боливійскому союзу. Санта-Крусъ велъ войну безъ всякой энергіи и въ 1839 г. при Юнгаѣ потерпѣлъ полное пораженіе, послѣдствіемъ котораго явились независимость всѣхъ трехъ республикъ и отреченіе отъ власти боливійскаго диктатора.

Съ тѣхъ поръ въ Боливіи многіе президенты быстро слѣдовали одинъ за другимъ, почти всегда возвышаемые и низвергаемые военными пронунсіаменто. При этомъ естественные рессурсы страны оставались въ незаслуженномъ пренебреженіи. Уступая всѣмъ своимъ сосѣдямъ, эта страна только разъ еще сыграла историческую роль, въ сущности, пассивнаго характера, — въ перуанско-чилійской войнѣ 1879 года.

Для Перу паденіе Санта Круса было такъ же невыгодно, какъ и для Боливіи. Правда, благодаря въ особенности дѣятельности президента Ра-

мона Кастильи (1844—54), было сдѣлано многое для экономическаго развитія страны, но внутренняя политика большинства президентовъ не была достаточно дальновидной и безкорыстной, чтобы положить твердую основу благосостоянію государства. Большія естественныя богатства частью безсовѣстно расточались, частью становились предметомъ отчаянной спекуляціи, какой не могло бы выдержать и давно установившееся государство; юную республику все это вело къ гибели.

Истощеніе естественныхъ рессурсовъ въ эксплоатировавшихся прежде всего среднихъ провинціяхъ, въ концѣ семидесятыхъ годовъ, придали особую цѣнность южнымъ округамъ. Тамъ были открыты не только неистощимыя залежи селитры и соды, но и богатые серебряные рудники; поэтому въ этихъ пустынныхъ мѣстахъ надѣялись найти возмѣщеніе хищнической эксплоатаціи залежей гуано на островахъ Чинча. До тѣхъ поръ границамъ въ этихъ мало привлекательныхъ мѣстностяхъ не придавалось почти никакого значенія. Боливія, правда, обладала здѣсь узкимъ участкомъ, доходившимъ до Тихаго океана и отдѣлявшимъ Перу отъ Чили, но такъ мало обращала на него вниманія, что свои территоріальныя притязанія и верховныя права наполовину уступила Чили прежде, чѣмъ выяснилась цѣнность этой мѣстности. Вслѣдствіе того, не только въ Атакамѣ, Боливійской береговой области, но и въ Тарапака̀, самой южной части Перу, почти всѣ хозяйственные интересы находились въ рукахъ чилійцевъ и подданныхъ другихъ государствъ, которые обогащались здѣсь, возбуждая зависть настоящихъ владѣльцевъ земли. Втайнѣ давно связанные между собою противники Чили начали непріязненныя дѣйствія тѣмъ, что Боливія, противно трактатамъ, въ началѣ 1879 г. обложила чилійскую промышленность въ Атакамѣ высокими пошлинами и, получивъ отказъ въ уплатѣ ихъ, конфисковала все, что̀ принадлежало Чили. Но Чили было подготовлено въ борьбѣ; войска его заняли безъ серьезнаго сопротивленія спорный береговой участокъ, и Боливія, въ теченіе всей войны, почти не пыталась вернуть себѣ утраченную область. Распря происходила въ сущности между Перу и Чили, послѣ того, какъ первое, на основаніи союзнаго договора, вступилось за Боливію и этимъ дало Чили желанный поводъ объявить ему войну. Пока перуанскій флотъ усиленно боролся съ чилійцами за господство на морѣ, эти послѣдніе и на сушѣ не пошли далѣе осады самыхъ южныхъ береговыхъ мѣстечекъ. Но послѣ того, какъ „Гуаскаръ", самый большой и быстроходный изъ перуанскихъ военныхъ кораблей, былъ взятъ въ неравной битвѣ чилійскимъ флотомъ (8 октября 1879 г.), боевыя силы южной республики могли нанести общее пораженіе и предпринять побѣдное движеніе, которое въ январѣ 1881 г. закончилось въ Лимѣ. Пораженіе повело въ Перу и Боливіи къ паденію существующаго правительства, и прошли долгіе годы прежде, чѣмъ отношенія побѣдителя къ побѣжденнымъ могли получить конституціонную форму. Вслѣдствіе того, Чили оставалось при продолжительномъ обладаніи Атакамой и Тарапака и временно заняло провинціи Такна и Арика, которыя до сихъ поръ еще не вышли изъ-подъ ея власти (см. „Карты къ исторіи Америки").

Побѣда была блестящимъ оправданіемъ чилійскаго образа правленія, которое всегда считалось враждебнымъ свободѣ. Она, несомнѣнно, была послѣдствіемъ того, что правительственная власть въ Чили, со времени конституціи 1833 г., обладала большей силой и единствомъ, чѣмъ въ какой-либо другой изъ испано-американскихъ республикъ. Упрекъ во враждебности къ свободѣ, во всякомъ случаѣ, не основателенъ. Уже при Мануэлѣ Монттъ (1851—61), настоящемъ основателѣ процвѣтанія Чили, развитіе конституціи въ либеральномъ смыслѣ получило серьезный толчокъ, и его преемники не останавливались на этомъ пути. Но сомнительно, — уравновѣшивали ли достигнутые при этомъ успѣхи вредъ, какой съ тѣхъ поръ испытывало Чили вслѣдствіе болѣе усиленной и ожесточенной борьбы

партій, чѣмъ при консервативномъ правительствѣ 1833 г. Въ этой борьбѣ, главнымъ образомъ, заключался конфликтъ, который послѣ десятилѣтняго мира въ 1891 г. привелъ къ революціи и къ насильственному паденію правительства. Указаніе опыта, въ силу котораго война для побѣдителей, въ ихъ экономической жизни, можетъ быть почти столь же опасной, какъ и побѣжденнымъ, оправдалось и на Чили. Чрезвычайное увеличеніе національнаго благосостоянія, вызванное перуанской войной, повело къ крайне неосмотрительной дѣятельности въ экономической области. Въ особенности президентъ Хозе Мануэль Бальмаседа (1886—91) довелъ въ этомъ направленіи силы страны до крайняго напряженія. Финансовый кризисъ обратился въ политическій вслѣдствіе того, что хозяйственныя спекуляціи несомнѣнно производились къ личной выгодѣ президента и его креатуръ, обременяя государственную казну. Это придало революціи, исходившей столько же изъ политическихъ, сколько и личныхъ интересовъ партіи, непредвидѣнную нравственную силу и привело въ 1891 г., въ короткое время, къ сравнительно легко доставшейся и благоразумно использованной побѣдѣ. Тѣмъ не менѣе, фактъ, что и въ Чили рядъ законныхъ правительствъ низвергался побѣдоноснымъ военнымъ возстаніемъ, остается въ своей силѣ. Немногіе годы, протекшіе съ тѣхъ поръ, могли уже показать, что государственная власть не безъ потрясеній выходитъ изъ этой борьбы. Въ настоящее время Чили лишь мало можетъ имѣть притязанія на прежнюю свою репутацію наиболѣе внушающей довѣрія изъ всѣхъ южноамериканскихъ республикъ.

И Колумбійской республикѣ, этому любимому созданію Боливара, не суждено было долголѣтіе. Когда „освободитель“, пожиная плоды побѣды Сукре при Айякучо, шелъ тріумфальнымъ маршемъ черезъ Боливію, въ головѣ его уже снова зрѣли смѣлые планы расширенія Колумбійской республики. Онъ то предлагалъ чилійцамъ помощь, чтобы вытѣснить послѣдніе остатки испанскихъ гарнизоновъ изъ архипелага Чилоэ, то задумывалъ, вмѣстѣ съ аргентинцами, нападеніе на Бразилію, послѣднюю страну южно-американскаго материка, находившуюся подъ монархической властью, еще не отрѣшившуюся отъ связи съ Старымъ Свѣтомъ. Однако, диктаторская власть и аристократическое правленіе, которое онъ ввелъ въ Перу и въ Боливіи, дѣлали его только подозрительнымъ для республиканцевъ не только въ другихъ государствахъ, но даже въ Новой Гранадѣ; ни въ Чили, ни на Ла-Платѣ не было въ то же время недостатка въ честолюбивыхъ генералахъ, которые готовы были послѣдовать его примѣру въ свою собственную пользу. Наконецъ, возрастающее недовѣріе колумбійскаго конгресса вызвало его съ юга, и безусловное повиновеніе было, быть-можетъ, его лучшей защитой.

Въ Венесуэлѣ уже въ 1826 г. сильная партія, во главѣ которой стоялъ Паэсъ, настаивала на отложеніи отъ Колумбійской республики. Это послѣднее почти стало фактомъ, когда вмѣшался Боливаръ и всевозможными уступками сумѣлъ склонить своихъ старыхъ товарищей по оружію вновь признать его власть и власть колумбійскаго конгресса. Въ это время соотвѣтственное движеніе произошло въ Перу. Тамъ, какъ и въ Боливіи, колумбійцы съ самаго начала не пользовались расположеніемъ. Чувствуя себя свободной отъ угрожающей близости диктатора, національная партія возстала, свергла въ Лимѣ правительство, поставленное Боливаромъ, и пригласило Боливію примкнуть къ ней. Это настолько соотвѣтствовало настроенію Боливіи, что она возстала противъ Сукре и понудила его къ отреченію, о которомъ было упомянуто выше (стр. 513). Но перуанцы пошли еще далѣе: они вызвали въ Гуайякилѣ и другихъ мѣстахъ Экуадора пронунсіаменто. Подъ предлогомъ защиты ихъ отъ угнетенія, перуанскій диктаторъ Ламаръ объявилъ войну Колумбіи. На этотъ разъ опять Сукре спасъ славу колумбійскаго оружія: своей побѣдой при Тарки онъ вызвалъ

въ Перу революцію противъ Ламара. Новое правительство, правда, отстояло независимость Перу, но заключило на льготныхъ условіяхъ миръ съ сосѣдними государствами.

Уже въ это время Боливару приходилось постоянно бороться съ сильнымъ теченіемъ, которое стремилось устранить его самого и его диктатуру. Послѣ того, какъ онъ четыре раза низлагалъ правительство, чтобы каждый разъ въ ближайшій моментъ вновь завладѣть неограниченными полномочіями, его враги рѣшили сдѣлать попытку отдѣлаться отъ него незаконнымъ путемъ. Послѣ различныхъ неудачныхъ вспышекъ въ провинціяхъ, 25 сентября 1828 г. разразилось въ Богота военное возстаніе, имѣвшее цѣлью умерщвленіе Боливара. Однако, его почти чудесное спасеніе внесло въ планы заговорщиковъ такое смятеніе, что они легко были побѣждены: умный Боливаръ и на этотъ разъ искалъ болѣе примиренія съ побѣжденными, чѣмъ мести своимъ противникамъ. Но, въ концѣ концовъ, онъ не въ силахъ былъ обезоружить партію, которая въ его постоянно возобновлявшихся чрезвычайныхъ правительственныхъ полномочіяхъ видѣла серьезную угрозу свободѣ. Когда онъ передъ конгрессомъ 1830 г. прибѣгнулъ къ часто употреблявшемуся имъ пріему, къ отреченію, онъ долженъ былъ съ грустью видѣть, что это отреченіе было принято, хотя и съ всевозможными почетными выраженіями признательности за его услуги, оказанныя свободѣ, и ему былъ назначенъ преемникъ въ лицѣ Хоакина Москеры. Послѣ долгаго колебанія, Боливаръ рѣшился подчиниться приговору конгресса. Уже тяжело больной, оставилъ онъ страну, которая, по его мнѣнію, отплатила ему неблагодарностью, и умеръ въ Санта Мартѣ 17 декабря того же года.

Колумбійская республика была потрясена еще раньше. Въ Венесуэлѣ повторилась вскорѣ попытка расторгнуть связь съ Колумбіей; эти стремленія въ 1830 г. приняли новое направленіе, обратившееся противъ Боливара. Однако, и послѣ его удаленія, движеніе это не могло затихнуть: Паэсъ и его приближенные господствовали безусловно надъ законодательнымъ собраніемъ. Попытки воспротивиться этому преобразованію были подавлены безъ большого кровопролитія; еще въ концѣ года Венесуэла объявила себя независимой республикой въ предѣлахъ прежняго Каракасскаго генералъ-капитанства. То же самое сдѣлала и Боливія, съ тѣмъ различіемъ, что она признательно чтила память своего освободителя и предлагала ему пріютъ, когда онъ сложилъ съ себя свое званіе въ Колумбіи; предложеніе это онъ отклонилъ такъ же, какъ и призывъ вновь взять правленіе въ свои руки по желанію побѣдоноснаго возстанія противъ Москеры. Въ слѣдующемъ, 1831 г. исчезло самое имя Колумбіи: провинціи, остававшіяся вѣрными правительству Богота, составили изъ себя республику Новую Гранаду и подъ консервативнымъ правленіемъ, которое поддерживалось съ полной силою цѣлымъ рядомъ энергичныхъ президентовъ, до 1857 г. пользовались рѣдко возмущавшимся, почти спокойнымъ развитіемъ. Но затѣмъ и здѣсь вспыхнула гибельная междуусобная война между партіями централистовъ и федералистовъ; дѣло послѣднихъ, которые въ крайнихъ географическихъ различіяхъ находили для себя оправданіе, подконецъ взяло верхъ. Подъ именемъ Соединенныхъ штатовъ Колумбіи, въ 1861 г. образовался союзъ по образцу Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Съ того времени страна могла вновь съ бо́льшимъ спокойствіемъ отдаться своему экономическому развитію.

Подобный же процессъ переживала Венесуэла. Въ первыя двадцать лѣтъ Хозе Антоніо Паэсъ, въ качествѣ президента (1830—38, 1839—42), диктатора (1846) или только совѣтника настоящаго представителя власти, въ сущности, направлялъ судьбы государства, для освобожденія котораго онъ, на ряду съ Боливаромъ, сдѣлалъ всего болѣе. Его энергичное управ-

леніе обезпечило республикѣ мирныя времена. Но и здѣсь федеративное правленіе, на подобіе сѣверо-американскаго, все болѣе и болѣе пріобрѣтало приверженцевъ, хотя оно исходило не столько отъ естественныхъ причинъ, сколько изъ стремленія къ подражанію, сдѣлавшись лозунгомъ либеральной партіи. Венесуэла принадлежитъ къ государствамъ испанской Америки, которыя всего менѣе имѣли возможности окрѣпнуть. Послѣ многолѣтней междуусобной войны, въ которой Паэсъ еще разъ взялся за оружіе (1861—1863), въ защиту единства республики, провинціи въ 1864 г. составили союзную республику „Соединенныхъ Штатовъ Венесуэлы". Тѣмъ не менѣе, междуусобная борьба тамъ постоянно вспыхивала вновь, и только почти диктаторское управленіе Антоніо Гусмана Бланкосъ (1870—77, 1879—84 и 1886—87) повременамъ доставляло миръ республики.

10. Средняя Америка и Бразилія.

А. Мексика.

Во все время борьбы Южной Америки за независимость, Мексика одна стояла въ сторонѣ, шла собственной дорогой. Послѣ низложенія Идальго и его приверженцевъ (ср. выше, стр. 491), испанское владычество, повидимому, вновь вполнѣ утвердилось; даже введеніе и послѣдующее устраненіе демократической конституціи 1812 г. совершилось здѣсь безъ всякихъ столкновеній. Событія, которыя разыгрывались кругомъ въ одноплеменныхъ государствахъ, не могли, конечно, вовсе не отражаться въ умахъ населенія; однако, желаніе свободы и независимости было не настолько сильно, чтобы стремиться къ ниспроверженію существующихъ условій. Революціонный толчокъ исходилъ здѣсь съ совершенно другой стороны.

Вице-король оказывалъ особое довѣріе подполковнику Итурбиде, который, хотя и былъ уроженцемъ Мексики, отличался въ борьбѣ съ отрядами Идальго энергіей и искусствомъ, но въ то же время и жестокостью. Однако, Итурбиде употребилъ во зло это довѣріе. Онъ втайнѣ вступилъ въ союзъ съ предводителями креоловъ и съ разсѣянными приверженцами партіи Идальго; въ то время, какъ онъ, повидимому, выступилъ съ военной силой противъ одного изъ нихъ, онъ произвелъ въ городкѣ Игуалѣ военное пронунсіаменто, направленное противъ испанскаго владычества. Составленная имъ программа конституціи возвѣщала независимость Мексики и проектировала созваніе конституціоннаго собранія, но заранѣе объявляла страну монархіей, престолъ которой долженъ быть предоставленъ Фердинанду VII и другимъ принцамъ его дома. Число приверженцевъ его возрастало съ необычайной быстротой, такъ что вскорѣ вице-король и испанская партія увидѣли въ своемъ распоряженіи только одну столицу. Прибытіе вице-короля, назначеннаго либеральнымъ правительствомъ Испаніи, закончило эту революцію безъ всякаго кровопролитія. Новый правитель принялъ планъ Итурбиде почти безъ измѣненія и лично отправился въ Испанію, чтобы ходатайствовать за него при дворѣ Фердинанда VII. Если бы тогда кто-либо изъ братьевъ короля рѣшился уѣхать въ Мексику, то государство это во всякомъ случаѣ осталось бы въ рукахъ бурбонской династіи. Но игуальскій планъ былъ отвергнутъ, и это заставило его автора вступить на путь революціи. Такъ какъ временное правленіе, при продолжительности своего существованія, одинаково казалось угрожающимъ всѣмъ партіямъ, Итурбиде допустилъ своихъ приверженцевъ въ маѣ 1822 г. провозгласить его императоромъ Мексики, чтобы такимъ способомъ спасти выработанную имъ конституцію. Однако, приверженцевъ его было слишкомъ мало, и прошлое его было недостаточно безукоризненно, чтобы господство его могло быть навязано странѣ. Послѣ того, какъ въ самыхъ различныхъ провинціяхъ послѣдовали новыя пронунсіаменто во враждебномъ ему смыслѣ,

императоръ уже въ мартѣ 1823 г. вынужденъ былъ искать убѣжища на бортѣ англійскаго судна.

Тогда въ Мексикѣ была провозглашена республика. Однако, на дѣлѣ она существовала только по имени, пока рядъ военныхъ президентовъ, пользовавшихся большей или меньшей удачей, оспаривалъ наслѣдство Итурбиде. Самая выдающаяся личность въ этой борьбѣ, генералъ Антоніо Лопесъ де Санта Ана (Сантана), который принималъ уже существенное участіе въ низверженіи „императора", въ теченіе нѣкотораго времени сажалъ и низвергалъ президентовъ по собственному выбору, самъ принялъ это высшее званіе и потомъ терялъ и возвращалъ его себѣ нѣсколько разъ. Его неоспоримая заслуга заключается въ томъ, что во внутреннихъ дѣлахъ онъ твердо отстаивалъ сильное централистическое правительство противъ неосновательныхъ въ географическомъ и историческомъ смыслѣ федералистическихъ идей, исходившихъ лишь изъ слѣпого подражанія Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, а извнѣ мужественно защищалъ неприкосновенность и честь страны, неоднократно рискуя своей собственной безопасностью.

Болѣе всѣхъ другихъ испано-американскихъ республикъ Мексика втягивалась въ международныя затрудненія. Еще въ 1829 г. испанцы повторили попытку насильственнаго возвращенія страны подъ свою власть, но были разбиты Санта Аной и вынуждены къ капитуляціи. Возстаніе, вспыхнувшее въ 1836 г. въ Техасѣ, было, прежде всего, внутреннимъ дѣломъ Мексики, границы которой въ то время охватывали весь дальній западъ Сѣверной Америки. Но такъ какъ Санта Ана, при попыткѣ вернуть эту провинцію къ повиновенію, былъ разбитъ 20 апрѣля 1836 г. и взятъ въ плѣнъ, то сепаратисты получили преобладаніе. Техасъ образовалъ подъ президентствомъ американца Гоустона независимую республику, которая съ самаго начала искала поддержки въ тѣсномъ союзѣ съ Соединенными Штатами и въ 1845 г., по собственному ходатайству, была принята въ Союзъ. Мексика не сочла возможнымъ спокойно перенести это оскорбленіе; она объявила Соединеннымъ Штатамъ войну и поручила главное начальство надъ войскомъ Санта Анѣ. Однако, разрываемая борьбою партій, истощенная въ финансовомъ отношеніи Мексиканская республика была не въ силахъ бороться съ сѣвероамериканцами. Наступленіе войскъ Союза не встрѣтило въ сѣверныхъ провинціяхъ серьезнаго сопротивленія, и высадка въ Вера-Крусѣ совершилась безпрепятственно. Санта Ана, правда, нѣсколько разъ выступалъ противъ этихъ войскъ, но онъ терпѣлъ одно пораженіе за другимъ и, наконецъ, бѣжалъ въ Ямайку, когда союзныя войска, въ сентябрѣ 1847 г., въ самой столицѣ Мексики продиктовали условія мира своимъ противникамъ. Въ силу ихъ, Мексика отказывалась отъ своихъ притязаній на Техасъ и уступала всѣ сѣверныя тихоокеанскія провинціи за вознагражденіе въ 15 милліоновъ долларовъ.

Санта Ана въ 1853 г. былъ еще разъ поставленъ во главѣ истощеннаго государства, чтобы съ диктаторской властью руководить его возстановленіемъ, и онъ принялъ эту задачу со своей обычной энергіей; однако, онъ тѣмъ менѣе могъ возстановить внутреннее спокойствіе, что съ 17 декабря 1853 г. открыто стремился прочно удержать власть въ своихъ рукахъ. Въ 1855 г. онъ былъ низвергнутъ новымъ пронунсіаменто. Съ того времени Мексика вновь впала въ революціонное состояніе, которое еще разъ вызвало иноземное вмѣшательство въ жизнь несчастной страны. Продолжительное беззаконіе привело государство на край банкротства, и, при своихъ финансовыхъ затрудненіяхъ, лица, находившіяся у власти, естественно, не всегда стѣснялись трактатами въ пользованіи имуществомъ иностранцевъ. Уже въ 1838 г. подобныя обстоятельства привели къ войнѣ съ Франціей, которая временно завладѣла гаванью Санъ Хуанъ де Улуа. Когда въ 1861 г. президентъ Карло Бенито Хуаресъ, который послѣ

долгой борьбы партій пріобрѣлъ власть, впрочемъ, оспаривавшуюся многими, вновь позволилъ себѣ противозаконно воспользоваться имуществомъ иностранцевъ, Наполеонъ III, старавшійся заставить позабыть незаконное вступленіе свое на престолъ съ помощью блеска внѣшнихъ успѣховъ, ухватился за этотъ случай и предложилъ Англіи и Испаніи снарядить общую экспедицію для защиты правъ своихъ подданныхъ. Предложеніе это сперва было принято обѣими сторонами. Войско, составленное изъ отрядовъ всѣхъ трехъ государствъ, осадило Вера-Крусъ и дошло до Орисабы. Однако, когда союзники узнали, что Франція не предполагала ограничиться возмѣщеніемъ ущерба ея подданныхъ, а стремилась къ ниспроверженію существующей власти въ Мексикѣ и къ установленію монархіи подъ своимъ покровительствомъ, тогда англичане, а вскорѣ за ними и испанцы, отказались отъ участія въ этой войнѣ.

Обманутые внушеніями мексиканскихъ бѣглецовъ, французы вѣрили, что народъ массою устремится къ нимъ и приготовитъ имъ тріумфальное шествіе до самой столицы. Вмѣсто того, они встрѣтили въ Пуэблѣ такой жаркій пріемъ, что были довольны, когда могли добраться до своихъ прежнихъ квартиръ у Орисабы и удержать ихъ за собой. Лишь послѣ того, какъ войско экспедиціи быо доведено до численности 30,000 человѣкъ, оно вновь могло двинуться впередъ. Послѣ ожесточенной борьбы за обладаніе Пуэблой, закончившейся капитуляціей мексиканскаго гарнизона, Мексико отворилъ свои ворота побѣдителю. Этимъ цѣль казалась достигнутою. Быстро созванная хунта назначила временное правительство, которое чрезъ нѣсколько дней представило конгрессу проектъ законодательства, создавшій монархію съ именемъ имперіи; онъ былъ принятъ подавляющимъ большинствомъ, почти единогласно. Претендентомъ, котораго выбралъ Наполеонъ для императорскаго трона и согласіемъ котораго онъ заручился еще до начала военныхъ дѣйствій, былъ австрійскій эрцгерцогъ Максимиліанъ. Когда депутація временнаго правительства прибыла въ Мирамаре, чтобы предложить принцу императорскую корону Мексики, онъ охотно принялъ ее. Въ апрѣлѣ 1864 г. въ гавани Тріеста онъ вступилъ на бортъ „Новары“, которая должна была отвезти его въ Вера-Крусъ. Переѣздъ совершился необычайно быстро, и народъ привѣтствовалъ своего новаго государя съ искренней радостью: когда онъ вступалъ въ Мексико, противная партія, во главѣ которой стоялъ бывшій президентъ Бенито Хуаресъ, казалась фактически уничтоженной.

Ея значеніе стало возрастать, однако, поразительно быстро вслѣдствіе внутреннихъ затрудненій, на которыя наталкивалась императорская власть. Съ самаго начала Максимиліанъ почувствовалъ, что руки его связаны. Его договоръ съ Наполеономъ III, правда, обезпечивалъ ему помощь французскихъ войскъ, но въ лицѣ ихъ главнокомандующаго, маршала Базена, тотъ же договоръ создавалъ около императора другую власть, которой онъ могъ распоряжаться только въ самомъ ограниченномъ размѣрѣ. Базенъ былъ почти такимъ же королемъ въ Мексикѣ, и тѣмъ болѣе въ значительной степени, чѣмъ болѣе исчезало взаимное довѣріе между императоромъ и маршаломъ. Далѣе, договоры показали, что вмѣшательство французовъ въ пользу Максимиліана вовсе не было столь безкорыстнымъ, какъ это могло казаться. Финансовыя требованія, предъявляемыя странѣ, были крайне тяжелы и достаточно неотвѣтственны, такъ какъ подъ давленіемъ французской политики велась недостойная спекуляція по эксплоатаціи Мексики въ цѣляхъ выполненія весьма сомнительныхъ требованій. Уже эти моменты были весьма невыгодны для власти Максимиліана. Онъ самъ тѣмъ охотнѣе готовъ былъ снять съ себя всякій отчетъ за положеніе вещей, что покровительство иностранной державы должно были привести къ отчужденію отъ него значительной части страны. Поэтому онъ не только старался избавиться по возможности отъ французскаго вліянія, но и стремился стать

выше партій, которыя раздѣляли страну на два враждебныхъ лагеря. Но народъ былъ не подготовленъ къ такому безпристрастному отношенію къ дѣлу.

Консервативная партія, которая возвела на престолъ Максимиліана, оказалась обманутою въ своихъ ожиданіяхъ, а либералы въ его миролюбіи видѣли сознаніе слабости и вскорѣ опять стали чувствовать свою силу. Они могли сдѣлать это тѣмъ легче, что нашли поддержку, которая обѣщала имъ болѣе вѣрную охрану, чѣмъ та, какую Франція могла доставить ихъ противникамъ. Французское вмѣшательство было очевидно направлено противъ Соединенныхъ Штатовъ, мощное распространеніе и быстрый подъемъ которыхъ тревожилъ монарховъ Европы. Наполеонъ счелъ этотъ моментъ особенно удобнымъ для вмѣшательства, такъ какъ Соединенные Штаты, вслѣдствіе междоусобной войны, недавно были вполнѣ поглощены своими внутренними дѣлами. Однако, быстрая и полная побѣда сѣверныхъ штатовъ развязала имъ руки и послужила къ тому, что они сочли нужнымъ принять энергичное положеніе въ мексиканскомъ вопросѣ. Для нихъ Хуаресъ представлялъ единственное правоспособное правительство Мексики, такъ какъ онъ по собственному полномочію продолжилъ срокъ своей президентской власти и до сихъ поръ жилъ въ качествѣ бѣглеца на дальнихъ границахъ страны.

Перспектива доставить предлогъ Соединеннымъ Штатамъ къ вторженію въ сѣверную Мексику, вслѣдствіе поддержки Максимиліана Франціей, была крайне непріятна для Наполеона III. Однако, вмѣсто того, чтобы открыто признать это положеніе вещей и охранить свое созданіе другимъ путемъ, Наполеонъ воспользовался неисполненіемъ финансовыхъ обязательствъ со стороны мексиканскаго правительства, какъ предлогомъ, чтобы предать Максимиліана, котораго онъ долго держалъ между страхомъ и надеждой. Максимиліану эти крайне трудныя обстоятельства, вообще, оказались не подъ силу. Его колебанія между мексиканскими партіями и нерѣшительность его политики по отношенію къ Франціи во многомъ содѣйствовали потрясенію его трона. Къ этому присоединились ослабленіе его здоровья и тяжелый ударъ, когда супруга его Шарлотта лишилась разсудка послѣ тщетныхъ попытокъ найти помощь въ Парижѣ и въ Римѣ. Когда французскія войска начали выступленіе изъ страны, Максимиліанъ, повидимому, рѣшился на отреченіе, но потомъ внезапно вернулся назадъ и сталъ самъ во главѣ слабаго отряда, отстаивавшаго его власть. Но было уже слишкомъ поздно. Въ половинѣ мая 1867 г. въ Керетаро ему измѣнили собственные генералы, и, послѣ краткаго, лишеннаго всякой формы процесса, онъ былъ разстрѣлянъ республиканцами вмѣстѣ съ немногими лицами, остававшимися ему вѣрными (19-го іюня 1867 г.).

Теперь для Хуареса задача была уже легка. Вновь овладѣвъ властью, онъ оказался болѣе ловкимъ политикомъ, чѣмъ его предшественники. Въ республиканской формѣ Мексика съ 1865 г. жила, въ сущности, подъ диктатурою двухъ лицъ: Бенито Хуареса (1867—72) и Порфиріо Діаса (1877—81 и съ 1884 г. безъ перерыва). Пронунсіаменто и революціи были тамъ довольно частымъ явленіемъ, какъ и въ остальной испанской Америкѣ, но просвѣщенный деспотизмъ этихъ правителей позволялъ странѣ возмѣщать многое, что она утрачивала во время революціи. Въ союзѣ съ испанскими родственными республиками она оказываетъ медленные, но несомнѣнные успѣхи на пути къ истинно республиканской свободѣ.

B. **Мелкія Средне-Американскія республики.**

Когда Итурбиде, въ 1821 г., подготовилъ внезапный конецъ испанскому владычеству въ Мексикѣ, движеніе въ пользу независимости сообщилось и генералъ-капитанству Гватемалѣ, въ которое входили государства къ сѣверу отъ Панамскаго перешейка до границъ королевства

Новой Испаніи. Революція и тамъ произошла безъ кровопролитія, по крайней мѣрѣ, насколько дѣло касалось отторженія отъ Испаніи; напротивъ, между партіями рабовладѣльцевъ и либераловъ тотчасъ же возгорѣлась междоусобная война. Первые начали съ того, что, наперекоръ законодательному собранію, провели присоединеніе Центральной Америки къ имперіи Итурбиде. Вслѣдствіе того, они были вовлечены въ воспослѣдовавшее въ скоромъ времени паденіе его и утратили свое вліяніе въ странѣ, отдѣльные округа которой, подъ предводительствомъ либераловъ, взяли веденіе дѣлъ въ свои руки и образовали мелкія республики Центральной Америки. Тѣмъ не менѣе, чувство взаимной связи ихъ не угасло. Только Чіапасъ отдѣлился отъ прежнихъ союзниковъ и присоединился къ мексиканской республикѣ. Гватемала, Гондурасъ, Санъ Сальвадоръ, Никарагуа и Костарика, напротивъ, составили 1-го апрѣля 1823 г. союзное государство, которое въ 1825 г., въ лицѣ генерала Арсе, избрало своего перваго президента. Это положило, впрочемъ, начало безпрерывной междоусобной войнѣ, которая подъ предлогомъ подавленія федералистическихъ или централистическихъ стремленій была, въ сущности, борьбою своекорыстныхъ вождей партій за обладаніе властью.

До 1839 г. республика Соединенныхъ Штатовъ Средней Америки вела часто потрясавшееся бурями, но все-таки законное существованіе, но въ упомянутомъ году союзъ государствъ распался и не возобновлялся долгое время. Пять мелкихъ государствъ, однако, не разъ приходили къ убѣжденію, что энергическое содѣйствіе ихъ внутреннимъ интересамъ, часто совпадавшимъ между собою, дѣлало настолько же желательнымъ болѣе тѣсную связь ихъ между собою, насколько и сохраненіе ихъ независимости противъ притязаній, предъявляемыхъ имъ извнѣ. Поэтому постоянно производились попытки, то путемъ дипломатическихъ переговоровъ, то съ помощью военной силы, вновь осуществить союзъ всѣхъ или, по крайне мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ прежнихъ государствъ Центральной Америки. Но такъ какъ при этихъ затрудненіяхъ республикамъ, которыхъ они касались, наносился серьезный ущербъ въ ходѣ ихъ непрерывнаго развитія, то не достигались и выгоды, которыя должно было принести съ собою ихъ соединеніе. Никакъ не удавалось выработать такую форму правленія, которая предохраняла бы отъ подавленія болѣе слабыхъ болѣе сильными членами союза. По этой причинѣ до сихъ поръ за каждой попыткой сліянія въ скоромъ времени слѣдовала революція въ цѣляхъ децентрализаціи. И „República Mayor de Centro-America", созданная въ 1896—97 г., хотя она и предоставляла полную внутреннюю самостоятельность отдѣльнымъ государствамъ, въ 1898 г. испытала ту же судьбу.

C. **Бразилія.**

Когда рухнулъ тронъ Максимиліана, республиканская форма правленія восторжествовала на всемъ американскомъ материкѣ, за исключеніемъ Бразиліи. Португальская королевская фамилія въ 1808 г., передъ угрозою наступленія французовъ подъ предводительствомъ Жюно, перенесла резиденцію правительства въ Ріо де Жанейро, но это считалось лишь временной мѣрой, которая не могла внести никакой перемѣны въ правовыя отношенія между метрополіей и колоніей. Однако, въ силу обстоятельствъ это оказалось невозможнымъ. Революціонный духъ, который послѣ изгнанія Наполеона прошелъ по пиренейскимъ государствамъ, и борьба родственныхъ государствъ за свободу и независимость должны были усиленно отразиться на дѣлахъ Бразиліи. Уже въ 1815 г. Бразилія объявила себя королевствомъ, что́ неизбѣжно должно было оказать значительное содѣйствіе стремленіямъ, направленнымъ къ отторженію ея отъ Португаліи. Но рѣшеніе и на этотъ разъ зависѣло отъ условій, существовавшихъ въ самой Португаліи, а не въ Бразиліи.

Возстаніе въ пользу парламентскаго образа правленія, которому въ 1820 г. въ Испаніи далъ толчокъ Ріего, сообщилось и португальскому королевству и оттуда проникло въ Бразилію. Оно было совершенной неожиданностью для короля Іоанна VI; такъ какъ наслѣдникъ престола Донъ Педро сталъ во главѣ либераловъ, то эти послѣдніе легко достигли своей цѣли — обѣщанія собственнаго парламентскаго правительства для Бразиліи. Но когда здѣшніе либералы почувствовали свою солидарность съ португальскими, они вскорѣ должны были убѣдиться, что кортесы родной страны преслѣдовали вовсе не тѣ цѣли, какія были желательны: они требовали ни болѣе, ни менѣе, какъ возвращенія двора въ Лиссабонъ и возстановленія верховной власти Португаліи надъ Бразиліей.

Первая цѣль была достигнута: Іоаннъ VI вернулся въ Лиссабонъ; Донъ Педро, который отказался отъ престола въ пользу младшихъ членовъ своей семьи, сперва остался въ Ріо Жанейро въ качествѣ королевскаго намѣстника. Но чѣмъ очевиднѣе кортесы стремились къ тому, чтобы Бразилію вновь принизить до положенія простой провинціи, тѣмъ слабѣе становилась связь, соединявшая колонію съ родной страною. Наконецъ, самому Донъ Педро не оставалось ничего иного, какъ порвать эту связь и, 7-го сентября 1822 г., объявить полную независимость Бразиліи, которая черезъ мѣсяцъ послѣ того получила наименованіе имперіи. До того времени Донъ Педро, увлекаемый національнымъ движеніемъ, оставался въ полномъ согласіи съ значительнымъ большинствомъ своего народа. Но въ разногласіяхъ, которыя возникли въ послѣдующіе годы по вопросамъ внѣшней и внутренней политики, это соглашеніе все болѣе и болѣе нарушалось. И когда, наконецъ, народъ пытался запугать его безпорядками, какъ это удалось при его содѣйствіи по отношенію къ Іоанну VI, Донъ Педро, въ 1831 г., отказался отъ престола въ пользу своего сына и вскорѣ окончилъ свои дни въ Лиссабонѣ.

И Педро II не было предназначено умереть въ своей имперіи. Уже во время его несовершеннолѣтія, въ страстной борьбѣ партій, замѣтно выдѣлились приверженцы федералистическо-республиканской государственной формы. Ихъ вліяніе опять отступило на второй планъ, когда въ 1842 г. преждевременно объявленный совершеннолѣтнимъ Донъ Педро II съ большимъ тактомъ повелъ дѣло правленія въ весьма свободномъ духѣ. Но полное спокойствіе и тогда не установилось прочно въ странѣ; въ особенности провинція Сано Пауло оказалась неугасимымъ очагомъ постоянно возобновляющихся республиканскихъ волненій. Побѣдоносный походъ въ Парагвай поднялъ, правда, внѣшній престижъ страны, но онъ внесъ тяжелыя финансовыя затрудненія, которыя еще увеличились въ 1871 г. отъ расходовъ по освобожденію невольниковъ. Переговоры о проведеніи этой мѣры долгіе годы наполняли политическую жизнь Бразиліи и оказали даже рѣшающее дѣйствіе на послѣднюю перемѣну правленія этой страны. Послѣ того, какъ Донъ Педро долгое время, съ помощью консервативныхъ министерствъ, пытался разрѣшить вопросъ о невольничествѣ въ такомъ смыслѣ, который, по возможности, удовлетворялъ бы интересы всѣхъ, онъ увидѣлъ себя вынужденнымъ обратиться въ 1888 г. къ либеральному министерству, и это послѣднее, тотчасъ же по своемъ вступленіи въ должность, высказалось за безусловное уничтоженіе рабства и противъ всякаго вознагражденія рабовладѣльцевъ. Но это привлекло столь значительную часть населенія на сторону противной партіи, что эта партія 15-го ноября 1889 г. могла вызвать возстаніе, которому столица сдалась безъ сопротивленія. Соединенные консерваторы и федералисты вынудили тогда Донъ Педро къ отреченію и установили республику Соединенныхъ штатовъ Бразиліи, которая, впрочемъ, до сихъ поръ не могла доставить странѣ ни мирныхъ временъ, ни лучшихъ видовъ на будущее.

11. Сѣверная Америка въ XIX вѣкѣ.

Мы привыкли смотрѣть на новѣйшую исторію Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ исключительно съ точки зрѣнія борьбы изъ-за рабства. Но это справедливо далеко не въ той мѣрѣ, въ какой оно можетъ быть примѣнено къ тремъ послѣднимъ десятилѣтіямъ исторіи Бразиліи. Идеальный вопросъ о допустимости или оправданіи рабства, во всякомъ случаѣ безъ существенныхъ перерывовъ, подымался и получалъ отрицательные отвѣты, какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и обществъ, уже со времени прекращенія англійскаго колоніальнаго господства. Однако, правительство Соединенныхъ Штатовъ само по себѣ еще долго въ теченіе XIX вѣка смотрѣло на рабство черныхъ, какъ на состояніе вполнѣ законное; борьба партій между Сѣверомъ и Югомъ никогда не вращалась около нравственнаго вопроса справедливости или несправедливости рабства. Это была скорѣе борьба за чисто экономическіе интересы, которые постепенно обострились въ томъ направленіи, что сохраненіе рабства было столько же безусловною потребностью Юга, сколько ослабленіе преобладанія рабовладѣльческихъ южныхъ штатовъ стало жизненнымъ вопросомъ для должнаго развитія интересовъ Сѣвера. Для правительства, у котораго на голосованіе относительно важнѣйшихъ дѣлъ оказывало вліяніе число невольниковъ, для правительства, которое неограниченно разрѣшало рабовладѣльцу преслѣдовать своихъ рабовъ даже въ такихъ штатахъ, въ которыхъ не существовало этого учрежденія, для правительства, наконецъ, которое допускало рабство въ единственномъ небольшомъ округѣ, въ которомъ оно могло обыкновенно распоряжаться съ непосредственнымъ полномочіемъ, не могло быть, конечно, серьезнаго сомнѣнія въ законности рабства.

Въ сѣверныхъ штатахъ, однако, по причинамъ климатическимъ и условіямъ хозяйственнаго развитія, рабство было мало распространено; въ Массачусетсѣ, при объявленіи войны за независимость, уже не было рабовъ. Но въ Нью-Іоркѣ они были еще до 1840 г., такъ же, какъ и въ другихъ сѣверныхъ городахъ. Работорговля, которая гораздо свободнѣе осуждалась, чѣмъ рабство, велась не только въ теченіе двадцатилѣтняго срока, установленнаго правительствомъ послѣ провозглашенія независимости, но и далѣе этого времени, даже крупными торговцами сѣверныхъ штатовъ, въ остальномъ уже вполнѣ сознававшими экономическую противоположность между интересами Сѣвера и Юга.

Пока это противорѣчіе не поддавалось рѣшенію, для обѣихъ партій являлась серьезная опасность въ постановленіяхъ правительства, согласно которымъ мѣропріятіе получало законную силу при большинствѣ народныхъ представителей, избранныхъ на основаніи численности населенія (ср. выше, стр. 477) въ палатѣ депутатовъ, а въ сенатѣ — голосованіемъ большинства штатовъ. Сначала сѣверные штаты обладали въ палатѣ депутатовъ нѣкоторымъ большинствомъ вслѣдствіе своего болѣе плотнаго населенія. Этому не могло противодѣйствовать предложеніе обитателей южныхъ штатовъ считать пять невольниковъ за три голоса, которое противозаконно было принято. Это большинство росло, однако, изъ года въ годъ, такъ какъ южные штаты, несмотря на ввозъ и размноженіе невольниковъ, не могли сравняться съ увеличеніемъ населенія сѣверныхъ штатовъ. Поэтому единственная опора Юга заключалась въ сенатѣ, гдѣ голосованіе происходило не по населенности, а по штатамъ. Если Югъ не хотѣлъ быть предоставленъ въ экономическомъ отношеніи власти Сѣвера, онъ долженъ былъ стремиться къ поддержанію равновѣсія въ сенатѣ. На самомъ дѣлѣ, не было никакого сомнѣнія въ томъ, что Сѣверъ своимъ преобладаніемъ въ обѣихъ палатахъ

воспользовался бы съ величайшей безпощадностью въ своихъ собственныхъ интересахъ. Штаты Новой Англіи, уже въ началѣ революціоннаго движенія, рѣзко выказали полнѣйшее своекорыстіе. Они держались его съ такой же безпощадностью и во время войны, а, по заключеніи мира, ихъ эгоистическая политика во многомъ вынудила созданіе конституціи. Затѣмъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, федерализмъ безсознательно заботился о своихъ интересахъ. Но образъ дѣйствій послѣ Гартфордской конвенціи сознательно составленной сѣверной группы не оставлялъ никакого сомнѣнія въ томъ, что̀ предстояло Югу, если бы онъ не въ силахъ былъ противостоять себялюбивой дѣловой политикѣ сѣверныхъ штатовъ.

Вслѣдствіе того, плантаторскіе штаты должны были поддерживать противъ купеческихъ штатовъ свои общіе, жизненные интересы. Эти послѣдніе не заключались исключительно въ поддержаніи рабства, которое, впрочемъ, имѣя весьма существенное значеніе для ихъ хозяйственнаго развитія, придавало имъ внѣшній, легко замѣтный признакъ; оно былъ тѣмъ болѣе существеннымъ знакомъ партіи, чѣмъ болѣе Сѣверъ, въ своемъ фарисейскомъ самодовольствѣ, учрежденіе, на дѣлѣ вовсе не презираемое имъ, выставлялъ какъ предлогъ своихъ нападокъ на Югъ, совершавшихся въ интересахъ перваго.

Въ то время, когда тринадцать сѣверо-американскихъ провинцій вступали въ государственный союзъ между собою, экономическая противоположность плантаторскихъ штатовъ по отношенію къ торговымъ и мануфактурнымъ штатамъ не была еще выражена настолько рѣзко, чтобы можно было говорить о большинствѣ той или другой группы. Однако, съ теченіемъ времени, это раздѣленіе принимало изъ года въ годъ все болѣе опредѣленный характеръ. Какъ бы то ни было, являлось не простой случайностью, что, подобно тринадцати первоначальнымъ штатамъ, и въ девяти областяхъ, принятыхъ до 1818 г. въ Союзъ въ видѣ новыхъ штатовъ, со свободнымъ промышленнымъ и земледѣльческимъ населеніемъ, и съ преобладаніемъ плантаціонно-невольничьяго хозяйства, поддерживалось извѣстное равновѣсіе. Этому равновѣсію, повидимому, впервые былъ нанесенъ ударъ, когда Миссури хлопоталъ о принятіи его въ Союзъ, и комиссія, на которую было возложено разслѣдованіе по этому вопросу, поставила запрещеніе рабства предварительнымъ условіемъ соглашенія. Вопросъ оставался настолько открытымъ, насколько прежнее установленіе опредѣляло, что въ областяхъ къ сѣверу отъ Огайо рабство не должно существовать, а по ту сторону Миссисипи (см. „Карту къ исторіи Америки“) въ этомъ отношеніи еще не было установлено опредѣленной границы. Такъ какъ, сообразно своимъ естественнымъ условіямъ и характеру своего населенія, Миссури предназначено было сдѣлаться плантаторскимъ штатомъ, то въ обѣихъ палатахъ представители послѣднихъ съ большой энергіей возстали противъ отчета комиссіи. Они потребовали, согласно ученію о главенствѣ, всегда усиленно поддерживавшемуся Югомъ, чтобы новому штату самому предоставлено было рѣшить вопросъ о невольничествѣ, чтобы за Союзомъ ни въ какомъ случаѣ не оставалось право ставить въ зависимость принятіе новаго штата отъ предварительнаго рѣшенія этого вопроса. Между тѣмъ, для Сѣвера дѣло заключалось не въ томъ — будутъ ли рабы въ Миссури или нѣтъ, такъ какъ къ этому вопросу крупные коммерсанты относились вполнѣ равнодушно, а въ томъ, что причисленіе этой территоріи къ южной группѣ дало бы послѣдней въ союзномъ сенатѣ рѣшительный перевѣсъ, пользованіе которымъ въ духѣ, враждебномъ Сѣверу, могло бы причинить ему серьезный ущербъ. Сопротивленіе Сѣвера было поэтому стойкимъ и энергичнымъ, пока угрожала опасность невыгоднаго для него большинства; но оно тотчасъ же исчезло, когда территорія Мэна стала, въ свою очередь, ходатайствовать о принятіи его въ союзъ въ видѣ штата, и этимъ образовалось равновѣсіе сѣвера противъ усиленія юга принятіемъ Миссури.

Такимъ образомъ, въ 1820 г. состоялся такъ наз. Компромиссъ Миссури, который, съ одной стороны, допускалъ безусловное принятіе обѣихъ областей въ Союзъ, а, съ другой, устанавливалъ, что граница между территоріями съ рабствомъ и безъ рабства должна проходить къ западу отъ Миссисипи по 36° 30′ с. ш.

Существенная причина рѣзкости, съ какою велся съ обѣихъ сторонъ споръ о Миссури, заключалась въ томъ обстоятельствѣ, что одновременно съ тѣмъ происходила другая борьба интерессовъ между Сѣверомъ и Югомъ. Мы упоминали уже выше (стр. 474), что Нью-Іоркъ, еще до принятія союзной конституціи, оградилъ себя системой покровительственныхъ пошлинъ, ради поддержанія своей молодой промышленности. Чѣмъ болѣе эта послѣдняя развивалась во всѣхъ сѣверо-восточныхъ штатахъ, тѣмъ распространеннѣе было желаніе покровительства съ помощью союзныхъ законовъ. Къ этому стремленію присоединились сѣверо-западные штаты, въ которыхъ фермеры, по преимуществу, посвящали себя воздѣлыванію хлѣбныхъ растеній. Напротивъ, безусловный интересъ Юга заключался въ свободной торговлѣ. Онъ производилъ лишь немногіе товары, которые въ видѣ сырыхъ продуктовъ вывозились массами изъ области южныхъ штатовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, всю свою потребность въ мануфактурныхъ товарахъ онъ покрывалъ извнѣ и не могъ видѣть равнодушно, что таможенное покровительство затрудняло иностранную конкуренцію на его рынкахъ и удорожало необходимые ему предметы. При этомъ ему вдвойнѣ было неприятно не только усиливать покровительственнымъ тарифомъ промышленность сѣверянъ, служившую главнымъ факторомъ быстраго возрастанія ихъ численности, но и вытѣсненіемъ иноземной конкуренціи становиться въ прямую зависимость отъ сѣверныхъ штатовъ, въ отношеніи произведеній ихъ промышленности. Тѣмъ не менѣе, въ 1824 г. въ обѣихъ палатахъ конгресса большинствомъ немногихъ голосовъ прошелъ законопроектъ, которымъ умѣренныя покровительственныя пошлины превращались въ союзный законъ. Борьба между сторонниками свободной торговли и сторонниками покровительственныхъ пошлинъ, вслѣдствіе того, конечно, не утихла и тѣмъ менѣе могла вовсе прекратиться: съ такой же энергіей, съ какой сѣверяне боролись за дальнѣйшее повышеніе пошлинъ, южане стояли за ихъ уничтоженіе.

Когда Монроэ (ср. выше, стр. 485), въ 1824 г., послѣ второго періода своего президентства (1821—1825), вернулся къ частной жизни, онъ могъ съ полнымъ удовлетвореніемъ оглянуться на результаты своихъ трудовъ. Престижъ правительства былъ усиленъ внутри и извнѣ, экономическое развитіе направлено на многообѣщавшіе пути, и финансовое положеніе достаточно установлено. И при его преемникѣ, Джонѣ Кинси Адамсѣ (1825—29), сынѣ второго президента, Джонѣ Адамсѣ, обстоятельства, въ сущности, оставались тѣми же самыми, и не только по отношенію къ благопріятному внѣшнему развитію, но и къ неблагопріятному продолженію внутренняго раздора.

Джонъ Кинси Адамсъ былъ въ 1825 г. возведенъ на мѣсто президента въ качествѣ кандидата сѣверянъ, но онъ далекъ былъ отъ того, чтобы исправлять свою должность въ партійномъ духѣ. Съ трибуны конгресса величайшіе ораторы, какими обладала Америка, направляли политическую жизнь партій — Калгунъ (ср. выше, стр. 483), какъ вождь Юга, и Уэбстеръ, какъ предводитель Сѣвера. Діалектика ихъ, правда, не свободна отъ остроумныхъ софизмовъ, но эти люди все-таки были представителями политическихъ убѣжденій, а не одніхъ матеріальныхъ интересовъ. Содержаніе ихъ могучаго словеснаго турнира заключалось, главнымъ образомъ, въ тарифной реформѣ. Сторонники покровительственныхъ пошлинъ въ каждомъ новомъ конгрессѣ выступали въ увеличенномъ числѣ, и міровое положеніе, повидимому, тогда рѣшительно оправды-

вало ихъ стремленія. Англія, съ ежегоднымъ ввозомъ на сумму 25 милліоновъ долларовъ, все еще была главнымъ поставщикомъ Соединенныхъ Штатовъ. Однако, вмѣсто благопріятнаго отношенія къ торговлѣ такого значительнаго потребителя, Англія еще разъ вернулась къ строгому примѣненію навигаціонныхъ актовъ, отказалась отъ заключенія торговаго договора и добивалась полнаго вытѣсненія американцевъ изъ ихъ Вестъ-Индскихъ владѣній. Поэтому покровительственная пошлина противъ англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій была столько же политической, сколько и экономической мѣрой; сознаніе этого доставило ей большинство въ обѣихъ палатахъ конгресса. Тѣмъ не менѣе, въ оппозиціи южнаго меньшинства все болѣе и болѣе проявлялись черты возмущенія; однажды, еще при Адамсѣ, она прямо поставила вопросъ объ авторитетѣ власти Союза. Георгія, желая освободиться отъ неудобнаго остатка своего индѣйскаго населенія, заключила съ нѣсколькими начальниками криковъ договоръ, который оказался несомнѣннымъ нарушеніемъ закона, такъ какъ договаривающіеся дѣйствовали безъ согласія всего племени и притомъ, очевидно, были подкуплены. И все-таки, губернаторъ и законодательный корпусъ штата не только отстаивали договоръ противъ отмѣны его президентомъ, но и противъ рѣшенія союзнаго суда, и прибѣгали по отношенію къ союзнымъ властямъ къ такой вызывающей формѣ, что для правительства было почти позоромъ, когда представители Георгіи, въ концѣ концовъ, добились не только изгнанія индѣйцевъ, но, при преемникѣ Адамса, и утвержденія незаконнаго договора.

Ученіе о верховной власти отдѣльныхъ штатовъ и въ этомъ случаѣ часто привлекалось къ дѣлу; оно было непосредственно примѣнено въ еще болѣе рѣзкой формѣ другимъ изъ южныхъ штатовъ. Южная Каролина, уже при Джонѣ Кинси Адамсѣ, заявила, что она не согласна подчиняться политикѣ повышенныхъ покровительственныхъ пошлинъ, но въ ту минуту удовольствовалась однимъ протестомъ, такъ какъ приближался выборъ президента и ожидалось возведеніе на этотъ постъ человѣка, который давалъ надежду на устраненіе покровительственныхъ пошлинъ. Эндрью Джэксонъ, герой семинольской войны, побѣдитель Новаго Орлеана (ср. выше, стр. 484), уже въ предыдущей избирательной борьбѣ собралъ относительное большинство голосовъ и утверждалъ, что пальма первенства была вырвана у него изъ рукъ только недостойной сдѣлкой между Адамсомъ и президентомъ сената, созваннаго для рѣшенія спора. Не подлежало никакому сомнѣнію, что онъ окажется излюбленнымъ кандидатомъ въ новой избирательной борьбѣ, такъ какъ доктринерское безпристрастіе Адамса отвратило отъ него даже его друзей. Такъ какъ Джэксонъ представлялъ собою характерное выраженіе Юга, то этотъ послѣдній ожидалъ отъ избранія генерала, пользовавшагося расположеніемъ народа, не только устраненія таможенныхъ стѣсненій, но и вообще рѣшительной политики въ интересахъ Юга. Избраніе Джэксона въ 1828 г. подавляющимъ большинствомъ, во всякомъ случаѣ, создало рѣзкій переворотъ въ исторіи Соединенныхъ штатовъ; тѣмъ не менѣе, вожаки южныхъ штатовъ считали свои надежды неудовлетворенными.

Джэксонъ обладалъ чрезвычайно достойнымъ и доброжелательнымъ характеромъ; благо государства, во всей его совокупности, какъ, къ своему вреду, могъ замѣтить Югъ, стояло для него выше, чѣмъ этого можно было ожидать, судя по многимъ неправильностямъ его прежней жизненной карьеры. Впрочемъ, умственное образованіе его не вполнѣ соотвѣтствовало крупной задачѣ, какую возлагало на него управленіе Союзомъ. Даже то обстоятельство, что онъ вступилъ въ Бѣлый Домъ, какъ избранникъ массъ въ широкомъ смыслѣ слова, было для него невыгодно, такъ какъ онъ не умѣлъ смѣлыхъ требованій, предъявлявшихся ему вождями демагоговъ, различать по ихъ настоящимъ стимуламъ, или достойнымъ образомъ

держаться вдалекѣ отъ нихъ. Оказавшись слишкомъ доступнымъ различнымъ внушеніямъ съ задняго крыльца, онъ явился виновникомъ гибельной системы, получившей съ его президентствомъ право гражданства, системы, въ силу которой обязанностью вновь избраннаго президента считается награждать своихъ приверженцевъ назначеніемъ ихъ на выгодныя государственныя должности, что естественно можетъ происходить лишь путемъ удаленія прежнихъ замѣстителей ихъ. Но вообще Джэксонъ въ своей правительственной политикѣ руководился здравымъ смысломъ, свойственнымъ ему въ выдающейся степени. Ненависть, съ какой онъ преслѣдовалъ Банкъ Соединенныхъ Штатовъ и, наконецъ, довольно самовластно, закрылъ его своимъ распоряженіемъ, съ національно-экономической точки зрѣнія, была близорукой и привела къ финансовому кризису, который причинилъ тяжелыя потери Союзу. Но идея, какою онъ руководился, была несомнѣнно справедливою; съ своей тогдашней организаціею, Банкъ фактически былъ не что иное, какъ точка опоры для крайне своэкорыстныхъ и отчасти недобросовѣстныхъ предпріятій быстро усиливавшихся дѣльцовъ янки.

Относительно тарифнаго вопроса Джэксонъ осторожно воздерживался отъ рѣшительнаго вмѣшательства. Конгрессъ, въ сущности, держался и въ 1832 г. системы покровительственныхъ пошлинъ, и нѣсколько понизилъ лишь отдѣльныя, особенно непопулярныя пошлины, чтобы отнять оружіе у оппозиціи. Большинство южныхъ штатовъ спокойно принимало эти факты, хотя безъ исключенія стояло на сторонѣ оппозиціи, и довольствовалось простыми протестами. Наоборотъ, въ Южной Каролинѣ движеніе противъ покровительственныхъ пошлинъ все болѣе и болѣе пріобрѣтало революціонный характеръ. Законодательное собраніе этого штата прямо объявило тарифныя постановленія 1828 и 1832 гг. необязательными для ихъ области и назначило 1-е февраля 1833 г. срокомъ, послѣ котораго покровительственныя пошлины теряютъ свою силу, если до тѣхъ поръ конгрессъ самъ не отмѣнитъ ихъ. Джэксонъ въ началѣ своего жизненнаго поприща не отнесся бы слишкомъ щепетильно къ повиновенію, требуемому центральной властью; но съ тѣхъ поръ, какъ онъ самъ стоялъ во главѣ государства, для него не могло быть никакого сомнѣнія въ томъ, что всякое сопротивленіе союзнымъ законамъ является преступленіемъ, за которое онъ, въ качествѣ быстрой и сильной исполнительной власти, всего легче можетъ отомстить вооруженной силой. Его образъ дѣйствій противъ Южной Каролины, несмотря на эти колебанія, оставался въ предѣлахъ строгой законности. Когда штатъ воспротивился его указаніямъ и остался при своемъ противозаконномъ рѣшеніи, онъ представилъ конгрессу билль, по которому союзное правительство пріобрѣтало право при извѣстныхъ обстоятельствахъ слѣдить за исполненіемъ союзныхъ законовъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Для дальнѣйшаго развитія Соединенныхъ Штатовъ было бы несомнѣннымъ благодѣяніемъ, если бы этотъ конфликтъ разрѣшился тогда вооруженной силою. Несмотря на тайныя симпатіи въ извѣстныхъ кружкахъ южанъ, Южная Каролина стояла въ то время одиноко, и дѣло ея было несомнѣнно въ дурномъ положеніи. Никогда не бывало болѣе подходящей личности для насильственнаго проведенія идей Союза, какъ Джэксонъ, который самъ безусловно принадлежалъ къ партіи южанъ и пользовался необычайной популярностью. Если бы тогда Южная Каролина вынуждена была къ повиновенію, то споръ о главенствѣ Союза или Штатовъ закончился бы уже въ 1833 г., и война между Сѣверомъ и Югомъ стала бы невозможною. Однако, централистическая партія и сѣверяне не имѣли мужества поднять перчатку, брошенную имъ Южной Каролиной. Распря разрѣшилась компромиссомъ, который настоящій спорный пунктъ оставилъ открытымъ и, вслѣдствіе того, несмотря на непосредственную побѣду, означалъ собою

пораженіе союзной власти. Основа, на которой состоялось соглашеніе, представлялъ законъ о постепенномъ пониженіи покровительственныхъ пошлинъ въ умѣренномъ размѣрѣ; онъ былъ прежде всего постановленъ конгрессомъ, такъ что Южная Каролина могла взять назадъ свое отрицательное рѣшеніе, и билль о вооруженной силѣ, который, тѣмъ не менѣе, былъ принятъ, оказался недѣйствительнымъ еще до вступленія своего въ законную силу.

Джэксонъ, какъ и большинство его предшественниковъ, въ теченіе двухъ періодовъ своей власти (1829—37) стоялъ во главѣ всѣхъ государственныхъ дѣлъ, но уже послѣ него въ теченіе долгаго времени это не удавалось ни одному президенту. Для государства правильно повторявшаяся смѣна главы не могла быть благодѣтельной въ особенности потому, что почти всѣ президенты подражали системѣ Джексона — увольненію служащихъ съ цѣлью доставленія мѣстъ, въ видѣ награды, своимъ приверженцамъ. Это должно было производить самое вредное вліяніе на преданность долгу и добросовѣстность чиновниковъ, такъ какъ способность къ исполненію должности опредѣлялась не личною опытностью и усердіемъ, но зависѣла отъ услугъ, оказанныхъ извѣстнымъ лицомъ партіи или самому президенту. Поэтому изъ круговъ, служащихъ государству, исчезъ консервативный, устойчивый элементъ. Необычайно развитой, уже съ самаго начала американской общины, дѣловой духъ проникъ и въ правительственныя учрежденія, и весь народъ, начиная съ его главы, привыкъ считать опредѣляющими образъ его дѣйствій такія основныя положенія, согласно которымъ цѣль оправдываетъ средства, и успѣхъ является единственнымъ мѣриломъ всѣхъ вещей.

Въ глазахъ понимающихъ дѣло политиковъ, эти невыгодныя стороны вполнѣ вознаграждались выгодами, какія организація партіи извлекала изъ этой мѣры. Въ Нью-Іоркѣ, гдѣ къ государственнымъ выборамъ впервые была примѣнена эта система въ большомъ масштабѣ, подъ вліяніемъ ея не только произошло ясное и опредѣленное раздѣленіе партій: въ виду выгодъ, непосредственно доставляемыхъ побѣдой, выработалась такая строгая партійная дисциплина, что каждое личное уклоненіе отъ извѣстныхъ воззрѣній у отдѣльныхъ сочленовъ группъ внутри партіи безусловно отступало на второй планъ передъ платформой, выставлявшейся въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ отъ имени всей партіи. Именно эти процессы повторились въ гораздо большемъ масштабѣ, когда въ управленіе Союза проникла система наживы и повела къ рѣзко выраженной системѣ партій, которою населеніе Соединенныхъ Штатовъ отличается и теперь еще отъ всѣхъ другихъ націй.

Значительной, получившей историческое значеніе партіей этой страны была партія демократовъ. Она вполнѣ воплощала въ себѣ воззрѣнія основателей сѣверо-американской независимости. И эти послѣдніе конституціей 1787 г., въ дѣйствительности, создали лишь предохранительную мѣру отъ угрозъ прибывавшей волны слишкомъ далеко заходящей децентрализаціи и связанныхъ съ нею бѣдствій; въ ней пытались разрѣшить трудную задачу соединенія дѣятельной центральной власти съ возможно неограниченной свободой всѣхъ отдѣльныхъ членовъ. Партія федералистовъ возникла и пріобрѣла временное значеніе лишь во время переговоровъ о конституціи. Но такъ какъ она не обладала твердой опорой въ обширныхъ народныхъ массахъ и не могла создать ее даже и въ послѣдующее время, — она вскорѣ рушилась и потеряла всякое значеніе. Напротивъ, возникшая изъ партіи анти-федералистовъ демократическая партія развивалась непрерывно, выставляя своимъ главнымъ требованіемъ неограниченное главенство и право на самостоятельность отдѣльныхъ штатовъ, какъ первое и высшее начало. Демократическая партія вовсе не была сперва представи-

тельницей интересовъ южныхъ штатовъ, хотя на первыхъ порахъ въ ней несомнѣнно играли руководящую роль представители южныхъ и среднихъ штатовъ. Но и эта роль имѣетъ историческое значеніе; уже въ войнѣ за независимость представители названныхъ штатовъ поддерживали дальновидную національную политику, между тѣмъ какъ самые значительные представители сѣверо-востока оставались болѣе или менѣе въ узкомъ кругу мѣстныхъ интересовъ. Перевѣсъ этихъ вліяній въ политикѣ федералистовъ ослабилъ силу ихъ партіи послѣ первыхъ успѣховъ, тогда какъ демократы, въ качествѣ носителей послѣдовательной, національной и консервативной политики, все болѣе и болѣе усиливались. Тѣмъ не менѣе, ихъ партія, по крайней мѣрѣ, послѣ неповиновенія Южной Каролины (ср. выше, стр. 526), раздробилась на два отдѣла, мнѣнія которыхъ значительно различались между собою. Впрочемъ, радикально-демократическая фракція, которая въ упомянутой борьбѣ показала первое проявленіе своей силы, сперва была меньшинствомъ, имѣвшимъ небольшое значеніе. Ея притязанія не одобрялись значительно превышавшимъ большинствомъ политиковъ южныхъ штатовъ не только изъ тактическихъ причинъ, изъ желанія отвратить опасность, чтобы сѣверные приверженцы партіи могли пострадать отъ этого: оно въ нихъ, какъ и въ сѣверныхъ единомышленникахъ, видѣло уклоненіе отъ традиціоннаго догмата партіи.

Въ качествѣ поборниковъ интересовъ отдѣльныхъ штатовъ, демократы были противниками высокихъ покровительственныхъ пошлинъ, которыя ради выгодъ торговаго и промышленнаго сѣвера обременяли весь Союзъ. Но политика ихъ сочленовъ, избиравшихся въ президенты, показывала, что они вовсе не безусловные фритредеры, хотя интересы южныхъ штатовъ настолько же требовали свободной торговли, насколько интересы сѣвера— покровительственныхъ пошлинъ. Они стремились только къ тому, чтобы таможенная система оставалась въ правильномъ отношеніи къ потребностямъ союзнаго правительства. Какъ только избытки таможенныхъ доходовъ начинали накопляться (а это случалось много разъ въ первой половинѣ прошлаго столѣтія), они требовали, чтобы пошлины, которыя сами по себѣ были преміей, уплачиваемой югомъ въ пользу сѣвера, были понижены до такихъ ставокъ, которыя соотвѣтствовали бы истинной потребности государственной казны. Вражда демократовъ съ государственнымъ банкомъ возникла изъ того же источника. Банкъ въ рукахъ ихъ политическихъ противниковъ сдѣлался опасной деморализирующей силой, работающей лишь въ интересахъ сѣверныхъ спекулянтовъ. Фактически банку было суждено лишь непродолжительное существованіе. При управленіи преемника Джэксона, мѣсто государственнаго банка заняло независимое казначейство, послѣ того, какъ растрата государственныхъ денегъ временно вызвала болѣзненную спекулятивную лихорадку въ цѣломъ рядѣ денежныхъ учрежденій, что̀ по необходимости повело къ краху обширныхъ размѣровъ. Эта мѣра, имѣвшая большое значеніе, сдѣлала излишней въ программѣ партіи опредѣленное отношеніе къ банковому вопросу.

Противники демократовъ сперва были лишены всякой организаціи. Послѣ крушенія федералистической партіи (ср. выше, стр. 481) они долгое время не могли выставить никакой программы, которая давала бы возможность собрать воедино разрозненные элементы. Стремленіе къ сильной правительственной власти, въ качествѣ программы партіи, не имѣло силы даже на сѣверѣ и ослаблялось тѣмъ, что политики, выступившіе вновь подъ именемъ виговъ, хотѣли навязать веденіе обще-полезныхъ работъ (каналовъ, а вскорѣ затѣмъ и желѣзныхъ дорогъ) союзному правительству, а не отдѣльнымъ штатамъ. Рядомъ съ этимъ, покровительственныя пошлины и отъ времени до времени финансовые вопросы служили поводомъ къ тому, чтобы партія занимала опредѣленное положеніе. Но свою главную задачу она видѣла въ безусловной оппозиціи преобладанію

демократовъ. Отсюда развилась оскорбительная грубость избирательной борьбы, которая гораздо болѣе заключалась въ вытѣсненіи кандидатовъ противной партіи, чѣмъ въ разъясненіи и обоснованіи принциповъ.

Джэксонъ, даже въ концѣ второго періода своей должностной дѣятельности, настолько былъ любимъ народомъ, что наименованіе имъ преемника почти равносильно было его нареченію. Подавляющимъ большинствомъ былъ избранъ въ президенты (1837—41) Мартинъ фанъ Буренъ, сѣверный демократъ изъ Нью-Іорка, гдѣ организація партіи и проведеніе политики наживы въ обширныхъ размѣрахъ считались его дѣломъ. Обѣщаніе продолжать во всѣхъ отношеніяхъ политику своего предшественника онъ сдержалъ вполнѣ: все его правленіе было продолженіемъ системы Джэксона.

Наслѣдство, принятое Буреномъ, не было, впрочемъ, пріятнымъ во всѣхъ направленіяхъ. Финансовая политика Джэксона разнуздала спекуляцію, которая своимъ предметомъ избрала прежде всего еще нетронутыя сокровища дальняго запада. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ много милліоновъ были употреблены для покупокъ земли въ западныхъ территоріяхъ, и цѣнность земли въ этихъ неизслѣдованныхъ территоріяхъ въ короткое время удесятерилась. При этомъ естественно множество ловкихъ спекулянтовъ разомъ сдѣлались богатыми людьми. Однако, прежде, чѣмъ эти воображаемыя цѣнности могли реализироваться путемъ дѣйствительнаго развитія, должны были, несмотря на баснословно быстрое расширеніе путей сообщенія и заселенія (см. таблицу „Три ступени роста Санъ-Франциско“), пройти еще годы, что́ не было принято во вниманіе тѣми, въ чьихъ рукахъ оказались въ концѣ концовъ земельныя облигаціи. Когда безденежье Европы коснулось и Соединенныхъ Штатовъ, фиктивныя цѣнности стали падать; невозможность продажи ихъ повела непосредственно къ такому паденію, которое увлекло за собой всѣ другія дѣйствительныя и дутыя предпріятія.

Если даже на правительствѣ не было почти никакой, а на Буренѣ уже совершенно никакой вины во всемъ происходившемъ, онъ все же не могъ воспрепятствовать тому, чтобы его популярность и значеніе его партіи не были этимъ существенно подорваны. Уже въ 1837 г. можно было предвидѣть, что фанъ Буренъ имѣетъ мало шансовъ на то, чтобы занять во второй разъ президентское кресло. Это, дѣйствительно, и не удалось ему, несмотря на всѣ махинаціи соединенной правительственной машины и партійной организаціи, которыми онъ умѣлъ пользоваться въ своихъ интересахъ лучше всякаго другого. Но онъ потерпѣлъ пораженіе не потому, что программа демократовъ была отклонена или потому, что противная партія могла выставить болѣе жизнеспособную программу. Напротивъ, въ это время опять можно было замѣтить, насколько основные принципы демократической партіи совпадали съ воззрѣніями почти всего населенія. Еще при Джэксонѣ небольшая, но дѣятельная кучка идеалистовъ вызвала движеніе, конечной цѣлью котораго было уничтоженіе рабства. Первые шаги ея на этомъ пути вовсе не были разрушительными. Но уже выступленіе партіи, которая стремилась, хотя бы только въ принципѣ, признать негровъ-невольниковъ равноправными людьми и гражданами, вызвало общую бурю негодованія, и даже не столько на югѣ, гдѣ просто смѣялись надъ подобными мечтаніями, сколько на сѣверѣ.

Аристократическое сознаніе превосходства бѣлой кожи, которое въ невольническихъ штатахъ даже самаго жалкаго нищаго и бродягу заставляло смотрѣть съ презрѣніемъ на черныхъ, почти безъ изъятія раздѣлялось всѣми и на сѣверѣ. У богатыхъ торговцевъ и судостроителей это происходило отъ личныхъ и дѣловыхъ отношеній къ крупнымъ землевладѣльцамъ юга, такъ какъ на экономической зависимости отъ нихъ основывались въ значительной степени выгоды сѣвера. Средніе штаты были

 Т-во „Просвѣщеніе“ въ Спб.

Три ступени роста Санъ-Франциско.

Вверху: въ ноябрѣ 1848; по срединѣ: въ 1858 году; внизу: въ концѣ 19-го столѣтія. (Оба верхнихъ вида со старыхъ гравюръ на стали, нижній съ фотографіи, рис. О. Шульцъ.)

менѣе связаны подобными соображеніями. Правда, и тамъ рабство поддерживалось государственными законами, но естественныя условія были не совсѣмъ благопріятны невольническому хозяйству. Значительная часть тамошняго населенія состояла изъ свободныхъ, мелкихъ земельныхъ собственниковъ, и сосѣдство свободныхъ штатовъ способствовало тому, что этотъ элементъ усиливался изъ года въ годъ и оказывалъ все большее и большее вліяніе на законодательство. Но тамъ, гдѣ невольничье хозяйство было вынуждено вступать въ непосредственную конкуренцію съ свободнымъ трудомъ, видно было съ перваго взгляда, что долго оно держаться не могло. Вслѣдствіе того, лишь небольшая часть населенія этихъ штатовъ вела рабовладѣльческое хозяйство въ настоящемъ смыслѣ. Плантаторы занимались преимущественно воспитаніемъ негровъ-невольниковъ. Тяжелая работа и жестокое обращеніе вели къ тому, что настоящее рабочее населеніе негровъ-невольниковъ выказывало лишь незначительное естественное размноженіе. Общій ходъ экономическаго развитія двигался, однако, въ такомъ направленіи, что невольническое хозяйство становилось относительно все менѣе и менѣе выгоднымъ, и рабовладѣльцы могли поддерживать свои богатство и положеніе только тѣмъ, что постоянно увеличивали размѣры своего предпріятія. Но для этой цѣли имъ постоянно были нужны новые рабы. Такъ какъ покупка ихъ въ Африкѣ была почти прекращена съ помощью строгихъ мѣръ, то сама собой напрашивалась мысль о размноженіи въ самой странѣ этого рабочаго матеріала, на который былъ постоянно сильный спросъ. Это происходило естественно черезъ посредство среднихъ штатовъ, въ которыхъ невольничій трудъ не вознаграждался достаточно, но сосѣдство дѣлового сѣвера служило толчкомъ къ занятію этимъ выгоднымъ дѣломъ. Движеніе, ставившее себѣ цѣлью устраненіе рабства (движеніе аболиціонистовъ), приводило только къ перемѣнѣ предмета дѣловой дѣятельности, но не уничтожало самого дѣла. Такъ какъ за этимъ движеніемъ зорко слѣдили, то оно не внушало серьезнаго страха.

Даже и на сѣверѣ, среди почти исключительно свободнаго населенія, это движеніе находило только ожесточенныхъ враговъ. Здѣсь выгодныя и убыточныя стороны невольническаго хозяйства знали только по имени, но все негодованіе настоящей американской крови поднималось противъ каждаго, кто намѣревался сдѣлать презираемаго, почти не признававшагося человѣкомъ негра жизненнымъ членомъ государства, строй котораго неустанно прославлялся со всѣхъ сторонъ, какъ неприкосновенная святыня. Съ аболиціонистами, насколько они позволяли себѣ выступать среди народа, легко раздражавшаяся масса справлялась безъ труда: неоднократно въ отдѣльныхъ мѣстахъ происходили вспышки, угрожавшія жизни и собственности противниковъ рабства, но въ народѣ это движеніе разсѣивалось безъ слѣда.

Инымъ было положеніе вещей въ парламентѣ. И здѣсь существовало преобладающее большинство, которое ничего не хотѣло знать о движеніи. Это большинство вовсе не состояло изъ непосредственно заинтересованныхъ лицъ, хотя радикальное крыло его, быть можетъ, находилось въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ аболиціонистами. Большинство было весьма значительно и оставалось еще долгое время сплоченной массой потому, что аболиціонистское движеніе безспорно стояло въ противорѣчіи съ конституціей. Конституція избѣгала даже прямо произносить слово „невольника", но она въ совершенно ясныхъ обходныхъ выраженіяхъ обѣщала всѣмъ гражданамъ Союза защиту ихъ общей собственности, и не только въ тѣхъ штатахъ, въ которыхъ съ разрѣшенія правительства поселены были негры, но и безусловно во всѣхъ штатахъ Союза. Каждый законъ, который дозволялъ рабовладѣльцу переселяться съ своими рабами изъ одного штата въ другой, строго говоря, былъ нарушеніемъ конституціи. Эта точка зрѣнія находила себѣ выраженіе въ неоднократно издававшихся союзнымъ

правительствомъ и подтверждавшихся во всѣхъ штатахъ законахъ о выдачѣ бѣглыхъ невольниковъ, законахъ, непосредственно примыкавшихъ къ извѣстнымъ конституціоннымъ законамъ. Такимъ образомъ, аболиціонистское движеніе, сколько бы оно ни оправдывалось съ нравственной точки зрѣнія, по буквѣ закона было противно конституціи.

На сколько можно говорить, что въ конгрессѣ существовала партія въ пользу аболиціонизма, это можно сказать, главнымъ образомъ, о Джонѣ Кинсеѣ Адамсѣ, который неутомимо представлялъ конгрессу новыя петиціи, обращенныя противъ рабства. За эту дѣятельность онъ заслужилъ много похвалъ. Съ другой стороны, законы, которыми конгрессъ старался остановить этотъ искусственно поддерживавшійся потокъ петицій, заклеймили названіемъ: „цѣпныхъ законовъ", и ихъ виновниковъ осыпали тяжкими нравственными оскорбленіями. Оба сужденія несправедливы. Дѣло, за которое, повидимому, боролся Адамсъ, было еще далеко отъ своего рѣшенія, и конгрессъ, оставаясь на почвѣ конституціи, не могъ взяться за него иначе, какъ прибавленіемъ новаго закона къ основнымъ законамъ страны. Положеніе, принятое Адамсомъ, было въ значительной степени парламентской партійной тактикой, такъ какъ самъ онъ былъ далекъ отъ того, чтобы желать серьезнаго и правильнаго рѣшенія вопроса. Въ избранной имъ формѣ борьба могла лишь обострять несомнѣнно существовавшія крайности, вмѣсто того, чтобы примирять ихъ, и отнимать отъ конгресса дорогое время, которое было нужно ему для болѣе настоятельныхъ дѣлъ. Во всякомъ случаѣ, депутаты сѣверныхъ штатовъ не заслуживаютъ основательнаго упрека за то, что они противились его предложеніямъ.

Все развитіе Союза еще въ первой половинѣ прошлаго вѣка не могло оставлять никакого сомнѣнія, что и въ Соединенныхъ Штатахъ дни рабства сочтены. Безъ всякаго запрещенія со стороны правительства оно угасало самой собой въ значительной части штатовъ Союза, а въ другой части, несмотря на законодательное покровительство, хотя медленно, но постоянно сокращалось. Даже и въ тѣхъ штатахъ, экономическая жизнь которыхъ основывалась на немъ, оно все болѣе и болѣе вызывало вопросовъ и споровъ, заставлявшихъ испытывать самихъ ревностныхъ защитниковъ его всѣ недостатки этого учрежденія на самихъ себѣ; поэтому, въ концѣ концовъ, оно должно было постепенно пережить себя и исчезнуть. Естественный процессъ умиранія его былъ, впрочемъ, столь медленнымъ, что Америка долго еще стонала отъ тяжелыхъ сторонъ рабства послѣ того, какъ весь остальный міръ сбросилъ съ себя оковы его. Тѣмъ не менѣе, движеніе, которое въ недавно минувшемъ столѣтіи вообще устранило рабство на большей части земной поверхности, не могло не отразиться, въ видѣ сознанія собственной пользы, и на Соединенныхъ Штатахъ, если бы они даже и не нашли нравственнаго мужества приступить къ рѣшительному шагу. Но въ томъ видѣ, въ какомъ велась борьба противъ рабства, она вовсе не была величественнымъ зрѣлищемъ побѣды возвышенной идеи, а скорѣе доказательствомъ того, что эта идея, вслѣдствіе сліянія съ вопросами политическаго и матеріальнаго интереса, почти совершенно утратила свое высшее оправданіе.

Южные штаты въ теченіе всей борьбы за рабство вели оборонительную войну. Они находились въ положеніи осажденной крѣпости, которая какъ ни хорошо была снабжена въ данную минуту всѣмъ потребнымъ для войны, почти съ математической точностью могла предвидѣть время, когда она вынуждена будетъ сдаться. Разсчетъ побуждалъ и къ нападеніямъ и вылазкамъ, которые должны были доставлять ей средства сопротивленія на болѣе продолжительный срокъ. Но побѣда надъ противникомъ была внѣ предѣловъ возможнаго. Сѣверные штаты могли вести борьбу въ томъ убѣжденіи, что уже само время, въ концѣ концовъ, вру-

чить имъ вѣнокъ побѣдителя. Тѣмъ временемъ они не только внутренно продолжали постоянно крѣпнуть, но и извнѣ къ нимъ присоединялись новые союзники въ видѣ территорій, примыкавшихъ къ Штатамъ. Ни для кого не было тайной, что и въ штатахъ и территоріяхъ, въ которыхъ рабство было неограниченнымъ, для этого послѣдняго свободный трудъ представлялъ опасную конкуренцію. Жизнь скваттеровъ давала слишкомъ много случаевъ для развитія личности, чтобы рабство могло торжествовать полную побѣду въ молодыхъ государственныхъ образованіяхъ. Даже тогда, когда направляли переселенцевъ изъ настоящихъ невольническихъ штатовъ въ западныя территоріи, часть ихъ, благодаря мѣстнымъ условіямъ, переходила къ свободному труду; съ другой стороны, никакое законодательство и никакія запрещенія не могли не допустить туда свободныхъ поселенцевъ. И это получило тѣмъ большее значеніе, что вообще существовало стремленіе противопоставить преобладанію Сѣвера въ палатѣ депутатовъ извѣстное равновѣсіе географическихъ отдѣловъ страны въ сенатѣ, для чего допущеніе одного штата какого-либо отдѣла зависѣло всегда отъ одновременнаго образованія штата другого отдѣла.

Эта борьба получила особенную окраску вслѣдствіе того, что она почти въ теченіе всего времени велась подъ руководствомъ людей, принадлежавшихъ къ партіи меньшинства, которое находилось въ состояніи обороны. Демократическая партія не всегда посылала въ Вашингтонъ президентовъ изъ южныхъ штатовъ. Однако, сѣверные демократы тогда только могли надѣяться занять высшее мѣсто въ государствѣ, когда они умѣли провести свое демократическое ученіе такъ, что съ ними не могла столкнуться крѣпче и плотнѣе организованная партія Юга. Прежде всего это не удалось фанъ Бурену. Такъ какъ въ концѣ періода его президентства оказалось многое, лежавшее на отвѣтственности правительства, то демократическая партія не имѣла никакой надежды провести ему въ преемники кого-либо изъ своихъ. Однако, виги были еще далеки отъ того, чтобы имѣть возможность послать въ Вашингтонъ человѣка, котораго они по праву могли причислить къ своей партіи. Они выставили въ качествѣ президента стараго, почти неизвѣстнаго въ политическомъ отношеніи, генерала Уильяма Генри Гаррисона, а въ качествѣ вице-президента Джона Тэйлера, личность, хотя уже и не принадлежавшую въ ту минуту къ демократической партіи, но имѣвшую среди нея болѣе друзей и приверженцевъ, чѣмъ среди виговъ; только благодаря тому, удалось выбрать своихъ кандидатовъ значительно преобладающимъ большинствомъ. Но этотъ видимый успѣхъ вскорѣ обнаружилъ свои настоящіе размѣры. Гаррисонъ вступилъ въ Бѣлый домъ лишь для того, чтобы умереть тамъ (въ апрѣлѣ 1841 года). Тэйлеръ, сдѣлавшись президентомъ, опять примкнулъ къ демократической партіи, общеніе съ которой онъ не прерывалъ.

Подъ давленіемъ экономическихъ отношеній, въ іюлѣ 1841 года удалось еще разъ, какъ въ сенатѣ, такъ и въ палатѣ депутатовъ, собрать большинство въ пользу возстановленія Банка Соединенныхъ Штатовъ, который все еще составлялъ важный пунктъ въ программѣ партіи виговъ. Однако, Джонъ Тэйлеръ, какъ президентъ этого періода (1841—45), не только наложилъ свое veto на это рѣшеніе, но и на повторившееся рѣшеніе конгресса въ этомъ направленіи. Такой образъ дѣйствій былъ признанъ за открытый разрывъ съ партіей, которая возвела его на президентское мѣсто. Въ общемъ президентство Тэйлера прошло безъ выдающихся событій; дипломатическія затрудненія съ Англіей, финансовые вопросы по устраненію вредныхъ послѣдствій краха и постепенное преобразованіе личнаго состава правительства въ духѣ демократической партіи, съ помощью которой Тэйлеръ надѣялся сохранить за собой президентство и на слѣдующій срокъ, наполняли все время, между тѣмъ, какъ событія большой важности подготовлялись въ тишинѣ, пока еще не требуя дѣятельнаго вмѣшательства.

Когда президентъ Монроэ издалъ знаменитую декларацію, которая еще недавно считалась руководящимъ началомъ внѣшней политики Соединенныхъ Штатовъ, хотя въ позднѣйшее время изъ нея выработалось нѣчто совершенно иное, тогда выдающіеся государственные люди держались воззрѣнія, что область Соединенныхъ Штатовъ достигла уже крайняго предѣла своего объема, какой только можно было соединить съ республиканской государственной формой, предусматривавшейся союзной конституціей. Но это воззрѣніе уже черезъ два десятилѣтія оказалось устарѣвшимъ. Оно могло казаться основательнымъ, пока большой бассейнъ Миссисипи вмѣщалъ лишь скудное населеніе, и пути и средства сообщенія находились въ началѣ своего развитія. Но быстрое и подвинувшееся особенно послѣ изобрѣтенія парохода пользованіе удобными водными путями, которыми сѣверо-американская озерная область соединена съ Гудзономъ, съ одной стороны, и съ Огайо и Миссури, съ другой, а затѣмъ въ серединѣ прошлаго столѣтія желѣзныя дороги, за проведеніе которыхъ Америка взялась раньше и энергичнѣе Стараго Свѣта, вскорѣ послужили къ устраненію затрудненій, вытекавшихъ изъ далекихъ разстояній. Уже въ срединѣ тридцатыхъ годовъ обладаніе береговой полосой на Тихомъ океанѣ казалось столь же необходимымъ предварительнымъ условіемъ свободнаго развитія Союза, какъ нѣкогда обладаніе устьемъ Миссиссипи. Необузданная спекуляція государственными землями запада, навлекшая такую финансовую опасность на дѣла союза, была не только менѣе гибельна для запада, но, въ особенности въ то время, когда пріобрѣтеніе малоцѣнныхъ земельныхъ владѣній представляло извѣстную выгодную сторону, дѣйствовала возбуждающимъ образомъ на тамошнюю колонизацію. Отдаленные земельные участки оправились всего быстрѣе отъ послѣдствій краха, и ихъ дѣйствительно существовавшія естественныя богатства все болѣе и болѣе привлекали къ границамъ цивилизаціи новыхъ переселенцевъ.

Эти событія естественно отражались въ старыхъ штатахъ въ такомъ направленіи, что дальнѣйшее перемѣщеніе западной границы Союза признавалось желательнымъ, а пространственное распространеніе равнозначущимъ съ національнымъ обогащеніемъ. Западная граница союза никогда не была установлена съ точностью. Во Флоридскомъ договорѣ (см. выше, стр. 485) Испанія отказалась отъ своихъ правъ на все протяженіе отъ океана до океана; однако, это было чисто бумажное право, такъ какъ Флорида никогда не простиралась до Тихаго океана. Сѣверо-западная граница съ Англіей также была спорною; въ то время, когда дальнему западу не придавалось еще никакого серьезнаго значенія, Соединенные Штаты, въ силу договора, согласились на общее управленіе Орегона англійскими и союзными чиновниками. Права владѣнія Соединенныхъ Штатовъ на выходъ въ Тихій океанъ, вслѣдствіе того, до недавняго времени оставались сомнительными. Но уже давно не было сомнѣнія въ томъ, какимъ образомъ они могли быть исправлены.

Отторженіе Техасской республики отъ Мексики (см. выше, стр. 518) было въ значительной степени дѣломъ обитателей дальнихъ лѣсовъ Сѣверной Америки и съ самаго начала преслѣдовало, какъ конечную цѣль, присоединеніе этихъ областей къ Союзу. Сѣверо-восточнымъ штатамъ не представлялось нужнымъ вмѣшиваться въ это дѣло, такъ какъ они не могли разсчитывать извлечь какія-либо дѣловыя выгоды изъ этой страны; для Юга имѣло первостепенное значеніе пріобрѣтеніе этихъ областей для будущихъ невольническихъ штатовъ. Однако, настоящую двигательную силу представило населеніе молодыхъ штатовъ Запада. Здѣсь на почвѣ, которая была пріобрѣтена уже послѣ образованія Союза, но въ короткое время представила собою необычайное развитіе, образовалась партія съ девизомъ: „великая Америка“, ближайшей цѣлью которой являлся только Техасъ, затѣмъ вся страна до Тихаго Океана, а, въ концѣ концовъ, поглощеніе всей разлагав-

шейся Мексиканской республики до Тегуантепека. Изъ ихъ рядовъ постоянно набирались бойцы, которые защищали отъ натисковъ мексиканцевъ техасское правительство, обезсиленное постояннымъ безденежьемъ: требованія ихъ объ удовлетвореніи неоднократныхъ ходатайствъ Техаса о принятіи въ союзъ, хотя бы подъ угрозою войны съ Мексикой, становились тѣмъ настоятельнѣе, чѣмъ болѣе тяжелыя обстоятельства этого мнимаго государства угрожали вмѣшательствомъ другихъ державъ.

Техасъ былъ недостаточно богатъ, чтобы, въ томъ состояніи одичанія, въ какомъ онъ находился, доставлять средства, потребныя для правительства. Въ началѣ злоупотребляли кредитомъ молодого государства и легкомысленно дѣлали долги въ надеждѣ покрыть ихъ вступленіемъ въ Союзъ. Однако, это вступленіе замедлялось, такъ какъ Мексика не хотѣла признать независимость Техаса и не хотѣла продать эту область. Но техасцамъ надоѣло выпрашивать помощи только у Соединенныхъ Штатовъ; они обратились также къ Франціи и, какъ говорятъ, по крайней мѣрѣ, къ Англіи. Тогда на политическомъ небѣ союза появился грозный призракъ чужой державы, утвердившейся на юго-западѣ и, быть можетъ, преграждающей доступъ къ океану. Уже Тэйлеръ старался отклонить эту опасность возобновленіемъ переговоровъ съ Мексикой; послѣдніе велись, однако, въ такомъ вызывающемъ тонѣ, что со дня на день можно было ожидать взрыва настоящей вражды. Но Тэйлеръ не могъ рѣшиться на объявленіе войны.

Въ избирательной борьбѣ 1844 года Техасскій вопросъ имѣлъ рѣшающее значеніе. Ему обязанъ былъ, самъ по себѣ не имѣвшій большого значенія, демократъ Джемсъ Ноксъ Полькъ (11-й президентъ 1845—1849) тѣмъ, что онъ одержалъ побѣду надъ кандидатами виговъ, Генри Клеемъ и президентомъ Тэйлеромъ. Клей высказался сперва противъ присоединенія Техаса, но, подъ конецъ, вооружилъ противъ себя и анти-аннексіонистовъ, перейдя на сторону присоединенія, въ видахъ избирательной тактики. Тэйлеръ своей нерѣшительной политикой въ Техасскомъ вопросѣ совершенно утратилъ уже сами по себѣ незначительные шансы на вторичное избраніе. Тѣмъ не менѣе, ему пришлось, уже въ послѣдніе дни исполненія своей обязанности, совершить присоединеніе сосѣдней республики. Хотя относящійся къ тому билль былъ не за долго передъ тѣмъ отвергнутъ сенатомъ, онъ вновь внесъ его въ конгрессъ на томъ основаніи, что результатъ выборовъ президента въ маѣ 1844 года обнаружилъ желаніе большинства народа въ пользу присоединенія; это, дѣйствительно произвело такое впечатлѣніе на народныхъ представителей, что билль прошелъ теперь въ обѣихъ палатахъ. Въ послѣдніе дни своего президентства Тэйлеръ заключилъ договоръ о присоединеніи, и уже въ слѣдующемъ году Техасъ былъ принятъ въ Союзъ, какъ 29-й штатъ (см. „Карты къ исторіи Америки“).

Но это было лишь внѣшнимъ рѣшеніемъ вопроса. Мексика считала названную страну юридически принадлежащей ей и отказывалась вступать съ Соединенными Штатами въ переговоры относительно техасскаго вопроса. Однако, союзное правительство сумѣло справиться съ этимъ затрудненіемъ; оно, прежде всего, отправило отрядъ войскъ противъ мексиканцевъ на западную границу новаго штата и вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшило вопросъ — должна ли р. Сабинъ или р. Нуэсесъ составлять границу, такъ какъ выдвинула войска за обѣ эти рѣки до Ріо-Гранде-дель-Норте. Какъ только мексиканцы при нападеніи на разсѣянный взводъ драгунъ пролили первую кровь, война оказалась объявленною. Во всей странѣ едва ли могъ найтись хоть одинъ голосъ, который рѣшился бы воспротивиться общему призыву къ мести за вызовъ со стороны мексиканцевъ.

На сѣверномъ театрѣ войны генералъ Захарія Тэйлоръ быстро одержалъ одну за другою цѣлый рядъ блестящихъ побѣдъ надъ мексиканцами:

въ началѣ 1847 г. сопротивленіе ихъ въ мѣстностяхъ, пограничныхъ съ Техасомъ, было совершенно сломлено. Это не могло быть однако окончательнымъ рѣшеніемъ дѣла; союзное войско, отдѣленное безконечными пустынями отъ настоящей Мексики, стояло на сотни миль отъ нея и испытанныя ею потери могли оказать лишь незначительное вліяніе. Тогда Полькъ долженъ былъ рѣшиться нанести болѣе чувствительный ударъ. Этотъ послѣдній былъ нанесенъ генераломъ Уинфильдомъ Скоттомъ въ такомъ видѣ, что онъ изъ Вера-Круса выступилъ противъ столицы. И съ этой стороны мексиканцы не могли оказать сѣверо-американцамъ никакого серьезнаго сопротивленія. Вера-Крусъ капитулировалъ въ мартѣ 1847 г. послѣ недолгой бомбардировки; какъ только Санта Ана рѣшался преградить путь непріятелямъ, направлявшимся къ столицѣ, онъ испытывалъ кровавыя пораженія. Тѣмъ не менѣе, даже и эти побѣды не давали президенту возможности пожать плоды его недобросовѣстной политики. Подъ сокрушающими побѣдами сѣверо-американскаго оружія рушилась диктатура Санта Аны, покоившаяся на слабыхъ опорахъ; когда союзныя войска вступили въ Мексико, тамъ уже не было никакого правительства, съ которымъ можно было бы заключить миръ. Побѣдители должны были прежде всего содѣйствовать возстановленію правительственной власти прежде, чѣмъ могли достигнуть своей настоящей цѣли — возвращенія правильныхъ отношеній между Соединенными Штатами и Мексикой.

Тѣмъ временемъ отношеніе къ полученнымъ благопріятнымъ результатамъ необычайно повысилось. Кромѣ техасскаго войска и вера-крусскаго отряда, былъ снаряженъ третій отрядъ для вторженія въ Калифорнію. Это послѣднее сопровождалось необычайной удачей: уже при самомъ вступленіи въ Калифорнію задача оказалась наполовину исполненной. Капитанъ Джонъ Чарльзъ Фримонтъ въ 1844 г., во время своего путешествія съ цѣлью изслѣдованія, посѣтилъ Калифорнскую пограничную область, но пребыванію въ ней придалъ такъ много политической окраски, что былъ высланъ изъ Санта-Фе. Однако, какъ только была объявлена война, онъ возвратился туда, овладѣлъ городомъ Сономой и водрузилъ на немъ союзный флагъ. Одновременно съ тѣмъ, американскій военный корабль въ Монтереѣ вошелъ въ бухту Санъ-Франциско и встрѣтилъ тамъ такъ мало серьезнаго сопротивленія, что его командиръ, съ помощью жившихъ тамъ американцевъ, завладѣлъ и этимъ важнымъ пунктомъ. Тогда было постановлено присоединеніе Калифорніи и Новой Мексики къ Союзу. Передъ этимъ совершившимся фактомъ мексиканское правительство должно было преклониться. Эту горькую пилюлю подсластили для него тѣмъ, что присоединеніе провинцій облекли въ форму покупки: за уплату 15 милліоновъ долларовъ Мексика уступила обширныя пространства земли, признала Техасъ членомъ Союза и согласилась считать Ріо-Гранде западной границей его. Такъ какъ въ это время дипломатическимъ путемъ достигнута была и уступка Англіей въ Орегонскомъ вопросѣ (ср. выше, стр. 534), при чемъ былъ признанъ границею 49° с. ш., Соединенные Штаты пріобрѣли на дальнемъ западѣ границы, которыя остались безъ измѣненія до настоящаго времени. Какую это имѣло важность — видно изъ того, что черезъ годъ въ Калифорніи было найдено первое золото.

Въ конгрессѣ мексиканскія побѣды имѣли весьма знаменательный откликъ. Такъ называемое предложеніе Уильмота заключало ходатайство о томъ, чтобы согласіе на уплату 15 милліоновъ обусловлено было устраненіемъ рабства во вновь пріобрѣтенныхъ областяхъ. Это предложеніе повело къ крайне утомительному и ожесточенному словесному состязанію. Въ концѣ концовъ, запрещеніе было отклонено, но и какъ вся эта борьба, оно имѣло весьма мало практическаго значенія. Свойства почвы Новой Мексики и Калифорніи само собою исключали способъ хозяйства, въ которомъ невольническій трудъ былъ бы выгоденъ. Кромѣ того, Кали-

форнія быстро пріобрѣла особый отпечатокъ, вслѣдствіе громаднаго прилива золотоискателей, которые, всѣ, почти безъ исключенія, были свободными работниками. Даже въ Техасѣ, гдѣ со времени присоединенія рабство было узаконено, оно вело лишь жалкое существованіе. Происходившее въ конгрессѣ имѣло значеніе лишь потому, что оно свидѣтельствовало объ усиленіи настроенія противъ рабства; это настроеніе было столько же выраженіемъ раздувавшейся противниками рабства ненависти къ этому учрежденію, какъ и признаніемъ его экономическаго вреда. Большинство и въ этомъ случаѣ, подъ конецъ, соединилось на рѣшеніи, повидимому, благопріятствующемъ рабству, но теперь это было слѣдствіемъ того, что нападеніе на это учрежденіе было, несомнѣнно, нападеніемъ на союзную конституцію. Тѣмъ не менѣе, изо всего хода рѣчей рабовладѣльческаго юга не могло не обнаружиться, что опасности, угрожавшія его экономическому обособленію, усиленно возрастали. Поэтому едва ли можетъ казаться удивительнымъ, что мысль о выступленіи изъ Союза, на которое южные штаты считали себя вправѣ въ согласіи съ демократическими принципами, и о болѣе тѣсномъ сближеніи группы штатовъ, благосостояніе которыхъ было всего непосредственнѣе связано съ сохраненіемъ невольничества, возникла вновь, хотя въ ближайшее время безъ всякихъ реальныхъ событій.

Эти обстоятельства не остались безъ вліянія на президентскіе выборы. Полькъ принесъ слишкомъ мало чести демократической партіи, чтобы ему можно было надѣяться на вторичное избраніе. Вся эта партія въ данную минуту была такъ слабо сплочена, что мало могла имѣть надеждъ на побѣду въ избирательной борьбѣ, и кандидатъ ея, Кассъ, сѣверянинъ, не былъ такимъ лицомъ, которое могло бы прикрыть слабость этой партіи. Между тѣмъ, противники ея, именно въ выборѣ личности, были особенно счастливы. Генералъ Тэйлоръ происходилъ изъ южныхъ штатовъ, былъ самъ рабовладѣльцемъ и не игралъ никакой политической роли, хотя и причислялъ себя къ правому крылу виговъ. Но его походъ въ Техасъ (см. выше, стр. 535) доставилъ ему популярность: подобно Джэксону и Гаррисону, онъ былъ народнымъ кандидатомъ. Тѣмъ не менѣе, однимъ вигамъ едва ли бы пришлось провести его избраніе; какъ партія, они были безсильнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Вся ихъ программа состояла въ томъ, чтобы собрать вокругъ себя противниковъ демократовъ, которые не хотѣли выступать вмѣстѣ съ малочисленными противниками рабства и не хотѣли присоединиться къ такъ называемымъ Know-nothings, партіи нативистовъ. Обѣ группы были обломками старой партіи виговъ; самымъ большимъ искусствомъ для вождей ихъ было установить такую платформу, которая давала бы возможность примкнуть къ нимъ въ данную минуту недовольнымъ всѣхъ партій. Надо было выставить такой ticket, который обѣщалъ бы слѣдовать собирательной политикѣ и послѣ успѣшныхъ выборовъ; въ качествѣ его, Тэйлоръ и Фильморъ были выбраны несомнѣнно съ большимъ искусствомъ.

Побѣда этихъ кандидатовъ означала пораженіе демократовъ, но никакъ не побѣду виговъ. Политика вращалась въ первое время вокругъ организаціи вновь пріобрѣтенныхъ областей; борьба, какую вели рабовладѣльцы за свои теоретическіе взгляды, еще болѣе, чѣмъ за дѣйствительные интересы, была долгою и ожесточенною. Прежде, чѣмъ она закончилась, умеръ президентъ Тэйлоръ (9-го іюля 1850 г.). Во второй разъ выступалъ на мѣсто президента, избраннаго партіей виговъ, еще до истеченія срока его власти, вице-президентъ, которому недоставало даже и той небольшой части приверженности партіи, какая Гаррисону и Тэйлору подготовила путь къ президентству. Миллардъ Фильморъ (13-й президентъ 1850—1853) былъ, правда, не въ такой степени отступникомъ отъ принциповъ партіи виговъ, какъ нѣкогда Тэйлеръ (ср. выше, стр. 533).

но онъ шелъ навстрѣчу представителямъ Юга до крайняго предѣла, въ надеждѣ этимъ путемъ создать себѣ успѣшную кандидатуру для будущихъ выборовъ. Весь періодъ его службы былъ почти исключительно наполненъ подготовленіемъ къ выборамъ, но надежды Фильмора не осуществились. Виги имѣли, правда, въ виду его переизбраніе, но избирательный конвентъ партіи отдалъ предпочтеніе генералу Скотту (ср. выше, стр. 536), хотя и не удалось сдѣлать этого послѣдняго народнымъ кандидатомъ. Съ большей удачей подражали демократы вигской избирательной тактикѣ, выставивъ въ лицѣ Франклина Пирса ничего не говорящую личность и вмѣстѣ съ тѣмъ платформу, которая ничего не обѣщала положительнаго, кромѣ успокоенія всѣхъ несогласій, поглотившихъ безъ всякаго результата такъ много времени въ теченіе предшествующаго президентства. Такая программа могла разсчитывать на многочисленныхъ приверженцевъ и внѣ демократической партіи. Общему желанію положить предѣлъ безконечнымъ пререканіямъ Пирсъ, безъ сомнѣнія, въ значительной степени обязанъ былъ большинствомъ, съ которымъ онъ 6 декабря 1852 г. вышелъ побѣдителемъ изъ выборной борьбы.

Особая иронія судьбы заключалась въ томъ, что служебныя дѣйствія президента, избраннаго по преимуществу для умиротворенія внутренней распри, начались съ вопроса, отъ котораго возгорѣлась междоусобная война. Принятіемъ Калифорніи въ качествѣ штата безъ невольничьяго труда Сѣверъ временно получилъ перевѣсъ. Чтобы по возможности скорѣе уравнять его, Югъ предложилъ организацію территоріи Небраски, съ цѣлью какъ можно скорѣе превратить ее въ невольничій штатъ, хотя эта область заходила къ сѣверу за линію компромисса Миссури (36°60′); такъ какъ при Фильморѣ состоялось соглашеніе вполнѣ предоставлять вопросъ о рабствѣ въ территоріяхъ ихъ будущей законодательной власти, то юридически нельзя уже было держаться требованій компромисса Миссури. Это предложеніе разомъ уничтожило мирное настроеніе. Общій крикъ негодованія поднялся противъ того, что этимъ путемъ рабство выдвигалось опять далѣе къ сѣверу. Знаменательнымъ явленіемъ было то, что въ пользу компромисса Миссури высказывались не только виги и аболиціонисты; въ собственномъ лагерѣ демократовъ ясно замѣчался расколъ: среди нихъ образовалась враждебная рабству фракція, исходившая съ Сѣвера, и другая, еще бо́льшая, въ которой демократы невольничьихъ штатовъ стояли за „особое учрежденіе“ своей секціи. Послѣдовательность союзной политики была еще больше, чѣмъ движеніе, направленное противъ рабства: билль, которымъ устанавливалась организація территоріи Канзаса и Небраски, сообразовался съ компромиссомъ 1850 г. безъ упоминанія о невольничествѣ. Но торжество рабовладѣльцевъ было только мнимымъ. Билль нанесъ опасный ударъ связи демократической партіи; въ сѣверныхъ штатахъ движеніе приняло такое направленіе, которое извергло слабѣйшую партію виговъ изъ числа политическихъ факторовъ. На развалинахъ ея возникла *республиканская партія*. На ней оставались еще многочисленные осадки изъ временъ мутнаго прошлаго, но вскорѣ съ юношеской свѣжестью она превратилась въ представительницу идей, которыя, благодаря происходившимъ въ то время событіямъ, возбуждали усиленное вниманіе всѣхъ круговъ народа.

Въ сѣверныхъ штатахъ дѣлались многочисленныя попытки къ освѣженію политическихъ партій, но ни аболиціонисты, ни нативисты (ср. выше, стр. 537) не могли вызвать глубокаго и продолжительнаго движенія въ жизни партій. *Противникамъ рабства* преграждало дорогу къ общему господству несовмѣстимость ихъ конечныхъ цѣлей съ основными законами Союза. Убѣжденіе во вредѣ рабства и желаніе содѣйствовать его устраненію пріобрѣтали, правда, приверженцевъ въ болѣе и болѣе широкихъ слояхъ населенія; однако, они не примыкали къ программѣ, къ которой

было потеряно уваженіе, благодаря отдѣльнымъ, несомнѣнно, беззаконнымъ дѣйствіямъ. Нативисты нѣкоторое время испытывали значительное приращеніе преимущественно потому, что таинственность организаціи ихъ дѣйствовала заманчиво на толпу; однако, ихъ программа, существенное содержаніе которой заключало требованіе, чтобы эмигрантамъ ставились ограниченія въ пріобрѣтеніи гражданскихъ правъ, оставляла массы совершенно равнодушными. Главы этой партіи болѣе всего возставали противъ ирландскихъ переселенцевъ, прибывавшихъ въ Америку въ качествѣ предшественниковъ множества угнетенныхъ въ политическомъ отношеніи, искавшихъ убѣжища въ свободномъ государствѣ по ту сторону океана. Ирландцы составляли, во всякомъ случаѣ, незавидный приростъ населенія. Они стояли почти безъ исключенія на возможно низкой ступени образованія, и господствовавшая среди нихъ нравственная испорченность превращала ихъ въ сравнительно многочисленный контингентъ преступности Соединенныхъ штатовъ. Кромѣ того, они принадлежали, по большей части, къ католическому вѣроисповѣданію, къ которому принципіально относились съ терпимостью, но которое не любили именно въ сѣверныхъ штатахъ и которое возбуждало опасеніе своею крѣпкою сплоченностью. Антидемократическіе политики мало сочувствовали положенію ирландцевъ и тѣ, почти безъ исключенія, примыкали къ демократамъ. По этой причинѣ демократическое большинство не могло, конечно, согласиться на законъ объ эмигрантахъ по желанію нативистовъ.

Въ этомъ отношеніи демократы находили поддержку и у виговъ послѣ того, какъ характеръ иммиграціи существенно измѣнился вслѣдствіе революцій, которыя потрясали Старый Свѣтъ въ срединѣ XIX вѣка. За ирландцами вскорѣ послѣдовали венгерцы и затѣмъ особенно многочисленные отряды нѣмцевъ. Эти послѣдніе, противоположно ирландцамъ, въ среднемъ, по общему образованію не только стояли наравнѣ съ гражданами Соединенныхъ Штатовъ, но даже превосходили ихъ. И хотя они въ ближайшее время казались сравнительно съ мѣстными жителями довольно неловкими въ практическомъ отношеніи и политическое положеніе не соотвѣтствовало ихъ представленіямъ, но они съ способностью приспособленія, свойственной нѣмцамъ, быстро освоились съ новыми условіями и пріобрѣтали все болѣе и болѣе самостоятельное политическое значеніе. Здѣсь они опять приходили въ связь со старинными нѣмецкими поселеніями, которыя давно уже играли видную роль во внутренней части Пенсильваніи (см. выше, стр. 442). Между старыми и новыми гражданами Союза германскаго происхожденія произошло сближеніе, выгодное для обѣихъ сторонъ и усиливавшее личное самосознаніе, вслѣдствіе чего германо-американцы, не переставая ни одной минуты чувствовать себя въ передовой линіи въ качествѣ американцевъ, въ то же время признавали себя особымъ землячествомъ внутри Союза.

Вступленіе германо-американцевъ въ политическую жизнь обозначаетъ поворотную точку въ исторіи Союза; это было вызвано не исключительно исходившимъ отъ нихъ стимуломъ, но получило свое значеніе, благодаря имъ. Германо-американцы, въ особенности прибывавшіе послѣ 1848 г., не могли ни въ какомъ случаѣ сдѣлаться приверженцами демократической партіи. Они, которые на прежней родинѣ высказывались, боролись и страдали за общія человѣческія права и за преданія французской революціи, никакъ не могли присоединиться къ партіи, силою обстоятельствъ вынуждавшейся отводить въ своей политической программѣ все больше и больше мѣста поддержанію рабства. Въ теоріи они часто являлись аболиціонистами. Но для того, чтобы примкнуть массами къ этой небольшой партіи, они стояли слишкомъ далеко отъ дѣйствительныхъ политическихъ условій американской жизни; сочувствіе къ формѣ правленія, воодушевленіе республиканской конститу-

ціей были слишкомъ живы, чтобы все ихъ политическое мышленіе могло направиться на путь этого, частью нравственнаго, частью экономическаго вопроса. Еще менѣе для нихъ могло быть мѣсто въ партіи Know-nothings; они, первые эмигранты, видѣвшіе, какъ ихъ соотечественники притекали все болѣе и болѣе широкими потоками, и призывавшіе ихъ въ страну свободы, не могли дѣйствовать за одно съ партіей, которая хотѣла закрыть это искомое всѣми и прославляемое убѣжище.

Вслѣдствіе всего этого въ жизни партіи виговъ возникли совершенно новыя явленія. Если даже допустить, что нѣмецкій элементъ народонаселенія сыгралъ роль тѣхъ дрождей, отъ которыхъ зародилось броженіе, создавшее республиканскую партію, то все же, ея дѣйствительное возникновеніе и составъ не зависѣли отъ этого элемента. Тѣ политическіе дѣятели, которые и раньше съ опасеніемъ и сожалѣніемъ относились къ раздробленію анти-демократической партіи, уже неоднократно пытались выработать программу по главнымъ животрепещущимъ вопросамъ времени, чтобы на основаніи этой программы могла создаться прежняя жизнеспособная политическая партія. Въ своихъ первоначальныхъ зачаткахъ республиканская партія была ничѣмъ инымъ, какъ возобновленіемъ попытки нѣкоторыхъ наиболѣе дальновидныхъ политиковъ вигизма подвести подъ его программу такую общую идею, которая могла бы возвысить эту партію, влить въ нее новую жизнь, обезпечить ей конечную побѣду. Подобныя попытки производились одновременно въ разныхъ мѣстахъ подъ разными наименованіями; но уже въ самомъ началѣ получило преимущество названіе республиканцевъ (см. выше, стр. 538). Въ основѣ программы несомнѣнно лежалъ вопросъ о невольничествѣ, но рѣшеніе его не предполагалось въ томъ радикальномъ смыслѣ, какъ того хотѣли аболиціонисты. Новая партія принимала безусловно консервативную точку зрѣнія; однако, не ставя естественныхъ правъ человѣка, какъ они изложены въ декларація независимости, выше конституціи Союза, новая партія вмѣстѣ съ тѣмъ требовала, чтобы конституція не служила далѣе средствомъ насиловать равно обязательные для всѣхъ законы въ пользу одностороннихъ и неправильно понимаемыхъ интересовъ одной части гражданъ. Развитію этой главной основной мысли была посвящена вся остальная часть программы. Однако, партія вмѣстѣ съ тѣмъ унаслѣдовала отъ виговъ всѣ требованія внутреннихъ улучшеній, которыя предъявлялись союзному правительству, какъ этими послѣдними, такъ еще раньше и федералистами (см. выше, стр. 528). Во главѣ этихъ требованій стояло, между прочимъ, проведеніе желѣзнодорожнаго пути черезъ континентъ Америки отъ одного океана къ другому.

Во время президентскихъ выборовъ, окончившихся избраніемъ Пирса, республиканская партія еще только народилась и не играла сколько-нибудь замѣтной роли, Зато въ теченіе четырехъ лѣтъ пребыванія Пирса въ Бѣломъ Домѣ обстоятельства способствовали ея могучему развитію. Прежде всего содѣйствовали тому событія въ Канзасѣ. Такъ какъ введеніе или недопущеніе невольничества въ Канзасѣ было поставлено въ зависимость отъ рѣшенія его жителей, то между сторонниками и противниками невольничества на этой территоріи возгорѣлась горячая борьба, начавшаяся на почвѣ законности, но скоро принявшая такія формы, которыя представляли явное нарушеніе закона. По постановленію конгресса въ различныхъ штатахъ Сѣвера образовались общества, имѣвшія цѣлью заселеніе Канзаса свободными фермерами. Результаты дѣятельности этихъ обществъ были въ высшей степени благопріятны: сильная иммиграція изъ Европы доставляла обширный контингентъ людей, которые, пользуясь сильною поддержкою правительства, охотно шли на далекій западъ на борьбу съ пустыней и со многимъ другимъ. А тамъ, гдѣ плугъ свободнаго труженика поднималъ дѣвственную почву, рабовладѣльцы, конечно, не выдержали бы конкуренціи съ фермерскимъ со-

словіемъ. Но его разселеніе могло происходить лишь постепенно, и вся территорія Канзаса не могла быть занята ими сразу. Для этого разстояніе отъ атлантическихъ гаваней до Канзаса было слишкомъ велико, передвиженіе слишкомъ дорого и средства, которыми располагали колонизаціонныя общества, слишкомъ ограничены.

Положеніе рабовладѣльцевъ въ этомъ отношеніи было болѣе благопріятно. Насколько Канзасъ примыкалъ къ цивилизованнымъ областямъ, онъ граничилъ почти исключительно съ невольничьими штатами, и переселенцы изъ Миссури, которые были въ особенности многочисленны въ Канзасѣ, могли всегда разсчитывать на помощь своихъ друзей по ту сторону границы. Такъ, напр., случилось, когда губернаторъ его назначилъ выборы въ первое законодательное собраніе: немедленно толпами устремились жители южныхъ пограничныхъ штатовъ, и они, частью туда прямымъ участіемъ въ выборахъ, частью съ помощью подлоговъ и насилія надъ противной партіей, достигли такихъ результатовъ, которые, очевидно для всякаго, совершенно не соотвѣтствовали дѣйствительнымъ условіямъ. Однако, правительство Союза не только утвердило эти выборы, но и допустило, чтобы избранное такимъ образомъ собраніе выработало для территоріи конституцію исключительно въ интересахъ рабовладѣльцевъ и видахъ угнетенія ихъ противниковъ. Правительство Союза поставило въ распоряженіе рабовладѣльцевъ даже союзныя войска, несмотря на то, что, параллельно съ утвержденіемъ выборовъ, владѣльцы свободныхъ участковъ народнымъ голосованіемъ доказали наличность, по меньшей мѣрѣ, равнаго числа свободнаго населенія, не согласнаго на введеніе невольничества, и съ своей стороны также избрали законодательное собраніе и выработали конституцію. При такихъ обстоятельствахъ, сколько-нибудь продолжительный миръ былъ невозможенъ. Первая кровь пролилась, быть-можетъ, по винѣ сторонниковъ невольничества, но противники его почти немедленно и безъ зазрѣнія совѣсти также прибѣгли къ насилію. Такимъ образомъ, въ самомъ центрѣ Союза, еще задолго до избранія президентомъ Линкольна, свирѣпствовала междоусобная война на почвѣ невольническаго вопроса.

Правительство Союза открыто держало сторону рабовладѣльцевъ. Это обусловливалось и основными принципами и всѣмъ прошлымъ демократической партіи. Даже ея сѣверное крыло, предводимое Дугласомъ, стояло, если не за самое рабство, то, во всякомъ случаѣ, за полнѣйшее право самостоятельности отдѣльныхъ штатовъ и территорій, и было вынуждено, чтобы быть послѣдовательнымъ, допустивъ утвержденіе первыхъ канзасскихъ выборовъ, поддерживать политику президента и дальше. Однако, въ демократическомъ лагерѣ никто не заблуждался относительно того, что въ конгрессѣ все труднѣе и труднѣе было поддерживать партійную дисциплину, что вліяніе партіи въ народѣ значительно уменьшилось, а своимъ образомъ дѣйствій въ канзасскомъ вопросѣ она дала опасное оружіе въ руки противниковъ. Все это наглядно обнаружилось при слѣдующихъ президентскихъ выборахъ. Правда, на нихъ еще разъ одержалъ побѣду демократическій кандидатъ Джемсъ Бьюкененъ (1856—1861), слишкомъ семидесятилѣтній старикъ, долго бывшій посломъ Союза въ Англіи и потому стоявшій совершенно въ сторонѣ отъ борьбы политическихъ партій. Впрочемъ, изъ числа четырехъ милліоновъ избирателей, за него было подано лишь 1.800.000 голосовъ, и онъ прошелъ только потому, что оказалось невозможнымъ сосредоточить на одномъ лицѣ голоса антидемократовъ. Старые виги и knownothings'ы выставили вновь кандидатуру Фильмора; если уже самое это имя достаточно указывало на слабость и безпринципность программы партіи, то кандидатура его имѣла своимъ результатомъ еще и то, что она отвлекла отъ третьей партіи нѣсколько сотенъ тысячъ голосовъ и оставила ее въ меньшинствѣ.

Тѣмъ не менѣе, вся эта выборная борьба имѣла для республиканцевъ большое значеніе, была крупнымъ шагомъ на пути къ побѣдѣ. Уже при первыхъ переговорахъ относительно указанія кандидатовъ состоялось соглашеніе между старой группой сторонниковъ свободнаго землевладѣнія, примыкавшими къ аболиціонистамъ know-nothings'ами и собственно республиканцами; счастливымъ результатомъ этого соглашенія оказалось избраніе Фримонта, изслѣдователя дальняго Запада и завоевателя Калифорніи, въ кандидаты президента. Фримонтъ былъ олицетвореніемъ юной Америки, ничего не хотѣвшей знать о старинномъ спорѣ защитниковъ правъ отдѣльныхъ штатовъ и федералистовъ, и написавшій на своемъ знамени исключительно величіе общаго отечества и его свободное развитіе въ республиканскомъ смыслѣ. Республиканцы и на этотъ разъ остались вѣрны консервативному духу, но не въ смыслѣ застоя, оглядывающагося назадъ, а въ видѣ непрерывнаго развитія, стремящагося къ высшимъ цѣлямъ опредѣленными, законными путями. Фримонтъ, получившій 1.300,000 голосовъ, былъ, въ сущности, такъ близокъ къ побѣдѣ, что не только его сторонники, но и противники предусматривали побѣду республиканцевъ на слѣдующихъ выборахъ, какъ неизбѣжную. Такая перспектива грознымъ призракомъ стояла передъ южными демократами. До тѣхъ поръ ихъ противники могли надѣяться на какой-либо успѣхъ, выставивъ кандидата, за котораго въ концѣ концовъ могли бы подать голосъ и демократическіе избиратели. Кандидатурой Фримонта имъ въ первый разъ былъ противопоставленъ человѣкъ, программа котораго не заключала въ себѣ ни одной черты демократическаго характера, который, безъ всякихъ оговорокъ, ставилъ Союзъ выше отдѣльныхъ штатовъ, декларацію независимости выше конституціи, — и только случай воспрепятствовалъ побѣдѣ этой программы. Это было „началомъ конца", что́ хорошо сознавали въ рабовладѣльческихъ штатахъ еще до исхода избирательной борьбы. Въ виду того, какъ уже неоднократно случалось и раньше, попробовали собрать и теперь отдѣльный конгрессъ южныхъ штатовъ, но онъ сошелся лишь въ недостаточномъ числѣ и остался безъ результатовъ.

Впрочемъ, въ невольничьихъ штатахъ вполнѣ сознавали серьезность положенія. На Югѣ гораздо раньше и отчетливѣе, нежели на Сѣверѣ, поняли все экономическое противорѣчіе между свободными и невольничьими штатами, дѣлавшее невозможнымъ никакую общность интересовъ. Если въ прежнія времена еще можно было не замѣчать, на сколько положеніе Юга въ борьбѣ было менѣе благопріятнымъ, то событія послѣднихъ лѣтъ и ихъ основательная и компетентная оцѣнка вполнѣ раскрыли въ этомъ отношеніи глаза большинству рабовладѣльцевъ. Они не могли не замѣтить, на сколько различно увеличивалось народонаселеніе въ обѣихъ половинахъ Союза, и должны были видѣть, насколько на Сѣверѣ богатства умножались въ совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ на Югѣ. Они должны были, наконецъ, придти къ пониманію, почему земля по эту и по ту сторону границъ рабовладѣльческихъ штатовъ обладала существенно различной цѣнностью. Въ Канзасѣ и во многихъ другихъ пограничныхъ округахъ они могли чувствовать на самихъ себѣ, насколько свободный трудъ былъ продуктивнѣе „особаго учрежденія" Юга; колонисты, которыхъ они на общій счетъ посылали туда для конкуренціи съ свободнымъ трудомъ, въ большомъ числѣ переходили въ противоположный лагерь. Конечно, хорошо было бы однимъ ударомъ уничтожить рабство и стать въ уровень съ экономическими условіями Сѣвера! Но, при существовавшихъ условіяхъ освобожденіе невольниковъ повлекло бы за собою раззореніе рабовладѣльцевъ, банкротство всѣхъ имущественныхъ классовъ Юга. Южане часто и внутри, и внѣ конгресса доходили до выраженія поступковъ мало достойныхъ культурнаго народа, но побуждались они къ этому не однимъ рабовладѣльческимъ высокомѣріемъ; въ нихъ сказы-

валось чувство сознанія собственнаго безсилія, опасеніе разориться, какъ только правительство Союза наложитъ въ той или другой степени руку на рабовладѣльческую систему. Вотъ что побуждало передовыхъ застрѣльщиковъ Юга предъявлять все новыя и новыя требованія, и все болѣе обостряло борьбу. Правительственная политика, которой часто ставили въ упрекъ, что она оказывала недостойное потворство рабовладѣльческимъ вожделѣніямъ, фактически исходила лишь изъ стремленія облегчить въ извѣстной мѣрѣ, помощью законодательныхъ льготъ, экономическія затрудненія, отъ которыхъ страдала южная половина Союза. Отсюда же истекало и желаніе большинства сѣверныхъ политическихъ дѣятелей быть угодными Югу.

Но если бы бóльшая часть націи совершенно отказалась отъ подобныхъ воззрѣній (а что это могло быть, показало голосованіе послѣднихъ президентскихъ выборовъ), если бы этому большинству удалось поставить своихъ людей во главѣ исполнительной власти, то Югу предстояло бы банкротство. Такимъ образомъ, ему, въ сущности, оставался только одинъ путь — или разорвать съ прошлымъ, или же выйти изъ состава Союза и составить новый союзъ изъ числа штатовъ, всѣ интересы которыхъ основывались на существованіи труда невольниковъ. Весьма вѣроятно, что и такой союзъ очень скоро и безнадежно бы обанкротился, не выдержавъ конкуренціи сосѣдей, или же какая-либо внутренняя революція повела бы за собой перемѣну всей его экономической системы. Но въ данную минуту рабовладѣльцы еще могли надѣяться спасти свою собственность и задержать ея неминуемое обезцѣненіе.

Дѣятелямъ Юга такой образъ дѣйствій не казался революціоннымъ. Ученіе о суверенитетѣ отдѣльныхъ штатовъ повело къ тому, что весьма значительная часть политическихъ людей не только на Югѣ, но и на Сѣверѣ, считали Союзъ лишь государственнымъ договоромъ, который стороны, заключившія его, имѣли права расторгнуть безъ нарушенія закона. Это уже однажды открыто высказала Южная Каролина въ своемъ конфликтѣ съ Джэксономъ (см. выше, стр. 527) и ея заявленіе было принято вовсе не какъ что-либо незаконное или несправедливое; наоборотъ, только путемъ соглашенія добилось тогда союзное правительство удовлетворенія своихъ требованій. Конечно, съ тѣхъ поръ сознаніе неразрывности Союза значительно окрѣпло и распространилось среди населенія; стремленія къ отпаденію отдѣльныхъ южныхъ штатовъ даже въ ихъ средѣ возбуждали движеніе дружественное Союзу. Съ другой стороны, на сѣверо-востокѣ, гдѣ экономическая противоположность съ Югомъ выражена была всего рѣзче, существовала большая партія, которой отдѣленіе экономически различныхъ группъ казалось столь же выгоднымъ, какъ и самимъ южанамъ, и которая съ правовой точки зрѣнія считала мирное расторженіе Союза наиболѣе желательнымъ исходомъ.

Президентъ Бьюкэненъ больше всего заботился о томъ, чтобы предоставить рѣшеніе вопроса будущему. Отъ своего предшественника унаслѣдовалъ онъ нѣсколько другихъ задачъ, рѣшеніе которыхъ было въ значительной степени связано съ общими интересами Союза, и президентъ надѣялся, что, поставивъ эти задачи на очередь, онъ придастъ другой оборотъ внутренней политикѣ. Такъ, Соединенные Штаты уже давно добивались обладанія островомъ Кубой. Его географическое положеніе влекло за собою многочисленныя осложненія, а слабость испанскаго владычества дѣлала возможнымъ продажу этого острова. Для Соединенныхъ Штатовъ становилось въ такихъ случаяхъ жизненнымъ вопросомъ, чтобы Куба не перешла къ такимъ владѣльцамъ, которые сумѣли бы создать эксплоатаціей ея естественныхъ богатствъ могучую конкуренцію произведеніямъ Сѣверной Америки. А потому неоднократно съ ихъ стороны дѣлались попытки вступить съ Испаніей въ переговоры, но они оставались до

сихъ поръ безъ результата. Мы не будемъ вдаваться въ разсмотрѣніе того, основательно ли Бьюкэненъ разсчитывалъ на будущее, но онъ во всякомъ случаѣ воспользовался Кубанскимъ вопросомъ, чтобы отвлечь общественное вниманіе отъ внутренняго положенія; онъ добился того, что конгрессъ долго занимался предложеніемъ правительства открыть ему на это дѣло кредитъ въ 30 милліоновъ долларовъ, и дебаты и пренія направились въ сторону отъ внутренней политики. Въ томъ же направленіи воспользовались и вопросомъ о мормонствѣ. Противъ мормоновъ уже Пирсъ посылалъ союзныя войска, чтобы вынудить подчиненіе союзнымъ законамъ теократической общины, основанной Брайгемомъ Юнгомъ, и Бьюкэнену предстояло провести черезъ конгрессъ заключенный тогда договоръ, которымъ, хотя по наружности, все это дѣло являлось улаженнымъ въ желательномъ для правительства смыслѣ. Тѣмъ не менѣе, президенту все-таки не удалось заглушить внутренній раздоръ. Раздоръ этотъ стучался въ двери конгресса, который не могъ и не хотѣлъ закрыть ихъ передъ нимъ.

Въ Канзасѣ между тѣмъ партіи стояли попрежнему другъ противъ друга, готовыя къ борьбѣ. Рабовладѣльческая партія, помощью самыхъ беззастѣнчивыхъ подлоговъ на выборахъ, вновь доставила себѣ видимость того, будто ей одной принадлежитъ право голоса за всю территорію, и выработала въ Лекомптонѣ проектъ конституціи, на основаніи котораго Канзасъ добивался принятія своего въ Союзъ. Освободительная партія, съ своей стороны, указывала на допущенный при выборахъ обманъ, выступила съ такъ называемой „конституціей Топека“, воспрещавшей рабство, и обратилась въ конгрессъ съ тѣмъ же требованіемъ; но президентъ Бьюкэненъ даровалъ свою санкцію проекту, составленному въ Лекомптонѣ, и провелъ его черезъ сенатъ. Въ палатѣ представителей, однако, не удалось достигнуть прямымъ путемъ принятія этого проекта, и когда, наконецъ, помощью различныхъ парламентскихъ сдѣлокъ и передержекъ, составилось въ пользу его извѣстное большинство, то лишь подъ условіемъ, чтобы Лекомптонская конституція была вновь подвергнута народному голосованію. При этомъ вторичномъ голосованіи рабовладѣльческій проектъ потерпѣлъ полнѣйшее пораженіе. Вслѣдствіе того, вступленіе Канзаса въ число штатовъ союза отсрочилось еще на нѣсколько лѣтъ, но дѣлу освобожденія была оказана большая услуга.

Сѣверные демократы, во главѣ которыхъ стоялъ въ то время Стефэнъ Арнольдъ Дугласъ, уже давно лишь съ крайнимъ трудомъ мирились съ политикой большинства. Но вопросъ о конституціи Канзаса повелъ къ полному отпаденію ихъ. Демократическая партія принципіально стояла за право самостоятельности штатовъ. Поэтому Дугласъ поступилъ лишь послѣдовательно, внеся требованіе народнаго голосованія для Лекомптонской конституціи. Но такъ какъ въ конгрессѣ хорошо и заранѣе было извѣстно, что требованіе Дугласа выдвинетъ вопросъ о признаніи рабства въ Канзасѣ, то демократы юга отнеслись къ образу дѣйствій Дугласа какъ къ измѣнѣ партіи и постарались безвозвратно порвать связь съ нимъ и его единомышленниками. Конечно, поступая такъ, южане могли смѣло разсчитывать изъять изъ своей партіи всѣ ненадежные элементы и этимъ усилить ея внутреннее единство. Но, къ несчастью, съ распаденіемъ демократической партіи порвалось еще одно звено, связывавшее Сѣверъ съ Югомъ, и обозначился еще одинъ лишній пунктъ, указывавшій на неизбѣжность конфликта между ними. Страна, такимъ образомъ, вступила въ слѣдующій періодъ избирательной борьбы за президентство въ состояніи противоположенія двухъ вполнѣ отдѣльныхъ другъ отъ друга группъ штатовъ.

Демократы на этотъ разъ дѣйствовали уже не единодушно. Первый избирательный съѣздъ ихъ въ Чарльстонѣ разошелся, не придя ни къ какому соглашенію. Сѣверное крыло выставило кандидатомъ Дугласа,

южное — Брекинриджа. Виги все-таки еще имѣли смѣлость выставить своего собственнаго кандидата; но это не имѣло значенія распаденія анти-демократовъ: виги, при существованіи республиканцевъ, уже какъ бы не принимались въ разсчетъ. Послѣдніе, вѣрные мѣсту возникновенія своей партіи, собрались въ маѣ 1860 г. на свой избирательный конгрессъ въ одинъ изъ городовъ Запада — въ Чикаго, и тамъ былъ намѣченъ для президентской кандидатуры представитель Запада — Абрагамъ Линкольнъ. Онъ былъ то, что называется „a self-made man“, человѣкъ, личнымъ трудомъ проложившій себѣ дорогу, и пріобрѣлъ извѣстность лишь весьма не за долго передъ тѣмъ, въ борьбѣ съ Дугласомъ за сенаторское кресло отъ Иллинойса. Спокойная, безстрастная вдумчивость и полная юмора находчивость дѣлали его однимъ изъ наиболѣе выдающихся политическихъ людей молодой партіи. А то, что онъ былъ, сверхъ того, — въ сильной степени „человѣкомъ изъ народа“, заставило предпочесть его въ качествѣ кандидата на президентство всѣмъ уже нѣсколько износившимся парламентскимъ дѣятелямъ изъ республиканцевъ.

Голосованіе дало результаты еще менѣе опредѣленные, чѣмъ при избраніи Бьюкэнена. 6 ноября 1860 г. Линкольнъ получилъ относительное большинство голосовъ, обезпечивавшее ему, на основаніи закона, президентство, но до абсолютнаго большинства ему недоставало двойного числа голосовъ сравнительно съ предшественникомъ. Сверхъ того — что было всего хуже — избраніе Линкольна было результатомъ единственно подавляющаго большинства голосовъ Сѣвера. Въ южныхъ штатахъ кандидатура Линкольна даже и не выставлялась, а въ пограничныхъ штатахъ онъ получилъ едва нѣсколько тысячъ голосовъ. Такимъ образомъ, Линкольнъ былъ въ сущности избранникомъ лишь одной секціи. Противная партія не замедлила воспользоваться этимъ обстоятельствомъ. Немедленно за провозглашеніемъ результатовъ голосованія, южная Каролина, какъ всегда, стоявшая во главѣ крайней партіи, заявила о своемъ выходѣ изъ состава Союза. Сначала это заявленіе оставалось единичнымъ, но вскорѣ затѣмъ была намѣчена въ Монгомери особая конвенція всѣхъ южныхъ штатовъ съ цѣлью соглашенія относительно общаго плана дѣйствій для защиты интересовъ Юга противъ избраннаго Сѣверомъ президента. Попытка Виргиніи созвать конвенцію для посредничества оказалась безуспѣшной: эта комиссія считала своей задачею лишь выработку дальнѣйшаго образа дѣйствій однихъ среднихъ штатовъ, съ цѣлью пріостановить по возможности распаденіе Союза. Удержать южные штаты въ составѣ Союза было невозможно: это не только категорически заявляли они сами, но въ томъ же были убѣждены и на Сѣверѣ и старались освоиться съ этой мыслью.

Бьюкэненъ, въ послѣдніе мѣсяцы своего управленія, счелъ умѣстнымъ занять вполнѣ пассивное положеніе. Для него, какъ демократа, по внутреннему убѣжденію отстаивавшаго права отдѣльныхъ штатовъ, было вполнѣ естественнымъ признать за южными штатами право выхода изъ Союза. Однако, ему пришлось, еще до оставленія имъ президентскаго поста, совершенно измѣнить свою политику. Февральское собраніе южныхъ штатовъ въ Монгомери окончилось немедленнымъ образованіемъ особой конфедераціи, избравшей своимъ президентомъ Джефферсона Дэвиса и провозгласившей себя вполнѣ независимымъ государствомъ, со всѣми принадлежавшими ему правами. Бьюкэненъ лично былъ склоненъ признать Югъ такимъ государствомъ. Мысль о томъ, чтобы предоставить южнымъ штатамъ мирнымъ путемъ выйти изъ состава Союза, была настолько распространена въ сѣверо-восточныхъ штатахъ и въ средѣ ихъ демократовъ, что на Югѣ вполнѣ разсчитывали на подобный исходъ. Но отпаденіе Юга повлекло за собою выходъ изъ состава кабинета Бьюкэнена нѣкоторыхъ изъ его министровъ, а люди, заступившіе ихъ мѣста въ кабинетѣ, не только

сами имѣли твердую рѣшимость сохранить единство Союза, но сумѣли и президенту внушить убѣжденіе въ необходимости такой политики. Отсюда произошло то, что онъ внезапно прервалъ всякіе переговоры съ конфедераціей. Если онъ не перешелъ прямо къ активной политикѣ противъ нея, то, во всякомъ случаѣ, совѣтникамъ президента удалось удержать его отъ какихъ-либо дальнѣйшихъ уступокъ.

При такихъ обстоятельствахъ принялъ президентство Линкольнъ 4-го марта 1861 года. Ему пришлось въѣхать въ Вашингтонъ переодѣтымъ, вступленіе его въ должность произошло подъ охраною войскъ, и, лишь благодаря тому, дѣло обошлось безъ печальныхъ инцидентовъ. Вступительная рѣчь Линкольна была составлена въ совершенно консервативномъ духѣ, который республиканской партіей былъ возведенъ въ свою программу; тѣмъ не менѣе сохраненіе и единства Союза и всѣхъ его законовъ стояло въ ней на первомъ планѣ. Президентъ категорически отрекался отъ всякихъ аболиціонистскихъ стремленій, какъ несогласныхъ ни съ закономъ, ни съ его личными взглядами; а потому тѣмъ сильнѣе возлагалась вся отвѣтственность на южанъ въ случаѣ, если бы ихъ образъ дѣйствій имѣлъ послѣдствіемъ междоусобную войну. Это были не пустыя слова — что̀ немедленно оказалось на дѣлѣ. Статсъ-секретарь кабинета Линкольна по иностраннымъ дѣламъ въ самой рѣзкой формѣ отказалъ въ пріемѣ посольству конфедераціи Юга, желавшему вступить въ переговоры съ союзнымъ правительствомъ, такъ какъ оно не признавало конфедерацію Юга независимой республикой. Въ остальномъ Линкольнъ держался выжидательной политики, пока событія не принудили его къ другому образу дѣйствій.

Сецессіонисты еще въ правленіе Бьюкэнена выступили съ требованіемъ передачи въ ихъ руки всего союзнаго имущества въ предѣлахъ южныхъ штатовъ, и въ особенности фортовъ Чарльстона. Съ формальной стороны требованіе это было отвергнуто, но на дѣлѣ цѣль его была достигнута. Гарнизонъ фортовъ былъ такъ слабъ, что ихъ комендантъ майоръ Андерсонъ признавалъ невозможнымъ защитить ихъ даже отъ простого нападенія. Такъ какъ союзное правительство не рѣшалось послать ему подкрѣпленія, то онъ отступилъ съ гарнизономъ въ наиболѣе удобный для обороны, лежавшій на островѣ фортъ Сумтеръ, а остальные заняли конфедераты. Первые выстрѣлы послѣдовали здѣсь еще въ январѣ 1861 года, когда союзный фрегатъ попробовалъ подвезти Андерсону провіантъ, но вынужденъ былъ, подъ огнемъ береговыхъ батарей конфедератовъ, возвратиться, не исполнивъ своего назначенія, и предоставить Андерсона его участи. Но только 12 апрѣля 1861 года южно-каролинцы рѣшились направить свои орудія противъ самого форта Сумтера, который и вынужденъ былъ сдаться послѣ двухдневнаго обстрѣливанія.

Южане торжествовали, какъ крупную побѣду, что звѣздное знамя союза было, наконецъ, снято съ послѣдняго форта въ ихъ области. Но они жестоко ошиблись въ разсчетѣ. Союзное правительство, пока вопросъ объ отпаденіи Юга шелъ лишь дипломатическимъ путемъ, вынуждено было считаться съ тѣмъ фактомъ, что на всемъ пространствѣ Сѣвера существовало могущественное теченіе, благопріятствовавшее раздѣленію Союза, и которое, во всякомъ случаѣ, не допустило бы до вооруженнаго этому противодѣйствія. Но когда первая кровь была пролита Югомъ, на Сѣверѣ поднялся такой взрывъ негодованія, что само собою возникло требованіе не вкладывать меча въ ножны, пока Югъ не будетъ приведенъ къ повиновенію законамъ Союза. Весь этотъ воинственный жаръ угасъ впослѣдствіи, какъ преходящая вспышка, но, въ данную минуту, онъ открылъ Союзному правительству выходъ изъ ложнаго положенія, въ какое, въ виду рѣшительнаго образа дѣйствій Юга, его поставила выжидательная политика Линкольна.

До этого момента только 11 штатовъ примкнули къ отпаденію. Средніе, лежавшіе между Югомъ и Сѣверомъ, штаты еще колебались, и выборъ положенія ихъ, по всей вѣроятности, оказался бы въ зависимости отъ исхода первыхъ военныхъ дѣйствій. Къ колеблющимся прежде всего принадлежала Виргинія; ея значеніе для Юга было такъ велико, что южный конгрессъ сдѣлалъ все возможное, чтобы привлечь ее на свою сторону. Этимъ преимущественно объясняется то, что Ричмондъ на рѣкѣ Джемсъ (см. „Карты къ исторіи Америки“) былъ объявленъ столицею конфедераціи, хотя онъ и лежалъ близко къ границѣ Сѣвера и былъ открытъ для нападеній непріятеля, но во время избранія еще никому серьезно не вѣрилось, что споръ можетъ быть рѣшенъ только силою оружія, — теперь въ этомъ уже не было никакого сомнѣнія.

Положеніе Союза было въ моментъ открытія военныхъ дѣйствій довольно критическимъ. Союзная военная сила, и сама по себѣ незначительная, находилась въ полномъ разложеніи. Статсъ-секретарь по военнымъ дѣламъ, только-что удалившійся отъ дѣлъ, намѣренно частью передалъ въ руки южанъ весь боевой матеріалъ, частью разсѣялъ его по различнымъ мѣстамъ. Большинство офицеровъ оставило службу Союза и поступило въ войско южанъ. Даже огромное численное превосходство населенія Сѣвера вначалѣ не играло никакой роли въ борьбѣ. Относительно характера предстоящей борьбы въ свободныхъ штатахъ заблуждались настолько, что ее сперва предполагали вести съ помощью милиціи и вербованныхъ отрядовъ, и большая часть гражданъ, вѣрныхъ національному отвращенію отъ всего военнаго, спокойно предавалась своимъ обыкновеннымъ занятіямъ.

Непосредственная опасность угрожала какъ столицѣ Союза, такъ и самому Союзному правительству. Ближайшіе штаты Мэрилэндъ и Делаваръ были невольничьими и открыто симпатизировали Югу. Если бы потеря Вашингтона и не имѣла серьезнаго стратегическаго значенія, то морально было бы тѣмъ болѣе тяжелымъ ударомъ, что въ Сѣверныхъ штатахъ военная партія вообще имѣла лишь временное преобладаніе. Къ счастью, потери Вашингтона удалось избѣжать; быстро созванные полки милиціи Коннектикута и Нью-Іорка своевременно вступили въ столицу. Когда Мэрилэндъ началъ угрожать вооруженнымъ сопротивленіемъ пропуску подкрѣпленій, — союзные войска заняли его столицу, Бальтимору, разогнали правительство, составленное въ духѣ отпаденія, и водворили на его мѣсто преданное Союзу управленіе. Это былъ первый ударъ, нанесенный распаденію: онъ предупредилъ присоединеніе обоихъ Штатовъ, Мэрилэнда и Делавара, къ конфедераціи, и повелъ за собою отпаденіе отъ Юга западной, уніонистической части Виргиніи, которая уже въ 1863 году была принята отдѣльнымъ Штатомъ въ составъ Союза.

Приблизительно такъ же шло дѣло на Западѣ, и конфедерація разсчитывала привлечь на свою сторону невольничьи средніе штаты, Кентукки, Миссури, Канзасъ, и еще нѣкоторые изъ штатовъ Запада. Разсчетъ этотъ былъ тѣмъ болѣе вѣроятенъ, что почти повсюду правительство находилось въ рукахъ демократически настроеннаго большинства. Однако, разсчетъ этотъ нигдѣ не оправдался. Въ Кентукки твердость должностныхъ лицъ Союза воспрепятствовала какому-либо ложному шагу правительства; а Миссури, хотя его сначала и не удалось удержать на всемъ протяженіи за союзомъ, тѣмъ не менѣе, лишенъ былъ возможности формально примкнуть къ конфедераціи. На Дальнемъ Западѣ сами демократы были убѣжденными уніонистами, и весь Западъ, за исключеніемъ лежащихъ при Мексиканскомъ заливѣ штатовъ, Луизіаны, Арканзаса и Техаса, остался вѣренъ Союзу. Здѣсь, наоборотъ, и коренилась идея государственнаго единства Союза. Жители Запада, большею частью, поселившіеся въ немъ подъ покровительствомъ общаго союзнаго законодательства, и сло-

жившіеся въ общины, территоріи и штаты, были всегда представителями великоамериканской политики, и вовсе не были расположены ставить въ зависимость отъ доброй воли извѣстнаго количества недовольныхъ своимъ положеніемъ гражданъ вопросъ о томъ — останется ли Сѣв. Америка цѣлостнымъ государствомъ съ огромнымъ будущимъ, или же распадется на двѣ, другъ другу враждебныя и одна другую вытѣсняющія части. Уроженцы Запада, къ которымъ принадлежалъ и Линкольнъ, являлись преимущественно носителями сознанія государственнаго единства. Съ Запада началось послѣднее побѣдоносное движеніе Союза, окончившееся совершеннымъ подавленіемъ возстанія, да и само возстаніе могло быть только въ томъ случаѣ окончательно побѣждено, когда на Востокѣ получила преобладающее вліяніе политика Запада.

Первыя наступательныя дѣйствія сѣверянъ кончились печальной неудачей. 60,000 армія, подъ начальствомъ Мак-Доуэля, выступила по направленію къ непріятельской столицѣ и сошлась съ южанами 21 іюля 1861 г. подъ Булль-Рёномъ, но потерпѣла позорное пораженіе и въ паническомъ ужасѣ была отброшена къ Вашингтону. Не численное, но исключительно качественное превосходство обезпечило побѣду Юга. Это было совершенно въ порядкѣ вещей. Наемные солдаты и милиція Сѣвера, предводимые офицерами, которые въ большинствѣ были недавно оторваны отъ мирныхъ гражданскихъ занятій, представляли плохо дисциплинированную массу, предводительствованіе которою оказалось бы въ высшей степени затруднительнымъ даже для первокласснаго военнаго таланта. Въ войскѣ южанъ соціальныя условія были совершенно иными: народныя массы уже издавна привыкли повиноваться своей плантаторской аристократіи, и эта послѣдняя, искусная во всѣхъ родахъ спорта, заключавшая большое количество вполнѣ опытныхъ и въ военномъ отношеніи образованныхъ офицеровъ, сумѣла, въ свою очередь, внушить военный духъ и массамъ. Эти условія борьбы сохраняли свое значеніе въ теченіе всего хода войны. Только ими объясняется, что сравнительно ничтожное населеніе отдѣлившихся штатовъ (число его не доходило до 5.000,000 бѣлыхъ противъ 20.000,000 бѣлаго населенія Сѣвера и Запада) могло держаться такъ долго и упорно. Правда, что на вѣсы надо положить еще 4 милліона невольниковъ. Они не только не произвели никакихъ возстаній, но, наоборотъ, по крайней мѣрѣ, вначалѣ, почти безъ исключеній, послѣдовали призыву своихъ господъ къ оружію. Если они не участвовали въ бояхъ въ качествѣ воиновъ, то совершенно освобождали сражающихся бѣлыхъ отъ тяжелой саперной и обозной службы. Отсюда происходило то, что отношеніе настоящей боевой силы къ общей численности арміи было у южанъ всегда гораздо благопріятнѣе, нежели на Сѣверѣ.

На Востокѣ, на такъ называемомъ Виргинскомъ театрѣ войны, борьба годами имѣла характеръ прилива и отлива крупныхъ войсковыхъ массъ, на пространствѣ между обѣими столицами, Вашингтономъ и Ричмондомъ, отстоявшими другъ отъ друга лишь на 25 нѣмецкихъ миль. Происходили многочисленныя сраженія, длившіяся иногда по нѣсколько дней, въ которыхъ потери сражающихся достигали огромныхъ размѣровъ. Однако, ни та, ни другая изъ сторонъ не могли добиться какого-либо рѣшительнаго успѣха. Почти всегда операціи оканчивались неудачею наступающаго, не доставляя защищающемуся случая придти къ рѣшительнымъ результатамъ. Превосходство военнаго таланта было несомнѣнно на сторонѣ Юга: дѣйствія Джозефа Экклестона Джонстона и Роберта Эдуарда Ли, изумительные кавалерійскіе набѣги Томаса Джонатана Джэксона, по прозванію „Каменная Стѣна“, и его конной пѣхоты далеко оставляли за собою всѣ военныя операціи сѣверянъ. Но и эти вожди не возвысились до цѣлостнаго, широко задуманнаго и энергически выполненнаго плана кампа-

нiи. Правда, имъ приходилось бороться съ особенными затрудненiями. Такъ какъ Югъ уже въ самомъ первомъ фазисѣ войны потерялъ обладанiе приморской полосою, то его полководцы вынуждены были ограничиваться единственно операцiями на сушѣ. Пока эти операцiи происходили между Ричмондомъ и Вашингтономъ, южане имѣли то преимущество, что на ихъ сторонѣ было населенiе этой мѣстности. Тѣмъ не менѣе, продовольствованiе крупныхъ войсковыхъ массъ, а часто и передвиженiе ихъ производились почти исключительно помощью немногочисленныхъ желѣзнодорожныхъ линiй, такъ какъ другихъ путей сообщенiя, въ европейскомъ смыслѣ слова, почти совсѣмъ не было. Такое положенiе естественно затрудняло наступательное движенiе на далекое разстоянiе, да таковое было бы почти безцѣльно и съ военной точки зрѣнiя. Самъ Вашингтонъ — какъ показали событiя перваго года войны—былъ неприступенъ для южанъ, пока силы Союза не были потрясены въ корнѣ, а кромѣ этого пункта для ричмондской армiи почти не существовало серьезнаго объекта наступленiя. Походъ на торговые и промышленные города сѣверо-востока, завоеванiе которыхъ, конечно, представлялось для Юга, богатою добычей, было для южанъ на сухомъ пути невозможно, такъ какъ непрiятельскiя силы, въ этомъ случаѣ, оказались бы у нихъ въ тылу. Даже если бы удалось привести во временное подчиненiе Юга извѣстную часть среднихъ штатовъ, или же терроризировать и разорить военными набѣгами ближайшiе сѣверные штаты — Пенсильванiю или западную Виргинiю, то это осталось бы безъ особаго влiянiя на результатъ борьбы. Генералъ Ли повторялъ подобныя попытки дважды, и оба раза безъ всякаго успѣха. Рѣшительный моментъ наступилъ бы здѣсь лишь въ томъ случаѣ, если бы онъ сопровождался соотвѣтствующими успѣхами и на другихъ театрахъ военныхъ дѣйствiй.

Успѣху сѣверянъ болѣе всего препятствовало отсутствiе хорошихъ вождей. Правда, въ два первые года войны ополченiе Сѣвера въ своемъ общемъ составѣ было въ качественномъ отношенiи такъ незначительно, что даже и хорошiе генералы не могли бы съ нимъ одержать побѣды. Но когда, наконецъ, рѣшились ввести обязательный наборъ, а изъ полковъ волонтеровъ выработались кадры испытанныхъ боевыхъ дружинъ и офицеровъ, дѣло измѣнилось въ этомъ отношенiи. Въ теченiе войны удалось даже создать изъ ополченiя западныхъ фермеровъ достойныхъ соперниковъ превосходной южной кавалерiи, сначала значительно превосходившей сѣверную. Но медлительная тактика Джоржа Бринтона Мак-Клеллана, неспособность его непосредственныхъ преемниковъ, даже стойкое упорство и непоколебимость Уллиса Симпсона Гранта все-таки оставались далеко ниже военныхъ способностей ихъ противниковъ. Сѣверъ имѣлъ преимущество и въ обладанiи морскими сообщенiями, и Мак-Клелланъ однажды попытался основать на этомъ свой планъ кампанiи, но эта попытка не удалась и на Виргинскомъ театрѣ войны болѣе уже не повторялась.

Кромѣ того, существовали, въ особенности въ началѣ войны, политическiя соображенiя, подрывавшiя силы Сѣвера. Линкольнъ смотрѣлъ на возставшихъ лишь какъ на заблуждавшихся соотечественниковъ. Онъ не допускалъ борьбы съ ними, какъ съ конфедерацiей, существованiя которой онъ не признавалъ, и цѣлью борьбы ставилъ лишь подчиненiе тѣхъ, которые вооруженною рукою возставали противъ законовъ Союза. Однако, несмотря на такое ограниченiе, Линкольну не удавалось сплотить вокругъ себя весь Сѣверъ такъ прочно и крѣпко, какъ это сдѣлала на Югѣ простая сила вещей. Когда въ теченiе двухъ первыхъ лѣтъ войны, въ особенности на востокѣ, и, въ меньшихъ размѣрахъ на остальныхъ военныхъ театрахъ оказались лишь пораженiя и жертвы безъ замѣтныхъ результатовъ, партiя на Сѣверѣ, которая благопрiятствовала мирному отпаденiю Юга, угрожающе подняла голову, побуждаемая къ тому, конечно,

эмиссарами южанъ. Были моменты, когда демократическая партія въ восточныхъ штатахъ оказалась вновь въ большинствѣ и во многихъ мѣстахъ взяла въ свои руки управленіе, когда чернь въ Нью-Іоркѣ возстала противъ позорной войны, а въ конгрессъ было внесено предложеніе президенту вступить въ переговоры съ конфедератами относительно прекращенія военныхъ дѣйствій. Еслибъ въ это время Западъ не держался твердо союзной программы республиканской партіи, а существовавшія тамъ нѣкоторыя демократически настроенныя правительства не были своевременно распущены союзной центральной властью, то Линкольнъ по меньшей мѣрѣ очутился бы въ крайне затруднительномъ положеніи.

Опасность на востокѣ была бы еще гораздо больше, если бы война съ теченіемъ времени не создала тамъ особый классъ сторонниковъ. То обстоятельство, что при вступленіи Линкольна въ президентство почти всѣ запасы снаряженія и оружія Союза оказались переданными въ руки Юга (см. выше стр. 547), доставило послѣднему временный перевѣсъ. Такъ какъ Югъ, въ виду сравнительной малочисленности своего населенія, не былъ, конечно, въ состояніи, въ особенности во время войны, быстро создать свою собственную промышленность, то положеніе должно было съ теченіемъ времени сильно измѣниться къ его невыгодѣ. Для Сѣвера это обстоятельство создавало чрезвычайно сильную побудительную причину къ крайнему напряженію силъ: для всей промышленности сѣверо-восточныхъ штатовъ открылась возможность могущественнаго подъема и крайне прибыльной дѣятельности. Фабрики, вырабатовавшія всевозможные предметы продовольствія, военнаго снаряженія, оружія и одежды, оказались заваленными заказами на самыхъ выгодныхъ условіяхъ. Въ особенности это имѣло значеніе для кораблестроенія, которое и раньше занимало въ сѣверныхъ приатлантическихъ портахъ Союза тысячи рукъ. Тѣ немногіе фрегаты и таможенныя суда, которые составляли флотъ Соединенныхъ Штатовъ, были еще до объявленія войны разосланы по гаванямъ юга, или въ далекія чужестранныя плаванія, такъ что и въ этомъ отношеніи силы Союза были до послѣдней возможности ослаблены. Уніонисты же не могли не признавать, что Югъ могъ быть только тогда фактически лишенъ подвоза новыхъ боевыхъ матеріаловъ, когда онъ былъ бы отрѣзанъ отъ моря.

Въ Вашингтонѣ хорошо понимали, какое важное значеніе имѣло для Юга свободное сообщеніе съ моремъ. Югъ твердо уповалъ на то, что европейскія государства, и во главѣ ихъ Англія, въ случаѣ пораженія въ борьбѣ съ Сѣверомъ, непремѣнно оказали бы ему помощь, такъ какъ Европа не могла обойтись безъ его хлопка. Фактически королемъ юга былъ хлопокъ. Онъ составлялъ главное богатство крупныхъ землевладѣльцевъ; ради него рѣшались, даже цѣною тяжелой войны, удержать невольническій трудъ, имъ разсчитывали оплатить издержки войны, — и въ виду того надѣялись на признаніе, если не на помощь Европы. Послѣдній разсчетъ былъ далеко не ошибоченъ. Если Наполеона III побуждала держать сторону южанъ одна лишь завистливая ревность къ Сѣверо-Американскимъ Штатамъ, то склонность Англіи къ Югу основывалась почти исключительно на промышленныхъ разсчетахъ. И не только временное прекращеніе подвоза сырья: и связанная съ нимъ пріостановка работъ на фабрикахъ, и, еще болѣе, страхъ захвата сѣверо-американской промышленностью этой отрасли производства настолько, что англійская конкуренція навсегда будетъ устранена, внушили Великобританскому правительству такое отношеніе къ конфедераціи, что сѣверо-американскій посланникъ въ Лондонѣ вынужденъ былъ, наконецъ, пригрозить Англіи дипломатическимъ разрывомъ. Какой серьезной поддержкой съ англійской стороны пользовались морскіе каперные суда южанъ — выяснилось лишь впослѣдствіи, во время длинныхъ и тяжелыхъ переговоровъ по такъ называе-

мому „вопросу объ „Элебемѣ“, который лишь въ 1872 году былъ законченъ международнымъ приговоромъ, присудившимъ Англію къ уплатѣ Сѣверной Америкѣ значительной денежной суммы.

Съ достойной удивленія энергіей принялись сѣверо-американцы за трудное дѣло созданія такого флота, который удовлетворялъ бы ихъ задачамъ: не только сотни, но тысячи судовъ были спущены ими съ верфей за короткое время гражданской войны. Уже въ концѣ 1862 г. чувствительно сказалась блокада южныхъ портовъ. Несомнѣнно, что во все продолженіе борьбы неоднократно удавалось отдѣльнымъ смѣлымъ морякамъ неожиданно или безнаказанно прорывать эту блокаду. Они наживали при этомъ большія деньги: но сравнительно незначительные грузы, доставлявшіеся этимъ путемъ, были, конечно, не въ состояніи удовлетворить требованіямъ европейскаго хлопковаго рынка, а съ другой стороны, этихъ случайныхъ подвозовъ было недостаточно для возобновленія постепенно истощавшихся боевыхъ средствъ Юга. Такимъ образомъ, дѣйствія на морѣ косвенно въ значительной степени повліяли на исходъ тяжелой борьбы. Рѣшающаго же значенія они несомнѣнно не имѣли.

Рѣшеніе пришло съ Запада. Образованіе конфедераціи Южныхъ Штатовъ привело бы вновь весь Западъ Союза къ тому же положенію, которое существовало до уступки Луизіаны. Если уже тогда возможность свободнаго судоходства по Миссисипи до самаго его устья составляла необходимое условіе благосостоянія внутреннихъ штатовъ континента, то тѣмъ болѣе такъ было теперь, когда на мѣстѣ немногихъ фортовъ и торговыхъ факторій, между которыми бродили индѣйцы, — въ этихъ штатахъ цѣлое населеніе трудолюбивыхъ фермеровъ подняло тысячи квадратныхъ миль дѣвственной почвы и превратило ихъ въ плодоносныя поля, — создались цвѣтущіе города и деревни. Лишь немногіе рельсовые пути соединяли „отца рѣкъ“ съ восточными провинціями, а проектъ желѣзной дороги къ Тихому океану не выходилъ еще изъ стадіи подготовительныхъ работъ. Миссисипи, такимъ образомъ, для всего огромнаго района, орошаемаго имъ съ его большими притоками, представлялъ главную артерію внутренняго сообщенія; большой паровой флотъ уже тогда работалъ въ немъ, производя обмѣнъ товаровъ между внутренними и восточными штатами. Отпаденіе Юга угрожало закрыть этотъ путь: начиная отъ впаденія Огайо въ Миссисипи до самаго Мексиканскаго залива, оба берега рѣки были бы во власти южанъ, и цѣлый рядъ укрѣпленій предназначался ими для того, чтобы закрыть рѣку для всякаго чужого судна. Такъ какъ Кентукки при открытіи военныхъ дѣйствій остался вѣренъ Союзу, то Огайо почти до своего впаденія въ Миссисипи находился въ рукахъ сѣверянъ; но конфедераты за то своими фортами Генри и Донельсонъ совершенно заперли какъ Кумберлэндъ, такъ и Тенесси въ томъ мѣстѣ, гдѣ эти рѣки сходятся на разстояніи нѣсколькихъ англійскихъ миль, и создали здѣсь укрѣпленный лагерь огромнаго стратегическаго значенія. Первый ударъ уніонистовъ долженъ былъ направиться на этотъ пунктъ.

Война вскорѣ приняла здѣсь, еще болѣе, нежели на востокѣ, тотъ отпечатокъ, который отличаетъ ее отъ всѣхъ войнъ Стараго Свѣта. Вслѣдствіе огромнаго практическаго смысла американцевъ и свойственной имъ дѣловитости, техническія искусства и науки уже въ то время получили во всѣхъ частяхъ Союза такое развитіе, которое далеко оставило за собою Старый Свѣтъ. Уже въ то время желѣзныя дороги и пароходы играли въ сообщеніяхъ и въ торговлѣ Сѣверной Америки такую роль, которую они лишь значительно позже получили въ Европѣ. Между тѣмъ, какъ здѣсь массовое вооруженіе народовъ въ случаѣ войны оставляетъ промышленность безъ рабочихъ рукъ и сокращаетъ ее до предѣловъ самой безусловной необходимости, въ Америкѣ именно за время гражданской войны

промышленность овладѣла всѣми представлявшимися ей производствами съ такой энергіей, которая обратила на себя вниманіе всего свѣта. Гражданская война въ Америкѣ болѣе, нежели какая-либо другая, велась при помощи техническихъ изобрѣтеній, которыя или впервые примѣнялись въ очень большомъ масштабѣ, или же прямо возникали подъ вліяніемъ потребностей минуты. Желѣзныя дороги получили огромное стратегическое значеніе въ лишенной дорогъ странѣ. Задачей борющихся сторонъ являлось не столько ихъ разрушеніе, сколько возстановленіе, а также и постройка вновь рельсовыхъ путей, мостовъ и т. п. Впрочемъ, этимъ не ограничились: рельсовые пути примѣнили еще ближе къ военнымъ цѣлямъ; а именно, впервые пустили въ ходъ блиндированные поѣзда, перевозившіе артиллерію и пѣхоту. Еще сильнѣе отразились потребности военнаго времени на кораблестроеніи. Когда Мак-Клелланъ (см. выше стр. 549) попробовалъ перевезти на судахъ сѣверную армію къ устьямъ рѣки Джемсъ, навстрѣчу сѣвернымъ судамъ вышло судно совершенно неизвѣстнаго типа. Южане срѣзали доставшійся имъ фрегатъ союзнаго флота почти до самой ватерлиніи, затѣмъ покрыли его непроницаемой для тогдашнихъ снарядовъ бронею, и снабдили это морское чудовище спереди сильнымъ тараномъ, какъ главнымъ орудіемъ нападенія. Это былъ „Мерримакъ“ — боевое судно Юга, жертвой котораго сдѣлалось не одно изъ судовъ сѣверянъ, пока они не выставили ему равносильнаго соперника. Таковымъ оказался построенный по проекту шведа Дальгрена „Мониторъ“, представлявшій собою также невысокое панцырное судно, вооруженное въ срединѣ вращающеюся башней съ двумя орудіями самаго большого калибра. Съ этого времени началось въ морскомъ военномъ дѣлѣ соперничество между бронею и артиллеріей, которое съ тѣхъ поръ росло все болѣе и болѣе и лишь въ послѣдніе годы, благодаря новымъ взрывчатымъ веществамъ, повидимому, окончательно разрѣшилось въ пользу послѣдней.

Техника нашла себѣ примѣненіе и въ войнѣ на Западѣ. Уніонисты построили рѣчную флотилію панцырныхъ канонерокъ съ тяжелой артиллеріей, представлявшую не только достаточный опорный пунктъ для сухопутныхъ войскъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и пловучій осадный паркъ для непріятельскихъ фортовъ. Дѣйствія этой рѣчной флотиліи много способствовали успѣху западной арміи на Миссиссипи. Одна изъ армій Сѣвера, вытѣснивъ южанъ изъ Тенесси, спустилась на Миссиссипи, тогда какъ, съ другой стороны, отрядъ, посланный съ Востока моремъ, явился къ устьямъ великой рѣки, — слѣдствіемъ чего было взятіе сѣверянами Новаго Орлеана еще въ началѣ 1862 года. Вторая половина этого года и начало 1863 г. были наиболѣе тяжелымъ временемъ для Союза. На Востокѣ конфедераты перешли въ наступленіе, на среднемъ театрѣ войны они прорвались черезъ завоеванную въ кампанію предыдущаго года линію Тенесси далеко на сѣверъ и угрожали оставшимся вѣрными Союзу городамъ до Чикаго и Цинциннати, наконецъ, на самомъ Миссиссипи южане въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ задерживали союзную армію подъ стѣнами твердыни Виксбурга на лѣвомъ берегу рѣки. Побѣда и здѣсь досталась только при помощи техники. Придумывались самыя сложныя и остроумныя приспособленія, чтобы провести въ цѣлости рѣчную флотилію подъ огнемъ непріятельскихъ батарей и, въ концѣ концовъ, обошли непобѣдимую крѣпость вновь прорытымъ каналомъ.

По счастливому совпаденію, Виксбургъ палъ въ тотъ самый день (4 іюля 1863 г.), когда армія Ли вынуждена была отступить отъ Геттисбурга къ Ричмонду. Но рѣшительное значеніе имѣла побѣда Запада: она освободила Миссиссипи до самаго устья и отдѣлила этимъ Юго-Западъ отъ конфедераціи. Блокада вдоль рѣки была столь же недостаточна, какъ и на морѣ; но и она оказала свое дѣйствіе, понизивъ до крайне малыхъ размѣровъ

значительный до тѣхъ поръ подвозъ хлѣба съ Запада. На сѣверо-востокѣ оцѣнили значеніе этой побѣды и поставили Гранта (см. выше стр. 549), побѣдителя при Виксбургѣ, во главѣ союзнаго войска.

Къ счастью для Сѣвера, у Гранта оказался достойный его преемникъ, въ лицѣ Уильяма Текумсэ Шермана, также уроженца Запада. Онъ велъ кампанію на среднемъ театрѣ войны и въ сентябрѣ 1864 г. побѣдоносно вступилъ въ городъ Атланту въ сѣверо-западномъ углу штата Георгіи. Здѣсь его осѣнила геніальная мысль — пройти непріятельскую страну насквозь въ направленіи къ Атлантическому побережью. Такимъ образомъ, если бы это удалось, область владычества Юга вновь сокращалась бы въ значительной степени. Если здѣсь и не представлялось, какъ на Миссисипи, стратегической линіи, которую можно было бы удержать на продолжительное время, то все-таки походъ большой непріятельской арміи поперекъ всей Георгіи, отъ западной границы до самаго моря, по крайней мѣрѣ, на долго прервалъ бы связь между восточными и южными частями конфедераціи. Вмѣстѣ съ тѣмъ борьба переносилась бы въ самое сердце возставшей страны, въ южную Каролину, до сихъ поръ не затронутую бѣдствіями войны. Когда Шерманъ въ декабрѣ 1864 г. вступилъ въ Саванну и установилъ морское сообщеніе съ Вашингтонской арміей, борьба вступила въ свой послѣдній фазисъ. Грантъ съ сѣвера и Шерманъ съ юга одновременно стали наступать на мѣстопребываніе правительства конфедераціи и все болѣе и болѣе ставили его въ положеніе осажденнаго. 9 апрѣля 1865 года въ Ричмондѣ пальмовое знамя конфедераціи было спущено передъ Грантомъ, и нѣсколько дней спустя (26 апрѣля), стоявшая противъ Шермана южная армія конфедератовъ подъ начальствомъ Джонстона прекратила безполезное сопротивленіе.

Сѣверъ спасъ, такимъ образомъ, единство Союза, но что же сталось съ остальными частями его программы? Линкольнъ вначалѣ твердо держался воззрѣнія, что Союзъ не велъ войну съ конфедераціей, но лишь подавлялъ возмущеніе въ своей собственной области, что нисколько не затрогивало права южныхъ штатовъ и лицъ. Онъ настойчиво повторялъ это заявленіе представителямъ среднихъ штатовъ, оставшихся вѣрными Союзу, когда съ ихъ стороны высказывались опасенія относительно сохраненія невольничества. Однако, самый ходъ войны вынудилъ его совершенно измѣнить свое отношеніе къ вопросу о невольничествѣ. Это прежде всего сказалось тѣмъ, что, на самомъ театрѣ войны, военачальники Союза гарантировали свободу всѣмъ неграмъ, которые пожелали бы вступить въ ряды союзныхъ войскъ. Линкольнъ сначала рѣшительно не одобрялъ такой образъ дѣйствій. Но когда южане объявили конфискацію всякой собственности, принадлежавшей въ предѣлахъ конфедераціи гражданамъ Союза, Линкольнъ не могъ не прибѣгнуть къ соотвѣтственной репрессивной мѣрѣ: такъ какъ невольники составляли наиболѣе цѣнное имущество конфедератовъ, то они, конечно, всего охотнѣе подвергались конфискаціи и этимъ путемъ получали свободу. Все это были предвѣстники первыхъ рѣшительныхъ шаговъ въ рабовладѣльческомъ вопросѣ. Чѣмъ дольше длилась война, тѣмъ болѣе выступали наружу огромныя выгоды, которыя южане извлекали изъ своего рабовладѣнія для веденія войны. До тѣхъ поръ не было слышно, чтобы рабы возмущались противъ своихъ господъ или противились вступленію въ военную службу. И дѣйствительно, у невольниковъ не было къ тому никакой побудительной причины, пока союзное правительство само провозглашало сохраненіе всѣхъ, касавшихся невольничества законовъ какъ всего Союза, такъ и отдѣльныхъ штатовъ. Перемѣна въ этомъ отношеніи могла наступить лишь въ томъ случаѣ, если бы Союзъ обѣщалъ извѣстную награду за отпаденіе отъ господъ. Такою наградой должна была быть свобода. Вслѣдствіе того, Линкольнъ, въ качествѣ верховнаго распорядителя военными дѣйствіями Союза 22-го сен-

тября 1862 года издалъ декларацію, что съ 1 января 1863 года всѣ рабы въ области возмущенія должны считаться свободными передъ законами Союза.

Съ этого времени исчезновеніе негровъ изъ рядовъ южанъ приняло большіе размѣры, и число ихъ быстро возросло въ сѣверныхъ арміяхъ. При такихъ обстоятельствахъ требованіе уничтоженія рабства было неизбѣжнымъ. Въ конгрессѣ Линкольнъ все еще искалъ компромисса, предлагалъ заинтересованнымъ штатамъ денежное вознагражденіе, хлопоталъ о содѣйствіи выселенію освобожденныхъ рабовъ въ Либерію въ обширномъ размѣрѣ. Однако, эти предложенія не были приняты, а между тѣмъ наступилъ новый періодъ президентскихъ выборовъ. Хотя какъ рабовладѣльцы, такъ и демократы, изъ различныхъ побужденій, противились вторичному избранію Линкольна, оно тѣмъ не менѣе состоялось въ концѣ 1864 года подавляющимъ большинствомъ голосовъ. А такъ какъ за это время въ округѣ Колумбіи невольничество было отмѣнено закономъ, а въ Мерилэндѣ уничтожено добровольно, то правительство, наконецъ, внесло въ конгрессъ такъ называемое „13-е дополненіе къ союзной конституціи, которое, въ силу основнаго закона, не знающаго слова „рабство", отмѣнило его во всей области союза. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ принятія конгрессомъ этого дополненія (31 января 1865 г.) послѣдовало полное подчиненіе Юга. Побѣда республиканцевъ превзошла самыя смѣлыя ихъ ожиданія и омрачилась лишь тѣмъ, что одновременно съ нею палъ жертвою подлаго убійства тотъ человѣкъ, который все время служилъ имъ разумнымъ, безстрастнымъ, но безусловно надежнымъ вождемъ: Линкольнъ былъ убитъ 14 апрѣля 1865 г., въ концѣ торжества своего дѣла.

Смерть Линкольна была крупнымъ несчастьемъ для всего Союза. Республиканская партія находилась въ несомнѣнномъ кризисѣ. Та программа, съ которою въ 1860 году Линкольнъ принялъ бразды правленія, была, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ войны, не только дополнена въ самомъ существенномъ, но ходъ событій ее обогналъ во многомъ. Въ рѣшительный моментъ, когда въ объятія партіи, послѣ безпримѣрной побѣды, устремились всѣ несовсѣмъ чистые элементы, которые всегда примыкаютъ къ побѣдителю, когда дѣло доходитъ до дѣлежа добычи, партія оказывалась не имѣющей ни опредѣленной программы, которая ставила бы ей высшія цѣли, ни вождя, обладающаго достаточнымъ авторитетомъ, чтобы не дать уклониться отъ прямого пути.

Отъ высшей справедливости и тонкаго чувства мѣры, которыми обладалъ Линкольнъ, можно было съ увѣренностью ожидать, что онъ проведетъ возстановленіе Союза, которое преимущественно должно было заключаться въ новомъ устройствѣ южныхъ штатовъ, до конца въ томъ же духѣ, какимъ отличалась его политика во время всей войны. Но человѣкъ, который, послѣ смерти Линкольна, сталъ у кормила правленія, прежній вице-президентъ Эндрью Джонсонъ, далеко не стоялъ такъ высоко надъ воззрѣніями своей партіи, какъ его предшественникъ, и не пользовался надъ нею властью, необходимою, чтобы держать въ уздѣ ея бурные радикальные элементы. Въ республиканской партіи получила господство та часть ея, которая, оставляя въ сторонѣ всѣ идеальныя воззрѣнія, стремилась лишь къ тому, чтобы примѣрнымъ образомъ отмстить Югу за пять лѣтъ междоусобной войны и лишить его всякой возможности играть вновь какую-либо роль во внутренней политической жизни. Джонсонъ лично вовсе не принадлежалъ къ крайнимъ представителямъ этихъ стремленій, но онъ совершенно не отдавалъ себѣ отчета въ угрожавшей Союзу съ этой стороны опасности и упустилъ благопріятную минуту избавиться отъ нея. Впослѣдствіи онъ мужественно выступилъ противъ нея и до конца своего президентства велъ тяжелую борьбу, изъ которой, однако, не могъ выйти побѣдителемъ.

Джонсонъ, какъ и республиканцы-радикалы, не считалъ возможнымъ немедленно возвратить мятежнымъ штатамъ ихъ мѣсто въ Союзѣ, и дарованная имъ амнистія исключала изъ нея столь многихъ, что на радикаловъ она подѣйствовала возбуждающимъ образомъ. Но Джонсонъ этотъ законъ объ амнистіи примѣнялъ на дѣлѣ такъ разумно и такъ настойчиво старался возстановить на югѣ правильный порядокъ, что, немедленно вслѣдъ за открытіемъ конгресса, между президентомъ и радикальнымъ большинствомъ завязалась борьба. Джонсонъ ставилъ допущеніе южныхъ штатовъ въ составъ Союза на прежнихъ правахъ лишь въ зависимость отъ принятія ими закона объ уничтоженіи невольничества, соотвѣтствующаго участія въ долгахъ Союза и признанія недѣйствительными займовъ, сдѣланныхъ конфедераціею. На этихъ основаніяхъ нѣкоторые изъ южныхъ штатовъ были реорганизованы и даже выслали своихъ представителей въ Вашингтонъ. Но конгрессъ кассировалъ полномочіе этихъ представителей и открылъ противъ умѣренной политики президента ожесточенную борьбу, окончившуюся тѣмъ, что возвращеніе южныхъ штатовъ въ составъ Союза было обусловлено требованіемъ предоставить неграмъ совершенную равноправность съ бѣлыми. Джонсонъ напрасно наложилъ свое президентское „veto“ на это неразумное постановленіе. Онъ добился лишь того, что самъ былъ преданъ суду сената, какъ верховнаго судилища, которое, впрочемъ, въ концѣ концовъ оправдало его. Что касается указаннаго выше условія, то оно было навязано послѣдовательно всѣмъ южнымъ штатамъ, чѣмъ была закрѣплена полная побѣда радикальной партіи.

Конгрессъ въ своемъ образѣ дѣйствій вовсе не руководствовался идеальнымъ одушевленіемъ за равенство всѣхъ людей. Произведенные на основаніи организаціоннаго плана Джонсона выборы въ южныхъ штатахъ ясно показали, что, несмотря на всѣ военныя и экономическія пораженія, политическое значеніе Юга и демократической партіи не только не угасли, но быстро получили, съ водвореніемъ спокойствія и правильнаго порядка, свою прежнюю, нормальную силу въ государственной жизни Союза. Это угрожало въ близкомъ будущемъ полнымъ пораженіемъ развратившимся въ политическомъ отношеніи республиканцамъ, и было именно поводомъ, побуждавшимъ послѣднихъ отнять политическія права у Юга и поставить его подъ опеку. Голодные и жадные политики по призванію толпами устремились на Югъ. Съ помощью всякихъ демагогическихъ ухищреній, имъ удалось завладѣть голосами невѣжественныхъ негровъ, и въ короткое время политическая и правительственная власть на Югѣ оказалась въ рукахъ подонковъ республиканской партіи, хозяйничавшихъ во всѣхъ отрасляхъ управленія и общественной жизни и съ такой удивительной безсовѣстностью распоряжавшихся общественными и союзными имуществами, что банкротство всѣхъ южныхъ штатовъ вскорѣ стало совершившимся фактомъ.

Джонстонъ уже не былъ президентомъ, когда одержало побѣду это движеніе, получившее кличку „Carpet begger'овъ“, но радикалы ухитрились на его мѣсто поставить человѣка совершенно по своему вкусу. Въ исторіи Союза было замѣчено, что партіи, выставлявшія кандидатуру побѣдоносныхъ генераловъ, ни разу не терпѣли пораженія, а заслуги Гранта, при окончаніи междоусобной войны, были несомнѣнно очевиднѣе, чѣмъ заслуги всѣхъ предшествовавшихъ военныхъ пандидитовъ. Но, какъ государственный человѣкъ, въ особенности какъ администраторъ, Грантъ былъ, конечно, не менѣе неспособенъ, чѣмъ Джонсонъ и другіе его предшественники. Въ 1869 году, Улиссъ Симпсонъ Грантъ вступилъ въ должность президента, въ качествѣ открытаго ставленника той партіи, которая желала прежде всего пожать плоды побѣды надъ Югомъ, и допустилъ не только въ южныхъ штатахъ, но и въ управленіи

всего Союза такое безстыдное хищничество, что скандальные процессы касались даже лицъ, непосредственно окружавшихъ президента. Республиканская партія теперь руководилась принципомъ, что государство существуетъ только для обогащенія господствующей партіи. Была введена покровительственная система высокихъ таможенныхъ пошлинъ, имѣвшая повидимому цѣлью лишь удовлетвореніе значительно усилившихся за время войны финансовыхъ потребностей государства, но на дѣлѣ служившая тому, чтобы открыть различнымъ коммерческимъ синдикатамъ и обществамъ возможность самыхъ необузданныхъ спекуляцій, въ которыхъ депутаты и государственные чиновники открыто и безстыдно обогащались.

Всѣ эти злоупотребленія уже въ первое президентство Гранта достигли такихъ размѣровъ, что вызывали во многихъ мѣстахъ живое неудовольствіе; однако, внутренняя связь республиканской партіи была еще настолько сильна, что, при помощи совершенно безпринципныхъ единомышленниковъ, управлявшихъ южными штатами, въ 1872 г. вторичное избраніе Гранта состоялось безъ особыхъ усилій. Но въ теченіе этого второго президентства Гранта (1873—1877) республиканская партія распалась. Въ ней составилась, преимущественно изъ числа американскихъ нѣмцевъ, которые и раньше играли большую роль (ср. выше, стр. 539) при самомъ образованіи партіи, особая фракція такъ называемыхъ либеральныхъ республиканцевъ, прежде всего требовавшая честнаго управленія. Вліяніе ея не было достаточно сильно, чтобъ предложить собственнаго кандидата съ какими-либо шансами на успѣхъ, но, съ другой стороны, и старые республиканцы, и вновь выступившіе весьма энергично демократы не могли обойтись безъ ея голосовъ, а потому и должны были держаться такихъ кандидатовъ на президентство, которые представляли гарантію нравственнаго очищенія правительства.

Со вступленіемъ въ должность президента Рутерфорда Бирчарда Гейза 5 марта 1877 г. окончилась революціонная эпоха Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Спекулятивное хищничество, съ которымъ сѣверными радикалами велось управленіе Югомъ во время президентства Гранта, было немногимъ менѣе противозаконно, чѣмъ даже самое возстаніе южанъ, и на долго задержало возстановленіе порядка и спокойствія на Югѣ. Въ матеріальномъ отношеніи Союзъ со времени войны оправился весьма быстро; это обнаружилось блестящимъ образомъ въ отчетахъ финансоваго управленія. Но искушенія, какія въ ближайшее время представлялись нечестнымъ людямъ, были безконечно больше прежнихъ. Вслѣдствіе высокихъ таможенныхъ пошлинъ и увеличенныхъ за время войны внутреннихъ налоговъ въ государственномъ казначействѣ образовался постоянно возраставшій избытокъ. Союзный долгъ, послѣ войны равнявшійся 2,800 милліонамъ долларовъ, за двадцать лѣтъ былъ наполовину выплаченъ, а процентъ остальнаго долга пониженъ съ 6% до 3%. Внутренніе налоги могли быть значительно уменьшены, а также сбавлены и таможенные тарифы, — но отказаться отъ покровительственной системы мѣшали факторы гораздо болѣе политическаго, нежели финансоваго характера. Отъ Гейза принялъ президентство въ 1881 году Джемсъ Абрагамъ Гарфильдъ, отъ котораго ожидали рѣшительныхъ шаговъ на пути нравственнаго обновленія, но пуля убійцы (2 іюля 1881 г.) вновь значительно отодвинула это дѣло назадъ. 21-й (по счету) президентъ Честеръ Оллэнъ Арчеръ (1881—1885) вновь возвратился къ политикѣ наживы. Если порядки внутренняго управленія въ его президентство и стояли нѣсколько выше, нежели при Грантѣ, то во всякомъ случаѣ довѣріе къ правительственному возраженію было сильно поколеблено. Республиканская партія окончательно утратила свое вліяніе и власть надъ умами. Демократы выступили съ программой чисто финансовой таможенной политики, честнаго

и безкорыстнаго управленія финансами и полнаго устраненія партійности при назначеніи административныхъ лицъ, и впервые послѣ гражданской войны добились въ 1884 году большинства въ пользу своего кандидата въ президенты Гровера Кливлэнда. Такимъ образомъ, между партіями возстановилось прежнее устойчивое равновѣсіе.

Съ 1884 года демократическіе и республиканскіе президенты довольно правильно смѣняли другъ друга. Такое возстановившееся равновѣсіе партій много способствовало тому, чтобы сдѣлать невозможнымъ повтореніе явленій, происходившихъ въ теченіе президентства Гранта. Союзъ вступилъ въ новый фазисъ своего развитія. Усиленіе центральной власти, послѣдовавшее за пораженіемъ во время гражданской войны приверженцевъ правъ отдѣльныхъ штатовъ, не осталось безъ вліянія на весь духъ американской политики. Вниманіе правительства все еще главнѣйшимъ образомъ устремляется на внутреннія дѣла Союза, и они являются настолько крупными и своеобразными, что вполнѣ оправдываютъ такое вниманіе. Во многихъ отношеніяхъ преувеличенное покровительство республиканской таможенной политикѣ повлекло за собою такое развитіе сѣв.-американской промышленности, которое ставитъ Соединенные Штаты въ этомъ отношеніи едва ли не во главѣ всѣхъ націй въ мірѣ. Ни въ одной странѣ такъ быстро и въ такомъ обширномъ масштабѣ не примѣняются всѣ новѣйшія техническія изобрѣтенія и усовершенствованія, какъ въ Америкѣ. Паръ и электричество господствуютъ не только въ собственно фабрично-заводской промышленности, но примѣняются и къ земледѣлію. Почти неистощимыя естественныя богатства страны разрабатываются съ желѣзной энергіей, и нигдѣ борьба за существованіе не обострилась такъ сильно, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Духовныя стороны человѣческой природы при этомъ, разумѣется, сильно страдаютъ. Несмотря на страсть къ роскоши и блеску, порожденную почти сказочными богатствами американской „денежной аристократіи“, изящныя искусства не нашли для себя истинной почвы въ Союзѣ, развитіе науки, ради котораго дѣлаются, съ какой-то не совсѣмъ симпатичною хвастливостью, огромныя затраты, не достигло того же уровня, какъ въ Старомъ Свѣтѣ, за исключеніемъ тѣхъ отраслей ея, которыя преимущественно служатъ практическимъ цѣлямъ. Воспитаніе мужской половины юношества, односторонне направленное въ сторону, способствующую пріобрѣтенію заработка, понижаетъ общее развитіе его. Это отразилось въ замѣчательной степени въ соціальныхъ отношеніяхъ.

Сѣверо-американцы унаслѣдовали отъ своихъ предковъ англичанъ особое положеніе, предоставляемое женскому полу, но соціальныя условія Америки придали этому положенію своеобразное развитіе. Американская женщина въ матеріальномъ отношеніи болѣе независима, чѣмъ гдѣ-либо, но именно поэтому ей болѣе, нежели женщинамъ другихъ странъ, недоставало поля дѣятельности. Оставаясь въ сторонѣ отъ борьбы за существованіе и добываніе средствъ, американская женщина могла сдѣлать для своего образованія болѣе, чѣмъ мужская молодежь страны: отсюда возникло замѣчательное явленіе, что вообще женщина въ Америкѣ стоитъ умственно выше мужчины. При такомъ положеніи женщина не могла долго и прочно ограничиться въ своей дѣятельности тѣми предметами, которые оставлялись мужчинами въ пренебреженіи, т.-е. литературой, искусствомъ и наукой. Естественно женщина, сознавая себя равносильной мужчинѣ, если не стоящей выше его, стала стремиться получить участіе и въ трудахъ, и въ правахъ мужчинъ. Такимъ образомъ, въ американскомъ обществѣ и въ жизни эмансипаціонное женское движеніе обнаружилось раньше, нежели гдѣ-либо.

Но американская женщина не остановилась на этомъ. Чѣмъ болѣе

она фактически выступала равноправной сотрудницей мужчины, тѣмъ болѣе она стремилась къ равному съ нимъ положенію въ новыхъ и новыхъ областяхъ. Соціальныя условія, все сильнѣе и сильнѣе выдвигавшія на первый планъ матеріальную сторону жизни, повели къ ограниченію браковъ или скорѣе къ установленію такой формы брака, въ которой женщина не столько становилась хранительницею домашняго очага, сколько сотрудницей мужа: такимъ образомъ, ей открывалось само собою множество профессій. Вслѣдствіе ея большаго образованія, она получала возможность занимать тѣ или другія должности, сначала общинныя, а затѣмъ и государственныя. Такъ возникъ особый классъ живущихъ своимъ заработкомъ женщинъ, которыя, не безъ основанія, заявили требованіе, чтобы и ихъ голосъ принимался во вниманіе въ общественныхъ дѣлахъ, какъ и голосъ мужчинъ. Своеобразность американской конституціи, предоставляющей право избранія вполнѣ на волю отдѣльныхъ штатовъ, значительно облегчила женщинамъ достиженія успѣха въ этомъ отношеніи. Уже въ 1886 г. въ штатѣ Вермонтѣ онѣ получили активныя избирательныя права, и примѣръ этотъ съ тѣхъ поръ встрѣтилъ самое широкое подражаніе. Въ настоящее время женщины пользуются почти во всѣхъ штатахъ Союза политическою равноправностью съ мужчинами по всѣмъ вопросамъ жизни штатовъ. Однако, ожиданіе, что это будетъ имѣть послѣдствіемъ совершенное измѣненіе политической жизни, подтвердилось въ Америкѣ такъ же мало, какъ и въ Австраліи, и врядъ ли можно сомнѣваться, что и въ Америкѣ эмансипаціонное движеніе постепенно пойдетъ на убыль. Оно будетъ имѣть то благотворное дѣйствіе, что сдѣлаетъ болѣе полнымъ уравненіе правъ половъ между собою, болѣе подготовленное образованіемъ въ Америкѣ, чѣмъ въ большинствѣ другихъ странъ; но американскія общественныя условія врядъ ли измѣнятъ тотъ фактъ, что женщина, въ концѣ концовъ, вступленіемъ во всѣ области экономическаго заработка скорѣе можетъ проиграть, чѣмъ выиграть.

Достигнутъ ли когда-нибудь Соединенные Штаты полнаго оздоровленія своихъ экономическихъ отношеній — трудно предвидѣть. Опасность соціализма, доставляющая тамъ много работы правительствамъ Стараго Свѣта, не оказывалось таковою же въ Америкѣ. Ей противодѣйствовали сглаженіе всѣхъ сословныхъ границъ, республиканское равенство всѣхъ гражданъ и не уничтоженная до послѣдняго времени возможность путемъ умѣлости и энергіи подняться въ самое короткое время изъ самыхъ скромныхъ условій въ ряды всемогущихъ денежныхъ тузовъ. Но возможность эта естественно уменьшается вмѣстѣ съ увеличеніемъ плотности населенія (см. таблицу „Три ступени роста Санъ-Франциско“). Хотя по отношенію къ пространственному расширенію въ Соединенныхъ Штатахъ еще не можетъ быть рѣчи о перенаселеніи, но они давно уже вышли изъ того состоянія, когда въ каждой парѣ сильныхъ рукъ видѣли желанный приростъ національнаго богатства. Въ Союзѣ есть теперь свой безработный пролетаріатъ, какъ и во всякомъ другомъ государствѣ.

Отраженіе этихъ условій на вопросѣ объ иммиграціи обнаружилось уже давно. За періодомъ отъ 1830 до 1880 года, когда Америка всѣми силами способствовала приливу иноземныхъ переселенцевъ и особенно благопріятно относилась ко многимъ милліонамъ переселившихся въ нее нѣмцевъ, наступилъ другой періодъ, когда эта страна начала замыкаться отъ постороннихъ элементовъ. Прежде всего это движеніе совершенно справедливо обратилось противъ китайцевъ. Негры и индѣйцы въ Соединенныхъ Штатахъ составляютъ уже два чуждыхъ элемента населенія, переработка и поглощеніе которыхъ ставили государству трудныя и дорого стоившія задачи. Поэтому оно основательно не хотѣло себя обременять другимъ, совершенно чуждымъ по своей своеобразности и не поддающимся ассимиляціи постороннимъ тѣломъ. Но Союзъ начинаетъ замы-

каться и отъ европейской иммиграціи. Понятнымъ образомъ, оно не прибѣгаетъ для этого къ способу know nothings (см. выше, стр. 539), затруднявшему пріобрѣтеніе гражданскихъ правъ. Въ настоящее время, когда соціальныя условія уже не таковы, что одной физической силы можетъ быть достаточно для обезпеченія существованія, оно прежде всего ограждаетъ себя отъ такихъ людей, которые по ихъ физическому и умственному складу позволяютъ предположить, что они не могутъ служить на пользу странѣ, а скорѣе будутъ ей въ тягость.

Въ Соединенныхъ Штатахъ еще болѣе, чѣмъ въ другихъ республикахъ, республиканское равенство всѣхъ гражданъ представляетъ несбывшуюся мечту. Сила денегъ и роковое вліяніе ихъ на государственную власть, несмотря на всѣ стремленія къ реформамъ, все еще представляютъ одну изъ самихъ серьезныхъ опасностей для республики. Ни въ одной странѣ капиталъ не обладаетъ такимъ могуществомъ, какъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Его трёстамъ и домогательствамъ не одинъ разъ удавалось создавать монополію не только для Новаго Свѣта, но угрожать ею и Старому Свѣту. Ни таможенная, ни финансовая политика Союза не свободны отъ упрека въ злоупотребленіяхъ ради дѣловыхъ цѣлей большихъ торговыхъ синдикатовъ. Какъ симптомъ, наводящій на размышленіе, можно указать способъ, какимъ Америка, въ интересахъ небольшого числа богатыхъ владѣльцевъ серебряныхъ рудниковъ, давно уже противится признанію измѣнившихся цѣнностей благородныхъ металловъ и вытекающей отсюда необходимости золотой валюты.

Однако, этой странѣ нельзя отказать въ могучей способности развитія громадныхъ естественныхъ богатствъ. Усиливающееся сознаніе ея повело къ тому, что Соединенные Штаты въ концѣ XIX вѣка начали придерживаться совершенно иной иностранной политики. Можетъ показаться, что политика, какой слѣдовалъ Монроe (см. выше, стр. 486 и 510) въ 1825 г., и теперь еще руководитъ американскими государственными людьми. Но духъ, придаваемый деклараціямъ Монроe, совершенно иной, чѣмъ тотъ, какой былъ во время ихъ появленія. Монроe высказалъ тогда, что Соединенные Штаты должны принять для себя основнымъ положеніемъ невмѣшательство въ дѣла другихъ націй. Поэтому онъ отклонилъ поддержку провинцій Южной Америки, когда они возстали противъ Испаніи; по той же причинѣ онъ воспротивился посылкѣ депутатовъ на панамериканскій конгрессъ, созванный Боливаромъ въ Панамѣ. Заявленіе, что вмѣшательство европейской державы съ цѣлью возстановленія испанскаго владычества въ Средней и Южной Америкѣ будетъ принято за враждебное дѣйствіе противъ Соединенныхъ Штатовъ, было обращено, въ связи съ англійской политикой, преимущественно противъ Священнаго союза, который, при поддержкѣ Россіи, хотѣлъ вступиться за Фердинанда VII. Союзъ не одинъ разъ относился къ попыткамъ испанцевъ вновь завоевать свои колоніи только какъ къ внутреннимъ дѣламъ провинцій, до которыхъ это касалось.

Проявленіе доктрины Монроe въ дипломатической сферѣ обнаружилось, когда предпринято было прорытіе Панамскаго канала. Сѣверо-американцы давно уже старались подчинить своему контролю экономическія условія перешейка и были возмущены тѣмъ, что это предпріятіе готовилось осуществиться безъ ихъ содѣйствія. Впрочемъ, они, вѣроятно, были лучше освѣдомлены объ его шансахъ, чѣмъ Европа, обманутая биржевыми отчетами. Во всякомъ случаѣ, они занимались безъ перерыва планомъ канала черезъ Никарагуа; но обѣ линіи не могли развиваться, конкурируя между собой. Въ настоящее время только послѣдній проектъ имѣетъ шансы на осуществленіе, въ особенности потому, что союзное правительство готово ассигновать на него значительныя средства.

Соединенные Штаты пытались и другимъ путемъ утвердиться въ южныхъ сосѣднихъ провинціяхъ. Когда Юкатанъ въ 1848 г. былъ еще

разъ отторгнутъ отъ мексиканской республики, но самъ не могъ справиться съ постоянно возмущавшимися индѣйцами, онъ обратился за помощью къ Соединеннымъ Штатамъ и предложилъ за это признать ихъ верховную власть. Но предложенiе его было отвергнуто. Въ половинѣ пятидесятыхъ годовъ обсуждался затѣмъ планъ присоединенiя Никарагуа. Интересы сѣверо-американскихъ торговыхъ обществъ неоднократно вызывали тамъ оживленные дипломатическiе переговоры; въ концѣ концовъ, искатель приключенiй изъ Тенесси, Уильямъ Уокеръ попалъ въ тамошнiе президенты. На него косо смотрѣли всѣ мѣстные уроженцы, и ему приходилось искать поддержки въ своемъ отечествѣ; дѣйствительно, соотечественники его съ Запада неоднократно поддерживали въ немъ надежду, что его приключенiя окончатся принятiемъ Никарагуа въ Союзъ. Но и тогда цѣль не была достигнута. Расширенiе союзной области было въ третiй разъ заявлено Грантомъ въ 1870 г. Въ республикѣ Санъ-Доминго, въ восточной части острова, большая партiя, въ рукахъ которой находилась президентская власть, добивалась присоединенiя къ Соединеннымъ Штататамъ. Уже въ 1866 г. депутацiи направлялись въ ту и другую сторону, но договоръ о присоединенiи состоялся лишь тогда, когда Грантъ принялъ живой интересъ въ этомъ дѣлѣ. Но между тѣмъ, какъ народное голосованiе въ Санъ-Доминго дало обезпеченное большинство въ пользу его, въ Соединенныхъ Штатахъ народное представительство держалось уклончиваго положенiя; три раза Грантъ представлялъ планъ конгрессу и три раза долженъ былъ брать его назадъ, въ виду обнаруживавшагося сопротивленiя.

Всѣ эти неудачи имѣли одну общую причину. Въ Соединенныхъ Штатахъ весьма распространено было воззрѣнiе, что область Союза достигла того расширенiя, какое нужно было государству для его развитiя, и что прiобрѣтенiе областей, лежащихъ внѣ уже замкнутыхъ границъ его, могло быть только опасно для Союза. Дальше этихъ взглядовъ первоначальной доктрины Монрое Соединенные Штаты пошли въ послѣднемъ десятилѣтiи XIX вѣка, лишь благодаря своему экономическому развитiю. Необычайный подъемъ промышленности привелъ къ тому, что Союзъ не только вполнѣ удовлетворяетъ своимъ собственнымъ потребностямъ, но производитъ гораздо болѣе того и долженъ искать чужеземныхъ рынковъ. Взоры его при этомъ обращались, прежде всего, на другiя государства Америки, которыя, при своемъ меньшемъ экономическомъ развитiи, все еще зависѣли въ промышленномъ отношенiи отъ Европы. При этой комбинацiи было выработано *новое, существенно дополненное изданiе доктрины Монрое*. Какъ нѣкогда на политическомъ, такъ теперь на экономическомъ поприщѣ желательно было вытѣснить европейскiя державы съ Американскаго материка и сохранить „Америку для американцевъ“.

Съ этою цѣлью Соединенные штаты стремились создать болѣе тѣсное сближенiе всѣхъ американскихъ республикъ. Столѣтнiй юбилей независимости (4-го iюля 1876 года) впервые возродилъ идею панамериканскаго союза, а 400-лѣтнiй юбилей открытiя (12-го октября 1892 года) способствовалъ ея дальнѣйшему развитiю. На всемiрной выставкѣ въ Чикаго (1893) многочисленныя нити были скрѣплены между собой, и въ видѣ Bureau of American Republics было создано панамериканское учрежденiе.

Однако, плодами его нельзя было воспользоваться непосредственно сообразно требованiямъ рабочаго рынка. Для Соединенныхъ Штатовъ такъ же, какъ и для странъ Стараго Свѣта, оказывалась настоятельно необходимой политика покровительства нацiональнаго труда. Охранительныя пошлины существовали въ Союзѣ уже давно. Но до тѣхъ поръ отчасти онѣ служили средствомъ держать въ порядкѣ финансовое хозяйство всего государства, отчасти располагать постоянно возрастающей промышленностью. Только *тарифы* 1890 года, связанные съ именемъ Макъ-Кинлея. обозначаютъ поворотъ въ таможенной политикѣ Союза; они должны были устранить ино-

земную конкуренцію и придать собственной промышленности возможность конкурировать на иностранныхъ рынкахъ. Это было оцѣнено большинствомъ гражданъ Союза: на выборахъ 1896 г. Уильямъ Макъ-Кинлей избранъ въ президенты на 1897—1901 годъ.

Но уже первый годъ этого президентства показалъ, что поворотъ въ политикѣ Союза не ограничивается экономической областью. Повторявшіяся возстанія противъ испанскаго владычества на Кубѣ постоянно поддерживали въ американцахъ стремленіе пріобрѣсти этотъ островъ, цѣнный по своему географическому положенію. Ихъ отношеніе къ возставшимъ всегда держалось у границъ, допускаемымъ международнымъ правомъ. Испанія, въ остаткахъ своихъ нѣкогда богатыхъ колоніальныхъ владѣній, терпѣла безстыдно дурное управленіе. Самыя справедливыя требованія колоній частью оставались безъ вниманія, частью успокоивались пустыми обѣщаніями; испанское правительство позволяло губернаторамъ обогащаться съ помощью вымогательствъ, и государство извлекало лишь незначительныя выгоды изъ своихъ колоній. Возстаніе на Кубѣ произошло уже въ 1868 году, и испанцамъ стоило много крови и денегъ, прежде, чѣмъ имъ, послѣ десятилѣтней борьбы, удалось привести островъ къ повиновенію обѣщаніемъ реформъ. Когда эти послѣднія остались невыполненными, произошло новое возмущеніе въ 1896 году. Въ то время въ дѣло вмѣшались Соединенные Штаты. Ни для кого не было тайной, что возставшіе постоянно получали оттуда деньги и оружіе. Испанія, сознавая свою слабость, ограничилась одними дипломатическими протестами. Это придало больше смѣлости американскому правительству. Прежде всего, оно потребовало въ „интересахъ человѣчности“ прекращенія военнаго положенія на Кубѣ. Подъ этимъ давленіемъ Испанія должна была рѣшиться предоставить острову самоуправленіе. Но это не удовлетворило ни возмутившихся, ни американцевъ. Послѣдніе ставили въ самой рѣзкой формѣ все новыя и новыя требованія и, наконецъ, воспользовались замедленіемъ въ отвѣтѣ на нихъ, чтобы 28-го апрѣля 1898 года объявить войну Испаніи.

Если Соединенные Штаты не имѣли ни сухопутнаго войска, ни военнаго флота, которые могли бы равняться тому и другому въ Испаніи, то они превосходили эту страну въ сто разъ средствами создать себѣ армію и флотъ. Кромѣ того, естественный театръ войны лежалъ у ихъ дверей. Дурное управленіе испанцевъ простиралось столько же на ихъ родину, сколько на ихъ колоніи; оно оказывалось совершенно не въ силахъ доставлять своевременно нужныя подкрѣпленія на театръ войны. Когда испанскіе корабли приняли, наконецъ, участіе въ войнѣ, они, вслѣдствіе несовершенства своего снаряженія, потерпѣли жалкое пораженіе отъ американскихъ кораблей, которые лишь нѣсколько недѣль тому назадъ превращены были въ военныя суда, но за то были снабжены всѣми новѣйшими средствами борьбы. Послѣ уничтоженія испанскаго флота передъ Сантъ-Яго, островное населеніе не только Кубы, но и Пуэрторико перешло на сторону американцевъ. Испанія вынуждена была купить миръ на тяжелыхъ условіяхъ: она должна была признать независимость Кубы, которая могла быть лишь переходомъ къ полному присоединенію къ Соединеннымъ Штатамъ, и непосредственно уступить имъ Пуэрторико.

Но и этимъ внезапно пробудившаяся въ Союзѣ жажда новыхъ земель не была удовлетворена. Уже многіе годы обращалъ онъ свое вниманіе на самый дальній западъ, въ развитіи котораго, вслѣдствіе взаимнаго положенія береговъ по обѣимъ сторонамъ Тихаго океана, онъ обнаруживалъ болѣе интереса, чѣмъ страны Стараго Свѣта. Въ 1877 г. Союзъ долженъ былъ отказаться отъ Самоа, въ виду почти общей коалиціи европейскихъ колоніальныхъ державъ. Но форма, въ какой въ 1897 г. онъ сумѣлъ осуществить присоединеніе Гавайи, доказываетъ, что онъ упорно

преслѣдуетъ цѣль прочно укрѣпиться въ Тихомъ океанѣ. И здѣсь испанская война оказала пользу стремленіямъ союзной политики. При заключеніи мира 10-го декабря 1898 года, Америка выторговала у испанцевъ и Филиппинскіе острова.

Какъ отразятся эти поразительныя перемѣны на будущности Соединенныхъ Штатовъ, теперь предвидѣть еще нельзя. Пріобрѣтенія служатъ яркимъ выраженіемъ потребности къ расширенію ихъ экономической территоріи. Въ переворотахъ, къ какимъ повела китайско-японская война въ 1894 году въ восточной Азіи, Америка впервые должна вступить въ открытую конкуренцію съ европейскими странами, ведущими вывозную торговлю. Благодаря событіямъ испанской войны, это происходитъ для нея при крайне благопріятныхъ условіяхъ. Но колоніи подготовляютъ Союзу еще многія затрудненія; въ предѣлахъ нынѣшней конституціи, которая почти не даетъ возможности принять мѣры къ созданію учрежденій для охраны колоній извнѣ и для ихъ внутренняго спокойствія, для нихъ вовсе не оказывается мѣста. Могутъ ли быть созданы всѣ эти измѣненія безъ потрясенія стараго зданія — покажетъ будущее. Во всякомъ случаѣ, Соединенные Штаты въ 1898 г. совершенно порвали съ принципами своего прошлаго. Они не только выступаютъ въ качествѣ новаго члена міровой политики, но и сами для себя представляютъ нѣчто новое.

VI. Историческое значеніе Тихаго океана.

Покойнаго

графа **Эдуарда Вильчека.**

Переработано

Д-ромъ **Карломъ Вейле.**

1. Историческая сцена.

Въ настоящее время ничто не обозначаетъ яснѣе всемірно-историческаго значенія облегающаго землю океана, чѣмъ вездѣ усиленно проявляющееся явленіе безконечно разнообразныхъ взаимоотношеній, связывающихъ міровой океанъ во всѣхъ его частяхъ съ обитателями отдѣльныхъ материковыхъ массъ. Съ сѣвера на югъ, съ востока на западъ протягиваются густою сѣтью съ одного материка на другой дороги, на которыхъ величественно проявляется политическая, умственная и коммерческая жизнь человѣчества. Какое безконечное расширеніе въ сравненіи съ древнимъ или даже до-колумбовскимъ культурнымъ кругомъ, ограничивавшимся Средиземнымъ моремъ и морями, окружающими Европу! И тѣмъ не менѣе, даже въ тѣ отдаленныя времена и другія части міроваго океана играли свою роль въ исторіи человѣчества; каждый океанъ по-своему являлся представителемъ отношеній, живущихъ около него и на немъ народовъ, но стянуть ихъ въ рамки всемірной исторіи предоставлено было лишь нашему времени.

И Тихій океанъ исполняетъ замѣтную роль въ ходѣ человѣческой исторіи. Ее нельзя сравнить ни по глубинѣ, ни по размѣрамъ съ ролью, сыгранной Средиземнымъ моремъ, что́ видно уже изъ положенія этого воднаго бассейна между тремя материками, обитатели которыхъ, почти неудержимо, направлялись къ названному морю; Тихій океанъ и Средиземное море и въ историческомъ отношеніи — величины, не сравнимыя между собою. Но и по отношенію къ другимъ океанамъ, Тихій океанъ своимъ положеніемъ а формой не надѣляется условіями, благопріятными для его историческаго значенія. Правда, и на Атлантическомъ океанѣ, въ его южной половинѣ, помѣщается оживленная внутри, но мертвая въ наружныхъ частяхъ Африки, а въ восточной части его — такая же лишенная исторіи южная Америка; и у Индійскаго океана есть свой Австралійскій материкъ, масса суши, историческая роль которой, въ дѣйствительности, начинается лишь съ вторичнаго открытія ея Джемсомъ Кукомъ. Но за то Атлантическій океанъ, на ряду съ преимуществомъ своей узкой каналообразной формы, обладаетъ безконечной выгодой сосѣдства культурной Европы, способность расширенія которой оказывается достаточной, чтобы охватить весь земной шаръ; у Индійскаго океана есть непрерывный мостъ народовъ его густо населеннаго индонезійскаго архипелага и обращенныхъ въ сторону восточной Африки южно-азіатскихъ полуострововъ.

Ничего подобнаго мы не находимъ на Тихомъ океанѣ. Ни съ первымъ, ни со вторымъ изъ названныхъ выше океановъ его нельзя сравнить ни по величинѣ, ни по формѣ, ни по положенію; только богатство острововъ въ нѣкоторыхъ частяхъ его указываетъ на родство съ западнымъ сосѣдомъ. Его видимымъ выдающимся свойствомъ остается величина. Этотъ океанъ занимаетъ приблизительно три четверти земной поверхности и составляетъ почти половину всего міроваго океана. Сообразно этому

ТИХІЙ ОКЕАНЪ
MAR DEL SUR (ЮЖНОЕ МОРЕ БАЛЬБОА 1513)
или
MAR PACIFICO (МАГЕЛАНЪ 1520).
Экваторіальный масштабъ 1 : 100 000 000
Теплыя морскія теченія
Холодныя " "
Стрѣлки указываютъ направленіе теченія
Преобладающее направленіе вѣтровъ въ іюлѣ
" " Штиль " "
Жел. дор. ...... Кабель и телеграфъ ---- Почтов. сообщенія
Названія народовъ. Древнія имена.
Европейскія владѣнія:
Нѣмецкія
Британскія
Французскія
Къ востоку - 180 къ западу отъ
100
120
160
140
180
60
40
20
0
Россійская Имперія
Восточная Сибирь
Якутскъ
Верхоянскъ
Охотскъ
Иркутскъ
Оз. Байкалъ
Кяхта
Николаевскъ
Хабаровскъ
Владивостокъ
Монголія
Урга
Манчжурія
Китайская Имперія
Пекинъ
Нанкинъ
Кантонъ
Тибетъ
Лхасса
Корея
Японія
Токіо
Гонзо
Іезо
Сахалинъ
Охотское море
Камчатка
Петропавловскъ
Анадырскъ
Берингово море
Алеутскіе о-ва
Пр. де-Лонга
О. Врангеля
Ниже-Колымскъ
Бирма
Индо-Китай
Сіамъ
Банкокъ
Южно-Китайское море
Формоза
Люцонъ
Манила
Филиппинскіе о-ва
Минданао
Борнео
Малакка
Суматра
Ява
Целебесъ
Большіе Зондскіе о-ва
Новая Гвинея (Папуасы)
Бенгальскій заливъ
Индійскій океанъ
Бонинскіе о-ва
О-ва Вулкано
Магеллановъ Архипелагъ
Маріанскіе или Разбойничьи о-ва
Каролинскіе о-ва
Маршалловы о-ва
Джильбертовы о-ва
Нов. Мекленбургъ
Нов. Померанія
Саломоновы о-ва
Эллисовы о-ва
О-ва Санта Крусъ
Новые Гебриды
О-ва Вити
Самоа
Тонга
Нов. Каледонія
Западная Австралія
Австралія
Квинслэндъ
Южная
Нов. Южн. Уэльсъ
Викторія
Мельбурнъ
Сидней
Брисбенъ
Аделаида
Пертъ
Тасманія
Гобартъ
Бассовъ проливъ
Норфолькскіе о-ва
Кермадекскіе о-ва
Нов. Зеландія
Окландъ
Веллингтонъ
Новая
Кристчерчъ
Дёнединъ
Маори
Оклендскіе о-ва
О-ва Антиподовъ
О. Кэмпбель
О-ва Королевской Компаніи
О. Эмеральдъ
Западное теченіе
Сѣв. пассатное теченіе
Экваторіальное
Куро-Сіо
Тропикъ Рака
Понедѣльникъ Воскресенье
Граница числа
Себастьянъ дель Кано (обратный путь Магеллановой экспедиціи 1521)

140 120 100 80 60

Террит.

Аляска (Соединенные Штаты)

Канадскія владѣнія

СѢВ. АМЕРИКА

Соединенные Штаты

Гудзоновъ зал.

Баффинова земля

Лабрадоръ

Ньюфаундлэндъ

Мексиканск. зал.

Новая Испанія

Мексика

Куба

Гаити

Бол. Антильскія о-ва

АТЛАНТ. ОКЕАНЪ

Бермудскія о-ва

Багамскія о-ва

Тропикъ Рака

Гавайскія (Сандвичевы) о-ва

противотеченіе

Экваторъ

Галапагосскіе о-ва

Каракасъ

Богота

Венесуэла

Колумбія

Гвіана

Кито

Эквадоръ

ЮЖН. АМЕРИКА

Перу

Лима

Боливія

О-ва Маркизскіе

Паумоту или Низменные о-ва

Австральные о-ва

Тропикъ Козерога

О. Пасхи

Путь Магелана

Сант-Яго

Буэносъ Айресъ

Аргентина

Патагонія

Западное теченіе

Фалькландскіе о-ва

Огненная земля

М. Горнъ

Нидерландскія

140 120 100 80 60

40 20 0 20 40 60

Т-во „Просвѣщеніе" въ Спб.

распространенію и другимъ естественнымъ и географическимъ свойствамъ, историческое значеніе его отличается крупными чертами, между тѣмъ какъ, будучи распредѣлено по всему колоссальному пространству его, оно лишено интенсивности (см. карту „Тихій океанъ“).

Форму океана Фридрихъ Ратцель удачно характеризуетъ указаніемъ широко расходящихся пограничныхъ линій; между азіатскимъ и американскимъ берегами лежатъ пути, въ три раза превосходящіе длину Атлантическаго океана. Тихій океанъ широко раскрывается къ югу; въ этомъ отверстіи лежатъ Австралія и Океанія, и это придаетъ Тихому океану своеобразную черту — третье побережье, лежащее почти исключительно въ южномъ полушаріи, на ряду съ самымъ богатымъ развитіемъ острововъ, какое мы только можемъ найти на землѣ. Какъ суженіе къ сѣверу, такъ и островной мостъ на югѣ болѣе всего характеризуютъ форму и поверхность океана и служатъ, прежде всего, путями, по которымъ движется исторія Тихаго океана; они представляютъ связующее начало, а простирающаяся между ними водяная пустыня южной части — разъединяющее начало этого океана.

Подобно формѣ, своеобразно и положеніе Тихаго океана. Атлантическій океанъ, въ своемъ общемъ протяженіи, сохраняетъ характеръ продольнаго канала между Старымъ и Новымъ Свѣтомъ; Индійскій океанъ походитъ на громадную бухту, которая съ юга проникаетъ въ неуклюжую массу Стараго Свѣта. Тихій океанъ — несравненно болѣе обширный, направленный къ сѣверу клинъ, который, при крайне разнообразномъ строеніи береговъ, раздѣляетъ обѣ наибольшія массы суши, Америку и Азію. Сообразно тому, на этомъ океанѣ преобладаютъ, повидимому, разъединяющія свойства, что́, до извѣстной степени, согласно съ дѣйствительностью. Правда, на поверхности земли немного точекъ, въ которыхъ материки такъ близко подходили бы другъ къ другу, какъ въ мѣстѣ наибольшаго сближенія обѣихъ пограничныхъ линій сѣверной части Тихаго океана, въ узкомъ Беринговомъ проливѣ. Но чѣмъ можетъ быть доказано историческое значеніе этого пролива, который въ вопросѣ о родинѣ первичнаго населенія Америки всегда будетъ играть крайне важную роль, хотя сама эта загадка едва ли когда-нибудь найдетъ свое рѣшеніе?

Насколько указываютъ доступные намъ источники, Беринговъ проливъ никогда не имѣлъ бо́льшаго историческаго значенія, чѣмъ какой-либо другой арктическій протокъ, ограниченный двумя обитаемыми берегами; помимо продолжительнаго, но все-таки временнаго занятія Аляски русскими, онъ всегда служилъ лишь незначительнымъ путемъ торговаго сообщенія. Даже и южнѣе, тамъ, гдѣ Берингово море, между Камчаткой, Аляской и Алеутскими островами, образуетъ внутреннее море, которое, по своей формѣ, не уступаетъ въ какомъ бы то ни было отношеніи ни одному изъ внутреннихъ или средиземныхъ морей своею пригодностью для сношеній между народами, даже и этой части Тихаго океана не принадлежитъ никакой исторической роли. Здѣсь, на ледяномъ сѣверѣ отсутствуютъ всѣ подготовительныя условія, какія въ теченіе исторіи человѣчества встрѣчаются сотнями въ другихъ менѣе удобныхъ по формѣ, но болѣе благопріятныхъ въ климатическомъ отношеніи частяхъ земной поверхности. Эти сѣверные берега слишкомъ безнадежно негостепріимны, чтобы они могли способствовать распространенію человѣчества именно въ этомъ мѣстѣ; высокій сѣверъ, со своими ледяными и снѣговыми полями, своей недостаточной растительностью и своей скудной животной жизнью, даетъ человѣку лишь жалкій пріютъ, препятствующій его размноженію и затрудняющій его распространеніе. Какъ только онъ приходитъ въ движеніе, внутреннее прирожденное стремленіе влечетъ его къ югу, въ болѣе легкія жизненныя условія, въ смутно грезящіяся ему болѣе счастливыя мѣста. Тогда мостъ, какъ бы онъ ни былъ удобенъ, остается безъ употребленія: не-

достаетъ человѣческихъ массъ, которыя могли бы проходить по немъ. Но чѣмъ дальше къ югу въ умѣренныхъ и тропическихъ климатахъ берега становятся болѣе обитаемыми, тѣмъ болѣе раздѣляющая водная поверхность расширяется до безконечности, тѣмъ болѣе исчезаетъ противоположность между идеальными и реальными горизонтами.

И образованіе береговъ обѣихъ большихъ материковыхъ массъ далеко не повсюду способствуетъ привлеченію ихъ населенія къ морю. Въ высшей степени это можно сказать объ Америкѣ. Отъ высокаго сѣвера до южной оконечности ея тянется вдоль вытянутаго въ длину двойного материка у самаго Тихаго океана крутая горная стѣна, образующая между берегами и внутренней страною трудно проходимую границу, и перерѣзываемая на сѣверномъ материкѣ только немногими, а на южномъ — вовсе не перерѣзываемая рѣками. Сторона Тихаго океана для исторической Америки есть задняя сторона; лицевая сторона ея обращена къ Атлантическому океану.

Несравненно благопріятнѣе является западный берегъ океана. Рѣки, текущія изъ глубины Азіи къ морю и связывающія ее съ океаномъ, многочисленны, велики и могучи. Плоскость соприкосновенія материка и океана увеличивается еще рядомъ островныхъ группъ, окаймляющихъ въ видѣ гирлянды восточный край Азіи и доставляющихъ населенію материка первую точку опоры при выходѣ въ море. Съ одной стороны привлекая къ океану, эти ряды острововъ съ другой стороны составляютъ преграду: они захватываютъ народныя массы, выступающія съ материка, и задерживаютъ ихъ на долгое время. Это будетъ понятно для насъ, если мы примемъ во вниманіе, что самое переселеніе, съ помощью первобытнаго судоходства, первыхъ переселенцевъ лишь въ небольшомъ количествѣ и лишь постепенно уводитъ отъ края моря. Выходъ въ океанъ, такимъ образомъ, интенсивно поощряется краевыми островами, но экстенсивно онъ ими замедляется и затрудняется; это препятствіе должно быть сперва насыщено медленно прибывающимъ новымъ населеніемъ прежде, чѣмъ это послѣднее, какъ новая волна, можетъ передвинуться далѣе черезъ океанъ. Легко понять, какіе промежутки времени требовались для того, чтобы насытить богатый островной міръ восточной Азіи, постепенно, по каплямъ, поступавшимъ притокомъ и сообщить послѣднему толчекъ къ дальнѣйшему распространенію по необозримой водной поверхности. Если уже на материкѣ народныя массы приводятся въ движеніе всего болѣе настоятельной необходимостью, когда родная почва не можетъ болѣе прокармливать своихъ размножившихся обитателей, то это еще въ высшей степени имѣетъ значеніе для морскихъ береговъ и острововъ: препятствія, создаваемыя водою, трудно преодолимы для переселенія отдѣльныхъ лицъ и группъ, но они уже безусловно непобѣдимы для массоваго переселенія. Только самая горькая нужда можетъ заставить людей, не стоящихъ еще на высшей культурной ступени, оставить надежную твердую почву и пуститься безъ опредѣленной цѣли по водяной пустынѣ, грозящей гибелью. И, безъ сомнѣнія, должны были пройти продолжительные періоды прежде, чѣмъ такая нужда наступила на островахъ восточной Азіи.

Предположеніе это поддерживается и другимъ соображеніемъ. Согласно заслуживающему полнѣйшаго вниманія мнѣнію Дарвина, острова Полинезіи заселились лишь за нѣсколько столѣтій до открытія ихъ европейцами; напротивъ, преданія миѳической исторіи Японіи образованіе тамошняго населенія относятъ къ столь давнимъ временамъ, что передъ ними отступаетъ самая смѣлая фантазія. И хотя милліоны лѣтъ, которые съ гордостью видитъ позади себя сынъ дальняго архипелага, не выдерживаютъ критики, но, съ другой стороны, подъ шелухой національнаго тщеславія таится зерно истины. Во всякомъ случаѣ, этотъ контрастъ представляетъ своего рода масштабъ древности исторической роли Тихаго океана.

2. Періодъ до Магелана.

Когда человѣкъ впервые завладѣлъ берегами Тихаго океана — вопросъ, на который историкъ не обязанъ отвѣчать намъ, такъ какъ это важное событіе произошло, безъ сомнѣнія, еще въ до-историческія времена. Быть-можетъ, когда-нибудь на него въ состояніи будутъ отвѣтить геологъ, антропологъ и палеонтологъ, но, при нынѣшнемъ своемъ состояніи наука дать этого отвѣта еще не можетъ. Точно также ждетъ своего рѣшенія вопросъ о человѣческой расѣ, которая тогда впервые появилась на берегахъ океана, не говоря уже о какомъ-либо опредѣленномъ народѣ. Палеонтологическія данныя придаютъ большое вѣроятіе предположенію, что Америка впервые получила свое населеніе извнѣ; это переселеніе, вслѣдствіе близкаго сосѣдства съ сѣверной Азіей, легче всего могло послѣдовать оттуда, и тамошній монгольскій типъ долженъ былъ распространиться по Америкѣ. Это обстоятельство впервые выдвигаетъ передъ нами доисторическое значеніе Тихаго океана. Тихій океанъ способствуетъ постепенному отливу избытка населенія восточной Азіи въ Америку и прежде всего въ своемъ самомъ узкомъ, въ самомъ сѣверномъ мѣстѣ. При дальнѣйшемъ движеніи переселенцевъ къ югу, расширяющійся океанъ препятствуетъ обратному отливу народной волны къ исходной точкѣ; онъ крѣпко держитъ ее на вновь занятомъ материкѣ и даетъ послѣднему возможность запечатлѣть на ней въ теченіе долгихъ промежутковъ времени свое вліяніе, способствующее образованію новаго типа.

Можно держаться самаго невыгоднаго мнѣнія о принятыхъ расовыхъ дѣленіяхъ человѣчества, можно устанавливать три, пять и болѣе такихъ дѣленій, но нельзя оспаривать того, что отвѣтъ на вопросъ о происхожденіи человѣческаго рода все болѣе и болѣе приводитъ къ единству, изъ котораго видимое разнообразіе произошло путемъ дифференцированія. Точно также, при общемъ монгольскомъ происхожденіи древнихъ азіатцевъ и новыхъ американцевъ, здѣсь могла развиться красная американская раса, а остальная часть того же племени, подъ специфическимъ вліяніемъ Азіи, превратилась въ монголовъ. Въ духѣ этого воззрѣнія проявляетъ себя сперва связующее, а затѣмъ разъединяющее вліяніе Тихаго океана, какъ первичное вліяніе, обусловливающее раздѣленіе монголоиднаго главнаго ствола обособленное образованіе желтой и красной человѣческихъ расъ. Такимъ же образомъ, можно приписывать Индійскому океану образованіе малайской расы, хотя и въ этомъ случаѣ Тихому океану принадлежитъ опредѣленная роль, насколько дѣло касается особой вѣтви полинезійцевъ. Оба океана совмѣстно, въ концѣ концовъ, приводятъ на континентъ Австраліи, заселенной первоначально негроидной расой, переселенцевъ малайскаго и полинезійскаго происхожденія, изъ смѣшенія которыхъ съ первой выработался новый, рѣзко обособленный типъ австралійца. Этотъ типъ распространяется затѣмъ къ востоку по нѣкоторой части островныхъ группъ Тихаго океана, по Меланезіи.

Пока еще остается вопросомъ — принадлежитъ ли первое появленіе на Тихомъ океанѣ монголоидамъ сѣверно-умѣреннаго или негроидамъ экваторіальнаго пояса. Во всякомъ случаѣ, мы должны признать, что еще въ до-историческое время края Тихаго океана, такъ же, какъ его необозримый островной міръ, были обитаемы четырьмя различными расами — желтой и красной, бурой и черной. Недоставало только бѣлой. Въ теченіе неопредѣленно долгихъ промежутковъ времени судьбы только-что названныхъ четырехъ главныхъ типовъ человѣчества идутъ рядомъ, нигдѣ особенно не прекращиваясь и не вліяя другъ на друга. Каждый изъ нихъ болѣе или менѣе слѣдуетъ независимому, обособленному ходу развитія въ предѣлахъ

собственной области; взаимное соприкосновеніе затрудняется для нихъ громаднымъ протяженіемъ разъединяющихъ водныхъ поверхностей. Вступленіе ихъ въ кругъ историческаго наблюденія также оказывается весьма разнообразнымъ. Между тѣмъ, какъ плотно тѣснящіяся, двигающія и двигаемыя массы населенія тихоокеанскаго берега Азіи рано достигли высокой культуры и выдвинулись въ числѣ первыхъ на освѣщенную сцену исторіи, уединенный материкъ Америки остается замкнутымъ міромъ, который долгое время представляется окутаннымъ тьмою, и историку ставятъ такія же трудныя задачи какъ и антропологу; даже ключъ къ пониманію несомнѣнно историческихъ признаковъ потерянъ и до сихъ поръ еще не найденъ. Поэтому Америка является весьма позднимъ камнемъ трудно уловимой формы въ зданіи всемірной исторіи. Еще болѣе это можно сказать о менѣе изолированной, но, по своимъ физическимъ и климатическимъ особенностямъ, менѣе благопріятной для человѣческаго развитія Австраліи. Ея скудное населеніе, до соприкосновенія съ бѣлыми, жило въ каменномъ вѣкѣ, т.-е. отстало на цѣлыя тысячелѣтія отъ обитателей старыхъ материковъ; несмотря на сосѣдство стремящихся впередъ малайцевъ, оно довольствуется совершенно пассивной, лишь воспринимающей ролью. Такимъ образомъ, съ исторической точки зрѣнія, австраліецъ является довольно безплодною вѣтвью человѣчества; онъ долженъ отступать передъ другими на второй планъ, хотя бы за его расой и признавалось преимущество старшинства.

Вообще изъ обитателей Тихаго океана прежде всего обращаютъ на себя наше вниманіе тѣ, которые раньше другихъ, по доброй волѣ или по принужденію, воспользовались моремъ для переселенія или, иначе сказать, народы-мореплаватели. Первыя начала судоходства повсюду покрыты глубокимъ мракомъ, и было бы безцѣльнымъ, если бы мы старались опредѣлить, въ какомъ мѣстѣ земной поверхности оно было примѣнено впервые. Во всякомъ случаѣ, по всѣмъ вѣроятіямъ, мы можемъ причислить тихоокеанскіе берега Азіи къ тѣмъ, гдѣ судоходство появилось всего ранѣе. Мы находимъ тамъ густо заселенные берега, къ которымъ могущественныя рѣчныя системы открываютъ легкій доступъ извнутри страны, и которые поэтому открыты постоянному напору тѣснящихся другъ за другомъ массъ, между тѣмъ, какъ, со стороны моря, лежащая въ недалекомъ разстояніи кайма островов также манитъ къ переселенію. Кромѣ того, и краевыя моря тамъ не на столько обширны, чтобы могла устрашать мысль о плаваніи по нимъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, главная ось азіатскаго материка лежитъ въ восточно-западномъ направленіи, и толчекъ, испытываемый въ этомъ направленіи странствующими народными массами, долженъ былъ приводить ихъ прямо къ морю.

По причинамъ противоположнаго свойства, изъ обитателей Америки не могло выработаться мореплавателей, по крайней мѣрѣ, по Тихому океану. Здѣсь продольная ось материка идетъ отъ сѣвера къ югу. Она такъ велика, что толчекъ надвигающихся массъ не вызывалъ для массъ, предшествовавшихъ имъ, необходимаго перемѣщенія къ берегамъ, да и переселявшіяся массы были менѣе многочисленны. Въ то же время выходъ къ Тихому океану загромождался громадной скалистой стѣной Кордильеровъ, представляющей лишь немного перерывовъ, удобныхъ для прохода; наконецъ, Тихій океанъ на громадныхъ разстояніяхъ отъ американскаго берега почти совершенно лишенъ острововъ, вслѣдствіе чего у береговыхъ жителей едва ли могла возникнуть мысль о сушѣ, лежащей въ сторонѣ моря. Правда, оба великія, тихоокеанскія морскія теченія, сѣверное и южное экваторіальныя теченія, а также и пассаты, въ такой же степени облегчаютъ переѣздъ по морю съ востока на западъ, т.-е. изъ Америки въ Азію, въ какой они, дѣйствительно, совершаются при нынѣшней высшей ступени морскихъ сношеній; но при низкомъ уровнѣ древне-американскаго судо-

ходства, указанныя выше обстоятельства брали верхъ и препятствовали свободному выходу въ океанъ.

Вполнѣ противоположную картину представляетъ западный океанъ. Здѣсь отъ роскошныхъ береговъ юго-восточной Азіи и окаймленныхъ рифами береговъ Новой Голландіи къ плотному рою острововъ тянется лучшій въ мірѣ мостъ для передвиженія народовъ черезъ Меланезію и Микронезію до послѣднихъ затерявшихся острововъ Полинезіи. Даже для плохихъ мореходовъ, какими были бурые сыны южнаго моря, возможно было почти безпрепятственно пользоваться этой тропинкой. Такимъ образомъ, независимо отъ антропологическихъ и этнографическихъ предположеній все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ силы воззрѣніе, что постепенное завладѣніе островного міра Тихаго океана человѣчествомъ могло совершаться сперва только съ запада. Вслѣдствіе того, это море вначалѣ является носителемъ культуры по направленію съ запада на востокъ.

Съ теченіемъ времени, послѣ того, какъ въ Америкѣ быстро распространяющаяся бѣлая раса стала господствующей, это положеніе измѣнилось. Тихій океанъ могъ свободно проявить тогда свои качества, благопріятныя для судоходства въ противоположномъ направленіи. Съ тѣхъ поръ онъ сдѣлался распространителемъ культуры съ востока къ западу. Въ этомъ поворотѣ стремленія къ этнографическому и культурному распространенію, такъ же, какъ и въ предшествующемъ столкновеніи діаметрально различныхъ двигательныхъ направленій, заключается дальнѣйшій значительный и единственный въ исторіи моментъ историческаго положенія Тихаго океана. Онъ составляетъ послѣднее звено цѣпи, замыкающей преобладаніе бѣлой расы на всемъ земномъ шарѣ, расы, которая сознательно и безсознательно всего настойчивѣе и успѣшнѣе работаетъ надъ объединеніемъ человѣческаго рода, этой послѣдней высшей цѣлью развитія человѣчества.

А. Западъ.

Такъ какъ воздѣйствіе моря на антропологію и исторію исключительно проявляется и познается черезъ посредство судоходства, то въ силу самой природы вещей мы должны видѣть въ самомъ судоходствѣ главный факторъ этого вліянія. Многимъ расамъ и народамъ, повидимому, врожденно близкое отношеніе къ водѣ, тогда какъ оно отсутствуетъ у другихъ, живущихъ въ другихъ мѣстахъ при совершенно одинаковыхъ условіяхъ. И тихоокеанскіе берега восточной Азіи представляютъ не мало примѣровъ этого рода; разсмотрѣніе ихъ вводитъ насъ уже въ историческую эпоху.

Въ видѣ незначительныхъ остатковъ, на Іессо, Сахалинѣ и Курильскихъ островахъ живетъ темный по своему происхожденію народъ айносовъ (айновъ), въ настоящее время все болѣе стѣсняемый окружающими его народами и несомнѣнно предназначенный къ гибели. Нѣкогда айносы болѣе плотными массами распространялись по длинному протяженію берега къ югу отъ устья Амура, но сильнымъ толчкомъ наступавшихъ монголовъ были отброшены за краевыя моря на острова и завладѣли по преимуществу японскимъ архипелагомъ. По своему характеру, это переселеніе обусловливается судоходствомъ, стоявшимъ гораздо выше низшей ступени его. Этимъ послѣднимъ, повидимому, исключительно ограничивалась культурная способность айносовъ; природа мореплавателя, повидимому, живетъ у нихъ въ крови. Хотя первоначально многочисленный народъ влачилъ свое существованіе въ теченіе тысячелѣтій, но онъ всегда оставался въ состояніи полнаго или полу-варварства, надъ которымъ возвышалось только искусство судостроенія, говорящее въ его пользу. Если мы примемъ во вниманіе, что, за исключеніемъ современныхъ японцевъ, понятіе прогресса

не вполнѣ доступно и другимъ, болѣе культурнымъ народамъ восточной Азіи, то для прошлаго айносовъ, стоящихъ несравненно ниже ихъ, открывается перспектива, въ которой судно, занимающее высокое мѣсто въ техническомъ и мореходномъ отношеніи, уже давно достигло ступени, на которой мы ознакомились съ нимъ.

Такая же естественная, прирожденная способность къ мореплаванію обнаруживается у расы, которая, правда, первоначально принадлежала къ береговой области Индійскаго океана, но уже въ древнее время появилась на тихоокеанскихъ берегахъ Азіи и оказала большое вліяніе на этнографію и исторію Тихаго океана, — у малайцевъ. Вліяніе ихъ должно было быть тѣмъ болѣе глубокимъ и прочнымъ, что соприкосновеніе съ моремъ малайской расы, стоявшей гораздо выше въ физическомъ и умственномъ отношеніи, представляло гораздо болѣе благопріятныя основы, чѣмъ историческая основа айносовъ. Будучи, безъ сомнѣнія, такого же континентальнаго происхожденія, какъ и всѣ отдѣлы человѣчества, и будучи точно также придвинуты къ морю непреодолимымъ распространеніемъ монгольской расы, малайцы, въ своей, вѣроятно, первичной родинѣ, Индо-Китаѣ, нашли не менѣе трехъ удобныхъ и заманчивыхъ островныхъ мостовъ, изъ которыхъ каждый, въ концѣ концовъ, приводитъ къ Тихому океану. Эти три моста тянутся въ восточныхъ направленіяхъ: столбы сѣверо-восточнаго мы находимъ въ Филиппинахъ, Формозѣ и островахъ Ліу-Кіу, юго-восточнаго, ведущаго въ Австралію, — въ Суматрѣ, Явѣ и Тиморѣ; третій, тянущійся чисто въ восточномъ направленіи, идетъ черезъ Борнео и Молуккскіе острова къ Новой Гвинеѣ и оттуда выдвигается далѣе въ океанъ, теряясь въ безконечныхъ островахъ Микронезіи и Полинезіи.

Малайцы пользовались всѣми этими мостами и, заселивъ самые богатые и счастливые архипелаги земной поверхности, сдѣлались настоящими островитянами и, что́ еще важнѣе въ историческомъ отношеніи, характерными мореплавателями. Прежде всего это можно сказать о той части бурой расы, которая избрала средній изъ трехъ путей и, слѣдуя ему, вступила на совершенно дѣвственную почву. У нихъ могла вполнѣ развиться свойственная островамъ стойкая и охраняющая сила; здѣсь расовая особенность обитателей, вслѣдствіе затрудненія доступа посторонней примѣси, могла остаться совершенно неприкосновенной. Здѣсь дальнѣйшее развитіе, исходившее лишь изъ самого себя и при чисто океанійскомъ вліяніи обстановки и образѣ жизни, могло и должно было принять направленіе, которое привело къ образованію расоваго типа, исключительно принадлежащаго Тихому океану. Это — раса полинезійцевъ, которая такимъ способомъ возникла изъ океана. Вначалѣ уступая натиску двигавшихся за ними массъ, а впослѣдствіи распространившись во внутреннюю часть южнаго моря, благодаря болѣе тѣсному и естественному знакомству съ нимъ, они превратились въ совершенно своеобразную расу.

Существенно иною была судьба тѣхъ отраслей малайцевъ, странствованіе которыхъ направилось по двумъ другимъ путямъ. На юго-восточномъ пути пространственная величина захваченныхъ прежде всего Зондскихъ островоьъ могла воспринять значительныя массы переселенцевъ, вслѣдствіе чего они могли сохранить первоначальный малайскій характеръ. Тѣ, которые достигли до Австралійскаго материка, нашли, напротивъ, тамъ и въ Меланезіи первичное населеніе, принадлежащее къ черной расѣ, съ которымъ они смѣшались, давъ, такимъ образомъ, начало типу австралійца и папуаса, типу, которому также свойственна значительная врожденная способность къ мореплаванію, но который во всемъ остальномъ стоитъ на низшей ступени человѣчества.

На третьемъ сѣверо-восточномъ пути переселенія особенно привлекательнымъ является, вѣроятно, конечный пунктъ его, Японскій архипелагъ. Какъ показываетъ существованіе прежнихъ айносскихъ названій

мѣстъ, изслѣдованное Базилемъ Голль Чемберленомъ, даже на югѣ имперіи, Японія нѣкогда была сплошь населена названнымъ чернокожимъ волосатымъ племенемъ, но дѣло не могло оставаться въ такомъ видѣ. Свободное распространеніе народовъ, принадлежащихъ къ монгольской расѣ, обитавшихъ во всей внутренней Азіи, имѣло своимъ послѣдствіемъ толчки по всѣмъ направленіямъ, которые послужили причиною почти всѣхъ народныхъ передвиженій Стараго Свѣта, изъ которыхъ восточныя, вѣроятно, относятся къ болѣе давнимъ періодамъ, чѣмъ западныя. Вытѣсненіе айносовъ черезъ Японское море на острова (ср. выше, стр. 569) не создало еще на тихоокеанскомъ берегу достаточнаго простора для новыхъ пришельцевъ, среди которыхъ начинаютъ выступать тунгузскій и китайскій элементы. И это новое населеніе вскорѣ, уступая давленію, начало отливать, вслѣдъ за вытѣсненными айносами, черезъ краевое море и селиться на Японскихъ островахъ. Весьма вѣроятно, что здѣсь присоединились къ нему крайнія части малайскаго переселенія, которыя, слѣдуя по сѣверо-восточному пути, проникли черезъ острова Ліу-Кіу до Японіи. Благодаря существованію трехъ факторовъ, химическій процессъ гармоническаго слiянія различныхъ элементовъ долженъ былъ происходить здѣсь съ особенной силой; хотя айносъ, стоявшій на низшей ступени, былъ при этомъ отчасти выдѣленъ механически, т.-е. искорененъ или оттѣсненъ далѣе къ сѣверу, но все-таки отъ него оставалось еще достаточно, чтобы оказать вліяніе своею примѣсью на выше стоявшихъ монголовъ и малайцевъ. Окончательный результатъ этого процесса представляетъ крайне интересный и своеобразный народъ, который мы называемъ японцами. Образованіе его въ темную до-историческую эпоху доказывается древнимъ преданіемъ японцевъ, которые не хотятъ слышать о происхожденіи отъ китайцевъ и считаютъ себя кореннымъ народомъ, прямыми потомками туземныхъ боговъ. Хотя это преданіе и не можетъ имѣть настоящей научной цѣнности, но слѣдуетъ отмѣтить, что оно нигдѣ и никогда не могло произойти путемъ произвольнаго вымысла и сознательнаго обмана и что для его происхожденія потребно было продолжительное время историческихъ сумерекъ. Въ настоящемъ случаѣ уже почтенный возрастъ достовѣрной исторіи Японскаго государства, такъ же, какъ и происхожденіе народа, указываемое антропологическимъ изслѣдованіемъ, говоритъ о глубокой древности его.

Изъ отдѣльныхъ составныхъ частей, изъ которыхъ развилась національность японскаго народа, преобладающей естественно должна была быть та, которая превосходила другія въ культурномъ отношеніи, т.-е. монгольскій элементъ. На самомъ дѣлѣ, желтая раса, на ряду съ бѣлой, была, повидимому, единственной, которая могла сама собою подняться на высшія культурныя ступени и, что́ еще важнѣе, удержаться на нихъ. Но примѣсь другихъ элементовъ была все-таки достаточно сильной, чтобы придать японскому народу характеръ, отличительный отъ континентальныхъ монголовъ, и сохранить у него прирожденную малайцамъ способность къ мореплаванію. Такимъ образомъ, Японія въ исторіи Тихаго океана занимаетъ одно изъ первыхъ и самыхъ важныхъ мѣстъ и тѣмъ въ большей степени, что она представляетъ первое упорядоченное государственное образованіе, принадлежащее къ области этого океана. До выступленія бѣлыхъ, Японія представляетъ также единственную въ этой области страну, которая, по изслѣдованію Кузуноки, находилась въ сношеніяхъ съ отдаленнымъ противоположнымъ берегомъ Америки, и не только съ сѣвернымъ берегомъ, но, согласно преданію, и съ Мексикой и Перу. Какъ бы то ни было, Японія, если даже ея прежнее морское владычество относится къ области легендъ, и она ограничивала свои прежнія морскія сношенія съ восточнымъ берегомъ Азіи, тѣснѣе связана съ Тихимъ океаномъ, чѣмъ какая бы то ни было другая часть сѣверной окраины этого океана.

Этотъ фактъ необычайно рѣзко выдѣляется на историческомъ фонѣ

при видѣ положенія, занимаемаго на Тихомъ океанѣ материкомъ, сосѣднимъ съ Японіей. По времени, прочное закрѣпленіе монголовъ на тихоокеанскихъ берегахъ восточной Азіи несомнѣнно древнѣе, чѣмъ государственное и національное обособленіе Японіи; но какъ незначительно океаническо-историческое значеніе перваго, вообще, важнаго для всеобщей исторіи члена человѣчества по отношенію къ населенію Японскаго архипелага! Это конечное соприкосновеніе съ моремъ древнѣе уже потому, что оно является причиной, однимъ изъ слѣдствій которой было происхожденіе Японіи; но всемірно-историческое значеніе его должно отступить на второй планъ, такъ какъ желтая раса, сама по себѣ, въ своей безпримѣсной чистотѣ, долгое время видѣла въ морѣ непреодолимое препятствіе для дальнѣйшаго распространенія. Характерно, что у желтой расы, у которой рано развились осѣдлость и земледѣліе, прочныя общественныя и государственныя формы и, какъ послѣдствія того, высокая культура, духъ мореплаванія и способность къ нему развиты были мало, хотя естественныя условія ея мѣстообитанія никогда не были помѣхой къ пріобрѣтенію этихъ качествъ. Этотъ недостатокъ кажется тѣмъ удивительнѣе, что всѣмъ другимъ расамъ, происшедшимъ изъ великаго общаго ствола монголоидовъ, эта способность свойственна въ высокой степени, хотя, съ другой стороны, за исключеніемъ немногихъ членовъ красной американской расы, они лишь немного могли подняться выше ступени дикихъ народовъ. Въ желтой расѣ континентальный характеръ воплотился въ самой рѣзко выраженной формѣ. Хотя она обнимаетъ около двухъ пятыхъ всего человѣчества, до новѣйшаго времени она является какъ бы прикованной къ материку Азіи и связанной съ землею, на которой она живетъ; только въ послѣднія десятилѣтія она могла добиться своего распространенія по близлежащимъ островнымъ группамъ и здѣсь уже утрачиваетъ свои характерные признаки. Но тамъ, гдѣ она сохраняетъ за собою твердую, изстари привычную для нея почву материка, она представляетъ типы безпримѣрной крѣпости и стойкости, неподвижные пограничные камни въ пестромъ потокѣ человѣчества, разливающемся по всей землѣ.

Изъ этихъ явленій самымъ характернымъ и, по своей численности, самымъ важнымъ, можетъ быть названъ китайскій народъ. И этотъ народъ не могъ избѣгнуть общаго закона, въ силу котораго полная чистота исключаетъ примѣсь чуждой крови. Тѣмъ не менѣе, чистые китайцы представляютъ такую крѣпкую, заслуживающую вниманія уже по своей численности и господствующую въ культурномъ отношеніи массу, что ихъ выступленіе на тихоокеанскій берегъ должно было имѣть рѣшающее значеніе, тѣмъ болѣе, что оно способствовало укрѣпленію колеблющихся формъ бродившей тамъ народной жизни и вводило ихъ въ рамки государственности. Однако, потребовалось продолжительное время, прежде чѣмъ первоначальное раздробленіе и мелкія государства китайцевъ сплотились въ мощное „Срединное царство“.

Съ національно-государственнымъ появленіемъ континентальнаго Китая и островной Японіи въ области Тихаго океана наступаетъ значительный поворотный пунктъ, когда до-историческое или расообразовательное вліяніе океана начинаетъ уступать мѣсто историческому вліянію или отдѣльнымъ народамъ, сдѣлавшимся историческими индивидуальностями, поворотный пунктъ, когда внѣшнія рамки народной исторіи, хронологическое установленіе событій принимаетъ осязательную форму. Какъ ни различна въ своихъ основахъ во многихъ отношеніяхъ организація обоихъ государствъ, но, съ другой стороны, она представляетъ много сходства именно въ ихъ отношеніяхъ къ океану.

Китайское царство видѣло за собою уже почтенный рядъ вѣковъ, когда ему удалось выступить впервые въ качествѣ тихоокеанской морской

державы; оно утвердилось на Тихомъ океанѣ лишь при возстановителѣ единства Китая Ши-Хоангѣ, въ концѣ III столѣтія до Р. Хр. Но до положенія владыки морей Китай никогда не могъ подняться, съ одной стороны, за недостаткомъ охоты и способности къ мореплаванію, а съ другой— вслѣдствіе политики своихъ правителей, стремленіе которыхъ уже и въ то время было направлено къ тому, чтобы по возможности оградить свое царство отъ всякихъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ. Уже въ то время Китай достигъ такого громаднаго распространенія и насчитывалъ такое многочисленное населеніе, что онъ почти составлялъ особый міръ и могъ обойтись безъ иноземцевъ. Въ то же время у боязливаго и мягкаго китайца отсутствовалъ воинственный духъ, который понуждалъ бы его къ приключеніямъ и завоеваніямъ; при этомъ и обиліе и разнообразіе отечественныхъ произведеній дѣлали излишнимъ ввозъ чужихъ товаровъ и уничтожали одну изъ главныхъ побудительныхъ причинъ для оживленія внѣшней торговли. Напротивъ, внутренняя торговля процвѣтала уже тогда, поддерживаемая широко развѣтвленной сѣтью естественныхъ водяныхъ путей, которая еще раньше была увеличена искусственными водяными сообщеніями; даже въ прибрежныхъ странахъ торговля пользовалась больше внутренними артеріями, чѣмъ моремъ. Соотвѣтственно тому, національное судоходство развивалось болѣе въ сообщеніяхъ по рѣкамъ и каналамъ, чѣмъ въ мореплаваніи, и такое направленіе его намѣренно поддерживалось правительствомъ. Наконецъ, нельзя не признать и того обстоятельства, что берега Китая омывались не открытымъ океаномъ, а внутренними морями, переѣзды по которымъ, вслѣдствіе страшныхъ бурь, предъявляютъ болѣе высокія требованія въ мореходномъ отношеніи, чѣмъ плаваніе по океану. Другимъ физическимъ моментомъ является направленіе морскихъ теченій, двигающихся съ сѣвера на югъ, но не къ открытому океану, а къ Зондскому морю. Такимъ образомъ, какъ этнографическія, такъ и политическія условія не вполнѣ благопріятствовали развитію оживленной морской торговли; морская сила націи, между тѣмъ, выростаетъ изъ морской торговли и остается въ неразрывномъ взаимномъ отношеніи съ ней, а „стремленія Китая всегда направлены были болѣе въ глубину Азіи, чѣмъ къ морю и къ дальнимъ берегамъ“ (Фридрихъ Ратцель).

Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, мы должны остерегаться отвергать всякія морскія сношенія у китайцевъ или ставить эти сношенія слишкомъ низко. Правда, изслѣдованіями Густава Шлегеля опровергнуто столь долго и ожесточенно оспаривавшееся тождество Фузана съ Америкой вообще, и съ средней Америкой въ частности; но если, такимъ образомъ, рушится горделивый мостъ, перекинутый смѣлыми оріенталистами съ береговъ Желтаго моря на берега Тегуантепекскаго залива, то остается въ своей силѣ фактъ, что китайцы въ торговлѣ и сношеніяхъ юговосточной Азіи долгое время, въ теченіе почти тысячи лѣтъ или съ немногими перерывами, занимали руководящее положеніе. Здѣсь не мѣсто выяснять ихъ цѣнную дѣятельность въ западной части этой области, на Индійскомъ океанѣ; это будетъ сдѣлано во II томѣ. Но уже на Тихомъ океанѣ китайцы далеко заходятъ на югъ. Магеланъ нашелъ китайскіе товары на Филиппинскихъ островахъ, и даже на Маріанскихъ были признаки сношеній съ Китаемъ. Европейцы, при своемъ прибытіи на Зондскіе острова, видѣли живущихъ тамъ китайцевъ, дуновеніе культуры которыхъ, повидимому, доносилось даже до сѣверной Австраліи.

Съ большей выгодой, чѣмъ Китай, воспользовалась Японія своимъ океаническимъ положеніемъ, впрочемъ, гораздо болѣе благопріятнымъ. Ея четыре большихъ главныхъ острова обращены своимъ восточнымъ берегомъ къ открытому океану, и только западный недалеко отстоитъ отъ азіатскаго материка. И на востокѣ, въ пограничномъ океанѣ, безконечнымъ кольцомъ, вѣчно движущееся море развертываетъ мощный потокъ Куро Сиво, идущій

отъ Японіи къ сѣверо-западнымъ берегамъ Америки и возвращающійся въ восточно-азіатское краевое море, въ видѣ сѣвернаго экваторіальнаго теченія. Эти теченія тянутся въ видѣ рѣкъ по обширному океану, представляя естественные пути для судоходства и, благодаря случаю и практикѣ, дѣйствительно служили для этой цѣли еще за долго до того, какъ они были установлены наукой. Поддерживаемая своимъ островнымъ характеромъ, своимъ богатымъ расчлененіемъ и длинной береговой линіей, а также своимъ избыткомъ превосходныхъ гаваней и, наконецъ, склонностью своего населенія къ мореплаванію въ силу этнографическихъ причинъ, Японія давно уже должна была обратить свои взгляды на океанъ. Подобно китайскому Фузангу, предполагаемыя сношенія Японіи съ Америкой часто служили предметомъ тщательныхъ, но безплодныхъ изысканій. При существованіи условій, способствующихъ морскимъ сношеніямъ, мы съ достаточной достовѣрностью можемъ допустить, что подобныя сношенія происходили и въ историческое время; но требуетъ еще убѣдительнаго доказательства соображеніе, будто они когда-нибудь могли произойти вслѣдствіе того, что море, противъ воли, прибивало къ тѣмъ или другимъ берегамъ. Напротивъ, сношенія Японіи съ прибрежными странами своего материка давно уже были весьма тѣсными и несомнѣнно болѣе значительными, чѣмъ у китайцевъ: Японія вела торговлю съ Китаемъ и Кохинхиной, съ Филиппинами, Явой и Камбоджей, а когда голландцы вступили въ Индо-Китай, они нашли уже тамъ японское населеніе въ Аннамѣ.

Естественнѣе, чѣмъ эти захваты въ дальнихъ странахъ, выражалось вліяніе Японіи на материкѣ въ ближайшей къ ней мѣстности, въ Кореѣ. Такъ какъ Китай, при монголахъ и при династіи Мингъ, запрещалъ своимъ подданнымъ дальнія морскія поѣздки съ торговыми цѣлями, то эти поѣздки выродились въ пиратство, которое Фр. Ратцель удачно сравниваетъ съ норманскимъ разбойничествомъ ранняго средневѣковья, и японскіе разбойники-контрабандисты высоко поднимались по судоходнымъ рѣкамъ Китая. Наоборотъ, для Японіи соприкосновеніе съ Кореей все болѣе и болѣе становилось первостепеннымъ культурнымъ факторомъ. Для обитателей архипелага оказалось возможнымъ болѣе близкое знакомство съ цѣлымъ рядомъ чисто китайскихъ культурныхъ формъ, которыя въ послѣдующее время совершенно преобразовали Японію въ умственномъ и матеріальномъ отношеніи и придали ей характеръ уменьшоннаго изданія Срединнаго царства. Какъ въ культурномъ, такъ и въ политическомъ отношеніи Корея представляетъ входную дверь Японіи на материкъ. Подобно тому какъ лѣтомъ 1894 г., японскій воинъ, прежде всего, вступилъ на корейскую почву, такъ болѣе полуторы тысячи лѣтъ тому назадъ часто оспаривавшійся полуостровъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ находился подъ властью островитянъ; уступка его Китаю не мало содѣйствовала замкнутости Японіи отъ внѣшняго міра. Испуганная неудачею нападенія на мощнаго материковаго великана и опасаясь дальнѣйшей потери территоріи, Японія все болѣе и болѣе сосредоточивалась въ своемъ островномъ положеніи, закрыла свои гавани для иноземцевъ и стала тщательно наблюдать за сношеніями съ другими странами. Эта боязливость заходила такъ далеко, что законодательными распоряженіями намѣренно былъ вызванъ регрессъ процвѣтавшаго до тѣхъ поръ судостроенія, чтобы судами нельзя было пользоваться для болѣе далекихъ морскихъ поѣздокъ и чтобы населеніе почувствовало страхъ къ морю.

Вмѣстѣ съ тѣмъ обособленіе и замкнутость, часто практиковавшіяся въ Китаѣ, начали проявляться и въ Японіи, направляя ея возбужденное и дѣятельное населеніе къ неподвижной, парализующей всякій прогрессъ односторонности, столь характерной для восточной Азіи; эта замкнутость оказала историческое вліяніе на всю восточную Азію, „затмивъ взглядъ этого материка на Тихій океанъ и за его предѣлы и перенеся буд-

дійское самосозерцаніе въ область политики“ (Фр. Ратцель). Вслѣдствіе своего островного положенія и своей склонности къ расширенію, Японія стояла на пути освобожденія изъ этого круга и проявленія господства на морѣ, которое обезпечивало бы за ней преобладаніе въ мірѣ Тихаго океана. Но внезапная, добровольная замкнутость вернула ее почти къ континентальному положенію. Естественнымъ послѣдствіемъ этой замкнутости было то, что Японія долгое время оставалась внѣ движенія исторіи человѣчества, находясь скорѣе въ состояніи сна. Изъ этого сна она впервые, противъ воли, была пробуждена самымъ дѣятельнымъ ферментомъ населенной земной поверхности, бѣлыми, и съ такимъ результатомъ, который ясно выразился во второй половинѣ XIX столѣтія.

B. **Океанія.**

Такимъ образомъ, попытки Китая и Японіи воспользоваться морскими преимуществами своего географическаго положенія нашли рановременную и отчасти непреодолимую преграду вслѣдствіе физическихъ, этнографическихъ и политическихъ условій; оба эти государства, выработавъ въ крайней степени систему политическаго изолированія, сосредоточились въ самихъ себѣ и надолго отказались добровольно отъ дѣятельнаго участія въ исторіи человѣчества. Тѣмъ временемъ, другой отдѣлъ человѣчества распространился постепенно по всему островному міру средней части Тихаго океана и выдвинулъ свои передовые посты до крайнихъ обитаемыхъ мѣстъ его. Мы говоримъ о завладѣніи океанійскихъ острововъ тою частью племени малайцевъ, изъ которой впослѣдствіи, и въ силу раздробленія на мелкія и еще болѣе мелкія части, образовалась раса океанійцевъ (полинезійцевъ и микронезійцевъ). Это событіе (или, лучше сказать, сумма безчисленныхъ событій, распредѣленныхъ въ длинныхъ промежуткахъ времени) слишкомъ своеобразно, чтобы его можно было поставить рядомъ съ историческими явленіями береговой зоны Тихаго океана; какъ оно ни значительно и въ антропологическомъ, и въ этнологическомъ отношеніи, но оно долго, очень долго оставалось внѣ всякой связи съ общей тканью исторіи человѣчества. Дѣло касается здѣсь обособленнаго члена его, который исчезаетъ для великаго цѣлаго, который, не зная остального міра и неизвѣстный этому міру, ведетъ отдѣльное существованіе и теряется въ жизни природы; только позднѣйшее вступленіе въ человѣчество придаетъ вновь этому члену ретроспективный историческій интересъ. То обстоятельство, что кругъ распространенія океанійцевъ обнимаетъ область громаднаго протяженія, весьма видную часть земной поверхности, здѣсь не имѣетъ значенія; оно оставляетъ безъ измѣненія фактъ, что раздробленіе и островная замкнутость превратили даровитыхъ и способныхъ къ культурѣ малайцевъ въ океанійцевъ, вернувшихся къ первобытному состоянію и, такимъ образомъ, сдѣлали всю эту громадную, въ обычномъ смыслѣ, область областью регресса.

Если, тѣмъ не менѣе, даже океанійцы выказываютъ по отношенію къ мореходству почти изумительный талантъ, выражающій и исчерпывающій собою всю ихъ культурную способность, то это вполнѣ согласуется съ воззрѣніемъ (см. выше, стр. 568), которое видитъ въ мореходствѣ извѣстную сторону первобытнаго состоянія человѣка, т-е. у нѣкоторыхъ народовъ видитъ почти свойства земноводныхъ. Впрочемъ, мореходство полинезійцевъ само по себѣ, за исключеніемъ австралійскаго материка, нигдѣ не выходило изъ предѣловъ своего круга и поэтому оставалось безъ всякаго вліянія во всемірно-историческомъ отношеніи; обратное дѣйствіе на общій исходный пунктъ замѣчается такъ же мало, какъ и на сравнительно близкіе восточно-азіатскіе культурные народы. Заслуженной оцѣнкѣ его способствовало лишь позднее знакомство съ бѣлыми.

Что касается времени, когда началось постепенное заселеніе островного міра Тихаго океана, то Фр. Мюллеръ относитъ его приблизительно къ 1000 г. до Р. Х.; по мнѣнію новѣйшихъ антропологовъ, заселеніе закончилось лишь за нѣсколько столѣтій до открытія Полинезіи бѣлыми, причемъ обитатели этихъ острововъ оказались расой, рѣзко отличавшейся отъ малайцевъ. Такимъ образомъ, при океанійско-островномъ вліяніи оказалось достаточно сравнительно короткаго промежутка времени, не болѣе двухъ тысячелѣтій, для образованія новаго расоваго типа; это явленіе, насколько его можно считать достовѣрнымъ, бросаетъ яркій свѣтъ на крайне важное значеніе, принадлежащее Тихому океану во всемірной исторіи.

Слѣдуетъ, впрочемъ, настоятельно указать на то, что какія бы притязанія ни высказывали океанійцы на этнологическое единство вслѣдствіе общности многихъ признаковъ, въ антропологическомъ отношеніи они представляютъ большія различія; темнокожій, курчаво- или шерстистоволосый меланезіецъ рѣзко отличается отъ болѣе свѣтлаго, желтовато-бураго и гладко- или кудряво-волосаго поли- и микронезійца. Общимъ у нихъ является лишь то, что, несмотря на умственную даровитость, они остались, по большей части, дикими народами, у которыхъ никогда не возникало мысли о взаимной связи и объ образованіи государства. Крайняя раздробленность и островная обособленность отдѣльныхъ частей племени, мѣстообитанія, расположенныя исключительно въ тропическомъ поясѣ и обезпечивающія пропитаніе безъ всякаго труда, благодаря кокосовой пальмѣ, хлѣбному дереву и обилію слизняковъ и рыбы, климатъ, мало или почти не вызывающій требованій на жилище и одежду, и, наконецъ, прирожденное стремленіе къ странствованіямъ,—все это должно было создавать подвижность и обезпеченность, препятствовавшія развитію высшей культуры въ духѣ осѣдлыхъ материковыхъ народовъ. Тѣмъ не менѣе, океанійцы, которымъ металлы были мало, а желѣзо вовсе не было извѣстно, выказывали въ изготовленіи орудій поразительное умѣнье, соединенное съ чувствомъ изящнаго, въ особенности въ судостроеніи. О высокомъ уровнѣ мореходства говоритъ, въ концѣ концовъ, и распространеніе этой расы по всей громадной ширинѣ океана. Съ другой стороны, нельзя отрицать, что не поддающаяся опредѣленію, но, во всякомъ случаѣ, значительная часть этого распространенія обязана неспособности океанійцевъ успѣшно справляться всѣми опасностями громаднаго океана.

Въ дѣйствительности, Тихій океанъ вводитъ своихъ обитателей въ движеніе этой отдаленной части исторіи человѣчества, въ значительной степени, въ видѣ непроизвольныхъ странствованій. Противоположно воззрѣнію, которое выводитъ океанійцевъ съ острововъ юго-восточной Азіи, Уильямъ Эллисъ высказываетъ убѣжденіе, что исходнымъ пунктомъ населенія архипелаговъ Тихаго океана была Америка. Онъ отрицаетъ возможность исхода океанійцевъ съ запада, такъ какъ къ нему направляются господствующіе вѣтры и теченія и, кромѣ того, у океанійцевъ и первичныхъ обитателей Америки оказывается не мало сходныхъ этнографическихъ признаковъ. Правда, вліяніе вѣтровъ и теченій въ небольшихъ областяхъ часто бываетъ значительнымъ, но на обширной поверхности Тихаго океана распространеніе человѣка не всегда опредѣлялось ими. Напротивъ, какъ результатъ многовѣковыхъ наблюденій, мы видимъ, что отдаленныя передвиженія, какъ добровольныя, такъ и невольныя, происходили въ большихъ размѣрахъ въ направленіи, обратномъ господствующимъ вѣтрамъ и теченіямъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы должны имѣть въ виду, что неожиданно налетающія бури въ такой же степени могутъ отклонить съ его пути даже самаго искуснаго моряка, какъ и постоянныя, но подчиняющіяся человѣческой волѣ, правильныя воздушныя и водныя теченія. Поэтому непроизвольныя плаванія въ Тихомъ океанѣ не только

не составляютъ исключенія, но являются правиломъ; они заставляютъ двигаться по всѣмъ направленіямъ по океану, а также и за предѣлами его, и образуютъ связующее начало между самими островами и сосѣдними материками.

Насколько это явленіе, которое въ теченіе тысячелѣтій повело къ образованію плотной сѣти отъ одной части суши къ другой, важно для этнографа, оно важно и для исторіи океанійцевъ, которая исчерпывается ихъ взаимоотношеніями и вытекающимъ отсюда сліяніемъ. Правда, въ большинствѣ случаевъ, невольныя странствованія предшествовали передвиженіямъ по извѣстному плану, которыя, съ одной стороны, вели къ прочному заселенію новыхъ острововъ, а съ другой, имѣли послѣдствіемъ намѣренное основаніе колоній въ давно занятыхъ областяхъ. Этотъ рядъ послѣднихъ, большихъ передвиженій и заселеній, по справедливому замѣчанію Фр. Ратцеля, представляетъ единственный несомнѣнный фактъ на ступени культурнаго развитія, принадлежащей къ каменному вѣку. Тѣмъ не менѣе, онъ не легко поддается нашему пониманію, такъ какъ у насъ нѣтъ возможности сравненія съ другими проявленіями подобнаго рода. Пространство, вызванное къ жизни этой колонизаціонной дѣятельностью, значительно превосходитъ царство Александра Великаго или римскихъ императоровъ. Въ области завладѣнія пространствомъ это — величайшій подвигъ до открытія Америки.

Въ тѣсной связи съ богатымъ оживленіемъ, поприщемъ котораго издавна былъ Тихій океанъ, находится фактъ, что онъ нигдѣ не доставилъ времени и мѣста для самостоятельнаго развитія культуры. Ни громадная Новая Гвинея, со своимъ рѣдкимъ, лѣнивымъ населеніемъ, ни отдаленная Новая Зеландія не могли подняться на ступень очага культуры, не говоря уже о безчисленныхъ другихъ мелкихъ островахъ. Они могли развить самостоятельно при особенно благопріятныхъ изолирующихъ обстоятельствахъ лишь отдѣльные элементы культурнаго достоянія; во всемъ остальномъ Тихій океанъ представляетъ только варіаціи одной и той же основной темы. Въ ней постоянно ощущается недостатокъ настоящаго образованія государствъ; лишь на Гавайскихъ островахъ, во время открытія бѣлыми, оказались три государства, которыя впослѣдствіи соединились въ одно, подъ властью туземнаго короля Камеамеи. Всѣ прочія сообщества, даже съ монархомъ во главѣ, ограничивались однимъ островомъ и поэтому незначительнымъ распространеніемъ и силою; всѣ болѣе крупные острова, каковы Новая Гвинея и Новая Зеландія, не обнаружили даже малѣйшаго слѣда объединенной государственной организаціи.

Поэтому о какой-либо собственной исторіи Океаніи, до ея открытія, не можетъ быть рѣчи. Тѣмъ не менѣе, океанійцы не могутъ быть отнесены къ народамъ, „не имѣющимъ исторіи", такъ какъ преданіе играетъ у нихъ видную роль. У нихъ есть стремленіе и къ хронологіи, основою которой служитъ „поколѣніе"; за недостаткомъ письменныхъ знаковъ, они пользуются при этомъ, въ видѣ мнемотехническихъ вспомогательныхъ средствъ для именъ и промежутковъ времени, деревяшками съ зарубками, такъ наз. „историческими палочками". Какъ и можно ожидать, подобныя преданія часто далеко углубляются въ прошлое. На Нукагивѣ, въ Маркизскомъ архипелагѣ, можно услышать о 88 жившихъ тамъ поколѣніяхъ, что составляетъ, приблизительно, два съ половиною тысячелѣтія; на Раротонгѣ довольствуются 30, а маорисы въ Новой Зеландіи — 20 поколѣніями. Напротивъ, гавайскій король Камеамеа приписывалъ себѣ по прямой линіи 67 предковъ. Безъ сомнѣнія, подобныя легенды не могутъ имѣть притязанія на историческую цѣнность, но они все-таки свидѣтельствуютъ о глубоко укоренившемся мѣстномъ чувствѣ, возникновенію котораго долженъ былъ предшествовать продолжительный періодъ осѣдлости и вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстная степень культуры. Во всемъ остальномъ, со-

гласо общему мнѣнію, культурный уровень Полинезіи въ сравненіи съ прежними временами, во время открытія ея, оказался понизившимся.

С. Америка.

Было бы очень трудно дать рѣшительный отвѣтъ на вопросъ — оказалъ ли американскій материкъ со своей восточной стороны какое-либо вліяніе на строй народной жизни на Тихомъ океанѣ. Согласно господствующему воззрѣнію, при распространеніи монголоидовъ по континентамъ сѣвернаго полушарія, Америка только воспринимала его, т.-е. распространеніе шло изъ Азіи въ Америку; мы едва ли можемъ допустить обратный потокъ въ противоположномъ направленіи. Съ другой стороны, нѣкоторыя островныя группы Тихаго океана, какъ своей флорой и фауной, такъ и этнологическимъ достояніемъ своихъ обитателей, представляютъ много аналогіи съ сѣверо-западной Америкой, и сама собою напрашивается мысль о причинной связи этихъ явленій. Впрочемъ, существуютъ и такія мнѣнія, согласно которымъ полинезійское населеніе Тихаго океана исходитъ изъ сѣверной Америки, а также и такія, которыя, вмѣсто однократнаго движенія въ извѣстномъ направленіи, допускаютъ многократныя перемѣщенія въ ту и другую сторону, или, говоря словами Ратцеля, „вмѣсто искусственной теоріи однократнаго переселенія и простого происхожденія, устанавливаютъ смѣшеніе и наслоеніе народовъ“. Но подобное вліяніе Америки, во всякомъ случаѣ, не проявляется въ историческую эпоху. Поэтому, съ нашей точки зрѣнія, мы имѣемъ право видѣть въ Америкѣ воспринимающую, но не дѣятельную или исходную сторону.

Мы уже говорили выше (стр. 568) о препятствіяхъ для взаимоотношеній между западнымъ берегомъ Америки и Тихимъ океаномъ. Если даже вовлеченіе Америки въ эйкумену послѣдовало оттуда, то затѣмъ эти ворота закрылись на долго, даже навсегда, если считать поѣздки китайцевъ и японцевъ къ противолежащимъ берегамъ простымъ предположеніемъ. Мѣстная американская культура приняла совершенно континентальное направленіе и не сумѣла справиться съ моремъ даже тамъ, гдѣ естественныя условія всего болѣе привлекали къ нему, а именно въ большомъ американскомъ средиземномъ морѣ — Мексиканскомъ заливѣ и Караибскомъ морѣ. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляли только дикіе народы крайняго сѣвера и крайняго юга; но надъ ними слишкомъ тяготѣли ослабляющія условія арктическаго и антарктическаго пояса, для того, чтобы эти народы могли пріобрѣсти историческое значеніе. Древнѣйшіе американскіе полукультурные народы, оставившіе послѣдующему міру величественные памятники (см. табл. „Cliff-Palast въ каньонѣ того же имени въ юго-западномъ Колорадо“), но не оставившіе даже своихъ именъ, обитали внутри сѣвернаго материка. Высококультурные, знакомые съ письменами майясы Юкатана почти не распространялись дальше ближайшихъ Антильскихъ острововъ (ср. выше, стр. 232, 241 и 252); позднѣйшіе культурные народы, выступленіе которыхъ отчасти можетъ быть установлено хронологически, каковы толтеки (ср. выше, стр. 228, 254 и 268) съ VI и ацтеки (ср. выше, стр. 228, 270 и 279) съ XIII столѣтія по Р. Х. почти исключительно были связаны съ плоскогорьями Мексики и Средней Америки. Даже позднѣйшее перуанское царство инковъ, которое на нѣкоторомъ протяженіи омывалось волнами Тихаго океана, сохраняло свой континентальный характеръ (ср. выше, стр. 343). На самомъ дѣлѣ, хотя перуанскія лѣтописи отмѣчаютъ береговыя поѣздки (ср. выше, стр. 305, 309, 341) и даже болѣе дальнія морскія экспедиціи, съ цѣлью завоеванія (ср. выше, стр. 330) или открытія, хотя Писарро встрѣчалъ и торговыя суда, но мы не имѣемъ никакихъ историческихъ данныхъ о движе-

нія въ сторону водяной пустыни, лишенной тамъ острововъ. Американской расѣ недоставало таинственнаго врожденнаго стремленія, которое малайскую расу вело добровольно къ отыскиванію неизвѣстныхъ горизонтовъ, представляющихъ на морѣ не естественную границу или непреодолимое препятствіе, а заманчивый путь къ безпредѣльному распространенію.

D. Заключеніе.

Окидывая однимъ взглядомъ историческое развитіе громадныхъ краевыхъ областей Тихаго океана, мы можемъ отмѣтить такой промежутокъ времени, когда историческое преобразовательное вліяніе его оставалось безъ всякаго дѣйствія на человѣчество, такого времени, которое можно назвать вполнѣ континентальнымъ. Краевыя области и острова тогда были уже заселены, но всѣ свои силы они обращали исключительно на внутреннее устройство и по возможности замыкались другъ отъ друга; даже понятіе объ ихъ существованіи исчезаетъ изъ памяти людей, если отдѣльныя части этого міра лежатъ въ значительномъ отдаленіи одна отъ другой. Народы, по большей части, сразу занимали свои мѣста обитанія и только старались удержать ихъ за собой. Въ то же время у нихъ исчезаетъ, какъ у береговыхъ обитателей, стремленіе къ дальнѣйшему распространенію, и, насколько это распространеніе совершается во внутренней части океана, оно ограничивается сравнительно небольшими областями и не оказываетъ никакого вліянія на ходъ міровыхъ событій. Съ того времени, какъ флоты Китая и Японіи перестали показываться на Тихомъ океанѣ, онъ вновь сдѣлался тихоокеанской водной пустыней, въ срединѣ которой развивается, правда, замкнутая народная жизнь, но она не распространяется лучеобразно ни въ какомъ направленіи и, наконецъ, сосредоточивается въ самой себѣ. Большой восточный край, напротивъ, пребываетъ въ нѣмомъ, бездѣятельномъ покоѣ, въ видѣ пограничнаго вала между двумя различными мірами, оставаясь безучастнымъ къ тому и къ другому; это — самостоятельный міръ, величественная континентальность котораго поглощаетъ собственные продукты прежде, чѣмъ они достигнутъ зрѣлости.

Культурные народы восточной Азіи въ государственномъ, общественномъ и умственномъ отношеніяхъ все болѣе и болѣе впадали въ неподвижный и разслабляющій формализмъ. Государства Америки, съ самаго начала, намѣренно отворачивались отъ моря, вели борьбу съ отчасти скудной природой и рано старались уничтожать другъ друга; въ то же время они, подобно дикимъ народамъ Полинезіи и Австраліи, утратили связь съ остальнымъ человѣчествомъ и превратились въ обособленныя, вырождающіяся отдѣльныя образованія. Пока совершались эти процессы, центръ тяжести настоящаго развитія человѣчества далеко передвинулся къ западу, въ морской бассейнъ, около котораго группируются материки Стараго свѣта, въ Средиземное море. Его безпримѣрно могущественная, всемірно-историческая роль будетъ выяснена въ другомъ мѣстѣ (томъ IV); она была не только колыбелью, но и юношеской ареной для той части человѣческаго рода, которая впослѣдствіи переросла всѣ другія, не численностью, а неистощимой творческой силой. Отъ него исходитъ, непосредственно съ помощью именно бѣлой расы, пробужденіе къ новой жизни погруженнаго въ историческій полусонъ Тихаго океана. Тихій океанъ, будучи самъ по себѣ громаднымъ міромъ, никогда не пытался познакомиться со своими сосѣдами; Беринговъ проливъ, мысъ Горнъ и южный мысъ Тасманіи были для его мореплавателей внѣшними границами, до которыхъ они рѣдко достигали и дальше которыхъ никогда не заходили. Такимъ образомъ, ввести его въ общее міровое сообщеніе можно было только извнѣ. Это было предназначено бѣлымъ, которые въ древнее время и въ средніе вѣка

нерѣшительно и медленно, а на разсвѣтѣ новаго времени все болѣе и болѣе быстрыми и смѣлыми шагами искали пути къ нему.

3. Новое время.

Первый толчекъ къ обширному распространенію бѣлой расы путемъ судоходства несомнѣнно послѣдовалъ изъ Средиземнаго моря. Благосостояніе, котораго достигли морскія націи его, благодаря выгодной торговлѣ съ Востокомъ, возбудило и въ западныхъ, атлантическихъ европейцахъ стремленіе къ соперничеству съ ними и къ отысканію неизвѣстныхъ морскихъ путей на дальній Востокъ. Этотъ послѣдній былъ доступенъ европейцамъ только морскимъ путемъ. Мысль о поѣздкахъ поперекъ исполинскаго азіатскаго материка оказалась неосуществимой; невозможность ея была достаточно ясно доказана продолжительнымъ опытомъ отъ Александра Великаго до Фридриха Барбароссы и Людовика Святого. Въ то же время и Азія изливала свои опустошительные потоки народовъ, отъ времени до времени, по направленію къ западу, какъ это показалъ монгольскій потокъ, наводнившій въ XIII столѣтіи восточную Европу. Небольшая, сравнительно, малолюдная Европа не могла одолѣть на сушѣ громадныя пространства и многочисленныя народныя массы Азіи. Такимъ образомъ, какъ скоро открылась необходимость сношеній съ Востокомъ, этой цѣли могъ служить только морской путь.

A. Изслѣдованіе Тихаго океана романцами.

Исторія географическихъ открытій не относится къ нашему вопросу; намъ достаточно указать, что ближайшая цѣль, при отысканіи прямого морского пути изъ западной Европы въ Индію, состояла въ томъ, чтобы отыскать вновь исчезнувшія съ умственнаго горизонта страны Катай и Ципаигу, которыя предполагались въ сосѣдствѣ Индіи и существованіе которыхъ доказалъ Марко Поло. Позднѣйшія, дальнѣйшія цѣли выдѣлились постепенно изъ поразительнаго, превосходившаго всякія ожиданія пространства найденныхъ странъ. По самой природѣ вещей, первыя попытки, предпринимавшіяся, главнымъ образомъ, португальцами, направлены были къ Востоку; достойный наибольшаго вниманія успѣхъ этихъ попытокъ обнаружился въ 1486 г., когда Бартоломей Діазъ объѣхалъ мысъ Доброй Надежды. Но почти одновременно все болѣе и болѣе укоренявшееся убѣжденіе въ шарообразной формѣ земли повело къ преслѣдованію той же цѣли въ западномъ направленіи. Когда, выполняя эту задачу, Христофоръ Колумбъ, въ 1492 г., открылъ для Испаніи Багамскіе острова вмѣстѣ съ Антильскими, а Джіованни Габото, въ 1494 г., для Англіи — сѣверо-американскій материкъ, тотъ и другой думали, что они отыскали восточный берегъ Азіи, и оба умерли въ этомъ убѣжденіи. И Педральваресъ Кабраль, который въ 1500 г. направлялся восточнымъ путемъ въ Индію и западнымъ теченіемъ былъ отнесенъ къ берегамъ Бразиліи, не оцѣнилъ этого открытія, принятаго имъ за какой-то мало привлекательный островъ, и поспѣшилъ, измѣнивъ курсъ, вернуться къ берегамъ Африки. Не задолго передъ тѣмъ, въ 1497—98 гг., Васко да Гама удалось, обогнувъ мысъ Доброй Надежды, первымъ изъ европейскихъ мореплавателей достигнуть Индіи и тамъ завязать выгодныя сношенія для его отечества, Португаліи; этотъ практическій успѣхъ заставилъ португальцевъ обратить исключительное вниманіе на путь, открытый Васко да Гамой.

Иначе отнеслись къ дѣлу испанцы, которые, слѣдуя далѣе по пути, проторенному Колумбомъ, вскорѣ убѣдились, что земли, открытыя на западѣ, не могли принадлежать къ Азіи. Охваченные страстною жаждою золота,

найденнаго при первомъ открытіи, они направились по слѣдамъ желтаго металла, указывавшихъ на западъ, и вскорѣ отъ туземцевъ Средней Америки получили свѣдѣнія о существованіи „другого моря“, на берегахъ котораго золото будто бы встрѣчалось въ изобиліи. Въ поискахъ за нимъ Нуньесъ де Бальбоа перешелъ черезъ Кордильеры Панамскаго перешейка и съ высотъ ихъ, первый изъ европейцевъ, 25 сентября 1513 г. увидѣлъ Тихій океанъ, который онъ назвалъ Южнымъ моремъ и берегомъ котораго онъ тогда же завладѣлъ отъ имени короля Испаніи. Этотъ моментъ обозначаетъ важный отдѣлъ всемірной исторіи. Съ тѣхъ поръ новооткрытая масса суши была признана частью большого самостоятельнаго материка. Затѣмъ узнали о существованіи величайшаго океана земли и воспользовались этимъ открытіемъ. Находившіяся тогда въ Новомъ Свѣтѣ культурныя государства были разрушены и истреблены почти однимъ ударомъ, и человѣку западнаго полушарія былъ указанъ этимъ новый путь развитія. Наконецъ, и культурныя государства Стараго Свѣта были совершенно преобразованы въ своихъ политическихъ основахъ.

Открытіе Тихаго океана европейцами оказало въ ближайшее время двоякое дѣйствіе. Во-первыхъ, оно привело къ общему признанію дѣйствительной формы и величины земли, признанію, которое имѣло почти неисчислимыя послѣдствія въ областяхъ торговли, культуры и политики; затѣмъ, болѣе непосредственнымъ образомъ, оно содѣйствовало невѣроятно быстрому завоеванію тихоокеанскихъ береговъ Америки испанцами. Жалкая безпомощность, съ какою пали мѣстныя, плотнонаселенныя культурныя государства Средней и Южной Америки подъ ударами нѣсколькихъ сотенъ европейскихъ авантюристовъ, какъ это случилось съ ацтекской Мексикой передъ кучкой спутниковъ Кортеса и съ перуанскимъ царствомъ инковъ передъ отрядомъ Писарро, остается однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ явленій исторіи (ср. выше, стр. 345).

Открытіе, что вытянутый въ длину американскій материкъ отдѣляетъ Атлантическій океанъ отъ другого, еще не изслѣдованнаго моря, повело къ ревностнымъ попыткамъ опредѣлить связь того и другого океана. Прежде всего было въ интересахъ испанцевъ, которыхъ португальцы опередили въ достиженіи Индіи восточнымъ путемъ, не останавливаться передъ препятствіемъ, неожиданно оказавшимся на западномъ пути. Въ скоромъ времени убѣдились, что Средняя Америка, съ которой ознакомились всего раньше, не содержитъ пролива, соединяющаго океаны; поэтому явилось рѣшеніе искать этого пролива въ другомъ мѣстѣ. Это сдѣлано было на югѣ, когда проѣхали внизъ у восточныхъ береговъ Бразиліи. Діасъ де Солисъ въ 1515 г. достигъ устья Ла Платы, но тамъ былъ застигнутъ смертью.

Напротивъ, португальцу Фердинанду Магелану (ср. выше, стр. 361), состоявшему на испанской службѣ, удалось найти названный его именемъ проливъ между южно-американскимъ материкомъ и Огненной землею и пройти черезъ него въ Тихій океанъ, въ который онъ могъ тотчасъ же вступить съ полною смѣлостью. Послѣ слишкомъ трехмѣсячнаго плаванія, Магеланъ достигъ Разбойничьихъ острововъ, а затѣмъ и Филиппинскихъ; если ему и не суждено было насладиться торжествомъ побѣдителя, возвращающагося на родину, то ему безспорно принадлежитъ слава перваго кругосвѣтнаго мореплавателя и перваго европейца, переѣзжавшаго Тихій океанъ по всей его ширинѣ. Спутники Магелана, послѣ смерти своего вождя, продолжали путешествіе и прибыли на Молуккскіе острова, гдѣ на островѣ Тидорѣ они встрѣтили уже португальцевъ, которые не мало удивились, увидя бѣлыхъ, появившихся съ востока. Такимъ образомъ, передовые отряды, прибывшіе по обоимъ направленіямъ, здѣсь впервые подали другъ другу руки. Здѣсь впервые сомкнулось кольцо изслѣдованій, охватывавшихъ землю; этого результата европейская энергія и

проницательность достигли въ столько же десятилѣтій, сколько тысячелѣтій было нужно для той же цѣли туземнымъ обитателямъ Тихаго океана. Отсюда послѣдовало ознакомленіе съ Тихимъ океаномъ и съ тихоокеанскимъ берегомъ Америки въ теченіе короткаго времени; еще до конца XVI вѣка была открыта Калифорнія. И уже въ 1527 г. началось правильное морское сообщеніе между мексиканскими берегами и отдаленными Молукками.

Тѣмъ временемъ и португальцы проникли изъ Индійскаго океана далѣе къ востоку, но на это движеніе слѣдуетъ смотрѣть съ совершенно иной точки зрѣнія, чѣмъ на покореніе Америки испанцами. Португальцы выступали въ Индіи не какъ „конкистадоры“, да это и едва ли было бы возможно при болѣе высокой и древней культурѣ ея, при болѣе упорядоченномъ государственномъ управленіи и при большой плотности и численности населенія ея. Кромѣ того, у нихъ не было и честолюбиваго стремленія подчинять своей власти вновь открытыя страны и присоединять ихъ, въ видѣ провинцій, къ своему отдаленному небольшому королевству; они довольствовались учрежденіемъ на морскихъ берегахъ морскихъ факторій и пріобрѣтеніемъ, съ цѣлью ихъ защиты и укрѣпленія, отдѣльныхъ береговыхъ пунктовъ, такъ же, какъ и содержаніемъ исправнаго, всегда готоваго военнаго флота. Вообще исторія португальскихъ колоній ограничивается, главнымъ образомъ, областью Индійскаго океана. Но этотъ послѣдній настолько является преддверіемъ болѣе обширнаго сосѣдняго океана, что португальцы распространялись изъ него все дальше и дальше къ востоку до тѣхъ поселеній, которыя они основали на берегахъ Китая и Японіи, случайно достигнувъ ее въ 1543 г.

Японія была открыта для внѣшняго міра въ теченіе ровно ста лѣтъ; этотъ періодъ былъ небольшимъ въ исторіи островного царства, но онъ явился фактомъ, сопровождавшимся значительными послѣдствіями для группировки и положенія морскихъ силъ Европы. Съ большимъ рвеніемъ и любопытствомъ Японія, въ половинѣ XVI вѣка, отворила свои двери для западной культуры и христіанскаго ученія; но послѣ того, какъ она въ теченіе трехъ поколѣній была невольной свидѣтельницей соперничества между португальцами и появившимися тамъ въ 1600 г. голландцами, соперничества, не стѣснявшагося выборомъ средствъ борьбы, она пришла къ единственно правильному на ея взглядъ рѣшенію и просто захлопнула дверь передъ носомъ чужеземцевъ, выводившихъ ее изъ терпѣнія. Правда, этотъ шагъ, совершенно противорѣчащій ея характеру, болѣе, чѣмъ на два столѣтія вывелъ ее изъ исторіи Тихаго океана и лишилъ всякаго вліянія на ходъ вещей по берегамъ и на самомъ океанѣ. Этимъ было рѣшено дѣло для царства микадо, но не для европейцевъ.

B. **Изслѣдованіе Тихаго океана германцами.**

Не можетъ не казаться поразительнымъ явленіе, что безграничное приращеніе силъ и богатства европейцевъ въ вѣкъ открытій оказалось полезнымъ не столько самимъ открывателямъ, сколько другимъ. Открытія, сдѣланныя съ 1486 г. до половины XVI вѣка, за исключеніемъ открытій обоихъ Каботовъ, совершались вполнѣ въ пользу португальцевъ и испанцевъ. Оба эти королевства неожиданно оказались обладателями громадныхъ массъ суши, изъ которыхъ они извлекали сказочныя богатства и сокровища; вмѣстѣ съ ихъ населеніями, эти страны, по крайней мѣрѣ, въ Америкѣ, были послушными, лишенными собственной воли орудіями завоевателей. И тѣмъ не менѣе, эти пріобрѣтенія не шли въ прокъ даже въ смыслѣ увеличенія политическаго могущества. Такъ, Португалія, которая въ теченіе XVI вѣка истощала свои національныя силы въ геройской борьбѣ въ далекой Индіи, въ концѣ этого періода (въ 1580 г.) со всѣми своими

пріобрѣтеніями досталась испанскому сосѣду. Когда она въ 1640 г. сбросила испанское иго и вернула себѣ національную самостоятельность, важнѣйшія владѣнія ея на Востокѣ оказались утраченными, и она опять заняла положеніе незначительнаго, мелкаго государства; даже оставшееся за ней обладаніе громадной колоніей Бразиліей не могло поддержать ее на прежней высотѣ. Испанія, съ своей стороны, также не воспользовалась представлявшимся ей случаемъ: глубокая неурядица внутри и неразумная эксплоатація колоній извнѣ не дали образоваться въ ней сильному подъему, и она продолжала сама подрывать свои устои. Колоніи, туземное населеніе которыхъ находилось подъ постояннымъ гнетомъ, цѣнились только, какъ золотые рудники, по большей части, въ прямомъ смыслѣ этого слова. Онѣ отвлекали отъ государства множество его подданныхъ, которые, ради страсти къ наживѣ и приключеніямъ, стремились въ колоніи и терялись въ ихъ безпредѣльныхъ пространствахъ, и въ концѣ концовъ создавали только пункты для нападенія враговъ Испаніи, не будучи сами въ силахъ отражать ихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, почти непонятнымъ для насъ образомъ, именно въ то время, когда флагъ Испаніи развѣвался на всѣхъ моряхъ, ея морское могущество рѣшительно регрессировало.

Наоборотъ, плоды доставались тѣмъ, которые принимали участіе въ соревнованіи открытій, безъ головоломной поспѣшности и безъ стремленія къ быстрому и легкому обогащенію, а съ дальновидною осмотрительностью и съ неустаннымъ трудолюбіемъ, именно, англичанамъ и голландцамъ. Голландцы — небольшой народъ, подчиненный исполинской испанской монархіи, смѣло возстали противъ политическаго и религіознаго гнета испанцевъ и, несмотря на громадное несоотвѣтствіе силъ, успѣшно сопротивлялись имъ, благодаря, главнымъ образомъ, своему превосходству въ морскомъ отношеніи. Они перенесли театръ войны отчасти и на Индійскій океанъ, укрѣпились въ испанско-португальскихъ владѣніяхъ, уничтожили, какъ это было въ 1600 г., въ Японіи, португальское вліяніе въ самыхъ важныхъ пунктахъ и постепенно сосредоточили въ своихъ рукахъ почти всю индійскую торговлю. Но еще внушительнѣе была дѣятельность англичанъ.

Англія, въ эпоху открытія Америки, утратила свои континентальныя владѣнія, не исключая и Кале, и увидѣла себя ограниченною обладаніемъ своимъ островомъ; даже господство надъ Ирландіей въ это время наполовину ускользнуло отъ нея, и Шотландія составляла самостоятельное королевство. Внѣевропейскихъ владѣній у Англіи не было. Ея положеніе въ Европѣ, сравнительно съ прежнимъ, пошатнулось; за предѣлами Европы оно была равно нулю. Тогда произошли отысканіе морского пути въ Индію и открытіе Америки, и это опять заставило способный и энергичный народъ направить свои взоры въ даль; проницательные государи изъ дома Тюдоровъ, который тогда только-что достигъ престола, надолго поддержали въ своихъ подданныхъ это стремленіе. Какъ-будто по мановенію волшебнаго жезла, врожденная способность островного народа дошла до высшаго процвѣтанія и проявилась съ неудержимой силой па морѣ; но она не была направлена, какъ у испанцевъ, лишь къ исканію золота, или, какъ у португальцевъ, къ выгодной торговлѣ цѣнными пряностями, а къ болѣе высокой, дальновидной и спокойной цѣли. Съ того времени, какъ существованіе Тихаго океана стало извѣстнымъ, англичане обратили на него свое вниманіе. Они спокойно предоставили дальнѣйшее продолженіе открытій и завоеваній въ Вестъ- и Остъ-Индіи испанцамъ и португальцамъ, пока не вступая съ ними тамъ въ какое-либо соперничество. Напротивъ, они старались найти неизвѣстную для тѣхъ и другихъ, но удобную для нихъ самихъ дорогу въ Тихій океанъ, укрѣпиться въ немъ и сдѣлать попытки распространенія и развитія своихъ силъ въ противоположномъ направленіи.

С. Новые пути.

Стремленія англичанъ находятъ видимое выраженіе въ исторически крайне важномъ, производившемся съ желѣзной настойчивостью, исканіи сѣверо-западнаго прохода. Казалось не подлежащимъ сомнѣнію, что новая часть свѣта ограничивается съ сѣвера моремъ, какъ и съ юга; поэтому долженъ былъ существовать сѣверный проливъ, ведущій изъ Атлантическаго океана въ Тихій. Дѣло заключалось въ отысканіи этого пролива, ближайшаго къ Англіи. Если это стремленіе, на первыхъ порахъ, не привело къ желаемому результату (и впослѣдствіи не представило практически примѣнимаго результата), то оно, тѣмъ не менѣе, оказало чрезвычайно глубокое вліяніе. Имъ было достигнуто разъясненіе истиннаго характера материка, не только важное въ географическомъ отношеніи, но и въ политическомъ, такъ какъ, вслѣдствіе многочисленныхъ предпріятій, сѣверная часть материка попала въ руки Англіи, которая умѣла воспользоваться ею гораздо лучше, чѣмъ Испанія Средней и Южной Америкой.

Первое извѣстіе объ успѣхахъ Колумба уже въ 1494 г. дало поводъ къ поѣздкѣ состоявшаго на англійской службѣ генуэзца Джіованни Габото, вмѣстѣ съ его сыномъ Себастьяномъ; они и тогда уже надѣялись достигнуть страны Катай или Китая и острововъ Пряностей кратчайшимъ путемъ, а именно, черезъ сѣверо-западный проходъ, но они открыли берегъ материка Америки и завладѣли имъ для Англіи. Второе путешествіе, предпринятое въ 1497 г., расширило открытія перваго, а такъ же и третье, предпринятое однимъ Себастьяномъ Каботомъ въ 1498 г. Но настоящіе тщательные поиски желаемаго прохода начинаются только съ 1517 г., когда Каботъ-младшій открылъ Гудсоновъ проливъ и проникъ, быть-можетъ, черезъ Девисовъ проливъ, до полярнаго круга.

Первый приступъ къ рѣшенію задачи былъ непродолжителенъ, такъ какъ вскорѣ начало Реформаціи поглотило всѣ интересы англійскаго народа. Лишь послѣ смерти коронованнаго теолога Генриха VIII (1547), продолжается заморское движеніе и даже шире и оживленнѣе, чѣмъ въ первый разъ. Оно характеризуется тѣмъ, что исходитъ не только отъ государства, но, еще въ большей мѣрѣ, отъ отдѣльныхъ лицъ и корпорацій, и что правительство благопріятствуетъ ему и поощряетъ его, хотя не организуетъ и не направляетъ его; до королевы Елизаветы (1558—1603) въ Англіи не было даже королевскаго военнаго флота. Отдѣльные вельможи, богатыя частныя лица и купеческія гильдіи снаряжали на свой счетъ цѣлые флоты, которые, смотря по обстоятельствамъ, вели торговлю, отправлялись съ цѣлью открытій или за свой страхъ предпринимали экспедиціи, походившія на морскіе разбои.

Предпочтительно съ цѣлью открытій, въ началѣ этого новаго періода, выступила изъ Англіи экспедиція, которая, противоположно совершавшимся вначалѣ столѣтія попыткамъ отысканія сѣверо-западнаго прохода, должна была искать ближайшаго пути въ Китай въ восточномъ направленіи и даже вдоль сѣверныхъ береговъ Европы; другими словами, она должна была разрѣшить задачу сѣверо-восточнаго прохода, отъ пользованія которымъ тогдашній англійскій торговый міръ ожидалъ новаго подъема торговли, пришедшей въ упадокъ. 10-го мая 1533 г. сэръ Гугъ Уиллоуби вышелъ изъ Лондона, но его экспедиція такъ же мало достигла цѣли, какъ и позднѣйшія поѣздки англичанъ, которые въ этой области должны были уступить лавры болѣе счастливымъ голландцамъ и русскимъ. Поэтому они вновь вернулись къ идеѣ сѣверо-западнаго прохода. За экспедиціей съ этою цѣлью Фробишера въ 1576 г., послѣдовали многія другія — В. Ралея, Девиса, Гудсона, Бейлота, Баффина и проч. По естественнымъ причинамъ, онѣ не достигли намѣченной цѣли, но, тѣмъ не менѣе, имѣли

громадное значеніе, такъ какъ въ высшей степени содѣйствовали колонизаціи Сѣверной Америки, начатой Ралеемъ въ 1581 г. Это не была колонизація въ духѣ испанскихъ конкистадоровъ или португальскихъ торговцевъ пряностями, но медленное, постепенное, спокойное, обдуманное переселеніе трудолюбивыхъ, энергичныхъ сѣверныхъ европейцевъ, которые стремились не къ быстрому пріобрѣтенію сокровищъ, а къ устойчивой жизни, основанной на упорномъ трудѣ; пріобрѣтая, иногда и насильственнымъ путемъ отъ туземныхъ охотничьихъ народовъ, и обрабатывая дѣвственную почву, они тѣсно срастались съ нею и, такимъ образомъ, полагали твердую основу для государственнаго образованія, полнаго самой стойкой энергіи, развивавшагося съ поразительной быстротой.

Одновременно съ смѣлыми изслѣдователями Сѣверной Америки, изъ Англіи исходитъ цѣлый рядъ хвабрыхъ моряковъ и искателей приключеній: главнымъ дѣломъ ихъ было причинять возможно большій вредъ испанцамъ, которыхъ они ненавидѣли по причинамъ политическимъ и религіознымъ и старались при этомъ обогатиться на ихъ счетъ. На ряду съ именами В. Ралея, Гаукинса, Кевендиша и Говарда, особымъ блескомъ окружено имя Френсиса Дрэка. Въ лицѣ Дрэка герой соединенъ съ открывателемъ. Смѣлость его заходила такъ далеко, что онъ уже не довольствовался нападеніями на атлантическія владѣнія Испаніи: Вестъ-Индскіе острова и берега Мексиканскаго залива были такъ часто тревожимы британскими корсарами, что испанцы находились тамъ настороже. Напротивъ, на берегахъ Чили и Перу они должны были чувствовать себя въ безопасномъ и недоступномъ положеніи. Основываясь на этомъ, Дрэкъ, при нравственной и матеріальной поддержкѣ королевы, въ концѣ 1577 г. вышелъ изъ Англіи съ пятью снаряженными имъ самимъ кораблями, прошелъ черезъ Магелановъ проливъ и началъ, не встрѣчая сопротивленія, частную войну противъ испанцевъ на Тихомъ океанѣ. Онъ провелъ ее съ успѣхомъ и выступилъ въ обратный путь съ громадной добычей. Онъ воспользовался ею, чтобы на обратномъ пути попытаться разрѣшить задачу сѣверо-западнаго прохода изъ Тихаго океана, т.-е. въ противоположномъ направленіи. Онъ поднялся вдоль западнаго берега Америки до 48^0 с. ш., но затѣмъ, не видя нигдѣ искомаго пролива, рѣшился проѣхать поперекъ океана и вернулся, послѣ остановки на Молуккахъ, объѣхавъ вокругъ мыса Доброй Надежды, въ Англію.

Это военное кругосвѣтное путешествіе, хотя и наполовину частное предпріятіе, обозначаетъ собою первый сознательный и цѣлесообразный шагъ къ міровой политикѣ и обладанію морями со стороны Англіи; поразительные успѣхи этой политики не только совершенно преобразовали отношенія между европейскими державами, но впослѣдствіи, хотя и совершенно не намѣренно, выдвинули и Америку на первый планъ въ качествѣ новаго, могущественнаго члена міровой жизни. Далѣе, этимъ было положено основаніе преобладанію бѣлой расы на всемъ земномъ шарѣ. Но уже совершенно особое значеніе имѣла экспедиція Дрэка для Тихаго океана и его всемірно историческаго положенія, такъ какъ онъ былъ выдвинутъ разомъ въ центръ общественныхъ интересовъ и сдѣлался ареною борьбы за господство на морѣ. На этомъ поприщѣ, прежде всего, въ поразительной степени выказались внутренняя пустота и слабость, повидимому, колоссальной испанской міровой державы: по удачнымъ слѣдамъ Френсиса Дрэка, естественно, послѣдовали многія англійскія и даже голландскія хищническія предпріятія, которыя болѣе или менѣе безнаказанно грабили испанскія владѣнія и нападали на испанскіе корабли въ Тихомъ океанѣ. И хотя окончательный исходъ морской войны между Англіей и Испаніей въ 1588 (уничтоженіе Армады) и въ 1597 гг. совершился въ европейскихъ водахъ, но можно утверждать, что этотъ исходъ былъ безусловно подготовленъ предшествовавшими событіями на Тихомъ океанѣ;

можно сказать, что Англія именно тамъ нашла ключъ къ своему морскому владычеству.

D. Изслѣдованіе Австраліи.

Въ 1600 году начинаетъ выступать изъ мрака, окутывавшаго ее до тѣхъ поръ, третья часть свѣта, омываемая Тихимъ океаномъ, Австралія. Но ея малопривлекательныя свойства, неблагопріятный климатъ, малочисленное и низко стоящее населеніе, а также и недостатокъ цѣнныхъ произведеній и трудность доступа, вслѣдствіе барьерныхъ рифовъ, послужили причиною того, что открытіе ея въ первое время мало обратило на себя вниманія и не имѣло непосредственныхъ практическихъ послѣдствій. Только потеря самой цѣнной части своихъ колоній въ Сѣверной Америкѣ, которыя съ тѣхъ поръ выступаютъ на сцену всемірной исторіи какъ самостоятельное государство, именующееся Соединенными Штатами Сѣверной Америки, и необходимость имѣть мѣсто для ссылки преступниковъ, направлявшихся сперва въ названную часть свѣта, понудили Англію, почти черезъ два столѣтія послѣ перваго открытія, въ 1788 г. приступить къ серьезному завладѣнію Австраліей. Это непроизвольное заселеніе вскорѣ должно было уступить мѣсто добровольному, какъ только ознакомились ближе съ цѣнностью страны, остававшейся до тѣхъ поръ въ пренебреженіи; многочисленные переселенцы устремились туда и представили доказательство того, что Англія, завладѣвъ Австраліею, сдѣлала чрезвычайно цѣнное пріобрѣтеніе. Благодаря почти исключительно англійской національности эмигрантовъ, эта часть свѣта получила весьма однообразное населеніе, а Англія — колонію, оставшуюся въ самыхъ тѣсныхъ отношеніяхъ съ метрополіею. Прежде всего тамъ не было элементовъ, создавшихъ изъ сѣверо-американцевъ политическую, даже почти національную противоположность Англіи. Соотвѣтственно тому, населеніе Австраліи сдѣлало изъ самой южной части свѣта почти повтореніе старой Англіи на противоположной сторонѣ земного шара, производную отъ нея страну, которая, съ неменьшей гордостью, чѣмъ ея прообразъ, являлась мѣстной представительницей „Rule Britannia“ на Тихомъ океанѣ. Туземная первичная раса австралійцевъ здѣсь еще менѣе принимается во вниманіе, чѣмъ индѣйцы въ Сѣверной Америкѣ; въ политическомъ отношеніи она вообще не идетъ въ счетъ, такъ какъ ея скудные остатки вытѣснены въ негостепріимную внутреннюю часть материка.

Подъ скромнымъ названіемъ „колоній“, начиная отъ перваго заселенія на Австралійскомъ материкѣ, образовались пять самостоятельныхъ англійскихъ штатовъ: Новый Южный Уэльсъ, Викторія, Куинслэндъ, Южная Австралія и Западная Австралія, къ которымъ присоединены были еще два островныхъ штата Тасманія и Новая Зеландія. Всѣ эти штаты имѣютъ свое правительство, свой парламентъ и всѣ другіе признаки самостоятельности; съ метрополіей, помимо признанія королевской верховной власти, они соединены лишь національной связью и общностью интересовъ, и потому именно представляютъ самыя крѣпкія опоры ея. Наиболѣе цвѣтущіе изъ этихъ штатовъ, Новый Южный Уэльсъ и Викторія, омываются водами Тихаго океана; вмѣстѣ съ островными штатами Тасманіей и Новой Зеландіей и съ многочисленными группами Полинезіи, они представляютъ такіе прочные и многочисленные опорные пункты для англійскаго мореплаванія, такія превосходныя станціи для англійской торговли, такіе прочные рынки для англійской промышленности, что они имѣютъ чрезвычайно важное значеніе въ современномъ міровомъ положеніи Великобританіи. Кромѣ того, внутренніе штаты Австраліи, не только вслѣдствіе найденныхъ въ 1851 г. богатыхъ залежей золота, но еще болѣе благодаря громадному распространенію разведенія овецъ, рогатаго скота и лошадей, каменному углю и

хлѣбу, оказались богатыми странами вывоза, которые, при своемъ самоуправленіи, не налагали никакихъ расходовъ на метрополію. Такимъ образомъ, они образуютъ главную силу все еще господствующаго надъ морями Альбіона и, своей географической связью съ островнымъ міромъ, вводятъ въ кругъ англійской политики самый большой, обширный и космополитическій изъ всѣхъ океановъ земли. Это положеніе еще усилилось съ тѣхъ поръ, какъ они составили изъ себя, 31 марта 1897 года, союзъ штатовъ „Commonwealth of Australia", высшей цѣлью котораго считается поддержаніе идеи міровой власти Англіи на наивысшей точкѣ. Начавшійся со времени открытій Кука захватъ Тихаго океана англичанами не ограничился материкомъ Австраліи, но распространился на многочисленные пункты Меланезіи, Микронезіи и Полинезіи.

E. Раздѣлъ области Тихаго океана.

Замѣчательно, что испанцы во всѣхъ многочисленныхъ поѣздкахъ изъ мексиканскихъ гаваней къ Молуккскимъ и Филиппинскимъ островамъ, а также съ 1565 г. и въ обратномъ направленіи, открыли поразительно мало островныхъ группъ изъ всего безчисленнаго количества ихъ. Даже немногіе открытые ими архипелаги, Маршальскіе, Бонинскіе и Соломоновы острова не были признаны ими достойными заселенія или завладѣнія; только группы Маріанскихъ, Каролинскихъ и Палаускихъ острововъ были съ теченіемъ времени заняты ими, чтобы служить опорными пунктами для колоній на Филиппинскихъ островахъ. Владѣнія на Тихомъ океанѣ представляли еще меньше интереса для португальцевъ и голландцевъ; они оставляли этотъ океанъ внѣ предѣловъ своей торговой политики и вообще не основывали тамъ никакихъ поселеній. Вслѣдствіе того, послѣ поѣздокъ англичанъ и французовъ въ послѣдней трети XVIII вѣка и путешествій Кука, Бугенвиля, Лаперуза, д'Антрекасто и др., были открыты миріады острововъ, еще не занятыхъ европейцами, и поэтому никому не принадлежавшихъ. Безъ сомнѣнія, экипажи экспедиціонныхъ кораблей не могли выдѣлять изъ себя командъ для продолжительнаго занятія острововъ; но за ними вскорѣ послѣдовали соотечественники — искатели приключеній и изслѣдователи, купцы и миссіонеры. Острова Тихаго океана, относительно обитателей, продуктовъ и климата которыхъ распространялись благопріятныя извѣстія, вскорѣ сдѣлались притягательными пунктами для переселенія. Такимъ образомъ, бѣлая раса, главнымъ образомъ, въ лицѣ англичанъ и французовъ, а позднѣе и сѣверо-американцевъ и нѣмцевъ распространилась по островному міру Тихаго океана. Въ особенности, англичане, которые завладѣли уже австралійскимъ материкомъ, шли впереди другихъ; кромѣ Тасманіи и Новой Зеландіи, они утвердились въ Полинезіи и въ Меланезіи и сумѣли въ теченіе XIX столѣтія завладѣть значительной частью океаническихъ острововъ. И французы упрочили за собою многіе изъ острововъ Полинезіи и, кромѣ того, Новую Каледонію. Позднѣе вступили на тотъ же путь сѣверо-американцы, и, наконецъ, съ 1885 г. Германская имперія, проявивъ энергичную колоніальную политику, завладѣла нѣкоторыми областями Меланезіи и Микронезіи.

Мы должны упомянуть здѣсь и о той европейской державѣ, которая хотя и не принимала участія въ раздѣлѣ тихоокеанскаго островного міра, но, давно уже энергично пробиваясь къ океану, вступила на тотъ путь, который помогъ ей сдѣлаться однимъ изъ могущественнѣйшихъ факторовъ новѣйшей исторіи человѣчества; мы говоримъ о Россіи. Справедливо сознавая, что сущность ея силы заключается въ континентальности, громадное славянское царство понемногу оставляло поверхность самаго океана: оно уступило американцамъ, за извѣстную сумму, Аляску и Алеутскіе острова и вымѣняло Курильскіе острова на островъ Сахалинъ, но оно су-

мѣло блестящимъ образомъ распространить зону своего соприкосновенія съ океаномъ къ югу, что̀ было особенно важно. Закованныя льдомъ Охотское и Берингово моря имѣли свою цѣнность, но ихъ нельзя сравнивать съ береговой полосой, которая, какъ, напр., берегъ Приморской области и Ляо-Тунга, съ его господствующимъ на морѣ положеніемъ, можетъ сдѣлать имперію Царя владычицей всей восточной Азіи.

F. Судьба океанійцевъ и задачи, поставленныя переселенцамъ.

Подобно вступленію Россіи въ береговой поясъ Тихаго океана, занятіе обширныхъ пространствъ его бѣлыми, также должно быть разсматриваемо съ высшей точки зрѣнія. На самомъ дѣлѣ, это — болѣе, чѣмъ политическое событіе; это — всемірно-историческій фактъ величайшаго значенія, энергическій шагъ впередъ по тому пути, на которомъ не произвольной и полусознательной, но, по мнѣнію многихъ, неизбѣжной цѣлью является возсоединеніе раздробленнаго человѣчества. Едва ли гдѣ-нибудь на земной поверхности выравнивающая сила бѣлой расы выказалась такъ дѣятельно, какъ въ Океаніи, хотя и въ ущербъ туземному населенію.

Океанійская раса, во всѣхъ отношеніяхъ, склонявшаяся къ упадку еще до соприкосновенія съ европейцами, оказала передъ бѣлыми незначительную способность сопротивленія. Туземное населеніе пало жертвою не насильственнаго вытѣсненія или угнетенія, какъ въ Сѣверной Америкѣ, но своеобразнаго разложенія. Океанійцы, вообще, оказались весьма доступными вліянію бѣлыхъ, относились къ нимъ съ симпатіей, воспринимали ихъ нравы и учрежденія, ихъ образъ жизни и мыслей, но ихъ собственныя основы оказывались при этомъ поколебленными. Тамъ, гдѣ притокъ бѣлыхъ элементовъ достаточно значителенъ, съ большой быстротой образуются смѣшанные народы, для которыхъ вліяніе бѣлыхъ является рѣшающимъ; такъ, напр., въ Новой Зеландіи чистые маорисы приближаются къ вымиранію, а Сандвичевы острова — не что иное, какъ придатокъ сѣверо-американскаго Союза. А тамъ, гдѣ притокъ оказывается не настолько сильнымъ, чтобы вызывать быстрое антропологическое превращеніе, характеру туземцевъ приносится большой вредъ вслѣдствіе поверхностнаго соприкосновенія съ европейской культурой или, лучше сказать, съ ея тѣневыми сторонами. Тѣ, которые, въ видѣ обнаженныхъ дикарей, нѣкогда вели существованіе амфибій, частью на сушѣ, частью на морѣ, вырождаются въ видѣ цивилизованныхъ христіанъ и преждевременно умираютъ. Въ остающіеся пробѣлы, переходя черезъ расовое смѣшеніе, все рѣшительнѣе проникаютъ бѣлые, и, вмѣстѣ съ ними, ихъ высшая культура, стремящаяся къ объединенію человѣчества. Это положеніе вещей не должно радовать насъ, но оно, по крайней мѣрѣ, имѣетъ то преимущество передъ прежнимъ, что изъ развалинъ отжившаго міра возникаетъ новая жизнь.

Бѣлая раса, хотя за ней и остается рѣшающее значеніе, не одна заполняетъ пробѣлы разрушенной жизни тихоокеанскихъ народовъ: рядомъ съ ней ту же задачу осуществляетъ желтая раса. Правда, китайцы исходятъ изъ совершенно другихъ точекъ зрѣнія, чѣмъ европейцы и сѣвероамериканцы, и дѣйствіе, оказываемое ими, также совершенно иное, но оно направляется, по крайней мѣрѣ, въ извѣстной части, въ томъ же руслѣ.

Не страсть къ приключеніямъ и не жажда наживы, не политическіе и не научные интересы гонятъ китайцевъ въ даль, а только тяжесть жизненныхъ условій въ государствѣ, страдающемъ отъ перенаселенія. Сообразно естественнымъ законамъ, отливъ избытка народной массы совершается въ стороны наименьшаго сопротивленія; такъ какъ Японія до послѣдняго времени была закрыта для всѣхъ чужеземцевъ, обѣ Индіи сами терпятъ отъ излишка населенія и въ скоромъ времени большіе острова Индійскаго океана также будутъ насыщены китайскимъ элементомъ, то потокъ направ-

ляется въ Австралію и Америку и въ островной міръ Тихаго океана, лежащаго между названными материками. Въ особенности первые, при большой неравномѣрности пространства и населенія, казались склонными къ воспринятію посторонних элементовъ.

Однако, желтое переселеніе не нашло тамъ хорошаго пріема. Это не должно удивлять насъ. Прежде всего, между бѣлой и желтой расой существуетъ непреодолимая пропасть: ни бѣлый, ни китаецъ не чувствуютъ безусловно своего превосходства надъ другимъ, между тѣмъ, какъ и тотъ и другой ощущаютъ это по отношенію къ другимъ расамъ и націямъ; они признаютъ и опасаются другъ въ другѣ опасныхъ соперниковъ и, при полномъ различіи умственнаго характера, не находятъ нейтральной области для соглашенія. Страхъ безъ уваженія есть признакъ ихъ взаимныхъ отношеній, причемъ является еще отвращеніе къ характеру другого, препятствующее непосредственному смѣшенію расъ и исключающее этимъ самое дѣйствительное средство къ уравненію ихъ противоположностей. Кромѣ того, китаецъ является для бѣлаго крайне опаснымъ экономическимъ соперникомъ; какъ неутомимый, непритязательный и притомъ смышленный работникъ, онъ стоитъ выше его, понижаетъ стоимость работы бѣлаго и портитъ ему цѣны. Австралія и Америка, пытаясь всѣми средствами препятствовать переселенію китайцевъ, поступаютъ такимъ образомъ столько же изъ субъективнаго самосохраненія, сколько по прирожденному инстинкту. Но при этомъ надо имѣть въ виду, что и китаецъ долженъ бы имѣть притязаніе на то и на другое,—если бы онъ могъ. Бѣлая раса, въ этомъ случаѣ, просто отстаиваетъ себя въ тяжелой борьбѣ за существованіе. При глубокомъ различіи обнаруживающихся силъ, въ соприкосновеніи круга распространенія бѣлой и желтой расы у Тихаго океана и на немъ самомъ, окончательное рѣшеніе вопроса лежитъ еще въ далекомъ будущемъ.

Напротивъ, мы ясно видимъ, что островной міръ, заключающійся въ Тихомъ океанѣ, еще не закончилъ свою историческую образовательную роль и призванъ сыграть ее должнымъ образомъ только въ будущемъ. Островныя группы Полинезіи, Микронезіи и Меланезіи, на которыхъ возникаютъ теперь новые смѣшанные народы изъ бѣлыхъ и океанійцевъ, повидимому, склонны воспринять часть китайской иммиграціи, насколько она не направляется прямо къ золотоноснымъ мѣстностямъ Австраліи и Сѣверной Америки, и поглотить ее, при неизбѣжномъ и значительномъ островномъ раздробленіи. Онѣ, безъ сомнѣнія, доставятъ китайскому элементу случай непосредственно воздѣйствовать на совершающееся въ настоящее время этнографическое превращеніе, т.-е. придать образующемуся смѣшанному народу примѣсью своей крови извѣстную часть своихъ физическихъ и духовныхъ особенностей. Такимъ образомъ, можетъ и должно быть создано связующее звено, предназначенное сблизить другъ съ другомъ рѣзко противоположныя массы и постепенно сгладить ихъ углы, ядро, на которое сперва въ отдѣльныхъ случаяхъ и тонкимъ слоемъ, затѣмъ все чаще и плотнѣе будутъ осаживаться антропологическіе слои желтаго и бѣлаго, бураго и чернаго цвѣта, чтобы впослѣдствіи, различнымъ образомъ, перемѣшаться другъ съ другомъ. Правда, подобныя переходныя образованія въ особенности во время своего возникновенія, могутъ имѣть только спорную цѣнность; но въ этнографіи и въ исторіи за ними должно быть признано большое значеніе уже потому, что они представляютъ естественный противовѣсъ распаденію большихъ однообразныхъ массъ. Кромѣ того, при подобныхъ новообразованіяхъ, по большей части, та или другая составныя части выдвигаются впередъ и подконецъ приводятъ къ извѣстному очищенію типа. Условія сношеній настоящаго времени чрезвычайно благопріятны этому процессу, гораздо болѣе, чѣмъ переселенія народовъ прошлаго времени или военные массовые натиски, но

еще болѣе способствуютъ ему новѣйшія океаническія сношенія, которыя своимъ частымъ, правильнымъ и почти безопаснымъ судоходствомъ приводятъ въ соприкосновеніе различные этнографическіе элементы въ состояніи тончайшаго раздѣленія и доставляютъ имъ въ многочисленныхъ мелкихъ областяхъ случаи къ самому тѣсному смѣшенію.

G. Участіе Америки.

Содѣйствовать постепенному дѣлу объединенія, повидимому, предназначено было прежде всего восточному краю тихоокеанскаго бассейна, а именно—Америкѣ. Взрывъ негодованія янки противъ этого воззрѣнія также мало можетъ задержать ходъ міровой исторіи, какъ, въ настоящее время, брызжущій юношеской силой эгоизмъ Соединенныхъ Штатовъ мало можетъ имѣть притязаній на постоянное господство. Америка — такая часть свѣта, которая долгое время была обитаема одной расой, и затѣмъ разомъ явилась сборнымъ мѣстомъ всѣхъ расъ. Трудно найти болѣе рѣшительное доказательство силы вліянія океана и всемірно-историческаго значенія мореплаванія.

Положеніе, занимаемое различными расами Америки по отношенію другъ къ другу, весьма не одинаково. Осѣдлые, земледѣльческіе и, по своему, цивилизованные, образовавшіе государства индѣйцы въ Средней и Южной Америкѣ, безъ сомнѣнія, не могли избѣжать вліянія бѣлыхъ въ такой степени, какъ бродячіе охотничьи народы Сѣверной Америки и дикіе народы юга. Первые испытали на себѣ слѣды покоренія и, вслѣдствіе того, доставили богатый матеріалъ для образованія смѣшанныхъ народовъ. Охотничьи и дикіе народы, напротивъ, устранялись отъ всякаго соприкосновенія съ бѣлыми, кромѣ враждебнаго, подверглись при неравной борьбѣ съ ними почти полному уничтоженію и вынуждены были предоставить имъ мѣста своего обитанія. Бѣлые, съ своей стороны, въ особенности въ тропическомъ поясѣ, не хотѣли и не могли возложить на собственныя плечи тяжелое бремя физической работы и взвалили его на покоренныхъ. Тамъ, гдѣ эти послѣдніе не оказывались достаточно многочисленными или достаточно сильными для выполненія тяжелой работы, какой отъ нихъ требовали, пришлось подумать о помощи со стороны. Рабство негровъ въ Америкѣ составляетъ одинъ изъ печальнѣйшихъ эпизодовъ въ блестящей исторіи бѣлой расы; если XIX вѣкъ могъ отойти на покой съ сознаніемъ, что это недостойное учрежденіе въ Новомъ Свѣтѣ повсюду уничтожено и, такимъ образомъ, грѣхи отцовъ до извѣстной степени искуплены, то нѣтъ ни малѣйшаго основанія горделивое чувство по поводу этого культурнаго факта приписывать возмущенной совѣсти болѣе отдаленнаго времени.

При нынѣшнихъ условіяхъ Америка представляетъ концентрическую цѣль, къ которой устремляются избытки населенія изъ всѣхъ частей свѣта. Она не можетъ противиться этому, такъ какъ пространственныя условія для воспринятія ихъ свойственны ей еще въ достаточной степени. „Въ этомъ плавильномъ тиглѣ перемѣшиваются между собой всѣ человѣческія расы; возвраты къ первоначальному типу не должны обманывать насъ въ этомъ отношеніи,—говоритъ Фр. Ратцель и прибавляетъ:—если за ними остается большинство, смѣшанные народы имѣютъ большое преимущество предъ чистыми расами“. Во время открытія европейцами, Америка была населена одной человѣческой расой, о численности которой мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній; несомнѣнно, численность эта была не велика: густо населенныя индѣйскія государства Средней и Южной Америки представляли только оазисы въ безлюдныхъ пустыняхъ. Въ настоящее время Америка изъ своихъ 100 милліоновъ обитателей насчитываетъ, круглымъ числомъ, 60 милліоновъ, принадлежащихъ къ бѣлой расѣ, 10 милліоновъ — къ чер-

ной, 9—къ красной, 0,2—желтой расѣ и 20 милліоновъ различныхъ смѣшанныхъ народовъ. При этомъ помѣси негровъ причисляются къ черной расѣ, а чистые негры составляютъ не болѣе четвертой части этого числа. Такъ какъ, вслѣдствіе того, сумма смѣшанныхъ народовъ нѣсколько увеличивается, то мы должны принять, что около четвертой части всего населенія Америки состоитъ изъ смѣшанныхъ расъ. Каждая чистая раса можетъ доставить матеріалъ для смѣшаннаго народа, но не наоборотъ; далѣе, каждый смѣшанный народъ постепеннымъ размельченіемъ сосѣднихъ расъ умножается на ихъ счетъ, и, поэтому, Америка должна явиться поприщемъ большого расоваго сліянія.

H. **Участіе восточно-азіатскихъ культурныхъ народовъ.**

Между тѣмъ, какъ восточный край Тихоокеанскаго бассейна представляется въ полномъ чреватымъ событіями броженіи, западный край также начинаетъ просыпаться къ новой дѣятельности. Не говоря уже о выступленіи величайшей континентальной державы на азіатскій берегъ Тихаго океана, не говоря о созданіи въ Австраліи превосходнаго опорнаго пункта для величайшей морской державы, не говоря также о крайне важныхъ колоніальныхъ стремленіяхъ Франціи и Сѣверной Америки и, въ особенности, Германской имперіи, — всего значительнѣе кажется намъ отношеніе старыхъ, коренныхъ культурныхъ народовъ восточной Азіи къ всемірно-историческому факту успѣшнаго выступленія бѣлыхъ въ Тихій океанъ. Въ Японіи, около половины XIX вѣка, произошелъ поразительно быстрый переворотъ; ей пришлось, уступая насилію извнѣ, открыть свои предѣлы для чужеземцевъ и вмѣстѣ съ тѣмъ испытать паденіе старинной феодальной системы, во главѣ которой стоялъ шогунъ. Она разомъ сдѣлала большой шагъ впередъ и оказалась доступнѣе вліянію бѣлой расы, чѣмъ за 300 лѣтъ передъ тѣмъ, хотя и не въ этической области, а въ области матеріальнаго прогресса и формы правленія. Пылкое стремленіе усвоить всѣ учрежденія бѣлыхъ и даже внѣшность ихъ одежды и образъ жизни охватило съ тѣхъ поръ японцевъ или, по крайней мѣрѣ, высшіе круги ихъ. Они оказались способными учениками, что̀ достаточно выяснилось въ 1894 г., когда они въ энергической наступательной войнѣ на морѣ и на сушѣ одержали полную побѣду надъ Китаемъ, безконечно превосходившимъ ихъ пространствомъ и численностью населенія. Эта война разомъ ввела Японію въ рядъ морскихъ державъ, даже великихъ державъ, явившись въ Европѣ и въ Америкѣ очевиднымъ доказательствомъ того, что Японія располагаетъ весьма пригоднымъ для войны матеріаломъ и умѣетъ энергично поддерживать свои политическія притязанія.

Иное отношеніе выказываетъ Китай. Тамъ, несмотря на большее число точекъ соприкосновенія, выказывается еще мало пониманія и еще меньше желанія идти навстрѣчу Европѣ. Китайскій народъ слишкомъ переполненъ сознаніемъ собственнаго превосходства; онъ слишкомъ приверженъ къ своимъ тысячелѣтнимъ, почти не измѣненнымъ воззрѣніямъ и обычаямъ и слишкомъ тѣсно сроссся съ ними, чтобы легко, подобно подвижнымъ японцамъ, пойти по новому направленію. Напротивъ, онъ противопоставляетъ нападенію бѣлыхъ механическое сопротивленіе громаднаго избытка и плотности населенія, — и этого еще мало: онъ встрѣчаетъ его съ своей стороны распространеніемъ, которое видимо имѣетъ мирный характеръ, но, тѣмъ не менѣе, вслѣдствіе своей неизбѣжности, представляется крайне угрожающимъ. Это — невольный натискъ большихъ массъ, приведенныхъ въ движеніе понуждающими силами природы, напирающій на остріе разумной силы, одаренной сильной волей и стремленіемъ къ завоеваніямъ. Волны китайской эмиграціи распространяются кругообразно по всѣмъ направленіямъ и всего далѣе въ сторону наименьшаго сопротивленія, т.-е.

черезъ Тихій океанъ. Здѣсь именно мы видимъ сцену, на которой долженъ разыграться первый актъ неизбѣжной, страшной съ расовой точки зрѣнія и опасной борьбы между бѣлой и желтой вѣтвями человѣчества.

Начало китайскаго распространенія совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда бѣлая раса начала растягивать по всей поверхности земли свою сѣть, частью въ формѣ этнографическаго расширенія, частью въ формѣ политическаго и умственнаго главенства, но отсюда не слѣдуетъ, что то и другое находятся во взаимной связи между собою. Результатъ совпаденія остается во всѣхъ случаяхъ одинаковымъ; онъ заключается въ томъ, что центръ тяжести интересовъ человѣчества, а слѣдовательно, и всемірной исторіи видимо перемѣщается отъ пользовавшагося до сихъ поръ привилегіями полушарія въ другое. Какая бы великая роль въ исторіи государствъ и народовъ ни предназначалась материкамъ Стараго Свѣта, если только высшей задачей всемірной исторіи является единство человѣческаго рода, то рѣшеніе этой задачи надо искать на Тихомъ океанѣ. Въ сознаніи того лежитъ ключъ къ пониманію историческаго значенія Тихаго океана.

4. Заключеніе.

Окидывая все однимъ взглядомъ, мы видимъ, что Тихій океанъ является сперва раздѣляющимъ, дифференцирующимъ элементомъ, который удерживаетъ отдѣльныя части или вѣтви человѣчества на извѣстныхъ мѣстахъ и даетъ имъ случай рѣзко вырабатывать и сохранять типическія особенности. Съ тѣхъ поръ, какъ эта задача выполнена, океанъ медленнымъ, постепеннымъ извращеніемъ своей цѣли разрушаетъ собственное твореніе и стремится къ противоположному, являясь связующимъ началомъ, т.-е. яснымъ отраженіемъ вѣчнаго круговорота природы. Тотъ же взглядъ показываетъ намъ, какъ желтые и красные, бурые и черные народы заселяютъ берега и острова океана, растягиваются и распространяются, вытѣсняютъ или терпятъ другъ друга, но приходятъ вскорѣ къ извѣстному состоянію покоя, отъ котораго освобождаются благодаря своей большой численности и способности къ размноженію, только желтые народы, между тѣмъ, какъ остальные вырождаются во всѣхъ направленіяхъ. Мы видимъ, наконецъ, послѣ долгихъ вѣковъ покоя, послѣ состоянія исторической дремоты, бѣлыхъ, врывающихся одновременно съ двухъ сторонъ въ океанъ и, противоположно всѣмъ прежнимъ условіямъ, наподобіе вихря все опрокидывающихъ кругомъ. Въ теченіе немногихъ столѣтій — краткаго промежутка времени въ міровой исторіи — коренной океаніецъ, индѣецъ Америки и австраліецъ или загнаны въ какой-нибудь ничтожный уголъ, гдѣ они идутъ навстрѣчу своей гибели, или растворены въ пришломъ населеніи, т.-е. отъ продолжительнаго смѣшенія превращены въ бастардовъ, въ которыхъ, по крайней мѣрѣ, умственно, преобладаетъ бѣлый элементъ. Только бѣлая раса, недоступная въ своей замкнутой многочисленности, успѣшно сопротивляется общему перевороту, сохраняетъ свои прежнія владѣнія и даже совершаетъ этнографическія пріобрѣтенія.

Поэтому въ настоящее время мы видимъ на Тихомъ океанѣ только два важныхъ элемента, какъ естественныхъ противниковъ, стоящихъ другъ противъ друга въ готовности къ борьбѣ — древнюю мѣстную, желтую и вновь пришедшую, бѣлую расу. У обѣихъ есть искусные и удачные представители: у желтой расы — японцы и китайцы, у бѣлой — англичане и сѣвероамериканцы, къ которымъ, со стороны нападенія съ океана, присоединяются французы и нѣмцы, а на материкѣ — русскіе, готовые и склонные къ фланговой аттакѣ. Послѣ продолжавшейся нѣсколько десятилѣтій перестрѣлки въ концѣ XIX вѣка, борьба вступила въ серьезный фазисъ. Какъ часто бываетъ въ исторіи, и здѣсь споръ враждующихъ братьевъ по-

служилъ поводомъ къ вмѣшательству третьей стороны; хотя положеніе японцевъ, послѣ побѣдоносно проведенной междоусобной войны, кажется окрѣпшимъ въ ближайшемъ будущемъ, но не надо забывать, что плоды борьбы достались не побѣдителю, а европейскимъ державамъ и прежде всего Россіи. Это еще болѣе расширило фронтъ аттаки для великой расовой борьбы: рядомъ съ пассивнымъ, открытымъ для всѣхъ нападеній Китаемъ, Японія, доведенная до живѣйшей подвижности и энергіи, въ высшей степени готова къ борьбѣ, которая не будетъ уже братскою и, по внутренней сущности, не будетъ имѣть политическаго характера, но которая должна рѣшить — закончитъ ли бѣлая раса прочнымъ захватомъ сѣверной части Тихаго океана свою задачу покоренія всей земли или, будучи уже близко къ цѣли, въ первый разъ въ своей исторіи, должна будетъ уступить болѣе сильному. И хотя въ этой борьбѣ китаецъ, какъ политическій союзникъ, безъ сомнѣнія, окажется мало пригоднымъ, но, какъ соратникъ въ экономической и этнографической области, можетъ оказать неоцѣнимую помощь Японіи. На самомъ дѣлѣ, не заботясь о судьбѣ родины, потокъ китайскаго населенія будетъ изливаться въ береговыя страны и острова Тихаго океана съ неудержимою силою, пока эти страны не насытятся желтымъ элементомъ. Тогда наступитъ тотъ покой, въ которомъ различные элементы населенія всего легче и тѣснѣе могутъ смѣшаться другъ съ другомъ.

Указатель.

Каталогъ изданій

Книгоиздательскаго Т-ва „Просвѣщеніе“.

С.-Петербургъ, 7 рота, соб. д. № 20.

Главное представительство для Россіи Библіографическаго Института (Мейеръ) въ Лейпцигѣ и Вѣнѣ.

Январь 1903 г.

Сочиненія справочнаго характера.

	Р.	К.
Большая Энциклопедія. Словарь общедост. свѣдѣній по всѣмъ отрасл. знан., подъ общ. ред. ***С. Н. Южакова.*** Съ 10,000 рис., картъ и план. въ текстѣ и на 1000 отдѣльн. приложен.: хромолитогр., карт. въ краск. и черн. картин.		
200 выпусковъ по 50 коп. — 20 томовъ въ роскошн. полукожан. переплетахъ по	6	—
Иллюстрированный Настольный Календарь Т-ва „Просвѣщеніе“ на 1903-й г.		
На полированной доскѣ, съ дугами для перелистыванія и подставкой	1	20
Въ формѣ отрывного календаря		80

Сочиненія по исторіи литературъ.

	Р.	К.
Исторія нѣмецкой литературы съ древнѣйш. врем. до настоящ. времени. Соч. проф. ***Фр. Фогта*** и ***М. Коха.*** Полн. пер. прив.-доц. Имп. Спб. унив. *А. Л. Погодина.* Съ 72 рис., 2 геліогравюр., 18 хромолитогр. и 6 черн. картин.		
Рекомендовано *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства.*		
Рекомендовано *Учебнымъ комитетомъ Собственной **Его Императорскаго Величества** Канцеляріи по учрежденіямъ **Императрицы Маріи** для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства учрежденій **Императрицы Маріи.***		
15 выпусковъ по 50 коп. — Въ роскошн. полушагрен. перепл.	8	60

Сочиненія по естествознанію: „Вся природа“.

	Р.	К.
Мірозданіе. *Общедост. астрономія.* Д-ра ***В. Мейера,*** бывш. директ. берлинск. „Ураніи“. Полн. пер. съ дополн. и библіогр. указат. по русск. астрон. литературѣ заслуж. проф. Спб. унив. *С. П. фонъ-Глазенапа.* Съ 287 рис., 10 карт. въ краск., 18 хромолитогр. и 13 черн. картин.		
Одобрено *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ и ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ среднихъ учебн. заведеній, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій, для учительскихъ библіотекъ низш. училищъ и для безплатн. народн. читаленъ и библіотекъ.*		
15 вып. по 60 коп. — За все изданіе 7 р. 50 к. — Въ роскошн. полукожан. перепл.	8	60

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются по требованію безплатно, первые выпуски для ознакомленія за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

	Р.	К.
История земли, проф. ***М. Неймайра.*** Полн. пер. со 2-го, переработ. и дополн. проф. *Улигомъ* изданія, съ обширн. дополн. по геолог. Россіи и библіогр. указат. по русск. литературѣ, подъ общ. ред. заслуж. проф. *А. А. Иностранцева.* Съ 1129 рис., 4 карт. въ краск., 22 хромолитогр. и 12 рѣз. на дер. картин.		
Рекомендовано *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній.*		
Рекомендовано *Учебнымъ Комитетомъ, состоящимъ при Собственной* ***Его Императорскаго Величества*** *Канцеляріи по учрежденіямъ* ***Императрицы Маріи,*** *для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній Вѣдомства, какъ одно изъ капитальнѣйшихъ и строго научныхъ сочиненій по отдѣлу естествознанія.*		
30 вып. по 50 коп. — За все изданіе 12 р. 80 к. — Въ 2 роскошн. полукож. перепл.	15	—
Жизнь растеній, проф. ***А. Кернера фонъ-Марилаунъ.*** Пер. съ дополн. и библіографич. указат. со 2-го совершенно вновь переработ. и дополн. изданія прив.-доц. А. Генкеля и В. Траншеля, подъ ред. заслуж. проф. *И. П. Бородина.* Съ 2100 рис., 1 карт. въ краск., 24 рѣз. на дер. картин. и 40 хромолитогр.		
Рекомендовано *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для учительскихъ библіотекъ тѣхъ учебныхъ заведеній, гдѣ преподается естествознаніе, и*		
Одобрено *для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ.*		
30 вып. по 50 коп. — За все изданіе 12 р. 80 к. — Въ 2 роскошн. полукож. перепл.	15	—
Народовѣдѣніе, проф. ***Фридр. Ратцеля.*** Полн. пер. съ оч. обширными оригин. дополнен. со 2-го соверш. переработ. изданія проф. *Д. А. Коропчевскаго.* Съ 1103 рис., 6 карт. въ краск., 30 хромолитогр. и 26 черн. картин.		
Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія *признано вполнѣ цѣлесообразнымъ* ***допустить*** *это сочиненіе въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства и въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, а также и въ учительскія библіотеки городскихъ училищъ.*		
36 выпусковъ по 35 коп. — Въ 2 роскошн. полушагрен. перепл.	15	—
Происхожденіе животнаго міра, проф. ***В. Гааке.*** Полн. пер. д-ра М. Е. Ліона, подъ ред. д-ра зоол. проф. *Ю. Н. Вагнера.* Съ 469 рис., 1 карт. въ краск., 9 рѣз. на дер. картин. и 11 хромолитогр.		
Одобрено *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній Министерства, и въ особенности тѣхъ изъ нихъ, гдѣ преподается естествовѣдѣніе.*		
15 вып. по 50 коп. — За все изданіе 6 руб. — Въ роскошн. полукожан. перепл.	7	—
Человѣкъ, проф. ***І. Ранке.*** Полн. пер. со 2-го нѣм. изд. д-ра М. Е. Ліона и д-ра мед. Берлинск. университета А. Л. Синявскаго, подъ ред. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* Съ 1398 рис., 6 карт. въ краск. и 35 хромолитогр.		
30 вып. по 50 коп. — За все изданіе 12 руб. — Въ 2 роскошн. полукож. перепл.	14	20
Жизнь животныхъ Брэма. Полн. пер. со 2-го нѣм. изд. подъ ред. проф. ***А. С. Догеля*** и ***П. Ф. Лесгафта.*** Съ 1179 рис., 30-ю хромолитогр., 50 черн. картин. и 1 карт. въ краск.		
Одобрено *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ всѣхъ средне-учебныхъ заведеній, библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ и для выдачи въ награду ученикамъ старшихъ классовъ, а также и для безплатныхъ народныхъ читаленъ и библіотекъ.*		
60 выпусковъ по 35 коп. — Въ 3 роскошн. полушагрен. перепл. по	8	—

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются по требованію безплатно, первые выпуски для ознакомленія за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

Новый способъ лѣченія, *Настольная книга для здоровыхъ и больныхъ.* Сочин. *М. Платена.* Полн. перев. подъ ред. д-ра мед. А. П. Зеленкова. Съ приблиз. 600 рис. въ текстѣ, 33 хромолитогр., портрет. автора и 10 разборн. анатомическ. моделями въ краскахъ.

3 тома въ роскошн. перепл. по 5 руб. . . . . Р. 15 —

Серія сочиненій „Промышленность и техника“.

Исторія и современная техника строительнаго искусства. Полн. пер. подъ ред. и съ значит. дополн. по русск. зодчеству съ 9-го нѣм. изд. проф. Института Гражданск. Инж. ***В. В. Эвальда.*** Съ 900 рис. въ текстѣ и 13 отдѣльн. приложен. (хромолитогр. и черн. картин.).

Допущено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, въ библіотеки учительскихъ институтовъ и семинарій, въ учительскія библіотеки низшихъ училищъ и въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.

10 выпусковъ по 50 коп. — За все изданіе въ роскошн. полукожан. перепл. . . . Р. 6 К. —

Силы природы и ихъ примѣненія. Полн. пер. съ IX нѣм. изданія проф. Технологич. Института Николая I ***Н. А. Гезехуса.*** Съ 950 рис. и 3 прилож.

10 выпусковъ по 50 коп. — За все изданіе въ роскошн. полукож. перепл. . . . 6

Электричество, его добываніе и примѣненія въ промышленности и техникѣ. Полн. пер. подъ ред. и съ значительн. дополн. съ IX нѣм. изд. проф. Электротехн. Института Александра III ***В. В. Скобельцына.*** Съ 900 рис. и 12 прилож.

10 выпусковъ по 50 коп. — За все изданіе въ роскошн. полукож. перепл. . . . 6

Сельское хозяйство и обработка важнѣйшихъ его продуктовъ. Полн. пер. съ IX-го нѣм. изд. подъ ред. и съ дополн. проф. Спб. Лѣсного Института ***В. Я. Добровлянскаго.*** Съ 600 рис. и 9 прилож. (цвѣтн. и черн. картин.).

10 выпусковъ . . . . по 50

Горное дѣло и металлургія. Полн. пер. съ IX нѣм. изд. съ измѣнен. и обширн. дополн., подъ ред. проф. Спб. Горн. Института ***И. В. Мушкетова*** и ***В. И. Баумана.*** Съ 600 рис. и 12 приложен. (цвѣтн. и черн. картин.).

10 выпусковъ по 50 коп. — За все изданіе въ роскошн. полукожан. перепл. . . . 6 —

Технологія металловъ. Полн. пер. съ 9-го нѣм. изд. съ значит. дополн. и подъ ред. проф. Спб. Горн. Института Екатерины II ***А. П. Митинскаго.*** Съ 1600 рис. и 6 прилож. (черн. картин.).

10 выпусковъ . . . . по 50

Обработка камней и земель и технологія химическихъ производствъ. Полн. пер. съ 9-го нѣм. изд. подъ ред. проф. Института Гражданскихъ Инж. ***В. В. Эвальда.*** Съ 1000 рис. и 3 прилож. (хромолитогр. и черн. картин.).

10 выпусковъ . . . . по — 50

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются по требованію безплатно, первые выпуски для ознакомленія за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

Популярно-научные альбомы картинъ по географіи и естествознанію.

Р. К.

Альбомъ картинъ по географіи Европы. Пояснит. текстъ д-ра *А. Гейстбека.* Пер. съ дополн. преподават. географіи *А. П. Нечаева*, съ предисл. *Д. А. Коропчевскаго.* 75 стр. текста и 233 отдѣльн. рѣз. на дер. худож. рис. и картинъ.

Одобренъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ.*

Допущенъ *въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*

Одобренъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ для библіотекъ подвѣдомственныхъ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ учебныхъ заведеній.*

Одобренъ *Учебнымъ Комитетомъ Министерства Финансовъ, какъ полезное пособіе при изученіи географіи въ коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ Вѣдомства Министерства Финансовъ.*

Одобренъ *Учебнымъ Комитетомъ при Собственной **Его Императорскаго Величества** Канцеляріи по учрежденіямъ **Императрицы Маріи** для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки средняго и старшаго возрастовъ среднихъ учебныхъ заведеній и старшаго возраста Маріинскихъ училищъ Вѣдомства учрежденій **Императрицы Маріи.***

Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 1 75

Альбомъ картинъ по географіи внѣевропейскихъ странъ. Описательный текстъ д-ра ***А. Гейстбека.*** Полн. пер. преподават. учительск Института въ Спб. *А. П. Нечаева*, съ предислов. проф. *Д. А. Коропчевскаго.* 85 стр. текста и 314 отдѣльн. рѣз. на дер. худож. рис. и картинъ.

Одобренъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ гимназій, реальныхъ училищъ, учительскихъ институтовъ и семинарій и городскихъ училищъ Вѣдомства Министерства Народнаго Псровѣщенія.*

Допущенъ *въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*

Одобренъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ для библіотекъ подвѣдомственныхъ Министерству Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ учебныхъ заведеній.*

Одобренъ *Учебнымъ Комитетомъ Министерства Финансовъ, какъ полезное пособіе при изученіи географіи въ коммерческихъ учебныхъ заведеніяхъ Вѣдомства Министерства Финансовъ.*

Одобренъ *Учебнымъ Комитетомъ при Собственной **Его Императорскаго Величества** Канцел ріи по учрежденіямъ **Императрицы Маріи** для пріобрѣтенія въ ученическія библіотеки средняго и старшаго возрастовъ среднихъ учебныхъ заведеній и старшаго возраста Маріинскихъ училищъ Вѣдомства учрежденій **Императрицы Маріи.***

Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 1 75

Альбомъ картинъ по зоологіи млекопитающихъ. Описат. текстъ проф. д-ра ***В. Маршалля.*** Пер. съ нѣм. зоол. музея Императ. Академ. Наукъ *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго*, съ предислов. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 84 стр. текста съ 258 отдѣльн. рѣз. на дер. черн. рис.

Рекомендованъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній, для ученическихъ старшаго возраста библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ.*

Допущенъ *въ безплатныя читальни.*

Одобренъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ для библіотекъ среднихъ **сельско-хозяйственныхъ** учебныхъ заведеній.*

Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ 1 75

Подробные иллюстрированные проспекты высылаются по требованію безплатно, первые выпуски для ознакомленія за 6 семикоп. марокъ. Допускается разсрочка платежа.

	Р.	К.
Альбомъ картинъ по зоологіи птицъ. Описат. текстъ проф. д-ра ***В. Маршалля.*** Пер. съ нѣм. зоол. музея Императ. Академ. Наукъ *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго*, съ предислов. проф. *Ю. Н. Вагнера.* 76 стр. текста и 238 отдѣльн. рѣз. на дер. черн. рис. на 134 табл.		
Рекомендованъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ.*		
Допущенъ *въ безплатныя читальни.*		
Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75
Альбомъ картинъ по зоологіи рыбъ. Описат. текстъ профес. д-ра ***В. Маршалля.*** Полн. пер. зоол. музея Императ. Академ. Наукъ *Г. Г. Якобсона* и *Н. Н. Зубовскаго.* 76 стр. текста и 208 отдѣльн. рѣз. на дер. худож. рис.		
Рекомендованъ *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеній Министерства, для ученическихъ, старшаго возраста, библіотекъ мужскихъ гимназій и реальныхъ училищъ, для библіотекъ учительскихъ институтовъ и семинарій и для учительскихъ библіотекъ низшихъ училищъ.*		
Допущенъ *въ безплатныя народныя читальни и библіотеки.*		
Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75
Альбомъ картинъ по зоологіи низшихъ животныхъ. Описат. текстъ проф. д-ра ***В. Маршалля.*** Пер. зоол. музея Императ. Академ. Наукъ *Г. Г. Якобсона.* Ок. 70 стр. текста и 292 отдѣльн. рѣз. на дер. худож. рис. и картинъ.		
Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75
Альбомъ картинъ по географіи растеній. Съ описат. текст. д-ра ***М. Кронфельда.*** Полный пер. прив.-доц. Спб. университета *А. Г. Генкеля.* Ок. 80 стр. текста и 216 отдѣльн. рѣз. на дер. и вытравл. на мѣди худож. рис. по фотогр. на 116 стр.		
Въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ	1	75
Школьный атласъ картинъ изъ „Жизни животныхъ" Брэма. *Отдѣлъ зоологіи.* Картины расположены на 55 таблицахъ въ систематическомъ порядкѣ.		
Большой альбомъ in folio въ папкѣ	1	75

На складѣ Товарищества находятся:

Новое Искусство (Ars Nova). ***Выдающіяся художественныя произведенія 1901 г.*** Вступит. статья *Н. И. Кравченко.* 45 геліогравюръ in folio на слоновой бумагѣ. *Цѣна* 1 экз. въ роскош. перепл. *60 руб.*

Жизнь бабочекъ, проф. ***Штандфусса.*** Пер. и дополн. подъ ред. *И. Я. Шевырева.* Съ 200 рисунковъ. *Цѣна 2 р. 50 к.*
Рекомендовано *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ тѣхъ средне-учебныхъ заведеній, гдѣ преподается естествовѣдѣніе, а равно и учительскихъ институтовъ и семинарій.*

Хрестоматія для устн. и письм. сочинен. съ приложен. 15 картинъ. Составили преподаватели ***В. Н. Куницкій*** и ***А. Л. Погодинъ.*** *Цѣна 60 коп.*

Русская лира, ***Сборникъ произведеній русской художеств. лирики.*** *Цѣна 1 р. 50 к.*
Одобрено *Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для фундаментальныхъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній.*

Стихотворенія и проза. *Ивана Рукавишникова.* ***Книга первая.*** *Второе изданіе.* Иллюстрировано. *Цѣна 2 руб.*

Стихотворенія. *Ивана Рукавишникова.* ***Книга вторая.*** Иллюстрировано. *Цѣна 1 руб. 80 коп.*

Всѣ рисунки, карты и хромолитографіи нашихъ изданій исполнены лучшими художниками и изготовлены по нашему заказу, въ Лейпцигѣ, Библіографическимъ Институтомъ и фирмой Отто Шпамеръ.

Допускается самая широкая разсрочка платежа; условія разсрочки высылаются по требованію безплатно.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 августа 1902 г. Типогр. Т-ва „Просвѣщеніе". Спб., 7 рота, соб. д. № 20.